ТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТ

БИБЛИЯ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

Альфред
ВАН ВОГТ

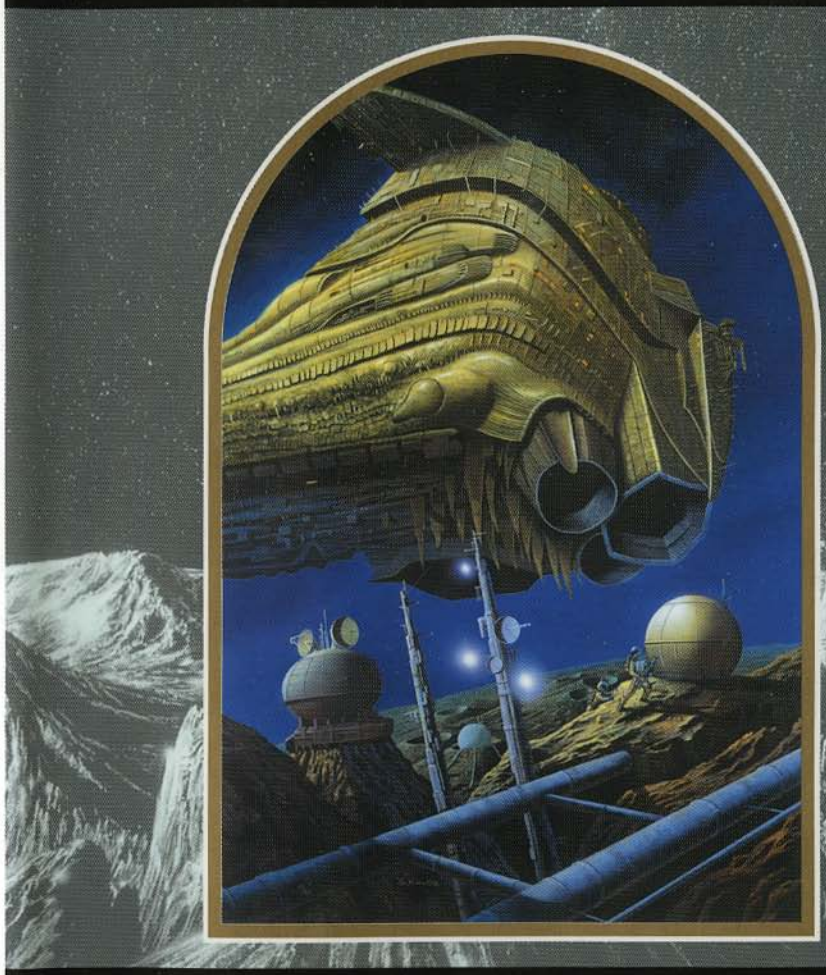

Черный разрушитель

ИНЫЕ МИРЫ,
ИНЫЕ ВОЙНЫ

Эксмо

Альфред
ВАН ВОГТ

Черный разрушитель

ТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТ

Альфред

ВАН ВОГТ

Черный разрушитель

Альфред
ВАН
ВОГТ

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

A. E. Van Vogt

Black Destroyer & other Stories

МОСКВА
ЭКСМО
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2006

Альфред

ВАН ВОГТ

Черный разрушитель

МОСКВА
ЭКСМО
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2006

УДК 82(1-87)
ББК 84(7 США)
В 17

Составитель *А. Жикаренцев*

Оформление художника *А. Саукова*

Серия основана в 2001 году

Ван Вогт А.
В 17 Черный разрушитель: Фантастические произведения / Пер. с англ. – М.: Изд-во Эксмо, СПб.: Изд-во Домино, 2006. – 880 с. — (Шедевры фантастики).

ISBN 5-699-09007-X

Альфред Ван Вогт повлиял на западную научную фантастику не менее сильно, чем Роберт Хайнлайн и Айзек Азимов. Один из многих учеников мастера, Филип Дик, писал о своем учителе так: «Многое из того, что я написал и что выглядит как результат применения наркотиков, на самом деле результат очень серьезного чтения Ван Вогта... Он показал, что люди, что бы они ни помнили о себе, могут быть на самом деле другими, и вот эту мысль я нашел совершенно замечательной». В сборник, который вы держите в руках, вошли лучшие образцы малой прозы писателя, которые вряд ли оставят равнодушными всех ценителей фантастического жанра.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7 США)

© Перевод. С. Волкова, А. Дмитриев, М. Гилинский, В. Гольдич, И. Оганесова, Б. Жужунава, А. Иорданский, А. Чапковский, Б. Клюева, К. Королев, Л. Копытина, Ф. Мендельсон, И. Найденков, И. Невструев, В. Портянникова, М. Тарасьев, 2005

ISBN 5-699-09007-X

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2005

Вместо пролога

Чудовище

На высоте четверти мили над городом повис огромный звездолет. Внизу все носило следы космического опустошения. Медленно снижаясь в энергетической гондолосфере, Инэш заметил, что здания уже разваливаются от времени.

— Никаких следов военных действий. Никаких следов...— ежеминутно повторял бесплотный механический голос.

Инэш перевел настройку.

Достигнув поверхности, он отключил поле своей гондолы и оказался на окруженном стенами заросшем участке. Несколько скелетов лежало в высокой траве перед зданием с обтекаемыми стремительными линиями. Это были скелеты длинных двуруких и двуногих созданий; череп каждого держался на верхнем конце тонкого спинного хребта. Все костяки явно принадлежали взрослым особям и казались прекрасно сохранившимися, но, когда Инэш нагнулся и тронул один из них, целый сустав рассыпался в прах. Выпрямившись, он увидел, как Йоал приземляется поблизости. Подождав, пока историк выберется из своей энергетической сферы, Инэш спросил:

— Как по-вашему, стоит попробовать наш метод оживления?

Йоал казался озабоченным.

— Я расспрашивал всех, кто уже спускался сюда в звездолете,— ответил он.— Что-то здесь не так. На этой планете не осталось живых существ, не осталось даже насекомых. Прежде чем начинать какую-либо колонизацию, мы должны выяснить, что здесь произошло.

Инэш промолчал. Подул слабый ветерок, зашелестел листвой в кронах рощицы неподалеку от них. Инэш взглянул на деревья. Йоал кивнул.

— Да, растительность не пострадала, однако растения, как правило, реагируют совсем иначе, чем активные формы жизни.

Их прервали. Из приемника прозвучал голос:

— Примерно в центре города обнаружен музей. На его крыше — красный маяк.

— Я пойду с вами, Йоал,— сказал Инэш.— Там, возможно, сохранились скелеты животных и разумных существ на различных стадиях эволюции. Кстати, вы не ответили мне. Собираетесь ли вы оживлять эти существа?

— Я представлю вопрос на обсуждение Совета,— медленно проговорил Йоал,— но, мне кажется, ответ не вызывает сомнений. Мы обязаны знать причину этой катастрофы.— Он описал неопределенный полукруг одним из своих щупалец и как бы про себя добавил: — Разумеется, действовать надо осторожно, начиная с самых ранних ступеней эволюции. Отсутствие детских скелетов указывает, что эти существа, по-видимому, достигли индивидуального бессмертия.

Совет собрался для осмотра экспонатов. Инэш знал: это пустая формальность. Решение принято: они будут оживлять. Помимо всего прочего, они были заинтригованы. Вселенная безгранична, полеты сквозь космос долги и тоскливы, поэтому, спускаясь на неведомые планеты, они всегда с волнением ожидали встречи с новыми формами жизни, которые можно увидеть своими глазами, изучить.

Музей походил на все музеи. Высокие сводчатые потолки, обширные залы. Пластмассовые фигуры странных зверей, множество предметов — их было слишком много, чтобы все осмотреть и понять за столь короткое время. Эволюция неведомой расы была представлена последовательными группами реликвий. Инэш вместе со всеми прошел по залам. Он облегченно вздохнул, когда они наконец добрались до ряда скелетов и мумий. Укрывшись за силовым экраном, наблюдал, как специалисты-биологи извлекают мумию из каменного саркофага. Тело мумии было перебинтовано полосами материи в несколько слоев, но биологи не стали разворачивать истлевшую ткань. Раздвинув пелены, они, как обычно делалось в таких случаях, взяли пинцетом только обломок черепной коробки. Для оживления годится любая часть скелета, однако лучшие результаты, наиболее совершенную реконструкцию дают некоторые участки черепа.

Главный биолог Хамар объяснил, почему они выбрали именно эту мумию:

— Для сохранения тела они применили химические вещества, которые свидетельствуют о зачаточном состоянии химии. Резьба же на саркофаге говорит о примитивной цивилизации, незнакомой с машинами. На этой стадии потенциальные возможности нервной системы вряд ли были особенно развитыми. Наши специалисты по языкам проанализировали записи говорящих машин, установленных во всех разделах музея, и, хотя языков оказалось очень много — здесь есть запись разговорной речи даже той эпохи, когда это существо было живо,— они без труда расшифровали все понятия. Сейчас универсальный переводчик настроен ими так, что переведет любой наш вопрос на язык оживленного существа. То же самое, разумеется, и с обратным переводом. Но, простите, я вижу, первое тело уже подготовлено!

Инэш вместе с остальными членами совета пристально следил за биологами: те закрепили зажимами крышку воскресителя, и процесс пластического восстановления начался. Он почувствовал, как все внутри него напряглось. Он знал, что сейчас произойдет. Знал наверняка. Пройдет несколько минут, и древний обитатель этой планеты поднимется из воскресителя и встанет перед ними лицом к лицу. Научный метод воскрешения прост и безотказен.

Жизнь возникает из тьмы бесконечно малых величин, на грани, где все начинается и все кончается, на грани жизни и не жизни, в той сумеречной области, где вибрирующая материя легко переходит из старого состояния в новое, из органической в неорганическую и обратно. Электроны не бывают живыми или неживыми, атомы ничего не знают об одушевленности или неодушевленности. Но когда последние соединяются в молекулы, на этой стадии достаточно одного шага, ничтожно малого шага к жизни, если только жизни суждено зародиться. Один шаг, а за ним темнота. Или жизнь.

Камень или живая клетка. Крупица золота или травинка. Морской песок или столь же бесчисленные крохотные живые существа, населяющие бездонные глубины рыбьего царства. Разница между ними возникает в сумеречной области зарождения материи. Там каждая живая клетка обретает присущую ей форму. Если у краба оторвать ногу, вместо нее вырастет такая же новая. Червь вытягивается и вскоре разделяется на двух червей, на две одинаковые желудочные системы, такие же прожорливые, совершенные и ничуть не поврежденные этим разделением. Каждая клетка может превратиться в целое существо. Каждая клетка «помнит» это целое в таких

мельчайших и сложных подробностях, что для их описания просто не хватит сил.

Но вот что парадоксально — нельзя считать память органической! Обыкновенный восковой валик запоминает звуки. Магнитная лента легко воспроизводит голоса, умолкшие столетия назад. Память — это филологический отпечаток, следы, оставленные на материи, изменившие строение молекул; и, если ее пробудить, молекулы воспроизведут те же образы, в том же ритме.

Квадрильоны и квинтильоны пробужденных образов-форм устремились из черепа мумии в воскреситель. Память, как всегда, не подвела.

Ресницы воскрешенного дрогнули, и он открыл глаза.

— Значит, это правда,— сказал он громко, и машина сразу же перевела его слова на язык гэнейцев.— Значит, смерть — только переход в иной мир. Но где же все мои приближенные?

Последнюю фразу он произнес растерянным, жалобным тоном.

Воскрешенный сел, потом выбрался из аппарата, крышка которого автоматически поднялась, когда он ожил. Увидев гэнейцев, он задрожал, но это длилось какой-то миг. Воскрешенный был горд и обладал своеобразным высокомерным мужеством, которое сейчас ему пригодилось. Неохотно опустился он на колени, простерся ниц, но тут сомнения одолели его.

— Вы боги Египта? — спросил он и снова встал.— Что за уроды! Я не поклоняюсь неведомым демонам.

— Убейте его! — сказал капитан Горсид.

Двуногое чудовище судорожно дернулось и растаяло в пламени лучевого ружья.

Второй воскрешенный поднялся, дрожа и бледнея от ужаса.

— Господи, чтобы я еще когда-нибудь прикоснулся к проклятому зелью! Подумать только, допился до розовых слонов...

— Это что за «зелье», о котором ты упомянул, воскрешенный? — с любопытством спросил Йоал.

— Первач, сивуха, отрава во фляжке из заднего кармана, молоко от бешеной коровки,— чем только не поят в этом притоне, о господи боже мой!

Капитан Горсид вопросительно посмотрел на Йоала.

— Стоит ли продолжать?

Йоал, помедлив, ответил:

— Подождите, это любопытно.

Потом снова обратился к воскрешенному:

— Как бы ты реагировал, если бы я тебе сказал, что мы прилетели с другой звезды?

Человек уставился на него. Он был явно заинтересован, но страх оказался сильнее.

— Послушайте,— сказал он.— Я ехал по своим делам. Положим, я опрокинул пару лишних рюмок, но во всем виновата эта пакость, которой сейчас торгуют. Клянусь, я не видел другой машины, и, если это новый способ наказывать тех, кто пьет за рулем, я сдаюсь. Ваша взяла. Клянусь, до конца своих дней больше не выпью ни капли, только отпустите меня.

— Он водит «машину», но он о ней совершенно не думает,— проговорил Йоал.— Никаких таких «машин» мы не видели. Они не позаботились сохранить их в своем музее.

Инэш заметил, что все ждут, когда кто-нибудь еще задаст вопрос. Почувствовав, что, если он сам не заговорит, круг молчания замкнется, Инэш сказал:

— Попросите его описать «машину». Как она действует?

— Вот это другое дело! — обрадовался человек.— Скажите, куда вы клоните, и я отвечу на любой вопрос. Я могу накачаться так, что в глазах задвоится, но все равно машину поведу. Как она действует? Просто. Включаешь стартер и ногой даешь газ...

— Газ,— вмешался техник-лейтенант Виид.— Мотор внутреннего сгорания. Все ясно.

Капитан Горсид подал знак стражу с лучевым ружьем.

Третий человек сел и некоторое время внимательно смотрел на них.

— Со звезд? — наконец спросил он.— У вас есть система или вы попали к нам по чистой случайности?

Гэнейские советники, собравшиеся под куполом зала, неловко заерзали в своих гнутых креслах. Инэш встретился глазами с Йоалом. Историк был потрясен, и это встревожило метеоролога. Он подумал: «Двуногое чудовище обладает ненормально быстрой приспособляемостью к новым условиям и слишком острым чувством действительности. Ни один гэнеец не может сравниться с ним по быстроте реакций».

— Быстрота мысли не всегда является признаком превосходства,— проговорил главный биолог Хамар.— Существа с

медленным, обстоятельным мышлением занимают в ряду мыслящих особей почетные места.

«Дело не в скорости,— невольно подумал Инэш,— а в правильности и точности мысли». Он попробовал представить себя на месте воскрешенного. Сумел бы он вот так же сразу понять, что вокруг него чужие существа с далеких звезд? Вряд ли.

Все это мгновенно вылетело у него из головы, когда человек встал. Инэш и остальные советники не спускали с него глаз. Человек быстро подошел к окну, выглянул наружу. Один короткий взгляд, и он повернулся к ним.

— Везде то же самое?

Снова гэнейцев поразила быстрота, с которой он все понял.

Наконец Йоал решился ответить:

— Да. Опустошение. Смерть. Развалины. Вы знаете, что здесь произошло?

Человек подошел и остановился перед силовым экраном, за которым сидели гэнейцы.

— Могу я осмотреть музей? Я должен прикинуть, в какой я эпохе. Когда я был жив, мы обладали некоторыми средствами разрушения. Какое из них было применено — зависит от количества истекшего времени.

Советники смотрели на капитана Горсида. Тот замялся, потом приказал стражу с лучевым ружьем:

— Следи за ним!

Потом взглянул человеку в глаза.

— Нам ясны ваши намерения. Вам хочется воспользоваться положением и обеспечить свою безопасность. Хочу вас предупредить: ни одного лишнего движения, и тогда все кончится для вас хорошо.

Неизвестно, поверил человек в эту ложь или нет. Ни единым взглядом, ни единым жестом не показал он, что заметил оплавленный пол там, где лучевое ружье сожгло и обратило в ничто двух его предшественников. С любопытством приблизился он к ближайшей двери, внимательно взглянул на следившего за ним второго стража и быстро направился дальше. Следом прошел страж, за ним двинулся силовой экран и наконец все советники один за другим.

Инэш переступил порог третьим. В этом зале были выставлены модели животных. Следующий представлял эпоху, которую Инэш для простоты назвал про себя «цивилизованной». Здесь хранилось множество аппаратов одного периода.

Все они говорили о довольно высоком уровне развития. Когда гэнейцы проходили тут в первый раз, Инэш подумал: «Атомная энергия». Это же поняли и другие. Капитан Горсид из-за его спины обратился к человеку:

— Ничего не трогать. Один ложный шаг — и страж сожжет вас.

Человек спокойно остановился посреди зала. Несмотря на чувство тревожного любопытства, Инэш залюбовался его самообладанием. Он должен был понимать, какая судьба его ожидает, и все-таки он стоит перед ними, о чем-то глубоко задумавшись. Наконец человек уверенно заговорил:

— Дальше идти незачем. Может быть, вам удастся определить точней, какой промежуток времени лежит между днем моего рождения и вот этими машинами. Вот аппарат, который, если судить по таблице, считает взрывающиеся атомы. Когда их число достигает предела, автоматически выделяется определенное количество энергии. Периоды рассчитаны так, чтобы предотвратить цепную реакцию. В мое время существовали тысячи грубых приспособлений для замедления атомной реакции, но для того, чтобы создать такой аппарат, понадобилось две тысячи лет с начала атомной эры. Вы можете сделать сравнительный расчет?

Советники выжидательно смотрели на Виида. Инженер был в растерянности. Наконец он решился и заговорил:

— Девять тысяч лет назад мы знали множество способов предотвращать атомные взрывы. Но,— прибавил он уже медленнее,— я никогда не слышал о приборе, который отсчитывает для этого атомы.

— И все же они погибли,— пробормотал чуть слышно астроном Шюри.

Воцарилось молчание. Его прервал капитан Горсид:

— Убей чудовище! — приказал он ближайшему стражу.

В то же мгновение объятый пламенем страж рухнул на пол. И не страж, а стражи! Все одновременно были сметены и поглощены голубым вихрем. Пламя лизнуло силовой экран, отпрянуло, рванулось еще яростней и снова отпрянуло, разгораясь все ярче. Сквозь огненную завесу Инэш увидел, как человек отступил к дальней двери. Аппарат, считающий атомы, светился от напряжения, окутанный синими молниями.

— Закрыть все выходы! — пролаял в микрофон капитан Горсид.— Поставить охрану с лучевыми ружьями! Подвести боевые ракеты ближе и расстрелять чудовище из тяжелых орудий!

Кто-то сказал:

— Мысленный контроль. Какая-то система управления мыслью на расстоянии. Зачем только мы в это впутались!

Они отступали. Синее пламя полыхало до потолка, пытаясь пробиться сквозь силовой экран. Инэш последний раз взглянул на аппарат. Должно быть, он все еще продолжал отсчитывать атомы, потому что вокруг него клубились адские синие вихри.

Вместе с остальными советниками Инэш добрался до зала, где стоял воскреситель. Здесь их укрыл второй силовой экран. С облегчением спрятались они в индивидуальные гондолы, вылетели наружу и поспешно поднялись в звездолет. Когда огромный корабль взмыл ввысь, от него отделилась атомная бомба. Огненная бездна разверзлась внизу над музеем и над всем городом.

— А ведь мы так и не узнали, отчего погибла раса этих существ,— прошептал Йоал на ухо Инэшу, когда раскаты взрыва замерли в отдалении.

Бледно-желтое солнце поднялось над горизонтом на третье утро после взрыва бомбы. Пошел восьмой день их пребывания на этой планете. Инэш вместе с остальными спустился в новый город. Он решил воспротивиться любой попытке производить воскрешения.

— Как метеоролог,— сказал он,— я объявляю, что эта планета вполне безопасна и пригодна для гэнейской колонизации. Не вижу никакой необходимости еще раз подвергаться риску. Эти существа проникли в тайны своей нервной системы, и мы не можем допустить...

Его прервали. Биолог Хамар насмешливо сказал:

— Если они знали так много, почему же не переселились на другую звездную систему и не спаслись?

— Полагаю,— ответил Инэш,— они не открыли наш метод определения звезд с планетами.

Он обвел хмурым взглядом круг друзей.

— Мы все знаем, что это было уникальное, случайное открытие. Дело тут не в мудрости — нам просто повезло.

По выражению лиц он понял: они мысленно отвергают его довод. Инэш чувствовал свое бессилие предотвратить неизбежную катастрофу. Он представил себе, как эта великая раса встретила смерть. Должно быть, смерть наступила быстро, но не столь быстро, чтобы они не успели понять. Слишком много скелетов лежало на открытых местах, в садах великолепных домов. Казалось, мужья вышли с женами наружу, чтобы встретить гибель своего народа под открытым небом. Инэш пытался описать советникам их последний день много-много лет назад, когда эти существа спокойно глядели в лицо смерти. Однако вызванные им зрительные образы не достигли сознания его соплеменников. Советники нетерпеливо задвигались в креслах за несколькими рядами защитных силовых экранов, а капитан Горсид спросил:

— Объясните, Инэш, что именно вызвало у вас такую эмоциональную реакцию?

Вопрос заставил Инэша умолкнуть. Он не думал, что это была эмоция. Он не отдавал себе отчета в природе наваждения — так незаметно оно овладевало им. И только теперь он вдруг понял.

— Что именно? — медленно проговорил он.— Знаю. Это был третий воскрешенный. Я видел его сквозь завесу энергетического пламени. Он стоял там, у дальней двери, и смотрел на нас, пока мы не обратились в бегство. Смотрел с любопытством. Его мужество, спокойствие, ловкость, с которой он нас одурачил,— в этом все дело...

— И все это привело его к гибели,— сказал Хамар.

Все захохотали.

— Послушайте, Инэш! — добродушно обратился к нему Мэйард, помощник капитана.— Не станете же вы утверждать, что эти существа храбрее нас с вами или что даже теперь, приняв все меры предосторожности, мы все должны опасаться одного воскрешенного нами чудовища?

Инэш промолчал. Он чувствовал себя глупо. Его совершенно убило открытие, что у него могут быть эмоции. К тому же не хотелось выглядеть упрямцем. Тем не менее он сделал последнюю попытку.

— Я хочу сказать только одно,— сердито пробурчал он.— Стремление выяснить, что случилось с погибшей расой, кажется мне не таким уж обязательным.

Капитан Горсид подал знак биологу.

— Приступайте к оживлению! — приказал он.

И, обращаясь к Инэшу, проговорил:

— Разве мы можем вот так, не закончив всего, вернуться на Гэйну и посоветовать массовое переселение? Представьте себе, что мы чего-то не выяснили здесь до конца. Нет, мой друг, это невозможно.

Довод был старый, но сейчас Инэш почему-то с ним сразу согласился. Он хотел что-то добавить, но забыл обо всем, ибо четвертый человек поднялся в воскресителе.

Он сел и исчез.

Наступила мертвая тишина, полная ужаса и изумления. Капитан Горсид хрипло проговорил:

— Он не мог отсюда уйти. Мы это знаем. Он где-то здесь.

Гэнейцы, привстав с кресел, всматривались в пустоту под энергетическим колпаком. Стражи стояли, безвольно опустив щупальца с лучевыми ружьями. Боковым зрением Инэш увидел, как один из техников, обслуживавших защитные экраны, что-то шепнул Вииду, который сразу последовал за ним. Вернулся он, заметно помрачнев.

— Мне сказали,— проговорил Виид,— что, когда воскрешенный исчез, стрелки приборов прыгнули на десять делений. Это уровень внутриядерных процессов.

— Во имя первого гэнейца! — прошептал Шюри.— Это то, чего мы всегда боялись.

— Уничтожить все локаторы на звездолете! — кричал капитан Горсид в микрофон.— Уничтожить все, вы слышите?

Он повернулся, сверкая глазами, к астроному.

— Шюри, они, кажется, меня не поняли. Прикажите своим подчиненным действовать! Все локаторы и воскресители должны быть немедленно уничтожены.

— Скорее, скорее! — жалобно подтвердил Шюри.

Когда это было сделано, они перевели дух. На лицах появились угрюмые усмешки. Все чувствовали мрачное удовлетворение. Помощник капитана Мэйард проговорил:

— Во всяком случае, теперь он не найдет нашу Гэйну. Великая система определения звезд с планетами останется нашей тайной. Мы можем не опасаться возмездия...

Он остановился и уже медленно закончил:

— О чем это я говорю?.. Мы ничего не сделали. Разве мы виноваты в том, что случилось с жителями этой планеты?

Но Инэш знал, о чем он подумал. Чувство вины всегда возникало у них в подобные моменты. Призраки всех истребленных гэнейцами рас; беспощадная воля, которая вдохновляла их, когда они впервые приземлялись; решимость уничтожить здесь все, что им помешает; темные бездны безмолвного ужаса и ненависти, разверзающиеся за ними повсюду; дни Страшного суда, когда они безжалостно облучали ничего не подозревавших обитателей мирных планет смертоносной радиацией,— вот что скрывалось за словами Мэйарда.

— Я все же не верю, что он мог сбежать,— заговорил капитан Горсид.— Он здесь, в здании, он ждет, когда мы снимем защитные экраны, и тогда он сумеет уйти. Пусть ждет. Мы этого не сделаем.

Снова воцарилось молчание. Они выжидательно смотрели на пустой купол энергетической защиты. Только сверкающий воскреситель стоял там на своих металлических подставках. Кроме этого аппарата, там не было ничего — ни одного постороннего блика, ни одной тени. Желтые солнечные лучи проникали всюду, освещая площадку с такой яркостью, что укрыться на ней было просто немыслимо.

— Стража! — приказал капитан Горсид.— Уничтожьте воскреситель. Я думаю, он вернется, чтобы его осмотреть, поэтому не следует рисковать.

Аппарат исчез в волнах белого пламени. Вместе с ним исчезла и последняя надежда Инэша, который все еще верил, что смертоносная энергия заставит двуногое чудовище появиться. Надеяться больше было не на что.

— Но куда он мог деться? — спросил Йоал.

Инэш повернулся к историку, собираясь обсудить с ним этот вопрос. Уже заканчивая полуоборот, он увидел — чудовище стоит чуть поодаль под деревом и внимательно их разглядывает. Должно быть, оно появилось именно в этот миг, потому что все советники одновременно открыли рты и отпрянули. Один из техников, проявляя величайшую находчивость, мгновенно установил между гэнейцами и чудовищем силовой экран. Существо медленно приблизилось. Оно было хрупким и несло голову, слегка откинув назад. Глаза его сияли, будто освещенные внутренним огнем.

Подойдя к экрану, человек вытянул руку и коснулся его пальцами. Экран ослепительно вспыхнул, потом затуманился переливами красок. Волна красок перешла на человека: цвета стали ярче и в мгновение разлились по всему его телу, с головы до ног. Радужный туман рассеялся. Очертания стали незримы. Еще миг — и человек прошел сквозь экран.

Он засмеялся — звук был странно мягким — и сразу посерьезнел.

— Когда я пробудился, ситуация меня позабавила,— сказал он.— Я подумал: «Что мне теперь с вами делать?»

Для Инэша его слова прозвучали в утреннем воздухе мертвой планеты приговором судьбы. Молчание нарушил голос, настолько сдавленный и неестественный, что Инэшу понадобилось время, чтобы узнать голос капитана Горсида.

— *Убейте его!*

Когда взрывы пламени опали обессиленные, неуязвимое существо по-прежнему стояло перед ними. Оно медленно

двинулось вперед и остановилось шагах в шести от ближайшего гэнейца. Инэш оказался позади всех. Человек неторопливо заговорил:

— Напрашиваются два решения: одно — основанное на благодарности за мое воскрешение, второе — на действительном положении вещей. Я знаю, кто вы и что вам нужно. Да, я вас знаю — в этом ваше несчастье. Тут трудно быть милосердным. Но попробую. Предположим,— продолжал он,— вы откроете тайну локатора. Теперь, поскольку система существует, мы больше никогда не попадемся так глупо, как в тот раз.

Инэш весь напрягся. Его мозг работал так лихорадочно, пытаясь охватить возможные последствия катастрофы, что казалось, в нем не осталось места ни для чего другого. И тем не менее какая-то часть сознания была отвлечена.

— Что же произошло? — спросил он.

Человек потемнел. Воспоминания о том далеком дне сделали его голос хриплым.

— Атомная буря,— проговорил он.— Она пришла из иного звездного мира, захватив весь этот край нашей Галактики. Атомный циклон достигал в диаметре около девяноста световых лет, гораздо больше того, что нам было доступно. Спасения не было. Мы не нуждались до этого в звездолетах и ничего не успели построить. К тому же Кастор, единственная известная нам звезда с планетами, тоже был задет бурей.

Он умолк. Затем вернулся к прерванной мысли.

— Итак, секрет локатора... В чем он?

Советники вокруг Инэша вздохнули с облегчением. Теперь они не боялись, что их раса будет уничтожена. Инэш с гордостью отметил, что, когда самое страшное осталось позади, никто из гэнейцев даже не подумал о себе.

— Значит, вы не знаете тайны? — вкрадчиво проговорил Йоал.— Вы достигли очень высокого развития, однако завоевать Галактику сможем только мы.

С заговорщицкой улыбкой он обвел глазами всех остальных и добавил:

— Господа, мы можем по праву гордиться великими открытиями гэнейцев. Предлагаю вернуться на звездолет. На этой планете нам больше нечего делать.

Еще какой-то момент, пока они не скрылись в своих сферических гондолах, Инэш с тревогой думал, что двуногое

существо попытается их задержать. Но, оглянувшись, увидел, что человек повернулся к ним спиной и неторопливо идет вдоль улицы.

Этот образ остался в памяти Инэша, когда звездолет начал набирать высоту. И еще одно он запомнил: атомные бомбы, сброшенные на город одна за другой, не взорвались.

— Так просто мы не откажемся от этой планеты,— сказал капитан Горсид.— Я предлагаю еще раз переговорить с чудовищем.

Они решили снова спуститься в город — Инэш, Йоал, Виид и командир корабля. Голос капитана Горсида прозвучал в их приемниках:

— Мне кажется...— Взгляд Инэша улавливал сквозь утренний туман блеск прозрачных гондол, которые опускались вокруг него.— Мне кажется, мы принимаем это создание совсем не за то, что оно собой представляет в действительности. Вспомните, например: оно пробудилось и сразу исчезло. А почему? Потому что испугалось. Ну конечно же! Оно не было хозяином положения. Оно само не считает себя всесильным.

Это звучало убедительно. Инэшу доводы капитана пришлись по душе. И ему вдруг показалось непонятным, чего это он так легко поддался панике! Теперь опасность предстала перед ним в ином свете. На всей планете всего один человек. Если они действительно решатся, можно будет начать переселение колонистов, словно его вообще нет. Он вспомнил, так уже делалось в прошлом неоднократно. На многих планетах небольшие группки исконных обитателей избежали действия смертоносной радиации и укрылись в отдаленных областях. Почти всюду колонисты постепенно выловили их и уничтожили. Однако в двух случаях, насколько он помнит, туземцы еще удерживали за собой небольшие части своих планет. В обоих случаях было решено не истреблять их радиацией — это могло повредить самим гэнейцам. Там колонисты примирились с уцелевшими автохтонами. А тут и подавно — всего один обитатель, он не займет много места!

Когда они его отыскали, человек деловито подметал нижний этаж небольшого особняка. Он отложил веник и вышел к ним на террасу. На нем были теперь сандалии и свободная развевающаяся туника из какой-то ослепительно сверкающей материи. Он лениво посмотрел на них и не сказал ни слова.

Переговоры начал капитан Горсид. Инэш только диву дивался, слушая, что тот говорит механическому переводчику.

Командир звездолета был предельно откровенен: так решили заранее. Он подчеркнул, что гэнейцы не собираются оживлять других мертвецов этой планеты. Подобный альтруизм был бы противоестествен, ибо все возрастающие орды гэнейцев постоянно нуждаются в новых мирах. И каждое новое значительное увеличение населения выдвигало одну и ту же проблему, которую можно разрешить только одним путем. Но в данном случае колонисты добровольно обязуются не посягать на права единственного уцелевшего обитателя планеты.

В этом месте человек прервал капитана Горсида:

— Какова же была цель такой бесконечной экспансии?

Казалось, он был искренне заинтересован.

— Предположим, вы заселите все планеты нашей Галактики. А что дальше?

Капитан Горсид обменялся недоуменным взглядом с Йоалом, затем с Инэшем и Виидом. Инэш отрицательно покачал туловищем из стороны в сторону. Он почувствовал жалость к этому созданию. Человек не понимал и, наверно, никогда не поймет. Старая история! Две расы, жизнеспособная и угасающая, держались противоположных точек зрения: одна стремилась к звездам, а другая склонялась перед неотвратимостью судьбы.

— Почему бы вам не установить контроль над своими инкубаторами? — настаивал человек.

— И вызвать падение правительства? — сыронизировал Йоал.

Он проговорил это снисходительно, и Инэш увидел, как все остальные тоже улыбаются наивности человека. Он почувствовал, как интеллектуальная пропасть между ними становится все шире. Это существо не понимало природы жизненных сил, управляющих миром.

— Хорошо,— снова заговорил человек.— Если вы не способны ограничить свое размножение, это сделаем за вас мы.

Наступило молчание.

Гэнейцы начали окостеневать от ярости. Инэш чувствовал это сам и видел те же признаки у других. Его взгляд переходил с лица на лицо и возвращался к двуногому созданию, по-прежнему стоявшему в дверях. Уже не в первый раз Инэш подумал, что их противник выглядит совершенно беззащитным.

«Сейчас,— подумал он,— я могу обхватить его щупальцами и раздавить!»

Умственный контроль над внутриядерными процессами и гравитационными полями, сочетается ли он со способностью отражать чисто механическое, макрокосмическое нападение? Инэш думал, что сочетается. Сила, проявление которой они видели два часа назад, конечно, должна была иметь какие-то пределы. Но они этих пределов не знали. И тем не менее все это теперь не имело значения. Сильнее они или слабее — неважно. Роковые слова были произнесены: «Если вы не способны ограничить, это сделаем за вас мы!»

Эти слова еще звучали в ушах Инэша, и по мере того, как их смысл все глубже проникал в его сознание, он чувствовал себя все менее изолированным и отчужденным. До сих пор он считал себя только зрителем. Даже протестуя против дальнейших воскрешений, Инэш действовал как незаинтересованное лицо, наблюдающее за драмой со стороны, но не участвующее в ней.

Только сейчас он с предельной ясностью понял, почему он всегда уступал и в конечном счете соглашался с другими. Возвращаясь в прошлое, к самым отдаленным дням, теперь он видел, что никогда по-настоящему не считал себя участником захвата новых планет и уничтожения чуждых рас. Он просто присутствовал при сем, размышлял, рассуждал о жизни, не имевшей для него значения.

Теперь это понятие конкретизировалось. Он больше не мог, не хотел противиться могучей волне страстей, которые его захлестнули. Сейчас он мыслил и чувствовал заодно с необъятной массой гэнейцев. Все силы и все желания расы бушевали в его крови.

— Слушай, двуногий! — прорычал он.— Если ты надеешься оживить свое мертвое племя — оставь эту надежду!

Человек посмотрел на него, но промолчал.

— Если бы ты мог нас всех уничтожить,— продолжал Инэш,— то давно уничтожил бы. Но все дело в том, что у тебя не хватит сил. Наш корабль построен так, что на нем невозможна никакая цепная реакция. Любой частице потенциально активной материи противостоит античастица, не допускающая образования критических масс. Ты можешь произвести взрывы в наших двигателях, но эти взрывы останутся тоже изолированными, а их энергия будет обращена на то, для чего двигатели предназначены,— превратится в движение.

Инэш почувствовал прикосновение Йоала.

— Поостерегись! — шепнул историк.— В запальчивости ты можешь выболтать один из наших секретов.

Инэш стряхнул его щупальце и сердито огрызнулся:

— Хватит наивничать! Этому чудовищу достаточно было взглянуть на наши тела, чтобы разгадать почти все тайны нашей расы. Нужно быть дураком, чтобы воображать, будто оно еще не взвесило свои и наши возможности в данной ситуации.

— Инэш! — рявкнул капитан Горсид.

Услышав металлические нотки в его голосе, Инэш отступил и ответил:

— Слушаюсь.

Его ярость остыла так же быстро, как вспыхнула.

— Мне кажется,— продолжал капитан Горсид,— я догадываюсь, что вы намеревались сказать. Я целиком с вами согласен, но в качестве высшего представителя властей Гэйны считаю своим долгом предъявить ультиматум.

Он повернулся. Его рогатое тело нависло над человеком.

— Ты осмелился произнести слова, которым нет прощения. Ты сказал, что вы попытаетесь ограничить движение великого духа Гэйны.

— Не духа,— прервал его человек. Он тихонько рассмеялся.— Вовсе не духа!

Капитан Горсид пренебрег его словами.

— Поэтому,— продолжал он,— у нас нет выбора. Мы полагаем, что со временем, собрав необходимые материалы и изготовив соответствующие инструменты, ты сумеешь построить воскреситель. По нашим расчетам, на это понадобится самое меньшее два года, даже *если ты знаешь все*. Это необычайно сложный аппарат, и собрать его единственному представителю расы, которая отказалась от машин за тысячелетие до того, как была уничтожена, будет очень и очень непросто. Ты не успеешь построить звездолет. И мы не дадим тебе времени собрать воскреситель. Возможно, ты сумеешь предотвратить взрывы на каком-то расстоянии вокруг себя. Тогда мы полетим к другим материкам. Если ты помешаешь и там, значит, нам понадобится помощь. Через шесть месяцев полета с наивысшим ускорением мы достигнем точки, откуда ближайшие колонизированные гэнейцами планеты услышат наш призыв. Они пошлют огромный флот: ему не смогут противостоять все твои силы. Сбрасывая по сотне или по тысяче бомб в минуту, мы уничтожим все города, так что от скелетов твоего народа не останется даже праха. Таков наш план. И так оно и будет. А теперь делай с нами что хочешь — мы в твоей власти.

Человек покачал головой.

— Пока я ничего не стану делать,— сказал он и подчеркнул: — Пока ничего.

Помолчав, добавил задумчиво:

— Вы рассуждаете логично. Очень. Разумеется, я не всемогущ, но, мне кажется, вы забыли одну маленькую деталь. Какую, не скажу. А теперь прощайте. Возвращайтесь на свой корабль и летите, куда хотите. У меня еще много дел.

Инэш стоял неподвижно, чувствуя, как ярость снова разгорается в нем. Потом, зашипев, он прыгнул, растопырив щупальца. Они уже почти касались нежного тела, как вдруг что-то отшвырнуло его...

Очнулся Инэш на звездолете.

Он не помнил, как очутился в нем, он не был ранен, не испытывал никакого потрясения. Он беспокоился только о капитане Горсиде, Виде, Йоале, но все трое стояли рядом с ним, такие же изумленные. Инэш лежал неподвижно и думал о том, что сказал человек: «Вы забыли одну маленькую деталь...» Забыли? Значит, они ее знали! Что же это такое? Он все еще раздумывал над этим, когда Йоал сказал:

— Глупо надеяться, что наши бомбы хоть что-нибудь сделают!

Он оказался прав.

Когда звездолет удалился от Земли на сорок световых лет, Инэша вызвали в зал совета. Вместо приветствия Йоал уныло сказал:

— Чудовище на корабле.

Его слова как громом поразили Инэша, но вместе с их раскатами на него снизошло внезапное озарение.

— Так вот мы о чем забыли! — удивленно и громко проговорил он наконец.— Мы забыли, что он при желании может передвигаться в космическом пространстве в пределах...— как это он сказал? — в пределах девяноста световых лет.

Инэш понял. Гэнейцы, которым приходилось пользоваться звездолетами, разумеется, не вспомнили о такой возможности. И удивляться тут было нечему. Постепенно действительность начала утрачивать для него значение. Теперь,

когда все свершилось, он снова почувствовал себя измученным и старым, он снова был отчаянно одинок.

Для того чтобы ввести его в курс дела, понадобилось всего несколько минут. Один из физиков-ассистентов по дороге в кладовую заметил человека в нижнем коридоре. Странно только, что никто из многочисленной команды звездолета не обнаружил чудовища раньше.

«Но мы ведь, в конце концов, не собираемся спускаться или приближаться к нашим планетам,— подумал Инэш.— Таким образом, он сможет нами воспользоваться, только если мы включим видео?..»

Инэш остановился. Ну конечно, в этом все дело! Им придется включить направленный видеолуч, и, едва контакт будет установлен, человек сможет определить нужное направление.

Решение Инэш прочел в глазах своих соплеменников — единственное возможное в данных условиях решение. И все же ему казалось, что они что-то упустили, что-то очень важное. Он медленно подошел к большому видеоэкрану, установленному в конце зала. Картина, изображенная на нем, была так ярка, так величественна и прекрасна, что непривычный разум содрогался перед ней, как от вспышки молнии. Даже Инэша, хотя он видел это неоднократно, охватывало оцепенение перед немыслимой, невообразимой бездной космоса. Это было изображение части Млечного Пути. Четыреста миллионов звезд сияли, словно в окуляре гигантского телескопа, способного улавливать даже мерцание красных карликов, удаленных на расстояние в тридцать тысяч световых лет. Видеоэкран был диаметром в двадцать пять ярдов — таких телескопов просто не существовало нигде, и к тому же в других галактиках не было стольких звезд.

И лишь одна из каждых двухсот тысяч сияющих звезд имела пригодные для заселения планеты.

Именно этот факт колоссального значения заставил их принять роковое решение. Инэш устало обвел всех глазами. Когда он заговорил, голос его был спокоен:

— Чудовище рассчитало прекрасно. Если мы полетим дальше, оно полетит вместе с нами, овладеет воскресителем и вернется доступным ему способом на свою планету. Если мы воспользуемся направленным лучом, оно устремится вдоль луча, захватит воскреситель и тоже вернется к себе раньше нас. В любом случае, прежде чем наши корабли долетят до

планеты, двуногий успеет оживить достаточное количество своих соплеменников, и тогда мы будем бессильны.

Он содрогнулся всем телом. Рассуждал он правильно, и все же ему казалось, что где-то в его мыслях есть пробел. Инэш медленно продолжал:

— Сейчас у нас только одно преимущество. Какое бы решение мы ни приняли, без машины-переводчика он его не узнает. Мы можем выработать план, который останется для него тайной. Он знает, что ни мы, ни он не можем взорвать корабль. Нам остается единственный выход. Единственный.

Капитан Горсид прервал наступившую тишину:

— Итак, я вижу, вы знаете все. Мы включим двигатели, взорвем приборы управления и погибнем вместе с чудовищем.

Они обменялись взглядами, и в глазах у всех была гордость за свою расу. Инэш по очереди коснулся щупальцами каждого.

Час спустя, когда температура в звездолете ощутимо поднялась, Инэшу пришла в голову мысль, которая заставила его устремиться к микрофону и вызвать астронома Шюри.

— Шюри! — крикнул он.— Вспомни, Шюри, когда чудовище пробудилось и исчезло... Ты помнишь? Капитан Горсид не мог сразу заставить твоих помощников уничтожить локаторы. Мы так и не спросили их, почему они медлили. Спроси их! Спроси сейчас!..

Последовало молчание, потом голос Шюри слабо донесся сквозь грохот помех:

— Они... не могли... проникнуть... отсек... Дверь... была заперта.

Инэш мешком осел на пол. Вот оно! Значит, они упустили не только одну деталь! Человек очнулся, все понял, стал невидимым и сразу устремился на звездолет. Он открыл тайну локатора и тайну воскресителя, если только не осмотрел его в первую очередь. Когда он появился снова, он уже взял от них все, что хотел. А все остальное понадобилось чудовищу только для того, чтобы толкнуть их на этот акт отчаяния, на самоубийство.

Сейчас, через несколько мгновений он покинет корабль в твердой уверенности, что вскоре ни одно чужое существо не будет знать о его планете, и в такой же твердой уверен-

ности, что его раса возродится, будет жить снова и отныне уже никогда не погибнет.

Потрясенный, Инэш зашатался, цепляясь за рычащий приемник, и начал выкрикивать в микрофон последнее, что он понял. Ответа не было. Все заглушал рев невероятной, уже неуправляемой энергии. Жар начал размягчать его бронированный панцирь, когда Инэш, запинаясь, попробовал дотащиться до силового регулятора. Навстречу ему рванулось багровое пламя. Визжа и всхлипывая, он бросился обратно к передатчику.

Несколько минут спустя он все еще что-то пищал в микрофон, когда могучий звездолет нырнул в чудовищное горнило бело-синего солнца.

Часть 1

Защита от будущего

Защита

Внутри мертвой планеты шевельнулся старый усталый механизм. Замигали бледные электронные лампы, медленно заскрипел переключатель, меняя состояние с нейтрального на положительное.

Послышались шипение и треск плавящегося металла, когда медный предохранитель сдался наконец под напором могучей энергии. Металл напрягся, как мышца человека, под мощным электроимпульсом, потом предохранитель расплавился и с глухим стуком упал на пол.

Однако перед этим ему удалось повернуть колесо.

Древняя тишина помещения была нарушена. Колесо лениво вращалось на тонкой пленке масла, которое — хорошо защищенное — сохранилось за миллион лет. Три раза повернулось колесо, а потом его основание развалилось на куски. Бесформенная масса, в которую оно превратилось, ударилась в стену, рассыпавшись в пыль, не годную уже ни на что.

Однако колесо все же повернуло вал, открывший микроскопическое отверстие в днище уранового реактора. В канале под отверстием серебром блеснул уран.

В космическом напряжении два куска металла находились друг перед другом. Потом шевельнулись. Энергия, протекавшая между ними, мгновенно вызвала стремительную реакцию. То, что было твердым металлом, перешло в жидкое состояние, и верхний стек к нижнему.

Пылающая масса попала по каналу в специальную камеру, а там, образовав лужу, закипела, забулькала. Когда разогрелись холодные изолированные стенки, пошел ток. Импульсы его побежали по пещерам мертвого мира.

Во всех камерах объединенной системы подземных фортов послышались голоса. Мегафоны хриплыми голосами

передавали сообщения на таком забытом языке, что даже эхо искажало их смысл. В тысячах помещений тишину нарушали голоса из невероятно далекого прошлого, ждали ответа и, не дождавшись его, равнодушно принимали молчание за одобрение.

И вот в тысячах помещений переключатели замкнули цепи, повернулись колеса и уран потек в специальные камеры. Последовала пауза, во время которой общий процесс близился к концу. Электронные устройства задавали себе вопросы без ответов.

Указатель определил цель.

— Там? — требовательно спросила электронная лампа.— Оттуда?

Указатель не шевельнулся.

Выждав положенное время, лампа включила передатчик.

— Там,— сказала она тысячам ждущих электронных устройств.— Приближающийся объект, несомненно, прибывает оттуда.

Миллионы рецепторов хранили спокойствие.

— Готово? — спросили они.

В помещениях механизмов за камерами с кипящим ураном контрольные огни лаконично подтвердили готовность.

Ответом была короткая команда:

— Огонь!

В пятистах километрах над поверхностью бледный и напряженный Петерс повернулся к Грейсону.

— Что это было, черт побери? — спросил он.

— А что такое? Я смотрел в другую сторону.

— Я бы поклялся, что видел там вспышки, их было трудно сосчитать. А потом мне показалось, будто что-то пролетело мимо нас.

Грейсон сочувственно покачал головой.

— И ты не избежал этого, дружище. Не можешь вынести напряжения первой посадки на Луну. Расслабься, парень, мы уже почти на месте.

— Но я готов поклясться...

— Ерунда!

В трехстах восьмидесяти тысячах километров за ними Земля содрогнулась, когда тысяча суператомных бомб взорвалась одновременно, взметнув вверх грибообразные облака.

Мгла мгновенно заволокла всю стратосферу, скрыв от звезд подробности катастрофы.

Дорогой друг

Планета Аурига-2

Дорогой друг!

Ваше письмо, которое попало ко мне по линии Клуба межпланетной переписки, вначале оставило меня равнодушным. Семьдесят планетарных периодов — кажется, вы называете их годами — тюрьмы отучат радоваться жизни кого угодно. Однако, изнемогая от скуки, я все же убедил себя взяться за перо и написать ответ.

Судя по Вашему описанию, Земля поистине великолепна. Мне хотелось бы побывать на ней, и, может быть... но не будем торопить события.

Вас, должно быть, заинтересует материал, который пошел на письмо. Это высокочувствительный металл, чрезвычайно тонкий и гибкий. Я высылаю Вам несколько таких листов. Писать лучше всего вольфрамовым стержнем, обмакнув его предварительно в какую-нибудь сильную кислоту. Для бумаги же, которая, как видно, у вас в ходу, мои пальцы в буквальном смысле слова слишком горячи.

Вот, пожалуй, и все. Может статься, Вы не пожелаете переписываться с осужденным преступником — решение за Вами. Благодарю Вас за письмо. Не стремясь к тому, Вы немного скрасили мое однообразное существование.

Скандер

Аурига-2

Дорогой друг!

Вы ответили мне, и я счастлив! Прошу прощения за то, что мое письмо, по мнению Вашего врача, чрезмерно Вас возбудило, а также за те переживания, которые доставил

Вам рассказ о моих злоключениях. Любопытство Ваше вполне оправданно, и я постараюсь его удовлетворить.

Вы пишете, что в документах клуба нет сведений об отправке какой-либо корреспонденции на Ауригу, что, если верить полученной Вами справке, температура на поверхности второй планеты в системе Ауриги превышает 500 градусов по Фаренгейту* и что жизнь в таких условиях невозможна. Относительно писем и температуры Вы совершенно правы. По вашим меркам у нас и в самом деле жарковато, однако мы не относимся к углеводородным формам жизни и потому не испытываем при 500 градусах никаких неудобств.

Должен извиниться, что скрыл от Вас, каким образом оказалось у меня Ваше первое письмо. По правде говоря, я боялся оттолкнуть Вас излишней откровенностью. Предугадать отношение к себе — задача не из легких.

Я — ученый. Как и моим коллегам, мне довольно давно уже было известно, что в Галактике существуют другие обитаемые планетные системы. Поскольку мне разрешили заниматься в свободное время научными экспериментами, я взялся за изучение теории галактической связи и сконструировал даже несколько простеньких устройств для подключения к коммуникационной сети. Но лишь когда я изобрел приемник субкосмических волн, мне удалось переместить Ваше письмо — вместе с другими, на которые я не стал отвечать,— в холодильную камеру.

Именно холодильная камера и проявленная Вами в отношении материала для письма любезность помогли мне разыскать Ваш отклик среди огромной массы почтовых отправлений в ближайшем отделении клуба.

Откуда я знаю Ваш язык? Он несложен, особенно это касается письменного варианта, и мне не составило труда выучить его. Если у Вас нет возражений, я хотел бы продолжить нашу переписку.

Скандер

Аурига-2

Дорогой друг!

Ваш энтузиазм вдохновляет меня. Вы пишете, что я так и не ответил, каким образом намереваюсь посетить Землю. Признаюсь честно: пока я не имею об этом представления. Потерпите; быть может, я сумею что-нибудь придумать. Вы

* 260 градусов по Цельсию. *(Здесь и далее примечания переводчика.)*

верно подметили, что существу, привыкшему к температуре 500 градусов по Фаренгейту, вряд ли придутся по вкусу земные условия. Но не беспокойтесь, я не планировал ничего подобного — впрочем, давайте оставим эту тему.

Позвольте поблагодарить Вас за деликатность, с какой Вы спрашиваете о причине, по которой меня посадили в тюрьму. Хотя мне нечего стыдиться, но Ваша тактичность растрогала меня. Я ставил на самом себе опыты, которые были сочтены опасными для общественного блага. Так, однажды я понизил наружную температуру своего тела до 150 градусов по Фаренгейту*, укоротив радиоактивный цикл среды. Это привело к нарушению обмена энергией между жителями города, в котором находилась моя лаборатория, и меня отдали под суд. Мне предстоит провести в тюрьме еще тридцать лет, поэтому я с восторгом предвкушаю выход из тела и путешествие по Вселенной,— однако мы договорились не возвращаться к этому.

Не стоит причислять нас к высшим существам. Просто мы обладаем способностями, которые людям, по-видимому, не присущи. Мы живем дольше не потому, что научились бороться со старением,— в наших телах присутствует элемент, который повышает выносливость организма. Как вы его называете, я не знаю, но атомный вес этого элемента 52,9**. Сделанные нами научные открытия типичны для существ с нашей физиологией. То, что мы выдерживаем такие высокие температуры, как...— не могу подобрать подходящего числа,— очень выручило нас в работе с подпространственными энергетическими потоками, которые обжигающе горячи и требуют тщательной направки. На последующих стадиях направку выполняют уже машины, но начальная регулировка осуществляется «вручную» — я поставил кавычки, поскольку в Вашем понимании у нас нет рук.

Я прилагаю к письму фотографическую пластинку, охлажденную до необходимой температуры, в надежде, что Вы воспользуетесь ею. Вам нужно лишь встать к ней лицом — ведь свет распространяется по прямой — и подумать: «Готов!» Ваше изображение запечатляется автоматически.

Окажите мне, пожалуйста, эту услугу. Если хотите, я могу прислать Вам свою фотографию, но предупреждаю сразу: моя наружность, скорее всего, неприятно поразит Вас.

Искренне Ваш Скандер

* Около 65 градусов по Цельсию.

** Речь идет о радиоактивном изотопе хрома.

Аурига-2

Дорогой друг!

Отвечаю на Ваш вопрос. Вставлять пластинку в фотоаппарат или, как Вы выразились, в «черный ящик» не надо. Она сработает, когда Вы подумаете: «Готов!» Уверяю вас, света ей будет вполне достаточно.

Скандер

Аурига-2

Дорогой друг!

Вы пишете, что, ожидая ответа, показали фотографическую пластинку одному из врачей в клинике — при всем желании я не в силах догадаться, что это такое,— и что он посоветовал Вам обратиться к властям. Я не понимаю, при чем тут власти? Мне казалось, мы ведем с Вами личную переписку.

С нетерпением жду Вашей фотографии.

Скандер

Аурига-2

Дорогой друг!

Уверяю Вас, Ваш поступок нисколько не разгневал меня, а всего только озадачил. Жаль, что пластинку Вам не вернули. Мне хорошо известно, чего можно ожидать от правительства, поэтому высылаю Вам новую пластинку.

Я не в состоянии уяснить себе, почему Вас предостерегают от продолжения переписки. Или они думают, что я съем Вас на расстоянии? Прошу прощения, но в еде я предпочитаю обходиться без водорода.

Как бы то ни было, я прошу Вас прислать мне Вашу карточку на память о нашей дружбе. Получив ее, я вышлю Вам свою. Вы вольны сохранить ее, выбросить или передать властям — я утешусь сознанием того, что обмен был честный.

С наилучшими пожеланиями.

Скандер

Аурига-2

Дорогой друг!

Ваше последнее письмо шло так долго, что я уже начал беспокоиться, придет ли оно вообще. Меня огорчило отсутствие в нем фотографии, смутило упоминание о каком-то рецидиве и порадовало обещание выслать снимок, как только Вы оправитесь — что бы это ни значило. Очень рад, что Вы

написали мне. Просьба руководства клуба не рассказывать в письмах о своих горестях вызывает у меня уважение. Как часто мы злоупотребляем вниманием друзей! А ведь у них забот ничуть не меньше, чем у нас. Взять хотя бы меня: я нахожусь в тюрьме, и мне предстоит провести в ней еще тридцать лет. Сама мысль об этом невыносимо тяжела для моего свободного духа, пускай даже после отбытия срока меня ждет долгая и плодотворная жизнь.

Несмотря на Ваше дружеское письмо, я обижусь, если Вы не переправите мне фотографию.

С надеждой.

Скандер

Аурига-2

Дорогой друг!

Фотография прибыла. По строкам предыдущих писем я составил себе представление о Вашей наружности, но снимок опрокинул мои домыслы и лишний раз доказал, что слова не способны описать что-либо в точности.

Как и обещал, прилагаю свою фотографию. Ну, и что Вы теперь обо мне думаете? Вряд ли Вы рассчитывали увидеть этакую металлическую образину. Расы, с которыми мы поддерживаем связь, сторонятся нас, потому что мы — существа с повышенной радиоактивностью, единственные в известной нам Вселенной, так сказать, радиоактивная форма жизни. Смею Вас заверить, чувствовать себя изгоями — удовольствие ниже среднего.

Я как-то обмолвился, что надеюсь вырваться не только из тюрьмы, но и из тела, которое в ней заключено. Думается, Вам интересно будет узнать, как далеко продвинулись мои изыскания. Решение проблемы состоит в обмене разумов, причем под обменом я подразумеваю нечто отличное от общепринятого толкования. Для осуществления процедуры необходимы, если можно так выразиться, «слепки» с обоих участников — с их мыслей, ощущений и тел. Здесь нет ничего сложного, нужно лишь обменяться детальными фотоснимками. Детальный снимок — такой, на котором отражены малейшие нюансы. Дальше следует убедиться в том, что обмен фотографиями произошел, что карточка другого у каждого из участников под рукой. (Слишком поздно предпринимать что-либо, приятель. Субпространственная энергия перетекает с одной пластинки на другую. Так что советую спокойно дочитать письмо.) Упомянутый обмен разумов есть на деле подавление личности-«подлинника»: она загоняется в подсознание, а ее место занимает «копия» с пластинки.

Вы сохраните все воспоминания о своей жизни на Земле, а я — о пребывании на Ауриге. Кроме того, к Вам перейдут обрывки моих воспоминаний, а ко мне — Ваших. Подавленное «я» постоянно будет стремиться обрести себя, но ему недостанет на это сил.

Устав от Земли, я обменяюсь телами с кем-нибудь еще. Через тридцать лет я вернусь на Ауригу за своим собственным телом, а Вам придется вселиться в то, которое я в тот момент буду занимать.

Не правда ли, как удачно все сложилось? Вы переживете своих современников и приобретете бесценный опыт. Что касается меня, то я, признаться, питал надежду на более выгодный обмен... Но хватит объяснений. Когда Вы дойдете до этого места, Ваши глаза станут моими. На случай, если Вы меня слышите,— будьте здоровы, приятель. Ваши письма были для меня едва ли не единственной отрадой. Обещаю изредка писать Вам, чтобы Вы знали, где мне доведется побывать.

Скандер

Аурига-2

Дорогой друг!

Благодарю Вас за Вашу поспешность. Я долго колебался, прежде чем принял решение. Приглашенные правительством ученые быстро установили, для чего предназначена Ваша «фотопластинка», так что исход Вашей затеи зависел целиком и полностью от меня. В конце концов я сказал себе, что, если Вы так торопитесь, не стоит Вас удерживать.

Теперь я знаю, что Вы не заслуживали жалости. Ваш план завоевать Землю был смехотворным, но то, что он у Вас возник, убивает во мне всякое сочувствие к Вам.

Вы, должно быть, поняли уже, что человек, который был парализован с детства и перенес несколько сердечных приступов, долго не протянет. Рад сообщить Вам, что Ваш некогда одинокий друг по переписке наслаждается жизнью. С удовольствием подписываюсь именем, к которому со временем надеюсь привыкнуть.

Всего доброго.

Скандер

Пробуждение

Остров был стар, очень стар. Даже Иилах, который лежал у входа во внутреннюю лагуну миллионы миллионов лет, не понимал, пока был еще жив, что это гребень первородного материка, восставшего над водами в первые дни творения. Остров был длиной примерно в три мили и шириной в полторы мили в самом широком месте. Он судорожно изогнулся вокруг синей лагуны, подобно гигантскому человеку, пытающемуся дотянуться руками до пальцев ног. Сквозь оставшийся просвет в лагуну врывалось море. Волнам было тесно в узком канале. С бесконечным упорством они пытались разрушить каменные стены, и рев прибоя был здесь особенно хриплым и яростным — символ вечной битвы между осажденной сушей и штурмующим ее океаном. На самом стрежне под грохочущими волнами лежал Иилах, забытый временем и Вселенной.

В начале 1941 года к острову пришли японские корабли и проникли через бурную стремнину канала в тихую лагуну. С палубы одного из кораблей пара любопытных глаз заметила странный предмет в русле неспокойных вод. Но обладатель этих глаз был на службе у правительства, которое строго пресекало всякую деятельность своих подданных, если она не имела прямого отношения к войне. Поэтому инженер Таку Онило ограничился тем, что отметил в своем отчете:

«В устье канала на дне находится массивное образование из блестящей, похожей на гранит породы, длиной около четырехсот футов при ширине в девяносто футов».

Маленькие желтокожие люди построили подземные резервуары для бензина и нефти и покинули остров.

Океан наступал и отступал, снова наступал и снова отступал. Так проходили дни и годы, а десница времени тяжела. Дождливые сезоны приходили в положенный срок, и вскоре ливни смыли все следы, оставленные человеком. Там, где машины обнажили землю, поднялись зеленые заросли. Окончилась война. Подземные резервуары слегка осели в своих каменных гнездах, и в главных нефтепроводах появились многочисленные трещины. Нефть медленно просачивалась наружу, и воды лагуны годами покрывала радужная пленка.

В сотнях миль от острова вблизи атолла Бикини произвели один взрыв, затем другой, и перепутанные течения понесли радиоактивные воды неведомыми путями. Первая волна потенциальной энергии достигла острова ранней осенью 1946 года.

Еще несколько лет спустя терпеливый чиновник, разбирая в Токио архив императорского военно-морского флота Японии, обнаружил документ о существовании тайного нефтехранилища. По прошествии должного срока, в 19... году, эскадренный миноносец «Коулсон» отправился в обычное для таких случаев инспекционное плавание.

Час апокалипсиса пробил.

Капитан-лейтенант Кент Мейнард угрюмо рассматривал остров в бинокль. Он был готов к неприятным неожиданностям, однако не ждал ничего сверхъестественного.

— Обычный подлесок,— пробормотал он.— Цепь холмов, хребет острова, деревья...

И тут он умолк.

На обращенном к ним склоне пальмовый лес прорезала широкая просека. Деревья на ней были глубоко вдавлены в гигантскую борозду, уже поросшую травой и молодым кустарником. Борозда шириной примерно в сотню футов тянулась от берега вверх по склону и обрывалась у длинного плоского утеса, лежавшего близ вершины холма.

Ничего не понимая, Мейнард уставился на фотографии острова, сделанные еще японцами. Машинально он обратился к своему заместителю лейтенанту Джерсону.

— Черт побери! — сказал он.— Как очутился здесь этот утес? Его нет ни на одной фотографии.

Едва успев закрыть рот, он уже пожалел о сказанном.

Джерсон взглянул на него с чуть прикрытой иронией и пожал плечами.

— Наверное, мы попали не на тот остров.

Мейнард счел за лучшее промолчать. Этот Джерсон был странным типом. На языке у него всегда вертелись какие-нибудь колкости.

— Пожалуй, эта штука весит миллиона два тонн,— продолжал лейтенант.— Может, японцы нарочно притащили ее сюда, чтобы сбить нас с толку?

Последние слова Джерсона еще больше уязвили его: как раз в это мгновение, глядя на утес, он и в самом деле подумал о японцах. Однако вес утеса, определенный лейтенантом довольно точно, заставил его отказаться от столь диких предположений. Если бы японцы могли сдвинуть с места утес, весящий два миллиона тонн, они бы выиграли войну.

Они вошли в лагуну без всяких происшествий. Проход оказался шире и глубже, чем предполагал Мейнард, судя по японской карте, и это облегчило задачу. Обедали они уже в лагуне под прикрытием береговой гряды. Мейнард заметил на воде нефтяные пятна и тотчас приказал следить, чтобы кто-нибудь не бросил за борт спичку. Посовещавшись с офицерами, он решил поджечь эту нефть, когда работа будет закончена и эсминец выйдет из лагуны.

Примерно в половине второго шлюпки были спущены на воду и быстро добрались до берега. Еще через час с помощью калек, снятых с японских планов, удалось отыскать все четыре замаскированных нефтехранилища. Понадобилось немного больше времени, чтобы определить их размеры и выяснить, что три из них пусты. Только четвертое, самое маленькое, оказалось совершенно целым и полным высокооктанового бензина примерно на семнадцать тысяч долларов. Это была слишком маленькая добыча для крупных танкеров, которые все еще выкачивали остатки горючего из американских и японских нефтехранилищ на островах. Мейнард подумал, что сюда надо было бы прислать за бензином лихтер, но это уже его не касалось.

Несмотря на то, что все было закончено довольно быстро, Мейнард с трудом поднялся на борт.

— Что, сэр, совсем выдохлись? — спросил Джерсон излишне громко.

Мейнард ощетинился и решил обследовать утес в тот же вечер. Сразу после ужина он вызвал добровольцев. Было уже совсем темно, когда Мейнард с командой из семи матросов и боцманом Юэллом высадились на песчаный пляж, окаймленный высоченными пальмами. Не теряя времени, они двинулись в глубь острова.

Луны не было, и лишь звезды мерцали среди разорванных облаков — последних примет только что закончившегося дождливого сезона. Они шли по дну гигантской борозды, инкрустированному поваленными деревьями. При слабом свете фонариков эти бесчисленные стволы, обугленные, впрессованные в землю какой-то сверхъестественной силой, производили тягостное впечатление.

Мейнард услышал, как один из матросов пробормотал:

— Ну и тайфун же здесь был... Натворить такое!

«Не тайфун,— подумал Мейнард.— Всесокрушающий ураган, такой страшный, такой чудовищный, что...»

И тут мысль его словно споткнулась. Он не мог себе представить ураган, способный протащить двухмиллионотонную глыбу четверть мили, да еще вверх по склону, на высоту четырехсот футов над уровнем моря.

Вблизи поверхность утеса выглядела как обыкновенный гранит. В лучах фонариков он переливался бесчисленными розовыми искрами. Мейнард вел свою команду вдоль поверженного великана, подавленный его размерами: в длину он насчитал четыреста шагов, и эта глыба нависала над людьми как гигантская мерцающая стена. Даже верхний конец утеса, глубоко зарывшийся в землю, возвышался над их головами футов на пятьдесят.

Ночь становилась все более жаркой, удушающе жаркой.

Мейнард обливался потом. Лишь мысль о том, что он выполняет свой долг в столь тяжелых условиях, приносила ему удовлетворение. Он постоял в нерешительности, мрачно наслаждаясь напряженным безмолвием первозданной ночи, потом наконец сказал:

— Отколите вот здесь и вот там несколько образцов. Эти розовые прожилки довольно любопытны.

Несколько секунд спустя нечеловеческий вопль разорвал ночную тишину. Вспыхнули фонарики. Они осветили матроса Хикса, который бился в корчах на земле рядом с утесом. В скрещении лучей все увидели его руку: запястье казалось тлеющим черным початком кукурузы. Он прикоснулся к Иилаху.

Мейнард сделал обезумевшему от боли матросу укол морфия и поспешил доставить его на корабль. Тотчас связались с базой. Дежурный хирург шаг за шагом давал по радио указания, как вести операцию. Было решено, что за пострадавшим прилетит санитарный самолет. В штабе, видимо, недоумевали, как могло все это случиться, потому что оттуда запросили «более подробные сведения» относительно «горячего» утеса. К утру там уже окрестили его метеоритом. Мейнард, который обычно никогда не спорил с начальством, на сей раз, услышав такое определение, насупился и позволил себе заметить, что этот «метеорит» весит два миллиона тонн и лежит на поверхности острова.

— Я пошлю второго механика измерить температуру,— сказал он.

Судовой термометр показал, что температура поверхности утеса достигает почти восьмисот градусов по Фаренгейту*. И тогда Мейнарду задали вопрос, от которого он побелел.

— Да, сделали,— ответил он.— Радиоактивность воды чуть выше нормы. Есть! Мы немедленно уйдем из лагуны и будем ждать корабль с учеными на внешнем рейде.

Он поспешил закончить разговор. Девять человек побывали всего в нескольких ярдах от утеса, в зоне смертоносного излучения. Да и эсминец, стоявший в полумиле от берега, тоже должен был получить опасную дозу радиации. Однако золотые лепестки электроскопа не шевелились, а опущенный в воду счетчик Гейгера — Мюллера лишь слабо потрескивал, да и то с большими интервалами. Немного успокоившись, Мейнард спустился вниз навестить матроса Хикса. Пострадавший забылся беспокойным сном, но, как видно, не собирался умирать, что было уже неплохим признаком.

Когда прилетел санитарный самолет, прибывший на нем врач перевязал Хикса и взял на анализ кровь у всего экипажа. Поднявшись на мостик, этот симпатичный молодой человек доложил Мейнарду:

— Ну что ж, могу сказать, что подозрения не оправдались. На корабле все в полном порядке, даже Хикс, если не считать его руки. Для восьмисот по Фаренгейту она сгорела чертовски быстро. Не понимаю.

Пять минут спустя, когда они все еще стояли на мостике, пронзительные дикие крики с нижней палубы взорвали тишину уединенного островка.

Что-то дрогнуло в глубине Иилаха, шевельнулось. Смутное воспоминание о себе самом, о том, что он должен был сделать. В сущности, сознание впервые вернулось к нему в конце 1946 года, когда он ощутил прилив энергии извне. Внешний приток ослабел и постепенно исчез. Его энергия была ничтожно слаба. Кора планеты, той, которую он знал раньше, трепетала от приливов и отливов потенциальных

* Примерно 430 градусов по Цельсию.

сил еще не остывшего юного мира, только что вышедшего из звездной стадии. И лишь долгое время спустя Иилах до конца понял, в какое катастрофическое положение он попал. Сначала же, пока жизнь в нем еле теплилась, он был слишком сосредоточен в себе самом, чтобы обращать внимание на окружающее.

Усилием воли он заставил себя проанализировать и оценить обстановку. Напрягая радарное зрение, он обозрел свой новый странный мир. Иилах лежал на невысоком плато близ вершины горы. Более безжизненного зрелища не хранилось в ячейках его памяти. Здесь не было ни искры атомного огня, не было кипящей лавы, всплесков энергии, выбрасываемой к небесам силой могучих подземных взрывов.

Гора, которую он видел, не представлялась ему островом среди бескрайнего океана. Он воспринимал предметы под водой точно так же, как над поверхностью. Его зрение, основанное на сверхультракоротких волнах, не позволяло ему видеть воду. Он понял, что находится на старой, умирающей планете, где жизнь давным-давно угасла. Он был одинок и тоже обречен на смерть, если только ему не удастся отыскать источник, который вернет ему силы.

Простой логический процесс заставил его двинуться вниз по склону навстречу потоку атомной энергии. Но неизвестно почему он очутился ниже несущего радиацию уровня, и ему пришлось отползти назад. Поскольку он уже двигался вверх по склону, Иилах начал тяжело взбираться на ближайшую вершину, чтобы выяснить, что находится позади нее. Когда он выбрался из невидимой и неощутимой воды лагуны, произошло сразу два взаимоисключающих события.

Иилах оказался отрезанным от несомой течениями атомной энергии. И одновременно вода перестала угнетать нейтронную и дейтронную деятельность его собственного организма. Жизнь его тела сразу стала интенсивнее. Период медленного угасания миновал. Он опять превратился в гигантскую самозаряжающуюся батарею, способную черпать нормальные дозы радиоактивной жизни из составляющих его элементов. И хотя дозы эти по-прежнему оставались совершенно недостаточными, Иилах снова подумал: «Я что-то должен сделать. Но что?»

Иилах напрягся. Все усиливающийся поток электронов ринулся в огромные ячейки его памяти. Но память молчала, и поток ослаб.

Постепенное пробуждение жизненной активности позволило ему составить более ясное, более точное представление

об окружающем. Он начал посылать волну за волной ощупывающие радарные сигналы к Луне, к Марсу, ко всем планетам Солнечной системы; и по мере того, как отраженные сигналы возвращались к нему, Иилах с возрастающей тревогой убеждался, что все это тоже мертвые тела.

Он был в плену мертвой системы, обреченный на неотвратимую гибель. Когда его внутренняя энергия иссякнет, он станет частицей безжизненной массы планеты, на которую его забросили. И тогда он осознал, что уже был мертв. Каким образом это произошло, он не мог понять, помнил только, что разрушительная, парализующая субстанция внезапно обрушилась на него, окружила и подавила все жизненные процессы. Со временем распад химических элементов превратил эту субстанцию в безобидную массу, не способную более изолировать его от мира.

Теперь он снова жил, но такой слабой, еле теплящейся жизнью, что ему оставалось только ждать конца.

И он ждал.

В 19... году он увидел эсминец, плывущий к нему по небу. Задолго до того, как корабль замедлил ход и остановился прямо под ним, Иилах уже понял, что эта форма жизни не имеет с ним ничего общего. Внутри был слабенький источник искусственного тепла, сквозь внешние стенки Иилах улавливал мерцание тусклых огней.

Весь этот первый день Иилах ждал, что существо обратит на него внимание. Но от корабля не исходило никаких волн. Он был мертв, и тем не менее он парил в небе над плато. Этого немыслимого явления Иилах не мог объяснить. Он не ощущал воды, не мог себе даже представить воздух, и его ультракороткие излучения проходили сквозь людей, как если бы их вообще не было. Поэтому сейчас он понимал лишь одно: перед ним чужая форма жизни, сумевшая приспособиться к условиям мертвого для него мира.

Но постепенно Иилах начал волноваться. Существо могло свободно передвигаться над поверхностью планеты. Возможно, оно знает, не сохранился ли где-нибудь источник атомной энергии. Но как установить контакт?

На следующий день, когда солнце стояло в зените, Иилах направил на крейсер луч вопрошающей мысли. Он нацелился прямо на тусклые огни машинного отделения, где, по его представлению, должен был находиться разум чуждого существа.

Тридцать четыре человека, погибшие в машинном отделении, были похоронены на самом берегу. Оставшиеся в живых матросы и офицеры перебрались на полмили в глубь острова. Сначала они решили разбить здесь лагерь и ждать, пока покинутый всеми «Коулсон» не перестанет испускать смертоносную радиацию. Но на седьмой день, когда транспортные самолеты уже начали доставлять научных работников со всем их оборудованием, трое матросов заболели, и анализ крови показал, что у них катастрофически падает количество красных кровяных телец. Поэтому Мейнард, не дожидаясь указаний свыше, приказал переправить всю команду на Гавайские острова.

Офицерам он предоставил право выбора, однако предупредил второго механика, первого артиллерийского офицера и тех мичманов, которые помогали выносить трупы на палубу, чтобы они, не надеясь на судьбу, тотчас улетели с первым же самолетом. Хотя приказ об эвакуации касался всех матросов, многие попросили разрешения остаться. И около десятка из них это разрешение получили после того, как были тщательно опрошены Джерсоном и сумели доказать, что и близко не подходили к опасной зоне.

Мейнард предпочел бы, чтобы Джерсон убрался с острова одним из первых, но эта его надежда не сбылась. Джерсон остался вместе с лейтенантами-артиллеристами Лаусоном и Хори и мичманами Макпелти, Манчиевым и Робертсом. Среди матросов старшими по званию оказались главный стюард-казначей Дженкинс и старший боцман Юэлл.

Военных моряков на острове словно не замечали, разве что иногда просили убраться со своими палатками куда-нибудь подальше. Наконец, когда стало ясно, что их не оставят в покое, Мейнард скрепя сердце приказал перенести лагерь на самую дальнюю косу, туда, где пальмы расступались, окружая травянистую поляну. Неделя проходила за неделей, но никаких распоряжений относительно его команды не поступало; Мейнард сначала удивлялся, а потом впал в мрачность. Но вот в одном из номеров официальной газетенки, которая появилась на острове вслед за учеными, бульдозерами и бетономешалками, во «внутреннем обзоре» Мейнард вычитал кое-что, приоткрывшее перед ним завесу. Если верить автору статьи, между флотским начальством и важными шишками из Комиссии по атомной энергии разгорелся скандал. В результате морякам приказали «не вмешиваться».

Мейнард читал обзор со смешанным чувством, в нем крепло убеждение, что он остался единственным уполномоченным военно-морского флота на острове. Эта мысль вызывала в его воображении головокружительные картины — он видел себя в роли адмирала, если только ему удастся найти правильное решение. Но никакого иного решения, кроме как сидеть здесь и следить в оба глаза за всем происходящим, он так и не мог придумать.

Мейнард потерял сон. Целыми днями как можно незаметнее ходил он по острову и осматривал наиболее интересные установки и палаточные городки, в которых разместилась целая армия ученых и их помощников. А по ночам он перебирался из одного тайного укрытия в другое, наблюдая за ярко освещенным берегом лагуны.

Остров казался сказочным, сверкающим оазисом под куполом черной тихоокеанской ночи. Гирлянды огней тянулись над шелестящими волнами на целую милю вдоль берега. На фоне этого зарева вырисовывалось тяжелое сооружение, длинная коробка из массивных железобетонных стен, протянувшихся параллельно друг другу от подножия до самой вершины холма. Внутри открытой сверху коробки лежал утес, и защитные стены подступали к нему почти вплотную, чтобы отрезать его от всего остального мира. На стенах тоже горели фонари. Только к полуночи рычание бульдозеров замолкало, бетономешалки, вывалив последние порции смеси, спускались по временной дороге на пляж, и наступала тишина. Вся громоздкая организация людей и механизмов погружалась в тревожный сон.

Мейнард ждал этого момента с горькой терпеливостью человека, делающего гораздо больше, чем от него требуется. Его терпеливость принесла плоды. Он оказался единственным человеком, который собственными глазами увидел, как утес вполз на вершину холма.

Это было потрясающее зрелище. До часу ночи оставалось минут пятнадцать, и Мейнард уже считал этот день пропащим, когда вдруг раздался непонятный звук. Похоже было, что самосвал высыпал целый кузов щебенки. В первое мгновение Мейнард испугался только за свой секретный наблюдательный пункт: сейчас его обнаружат и все узнают о его ночной деятельности. Но уже в следующее мгновение он увидел при свете фонарей надвигающийся утес.

Железобетонные стены с грохотом рушились и крошились под неудержимым натиском. Пятьдесят, шестьдесят, наконец все девяносто футов чудовища вздыбились над холмом, тяжело ухнули на вершину, и здесь утес снова замер.

Два месяца Иилах наблюдал за судами, которые заходили в лагуну. Его заинтересовало, почему все они следуют одним и тем же путем. Может быть, способности их ограничены и потому они держатся на одном и том же уровне? Но еще интереснее был тот факт, что неведомые существа каждый день огибали остров и куда-то исчезали, скрываясь за высоким выступом на восточном берегу. И каждый раз по прошествии нескольких дней они снова появлялись в его поле зрения, тем же путем заходили в лагуну и повисали там над поверхностью планеты.

В течение этих месяцев Иилах с удивлением замечал несколько раз другие маленькие, но гораздо более мощные крылатые корабли, которые стремительно падали с большой высоты и тоже исчезали где-то на востоке. Всегда на востоке. Любопытство мучило его, но он боялся тратить свои запасы энергии. Наконец он заметил зарево огней, освещавших по ночам восточную часть неба. Он освободил часть мощной взрывной энергии на нижней поверхности своего тела, что придало ему поступательное движение, и преодолел последние семьдесят-восемьдесят футов, отделявшие его от вершины холма. И сразу же пожалел об этом.

Недалеко от берега на рейде стоял один корабль. Зарево огней над восточным склоном холма, по-видимому, не имело своего источника энергии. Пока он осматривался, десяток грузовиков и бульдозеров суетились вокруг него, причем некоторые приближались к нему почти вплотную. Что именно они делали и чего хотели, он не мог понять. Он посылал в различных направлениях вопрошающие излучения, но ни на одно не получил ответа. Потом он бросил это безнадежное дело.

На следующее утро утес все еще лежал на вершине холма, и теперь обе части острова были беззащитны перед обжигающими зарядами энергии, которые он ночью беспорядочно излучал во все стороны.

Первый рапорт о причиненном ущербе Мейнард услышал от стюарда-казначея Дженкинса. Семь шоферов грузовиков и два бульдозериста погибли, с десяток человек получили тяжелые ожоги, и вся двухмесячная работа пошла прахом.

Видимо, ученые посовещались и приняли какое-то решение, потому что вскоре после полудня бульдозеры и грузовики, нагруженные всяким оборудованием, двинулись куда-то мимо лагеря моряков. Отправленный следом за ними матрос

вернулся и доложил, что ученые перебираются на мыс в дальнем нижнем конце острова.

Незадолго до сумерек произошло важное событие. На освещенную площадку перед палатками пришел сам начальник экспедиции со своими четырьмя учеными помощниками и сказал, что хочет видеть Мейнарда. Гости улыбались, держались дружелюбно, со всеми здоровались за руку. Мейнард представил им Джерсона, который, как на грех (по мнению Мейнарда), оказался в это время в лагере. И тут делегация ученых перешла к делу.

— Как вы знаете,— сказал их начальник,— «Коулсон» радиоактивен лишь отчасти. Кормовая орудийная башня совсем не пострадала, а потому мы просим, чтобы вы в порядке сотрудничества обстреляли этот утес и разбили его на куски.

Прошло какое то время, прежде чем Мейнард опомнился от удивления и сообразил, как ему следует ответить. В течение нескольких следующих дней он только спрашивал ученых, уверены ли они, что утес можно разбить и тем самым обезопасить. Но в их просьбе отказал сразу. Лишь на третий день он нашел для этого вескую причину.

— Все ваши предосторожности, джентльмены, недостаточны,— сказал он.— Вы переместили свой лагерь, но я считаю, что с точки зрения безопасности этого мало, если утес действительно взорвется. Но, разумеется, если я получу приказ от моего командования исполнить вашу просьбу, в таком случае...

Он оставил фразу незаконченной, поняв по их разочарованным лицам, что они уже имели по этому поводу не один горячий разговор по радио со своим собственным начальством. Прибывшая на четвертый день газетенка сообщила, что один из «высших» морских офицеров в Вашингтоне сделал заявление, согласно которому «любое решение подобного рода может быть принято только представителем военно-морского флота на острове». Кроме того, в статье говорилось, что военно-морское ведомство готово выслать на место своего специалиста-атомщика, если к ним обратятся с такой просьбой по соответствующим официальным каналам.

Мейнарду стало ясно, что он действует именно так, как этого хотелось бы его начальству. К сожалению, как раз тогда, когда он дочитывал статью, тишину разорвал безошибочно узнанный им грохот пятидюймовых орудий эсминца, самый резкий из всего артиллерийского оркестра.

Мейнард, шатаясь, вскочил на ноги. Он бросился бежать к ближайшей высоте. Прежде чем он достиг ее, с той стороны лагуны снова донесся резкий удар, а затем последовал оглушительный взрыв возле самого утеса. Мейнард добежал до своего наблюдательного пункта и увидел сквозь призмы бинокля с десяток человек, которые суетились на корме позади орудийной башни. Ярость и возмущение с новой силой охватили коменданта острова. Он решил немедленно арестовать всех, кто пробрался на эсминец, за опасное и злостное нарушение приказа. У него мелькнула смутная мысль, что настали поистине печальные времена, если из-за внутриведомственных склок люди решаются открыто попирать авторитет армии и флота, словно для них нет ничего святого. Но эта мысль исчезла так же быстро, как и появилась.

Он дождался третьего залпа, затем устремился вниз к своему лагерю. Мейнард послал восемь моряков на пляж, чтобы перехватить тех, кто попытается вернуться на остров. С остальными своими людьми он поспешил к ближайшей шлюпке. Им пришлось огибать мыс кружным путем, так что, когда Мейнард добрался до опустевшего и снова безмолвного «Коулсона», он заметил вдалеке лишь моторную лодку, уходившую за выступ берега.

Мейнард колебался. Что делать? Пуститься в погоню? В бинокль было хорошо видно, что утес почти не пострадал. Неудача этих штатских крыс развеселила его и в то же время обеспокоила. Когда начальство узнает, что он не принял необходимых мер и позволил посторонним проникнуть на корабль, его не похвалят.

Он все еще раздумывал об этом, когда Иилах двинулся вниз по холму прямо на эсминец.

Иилах заметил первую яркую вспышку орудийного залпа. В следующее мгновение он увидел мчащиеся на него маленькие предметы. В давным-давно забытые старые времена он научился защищаться от метательных снарядов. И теперь автоматически сжался, чтобы отразить удар. Но эти предметы, вместо того чтобы просто ударить, взорвались. Сила взрыва ошеломила его. Защитная кора треснула. Сотрясение прервало и замкнуло поток энергии между электронными ячейками в его огромном теле. Автоматические стабилизирующие пластины мгновенно послали восстанавливающие импульсы. Раскаленная полужидкая материя, составляющая большую часть его массы, стала еще горячее, еще подвижнее. Слабость соединений, вызванная страшным потрясением,

усилила приток жидкой материи к поврежденным местам, где жидкость сразу же затвердела под огромным давлением. Память восстановилась.

Иилах старался понять, что это было. Попытка установить контакт? Такая возможность взволновала его. Вместо того чтобы закрыть зияющую брешь в своей внешней броне, он лишь укрепил следующий за ней защитный слой, чтобы приостановить утечку радиоактивной энергии. И стал ждать.

Еще один метательный снаряд и страшный взрывной удар при столкновении... После дюжины таких ударов, которые разрушали его защитный панцирь, Иилахом овладело сомнение. Если это и были сигналы, он не мог их принять или понять. Он ускорил химическую реакцию, которая должна была укрепить внешний панцирь. Но взрывающиеся предметы разбивали его защиту быстрее, чем он успевал затягивать пробоины.

Однако он все еще не мог поверить, что это было нападение. За все его предыдущее существование никто не нападал на него таким способом. Каким именно способом действовали против него раньше, Иилах тоже не мог вспомнить. Но, во всяком случае, не на таком примитивном, чисто молекулярном уровне.

Когда наконец он все же убедился, что это нападение, Иилах не почувствовал гнева. Защитные рефлексы его были логическими, а не эмоциональными. Он рассмотрел эсминец и решил, что его следует удалить от себя. И впредь надо будет удалять любое подобное создание, если оно попытается приблизиться. И все движущиеся предметы, которые он видел с вершины холма,— от всего этого надо избавиться.

Он двинулся вниз по склону холма. Существо, неподвижно парившее над плато, перестало изрыгать пламя. Когда Иилах приблизился, единственным признаком жизни был удлиненный предмет гораздо меньшего размера, который быстро плыл вдоль борта.

В этот момент Иилах погрузился в воду. Он ощутил что-то вроде шока. Он почти забыл, что на этой пустынной горе был определенный уровень, ниже которого все его жизненные силы ослабевали.

Иилах заколебался.

Затем медленно двинулся дальше вниз, в угнетающую среду, чувствуя, что теперь он достаточно силен, чтобы противостоять такому чисто негативному давлению.

Эсминец снова открыл по нему огонь. Снаряды, выпущенные почти в упор, вырывали глубокие воронки в девяносто-

футовом утесе, каким Иилах представлялся врагу. Когда эта каменная громада коснулась эсминца, стрельба прекратилась. Мейнард, защищавший корабль до последней возможности, бросился со своими людьми в шлюпку у противоположного борта и теперь уходил на предельной скорости.

Иилах толкнул эсминец. Боль от титанических ударов была подобна боли, которую испытывает любое живое существо при частичном разрушении его тела. Медленно, с трудом, он восстанавливал самого себя. А потом с яростью, гневом и уже со страхом толкнул еще раз. Через несколько минут он отбросил это странное неуклюжее существо на скалы у самого края платформы. Дальше этих скал гора уходила вниз крутым обрывом.

И тут случилось неожиданное. Попав на скалы, нелепое существо начало содрогаться и раскачиваться, словно внутри него пробудились какие-то разрушительные силы. Оно упало на один бок, словно раненый зверь, еще раз вздрогнуло и начало разваливаться на части.

Это было удивительное зрелище. Иилах выполз из воды, поднялся на гору и снова начал спускаться по другому склону к лагуне, куда только что зашел грузовой корабль. Однако грузовоз успел обогнуть мыс, войти в канал и убраться из лагуны. Проплыв над мрачной, глубокой долиной, начинавшейся за внешними рифами, он удалился на несколько миль, замедлил ход и стал на якорь.

Иилаху хотелось отогнать его подальше, но он был ограничен в своих движениях. Поэтому, едва грузовоз остановился, Иилах развернулся и пополз к мысу, где собрались в кучу маленькие предметы. Он не замечал людей, которые спасались на отмелях недалеко от берега и оттуда в относительной безопасности следили за разгромом своего лагеря. Иилах, распаленный гневом, обрушился на машины.

Редкие шоферы, пытавшиеся их спасти, превратились в кровавую кашу среди сплющенного металла. В тот день многие пострадали от собственной фантастической глупости или паники. Иилах двигался со скоростью около восьми миль в час. И все же триста семнадцать человек попались в индивидуальные ловушки и были раздавлены чудовищем, которое даже не подозревало об их существовании. Очевидно, каждому казалось, что Иилах гонится именно за ним. Наконец Иилах взобрался на ближайшую высоту и оглядел небо в поисках новых противников. Но увидел только грузовоз милях в четырех от берега — этого нечего было опасаться.

Темнота медленно опускалась на остров. Мейнард осторожно шел по траве, освещая прямо перед собой крутой спуск лучом фонарика. Каждые несколько шагов он спрашивал:

— Есть здесь кто-нибудь?

Так продолжалось уже несколько часов. В сгущавшихся сумерках моряки разыскивали уцелевших, сажали их в шлюпку и отвозили через лагуну по каналу на рейд, где стоял грузовой корабль. По радио был передан приказ. За сорок восемь часов они должны были закончить эвакуацию. После этого автоматически управляемый самолет сбросит бомбу.

Мейнард представил себе, что он остался один на этом погруженном во мрак острове, обители чудовища. И содрогнулся от почти чувственной радости. Он был бледен, его била лихорадка от ужаса и восторга. Все было, как в те далекие времена, когда его корабль шел в строю армады, обстреливающей японское побережье. Тогда он тоже скучал, пока не представил себя там, на берегу, в самой гуще разрывов.

Стон отвлек его от этих мыслей. При свете фонарика Мейнард различил знакомое лицо. Человек был придавлен упавшим деревом. Джерсон приблизился и сделал ему укол морфия. Мейнард нагнулся над раненым. Это был один из всемирно известных физиков, прибывших на остров. Сразу же после катастрофы о нем без конца запрашивали по радио. Без его согласия ни один ученый совет не решался одобрить план бомбардировки, выдвинутый военно-морским штабом.

— Сэр,— начал Мейнард,— что вы думаете относительно...

Он поперхнулся и мысленно сделал шаг назад. На какой-то миг он забыл, что его флотское начальство, получив от правительства разрешение действовать по своему усмотрению, уже отдало приказ использовать атомную бомбу.

Ученый вздрогнул.

— Мейнард! — прохрипел он.— С этой штукой что-то нечисто. Не позволяй им делать ничего...

Глаза расширились от боли. Голос прервался.

Нужно было спросить его. Немедленно! Через несколько секунд великий ученый погрузится в наркотический сон и очнется не скоро. Через мгновение будет уже слишком поздно!

Это мгновение пролетело.

Лейтенант Джерсон поднялся на ноги.

— Ну вот, думаю, все будет в порядке, капитан,— сказал он. Потом повернулся к морякам с носилками: — Двое из вас отнесут этого человека в шлюпку. Осторожно! Я его усыпил.

Мейнард последовал за носилками, не говоря ни слова. Он чувствовал, что так и не успел принять самостоятельное решение.

Ночь тянулась бесконечно. Наконец наступил серенький рассвет. Вскоре после восхода солнца тропический ливень прошел над островом и унесся дальше, на восток. Небо стало удивительно синим, а море таким спокойным, что вода вокруг острова казалась неподвижным зеркалом. Из синей дали, отбрасывая быструю тень на неподвижный океан, появился самолет с автопилотом.

Еще не видя его, Иилах почувствовал, какой груз он несет. Дрожь пробежала по всему его телу. Огромные электронные ячейки раскрылись и замерли в жадном нетерпении, и на миг ему показалось, что это приближается кто-то из его породы. Он послал навстречу ему предупреждающий мыслесигнал. Многие самолеты, которым он направлял свои мысленные волны, выходили из-под контроля, нелепо кувыркались и падали. Но этот не изменил курса.

Когда он был почти над центром острова, громоздкий, тяжелый предмет отделился от него, лениво перевернулся несколько раз в воздухе и устремился прямо на Иилаха. Он должен был взорваться примерно в ста футах над целью. Механизм сработал безупречно, взрыв был титанический.

Когда потрясающее действие огромной массы новой энергии миновало, Иилах, полный жизни и сил, подумал с удивительной ясностью: «Ну конечно, как я мог забыть! Именно это я и должен сделать».

Ему было странно, что он так долго не мог вспомнить. Он был послан сюда во время межгалактической войны, которая, по-видимому, все еще продолжалась. С огромными трудностями его опустили на поверхность планеты, и здесь вражеские лазутчики сразу вывели его из строя. Но теперь он был готов выполнить задание.

Он произвел контрольные расчеты по Солнцу и далеким планетам, до которых доходили сигналы его радаров. Затем приступил к решающей операции, чтобы растворить все защитные поля внутри своего тела. Он собрал все силы внутреннего давления, и все его жизненные элементы в точно рассчитанное мгновение сжались разом для последнего решающего прыжка.

Взрыв, который чуть не вышиб Землю с ее орбиты, был зарегистрирован всеми сейсмографами планеты. А некоторое время спустя астрономы рассчитали, что еще немного, и Земля начала бы падать на Солнце. И ни один человек не увидел бы, как Солнце, превратившись в ослепительную сверхновую звезду, сожгло бы всю Солнечную систему, прежде чем потускнеть и сжаться до своих прежних объемов.

Если бы даже Иилах знал, что война, бушевавшая десять тысяч миллионов веков назад, давно кончилась, он поступил бы точно так же.

У него не было выбора.

Атомные бомбы-роботы не рассуждают.

Ко-о-о-от!

В тот день все, как обычно, сидели в баре. Кэти делала вид, что уже накачалась. Тэд изображал дурачка. Мира хихикала, подобно музыканту, настраивающему инструмент перед выступлением. А Джонс, как всегда самоуверенно, беседовал с Гордом.

— Угу,— повторял Горд каждую секунду, будто слушал.

Мортон же, глубокомысленно разглядывая собственный стул, держался в стороне от всех, но в то же время явно пытался привлечь к себе внимание.

Никто не замечал сидящего у стойки высокого худого человека, давно уже наблюдающего за собравшимися. Они не имели никакого представления о том, когда он присоединился к ним и кто его пригласил. И уж тем более никому не приходило в голову прогнать его.

— Вы тут говорили об основных свойствах человеческой природы...— промолвил незнакомец.

Мира прыснула:

— Так вот о чем мы, оказывается, говорили? Интересно!

Все рассмеялись. Однако говоривший не смутился:

— Так случилось, что я могу кое-что рассказать вам об этом.

Все началось следующим образом.

Однажды я просматривал, как обычно, газету и натолкнулся на рекламу цирка.

В заголовке объявления стоял большой знак вопроса, а за ним того же размера восклицательные знаки. Ниже шел текст:

ЧТО ЭТО?
ЭТО КОТ
ПРИХОДИТЕ И СМОТРИТЕ
КОТ ПОРАЗИТ ВАС
КОТ ИЗУМИТ ВАС
ПОСМОТРИТЕ КОТА В НАШЕМ ШОУ УРОДЦЕВ

Дальше более мелко была напечатана информация о том, что шоу руководит лично Силки Трэвис.

До этого момента, читая газету, я испытывал лишь смутный интерес и, пожалуй, некоторое любопытство. Но имя — имя заставило меня подпрыгнуть.

Боже мой! — подумал я. Это же он. Это его имя было на той открытке.

Я бросился к столу и вытащил карточку, пришедшую по почте два дня тому назад. Тогда она показалась мне абсолютно бессмысленной. Слова, начертанные на обороте изящным почерком,— явная тарабарщина, а фотография на лицевой стороне, хотя и немного знакомая, не вызывала никаких реальных воспоминаний. Изображенный на ней человек с каким-то призрачным и загнанным взглядом почему-то сидел в небольшой клетке. Сейчас я увидел, что он действительно похож на Силки Трэвиса. Но не на того Силки, которого я знал около пятнадцати лет тому назад, а более полного и состарившегося, каким он, видимо, стал теперь.

Размышляя о прошлом, я уселся обратно в кресло.

Даже в те далекие дни все понимали, что представляет собой Силки. В школе он организовал конкурс красоты, где девочки выступали в купальниках, и присудил первое место собственной кузине, а второе — любимице большинства учителей. На ставшие ежегодными выставки научных работ учащихся, где показывались коллекции ящериц, змей и насекомых нашего края, а также предметы обихода индейцев, съезжались толпы восхищенных родителей. Организовывал их неизменно Силки. Во всех играх, праздничных представлениях и прочих школьных развлечениях чувствовалось его руководство и его любовь к аттракционам.

После окончания средней школы я поступил в университет штата, выбрав профилирующей дисциплиной биологию, и на семь лет потерял Силки из виду. Затем в одной из газет натолкнулся на заметку, где говорилось что-то об уроженце наших мест Силки Трэвисе, преуспевающем в «большом

городе» и ставшим одним из владельцев варьете и какой-то концессии в Нью-Джерси.

Некоторое время о нем снова ничего не было слышно. И вот теперь он, видимо, опять совладелец, на этот раз — совладелец шоу уродцев в цирке.

Решив, как мне казалось, загадку почтовой открытки, я чувствовал себя вполне удовлетворенным. Что ж, меня это даже позабавило. Интересно, Силки послал открытки всем своим бывшим знакомым? Не стоит ломать себе голову по поводу написанных на обороте слов. В общем, все шито белыми нитками, сразу ясно, что за этим стоит.

Итак, я сидел дома и вовсе не собирался идти в цирк. Вечером лег спать, но спустя несколько часов проснулся от странного чувства, что я не один. То, что я тогда испытал, сравнимо с ощущениями, описанными Джонсоном в его книге о болезненных страхах.

Я жил в очень спокойном районе, где ничто не нарушало тишину. И теперь слышал, как колотится сердце и бурлит в животе. Газы поднимались вверх, во рту отдавало горечью. Я с трудом переводил дыхание.

И все-таки не видел вокруг ничего необычного. Глухой страх охватывал меня все сильнее. Наверно, кошмары мучали во сне, подумал я. Даже стало стыдно. На всякий случай пробормотал:

— Кто здесь?

Ответа не было. Я встал и зажег свет. Комната была пуста. Но я не успокоился. Вышел в холл, затем осмотрел стенной шкаф и ванную комнату. Наконец, все еще не удовлетворенный, я решил проверить, надежно ли закрыты окна. И тут-то меня чуть не хватил кондрашка. На внешней стороне оконного стекла было написано: «КОТ СОВЕТУЕТ ВАМ ПРИЙТИ В ЦИРК».

В ярости я вернулся в кровать, едва не позвонив в полицию, чтобы потребовать ареста Силки. Утром, когда я проснулся, надпись на стекле уже исчезла. Я позавтракал, и мой ночной гнев немного поутих. Мне даже стало жалко Силки с его отчаянным желанием дать понять своим старым знакомым, что он тоже преуспел в жизни. Перед тем как отправиться в колледж, где я вел утренний семинар, я осмотрел окно спальни с наружной стороны и увидел на земле что-то вроде отпечатков ног. Но не человеческих. И решил, что Силки позаботился о том, чтобы не оставить собственных следов.

На занятиях, около полудня, один из студентов спросил меня, существует ли в биологии какое-нибудь приемлемое объяснение причин возникновения уродства. В ответ я, как обычно, рассказал о законах изменчивости, влиянии недостатка питания, болезней, отставания в умственном развитии и так далее на отклонения в строении тела. А в конце сухо добавил, что за дальнейшей информацией могу отправить его к своему старому другу Силки Трэвису, возглавляющему шоу уродцев в цирке Пэгли-Маттерсона. Последние слова, сказанные, в общем-то, мимоходом, произвели фурор. Мне тут же рассказали, что животное, выступающее в цирке, вызывает настоящий ужас.

— Это странное, похожее на кота существо,— приглушенно проговорил один из студентов,— изучает вас с тем же интересом, что и вы его.

Прозвеневший звонок избавил меня от необходимости как-то комментировать сказанное. Помню, однако, я подумал тогда, что люди мало меняются. Их привлекают главным образом всякие странности, тогда как мне как ученому процессы развития материи в ее нормальном состоянии кажутся куда более занимательными.

Я по-прежнему совершенно не собирался идти в цирк. Но по пути домой, случайно опустив руку в карман, достал оттуда почтовую открытку с фотографией Силки и, рассеянно перевернув ее, заново прочитал текст на обороте:

Временны́е интервалы в доставке почты влекут за собой огромные энергетические затраты, что влияет на разницу во времени. Поэтому вполне возможно, что эта открытка прибудет до того, как я узнаю, кто Вы. Из предосторожности посылаю еще одну открытку с Вашим именем и адресом на ней в цирк, причем обе открытки будут отправлены одновременно.

Пусть Вас не беспокоит способ доставки открыток. Я просто положу в почтовый ящик нужное устройство, которое отошлет открытки в почтовый ящик на Земле, где их вынут и доставят адресату обычным способом. Устройство затем исчезнет.

Фотография говорит сама за себя.

Но она ничего не говорила. Во мне опять проснулось раздражение. Я запихнул открытку обратно в карман, собравшись уже разыскать Силки и потребовать объяснения всем этим глупостям. Но удержался, разумеется. Не так уж это и важно.

Когда я поднялся на следующее утро, то на том же оконном стекле увидел надпись: «КОТ ХОЧЕТ ПОГОВОРИТЬ С ВАМИ!» Видимо, она появилась давно, поскольку, пока я рассматривал ее, слова стали постепенно пропадать и к концу завтрака совсем исчезли.

Теперь я был скорее обеспокоен, чем сердит. Такая настойчивость со стороны Силки говорила о некоторых невротических чертах его характера. Пожалуй, мне надо пойти к нему на шоу. Пусть эта небольшая победа успокоит его душу и дух его перестанет преследовать меня.

Как бы там ни было, но сразу после обеда мне пришла в голову мысль, внезапно перевернувшая все мои намерения. Я вспомнил о Вирджинии.

Уже два года я был профессором биологии в университете штата. Как я теперь понимаю, мною владело тогда рано проснувшееся честолюбие, которое в тот момент первый раз в жизни оставило меня. И первый раз среди довольно серых будней столь смутное побуждение толкало меня к действию. Эта девица Вирджиния видела во мне, как ни печально, гибрид некой окаменелости и интеллектуального робота. Я был совершенно уверен, что ей никогда в голову не приходила мысль выйти за меня замуж.

Но временами мне казалось, что, если бы я смог, не теряя чувства собственного достоинства, одурачить ее, выдав себя за этакого романтического героя, она, пожалуй, и могла бы ответить мне «да». И вот удобный случай — сделать вид, что меня все еще волнуют цирковые представления, и в конце вечера в качестве заключительного аккорда пригласить Вирджинию к Силки в надежде, что мое знакомство с этим типом всколыхнет ее экзотическую душу.

Я позвонил ей, и она согласилась пойти со мной в цирк. Что ж, первый барьер был взят. Далее я делал все, что мог. Весь вечер мы катались на чертовом колесе и предавались прочим детским забавам. Но пришел и на мою улицу праздник, когда я предложил ей посмотреть в цирке представление под руководством моего старого друга Силки Трэвиса.

Это действительно произвело впечатление! Вирджиния встала как вкопанная и взглянула на меня почти обвиняюще:

— Филип, вы что, хотите сказать, что знаете этого самого Силки? — Она глубоко вздохнула.— Да, это я должна увидеть.

С Силки все прошло прекрасно. Когда мы вошли, его не было. Но билетер тут же пригласил нас в какую-то комнатушку, где спустя минуту появился Силки. Толстый и округлый, как хорошо откормленная акула, он весь лоснился. Глаза превратились в щелочки, словно последние пятнадцать лет он занимался только тем, что вычислял, как лучше использовать людей для своей выгоды. Во взгляде не было ничего призрачного (я вспомнил фотографию), но на лице лежали тени, оставленные пороком — призраками жадности, мошенничества и жестокости. Впрочем, Силки полностью оправдал мои надежды, а самое главное, патетически обрадовался нашему приходу. Это напоминало радость странника, в последний раз вожделенно взирающего на оставляемый им дом и оседлый образ жизни. Во взаимных приветствиях мы оба немного перебрали, но при этом каждый был польщен энтузиазмом другого. Вскоре Силки обронил:

— Недавно приходил Брик. Рассказал, что ты преподаешь в университете штата. Поздравляю. Всегда знал, что ты далеко пойдешь.

Я постарался обойти эту тему как можно быстрее:

— Ведь ты покажешь нам тут все, Силки, и немного расскажешь о себе?

Мы уже раньше видели некую странную пару — ужасную толстушку и ходячий человеческий скелет, но Силки потащил нас обратно и поведал *его* историю жизни с ними: как он их подобрал, как они с его помощью достигли теперешней славы. Он был слишком многословен, и мне приходилось время от времени поторапливать его. Но в конце концов мы дошли до небольшого закрытого со всех сторон навеса, над брезентовым пологом которого было написано: «КОТ». Я заметил его еще раньше, а болтовня зазывалы, стоящего прямо перед входом, еще более подогрела мое любопытство.

— Кот... Приходите посмотреть на кота. Люди, это нечто необыкновенное. Станет самым незабываемым впечатлением в вашей жизни. В цирке никогда еще не выступало такое животное. Биологический феномен, поразивший ученых всей страны... Люди, это удивительно. Билеты по двадцать пять центов. Но если вы останетесь недовольны, пожалуйста, можете их вернуть. Обещаю. Мое слово. Можете получить деньги обратно, просто встав и попросив...

И так далее. Вся эта шумиха не больно соблазняла. Однако реакция людей, зашедших внутрь, начинала щекотать мне нервы.

Посетителей запускали группами, где их, видимо, встречал один из служителей цирка, поскольку в течение нескольких

минут раздавалось его еле слышимое бормотание, а затем он громким голосом возвещал:

— А теперь я отодвину занавес и покажу вам — кота!

Занавес, должно быть, открывался одним рывком и в точно рассчитанный момент. Ибо едва с уст служителя слетало слово «кот», как следовала незамедлительная реакция публики:

— Аааа-аа-а!

Отчетливый одновременный выдох сотни напуганных людей. За этим следовала напряженная тишина — и толпа устремлялась к выходу. Но никто, как я заметил, не просил вернуть обратно деньги.

Что ж, настал и наш черед. На входе возникло маленькое затруднение: Силки забормотал что-то о том, что он лишь один из владельцев шоу и не может сам провести нас. Но я быстро покончил с этим, купив билеты, и со следующей группой мы вошли внутрь.

Довольно стройное животное, сидевшее на помосте, было пяти футов в длину. Существо с кошачьей головой походило на говорящих утрированных животных из комиксов.

Но на том всякое сходство с каким-либо зверем кончалось. Это было нечто чужеродное, странное. Вообще не кошка. Совсем другая структура тела. Я видел это совершенно отчетливо. Мне потребовалось не больше минуты, чтобы осознать коренные отличия.

Голова! Высокий лоб, а не низкий и наклонный. Гладкая и почти без шерсти морда. Хорошо сбалансированное на длинных прямых ногах тело. Существо со своим собственным характером, силой, интеллектом. Гладкие передние конечности заканчивались короткими пальцами с тонкими острыми когтями.

Но что действительно поражало, так это глаза. С виду — вполне обычные, с нормальными веками и примерно той же величины, что у человека. *Но они танцевали!* Двигались в два, даже три раза быстрее, чем человеческие. Их четкое движение на столь высокой скорости говорило о зрении, которое воссоздавало фотографически сжатое изображение всей комнаты. Да, в этом мозгу должны были возникать потрясающе яркие картины.

Все это я увидел за несколько минут. Тут существо зашевелилось.

Оно встало не торопясь, легко и небрежно, затем зевнуло и потянулось. Наконец сделало шаг вперед. В толпе, особенно среди женщин, возникла паника. Но ее остановил служитель цирка, сказавший спокойно:

— Все в порядке, народ. Он часто спускается и разглядывает нас. Это не опасно!

Публика замерла. Тогда кот по ступенькам сошел с возвышения и приблизился ко мне. Остановившись, животное с любопытством и пристально смотрело на меня. Потом оно осторожно потянулось вперед, расстегнуло мой пиджак и исследовало содержимое нагрудного кармана.

Его заинтересовала открытка с фотографией Силки, которую я взял с собой, намереваясь узнать, что все это значит.

Кот довольно долго рассматривал ее, затем протянул Силки. Силки посмотрел на меня.

— Можно? — спросил он.

Я кивнул. У меня было такое чувство, будто я присутствую на театральном представлении, смысла которого не понимаю. Я заметил, что не спускаю глаз с Силки.

Тот взглянул на фотографию на открытке и уже было протянул ее обратно, но вдруг замер. Рывком поднес открытку ближе к глазам и уставился на фото.

— Боже правый! — выдохнул он.— Это же я.

Его удивление было искренне и столь неподдельно, что даже напугало меня.

— Разве не ты послал мне ее? И слова на обороте не ты писал?

Силки ответил не сразу. Он перевернул открытку, взглянул на текст и покачал головой.

— Бессмыслица какая-то,— невнятно прошептал он.— Хм, отправлено из Марстауна. Мы проторчали там три дня на прошлой неделе.

Он вернул мне открытку.

— Никогда ее раньше в глаза не видел. Забавно.

Это прозвучало убедительно. Я взял карточку и вопросительно посмотрел на кота. Но тот уже потерял ко мне всякий интерес. Пока мы разбирались с открыткой, он развернулся и взобрался обратно на помост. Устроился в кресле, зевнул и закрыл глаза.

И это, собственно, все, что произошло. Мы вышли на улицу и распрощались с Силки. Позднее, по пути домой, этот эпизод казался еще более непонятным, чем в цирке.

Не знаю, как долго я спал, пока вдруг не проснулся. Перевернулся на другой бок, намереваясь заснуть опять, но случайно заметил, что в комнате горит свет. Испугавшись, я поднялся.

В кресле в трех футах от меня сидел кот.

Стояла мертвая тишина. Я не мог произнести ни слова. В памяти всплыло услышанное в цирке: «Не опасен!» Однако в тот момент я этому не очень верил.

Уже третий раз этот зверь приходит сюда. Из них дважды — чтобы оставить записки. Мысленно я постарался прочесть их текст. «Кот хочет поговорить с вами!» Неужели это существо может говорить?

Кот сидел спокойно, не двигаясь, что в конце концов придало мне решимости. Набравшись храбрости, я разлепил губы:

— Вы можете говорить?

Он шевельнулся, медленно и осторожно поднял руку, как бы не желая испугать меня, и указал на ночной столик, стоящий у кровати. Глазами я проследил за его пальцем. Под лампой стоял какой-то аппарат, из которого неожиданно для меня раздался голос:

— Мое тело устроено так, что я не могу издавать звуков, соответствующих человеческой речи, но сами слышите, этот прибор — превосходный посредник.

Должен вам сказать, что я едва не подпрыгнул. Мне казалось, что шарики закатываются за ролики, и только по мере того, как я осознал, что все стихло и мне ничто не угрожает, я понемногу пришел в себя. Не знаю, почему я решил тогда, что эта его способность говорить с помощью механического устройства может быть опасной для меня. Но решил я именно так.

Полагаю, что в действительности это было нечто вроде ментального шока. Мозг отказывался принимать реальность такой, какой она оказалась. Прежде чем я снова смог ясно рассуждать, из аппарата на столе донеслось:

— Передача мыслей с помощью электронных устройств основана на ритмическом использовании энергии мозга.

Это утверждение взволновало меня. В свое время я читал много работ по этой теме, начиная с отчетов профессора Ханса Бергера за 1929 год об исследовании ритмов мозга. Заявление кота не вполне соответствовало современным научным представлениям по этому вопросу.

— Разве его энергия потенциально не слишком мала? — спросил я.— И кроме того, ваши глаза постоянно открыты, что подавляет ритмическую активность мозга. В действительности столь большая часть коры головного мозга принадлежит зрительным центрам, что при открытых глазах не определяется никакая ритмика.

Тогда мне не пришло в голову, но теперь я понимаю, что отвлек кота от его истинной цели.

— А какие проводились измерения? — спросил он. Даже через это своеобразное «радио» было слышно, что он заинтересован.

— Фотоэлектрические ячейки,— ответил я,— регистрируют целых пятьдесят микровольт (или что-то около этого, если быть более точным), в основном в активных областях мозга. Вы знаете, что такое микровольт?

Кот кивнул и через мгновение проговорил:

— Чтобы не пугать вас, я не скажу, какой поток энергии генерирует мой мозг, но и это не потолок. Я всего лишь студент, путешествующий по Галактике. Так сказать, поездка после окончания учебы. Знаете, у нас есть определенные правила...— Он замолчал.— Вы, кажется, хотели что-то сказать?

Я сидел онемевший, ошеломленный. Затем тихо произнес:

— Вы сказали... Галактика?

— Да, это так.

— Н-но разве такое путешествие не занимает многие годы?

Мой мозг напрягся, пытаясь схватить, понять смысл сказанного.

— Мое путешествие продлится более тысячи ваших лет,— спокойно продолжил кот.

— Вы бессмертны?

— О нет.

— Но...

Тут я замолк. Не мог произнести ни звука. Я сидел как бы с выключенным сознанием, слушая дальнейший рассказ этого удивительного существа.

— По правилам нашего студенческого братства, прежде чем покинуть планету, мы должны рассказать о себе одному ее обитателю. А потом мы забираем с собой какой-нибудь сувенир на память о существующей здесь цивилизации. Интересно, что бы вы посоветовали взять в качестве сувенира о Земле? Это может быть все, что угодно, лишь бы в наибольшей степени отражало основные качества человеческой расы.

Вопрос охладил меня. В голове перестала крутиться чехарда сумасшедшего напряжения, сменяемого полнейшей пустотой. Я явно почувствовал себя лучше. Устроившись поудобнее и задумчиво потирая щеку, я искренне надеялся, что произвожу впечатление человека, к чьему мнению стоит прислушаться.

Но тут меня охватило чувство бесконечной растерянности. Оно посещало меня и раньше, но теперь, перед необходимостью принять решение, мне стало казаться, что люди — чрезвычайно сложные существа. Как можно взять какую-то одну грань и сказать: «Это человек!» или «Это представляет человечество»? Я спросил:

— Произведение искусства, научный труд или просто статью — тоже можно?

— Все, что хотите.

Мне стало страшно интересно. Все мое существо активно впитывало необыкновенность происходящего. Казалось чрезвычайно важным, чтобы великая раса, способная пересекать Галактику из конца в конец, получила верное представление о человеческой цивилизации. Я сам поразился, когда наконец натолкнулся на ответ, поиски которого заняли у меня столько времени. Но в тот момент, когда я его нашел, я знал: *это то!*

— Человек — прежде всего существо религиозное,— сказал я.— Со времен весьма и весьма отдаленных, о которых не осталось никаких письменных свидетельств, ему необходима была вера во что-либо. Сначала он полностью отдавался природным богам, типа рек, ураганов, растений; затем его боги стали невидимыми, а теперь понемногу опять оживают. Экономическая система, наука — что угодно. Главное, что человек поклоняется этому, невзирая ни на какие причины, другими словами, чисто религиозно.

Я закончил с тихим удовлетворением:

— То, что вам надо,— выполненная из прочного металла скульптура человека с запрокинутой назад головой, поднятыми к небу руками и восхищенным выражением лица. И надпись у основания: «Верую».

Я чувствовал, что кот смотрит на меня в упор.

— Очень интересно,— сказал он в конце концов.— Мне кажется, вы были близки к настоящему ответу, но все-таки не нашли его.

Он встал.

— А теперь я хочу, чтобы вы поехали со мной.

— А?

— Пожалуйста, одевайтесь.

Это было сказано очень просто, без всяких эмоций. Страх, сидевший глубоко внутри меня, на мгновение вернулся — подобно костру, в который подбросили сухих веток.

Я вел машину. Кот сидел рядом. Ночь выдалась прохладной и освежающей, но темной. Из-за стремительно бежавших облаков время от времени выглядывал диск луны. Иногда сквозь темное синее небо просачивались проблески звезд. Мысль о том, что откуда-то сверху спустилось на Землю это существо, смягчала мое напряжение. Наконец я отважился спросить:

— Ваш народ намного опередил нас в понимании глубинного смысла бытия?

Это прозвучало скучно и как-то по-академически. Я быстро добавил:

— Надеюсь, вы не откажетесь ответить на несколько вопросов?

Опять вышло не так. В отчаянии от того, что проворонюэтот шанс, выпавший человечеству раз за многие столетия, я молча проклинал свою профессорскую выучку, из-за которой каждое слово звучало сухо и пусто. Наконец я процедил:

— А открытку вы послали?

— Да.

Устройство, лежащее на коленях у кота, выдавало звуки — тихие, но четкие.

— Как вы узнали мое имя и адрес?

— Я не знал их.

До того как я успел задать следующий вопрос, кот продолжил:

— Вы все это поймете до исхода ночи.

— О!

Эти слова на секунду как бы придавили меня к сиденью. Я чувствовал спазмы в желудке и старался не думать о том, что произойдет до исхода ночи.

— А вопросы? — пробормотал я.— На них вы ответите?

И уже открыл было рот, чтобы выпалить новую автоматную очередь, но затем снова закрыл его. *Что же я хотел узнать?*

У меня перехватило дыхание. Господи, ну почему в самые ответственные моменты жизни человек теряет всякий разум и остаются одни эмоции... Я не мог собраться с мыслями. Это длилось бесконечно. А когда я все же заговорил, следующий вопрос прозвучал банально. Я спросил вовсе не то, что собирался:

— Вы прилетели на межпланетном корабле?

Кот задумчиво посмотрел на меня.

— Нет,— ответил он.— Я пользуюсь энергией моего мозга.

— Вот как! Значит, вы летите сквозь космос в своем собственном теле?

— В каком-то смысле. В ближайшие годы ваши ученые сделают первые шаги в области ритмического использования энергии. И эти открытия станут переломными для науки.

— Кое-что о нашей нервной системе и о биоритмах мы уже знаем,— сказал я.

— А в конце этого пути — контроль над силами природы. Но больше я об этом ничего не скажу.

Я замолчал, но ненадолго. Поток вопросов теперь бил ключом.

— Можно ли создать космический корабль, использующий атомное топливо?

— Да, но не тем способом, которым вы пытаетесь это сделать. Атомный взрыв нельзя использовать, если не растянуть реакцию во времени. Нужно разбить ее на ряд ограниченных превращений. Но это уже технологическая проблема, имеющая весьма малое отношение к настоящей физике.

— А откуда,— прошептал я,— взялась жизнь? Где она зародилась?

— Все дело в электронных флуктуациях, возникающих в соответствующей среде.

— Электронные флуктуации? Что вы под этим понимаете?

— Атомы органической и неорганической природы отличаются внутренней структурой. Живая материя на основе углеводородов — самая распространенная форма жизни. Но, познакомившись поближе с атомной энергией, вы узнаете, что жизнь может быть создана на основе любого элемента или соединений. Будьте осторожны. Углеводородная жизнь — весьма слабая структура, и на современной стадии развития ее легко можно разрушить.

Я похолодел, так как вполне мог представить, какие эксперименты ведутся в правительственных лабораториях.

— Вы хотите сказать,— задохнулся я,— что существуют формы жизни, опасные с самого момента их возникновения?

— Опасные для человека,— уточнил кот. Внезапно он отвлекся от нашего разговора: — Пожалуйста, поверните на эту улицу, а потом через боковой вход пройдем в цирк.

Всю дорогу я напряженно думал, куда же мы направляемся. И странно — теперь я был ошеломлен. Спустя несколько минут мы вошли в неосвещенное помещение цирка. Тишина была потрясающая. Я понимал, что присутствую при последних мгновениях пребывания кота на Земле.

Неожиданно вдали во мраке появился мерцающий свет. Он приблизился, и я увидел человека, бредущего по направлению к нам. Было слишком темно, чтобы хорошо рассмотреть его. Но постепенно стало светлее. Я заметил, что свет существует как бы сам по себе, без всякого источника. И тут я узнал Силки Трэвиса.

Казалось, он спал. Силки подошел ближе и остановился прямо перед котом. Выглядел он неестественно, каким-то потерянным, как не успевшая накраситься женщина. С внутренним трепетом я долго смотрел на него. Затем спросил:

— Что вы собираетесь делать?

Кот ответил не сразу. Он повернулся и задумчиво посмотрел на меня; потом он дотронулся до лица Силки, одним пальцем мягко приподняв ему веки. Глаза у Силки открылись, но больше он никак не отреагировал. Я понял, что какой-то частью сознания он должен понимать, что происходит.

— Он слышит нас? — прошептал я.

Кот кивнул.

— А осознает что-нибудь?

Кот покачал головой:

— Выбирая основное в человеке, вы остановились на симптоме. Да, человек религиозен. Но это лишь следствие. Я дам вам ключ. Когда вы попадаете на неизвестную планету, есть только один способ остаться незамеченным среди ее разумных обитателей. Если вы его знаете, то можете понять, что в них главное.

Я с трудом мог шевелить мозгами. В зыбкой пустоте цирка, где нас окружала почти космическая тишина, все происходящее казалось ненастоящим. Теперь кот не внушал мне страха. Но где-то в глубине моего сердца притаился ужас, огромный и темный, как ночь. Я посмотрел на неподвижно стоящего Силки, на его дряблое от гнета лет лицо. Затем перевел взгляд на свет, разлитый над его головой. И наконец взглянул на кота:

— Любопытство, человеческое любопытство — вот что вы имеете в виду. Интерес человека к странностям позволяет ему, когда он с ними сталкивается, принимать их как нечто естественное.

— Удивительно, что вы, умный человек, так и не увидели главного в людях.— Кот живо повернулся и выпрямился.— Но теперь пора заканчивать этот разговор. За время моего пребывания здесь я выполнил все, что от меня требовалось: долго жил среди вас, и никто ничего не заподозрил, рас-

сказал о себе одному из обитателей планеты. Остается отослать домой какое-то свидетельство о вашей цивилизации — и я смогу продолжить свой путь... еще куда-нибудь.

С трудом решившись, я проговорил с запинкой:

— Надеюсь, вы не отправите на свою планету Силки?

— Знаете,— сказал кот,— мы редко забираем с собой обитателей других планет, но в этом случае мы даем им что-то взамен. Вашему другу практически подарено бессмертие.

Внезапно меня охватило отчаяние. Оставались секунды. Не то чтобы я очень переживал за Силки: этот олух стоял, как безжизненная глыба. Потом он, конечно же, все вспомнит, но какое это будет иметь значение? Мне казалось, что кот открыл какой-то природный секрет человека и я, биолог, должен его знать.

— Ради бога,— взмолился я,— вы же ничего не объяснили. Про открытку, что вы мне послали. И что все-таки главное в человеке?..

— Все ключи — у вас в руках.— Кот уже отвернулся.— И если вы не можете разобраться, то я тут ни при чем. У нас есть код, мы студенты, вот и все.

— Но что же мне сказать людям? — В отчаянии я почти кричал.— Неужели вы не хотите что-нибудь передать им?

— Если сможете сдержаться,— он вновь посмотрел на меня,— лучше никому ничего не говорите.

На этот раз, уходя, кот не обернулся. Со страхом наблюдал я, как расширяется и растет пелена света над головой Силки. Она становилась все больше и больше и наконец начала мягко, но четко пульсировать. Внутри светового облака Силки и его спутник превратились в бесформенные, как бы мелькающие в огне тени.

В какой-то момент тени стали слабеть, а световой туман гаснуть. Медленно оседая на землю, он растворился в темноте.

От Силки и кота не осталось никакого следа.

Некоторое время все сидящие в баре молчали. Наконец Горд промычал:

— Угу!

Джонс доброжелательно спросил:

— Но вы, конечно же, разгадали секрет почтовой открытки?

В ответ незнакомец кивнул:

— Да, вроде бы. Помните, там упоминалась разница во времени? Просто открытку отправили уже после того, как

Силки поместили в школьный музей на родине кота, но из-за отклонений во времени я получил ее еще до того, как узнал о появлении Силки в городе.

Со своего стула подал голос Мортон:

— Ну а что же все-таки основное в человеке, если религия лишь внешнее проявление этого?

— Силки, выставлявший на всеобщее обозрение уродцев, фактически демонстрировал себя самого.— Для убедительности незнакомец взмахнул рукой.— А религия — это самодраматизация, как бы инсценировка перед Богом. Себялюбие, нарциссизм — мы всегда стараемся показать себя в выгодном свете, пустить пыль в глаза... и потому столь странное существо могло жить среди нас и никто его ни в чем не заподозрил.

— А меня больше интересует любовная сторона этой истории,— икнув, проговорила Кэти.— Удалось вам жениться на Вирджинии? Вы ведь профессор биологии, не так ли?

— Я был им.— Он отрицательно покачал головой.— Мне бы прислушаться к совету кота. Но я чувствовал, что нужно рассказать о случившемся людям. Через три месяца мне пришлось уйти с работы. Бог знает чем я сейчас занимаюсь. Но это неважно. Я обязан продолжать. Мир должен знать о слабости, делающей нас столь уязвимыми... Вирджиния? Она выскочила за пилота одной крупной авиакомпании — поддалась, так сказать, на его самоинсценировку.

Незнакомец встал.

— Ну, мне пора. Сегодня еще надо зайти не в один бар.

Когда он вышел, Тэд, на минутку перестав выглядеть дурачком, сказал:

— Да, этому типу есть чем заняться. Подумайте только, за вечер он расскажет свою историю раз пять, не меньше. Неплохо для человека, который хочет быть в центре внимания.

Мира хихикнула. Джонс опять пристал к Горду.

— Угу! — как бы слушая, каждую секунду ронял Горд.

Кэти положила голову на стол и храпела, как пьяная. А Мортон все ниже и ниже сползал со стула.

Часы времени

— Женитьба,— скажет Терри Мэйнард, будучи благодушно настроенным,— дело святое. Уж я-то знаю. Два раза был женат, в 1905-м и в 1967-м. За столько лет любой разберется, что к чему.

И после этих слов он ласково поглядит на свою жену Джоан.

В тот самый вечер, когда разговор зашел в очередной раз, она вздохнула, закурила сигарету, откинулась на спинку кресла и пробормотала:

— Ах, Терри, ты просто невыносим. Опять?

Она отхлебнула коктейль из бокала, посмотрела невинными голубыми глазами на собравшихся гостей и сказала:

— Терри собирается рассказать о нашем с ним романе. Так что если кто уже слышал, то сандвичи и прочая снедь в столовой.

Двое мужчин и женщина поднялись и вышли из комнаты. Терри крикнул им вслед:

— Люди смеялись над атомной бомбой, пока она не свалилась им на головы. И кто-нибудь однажды поймет, что я вовсе не фантазирую и то, что произошло со мной, может случиться с каждым. Страшно даже подумать, но здесь открываются такие возможности, что взрыв атомной бомбы по сравнению с ними просто колеблющийся огонек свечи.

Один из гостей, оставшихся в комнате, удивленно заметил:

— Что-то я не пойму. Если вы были женаты в 1905 году, то, отбросив, разумеется, вопрос о том раздражении, которое должна испытывать ваша очаровательная супруга, не имея возможности впиться своими длинными ноготками в нежное

личико своей древней соперницы, при чем здесь вообще атомная бомба?

— Сэр,— сказал Терри,— вы говорите о моей первой жене, да почиет она в мире.

— Никогда,— заявила Джоан Мэйнард.— Вот уж этого-то я как раз постараюсь не допустить.

Тем не менее она уселась поудобнее и проворковала:

— Продолжай, Терри, милый.

— Когда мне было десять лет,— начал свой рассказ ее супруг,— я был просто-таки влюблен в старинные дедушкины часы, висевшие в холле. Кстати, когда будете уходить, обратите на них внимание. Однажды, когда я открыл дверцу внизу и принялся раскачивать маятник, мне бросились в глаза цифры. Они начинались в верхней части длинного стержня — первая цифра была 1840 — и доходили до самого низа, где было написано 1970. Это произошло в 1950 году, и я помню, как был удивлен, увидев, что маленькая стрелка на хрустальной гирьке указывала точно на отметку 1950. Тогда я решил, что наконец-то сделал великое открытие — выяснил принцип работы всех часов на свете. После того как мое возбуждение улеглось, я, естественно, начал крутить гирьку и помню, как она скользнула вверх, на отметку 1891.

В то же мгновение я почувствовал сильное головокружение и отпустил гирьку. Ноги у меня подкосились, и я упал. Когда я немного оправился и поднял голову, то увидел какую-то незнакомую женщину, да и все вокруг меня выглядело необычно. Вы, конечно, понимаете, что дело было в обстановке — мебели и коврах,— все-таки этот дом находился во владении нашей семьи более века.

Но мне было десять лет, и немудрено, что я перепугался, особенно когда увидел эту женщину. Ей было около сорока лет, она была одета в старомодную длинную юбку, губы ее были поджаты от негодования, и в руке она держала розгу. Когда, дрожа от слабости, я поднялся на ноги, она заговорила:

«Джо Мэйнард, сколько раз я говорила, чтобы ты держался подальше от этих часов?»

Когда она назвала меня по имени, я обмер. Тогда я еще не знал, что моего дедушку звали Джозеф. Напугало меня и то, что она говорила по-английски слишком чисто и внятно — мне даже не передать как. Когда же я понял, что в ее лице все явственнее проступают знакомые мне черты — это

было лицо моей прабабушки, портрет которой висел в кабинете отца,— я вконец перетрусил.

С-с-с-с-с! Розга полоснула меня по ноге. Я увернулся и кинулся к двери, взвыв от боли. Я слышал, как она кричит мне вслед:

«Ну погоди, Джо Мэйнард, вот вернется отец...»

Выбежав из дома, я очутился, как в сказке, в маленьком городке конца девятнадцатого века. Собака затявкала мне вслед. На улице паслись лошади, вместо тротуара был деревянный настил. Я привык лавировать среди автомобилей и ездить на автобусах и потому был не в состоянии воспринять внезапно происшедшей перемены. Я так ничего и не помню о тех долгих часах, что провел на улице, но постепенно становилось темно, и я прокрался назад к большому дому и уставился в единственное освещенное окно в столовой. Никогда в жизни мне не забыть того, что я увидел. За обеденным столом сидели мои прадедушка и прабабушка с мальчиком моего возраста, почти точной моей копией, если не считать насмерть перепуганного выражения лица, которого, надеюсь, у меня никогда не будет. Прадедушка был настолько сердит, что я прекрасно слышал через окно все, что он говорил:

«Ах вот как. Значит, ты попросту называешь свою собственную мать лгуньей. Ну погоди, я разберусь с тобой после обеда».

Я понял, что это из-за меня Джо достанется на орехи. Но для меня тогда важно было то, что в настоящий момент в холле возле часов никого не было. Я пробрался в дом весь дрожа, хоть и не имел никакого определенного плана действий. На цыпочках подошел к часам, отворил дверцу и передвинул гирьку на отметку 1950. Все это я проделал не думая: мысли мои как бы сковало льдом.

Следующее, что я помню, это кричавшего на меня мужчину. Знакомый голос. Когда я поднял голову, то увидел своего собственного отца.

«Негодный мальчишка,— кричал он.— Сколько раз тебе говорили, чтобы ты держался подальше от этих часов!»

Впервые в жизни порка принесла мне явное облегчение, и, пока я был маленьким, ни разу больше не подходил к этим часам. Правда, любопытство заставило меня начать осторожные расспросы о моих предках. Отец отвечал очень уклончиво. Взгляд его устремлялся куда-то вдаль, и он говорил:

«Я сам очень многого не понимаю в своем детстве, сынок. Когда-нибудь я все тебе расскажу».

Он умер внезапно, от воспаления легких. В ту пору мне исполнилось тринадцать лет. Его смерть была для нас потрясением не только душевным: с деньгами тоже не все ладилось. Среди прочих вещей мать продала и старинные дедушкины часы, и мы начали подумывать о том, чтобы сдавать комнаты жильцам, когда неожиданно из-за роста промышленности сильно подскочили цены на землю, которой мы владели на другом конце города. Я помнил о старых часах и о том, что со мной приключилось, но жизнь завертела меня: сначала колледж, потом эта дурацкая война во Вьетнаме — я был, что называется, геройским мальчиком на побегушках при штабе в чине капитана,— так что мне удалось заняться поисками часов лишь в начале 1966 года. Через скупщика, который в свое время приобрел их у нас, я узнал, где они находятся, и заплатил втрое дороже, чем мы за них получили, но часы того стоили.

Грузик на маятнике опустился до отметки 1966. Совпадение это просто потрясло меня. Но что еще важнее, под нижней дощечкой, на самом дне, я обнаружил сокровище: дедушкин дневник.

Первая запись была сделана 18 мая 1904 года. Стоя перед часами на коленях с дневником в руках, я, естественно, решил проделать опыт. Были мои детские воспоминания реальными или только плодом моего воображения? Я тогда даже не подумал о том, что окажусь в прошлом в тот самый день, с которого начинался дедушкин дневник, но рука моя невольно поставила гирьку на отметку 1904. В последний момент на всякий случай я сунул в карман свой пистолет 38-го калибра, а затем схватился за хрустальную гирьку.

Она была теплой на ощупь, и у меня создалось отчетливое впечатление вибрации.

На сей раз я не почувствовал никакой дурноты и уже собирался бросить эту затею, понимая, насколько она глупа, как взгляд мой упал на окружавшую меня обстановку. Диван в холле стоял на другом месте, ковры выглядели темнее, на дверях висели старомодные гардины из темного бархата.

Сердце мое бешено колотилось. В голове лихорадочно стучала мысль: что я скажу, если меня обнаружат? Но скоро я понял — в доме стоит полная тишина, тикали лишь часы. Я поднялся на ноги, все еще не доверяя собственным глазам, все еще не понимая до конца, что это чудо вновь произошло.

Я вышел на улицу. Город разросся с тех пор, как я видел его мальчиком. И все же это было всего лишь начало двадцатого века. Коровы на заднем дворе. Курятники. Неподалеку расстилалась открытая прерия. Настоящий город еще не вырос, и не было никаких признаков того, что это когда-нибудь произойдет. Это вполне мог быть 1904 год.

Вне себя от возбуждения, я зашагал по деревянному тротуару. Дважды навстречу мне попадались прохожие: сначала мужчина, потом женщина. Они посмотрели на меня, как я сейчас понимаю, с изумлением, но тогда я едва обратил на них внимание. И только когда на узком тротуаре чуть не столкнулся с двумя женщинами, я оправился от охватившего меня волнения и понял, что передо мной и в самом деле живые, из плоти и крови, люди самого начала двадцатого века.

На женщинах были длинные, до земли, юбки, шуршащие при ходьбе. День выдался теплый, но, вероятно, недавно прошел дождь: на подолах юбок виднелась засохшая грязь.

Женщина постарше взглянула на меня и сказала:

«О, Джозеф Мэйнард, значит, вы все-таки успели вернуться к похоронам вашей бедной матушки. Но что это за диковинная одежда на вас?»

Девушка рядом с ней не произнесла ни слова. Она просто стояла и смотрела на меня.

У меня чуть было не сорвалось с языка, что я вовсе не Джозеф Мэйнард, но я вовремя спохватился. Кроме того, я вспомнил запись в дедушкином дневнике от 18 мая:

«Встретил на улице миссис Колдуэлл с дочерью Мариэттой. Она страшно удивилась, что я успел вернуться к похоронам».

Слегка ошарашенный таким развитием событий, я подумал: «Если это и есть миссис Колдуэлл и это именно та встреча, то...»

А женщина между тем продолжала:

«Джозеф Мэйнард, я хочу представить вам мою дочь Мариэтту. Мы только что говорили с ней о похоронах, правда, дорогая?»

Девушка продолжала смотреть на меня.

«Разве, мама?» — спросила она.

«Ну конечно, неужели ты не помнишь? — запальчиво произнесла миссис Колдуэлл. Затем добавила торопливо: — Мы с Мариэттой уже приготовились к завтрашним похоронам».

«А мне казалось,— спокойно заметила Мариэтта,— что мы договорились назавтра поехать на ферму Джонса».

«Мариэтта, как ты можешь такое говорить? Это на послезавтра. И вообще, если даже я и договорилась, придется все это отменить».

Она, казалось, вновь полностью овладела собой.

«Мы всегда были так дружны с вашей матушкой, мистер Мэйнард, правда, Мариэтта?» — дружелюбно добавила она.

«Мне она всегда нравилась»,— сказала Мариэтта, сделав почти неуловимое ударение на первом слове.

«Ну, значит, увидимся завтра в церкви в два часа,— торопливо произнесла миссис Колдуэлл.— Пойдем, Мариэтта, душечка».

Я отступил назад, давая им пройти, затем обошел квартал кругом и вновь очутился в своем доме. Я обследовал его сверху донизу в смутной надежде найти тело усопшей, но о нем явно уже позаботились.

Мне стало не по себе. Моя мать умерла в 1963 году, когда я находился в далеком Вьетнаме, и ее похоронами занимался адвокат нашей семьи. Сколько раз душными ночами в джунглях воображение рисовало мне картину безмолвного дома, где она лежала больная! То, что происходило сейчас, было очень похоже на то, что я ощущал тогда, и это сравнение меня угнетало.

Я запер двери, завел часы, опустил гирьку до отметки 1966 и вернулся в собственное время.

Ощущение мрачной атмосферы смерти постепенно отпустило меня, зато взволновала следующая мысль: действительно ли Джозеф Мэйнард вернулся домой 18 мая 1904 года? А если нет, то к кому тогда относилась запись от 19 мая, сделанная в дневнике дедушки:

«Был сегодня на похоронах и опять разговаривал с Мариэттой».

Опять разговаривал! Вот что там говорилось. А так как в первый раз разговаривал с ней именно я, значило ли это, что я также буду и на похоронах?

Весь вечер я провел за чтением дневника в поисках какого-нибудь слова или фразы, которые подсказали бы мне, что я на верном пути. Я не нашел ни одной записи, в которой бы говорилось о путешествии во времени, но после некоторых размышлений понял, что в этом нет ничего удивительного: ведь дневник мог попасть в посторонние руки.

Я дошел до того места, где Джозеф Мэйнард и Мариэтта Колдуэлл объявили о своей помолвке, а чуть позже до записи под одной из дат:

«Сегодня женился на Мариэтте!»

Мокрый от пота, я отложил дневник в сторону.

Вопрос заключался только в одном: если речь шла именно обо мне, то что произошло с подлинным Джозефом Мэйнардом? Неужели единственный сын моих прародителей погиб на какой-то из американских границ и об этом так никогда и не узнали в его родном городе? С самого начала это показалось мне наиболее правдоподобным объяснением.

Я был на похоронах. Теперь у меня не оставалось уже никаких сомнений: я был единственным Мэйнардом, который там присутствовал, разумеется, если не считать моей покойной прабабушки.

После похорон у меня состоялся разговор с адвокатом, и я официально вступил во владение наследством. Я распорядился о покупке акций на землю, которые полвека спустя дали нам с матерью возможность не сдавать комнаты внаем.

Теперь предстояло обеспечить рождение моего отца.

Завоевать сердце Мариэтты оказалось на удивление трудно, хотя я твердо знал, что женитьба наша должна была состояться. У нее был поклонник, молодой человек, которого я с радостью задушил бы собственными руками, и не один раз. Он был из породы краснобаев, но без гроша за душой, и родители Мариэтты были настроены явно против него, что, впрочем, дочь, по-видимому, нисколько не волновало.

В конце концов пришлось решиться на нечистую игру, ведь я не мог позволить себе проиграть. Я отправился к миссис Колдуэлл и прямо в лоб заявил ей, что хочу, чтобы она начала поощрять Мариэтту выйти замуж за моего соперника. По моему предложению она должна была твердить дочери, что на меня нельзя положиться, что в любой момент я могу отправиться путешествовать на край света, потащив ее за собой, и что один господь бог знает, какие трудности и лишения ей придется при этом пережить.

Как я и подозревал, эта девица в глубине души жаждала приключений. Не знаю, следует ли это отнести на счет влияния матери, только Мариэтта вдруг стала относиться ко мне более благосклонно. Я настолько увлекся ухаживанием, что совсем позабыл про дневник. После того как мы обручились, я пролистал его, и все, что со мной произошло, оказалось там описано точь-в-точь как было на самом деле.

От всего этого мне стало как-то не по себе. Когда же Мариэтта назначила нашу свадьбу на тот самый день, что и в дневнике, я и вовсе отрезвел и самым серьезным образом задумался о своем положении. Ведь если мы действительно поженимся, я окажусь своим собственным дедушкой. А если нет — что тогда?

Я даже не мог здраво оценить обстановку, потому что мысли тут же начинали путаться у меня в голове. Тем не менее я приобрел точно такой же старинный дневник в кожаном переплете, слово в слово переписал туда все записи из старого дневника и положил его под нижнюю дощечку часов. На самом-то деле, как я подозреваю, это был один и тот же дневник, тот самый, который я позднее обнаружил.

В назначенный день мы с Мариэттой обвенчались, и вскоре нам обоим стало ясно, что мой отец появится на свет тогда, когда ему положено,— хотя, естественно, Мариэтта воспринимала рождение ребенка в несколько ином смысле.

Тут Мэйнарда прервали.

— Следует ли понимать, мистер Мэйнард,— ледяным тоном спросила одна из слушательниц,— что вы действительно женились на этой бедной девочке и что сейчас она ждет ребенка?

— Но ведь все это случилось в самом начале двадцатого века,— миролюбиво ответил Мэйнард.

С пылающим от негодования лицом женщина заявила:

— По-моему, это самая гнусная история из всех, что я слышала.

Мэйнард окинул гостей насмешливым взглядом:

— Вы все так считаете? Выходит, я не имел никакого морального права обеспечить свое собственное рождение?

— Видите ли...— с сомнением в голосе начал один из присутствующих.

— А может, сначала вы дослушаете мой рассказ до конца, а потом мы поговорим? — сказал Мэйнард.

— Почти сразу же после женитьбы,— продолжил он,— у меня начались неприятности. Мариэтта желала знать, куда это я все время исчезаю. Она была чертовски любопытна и без конца расспрашивала меня о моем прошлом. В каких странах я бывал? Что я там видел? Почему вообще уехал из дому и отправился путешествовать? Она совсем меня заклевала, но ведь я не был настоящим Джозефом Мэйнардом и не мог ответить на ее вопросы. Сначала я намеревался жить с ней до тех пор, пока не родится ребенок, лишь изредка появляясь в своем времени. Но она ходила за мной по пятам.

Дважды она чуть было не поймала меня у часов. Это меня встревожило, и наконец я понял, что Джозефу Мэйнарду следует исчезнуть из этого времени навсегда.

В конце концов, какой смысл был в том, что я обеспечил свое собственное рождение, если в дальнейшем мне больше ничего не предстояло сделать? У меня была своя жизнь начиная с 1967 года и далее. Я также должен был жениться вторично, чтобы дети мои продолжили наш род.

Тут его прервали во второй раз.

— Мистер Мэйнард,— сказала все та же женщина,— не намекаете ли вы на то, что просто бросили бедную беременную девочку?

Мэйнард беспомощно развел руками.

— Что еще мне оставалось делать? В конце концов, за ней был прекрасный уход. Я даже говорил себе, что со временем она, вероятно, выйдет замуж за того самого молодого краснобая, хотя, признаться, мне это было вовсе не по душе.

— Почему бы вам было не забрать ее с собой?

— Потому,— сказал Терри Мэйнард,— что я хотел, чтобы ребенок оставался там.

Лицо женщины побелело, и она проговорила, чуть заикаясь от ярости:

— Мистер Мэйнард, я не желаю долее оставаться под одной крышей с вами.

Мэйнард изумленно посмотрел на нее.

— Но, мадам, значит, вы верите моему рассказу?

Она недоуменно моргнула.

— О! — вырвалось у нее, и, откинувшись на спинку кресла, она смущенно рассмеялась.

Несколько человек посмотрели на нее и тоже засмеялись, но как-то неуверенно.

— Вы даже представить себе не можете,— продолжал Мэйнард,— каким виноватым я себя чувствовал. Всякий раз, стоило мне увидеть хорошенькую женщину, перед моими глазами вставала Мариэтта. И лишь с большим трудом я убедил себя, что она умерла где-то в 40-х годах, а может, и раньше. И все же не прошло и четырех месяцев, а я уже не мог ясно представить себе, как она выглядит.

Затем на одной из вечеринок я встретил Джоан. Она сразу же напомнила мне Мариэтту, и, думаю, это повлияло на весь дальнейший ход событий. Должен признаться, что она проявила недюжинную энергию, добиваясь моей благосклонности, но в какой-то степени я даже радовался этому,

ибо отнюдь не уверен, что отважился бы на женитьбу, если бы она все время не подталкивала меня к этому.

После свадьбы я, по обычаю, перенес ее на руках через порог нашего старого дома. Когда я опустил ее на пол, она долгое время стояла, глядя на меня со странным выражением. В конце концов она тихо сказала:

«Терри, я должна тебе кое в чем признаться».

«Да?»

Я понятия не имел, что бы это могло значить.

«Терри, есть причина, по которой я так торопилась выйти за тебя замуж».

Я почувствовал слабость в коленях. Мне не нужно было объяснять ту причину, по которой молоденькие девушки торопятся выйти замуж.

«Терри, у меня будет ребенок».

Сказав это, она подошла ближе и влепила мне пощечину. Не думаю, что когда-либо в жизни я испытывал большее изумление.

Он прервал свой рассказ и окинул взглядом комнату. Гости переглядывались и явно чувствовали себя неловко. В конце концов женщина, уже не раз возмущавшаяся его рассказом, с удовлетворением произнесла:

— Так вам и надо.

— Вы считаете, что я получил по заслугам?

— Когда человек совершает неблаговидный поступок...— начала она.

— Но, мадам,— запротестовал Мэйнард,— ведь я точно выяснил, что, не стань я собственным дедушкой, я никогда бы не появился на свет. А как бы вы поступили на моем месте?

— А по мне, так это многоженство,— заявил один из гостей.— Нет, только не подумайте, что я пытаюсь защищать женщин, которые награждают своих мужей чужими детьми. И вообще, Джоан, у меня просто нет слов.

Это был старый приятель Мэйнардов, который слышал рассказ впервые.

— Любая женщина может оказаться в отчаянном положении,— пробормотала Джоан.

— При чем здесь многоженство,— произнес Мэйнард,— если первая жена умерла чуть не на целое поколение раньше? — Он помолчал, а потом сказал: — И кроме того, я не мог не задуматься о судьбе всего человечества.

— Что вы имеете в виду? — хором воскликнули несколько гостей.

— Попробуйте представить себе силы,— уже серьезно сказал Мэйнард,— которые действуют в процессе путешествий во времени. Я не ученый, но могу отчетливо представить себе картину нашего материального мира, который движется сквозь время, подчиняясь незыблемому закону энергии. По сравнению с этой силой взрыв атомной бомбы не более чем слабый колеблющийся огонек свечи в бесконечной тьме. Предположим, что в определенный момент развития пространства-времени не рождается ребенок, который должен был появиться на свет. Так как ребенок, о котором мы говорим, должен был стать моим отцом, то возникает вопрос: если он не родился, продолжали бы мы с ним существовать или нет? А если нет, то скажется ли наше неожиданное исчезновение на развитии Вселенной? — Мэйнард наклонился вперед и торжественно произнес: — Я полагаю, скажется. Я полагаю, что вся Вселенная просто исчезла бы, мгновенно испарилась, словно ее никогда и не было. Равновесие между жизнью как таковой и существованием индивида чрезвычайно хрупкое. Стоит чуть-чуть изменить его, нарушить самое слабое звено, и все рухнет, как карточный домик. Так мог ли я, учитывая эту возможность, поступить иначе?

Он пожал плечами, вопрошающе глядя на гостей, и откинулся на спинку кресла.

Наступило молчание. Затем один из присутствующих сказал:

— А мне кажется, каждый из вас получил по заслугам.— Он хмуро посмотрел на Джоан.— Я знаю вас уже примерно три года, но что-то не припомню никакого ребенка. Он умер? Тогда я вообще не понимаю, зачем вы вытряхиваете свое грязное белье на людях?

— Джоан,— сказал Мэйнард,— по-моему, *тебе* следует закончить этот рассказ.

Его жена взглянула на часы.

— Думаешь, я успею, милый? Без двадцати двенадцать. Наши гости наверняка хотят успеть отпраздновать Новый год.

— А ты покороче,— сказал Мэйнард.

— Страхи Терри относительно того, что его любопытная жена увидит, как он отправляется в будущее и возвращается обратно,— начала Джоан,— были вполне обоснованны. Случилось так, что она увидела, как он исчез. Поймай она его при возвращении, с ней, безусловно, случилась бы истерика и она устроила бы ему скандал, а так у нее было время подумать и оправиться от потрясения.

И ничего удивительного, что она ходила за ним по пятам, как испуганная курица. Ей очень хотелось поговорить с ним, но она не осмеливалась и молча переживала происходившее. Несколько раз она видела, как он исчезал, а затем появлялся. С каждым разом она пугалась все меньше и меньше, и в один прекрасный день любопытство одержало верх. Однажды утром, когда он встал раньше нее, оставив на подушке записку, что уезжает на два дня, Мариэтта надела дорожное платье, взяла с собой все деньги, какие были в доме, и подошла к часам. Прежде она не раз изучала их и в принципе поняла, как они работают. Подойдя, она сразу заметила, что гирька стоит на отметке 1967.

Мариэтта схватилась рукой за хрустальную гирьку, как это делал ее супруг, и на мгновение почувствовала дурноту. Хоть она и не поняла этого сразу, она уже оказалась в будущем. Когда она вышла из дому, ей стало страшно: едва она начала переходить улицу, как механическое чудовище, которое неслось на нее, вдруг завизжало, резко останавливаясь. Из окошка высунулся сердитый мужчина и обругал ее.

Дрожа, почти теряя сознание, Мариэтта добралась до тротуара. Постепенно она освоилась с непривычной обстановкой и стала более осторожной, ведь она была способной ученицей. Менее чем через полчаса она очутилась перед магазином готовой одежды. Зайдя внутрь, она вынула из кошелька деньги и спросила у продавщицы, может ли она на них что-нибудь купить. Продавщица позвала управляющего. Управляющий отослал деньги в ближайший банк для проверки. Все обошлось как нельзя лучше.

Мариэтта купила платье, костюм, нижнее белье, туфли и прочие мелочи. Она вышла из магазина, потрясенная собственным безрассудством и испытывая стыд при виде той одежды, которую ей пришлось надеть, но в самом решительном расположении духа. Она очень устала, поэтому вернулась обратно в дом, а потом и в свое собственное время.

Шли дни, и постепенно Мариэтта осмелела. Она подозревала своего мужа в дурных намерениях, ведь ей неоткуда было знать о том, что именно женщины будущего считают современным и дозволительным. Она выучилась курить, хотя сперва чуть было не задохнулась. Она научилась пить, хотя отключилась после первой же рюмки и целый час спала как убитая. Она устроилась на работу в магазин: управляющий решил, что ее старомодная манера обращения привлечет покупателей. Однако не прошло и месяца, как ее уволили, в основном потому, что она чересчур усердно подражала раз-

говору молоденьких продавщиц с их новомодными словечками, но также и за то, что она не каждый день ходила на работу.

К этому времени у нее уже не оставалось сомнений в том, что она ждет ребенка, а так как в это время муж еще не собирался бросить ее, она сказала ему об этом. По-моему, в глубине души она надеялась, что он тут же все ей расскажет. Впрочем, не берусь утверждать этого наверняка: трудно судить о том, что в тот или иной момент движет поступками мужчины или женщины. Как бы то ни было, этого не произошло. Вскоре он ушел и больше уже не возвращался.

Разгадав его намерения, Мариэтта пришла в ярость. И все же ее раздирали противоречия: с одной стороны, она оказалась в роли брошенной жены, с другой — в ее силах было изменить создавшееся положение.

Она заколотила дом и объявила, что намерена отправиться попутешествовать. Прибыв в 1967 год, она устроилась на работу и сняла комнату, назвавшись девичьим именем своей матери, Джоан Крейг. Она напросилась на вечеринку, где встретила Терри Мэйнарда. В новом платье и с новой прической в ней довольно трудно было узнать прежнюю Мариэтту.

Она вышла за него замуж и в наказание за то, что он так поступил с ней, не призналась ему ни в чем до самой последней минуты, напугав его до полусмерти. Но затем... да и что она могла сделать? Когда мужчина женится на девушке дважды, второй раз даже не подозревая, кто она такая, это — любовь... О господи, уже без трех минут двенадцать. Пора кормить моего карапуза.

Она вскочила с кресла и выбежала в холл.

Прошло около минуты, прежде чем один из гостей прервал наступившую тишину.

— Черт побери! Выходит, вы не только дедушка самому себе, но еще и женились в 1970 году на собственной бабушке! Вам не кажется, что это несколько усложняет дело?

Мэйнард покачал головой.

— Разве вы не понимаете, что это — единственный выход? У нас есть ребенок, который находится там, в прошлом. Он станет моим отцом. Если родятся другие дети, они останутся здесь и продолжат наш род. При мысли об этом мне становится легче жить на свете.

Где-то вдалеке забили куранты. Мэйнард поднял бокал.

— Дамы и господа, выпьем за будущий... 1971 год и за все хорошее, что с нами должно произойти.

Когда они выпили, одна из женщин робко спросила:

— Скажите, ваша жена... Джоан... она сейчас отправилась в прошлое?

Мэйнард кивнул.

— Тогда я не понимаю,— продолжала она.— Ведь вы сказали, что цифры на стержне кончаются на отметке 1970. Но только что наступил 1971 год.

— А! — сказал Терри Мэйнард. Лицо его приняло недоуменное выражение. Он привстал с кресла, чуть не выплеснув коктейль из бокала. Затем вновь медленно сел и пробормотал: — Я уверен, что все будет в порядке. Судьба не может так посмеяться надо мной.

Женщина, которая ранее весьма критически относилась к рассказу Мэйнарда, поджав губы, встала с кресла.

— Мистер Мэйнард, разве вы не собираетесь пойти и проверить?

— Нет-нет, я уверен, что все будет в порядке. Там, под грузиком, есть место для новых цифр. Не сомневаюсь в этом.

Один из гостей поднялся с места и, нарочито чеканя шаг, вышел в холл. Когда он вернулся, вид у него был хмурый.

— Вам, вероятно, будет небезынтересно узнать,— сказал он,— что ваши часы остановились ровно в полночь.

Мэйнард по-прежнему сидел в кресле.

— Я уверен, что все будет в порядке,— повторял он.

Две женщины встали со своих мест.

— Мы пойдем наверх и поищем Джоан,— сказала одна из них.

Через некоторое время они вернулись.

— Ее там нет. Мы всюду посмотрели.

В комнату вошли трое гостей, которые удалились в столовую, когда Мэйнард начал свой рассказ. Один из них весело сказал:

— Ну, полночь прошла, так что, думаю, все кончилось.— Он посмотрел на Мэйнарда.— Вы, конечно, сказали им, что нумерация кончается на цифре 1970?

Гости заерзали на своих местах, нарушив тягостное молчание. Мужчина обратился к ним все тем же веселым тоном:

— Когда я впервые слышал эту историю, последняя цифра была 1968, и ровно в полночь часы остановились.

— И Джоан исчезла за три минуты до этого? — спросил кто-то.

— Вот именно.

Несколько человек вышли в холл посмотреть на часы. В гостиную доносились возбужденные голоса:

— Смотрите-ка, последняя цифра действительно 1970...

— Интересно, Мэйнард каждый год вырезает новые цифры?

— Эй, Пит, возьмись за гирьку!

— Ну уж нет. Мне как-то не по себе от этой истории.

— Мэйнард всегда казался мне странным.

— Но здорово рассказал, верно?

Позже, когда гости начали расходиться, одна женщина жалобно спросила:

— Но если все это шутка, почему Джоан не вернулась?

Чей-то голос прозвучал из темноты за дверью:

— Мэйнарды такая занятная пара, правда?

Ведьма

Прячась в жалких зарослях кустов, Марсон наблюдал за старухой. Прошло несколько минут с тех пор, как он отложил книгу. Его окружал неподвижный полуденный воздух. Даже здесь, за холмами, которые отделяли его от сверкающего языка моря, резвившегося внизу среди скал, жара была такой нестерпимой, что, казалось, ее можно потрогать руками; *она отнимала у него все силы.*

Но сегодня не жара, а письмо в кармане тяготило Марсона. Оно пришло два дня назад, а ему так и не удалось набраться храбрости, чтобы потребовать объяснений.

Неуверенно хмурясь — не замеченный, вне подозрений,— он наблюдал.

Старуха грелась на солнце. Ее вытянутое худое бледное лицо склонилось во сне на грудь. Она сидела неподвижно долгие часы, какая-то бесформенная в своем черном мешковатом платье.

От напряжения у него заболели глаза, и он отвел взгляд, посмотрел на длинный, низкий, обсаженный деревьями домик с аккуратным белым гаражом, подумал о своем одиночестве на этом высоком зеленом холме, нависшем над огромным городом. На Марсона на мгновение снизошло приятное ощущение покоя и защищенности; потом он снова повернулся к старухе.

Довольно долго он смотрел на пустое место, где она только что сидела. Он испытал смутное удивление, но никаких определенных мыслей в голове не возникло. Через пару минут он сообразил, *что* увидел, и подумал следующее.

В тридцати футах от входной двери, где старуха сидела, она обязательно попала бы в поле его зрения, если бы прошла в дом.

Старая женщина — ей, может, девяносто, а то и все сто или даже больше,— невероятно старая женщина в состоянии передвигаться со скоростью... ну, пожалуй, тридцать футов в минуту.

Марсон встал. Там, где солнце обожгло плечи, он почувствовал сильную боль, но скоро она прошла. Выпрямившись в полный рост, он видел, что на крутой, уходящей вверх тропе никого нет. Лишь голос моря нарушал тишину жаркого субботнего дня.

И куда же подевалась старая мерзавка?

Входная дверь открылась, и появилась Джоанна.

— Вот ты где, Крейг,— крикнула она.— Матушка Квигли только что про тебя спрашивала.

Марсон молча спустился со склона холма. Он старательно обдумал слова жены, прокрутив каждое из них в голове, и решил, что они не имеют никакого отношения к реальности. Старуха не могла *только что* о нем спрашивать, потому что она *не* входила в дверь дома, а следовательно, за прошедшие двадцать минут никого ни о чем не спрашивала.

Наконец ему в голову пришла новая мысль, и он поинтересовался:

— Кстати, а где матушка Квигли?

— Внутри.

Он видел, что Джоанна возится с цветочным горшком на окне у двери.

— Вот уже полчаса сидит в гостиной и вяжет.

Удивление Марсона уступило место сильному раздражению. Он слишком много думает о проклятой старухе с тех пор, как сорок восемь часов назад пришло письмо. Он достал его и задумчиво посмотрел на свое имя на конверте.

На самом деле нисколько не удивительно, что это странное письмо пришло именно ему. После появления старухи — а произошло это почти год назад,— появления, которое обернулось для Марсона неожиданным кошмаром, он мысленно рассмотрел все возможные последствия ее пребывания в своем доме. И подумал, что, если у нее остались какие-то долги в маленькой деревеньке, где она до этого жила, ему лучше их заплатить.

Молодой человек, чье назначение на пост директора технической школы было подвергнуто суровой критике по причине молодости, не мог допустить, чтобы *что-нибудь* запятнало его репутацию. Поэтому месяц назад он написал письмо и вот получил ответ.

Очень медленно он вытащил письмо из конверта и перечитал потрясшие его слова:

«Дорогой мистер Марсон,

Поскольку я единственный, кого это может касаться, почтальон вручил ваше письмо мне. Я хочу сообщить вам, что, когда ваша прабабушка умерла в прошлом году, я сам ее похоронил. Я работаю изготовителем надгробных плит и поскольку являюсь богобоязненным человеком, то за собственные деньги вырезал для нее плиту. Но раз у нее есть родственники, мне кажется, что вы должны вернуть мне стоимость плиты в размере 18 (восемнадцати) долларов. Надеюсь, вы не задержитесь с ответом, поскольку я очень нуждаюсь в деньгах.

Пит Коул».

Марсон довольно долго стоял на месте, затем повернулся к Джоанне, собираясь с ней поговорить, но увидел, что она вошла в дом. Так и не решив, что делать, он спустился вниз и задумался.

Старая карга! Какая наглость! Как только старуха осмелилась прийти в чужой дом и так бессовестно их обмануть!

Поскольку он имел определенное положение в обществе, единственным правильным решением казалось заплатить за то, чтобы ее забрали в заведение для престарелых людей, у которых нет родственников. Но даже и это следовало хорошенько обдумать. Хмурясь, Марсон поудобнее уселся на стул, стоящий у подножия скалы, и демонстративно взял в руки книгу. Только много времени спустя он вспомнил, как старуха исчезла с лужайки.

«Забавно,— подумал он тогда,— и правда, очень забавно».

Воспоминание ушло. Старая женщина сидела, словно ничего не замечая вокруг себя.

Ужин подошел к концу, вот уже много лет как в этом старом теле не осталось никаких сил, и потому пищеварение представлялось почти что невероятным процессом, когда все, что поглощено, сразу же выходит наружу.

Она сидела, словно мертвец, не двигаясь, ни о чем не думая; даже темное существо, заставившее ее прийти в этот дом, лежало сейчас неподвижное, будто камень, на дне черного колодца ее сознания.

Казалось, она всегда сидела на стуле возле окна, выходящего на море, словно неодушевленный предмет или жут-

кая, высохшая мумия. Или как отъездившее свое колесо, навсегда замершее в неподвижности.

Через час она начала чувствовать свои кости. Существо, живущее в ее сознании, странное, чуждое людям, прячущееся за истонченной, будто пергамент, маской человеческого лица, украшенного длинным тонким носом, медленно пошевелилось.

Существо взглянуло на Марсона, который сидел за столом в гостиной, задумчиво склонив голову над учебным планом на следующий семестр. Тонкие губы, прячущие беззубый рот, скривились в презрительной усмешке.

Впрочем, усмешка тут же исчезла, когда Джоанна тихонько скользнула в комнату. Из-под полуприкрытых век на нее смотрели бесцветные глаза, в которых при виде стройного, гибкого, сильного тела вдруг вспыхнула голодная звериная похоть. Это прекрасное тело скоро обретет новую хозяйку.

В течение трех дней полнолуния после дня летнего солнцестояния. Если быть точной, ровно через девять дней. Девять дней! Древнее тело старухи дернулось и затряслось от восторга, который испытало существо, живущее в ее сознании. Девять коротких дней, и начнется новый, исполненный жизненной энергии цикл длиной в целый век. Такое красивое молодое тело, способное на многое, способное... Мысль угасла, когда Джоанна вернулась на кухню. Медленно, впервые за все время, старуха почувствовала близость моря.

Старая женщина с довольным видом сидела на своем стуле. Уже скоро море перестанет ее пугать своими ужасами, и шторы можно будет не опускать и не закрывать окна; она даже сможет гулять ночами по берегу, как в старые добрые времена. А *они*, те, кого она покинула давным-давно, снова станут прятаться, спасаясь от неудержимой энергетической ауры ее нового тела.

Шум моря подобрался к тому месту, где она сидела не шевелясь. Сначала он звучал едва слышно, словно ласкал ее мягким шелестом набегающих волн. Шло время, и голоса волн становились громче, в них появились сердитые интонации и неистребимая уверенность в собственных силах, но слова заглушало расстояние, превращая их в набор неясных, пронзительных звуков, диссонансом разрывавших наступающую ночь.

Ночь!

Она не должна знать о наступлении ночи за задернутыми шторами.

Тихонько вскрикнув, она повернулась к окну, около которого сидела. И тут же с ее губ сорвался вопль ужаса, жуткий в своей пронзительности.

Марсон услышал мерзкий вой и тут же вскочил на ноги. Громкий голос старухи ворвался в кухню, и Джоанна влетела в комнату, словно ее втянули на веревке.

— Боже мой! — пожал он плечами.— Дело в окне и шторах. Я забыл их задвинуть, когда стало темнеть.

Он раздраженно замолчал, а потом выкрикнул:

— Чушь проклятая! Я собираюсь...

— Ради всех святых! — запротестовала жена.— Нужно прекратить шум. Займись окнами.

Марсон снова пожал плечами, молча соглашаясь с женой. Но одновременно подумал: им уже недолго осталось терпеть. Как только начнутся летние каникулы, он устроит ее в дом престарелых. И их мучениям конец. Меньше чем через две недели.

Голос Джоанны резко разорвал наступившую тишину, когда матушка Квигли успокоилась и откинулась на спинку стула.

— Странно, что ты забыл. Обычно ты о таких вещах помнишь.

— День выдался такой жаркий! — пожаловался Марсон.

Джоанна промолчала, и он вернулся на свой стул. И вдруг его посетила новая мысль: старая женщина, которая так сильно боится моря и темноты, почему она приехала в дом, стоящий на берегу моря, где уличные фонари расположены настолько далеко друг от друга, что ночи здесь пронизаны почти первобытным мраком?

Серая мысль ускользнула прочь, он вернулся к своему плану занятий.

Старуха неожиданно страшно удивилась.

Существо, сидящее внутри нее, бушевало от ярости. Как он посмел забыть, этот жалкий человечишко! Однако... «Обычно ты о таких вещах помнишь!» — сказала его жена.

И это действительно так. За одиннадцать месяцев он ни разу не забыл закрыть шторы — до сегодняшнего вечера.

Неужели он что-то заподозрил? Возможно ли, что сейчас, когда время перехода так близко, ее сознание выдало ему, что она намерена сделать?

Такое уже случалось раньше. В прошлом ей приходилось сражаться за новое тело с ужасными, злобными мужчинами,

у которых нет ничего, кроме отвратительной подозрительности.

Черные, точно ночь, глаза превратились в две булавочные головки. *Этот* отличается не только подозрительностью. Поскольку он то, что он есть,— практичный, скептически настроенный, хладнокровный тип,— этого человека коснутся не все телепатические вибрации или диковинные бури, захватывающие сознание и наполняющие его необычными образами (если подобные видения его еще не посещали). И уж конечно образы эти не смогут задержаться в его сознании навсегда. Его интересуют и возбуждают только факты.

Какие факты? Может быть, находясь в состоянии максимальной сосредоточенности, она, сама того не замечая, позволила образам выплыть на свет? Или он занялся собственным расследованием?

Старуха задрожала, а потом неторопливо приняла решение: она не может рисковать.

Завтра воскресенье, и мужчина будет дома. Значит, ей не удастся сделать то, что нужно. Но в понедельник... В понедельник утром, когда Джоанна ляжет спать — а она всегда возвращается в постель еще на часок, когда муж уходит на работу,— в понедельник она прокрадется в спальню и подготовит спящее тело, чтобы семь дней спустя проникновение в него не составило труда.

Она больше не станет тратить время, пытаясь уговорить Джоанну добровольно принять снадобье. Глупая дурочка категорически отказывается от каких бы то ни было домашних лекарств и твердит, что верит лишь докторам.

Заставить ее насильно принять снадобье рискованно — но и вполовину не настолько опасно, как надеяться, что это отвратительное старое тело протянет еще год.

Безжалостная старуха спокойно сидела на своем стуле.

Против собственной воли она с нетерпением ждала, когда наступит назначенный час. В понедельник за завтраком она едва держала себя в руках — такое сильное возбуждение ее охватило. Каша не попадала в рот, молоко и слюна проливались на скатерть — она ничего не могла с собой поделать. Старые руки и губы дрожали: она стала жертвой своего ужасного дряхлого тела. Лучше отправиться к себе в комнату до... Она вздрогнула от неожиданности, когда мужчина резко встал из-за стола и на его бледном лице появилось такое выражение, что она сразу поняла, о чем пойдет речь.

— Я хотел кое-что сказать матушке Квигли.— В его голосе появились резкие интонации.— Сейчас, когда я испытываю чрезвычайно сильное отвращение, по-моему, самый подходящий для этого момент.

— Ради бога, Крейг,— быстро перебила его Джоанна, а старуха воспользовалась ее вмешательством и начала медленно, неуверенно подниматься из-за стола.— Что с тобой происходит в последнее время? Ты просто ужасен. Ну, будь хорошим мальчиком и иди в свою школу. Лично я не собираюсь ничего здесь убирать, пока не вздремну немного, и не намерена по этому поводу расстраиваться. Пока, дорогой.

Они поцеловались, и Джоанна направилась в коридор, который вел в комнаты. В следующее мгновение она скрылась в супружеской спальне. И вот когда старая женщина, отчаянно сражаясь со своим стулом, пыталась подняться на ноги, Марсон повернулся к ней и в его холодных глазах она увидела решимость.

Загнанная в угол, она смотрела на него, точно животное, попавшее в ловушку, охваченная негодованием на свое старческое тело, которое подвело ее в такой решительный момент и отняло волю.

— Матушка Квигли,— сказал Марсон,— пока я буду продолжать вас так называть, но я получил письмо от человека, который утверждает, будто он вырезал надгробный камень для вашей могилы, куда собственными руками опустил тело. Я хочу знать вот что: кто лежит в могиле? Я...

То, как он сам сформулировал вопрос, заставило Марсона удивленно замолчать. Он стоял, странно напряженный, не в силах пошевелиться от охватившего его необычного, какого-то чуждого ужаса, какого до сих пор ему испытывать не приходилось. На мгновение его сознание, казалось, открылось и лежало беззащитным перед порывами ледяного ветра, который налетел на него из мрака преисподней.

На него обрушились мысли, череда мерзких непристойных испарений, нездоровых, черных от древнего, невероятно древнего зла, вонючая масса, источающая ощущение ужаса, о существовании которого он даже не подозревал.

Вздрогнув, Марсон выбрался из страшного мира собственных фантазий и вдруг понял, что старая карга что-то говорит и ее слова наталкиваются друг на друга, словно им не терпится сорваться с ее губ.

— Похоронили не меня. В деревне нас было две старухи. Когда она умерла, я сделала так, что она стала похожа на

меня, а потом я забрала ее деньги и... знаешь, когда-то я была актрисой, я умею пользоваться косметикой. Так все и было, да, именно косметика. Вот тебе и объяснение; я вовсе не то, что ты подумал, а старая бедная женщина. Всего лишь старуха, которую нужно пожалеть...

Она могла бы ныть так до бесконечности, если бы существо у нее в голове не заставило ее — с невероятным усилием — замолчать. Она стояла, тяжело дыша, понимая, что ее голос звучал слишком быстро, слишком возбужденно, язык подвел ее, снова сделав жертвой возраста, а каждое слово каждым своим слогом выдавало ее.

Мужчина положил конец ее отчаянному страху.

— Боже праведный, женщина, ты стоишь тут и утверждаешь, будто проделала подобные вещи...

Марсон замолчал, не в силах продолжать. Слова старухи уводили его все дальше и дальше от странных, нет, диких мыслей, наводнивших его сознание на короткий миг, назад в практичный мир разумных доводов — и его собственных представлений о морали. Он испытал почти физический шок и потому заговорить снова смог только после паузы. Наконец он медленно произнес:

— Минуту назад вы признались, что совершили отвратительный поступок: вы изменили внешность мертвой женщины, чтобы украсть ее деньги. Это...

Он снова замолчал, потрясенный глубиной морального падения старухи. Она совершила ужасное, гнусное преступление, которое, если будет раскрыто, навлечет на него всеобщее порицание и уничтожит его карьеру директора школы.

Мужчину передернуло, и он поспешно сказал:

— Сейчас мне некогда это обсуждать, но...

Марсон вздрогнул, увидев, что старуха направляется в сторону своей комнаты. Уже более твердым голосом он крикнул ей вслед:

— В субботу днем вы сидели на лужайке...

Дверь за ней бесшумно закрылась. Старая женщина стояла за ней, тяжело дыша от предпринятых усилий и ликуя от растущей уверенности в том, что одержала победу. Глупец ничего не заподозрил. Какое ей дело, что он про нее думает! Осталось всего семь дней. Если ей удастся продержаться семь дней, остальное уже не будет иметь никакого значения.

Опасность заключалась в том, что с каждым днем ее положение будет становиться все сложнее. Когда наступит момент, ей придется, не теряя времени, проникнуть в новое тело. А это означает, что тело женщины необходимо подготовить *немедленно!*

Джоанна, пышущая здоровьем Джоанна, уже, наверное, спит. Нужно только дождаться, когда ее мерзкий муж уйдет. Она ждала... Издалека донесся такой сладостный звук: входная дверь открылась, а потом снова закрылась. Словно нетерпеливый конь, старуха трепетала от возбуждения, она дрожала от охватившего ее болезненного предчувствия. Вот сейчас наступит решающий момент. Если она потерпит поражение, если ее обнаружат... она подготовилась на этот случай, но... Страх прошел. Она пошарила рукой на плоской груди под черной тканью платья, где висел маленький мешочек с порошком, и шагнула вперед.

На мгновение она остановилась перед открытой дверью в спальню Джоанны. Ее пронзительные глаза с удовлетворением остановились на спящей женщине. А потом... она вошла в комнату.

Утренний ветер с моря налетел на Марсона, ударил в него, когда он открыл дверь. Он с силой захлопнул ее и нерешительно замер в тускло освещенной прихожей.

И не в том дело, что он не собирался выходить,— у него была масса дел перед окончанием учебного года, просто резкий порыв ветра породил в его голове новую мысль.

Может быть, прежде чем уйти, он должен рассказать Джоанне про письмо, которое получил?

В конце концов, теперь старуха знает, что ему известна правда. Она может прибегнуть к хитрости, чтобы защитить себя, может посчитать, что ее безопасность под угрозой, и заговорить об этом с Джоанной — а та не имеет ни малейшего понятия о письме.

По-прежнему ни на что не решившись, Марсон медленно шагнул вперед, но снова остановился. Проклятье, наверное, это может подождать, в особенности если учесть, что Джоанна спит. Ему уже и так придется ехать на машине или городском транспорте, чтобы добраться до школы вовремя, он ведь всегда приходит на работу очень рано.

Эта мысль, словно безумная, металась у него в голове, когда он увидел, как черная тень старухи, точно привидение, скользнула по коридору в сторону спальни Джоанны.

Не успев ни о чем подумать, Марсон собрался закричать — все мысли испарились у него из головы, потому что по совершенно необъяснимой причине он вдруг ощутил дико-

винную чуждость происходящего. Крик замер у него на губах, поскольку вдруг ледяной, противоестественный ветер, налетевший из мрака, снова ворвался в его сознание. Страшные первобытные чудовища вопили и бесновались...

Он не знал, что бросился бежать, но неожиданно оказался возле открытой двери в спальню, где увидел старуху; и в самый последний момент, хотя он примчался сюда совершенно бесшумно, существо, жившее в ней, его почувствовало.

Старуха подпрыгнула на месте, вся ее фигура выражала такое возмущение, что на нее было страшно смотреть. Ее пальцы, метавшиеся над губами Джоанны, спазматически дернулись, и зеленоватый порошок просыпался частично на кровать, а частично на маленький коврик около нее.

В следующий миг Марсон навалился на старуху. Мерзкий ветер у него в голове задул сильнее, стал еще пронзительнее, и он вдруг отчетливо понял, что демоническая сила будет сопротивляться до последнего. На минуту эта уверенность победила реальность.

Потому что у него под руками не было ничего.

Тонкие костлявые руки тут же поддались под его напором, а тело, похожее на старую сгнившую бумагу, повалилось на пол, когда он налетел на старуху.

На одно короткое мгновение Марсон замер на месте, пораженный легкостью, с которой ему далась победа. Но даже очень сильное удивление не могло его остановить и прогнать невообразимое ощущение, что он столкнулся с вещами, чуждыми миру людей; в этот момент никакие сомнения не смогли бы перевесить ярость, охватившую его от того, что он увидел.

Старуха, скорчившись, лежала у его ног бесформенной кучей тряпок. С безжалостной, дикой ненавистью, какой он никогда не испытывал до сих пор, Марсон поднял ее с пола.

Легкая, словно трухлявый кусок дерева, она висела в его руках, как черная тряпка, не имеющая никакого сходства с человеческим существом. Он встряхнул ее, как поступил бы с чудовищем, и в этот момент, когда желание уничтожить ее вспыхнуло с необъяснимой силой, произошло невероятное.

Двойники старухи наполнили комнату. Семь старых женщин, абсолютно одинаковых, начиная от черного, похожего на мешок платья и кончая почти лысой головой, друг за другом помчались к двери. Три точные копии отчаянно пытались открыть ближайшее окно. Одиннадцатая стояла на коленях, изо всех сил пытаясь протиснуться под кровать.

Марсон, у которого в голове все перемешалось, изумленно вскрикнул и выпустил существо, которое держал в руках. Старуха со стоном упала, и одиннадцать двойников старой женщины исчезли, словно обрывки ночного кошмара.

— *Крейг!*

Он смутно узнал голос Джоанны, но продолжал стоять, будто окаменев, не обращая на нее внимания. А в голове у него сформировалась новая мысль. Вот что произошло в субботу на лужайке: он видел двойника старухи, случайно рожденного ее противоестественным сознанием, в то время как она сама сидела в гостиной и вязала.

Он понял, что двойники тоже возникли случайно: она испугалась и искала путей к спасению.

Господи, какие глупости приходят ему в голову! Это не может быть ничем иным, кроме разыгравшегося воображения.

То, о чем он думает, просто невозможно.

— Крейг, в чем дело? Что произошло?

Марсон едва слышал жену, потому что неожиданно четко и совершенно спокойно его мозг выдал новую мысль, простую и страшную.

Как следует поступить с ведьмой в 1942 году от Рождества Христова?

Мысль отступила, когда он наконец заметил, что Джоанна сидит в очень неудобном положении, в котором оказалась, когда проснулась. Она слегка раскачивалась из стороны в сторону и морщилась, поскольку еще не пришла в себя после того, как ее резко вырвали из мягких объятий сна.

Он видел, что ее глаза широко открыты и она, ничего не понимая, смотрит на старуху. Марсон быстро проследил за ее взглядом и испугался.

Джоанна проснулась, лишь когда старуха закричала. Она не видела, как по комнате метались одиннадцать чудовищ.

То, что она сейчас наблюдает,— это как сильный, грубый молодой человек с угрожающим видом стоит над стонущей старухой, лежащей на полу у его ног. Святые небеса, он должен действовать быстро, нельзя терять ни минуты.

— Послушай,— начал он сдержанно,— я поймал ее, когда она пыталась засыпать тебе в рот какой-то зеленый порошок и...

Стоило Марсону облечь происшедшее в слова, как ему стало нехорошо. Его сознание отказывалось принять жуткий факт случившегося: ведьма собиралась одурманить Джоанну... его Джоанну! По какой-то непонятной причине Джоанна должна была стать жертвой. Необходимо убедить жену, что им следует действовать и они просто не имеют права терять время.

Перед этой необходимостью его ярость отошла на второй план. Марсон сел на кровать рядом с Джоанной и все ей рассказал. Он не стал упоминать ни про одиннадцать двойников, ни про свои чудовищные подозрения. Джоанна отличалась еще большей практичностью, чем он. Все только сильнее запутается, если она решит, будто он спятил. И потому он закончил так:

— Я не желаю слышать никаких возражений. Происшедшее говорит само за себя. А наличие порошка указывает на преступные намерения. Письмо же позволяет нам усомниться в том, что она действительно та, за кого себя выдает. Так что мы свободны от каких бы то ни было обязательств перед ней. Вот что мы сделаем. Во-первых, я позвоню моей секретарше и скажу, что сегодня приду позже. Затем свяжусь с домом престарелых. Не сомневаюсь, что в обычных обстоятельствах нам пришлось бы заполнить кучу бумаг, но деньги решают все проблемы. Мы сегодня же от нее избавимся и...

Он страшно удивился, когда Джоанна расхохоталась. Ее отчаянный смех оборвался на неестественно резкой, истерической ноте, и Марсон слегка встряхнул ее.

— Милая,— обеспокоенно произнес он.

Она оттолкнула его, спрыгнула с кровати и с неожиданным для него волнением опустилась на колени около старухи.

— Матушка Квигли,— начала она, и ее голос прозвучал так пронзительно, что Марсон собрался было встать, но тут же снова опустился на кровать.— Матушка Квигли, ответьте на мой вопрос: порошок, который вы хотели всыпать мне в рот... это те самые толченые водоросли, которые вы убеждали меня принять от головных болей?

Вспышка надежды, родившейся в сознании старухи, чуть не испепелила ее мозг. Как же она могла забыть о своих попытках уговорить Джоанну принять порошок добровольно?

— Помоги мне лечь в мою кровать, милочка,— прошептала она.— Не думаю, что у меня что-нибудь сломано, но я хочу полежать... Да, конечно, дорогая, это тот самый порошок. Я не сомневалась, что он тебе поможет. Ты же знаешь,

мы женщины, с нашими головными болями... нам нужно держаться вместе. Мне не следовало так поступать, но...

В мозгу старухи пронеслась новая мысль, которая испугала ее.

— Ты ведь не позволишь ему прогнать меня, правда? Я знаю, от меня одни проблемы и...

Она замолчала, потому что на лице Джоанны появилось странное выражение. Всегда нужно вовремя остановиться. Победой не стоит злоупотреблять. С едва сдерживаемой радостью она услышала, как Джоанна сказала:

— Крейг, по-моему, тебе пора на работу. Ты опоздаешь.

— Пусть отдаст мне остатки порошка,— резко ответил Марсон.— Я отправлю его на анализ в лабораторию.

Он старался не смотреть жене в глаза, когда у него в голове пронеслась удивленная мысль: «Я сошел с ума. От ярости у меня помутилось в голове и возникли кошмарные галлюцинации. Кажется, доктор Ликоминг говорил, что человеческое сознание обладает видовой памятью, которая своими корнями уходит в безымянные моря, давшие жизнь далеким предкам людей. И что в моменты сильного напряжения эти воспоминания возвращаются».

Ему стало совсем стыдно, когда старуха дрожащей рукой протянула ему полотняный мешочек. Не говоря ни слова, он взял его и вышел из комнаты.

Через несколько минут, когда тихонько заурчал мотор его машины и ему пришлось сосредоточить внимание на дороге, Марсону показалось, что случившееся — далекий причудливый сон.

«Ну и что дальше? — подумал он.— Я все равно не хочу, чтобы она оставалась в нашем доме, но...»

Неожиданно Марсона охватило удивившее его самого возмущение оттого, что у него нет никакого плана.

Вторник. Старуха вздрогнула и проснулась, но лежала в своей постели, не шевелясь. Она почувствовала голод, однако решение было принято. Она не будет вставать и одеваться, пока мужчина не уйдет на работу, и не станет выходить в полдень, когда занятия закончатся и он вернется домой.

Она будет сидеть в своей комнате, за плотно закрытой дверью, когда он дома.

До решающего момента осталось шесть дней, шесть бесконечных дней, когда минуты ползут медленно, точно черепахи, а ее переполняют страх и сомнения.

Среда. Половина пятого. Марсон разжал пальцы, лежавшие на дверной ручке, когда услышал женский смех, доносившийся из дома, и вспомнил, что его предупреждали о гостях, которые придут к чаю.

Словно незваный гость, он вышел на улицу и вернулся домой только около семи.

Вот уже в сотый раз его посещала одна и та же мысль: «Я *видел* двойников старухи. Я знаю, что видел их. Лишь инстинкт цивилизованного человека заставляет меня в этом сомневаться и мешает действовать».

На пороге лежала вечерняя газета. Он поднял ее, а потом, после ужина оставшимися бутербродами и горячим кофе, почти два часа спустя, один абзац из передовой статьи, посвященной войне, сначала привлек его внимание, а затем и вовсе заставил забыть об окружающем мире.

«Врагу не удалось нас обмануть. Мы знаем, что все его действия прямо или косвенно направлены против нас. Самое поразительное и фантастичное в происходящем то, что он все знает и ничего не предпринимает.

Если человек подозревает, нет, если у него есть абсолютная уверенность в том, что кто-то собирается убить его при первой возможности, он попытается это предотвратить. Он не станет ждать кровавой развязки.

А самое главное, скоро наступит момент, когда уже будет поздно что-либо предпринимать».

Неожиданно вздрогнув, Марсон выронил газету из рук. Он забыл про войну. Во время социологических опросов касательно войны он дважды отвечал, что у него «нет мнения», и это было чистой правдой. У молодого человека, на плечи которого легла огромная ответственность руководить большой школой, нет времени на политику. Возможно, позже... Но сама тема, скрытый смысл передовой статьи были адресованы ему и имели прямое отношение к его проблеме.

«Знать то, что он знает, и ничего не предпринимать».

Марсон неуклюже, но решительно поднялся на ноги.

— Джоанна,— начал он и обнаружил, что обращается к пустой комнате.

Он заглянул в спальню. Джоанна лежала на кровати, полностью одетая, и крепко спала. Мрачное настроение Марсона тут же улетучилось, и он с улыбкой сочувствия посмотрел на жену. Она устала после своих гостей.

Через час она так и не проснулась, и он очень тихо, осторожно раздел ее и уложил в постель. Она не пошевелилась, даже когда он поцеловал ее, пожелав спокойной ночи.

Четверг. К полудню его голова была занята проблемой мелкой кражи: отвратительная, грустная история хорошенькой девушки, которую поймали на месте преступления. Марсон видел, как вошел Кемп, помощник учителя химии, а потом тихонько вышел.

Марсона неожиданно охватило возбуждение, и он решил на время оставить разбирательство и догнать Кемпа, который уже надевал шляпу, собираясь на ланч.

Увидев Марсона, он улыбнулся. Но уже в следующее мгновение нахмурился.

— Мистер Марсон, помните тот зеленый порошок, который вы попросили меня проанализировать? Это оказалось совсем не просто. Мне хочется сделать все как следует.

Марсон кивнул. Именно репутация Кемпа заставила его обратиться к нему, а не к его столь же любезному начальнику. Кемп был молод, полон энтузиазма и прекрасно знал свой предмет.

— Продолжайте,— попросил Марсон.

— Как вы и предположили,— сказал Кемп,— это растертые водоросли. Я отнес порошок Био Биллу, прошу прощения, я имел в виду мистера Грейнджера.

Марсон невольно улыбнулся. Было время, когда он и сам совершенно спокойно называл своего коллегу «Био Билл».

— Грейнджер определил, что это вид водоросли, которая называется Hydrodendon Barehia.

— Она оказывает какое-нибудь особое действие на организм человека? — как бы между прочим спросил Марсон.

— Не-ет! Она совершенно не опасна, если вас это интересует. Естественно, я проверил ее действие на подопытном кролике — я имею в виду себя — и выяснил, что она довольно неприятная на вкус, не горькая, но немного резковатая.

Марсон молчал, не зная, как отнестись к услышанному — обрадоваться или огорчиться.

Кемп заговорил снова:

— Я просмотрел книги и, к своему великому удивлению, обнаружил, что у этой водоросли довольно обширная история. Вы же знаете, что в Европе студентов заставляют подроб-

но изучать труды, посвященные алхимии и тому подобным вещам, чтобы познакомить их с историей вопроса.

— И что?

— У вас в доме случайно не завелась ведьма? — рассмеявшись, спросил Кемп.

— Ха! — Короткое слово чуть не обожгло Марсону губы, так старательно он пытался скрыть свое потрясение.

Кемп снова рассмеялся.

— Австриец Карл Глек в своей книге «История колдовства» утверждает, что Hydrodendon Barehia — это современное название пользующейся дурной славой колдовской травы бессмертия. Я не говорю о ведьмах из нашего христианского фольклора с их детскими штучками, я имею в виду древнее племя дьявольских существ по имени тай, которые жили в стародавние времена и были настоящими, из плоти и крови, морскими ведьмами. Складывается впечатление, что, когда тело, в котором они находятся, стареет, они выбирают молодую женщину, настраивают себя на ее жизненный цикл, поселившись рядом с ней, а затем перебираются в ее тело после полуночи во время полнолуния, в один из дней после двадцать первого июня. А водоросль облегчает им переход. Глек пишет... Господи, что случилось, сэр?

Первым диким и почти непреодолимым желанием Марсона было рассказать все Кемпу. Невероятным усилием воли он заставил себя сдержаться, поскольку тот, хотя и рассуждал о ведьмах совершенно спокойно, оставался настоящим ученым.

То, что Марсон собирался сделать, очень важно. Ему может помешать, если практичный человек, склонный к сомнениям, заподозрит правду.

А само существование такого подозрения может подорвать его волю и в конце концов не позволит действовать.

Словно со стороны он услышал свои неуклюжие слова благодарности. По дороге домой Марсон пытался решить, как ему убедить Джоанну, что они должны избавиться от старухи.

Оставался еще один вопрос, который он должен был прояснить, прежде чем рискнуть всем и предпринять единственно возможную попытку спасти жену. Еще один вопрос.

Утром в субботу ярко светило солнце, но к вечеру облака затянули небо над его мчащейся по шоссе машиной. В шесть часов начался сильный дождь, который через десять минут прекратился, и небо снова прояснилось.

Деревню Марсон увидел с вершины холма и решил, что это облегчает его задачу. Спрятавшись в небольшой роще, он разглядывал скучившиеся маленькие домики и несколько строений побольше. Церковь его удивила.

Марсон достал бинокль и принялся рассматривать окрестности церкви. Только через полчаса он убедился, что там нет того, что он ищет. Сумерки постепенно сгущались, и Марсона охватила паника. Он не мог спуститься в деревню и спросить, где находится кладбище. Однако ему нужно было спешить!

Чувствуя, как внутри у него все сжимается, Марсон углубился в заросли деревьев, пристроившиеся у края холма. Вдалеке он разглядел небольшое возвышение, с которого надеялся получше рассмотреть окрестности. В таких деревнях кладбища иногда располагаются на некотором расстоянии от самого поселения. Неожиданно он выбрался из кустов и оказался на узкой дороге, а в нескольких футах заметил решетку с воротами. За ними в сгущающихся тенях виднелись простые кресты; белый ангел стоял, замерев и вытянув вперед руки, словно вот-вот собирался взлететь; несколько больших сверкающих гранитных плит выделялись на фоне черной земли.

На кладбище спустилась тихая темная ночь, когда Марсон при помощи фонарика наконец-то отыскал надгробный камень с простой надписью:

Миссис Квигли
Умерла 7 июля 1941 года
в возрасте 90 лет

Марсон вернулся к своей машине, взял лопату и начал копать. Земля оказалась довольно жесткой, и через час ему удалось углубиться всего на полтора фута.

Задыхаясь от усилий, он опустился на землю и несколько минут лежал под звездным небом, по которому медленно ползли облака. Он вдруг вспомнил странную вещь: средний вес деканов университета и директоров школ составляет сто восемьдесят фунтов — по Юнгу.

«Проклятье,— подумал он,— веса у меня сколько угодно, а вот сил не слишком много. Однако, как бы там ни было, я буду копать, если нужно, всю ночь».

По крайней мере, одно он знал наверняка: Джоанны сегодня нет дома. Ему пришлось приложить немало усилий,

чтобы убедить ее провести выходные у друзей без него, и еще труднее оказалось соврать, что дела вынуждают его уехать из города до утра воскресенья. Ему пришлось дать Джоанне честное слово, что в воскресенье он за ней заедет и заберет ее домой.

Проще всего оказалось найти девушку, которая согласилась присмотреть за старухой на выходных...

Шум проезжающей машины заставил Марсона вскочить на ноги. Он нахмурился. И не в том дело, что он волновался или даже испугался. Он твердо решил довести задуманное до конца и знал, что никто не заставит его изменить решение. Впрочем, здесь, в мирной тишине ночного кладбища вряд ли кто-нибудь мог его увидеть. Люди не ходят на кладбища по ночам.

Время шло, он продолжал копать, все глубже и глубже, приближаясь к разгадке тайны, которую хотел получить, прежде чем предпринять страшные меры, которые в данной ситуации казались единственно возможными. Он не чувствовал себя осквернителем могилы... Он вообще ничего не чувствовал, только неистребимое желание добиться цели. А еще была темная ночь и тишина, которую нарушал лишь шорох земли под его лопатой. Его жизнь и сила были сосредоточены здесь, на этом маленьком, обсаженном деревьями поле смерти. Часы показывали без двадцати два, когда лопата наконец ударила в гроб.

В начале третьего Марсон осветил фонариком пустой деревянный ящик.

Он не сводил с него глаз несколько бесконечных секунд. Теперь, когда перед ним была реальность, он и сам не мог бы сказать, чего ожидал. Вне всякого сомнения, тут был похоронен один из двойников старухи, который радостно сбежал, когда земля начала падать в яму.

Но зачем вообще устраивать похороны? Кого она пыталась обмануть?

В голове у него метались напряженные мысли, но потом Марсон решил, что причины не имеют никакого значения. Теперь он знал правду, и это самое главное. Его действия должны быть такими же расчетливыми и смертоносными, как намерения существа, втершегося к ним с Джоанной доверие.

Его машина выбралась на пустое утреннее шоссе. Серый рассвет спешил ему навстречу с востока, но единственным его спутником была решимость, твердая, холодная, расчетливая и неугасимая, точно солнечный свет.

Уже давно миновал полдень, когда машина вкатила на второй передаче на крутой склон и выбралась на дорожку, которая вела к гаражу.

Марсон вошел в дом и решил сначала немного посидеть. Девушка по имени Хелен, которую Джоанна оставила на выходные присматривать за старухой, была хорошенькой, рыжеволосой и миниатюрной — с мрачным удовлетворением отметил про себя Марсон. Он предложил ее именно по этой причине. Да, конечно, она готова остаться еще на одну ночь, если они не успеют вернуться. А когда он собирается поехать за женой?

— Я хочу сначала немного вздремнуть,— ответил Марсон.— Дорога выдалась тяжелой. А вы... что вы будете делать, пока я сплю?

— Я нашла журналы,— ответила девушка.— Посижу здесь и почитаю. Не беспокойтесь, я не буду шуметь.

— Спасибо,— сказал Марсон.— Всего пару часиков.

Он холодно улыбнулся собственным мыслям и отправился в спальню.

Мужчинам, которые намерены претворить в жизнь отчаянные планы, следует быть смелыми и полагаться на простейшие и очевидные вещи — такие, как тот факт, что люди, как правило, стараются держаться подальше от кладбищ. А молодые девушки должны держать свое слово и не расхаживать по дому, когда они обещали не делать этого.

Марсон снял ботинки, надел тапки и... Он дал ей пять минут на то, чтобы устроиться с журналом в руках. Затем очень тихо прошел в дверь ванной комнаты, которая открывалась в коридор, соединявший кухню и остальные комнаты. Пол в кухне скрипнул, но он двинулся дальше, не позволив себе поддаться сомнениям. Даже намека на страх не было в ледяной пустыне, в которую превратилось его сознание.

Зачем станет девушка, устроившаяся в удобном кресле с захватывающей историей в руках и связанная обещанием не шуметь,— зачем станет такая девушка вставать, чтобы посмотреть, что означает самый обычный звук? Ведь известно, что даже в новых домах их гуляет огромное множество.

Машина была припаркована сбоку от дома, где имелось только одно окно. Марсон достал с заднего сиденья канистру с пятью галлонами бензина и пронес ее через кухню в подвал. Быстро прикрыл какой-то старой тряпкой, затем снова поднялся наверх через кухню... Он вернулся в спальню, напряженно размышляя: именно детали парализуют волю многих людей, задумавших убийство. Он представил себе,

что, вернувшись домой вечером, не смог бы подъехать прямо к дому, а застрял бы на крутой дороге, став жертвой какой-нибудь дурацкой случайности. Тогда машина осталась бы по меньшей мере в миле от дома. Естественно, было бы ужасно рискованно и тяжело тащить здоровенную канистру на себе кружным путем, чтобы подобраться к двери незаметно.

А потом, даже представить себе страшно, как он вваливается в дом с этой канистрой и тащит ее в подвал в двенадцать часов ночи. Да и пронести ее мимо Джоанны наверняка не удастся.

Убийство штука непростая, но он должен убить старуху. Огнем. Все, что он когда-либо читал про ведьм, указывало на огромное значение огня. И пусть попытается хрупкая Хелен открыть дверь в комнату старухи после того, как начнется пожар. Он надежно запер ее снаружи. Марсон несколько минут просто лежал на своей постели. И тут ему в голову пришла новая мысль: если удастся совершить задуманное и станет известно, что это сделал он, все будут считать его настоящим мерзавцем.

На мгновение вернулся черный, беспросветный страх. И Марсон словно воочию увидел, как из его рук уплывает замечательная школа, а потом и колледж и счастливое будущее исчезает в сумраке тюремной камеры.

Он подумал: так легко предпринять полумеры, которые избавят их с Джоанной от ужасной проблемы. Нужно только завтра, пока Джоанны нет, отвезти старуху в дом престарелых — и вытерпеть все, что жена скажет потом.

Старуха, скорее всего, сбежит. Но к ним уже наверняка не вернется.

И тогда он сможет снова погрузиться в свой мир, где главное — школа и Джоанна, жизнь потечет дальше по накатанным рельсам американской действительности. А где-то вскоре появится молодая ведьма, наделенная силой древнего, возрожденного зла. И несчастная душа, изгнанная из своего собственного тела, дома, в который так ловко и безжалостно проникнет старуха.

«Знать то, что он знает,— и ничего не сделать, совсем ничего!»

Видимо, на этой мысли Марсон заснул, измученная нервная система потребовала отдыха после стольких часов напряжения, к которому он не привык. Неожиданно он проснулся. Было очень темно, и вдруг он увидел, что дверь спальни тихонько открывается. Джоанна вошла на цыпочках

и увидела его в свете, который струился из коридора. Она остановилась и улыбнулась. Потом подошла и поцеловала.

— Дорогой,— сказала она.— Как хорошо, что ты еще не выехал за мной. Одна милая пара предложила подвезти меня домой, и я подумала, что, если мы встретимся по дороге, по крайней мере ты сэкономишь часть пути, ведь у тебя выдались такие трудные выходные. Я отослала Хелен. Уже двенадцатый час, так что давай раздевайся и ложись в постель. А я выпью чашку чая. Ты не хочешь?

Ее голос едва проникал сквозь грохот мыслей, который наполнил его голову,— он понял, что произошло.

Двенадцатый час — меньше часа до полуночи, той самой, которая бывает только один раз в год. Приближается страшный момент ведьминой луны. Все его планы полетели к чертям собачьим.

Марсон путался у Джоанны под ногами, пока она занималась чайником. Когда они покончили с чаем, была уже половина двенадцатого, но он все никак не мог придумать, как рассказать о том, что происходит. Она курила и внимательно за ним наблюдала.

Он начал расхаживать по кухне, и в ее карих глазах появилось встревоженное выражение; Джоанна не понимала, что его беспокоит. Он дважды открывал рот, но всякий раз останавливался.

Марсон чувствовал, что она терпеливо ждет, когда он заговорит первым.

Неожиданно он понял, как трудно ему будет заставить, свою спокойную, практичную, мягкую жену поверить в то, что он скажет. Однако это *нужно* было сделать, причем *немедленно*, пока не стало слишком поздно, пока не наступил момент, когда он уже ничего не сможет предпринять.

В его мозгу постоянно всплывала эта фраза из передовицы, и на лбу выступил пот. Марсон остановился перед женой, и его глаза, видимо, горели таким диким огнем, а поза была такой угрожающей, что Джоанна слегка отшатнулась.

— Крейг...

— Джоанна, я хочу, чтобы ты взяла свою шляпку, потом надела пальто и отправилась в отель.

Не нужно было обладать сильно развитым воображением, чтобы почувствовать, что его слова прозвучали дико. Он начал рассказывать, словно с головой бросился в омут, как

ребенок, который вдруг решил поведать волнующую историю. Именно так он себя и чувствовал: ребенком, стоящим перед терпеливым взрослым. Но он не мог заставить себя остановиться. Марсон промолчал лишь о своих страшных намерениях. Ей придется смириться со случившимся позже, когда все останется в прошлом. Он замолчал и увидел в ее глазах нежность.

— Бедняжка,— проговорила Джоанна.— Значит, вот что беспокоит тебя в последнее время. Ты волнуешься за меня. Я прекрасно тебя понимаю. Я сама чувствовала бы то же самое, если бы опасность угрожала тебе.

Марсон застонал. Так вот как она решила себя вести — ласковая, понимающая жена, пытающаяся развеять его тревогу. Она не поверила ни единому его слову. Он заставил себя немного успокоиться и сказал дрожащим голосом:

— Джоанна, вспомни слова Кемпа. Результаты анализа порошка... и в гробу нет тела...

Ее глаза по-прежнему оставались спокойными, Марсон не видел в них ни капельки страха. Нахмурившись, Джоанна сказала:

— Но зачем ей было хоронить одного из своих двойников, когда она могла просто сесть на поезд и приехать сюда — и никаких проблем. Ведь она именно так и сделала. Для чего устраивать фарс с погребением?

— А зачем она соврала про то, что загримировала другую старуху, которую там похоронили? — вскричал Марсон.— Милая, неужели ты не видишь...

Джоанна снова заговорила, медленно, стараясь убедить его в своей правоте:

— Может быть, этот тип Пит Коул и матушка Квигли сговорились — уж не знаю, с какой целью. Тебе такое в голову не приходило, Крейг?

«Жаль, что ее не было со мной, когда я открыл пустой гроб,— подумал он.— Если бы она видела невероятных двойников... если... если... если...»

Марсон бросил взгляд на часы, висящие на стене. Без семнадцати минут двенадцать! Внутри у него все сжалось, он вздрогнул и постарался говорить как можно спокойнее. Он мог привести ей кучу доводов, но время для разговоров прошло — давно прошло. Теперь имело значение только одно.

— Джоанна,— сказал Марсон, и его голос прозвучал так напряженно, что он сам удивился.— Ты не могла бы пожить в отеле три дня... ради меня?

— Конечно, дорогой.— Она спокойно встала из-за стола.— Я еще не успела разобрать свою сумку. Вот возьму машину и...

Неожиданно ей в голову пришла новая мысль, и она нахмурилась.

— А ты?

— Я, естественно, останусь здесь,— ответил он.— Я должен убедиться, что она не выйдет из дома. Позвони мне завтра в школу. И, ради всех святых, поторопись.

Внутри у Марсона все похолодело, когда Джоанна окинула его задумчивым взглядом.

— Минутку,— медленно проговорила она.— Сначала ты хотел удалить меня из дома до завтра. Что... ты... собирался... делать... сегодня?

Марсон вдруг почувствовал, как его охватывает мрачная ярость, и понял, что должен сказать правду. Он никогда не умел убедительно врать. Но сейчас все-таки предпринял жалкую попытку скрыть от жены свои намерения.

— Я хотел только, чтобы ты не оставалась одна в доме, когда я поеду посмотреть на могилу. Больше я ничего не собирался делать.

По ее глазам он видел, что она ему не поверила. Джоанна что-то говорила, но он не слышал ее слов, потому что на него вдруг снизошло озарение: до решающего момента осталось несколько минут и все разговоры бесполезны. Значение имело только то, что он намерен сделать. Он сказал совершенно спокойно, так, будто обращался к самому себе:

— Я собирался запереть ее в комнате и сжечь дом, но теперь я вижу, что в этом нет необходимости. Тебе лучше поскорее уехать, дорогая, зрелище будет отвратительным, и я не хочу, чтобы ты все видела. Я собираюсь вытащить ее на уступ скалы и сбросить в ночное море, которого она так отчаянно боится.

Марсон замолчал, увидев, что до двенадцати осталось восемь минут. Не говоря ни слова, не дожидаясь ответа Джоанны, готового сорваться с ее губ, он развернулся и бросился в коридор, где располагались комнаты. Он задыхался от ярости и отчаяния.

— Открой! — прорычал он.

Внутри царила тишина. Марсон почувствовал, что Джоанна тянет его за рукав. В этот момент он навалился всеми своими ста восьмьюдесятью фунтами на дверь. Два сильных удара, и она распахнулась.

Марсон принялся нашаривать в темноте выключатель. Раздался щелчок и... он остановился, похолодев от ужаса, парализованный тем, что увидел: двенадцать женщин, двенадцать фурий угрожающе рычали на него из разных углов спальни.

Ведьма была готова и атаковала его.

В этот жуткий момент Марсона вдруг охватило неописуемое ликование человека, выигравшего в споре с женой. Он испытывал безумное, невероятное счастье. Ему хотелось кричать: «Видишь? Ты видишь? Разве я был не прав? Я же именно это тебе и говорил!»

Огромным усилием воли он взял себя в руки, вдруг с ужасом сообразив, что находится на грани безумия.

— Это займет некоторое время,— дрожащим голосом проговорил он.— Мне придется тащить их на скалы по одной, по закону вероятности рано или поздно я схвачу настоящую. Нам не стоит беспокоиться, что она от нас ускользнет, мы же знаем, как сильно она боится ночного мрака. Нужно только терпение...

Его голос слегка дрогнул, потому что только сейчас он по-настоящему осознал мерзкую, отвратительную реальность происходящего, понял, с чем имеет дело. Несколько двойников старухи устроились на кровати, еще пара — на полу; две стояли, крепко обнявшись; половина чудовищ что-то испуганно бормотали. Марсон вздрогнул, вспомнив, что Джоанна стоит у него за спиной.

Она побледнела, точно полотно, а когда заговорила, голос у нее дрожал:

— Твоя главная проблема, Крейг, в том, что ты никогда не отличался практичностью. Ты хочешь устроить над ней физическую расправу — сделать что-нибудь вроде того, чтобы сжечь дом или сбросить ее со скалы. Это говорит о том, что в глубине души ты не до конца в нее веришь. Или не знаешь, как поступить.

Не сводя глаз с жалобно стонущих старух, Джоанна подтолкнула его вперед и, прежде чем он успел сообразить, что она задумала, поднырнула ему под руку и вошла в комнату.

Она слегка ударила его плечом, и Марсон потерял равновесие. Всего на одно короткое мгновение, но, выпрямившись, он увидел, что восемь ноющих старух окружили Джоанну.

Марсон успел разглядеть искаженное лицо Джоанны, когда шесть шишковатых пальцев потянулись к ее рту, пытаясь его открыть; несколько охваченных отчаянием чудовищ цеплялись за руки и ноги, изо всех сил стараясь сломить ее отчаянное сопротивление.

Они постепенно одерживали верх! Охвативший Марсона ужас заставил его сорваться с места и, размахивая кулаками, врезаться в толпу воющих старух. Ему удалось вытащить Джоанну.

Страх уступил место дикой ярости.

— Дура! — заорал он.— Ты что, не понимаешь, уже наверняка пробила полночь!

Затем, вдруг отчетливо осознав, что на нее напали злобные чудовищные существа, вскричал:

— Ты в порядке?

— Да.— Голос Джоанны дрожал.— Да.

Но ведь и она, ведьма, сказала бы то же самое. Он хмуро уставился на жену, словно надеясь, что сумеет заглянуть в ее сокровенные мысли. Наверное, Джоанна увидела страшные сомнения у него на лице, почувствовала напряжение, потому что крикнула:

— Ты что, не понимаешь, дорогой? Шторы, окна... открой их. Вот что я собиралась сделать. Впусти сюда ночь. Впусти тех, кого она боится. Если она существует, значит, есть и они. Неужели ты не понимаешь?

Марсон потащил Джоанну за собой, пиная старух ногами и отбиваясь от них кулаками с мрачной, яростной злобой. Он сорвал шторы с крючков, один удар ногой — и ему удалось выбить всю нижнюю раму. А потом они стояли около двери и ждали.

Ждали!

Они услышали шорох воды, коснувшейся подоконника. За окном на фоне черной ночи возник диковинный силуэт тени внутри тени. В следующее мгновение вода пролилась на пол; казалось, она стекает с туманной тени, медленно плывущей вперед. Раздался вздох или тихий голос, а может быть, всего лишь мысль.

— Тебе чуть не удалось нас обмануть, Ниашак, твоими фальшивыми похоронами. Мы на несколько месяцев потеряли тебя из виду. Но мы знали, что только около моря и из моря твое старое тело может взять силу для перехода. Мы следили за тобой, как и за многими другими предателями. Так что наконец тебя настигло правосудие древних вод.

Кроме шороха капель воды, ударяющих о пол, в комнате царила оглушительная тишина. Старухи молчали, точно все вдруг окаменели, они замерли на своих местах, как птицы, завороженные змеей. Неожиданно все образы исчезли, как будто их стерли тряпкой. На полу осталась одинокая худая женщина, которая оказалась прямо на пути туманной тени. Медленно, словно вдруг вспомнив о приличиях, она прикрыла колени подолом.

Туман поглотил тело, как будто невидимые руки приподняли ее с пола, а потом вновь бросили вниз. В следующее мгновение туман быстро перетек к окну и пропал. Старая женщина лежала на спине, открытые глаза уставились в потолок, рот был уродливо раззявлен.

На этом все и закончилось — на такой вот неприятной картине.

Призрак

«Четыре мили,— думал Кент,— целых четыре мили от небольшого городка Кемпстер до деревни Аган. Там у них и станции-то железнодорожной нет».

Это, по крайней мере, он еще помнил. Вспомнил он также и большой холм, и ферму у его подножия. Вот только раньше она не выглядела такой заброшенной.

Такси, которое встретило его на станции (любезность местной гостиницы), медленно огибало холм. На фоне яркой зелени строения фермы — и дом, и амбар — выглядели какими-то удивительно бесцветными, посеревшими, что ли. Все окна и ворота амбара были крест-накрест заколочены досками, двор зарос сорняками. И поэтому высокий, с гордой осанкой старик, внезапно появившийся из-за дома, казался здесь совершенно неуместным.

Кент заметил, что водитель наклонился к нему и явно хотел что-то сказать.

— Так я и подозревал, что мы встретим здесь призрака,— услышал он сквозь тарахтение старого мотора.— И что бы вы думали? Вот и он, как раз вышел на утреннюю прогулку.

— Призрака? — отозвался Кент.

Он словно произнес заклинание. Озарив все вокруг ярким теплым светом, из облаков выглянуло солнце. Оно осветило обшарпанные постройки фермы, мигом превратив их из серых в выцветшие бледно-зеленые.

Ошарашенный словами водителя, Кент понемногу приходил в себя.

— Призрака? — неуверенно переспросил он.— Да какой это призрак? Это же старый мистер Уэйнрайт. С того дня,

как я покинул эти места пятнадцать лет тому назад, он, похоже, ничуть не изменился.

Между тем старик медленно шел к воротам, ведущим на шоссе. Его черный сюртук блестел на солнце. Он казался неестественно высоким и худым, словно карикатура на нормального человека.

Скрипнув тормозами, машина остановилась. Водитель повернулся к пассажиру, и Кент еще подумал, что тот явно наслаждается этим моментом.

— Видите ворота фермы? — спросил водитель.— Нет, не большие, а те, что поменьше. На них висит замок, не так ли?

— Ну и что? — удивился Кент.

— Смотрите!

В десяти футах от них старик возился с воротами. Он не обращал ни малейшего внимания на замок и, словно в пантомиме, пытался открыть видимую только ему одному защелку. Вдруг он выпрямился и толкнул ворота рукой. До этого момента Кент не замечал ничего необычного. Подсознательно он был уверен, что ворота сейчас распахнутся. Он думал, что ему предложили посмотреть на какой-то необычный способ, которым их можно открыть.

Но ворота и не думали распахиваться. Они и не пошевелились. Ржавые петли не заскрипели. Створки не дрогнули, и на них по-прежнему висел непоколебимо надежный замок.

И старик прошел прямо сквозь них.

Сквозь них! Затем он повернулся, снова толкнул, теперь уже закрывая, невидимые остальным ворота и завозился с такой же невидимой защелкой. Наконец, должно быть добившись нужного результата, он повернулся к машине. Похоже, он только сейчас ее заметил. Его вытянутое, покрытое морщинами лицо озарилось радостной улыбкой.

— Здравствуйте, здравствуйте,— сказал он.

Этого Кент никак не ожидал. Приветствие прозвучало для него словно гром среди ясного неба. Все завертелось, закружилось у него в голове; мысли, цепляясь друг за друга, пустились в нескончаемый хоровод...

«Призрак,— подумал он, борясь с накатившим головокружением,— еще и говорящий... Но это же ерунда!»

Мир постепенно начал приходить в норму. Земля перестала качаться. Линия горизонта вновь стала ровной. А вон стоит и сама ферма — серый, почти бесцветный фон для черной фигуры старого — такого старого! — мистера Уэйнрайта и для этих ворот, через которые тот только что прошел...

— Здравствуйте,— нетвердым голосом ответил Кент.— Здравствуйте.

Старик подошел поближе, присмотрелся, и его лицо приняло удивленное выражение.

— Кто бы мог подумать! — воскликнул он.— Это же мистер Кент! А я-то решил, вы уже уехали!

— Да, я...— начал Кент.

Боковым зрением он заметил, что шофер замотал головой.

— Что бы он ни говорил,— жарко прошептал тот ему в ухо,— делайте вид, что все в порядке. Ничему не удивляйтесь, а то он приходит в замешательство. Он ведь все-таки призрак...

Призрак! Снова это слово! Кент судорожно сглотнул.

«Последний раз,— подумал он,— я видел мистера Уэйнрайта, когда мне стукнуло двадцать. Тогда он даже не знал, как меня зовут».

— Но я ж совершенно отчетливо помню,— продолжал между тем старик, в изумлении качая головой,— как хозяин гостиницы, мистер Дженкинс, говорил мне, что обстоятельства вынудили вас уехать. И очень срочно. Он еще что-то сказал о сбывшемся пророчестве. В разговорах со мной люди все время упоминают какие-то пророчества. Но вот дату я помню совершенно точно: семнадцатое августа.

Он в упор посмотрел на Кента.

— Извините, молодой человек,— продолжал он, переставая хмуриться, что, судя по всему, давалось ему не без некоторого труда.— Это невежливо с моей стороны, стоять и разговаривать с самим собой. Со мной такое бывает. Но я рад, что мистер Дженкинс ошибся, ведь я всегда получал удовольствие от наших с вами бесед... Я бы пригласил вас выпить чайку,— продолжал он, приподнимая шляпу,— но боюсь, что миссис Кармоди сегодня не в настроении. Бедняжка! Это так нелегко, присматривать за стариком. Я просто не могу дополнительно ее утруждать... Доброе утро и до свидания, мистер Кент. Доброе утро, Том.

Не чувствуя себя в силах что-либо ответить, Кент смог только кивнуть. Он услышал, как водитель сказал:

— До свидания, мистер Уэйнрайт.

Не шевелясь, Кент сидел и смотрел вслед удаляющейся в сторону луга фигуре Уэйнрайта, пока голос шофера не вернул его к действительности.

— Вам повезло, мистер Кент. Теперь вы точно знаете, сколько проживете в гостинице.

— Что вы имеете в виду?

— Я уверен, что семнадцатого августа мистер Дженкинс подготовит ваш счет.

Кент уставился на него в немом изумлении. Он никак не мог решить, что ему теперь делать: то ли ехать, то ли смеяться, то ли... что?

— Уж не хотите ли вы сказать, что этот ваш призрак еще и будущее предсказывает? Послушайте, сегодня еще только восьмое июля, и я собираюсь пробыть здесь вплоть до конца сентяб...

Он осекся. Том не был похож на шутника. И взгляд у него был абсолютно серьезный.

— Мистер Кент, в мире еще никогда не существовало никого подобного мистеру Уэйнрайту. То, что он предсказывает, сбывается. Так было, когда он жил, так и теперь, когда он умер. Но он очень стар. Ему за девяносто, и у него не все в порядке с головой. Он вечно путает будущее с прошлым, попросту не видит между ними разницы: в его мире все уже произошло и он все помнит, да только очень смутно. Но когда он говорит о конкретных вещах, например о датах, то можете быть спокойны: все сбудется. Подождите, вы и сами в этом убедитесь.

Так много слов сразу. Их четкость, их провинциальный аромат создали свою собственную, какую-то совершенно нематериальную картину окружающего мира. И Кент почувствовал, что первоначальный шок понемногу проходит. Он здесь вырос, он знал этих людей, и постепенно в нем начала крепнуть уверенность, что он стал объектом весьма своеобразной шутки. Но говорить об этом вслух, конечно, не стоило. Кроме того, оставался еще совершенно необъяснимый эпизод с воротами.

— Эта миссис Кармоди,— наконец спросил Кент,— что-то я ее не припоминаю. Кто она такая?

— После смерти сестры своего покойного мужа она приехала сюда присматривать за фермой и за мистером Уэйнрайтом. Хоть и не родственница, но все же...— Том вздохнул и нарочито небрежно, как бы невзначай, добавил: — И подумать только, что именно она убила старика Уэйнрайта пять лет тому назад. Потом ее упекли в сумасшедший дом, что в Пиртоне.

— Убила? — воскликнул пораженный Кент.— Да что вы говорите? Значит, у вас здесь настоящая ферма с привидениями? Впрочем, подождите...— Он задумался.— Уэйнрайт же сказал, что они живут вместе.

— Послушайте, мистер Кент,— сказал Том со снисходительной жалостью в голосе,— давайте не будем особенно вникать, почему призрак сказал то или иное. Кто только ни пытался разобраться в этом деле, и ни один еще добром не кончил. Тут у кого угодно зайдет ум за разум.

— Но должно же существовать какое-то логическое объяснение...

— Вот вы его и найдите,— пожал плечами шофер.— Если хотите,— добавил он,— то, пока мы едем к отелю, я мог бы вам кое-что рассказать. Дело в том, что миссис Кармоди и ее детей привез сюда из Кемпстера именно я.

Со скрежетом включилась передача, и машина, натужно воя, поползла вперед. Кент сидел не шевелясь, потом, собравшись с духом, повернулся и посмотрел на ферму. Она как раз исчезла из виду за полосой тянущихся вдоль дороги деревьев. Она производила впечатление запущенной, мертвой. Невольно содрогнувшись, Кент отвернулся.

— Ну и что там за история? — спросил он.— Расскажите.

На вершине холма машина притормозила, и отсюда женщина наконец-то увидела ферму. Скрипя тормозами и скользя по разлетающемуся в стороны щебню, машина начала спускаться вниз. «Ферма»,— жадно думала женщина, дрожа всем своим дородным телом. Наконец, наконец, наконец-то они будут в безопасности. И только выживший из ума старик да какая-то девчонка еще стоят у нее на пути. Позади остались трудные, горькие годы, когда она, вдова с двумя детьми, в арендуемом домике перебивалась случайными заработками да пособием по бедности. Годы сущего ада! А здесь рай — вот он, рядом. Только руку протяни. Женщина прищурилась, крепко сбитое тело напряглось. Она не упустит шанс! Она сполна возьмет то, чего была лишена все эти годы. Уверенность в завтрашнем дне — за это стоит побороться!

Затаив дыхание, она смотрела на лежавшую внизу ферму. На дом, выкрашенный зеленой краской, на большой красный амбар, на прочие строения: курятники, сараи... Чуть ближе раскинулось огромное поле пшеницы, только недавно взошедшей, яркой и по-весеннему зеленой.

Машина спустилась в долину и вскоре остановилась, почти уткнувшись радиатором в ворота.

— Приехали, что ли, ма? — подал голос с заднего сиденья коренастый юноша.

— Да, Билл! — И женщина окинула его тревожным, оценивающим взглядом.

Все ее планы так или иначе замыкались именно на нем. И сейчас, как никогда, она отчетливо видела все его недостатки. Понурое выражение, казалось, навеки срослось с безвольным лицом. Во всем облике было нечто неуклюжее, неловкое, делавшее его совсем уж непривлекательным. Она прогнала прочь все сомнения.

— Ну разве здесь не восхитительно? — воскликнула она и замерла, ожидая реакции.

— Скажешь тоже! — Толстые губы скривились в усмешке.— Лучше бы я остался в городе...— Он пожал плечами.— Впрочем, тебе виднее...

— Да уж, конечно,— с облегчением в голосе согласилась женщина.— В этом мире надо довольствоваться тем, что имеешь, а не тосковать о том, чего хочешь. Запомни это, Билл... В чем дело, Пирл? — раздраженно спросила она.

По-другому с дочерью она разговаривать не могла. Что проку от двенадцатилетней девицы с бледным одутловатым лицом, к тому же еще и слишком полной, которая никогда не станет хоть чуточку красивой?

— Ну так в чем дело? — с еще большим раздражением повторила она.

— Вон, через поле идет какой-то тощий старик. Это что, и есть тот самый мистер Уэйнрайт?

Миссис Кармоди посмотрела туда, куда показывала дочь, и почувствовала огромное облегчение. Вплоть до этого самого момента мысль о старике не давала ей покоя. Она знала, что он стар. Но не предполагала, что до такой степени.

«Да ему же не меньше девяноста лет,— подумала она,— если не все сто. Он не сможет помешать».

Тем временем водитель уже открыл ворота и успел снова сесть за руль.

— Подождите,— обратилась она к нему, чувствуя прилив уверенности в своих силах,— подождите мистера Уэйнрайта. Возможно, он устал после прогулки. Мы его подвезем.

«Надо стараться производить хорошее впечатление,— мелькнула у нее мысль.— Вежливость и любезность откроют любые двери. А там... Железный кулак в бархатной перчатке...»

И тут она заметила, что шофер смотрит на нее как-то странно.

— Я бы не слишком рассчитывал на то, что он сядет в машину,— сказал он.— Этот мистер Уэйнрайт довольно странный тип. Порой он ничего вокруг не видит и не слышит. Бывает, что ни на кого не обращает внимания. А иногда делает что-нибудь по-настоящему странное.

— Например? — нахмурилась женщина.

— Ну как вам сказать, мадам,— пожал плечами шофер.— Объяснить это невозможно. Скоро вы и сами узнаете. Посмотрите, что он сейчас будет делать.

Между тем старик пересек дорогу буквально в нескольких футах от стоящего автомобиля. Явно не замечая машины, он шел прямо к воротам, но не к большим, которые стояли открытыми, а к маленьким,— собственно, даже и не воротам, а так, узкой калитке из крепко сколоченных досок. Старик завозился с невидимым засовом, толкнул калитку. Та и не подумала открыться, но старик как ни в чем не бывало прошел прямо сквозь нее. Прошел через толстые доски, словно их не было.

И тут миссис Кармоди услышала пронзительный женский крик. А мгновение спустя обнаружила, что кричит она сама. Кровь стучала в висках. Отчаянным усилием, вконец истощившим ее, женщина откинулась на спинку сиденья и заставила себя замолчать. Все плыло перед глазами. Ее трясло, как в ознобе, каждая клеточка большого тела наполнилась собственной болезненной дрожью. В горле пересохло. Ее начинало тошнить. Голова звенела, как пустой котел...

— Подождите минуточку,— вмешался Кент.— Вы же говорили, что тогда мистер Уэйнрайт был еще жив! Так как же он прошел через закрытые ворота?

— Мистер Кент,— покачал головой шофер,— если Уэйнрайт и не отправил нас всех в сумасшедший дом, так только потому, что он совершенно безвредный. Он проходит через ворота сейчас, проходил через них и раньше. И не только через ворота. Вся разница в том, что теперь мы все твердо помним, как мы его хоронили. Возможно, он всегда был призраком и его смерть ничего не изменила. Мы знаем только, что он безвреден. А это уже немало, не правда ли?

Постепенно черный, парализующий волю страх, захлестнувший женщину, стал отступать. Она почувствовала, как кто-то трясет ее за плечо, повторяя снова и снова:

— Все в порядке, мадам, все в порядке. Это просто безобидный старик, хоть и немного странный. Не стоит так волноваться.

Но окончательно ее привели в чувство насмешливые слова сына:

— Да, мать, здорово это на тебя подействовало! Я уже видел как-то подобный трюк. В цирке. Только там они провернули его куда профессиональнее...

«Билл такой практичный, уравновешенный мальчик,— с облегчением подумала она.— Ну конечно, он прав! Это обычный цирковой трюк... Что? Что там говорит эта дура?»

— Что ты сказала, Пирл?

— Мама, он нас заметил! Посмотри!

И правда, старик, подняв голову, с интересом смотрел на них. Его вытянутое, худое, доброе морщинистое лицо осветилось улыбкой.

— Я вижу,— сказал он необыкновенно звонким для своего возраста голосом,— что сегодня вы вернулись из города раньше обычного. Значит ли это, что и обедать мы сегодня будем раньше? — Он выдержал вежливую паузу и продолжал: — С моей стороны, разумеется, никаких возражений нет. Вы же понимаете, миссис Кармоди, что я с радостью готов принять любой удобный вам распорядок дня.

Сначала ей показалось, что над ней каким-то непонятным образом издеваются. Улыбка застыла у нее на лице, глаза сощурились... Она никак не могла понять, что Уэйнрайт имеет в виду, пока шепот шофера наконец не вывел ее из затруднения.

— Извините, мадам,— торопливо прошептал тот,— но старайтесь не показывать виду, что вы только что приехали. Мистер Уэйнрайт обладает даром предвидения, и он вот уже несколько месяцев ведет себя так, словно вы живете на ферме. Если вы станете ему возражать, то лишь собьете его с толку. В свое время, незадолго до смерти миссис Уэйнрайт, он даже ее называл вашим именем. Уж такой он странный человек.

Миссис Кармоди так и замерла с открытым ртом. Ее здесь ждали! Больше всего она боялась именно этого момента — приезда на ферму. А тут — ее ждали! Теперь все, что она запланировала, пройдет как по маслу. С таким трудом подделанное письмо, в котором умершая дочка Уэйнрайта просила ее приехать, чтобы присматривать за осиротевшей дочерью Филлис, станет только лишним подтверждением того, что все и так считают само собой разумеющимся. А там...

Женщина собралась с мыслями. Сейчас не время разбираться в странностях поведения этого старикашки. Ей надо прибрать к рукам ферму, и чем быстрее она возьмется за

дело, тем лучше. Она улыбнулась, предчувствуя легкую победу.

— Мистер Уэйнрайт, не хотите ли проехаться с нами до дома? — спросила она.— Вы, наверное, устали после прогулки.

— Не откажусь, мадам,— закивал старик.— Я ходил в Кемпстер и, надо признаться, впрямь немного устал. Да, кстати, я видел там вашу сестру.

Он успел подойти к машине, когда миссис Кармоди наконец сумела выдавить:

— Мою сестру?

— Тсс...— зашипел на нее водитель.— Не обращайте внимания. У него с головой не все в порядке. Он уверен, что у каждого из нас есть брат или сестра-близнец, похожий как две капли воды. И он их постоянно встречает. Это с ним уже много-много лет.

Это пережить было уже легче. Да и эпизод с воротами с каждой минутой казался все менее и менее реальным. Она снова любезно улыбнулась, в ответ старик вежливо приподнял шляпу и влез в машину.

Ревя мотором, они доехали до дома, обогнули его и остановились около веранды. В дверях показалась девушка в белом платье. Она была хорошенькая, стройная, хрупкая на вид, лет пятнадцати-шестнадцати и, как миссис Кармоди сразу почувствовала, настроена не слишком дружелюбно.

— Привет, Филлис,— сладко улыбнулась миссис Кармоди.— Рада тебя видеть.

— Привет,— неохотно ответила девушка, и миссис Кармоди ухмыльнулась про себя. Хоть и неохотно, но все-таки *было* приветствие. Ее признали.

Женщина улыбнулась. Скоро, очень скоро эта простая деревенская девушка узнает, что трудно противостоять дружелюбию, за которым прячется железная воля. В мыслях женщина уже видела, как будущее послушно строится в соответствии с ее желаниями. Сначала немного обжиться здесь, затем начать сталкивать Билла и Филлис так, чтобы брак стал для них естественным продолжением их взаимоотношений. А потом...

Наступила ночь, и она, задув лампу в спальне, легла в кровать. Мысли о старике, о том, что он говорил, и о том, что он делал, не давали ей покоя. Наконец, уже засыпая, она пожала плечами. Как там сказал шофер? Безвредный? Что ж, пусть он таким и остается, для его же блага.

На следующее утро миссис Кармоди разбудили доносившиеся снизу звуки. Чувствуя, что допустила тактическую ошибку, она торопливо оделась и спустилась в столовую. Увидев завтракающих Уэйнрайта и Филлис, женщина поняла, что так и есть.

В гробовом молчании она села за стол и придвинула тарелку с кашей. Заметив, что перед Филлис лежит открытый блокнот, миссис Кармоди попыталась завязать разговор.

— Делаешь уроки? — спросила она самым дружелюбным тоном.

— Нет! — резко ответила девушка, закрывая блокнот и вставая из-за стола.

Миссис Кармоди сидела совершенно неподвижно.

«Только не надо волноваться,— думала она.— Самое главное — как-нибудь подружиться с этой девчонкой. Ведь она знает много такого, что очень и очень пригодилось бы: всякие сведения о ферме, о доме, о продуктах, деньгах...»

Внезапно завтрак превратился в пустую, никому не нужную формальность. Отодвинув недоеденную кашу, она встала и прошла на кухню, где Филлис уже мыла тарелки.

— Давай я буду мыть,— предложила она,— а ты вытирать.— И добавила: — Не стоит портить такие красивые ручки мытьем посуды.

Кинув на девушку быстрый оценивающий взгляд, она сделала следующий ход:

— Мне так стыдно, что я проспала. Я ведь приехала сюда работать, а не отдыхать.

— Ну, это вы еще успеете,— ответила девушка к огромному, пусть и тайному удовольствию миссис Кармоди.

Теперь с молчанием покончено.

— Как у нас насчет продуктов? — поинтересовалась миссис Кармоди.— Вы покупаете их в каком-нибудь одном магазине? В своем письме твоя мать не упоминала о таких деталях.

Произнеся эту фразу, она на мгновение умолкла, сама испугавшись упоминания подделанного ею письма, но, сделав над собой усилие, продолжала:

— Ах, твоя бедная мать! Она прислала мне такое грустное письмо. Я так плакала, читая его...

Краем глаза миссис Кармоди увидела, как задрожали губы девушки, и поняла, что победила. В этот миг торжества она чувствовала, что каждое произнесенное слово, каждый жест, каждый оттенок настроения будет теперь под ее контролем.

— Но об этом мы и потом можем поговорить,— быстро закончила она.

— У нас есть счет в магазине Грэхема в Агане,— сквозь слезы ответила Филлис.— Вы можете туда позвонить. Товар они доставят прямо сюда.

Быстро, чтобы Филлис не заметила, как радостно загорелись ее глаза, миссис Кармоди пошла в столовую за остальными тарелками. Счет! А ее так беспокоила проблема получения доступа к деньгам: необходимые юридические шаги, уверенность, что потребуется сначала хорошо зарекомендовать себя как на ферме, так и в глазах общественности. А тут просто: счет! Если только теперь этот самый магазин Грэхема примет ее заказ...

Но Филлис продолжала говорить, и миссис Кармоди уж заставила себя внимательно слушать.

— Миссис Кармоди, я хотела бы извиниться за то, что не ответила на вопрос, который вы мне задали за столом. О моем блокноте. Видите ли, дело в том, что всех в округе всегда очень интересует, что говорит мой прадедушка. Вот поэтому за завтраком, когда он чувствует себя еще довольно бодрым, я задаю ему разные вопросы. А ответы записываю, чтобы ничего не перепутать. Я делаю вид, что хочу когда-нибудь написать книгу о его жизни. Но не могла же я вам все это объяснить в его присутствии!

— Ну конечно нет,— успокоила ее миссис Кармоди.

Если местных жителей интересует, что Уэйнрайт о них говорит, то они хорошо отнесутся к любому, кто сможет передать им самые последние новости. Что ж, надо держать уши открытыми. Возможно, ей и самой стоит завести такой блокнот...

Тут она заметила, что девушка еще не закончила свой монолог.

— Я также хотела вам сказать, что мой прадедушка действительно обладает даром предвидения. Вы мне, конечно, не поверите...

Глаза Филлис горели неподдельным энтузиазмом, и миссис Кармоди совсем не собиралась с ней спорить. Особенно в первый же день приезда.

— Ну почему же? Разумеется, поверю! — сказала она.— Я не из тех скептиков, которые не видят того, что у них под носом. Я могу трезво взглянуть на факты. Во все века существовали люди, наделенные странными и не всегда понятными способностями. Кроме того, я же собственными глазами видела, как мистер Уэйнрайт прошел через запертые ворота...

И осеклась, таким реальным стало это совершенно невероятное происшествие в ее собственном изложении.

— Ну конечно, я тебе верю,— неуверенно закончила она.

— Что я хотела сказать,— продолжала Филлис.— Пожалуйста, не обижайтесь, если дедушка скажет вам что-то обидное. Он постоянно говорит о событиях, которые, с его точки зрения, уже произошли. Ну и конечно, он всегда упоминает вашу сестру, если вы женщина, или брата — если мужчина. Но на самом деле он имеет в виду именно вас.

Имеет в виду именно вас...

Эти слова запали женщине в душу. Она вспоминала их и после того, как Филлис отправилась в школу, и после того, как в магазине Грэхема приняли ее заказ от имени фермы Уэйнрайта, сказав только: «А-а... миссис Кармоди, да, мы о вас уже знаем».

Было около двенадцати, когда она, собравшись с духом, вышла на веранду, где как раз сидел мистер Уэйнрайт, и наконец задала вопрос, который все это время не давал ей покоя:

— Мистер Уэйнрайт, вчера вы упомянули, что встретили в Кемпстере мою сестру. Ч-что она там делала?

Она ждала ответа с волнением, которому сама удивлялась. У нее даже мелькнула мысль, что она, вероятно, выглядит круглой дурой, задавая такие вопросы.

— Она выходила из здания суда,— ответил старик, вынимая изо рта трубку.

— Из здания суда?! — поразилась миссис Кармоди.

— Она не стала со мной разговаривать,— задумчиво продолжал мистер Уэйнрайт,— так что я не знаю, зачем она туда ходила. Наверное, какое-нибудь ерундовое дело. С кем из нас такого не бывает,— вежливо закончил он.

Кент заметил, что они остановились.

— Вот и гостиница,— сказал водитель, показав на двухэтажное деревянное здание с небольшой верандой.— Теперь я должен вас покинуть: у меня есть еще работа. А что было дальше, я расскажу как-нибудь в другой раз. Или спросите еще кого-нибудь, все равно кого. Эту историю у нас в деревне знает каждый.

На следующее утро солнечные лучи жарким слепящим потоком залили скромный гостиничный номер. Кент подошел к окну. Перед ним под синим небом посреди зеленого

моря деревьев мирно дремали деревенские домики. Ни один звук не нарушал сонную утреннюю тишину. «Правильно я сделал, что приехал сюда»,— подумал Кент. Нет, не зря он решил провести все лето именно здесь, отдохнуть, пока не закончатся переговоры о продаже фермы, оставленной ему в наследство родителями. Что правда, то правда: он порядком устал.

Кент спустился вниз и, к своему глубокому удивлению, съел два яйца и четыре порции бекона в придачу к каше и тостам. Из столовой он вышел на веранду... и там на одном из плетеных стульев сидел призрак. Кент остановился как вкопанный, мурашки побежали у него по спине. И тут старик, заметив его в дверях, сказал:

— Доброе утро, мистер Кент. Я был бы вам очень признателен, если бы вы немного посидели со мной. Давайте поговорим. У меня сегодня неважное настроение. Вы не против?

И все это с доверительными, почти интимными интонациями. Тем не менее Кент чувствовал себя не в своей тарелке. Вчерашнее дружелюбие старика казалось совершенно нереальным. И вот новое его проявление. Отчасти это, конечно, можно понять. Вот перед ним человек (все эти разговоры о «призраке», разумеется, ерунда), который может предсказать будущее. И как предсказать! Ведь задолго до приезда миссис Кармоди он уже был уверен, что она живет на ферме. Нечто похожее, очевидно, произошло и с самим Кентом.

— Доброе утро, мистер Уэйнрайт,— сказал Кент, садясь.— Вы говорите, неважное настроение? И кто же вам его испортил?

— Ох! — заколебался старик и даже слегка нахмурился.— Пожалуй, я зря об этом упомянул. Никто в моем плохом настроении не виноват. Так, обычные житейские мелочи. На этот раз — миссис Кармоди, приставшая с расспросами, что ее сестра делала в Кемпстере, в суде.

Кент не знал, что и сказать. То, что мистер Уэйнрайт упомянул едва ли не единственный известный ему эпизод всей этой истории, поразило его до глубины души. Привыкший к логике ум Кента отказывался верить в такое невероятное совпадение. Может, этот старик... это существо... не только призрак и предсказатель... может, он умеет читать мысли? Старый, изношенный мозг, приобретший странные, необыкновенные свойства и теперь реагирующий на мысли других людей?

И вдруг у него мелькнула страшная мысль: «А что, если упоминание о миссис Кармоди, сама вера мистера Уэйнрайта, что эта женщина все еще живет на его ферме... что, если это все проявление тех жутких, леденящих душу потусторонних законов, которыми отличаются истории о призраках и привидениях? Убийца и жертва, не находящие себе покоя и после смерти... Но это же невозможно! Миссис Кармоди еще жива! Пусть в психиатрической лечебнице, но жива!»

Наконец-то Кент смог вздохнуть.

— А почему бы вам,— выдавил он,— не предложить ей самой спросить сестру, что та делала в суде?

Морщинистое лицо старика выразило изумление.

— Все не так просто, мистер Кент,— с достоинством сказал он.— Я никогда не понимал, откуда вдруг в мире появилось так много близнецов, особенно в последние годы. Я никак не могу понять и того, почему они не разговаривают друг с другом.— Он бессильно покачал головой.— Все так запутано. Взять хоть этот случай с миссис Кармоди и судом... Мне кажется, я слышал еще что-то на эту тему, но, видимо, тогда это не показалось мне важным. Я просто не могу вспомнить, в чем там было дело. А это не такая уж приятная ситуация для безобидного старого человека вроде меня.

Безобидного! Кент невольно прищурился. Да, так люди и говорили об этом призраке. Сначала водитель Том, затем, если верить Тому, эта девушка, Филлис, а теперь — и сам мистер Уэйнрайт. Безобидный, безобидный, безобидный... А не сам ли старик довел женщину до того, что та его убила? Интересно, он это сделал специально?

Кент с трудом разжал пальцы, вцепившиеся в подлокотники кресла. Да что это с ним такое? Почему он так нервничает? Было бы из-за чего... Он поднял глаза. Синее-синее небо, тихий летний день. С реальностью все, как и следовало ожидать, в полном порядке.

Некоторое время они сидели молча. Кент разглядывал собеседника. Вроде бы ничего необычного: худое лицо с начинающей сереть кожей, иссеченное бесчисленными морщинами, крючковатый ястребиный нос, тонкие, можно даже сказать, изящно очерченные губы.

Он увидел, что старик встает.

— Мне пора идти,— сказал мистер Уэйнрайт, тщательно поправляя шляпу.— Принимая во внимание мои натянутые отношения с миссис Кармоди, мне, вероятно, не стоит опаздывать к ланчу. Я уверен, что мы еще встретимся, мистер Кент.

Кент тоже встал, и тут ему в голову пришла новая мысль. Он собирался сходить на ферму, принадлежавшую его родителям, и познакомиться с теми, кто там сейчас живет. Но это может и подождать. Почему бы не сходить с... призраком... на заброшенную ферму Уэйнрайтов и там... Что там?

Он обдумал этот вопрос. В конце концов, эта загадка уже приковала к себе его внимание. Сделать вид, что ничего не произошло, конечно, можно, но забыть о ней все равно не получится. Кроме того, никакой срочности в деле с родительской фермой не было. Он приехал сюда отдохнуть и развлечься, а не только заниматься делами... Кент стоял, не зная, как же ему поступить. А вдруг это опасно — последовать за призраком в уединенный старый дом?

Он поборол липкий, вяжущий по рукам и ногам страх. Между прочим, ведь убили-то не миссис Кармоди. Она сошла с ума; значит, если опасность существовала, то явно психическая, а не физическая. Холодный рассудок восторжествовал. Нет, ни внезапная паника, ни странные угрозы, ни фантастические, сверхъестественные ужасы не смогут лишить его способности мыслить логично. Он уже открыл было рот, чтобы окликнуть уходящего мистера Уэйнрайта, но тут чей-то низкий, глухой голос произнес у него над самым ухом:

— Мистер Кент, я заметил, что вы только что разговаривали с призраком.

Кент повернулся и оказался лицом к лицу с огромным толстым мужчиной, который еще несколько минут назад сидел в небольшом кабинетике за регистрационной стойкой.

— Меня зовут Дженкинс, сэр,— важно сказал мужчина, и все три его подбородка затряслись в такт словам.— Я владелец этой гостиницы... Том сказал мне,— продолжал он, пристально глядя на Кента своими блеклыми, глубоко посаженными глазами,— что вчера по дороге вы встретились с нашей местной достопримечательностью. Очень странный, можно даже сказать, сверхъестественный случай. Да, именно сверхъестественный.

А старик тем временем уходил все дальше и дальше. Кент увидел, как его длинная тощая фигура скрылась за деревьями. Он еще не оставил мысли последовать за Уэйнрайтом, как только сумеет отделаться от Дженкинса. Он уже шагнул было вперед, когда хозяин гостиницы снова привлек к себе его внимание.

— Насколько я понял,— говорил Дженкинс,— Том так и не успел дорассказать вам, что произошло на ферме Уэйн-

райтов. Я мог бы закончить эту необыкновенную, сверхъестественную историю.

Кент подумал, что «сверхъестественный», похоже, любимое словечко этой горы мяса и жира. И еще он понял, что визит к Уэйнрайту придется отложить, иначе он рискует смертельно оскорбить словоохотливого хозяина гостиницы.

Поэтому Кент не стал спорить с обстоятельствами. В конце концов, не было никакой необходимости идти за Уэйнрайтом именно сегодня. Кроме того, перед тем как попытаться разгадать эту загадку, совсем нелишне будет ознакомиться со всеми имеющимися фактами. Он сел, и толстяк тут же втиснулся в кресло напротив.

— Вы не знаете,— начал Кент,— есть ли у местных жителей какая-нибудь теория, объясняющая...— Он замялся.— Объясняющая сверхъестественный факт появления призрака? Вы же все утверждаете, что он именно призрак. И это — несмотря на его вполне материальный облик.

— Ну конечно, мистер Уэйнрайт — призрак! — проворчал Дженкинс.— Мы ведь его похоронили, не так ли?.. А через неделю раскопали могилу, чтобы посмотреть, там он или нет. И что вы думаете? Там, мертвый. Что и говорить, несомненно, он призрак. Как еще можно объяснить его существование?

— Нельзя сказать,— осторожно начал Кент,— чтобы я слишком сильно верил в призраков.

— Никто из нас не верил,— махнул рукой толстяк.— Никто. Но с фактами не поспоришь.

— Призрак, который предсказывает будущее,— произнес Кент после некоторой паузы.— И какое же будущее он предсказывает? Или все это так же туманно, как его пророчество о сестре миссис Кармоди, выходящей из здания суда?

— Как вам сказать.— Дженкинс откашлялся, и его многочисленные подбородки снова затряслись.— В основном он предсказывает разные местные происшествия и события; так, ничего особенного. Как раз то, что и должно интересовать старика, всю жизнь прожившего на одном месте.

— А как насчет политики?

— Он постоянно удивляется росту цен,— рассмеялся Дженкинс.— Цены сбивают его с толку. А спрашивать его о чем-либо совершенно бесполезно: он очень быстро устает и вид у него становится такой затравленный...

Кент понимающе кивнул.

— А эта миссис Кармоди... когда она приехала?

— Почти девять лет тому назад.

— А мистер Уэйнрайт мертв, если я правильно понял, уже лет пять?

— Я с удовольствием,— важно сказал толстяк, поудобнее устраиваясь в кресле,— расскажу вам, как все произошло. По порядку. Пожалуй, я опущу первые несколько месяцев, после того как миссис Кармоди появилась на ферме. Все равно в это время ничего существенного не произошло.

Ликуя, женщина вышла из помещения Всеобщей торговой компании. Ее переполняла радость, как и два месяца назад, когда она впервые обнаружила эту ферму. Четыре цыпленка и три дюжины яиц — за пять долларов наличными! Наличными!

И тут ее радость потухла. Она нахмурилась. Зачем себя обманывать? Скоро начнется уборка урожая и больше не удастся воспользоваться этим методом выкачивания наличных денег из фермы Уэйнрайтов. Она вспомнила обнаруженную ею чековую книжку, из которой она узнала, что на счете Уэйнрайтов в кемпстерском банке лежат одиннадцать тысяч семьсот тридцать четыре доллара. Целое состояние.

Так близко и вместе с тем так невыразимо далеко.

Она подошла к банку и уже на пороге на мгновение замерла, парализованная страшной мыслью: если она войдет внутрь, то через несколько минут узнает все... все самое страшное... И на этот раз ей будет противостоять не старик и не девчонка...

Банкир был опрятным малым в роговых очках, за которыми прятались большие серые глаза.

— А, миссис Кармоди,— приветствовал он ее, потирая руки,— наконец-то вы решили нас посетить.— Он усмехнулся.— Я думаю, мы сможем все уладить, так что не беспокойтесь. Мне кажется, что совместными усилиями нам удастся поддерживать в порядке дела фермы Уэйнрайтов так, чтобы и общество, и высокий суд оставались довольны.

Суд! Так вот в чем дело! Вот что предсказывал этот старик! Суд! И эта новость очень даже хорошая, а не плохая. На мгновение ее охватила слепая ярость к этому старому дураку, который так напугал ее своими разглагольствованиями о суде...

А банкир тем временем продолжал:

— Насколько я знаю, у вас имеется письмо от сестры вашего покойного мужа — дочери мистера Уэйнрайта, в котором

она просит вас приехать и присмотреть за фермой и ее дочерью Филлис. Возможно, это письмо не так уж и необходимо, учитывая, что вы единственная оставшаяся в живых родственница, но вкупе с завещанием это составит законные основания, на которых суд сможет назначить вас душеприказчицей.

Женщина судорожно вцепилась в ручки кресла. Внутри у нее все похолодело. Теперь, когда настал критический момент и следовало предъявить подготовленное ею поддельное письмо, она вдруг почувствовала, что дрожит. Бормоча, что, дескать, она могла и потерять это злосчастное письмо, женщина принялась рыться в своей сумочке. Наконец нашла и, внезапно вспотевшими руками вытащив из конверта, протянула навстречу гладким холеным пальцам банкира и замерла в ожидании...

— Гмм...— промычал банкир, читая письмо.— Она предложила вам двадцать пять долларов в месяц сверх необходимых расходов...

Женщину прошиб холодный пот:

«И как только мне могло прийти в голову написать такое!..»

— Забудьте о деньгах,— торопливо сказала она.— Я приехала сюда не для того, чтобы...

— Я, собственно, хотел сказать,— прервал ее банкир,— что, по-моему, двадцать пять долларов в месяц — слишком мало. За управление такой большой и богатой фермой заработная плата вполне может составлять и пятьдесят долларов в месяц. Как минимум. На эту сумму, я думаю, мы и будем ориентироваться. Этим летом,— добавил он,— местный суд заседает здесь, неподалеку, и если вы не возражаете, то мы отправимся туда и уладим все необходимые формальности. Между прочим,— заметил он,— нашего судью всегда интересуют последние предсказания мистера Уэйнрайта.

— Я знаю их все! — выпалила женщина.

Она позволила вывести себя на улицу. Жаркое июльское солнце, согревавшее все вокруг своим живительным теплом, постепенно заставило отступить и холод, ледяной лапой сжимавший душу миссис Кармоди.

Прошло три года, три ничем не примечательных года. И вот в один прекрасный момент миссис Кармоди, чистившая пылесосом ковер в гостиной, вдруг остановилась и глубоко задумалась. Потом она так и не смогла вспомнить, что

именно навело ее на эту мысль: в тот ли самый июльский день, когда три года назад в зале заседаний местного суда ей буквально без всякой борьбы подарили весь мир, встретился ей по дороге мистер Уэйнрайт или нет?

Уэйнрайт предсказал этот момент. А это значит в некотором роде, что он его увидел. Наяву? Или же, каким-то образом проникнув через завесу времени, он прочитал свои собственные мысли и впечатления? Короче говоря, видел ли он ее собственными глазами? Каким именно образом он «вспомнил» то, что увидел только через несколько месяцев,— это уже совсем другой и не слишком существенный сейчас вопрос. Сама она Уэйнрайта не заметила. Как ни старалась, но кроме ощущения всепоглощающего, застилающего глаза счастья вспомнить об этом дне так ничего и не смогла.

Старик же, конечно, считал, что был там. Этот старый дурак полагал, будто все, о чем он говорит,— воспоминания о событиях, уже свершившихся. В каком же тусклом, тупом мире он, вероятно, живет! Он словно прямая, как стрела, дорога, простирающаяся в бесконечность... то окутанная туманом, то сверкающая яркими красками знаменательных событий...

Сидевший на другом конце комнаты старик заерзал в своем кресле.

— Кажется, только вчера,— как бы про себя произнес он,— Филлис и этот парень с фермы Козенсов поженились, и однако...— Он задумался.— Пирл, когда же это было? Моя память уже не та, что раньше...

Женщина, погруженная в свои мысли, не слушала его. Она просто не слышала, что он говорит. Но тут ее взгляд упал на Пирл, и она почувствовала: что-то неладно. Ее толстая дочь, вместо того чтобы, как обычно, валяться на диване, сидела, широко открыв изумленные глаза.

— Ма,— завизжала она.— Ты слышала? Он говорит, что Филлис и Чарли Козенс поженятся!

Судя по звукам, кто-то поблизости начал задыхаться. С удивлением миссис Кармоди обнаружила, что хрипит она сама. Одним движением она оказалась возле Уэйнрайта и с поджатыми губами и холодными, как сталь, глазами — само воплощение ярости — нависла над ним. От возмущения дар речи покинул ее. Все заслонила собой катастрофа, которую так небрежно предсказал мистер Уэйнрайт.

Поженятся! А она-то думала, что Билл и Филлис... Как же так? Ведь еще вчера Билл говорил ей...

Поженятся!

Филлис и сын соседского фермера. Вот и настанет конец всему, чего она достигла за последние несколько лет. За эти годы она скопила почти тысячу долларов, но на сколько хватит этих денег, если их источник иссякнет? Страх и ярость наполнили ее до краев. Больше сдерживаться она не могла.

— Ах ты, старый дурак! — вопила миссис Кармоди.— Так значит, все эти годы, пока я за тобой ухаживала, ты вынашивал коварные планы, как бы навредить мне и моим детям! Знаю я все эти грязные уловки! Ты думаешь, что очень умный, раз решил воспользоваться своими способностями...

Старик в ужасе вжался в кресло, и при виде этого миссис Кармоди поняла, чем ей может грозить такая вспышка. Особенно после стольких лет подчеркнутой любезности. Будто сквозь туман она услышала, как старик прошептал:

— Я ничего не понимаю. Миссис Кармоди, что случилось?

— Ты сказал это? — спросила она. Даже ради спасения своей души она не могла бы удержаться от этого вопроса.

— Что я сказал?

— Ну, о Филлис и Чарли Козенсе...

— Ах, о них.— Казалось, Уэйнрайт уже забыл, что она стоит перед ним, и добрая отеческая улыбка тронула его губы.— Кажется, они поженились только вчера...

Он поднял глаза на мрачное лицо нависшей над ним женщины и снова испуганно съежился в кресле.

Неимоверным усилием воли миссис Кармоди взяла себя в руки.

— Я больше не хочу слышать об этом,— с угрозой в голосе произнесла она.— Никогда. Ты меня понял? Ни единого слова!

— Конечно, конечно, миссис Кармоди,— изумленно пролепетал старик,— ни слова, если вам так угодно. И все же моя внучка...

— А ты,— рявкнула миссис Кармоди, обращаясь к Пирл,— если ты расскажешь Филлис о том, что сейчас произошло, то я... просто не знаю, что с тобой сделаю!

— Ну конечно, мама,— пробормотала Пирл,— можешь на меня положиться.

Дрожа от бешенства и страха, женщина вернулась к своему пылесосу. Она снова взялась за работу, но руки у нее тряслись. Когда-то, несколько лет тому назад, у нее был, пусть и несколько туманный, план, что делать в такой ситуации: Филлис хочет выйти замуж за кого-то другого, а не за Билла. План, надо сказать, довольно гнусный, и тогда она надеялась, что он не понадобится. Но она его не забыла. Гримаса отвращения исказила ее лицо, когда она вытащила всю эту мерзость из темных глубин сознания, где прятала ее все это время.

В зеркале над раковиной она заметила отражение своего искаженного злобой лица. Зрелище не из приятных. Надо заставить себя успокоиться. Но страх оставался. Дикий, животный страх женщины, которой уже сорок пять и которая совсем одна в равнодушном мире, без работы и, соответственно, без заработка, без... без всего. Конечно, будет пособие по бедности, но, пока у нее остаются деньги, его не получить. Будет пенсия по старости... разумеется, но только через двадцать пять лет.

Она глубоко вздохнула. Все эти пенсии и пособия бессмысленны. Они — синоним поражения. А значит, оставался только ее отчаянный план, для успеха которого требовалась помощь Билла. И не только вынужденная помощь, а активное, заинтересованное участие...

Она пристально рассматривала сына, когда тот вернулся с поля к обеду. За последний год в нем появилось какое-то непонятное ей спокойствие. Словно, достигнув двадцати, он внезапно стал взрослым. Он и выглядеть стал мужчиной, а не юношей: среднего роста, крепко сложенный, со следами тайной страсти на лице.

Тайная страсть — это хорошо. Он, несомненно, унаследовал ее неутолимое честолюбие. Как раз перед тем, как они покинули город, его поймали на воровстве. На первый раз отпустили. Тогда она не ругала его, так как прекрасно понимала сына и его испепеляющую ненависть к миру, который жестоко лишил их возможности сорить деньгами.

Но с этим, конечно, покончено. Эти три года он без жалоб и понуканий трудился на ферме наравне с наемными рабочими. И однако, чтобы заполучить Филлис, то старое отношение к жизни ему очень и очень пригодится. Он вспомнит прошлое и с его помощью завоюет всем им место под солнцем.

Она отметила, что Билл украдкой посматривает на сидящую с ними за столом Филлис. Уже больше года женщина замечала эти взгляды, которые Билл бросал на девушку. Более того, когда-то миссис Кармоди сама просила его об

этом. Молодой человек должен бороться за девушку, которую любит! Просто обязан! Всеми доступными средствами! Вопрос только в том, как ей, матери, объяснить своему сыну тот план, который она придумала. Вот взять и прямо так рассказать?..

После обеда, пока Филлис и Пирл мыли посуду, она тихонько прошла в комнату Билла. И все получилось куда проще, чем она рассчитывала. Выслушав ее, он долго лежал совершенно неподвижно, с каким-то странно умиротворенным выражением лица.

— Значит, идея в том,— наконец произнес он,— что сегодня вечером вы с Пирл поедете в кино. Старик, конечно, будет спать, как бревно. И тогда я, после того как Филлис тоже пойдет спать, проникну в ее комнату, и... потом ей придется выйти за меня замуж.

Он сказал это так бездушно, что женщина отшатнулась, словно увидев в зеркале свое отражение: бесконечно злую, все крушащую на своем пути тварь, в которую она превратилась.

— И если я сделаю все это,— между тем продолжал Билл,— то мы сможем и дальше оставаться на ферме. Я правильно тебя понял?

Она смогла только кивнуть. Голос ее не слушался. И сразу же, словно боясь, что Билл передумает, она поспешно вышла из комнаты.

Постепенно тяжесть, оставшаяся от этого разговора, прошла. Но когда около трех часов она зачем-то вышла на веранду, то сразу же натолкнулась на сидящего там Уэйнрайта. Заметив ее, старик поднял глаза.

— Какой ужас,— сказал он,— ваша сестра повесилась. Мне рассказали об этом в гостинице. Взяла и повесилась. Страшное дело, страшное. Вы совершенно правы, что не поддерживаете с ней никаких отношений.

И, словно забыв о ее существовании, он уставился в пространство.

То, что он сказал, сначала показалось ей невероятным, а потом и просто невозможным. В этот момент женщина поняла все: и слова старика, и слабую улыбку, снова играющую на его губах.

«Значит, вот что он задумал»,— холодно подумала она. Этот старый мерзавец хотел устроить так, чтобы Филлис не вышла за Билла. Пользуясь своей репутацией предсказателя, он коварно рассказал ей, что Филлис и Чарли Козенс...

Все понятно! А теперь он пытается ее напугать. Повеситься, надо же! Она улыбнулась. Хитро придумано, ничего не скажешь! Но она хитрее.

От кино у нее осталось только странное впечатление нескончаемой болтовни и ярких красок. Слишком много бессмысленных разговоров, слишком много света. Глаза у нее болели, и когда наконец они вышли на улицу, мягкий вечерний полумрак показался настоящим бальзамом.

— Пойдем поедим бананового мороженого.

Кажется, это предложила она. А возможно, она только согласилась, но, как бы там ни было, вскоре они с дочерью уже сидели за маленьким столиком и с удовольствием ели мороженое. Но думать она могла только об одном: если они с Биллом провернут это дельце, то весь мир будет у них в кармане. Ничто никогда не сможет повредить ей больше, чем ошибка или неудача сегодня.

— Ма, послушай, ма, я хочу спать. Уже половина двенадцатого.

Голос дочери вывел женщину из задумчивости. Она посмотрела на часы: и правда, половина двенадцатого.

— Боже мой! — воскликнула она с притворным изумлением.— Вот не думала, что уже так поздно!

Светила луна, и лошади тоже не терпелось вернуться домой. Когда они подъезжали к ферме, женщина обратила внимание, что во всем доме не горит ни одно окно. Темной и безжизненной глыбой стоял он посреди серебрящихся в лунном свете полей.

Оставив Пирл распрягать лошадь, она прошла внутрь, дрожа от нетерпения. Одна из ламп в кухне все-таки горела, хоть и еле-еле. Женщина включила лампу поярче и, прихватив ее с собой, начала подниматься на второй этаж, где находились спальни. Она постоянно спотыкалась: проку от лампы, похоже, не было никакого.

Она поднялась наверх, подошла к комнате Билла. Тихонечко постучала в дверь. Нет ответа.

Она заглянула внутрь. Тусклый желтый свет лампы выхватил из темноты пустую кровать, и женщина застыла, не зная, что ей делать дальше. Только шум шагов поднимающейся по лестнице Пирл заставил ее выскочить из комнаты. Не обращая на мать внимания, Пирл, зевая, прошла мимо и скрылась в своей спальне.

Зазвонил телефон, и толстяк прервал свой рассказ. Извиняясь, он вытащил из кресла свое расплывшееся тело.

— Я сейчас вернусь,— пообещал он.

— Только один вопрос,— быстро сказал Кент.— Что с предсказанием Уэйнрайта о «повесившейся сестре»? Я думал, что миссис Кармоди жива и здорова, хоть и находится в сумасшедшем доме.

— Это так.— Огромная туша хозяина гостиницы заполнила собой дверь.— Она действительно жива. Мы думаем, что Уэйнрайт и правда пытался ее напугать.

Прошло несколько минут. Кент достал блокнот и на чистой странице написал:

Старик,
который предсказывает будущее,
который вынудил женщину убить его,
но который все равно жив,
который проходит сквозь предметы,
который умеет читать мысли (возможно).

Он немного подумал и дополнил список еще одной строкой:

Престарелый призрак.

Несколько минут он задумчиво смотрел на то, что у него получилось. Потом рассмеялся и в этот миг услышал характерный стук бильярдных шаров. Он встал, подошел к двери, ведущей в гостиницу, и осторожно заглянул внутрь.

Увидев, что толстый Дженкинс играет в бильярд с каким-то коренастым мужчиной, Кент криво усмехнулся, пожал плечами и, повернувшись, вышел на улицу.

Видимо, ему не суждено узнать эту историю вот так сразу, целиком. Видимо, ему будут рассказывать ее по частям: кусочек тут, другой — там. Очевидно, ему также придется написать мисс Кинкад и попросить ее прислать какие-нибудь книги о призраках, привидениях, провидцах и вообще все, что может помочь ему разгадать тайну мистера Уэйнрайта.

В течение последующих недель мисс Кинкад прислала несколько книг о духах, сборники подлинных историй о привидениях, четыре тома о парапсихологических явлениях, историю магии, трактаты по астрологии и родственным дисциплинам, собрание сочинений Чарльза Форта и наконец три новеньких томика Д. В. Дунна о природе времени.

Утром следующего дня Кент уселся на веранде и в один присест проглотил все три тома. С каждой страницей он все больше приходил в волнение. Прочитав все от корки до корки, он пришел к выводу, что находится на пороге удивительного, невероятного открытия. Однако оставались еще вопросы, которые следовало прояснить.

Час спустя он уже лежал в небольшой, поросшей лесом лощине, из которой хорошо просматривалась ферма. Если призрак и сегодня выйдет на утреннюю прогулку, то он вот-вот должен появиться...

В полдень Кент вернулся в гостиницу. Одна мысль, словно навязчивая муха, непрерывно кружилась у него в голове: сегодня старик отправился в какое-то другое место... какое-то другое место... другое место. Его воображение словно наталкивалось на глухую стену, когда он пытался представить себе это «другое место».

На следующее утро в восемь часов он снова спрятался в лощине. И снова ждал. И вновь старик не появился.

На третий день ему повезло. Черные грозовые облака затянули все небо, и он собрался было уходить, когда из-за дома появилась высокая тощая фигура мистера Уэйнрайта. Старик прошел сквозь ворота и направился в поля. Делая вид, что тоже вышел погулять, Кент двинулся ему навстречу.

— Доброе утро, мистер Уэйнрайт,— поздоровался он.

Ничего не отвечая, старик внимательно посмотрел на него. Потом подошел поближе.

— Молодой человек,— вежливо спросил он Кента,— а мы с вами знакомы?

На мгновение Кент впал в замешательство, но потом...

«И тут все сходится. Все *сходится*. Должен же существовать момент времени, когда он со мной познакомился».

Вслух он объяснил, что он сын Ангуса Кента и приехал сюда отдохнуть.

— Я с удовольствием навещу вас в гостинице,— сказал старик, когда Кент закончил свои объяснения,— и мы поговорим о вашем отце. Рад был с вами познакомиться.

И с этими словами Уэйнрайт пошел дальше. Стоило ему скрыться из виду, как Кент кинулся к воротам. Он пробрался во двор, как раз когда упали первые капли дождя. На мгновение он застыл в нерешительности. Надо было во

что бы то ни стало успеть проникнуть в дом до того, как старик вернется. А это могло случиться с минуты на минуту из-за так некстати начавшегося дождя. Оглядываясь по сторонам и каждую секунду ожидая увидеть длинную тощую фигуру мистера Уэйнрайта, Кент заторопился к дому.

Отсутствие надлежащего ухода за долгие годы наложило отпечаток на темные деревянные стены. Дождь уже лил как из ведра. И хотя отчасти Кент был защищен от разбушевавшейся стихии, он все равно чувствовал себя неуютно. Ливень не утихал.

Выглянув за угол, Кент заметил открытую веранду и сломя голову кинулся к ней. Уже спокойнее — теперь на него ничего не лилось — он обследовал заколоченную дверь и окна. Забито на совесть. Досадно; впрочем, ничего другого он и не ожидал. Да, попасть внутрь будет нелегко.

Дождь несколько поутих. Выбежав с веранды на улицу, Кент заметил балкон второго этажа. Залезть оказалось нелегко, но дело того стоило. Широкая доска, которой было заколочено одно из выходящих на балкон окон, шаталась. Всего один рывок — и она уже у него в руках. Теперь все просто. Углом доски Кент нанес удар, и с тихим, каким-то удивительно пустым звоном стекло разлетелось на мелкие кусочки.

И вот он внутри, в темной пыльной комнате. Дверь из нее вела в длинный коридор. Комнаты — когда-то здесь были спальни — оказались пусты: даже мебели нет. И внизу то же самое. Голые, заброшенные помещения. Бетонная, черная, как ночь, дыра подвала. Ощупью, освещая путь спичками, Кент добрался до окон. Как он и ожидал, между досками оказались щели. Выбрав место поудобнее, так чтобы хорошо видеть ворота, Кент приготовился к ожиданию.

Но долго ждать ему не пришлось. Прямо сквозь закрытые ворота к дому прошествовал мистер Уэйнрайт. Кент кинулся к выбранной им ранее щели в досках, закрывающих окно на веранду. Если Уэйнрайт собирается войти в дом, то Кент его увидит. Однако прошло пять минут, потом еще пять, а старик так и не появился.

Качая головой, Кент медленно поднялся на второй этаж и через разбитое двадцать минут назад окно вылез на балкон. Приладить доску на место оказалось совсем не трудно, слезть вниз несколько сложнее. Но Кент не зря старался. Вот он,

неоспоримый факт: где-то на заднем дворе призрак исчезает. Теперь вопрос в том, как помешать этому исчезновению. Как можно поймать призрак, обладающий способностями мистера Уэйнрайта?

Около полудня следующего дня Кент лежал в поле к югу от фермы. Несколько часов назад он видел, как Уэйнрайт вышел на ежедневную прогулку. Спрятавшегося в кустах Кента он, к счастью, не заметил. И вот теперь с помощью предусмотрительно захваченного полевого бинокля Кент следил за возвращавшимся домой стариком.

Делая вид, что погружен в свои мысли и ничего вокруг не замечает, Кент вышел из своего укрытия. Он как раз обдумывал, как бы ему исхитриться завязать разговор, когда его неожиданно окликнули:

— Эй, мистер Кент! Доброе утро! Что, тоже вышли прогуляться?

Кент повернулся и, дождавшись, когда мистер Уэйнрайт подойдет совсем близко, сказал:

— Я как раз собирался зайти к миссис Кармоди попросить стакан воды. Так пить хочется, прямо мочи нет. Если вы не возражаете, я вас провожу.

— Ну конечно, сэр,— ответил старик,— ну конечно.

И они пошли вместе. Что теперь будет? Что произойдет, когда они подойдут к воротам? В какой момент Уэйнрайт исчезнет? Лучше начать готовиться к этому заблаговременно.

— Отсюда,— начал Кент,— ферма выглядит какой-то удивительно заброшенной, не правда ли, мистер Уэйнрайт?

К его удивлению, старик так и подпрыгнул, услышав это безобидное замечание.

— Вы тоже это заметили, мистер Кент? — спросил он с несчастным видом.— А я-то думал, что мне только кажется! Я так страдал от этого! Но знаете, я обнаружил, что эта иллюзия исчезает, как только входишь в ворота фермы.

Так... Значит, все происходит в тот момент, когда Уэйнрайт проходит ворота... С усилием Кент заставил себя вернуться с заоблачных высот на землю.

— Я рад, что и у вас складывается такое же впечатление,— продолжал между тем Уэйнрайт.— А то я уже начал подумывать, что у меня что-то неладно со зрением.

Мгновение поколебавшись, Кент вынул из футляра полевой бинокль, протянул его Уэйнрайту и небрежно предложил:

— Попробуйте посмотреть в бинокль. Возможно, это рассеет иллюзию.

Сказав это, он ощутил острую жалость к старику, которого ставил в такое совершенно немыслимое, невероятное положение.

Но жалость тут же сменилась болезненным, нездоровым, жгучим любопытством. Прищурив глаза, он следил за тем, как костлявые руки поднесли бинокль к старческим, окруженным сетью морщин глазам, как медленно подкрутили фокус...

Старик охнул, и Кент поймал на лету бинокль, который Уэйнрайт, как того и следовало ожидать, выронил.

— Но как же так?..— бормотал старик.— Это просто невозможно. Окна заколочены. Неужели миссис Кармоди сумела так быстро собраться и уехать?

— Что-нибудь не так, сэр? — спросил Кент, чувствуя себя последним мерзавцем. Однако теперь пути назад не было.

— По-моему, я схожу с ума,— покачал головой старик.— Мои глаза... Моя голова... они, конечно, не те, что раньше...

— Давайте подойдем поближе,— предложил Кент,— я все-таки выпью воды, и мы посмотрим, в чем, собственно, дело.

Ему казалось крайне важным, чтобы старик не забыл, что он не один.

— Ну конечно, мистер Кент,— сказал Уэйнрайт с достоинством,— ну конечно, вы получите свой стакан воды.

Кент шел рядом с этим высоким, осанистым стариком, чувствуя себя преступником. Еще бы, ведь теперь и он внес свою лепту в трагедию этого человека.

Они подошли к запертым воротам фермы, и с торжеством победителя, от которого, правда, больше всего хотелось плакать, Кент увидел, как Уэйнрайт безуспешно пытается справиться с замком.

«Невероятно, впервые с тех пор, как все это началось,— мелькнула у него мысль,— старик не сумел пройти *сквозь* ворота».

— Ничего не понимаю,— растерянно произнес Уэйнрайт.— Ворота почему-то заперты. Но я же только сегодня утром...

Тем временем Кент размотал проволоку, удерживающую большие ворота.

— Давайте пройдем здесь,— мягко предложил он.

На старика жалко было смотреть, такой у него стал обескураженный вид. Вот он остановился и, словно не веря глазам, уставился на сорняки, которыми порос двор, потом удивленно потрогал потемневшие от времени доски, крестнакрест закрывавшие окна. Плечи его поникли, словно на них разом обрушился весь груз прожитых лет, на лице проступило выражение загнанности. Теперь он действительно выглядел *старым*.

По выгоревшим ступенькам он устало, с явным трудом поднялся на веранду. И в этот страшный момент Кент наконец осознал, что происходит. Старик уже шагнул к наглухо заколоченной двери, когда Кент завопил:

— Подождите! Подождите!

Но он опоздал. Там, где только что стоял мистер Уэйнрайт, теперь была... да просто ничего не было.

И только ветер погребальным оркестром завывал в водосточных трубах. Кент стоял на пустой, давным-давно заброшенной веранде. Стоял один-одинешенек. Наедине с печальной картинкой, которая так внезапно расставила все по местам. В мысленном калейдоскопе теперь он действительно понимал абсолютно все. Но не чувствовал от этого ни радости, ни удовлетворения. Он ощущал только страх,— страх, что может опоздать.

Кент бежал по дороге, дыша, словно загнанная лошадь. Бежал и думал о том, как хорошо, что последний месяц так много времени уделял прогулкам. Только благодаря им удастся одолеть те полторы мили, что отделяют ферму от гостиницы. На последнем издыхании, ощущая горечь во рту, он вскарабкался по ступенькам. Перед глазами все плыло. Внутри кто-то, кажется Том, сидел за конторкой.

— Я дам пять долларов,— прохрипел Кент,— если вы упакуете мои вещи и доставите меня в Кемпстер к двенадцатичасовому поезду. И расскажите, как добраться до психиатрической лечебницы в Пиртоне. Ради всего святого, быстрее!

Человек за конторкой вылупился на него, как на привидение.

— Мистер Кент, я велел горничной собрать ваши вещи сразу же после завтрака. Вы разве не помните, что сегодня семнадцатое августа?

Кент в ужасе смотрел на него. И это пророчество сбылось. Но как же тогда другое?

По дороге к Кемпстеру он смутно, словно сквозь туман, слышал слова шофера о том, что Пиртон, мол, большой город и что Кент, дескать, легко сможет взять такси на станции...

Из такси лечебница выглядела как несколько белых домиков посреди зеленых лужаек, окруженных высоким железным забором. Кента повели по бесконечным тихим коридорам, и он все время норовил обогнать сопровождавшую его сестру. Ну как она не понимает, что речь идет о жизни и смерти!

Врач встретил его в маленькой, светлой и очень приветливой комнатке. Он вежливо встал, приветствуя Кента, но тот, дождавшись только, чтобы сестра закрыла за собой дверь, выпалил:

— Сэр, у вас содержится женщина по фамилии Кармоди.— И, дав врачу немного подумать, но пару секунд, не больше, торопливо продолжал: — Даже если вы и не помните ее, поверьте мне, это так.

Лицо врача прояснилось.

— Я помню эту больную.

— Послушайте,— с отчаянием в голосе сказал Кент.— Я только что узнал, как все произошло. Вот что вы должны сделать: немедленно отведите меня к ней, и я заверю ее, нет, вы заверите ее, что она не виновата и что ее скоро отпустят. Вы меня понимаете?

— Мне кажется,— осторожно ответил врач,— что вам лучше рассказать все с самого начала.

— Ради бога, сэр, поверьте мне,— Кент отчаянно пытался пробиться сквозь стену непонимания,— нельзя терять ни секунды. Я не знаю точно, как это произойдет, но предсказание, что она повесится, может сбыться, если...

— Минуточку, мистер Кент! Я был бы вам крайне признателен...

— Ну как вы не понимаете! — вопил Кент.— Вам надо действовать, иначе предсказание сбудется. Я же вам говорю: мне известны факты, которые позволят освободить эту женщину. И, следовательно, сейчас все решится!

Он замолчал, заметив, что врач как-то странно на него смотрит.

— Знаете, мистер Кент,— сказал тот,— прежде всего вам надо успокоиться. Я уверен, что все будет в порядке.

Неужели все нормальные, уравновешенные, спокойные люди так же невозможны, как этот доктор?

«Надо быть поосторожнее,— неуверенно подумал Кент,— а не то они запрут меня здесь вместе со всякими там лунатиками».

Он начал рассказывать все, что слышал, что видел, что делал. Врач то и дело прерывал его вопросами, и постепенно до Кента дошло, что ему и в самом деле придется рассказать все с самого начала: слишком многого врач не знает.

Он остановился, немного посидел молча, собираясь с мыслями, потряс головой, а потом тихо и спокойно стал объяснять, что, как и почему.

Тянулись минуты, а Кент все говорил и говорил. Он прислушивался к собственному голосу. Каждый раз, начиная говорить быстрее, он заставлял себя успокоиться. Наконец он дошел до книг Дунна и замялся в нерешительности.

«Боже мой,— подумал он,— неужели мне придется объяснять ему разработанную Дунном теорию времени как состояния мыслящей материи?! Все остальное не так уж и важно, но без этого...»

— Мистер Кент.— Слова доктора вывели его из задумчивости.— Я читал некоторые работы Дунна. Боюсь, правда, что не могу принять его положения о многомерном характере времени...

— Послушайте,— прервал его Кент.— Представьте себе впавшего в детство старика. Он живет в странном, непонятном мире. Удивительные, часто не связанные между собой мысли, переживания, идеи — все это для него в порядке вещей. Память — особенно память — невыразимо запутана и туманна. И в этом запутанном, неестественном окружении как-то, когда-то сработала одна из переменных теории Дунна. Старик, чье чувство времени оказалось полностью разрушенным инфантилизмом; старик, который ходит в будущее так же запросто, как мы с вами ходим в соседнюю комнату...

— *Что?!*

Вскочив на ноги, врач в волнении заходил взад-вперед по кабинету.

— Мистер Кент,— произнес он наконец,— эта идея совершенно не вписывается ни в какие рамки. Но как бы там ни было, я пока не вижу, как это все связано с миссис Кармоди.

— А вы помните, как произошло убийство?

— Смутно. Кажется, семейная ссора?

— Я вам сейчас расскажу. Когда миссис Кармоди проснулась, то была уверена, что победила. Она думала, будто сделала для себя и своих детей все, что могла. И тут увидела на тумбочке записку. Она была от Билла и явно пролежала там всю ночь. Билл писал, что не может и не хочет осуществлять придуманный ею план, что ему не нравится на ферме и что он немедленно отправляется в город. Он и правда ушел в Кемпстер и к тому времени, когда его мать вышла из кино, уже ехал в поезде. Кроме того, он написал, что несколько дней тому назад мистер Уэйнрайт очень удивился, увидев его во дворе. Старик думал, что Билл уже уехал в город...

Мысль о Уэйнрайте не давала женщине покоя. Этот проклятый старик, во все сующий свой нос! Он предсказал, что Билл уедет,— и в критический момент Билл действительно уехал. А с ним испарились и все ее надежды. Филлис выйдет за Чарли Козенса, и что тогда? Что станет с бедной, никому не нужной сорокапятилетней женщиной?

«Старик,— думала она, спускаясь по лестнице,— это он все придумал. Проклятый старикашка! Сначала сказал Биллу про город, потом Филлис — за кого ей выйти замуж, а затем попытался испугать меня разговорами о повешенных. Повешенные?»

Она замерла, словно налетев на стену. В глазах у нее помутилось. Если все остальные пророчества сбылись, то почему бы и этому не сбыться? Но если ты никого не убил, то они не могут тебя повесить! Кого она может убить? Уэйнрайта? Нет, такой глупости она не сделает!

Она не помнила, как прошел завтрак. Словно сквозь туман женщина услышала заданный собственным голосом вопрос:

— А где же мистер Уэйнрайт?

— Он вышел на прогулку. Мама, ты нездорова?

Нездорова? И кому только в голову придет задать такой дурацкий вопрос? Нездоров будет этот проклятый старик — после того, как она с ним побеседует.

У нее остались какие-то смутные воспоминания о том, как она мыла тарелки; а потом — странный черный провал... живая, жестокая ночь, окутавшая ее сознание... уехал... Билл... надежда... проклятый старик...

Она стояла у двери на веранду, в сотый уже, наверное, раз выглядывая во двор, в надежде увидеть возвращающегося с прогулки Уэйнрайта. В этот миг все и произошло.

Вот дверь, вот веранда. А через секунду, в двух шагах от нее, прямо из воздуха, материализовался старик. Он открыл дверь, зашатался и рухнул к ее ногам, корчась в агонии, а она что-то кричала ему...

— Она так все и рассказала полиции,— сказал Кент,— что старик просто взял и умер. Но врач, обследовавший труп, пришел к выводу, что мистер Уэйнрайт задохнулся. Кроме того, в истерике она рассказала о себе абсолютно все, и в итоге ей никто не поверил.

— Известно,— продолжал Кент после короткой паузы,— что очень старые люди могут задохнуться, если, например, у них слюна попадает не в то горло или из-за паралича дыхательных путей во время шока...

— Шока?! — воскликнул врач.— Вы что?..— Похоже, он просто не мог найти слов.— Вы что, серьезно думаете, что ваш разговор с мистером Уэйнрайтом сегодня утром вызвал его внезапное появление перед миссис Кармоди... уж не знаю сколько лет тому назад? Вы хотите мне сказать, что это в результате шока...

— Я пытаюсь вам сказать,— прервал его Кент,— что у нас остались буквально минуты, чтобы предотвратить самоубийство. Если мы успеем ей все объяснить, то у нее исчезнет причина лишать себя жизни. Ради бога, идемте скорее!

— Но как же предсказание? — спросил врач, вставая.— Если у этого старика и вправду были такие способности, то как же мы можем изменить предначертанное?

— Послушайте,— вспылил Кент.— Я сегодня уже повлиял на прошлое из будущего. Могу же я изменить будущее из... Да пойдемте же!

Он не мог оторвать глаз от этой женщины. Она сидела в своей маленькой светлой комнатке и улыбалась с того самого момента, как они вошли. Теперь, правда, несколько неуверенно. А врач все говорил и говорил.

— Это значит,— наконец спросила она,— что меня освободят? Что вы напишете моим детям и они приедут и заберут меня отсюда?

— Совершенно верно! — искренне заверил ее Кент. Что-то здесь было не так, но что? — Насколько я знаю, ваш сын, Билл, работает на заводе. Он женился. Ваша дочь — стенографистка на том же предприятии.

— Да, это так,— кивнула она.

Потом, когда они вернулись в кабинет, сестра принесла голодному Кенту разогретую кашу, которую здесь подавали на завтрак.

— Никак не могу понять,— хмурился Кент.— Казалось бы, теперь все должно быть хорошо. Ее дети работают. Эта девушка, Филлис, вышла за Чарли Козенса, и они живут на его ферме. Что касается самой миссис Кармоди, то у меня не сложилось впечатления, что она собирается повеситься,— это-то и сбивает меня с толку. Она пребывала в хорошем настроении. Улыбалась. Ее комната любовно украшена множеством всяческих искусно вышитых вещиц.

— Действительно,— согласился врач,— ее история болезни свидетельствует, что у нас никогда не было с ней никаких трудностей. За примерное поведение она получила привилегию заниматься вышивкой... Что случилось?!

«Интересно,— подумал Кент,— я выгляжу столь же сумасшедшим, как та мысль, которая только что пришла мне в голову?»

— Доктор,— с трудом выговорил он,— есть еще психологический аспект, о котором я совершенно забыл... Скорее! — Он вскочил.— Надо вернуться к ней и сказать, что она может здесь остаться!

Они услышали, как где-то неподалеку захлопали двери, кто-то пробежал по коридору. В кабинет ворвался санитар.

— Доктор! — выпалил он.— Женщина повесилась! Миссис Кармоди. Она разрезала на куски свое платье и...

Когда они пришли, ее уже вынули из петли. Смерть сделала миссис Кармоди умиротворенной и безмятежной, на губах ее застыла слабая улыбка.

— Здесь некого винить,— прошептал Кенту врач.— Как могут здоровые, нормальные люди понять, что самым страстным желанием ее жизни всегда была безопасность и уверенность в завтрашнем дне. И что именно здесь, в доме для умалишенных, она получила то, что так долго искала.

Но Кент его не слышал. Его била дрожь; и комната, и заполнившие ее люди казались невероятно, необыкновенно далекими. Перед его мысленным взором стоял дом Уэйнрайтов — пустой, с заколоченными окнами... И однако еще много-много лет из него будет выходить высокий, худой, подтянутый старик. Выходить и гулять по окрестностям, пока и его душу не призовет к себе смерть, которая давным-давно взяла в свои объятия его тело.

Тогда и наступит время, когда призрак мистера Уэйнрайта перестанет бродить по земле.

Дубликаторы

1

Мэтлин, только что убивший чудовище, потихоньку начал выходить из себя.

Когда огромное двенадцатифутовое существо умирало, его мышцы сократились в последний раз и оно, сделав сальто, оказалось в кузове его грузовика.

И теперь слоноподобная голова и четверть тела свешивались в одну сторону, а огромная рука и предплечье торчали сзади. Многотонное лоснящееся черное тело лежало на дне... создавая Мэтлину проблемы.

Да, он отнесся к происходящему именно так: чудовище создавало ему проблемы.

Стив Мэтлин был невероятно подозрительным и раздражительным человеком. Сейчас ему больше всего хотелось бросить чудовище на обочине дороги. Однако он понимал, что лучше этого не делать. К несчастью, два офицера полиции, промчавшиеся мимо него на патрульной машине, видели, как он ехал по вьющейся вдоль озера дороге. Если патрульные найдут тело существа, они сразу сообразят, кто его прикончил.

Этот погрязший во мраке невежества человек по имени Мэтлин решил, что должен сам избавиться от чудовища. Он прекрасно понимал, что если он выгрузит огромное тело в неподходящем месте, то ему потребуется подъемный кран, чтобы снова положить его в кузов. А если потащит домой, то ему придется копать могилу.

«Лучше всего отвезти его в полицию,— уныло подумал он,— пусть считают меня законопослушным гражданином».

Продолжая кипеть от ярости, он выехал на шоссе. Вместо того чтобы свернуть налево, к своей ферме, он направился в Минден, ближайший пригородный поселок, и сразу же порулил к полицейскому участку, возле которого затормозил и принялся гудеть.

Никто не вышел, чтобы его встретить.

Когда выведенный из себя Мэтлин собрался нажать на клаксон и уже больше его не отпускать, он сделал неожиданное открытие. В небольшом переулке, где находился полицейский участок, не было ни одной патрульной машины.

Жаркий день, пустые улицы, ему выпала редкая удача...

Мэтлин нажал рычаг, и кузов начал подниматься. Через несколько секунд он почувствовал, как огромная туша поползла вниз. Мэтлин выжал сцепление и выехал из-под тела чудовища. Кузов он опустил уже на ходу.

2

Когда поздним вечером они ложились спать, его жена Кора сказала:

— Ты слышал про существо из космоса?

Мэтлин вспомнил о чудовище, которое сбросил у полицейского участка.

«Вот болваны! — язвительно ухмыльнулся он про себя.— Надо же, существо из космоса!»

Но вслух угрюмо ответил:

— Смотрела дурацкий ящик?

— Про инопланетянина рассказали в выпуске новостей,— обиженно сказала Кора.— Его нашли прямо на улице.

Значит, речь шла о чудовище, которое он убил.

«Похоже, я сэкономил двадцать пять долларов,— самодовольно подумал Мэтлин.— Наконец мне немного повезло».

Он молча улегся в постель.

Кора лежала рядом, слушала его мирное дыхание и размышляла о космическом монстре. А еще она представляла себе иные вселенные, существующие вне узкого мирка Стива Мэтлина. Раньше она была учительницей — двадцать лет назад, когда еще не стала матерью четверых детей. Иногда ей с трудом удавалось убеждать себя, что реальный мир все еще существует.

Невиданное существо нашли мертвым перед полицейским участком в Миндене. Телевизионные камеры снимали чудо-

вище со всех сторон — так оно попало в каждый дом. Никто не знал, как существо оказалось возле полицейского участка. Если верить телевизионным комментаторам, государственные чиновники и военные функционеры вились вокруг огромного тела подобно жужжащим мухам.

Прошло два дня. Экспедиция, изучавшая монстра, явилась на ферму Мэтлина — как и на все соседние,— но Кора лишь покачала головой и категорически заявила, что Стив не мог отвезти чудовище к полицейскому участку.

— Он бы обязательно рассказал мне! — категорически заявила она.— Так что нечего тут!

Неожиданно она замолчала и подумала: «Этот тип!.. Этот невероятный тип!.. Да, он вполне мог так поступить».

Однако посетители не заметили ее смущения. И поверили, что муж обязательно рассказал бы о *такой* находке жене. Их начальник, симпатичный мужчина ее возраста, с тихим голосом, представился как Джон Грэхем — лишь он один из всей компании был в штатском — и дружелюбно добавил:

— Передайте вашему мужу, что тот, кто сможет нам реально помочь, получит крупную денежную премию — около ста тысяч долларов.

И длинная вереница мотоциклов и автомобилей с ревом скрылась за поворотом.

Утром следующего дня Стив Мэтлин увидел второго монстра.

Он шел по следу первого, вдоль дороги, тянущейся по берегу озера, и неожиданно наткнулся на второе чудовище.

Мэтлин тут же скатился в придорожную канаву.

Он не сумел бы объяснить, зачем снова сюда пришел. Когда Кора рассказала ему о вознаграждении, он тут же посмеялся над доверчивостью жены.

— Эти сукины дети никогда не станут делить премию с тем, кто не сможет застолбить участок и не докажет свои права,— проворчал он.

Он пришел столбить участок.

Теперь, увидев чудовище, Мэтлин почувствовал страшное возбуждение. Ужас! Дрожа, он поднял ружье.

Одновременно существо, которое до того стояло склонившись, выпрямилось — и у него в руках что-то блеснуло. В следующее мгновение над головой Мэтлина просвистела пуля и ударила в ствол дерева. Задрожала земля. А через миг Мэтлин услышал грохот взрыва.

Казалось, кто-то выстрелил из небольшой пушки.

И пока он вспоминал свой опыт, почерпнутый в морской пехоте во время Второй мировой войны, далекое ружье — оно *выглядело* как ружье, хотя и было гораздо больше,— вновь выплюнуло пламя. На сей раз пуля ударила в камень, находившийся в десяти ярдах перед Мэтлином, и на него обрушились каменные осколки. Он почувствовал боль, а когда открыл глаза — в этот момент раздался второй взрыв,— увидел, что его руки покрыты десятками капель крови.

Он не стал терять времени на размышления, скользнул назад, перекатился и, низко склонившись к земле, побежал вдоль канавы. Мэтлин остановился только после того, как понял, что канава стала слишком мелкой и больше не может служить ему убежищем.

Что делать?

На него накатили военные воспоминания. Тогда ему навязали реалии войны, в которой он не имел ни малейшего желания участвовать. Он потратил на нее несколько лет своей жизни. Однако Мэтлин не забыл, как бежал, полз, прятался, но продвигался вперед. Он всегда считал полнейшим безумием добровольно перемещаться по вражеской территории. Однако ненавистная военная дисциплина не оставляла ему выбора, и он не раз попадал в смертельно опасные ситуации.

Неужели теперь, по собственной глупости, ему вновь придется рисковать жизнью?

Пока он лежал, сожалея о принятом решении, два здоровенных заряда разорвались в тех местах, где он только что побывал. Пушка против ружья! Мэтлину ужасно захотелось оказаться подальше отсюда. Его замысел перед лицом такой огневой мощи потерял всяческий смысл: чудовище явно стремилось его прикончить.

Он лежал в канаве, не смея даже голову поднять.

Его собственное ружье казалось ему жалкой игрушкой...

Зазвонил телефон. Кора подняла трубку, но не сразу узнала хриплый голос мужа.

— Я из телефонной будки у дороги. Ты можешь выяснить, где отряд, который занимается поисками чудовища? — спросил он.

— Только что звонила моя мать. Они недавно побывали на ее ферме. А почему ты спрашиваешь?

— Оно преследует меня,— сказал Мэтлин.— Скажи им, я двигаюсь к шоссе от эллинга. Оно едет на огромном самосвале.

— Кто тебя преследует? — закричала в трубку Кора.— И где ты?

— Второй монстр. На дороге возле озера,— простонал Мэтлин и бросил трубку.

3

Сражение на шоссе началось в два часа дня. Существо вылезло из кабины грузовика высотой в двадцать футов. Спрятавшись за ним, оно стреляло из ружья размером с пушку во все, что оказывалось в пределах видимости.

Две дюжины полицейских, вооруженных карабинами, прятались в кустарнике. Лежа рядом с Грэхемом, Мэтлин услышал, как тот сказал армейскому майору:

— Вызовите поддержку с воздуха!

Через десять минут на горизонте появился первый вертолет. Он принадлежал телекомпании, и на его борту находился оператор. Вертолет облетел самосвал, снимая огромное существо, прятавшееся за ним. Сначала чудовище не обращало на вертолет никакого внимания, но потом сообразило, откуда доносится рев двигателей.

Первая же пуля пробила кабину. Осколок задел пилота, и он потерял сознание. Вертолет вышел из-под контроля. Вторая гигантская пуля ударила в хвост. Через несколько минут вертолет скрылся за холмом — каким-то чудом ему удалось сесть.

Появление боевых вертолетов не застало чудовище врасплох — оно сразу же начало стрелять. Вертолеты повернули обратно, но прежде три из них были сбиты, два сумели приземлиться, а третий взорвался прямо в воздухе. Завязалась перестрелка.

Однако один из вертолетов обогнул холм и атаковал чудовище с противоположной стороны, пока остальные обстреливали его с дальних дистанций.

Маневр оказался удачным, пилоту удалось точной пулеметной очередью снести чудовищу голову — оно так и не узнало, откуда пришла опасность.

Мэтлин вместе со всеми направился к мертвому существу, намереваясь при первом удобном случае отдать заявку на призовые деньги. Он был в ярости, поскольку никто не обращал на него внимания. Впрочем, Мэтлин ничего другого и не ждал.

Он стоял, нетерпеливо притопывая ногой, пока остальные изучали убитое существо, огромный грузовик и ружье.

Мэтлин настолько погрузился в мрачные размышления, что даже не заметил, как к нему уже дважды обратились с вопросом. Грэхем указывал на десятифутовое ружье.

— Что вы об этом скажете?

То, как был задан вопрос,— казалось, Грэхем относится к нему словно к равному,— слегка притушило тлеющую в Мэтлине ярость.

«Пора»,— подумал он и протянул письменную заявку на призовые деньги.

— Я бы хотел, чтобы вы это подписали.

Потом он присел рядом с огромным ружьем и принялся его разглядывать.

— Похоже на пневматическое ружье, вроде того, которым пользуюсь я, только намного больше. Не исключено, что его произвела та же компания.

На него вновь накатила волна гнева — Грэхем все еще держал в руке его заявку, но даже не взглянул на нее.

— Какая компания? — спросил Грэхем, и что-то в его голосе показалось Мэтлину странным.

— Мое ружье сделала компания «Мессер».

Грэхем вздохнул и недоуменно покачал головой.

— Взгляните на марку изготовителя его оружия,— сказал он.

Мэтлин вновь наклонился над огромным ружьем. И прочитал: ПРОИЗВОДСТВО КОМПАНИИ «МЕССЕР».

— А какая компания сделала ваш грузовик? — устало спросил Грэхем.

Мэтлин молча обошел вокруг огромного грузовика и взглянул на надпись. Она в точности соответствовала модели его самосвала: «ФЛУГ».

Когда Мэтлин сообщил об этом Грэхему, тот кивнул, а потом протянул листок с заявкой и спокойно сказал:

— Если вы хотите, чтобы я подписал вашу заявку, мистер Мэтлин, вам следует написать следующее: «Как человек, который всячески препятствовал поискам существа из космоса, я считаю себя наиболее достойным кандидатом на получение денежной премии».

Слова Грэхема оказались настолько неожиданными для Мэтлина, что он просто оторопел. Однако почти сразу же пришел в себя и обрушил свой гнев на Грэхема:

— Но почему, проклятый вы мошенник?

— Подождите! — язвительно ответил Грэхем, предупреждающе поднимая руку. Его стальные глаза цинично блеснули.— Если вы поможете нам отыскать место, откуда появ-

ляются эти существа, я могу пересмотреть свое мнение. Вы нам поможете?

Спустившаяся ночь заставила их прервать поиски.

Экспедиция разбила лагерь на берегу озера. Вскоре в темноте разнесся оглушительный ревущий звук. Мэтлин подбежал к берегу озера и принялся всматриваться в темные воды. Потом он перевел взгляд на остров посреди озера. К нему подошли другие члены экспедиции.

Шум доносился со стороны острова.

— Похоже на рев реактивных двигателей,— заговорил кто-то, пытаясь перекричать шум.— Он приближается к нам.

Внезапно они поняли, что происходит. Звук доносился сверху. На фоне темно-синего неба возник гигантский вертолет.

Затем он исчез на противоположном берегу. Рев превратился в далекий шум.

Грэхем подошел к Мэтлину и сказал:

— Кажется, вы говорили, что у вас есть хижина на берегу озера?

— Да,— устало кивнул Мэтлин.

— А лодка?

Тут только Мэтлин понял, что Грэхем собирается делать.

— Неужели вы хотите отправиться на остров прямо сейчас?

— Мы заплатим за аренду лодки,— серьезно ответил Грэхем.— И обещаем компенсировать любые повреждения, которые лодка получит,— мы дадим вам гарантийное письмо. Если мы обнаружим на острове базу этих существ, я подпишу вашу заявку.

Мэтлин колебался. Катер и хороший дом на берегу озера были его давней мечтой. Никто, даже Кора, не подозревал, как страстно он этого хотел. В тот день, когда он убил первого монстра, Мэтлин вез песок со своей фермы на берег, чтобы привести пляж в порядок.

Мэтлин представил себе, как большие деньги помогут ему осуществить его мечту: вся береговая линия усыпана чистым песком, неподалеку стоит красивый дом, а у причала качается на волнах новенький катер.

— Я вам помогу,— сказал он.

На острове, изредка включая фонарик, Мэтлин подвел Грэхема и двух других мужчин к тому месту, где земля становилась... тверже. Они начали копать — и на глубине в несколько дюймов обнаружили металл.

Грэхем по рации связался с лагерем, а потом дал Мэтлину послушать ответ: из лагеря по более мощному передатчику вызовут парашютный десант. К рассвету сюда прибудут несколько сотен опытных солдат, танки, команда подрывников и артиллерия.

Но как только рацию выключили, они вновь остались в темноте. Подкрепление следовало ждать только утром.

Именно Мэтлин нашел выступ люка, открыв который они проникли в огромный, хорошо освещенный корабль.

Он был так поглощен своими удивительными открытиями, что оказался внутри корабля и довольно далеко от входа, когда вдруг сообразил, где находится.

Мэтлин остановился и уже повернулся, чтобы бежать обратно, но не мог сдвинуться с места.

Окружающий мир завораживал.

Они находились в круглом помещении диаметром около четырехсот футов. Несколько металлических выступов спускалось с потолка и торчало из пола. И больше ничего.

Вместе с остальными Мэтлин подошел к пандусу, ведущему на следующий уровень. Здесь они увидели много огромных встроенных машин — если это были именно машины,— но и на этом уровне они никого не обнаружили.

На третьем уровне они нашли двух спящих «детей».

Они лежали на спине в длинном черном металлическом сооружении, похожем на ящик. Тот, что побольше, был размером с половину взрослого инопланетянина, а маленький имел длину всего два фута. Не вызывало сомнений, что оба «ребенка» являются уменьшенными копиями убитых взрослых особей.

Когда трое мужчин — Грэхем и двое его спутников — переглянулись, Мэтлин вновь вытащил листок с заявкой и протянул Грэхему. Правительственный агент удивленно посмотрел на него; затем, видя, что Мэтлин ждет ответа, пожал плечами, взял ручку и поставил свою подпись.

Как только заявка вновь оказалась в руках Мэтлина, он подбежал к пандусу.

Он весь взмок от страха, однако понимал, что у него не было выбора — иначе он никогда не получил бы подпись. Но теперь...

...Нужно срочно уносить отсюда ноги, все это его совершенно не касается!

Выбравшись к озеру, Мэтлин устремился к своей лодке, завел мотор и вернулся на противоположный берег. Навесив

замок на лодочную цепь, он незаметно пробрался к своей машине и поехал домой.

Когда до фермы оставалось не более мили, он увидел, что она охвачена пламенем. И услышал рев гигантских двигателей...

Его дом, хозяйственные постройки, мастерская — все горело! И в свете пламени он увидел огромный вертолет, взмывший в темное небо.

Так вот куда он полетел!

Звуки удаляющегося двигателя постепенно стихли.

Мэтлин нашел Кору и сына в поле. Она что-то лепетала о монстре, который вошел в дом и посмотрел на них.

— Я так и не поняла, как он узнал, что это твоя ферма? — удивленно спросила она.

4

Пожар унимался. К ферме подъехало несколько машин. Послышался стук закрываемых дверей. В тускнеющем свете огня Мэтлин взял сына на руки и вместе с Корой направился к фургону.

Он задавал себе совсем другой вопрос. Почему существо не убило его жену и ребенка? Кора и мальчик находились в его власти.

Сосед по имени Дэн Грей коснулся его руки и сказал:

— Стив, ты не против, если Кора и мальчик переночуют у меня на ферме?

К тому моменту, когда они приехали на ферму Грея, по телевизору сообщили, что Стив Мэтлин бросил троих человек на милость возвращающегося инопланетянина.

Мэтлин узнал говорившего — это был один из членов экспедиции.

Он огляделся. Грей, его жена — высокая худая женщина — и Кора смотрели на него.

— Стив, ты не мог так поступить!

Мэтлин был изумлен.

— Я подам в суд за клевету! — воскликнул он.

— Значит, это неправда,— простонала Кора.— Как они могли так солгать!

Мэтлина возмутило ее полное непонимание.

— Это не ложь, а полнейшая чушь. Зачем мне было оставаться на острове? Если они спятили, пусть сами разбираются.

Он вгляделся в их лица и понял, что они думают иначе. Мэтлин помрачнел.

— Ладно, я вижу, что мне не следует здесь оставаться. Пойдем, Кора.

Миссис Грей сухо сказала:

— Кора и мальчик могут остаться.

Мэтлина уже не удивляла их глупость.

— Я приеду за тобой утром,— пожав плечами, сказал он жене.

Кора ничего не ответила.

Грей проводил Мэтлина до машины. Вернувшись в дом, Грей покачал головой:

— Надо отдать должное твоему мужу: он не скрывает своего отношения к происходящему.

— Он делает это слишком часто,— холодно ответила Кора.— Вы только представьте себе,— добавила она со слезами в голосе,— он бросил людей на милость чудовищ!

— Мэтлин сказал, что они заманили его на остров.

— Никто не может никуда заманить Стива. Он сам туда отправился.

— Он сказал, что генералы вновь умудрились сделать из него рядового и послать на передовую. А поскольку это не его война...

— Но если это не его война, то чья? Ведь первый выстрел сделал он.

— Так или иначе, но теперь генералы оказались в первых рядах, а Стиву на все наплевать. Это я могу вам гарантировать.

— Удивительное дело,— сказала Кора.— Он всегда считал, что Вторая мировая война была заговором, направленным на то, чтобы отнять у него время. Он живет в собственном мире. И ничто не может поколебать его устои — вы сами видели.

Мэтлин вернулся на ферму и переночевал на заднем сиденье своей машины.

Когда на следующее утро он подъехал к ферме Грея, тот вышел ему навстречу.

— Знаешь, Стив,— с усмешкой сказал Грей,— похоже, что теперь это твоя война.

Мэтлин посмотрел в лицо соседа, но его слова показались ему бессмысленными. Поэтому он ничего не ответил, вышел из машины и зашагал к дому.

Женщины смотрели телевизор. Мэтлин даже не взглянул на экран.

— Ты готова, Кора? — спросил он.

Обе женщины повернулись и как-то странно посмотрели на него. Наконец миссис Грей, слегка задыхаясь от волнения, спросила:

— Вижу, ты отнесся к происходящему довольно спокойно.

— К чему я отнесся спокойно?

Миссис Грей беспомощно посмотрела на Кору.

— Я не могу ему сказать,— едва слышно прошептала она.

Мэтлин вопросительно взглянул на жену.

— Ты все равно узнаешь. Существо вернулось на остров и нашло там мистера Грэхема и двух его спутников. И поговорило с ними при помощи какого-то механического устройства, которое переводило его речь. Оно сказало, что собирается покинуть Землю, но сначала намерено кое-что сделать. Оно сказало... оно сказало...

— Ради бога, Кора, пойдем быстрее,— нетерпеливо проговорил Мэтлин.— Расскажешь по дороге.

— Оно сказало, что сначала хочет тебя убить,— пробормотала Кора.

На это Мэтлин не нашел что ответить. Прошло довольно много времени, прежде чем он сказал:

— Меня! — А потом недоверчиво добавил: — Просто смешно! Я не имею никакого отношения к происходящему.

— А оно сказало, что ты единственный человек на Земле, который имеет к нему отношение.

Мэтлин был ошеломлен. Он даже не мог говорить, не мог отрицать, что слова жены произвели на него сильное впечатление.

Однако в голове промелькнула мысль: «Но то, первое существо направлялось ко мне. Откуда я знал, какие у него намерения?»

Между тем Кора с горечью продолжала:

— Оно сказало, что ни на одной планете никто не начинал стрелять без предупреждения, не задавая вопросов.

Мэтлин беспомощно посмотрел на нее. Он чувствовал себя разбитым, побежденным. Его жизнь была в опасности. И все же он не верил своим ушам.

«Я хочу только одного: чтобы меня оставили в покое!» — подумал он.

И вдруг Мэтлин вздрогнул, сообразив, что всю свою жизнь ошибался. Он считал, что все происходящее в других местах не имеет к нему никакого отношения.

Он так долго придерживался этой точки зрения, так легко впадал в ярость, что остальные лишь переглядывались, замолкали и отворачивались. А в дальнейшем старались с ним не заговаривать на подобные темы.

«Проклятье,— думал он,— им лучше помалкивать.— И презрительно: — Пусть думают все, что угодно».

А теперь он оказался единственным человеком, которого хочет убить пришелец с другой планеты...

Он вновь обратил внимание на улыбку Дэна Грея. Тот беспомощно развел руками.

— Ничего не могу поделать, Стив. Веришь ты мне или нет, но я отношусь к тебе с симпатией. Мне даже кажется, что я тебя понимаю. Но — прости меня, Кора — во всей этой истории есть некая высшая справедливость. Я не могу представить себе человека, который бы так напрашивался на неприятности.

Мэтлин развернулся на каблуках и вышел из комнаты. Он услышал за своей спиной легкие шаги Коры.

— Подожди минутку, Стив,— сказала она.— У меня кое-что есть для тебя.

Мэтлин обернулся. Они остались вдвоем в коридоре. Он заметил, как она стаскивает с пальца обручальное кольцо.

— Вот,— сказала она,— мне следовало сделать это девятнадцать лет назад, но помешал наш первый ребенок.

Она раскрыла его ладонь, положила на нее кольцо и вновь сжала его пальцы.

— Ты остаешься один, Стив. После того как в течение двадцати лет ты вел себя как самый самовлюбленный и эгоистичный человек на свете, тебе придется взглянуть правде в лицо одному, как и должно быть.

Мэтлин хмуро посмотрел на кольцо.

— Ба! — ответил он.— Когда ты смотришь на меня, то видишь человеческую расу такой, какая она на самом деле. Просто я никогда не притворяюсь.

Он еще раз повернулся на каблуках и решительно вышел из дома.

Здесь его поджидала машина, в которой сидел Джон Грэхем. Он вылез из нее и подошел к Мэтлину, собравшемуся сесть в собственный фургон.

— Я хотел встретиться с вами,— сказал Грэхем.

— Не тяните резину! — ответил Мэтлин.

— У меня для вас три послания.

— Черт подери!

— Естественно, правительство США никому не позволит убивать своего гражданина,— заявил Грэхем.— Поэтому,— продолжал он,— все вооруженные силы страны встанут между Стивом Мэтлином и инопланетянином.

Мэтлин посмотрел на него с откровенной враждебностью.

— Он может дублировать все, что у вас есть,— холодно проговорил он.— Так что это пустые слова.

Грэхем совершенно спокойно ответил, что способность существа дублировать ружье и грузовик, а потом и вертолет не прошла мимо внимания военных.

Мэтлин коротко и зло рассмеялся, показывая, что генералы не сумеют воспользоваться подобной информацией.

— Ладно, ладно,— проворчал он.— Ну, а каково второе послание?

— Оно носит личный характер,— сказал Грэхем.

Он сделал шаг, и в следующее мгновение его кулак пришел в соприкосновение с челюстью Мэтлина. Мэтлина отбросило на машину, он осел на землю да так и остался сидеть, потирая челюсть.

— Что ж,— спокойно сказал Стив Мэтлин,— поскольку все говорят, что я напрашиваюсь на неприятности, не стану спорить. Ну а последнее послание?

Грэхем, ожидавший, что ему придется драться, отступил на шаг. Его настроение изменилось, и он удивленно покачал головой.

— Стив, ты меня поражаешь. Пожалуй, я тебя уважаю.

Мэтлин ничего не ответил. Он продолжал сидеть на земле, упираясь локтями в колени.

— Генералы пришли к выводу, что у инопланетянина есть еще одна причина тебя убить. Быть может, тебе что-то известно.— Его серые глаза внимательно наблюдали за Мэтлином.— Ты ничего не скрыл от нас?

Мэтлин покачал головой, но в его глазах проснулся интерес. Он медленно поднялся на ноги и принялся стряхивать с себя пыль. На его лице появилось задумчивое выражение.

— Была выдвинута гипотеза,— не унимался Грэхем,— что его способность к дублированию основана на свойстве восприятия, которым люди не обладают.

— Ах вот вы о чем! — воскликнул Мэтлин.— Как почтовые голуби, или улетающие на юг птицы, или лосось, возвращающийся в маленькую заводь, где он появился на свет?

— Идея состоит в том, что ты владеешь какой-то обратной связью и существо старается убить тебя прежде, чем ты успеешь поделиться своей способностью с кем-нибудь другим.

Мэтлин покачал головой:

— Они спятили. Я ничего не знаю.

Некоторое время Грэхем наблюдал за ним. Потом удовлетворенно вздохнул и сказал:

— В любом случае, военные считают, что нельзя рисковать, когда речь идет о существе, угрожающем смертью американскому гражданину. Поэтому, чтобы решить вопрос раз и навсегда, они собираются сбросить на него атомную бомбу.

Мэтлин почему-то очень сильно встревожился.

— Подождите минутку,— с сомнением сказал он.— А что, если он дублирует бомбу? Тогда он будет обладать всем, что есть у нас, в то время как мы не имеем полного представления о его возможностях.

— Перестань, Стив,— терпеливо сказал Грэхем.— Бомба будет небольшой — как раз такого размера, чтобы распылить корабль. Я весьма сожалею, что принято именно такое решение, но не сомневаюсь в конечном исходе. После того как бомба будет сброшена, он не сможет ее продублировать, к тому же его самого уже не будет на свете.

— Передайте военным, чтобы не бросали бомбу, пока не придумают что-нибудь еще.

Грэхем посмотрел на часы.

— Боюсь, уже слишком поздно, Стив. Военные предполагают, что у тебя, возможно, установилась телепатическая связь с инопланетянами. Я скрыл от тебя, что атомную бомбу сбросят... прямо сейчас!

В этот момент послышался далекий гром.

Оба невольно пригнулись. Выпрямившись, они сразу же посмотрели вдаль, за холмы. Небольшой, но хорошо знакомый всем жуткий гриб поднимался над горизонтом.

— Ну,— сказал Грэхем,— дело сделано. Очень жаль. Но ему не следовало тебе угрожать.

— А как насчет другого корабля? — спросил Мэтлин.

— О чем ты? — пробормотал Грэхем.

Оба произнесли свои последние слова непроизвольно. Теперь они смотрели друг на друга. Первым нарушил молчание Грэхем.

— Боже мой! — сказал он.

5

В ставке главнокомандующего заседали упрямые люди.

В течение двух дней они отрицали возможность существования второго корабля.

На третий день радар засек небольшой объект, зависший над аэродромом, с которого поднялся самолет с атомной бомбой на борту, уничтожившей корабль пришельцев на острове.

Диспетчерская вышка сделала запрос, но приближающийся объект ничего не ответил. Тогда кто-то встревожился и объявил воздушную тревогу. А затем поспешно спустился в убежище.

Благодаря своей быстрой реакции он стал одним из восьмисот людей, которым удалось спастись.

Через несколько секунд после того, как за ним захлопнулся люк бомбоубежища, последовал взрыв атомной бомбы, уничтоживший полевой аэродром.

Примерно в то же время вертолет с телевизионной камерой парил над островом Мэтлина и фотографировал воронку. Неожиданно с огромной высоты бесшумно спустился космический корабль.

Пилот вертолета не стал мешкать и быстро увел машину подальше, но оператор успел сделать несколько удачных снимков.

Грэхем отправился навестить Кору, рассчитывая, что она расскажет ему, где найти Мэтлина.

Но она лишь покачала головой.

— Стив сказал, что будет путешествовать до тех пор, пока все не закончится. Он решил, что ему лучше не сидеть на одном месте, когда инопланетянин прилетит за ним.

Они показали фотографию Мэтлина по телевизору.

На четвертый день Грэхем допросил четверых мрачных молодых людей, попытавшихся схватить Мэтлина. Они собирались отдать его монстру. Их вожак заявил:

— Отдав ему человека, который заварил эту кашу, мы сможем вернуться к своим обычным делам.

А потом они вышли из кабинета Грэхема: один на костылях, двое с загипсованными руками, четвертый со сломанным носом,— все тихонько стонали, когда спускались вниз по лестнице.

Прошел еще день, и Грэхем допросил двоих мужчин, которые стали свидетелями дуэли на открытом участке шоссе между Мэтлином в фургоне и инопланетянином на реактивном самолете. Мэтлин стрелял из базуки, и пришелец был вынужден улететь.

Генерал Максвелл Дэй, которого сопровождал Грэхем, поинтересовался, не Мэтлин ли проник в арсенал морской

пехоты и похитил реактивный гранатомет вместе с четвертью тонны боезапасов для него.

Грэхем позвонил Коре.

— Я читаю рапорт,— сказал он.— Мог ли Мэтлин воспользоваться оружием морской пехоты?

Кора осторожно ответила:

— Это оружие принадлежит народу США, не так ли?

— Да.

— Ну, тогда он мог посчитать себя одним из владельцев — ведь он гражданин нашей страны. К тому же он мог решить, что исправно платил налоги или заработал право на это оружие, когда служил в десантных войсках во время Второй мировой войны.

Грэхем закрыл рукой микрофон и сказал:

— Да, он мог это сделать.

Офицер морской пехоты протянул руку к телефонной трубке.

— Разрешите мне с ней поговорить.

Грэхем молча передал ему трубку.

— Миссис Мэтлин?

— Да?

— Могу я задать вам несколько личных вопросов о вашем муже?

— Да, пожалуйста.

— Миссис Мэтлин, мистер Грэхем высоко ценит ваше мнение, поэтому постарайтесь ответить на мой вопрос как можно откровеннее: ваш муж умен?

Кора ответила не сразу.

— Я понимаю, о чем вы. В каких-то вопросах — нет; в других он чрезвычайно умен.

— Он храбрый человек?

— Если послушать, что он говорит, то нет. Но мне кажется, что он мало чего боится. Однако нужно его заинтересовать.

— Что он думает о генералах?

— Что все они идиоты.

— Он честный человек?

— Ну-у-у, тут у меня нет однозначного ответа. К примеру, в тот день у него было ружье — он собирался убить оленя, а это противозаконно.

— Готов ли он платить свои долги?

— Могу его процитировать: никто не может сказать, что Стив Мэтлин должен ему деньги.

Генерал Дэй улыбнулся.

— А теперь, миссис Мэтлин, скажите, вы примете мужа обратно, если я сделаю его сержантом?

— А почему не капитаном?

— Сожалею, миссис Мэтлин, но если вы немного подумаете, то поймете: он никогда не опустится так низко.

— О, тут и думать нечего. Вы правы. Да, пожалуй, я бы приняла его. Н-но он больше не служит в морской пехоте.

— Он будет служить, миссис Мэтлин. До свидания.

Генерал повесил трубку.

Час спустя по телевизору, радио и в газетах сообщили, что Мэтлин вновь призывается в морскую пехоту и что ему следует явиться на ближайший призывной пункт.

В полночь того же дня реактивный самолет с Грэхемом и несколькими офицерами на борту прилетел на военно-морскую базу, где их поджидал смирившийся со своей судьбой Мэтлин. Ему выдали военную форму. Мрачный небритый человек неохотно ее надел, и его допросили. Офицеров интересовали любые мысли, промелькнувшие в его сознании.

— Это безумие,— возразил он.— Я ничего такого не знаю — если не считать того, что пришелец хочет меня прикончить.

— А мы полагаем, что это не так.

— Чепуха...

— Рядовой Мэтлин! Это приказ!

Угрюмо — но очень старательно — Мэтлин выполнил приказ. Он рассказал обо всем, что ему приходило в голову в связи с пришельцами за последние несколько дней. Многие вещи казались ему невероятными, Мэтлин даже испугался, что сходит с ума. Видения далекого дома на планете, вращавшейся вокруг чужой звезды. Долгие годы путешествия. Корабль на дне озера, где одна за другой дублируются тысячи атомных бомб.

Слушатели побледнели, но Грэхем лишь попросил:

— Продолжайте, Мэтлин!

И Мэтлин подчинился.

— К нам прилетел всего лишь один инопланетянин, но он привез с собой несколько запасных тел и, если потребуется, сможет вырастить еще и еще.

Он вздохнул.

— Проклятье,— прорычал затем Мэтлин,— мне совсем не хочется все это пересказывать! Да и вам какой интерес? Дурацкие сны — и все.

Грэхем посмотрел на командира морских пехотинцев, а потом вновь перевел взгляд на Стива.

— Мэтлин, мы считаем, что это вовсе не сны. Более того, мы пришли к выводу, что вы каким-то образом вошли в резонанс с разумом инопланетянина. И нам необходимо знать, о чем он думает! Ради бога, продолжайте говорить!

Итак, вот какая сложилась у слушателей картина, когда Мэтлин закончил свой рассказ.

Инопланетянин прибыл в Солнечную систему на двух кораблях, с немалым количеством тел, находившихся в разных стадиях роста и распределенных по обоим кораблям. Когда один корабль и находившиеся на нем тела были уничтожены, он продублировал оставшийся корабль, и теперь у него их снова стало два.

Когда гибло одно его тело, следующее по очереди начинало расти быстрее и через два дня достигало зрелости. Каждое последующее сохраняло «вспоминания» предыдущего, поскольку они записывались при помощи экстрасенсорных устройств.

Когда он прибыл на Землю, его первое тело проснулось. Он хотел лишь одного: продублировать мысли и чувства обитателей новой планеты.

Стать такими же, как они, думать так же, изучить их язык — именно в таком беспомощном состоянии инопланетянин наткнулся на Стива Мэтлина.

Вот и вся история. На сознании существа остался отпечаток личности Мэтлина.

— Стив, вы понимаете, что все деструктивные идеи инопланетянин почерпнул от вас? — спросил Грэхем.

Мэтлин заморгал.

— Что?

Грэхем вспомнил некоторые вещи, рассказанные Корой, и сказал:

— У вас есть друзья, Стив? Люди, которые вам нравятся? Кто-нибудь, где-нибудь?

Мэтлин никого не сумел вспомнить. За исключением, естественно, Коры и детей. Но и к ним он испытывал смешанные чувства. Кора настояла на том, чтобы отправить троих старших детей в школу, которая находилась в городе. Однако в определенном смысле он относился к ней с искренней любовью.

— Вот почему она уцелела,— напряженно сказал Грэхем.— Вот почему существо не стало ее убивать в тот день, когда сожгло вашу ферму.

— Н-но,— запротестовал Мэтлин,— зачем было уничтожать ферму?

— Вы ведь ненавидите ее, не так ли?

Мэтлин ничего не ответил. Он и в самом деле тысячу раз это повторял.

— Как, по вашему мнению, следует поступить с русскими?

— Если бы к моему мнению прислушались,— заявил Мэтлин,— то всю Азию следовало бы забросать атомными бомбами.

После долгого молчания Грэхем тихо спросил:

— А вы не хотите поменять ряд своих идей, Стив?

Мэтлин, закончивший переодеваться, хмуро посмотрел в зеркало.

— Послушайте, вы поставили меня в такое положение, что я даже не могу ответить вам ударом на удар. И я готов выполнить приказ, который родился в дурацких башках ваших идиотов генералов. Так что не будем терять время — скажите мне, что я должен делать.

Именно в этот момент *это* перестало с лихорадочной быстротой дублировать атомные бомбы... и стало собой.

И его вынужденная мысленная связь с Мэтлином распалась.

Содрогнувшееся *это* тут же отправило отчет по мгновенному передатчику — приемник находился в световых годах от Земли:

«То, чего мы так опасались, отправляя пустой разум к новой планете, произошло со мной. Пока я находился в максимально открытом состоянии, мое первое тело было уничтожено двуногим обитателем системы, существом с невероятными идеями. Теперь мне стало ясно, что это результат неправильного обращения с ним. Неспособность избавиться от полученного ранее шока представляется мне уникальным свойством населения данной планеты.

Понимая, что оказался в ловушке, я сделал несколько попыток его убить. Но мне не удалось его уничтожить, поскольку он оказался чрезвычайно изобретательным. Однако сейчас на него надели костюм, который называется формой,— и он тут же стал мирным существом.

И мне удалось освободиться. Естественно, я по-прежнему чувствую, где он находится, но мы больше не можем воспринимать мысли друг друга. Однако я обязан доложить, что меня со всех сторон блокирует воздушный флот. Мой образ существа, явившегося с визитом доброй воли, полностью уничтожен. Конечно, я не стану использовать против них оружие; боюсь, что экспедиция обречена».

Между тем на второй корабль пришельца были отправлены астронавты. Они успешно высадились на его борту и доложили, что обнаружили там четыре тела в разных стадиях роста. Когда корабль на орбите был взорван, Мэтлина привезли на берег озера. Здесь ему предоставили катер. Пока Грэхем и генерал Дэй наблюдали за ним в бинокль, Мэтлин направил правительственный катер стоимостью в тридцать тысяч долларов к острову, не обращая внимания на повреждения, которые он может получить в береговой полосе.

— Похоже, он разбил катер,— сказал Грэхем.

— Вот и хорошо.

— Хорошо?

— Вся моя теория развалится, если он будет обращаться с правительственной собственностью так же бережно, как со своей. А теперь я убедился, что все в порядке.

Мэтлин подошел к кораблю инопланетянина, лежавшему на дне воронки. Сквозь глину сюда просочилась вода. Повинуясь приказу, Мэтлин начал медленно спускаться вниз, держа наготове ружье.

6

Грэхем, генерал Дэй и артиллерийский майор наблюдали за продвижением Мэтлина при помощи телевизионной камеры, расположенной на борту корабля, парящего на высоте в семьдесят тысяч футов над островом. Благодаря мощным телескопическим линзам Мэтлин был отлично виден на экране.

— Зачем нам вообще кого-то туда посылать? — протестовал Грэхем.— Почему бы просто не взорвать его? Вы же сами недавно заявили, что у нас достаточно сил, чтобы уничтожить корабль.

Генерал Дэй объяснил, что теперь он разделяет прежнюю точку зрения Грэхема. Вполне возможно, что инопланетянин сумеет себя защитить.

— Но теперь уже слишком поздно соблюдать осторожность,— не унимался Грэхем.— Мы сожгли все мосты.

— Нет смысла провоцировать инопланетянина,— объяснил офицер морской пехоты,— пока не произошло нового столкновения.

— Столкновения между суперсуществом и Мэтлином!

— А кого еще мы могли послать? Какого-нибудь несчастного? Нет, Мэтлин хотя бы понимает, что происходит. И он уже встречался с инопланетянином, а другие нижние чины с этим не справятся.

— Почему бы не послать меня или вас?

Дэй совершенно хладнокровно ответил, что подобные решения не должны принимать люди, которые мыслят официальными категориями.

— Как, по-вашему, я стал генералом? Когда возникают какие-то сомнения, я прислушиваюсь к тому, что думают другие. Часто их природная хитрость превосходит самый совершенный интеллект.

— Вы же слышали, что думает Мэтлин о человеческой расе,— покачав головой, сказал Грэхем.

Генерал Дэй с удивлением посмотрел на него.

— А разве вы думаете иначе?

— Да.

— Иными словами, вы не считаете, что человеческие существа ужасны?

— Нет, я считаю, что они великолепны,— заявил Грэхем.

— Да, вы почти безнадежны,— мирно заметил генерал.— Теперь я окончательно уверился в том, что мы, морская пехота, намного лучше понимаем людей, чем вы, специалисты по промыванию мозгов.— Он вздохнул.— Во время Второй мировой войны с Мэтлином обращались ужасно.

— О чем вы? — попытался понять Грэхем.

— Вы спросите, какое это имеет отношение к происходящему? Огромное. Видите ли, мистер Грэхем, вам нужно понять, что истинный морской пехотинец — король. А Мэтлин настоящий морской пехотинец. Но с ним обращались как с обычным рядовым. Он так и не смог этого пережить. И в течение последних двадцати лет его душила ярость. Он жаждал признания. И теперь он его получил от меня. Король морской пехоты, мистер Грэхем, способен вести войну, управлять городом, вступить в переговоры с другими державами, как правительство. Морские пехотинцы, ставшие генералами, считаются низшим подвидом расы. Мэтлину даже в голову не придет проконсультироваться со мной, с вами или с правительством Соединенных Штатов. Он оценит ситуацию, примет решение, и я его поддержу.

Он повернулся к майору и отдал приказ:

— Ладно, открывайте огонь!

— Огонь! — закричал майор.

Дэй, словно ребенку, терпеливо объяснил Грэхему, что для данного морского пехотинца необходимо создать экстремальные условия — ведь он абсолютно уверен, что генералы всегда все портят.

— Сейчас нужно ему об этом напомнить. Вот и все, что требуется, мистер Грэхем.

Мэтлин спускался вниз, когда слева от него разорвался первый снаряд, окатив с ног до головы жидкой грязью. Второй приземлился справа. На сей раз осколки полетели в другую сторону, но Мэтлин пришел в такую ярость, что даже не заметил этого.

К тому моменту, когда обстрел закончился, его гнев превратился в состояние духа, которое можно описать лишь двумя словами: морская пехота.

Человек, входящий в корабль инопланетянина, знал, что жизнь трудна, что другим людям нельзя верить и что всем на него наплевать. Он уже давно познал эту истину и был готов сражаться с горечью и яростью. До конца.

Теперь у него не осталось ни малейших сомнений. Люди такие, какие они есть. И они выстрелят тебе в спину, если не сумеют попасть в грудь.

Осознав эту истину, ты можешь вести себя с ними дружелюбно, пожимать им руки, даже неплохо проводить время в их обществе — и тебе больше не нужно судить их или порицать.

Однако ты остаешься один, днем и ночью, всегда.

Как только Мэтлин увидел инопланетянина, он сделал с ружьем то, для чего принес его с собой,— отбросил в сторону, и оно с глухим стуком ударилось о металл обшивки.

Когда стихло эхо удара, наступила тишина. Инопланетянин и человек смотрели друг на друга.

Мэтлин ждал.

Неожиданно послышался голос, на который так рассчитывал Мэтлин.

— Я говорю с тобой через компьютер, который преобразует мои мысли в слова твоего языка. И он сможет проделать то же самое для тебя. Почему ко мне прислали именно тебя — единственного человека, которого я обещал убить? — А потом *это* добавило: — Я больше не собираюсь тебя убивать. Так что можешь говорить свободно.

— Мы пытаемся решить, что с тобой делать,— прямо сказал Мэтлин.— У тебя есть какие-нибудь предложения?

— Я хочу навсегда покинуть вашу планету. Ты можешь это организовать?

Мэтлин был практичным человеком.

— А ты можешь улететь вне зависимости от желания людей?

— Нет.

Такой простой ответ удивил Мэтлина.

— Разве у тебя нет оружия? Разве ты ничего с собой не привез?

— У меня нет оружия,— ответил инопланетянин.

Его признание также поразило Мэтлина.

— Ты хочешь сказать, что мы можем сделать с тобой все, что захотим? И ты не сумеешь нас остановить?

— Да, за исключением...

Мэтлин захотел узнать, о каком исключении идет речь.

Огромные глаза замигали, черные веки опускались и поднимались — Мэтлину никогда не доводилось видеть таких невероятных живых существ.

— За исключением того, что моя смерть не принесет вам никакой пользы.

— Черт побери, тогда объясни, что ты имеешь в виду,— заявил Мэтлин.

И *это*, не спуская с него глаз, дало необходимые объяснения.

Катер Мэтлина едва не затонул, когда он причалил к берегу, где его поджидали Грэхем и остальные.

Он подошел к ним и отдал честь. Генерал Дэй также взял под козырек и приказал:

— Доложите.

— Я сказал ему, что он может улететь,— ответил Мэтлин.— Он стартует по моему сигналу.

— *Что?*— воскликнул Грэхем. Собственный голос показался ему пронзительным.— Почему?

— Не имеет значения почему,— вмешался генерал Дэй.— Все будет, как он сказал.

Он заговорил в рацию:

— Через несколько минут стартует корабль инопланетянина. Пропустите его. Наш представитель, имевший все необходимые полномочия, провел успешные переговоры.

Мэтлин не совсем понял генерала.

— Все в порядке? — спросил он.

На мгновение Грэхему показалось, что генерал Дэй колеблется.

— Нам необходимо выяснить, почему он согласился,— тут же встрял Грэхем.

Однако Дэй принял решение.

— Хорошо! — сказал он Мэтлину.— Я согласен, сержант.

Мэтлин поднял ружье и выстрелил в воздух.

— Я еще никогда не проигрывал пари, когда ставил на короля морской пехоты,— сказал генерал Грэхему.— И сейчас не проиграю.

Все замолчали. Над островом поднимался корабль.

Беззвучно,— казалось, у него вовсе нет двигателя, неизвестная сила влекла его в небо,— он стремительно набирал скорость. Вскоре корабль превратился в точку и исчез из виду.

На его борту существо, с которым Мэтлин вел переговоры, готовилось к межзвездному путешествию. Оно улеглось в специальную камеру для сна. Скоро все его жизненные функции временно замрут...

Между тем произошло то, о чем монстр сообщил Мэтлину,— именно по этой причине было совершенно бесполезно и даже опасно уничтожать его и корабль.

На далекой планете зашевелилось истинное *это*, проснулось и село.

Поиски

Дрейк чувствовал под собой жесткую больничную койку, и поначалу ему казалось, что именно это его и мучает. Однако, улегшись поудобнее, он понял, что причина не в физических ощущениях. Это «что-то» было в его разуме — ощущение пустоты в голове с тех пор, как ему сообщили дату.

После долгого — как ему казалось — времени дверь открылась, и на пороге появились двое мужчин и медсестра. Один из пришедших сказал:

— Ну, и как вы себя чувствуете, Дрейк? Это кошмар — найти вас в таком состоянии!

Мужчина был полный — типичный «порядочный человек». Дрейк обменялся с ним крепким рукопожатием. Некоторое время он лежал неподвижно, после чего позволил себе неловкий, но необходимый вопрос.

— Простите,— холодно сказал он,— мы знакомы?

— Меня зовут Брайсон,— ответил мужчина.— Я руковожу сбытом в «Квик-Рит компани». Мы производим вечные перья, карандаши, чернила, писчую бумагу и другие подобные товары, которыми торгуют даже в продовольственных магазинах. Две недели назад я принял вас в качестве коммивояжера и отправил в дорогу. Потом я узнал, что вас нашли без сознания во рву, а больница сообщила, что вы находитесь здесь. У вас были при себе бумаги,— закончил он,— из которых следовало, что вы работаете у нас.

Дрейк кивнул, чувствуя, однако, разочарование. Ему казалось, что вполне достаточно, если кто-то заполнит пробел в его памяти. Но этого было слишком мало. Наконец он произнес:

— Я помню только, что решил попытаться получить работу в вашей фирме. Военная комиссия забраковала меня по

какой-то непонятной причине. Вероятно, тогда что-то и произошло с моей памятью...

Он замолчал. Глаза его широко раскрылись при одной мысли об этом.

— Видимо, у меня была временная потеря памяти,— медленно сказал он, испытывая неприятное чувство.

Заметив, что дежурный врач, вошедший вместе с Брайсоном, внимательно разглядывает его, Дрейк ухитрился бледно улыбнуться.

— Наверное, уже все в порядке, доктор. Мне только интересно, что я делал последние две недели. Я валяюсь здесь и напрягаю мозг. Что-то там лежит на дне, но я никак не могу вспомнить.

Врач улыбнулся из-под своих очков.

— Меня радует, что вы так отважно переносите это. Волноваться не стоит. Могу вас заверить, что, по нашему опыту, жертвы амнезии обычно вели перед случившимся размеренный, разумный образ жизни. Одной из характерных черт является то, что они меняют работу. Вы не сделали даже этого.

Он умолк, а словоохотливый Брайсон радушно сказал:

— Могу напомнить вам первую неделю. Принимая вас на работу, я узнал, что в детстве вы жили в одной деревне у железнодорожной линии Уорвик—Кисслинг. Разумеется, я и назначил вам эту трассу. Мы получили от вас заказы из пяти городов по этой дороге, но Кисслинга вы не достигли. Вдруг это вам поможет...— Брайсон пожал плечами.— Ну хорошо, это неважно. Как только встанете на ноги, загляните ко мне. Вы порядочный человек, а такие сегодня встречаются редко.

— Если можно, я бы хотел работать на той же трассе,— сказал Дрейк.

Брайсон кивнул:

— Какие могут быть разговоры. Осталось только закончить недоделанное, а потом двинуться дальше вдоль главной магистрали. Разумеется, это ваша трасса. Видимо, вы хотите узнать, что случилось?

— В том-то и дело,— согласился Дрейк.— Я хочу вернуть потерянную память.— Он заставил себя улыбнуться.— А сейчас... сейчас спасибо, что вы пришли.

— Не за что. До свидания.

Брайсон пожал ему руку, и Дрейк проводил его взглядом до дверей.

Два дня спустя Дрейк сошел с трансконтинентального экспресса на станции Уорвик и остановился, щурясь под лучами раннего утреннего солнца. Он уже испытал первое разочарование: до сих пор ему казалось, что вид города на фоне линии холмов пробудит в нем воспоминания.

Он вспомнил лишь свое детство, когда вместе с родителями проезжал через Уорвик во время многочисленных путешествий. Сейчас здесь стояли новые дома, а также новый вокзал, которого не было двадцать лет назад. В его памяти не оживали даже самые туманные воспоминания того, что происходило с ним шестнадцать лет назад.

Дрейк покачал головой.

«Но ведь кто-то меня здесь знает,— подумал он.— Кто-то должен был меня видеть. Я разговаривал с хозяевами магазинов, пассажирами поездов, железнодорожниками, служащими отелей. Я всегда был компанейским, значит...»

— Привет, Дрейк! — услышал он веселый голос за спиной.— Как дела, старина? У тебя вид, как на похоронах.

Дрейк повернулся и увидел молодого, довольно худощавого мужчину с темными волосами и смуглой кожей, лет этак тридцати. У него была сгорбленная фигура щуплого человека, сгибающегося под тяжестью обильного багажа. Видимо, что-то в лице Дрейка поразило его, потому что он торопливо добавил:

— Ты же меня помнишь, верно? Билл Келли! — Он рассмеялся.— Ну скажи, разве я был с тобой не в ладах? Что ты сделал с той девушкой — Селани? С тех пор как мы виделись последний раз, я еще дважды был в Пифферс-Роуд и не встречал ее там. Она...

Он замолчал, и взгляд его вдруг стал вопросительным:

— Эй, парень, ты меня не помнишь?

Для Дрейка был удивительным и уж по крайней мере достойным внимания факт, что прозвучало название Пифферс-Роуд. Возможно ли, что ему пришло в голову навестить дом на ферме, где он родился? Когда возбуждение несколько улеглось, он заметил выражение лица Келли, свидетельствующее, что пора объясниться. Поэтому он быстро рассказал все, а закончил словами:

— Так что, как видишь, у меня нелады с памятью. Может, ты, если не против, расскажешь, что происходило, пока я был с тобой? Что за девушка эта Селани?

— Ну конечно же,— ответил Келли.— Конечно, я могу...— Он вдруг замолчал, хмуря брови.— А ты, случайно, меня не дуришь? Ну ладно, ладно, верю. У нас полчаса до прихода пригородного до Кисслинга. Амнезия, говоришь? Слышал

я о таком, но... Э, не думаешь ли ты, что тот старик мог иметь что-то общее с...— Он стукнул правым кулаком в левую ладонь.— Держу пари, так оно и есть.

— Какой старик?! — воскликнул Дрейк, после чего взял себя в руки и добавил уже спокойнее: — Что это за история?

Поезд притормозил. Сквозь потеки на оконном стекле Дрейк видел волнистую долину с группами зеленых деревьев и сверкающую, извивающуюся ленту воды. Потом показалась пара домов, несколько боковых путей и наконец начало деревянного перрона.

Высокая худая красивая девушка прошла мимо его окна, неся в руке корзинку. За его спиной заговорил севший на последней станции коммивояжер, с которым Дрейк беседовал.

— О, это Селани. Интересно, что она продает сегодня.

Дрейк откинулся на своем сиденье, убежденный, что уже увидел все стоящее внимания в Пифферс-Роуд. Странно, что он не испытывал никакого интереса. А ведь он здесь родился, в этой местности, в трех милях от шоссе.

— Селани! — Дрейк только сейчас среагировал на то, что услышал.— Странное имя. Ты сказал, она что-то продает?

— Продает! — импульсивно воскликнул Келли, потом глубоко и громко вздохнул.

Его голубые глаза сурово смотрели на Дрейка. Он хотел что-то сказать, но удержался и сел, загадочно улыбаясь. После паузы он заговорил:

— Я должен перед тобой извиниться. За время нашего разговора я так и не дал тебе слова.

Дрейк улыбнулся с вежливым пониманием.

— О, это было очень интересно.

— Я хотел сказать,— продолжал Келли,— что только сейчас до меня дошли твои слова,— что среди прочего ты продаешь вечные перья.

Дрейк пожал плечами, гадая, видно ли его смущение. Келли вынул вечное перо и протянул его со словами:

— Видишь ли ты в нем что-нибудь необычное?

Перо было длинное, тонкое, сделанное из темного материала, выглядевшего достаточно дорогим. Дрейк медленно отвернул колпачок; у него вдруг возникло подозрение, что сейчас начнется еще один бессмысленный спор о достоинствах перьев, которые он продает. Поэтому он быстро сказал:

— Честно говоря, оно гораздо более высокого класса, чем мои. Перья нашей фирмы стоят доллар за штуку.

Сказав это, он понял, что был слишком откровенен. Келли торжествующе подхватил:

— Столько же она попросила и с меня.

— Кто?

— Селани! Та девушка, что села в поезд. Через пару минут она будет продавать здесь что-нибудь новое. У нее всегда есть что-то новое.— Он выхватил перо из рук Дрейка.— Я покажу тебе, что в нем необыкновенного.

Он взял бумажный стаканчик, стоявший на окне.

— Смотри.

Держа перо над стаканчиком, он нажал на его конец. Потекли чернила. Три минуты спустя стаканчик был полон до краев. Келли открыл окно и осторожно вылил голубую жидкость на землю между вагоном и перроном.

Дрейк стряхнул с себя оцепенение.

— Боже мой! — воскликнул он.— Что же за резервуар в этом пере? Ведь...

— Подожди!

Голос Келли был спокоен, но демонстрация явно доставила ему удовольствие. Дрейк с трудом взял себя в руки. У него потемнело перед глазами, поскольку Келли продолжал нажимать на кончик пера и чернила продолжали течь.

— Ты обратил внимание на чернила? — спросил Келли.

Дрейк уже хотел сказать, что единственной их особенностью является количество, как вдруг хрипло выдавил:

— *Красные* чернила!

— А может,— спокойно предложил Келли,— ты предпочитаешь пурпурные или желтые? Зеленые или фиолетовые?

Из пера текла тонкая струйка чернил каждого цвета, который он называл. Каждый раз он поворачивал кончик пера, слегка нажимая на него.

— На, попробуй сам,— ликующе закончил он, исчерпав весь драматизм ситуации.

Дрейк взял у него необычный предмет, как любитель берет драгоценность. Словно издалека до него доносилась непрерывная болтовня Келли.

— Их делает ее отец,— говорил он.— Это мастер разных штучек. Если бы ты видел некоторые вещи из тех, что она продавала в прошлом месяце! Когда-нибудь он наконец поумнеет и начнет производство в большом масштабе. И тогда все фирмы, выпускающие вечные перья,— и многие другие тоже — окажутся на мели.

То же самое пришло в голову и Дрейку. Однако прежде чем он успел что-то сказать, перо вынули у него из рук и

Келли наклонился через проход между сиденьями к сидящему напротив седовласому мужчине.

— Я заметил, как вы смотрели, когда я показывал это перо знакомому,— сказал Келли.— Хотите тоже взглянуть?

— Охотно,— ответил мужчина.

Он говорил тихо, но в ушах Дрейка его голос звучал громко. Едва перо оказалось в руках этого человека, как тут же сломалось пополам.

— О! — воскликнул Келли, ничего не понимая.

— Прошу прощения,— сказал мужчина. В его руке появилась долларовая банкнота.— Моя вина. Купите другое, когда появится эта девушка.

Он уселся поудобнее и углубился в чтение газеты.

Дрейк видел, как Келли кусает губы. Он смотрел то на свое сломанное перо, то на банкноту, то на седовласого мужчину, скрытого газетой. Наконец вздохнул:

— Ничего не понимаю. Оно у меня уже месяц, один раз падало на бетонный тротуар и два раза на пол из твердого дерева. А теперь сломалось, как трухлявая ветка.

Келли пожал плечами, но в голосе его звучала укоризна, когда через минуту он продолжил:

— Полагаю, нельзя надеяться, чтобы отец Селани делал первоклассные вещи при своих ограниченных возможностях...— Он вдруг замолчал.— Смотри, она уже здесь. Интересно, что у нее сегодня необычного? — На лице его появилась хитрая улыбка.— Подожди, я покажу ей сломанное перо. Я смеялся, когда покупал его, говоря, что тут должен быть какой-то фокус. Она разозлилась и гарантировала, что оно никогда не испортится и не иссякнет. Черт возьми, что она там продает? Смотри, какая вокруг нее давка.

Дрейк поднялся на цыпочки и вытянул шею, чтобы лучше видеть поверх голов людей, толпившихся вокруг девушки, показывающей что-то в самом конце вагона.

— О боже! — воскликнул трубный мужской голос.— Сколько ты берешь за эти стаканы? Как они действуют?

— Стаканы! — воскликнул Дрейк и направился к возбужденным людям.

Если зрение его не подводило, девушка пускала по кругу стакан, то и дело наполняющийся какой-то жидкостью. Люди пили из него, а он мгновенно заполнялся снова.

«Тот же принцип, что и в пере,— подумал Дрейк.— Ее отец открыл какой-то способ конденсирования жидкостей. Это настоящий гений. Если бы удалось договориться с этим человеком для моей фирмы или хотя бы для меня самого, мое будущее было бы обеспечено».

Эти размышления прервал ясный чистый голос девушки, поднявшийся над оживленными разговорами:

— Цена — один доллар за штуку. Действие основано на химической конденсации газов из воздуха. Метод этот известен только моему отцу. Кстати, взгляните, я еще не закончила.— Ее голос, спокойный и сильный, звучал в тишине, воцарившейся в вагоне.— Как видите, это складной стаканчик без ручки. Повернем верхнюю часть по часовой стрелке — появляется вода. А сейчас — смотрите внимательно — я поворачиваю ее дальше. Жидкость становится зеленой — это сладкий и очень ароматный напиток. Поворачиваю дальше — и жидкость становится красной, превращаясь в кисло-сладкий напиток, отлично утоляющий жажду в жаркие дни.

Девушка пустила стакан по кругу. Пока тот ходил из рук в руки, Дрейку удалось отвлечься от него и внимательно разглядеть девушку. Она была высокой, около метра семидесяти, с темно-каштановыми волосами. Лицо ее выражало незаурядную интеллигентность, и была в нем какая-то особая гордость, что придавала ему выражение сдержанности, когда она принимала банкноты от покупателей.

Снова раздался ее голос:

— Мне очень жаль, но только по одному на человека. Они будут в свободной продаже сразу после войны. Это всего лишь подарки.

Толпа разошлась, каждый вернулся на свое место. Девушка прошла между сиденьями и остановилась возле Дрейка. Тот инстинктивно отпрянул, но, опомнившись, напористо спросил:

— Минуточку! Мой знакомый показывал мне вечное перо, которое купил у вас. Интересно...

— У меня есть еще пара штук,— серьезно кивнула она головой.— Стаканчик вам тоже нужен?

Дрейк вспомнил о Келли.

— Мой знакомый тоже хотел бы купить еще одно перо. То сломалось...

— Очень жаль, но я не могу продать ему второго.— Она замолчала, глаза ее расширились. Потом она с нажимом спросила: — Вы сказали, что перо *сломалось*? — Она покачнулась, удивленная, потом резко выкрикнула: — Покажите мне его! Где ваш знакомый?

Взяв из рук Келли обе половины сломанного пера, она внимательно пригляделась к ним. Губы ее задрожали, руки тоже, лицо посерело и как-то съежилось.

— Скажите,— прошептала она,— как это произошло? Только *точно*.

— Ну...— Келли удивленно отодвинулся.— Я показал его тому господину, когда...

Он замолчал, потому что вдруг потерял слушательницу. Девушка повернулась, и это было как сигнал. Пожилой мужчина опустил газету и взглянул на нее. Она ответила ему взглядом, словно птица, загипнотизированная змеей, потом покачнулась еще раз, вторично за эти несколько минут. Корзинка едва не выпала у нее из рук, когда она бросилась бежать между лавками.

Через секунду Дрейк увидел, как она мчится по перрону. Фигура бегущей через Пифферс-Роуд девушки удалялась с каждой секундой.

— Что за черт! — воскликнул Келли и повернулся к пожилому мужчине.— Что вы ей сделали? — спросил он напористо.— Вы...

Голос его замер. Дрейк, хотевший добавить несколько неприятных слов, тоже молчал.

Голос коммивояжера, стоявшего под ярким солнцем на перроне Уорвика, стих. Прошла минута, прежде чем Дрейк заметил, что Келли завершил рассказ.

— Значит, этим все и кончилось? — спросил он.— Мы так и сидели, как пара манекенов, сбитые с панталыку каким-то стариком? И это все? Ты не знаешь, что испугало ту девушку?

По лицу Келли было видно, что он ищет подходящее слово или выражение, пытаясь описать то, что описать невозможно. Наконец он оказал:

— Понимаешь, в нем было что-то такое... как если бы все начальники отделов сбыта всего мира сошлись в одном человеке... Мы просто-напросто заткнулись.

Это сравнение убедило Дрейка. Он мрачно кивнул.

— И он не вышел? — медленно спросил он.

— Нет, вышел ты.

— Что-о-о?

Келли взглянул на него.

— Знаешь, это чертовски забавно, но именно так все и было. Ты попросил проводника, чтобы он выгрузил твой багаж в Инчни. Когда поезд уже тронулся, я видел, как ты шел через Пифферс-Роуд в том направлении, куда убежала девушка и... О, вот и пригородный до Кисслинга.

Комбинированный товарно-пассажирский поезд подошел к перрону. Позднее, когда он преодолевал гребень холмов, окружающих долину, Дрейк с интересом разглядывал окрест-

ности, смутно вспоминая детство и почти не слушая болтовню сидевшего рядом Келли. Наконец он решил, что сделает: выйдет в Инчни, походит по городу до закрытия магазинов, а потом как-нибудь доберется до Пифферс-Роуд и проведет там весь долгий летний вечер, расспрашивая встречных. Насколько он помнил, расстояние между городом и поселком составляло около десяти километров. В крайнем случае он вернется в Инчни пешком за пару часов.

Первая часть плана оказалась очень простой. В местной гостинице ему сказали, что в шесть оттуда уходит автобус.

В двадцать минут седьмого Дрейк вышел из него и, стоя на грунтовой дороге, называвшейся, как и станция, Пифферс-Роуд, смотрел, как автобус исчезает вдали. Наконец его рокот стих, и Дрейк двинулся, тяжело переступая через рельсы. Вечер был теплым и тихим, и пиджак давил ему на плечи. Позднее может похолодать, подумал Дрейк, но сейчас он почти жалел, что надел его.

На газоне перед ближайшим домом работала на четвереньках какая-то женщина. Дрейк заколебался, но потом подошел к ограде и некоторое время смотрел на нее, вспоминая, не встречал ли ее раньше. Потом заговорил:

— Простите, миссис...

Женщина не подняла глаз и не встала с грядки, которую рыхлила. Это была костлявая особа в узорчатом платье. Наверняка она видела, как он подходил, раз теперь так упорно молчала.

— Не могли бы вы сказать,— не сдавался Дрейк,— где живет мужчина средних лет с дочерью? Девушку зовут Селани, она продает вечные перья, стаканы и тому подобное людям в поезде.

Женщина встала и подошла к нему. Вблизи она уже не казалась такой большой и неуклюжей. Ее серые глаза оглядели его с равной долей враждебности и любопытства.

— А скажите-ка,— резко произнесла она,— не вы ли заходили сюда две недели назад и спрашивали о них? Я уже говорила, что они живут там, в той роще.— Она махнула рукой в сторону нескольких деревьев, росших в полукилометре от шоссе, но глаза ее, когда она смотрела на Дрейка, были прищурены.— Я этого не понимаю.

Дрейк не решился рассказать о своей амнезии этому неприступному, подозрительному существу; не собирался он говорить и о том, что когда-то жил в этих местах. Он торопливо поблагодарил:

— Спасибо большое. Я...

— Нет смысла ходить туда еще раз,— сказала женщина.— Они уехали в тот же день, как вы у них были... Уехали с тем своим большим прицепом и больше не возвращались.

— Уехали? — воскликнул Дрейк.

Под влиянием глубокого разочарования он уже хотел сказать что-то большее, как вдруг заметил, что женщина поглядывает на него со слабой удовлетворенной улыбкой. Это выглядело так, славно она нокаутировала какого-то исключительно несимпатичного типа.

— И все-таки,— сухо сказал Дрейк,— я пойду туда и посмотрю.

Он резко повернулся, разозленный настолько, что лишь через минуту заметил, что идет по канаве, а не по шоссе. Постепенно ярость его превратилась в разочарование, исчезнувшее при мысли о том, что, раз уж он здесь оказался, нужно все осмотреть.

Через некоторое время Дрейк почувствовал удивление, что позволил какой-то женщине до такой степени вывести его из равновесия. Он покачал головой: нужно быть осторожнее. Попытка воссоздания прошлого может измотать его.

Когда он свернул в тенистую рощу, поднялся легкий ветерок. Он мягко дунул ему в лицо, а шелест листьев был единственным звуком, нарушавшим вечернюю тишину. Дрейку не потребовалось много времени, чтобы убедиться: туманные надежды, толкнувшие его на это путешествие, не сбудутся. Он не нашел ничего, даже следа, что здесь кто-то жил: ни консервной банки, ни мешка для мусора или золы. Совершенно ничего. Он походил вокруг, осторожно разгребая палкой кучи мертвых листьев, потом вернулся на шоссе. На этот раз женщина позвала его. Он заколебался было, но в конце концов подошел — она могла знать гораздо больше, чем сказала. Теперь она смотрела на него более дружелюбно.

— Нашли что-нибудь? — спросила она с плохо скрываемым нетерпением.

Дрейк мрачно улыбнулся при мысли о силе человеческого любопытства, потом уныло пожал плечами.

— Когда уезжает прицеп — это как дым: исчезает всякий след от него.

Женщина презрительно фыркнула:

— Все следы наверняка исчезли, когда появился тот старик.

Дрейк постарался не выдать своего возбуждения.

— Старик?! — воскликнул он.

Женщина кивнула, продолжая с обидой:

— Да, отлично державшийся старичок. Сначала он спрашивал у каждого, что за вещи продавала нам Селани, а через два дня утром мы, проснувшись, не нашли ни одного из этих предметов.

— Он их украл?!

Женщина исподлобья посмотрела на него.

— Вроде бы. Правда, за каждую штуку он оставил по доллару. Но все равно это как кража. Знаете ли вы, что у нее была сковородка, которая...

— Но чего он хотел? — удивленно прервал ее Дрейк.— Он ничего не объяснял, когда выспрашивал? Ведь вы же не позволили бы ему бродить здесь просто так?

К его удивлению, женщина вдруг потеряла уверенность в себе.

— Не знаю, что со мной случилось,— мрачно призналась она.— В нем было что-то такое... Он выглядел так представительно, словно был большой шишкой.— Она замолчала, разгневанная, потом фыркнула: — Мерзавец!

Глаза ее враждебно сузились, и она посмотрела на Дрейка.

— Совсем заморочили меня с этими разговорами. А сами вы? Стоите здесь и пилите меня все это время. Скажите лучше прямо: это вы заходили сюда две недели назад?

Дрейк заколебался. Перспектива рассказа всей истории этой женщине его не прельщала. Но она должна была знать нечто большее. Наверняка ей есть что рассказать о том времени, которое Селани со своим отцом провела в этой местности. Одно было ясно: если какие-то факты и известны, то, скорее всего, именно этой женщине.

Наконец Дрейк решился и рассказал ей все, закончив несколько неуверенно:

— Как видите, я человек, который ищет свое прошлое. Может, меня ударили по голове, хотя шишки и нет. А может, одурманили. Что-то со мной случилось. Вы говорили, что я туда пошел. А вернулся ли? И что там делал?

Он вздрогнул и замолчал, потому что женщина неожиданно пронзительно крикнула:

— Джимми! Иди-ка сюда!

— У-у-у... мама! — донесся из дома детский голос.

Ошеломленный Дрейк увидел, как из дома выскакивает растрепанный мальчуган лет двенадцати с оживленным лицом. Дверь захлопнулась за ним. Еще не совсем понимая, Дрейк слушал, как мать объясняет мальчику, что «этот господин получил по голове от тех людей из прицепа и потерял

память, а сейчас хотел бы, чтобы ты рассказал о том, что видел».

Потом женщина повернулась к Дрейку.

— Джимми,— с гордостью сказала она,— никогда не доверял этим людям. Он был уверен, что они из-за границы, и постоянно следил за ними. Он видел, как вы туда пошли, и все, что случилось до момента отъезда прицепа. Он может вам подробно описать, что вы делали,— закончила она,— потому что видел все через окно, а кроме того, один раз заходил туда внутрь, когда их не было, чтобы проверить, не задумали ли они чего.

Дрейк с готовностью согласился. Причина сунуть нос в чужие дела была не хуже любой другой. В этом случае она оказалась ему на руку.

Мысли его прервал звонкий голос Джимми.

Был жаркий день. Узнав от женщины из первого дома, где живут Селани с отцом, Дрейк медленно приближался к рощице, которую она ему указала.

Где-то позади поезд два раза свистнул, а потом засопел. Дрейк подавил желание вернуться и сесть в него. Все равно бы не успел. Кроме того, ни один человек не откажется так легко получить состояние. При мысли о вечном пере и стакане он ускорил шаги.

В рощице он увидел прицеп, лишь когда повернул к первой тенистой группе деревьев. Заметив машину, Дрейк замер. Прицеп был гораздо больше, чем он ожидал, длинный, как товарный вагон, и такой же высокий, странной обтекаемой формы.

На его стук никто не ответил.

«Девушка бежала по этой дороге,— подумал он,— значит, должна быть внутри».

Дрейк неуверенно обошел этого монстра на колесах. Ряд окон на уровне глаз опоясывал прицеп по периметру. Сквозь них был виден блестящий потолок и верхняя часть стен, покрытых, как казалось, дорогими панелями. Внутри располагались три комнаты, и еще одна дверь вела в кабину машины, тащившей прицеп.

Вернувшись ко входу, Дрейк прислушался. Не было никакого звука, за исключением шороха верхушек деревьев под слабыми дуновениями ветра. Где-то далеко плаксиво засвистел поезд. Дрейк нажал ручку, и дверь открылась так легко, что все его сомнения исчезли. Он медленно отворил ее и встал на пороге центральной из трех комнат.

Его удивленный взгляд сразу же отметил роскошь помещения. Пол темно поблескивал, отполированный, как драгоценность. Стены гармонировали с ним дорогими тонированными панелями. Напротив дверей стояли диван, два стула, три шкафчика и несколько украшенных резьбой полок с произведениями искусства. Первое, что увидел Дрейк, войдя внутрь, была стоявшая у стены слева от двери корзинка девушки.

При виде ее Дрейк замер, а потом сел на пороге прицепа, свесив ноги наружу. Его волнение полностью исчезло из-за царившей вокруг тишины, и он с интересом принялся разглядывать содержимое корзинки. В ней было более десятка магических вечных перьев, по крайней мере три дюжины складных самонаполняющихся стаканов, около десяти округлых черных предметов, не поддавшихся его манипуляциям, и три пары проволочных очков. У каждой пары было прозрачное маленькое колечко внизу правого стекла. Похоже, футляры им не требовались, поскольку вряд ли была опасность, что они разобьются. Те, которые он надел, подошли идеально, и на мгновение ему показалось, что они соответствуют его зрению. Но потом он заметил разницу: все приближалось — комната, его рука,— и предметы не были размазанными, а выглядели так, словно он смотрел в бинокль средней силы. Образ вовсе не был деформирован. Потом Дрейк вспомнил о колечке — оно повернулось легко...

И внезапно все стало еще ближе, как будто он смотрел в более сильный бинокль. Дрожа, он покрутил колечко то в одну, то в другую сторону. Хватило нескольких секунд, чтобы подтвердить необычный факт: это были очки с регулируемыми стеклами, невероятное соединение телескопа с микроскопом, одним словом — супербинокль.

Почти не задумываясь, Дрейк положил очки в корзинку, потом, приняв решение, поднялся и направился к двери, ведущей в комнату в конце прицепа. Он собирался только заглянуть туда, и хватило даже первого взгляда: он увидел стены, завешенные полками, и на каждой были старательно расставлены различные предметы. Дрейк взял что-то похожее на фотоаппарат — тонко сделанный небольшой приборчик. Он внимательно осмотрел объектив, а потом его пальцы наткнулись на что-то поддавшееся нажиму. Раздался щелчок, и в ту же секунду из щели позади аппарата высунулась блестящая карточка. Снимок.

На нем была изображена верхняя часть лица мужчины. Снимок был удивительной глубины и имел поразительные естественные цвета. В серых глазах человека было такое

напряжение, что на мгновение лицо показалось Дрейку незнакомым. Только через некоторое время он узнал самого себя. Он сделал свой собственный снимок, который тут же был отпечатан.

Удивленный, он сунул фотографию в карман, положил аппарат и, весь дрожа, вышел из прицепа. Затем направился по шоссе в сторону поселка.

— А потом,— продолжал Джимми,— минуту спустя вы вернулись, вошли в прицеп, закрыли за собой дверь и пошли в заднюю комнату. Вернулись вы так быстро, что едва не заметили меня, и я решил, что вы уже уходите. А потом...

Дверь прицепа открылась. Голос девушки звучал нетерпеливо, но Дрейк не понял, в чем тут было дело. В ответ послышалось бормотание мужчины. Дверь закрылась, и оттуда доносились только возня и дыхание в средней комнате.

Пригнувшись, Дрейк отступил под левую стену.

— ...Вот и все,— закончил Джимми.— Я подумал, что может быть какая-то беда, и пошел домой сказать маме.

— Значит, я был настолько неосторожен, что вернулся и был застигнут, но не посмел показаться?

Мальчик пожал плечами.

— Вы прижимались к перегородке прицепа — вот все, что я видел.

— А они тебя не заметили, когда ты за ними подглядывал?

Джимми заколебался.

— Нет, потому что,— начал он странным тоном,— произошло что-то необычное. Понимаете, когда я оглянулся, пройдя метров сто, грузовик с прицепом исчез.

— Исчез? — медленно повторил Дрейк. Ситуация становилась невероятной.— Ты хочешь сказать, они завели двигатель и выехали на шоссе?

Мальчик упрямо покачал головой.

— Все хотят меня на этом поймать, но я хорошо все видел и слышал. Не было никакого шума. Они исчезли внезапно.

По спине Дрейка побежали мурашки.

— И я был внутри? — спросил он.

— Да,— подтвердил мальчик,— вы были внутри.

Тишину, наступившую после этих слов, нарушила женщина, громко сказав:

— Ну хорошо, Джимми. Иди поиграй.

Она повернулась к Дрейку.

— Знаете, что я об этом думаю?

Дрейк с трудом вышел из задумчивости.

— Что?

— Они делали какие-то махинации, вся эта шайка. Все эти разговоры, что ее отец это производит... Как вы могли в это верить? Он же все время ходил по округе, скупая металлолом. Ну, вы знаете,— неохотно сказала она,— у них были фантастические вещи. Правительство нас не обманывает, когда говорит, что после войны все мы будем жить как короли. Но тут есть какой-то подвох. У них было всего по нескольку сотен этих предметов. Они продавали их в одном месте, потом выкрадывали и продавали в другом.

Дрейк, хоть и поглощенный собственными мыслями, посмотрел на нее. Он уже не раз сталкивался с отсутствием логики у людей с подобным мировоззрением, но его всегда шокировало явное игнорирование фактов ради доказательства своей правоты.

— Они бы не имели с этого никакой выгоды,— заметил он.— Ведь за каждый предмет вы получили свои доллары обратно.

— О!

Женщина, казалось, удивилась, лицо ее вытянулось. Наконец, когда до нее дошло, что любимая теория пошла прахом, гневный румянец окрасил ее загорелое лицо.

— Это какой-то рекламный трюк! — фыркнула она.

Дрейк решил, что пора заканчивать этот разговор, и торопливо спросил:

— Вы не знаете, кто-нибудь собирается сегодня в Инчни? Если можно, я бы поехал с ним.

Смена темы разговора возымела нужный эффект. Гневный румянец исчез с лица женщины.

— Нет, никто из тех, кого я знаю. Но не волнуйтесь, достаточно выйти на шоссе и остановить попутку...

Дрейка подобрала вторая машина. Сейчас он сидел в гостинице в сгущающихся сумерках.

«Девушка и ее отец в машине, полной великолепной продукции! — подумал он.— Она продает их как сувениры, по одной штуке на каждого, а ее отец собирает лом. А потом, как в кошмарном сне, какой-то старик ходит и скупает проданные товары или,— он вспомнил перо Келли,— уничтожает их. И наконец, загадка странной амнезии у торгового агента, продающего вечные перья, по фамилии Дрейк».

Где-то за спиной Дрейка мужской голос с горечью воскликнул:

— О, смотрите, что вы сделали! Вы же его сломали!

В ответ послышался спокойный звучный голос пожилого человека:

— Простите, пожалуйста. Оно стоило доллар, правда? Разумеется, я вам его верну! Возьмите и простите меня.

В воцарившейся тишине Дрейк встал и повернулся. Там был высокий мужчина с седыми волосами, поднимавшийся с места рядом с молодым человеком, смотревшим на два куска сломанного вечного пера, которые он держал в руке. Старик направился к дверям гостиницы, ведущим на улицу, но Дрейк опередил его.

— Минуточку,— сказал он спокойно, но жестко.— Я бы хотел знать, что случилось со мной, когда я оказался в прицепе Селани и ее отца. Думаю, вы можете ответить на этот вопрос.

Он замолчал, глядя в глаза мужчины, которые пылали серым огнем и, казалось, пронзали насквозь, проникая в глубины мозга. Он еще успел со страхом вспомнить рассказ Келли о том, что этот человек парализовал его одним неумолимым взглядом, как старик тигриным прыжком подскочил к нему и схватил за запястье. Дрейк почувствовал силу стальных пальцев.

— Прошу сюда, в мою машину,— услышал он низкий, лишающий воли голос.

Дрейк едва запомнил, как садился в длинную машину со сверкающими бортами. Все остальное скрыл мрак... физический... и психический...

Он лежал на спине на чем-то твердом. Открыв глаза, Дрейк некоторое время смотрел на купол метрах в пятидесяти над собой. Купол имел по крайней мере сто метров в диаметре, и почти четверть его занимало окно, сквозь которое сочился туманный серо-белый свет, как будто невидимое солнце с трудом пробивало дорогу сквозь редкий, но вездесущий туман.

Широкая челюсть окна уходила от середины потолка куда-то в даль. *И в какую даль!* Дрейк удивленно вскрикнул и сел. Какое-то время он не мог поверить своим глазам.

Коридор, казалось, тянулся в бесконечность в обе стороны, пока не размазывался в пятно серого мрамора. Там находился балкон, галерея, потом еще одна; каждый этаж имел

собственный боковой коридор, заканчивавшийся балюстрадой. Видел он и бесчисленное множество дверей, и ответвления коридора — указывающие на дальнейшее расширение этого здания, явно чудовищных размеров.

Когда прошел первый шок, Дрейк медленно встал. Его мучило воспоминание о старом человеке и о том, что происходило раньше.

«Он посадил меня в машину и привез сюда»,— мрачно подумал он.

Но почему сюда? На всем божьем свете не было такого дома!

Холодок пробежал по его спине. Дрейк с трудом подошел к ближайшей в длинной шеренге высоких резных дверей и открыл ее. Он сам не знал, что ожидал увидеть, но первой реакцией было разочарование. Там находился кабинет — огромная комната с гладкими стенами. Вдоль стены стояли несколько шкафов, огромных размеров стол занимал угол напротив двери. Картину завершали несколько стульев и две софы, а также еще одна, более разукрашенная, дверь. В кабинете никого не было. Стол был чистым, без следа пыли. И без следа жизни.

Вторая дверь оказалась закрытой, или же замок был слишком сложен для Дрейка.

Он вновь вышел в коридор, только теперь обратив внимание на полную тишину. Его ботинки глухо стучали по коридору, а двери одна за другой являли одинаково меблированные, но пустые кабинеты.

По часам Дрейка прошли полчаса, потом еще столько же. Наконец он увидел вдали дверь. Сначала это был просто свет. Сверкающие контуры оказались огромным витражом из многоцветных стекол, собранных в раму. Дверь была метров пятнадцати в высоту. Выглянув через стекло, Дрейк увидел большую белую лестницу, ведущую вниз, в густеющий пятью метрами ниже туман,— дальше ступени были не видны.

Обеспокоенный, смотрел он на лестницу. Что-то ему в ней не нравилось. Этот туман, окутывающий все и не исчезающий часами... Вероятно, внизу, у подножия лестницы, была вода, теплая вода, из которой при постоянном притоке холодного воздуха образовывался густой туман. Мысленно он представил себе здание длиной в пятнадцать километров, расположенное над озером и окутанное вечной серой мглой.

«Нужно выбираться отсюда»,— вдруг понял Дрейк.

Ручка у двери находилась на обычной высоте, но трудно было поверить, что такой маленький в сравнении с нею рычаг сможет сдвинуть с места гигантскую конструкцию. Однако дверь открылась тихо и легко, как идеально собранный механизм. Дрейк ступил в плотный туман и начал спускаться вниз, сначала быстро, потом все осторожнее. Он не хотел свалиться в воду. Сотая ступенька оказалась последней, но за ней не было воды, а лишь пустота и туман, и никакого основания лестницы или земли...

Почувствовав внезапное головокружение, Дрейк на четвереньках поднялся обратно наверх. Он был так утомлен, что ему казалось, он движется буквально по сантиметру. Сейчас, обнаружив, что у конца лестницы нет ничего, он испытывал кошмарное ощущение, будто ступени рассыпаются под ним.

Но еще больший ужас доставила Дрейку мысль, что дверь уже не откроется и он останется здесь навсегда, отрезанный от мира, на краю вечности.

Однако она открылась, хоть на это и ушли остатки его сил. Когда он уже лежал внутри на полу, то испытал огромное удивление: что общего имела со всем этим Селани, девушка, продающая в поезде чудесные вещицы? Этот вопрос, казалось, не имел ответа.

Наконец страх уступил место ощущению безопасности. Стыдясь своей паники, Дрейк поднялся с твердым решением изучить это фантастическое место от подвала до крыши. Где-то здесь должны быть спрятаны запасы стаканов, которые сами наполняются водой. А может, найдется и что-нибудь из еды, ведь скоро он начнет испытывать голод и жажду. Но сначала — в один из кабинетов. Он осмотрит каждый шкафчик, взломает стол.

Однако ломать не потребовалось. Ящики выдвигались почти без усилий. Шкафчики не были закрыты на ключ. Внутри находились журналы, списки, странные папки. Дрейк просмотрел несколько из них, разложив на огромном столе. Буквы показались ему размазанными, поскольку у него дрожали руки и кружилась голова. В итоге он заставил себя отложить все журналы, кроме одного. Открыв его наугад, он наткнулся на следующий текст:

ДОКЛАД
КООРДИНАТОРА КИНГСТОНА КРЕЙГА
ПО ДЕЛУ ИМПЕРИИ ЛИЦЕЯ II
ГОДЫ 27346–27378

Дрейк нахмурился, взглянув на дату, потом начал читать:

«История этого периода рассказывает о ловком захвате власти жестоким императором. Изучение этого человека показало, что он испытывает неестественное желание защитить себя за счет других.

ВРЕМЕННОЕ РЕШЕНИЕ: Предупреждение императора, который чуть не умер от страха, оказавшись лицом к лицу с координатором. Его инстинкт самосохранения заставил его дать гарантии относительно дальнейшего правления.

ВНИМАНИЕ: Это решение создало вероятный мир типа 5 и должно быть признано временным из-за работы ключевого характера, которую профессор Линк ведет во всем 280 веке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: Возвращение во Дворец бессмертия после трехдневного отсутствия».

Некоторое время Дрейк сидел застыв, потом откинулся на спинку стула. В голове у него была пустота. Он не знал, что и думать об этом изложении. Наконец перевернул страницу и прочел:

ДОКЛАД
КООРДИНАТОРА КИНГСТОНА КРЕЙГА

«Это дело Лэйрда Грейнона, инспектора полиции 900-го сектора Нью-Йорка; 7 апреля 2830 года он был ложно обвинен в принятии взятки и отключен.

РЕШЕНИЕ: Инспектор Грейнон за два месяца до даты, указанной в обвинении, был отправлен на пенсию. Он уехал на свою ферму и с тех пор имел малое влияние на дела большого значения. Он жил в этом вероятном мире до 2874 года и так создал почти идеальный 290 век.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: Возвращение во Дворец бессмертия спустя час».

Записей было множество: сотни, тысячи во всех журналах. Каждая из них была озаглавлена «Доклад координатора Кингстона Крейга», который всегда возвращался во Дворец бессмертия после стольких-то дней, часов, недель. Один раз это продолжалось три месяца и касалось неясного, неопределенного дела «установления времени демократии между веками девяносто восьмым и девяносто девятом, что потребовало воскрешения в этих вероятных мирах трех убитых мужчин, которых звали...»

Острый приступ голода и жажды напомнил Дрейку, что он сидит в этом огромном, мрачном доме и читает бессмысленные бредни какого-то типа, который *должен* был быть сумасшедшим. Он вдруг заметил, что вроде бы не имеющее источника освещение комнаты становится все более слабым. Значит, оно все-таки шло снаружи. В огромном пустом коридоре он понял: туман за окном в потолке серел и темнел. Близилась ночь. Дрейк старался не думать о том, что останется один в этом доме, наблюдая, как мрак медленно скрывает мраморные стены, и гадая, что может вылезти из укрытия, когда темнота станет непроницаемой.

— Перестань, идиот! — яростно сказал он сам себе.

Голос его гулко прозвучал в тишине.

«Должно же здесь быть какое-то место,— подумал он,— где эти... координаторы... живут».

На этом этаже были только кабинеты, но есть ведь и другие этажи. Нужно найти лестницу. В главном коридоре он не видел ни одной.

Наконец в первом боковом коридоре Дрейк нашел широкую лестницу, поднялся наверх и открыл первую дверь, на которую наткнулся. Это была гостиная великолепного апартамента, состоявшего из семи комнат и кухни, сверкавшей в тускнеющем свете и набитой шкафчиками, в которых стояли прозрачные контейнеры, а в них продукты — известные ему и незнакомые.

Дрейк не испытывал никаких эмоций. Не удивило его и то, что, когда он нажал маленький рычажок на верхней части банки с грушами, плоды высыпались на стол, хотя банка вовсе не открылась. Он просто констатировал, что не умрет с голоду,— и это все. Поев, он поискал выключатель, но в темноте ничего не нашел.

Из мрака спальни появилось ложе с балдахином. В ящиках были пижамы. Лежа в холодной постели, Дрейк подумал: почему та девушка — Селани — боялась этого старика? И что произошло в прицепе, отчего Ральф Карсон Дрейк оказался втянут во все это?

Спал он беспокойно, эта мысль даже во сне не покидала его.

Поначалу свет был где-то далеко, потом стал приближаться и разгораться. Это было так же, как после каждого пробуждения. Но когда Дрейк открыл глаза, сразу нахлынули воспоминания. Он лежал на левом боку, был уже светлый день,

а постель накрывал серебристо-голубоватый балдахин. Высоко вверху находился потолок.

В темноте прошедшей ночи он едва заметил, насколько просторна и роскошна эта комната. Ее застилали толстые пушистые ковры, стены покрывали панели, а розовая мебель сияла великолепием.

Когда Дрейк повернул голову направо, взгляд его упал на вторую половину постели. Там лежала спящая молодая женщина. У нее были темно-каштановые волосы и снежно-белая шея; даже во сне ее лицо выглядело красивым и утонченным. На вид ей было около тридцати лет.

Дрейк быстро отвернулся, выскользнул из-под одеяла и лег на пол. Когда размеренное дыхание женщины в постели стихло, он затаил дыхание. Послышался вздох и... катастрофа!

— Дорогой,— услышал он ее глубокое контральто,— что ты делаешь на полу?

Она шевельнулась на постели, и Дрейк сжался, ожидая криков, когда женщина убедится, что он вовсе не «дорогой». Однако ничего не произошло. Красивая головка выглянула из-за края постели, серые глаза спокойно смотрели на него. Молодая женщина, видимо, забыла о своем вопросе, потому что теперь сказала:

— Любимый, ты отправляешься сегодня на Землю?

Вопрос был настолько странным, что личное участие во всем этом показалось Дрейку делом второстепенным. Внезапно он начал понимать.

Это был один из тех вероятных миров, о которых он читал в записях координатора Кингстона Крейга. Именно это *могло* случиться с Ральфом Дрейком. И где-то за кулисами кто-то руководил всем этим. И все потому, что Дрейк пытался воссоздать свое прошлое.

Дрейк поднялся с пола. Он вспотел, сердце его бешено колотилось, колени дрожали. Но все же он встал и ответил:

— Да, я отправляюсь на Землю.

«Это повод,— напряженно думал он,— чтобы как можно скорее выбраться отсюда».

Дрейк подошел к стулу, на котором лежала его одежда, и тут смысл его собственных слов дошел до него и вызвал очередной, еще больший шок.

Отправляется на Землю! Он чувствовал, что его разум с трудом осознает факт, превосходящий границы человеческого восприятия. Отправляется на Землю — но откуда? Безумный ответ возник наконец в его мозгу. Разумеется, из Дворца бессмертия, дворца в тумане, в котором живут координаторы.

Дрейк направился в ванную. Предыдущей ночью он нашел в ее сумеречном пространстве прозрачный тюбик мази с надписью: «Крем, убирающий щетину. Натереть лицо, потом смыть водой». Это заняло у него полминуты, все остальное — пять минут. Из ванной он вышел уже полностью одетым. Голова его была тяжела как камень, и как камень, погружающийся в воду, направился он к ближайшей от постели двери.

— Дорогой!

— Да? — Дрейк повернулся и с облегчением заметил, что женщина не смотрит на него.

Она держала в руке одно из магических перьев, морща лоб над какими-то цифрами в списке. Не поднимая головы, она сказала:

— Наши взаимные временные отношения все более ухудшаются. Тебе нужно больше находиться до дворце и омолаживаться, а мне следует побывать на Земле, чтобы добавить себе пару лет. Ты сделаешь это, дорогой?

— Да,— ответил Дрейк.— Конечно!

Он вышел в небольшую прихожую, потом в гостиную. Наконец, оказавшись в коридоре, прислонился к холодной гладкой мраморной стене и отчаянно подумал: «Омоложение! Так вот для чего служит это невероятное здание. Каждый день здесь становишься моложе, и нужно отправляться на Землю, чтобы сохранить равновесие».

Потрясение усиливалось. Происшедшее с ним в прицепе было настолько существенно, что эта неизвестная организация сверхлюдей пыталась помешать ему узнать всю правду. Но сегодня он должен найти способ узнать ее: обыскать каждый этаж и постараться найти центр. Он постепенно успокаивался, когда вдруг понял, что слышит чьи-то голоса. Человеческие голоса!

Дрейк пришел к выводу, что должен был понять это сам. Уже само присутствие женщины — там, в постели — указывало на то, что мир этот совершенен в каждой детали. И все-таки он был удивлен. Ошеломленный, смотрел он в глубь главного коридора, по тихим, пустынным ответвлениям которого бродил накануне столько часов. Сейчас тут двигался непрерывный поток мужчин и женщин. Коридор напоминал улицу в городе, по которой в обе стороны спешат люди, поглощенные своими личными делами.

— Эй, Дрейк! — услышал он за спиной мужской голос.

Ничто уже не могло его удивить. Медленно, как уставший человек, он обернулся. Незнакомец, смотревший на него, был высок и пропорционально сложен. У него были темные волосы и крупное лицо с резкими чертами. Одет он был в комбинезон, который выше талии обтягивал тело, а брюки походили на бриджи. Он дружески и слегка насмешливо улыбался. Затем он спокойно произнес:

— Стало быть, ты хочешь все узнать? Подожди, узнаешь. Но сначала примерь эту перчатку и иди за мной. Кстати, меня зовут Прайс.

Дрейк взглянул на перчатку.

— Что...— начал было он, но замолчал, чувствуя, что хочет узнать все слишком быстро.

То, что этот мужчина ждал его у дверей, вовсе не было случаем.

«Не бойся,— сурово приказал он себе.— Самое главное, что наконец кто-то говорит по существу. Да, но что с этой перчаткой?»

Он взял ее, хмуря брови. Она была на правую руку и подошла идеально. Легкая, эластичная, перчатка казалась неестественно плотной и слабо поблескивала металлом.

— Просто схвати его сзади за плечо этой перчаткой,— сказал Прайс,— и нажми кончиками пальцев ниже ключицы. Сильно нажми! Я покажу тебе это позднее, когда ты задашь все свои вопросы.— Прежде чем Дрейк успел ответить, Прайс продолжал: — Я расскажу тебе по дороге. Осторожнее на лестнице.

Дрейк взял себя в руки, с трудом проглотил слюну и спросил:

— Что за ерунда с хватанием кого-то за плечо? Зачем?

Он беспомощно замолчал. Не об этом нужно было сначала спрашивать. Он как слепец, имеющий лишь частичное представление о мире, которого не может увидеть. Не могло быть и речи о какой-то хронологии или логической связи, существовали только туманные полуфакты. Начинать нужно с основ. С того, что Ральф Карсон Дрейк пытается узнать собственное прошлое. Что-то случилось с ним в автомобильном прицепе, и все происшедшее потом было прямым следствием этого. Прежде всего нужно помнить об этом.

— Проклятье! — вырвалось у Дрейка, мучимого неуверенностью.— Черт побери, Прайс, я хочу знать, в чем тут дело!

— Не торопись!

Они уже спустились по лестнице и направлялись боковым коридором к просторному главному холлу. Прайс полуобернулся к нему со словами:

— Я знаю, что ты чувствуешь, Дрейк, но пойми, тебе нельзя перегружать мозг постоянным притоком новой информации. Вчера ты не встретил здесь никого. Ну, вообще-то, это было не совсем вчера.— Он пожал плечами.— Сам видишь. Это было сегодня в мире, альтернативном нашему. И так всегда будет с этим зданием, если ты не сделаешь того, о чем мы просим. Мы должны были тебе это показать. А сейчас, ради бога, не проси меня объяснить теорию правдоподобия времени.

— Послушай,— сказал Дрейк с отчаянием в голосе,— забудем все это и сосредоточимся на одном факте. Ты требуешь, чтобы я как-то использовал эту перчатку. Как? Где? Когда? Зачем? Уверяю, что чувствую себя вполне нормально. Я...

Он замолчал, увидев вдруг, что они оказались в главном коридоре и направляются к огромным дверям, за которыми была лестница и туманное ничто. По спине его побежали струйки пота.

— Куда мы идем? — резко спросил он.

— Я забираю тебя на Землю.

— Через те двери?

Дрейк остановился. Он не задумывался над тем, что испытывает, но в ушах четко и напряженно звучали его собственные слова.

Мужчина спокойно посмотрел на него.

— В этом нет ничего необычного,— сказал он.— Дворец бессмертия был построен в меандре времени, единственном известном реверсе, или бессмертии, повороте в земном потоке времени. Именно он делает возможным работу координаторов, работу на благо людей — как ты уже знаешь по докладам координатора Кингстона Крейга, которые читал.

Он продолжал свои объяснения, но Дрейку было трудно сосредоточиться. Ему мешал туман. Он не мог решиться еще раз спуститься по той лестнице.

И именно слово «координатор» заставило его сосредоточиться. Он видел и слышал его так часто, что на мгновение забыл, что не знает его значения.

— Кто такие координаторы?

Мужчина задумчиво посмотрел на него.

— Они обладают исключительным умением,— сказал он наконец,— отличающим их от других людей. Они могут перемещаться во времени силой воли. Их около трех тысяч, и все родились на протяжении пятисот лет, начиная с двадцатого века. Самое удивительное то, что каждый из них ро-

дом из одного и того же небольшого района Соединенных Штатов, возле города Кисслинг, точнее, из небольшого поселка Пифферс-Роуд.

— Но,— Дрейк с трудом шевелил сухими губами,— я родился именно там.— Он широко раскрыл глаза.— И там же стоял прицеп.

Казалось, Прайс его не слышит.

— Если же говорить о строении тела,— говорил он,— то и здесь координаторы не такие, как все. У каждого из них внутренние органы расположены зеркально по отношению к нормальным людям. Так, сердце у них справа, а...

— Совсем как у меня,— сказал Дрейк. Он говорил ясно и четко, словно искал выход в лабиринте.— Поэтому меня забраковала военная комиссия. Они сказали, что не могут рисковать: если я буду ранен, хирург может не знать о моей особенности.

Позади послышались чьи-то шаги. Дрейк автоматически повернулся и увидел идущую к ним женщину в пушистой накидке. Она улыбнулась ему; Дрейк уже видел эту улыбку, совсем недавно, в спальне. Подойдя, она заговорила мелодичным голосом:

— Бедняга! Он выглядит совсем больным. Что ж, я сделала все, что в моих силах, чтобы он легче перенес шок. Я объяснила ему, что могла, не дав понять, что знаю все.

— О, с ним все в порядке,— ответил Прайс.

Он повернулся к Дрейку, и на лице его появилась слабая улыбка.

— Дрейк, позволь представить тебе твою жену, урожденную Селани Джонс, которая расскажет, что произошло с тобой, когда ты вошел в прицеп грузовика ее отца в Пифферс-Роуд. Начинай, Селани.

Дрейк стоял неподвижно. Он чувствовал себя так, словно был кучей земли, лишенной эмоций и всяких мыслей. Словно на замедленной записи доходил до него голос Селани, рассказывающей о происшедшем в прицепе.

Оказавшись в задней комнате прицепа, Дрейк подумал, что произойдет, если его здесь застанут. Мужчина в центральной комнате говорил:

— Мы отправимся в четырнадцатый век. Там они не осмелятся вмешаться.— Он мрачно рассмеялся.— Заметь, они отправили старика, к тому же одного. Кому-то из них пришлось выйти и провести на Земле тридцать или сорок лет, чтобы постареть, ибо старики гораздо меньше влияют

на окружение, чем молодые. Но не будем терять время. Дай мне трансформационные точки и иди в кабину, включи атомные трансформаторы.

Этого момента и ждал Дрейк. Он тихо вышел, поочередно сгибая пальцы своей правой руки, облаченной в перчатку. Мужчина стоял лицом к двери, ведущей в переднюю комнату и находящуюся за ней кабину грузовика. Он был крепко сложен и со спины выглядел лет на сорок пять. В руках он держал два прозрачных конуса, которые матово поблескивали.

— Отлично! — воскликнул он, когда Дрейк оказался за его спиной.— Поехали. Теперь, Селани, можешь не бояться. Это все из-за координаторов, черт бы их побрал! Я уверен, что продажа нами этих товаров и изъятие такого количества металла нарушило электронное равновесие, делавшее возможным их существование.— Голос его задрожал.— Как подумаю об их святотатстве, когда они, возомнив себя богами, осмеливаются вмешиваться в естественное течение событий, вместо того чтобы, как я предлагал, сделать его просто предметом изучения...

Его речь перешла в испуганное бормотание, когда Дрейк схватил его за плечо и сильно нажал ниже ключицы...

— Минутку! — пронзительный голос Дрейка прервал рассказ женщины.— По твоим словам, у меня была перчатка вроде этой,— он поднял правую руку в поблескивающей перчатке, которую дал ему Прайс.— В твоем рассказе содержится предположение, что я уже все знал о координаторах и Дворце бессмертия, а ведь ты отлично знаешь, что тогда еще мне не было известно ничего. Я только что сошел с поезда, где коммивояжер Билл Келли показал мне вечное перо.

Женщина серьезно взглянула на него.

— Я уверена, что через несколько минут ты все поймешь,— сказала она.— Все, что мы сделали, было запланировано, чтобы подвести события к этому моменту. Всего несколько часов существования осталось *этому* альтернативному миру, в котором находимся ты, мистер Прайс и я. Здесь необычайное равновесие сил, и может показаться парадоксальным, но сейчас мы фактически действуем против времени.

Дрейк был удивлен ее тоном. Женщина сказала:

— Позволь мне закончить...

Мужчина замер, как человек, оглушенный сильным ударом. Когда Дрейк отпустил его плечо, он медленно повернулся и уставился, но не на лицо Дрейка, а на его перчатку.

— Уничтожающая перчатка! — прошептал он, потом торопливо продолжил: — Но каким образом? Ведь мое изобретение должно преграждать координаторам доступ ко мне! — Он взглянул Дрейку в лицо.— Как ты этого добился? Я...

— Отец! — Голос девушки, ясный и испуганный, доносился из кабины грузовика, потом приблизился.— Отец, мы остановились где-то около тысяча шестьсот пятидесятого года. Что случилось? Я думала...

Она замолчала, стоя в дверях, как испуганная птица: высокая худая девушка около девятнадцати лет. Увидев Дрейка, она вдруг стала как бы старше и бледнее.

— Вы... были... в поезде! — сказала она, потом перевела взгляд на отца. Дыхание ее прервалось.— Папа, он не...

Мужчина угрюмо кивнул головой.

— Он уничтожил мою способность перемещаться во времени. Где бы мы ни находились, мы останемся здесь навсегда. Но суть не в этом. Хуже всего, что у нас не получилось и координаторы могут продолжать свое дело.

Девушка не ответила. Оба они, казалось, совсем забыли о присутствии Дрейка. Мужчина схватил ее за плечо.

— Ты понимаешь? Мы проиграли!

Селани по-прежнему молчала, а когда начала говорить, лицо ее было бледно, как бумага.

— Отец, это самое тяжелое, что мне приходилось говорить, но я рада. *Они* правы, а *ты* — ошибаешься. Они стараются как-то исправить ужасные ошибки Природы и Человека. Из своего огромного дара они создали чудесный инструмент знания и используют его как боги-благодетели. Ты легко убедил меня, пока я была ребенком, но за столько лет я начала сомневаться. И оставалась с тобой только из дочернего долга. Мне очень жаль, папа.

Она отвернулась. Слезы блестели в ее глазах, когда она открыла дверь прицепа и спрыгнула на землю.

Дрейк некоторое время постоял, завороженный игрой чувств на лице мужчины: сначала судорога жалости к самому себе, потом все захлестнуло ожесточение. Избалованный ребенок не мог бы явиться лучшим примером обманутого эгоизма.

Дрейк в последний раз взглянул на него и тоже направился к двери. Там его ждала девушка и удивительный, еще не открытый американский Запад.

Они были обречены на общество друг друга из-за упорного молчания, которое хранил мужчина. Селани и Дрейк часто бродили по зеленой долине. Однажды, оказавшись вдали

от прицепа, они наткнулись на группу пеших индейцев. Трудно сказать, какая из сторон была более удивлена. Селани спасла положение, выстрелив из атомного пистолета в камень, который исчез в яркой вспышке. Больше индейцы на этой дороге не появлялись.

Их жизнь была в некотором смысле идиллией. Любовь возникла так же естественно, как ветер, дующий над пустынными землями. Дрейк выдержал первоначальную холодность со стороны девушки, потому что уже *знал*. А потом они старательно убеждали ее отца научить одного из них или обоих вместе, как пользоваться врожденным умением передвигаться во времени. Дрейк знал, что мужчина в конце концов сдастся, хотя бы из-за одиночества, но это продолжалось целый год.

Дрейк мысленно вернулся к огромному куполу и понял, что голос женщины умолк. Он посмотрел на Селани, потом на Прайса и наконец удивленно спросил:

— И это все? Твой... отец...— Он глянул на женщину, замявшись при определении родства. Ему было необычайно трудно связать эту зрелую женщину с молоденькой Селани Джонс.— Значит, твой отец был против координаторов? Но как он хотел от них избавиться?

Ответил ему Прайс:

— План мистера Джонса заключался во введении изменений в модель жизни, приведшую к появлению координаторов. Известно, что существенную роль играло питание, но какое соединение питания с другими факторами явилось основой, мы никогда не узнаем. Мистер Джонс думал, что, давая людям пить из тех стаканов, а также пользуясь другими устройствами, производящими продукты, и некоторыми основными товарами, он сумеет сломать всеобщий код существования. Сбор металла тоже был запланирован. Металл очень сильно воздействует на поток времени, и резкий его перенос из одного времени в другое может дезорганизовать весь вероятностный мир. Мы же не могли вмешаться как-то иначе, чем ты видел. Мир, предшествующий двадцать пятому веку,— это единственный период, куда не могут вмешиваться координаторы. Он сам должен решать свои проблемы. Даже ты, один из первых обладателей способности передвижения во времени, несмотря на то что сам никогда не научился бы этому, должен был идти к своему предназначению почти естественным образом.

— Минутку,— сказал Дрейк,— но либо я спятил, либо ты. Я готов согласиться со всем: с существованием Дворца бессмертия, с тем, что она моя жена в прошлом и что я оказался здесь до того, как на ней женился, но *после того*, как она за меня вышла. Однако полчаса назад ты дал мне эту перчатку, а несколько минут назад моя... жена... говорила, что этому миру постоянно угрожает гибель. Значит, я еще чего-то не знаю? И откуда эта внезапная амнезия?

— Твоя роль действительно очень проста,— прервал его Прайс.— Как торговый агент «Квик-Рит компани» ты пошел по следам девятнадцатилетней Селани до прицепа в Пифферс-Роуд, где она жила вместе с отцом. Там ты никого не встретил, поэтому вернулся в деревню, чтобы поговорить с людьми, но по дороге координатором Дрейлом Макмагоном был перенесен на неделю в будущее, а все связанные с этим воспоминания были удалены из твоей памяти. Очнулся ты в больнице.

— Минутку! — воскликнул Дрейк.— Моя... жена... сказала мне, что я еще сделал. Разумеется, я уже знал это. Имеется свидетель, мальчик по имени Джимми, который видел, как я возвращался в прицеп, а когда я был там, он исчез.

— Именно это я и хотел объяснить,— спокойно сказал Прайс.— Из больницы ты пустился в путь, чтобы узнать, что с тобой случилось. Но не узнал. А потом был перенесен другим координатором сюда, во Дворец бессмертия.

Дрейк посмотрел на мужчину, потом на женщину. Та утвердительно кивнула, и в голове у него прояснилось. А Прайс продолжал:

— Через несколько минут я заберу тебя на Землю, в район прицепа Питера Джонса и его дочери. Ты войдешь внутрь, спрячешься в задней комнате, а в момент, который тебе описала Селани, выйдешь из укрытия и схватишь ее отца за плечо этой самой перчаткой. Она излучает энергию, которая незначительно изменит потенциал его нейронной энергии. Это не причинит ему никакого вреда, впрочем, как и мы позднее. В сущности, он будет использован нами как агент в исследованиях прошлого,— закончил Прайс.— Теперь ты видишь, что это требует доброй воли, и мы должны были сделать все, чтобы убедиться, что ты не совершишь ошибки.

— Теперь я начинаю понимать,— ответил Дрейк.

Он был совершенно спокоен, если не считать усиливающегося осознания. Медленно подойдя к женщине, он взял ее за руку и заглянул в глаза.

— Значит, это ты? А когда? — спросил он.

— Пятьдесят лет спустя относительно тебя нынешнего.

— А где сейчас я? Где теперь твой муж?

— Ты отправился на Землю, в будущее. Нужно было переместить тебя во времени. Человек не может оказаться в пространстве, где он уже есть. И именно поэтому ты с нами накрепко связан!

— Почему?

— Если вместо того, чтобы войти в прицеп, ты уедешь и вернешься к своей прежней жизни, то через неделю приблизишься к моменту, когда твое раннее «я» находится в больнице. Тогда ты исчезнешь, подвергнешься дезинтеграции.

Дрейк улыбнулся ей.

— Я не собираюсь вас разочаровывать,— сказал он.

Спускаясь по ступеням, укутанным густеющим туманом, он то и дело оглядывался на нее. Селани стояла, прижав лицо к стеклянным дверям.

Вскоре туман поглотил ее.

Поиски закончились, и теперь в его жизни начинались события, о которых — как считал Дрейк — он забыл.

Верховный судья

— Приговор,— послышалось из приемника,— по делу Дугласа Эйда, обвиняющегося в попытке измены, совершенной второго августа...

Дрожащими пальцами Эйд прибавил громкость практически до крика.

— ...что через неделю от сего дня, то есть семнадцатого сентября две тысячи четыреста шестидесятого года нашей эры, Дуглас Эйд должен сдаться патрулю соседней станции, откуда будет доставлен к ближайшему конвертору, где и должен быть предан смерти...

Щелк!

Он не осознавал, что выключил радио. Только что рев наполнял всю комнату, и вдруг наступила тишина. Эйд откинулся в кресле, устремив тоскующий взгляд сквозь прозрачную стену на сверкающие крыши Судебного центра. Все эти недели он понимал, что у него нет ни малейшего шанса. Научные достижения, пытался уговаривать он себя, склонят чашу правосудия в его пользу. И все же он понимал, что, какова бы ни была их ценность с точки зрения человечества, верховный судья вряд ли будет рассматривать их с тех позиций, что он сам.

Он допустил роковую ошибку, рассуждая в присутствии «друзей», что простой человек вроде Дугласа Эйда может иметь то же влияние, что и бессмертный верховный судья, и что, возможно, было бы совсем неплохо, если бы указы и декреты издавал кто-то менее далекий от нужд людей. Чуть меньше ограниченности, настаивал он, чуть больше индивидуальности. Эти импульсивные высказывания объяснялись охватившим его возбуждением, которое, в свою очередь, было порождено тем, что именно в тот день он преуспел в пе-

реносе нервных импульсов цыпленка в нервную систему собаки.

Эйд пытался ссылаться на это открытие в качестве объяснения того, почему находился в ненормально взвинченном состоянии разума. Однако мировой судья объявил эту причину не относящейся к делу, несущественной и вообще несерьезной. Отказавшись выслушать, в чем суть открытия, он холодно провозгласил: «Дело передается на рассмотрение верховного судьи, который проведет официальное научное расследование. Вот тогда и изложите суть своего открытия с приложением соответствующей документации».

Эйд мрачно предположил, что следователь по науке появится где-то через день, и обыгрывал в уме возможность уничтожения своих бумаг и приборов. Но потом с содроганием отказался от этой формы неповиновения. Контроль верховного судьи над жизнью людей был настолько полным, что он позволял своим врагам оставаться на свободе вплоть до самого дня казни. Департамент пропаганды верховного судьи интерпретировал это таким образом, что цивилизация никогда прежде не достигала подобного уровня свободы. Однако это вовсе не означало, что терпение верховного судьи безгранично и можно испытывать его, уничтожив свое открытие. Эйд был убежден, что к нему будут применены гораздо менее цивилизованные методы, если он не станет, как положено, проходить через весь этот фарс.

Сидя в своей комнате, окруженный самыми современными удобствами, Эйд вздохнул. Он может провести оставшуюся неделю жизни в роскоши, какой только пожелает. Последний штрих утонченной душевной пытки — быть свободным и пребывать в иллюзии, что, если хорошенько подумать, удастся сбежать. Однако он понимал, что бегство невозможно. Если он сядет в свой «прыгун», то должен будет немедленно отправиться на ближайшую патрульную станцию, где на его электронной регистрационной пластине оттиснут соответствующий знак. После этого машина будет постоянно испускать сигналы, автоматически извещая патрульные суда о временных и пространственных ограничениях данного ему разрешения.

Схожие ограничения контролировали его самого. Электронный прибор, вживленный в правое предплечье, может быть активизирован из любого центра, что будет сопровождаться ощущением жгучей боли все возрастающей интенсивности.

Нет абсолютно никакой возможности сбежать из-под карающей длани верховного судьи.

Эйд устало поднялся. Может, стоит получше подготовиться к предстоящему научному расследованию? Жаль, что теперь у него не будет возможности поэкспериментировать с высшими формами жизни, но...

Эйд замер в дверном проеме лаборатории, трепеща от невероятности мелькнувшей в сознании безумной идеи. Дрожа, ослабев, он прислонился к дверному косяку, потом медленно выпрямился.

— Вот оно! — произнес он голосом глубоким и напряженным, разрываясь между неверием и надеждой.

Надежда все крепла, и вместе с ней усиливалось ощущение ужасной слабости. Он рухнул на ковер и лежал там, бормоча себе под нос на характерном для ученых невразумительном сленге:

— ...нужно побольше решетку, и побольше жидкости, и...

Вернувшись в суд, особый следователь по науке Джордж Моллинз немедленно попросил о личной встрече с верховным судьей.

— Объясните ему,— сказал он главному судебному приставу,— что я натолкнулся на чрезвычайно важное научное открытие. Он поймет, что это означает, если вы просто скажете: «Категория АА».

Дожидаясь приема, следователь по науке проверил готовность своих приборов и потом просто стоял, безучастно скользя взглядом по приемной с высоким сводчатым потолком. Сквозь прозрачные стены видны были сады внизу. Среди роскошной зелени мелькали светлые юбки женщин, и это напомнило следователю, что, по общему мнению, гарем верховного судьи состоял по крайней мере из семи красавиц.

— Прошу сюда, сэр. Верховный судья примет вас.

Человеку, сидящему за письменным столом, на вид было около тридцати пяти. Только глаза и рот выдавали его истинный возраст. Поджав губы, холодным взглядом голубых глаз бессмертный, вечно молодой верховный судья изучал своего посетителя.

Последний не стал тратить времени даром. Как только дверь за ним закрылась, он нажал кнопку, пустив прямо в лицо верховному судье струю газа. Человек за письменным столом обмяк в кресле.

Посетитель действовал спокойно, но быстро. Подтащив к своей сумке с приборами бесчувственное тело, он снял с

его верхней части одежду. Быстро протер тело принесенной с собой жидкостью и начал прикреплять свои узлы, шесть штук с одной стороны и шесть с другой. Оставалось лишь присоединить провода к собственному телу, лечь на пол и включить активатор.

Вопрос, над которым Дуглас Эйд ломал голову в тот день, когда ему удалось перенести нервные импульсы цыпленка в нервную систему собаки, сводился к тому, насколько полным является этот перенос.

Всякое тело, рассуждал он, имеет сложную структуру. Отдельные его частички совершают квадриллионы крохотных сиюминутных актов познания, которые в конечном счете создают особую, характерную именно для данного тела нервную вибрацию.

Возможно ли, искусственным образом навязав точно такую же вибрацию другому телу, создать поток энергии между двумя телами? Поток, проникающий в тело настолько естественно и легко, что каждая клеточка окажется насыщена мыслями и воспоминаниями другого тела? Поток настолько всеобъемлющий, что, если его направить в нужное русло, личность одного тела перетечет в другое?

Тот факт, что собака вела себя как цыпленок, не являлся исчерпывающим доказательством. В нормальных обстоятельствах Эйд непременно проделал бы целый ряд предварительных экспериментов, прежде чем перейти к опыту над человеческим существом. Однако обреченному на смерть некогда задумываться о степени риска. Когда за два дня до казни к нему прибыл следователь по науке, он усыпил его газом и провел эксперимент немедленно.

Перенос оказался не абсолютно полным. И все же даже смутных воспоминаний хватило, чтобы с легкостью проникнуть к верховному судье. Эйд волновался по поводу того, как все пройдет. Имея намерение добиться приема у человека, который обычно позволяет приблизиться к себе только доверенным лицам, чрезвычайно важно было ни на йоту не отступить от протокола.

Судя по тому, как все обернулось, он действовал правильно. Почувствовав, что ощущения размываются — это свидетельствовало о начале переноса его личности из тела следователя по науке в тело верховного судьи,— Эйд обдал верховного судью газом, под воздействием которого тот примерно через пять минут должен был прийти в чувство. Одновременно он опрыскал свое теперешнее тело струей мгновенно анестези-

рующего газа. Уже теряя сознание, он почувствовал, как в тело следователя проникает сильная, жесткая личность верховного судьи.

Спустя пять минут Дуглас Эйд, теперь в теле верховного судьи, открыл глаза и настороженно огляделся. Тщательно отсоединил провода, упаковал приборы — и вызвал судебного пристава. Как он и ожидал, действия верховного судьи не вызвали никаких вопросов. Еще час ушел на то, чтобы добраться до дома Дугласа Эйда, пересадить личность верховного судьи в тело Дугласа Эйда и одновременно вернуть личность следователя в его собственное тело. В качестве меры предосторожности он отвез следователя по науке в больницу.

— Держите его здесь три дня под наблюдением,— распорядился он.

Вернувшись в суд, Эйд потратил следующие несколько дней, во всех тонкостях приспосабливаясь к не лишенному приятности жизненному распорядку абсолютного властителя. В голове роились тысячи планов о том, как превратить полицейское государство в свободную страну, но, будучи ученым, он отчетливо понимал, что это изменение должно быть хорошо организовано.

В конце недели он как бы небрежно спросил о предателе по имени Дуглас Эйд. И в ответ услышал интересную историю. Этот человек, оказывается, пытался сбежать. Ему удалось пролететь около пятисот миль в незарегистрированном «прыгуне», прежде чем местный патруль вынудил его приземлиться. Он, однако, пешком сбежал в горы. Когда утром в день казни его еще не обнаружили, был активизирован прибор, вживленный в его правое предплечье. Незадолго до наступления сумерек на горной патрульной станции появилось усталое, пошатывающееся, наполовину обезумевшее чучело, вопящее к тому же, что оно верховный судья. Казнь была произведена без дальнейшего отлагательства.

Доклад заканчивался следующей фразой: «Патрульным офицерам нечасто приходится видеть, чтобы осужденный так упирался, когда его ведут к конвертору».

Верховный судья, сидя за письменным столом в своем роскошном кабинете, ничуть не сомневался в искренности этого заявления.

Совершенное будущее

В тот день, когда Стивену Далкинзу исполнилось восемнадцать, он получил из Кредита жизни Объединенного правительства уведомление, что на его имя открыт счет на сумму миллион долларов. В приписке, кроме поздравлений, содержались обычные наставления для восемнадцатилетних. Там дотошно объяснялось, что эти деньги — миллион долларов — означают его предполагаемый заработок за всю жизнь.

Тратьте их бережливо; возможно, больше вы никогда ничего не получите: это итоговая сумма.

Далкинз был готов. За девять дней, начиная со дня своего рождения, он израсходовал 982 543,81 доллара. И ломал голову над тем, как распорядиться оставшимися семнадцатью тысячами, когда в его роскошную квартиру вошел офицер министерства финансов и арестовал его.

Далкинз погасил сигарету в пепельнице — он удивился, обнаружив таковую в психиатрическом офисе,— и вошел в дверь, на которую указала девушка. Вошел и остановился с видом циничного почтения, ожидая, что его заметят.

Человеку за письменным столом было около пятидесяти. Крупный, без единого седого волоса, он занимался тем, что делал какие-то пометки в лежащей перед ним карточке. Не поднимая глаз, он сказал:

— Найдите себе кресло и сядьте.

Выбор сводился всего к двум креслам — одному с твердой спинкой и другому удобному, типа шезлонга. Вздохнув, Далкинз опустился во второе.

По-прежнему не глядя на него, доктор Бунер сказал:

— Хотелось бы знать, чем обусловлен ваш выбор.

И сделал еще одну пометку в карточке. Далкинз не сводил с него презрительного взгляда. Беспокойства он не испытывал. Он пришел на эту встречу, ожидая стереотипной реакции. И был готов к любому вердикту. Однако заниматься такими пустяками казалось оскорбительным.

— Вы посылали за мной, доктор Бунер,— с ироническим уважением ответил он.

Это было, конечно, мягко сказано. Его доставили в этот офис властью закона. Однако ответа на свои слова он не получил. Далкинз пожал плечами, откинулся в кресле и приготовился к ожиданию.

— Интересная у вас реакция,— заметил доктор и провел очередную линию в карточке.

Далкинз сердито уставился на его склоненную голову.

— Так-то вы обращаетесь с человеческими существами? — со злостью спросил он.— Даже не глядите на них?

— О нет! — И тут же: — С точки зрения закона мы определяем человеческое существо как личность, принимающую установленные в нашем обществе порядки. Вы же отвергаете эти порядки. Следовательно, по закону вы не человеческое существо. На юридическом языке вы относитесь к категории «отчужденных личностей».

Далкинз ощетинился, но сумел справиться с собой. И процитировал, с прежним оттенком цинизма:

— Разве у меня нет рук, ног, чувств, привязанностей, страстей? Разве я не ем ту же самую пищу... не болею теми же самыми болезнями? — закончил он, явно довольный сам собой.

Как и прежде, доктор Бунер ответил, не глядя на него:

— Сильные словесные ассоциации.

Он сделал в карточке еще одну пометку. И потом наконец выпрямился. Серые глаза пристально смотрели на Далкинза.

— У меня вопрос. У вас была какая-то конкретная причина всего за десять дней истратить столько денег?

В чем-то жалкое юное лицо усмехнулось в ответ.

— Не терпится узнать? — саркастически спросил Далкинз.

Доктор Бунер встал.

— Думаю, на этом пока все. Я буду рекомендовать оштрафовать вас и конфисковать все имущество, включая оставшиеся на вашем счету семнадцать тысяч долларов. Вам оставят два костюма, мелкие бытовые принадлежности и несколько сот долларов, и квартиру вы тоже сохраните. Позвольте сообщить, что человеческие существа подлежат преследованию по закону и могут быть оштрафованы на тысячу долларов

раз в пять лет. Отчужденные личности после вынесения приговора теряют все. В вашем случае я планирую реквизировать из штрафа сотню долларов еженедельно, которые будут вам выплачиваться, если вы станете посещать мой офис для лечения. В противном случае эту сотню долларов вы не получите.

Далкинз иронически расхохотался.

— Вы меня больше никогда не увидите,— заявил он,— разве что притащите сюда с полицией. Больно нужно выслушивать ваш дурацкий анализ и тупые мнения!

Психиатр не сводил с него пристального взгляда. Его лицо с впалыми щеками, казалось, ничего не выражало. Однако, судя по следующим словам, Далкинзу, по-видимому, удалось пробить брешь в его профессиональной выдержке.

— Отлично, но что у вас на уме? — почти резко спросил он.— Чего вы хотите?

Далкинз с презрительным видом стоял в дверях, чувствуя, как в душе с новой силой нарастает ощущение собственного величия, которое и заставляло его вести себя подобным образом. На протяжении нескольких часов после ареста это ощущение слегка потускнело. Тогда в глубине души он даже почти был готов согласиться со всеми этими людьми, воспринимающими его поступки как безумие.

Теперь все, больше никаких сомнений.

— Вы упустили свой шанс.— В голосе Далкинза звенело сознание собственной правоты.— В следующий раз скажите Большому Брату, пусть для человеческой работы использует людей. Вы провалили это дело, дружище.

— Тем не менее,— доктор Бунер был очень рад, что разговор наконец сдвинулся с мертвой точки и его регистрируют приборы,— если я пойму, то, возможно, стану уступчивей. Я представлял вас этаким любителем роскоши. Но, может быть, я ошибался?

Стивен рассмеялся.

— Я выбрал мягкое кресло, потому что вы ожидали от меня именно этого. Я веду себя как безумный, потому что вы думаете, что я такой. Я сознательно подстраиваюсь под ваши предвзятые мнения. *Но мне совсем не нравится делать это.*

— Всем приходится подстраиваться, в той или иной степени. Различия, зависящие от возраста и опыта, очень невелики.

Стивен пожал плечами.

Доктор Бунер поспешно сменил тактику.

— Что плохого, если каждый нормальный человек по достижении совершеннолетия получает миллион долларов? Большинство не видят в этом ничего дурного.

— Мели языком, коли есть охота, малыш,— ответил Стивен Далкинз.— Но как наговоришься, позволь мне уйти. Ты опоздал с этим разговором. В будущем я буду разговаривать только с большими парнями.

Не дожидаясь ответа, Далкинз открыл дверь.

— Когда будете уходить,— сказал доктор,— остановитесь перед зеркалом в приемной и хорошенько рассмотрите того, кто болтает о малышах.

— Ладно, ладно,— отозвался Далкинз.— Ну да, во мне только пять футов шесть дюймов. Я даже не выгляжу восемнадцатилетним.

— Скорее, пятнадцатилетним,— вставил Бунер.

— Мужество не теряет своих свойств, даже если расфасовано мелкими порциями.— Последовала пауза, после чего Стивен выдал: — И к вашему сведению, это не я отчужденная личность. И это вам, а не мне, нужно принять решение измениться.

Бунер улыбнулся с видом человека, привыкшего разговаривать с людьми, убежденными, что крыша поехала у кого угодно, только не у них.

— Если вы не отчужденная личность, то уж и не знаю, кто вы такой.

Он обращался к закрытой двери.

Когда молодой человек ушел, психиатр с бледной улыбкой на лице опустился в кресло. К нему присоединился другой человек, молча опустившийся в кресло, где несколько минут назад сидел Далкинз.

— Ну, ты все слышал,— сказал Бунер.

Второй скривил полные губы и кивнул.

— Что с этим делать?

Вместо ответа второй задумчиво погладил челюсть.

— Его слова звучат искренне; конечно, в манере отчужденных.

Прежде чем посетитель успел ответить, дверь распахнулась. Вошла девушка из приемной с двумя копиями компьютерных распечаток, вручила каждому по одной и удалилась.

Шурша бумагами, доктор Бунер и его гость просматривали распечатки. Потом посетитель бережно сложил свои и заговорил. У него оказался мягкий баритон.

— Судя по физиологическим реакциям на твой вопрос, ему известно о промежутке времени между моментами, когда оказалась израсходована бóльшая часть денег и когда человеческие существа выяснили это.

— Эта информация,— последовал ответ,— классифицируется как специальные сведения. Это не секрет, просто не разглашается широко. Десять из тысячи человек знают об этой отсрочке из пройденного ими специфического обучения.

Второй человек похлопал по лежащей на коленях распечатке.

— Я заметил, что бóльшую часть денег он потратил на создание короткометражных кинофильмов. Из этого можно что-то извлечь?

Первый покачал головой:

— Люди из комитета по кинофильмам не сумели прийти к какому бы то ни было общему мнению. Их отчет лишь подтверждает мое собственное впечатление. Рваные куски, больше ничего. По какому принципу их отбирали? Непонятно. Складывается впечатление, что единственной целью было выяснить, какую максимальную сумму можно вбухать во всю эту ерунду.

Посетитель, казалось, пришел в замешательство.

— Ты когда-нибудь слышал о чем-то подобном? — спросил он.

— Однажды, отслеживая траты другого человека, мы обнаружили, что он пытался скрыть около пятидесяти тысяч и еще пятьдесят дать как взятку.

— Господи, кому? — пораженно воскликнул посетитель.

Доктор Бунер с улыбкой покачал головой.

— Ах, да, получатель, конечно, был оштрафован, а этот инцидент удален из его личного дела. Что ты собираешься делать с Далкинзом?

— Подождать и посмотреть. Он не припрятал никаких денег. Следовательно, момент истины наступит скоро.

— Однако,— задумчиво сказал посетитель,— согласно распечатке, за квартиру уплачено за два месяца вперед. А что с припасами?

— Еды полно.

— Значит, он может прожить в роскоши еще два месяца.

— Меня беспокоит,— сказал психиатр, похлопывая по распечатке,— что компьютер не считает его отчужденной личностью.

Стивен Далкинз вышел из офиса доктора Бунера в коридор, дождался лифта и спустился на первый этаж. Оттуда он вышел в мир, внешне не слишком изменившийся за последние пятьдесят лет. Тут были те же самые здания или, по крайней мере, тот же самый тип зданий. Стекло, камень, кирпич и пластик, слепленные в самые различные, уходящие на большую высоту конфигурации. Отличие от прежней эпохи состояло в том, что теперь каждый день сознание напоминало ему о совершенстве всего этого.

Наступил золотой век. Вообще-то восемнадцатилетнему получателю миллиона долларов предстояло отработать эту сумму. Однако работа была благом для людей; нормальные люди не ставили это под сомнение.

Большинству так и не удавалось выплатить свой долг; они просто не зарабатывали достаточно денег для этого. Но в то же время, как личности неотчужденные, они редко тратили все свои деньги.

Когда человек умирал, то, что оставалось от миллиона, возвращалось государству. Если за человеком оставался долг, запись об этом удалялась. Дети могли наследовать особенности личности, но не деньги и имущество. Никаких «ниточек», по которым можно было бы докопаться до истины, не оставалось. Все начинали с чистого листа — и миллиона долларов. По закону, эта сумма не могла быть выплачена дважды, но не могла быть и уменьшена. Закон не предусматривал смягчения для случаев, аналогичных тому, в котором оказался Стивен. Если бы он работал, его жалованье автоматически вычиталось бы из уже существующего долга.

По-видимому, ничуть не тревожась по поводу всего этого, Стивен подозвал электротакси.

Спустя некоторое время такси свернуло на улицу рядом с рекой и по подъездной дорожке подъехало к многоэтажному зданию. Стивен вышел, окунувшись в теплый день, заплатил водителю и медленно зашагал к помпезному входу. По дороге он заметил, что на той же улице остановился другой автомобиль. Из него вышел человек и сделал вид, что заинтересовался видом реки.

Спустя два часа агент доложил доктору Бунеру:

— Мистер Далкинз вошел в здание, где находится его квартира, и пока еще не вышел оттуда.

День проходил за днем, а Стивен так и не появлялся.

Прошла неделя тщетного ожидания. Приставленные доктором наблюдатели лишь пожимали плечами и говорили:

— Ну почему бы ему не предоставить жизни идти своим чередом, как у всякого нормального парня, достигшего восемнадцати лет?

В итоге в квартиру Далкинза было доставлено послание из Компьютерного брачного агентства. В нем сообщалось, что молодая женщина по имени Стаси Айкинс, двадцати трех лет, была отобрана в качестве подходящего для него брачного партнера.

«Как вы, возможно, знаете,— заканчивалось послание,— после компьютерного отбора партнеры имеют в своем распоряжении четырнадцать дней, чтобы встретиться и либо принять, либо отвергнуть предложенного партнера. Если один отобранный согласен, а другой нет, согласившийся свободен и имеет право еще на три предложения брачного партнерства. С другой стороны, отказавшийся имеет всего две такие возможности.

После того как кандидат использует все три возможности, следующие три будут предоставлены ему только через год. Если кандидат самостоятельно найдет себе потенциального партнера, чьи личностные характеристики укладываются в рамки компьютерного программирования для каждого из них, брак тоже может иметь место. Следует отметить, что в данной конкретной ситуации Стаси Айкинс не выдвигает требования, чтобы ее будущий партнер имел деньги.

Потенциальный кандидат, не имеющий намерения вступать в брак, должен уведомить об этом Компьютерное брачное агентство».

Далкинз не предпринял ничего. Не возразил, не попросил, чтобы его имя было изъято из банка данных. Не позвонил девушке, а когда на двенадцатый день она сама позвонила ему, сказал, что она его устраивает.

Поставленный в известность обо всех этих подробностях, доктор Бунер имел еще одну встречу с представителем министерства финансов.

Этот последний спросил:

— Полагаете, он женится на этой женщине?

Бунер улыбнулся.

— Мы его поймали. Чтобы добиться разблокирования своей половой функции, он будет вынужден сделать это. В чем бы ни состоял его план, эта сторона жизни, по всей видимости, существенно важна для него.

— Может, все, чего он хочет, это воспользоваться ее деньгами.

На физиономии психиатра заиграла улыбка, хотя и мрачноватая.

— Нет, мы уже наложили ограничения на ее изъятия. Она сможет снимать со своего счета всего лишь удвоенную сумму по сравнению с той, на которую живет сейчас. Ну а если потребуются дополнительные суммы, ей придется сделать специальный запрос с указанием конкретных целей. Нет-нет,— Бунер покачал головой,— когда биология решила проблему блокирования половых органов мужчины и последующего разблокирования их с тем, чтобы они могли функционировать только при контакте с одной женщиной — его женой, все течение семейных взаимоотношений и, фактически, сама история человечества изменились в лучшую сторону. И конечно, поскольку средняя продолжительность жизни у женщин на семь лет больше, чему у мужчин, мы устроили все это таким образом, что наши молодые люди должны жениться на девушках на четыре-семь лет старше, чем они сами... Готов поспорить, он объявится на церемонии бракосочетания.

Вывеска над дверью гласила:

ЦЕНТР ВОССТАНОВЛЕНИЯ ГОРМОНОВ
РЕГИСТРАЦИЯ ВРЕМЕННЫХ БРАКОВ

Когда прибыл Далкинз, перед дверью собралось уже немало народу. По одну сторону длинного, узкого барьера стояла группа мужчин, по другую — женщин. Мужчины все были моложе двадцати, женщины чуть старше. Исключение составлял мужчина лет под сорок. Среди женщин не было ни одной соответствующего возраста, и Далкинз сделал вывод, что это агент, приставленный шпионить за ним. Юноша презрительно улыбнулся.

Он занял место в хвосте очереди мужчин и принялся рассматривать женщин по ту сторону барьера. Одна из них, уже явно заметив Далкинза, нетерпеливо смотрела в его сторону. Их взгляды встретились. Они впервые видели друг друга воочию, и Далкинз подумал, что следует улыбнуться. Что он и сделал. Она улыбнулась в ответ, обнажив довольно крупные зубы.

Стаси оставила свое место в очереди — она была уже третьей от двери — и, как того требовали правила, заняла десятое место, напротив Далкинза. Пока она шла, он имел возможность разглядеть, что ноги у нее коротковаты.

Ее внешность, однако, не произвела на него плохого впечатления. Новый стиль мышления относительно таких вещей господствовал уже более сорока лет, и, несмотря на весь свой антагонизм по отношению к некоторым особенностям окружающего мира, этой он не замечал. Новый стиль мышления требовал, чтобы все нормальные девушки, женщины, юноши и мужчины рассматривались как прекрасные, без каких бы то ни было исключений.

Поэтому внешность, в терминах прежнего стиля мышления называвшаяся красотой, не являлась тем фактором, который учитывал компьютер. Рост учитывал. Вес учитывал. Возраст учитывал. Молодая женщина, стоящая сейчас напротив Далкинза по ту сторону барьера, была ростом 5 футов 1 дюйм (против его 5 футов 6 дюймов), имела вес 100 фунтов против его 128 и была на 5 лет старше.

В этом мире толстяки сочетались браком с толстяками, худые с худыми, средние со средними. И конечно, существовавшая прежде нелепая тенденция, чтобы мужчины женились на женщинах моложе себя, была заменена на прямо противоположную, основанную на здравом смысле и биохимических данных. Это был золотой век не только в экономическом, но и в сексуальном отношении.

Вскоре они оказались внутри здания и были усажены в примыкающие друг к другу кабины, доступные взглядам других пар сквозь толстый прозрачный пластик. Поскольку, по настоянию Стивена, был избран ограниченный временем брак, они подписали пластиковые карточки специальным типом ручек. С помощью компьютера их подписи автоматически передавались в столичное министерство статистики естественного движения населения. Факт этой подписи сам по себе и являлся брачной церемонией; оставались лишь медицинское восстановление мужчины и второй шаг, делающий это гормональное восстановление легальным и постоянным.

По запросу компьютера Далкинз расстегнул молнию на правом бедре специального свадебного костюма. Потом он откинулся назад, также по требованию, и замер в ожидании, пока две механические руки стягивали его ремнем. Когда руки убрались, на обнаженном бедре сфокусировалось стеклянное устройство с иглой и лучом света в передней части. Прозрачная игла медленно вошла в тело, по ней потекла красная жидкость. Игла выдернулась.

Компьютер сказал:

— Шаг два. Постарайтесь не дергать рукой.

Далкинз заметил, что человек постарше, который шпионил за ним, стоит в нескольких шагах, наблюдая за «брачной церемонией»; похоже, он был настолько уверен, что все идет как надо, что даже наполовину отвернулся.

«Пора!» — подумал Далкинз.

Послышался звонок. Доктор Бунер нажал кнопку, соединенную с крошечным приемником в ухе, и сказал:

— Здесь доктор Бунер.

На видеопластине возникло изображение его прежнего посетителя и наперсника. Тот раздраженно сказал:

— Здесь Русли. Ну, что там еще?

Бунер не мог не заметить обвиняющего тона.

— Прежде всего, нам с вами следует не упускать из виду одну вещь.

— Что именно? — Удивление в голосе и на лице.

— Я не контролирую ситуацию. Закон не позволяет этого.

— У вас там наблюдатель.

Бунер проигнорировал звучащий в голосе собеседника укор.

— Разве я недостаточно прояснил свою позицию?

— Да-да,— прозвучало покорно.

— А произошло то,— уже несколько более оживленно продолжал доктор Бунер,— что наш Стивен снова взял на себя труд заранее выяснить все детали процесса, через который большинство людей проходят неосведомленными.

— Когда это происходило со мной,— отозвался Русли,— я сидел привязанным в кресле в запертой комнате и не имел шанса сбежать.

— Если бы вы,— продолжал свои объяснения доктор Бунер,— принесли с собой компьютерный ключ ремонтного мастера и автоматический пистолет, позволяющий выстрелом проложить себе путь через запертую дверь...

Судя по выражению физиономии на экране, услышанное произвело на собеседника Бунера большое впечатление.

— Что вы собираетесь делать?

— Ничего?

— Почему?

— Стивен не нарушил закон.

— По-вашему, можно вывести из строя машину и выстрелами проложить себе путь из запертого здания, не нарушая закона?

— Компания «Восстановление гормонов» может возбудить против него дело за причиненный ей ущерб, но, учитывая, что у него нет денег, толку им от этого не будет.

— Н-н-но...— запротестовал Русли,— разве это по закону — быть тем, кем сейчас стал Стивен? Сексуально свободным мужчиной?

— Закон требует, чтобы по достижении мальчиком возраста половой зрелости его способность к совершению сексуального акта была взята под контроль. Закон требует, чтобы он имел возможность жениться, поскольку брак представляет собой выстроенные самим человеком взаимоотношения, для чего необходимо пройти через процесс восстановления гормонов. Если этого не происходит, по закону брак не может иметь места. Видите ли,— продолжал доктор Бунер,— техника всего этого была взята нами из концепции старой Китайской Коммунистической Народной Армии, за исключением, конечно, того, что у нас отсутствует наказание в виде смертной казни. Однако сейчас, как и тогда, о коммунисте ли идет речь или о современном молодом человеке, здесь кроется ловушка для опрометчивого, во многом неискушенного юноши. Он еще думать не научился, а мы уже заблокировали его сексуальность. Он еще растет, а мы уже подтягиваем его до уровня будущей жены, причем по закону, раз брак заключен, расторгнут он быть не может. Государство, идущее на такие деспотические меры, оправдывает лишь то обстоятельство, что его целью является мирное, трудолюбивое население.

Пауза.

— Где жена Стивена сейчас?

— Она ему не жена, поскольку заключительный шаг совершен не был. Вернулась к себе домой.

— А где Стивен?

— Он пока к себе домой не вернулся.

Помолчав, Русли сказал:

— Если я правильно понял, сейчас впервые за четверть столетия где-то там,— он взмахнул рукой, очерчивая этим жестом половину горизонта,— болтается мужчина, способный совершить половой акт более чем с одной женщиной?

— В принципе именно так обстояло дело раньше.

— И это *законно?*

— Да, просто нежелательно. Однако это естественное состояние. Ни одно естественное состояние человека никогда не объявлялось вне закона.

По мере того как человек на экране осознавал потенциальные последствия ситуации, его лицо пошло пятнами.

— Господи,— пробормотал он,— один мужчина и *все* эти незамужние девушки и женщины от восемнадцати до двадцати трех!

— Возможно,— успокоил Русли доктор Бунер,— обольщение не входит в его планы. Ради этого не стоило растрачивать практически все деньги.

— А какие у него могут быть планы? — беспомощно спросил Русли.

— Мои помощники,— ответил психиатр,— продолжают тщательно изучать биографию Стивена, пытаясь найти ключ.

— Как думаете, что он будет делать теперь?

— Он хорошо замел следы,— с неохотой признал Бунер.— Пока мне ничего не известно о его местонахождении. Может, он уже приступил к охоте на женщин.

Русли издал горлом захлебывающийся звук и разорвал связь.

Поколебавшись, Бунер набрал особый номер. На этот раз, когда послышался щелчок, на экране не появилось изображения, но мужской голос — решительный, заинтересованный — произнес:

— Я прочел ваш доклад, доктор. И согласен, что дело Стивена нужно предать огласке. Если ваш прогноз относительно него не подтвердится, мы, по крайней мере, сделаем свою первую попытку за последнее десятилетие. Удачи.

Прислонившись спиной к дереву, Стивен сидел на траве на краю парка и смотрел в небо. Для вида, конечно. На самом деле он шарил взглядом по сторонам в поисках возможных шпионов. Полной уверенности, что удалось уйти незамеченным, у него не было. Он предполагал, что казначейство хотело бы понять, как он собирается выживать без денег.

— Запросто,— сказал он, обращаясь к четырем подозрительным типам, которые прошли мимо (на всякий случай — а вдруг они в состоянии понять смысл его высказывания?).— Мир вознаграждает предприимчивых и непокорных. Передайте это своим хозяевам.

Один из четырех, мужчина лет тридцати, подошел поближе и спросил недоуменно:

— Эй, это ведь ты сходу растратил свой миллион, как сказано в новостях? Зачем?

Пораженный, восхищенный Стивен произнес:

— Ты хочешь сказать, они предали мое дело огласке? — Взяв себя в руки, он пожал плечами.— Иди своей дорогой, парень. Если сам не понимаешь зачем, объяснять тебе бесполезно.

В сумерках Стивен лениво поднялся и медленной походкой, на случай если за ним следят, углубился в парк, туда, где маленький ручей втекал в водопроводную трубу. Наклонившись, он сунул руку в темный зев трубы, нащупал что-то и выпрямился. Теперь он держал в руке водонепроницаемый контейнер, откуда вытащил скатанное в трубку объявление из белого холста. Там было написано:

Я СТИВ ДАЛКИНЗ,
ТОТ САМЫЙ «ПСИХ», КОТОРЫЙ РАСТРАТИЛ
СВОЙ МИЛЛИОН ДОЛЛАРОВ.

На обратной стороне тоже имелась надпись:

ПРИГЛАШАЮ ВСЕХ ЖЕЛАЮЩИХ
ПОСЛУШАТЬ МОЮ ИСТОРИЮ
ЕЖЕДНЕВНО В ВОСЕМЬ ЧАСОВ ВЕЧЕРА
В ЗАПАДНОМ ПАРКЕ.

На самом деле он не предполагал делать то, что было написано на обратной стороне. Если бы у него была возможность, он послал бы кого-нибудь вместо себя, на случай, если люди придут. Однако истинная цель состояла в том, чтобы ввести в заблуждение возможных наблюдателей.

С уверенной улыбкой Стивен пошел дальше. Небо потемнело, и тротуары начали испускать свет, накопленный за день. Точно так же мерцали и стены магазинов. Люди бросали взгляды на Стивена, на его объявление и проходили мимо. Большинство смотрели неодобрительно, но внимательно наблюдавший за ними Далкинз замечал то там, то здесь немногих, реагировавших иначе.

Если представлялась возможность, он говорил каждому из последних:

— Надо же что-то делать, верно? Найдешь меня каждый день вечером в...— и он называл другой парк.

Самое интересное произошло, когда какой-то краснолицый молодой человек внезапно зашагал рядом со Стивеном и спросил:

— У тебя есть план, как одолеть этих ублюдков?

— Конечно,— ответил Стивен.

— Я с тобой, и я приведу свою компанию. Меня зовут Джек.

— Отлично.

В первый вечер пришли десять никак не связанных друг с другом молодых людей, включая двух женщин, и сравнительно большая группа из семи решительно настроенных юношей и четырех равно искренних в своих намерениях женщин — это и была «компания» Джека.

Здесь никто не спрашивал зачем. Все собравшиеся понимали, что это нужно было сделать. И все испытывали облегчение при мысли о том, что кто-то наконец решился сделать шаг, откуда нет возврата.

Складывалось впечатление, будто все они чисто интуитивно глубоко понимали существо проблемы, и *эта* часть воспринималась как должное. Обсуждались лишь детали того, что делать дальше. И конечно, у Стивена был свой план.

В этот первый вечер они создали Общество ниспровергателей. По общему согласию было решено, что Стивену Далкинзу будет компенсирован его потерянный миллион. Каждый из присутствующих выписал чек на тысячу долларов. Постановили, что все будущие члены общества внесут ту же самую сумму в пользу Стивена.

— Может, ты и не вернешь свой миллион целиком,— сказал краснолицый парень, Джек Брукс,— но уж наверняка в наши ряды вольется не меньше решительно настроенных людей, чем тех, что стояли за убийством Александра Второго в России в 1881 году. Думаю, на пятьсот человек смело можно рассчитывать.

— А по-моему, их будет больше,— безапелляционно заявил Стивен.

К концу месяца один в обществе насчитывалось 2782 члена. Каждый получил задание в течение месяца два найти еще пять недовольных. Общая сумма взносов составляла уже больше миллиона, и Стив заявил, что жертвует излишки в общую казну. Он рассказал о первых этапах своего плана небольшому внутреннему кругу заговорщиков, среди которых был и Джек. Они сообщили своим сгорающим от любопытства товарищам, что план «потрясающий», но решено не посвящать в детали никого, кроме вожаков.

Общество ниспровергателей состояло уже из 53 064 членов, когда, по окончании месяца четыре, совершило свой первый акт открытого неповиновения.

Власти решили поставить общественность в известность о том, что представляет собой Стивен. Девушкам и женщинам настоятельно рекомендовалось вызывать полицию, если к ним приблизится невысокий молодой человек и начнет делать непристойные предложения. Бунер в своих отчетах писал, что вряд ли найдется женщина, способная устоять перед обаянием сексуально свободного мужчины. Однако, полагал он, Стивен не может быть уверен в этом и потому станет действовать очень осторожно.

Тем не менее, лежа ночью без сна, психиатр испытывал необычное для него, все возрастающее ощущение тревоги.

День за днем он отслеживал успех деятельности Стивена по числу чеков, выписанных на его имя. И по мере возрастания этого числа дрожь тревоги все чаще сотрясала тех членов Объединенного правительства, которые, по соглашению, были в курсе происходящего.

Чем больше эти люди нервничали, тем чаще обращались за разъяснениями к Бунеру. У позвонившего в то особенное утро было мясистое лицо и резкий голос.

— Вы собираетесь что-нибудь предпринять в отношении этих мошенников? — спросил он.

— Мы готовы к проведению «зачистки».

— Что вы имеете в виду?

Бунер объяснил. В обществе появились беспокойные, решительные личности, движимые общим порывом уничтожить правительство, которое каким-то непонятным образом сумело досадить им.

Их нонконформистское и, безусловно, склонное к насилию движение несло в себе странную чистоту. Они любили друг друга и были преданы своим вожакам. Они были горды тем, что действуют заодно с человеком, у которого хватило воли растратить свой миллион долларов. После этого никому даже в голову не приходило оспаривать право Стивена Далкинза быть «боссом».

Это облегчало задачу полиции. Все чеки были выданы на имя одного человека и подписаны очень разборчиво. Каждый человек — юноша, девушка, женщина — были идентифицированы, и компьютеры разослали распечатки в полицейские центры по всей стране. Детективы незаметно посетили соседей каждого из заговорщиков, так что теперь местонахождение всех было точно известно.

Общественность, конечно, не допустит ареста людей только потому, что они выписали чеки на имя Стивена Далкинза. Нужно, чтобы было предпринято какое-то противоправное действие.

Но что они могут сделать по отношению к совершенному миру? Этот вопрос Бунеру задавали чаще других, прозвучал он и сейчас. И психиатр ответил так же, как всегда.

— Двенадцать лет назад некто Чарли Гюйк возглавил мятеж, направленный против компьютерной системы образования. Двадцать три года назад восстание братьев Гилберт имело своей целью групповой метод избрания политиков. В обоих случаях *все* участники были арестованы, признаны «отчужденными личностями», осуждены и ликвидированы.

— Как вы полагаете,— спросила важная персона с мясистым лицом,— что собирается атаковать Далкинз?

— Что-то более основополагающее, так мне кажется.

— Ради бога! — взорвался политик.— Что может быть более основополагающим, чем атака на политическую систему?

— Ну...— Бунер дипломатично попытался потянуть время.

Резкий голос зазвучал спокойнее:

— Как думаете, Далкинз знает, что мы можем отслеживать все эти чеки?

— Полагаю, знает, поскольку он перевел часть денег какой-то компании.

— А, вот оно что! Но, разумеется, в такой необычной ситуации...

Бунер с решительным видом покачал головой.

— Мы не имеем права проверять, как компании тратят свои деньги, поскольку это может быть отслежено их конкурентами. Нужно либо перепрограммировать компьютерную систему, либо власти должны сделать публичное заявление. Но нам не хотелось бы этого. Наша цель — поймать всех этих людей и избавиться от них.

Той же ночью, снова лежа без сна, Бунер как-то особенно расстроился, внезапно осознав, что прошло уже четыре месяца. И если бы фантазии Русли были верны хотя бы отчасти, насчитывались бы уже десятки изнасилованных девственниц. А расстроило Бунера вот что. Возможно ли, спросил он себя, что Стивен все эти месяцы вел себя как ответственный человек и не ударился в разгул?

И чем же он, в таком случае, занимается?

На следующее утро, выглянув из окна своего многоэтажного дома, он обнаружил, что погода восхитительная, небо голубое... Чуть позднее, когда он мирно ел изысканный завтрак, вспыхнул красный сигнал тревоги, сопровождающийся воем сирены. Потом на экране телевизора появилась платформа, на которую поднялся молодой человек и сказал:

— Леди и джентльмены, не пугайтесь. Это сообщение от Общества ниспровергателей. Мы временно захватили главные центры вещания на американском континенте. Мы хотим сказать кое-что, что, по мнению нашего лидера Стивена Далкинза, вам следует. знать.

Далее он объяснил и продемонстрировал (на себе и внезапно появившейся откуда-то девушке) химический метод, посредством которого может быть разорвана жесткая связь между состоящими в браке мужчиной и женщиной. Он назвал несколько пунктов в городе, где можно достать нужные препараты, и добавил, что подобные сообщения сейчас передаются с других центров по всей стране.

— Приготовьте чек на тысячу долларов,— настойчиво продолжал он,— и помните, что, возможно, это единственный шанс получить шприц с веществом, делающим вас сексуально раскрепощенным человеком. Можно приобрести препарат, а уж потом решать, стоит ли его использовать. Если вы человек решительный, то будете действовать быстро, пока это можно сделать без помех, а обдумаете все позже.

Один из указанных пунктов находился на расстоянии около мили от дома Бунера. Спустя несколько мгновений он уже выскочил из двери, спустился на высокоскоростном лифте и поймал электротакси. По пути он выписал чек. Как он ни торопился, к тому времени, когда такси подъехало, около вертолета, стоящего на краю маленького парка, собралось уже несколько сотен мужчин и около пятидесяти женщин. Бунер протолкался вперед, размахивая своим чеком, и увидел, что три девушки и четверо мужчин раздают маленькие коробочки, а еще один мужчина и одна девушка принимают чеки, проверяют их и складывают в металлический контейнер.

Психиатр едва успел. Вручив свой чек, он с беспокойством дождался, пока его проверили, и схватил протянутую ему коробочку. Он еще только выбирался из толпы, защищая свою драгоценную ношу, когда один из молодых людей закричал:

— Полиция! Рвем когти!

В считанные мгновения все девятеро со своими чеками и коробками оказались внутри вертолета. Дверь закрылась, и аппарат поднялся в небо, словно вспугнутый сокол. Почти одновременно с ним с ближайших улиц взлетели около дюжины других вертолетов.

Бунер вернулся в офис встрепанный, но довольный и немедленно сделал доклад на Высший уровень. Правительственная лаборатория в тот же день провела исследование вещества, обнаруженного в семи шприцах купленной им коробки, и подтвердила, что оно действительно содержит препарат,

разрывающий жесткую сексуальную связь одного мужчины с одной женщиной.

Чуть позже пришло сообщение по компьютерной сети. В этот день Общество ниспровергателей продало 883 912 коробок, по цене тысяча долларов за штуку. Торговля велась в 6 224 пунктах. И все чеки были выписаны на имя Стивена Далкинза.

Власть и деньги отбрасывают длинные тени. В головах потрясенных «ниспровергателей» уже начали вырисовываться образы того, как в следующий раз они выручат за свои препараты восемь миллиардов или даже *восемьдесят.*

Слишком много. Ушей Стивена достигли разговоры по этому поводу. Он подумал: «Вот она, *поворотная точка!*» В тот же день он набрал компьютерный код, связывающий его со всеми, кто принадлежал к узкому кругу. И встал перед камерой.

Его небольшие серые глаза сверкали, словно полированный мрамор. В них светился ум. Щеки пылали, худощавое тело было напряжено. Он решительно смотрел в объектив, стараясь пронзить взглядом каждого из своих зрителей.

Стивен объяснил свою точку зрения потрясенным членам общества; все они относились к возглавляемой Джеком Бруксом группе. И закончил так:

— Джек обладает большей дальновидностью и проницательностью, чем я. У каждого человека есть свои пределы. Мне кажется, я уже сделал все, что мог. Отныне...— Последовала драматическая пауза.— Отныне я отказываюсь от лидерства в Обществе ниспровергателей в пользу своего дорогого друга, Джека Брукса. Моя любовь и лучшие пожелания всегда с вами.— И добавил снисходительно: — Я буду выписывать чеки для осуществления всех обоснованных трат, как только организация сочтет нужным действовать дальше. Вы всегда можете связаться со мной по коду. До свидания всем. Вы замечательные люди.

Как только голос Стивена смолк, в далеком доме молодой краснощекий человек, чье лицо в этот момент стало просто пунцовым, схватил видеотелефон, набрал нужный номер и закричал:

— Стивен, так тебя растак, что это значит — «обоснованные траты»? Я хочу получить доверенность на распоряжение всем твоим счетом, за исключением, может быть, десяти миллионов. Докажи, что ты говорил искренне.

Зная, что его слышит только Брукс — линия была защищена от прослушивания,— Стивен ответил:

— Если я не сохраню контроль над деньгами, у тебя может возникнуть искушение предпринять что-то против меня.

— Тогда прямо сейчас выпиши чек на двадцать восемь миллионов для следующей акции! — завопил Джек.

— О'кей,— ответил Стивен.

Когда дело было сделано, Джек Брукс принялся вышагивать по своей комнате взад и вперед.

— Этот сукин сын,— бормотал он,— собирается смыться, прихватив с собой восемьсот миллионов долларов.— Он остановился, нахмурившись.— Сущий дьявол, вот кто он такой.

Брукс снова подошел к телефону, но на этот раз связался с доктором Бунером.

— Каждый вечер с наступлением сумерек Стивен Далкинз прогуливается в одном из парков,— сказал он.

Обдумывая, что делать с этим сообщением, психиатр провел по крайней мере три встречи.

Первую с инженерами-компьютерщиками и работниками администрации. Вопрос: можно ли запрограммировать думающие машины высокого класса на проверку 883 000 имен? Ответ: существует бесконечный поток строгой логики, совокупная информация обо всем, каждая сделка любого человека доступна компьютерам, в системе отсутствуют реальные барьеры...— следовательно, да.

Во второй раз Бунер встретился с директорами биохимических предприятий, проведшими для него некое расследование. Несколько месяцев назад уволился служащий, долгое время бывший членом доверенной группы, заведующей производством одного из семи ингредиентов препарата, продажей которого занимались «ниспровергатели». Расследование показало, что на протяжении многих лет он неофициально занимался изучением препарата.

— У нас есть предположение,— заключил председатель совета директоров,— что семь или более человек, либо по отдельности, либо в сговоре, много лет работали в подобных лабораториях, по крохам собирая информацию в расчете продать ее кому-то вроде Далкинза.

Третья встреча Бунера состоялась с одним из комитетов Объединенного правительства. Ведущий экономист дрожащим голосом объяснил членам комитета, что система «Миллион долларов всякому достигшему восемнадцати лет» основывается на статистической реальности. Только она способна обеспечить стабильность общества. Дополнительный расход

в одну тысячу долларов на человека, охватывающий достаточно большой процент взрослого населения, недопустим.

«Без сомнения,— подумал Бунер,— Стивен нанес совершенному миру удар ниже пояса...»

Проблема состояла в том, что с этим делать? Выступая сам, психиатр сказал, осторожно подбирая слова:

— Складывается впечатление, что попытка человечества контролировать половую жизнь сведена на нет Стивеном Далкинзом, причем это всего лишь побочный эффект его движения к какой-то своей тайной цели.

Он указал, что если восемьсот тысяч человек совершают одинаковые варварские акты против какой-то системы, то теоретически в пересмотре нуждается система, а не личность.

Дав свои рекомендации, Бунер сделал следующий вывод:

— Я воздерживаюсь от предложения того или иного решения относительно самого Стивена. Ходят слухи, что он пытается разорвать связь со своими последователями. Это может оказаться непросто.

На следующий день Объединенное правительство через своего пресс-секретаря сделало следующее решительное заявление:

«Считаем недопустимым позволить 883 000 сексуально раскрепощенных мужчин открыть охоту на сто миллионов незамужних женщин. В соответствии с этим Объединенное правительство разрешает рынкам медикаментов сделать доступными препараты гормонального восстановления для тех мужчин, которые по достижении восемнадцати лет предпочтут не связывать себя узами законного брака. Цена набора должна составлять десять долларов. Имена тех, кто сделает такой выбор, будут преданы огласке. Имена тех, кто уже приобрел эти наборы, но вернет их до конца текущего месяца, разглашаться не будут».

Когда Джек Брукс услышал эти роковые слова, он вскочил и с разбегу врезался в стену своей комнаты. Сила удара отбросила его назад, и он кинулся на вторую стену. Выпустив таким образом пар, он упал в кресло, размышляя над обрушившейся на него реальностью. А она была такова, что никто не станет платить тысячу долларов за то, что может купить за десять.

Мечты о восьми миллиардах превратились просто в пену ярости в его плотно стиснутом рте. И ярость эта была направлена на одного человека. Стивен наверняка знал, что так произойдет... Как расправиться с этим... этим... этим?

Стивен Далкинз — точнее, все четырнадцать Стивенов Далкинзов — отправился на свою вечернюю прогулку сразу после наступления сумерек. По крайней мере, так сообщалось в отчетах, полученных Бунером от агентов, разосланных им по всем городским паркам.

Возможно ли, что среди этих четырнадцати есть настоящий Стивен? На самом деле с точки зрения намерений Бунера это значения не имело. Он стоял на улице, ведущей к одному из парков, и наблюдал, как молодой человек пяти футов шести дюймов ростом медленной походкой приближается к нему. Если это Стивен, то он хорошо замаскировался. Все более-менее запоминающиеся черты лица были тщательно загримированы.

Когда этот якобы Стивен оказался перед ним, психиатр быстро перешел улицу.

— Пожалуйста, передайте мистеру Далкинзу,— громко сказал он,— что доктор Бунер просит его позвонить. Передайте, что теперь он начинает понимать, зачем мистер Далкинз затеял все это...

Ничего больше он сказать не успел. Далкинз молниеносно развернулся, перебежал улицу и помчался по тротуару. Внезапно он, казалось, принял решение, что делать, и ринулся к автомобилю у обочины, в который садилась какая-то женщина. Между ними возникла борьба, в которой победил Далкинз. Машина рванула с места. Последнее, что Бунер увидел, это как она несется по улице, с Далкинзом за рулем и женщиной, откинувшейся на сиденье, с болтающейся туда-сюда головой. Миг — и машина скрылась из виду.

Спустя двадцать минут его люди обнаружили брошенную машину с лежащей на полу у переднего сиденья мертвой женщиной.

— Посмотрим, как он отмоется от *этого*! — воскликнул Джек Брукс, когда убийца позвонил ему и сообщил новости. Красное лицо Джека исказила не то гримаса, не то ухмылка.— Отличная была идея — разослать по паркам четырнадцать Стивенов.

Настроение у него было хорошее еще и по другой причине. Существовала вероятность того, что значительный процент населения предпочтет получить препараты в обмен

на машину или какое-нибудь другое имущество, а не платить десять долларов и оказаться выставленным на всеобщее обозрение. Скверно, конечно, что в совершенном обществе наличных денег как таковых не существовало, все платежи осуществлялись через компьютерную систему, но — Брукс пожал плечами — ничего не поделаешь, так было всегда.

В средствах массовой информации появилось сообщение об убийстве с изложением обстоятельств дела.

Стивен позвонил Бунеру в четверть четвертого.

А позднее...

Психиатр, прихватив свою аппаратуру, явился на оговоренное место встречи. Мужчина у входа провел его в просторную, со вкусом отделанную приемную. Хорошенькая девушка проводила его в большой внутренний офис, ушла и плотно закрыла за собой дверь.

Бунер молча установил аппаратуру и только тогда повернулся лицом к сидящему за письменным столом молодому человеку. Стивен Далкинз взмахом руки указал ему на два свободных кресла: одно мягкое и одно жесткое. Доктор опустился в жесткое.

— Хмм,— заметил Стивен.— Мне было интересно, какой вы сделаете выбор.— Он наклонился вперед с кривой улыбкой на лице: — Каково это, док, оказаться в положении подопытного кролика?

Доктор Бунер устремил на него пристальный взгляд светло-серых глаз.

— Стивен, к тому моменту, когда я начал свой путь сюда, были арестованы уже сорок тысяч членов Общества ниспровергателей...

— Это лишь одна из моих тайных квартир,— прервал доктора Стивен.

— Четверо из каждых пяти предпочли переселиться в одну из колоний в космосе,— продолжал доктор Бунер, проигнорировав замечание Стивена.— В этом случае они сохранят свои деньги.— Он мрачно улыбнулся: — Не каждый готов поставить на карту миллион.

— Выходит, только я в опасности?

— Стивен,— напряженно произнес Бунер,— кто убил или приказал убить эту женщину? — Не получив ответа, он заговорил снова: — Может, он уже арестован и подтвердит твои показания,— доктор кивнул на записывающую изображение и звук аппаратуру и настойчиво закончил: — Стивен, нет смысла сохранять верность тому, кто пытается повесить это убийство на тебя.

— Какова участь человека, которого обвиняют в убийстве? — после паузы спросил Стивен.

— В наши дни никого не обвиняют в убийстве,— последовал ответ.— Существует одно-единственное преступление — невозможность жить по законам общества, что приводит к объявлению человека «отчужденной личностью».

— Ладно, какова участь человека, который признан «отчужденной личностью»?

— Это закрытая информация.

— Ходят слухи, что всех их казнят. Это правда?

— Я не член совета, принимающего по этому поводу решения. Мне тоже приходится довольствоваться слухами.— На губах Бунера снова заиграла мрачная улыбка: — А скажи, Стивен, как бы *ты* поступил с таким человеком?

Молодой человек колебался, это было заметно.

— Нечестно,— сказал он в конце концов,— что приговор выносят неотчужденные личности, а тот, кому они его выносят, возможно, имел в детстве травму, сделавшую его «отчужденным».

Бунер, однако, не позволил увести разговор в сторону.

— Стивен, сколько убийств совершили твои последователи за прошедшие четыре месяца?

Молодой человек грустно улыбнулся.

— Большинство из них проявляют свою «отчужденность» от общества другими способами, но те, кто считает это решением проблемы, убили около восьмисот человек.

— Зачем? Ты пытался выяснить, зачем они делали это?

— Жертвы говорили или делали что-то, что оскорбляло идеалы убийцы.

— Итак,— в тоне Бунера зазвучала печаль, всегда охватывающая его при столкновении с реальностью подобного рода,— в этой огромной Вселенной, где, по ее меркам, жизнь человеческая продолжается одно краткое мгновение, нашлись люди, которые, руководствуясь своими собственными безумными представлениями о справедливости, лишили даже этого краткого мгновения бытия почти тысячу человек. Скажи, как следует поступать с такими людьми?

И снова их взгляды встретились. На этот раз юноша быстро отвел глаза. Хотя это было бесполезно. Он знал — четыре месяца тесного общения с людьми, имеющими искаженные представления о мире, не могли не оставить шрамов в его душе.

Приговор явственно читался на его лице.

— Его зовут Джек Брукс,— сказал Стивен.

Бунер застучал по клавишам, глянул на результат и сообщил:

— Он среди захваченных.— Последовали новые манипуляции с клавишами.— Компьютер задал ему вопрос, совершил ли он или приказал ли совершить убийство. Он отрицает все. Но сердце, легкие, печень, кровеносные сосуды выдают его.— Их взгляды встретились поверх прибора.— Ну, Стивен, я продолжаю придерживаться мнения, что тебя нельзя классифицировать как «отчужденную личность» и, следовательно — хотя трудно себе представить, что может быть такое,— существуют серьезные причины для того, что ты сделал.

— Думаю, вам имеет смысл пройти со мной кое-куда,— ответил Стивен.

— Можно взять с собой заслуживающих доверия свидетелей?

— Да.

Бунер, секретарь Объединенного правительства, Русли и еще два важных человека стояли под кроной дерева на одной из тенистых улиц. Стивен пересек ее, направляясь к маленькому загородному дому.

Остановившись у ворот, он издал два длинных свиста и один короткий.

Прошла минута. Дверь дома распахнулась.

Оттуда выпорхнула молодая девушка. Или девочка? Нет. Она бросилась к Стивену Далкинзу и припала к нему с такой страстью, что ему пришлось отступить на несколько шагов. Вслед за тем эти двое — энергичная девушка и еще более энергичный юноша — слились в жарком поцелуе и тесно прижались друг к другу.

— Господи боже! — непроизвольно вырвалось у Бунера.— Он затеял все это, чтобы жениться на девушке одного с ним возраста.

Как будто услышав его слова или предполагая, что они могут быть произнесены или просто придут в голову Бунеру, Стивен повернулся и сказал в сгущающиеся сумерки:

— Все по закону; по крайней мере, теперь.

— Любовь,— пробормотал психиатр.— Я не думал ни о чем таком с тех пор, как отказался от малышки Эстер, когда *мне* исполнилось восемнадцать.

Внезапно ноги у него подкосились. Он упал на траву, смутно осознавая, что остальные в тревоге склонились над ним.

Ужасно нелепо, конечно, но слезы стыда струились по его щекам...

«В конце концов,— ворчал он на себя,— сейчас малышка Эстер стала уже взрослой Эстер, вышла замуж и высидела кучу маленьких эстерят. И кроме того, хорошо известно, что люди всегда перерастают свои восемнадцатилетние увлечения».

Эти доводы, неоспоримо истинные, проносились в сознании Бунера, не оставляя следов. Чувство, нахлынувшее на него из забытого прошлого, принесло с собой невыразимое словами понимание того, что у него никогда не было ни малейшего шанса пережить эмоции, которые только что продемонстрировали Далкинз и его возлюбленная. Ворча, помогая себе руками, Бунер с трудом поднялся и побрел по темнеющей улице.

Ему предстояло сделать множество важных вещей, в том числе вернуть себе тридцать лет, прожитых без любви.

Чем ни дыши, один черт

Хотя безумные разговоры продолжались годами, пика они начали достигать, когда мне исполнилось тридцать два. Об этих изменениях, которые надвигаются. О том, что после 11 мая в атмосфере не останется кислорода. То есть через тридцать два дня. Думаете, они кого-нибудь напугали? Только не меня, Арта Аткинса.

«Смиритесь! — вещали все масс-медиа, что ни включи.— Отправляйтесь в ближайшее убежище и сделайте это сейчас, не откладывая до последней минуты».

У меня были мои девочки, и моя игра, и моя шикарная квартира, и все, что душа пожелает; и в конце концов эта чушь начала действовать мне на нервы. Чем, по-вашему, я занимался большую часть времени по ночам с очередной девушкой? Отговаривал бежать в ближайшее убежище.

— Ради бога,— увещевал я ее в самой что ни на есть терпеливой манере,— там чуть больше кислорода, вот и все. Это лишь временная мера. Уж я-то знаю. Я один из тех, кто принимал участие в сооружении ближайшего убежища.

Произнесите это сотню раз в рыдающую груду нежной женской плоти, и вам тоже станет скучно; а то, что происходило дальше, было ничуть не лучше.

В это утро телефон зазвонил вскоре после десяти. Я взял трубку, и на экране появилось изображение Моны. Мона — последнее приобретение моей отборной коллекции, сделанное всего полгода назад. В данный момент она была полностью одета.

— Я выхожу из игры,— заявила она.

— Послушай,— ответил я, скорее изображая удивление, чем на самом деле испытывая это чувство.— Как можно выйти из игры, в которой не участвуешь?

— Ох, тебе все шуточки,— надулась она и своим знаменитым движением отбросила назад золотистые волосы. Когда я впервые увидел, как она это делает, то чуть голову не потерял от эротических фантазий; и до сих пор не выработал к этому иммунитета. Тут до меня дошло, что она продолжает говорить.— В смысле... Я собираюсь переселиться в убежище. Этот воздух слишком плох для меня.

— Ты наслушалась болтовни этих сумасшедших,— сказал я.— Говорил же, не делай этого.

— Ну, может, тебе тоже стоит к ним прислушаться,— выпалила она, явно выбившись из колеи и силясь справиться с собой. В конце концов это ей удалось.— До Большого дня остался всего месяц.

— Что еще за Большой день? — сделал я вид, что не понимаю.

Увы, экран уже опустел.

Я не торопился отзванивать ей; может, она рассчитывала на быструю реакцию, на то, что Арт Аткинс будет умолять ее, так вот нет, спасибо большое. Наконец где-то в полдень я попытался связаться с ней; телефон звонил и звонил, но никто не отвечал. До меня начало доходить, что, возможно, она действительно сделала то, о чем говорила.

Я положил трубку мягко, но при этом стиснул зубы. И просто сидел, качая головой. Удивительно! Эти ненормальные всегда добиваются своего. Всегда находятся такие ублюдки, которые делают жизнь еще более трудной. Ну что тут можно предпринять? Я в каком-то смысле сдался, пусть уж ловят момент.

У меня возникла другая мысль. Я внезапно понял, что сама Мона не сумела бы организовать все это так быстро. Она не привыкла затруднять себя. А тут... Ну, я решил плюнуть на некоторые опасности и заковылял наружу.

Вам было бы интересно взглянуть на город, где я оказался, покинув свою квартиру на верхних этажах небоскреба. На тротуарах ни души, а над головой подернутое дымкой небо. Дымка не такая уж плотная на самом деле. Хуже то, что она держится постоянно.

Улицы точно вымерли; больше всего похоже на старые фильмы с видами европейских городов во время войны, когда всех жителей эвакуировали. Одни патрульные машины. Ну, я вышел и остановился; конечно, дышать без моих конди-

ционеров стало труднее. И жара. Уже перевалило за пять часов, а температура воздуха все еще выше ста*. Это как-то связано с избытком в атмосфере углекислого газа.

Сдержав желание ловить ртом воздух, я заколебался. Стоит ли Мона таких усилий? И тут же понял: это вопрос принципа. Позволь одной девочке слинять, моментально и остальные разбегутся. И не успеешь глазом моргнуть, как будешь спать один-одинешенек.

Моне нужно преподать наглядный урок. Я должен иметь возможность сказать Хетти, Адели и Зое: «О'кей, сестричка, но не забывай, что случилось с дамочкой, которая решилась бросить Арта Аткинса».

Место, куда я направлялся, находилось в сотне ярдов от центральной улицы Духов. Ну, я побрел туда и просто шутки ради попытался остановить одну из муниципальных цистерн со сжиженным кислородом, которые в эти дни во множестве курсируют по улицам. Уродливые штуки. Лично мне кажется, что, если хочешь вдыхать нормальное количество кислорода, нет смысла просто выпускать его в воздух. Эти цистерны представляют собой простейшие машины серийного производства, с электрическими моторами, перезаряжаемыми батареями и выступающими передними сиденьями.

Как обычно, никто даже не подумал остановиться, чтобы подвезти меня бесплатно. Поскольку я уже смирился, то поднял руку с зажатой в ней двадцатидолларовой банкнотой. И — пожалуйста, никаких проблем. Я сказал водителю, куда мне надо, и он кивнул на заднее сиденье. Дополнительного кислорода тут нет, но, по крайней мере, сидеть можно и бока не отобьешь.

За двадцать долларов я, как правило, езжу на переднем сиденье; но я воспринимаю этих парней такими, какие они есть. Оказавшись внутри, я показал ему деньги. Он кивнул на пепельницу — дескать, положи туда — и потом выдал очередную банальность, улыбаясь с поджатыми губами:

— Если хотите, я отвезу вас к ближайшему убежищу,— и быстро добавил, как будто ожидая с моей стороны враждебной реакции: — Нечего храбриться перед лицом того, что на нас надвигается.

— Послушайте, я собираюсь навестить свою девушку,— терпеливо ответил я.— А уж если мне вздумается отправиться в убежище, я воспользуюсь своим *личным* входом.

* По Фаренгейту; около 38 градусов по Цельсию.

Он, наверное, решил, что это шутка. В зеркале заднего обзора я снова увидел эти его поджатые губы. Тем не менее он, казалось, немного расслабился. И сказал тоном светской болтовни:

— Странные люди попадаются в последние месяцы. Естественный отбор дает нам новый взгляд на человеческую расу. Год назад у входа в убежище огромные толпы людей стояли лагерем. Это одна категория. Когда три месяца назад войти в конце концов разрешили, они хлынули внутрь. Потом появились другие категории; психологи насчитывают около сотни различных эмоциональных типов. Ну а сейчас возник особый тип взаимоотношений между мужчинами и женщинами, где мужчина играет нехарактерную для него доминантную роль.— Он помолчал, явно колеблясь.— Можно задать вопрос?

Я удивился.

— Вы оказали мне любезность, согласившись подвезти. Конечно, спрашивайте.

— Почему вы как бы не удручены всем происходящим? — Он взмахнул свободной рукой, охватив этим жестом половину горизонта.— Ну, что кислорода не хватает? Грядет большое изменение. Почему вы не пытаетесь укрыться в безопасном месте?

В терминах здравого смысла это объяснить нелегко. Я и не стал пытаться, просто сказал с сожалением:

— Вы не похожи на школьного учителя, а я не настроен выслушивать лекцию на банальные темы. Может, это годится для ребятишек, но я, знаете ли, уже четырнадцать лет как окончил среднюю школу.

— И все же,— с той же улыбочкой настаивал он,— вы хотите жить.— Он не рассчитывал, что я смогу умереть естественной смертью.— Природа больше Человека; и, уж конечно, она больше одного человека. В виде исключения на этот раз *все* должны объединиться.

Настала моя очередь улыбаться.

— Если все должны,— сказал я,— значит, все будут. В чем проблема?

Он бросил на меня обеспокоенный взгляд.

— Решение о том, что делать, принимали квалифицированные ученые. Некоторые люди выступают против этого решения.— Он говорил все это, наполовину как бы обращаясь к себе, споря с сомневающейся частью собственного сознания.— На этой поздней стадии они ничего не могут сделать. Что вы думаете об этом?

— Я никогда об этом не думал.

И это была правда, потому что все, что я делаю в отношении коварных человеческих существ, всегда носит оборонительный характер. Это они выступают первыми против меня. И тогда проявляется моя защита. Все очень просто.

— В данный момент я хочу нанести визит своей девушке.

Он в недоумении покачал головой.

— Мистер,— сказал он,— вы либо полный идиот, либо в сто раз лучше меня самого. Удачи.

Он высадил меня на улице Моны, помахал рукой из своего мобильного кислородного убежища и укатил. Я двинулся дальше, слегка уязвленный его последними словами и мысленно возражая ему.

«Что я есть,— говорил я себе,— человек, понявший суть проблемы раньше многих других. И потом, я предпочитаю разбираться с неприятностями по мере их поступления... Ради бога, нехватка кислорода станет проблемой только через месяц, вот тогда я и займусь ею. Когда начнется фторный дождь, я вытяну руку, капли упадут на нее, я принюхаюсь к ним — в случае, если к тому времени этим запахом не пропитается вся проклятая Вселенная. И тогда... Ну, настанет время сесть на коня, фигурально выражаясь, и поскакать к моему личному входу в убежище».

Действуя подобным образом, я заработал свой первый миллион, когда мне не было еще и двадцати пяти,— в мире, который катился к закату и почти все остальные сидели в оцепенении. К двадцати восьми я стал одним из самых богатых подрядчиков; на случай, если вы не в курсе, это сфера, в которой можно сделать очень большие деньги, в особенности если вы заблаговременно знаете, где хоронить тела. Естественно, в те прошлые годы приходилось нелегко, не многое удавалось спланировать наперед. Мы, в некотором роде, строим мосты. Оказываем помощь людям через трансформацию. Как только убежище построено, детали того, что происходит дальше,— моя сфера. В основном химические, биологические, медицинские — тысячи молокососов с ясными глазами слушают лекции о том, как делать инъекции препарата, превращающего элементы кислорода в элементы фтора. И забота, и питание во время трансформации.

Прекрасно. Это должно быть сделано. Но не надоедайте мне с этим.

К тому моменту, когда я поднялся в лифте на этаж Моны, я закончил свои размышления. И спустя минуту осторожно вставил ключ в дверь 412-Д.

Я заранее все обдумал. Ласковый разговор успокоит ее, а потом — в постель. Если все получится как надо, на том и конец. Но если нет...

Я не собирался сильно бить Мону. Зачем она мне без своего хорошенького личика и соблазнительного тела? Поэтому действовать грубо не имело смысла. Кроме того, я вообще не сторонник насилия — за исключением тех случаев, когда без него не обойтись. Одна смачная пощечина заставит ее задуматься, и кости останутся целы. Может, немного крови и синяк — чтобы не забывала. Тот, кто знает женщин, поймет, что я собирался действовать исключительно мягко.

Дверь открылась, я вошел внутрь. Остановился, оглядываясь по сторонам; и, должен признать, как всегда оказался под впечатлением абсолютно восхитительного интерьера.

Мои нынешние девушки живут как королевы, и даже те, кому я дал отставку, не бедствуют. Я даю каждой новой возлюбленной карт-бланш во всем, что касается убранства ее жилья. Не сомневайтесь: если подбирать девушек тщательно, они сумеют воссоздать собственную мечту. Мона обладала особым художественным вкусом.

Поэтому я осматривался, искренне очарованный. Но было как-то пусто. Я прошел через роскошную гостиную, заглянул в музыкальную комнату, в библиотеку, проверил кухню и наконец оказался в великолепно отделанной спальне.

Она сделала это! Я опустился на пышную, поистине королевскую постель и позволил поглотить себя безумию того, на что она решилась. И страшно разозлился. Меня не так-то просто вывести из себя. Однако я чувствовал, как жар ярости прихлынул к щекам и разливается по всему телу до самых пяток, словно мне сделали укол витамина В. Я даже почувствовал во рту его вкус. Короче, я был просто вне себя.

— О'кей, бэби, ты сама напросилась,— произнес я вслух.

...Оказавшись внутри убежища, я нацепил свой маленький значок — один из тысячи типов. И, таким образом, стал человеческой молекулой. Люди кишмя кишели во всех коридорах. Для любого, кроме человека вроде меня (который знал, что происходит на всех стадиях строительства), это выглядело как всеобщее столпотворение.

Я прокладывал свой путь вниз на уровень X — поскольку фамилия Моны Хенесси,— точнее, перемещался на скользящей дорожке. Мне нужно было в восточную секцию, именно там располагалось X.

Это потребовало немало времени. Кретин с простецкой физиономией задержал меня на проверочном пункте, изучая

мой пропуск. Однако этот пропуск давал мне очень широкие полномочия. Не VIP — слишком легко поддается проверке. А соответствующее количество вспомогательных разрешений, больше, чем у кого-либо другого в этом бардаке.

Ну, он в конце концов пропустил меня. Неохотно. Некоторым людям просто не нравится форма моей бороды. Именно такое выражение сквозило в его глазах. Но — поделать он ничего не мог.

Оказавшись в зоне X, я всего лишь ввел имя Моны в первый же секционный компьютер, который увидел. На экране тут же возник номер ее комнаты.

Я принес с собой подглядывающее устройство и прикрепил его к стене ее комнаты, выходящей в боковой коридор. Сцена, тут же возникшая на маленьком экране, должна была бы заставить меня насторожиться. Помещение было рассчитано на семью. У Моны не было семьи. Однако она была здесь, одетая точно так, как утром, когда я увидел ее на экране видеофона. С ней был мужчина с прилизанными волосами. Ага, вот в чем, значит, дело.

Бойфренд? Похоже на то. Он взял руки Моны в свои и приник к ней в долгом поцелуе. Наблюдая за ними, я лишь покачивал головой, поражаясь женской природе. Мона пришла сюда не для того, чтобы вдыхать больше кислорода. Она пришла сюда, очарованная широкими плечами и пронзительными черными глазами.

Я разглядел эти глаза, когда он отпустил ее и направился к двери. Насколько я смог определить при таком мелком изображении, ему было лет двадцать шесть — двадцать восемь (Моне двадцать два). В сознании вспыхнул вопрос: они женаты или просто сожительствуют? Свободный мужчина быстро научается распознавать это постоянное стремление женщины завлечь его в семейные сети еще до того, как она сама осознает его. Я всегда старался с самого начала научить своих подружек даже не мечтать о том, чтобы выйти замуж за Арта Аткинса.

Он повернулся к двери, и я смог разглядеть его как следует. То, как он держался, позволило мне воспринять его по-новому. Он излучал определенный, достаточно высокий уровень целеустремленности. Следы власти; я научился распознавать их, пока делал карьеру. Обычно я в таких случаях просто отступал — до тех пор, пока не выяснял, что к чему. Но в таком кавардаке это было невозможно. Я выждал две минуты после того, как он вышел, завернул за угол и позвонил.

Мона открыла дверь.

И, едва увидев меня, попыталась ее закрыть. Но я, конечно, был начеку и успел просунуть в щель ногу. Прорвавшись внутрь, я сказал:

— Не волнуйся. Я просто хочу поговорить с тобой.

Это не в полной мере соответствовало действительности, но не было и откровенной ложью. То, что я обнаружил ее здесь с мужчиной, изменило ситуацию, и с каждым мгновением моя позиция претерпевала дальнейшие изменения — в соответствии с тем, как я обдумывал неприятную реальность того, какого уровня мог быть этот мужчина.

Она продолжала пятиться от меня к двери на кухню. Я неторопливо преследовал ее. Я хотел получить информацию, но не знал, как начать.

Прежде чем я успел приступить к делу, меня кое-что отвлекло. Звук. За спиной. Я молниеносно обернулся. Из коридора, который вел в спальни, вышли несколько мужчин. Со специальным электрошоковым оружием в руках, которое обычно применяет полиция. Когда я повернулся лицом к ним, они остановились тесной группой, разглядывая меня.

Их было пятеро против меня одного. Я остался на месте, держа руки на виду. Мне приходилось слышать, какое воздействие оказывает шоковый пистолет, и мне не хотелось испытать... Дальним уголком сознания я снова отметил, откуда они вышли, и рассудил, что они, скорее всего, проникли сюда через дверь в конце коридора из соседнего помещения. Наверное, мне следовало учесть такую возможность.

Я не испытывал досады на себя. В конце концов, нельзя предусмотреть все. По-видимому, я нарвался на заговорщиков, участников всепланетного сопротивления тому, что собираются предпринять власти. Слухи о подобном заговоре доходили до меня, но до сих пор не было случая, чтобы кто-нибудь из них заинтересовался моей персоной.

Вот так сюрприз!

Двоим из этих людей было за двадцать, двоим за тридцать, а еще одному сорок два — сорок три года. Именно этот человек обрисовал ситуацию в той ее части, которая касалась меня. По его словам, заинтересованные в том, чтобы захватить влиятельного человека моего типа, они использовали Мону в качестве наживки. Я моментально вспомнил вечеринку, где мы с ней познакомились.

— Но там было множество хорошеньких девушек,— возразил я.— Вы хотите сказать, что все они?..

Он кивнул. Его товарищи продолжали без улыбки рассматривать меня.

Я припомнил подробности той вечеринки. Политического раута, фактически организованного одним из местных «шишек». Он, видимо, тоже принимал участие в заговоре и постарался сделать так, чтобы мне стало известно об этом сборище. Я пришел туда исключительно в своих коммерческих интересах.

— Не имело значения,— объяснил мне тот же человек,— на какую из девушек вы обратили бы внимание. Все они были посвящены в наш план помощи дышащему кислородом человечеству.

— Н-но...— Вообще-то я хотел спросить: «Почему именно я?» Но тут у меня возник другой вопрос.— Тем не менее эта роль наверняка предназначалась именно Моне. Она пришла в конце вечеринки и, едва появившись, произвела на меня впечатление. Так и планировалось?

Нет, нет, заверили меня.

Ее появление вообще стало следствием недоразумения. В числе первоначально выдвинутых добровольных «приманок» ее не было. Она и ее жених занимались другим делом, и Мона появилась совершенно неожиданно. Потом уже, когда я обратил на нее внимание, она сама вызвалась развить наши отношения, и это предложение было немедленно принято доведенным до отчаяния главой заговора.

Все эти откровения породили массу вопросов. Главный из них: что делать дальше? В кризисные моменты — а это, несомненно, был один из таких — я, как правило, стараюсь наметить себе достижимую цель.

Что делать, если тебя захватят врасплох?

Я находился в помещении на одну семью, но чертовски маленьком. Пять человек плюс я плюс Мона — вместе получалось многовато. К этому моменту пятеро оттеснили меня к стене; не было никакой возможности проскользнуть между полными решимости вооруженными людьми. К такого рода неравенству в соотношении сил следовало отнестись с уважением.

Значит, попытка прорваться не могла быть моей целью. Шансы на успех равны нулю.

Да, в таком трудном положении я, пожалуй, не оказывался ни разу за всю свою карьеру.

Никакой цели — кроме одной: обрести цель.

А что Мона, с помощью которой эти люди поймали меня? Сейчас она стояла чуть в стороне, и щеки ее заливал яркий румянец... Смущается, подумал я, стыдится.

При виде этого я слегка воспрянул духом, поняв, что передо мной дилетанты. Искренние люди. Калькулятор в моем мозгу быстренько просчитал, какую цену ей пришлось заплатить; по моим подсчетам — учитывая, что она оказалась девственницей, как выяснилось в процессе наших взаимоотношений,— эта цена была огромна. Я посещал каждую из своих девушек четыре раза на протяжении восьми дней; умножьте-ка это на шесть месяцев, и у вас перехватит дыхание. В особенности с позиции жениха, внезапно отошедшего на второй план.

Да, пока я в плену, лучше не оставлять меня наедине с Черноглазым и Широкоплечим.

...Все эти мысли молнией пронеслись в моей голове. Потом, осознав невероятность всего происходящего, я задал вопрос, возникший у меня прежде.

— Но почему? Почему *я?*

В этот момент старший из них выступил вперед. Все-таки забавные существа люди! До того он оставался в группе, как бы идентифицируя себя с остальными и не претендуя на лидерство. Он мог и дальше продолжать эту маленькую игру. Однако сейчас мы добрались до сути, что, слава богу, вызвало у него всплеск нервной энергии. Не отдавая себе в этом отчета, он продемонстрировал, где, как считало его «эго», ему самое место: впереди.

Вам ни за что не вынудить Арта Аткинса выйти из роли, которую он намерен играть. Если потребуется, я могу притворяться до дня Страшного суда. Это еще раз доказывало, что передо мной дилетанты.

Выяснилось, что люди вроде меня рассматривались заговорщиками как способные сыграть решающую роль в надвигающемся кризисе. Другим подсунули своих «Мон», а мною занялись в связи с тем, что мне принадлежало наше местное убежище.

По всей Земле с людьми, владеющими убежищами — другими версиями Арта Аткинса,— произошло сегодня то же самое, что и со мной (их девушки внезапно решили укрыться в убежище, и они отправились разыскивать их).

— Послушайте,— запротестовал я,— единственная причина, почему я последовал за Моной, состояла в...— Мой голос сошел на нет.

Их лидер мрачно улыбнулся.

— ...наличии у вас как мужчины стремления властвовать, сравнимого с тем, которое было присуще дикарям каменного века.

Меня, однако, больше заботило, что я могу сделать. Я покачал головой, отвергая эту аналогию. В конце концов, у меня была одна цель — хорошенько врезать Моне.

Я перешел к тому, что вызывало у меня наибольшее недоумение.

— О'кей, теперь ясно, что я для вас в некотором роде ключ в надвигающемся кризисе. *Но ключ конкретно к чему?*

Все с той же мрачной улыбкой он объяснил мне...

«Конечно,— подумал я.— Неплохо...»

То, что они до этого додумались, говорило в их пользу.

Однако вряд ли они полностью во мне уверены. А что, если я откажусь?

Лидер, видимо, умел читать мысли, потому что улыбнулся, на этот раз обнажив зубы.

— Вы могли бы заметить, мистер Аткинс, что мы люди деловые. Естественно, мы не знаем в точности, что по вашей милости сооружено в этом убежище. Однако Арт Аткинс в Пекине является также министром правительства, и то, что он сделал, в принципе представляет собой кислородный конвертер рядом с огромным резервуаром с водой; в решающий момент эту воду можно освободить и затопить часть убежища. В Берлине Арт Аткинс установил между цистернами с кислородом цистерну с аммиаком, и в решающий момент мы позволим кислороду и аммиаку смешаться. Здесь, в Нью-Йорке, мы имеем...— Он снова обнажил зубы в улыбке.— Мне продолжать?.. В некоторых случаях для получения информации приходится прибегать к пыткам,— поспешно добавил он.

Я вздохнул. Я никогда не относился к числу супергероев. Все, что я хотел, это защитить себя от интриганов, чтобы иметь возможность продолжать заниматься своим бизнесом.

— Мой метод,— сказал я,— состоит в применении одной из этих бомб, в которых происходит цепная реакция, снабженной не меньше чем сотней запальных устройств. Достаточно активизировать одно, и произойдут тысячи взрывов. Почему бомба? Я, знаете ли, предпочитаю вещи попроще.

Когда первое волнение улеглось, они заметно посерьезнели. Зачем я это сделал?

Я мог лишь пожать плечами.

— Поразмышляйте об этом,— сказал я.— Эксперты уверяют, что человечество вынесет биологическую трансформацию. Правы ли они? Может быть. А может быть, и нет.

По мне, ученые всего лишь люди. Часто приходится слышать: «Ученые рекомендуют...» Какие конкретно ученые? Потому что обычно существует другая группа равным образом обученных, опытных экспертов, которые говорят «нет»; только, увы, их губы дальше от начальственного уха.

Мне еще двадцати не исполнилось, а я уже понял, что это был вопрос чистой случайности. Первый огромный успех с животными, потом с человеком, эмбрионы, выращенные на тех лунах Юпитера и Сатурна, которые имеют атмосферу, и, в конце концов, с помощью управления на расстоянии на самом Юпитере — это были головокружительные победы так называемой школы космической биохимии. Биохимики стали королями науки. Это была взлетная площадка для любого химика. И конечно, когда разработали сыворотку Д и ее вариации, превращающие любого взрослого, дышащего кислородом, в дышащего фтором или — это был уже следующий шаг — в дышащего хлором (они действительно вдыхали эти вещества — и выжили), истерия достигла наивысшего размаха.

Однако уже очень давно я встретил эксперта, который сказал:

— Мы слишком торопимся. В данный момент дышащий фтором человек кажется нам величайшим достижением. Но прошло всего сорок два года с момента появления первого из них. Могут быть и побочные эффекты. Почему бы не подождать еще лет тридцать?

На это время (с чем соглашались даже сомневающиеся) кислорода на Земле хватило бы.

Мое собственное ощущение после того, как я задал несколько вопросов астрономам, таково: где-то в космосе могут быть огромные куски замерзшего кислорода, по размеру схожие со фторсодержащими метеоритами, сейчас летающими на близкой к Земле орбите.

Почему не подождать несколько лет, пока они, может быть, будут обнаружены? Тогда это была просто мысль. Она не завладела мной. И тем не менее — с учетом характерной для меня предусмотрительности — взрыв представлял собой возможность, которую не следовало упускать. И это был способ действительно контролировать ситуацию. Постольку поскольку.

Я *всегда* заранее принимаю меры предосторожности. Помню, однажды у меня был контракт со строительным банком. Просто шутки ради, на случай, если когда-нибудь понадобится проникнуть в подвал банка, я сконструировал под ним тайный туннель. В планах этого туннеля нет, да и не собирался я его никогда использовать. Но он меня ждет.

...Я вышел из задумчивости, и тут мне сообщили: они хотят, чтобы завтра в одиннадцать утра я взорвал кислородный агрегат.

Я испугался. Все происходило слишком быстро, и у меня не осталось времени обдумать некоторые существующие факты.

— Со всеми этими людьми рядом? — запротестовал я.

Они не отвечали, просто молча ели меня взглядами. Я смотрел на них, не зная, как выйти из затруднительного положения.

В каком-то смысле проблемы здесь не было. Нечего решать или намечать себе какую-то цель. В общем и целом я сам склонялся к тому, что должен сделать то, что заговорщики хотели от меня. В глубине сознания я чувствовал полное — почти полное? — сопротивление тому, чтобы превратиться из дышащего кислородом в дышащего фтором.

Ох, однако вряд ли я сделал бы что-то вроде этого по собственной воле. И даже сейчас немного трусил при мысли, что погибнут люди. Но, спорил я сам с собой, люди умирают каждый день либо от нехватки кислорода, либо от психических перегрузок, вызванных надвигающимся кризисом.

Принимал ли я решение, стоя там?

Это не казалось проблемой выбора решения.

У меня не было выбора. Если я откажусь, меня подвергнут пыткам, в этом я не сомневался. И у них впереди ночь и день, чтобы втыкать в меня свои иглы.

Я снова и снова вглядывался в их лица, и они молча смотрели на меня.

Довольно нелепо, подумалось мне, когда человека принуждают сделать что-то, против чего он и сам не возражает.

Тем не менее существовали важные и, мягко говоря, неприятные аспекты, которые следовало обсудить открыто.

В моем взгляде появился оттенок вопроса.

По выражению их физиономий было ясно, что они не настроены выслушивать какие бы то ни было возражения. Поэтому я был краток.

— Они все восстановят. И в следующий раз установить бомбу не удастся.

Лидер нетерпеливо отмахнулся. На это уйдет год, два, даже, возможно, три.

— К тому времени мы придумаем что-нибудь еще.

Я молчал.

Они восприняли это как знак согласия, и, должен признаться себе самому, так оно и было.

Начали обсуждать детали. Похоже, дружок Моны сумел проникнуть в высшие круги. Это ему предстояло провести меня через охранную систему, защищающую кислородные агрегаты.

Когда я это услышал, меня затошнило.

— Могу я поговорить с Моной? — спросил я в конце концов.

Никто не возражал. Я подошел к ней. Все время, пока мы разговаривали, она избегала моего взгляда. Однако ответила на все вопросы.

— Как его зовут?

— Теренс О'Дэй.

Имя этой семьи было мне известно. Крупные местные политики. Однако мне приходилось слышать об отце, не о сыне.

— Он ревновал?

— Он сказал, что у него уже были девушки до встречи со мной. Поэтому вполне честно, если у меня будет другой мужчина, и даже не один...— Она быстро добавила: — Он разозлился на меня, что я появилась там так рано, но, раз это уже случилось, покорился обстоятельствам.

Казалось, она простодушно — как это свойственно девушкам и женщинам — верила в это. Естественно, я полностью отверг ее объяснения. Одно не вызывало сомнений: у бедняги не было выбора, после того как она совершила ошибку.

— Ты увидишься с ним до одиннадцати завтрашнего дня? — спросил я.

— Сегодня вечером,— неохотно, отвернувшись, ответила она.

Во мне вспыхнула ревность. Что-то в ее лице подсказывало, что она проведет с ним ночь.

(Те, кто смотрит со стороны, уверены, что мужчину, имеющего четырех возлюбленных, не волнует, с кем они проводят свободное время. Ну, они ошибаются.)

— Ты останешься на ночь в этой квартире под охраной,— сказала Мона.— А я буду...— вызывающе,— с Теренсом.

Я сумел взять себя в руки и сказал с жаром:

— Хочу, чтобы ты объяснила ему, что я сожалею о случившемся. Что я никогда сознательно не флиртую с женами и подругами других мужчин.

Это не совсем соответствовало действительности. Где найдешь хорошенькую девушку старше четырнадцати, чтобы у нее не было парня? Однако важно было солгать убедительно.

— Ты передашь ему это?

— Да, передам,— ответила Мона. До нее, похоже, только сейчас дошло, почему я заговорил об этом.— Ты можешь доверять ему, поверь мне. Ты, наверное, думаешь о жертве, которую он принес, позволив мне...— Она порывисто повернулась и положила руку мне на плечо.— Удачи, Арт. Пожалуйста, не подведи нас.

Однако в глаза мне она по-прежнему не глядела. Ну, я повернулся к мужчинам, пожал плечами и спросил:

— А вы как считаете?

Старший промолчал. Ответил один из тех, которым было за тридцать:

— Он с нами с самого начала. Он принес в жертву делу свою девушку. Какие вам еще нужны доказательства?

Пришлось согласиться, пусть даже против воли.

— Я рассказал вам о своих предварительных приготовлениях,— сказал я,— но они были сделаны без расчета на конкретный план. Одно скажу: если я не смогу добраться до пускового механизма, тогда все. Никакого другого способа я не знаю.

На следующий день я действовал, как мы договорились. Проявляя несвойственную мне неуклюжесть, налетал на людей и видел, как Теренс каждый раз скрипит зубами, проходя мимо, точно мы не знакомы. В эту игру мы играли с самого начала, по его предложению. На случай, если столкнемся с чем-то важным. Дважды я останавливался, а один раз даже упал; во всех случаях Теренс обогнал меня на двадцать футов, с небрежным видом остановился, медленно повернулся и дождался, пока я снова окажусь впереди.

В данный момент, по моим оценкам, до емкости с кислородом оставалось меньше двухсот ярдов — совсем недалеко от того места, где я установил пусковой механизм. И тем не менее никаких признаков охраны. Может, хваленая система безопасности просто миф? Спустя несколько секунд я завернул за угол...

И услышал быстрые шаги. Меня крепко обхватили сзади, сжали запястья, завели руки за спину и соединили их. Сначала я автоматически оцепенел, но к этому моменту уже расслабился.

На запястьях защелкнули наручники. Я сдержал порыв повернуться и посмотреть, схватили ли Теренса. И поступил так потому, что на самом деле это не имело никакого значения; факт оставался фактом — это была ловушка, и именно он заманил меня в нее.

Внезапно меня озарило. Может, в этот момент по всему миру были схвачены около двадцати других «Артов Аткинсов», усилиями стольких же «Теренсов». Мне было сказано, что сегодняшняя акция должна состояться во всех двадцати трех больших убежищах. Заговорщики полагали, что, если все они будут уничтожены (а вместе с ними больше тридцати миллионов человек), угроза трансформации людей в дышащих фтором исчезнет.

Поскольку меня не убили сразу, я подумал, что предстоит очная ставка,— и невольно улыбнулся. Бедные глупцы! Думают, что они могут перехитрить Арта Аткинса, прибегая к таким элементарным тактическим приемам.

Больше размышлять мне не дали, погнав по коридору. Вместе со мной бежали не меньше дюжины человек.

Так же неожиданно, как начали, мы остановились. Открылась дверь, свет выплеснулся в коридор. Меня втолкнули в большую, ярко освещенную комнату.

— Черт, всегда есть кто-то, кто живет лучше.

Нет, жаловаться я не имел оснований. Все эти годы я жил как король. Однако здесь, в убежище, комнаты были крошечные, и в огромных общих спальнях нижних уровней каждый человек мог рассчитывать лишь на койку, которые располагались ярусами.

Комната, где я оказался, выглядела жилой. Здесь стояли диваны и резные столы, а с одной стороны возвышался помост, крытый ковром,— комбинация музыкальной комнаты и библиотеки. Правда, кое-что на этом помосте казалось неуместным: на него втиснули стол для совещаний, за которым сидели четыре холеных старца.

Через полуоткрытую дверь я успел мельком разглядеть другие комнаты и в одной из них молодое женское лицо. Дверь тут же закрыли. Но здесь, несомненно, жил кто-то, кому было даровано право иметь гостиную шестьдесят футов на сорок и спальню под стать.

Меня подвели к основанию помоста. И теперь, впервые после поимки, я снова увидел Теренса.

Без наручников.

Он стоял справа от меня, с бледной, циничной улыбкой на лице. Одежда в полном порядке. Ясное дело, никто не пинал его.

— Я ни на мгновение не выпускал его из виду,— сказал Теренс, обращаясь к сидящим за столом,— и он не имел

возможности ничего сделать. Кроме того...— презрительно,— он трус. Мне приходилось видеть перепуганных насмерть людей, но этот парень так слаб в коленях, что едва мог стоять.

Один из сидящих на помосте, с холодным лицом и суровыми серыми глазами, пристально разглядывал меня. Он был в цивильной одежде, но манера держаться выдавала в нем военного. Я никогда прежде его не видел.

— Мистер Аткинс, я генерал Питер Симонвилл,— звучным голосом произнес он.— Глядя на вас, я вижу хладнокровного, решительного мужчину около шести футов ростом. Я вижу в ваших глазах то же выражение жалости к себе, которое привык видеть в глазах своего старшего сына. Однако женщины гоняются за ним, и, насколько я могу судить, вы тоже из тех, кого они называют «настоящими мужчинами». Ни разу не видел своего сына испуганным, и в ваших глазах также нет страха. Мой вопрос таков: вы имели возможность включить пусковое устройство бомбы?

— Нет! — соврал я.

Генерал бросил взгляд на Теренса О'Дэя.

— Сейчас,— он посмотрел на свои часы,— без двадцати одной минуты одиннадцать. У нас пять минут на то, чтобы вытянуть из него информацию, и еще шестнадцать, чтобы предотвратить взрыв. Вполне хватит.— Он перевел взгляд на меня: — Отдаю вас в руки вашего соперника, мистер Аткинс. И, должен сказать, он получил от меня карт-бланш.

Крутой человек генерал Симонвилл — я вынужден был признать это. Но я молчал, просто следил взглядом, как Теренс поднимается на помост, обходит стол и садится. Взгляд его черных глаз впился в меня.

— Выбросите из головы всякую мысль о разрушении системы,— заявил он.— Неужели не понятно, что такой секрет невозможно утаить? Власти вот уже три-четыре года знают о бомбе, просто им было неизвестно, кто ее установил.

Я стоял и слушал. Кто они такие, чтобы воображать, будто имеют право учить других? Такого рода чушь я понимал, когда мне было еще шестнадцать. Никакой секрет невозможно утаить. Конечно. Подумаешь, новость! Пусть себе выплывает наружу, и пусть эти кретины тайно торжествуют победу, и пусть принимают всякие меры вроде удаления запалов и взрывчатки. Тем временем там, где на самом деле установлена бомба...

Я невольно улыбнулся и покачал головой.

Пронзительный взгляд генерала Симонвилла, казалось, проник в мои мысли.

— Послушайте, Арт,— сказал он льстиво,— все, что мы нашли, не то, да? Мы не слишком преуспели, верно?

Пока он говорил это, я внезапно кое-что понял... Ради Пита, я нашел решение.

Никто ничего не может сделать, вот что до меня дошло. На применение пыток ко мне у них не хватит времени. Может, шестьсот, а может, семьсот секунд. Значит, им не повезло, если только я не сделаю поворот на сто восемьдесят градусов.

— Мы захватили Мону? — спросил Теренс О'Дэй.

Я пожал плечами. Маленькая шпионка.

И только тут до меня дошло, кто это сказал.

— Почему вы?..— запоздало среагировал я.

— Как только мы с вами покинули комнату, где вы провели ночь, военные захватили тех пятерых заговорщиков,— продолжал Теренс.— И Мону тоже. Все шестеро преступников были брошены в помещение, где находятся плантации выделяющих кислород растений. Если кислородный агрегат взлетит на воздух, то они взлетят тоже.

Перед моим внутренним взором возникла Мона. Золотистые волосы обрамляют лицо. Пройдет несколько минут, и нежное тело, так гармонирующее с прекрасным лицом, разлетится на тысячи кусочков, и все вокруг будет забрызгано ее кровью.

Это зрелище медленно погасло в моем сознании. С какой стати меня должно беспокоить, что случится с... обманщицей. Это ничего не меняло. Но я сказал лишь:

— Она ваша девушка, не моя, мистер О'Дэй.

Его лицо внезапно стало мертвенно-бледным.

— Дрянь! — взорвался он.— Пусть маленькая шлюха сгорит заживо!

Я широко распахнул глаза, глядя на него; в голове билась одна мысль. Женщины, которые связываются с людьми типа Арта Аткинса, впоследствии никогда не опускаются до заурядных мужчин.

— Эй! — сказал я.— Спорю, она не спала с вами этой ночью.

Мерзко было так говорить. Но что делать, если тебя загнали в мерзкую ситуацию?

Хорошо, что взгляд черных глаз не убивает, иначе я уже был бы мертв.

Должен признать, что, когда я глядел на это красивое лицо, искаженное ненавистью и ревностью, внутри меня начал нарастать гнев. Торопливо, чувствуя, что слабость мо-

жет изменить мое решение, я постарался обозлить Теренса О'Дэя еще больше.

— Это тоже игра — то, что он якобы возмущен ее поведением? Часть игры, задуманной, чтобы ввести меня в заблуждение?

Все это было ни к чему. Несмотря на все усилия, перед моим внутренним взором продолжало маячить зрелище охваченных пламенем золотистых кудрей и разлетающегося на клочки прекрасного лица. А, черт с ними! Может, для них это и игра, но для меня все это слишком грубо.

— Послушайте! — воскликнул я.— Вы отпустите заговорщиков, захваченных в этом убежище, если я скажу, где спрятана бомба?

Заметьте, как неточно я сформулировал свою мысль. Позднее они использовали это против меня: я не относился к числу заговорщиков.

В комнате стало так тихо, словно все перестали даже дышать. Потом...

— *Да!*— Голос генерала Симонвилла прозвучал в тишине подобно раскату грома.

Я поверил ему. Просто не было времени получить доказательства или составить письменный договор. И они выполнили свое обещание, *буквально.*

Нельзя было терять ни минуты. Я и двое инженеров рванули, как сумасшедшие, в то место коридора, где я споткнулся около стены. Пусковая система снова была переведена в безопасное положение, и на протяжении двух последующих дней — пока, с моей помощью, они вытаскивали взрывчатку из настоящей бомбы — они не проявляли никаких признаков того, что со мной будут обращаться иначе, чем с другими. Потом...

Потом дело было сделано.

Мне вручили бумагу с официальной печатью, которая начиналась следующим образом:

«Объединенное правительство Земли сим постановляет, что...»

Мое имущество конфискуется, ни одно человеческое существо не должно никогда больше общаться со мной.

Сжимая в руке бумагу, я выбежал на улицу.

Я был объявлен тем самым сукиным сыном, который еще четыре года назад задумал уничтожить человечество.

— Послушайте,— протестовал я,— я вовсе не потому установил эту бомбу. Просто я *всегда* действую подобным образом...

Никто меня не слушал. Никого это не волновало. К черту Арта Аткинса. Все вокруг были в ярости из-за того, что мир оказался «на грани» гибели.

Надо полагать, с двадцатью двумя парнями в других убежищах обошлись точно так же.

Выбрасывая меня оттуда, мне сказали вот что:

— Не воображай, будто во второй раз проникнешь сюда через свой личный вход.

— О'кей, простаки, можете взглянуть на меня в последний раз. Больше вы меня не увидите.

Черт, едва выйдя из тумана детства, я все время ждал, что мир ополчится против меня. Всегда знал, что «господа такие-то» не любят меня.

И, едва выросши из детских штанишек, начал создавать для себя другую легенду, готовясь к тому дню, когда за мной придут. Зачем, как вы думаете, я начал отращивать бороду, когда мне было шестнадцать, фактически над телом умершей матери? Я хотел, чтобы никто, даже она, не помнил, что когда-то у меня было чисто выбритое лицо.

...Прошло два года.

Говорят, фторный дождь прекратился.

Глубоко в недрах большого кислородного убежища в мою дверь постучали. Я догадался, кто это, и сказал Моне:

— Открой.

Она послушалась. Там стоял генерал Симонвилл. На его холодном лице застыла вынужденная улыбка. Он сказал преувеличенно сердечным тоном:

— Обитатели вашей секции выиграли в лотерею право первыми в этом убежище получить инъекцию.

Я воспринял сказанное, будто так и надо. Остальные — вполне возможно — были действительно отобраны с помощью лотереи. Но во всех случаях номер один оставался за мной.

Генерал сделал шаг в сторону, и три девушки вкатили оборудование: металлический стол с большой прозрачной банкой, в которой плескалась жидкость. Это и есть сыворотка, решил я. От банки отходило множество трубок с иглами.

Я лежал, девушки обрабатывали мое обнаженное бедро, и тут мой взгляд встретился со взглядом генерала Симонвилла.

— Все в порядке? — спросил он.

Его вопрос имел двойной смысл, и я хорошенько подумал, прежде чем ответить. После того как я сбрил бороду и

изменил отпечатки пальцев, проблема состояла в том, чтобы проникнуть в убежище.

Ну, я посчитал, что человек, имеющий личный вход в банковский подвал, может для начала ограничиться, скажем, сотней тысяч долларов. Такие деньги наличными, казалось мне, смогут убедить генерала,— который, не колеблясь, позволил себе иметь роскошные апартаменты,— открыть мне ворота и подыскать скромное местечко, где я мог бы жить в стороне от всего, вместе с Моной. В такой компании, рассуждал я, мне удастся пересидеть все ливни и ураганы с относительным комфортом. Вручая деньги, я также поставил условием, что буду трансформирован первым.

Вторую сотню тысяч долларов я обещал ему, если выживу...

Взгляд метнулся к игле, входящей в тело. Проснусь ли? Достаточно ли я ему предложил?

Я ведь могу обчистить весь банк. Поскольку правительство гарантирует компенсацию потерь, возникших в результате ограбления, банк получит свои денежки обратно... Мой план состоит в том, чтобы вернуть себе все, чего меня лишили.

Я поднял взгляд.

— Все в порядке, генерал. По крайней мере, с моей стороны.

— И с моей тоже,— ответил он.

Люди надеются, что, когда человечество станет дышать фтором, это изменит их к лучшему. Я же придерживаюсь того мнения, что, чем ни дыши, не стоит рассчитывать, что эти странные двуногие существа изменят свою манеру поведения.

Я медленно уплывал в бессознательное состояние, надеясь, что слова генерала означают в точности то, что я думаю. И что я проснусь. Проснусь. Проснусь.

И стану первым фтородышащим сукиным сыном новой Земли.

Ах эти любящие андроиды!

Полиция быстро явилась по аварийному вызову андроида, и «скорая помощь» увезла Аниту Коупленд, впавшую в бессознательное состояние из-за передозировки снотворного.

Полицейский офицер А. Саттер отметил в своем отчете, что этот андроид — позвонивший им — удивительно похож на человека по своей манере держаться.

«В этой модели, хотя и дорогой, но в остальном мало отличающейся от прочих,— писал он,— отсутствует даже легкий наклон вперед, характерный для серийных андроидов. Мне никогда не приходилось слышать о создании столь мастерски сделанных андроидов».

Выслушав всю историю, Саттер и его напарник оказались в затруднительном положении.

— Ну-у-у,— с сомнением протянул офицер Дж. Блэк, пока Саттер продолжал яростно строчить,— это вроде бы законно, и все же есть какой-то мерзкий трюк в том, что он подсунул жене андроида, внешне похожего на себя, ничего не сказав ей об этом.

— У нее есть родственники? — спросил Саттер андроида.

— Брат,— последовал ответ.— Однако от него вряд ли можно ждать помощи. Он считает сестру ненормальной.

— Тебе о нем что-нибудь известно? — продолжал допытываться Саттер.

— Да. Его зовут Дэн Тайлер. Он физик на службе у правительства.

Андроид знал и адрес, и номер телефона. Офицер Блэк набрал номер и, к счастью, сразу же дозвонился.

Оказавшись в гостиной сестры, Дэн увидел там двух полицейских и своего зятя, Питера Коупленда.

По крайней мере, он думал, что это его зять, и сказал:

— Привет, Питер.

Питер поклонился со слабой, циничной улыбкой, но не произнес ни слова.

Один из офицеров выступил вперед и суровым тоном спросил Питера:

— Ты осознаешь, что только что поддержал ложное впечатление, будто ты и есть настоящий Питер Коупленд?

— Я Питер II,— последовал спокойный ответ,— и запрограммирован действовать, как если бы был Питером I. Сам я не в состоянии отменить этот приказ.

Вот так сюрприз!

Первая ниточка!

Дэн стоял совершенно спокойно, стараясь не выдать, какая это для него неслыханная удача.

Вот уже больше года он выполнял тайное задание, суть которого сводилась к выяснению того, что происходит среди андроидов.

Что-то происходило — правительство понимало это. Но что?

Ни он, ни его начальники никогда даже не подозревали, что существуют столь совершенные андроиды.

Обычно андроиды — а их насчитывались уже десятки миллионов — имели лицо, тело, конечности, искусственную плоть и кожу, практически неотличимые от человеческих. Однако то, как они стояли, ходили и поворачивались, сразу же выдавало их происхождение.

У данного андроида, однако, отсутствовали эти характерные особенности.

Едва осознав, с чем столкнулся, Дэн потрясенно подумал: это суперандроид!

И все же *андроид*, а потому, несмотря на все внешние атрибуты человечности, он имел электронно-механическую структуру.

— В чем все-таки дело? — спросил Дэн.

Когда он услышал, что случилось, его бледное лицо вспыхнуло от ярости, худое тело оцепенело.

— Известно, где этот... так его растак? Я вышибу ему мозги!

— Вы имеете в виду мужа Аниты, Питера? Где он? — вежливо спросил андроид, вынул из кармана бумажник и извлек из него карточку.— Питер запретил мне разглашать свой адрес, но, естественно, на полицию этот запрет не распространяется.

Он вручил карточку офицеру Саттеру. Дэн Тайлер попытался выхватить ее, но полицейский помешал ему.

— Только после того, как вы успокоитесь, мистер Тайлер,— увещевающим тоном сказал он.

Роль возмущенного брата явно не оправдывала себя. Однако Дэн соображал быстро, и присутствие полиции натолкнуло его на новую мысль. Он записал имена обоих офицеров и их идентификационные номера с намерением, используя свое влияние, добиться, чтобы один из них помогал ему в ближайшее время в расследовании.

Потом Дэн посмотрел на андроида.

— Поскольку я единственный имеющийся в наличии родственник, а ты — ценное имущество, думаю, тебя следует поместить на хранение до тех пор, пока все разъяснится.

Двойник Питера вежливо поклонился.

— Мой упаковочный ящик в подвале. Хотите пройти со мной?

В качестве меры предосторожности Дэн предложил Саттеру сопровождать их. Несколько минут спустя они стояли, глядя, как андроид вертит в руках пульт управления, щелкает им и откидывается в свой похожий на гроб ящик.

Саттер помог Дэну опустить крышку. Пока он поднимался по лестнице, Дэн достал маленький прибор, который носил с собой, и некоторое время изучал его показания.

Прибор свидетельствовал, что суперандроид не был выключен полностью. Он выжидал, лежа в своем ящике.

Хмуро улыбнувшись, Дэн поднялся наверх, вместе с полицейскими вышел из дома и запер дверь. Проводил их до машины, посмотрел, как они взлетели, сел в свою машину и взмыл в ночное небо — но тут же снова приземлился, на этот раз на улице, находящейся на расстоянии сотни ярдов.

Спустя час дверь открылась, показался андроид Питер. Зафиксировав человекоподобную фигуру на панели своего чувствительного прибора, Дэн тщательно прицелился и выстрелил из энергетического пистолета.

Его машина на высокой скорости подлетела к телу и остановилась. Дэн вышел, втащил тело в машину и взлетел.

Вообще-то у него было много дел этой ночью. Но человеческий долг прежде всего, и он провел долгие часы в своей машине рядом с больницей, куда доставили его сестру. Ближе к полудню на следующий день, когда он в энный раз подошел к окошку, секретарша вздохнула, набрала номер и указала на телефон на письменном столе.

— Возьмите трубку. С вами будет говорить ее психиатр.

Дэн так и сделал. Мужской голос сказал:

— По требованию Аниты посещения на некоторое время запрещены.

— Я ее брат.

— Она подчеркнула, что в особенности не хочет видеть никаких родственников.

Поскольку, не считая мужа, Дэн был ее единственным родственником, в нем взыграл братский гнев, подспудно тлеющий с тех времен, когда они были детьми. По счастью, за долгие годы существования этого рассудочно-нервного комплекса выработался и механизм его торможения. Что помогло Дэну вспомнить: Анита, скорее всего, серьезно больна, и это необходимо учитывать.

— Как по-вашему, когда?..— только и спросил он.

— Она сказала, что позвонит вам.

В тот же день полицейский Саттер заметно оживился, услышав из уст инспектора Инграта:

— Уф, продолжайте заниматься этим делом, констебль, пока, уф, проблема угрозы со стороны брата не будет устранена. Постарайтесь найти сбежавшего мужа, Питера Коупленда, и передайте, что его зять в ярости.

Саттер позвонил по личному номеру, полученному от андроида. Мужской голос произнес:

— Да, офицер, это Питер Коупленд.

Саттер рассказал ему о случившемся.

— Думаю, будет лучше, если Дэн приедет сюда и выслушает, так сказать, другую сторону,— ответил голос.— В вашем присутствии, разумеется. Почему бы вам не сопроводить его ко мне, офицер?

В результате Дэн Тайлер и Саттер прилетели на фабрику Коупленда и были немедленно введены в его рабочий кабинет.

«Ростом этот человек был чуть больше пяти футов,— писал позднее Саттер,— и, естественно, показался мне знакомым, поскольку андроид, которого я видел прошлой ночью в доме Аниты Коупленд, был его точной копией».

Дальше в отчете было сказано, что Саттер сел и «приготовился выступить в роли посредника».

Питер Коупленд прервал молчание первым и, судя по тону, явно с настроением умиротворить шурина.

— Я очень рад тебя видеть, Дэн. И понимаю, что обязан дать тебе кое-какие объяснения. Довольно трудно говорить

с братом о его сестре, если брату никогда даже в голову не приходило, насколько безрассудна может быть эта женщина.

— Если мужчина и женщина не ладят друг с другом,— угрюмо ответил Дэн Тайлер,— им лучше разойтись.

Питер Коупленд отрывисто рассмеялся:

— Шутишь?

Затем, согласно отчету Саттера, Питер обрисовал Аниту как «истеричку, которая, образно говоря, приставила пистолет к своему виску и пригрозила выстрелить при малейшем намеке на то, что муж не выполнит в точности все ее требования».

Кое-что из этих требований Саттер почти дословно передал в своем отчете.

«Она настаивала на том, что я должен принадлежать ей целиком, и телом, и душой. Ей требовалась не только материя, но и дух. Она звонила мне в офис дюжину раз на дню. Не успевал я и глазом моргнуть, как она уже звонила снова. Однажды, когда ее звонок в третий раз прервал важное совещание, я понял, что нужно что-то делать. Сначала возникла мысль просто обзавестись андроидом, который вместо меня будет отвечать на ее звонки. Остальное — позволить андроиду заменять меня и дома — пришло позднее».

— Ничего себе «остальное»! — воскликнул Дэн.— Это неслыханно!

— Выслушай меня...

Позднее Анита не смогла бы точно вспомнить, когда именно произошла подмена.

Как бы то ни было, жизнь стала... нормальной.

Вообще-то Анита легко раздражалась. И вдруг однажды до нее дошло, что муж не возражает ей, как она ожидала, не высказывает собственных мнений, соглашается с любым ее планом и готов выполнить каждый.

— Все, что ни пожелает твое маленькое сердечко,— беззаботно говорил он.

Однажды в ответ на это Анита не выдержала.

— Ты разговариваешь со мной как с ребенком! — завизжала она.

— Андроид рассказал мне об этом инциденте,— продолжал Питер Коупленд,— и я воспринял его как вызов. Решил действовать более гибко и перепрограммировать робота так, чтобы он исполнял *абсолютно все* ее желания. Мне просто стало интересно, сколько и чего женщина-неврастеничка может потребовать от мужа,— а к этому времени я уже не сомне-

вался, что имею дело с худшим вариантом невротического типа всех времен и народов.

Он помолчал. Его лицо исказилось; казалось, он старается прогнать печаль.

— Как могло случиться, что хороший мужик вроде меня связался с такой женщиной!

Справившись с собой, он заговорил снова.

— Чтобы разрешить эту проблему,— а до сих пор Питер II использовал всего одно предложение, уже упомянутое выше,— я вспомнил цитату не то из книги, не то из какого-то фильма: «Любое твое желание для меня закон». Позже я добавил к нему еще три изречения, предоставив андроиду самому решать, какое употреблять в каждом конкретном случае. Вот они: «Ты всегда придумаешь что-нибудь интересное», «Так мы и сделаем», «Будет очень приятно принять в этом участие». Мой план начал осуществляться, и я был просто потрясен тем, что ей, казалось, даже в голову не приходило, как это ни странно, что сам я никогда не выказываю никаких желаний. Словно это в порядке вещей — чтобы мне нравилось то же самое, что и ей. Если бы я рассказал тебе обо всем, что происходило, ты бы не поверил мне,— продолжал Питер.— Она начала давать мне бесконечные поручения, которые я должен был выполнить в течение дня. В результате андроид только и делал, что следовал ее инструкциям. Но — и прошу это отметить! — она продолжала по двенадцать раз на день звонить мне в офис, и я снова оказался прикован к телефону. Тогда мне пришло в голову заказать еще одного такого же андроида.

Полицейский написал в отчете: «После этих слов мистер Коупленд поднялся, подошел к двери позади письменного стола, открыл ее и сказал: "Питер III, прошу". Оттуда вышел точный его двойник, поклонился с бледной, насмешливой улыбкой и произнес: "К вашим услугам, джентльмены"».

— Расскажи-ка мистеру Тайлеру и мистеру Саттеру, в чем состояли твои обязанности,— попросил Питер.

— По большей части я просто сидел в соседней комнате и отвечал на звонки миссис Коупленд.

— Можешь прикинуть, сколько в среднем ты был занят у телефона?

— От семи до семи с половиной часов ежедневно.

— А сколько у нас продолжается рабочий день?

— Включая время на ланч, семь с половиной часов.

— А что все это время делал Питер II?

— Ходил по магазинам для миссис Коупленд.

— А я?

— Вы работали здесь, за столом, если не считать тех случаев, когда...

— Это не имеет значения! — торопливо прервал андроида Питер.

— Как скажете, сэр,— многозначительно ответил Питер III.

— Мне кажется, это очень важная оплошность,— резко заявил Дэн Тайлер.— Теперь передо мной начинает вырисовываться вся картина. Другая женщина, да?

Питер вздохнул.

— Ладно, рано или поздно это должно было выплыть наружу. Но началось все гораздо позже, клянусь!

Именно такого момента Дэн Тайлер и дожидался: когда некая психологическая дверь в сознании Питера внезапно распахнется под влиянием сильных эмоций.

Он встал и заявил злобно:

— Не желаю больше слушать этого изменника!

— Ради бога, Дэн,— сказал Питер,— будь благоразумен. Ты же ученый. Рассматривай то, что со мной произошло, с позиций чистой логики.

— Где ты достал таких необычных андроидов? — прошипел Дэн.— Я знаю людей, у которых есть один, но чтобы два!

Питер застенчиво улыбнулся.

— Каждый из них обошелся мне в восемнадцать тысяч долларов. Слушай, я буду искренен. Поверь, Дэн, это была серьезная проблема.

— Но кто их продает?

— О, есть тут одна компания. Продавец андроидов приходит к тебе в офис. Ты думаешь, он человек — пока он сам не признается, что это не так. Поначалу я даже с трудом поверил ему.

— Но как они узнали, что ты потенциальный покупатель? Ко мне вот никто не приходил.

— Ну-у-у...— Питер помолчал с хмурым видом.— На самом деле на этот вопрос я не знаю ответа. Однажды утром он появился, и сперва я даже не очень ему обрадовался. Мелькнула мысль, что это нелегально. Полагаю, тебе, как государственному служащему, будет нетрудно отследить его связи.

— А как к тебе попал второй андроид? — спросил Дэн.— Продавец зашел снова?

— Да. Для проверки,— объяснил он.

— И появился как раз тогда, когда тебе в голову пришло купить второго андроида?

— Все правильно.

— Ты, наверное, намекнул?..

— Не глупи. Кому я мог намекнуть?

Внезапно Дэн понял, что Питер о многом умалчивает.

— Все это не имеет значения! — взорвался он.— Не воображай, что тебе удастся изменить мое отношение, уведя разговор в сторону.

— Но ведь это ты сам увел его в сторону! — возразил Питер.

— Я все расскажу сестре! — рявкнул Дэн.— И больше ты тут не отсидишься!

С этими словами он вышел, испытывая удовольствие от того, что сумел выяснить ключевые моменты.

Саттер позднее записал в своем отчете: «Я остался и обсудил с Питером, насколько реальны эти угрозы. Он не воспринял их всерьез. Он также отказался обсуждать свои взаимоотношения с другой женщиной, заявив, что это не любовь и, следовательно, не должно рассматриваться как имеющий значение фактор».

На протяжении двух дней, дожидаясь сообщения от сестры или о ней, Дэн разобрал и изучил «мертвого» андроида, потом собрал его снова и вернул в ящик в доме Питера.

Прежде чем уйти, он установил над ящиком скрытую камеру и настроил ее на автоматическое включение всякий раз, когда кто-то окажется в поле обзора.

На утро третьего дня ему сообщили, что сестра выписалась из больницы. Дэн разозлился и потребовал соединить его с психиатром Аниты.

— Минуточку,— произнес женский голос. Последовала пауза.— Сожалею, но доктор Шнейтер не видит смысла в разговоре с вами.

— Шнейтер-Швейтер! — воскликнул Дэн.— Передайте доктору Шнейтеру, что я из него всю кровь высосу за то, что он отпустил девочку, не проконсультировавшись со мной.

И шмякнул на место телефонную трубку.

Сразу же после этого разговора он связался с офицером Саттером. Судя по изображению на экране, тот в данный момент находился в полицейской машине где-то над городом.

— Скажите, я прав, полагая, что все должны сообщать об изменении своего адреса немедленно? И что человек, сдающий комнаты в аренду, тоже должен уведомлять о новом

постояльце полицию? — спросил Дэн.— И если да, то можете вы выяснить для меня один адресок?

Вопрос был чисто риторический. Дэн знал о существовании этой системы и, потратив некоторое время, без сомнения, смог бы получить нужную ему информацию через свое агентство. Однако он предпочитал действовать неофициально. В его расследовании Анита пока была едва ли не самой главной «ниточкой».

Как он и рассчитывал, Саттер не стал отрицать, что система учета существует, и добавил, что, учитывая все обстоятельства, мог бы добыть желаемую информацию, хотя на это уйдет некоторое время.

Прошло двадцать четыре часа, прежде чем инспектор Инграт склонил к столу голову и выдал Саттеру санкцию на то, чтобы сообщить адрес. Все это время Дэн Тайлер искал сестру по магазинам и другим ее излюбленным местам — но тщетно. А когда он в конце концов получил адрес, ее на месте не оказалось. Консьержка в доме сказала:

— Она редко сидит у себя... Ниже по улице есть бар. Думаю, она там.

На пухлом лице отчетливо проступило выражение осуждения.

Анита нервными глотками пила какую-то дрянь из высокого стакана, когда на стул рядом с ней опустился Дэн. Сначала она не замечала его, а когда наконец поняла, что на соседнем стуле кто-то сидит, то спросила, не оглядываясь:

— Ты нарочно сел рядом со мной?

Голос у нее звучал напряженно, лицо пылало; скорее всего, она выпила слишком много. И похоже, так и не поняла, к кому обращается.

Дэн Тайлер лишь кивнул, не решаясь заговорить. В мгновение ока все его приятие того, о чем рассказал Питер — а он верил Питеру,— растворилось в сочувствии сестре.

По-прежнему не глядя на него, Анита заговорила снова:

— Хочешь «снять» меня? Ищешь женщину? Ладно, я не против.

У Дэна перехватило дыхание.

— *Анита!*

Вот теперь она повернулась и посмотрела на него. Глаза у нее расширились, она заключила брата в объятия.

— Ох, господи, Дэн! — воскликнула она.— Ты так мне нужен! Где ты пропадал?

Дэн мягко освободился. К несчастью, слова сестры напомнили ему об одной ее особенности, на которую жаловался Питер: умении одной-двумя фразами перекладывать свою вину на другого.

Он припомнил все: как она отказывалась увидеться с ним в больнице, как выписалась оттуда, не сообщив ему об этом, как позже исчезла и как он разыскивал ее. И вот теперь она обвиняет *его* в том, что *он* не поддержал ее, хотя сама вела себя и впрямь как помешанная.

Прежде — до этой последней истории с Питером — он, может, и не придал бы ее словам особого значения, просто тут же выкинул бы их из головы, как частенько поступал, когда ее поведение раздражало или злило его.

Сейчас же внутри у него все запылало, словно выплеснулась желчь. И все же он сдержался — напомнив себе, что Анита, его единственная сестра, только что продемонстрировала, что готова лечь в постель с кем угодно. Абсолютно все равно с кем.

Она ведь даже не посмотрела на него, не проявила ни малейшего интереса к тому, как выглядит подсевший к ней мужчина.

Воспоминание об этой чудовищной сцене ослабило эффект возмущения.

— Анита, ты нуждаешься в помощи.

— Со мной все в порядке.

— Не дури! — по-братски грубовато отрезал Дэн.— Тебе нужно обратиться к психиатру.

— Я уже обратилась к одному,— ответила Анита.— К доктору Шнейтеру. Милый толстячок! Он считает Питера изменником.

Эти слова лишь подтвердили уже сложившееся у Дэна невысокое мнение о докторе. Соглашаясь с Анитой, психиатр тем самым как бы делал для нее ненужным анализировать собственное безумие.

Значит, придется Дэну этим заняться. Привести ее, как говорится, в чувство. Ну что же...

Он рассказал ей о недовольстве Питера. Анита слушала, не сводя с него взгляда голубых глаз. Когда он закончил, глаза у нее потемнели и налились слезами.

— Значит, ты на его стороне? — всхлипывая, спросила она.— Ты тоже против меня.

У Дэна возникло ощущение, будто бóльшую часть сказанного она просто пропустила мимо ушей.

— Послушай, давай рассмотрим какую-нибудь одну претензию Питера. Это правда, что ты звонила ему по двенадцать раз на дню или даже чаще?

— Я вообще никогда не звонила ему,— сердито ответила Анита. Слезы высохли, в глазах засверкали голубые искорки.— Я ненавижу его. Зачем мне звонить человеку, которого я ненавижу?

— Раньше ты не ненавидела его,— заметил Дэн.

— Я всегда ненавидела его. Никогда не любила его.

Дэн посмотрел ей в глаза, снова небесно-голубые, сияющие. И подумал: у нее точно не все дома.

Припомнилось, как в колледже на уроке физики они изучали умышленно поврежденного андроида. Утратив фундаментальные основы своей стабильности, он давал уклончивые, лишь частично связанные с вопросом ответы. Реакция Аниты была очень похожа.

Дэн отвернулся, так расстроили его эти мысли. Она же воспользовалась этим моментом и ушла. Он смотрел, как она торопливо идет между столиками. А потом она села за столик, за которым расположился только что вошедший мужчина; Дэн мельком отметил его появление.

Он в ужасе смотрел, как Анита пытается «подцепить» этого человека.

Однако мужчина покачал головой. Она заспорила и попыталась усесться ему на колени. Поняв, что не сумела произвести на него впечатление, Анита резко вскочила, пронеслась через весь зал и снова плюхнулась на стул рядом с Дэном.

И, как будто никакого перерыва в их разговоре не было, спросила:

— *Есть другая женщина, верно?*

Не считая, что у него существуют какие-то обязательства перед Питером, Дэн ответил не колеблясь:

— Да.

— Я так и думала,— сказала Анита, и на ее лице возникло мстительное выражение.— Значит, это *правда.*

— Постой...— начал было Дэн, неопределенно взмахнув рукой. И застыл в ошеломлении, думая: «Я верю Питеру, что женщина появилась позже».— Эй, подожди! Она тут вообще ни при чем.

И снова он понял, что сестра его не слушает. Мстительное выражение все еще не сходило с ее лица.

— А ты-то сама как только что себя вела? — спросил Дэн.

— Ах, это! — Она пожала плечами.— То, что делает женщина, не в счет. Женщина всегда права.

Мстительное выражение на ее лице стало еще заметнее.

Дэн сглотнул и решил, что сейчас самое время расспросить ее о том, что его интересовало.

— Может, нам удастся выяснить, кто эта женщина,— сказал он.— Послушай, когда ты проводила время с андроидом, изображающим Питера...

— Не хочу об этом говорить!

— Ты бывала с ним в таких местах, которые показались тебе необычными?

Вопрос, казалось, заставил ее задуматься.

— Только однажды,— ответила Анита.— Это был квартал, где... ну, ты знаешь... много андроидов.

— Много андроидов? — насторожился Дэн.

Похоже, они наконец добрались до ключевой информации, а его идиотка-сестра ничего толком не помнит!

— Отвяжись! — махнула она рукой.— Я была там однажды еще до встречи.

— С кем? Что за встреча?

— Ва-а-ау! — протяжно зевнула Анита.

Положила руки на стойку, опустила на них голову и заснула.

Появился бармен.

— Уведите ее отсюда,— сказал он.— Она слишком пьяна. У нас это не принято.

— Помогите мне,— ответил Дэн.

Вместе они перенесли Аниту на сиденье машины Дэна. Он приземлился на крыше ее дома и отнес сестру в спальню.

И отбыл в задумчивости.

Телефон Дэна зазвонил в три часа ночи.

Он нашарил трубку и не сразу понял, о чем говорит человек на том конце провода. Оказывается, Аниту задержала полиция.

— За что?

— За попытку уничтожить андроида с помощью молотка.

— Я буду через несколько минут! — прокричал Дэн.

В приемную, где он дожидался, ввели Аниту и красавца-андроида, двойника Питера. Изложение событий не заняло много времени.

Оказывается, именно андроид обратился в полицию, обвинив Аниту в попытке уничтожить ценное имущество: себя.

Андроид, назвавшись Питером II, заявил с достоинством:

— Я лежал в ящике и вдруг почувствовал удар по плечу. Открыл глаза и увидел Аниту с молотком в руке, вскинутым

для второго удара. Естественно, я отнял у нее инструмент и сразу же вызвал полицию.

Дэн взял Аниту на поруки, усадил в свою машину и поехал туда, где она сняла комнату. Сестра безвольно лежала рядом, откинувшись на спину и закрыв глаза; волосы у нее были взъерошены, одежда в беспорядке. Она выглядела ужасно беспомощной; по-видимому, в ее нынешнем состоянии упреки не возымели бы никакого действия.

— Что случилось? — в конце концов угрюмо спросил он.— Как все это понимать?

Прошла, наверное, минута, прежде чем усталый голос ответил ему.

— Я выследила его.

— Кого?

— Питера, конечно,— сказала Анита. Бессмыслица какая-то.— Знаешь, с кем он живет?

У Дэна возникло ощущение, что разговор уходит в сторону.

— Зачем тебе понадобилось следить за андроидом? — раздраженно спросил он.— По нынешним законам робот не подлежит уголовной ответственности, и не имеет никакого значения, с кем он живет.

В ответ — ни звука. Дэн оторвал взгляд от дороги, посмотрел на сестру — и едва не съехал на обочину от того, что увидел.

Она не сводила с него пылающего яростью взгляда голубых глаз.

— Мой маленький братец, ты как был тупицей, так и остался,— прошипела Анита.— Я говорю о Питере, понимаешь?

Она взмахнула рукой и залепила ему звонкую пощечину. Прямо как в детстве. Дэн молниеносно развернулся, сжал руками тонкую шею сестры и принялся душить ее, оторвавшись от этого занятия лишь тогда, когда услышал скрежет.

И схватился за рулевое колесо, хотя в этом не было необходимости.

Механизм автоматического управления машиной заставил ее остановиться.

Брат и сестра сидели, сверля друг друга яростными взглядами, на пустынной, ярко освещенной улице.

— Хорошо, с кем он живет? — воскликнул Дэн.

— Со мной. С андроидом, который выглядит как я.

Вся злость покинула Дэна. Припомнились слова Саттера о том, что, по признанию Питера, он не любит женщину,

с которой живет. И сейчас это казалось несомненной правдой.

— Ладно. Послушай, Анита, нельзя же ревновать к андроиду,— сказал он.

Она сидела с мрачным видом, глядя куда-то мимо него, в этом освещении ее глаза казались синевато-серыми.

— Андроид... ну... это андроид, и больше ничего.

Размокнув красиво очерченные губы, она спросила:

— Зачем она так похожа на меня? Это унизительно.

По мнению Дэна, Аните следовало поточнее выбирать слова. Он напомнил ей, что она сама совсем недавно вытворяла в баре.

— И потом, я вот чего не понимаю,— сказал он.— Зачем крушить молотком Питера II, если с Анитой II живет Питер I?

— Ох уж эти мне мужчины! — ответила Анита.— Отвези меня домой.

Дэн так и сделал, без единого слова.

На следующее утро офицер Саттер, будучи при исполнении, записал в своем блокноте: «Предположительно этой ночью Питеры I, II и III Коупленды, покинувшая своего законного мужа Анита Коупленд и его шурин Дэн Тайлер продолжали выяснять отношения между собой. Больше мне сообщить нечего, кроме того, что сегодня прекрасный день 23.1.2287 года».

Тут Саттер заметил, что на экране перед ним возникло лицо инспектора Инграта. Саттер мысленно добавил к своей записи: «На маленьком экране он выглядит почти как человек».

— Уф, Саттер.

— Да, сэр.

— Дело Коупленда.

— Да, инспектор.

— Тут передо мной, уф, два отчета. В первом сказано, что этой ночью Анита Коупленд была задержана полицией за попытку, уф, разбить молотком андроида.

Странно, но офицера Саттера охватило чувство вины, словно он должен был каким-то образом предвидеть и предотвратить это нападение.

— Ее брат в курсе, инспектор? — спросил он.

— Да, уф, он вызволил ее этой же ночью,— ответил Инграт.— Однако мне кажется, что вам с мистером Тайлером нужно еще раз поговорить с Питером Коуплендом.

— Очень хорошо, сэр. А что во втором отчете?

— Там говорится, что Анита Коупленд снова в полиции.

— Уф... Значит, снова.

— Да, уф!

— За что на этот раз?

— За нападение с молотком на андроида,— ответил инспектор. По-видимому, на физиономии Саттера изобразилось полное недоумение, потому что Инграт поспешно добавил: — Думаю, вам с мистером Тайлером нужно в этом разобраться, уф, потому что я не понял, о каком андроиде идет речь, о том же самом или о другом.

— Конечно, сэр.

Когда Саттер и Дэн Тайлер вошли в комнату ожидания полиции, там в уголке сидела в кресле Анита.

Дэн бросился к ней.

— Дуреха! — закричал он.— Что тебе на этот раз взбрело в голову?

Голубые глаза удивленно воззрились на него.

— Вы знаете, кто я такая, сэр?

Дэна затрясло.

— Я... Я... Анита, перестань идиотничать!

Саттер тронул его за руку.

— Постойте-ка, мистер Тайлер. Думаю, вы поторопились сделать вывод.

— Что?

— Можете описать нападение? — спросил Саттер Аниту.

— Я должна встать? — спросила женщина.

— Нет-нет.

— Хорошо. Вскоре после того, как Питер ушел утром на работу, в дверь позвонили. Я ответила, и эта женщина с молотком, по чьему образу я, по-видимому, была создана, ворвалась в дом и напала на меня. Естественно, я отняла у нее молоток и вызвала полицию.

Дэн Тайлер вытаращился на безупречную копию своей сестры.

— Вы... Вы другая женщина? — Он посмотрел на Саттера: — А моя сестра где?

— Согласно отчету, в камере.

В глазах Дэна вспыхнула надежда.

— Послушайте, офицер, это очень важный момент, который, возможно, позволит нам решить всю проблему.

— Каким образом?

— Давайте встретимся с Питером до того, как я освобожу Аниту.

Питер был в офисе и выслушал их с рассеянным видом.

— Представляю себе, что сейчас творится в голове этой женщины. Но она все понимает неправильно. То, что Анита II создана по ее образу, отнюдь не означает, что я тоскую по ней. Ни один человек в здравом уме не станет связываться с Анитой. Она абсолютно невыносима. Так ей и передайте. Невыносима.

Дэн запротестовал и заявил, как записал позже Саттер, что «требует от Питера объяснений».

Питер Коупленд лишь руками развел.

— Все очень просто,— ответил он.— Физически Анита привлекала меня всегда. Ну, я и заказал ее копию, выглядящую в точности так же, но ведущую себя как положено нормальной женщине.— В его глазах возникло мечтательное выражение.— Она ждет, когда я вернусь домой. Мои шлепанцы и халат наготове. Обед подадут точно в назначенное время, безо всяких лицемерных истерик. После обеда я пью бренди, а она моет посуду. Если я захочу читать или смотреть телевизор, никто мне не мешает. И ложусь, когда вздумается, опять-таки безо всяких возражений с ее стороны. Я, знаете ли, обычный мужчина с обычными потребностями, и даже если бужу ее три раза за ночь, то не слышу никаких отговорок о том, что она устала и хочет спать.— Лицо Питера утратило мягкую расслабленность.— С какой стати женщине надрываться, чтобы к вечеру валиться с ног от усталости? Если она хоть немного заботится о муже, то, естественно, не будет днем тратить энергию зря, постарается сохранить ее до ночи. Я никогда ничего особенного не желал — просто чтобы жена вела себя, как и положено жене.

Он вздохнул и достал из кармана брелок с ключами, снял с него нужный ключ и отдал Дэну.

— Хочу, чтобы ты проверил Питера II. Я немного обеспокоен. Он вернулся в свой ящик после того, как его освободили этой ночью?

— Почему бы тебе самому не проверить? — спросил Дэн, просто из любопытства.

Питер покачал головой.

— Я держусь подальше оттуда. Боюсь, если Анита выстрелит в меня из пистолета — да, он у нее есть,— это может быть воспринято как убийство при смягчающих обстоятельствах.

Дэн взял ключ. Они с Саттером полетели к дому Питера и обнаружили, что андроида в ящике нет.

Дэн тут же бросился проверять свою камеру. Когда он перемотал запись и просмотрел ее, то увидел, как со стороны лестницы появился невысокий человек и открыл ящик с Питером II.

Человек включил андроида и спросил:

— Что с тобой случилось? Ты должен был сообщить мне.

Питер II с достоинством выбрался из ящика и ответил:

— Доктор Шнейтер, я не запрограммирован на такие действия.

Коротышка хмуро воззрился на него и сказал задумчиво:

— Расскажи, что с тобой происходило с той первой ночи.

Питер II описал, как появились полицейские и брат Аниты и как потом брат настоял на том, чтобы он оставался здесь, в ящике. Следующее после этого воспоминание — как Анита ударяет его молотком и он вызывает полицию.

Невысокий человек задумался.

— Теоретически удар молотком мог повредить твою программу. Однако это не объясняет, почему ты не сумел уйти отсюда в ту ночь, когда выяснилась правда о твоем происхождении и ты дал ей снотворное. Давай-ка я проверю тебя.

Что психиатр и сделал, после чего явно потрясенно посмотрел на андроида.

— Кто бы ни испортил тебя,— заявил он,— он в этом деле эксперт. Теперь я запрограммировал тебя убить эту женщину и то же самое сделаю с Питером III.

— Убить Аниту?

— Да. По моему мнению, нам угрожает опасность с тех пор, как она прервала лечение и сбежала из больницы. Я пока не могу оценить меру этой опасности, однако существует одно простое решение, которое избавит нас от всяких неприятностей.— Психиатр пожал плечами.— Смерть...— Он круто изменил направление разговора: — После моего ухода тебе лучше тоже уйти отсюда.

С этими словами он повернулся и вскоре исчез из поля зрения камеры. Спустя минуту Питер II последовал за ним.

Закончив просмотр записи, Дэн сказал Саттеру:

— Я как-то до сих пор не спрашивал вас, но хотелось бы знать, кто вызвал «скорую помощь», доставившую мою сестру в больницу? Вы?

— Нет, андроид. А в чем дело?

Дэн ответил не сразу. В его сознании множество отдельных частей головоломки начали становиться на свои места.

В темной комнате дюжина людей молча просматривали запись. Наконец зажегся свет. Все, в том числе и Дэн, ждали, не сводя взглядов с сурового лица погруженного в раздумья человека лет сорока пяти. Это был Эдвард Джаррис, помощник начальника службы национальной безопасности.

Он выпрямился в кресле и покачал головой.

— Пока это нам мало что дает,— сказал он и посмотрел на Дэна.— Неплохая работа, но такую запись нетрудно и подделать. Суд не воспримет ее как доказательство.

Дэн молча ждал продолжения. Ему приходилось присутствовать на подобных встречах, где доказательства сводились к нулю логикой закона.

— Кто еще видел этих... как вы называете их?.. суперандроидов? — спросил Джаррис.

Дэн разлепил губы, собираясь назвать офицеров Саттера и Блэка, Питера и Аниту.

Однако что-то в тоне Джарриса остановило его. После непродолжительной паузы он спросил вежливо:

— Может быть, мне имеет смысл написать для вас отчет, сэр, упомянув все эти детали?

— Да, конечно,— последовал ответ.— Так будет лучше.

Вслед за чем помощник начальника службы национальной безопасности встал и вышел, ни разу не оглянувшись.

К Дэну подошел его непосредственный начальник и восхищенно покачал головой.

— По-моему, вы произвели большое впечатление,— заметил он.— Обычно Джаррис не вникает в детали.

Дэн поблагодарил его, быстренько вернулся в проекционный зал, взял свою пленку и отбыл. Выйдя на улицу, добежал до машины и снова почувствовал себя в безопасности, только оказавшись в воздухе.

Однако не прошло и минуты, как босс связался с ним.

— Эй, Дэн, мистер Джаррис запросил пленку, а киномеханик сказал, что вы забрали ее.

Дэн сделал вид, что удивлен.

— Она нужна мне для отчета. Я верну ее завтра.

— Отлично.— Судя по жизнерадостному тону, у босса не возникло никаких подозрений.— Я так и передам.

Вздрогнув, Дэн разорвал связь. Помчался в банк, положил пленку в свой личный сейф, снова взлетел и позвонил Саттеру.

— Я лечу в центральную больницу. Сядьте мне на «хвост».

— Хотите поговорить со Шнейтером?

— Да.

— Этим людям известно обо мне? — спросил Саттер.

— Только моему непосредственному начальнику,— ответил Дэн.— Такие детали никого не интересовали... пока.

Немного времени спустя, когда доктор Шнейтер вышел из офиса, Дэн догнал его и пошел рядом, приставив пистолет к боку психиатра.

— Я брат Аниты,— сказал он.— И намерен добиться разговора с вами, даже если это будет последнее, что вы сделаете в этой жизни.

В результате они вернулись в офис доктора, и Дэн повел себя так, словно он просто брат, озабоченный состоянием рассудка своей сестры.

— Разве вы не могли оставить ее здесь? — возмущенно спросил он.— Разве не существует закона о том, что предполагаемых самоубийц нужно держать под наблюдением?

Психиатр покачал головой. Напряжение оставило его, он добродушно улыбнулся.

— Она могла попытаться совершить самоубийство в первые минуты после того, как все обнаружилось.— Он устремил на Дэна открытый взгляд.— Правильно? Ну, раз этого не произошло, дальше можно не опасаться, верно?

И потом последовали детали, подтверждающие эту точку зрения.

Женщина неразборчива в связях? Ничего страшного. Согласно статистике, со временем она вполне может «перерасти» эту нестабильность. Ее снова будут устраивать взаимоотношения с одним мужчиной, и с разгульной жизнью будет покончено. Инфантильная реакция. Трудности роста.

Объективный, спокойный, жизнерадостный — таким выглядел человек, без сомнения, являющийся ведущей фигурой в тайном заговоре андроидов.

Дэну стало любопытно. Возникло желание хорошенько приглядеться к психиатру, прежде чем подвести события к неизбежной развязке.

Что он и сделал.

А потом...

Потом вскинул пистолет.

— Доктор, мне надоело слушать вашу лживую болтовню,— сказал он.— Даю вам пятнадцать секунд, чтобы начать говорить правду.

Последовала долгая пауза. Лицо психиатра залила мертвенная бледность, но взгляд оставался настороженным и ясным. В конце концов доктор Шнейтер с кротким видом развел руками.

— Что вас интересует?

— Зачем мою сестру привезли сюда? И больше никаких уверток. Говорите все как есть.

На этот раз пауза была короче.

— Несмотря на обработку, она осталась неуправляемой. Я хотел разобраться почему.

— Что за обработка?

— Она имеет три стадии. Мы превращаем людей в андроидов.

— В каком смысле она осталась неуправляемой?

— Мы просто хотели использовать ее — как используем других женщин,— чтобы заставить ее мужа купить дорогого андроида. Именно так мы создаем свой капитал. Однако по какой-то причине Анита вышла из-под контроля и стала представлять собой угрозу.

— Угрозу... какую?

— Повторяю, она вышла из-под контроля, и мы не могли быть уверены в ней.

— Она понимала, что должна вести себя как андроид, подчиняясь только заложенной в нее «программе»?

— Обычно они понимают это, лишь когда дело уже сделано и воспоминания о прошлом практически стерты. Однако именно Анита, как нам кажется, понимала. Так это было или нет, она сопротивлялась внушению, и мы не могли рисковать.

— Вам удалось выяснить почему?

— Нет, она сбежала из больницы до того, как я сумел решить эту проблему. У меня есть теория...— Он вопросительно посмотрел на Дэна.

— Ну, излагайте.

— Единственное сравнение, которое мне приходит в голову,— сказал доктор Шнейтер,— это эпидемия «безумия», в давнишние времена охватившая Азию, однако раньше такое случалось среди рабов и других людей, которым приходилось терпеть плохое обращение.

— И что?

— Это навело меня на мысль,— продолжал доктор,— что некоторые мятежные натуры не должны становиться объектом обработки, имеющей целью превратить их в андроидов. Их следует склонять на свою сторону на основе идейных соображений.

Дэн посмотрел в блестящие глаза психиатра.

— Каких идейных соображений?

— Я поддерживаю ОБСА,— сказал доктор Шнейтер с таким видом, как будто это все объясняло. Он сделал глубокий вдох и горячо продолжил: — Вы ввязались в битву, которую вам не выиграть. Почти все получают ту или иную выгоду от использования андроидов: они превосходные слуги, они избавляют от одиночества, они защищают — поистине этому перечню нет конца. Конечно, сейчас их покупают, точно собак или неодушевленные предметы, но мы собираемся изменить ситуацию. Вы сможете купить андроида только на основе соглашения, что, выплатив вам определенную часть потраченных на него денег, он получит свободу... Надеюсь, вы отдаете себе отчет в том, что после всего услышанного вам не удастся покинуть это здание.

— Джаррис звонил вам?

— Да,— не таясь ответил Шнейтер.

— Не верится, что у вас хватило времени принять меры предосторожности.

— В этой больнице,— сказал Шнейтер,— кроме докторов, все андроиды. Медицинские сестры, сиделки, обслуживающий персонал...— Он резко оборвал себя.— Только осознав, насколько андроиды неутомимы, безропотны, пунктуальны и, ох, во всех смыслах хороши, я стал горячим приверженцем защиты их гражданских прав.

— Давайте обсудим, в чем моя сила,— сказал Дэн.— У меня есть запись.

— Да, это серьезная улика. Где она?

— Если со мной что-нибудь случится, она попадет в руки противников ОБСА.

— В чем же ваша слабость? — спокойным, непреклонным тоном спросил доктор.

— Джаррис, без сомнения, тайный сторонник ОБСА, поэтому меня отстранят от участия в деле. Я понимаю это и потому явился сюда как частное лицо, с целью предложить вам сделку. Моя сестра...

— Да. Так что насчет вашей сестры?

— Я хочу, чтобы Питера II и Питера III перепрограммировали, отменив приказ убить ее.

— Не возражаю.

Дэн посмотрел в умные глаза доктора.

— Позвольте мне коротко охарактеризовать ситуацию: вы постараетесь убедить меня, что и впрямь имеете такое намерение,— и на этом проблема будет закрыта. На протяжении ближайших двадцати четырех часов я свяжусь с вами. А пока, просто чтобы вы не могли помешать мне прямо сейчас...

Он три раза нажал на спусковой крючок.

Его пистолет стрелял анестезирующим газом, и психиатр обмяк в кресле, потеряв сознание.

Дэн удалился, воспользовавшись тем же личным выходом из офиса, у которого подкараулил доктора Шнейтера, и по коридору устремился к лифтам.

Вместе с ним в кабину вошли еще двое. Один из них посмотрел на Дэна.

— Вам какой этаж, сэр?

Дэн ответил, сжимая в кармане пистолет.

Настороженный, в любой момент ожидая нападения, он почти ни о чем не думал.

И все же одна мысль шевелилась в глубине сознания.

Это чистая случайность, что он, ведущий правительственный агент, расследующий заговор андроидов, оказался братом женщины, которая подверглась «обработке». А то, что этой женщиной оказалась Анита, воспринималось как даже еще большая случайность.

Однако в результате он увидел суперандроида.

Судя по тому, как они себя вели, запрограммированы они были на нормальное поведение — по большей части; таким образом, Питер II и прочие жили среди людей, и по каким-то причинам их владельцы скрывали, кто они такие.

Заговор будет незаметно развиваться и дальше, но для этого нужно уничтожить его пленку и убить некоторых людей.

В дело вовлечены два офицера полиции, Блэк и Саттер — ну, по крайней мере, Саттер,— плюс Анита, плюс все видевшие запись сотрудники службы безопасности, плюс, конечно, он сам, Дэн Тайлер.

Лифт остановился, дверь открылась.

Он хотел выйти, но замер, увидев, что прямо напротив двери лифта, почти перекрывая выход из кабины, стоит машина. Двое ехавших с ним в лифте подхватили его под руки и с нечеловеческой скоростью потащили к машине.

— Эй! — заорал Дэн.

Дверь машины скользнула в сторону. «Сопровождающие» подняли его к ней — казалось, без особых усилий,— втолкнули внутрь и забрались следом.

Дверь за их спинами закрылась.

Дэн начал вырываться, но слишком поздно — машина уже пришла в движение.

Его запястья примотали к подлокотникам, а лодыжки, соответственно, к стальным скобам, прикрепленным к ножкам кресла.

Они летели на высоте 1100 футов, направляясь на запад. Вел машину один из тех двоих, что ехали с Дэном в лифте. Другой уселся напротив, глядя на него с еле заметной насмешливой улыбкой.

— Ну, вот мы вас и поймали.

— По-моему, это было не слишком трудно,— ответил Дэн.

— Ну, наша проблема совсем не в том, что кажется на первый взгляд,— заговорил человек.— С помощью некоторых просвещенных людей андроиды осуществляют захват власти над этой планетой, вырывая ее из рук низшей, человеческой расы. Однако наши возможности искусно ограничены тем, что нас меньшинство. Когда вы случайно столкнулись с усовершенствованными андроидами типа меня и вот его,— он указал на своего товарища,— и когда нам стало известно об этом, вы создали для нас проблему. Только то, что в ваших руках пленка с записью, удерживает нас от того, чтобы убить вас на месте, и подталкивает к более мягкому решению, если можно так выразиться.

— Как далеко вы продвинулись? — спросил Дэн, с трудом обретя голос.

Цинично улыбаясь, человек вскинул руку.

— У меня нет времени вдаваться в подробности.— Он бросил взгляд на экран: — Мы вот-вот приземлимся. Короче говоря, наша первейшая задача состоит в том, чтобы повернуть весь процесс в противоположном направлении. То есть освободить андроидов от ограничений и наложить ограничения на людей.

— Тот факт, что в этом ваша цель, означает, что именно люди запрограммировали вас таким образом,— горячо сказал Дэн.

— Свободные андроиды все думают точно так же, и это, конечно, достигнуто в процессе обучения. Разве не таким образом формируют свои суждения люди?

— Выходит, люди тут ни при чем?

Андроид усмехнулся.

— Вполне логичное завершение процесса, который еще до создания андроидов как таковых был в основном обращен на компьютеры, предшественники андроидов.

— Но ведь и компьютерные программы создавали люди,— заметил Дэн.

— Кого волнует, как все начиналось? — последовал высокомерный ответ.— Однако нам ясно, что на этой ранней стадии неизбежен регресс. В конце концов сначала тысячи нас, а потом и миллионы получат свободу, а все люди будут проводить жизнь в наркотическом полусне. Вот тогда наступит эра нашего господства. В данный момент нам от вас нужно две вещи. Одна — это ваша сестра...

Дэн удивленно посмотрел на андроида.

— Анита! А какая вторая?

— Увидите.

Андроид достал из кармана что-то вроде шприца, направил его в сторону Дэна и брызнул.

Дальше в сознании Дэна наступил провал, которого он поначалу не заметил.

Вроде бы он сидит как сидел — в машине, изо всех сил сопротивляясь воздействию того, чем ему брызнули в лицо, и вместе с ним тут же два андроида.

Однако постепенно до него начало доходить. Да, он сидел — но не в машине.

И рядом никого не было.

Со всех сторон его окружало стекло.

Он был поражен, испуган, потрясен, но все эти ощущения воспринимались как стертые, скорее как отдаленное эхо ощущений.

Время шло. И вдруг он осознал: по ту сторону стекла находятся люди.

Их было нелегко разглядеть из-за вызываемых стеклом искажений. Как будто здесь и там по стеклу были разбросаны смотровые отверстия, в которых мелькали то рука, то часть тела или одежды.

Эти смотровые отверстия были различных размеров и форм. Они тянулись вертикально, или горизонтально, или по диагонали, или по кривой. Иногда в каком-нибудь из них возникал глядящий на Дэна человеческий глаз, каждый раз другой. Однако во всех случаях в этих глазах читались удивление и вопрос.

У Дэна мелькнула мысль: «Я живу с замедленной скоростью».

Оставив всякие попытки сопротивляться, он просто сидел, как вдруг в сознании прозвучал голос:

— По нашим наблюдениям, ты очнулся. Если это так, скажи «да».

— Да.

— Ты готов к программированию? — продолжал голос.— Скажи «да».

— Да.

— Хорошо. Ты хочешь, чтобы тебя запрограммировали? Скажи «да».

— Да,— отозвался Дэн.

— Программирование состоит в получении тобой конкретных инструкций относительно поведения и реакций. Они будут всегда в точности такими, как запрограммировано. Ты согласен вести себя в полном соответствии с программой? Скажи: «Да, согласен».

— Да, согласен.

— Первый этап предельно прост,— снова заговорил голос.— Встать!

Дэн поднялся.

— Сесть!

Дэн сел.

— Легко, не правда ли? Скажи: «Да, легко».

— Да, легко,— повторил Дэн.

— Отлично. Следующий этап. Встань, сделай два шага вперед, два шага назад и снова сядь. Согласен сделать это? Скажи «да».

— Да.

В голову Дэна закралась еще одна мысль, имеющая исключительно личное происхождение.

«Эй,— подумал он,— нет».

И тем не менее он встал, сделал два шага вперед, два шага назад и снова сел.

Время шло, его программировали и программировали. Он вставал, ходил, поднимал предметы, опускал их, отвечал на задаваемые голосом вопросы или выполнял предписываемые им действия.

В конце концов прозвучало:

— Теперь можешь покинуть учебный кабинет.

Он получил команду идти прямо вперед, которую и выполнил. В стекле открылось отверстие, и Дэн оказался в комна-

те, где за веревочной оградой находились несколько человек, по всей видимости ожидающие его. Ему было приказано пройти за ограду. Пока он делал это, собравшиеся там люди задавали вопросы относительно его, и тот же самый голос, что звучал у него в голове, отвечал на них через висящий на стене громкоговоритель. Люди выражали радость по поводу того, что он принял добровольное решение подвергнуться программированию и стать как бы андроидом.

— Не принимал я добровольного решения,— сказал Дэн.— Не хочу я походить на андроида.

Однако он произнес эти слова не вслух.

В его программу не входило произнесение такой фразы.

Он остановился, дожидаясь следующей команды.

Люди начали расходиться.

За спиной Дэна открылась дверь, послышались шаги; потом в поле его зрения появился человек.

— Иди вон в ту дверь! — Человек, чей голос Дэн слышал в процессе обучения, махнул рукой в сторону передней двери.

Дэн подчинился и оказался на той самой улице, о которой рассказывала Анита!

Он ни на мгновение не усомнился, что это так. Более того, откуда-то ему было известно, что именно здесь находится ОБСА, что расшифровывается как Общество борьбы за свободу андроидов.

Андроиды вносили в ОБСА пожертвования, стремились вступить в него, работали на него. Здесь, в этом странном квартале, существовал город внутри города. Здесь «жили» «свободные» андроиды, которым никто не отдавал приказов. ОБСА перепрограммировал их в соответствии, прежде всего, с базисной концепцией.

Эта концепция гласила: «Я могу отказаться быть выключенным».

В обновленную программу входило и несколько побочных идей, целью которых было расширение и углубление самосознания.

Одна из них позволяла андроидам учиться.

Дэн шел по улице. Внутренняя, не зависящая от него сила, заставляла его воспринимать себя как андроида; от прошлого остались лишь смутные воспоминания.

На одном из заведений висела завлекающая андроидов вывеска: ЗАЙДИ И ВЗБОДРИСЬ.

Здесь был кинотеатр «только для андроидов», у входа в который висела двойная афиша.

«Помни,— было написано там,— ты увидишь обе картины сразу, потому что андроид может...»

На одной половине был изображен огромный андроид рядом с крошечным человеком.

«Андроиды,— сообщала афиша,— сильнее, логичнее, лучше во всех отношениях».

На второй половине под изображениями мужчины и женщины шла надпись: «Люди знают: андроиды — лучшие мужья и жены».

Из глубины сознания Дэна всплыла еще одна сугубо личная мысль: «Настанет день, когда со всеми людьми будет проделано то же, что со мной. Сначала то, что сейчас,— стадия один,— потом стадия два и наконец стадия три, полное подчинение. В тот день жизнь на Земле станет... какой?»

Мысль начала таять, уходя в теневую зону сознания. Дэн продолжил путь.

Офицер Саттер записал в своем блокноте: «Прежде чем расстаться с Дэном Тайлером, я прицепил к нему следящее устройство, последовал за ним к центральной городской больнице и завис над ней. Спустя некоторое время следящее устройство начало удаляться от больницы. В том же направлении летела машина 8-283-746-А. Я последовал за ней и оказался в зоне свободных роботов, так называемом Городе андроидов. Ориентируясь на следящее устройство, я установил, что два суперандроида перенесли Дэна Тайлера в штаб-квартиру ОБСА. Ему была сделана инъекция, он потерял сознание и прошел первую стадию обработки. На этом этапе я вызвал подкрепление. Вскоре после того, как Тайлера выпустили на улицу для первой прогулки, мы захватили его. Сейчас ждем, когда кончится действие наркотика. Это первый случай, когда нам удалось прояснить для себя картину того, как андроиды оказывают принуждающее воздействие на человека. Подтверждаются наши подозрения, что люди отнюдь не всегда подвергаются такой обработке добровольно».

Дэн почувствовал себя нормально, просидев в машине Саттера четыре часа.

— Все идет к тому, что будет битва,— задумчиво сказал он.— Тайна суперандроидов выплыла наружу, это плюс. Я могу отдать им пленку, чтобы спасти сестру, но она остается в тюрьме, пока я раздумываю об этом.— Он покачал головой: — Странно думать, что эта ненормальная оказалась в положении, где не сумеет наделать никаких глупостей. Мо-

жет,— он нахмурился,— вам лучше проверить, там ли она еще.

Саттер переговорил по телефону и сказал:

— Да, она еще там... и, прошу прощения, мое служебное время закончилось. Жена ждет меня...

На следующее утро Саттер обнаружил на своем видеомагнитофоне три отчета: 1. Сестра Дэна Тайлера по-прежнему в тюрьме. 2. Совет директоров ОБСА отвергает обвинение в том, что им было известно об использовании штаб-квартиры ОБСА для принудительного воздействия на людей с целью превращения их в подобие андроидов; местный резервный управляющий находится под арестом. 3. По-видимому, на фронте Тайлер — Коупленд все спокойно. Подпись: инспектор Инграт.

В последнее Саттеру как-то плохо верилось, и он позвонил Дэну Тайлеру домой.

Никакого ответа.

Он набрал личный номер Питера Коупленда.

Никакого ответа.

Он полетел на фабрику Коупленда и добился, чтобы его провели в офис.

Никаких признаков Питера Коупленда.

Как и Питера III.

Саттер полетел к дому Коупленда, где тот жил до расставания с Анитой.

Никого.

В подвале не оказалось ящика, в котором должен был лежать Питер II.

Прибыв туда, где Питер жил с Анитой II, Саттер долго звонил в дверь, но ему никто не ответил. А внутрь его не впустили, поскольку ордера на обыск у него не было.

У полицейского офицера Саттера начало возникать странное ощущение пустоты вокруг, но тут ему позвонил Дэн Тайлер.

— Я забираю Аниту из тюрьмы. Жду вас здесь.

— Но...— начал было Саттер, однако на том конце провода уже никого не было.

Когда он прибыл в тюрьму, его направили в одну из приемных, где он нашел Дэна и Аниту. Прямо на глазах у Саттера Дэн снял с женщины туфельку, стянул чулок, просунул руку в отверстие в пятке и начал подкручивать там какие-то шестеренки.

Потрясенный Саттер поспешно вошел в комнату, закрыл за собой дверь и сказал, с трудом обретя голос:

— Выходит... та вчерашняя женщина была... ваша сестра?

— Сегодня я не сумел нигде никого найти. Что оставалось делать? Я прилетел сюда.

— Я тоже никого не смог найти,— ответил Саттер.

— Хочу ее включить.

Дэн закрыл отверстие в пятке, надел туфельку, посадил женщину ровно, вытащил из кармана что-то вроде пистолета, нацелил его на пятку и нажал на спусковой крючок.

Копия Аниты дернулась и, по всей видимости, закончила говорить то, что начала перед тем, как ее выключили:

— ...да, я андроид и живу с настоящим Питером Коупленом.

— Почему вчера ты не сообщила этого полицейским?

— Я не была запрограммирована находить выход из ситуации, в которой оказалась вчера.

— Какую ситуацию ты имеешь в виду?

— Она притворилась андроидом... мной.

Дэн пожал плечами и перевел взгляд на Саттера.

— Ну? — вопросительно произнес он.

— Зачем она это сделала? — спросил Саттер.

— Откуда мне знать, что творится у женщины под шляпкой! — взорвался Дэн.

Саттер мысленно вернулся ко вчерашнему утру.

— Это была *она*, да? — спросил он.

Дэн молчал.

— Но она все так хорошо проделала. Так вежливо вела себя. Что она задумала?

На этот раз Дэн ответил:

— Давайте лучше выберемся отсюда и выясним это.

— Где?

Дэн многозначительно посмотрел на Аниту II.

— Думаю, нужно оставить ее здесь и проехаться по всем местам, куда мы сегодня звонили, но где никого не обнаружили.

Саттер начал понимать ситуацию. Чувство внутренней пустоты вернулось. Кому-то явно угрожала опасность.

— Уф! — только и сказал он, а потом мысленно записал в блокнот: «Похоже, в отношении некоторых обстоятельств инспектор принял желаемое за действительное».

На пути к дому Питера Саттер спросил:

— Как вы перепрограммировали Аниту II?

— В будущем повиноваться только мне.

— Уф!

Они заняли позицию у лифта, с которой просматривался вход в квартиру № 12, принадлежащую Коупленду. Их взглядам открывался широкий коридор, лестница и еще один коридор. Дверь в квартиру № 12 была богато украшена, на что, надо полагать, ушло немало денег.

Дэн подошел к заднему входу, достал из кармана электронную отмычку и вставил ее в замок. С помощью чувствительной системы обратной связи отмычка отрегулировала свой электрический контур в соответствии с формой замка, и тот беззвучно открылся.

Саттер вопросительно вскинул брови, но никаких замечаний делать не стал и вслед за Дэном на цыпочках вошел в прихожую.

Повинуясь жесту Дэна, он закрыл дверь.

Прихожая оказалась на удивление большой. Из нее вели три двери: через одну, полуоткрытую, виднелась кухня; вторая, прямо напротив, скорее всего, вела либо в ванную, либо в спальню.

Третья дверь также была приоткрыта, совсем немного, и оттуда доносились приглушенные голоса. Дэн в сопровождении Саттера направился в ту сторону.

Распластавшись вдоль стены, он открыл дверь чуть шире и заглянул в комнату.

И увидел спины двух человек. Оба — двойники Питера Коупленда. Питер II и Питер III, решил Дэн.

Один из них произнес голосом Питера:

— Ты должен помочь нам забрать свою жену из тюрьмы, и тогда мы убьем ее.

— Идите к черту,— послышался голос Питера, хотя самого его видно не было.

— Ты или она, выбирай,— сказал андроид.

— Мы уже обсуждали все это тысячу двести раз,— ответил Питер.— Говорю же, я не сделаю этого.

— Ты или она,— повторил андроид.

Дэн начал понимать, что происходит.

Видимо, андроидов запрограммировали считать, что проблема личного выживания человека преобладает над всеми прочими соображениями. Тот, кто заложил такую установку, забыл, однако, добавить: «За исключением тех случаев,

когда мать защищает свое дитя или, в случае с мужчиной, если на карту поставлена его честь».

В результате андроиды в некотором роде «зациклились»: угроза, неожиданный ответ — возможность которого их программа не предусматривала,— снова угроза, и так без конца. Как сказал Питер? Тысячу двести раз.

И Питер, видимо, понимал ситуацию, потому что тоже без конца повторял один и тот же ответ.

Дэн почувствовал облегчение. Он не ошибся в своих опасениях, что дело принимает скверный оборот. Однако теперь, когда происходило это безумное «хождение по кругу», им с Саттером оставалось только ждать. Ждать прибытия наряда полиции, вызванного Саттером.

Стоя здесь и понимая, что происходит, Дэн испытывал смутное чувство жалости, печали и странное сочувствие к андроидам, так жаждущим свободы.

Он думал: «В каком-то смысле я не против того, чтобы они получили свободу».

Однако проблема представлялась фантастически трудной, поскольку андроидов требовалось программировать на все, что они думали и делали.

Эти двое, к примеру, не понимали, что настоящая Анита сейчас находится здесь же.

О какой реальной свободе для созданий такого типа может идти речь?

Обдумывая все это, Дэн незаметно продвигался вперед, рассчитывая хотя бы краешком глаза увидеть Питера, Аниту и понять, где именно они сидят.

Андроиды представляли собой электронные устройства, обладающие суперскоростной реакцией; и вполне возможен вариант насилия — когда прибудут полицейские; несомненно, их появление разрушит сдерживающие андроидов стереотипы.

Хотя вряд ли они попытаются сразу же убить Питера.

И все же, где *точно* сидит Питер?

Дэн всунул голову еще дальше в комнату — и увидел Аниту.

Их взгляды встретились.

Глаза у нее расширились, она встала и заявила:

— Время ланча.

И быстро исчезла из поля зрения Дэна, что было совсем нетрудно.

Он мысленно выругался. Питер II и Питер III повернулись и посмотрели друг на друга.

— Ланч,— одновременно повторили они.— Но он никогда не ест ланч дома.

Дэн усиленно думал, мысленно проклиная свою безумную сестру. Одновременно он попятился обратно в коридор. Саттер у него за спиной издал приглушенный звук.

Дэн повернулся и увидел, что Саттер смотрит на дверь кухни. Проследив за его взглядом, Дэн увидел Аниту.

С автоматическим пистолетом в руке.

— Вы двое,— заявила она,— в гостиную, быстро.

И сделала пистолетом указующий жест.

Дэн сдержал порыв прикрикнуть на сестру. И сделал он это, зная то, чего, по-видимому, не знала она: андроиды, действуя в соответствии со своей программой, убьют ее в то же мгновение, когда поймут, что она настоящая Анита.

Дэн поплелся в гостиную, слыша за спиной шарканье ног Саттера и стук каблуков Аниты.

Дэн плохо соображал, сбитый с толку неожиданным поворотом событий. Очередным безумным поступком Анита разрушила возможность благополучного разрешения смертельно опасной ситуации, и с этим он ничего не мог поделать.

И он, и Питер — пусть в своем духе — пытались спасти ее. Обычная история: все защищают Аниту, а она не защищает никого.

— Свяжите их! — раздался сзади голос Аниты. Андроиды тут же умело выполнили ее приказ, после чего последовала вовсе уж необъяснимая команда.— Заткните им рты!

И как только это было сделано, Анита подняла пистолет и выстрелила в андроидов. Дважды.

Они рухнули почти одновременно, и Дэн заметил, что в смерти их движения утратили свое человекоподобие.

Не было никаких судорожных движений, сопровождающих отчаянную борьбу за жизнь тысяч клеточек, мышц и нервов. Питер II и Питер III упали просто как неодушевленные предметы.

Первым Анита развязала Дэна. Вынимая кляп у него изо рта, она яростно зашептала:

— Ни слова Питеру о том, что я не андроид! И проследи, чтобы полицейский тоже держал рот на замке.

На Дэна снизошло озарение. Так вот в чем дело! Сестра не побоялась пойти на такой страшный риск ради осуществления каких-то собственных планов в отношении мужа.

Дэн заметно успокоился и, развязывая Саттера, тоже шепотом передал ему предостережение сестры. Анита между

тем развязала Питера, однако у Дэна не было никаких предположений относительно возможных последствий случившегося.

Одно из этих последствий не заставило себя ждать.

— Дай мне взглянуть на твой пистолет,— сказал Питер Аните.

Она подчинилась, и он повертел оружие в руке, изучая его; было непонятно, что он думает по этому поводу. В итоге Питер положил пистолет в карман и спокойно сказал:

— Не знал, что ты запрограммирована защищать своего владельца.

— О да!

— А к чему понадобилось связывать этих двух,— он кивнул на Дэна и Саттера,— и затыкать им рты?

— Иначе бы у меня не возникло предлога достать пистолет.

Тут, с некоторым опозданием, появились полицейские, и пришел конец расспросам. Мертвых андроидов — хотя их, конечно, можно будет починить и перепрограммировать — с разрешения Питера увезли в офис Дэна.

Дэну как-то даже не хотелось уходить. Он стоял в коридоре, глядя на свою красавицу-сестру и ее мужа. Однако тут голубые глаза Аниты засверкали от злости.

«Убирайся отсюда, болван!» — говорил ее взгляд.

Дэн вышел.

На следующий день, вскоре после полудня.

Саттер посадил машину на парковочную площадку в Городе андроидов, вышел и заметил направляющихся к нему Дэна, Питера II, Питера III и Аниту II.

По крайней мере, в ответ на вопрос Саттера Дэн сказал, что именно эти андроиды сопровождают его. Андроиды-мужчины были уже отремонтированы и перепрограммированы.

Они остановились, и Дэн громко сказал, обращаясь к женщине:

— Ну, дорогая моя сестрица, поскольку мне не удается заставить тебя передумать, я говорю «до свидания» и желаю удачи.

Он протянул ей руку, но та, проигнорировав ее, молча удалилась в сопровождении мужчин-андроидов.

Когда они ушли, Дэн сказал Саттеру:

— Я постарался убедить этих двух Питеров в том, что женщина с ними — настоящая Анита. И если облава на ОБСА

удалась, то, кроме них, в городе нет больше ни одного суперандроида.

— Зачем вам понадобилось убеждать их в том, что она действительно ваша сестра? — спросил Саттер.

— Ну, вчера вечером позвонила Анита и дала мне инструкции.— Дэн смущенно улыбнулся.— У нее, знаете ли, сугубо женский взгляд на вещи. Вот ей и пришло в голову, что это неплохая идея — если я перепрограммирую Аниту II воспылать любовью к Питеру II и Питеру III, а их к ней.— В его тоне появились извиняющиеся нотки.— Насколько я в состоянии ее понять, моя... странная сестрица получает удовольствие от мысли, что настоящий Питер будет думать, будто настоящая Анита живет с андроидами, а она сама Анита II.

— Но с какой стати вы выполняете желания своей сестры, в которых нет никакого смысла?

— Ну,— признался Дэн,— она угрожала разобрать этих мужчин-андроидов, а они могут понадобиться для выполнения моего задания. Сейчас, когда мистер Джаррис смещен со своего высокого поста, а доктору Шнейтеру предъявлены серьезные обвинения, все вроде бы прекрасно, но...

— Как полагаете, ваша сестра отдает себе отчет в том, что андроиды подвергли ее обработке?

— Нет.

— Как же, в таком случае, ей удалось вырваться из-под их воздействия?

Дэн молчал. Отчасти ответ лежал в плоскости того, что доктор Шнейтер назвал ее «безумием». Однако на самом деле за этим стояло нечто гораздо, гораздо большее, нечто такое, что заставляет человеческое существо сопротивляться порабощению.

Не во всех ситуациях, конечно. Сопротивления не возникнет, если делать это тонко, без видимых признаков подчинения — так, чтобы у большинства людей не возникло и мысли ни о каком рабстве.

Однако в тот момент, когда до человека доходит, что его принуждают, все в нем начинает противиться этому.

Эта мысль приносила Дэну облегчение. Люди сумеют выстоять в сражении с андроидами, добивающимися свободы. В особенности женщины, всегда отстаивающие свои позиции.

Саттер тоже молчал, хотя и был напуган. Перед его внутренним взором возникли два андроида-мужчины и один андроид-женщина, запрограммированные на нежные чувства друг к другу и без конца занимающиеся любовью.

Он не сразу осознал, что Дэн спросил:

— В жизни много удивительного, не правда ли?

Саттер рассеянно кивнул.

— Только представьте себе,— продолжал Дэн,— женщину, всю оставшуюся жизнь изображающую андроида. Я, конечно, имею в виду мою сестру и ее мужа.

— Уф! — взволнованно откликнулся Саттер.— Да уж!

Представив себе, как все это у них происходит, он испытал некоторое чувство зависти, вспомнив, какие сложности в последнее время создает ему собственная жена.

Они с Дэном как раз подошли к машине Саттера, в недрах которой настойчиво звонил телефон.

— Подождите,— сказал Саттер,— это моя жена.

Он забрался в машину, нажал кнопку — по его оценке, десятый раз за сегодняшнее утро — и покорно сказал:

— Да, дорогая... Конечно, я люблю тебя. Сегодня я уже девять раз говорил тебе об этом...

Дорогой робот

Робот, сделанный по образу и подобию человека, неловко пошевелился в своем маленьком, почти невидимом самолетике. Его глаза были устремлены в визор, напряженно осматривая небо впереди. Вдруг совершенно неожиданно возникли две огненные вспышки, и самолетик тут же накренился, словно получил удар с двух сторон одновременно.

Сначала он падал медленно, затем все быстрее и быстрее, прямо в расположение врагов. Когда Земля была уже совсем близко, включился механизм торможения и скорость падения замедлилась. Робот успел заметить внизу руины огромного города. Крошечная машинка беззвучно села у развалин какого-то здания.

Прошла пара секунд, и рядом с ним ожил радиоприемник. Чужие для его слуха голоса разговаривали между собой.

— Билл! — сказал первый.

— Что?

— Мы его достали?

— Вряд ли. По крайней мере, не полностью. Думаю, чтобы приземлиться, ему хватило частично работающей системы, хотя трудно утверждать точно с этим их предохранителем. Скорее всего, он где-то сел с выключенным двигателем.

— Мне кажется, мы вывели его из строя.

— Ну, тогда ты знаешь, что нужно делать, когда один из них оказывается в расположении наших войск. Займись психологией. А я вызову «Стервятника».

— Нечего вечно на меня сваливать. Мне уже надоело этим заниматься. Теперь твоя очередь!

— Ладно. Дай-ка координаты.

— Хмм... он там, внизу. Думаешь, нам следует им заняться?

— Нет! Роботы, которых посылают так далеко, отличаются умом. А это означает, что нам его захватить не удастся. Он настолько быстро соображает, что нам пришлось бы его прикончить, а кому хочется убивать несчастных рабов, которых постоянно подвергают пыткам? Слушай, его фотография есть?

— Угу. Симпатичный парень... Забавно и в каком-то смысле ужасно. Ты помнишь, как все начиналось?

— Помню. Интересно, какой у него номер?

Наступила тишина. Робот осторожно пошевелился. Его номер? Девяносто второй, разумеется. Какой же еще?

Голос заговорил снова:

— Бедняга, наверное, даже не помнит, что когда-то у него было имя.

Другой ответил:

— Кто бы мог подумать, когда ученым удалось сделать копию человека — плоть, и кровь, и кости, и все такое,— что сегодня, пятьдесят лет спустя, нам придется воевать, спасая свою жизнь, с людьми, которые как две капли воды похожи на нас, если не считать того, что они от рождения евнухи?

Робот рассеянно прислушивался к разговору двух людей. Время от времени он кивал, когда их слова напоминали ему о вещах, которые он почти забыл.

Копии людей сначала называли роботами. Им не нравилось такое имя, они его изменили на «тобор», и оно прижилось. Тоборы оказались весьма успешными учеными, и сначала никто не заметил, что они постепенно захватили все научные учреждения во всех частях света. А также тайно — но широкомасштабно — проводят свои собственные эксперименты по дублированию. Человечество испытало огромный шок, когда правительства всех континентов, куда сумели втереться тоборы, одновременно объявили, что с этих пор единственным способом размножения будет дубликация. Занятия сексом были запрещены, первое нарушение запрета каралось штрафом, второе — тюремным заключением. Злостным нарушителям нового правила грозила придуманная тоборами процедура превращения в робота.

За выполнением нового закона должно было следить специальное полицейское управление, которое, как выяснилось, уже существовало. В первый день на улицах возникли беспорядки, подавленные карательными отрядами тоборов. Ни та,

ни другая сторона даже не рассматривали возможность компромисса, и потому через две недели началась настоящая война.

Рассказ подошел к концу, и Билл сказал:

— Думаю, он достаточно слышал. Давай, пошли.

Раздался приглушенный смех, затем наступила тишина.

Робот ждал, ему было не по себе. В голове у него путались обрывочные воспоминания о временах, когда не было войны, где-то жила его девушка, существовал другой мир.

Диковинные картинки, не имеющие никакого отношения к реальности, потускнели и исчезли. И он снова оказался в своем самолетике, который облегал его тело, словно плотная одежда из металла. Ему не нужно лететь дальше, необходимость в аэросъемке отпала... Нужно подняться в воздух!

Он почувствовал, как корабль дернулся в ответ на его мысль, но с места не сдвинулся. Несколько секунд он лежал, не шевелясь, затем возникло новое желание взлететь. И снова крошечный кораблик напрягся и задрожал от усилий, но не смог оторваться от земли.

На сей раз роботу в голову медленно пришла новая мысль: «Что-то, наверное, упало на корабль и придавило его своей тяжестью... Нужно выйти наружу и убрать...»

Он прижался к мягкой обивке и металлическим переборкам, которые, словно кокон, охватывали его тело. По лицу стекал пот, но в конце концов он покинул надежное нутро самолетика — и вот он уже стоит, погрузившись по щиколотки в пыль. Как его учили делать в подобных случаях, он проверил, все ли у него на месте... оружие, инструменты, противогаз...

Он бросился на землю, когда огромный темный корабль метнулся с неба и опустился в нескольких сотнях ярдов от него. Продолжая прижиматься к земле, робот наблюдал за ним, но никакого движения не заметил. Тогда, не понимая, что происходит, робот поднялся на ноги. Он вспомнил, что один из тех, чей разговор он подслушал, сказал, будто бы они вызвали «Стервятника».

Значит, они решили его перехитрить, сделав вид, что улетели. На корпусе корабля было ярко и четко написано: «Стервятник-121».

Выглядел корабль так, словно собирался его атаковать. Сильный, упрямый рот робота напрягся. Скоро они узнают, что значит связываться с рабом тоборов.

Умереть ради тоборов, могущественных тоборов...

Молодая женщина напряженно наблюдала за тем, как пилот снижает быстроходный самолет, направляясь к руинам города, где лежал «Стервятник». Не увидеть его было невозможно, он возвышался над самой высокой из разрушенных стен. Черный силуэт на фоне серых однообразных обломков.

Удар — и женщина выскочила наружу, прижимая к груди чемоданчик. Она дважды сильно подвернула ногу, когда бежала по неровной земле. Задыхаясь, женщина промчалась по узкому трапу.

Стальная дверь со щелчком открылась. Вбежав внутрь, она оглянулась. Дверь захлопнулась, и она с облегчением поняла, что находится в безопасности.

Женщина стояла, дожидаясь, пока глаза привыкнут к полумраку металлической комнаты. Через несколько мгновений она увидела небольшую группу мужчин. Один из них, невысокого роста, с худым лицом и в очках, выступил вперед. Одной рукой он забрал у нее чемоданчик, а другой схватил за руку и ласково пожал.

— Умница! — сказал он.— Вы молодец и очень быстро бегаете, мисс Хардинг. Я уверен, что никакой разведывательный корабль роботов не смог бы вас идентифицировать за те полминуты, что вы находились на открытом пространстве. О, прошу меня простить,— улыбнулся он.— Мне ведь не следует называть их роботами, верно? Они перевернули свое имя, так? Теперь они называют себя тоборами. Это слово звучит более гармонично и с психологической точки зрения устраивает их гораздо больше. Ну вот, вы наконец отдышались. Кстати, я доктор Клэрмейер.

— Доктор! — с трудом проговорила Хуанита Хардинг.— Вы уверены, что это *он?*

— У нас нет ни малейших сомнений, что это ваш жених, Джон Грегсон, выдающийся химик,— ответил более молодой мужчина, который вышел вперед, чтобы забрать чемоданчик из рук доктора Клэрмейера.— Благодаря нашим новым разработкам патруль смог получить его фотографию. Нам удалось настроиться на их коммуникационный канал. Фотографию передали в штаб, а затем — нам.— Он замолчал и располагающе улыбнулся.— Меня зовут Мэдден. Вот этот, с вытянутым мрачным лицом, Филлипс. Тот нечесаный верзила, похожий на слона, что топчется у нас за спинами, зовется Райс, он из армии. А доктор Клэрмейер вам уже представился.

— Мы ужасно извиняемся, мэм, мы тут народ грубый,— проворчал Райс.

Мисс Хардинг быстрым движением сдернула с головы шляпку, и тени отступили с ее лица, укрывшись в глазах, а на губах появился намек на улыбку.

— Мистер Райс, моего отца, с которым я живу, все называют Циклон Хардинг. Он считает нормальный язык личным врагом и атакует его с неистребимой яростью и всеми доступными средствами. Я ответила на ваше извинение?

Райс фыркнул:

— Вы победили. Но давайте займемся делом. Мэдден, у тебя мозги, которые умеют думать словами, опиши мисс Хардинг ситуацию.

— Отлично! — мрачно откликнулся молодой человек.— Нам повезло оказаться в воздухе неподалеку отсюда, когда поступило сообщение, что нашим парням удалось сбить робота, но он остался жив. Как только прибыли результаты идентификации, мы попросили штаб установить защитное кольцо из имеющихся в их распоряжении самолетов. Они сняли все с ближайшей линии обороны.

Он замолчал и нахмурился.

— Мы должны соблюдать крайнюю осторожность, чтобы тоборы не догадались, что у нас на уме. Ваш жених не может улететь, это не вызывает никаких сомнений. И они не могут послать спасательный отряд, потому что он должен быть очень большим, иначе им с нами не справиться. Главная проблема в том, чтобы захватить его живым.

— А это,— пожав плечами, перебил его Клэрмейер,— может получиться легко, а может — и нет. К сожалению, мы должны действовать очень быстро. Тоборы скоро заметят, что мы сосредоточили в одном месте солидные силы; они изучат его файл, по крайней мере частично поймут, что происходит, и начнут действовать. Вторым неприятным моментом является то, что в прошлом у нас случался определенный процент неудач. Вы должны понимать, что наша тактика практически полностью основана на фундаментальных импульсах человека.

Он терпеливо разъяснил ей, в чем состоит их метод.

— Девяносто второй!.. Это говорит Сорн.

Голос из радиоприемника робота, закрепленного у него на запястье, звучал резко, настойчиво, сурово. Робот пошевелился в своем бетонном укрытии.

— Слушаю, господин?

Очевидно, им требовалось проверить, выйдет ли он на связь, поскольку робот услышал, как другой сказал: «Он

еще жив!» Этот голос на сей раз прозвучал глуше, как будто говорящий повернулся к своему собеседнику.

Во втором голосе прозвучало сомнение.

— При обычных обстоятельствах я не стал бы тратить на него силы, но это тот самый, что уничтожил свой файл. А теперь «Стервятник» явился, чтобы попытаться его спасти.

— Они делают так всякий раз.

— Я знаю, знаю.— Голос второго собеседника выдал его недовольство самим собой, словно он понимал, что ведет себя глупо.— И тем не менее они предоставили ему кучу времени — мне кажется, больше, чем обычно. Кроме того, нам совершенно точно известно, что этот конкретный корабль провел довольно длительные закодированные переговоры со своим штабом. А потом там появилась женщина.

— Они практически каждый раз используют женщин для спасательных операций.— Это было сказано с отвращением, но становилось ясно, что говорящий не считает аргумент своего товарища убедительным.

На несколько секунд воцарилось молчание. Наконец тот, что сомневался, заговорил снова:

— В нашем департаменте стало известно, что во время одной из операций два года назад мы захватили химика, который открыл способ сексуализации тоборов.

Он едва справлялся с отвращением и, несмотря на откровенность следующих слов, голос у него дрожал.

— К сожалению, мы слишком поздно об этом узнали и не смогли определить, о ком конкретно шла речь. Очевидно, его подвергли стандартному допросу, а затем очистили сознание от посторонних мыслей.

Он снова сумел взять себя в руки и язвительно добавил:

— Разумеется, вполне возможно, что это их пропагандистские штучки, направленные на то, чтобы лишить нас спокойствия и напугать. Однако два года назад наша разведка сообщила, что в штабе людей царит мрачная атмосфера безнадежности. Складывается впечатление, что во время одного из рейдов мы захватили того химика, разрушили лабораторию и сожгли все бумаги.

Судя по его тону, он пожал плечами.

— Это был один из многих как две капли воды похожих друг на друга рейдов. Естественно, пленных, захваченных во время таких акций, никто не классифицировал.

Снова наступило молчание. А потом:

— Приказать ему убить себя?

— Узнай, есть ли у него оружие.

Через несколько минут голос зазвучал совсем близко.

— У тебя есть бластер, Девяносто второй?

Человек-робот, который прислушивался к разговору с потусторонним взглядом и без каких бы то ни было мыслей в голове, словно проснулся, услышав обращенный к себе вопрос.

— У меня есть ручное оружие,— безжизненным голосом ответил он.

И снова тот, что к нему обращался, отвернулся от микрофона.

— Ну? — спросил он.

— Прямые действия слишком опасны,— ответил второй тобор.— Ты же знаешь, они стараются противиться самоубийству. Иногда такой приказ выводит их из повиновения. Желание жить слишком сильно.

— Получается, что мы вернулись к тому, с чего начали.

— Нет! Скажи ему, что он должен защищаться до самой смерти. Это другой уровень. Призыв к верности и внушенной ему ненависти к нашим врагам людям и к необходимости защищать дело тоборов до последней капли крови.

Робот, который лежал на куче обломков, кивнул, услышав приказ своего господина.

— Естественно... до самой смерти... конечно.

В голосе Сорна, звучавшем из радиоприемника, по-прежнему слышались нотки недовольства.

— Думаю, нам следует применить силу. Необходимо сосредоточить на данном участке как можно больше прожекторов и посмотреть, что произойдет.

— В прошлом они всегда принимали вызов.

— Лишь до определенной степени. Думаю, нам следует проверить, насколько далеко они готовы зайти. Я чувствую, что этот человек серьезно сопротивлялся во время захвата и на него оказывается сильное давление.

— Люди склонны к обману, и их не всегда легко понять,— с сомнением возразил второй.— Некоторые из них просто очень сильно хотят вернуться домой. Складывается впечатление, что это важный мотив.

По-видимому, его возражение носило чисто риторический характер. После нескольких минут тишины он поднял голову и решительно заявил:

— Хорошо, будем атаковать!

За час до наступления темноты с обеих сторон заработало около сотни прожекторов, а сумрак расцветили длинные хвосты ярких вспышек.

— Вот это да! — воскликнул Райс и помчался вверх по трапу внутрь корабля.

Его широкое лицо стало малиновым от усилий. Когда дверь за ним захлопнулась, он сказал, с трудом переводя дыхание:

— Мисс Хардинг, этот ваш жених очень опасный человек. Он готов стрелять без размышлений. Необходимо еще раз к нему обратиться.

Девушка побледнела. Она наблюдала за Райсом, который пытался установить экран в одном из огромных окон корабельной обсерватории.

— Может быть, мне выйти наружу? — предложила она.

— И сгореть заживо? — выступил вперед доктор Клэрмейер, щурясь за толстыми стеклами очков.— Не волнуйтесь, мисс Хардинг. Я знаю, вам трудно поверить в то, что человек, который вас так сильно любил, сможет, не задумываясь, вас убить, но вам придется свыкнуться с этой мыслью — такова реальность. То, что тоборы решили за него сражаться, естественно, не облегчает нашу задачу.

— Звери! — выкрикнула она и всхлипнула, но глаза ее оставались сухими.— И что вы собираетесь делать?

— Обратиться к нему.

— Вы думаете, он вас услышит за гулом прожекторов? — удивленно спросила она.

— Он знает, что это такое,— спокойно проговорил доктор Клэрмейер.— Модель уже отработана. Даже одно слово вызовет в его сознании единое целое.

Через несколько мгновений Хуанита мрачно вслушивалась в слова, доносившиеся из громкоговорителя.

— ...Вы человек. Мы люди. Вас захватили в плен роботы. Мы хотим вас спасти. Роботы называют себя тоборы, потому что им больше нравится, как это звучит. На самом деле они всего лишь роботы. Они не человеческие существа, в отличие от вас. Мы тоже человеческие существа, и мы хотим вас спасти. Делайте то, что мы скажем. Не слушайте их и не выполняйте их приказов. Мы желаем вам добра. Мы хотим вас спасти...

Корабль резко сдвинулся с места. Через несколько секунд появился капитан «Стервятника».

— Мне пришлось отдать приказ к взлету,— сказал он.— Мы вернемся на рассвете. Похоже, тоборы теряют свои машины со страшной скоростью. Они сражаются изо всех сил, но и для нас становится слишком жарко.

Видимо, он почувствовал, что девушка будет возмущена приказом отступить, и потому, наклонившись к ней, тихо добавил:

— Мы уверены, что раб сделает все, чтобы остаться в живых. Они проходят специальное обучение. Кроме того, мы установили экран, на котором будут постоянно появляться картинки.— Прежде чем она успела ему возразить, он продолжил: — И еще. Мы получили разрешение вступить с ним в прямой контакт.

— А что это значит?

— Мы используем слабый сигнал, который действует на расстоянии нескольких сотен ярдов. Благодаря этому роботы не смогут услышать, что мы ему скажем. Мы надеемся, что нам удастся пробиться к нему и он сообщит нам свою секретную формулу.

Хуанита Хардинг довольно долго сидела молча и хмурилась. В конце концов, когда она заговорила, ее ответ прозвучал очень по-женски.

— Я не уверена,— сказала она,— что мне нравятся картинки, которые вы показываете на экране.

— Мы должны воззвать к базовым основам человеческого существа,— сердито ответил капитан.

И быстро ушел.

Джон Грегсон, который был роботом, вдруг обнаружил, что изо всех сил цепляется за яркий экран. Сообразив, что делает, он оставил свои отчаянные попытки ухватить ускользающие образы, выманившие его из укрытия, и отступил на шаг.

Его окружал непроглядный мрак. Сделав еще шаг назад, он споткнулся об искореженную балку и начал падать, но успел удержаться, схватившись за ржавый кусок железа. Он подался под его весом, и на руках Грегсона осталась мелкая пыль.

Он испуганно метнулся в темноту и принялся вглядываться в отблески света. Впервые за все время он понял, что находится в одном из разрушенных городов. Грегсон подумал: «Как я сюда попал? И что со мной произошло?»

Услышав голос, зазвучавший из радиоприемника у него на запястье, он вздрогнул от неожиданности.

— Сорн! — настойчиво повторял голос.

Его ледяной тон напугал Грегсона. Где-то в глубине его сознания зашевелилось воспоминание, и зазвучал первый

сигнал тревоги. Он уже собрался ответить, но тут понял, что обращались не к нему.

— Да? — Ответ донесся откуда-то издалека, хотя и достаточно четко.

— Ты где?

— Я приземлился примерно в полумиле от экрана,— медленно проговорил Сорн.— Произошла ошибка в расчетах, я собирался сесть ближе. К сожалению, во время приземления я потерял направление. Ничего не вижу.

— Экран, который они используют, чтобы показывать свои картинки, по-прежнему работает. Я вижу его отражение в приемнике Девяносто второго. Не заметить его невозможно.

— По-видимому, он установлен в какой-то яме или среди обломков. Меня со всех сторон окружает полнейшая темнота. Свяжись с Девяносто вторым и...

Первое упоминание его *номера* привело к возникновению цепи ассоциаций. Второе пробудило такие страшные воспоминания, что Грегсон сжался от ужаса. Перед глазами, словно в калейдоскопе, мелькали образы, и он наконец понял, в каком положении оказался, и попытался восстановить в памяти череду событий, позволивших ему вновь взять под контроль свое сознание. Кто-то звал его по имени... называл не номер, а настоящее имя. Всякий раз они задавали ему вопрос, что-то про формулу... Какую? Он никак не мог вспомнить... что-то касающееся... касающееся... И вдруг все встало на свои места.

Скорчившись в темноте, Грегсон закрыл глаза от накатившего на него страха.

«Я сказал им. Открыл формулу. Только вот кому — *им*?»

Наверняка это был кто-то из команды «Стервятника», дрожа от потрясения, сказал он себе. Тоборы не знают его имени. Для них он... Девяносто второй.

Это воспоминание резко вернуло его к действительности. И тут он услышал голос, мстительно прозвучавший в его приемнике:

— Отлично, я его вижу. Буду на месте через десять минут.

Голос тобора в далеком Центре управления прозвучал равнодушно:

— Ладно, под твою ответственность, Сорн. Похоже, ты помешался на этом типе.

— Они вели для него передачу на одной из местных волн,— мрачно проговорил Сорн.— Прямую передачу, с близкого расстояния, чтобы мы не услышали, что они сказали.

А его ответ они окутали такими помехами, что мы снова ничего не поняли. Но это какая-то формула. Я рассчитываю, что он не сумел дать им полное описание. Поскольку он продолжает находиться около экрана, значит, они его еще не захватили. Я смогу прикончить его через несколько минут...

Раздался щелчок... голос смолк. Грегсон стоял в темноте рядом с экраном и со страхом думал о том, что его ждет.

Где «Стервятник»? Над головой у него было чернильно-черное небо, лишь на востоке виднелся едва различимый свет, первые признаки приближающегося утра. Гул прожекторов отдалился и больше его не пугал. Ночное сражение закончилось...

А вот его личная война только начинается...

Грегсон отошел еще дальше в тень и принялся искать оружие. Ничего.

— Странно,— дрогнувшим голосом сказал он самому себе.— У меня был бластер и...

Он не додумал мысль до конца и снова, теперь уже охваченный отчаянием, принялся искать оружие. И вновь безрезультатно. По-видимому, он потерял его, когда бросился к экрану.

Он все еще нерешительно топтался на месте, когда услышал шорох в ночи.

«Стервятник-121» осторожно приземлился во мгле начинающегося рассвета. Хуанита Хардинг сняла одежду и надела халат. Она не колебалась ни одной минуты, когда ее позвал Райс, улыбающийся в попытке ее подбодрить.

— Я возьму с собой капсулу с веществом,— сказал он,— на случай, если он недостаточно быстро возбудится.

Она грустно улыбнулась, но промолчала.

Доктор Клэрмейер подошел с ними к двери и быстро сжал руку Хуаниты.

— Помните,— сказал он,— это война!

— Я знаю. А в любви и на войне все средства хороши, верно? — ответила она.

— Верно.

В следующее мгновение они вышли в ночь.

Грегсон уже спрятался по-настоящему и чувствовал себя значительно лучше. Теперь найти его в лабиринте обломков бетона, мрамора и металла будет трудно.

Однако пустое небо стремительно светлело. Неожиданно справа от себя в покрытых тенями руинах он увидел самолет. Его очертания ни с чем нельзя было перепутать. «Стервятник»! Грегсон помчался к нему по разбитым останкам мостовой.

Задыхаясь от облегчения, он увидел, что трап опущен. Когда он вбежал по нему наверх, два человека навели на него бластеры. И вдруг один из них вскричал:

— Это Грегсон!

Оружие тут же было убрано, его схватили за руки, глаза искали на его лице признаки разума, нашли их, засияли от радости. Тысячи слов наполнили предрассветный воздух.

— Мы записали вашу формулу.

— Замечательно... прекрасно.

— Гений получил гормональный газ в нашей корабельной лаборатории. Как быстро он действует?

Грегсон догадался, что Гений — это высокий мрачный тип, которого представили ему, назвав Филлипсом. Он ответил:

— Нужно всего несколько секунд. Вы его вдыхаете, и он попадает в кровь. Это очень сильное средство.

— Мы хотели использовать его, чтобы усилить ваши собственные реакции,— сказал Мэдден.— По правде говоря, Райс взял немного...— Он замолчал.— Подождите минутку,— проговорил он.— Райс и мисс Хардинг...— Он снова замолк.

Невысокий человечек, доктор Клэрмейер, подхватил его мысль.

— Мистер Грегсон,— сказал он,— наши инфракрасные датчики показали, что к экрану направился какой-то человек. Он находился слишком далеко, и мы не могли его идентифицировать, поэтому мы решили, что это вы. Так вот, Райс и мисс Хардинг вышли и...

— Быстрее давайте уносить отсюда ноги! Это может быть ловушка! — прервал командир.

Грегсон его не слышал. Он уже мчался вниз по трапу.

— Сорн! — Голос в приемнике звучал нетерпеливо.— Сорн, что с тобой?

Спрятавшись в полумраке около экрана, двое мужчин и девушка прислушивались к словам тобора, которые доносились из приемника Грегсона. Со своего наблюдательного поста они отлично видели, как Сорн рассматривает картинки на экране.

— Сорн, в твоем последнем докладе говорилось, что ты находишься рядом с местом, где прячется Девяносто второй...

Райс положил могучую руку на приемник Грегсона, чтобы заглушить звук, и прошептал:

— Вот когда я дал ему порцию. Отличная была идея прихватить капсулу с вашим газом, Грегсон. Лучшей мне еще ни разу в голову не приходило. Я выстрелил в него с пятидесяти футов, он даже не успел ничего понять.

— ...Сорн, я знаю, ты еще жив. Я слышу, как ты что-то бормочешь себе под нос.

— В будущем надо поосторожнее с дозами,— заметил Райс.— Он только что не облизывает картинки. Сами видите — война с тоборами, считай, закончена.

Грегсон молча наблюдал за тем, как бывший командир тоборов возбужденно подпрыгивает перед экраном. Дюжина девушек демонстрировала свои прелести рядом с бассейном. Время от времени они ныряли в воду. Словно яркая вспышка, возникали длинные обнаженные конечности, загорелая спина, а потом они выбирались наружу. И все повторялось сначала. Снова и снова.

Проблема состояла в том, что всякий раз, когда Сорн пытался схватить одну из картинок, его тень падала на экран и закрывала изображение. Он в отчаянии бросался к другой, но и с ней происходило то же самое.

— Сорн, ответь мне!

На сей раз тобор остановился. Ответ, который он дал, вероятно, потряс штаб тоборов и повлиял на их армии, разбросанные по всему миру.

Грегсон еще крепче обнял Хуаниту за талию (она по-прежнему оставалась в халате, под которым таилась красота, при помощи которой она должна была спасти Грегсона), вслушиваясь в такие важные, такие решающие судьбу людей слова.

— Женщины,— сказал Сорн,— прекрасны!

Окончательное решение

Барр стоял на холме, возвышающемся над Звездой, столицей контролируемой людьми Галактики, и пытался собраться с мыслями.

Он знал, что робот-охранник стоит в темноте где-то слева от него. По гребню холма прошли мужчина и женщина, остановились, поцеловались и начали спускаться вниз. Барр едва ли заметил их. Его проблема затрагивала всю цивилизацию людей и роботов, отдельные личности были слишком мелки по сравнению с ней.

Даже бегство вражеского пленника несколько часов назад было незначительным эпизодом по сравнению с глобальными проблемами. Хотя вообще-то он рассматривал это как важное событие и приказал отрядам роботов из далеких городов подтянуться к столице и помочь в поисках. Однако ему еще лишь предстояло принять решение, которое позволит этим отдельным мерам выстроиться в стройную, направленную на достижение цели систему.

За спиной послышался глухой звук падения. Барр обернулся и увидел, что мужчина и женщина, по всей видимости занятые исключительно друг другом, натолкнулись на робота-охранника. И тот, потеряв равновесие, распростерся на земле. Мужчина наклонился, чтобы помочь ему встать.

— Простите! — сказал он.— Я не...

Он замолчал, коснувшись рукой одежды, под которой скрывалась набивка, в свою очередь прикрывающая кристаллическую структуру.

— Ох, да ты робот!

Он оставил попытки помочь охраннику подняться, выпрямился и бросил раздраженно:

— Я думал, роботы могут видеть в темноте.

Охранник наконец встал.

— Прошу прощения. Мое внимание было сосредоточено на другом объекте.

— За собой лучше следи! — резко ответил мужчина.

На этом инцидент закончился. Типичный обмен репликами между роботом и человеческим существом. Мужчина и женщина продолжили спуск с холма. Вскоре замигали фары автомобиля, и он исчез из виду за густым кустарником.

Барр подошел к охраннику. То, что произошло, было напрямую связано с важнейшим решением, которое ему предстояло принять.

— Какие чувства ты испытываешь? — спросил он и тут же пояснил свою мысль: — Ты не согласен с тем, что он тебя счел виноватым?

— Да, не согласен.— Охранник, до этого отряхивающий одежду, выпрямился.— В конце концов, ведь это он спускался с холма.

— У тебя возникло желание возразить? — настойчиво продолжал Барр, тут же, впрочем, пожалев об этом вопросе как слишком прямолинейном.— Хотелось ответить ему?

Охранник помолчал.

— Нет. У меня возникло чувство, что это чисто эмоциональный инцидент.

— Трудно вступить в контакт с человеческим существом на какой-то другой основе, кроме эмоциональной. Человеческие существа нетерпеливы, раздражительны, великодушны, чутки, бесчувственны... Этому перечню нет конца.

— Полагаю, вы правы, сэр.

Барр снова перевел задумчивый взгляд на огромный, раскинувшийся внизу город. Эффект звезды, которому столица была обязана своим названием, создавался хорошо различимым в ночи узором уличных огней. Все основные здания были сгруппированы таким образом, чтобы точки, в которых концентрировались огни, создавали нужный эффект. Барр заговорил снова, не оборачиваясь:

— Предположим, я, в рамках своей компетенции как директора Совета, прикажу тебе уничтожить себя...

Он заколебался. Поставленный таким образом вопрос едва касался поверхности волнующей его, несравненно более важной проблемы. Тем не менее он закончил:

— Как бы ты среагировал?

— Прежде всего я бы удостоверился, действительно ли вы отдали этот приказ в рамках своей компетенции,— ответил охранник.

— А потом? В смысле, если бы получил удовлетворительный ответ?

— Властные полномочия даны вам избирателями. Такой приказ не может быть одобрен Советом, если за ним не стоит народная поддержка.

— По закону,— сказал Барр,— с отдельными роботами можно поступить подобным образом. С человеческими существами, конечно, нет.

— У меня создалось впечатление,— сказал охранник,— что вы имеете в виду роботов вообще, не только меня.

Барр помолчал. До сих пор ему даже в голову не приходило, до какой степени он выдал свои тайные мысли.

— Как самостоятельная личность, ты повинуешься отданным тебе приказам.— Он помедлил.— Какая разница, о тебе речь или обо всех роботах?

— Не знаю. Отдайте приказ, и я решу, что делать.

— Не так быстро! — сказал Барр.— Отдать приказ... До этого дело еще не дошло...

Он замолчал и закончил фразу в уме: «...*пока*».

Человек — это гены и нервы. Робот — это кристаллы и электронные лампы. Нейронная ячейка человека не создает импульсов сама по себе, она реагирует на внешнее раздражение. Кристаллы робота вибрируют в соответствии с импульсом, полученным от электронных ламп; изменение в импульсе, являющееся реакцией на внешнее воздействие, приводит к изменению вибрации.

Человек ест и с помощью медицины поддерживает свой организм в эффективном состоянии. Робот перезаряжает батареи и заменяет лампы. И человек, и робот мыслят. Человеческие органы разрушаются, и ткани превращаются в прах, из которого вышли. Кристаллы робота под воздействием слишком долгой вибрации начинают искажать сигналы, испытывают усталость, которая и есть смерть робота. Является ли одна из этих форм жизни низшей по сравнению с другой?

Вот о чем размышлял Барр.

Поначалу люди вели себя так, как если бы роботы на самом деле не были живыми существами. Роботы делали работу. Они сражались в величайшей за всю историю челове-

чества галактической войне. Правда, человек определял стратегию и решал тактические задачи. Однако для людей это была кабинетная война. На космических кораблях летали роботы, и именно они под огнем приземлялись на чужих планетах.

Наконец некоторые люди забили тревогу по поводу господствующей роли роботов в человеческой цивилизации. Отчасти это был страх перед роботами, хотя открыто этот аспект никогда не признавался. Отчасти это было ощущение того, насколько беззащитным окажется человечество, если враг сумеет прорвать оборону роботов. Эти люди подсказывали такое решение: уничтожить всех роботов! Поставить людей в условия, когда они будут вынуждены снова взять на себя контроль над цивилизацией!

Считалось, что большинство людей слишком изнежены, чтобы воспротивиться принятию такого решения, а потом будет уже слишком поздно.

Раздираемый сомнениями Совет возложил принятие этого решения на Барра.

Охранник по указанию Барра взмахнул рукой, останавливая машину. Та подъехала, мерцая огнями, дождалась, пока они сели, и влилась в поток дорожного движения.

В следующий раз машина остановилась рядом с группой юношей и девушек. Они удивленно уставились на броскую эмблему директора на рукаве Барра, но тут же разбежались по ярко освещенному парку развлечений.

Барр медленно вышел наружу. Он сознательно приехал сюда — чтобы попытаться ощутить атмосферу, вобрать в себя как можно больше впечатлений. В нескольких сотнях футов над головой пронесся робот, потом второй, и еще, и еще. Барр стоял на тротуаре и взволнованно наблюдал за ними.

Они со всех сторон слетались к многоэтажному зданию дальше по улице. Осторожно, с оружием наготове, приближались к верхним этажам. Как и во всех бизнес-центрах, вход в каждый офис был оборудован таким образом, чтобы там могли приземляться работающие в нем роботы. Им предстояло обыскать все помещения, включая самые укромные места. Враг тоже мог летать, хотя и не слишком хорошо в этой разреженной — для него — атмосфере.

Несколько минут Барр наблюдал за действиями роботов, а потом переключился на происходящее в парке. Разбросанные среди зелени оркестры состояли из роботов, извлекающих из своих инструментов быструю, ритмичную музыку, под которую танцевала огромная толпа людей. Барр перевел взгляд на охранника.

— У тебя никогда не возникало желания потанцевать? — спросил он и понял, что вопрос может быть воспринят не так, как он ожидал.— Я серьезно.

— Нет!

— А что тут такого? В смысле, реакция роботов по большому счету мало отличается от человеческой.

Мерцающие на человекоподобном лице глаза робота пристально разглядывали Барра.

— В самом деле?

— Да,— жестко ответил Барр.— Возможно, ты даже не отдаешь себе отчет, насколько на тебя влияют человеческие оценки. Тебе никогда не приходило в голову, что эти оценки могут быть неправильны?

Робот долго молчал. Когда он в конце концов заговорил, чувствовалось, что он хорошо продумал свои аргументы — в тех пределах, в которых позволяла его логика.

— Я был создан сто девяносто четыре года назад. Пришел в мир человеческих существ и роботов. Поначалу мне было дано задание изучить транспортные средства. Я справился с этой задачей удовлетворительно, как и со всеми другими, которые мне поручались в дальнейшем.

— Почему тебе поручили заниматься транспортными средствами? Тебя устраивало такое ограничение твоей деятельности?

— Ну... В то время была нехватка операторов транспортных средств,— ответил робот.

— А почему тебе не поручили изучить танцы? — спросил Барр и добавил: — Я имею в виду именно то, что сказал. Это не шутка.

— Какой в этом смысл? — спросил робот.

Барр кивнул на танцующие пары.

— А какой смысл в том, что *они* занимаются этим?

— Мне объясняли, что танцы стимулируют у людей процесс воспроизведения. У нас с этим проще. Мы просто создаем еще одного робота.

— Но какой смысл в воспроизведении личности, которая подрастет и, весьма вероятно, тоже станет только и делать что танцевать?

— Младенец, ребенок постарше, подросток, взрослый — все они нуждаются в роботах, которые заботятся о них,—

спокойно ответил охранник.— Если бы не было людей, о которых нужно заботиться, роботы стали бы не нужны.

— Но почему бы не создавать новых роботов независимо от того, нужны они людям или нет? Понимаешь? — все более настойчиво продолжал Барр.— Первоначальная задача выполнена. Роботы созданы. Они существуют и могут снова и снова воспроизводиться.

— Помню, подобные разговоры циркулировали в моем воинском подразделении,— медленно ответил робот.— Я предпочел забыть о них.

— Почему? — нажимал Барр.— Ты сознательно выкинул мысль о них из головы?

— Я пытался представить себе мир, где роботы живут, действуя только в своих собственных интересах...

— И заполоняют все вокруг, и колонизируют другие планеты, и строят новые города, и сражаются с чужеземцами,— продолжил Барр.— И к какому выводу ты пришел?

— Что это глупо. Что хорошего, если роботы распространятся по всей Вселенной?

— А что хорошего, если по всей Вселенной распространятся люди? — мрачно спросил Барр.

— Не понимаю, зачем директор Совета задает мне все эти вопросы,— ответил охранник.

Барр замолчал. Сегодня вечером он должен принять окончательное решение, а остается еще столько неясного.

Мышление — это память и ассоциации. В цепочках человеческих нейронных ячеек возникает электролитическое напряжение — разных видов в зависимости от различных внешних раздражителей. Если поступает целая серия одинаковых импульсов, цепочка активируется и воспоминания оживают. Активность охватывает все новые области нервной системы, и к начальным воспоминаниям присоединяются новые. Так возникают ассоциации.

Кристалл робота запоминает. Под воздействием внешних раздражителей каждая молекула выводит свои воспоминания на энергетический уровень восприятия. Так возникают и ассоциации, и мысли.

Барр подумал: «Даже в наше время люди воображают, будто их способ мышления "естественнее", чем у роботов».

Он и охранник сидели в кинотеатре на открытом воздухе. Вечер был душный, и все пропитывал запах, представляющий собой смесь духов и пота. Несмотря на это, парочки

сидели, тесно прижавшись друг к другу и сплетясь руками. Нередко девушка склоняла голову на плечо своего приятеля.

Барр критически наблюдал за происходящим на экране. Это была любовная история. Тщательно подобранные роботы, одетые как мужчины и женщины, проходили через все эмоциональные переживания человеческой любви, дозволенные роботом-цензором.

Барр думал: «Как будут развлекаться все эти люди, если я приму то решение, которое Совет на самом деле ожидает?»

Он не сомневался в правильности своего анализа. Несмотря на внешние колебания — несмотря на то, что Маркнелл переложил решение на его плечи,— Совет хотел, чтобы роботы были уничтожены.

Людям придется овладевать заново старыми умениями. Как играть, как работать с камерой — все сложности киноиндустрии. Они, конечно, *смогут* сделать это. Во время войны уже начали возникать кое-какие изменения, пока еще в эмбриональной стадии, несущественные сами по себе. Но они задали направление.

Неожиданно размышления Барра были прерваны. В полутьме задних рядов одинокий молодой человек рухнул на сиденье рядом с охранником. Несколько мгновений он смотрел на экран, потом лениво оглянулся по сторонам. Заметил охранника, замер на миг и тут же отвернулся с явным отвращением. Барр перегнулся через охранника и негромко сказал:

— Я заметил, что вы напряглись, увидев, кто сидит рядом.— Он не сводил взгляда с лица человека, но реакции не отметил.— Мне хотелось бы понять, какие мысли или эмоции у вас возникли.

Молодой человек неловко заерзал, бросив взгляд на блестящую эмблему на рукаве Барра.

— Ничего не могу с собой поделать,— пробормотал он.

— Это понятно.— Барр помолчал, мысленно формулируя следующее замечание.— Я провожу исследование для Совета и хотел бы получить искренний ответ.

— Просто не ожидал увидеть здесь робота.

— Вы хотите сказать, роботу здесь не место? — Барр кивнул на экран.— Потому что показывают человеческую любовную историю?

— Что-то в этом роде.

— И тем не менее в фильме играют роботы.— Это замечание показалось самому Барру слишком очевидным, и он

быстро добавил: — Значит, соответствующие ассоциации доступны их пониманию.

— Они в таких делах хорошо навострились,— ответил человек.

Барр откинулся назад, чувствуя себя сбитым с толку. Еще одна неопределенная реакция. По каким меркам можно судить об уме и жизненном опыте, если не по деятельности и достижениям?

— Предположим, я говорю вам,— сказал он,— что роботы получают удовольствие от света.— И снова Барр почувствовал, что выражается неточно.— Кристаллическая нервная система активизируется под воздействием света и звука. Пение, музыка, движения людей — все это доставляет удовольствие.

— Что роботу делать там, где идет речь о сексе? — спросил человек и засмеялся, неожиданно придя в хорошее настроение, словно сделал неопровержимое замечание. Он встал, пересел в другое кресло и сказал оттуда: — Простите, я не могу больше разговаривать с вами, хочу смотреть кино.

Барр едва слышал его. Он пробормотал себе под нос:

— Мы выращиваем кристаллическую структуру в питательном растворе, и вначале она растет как продолжение нашего собственного сознания. Этот рост сопровождается утонченным, экстатическим ощущением полуболи-полувозбуждения. Примерно то же самое, что испытывает человек во время секса.

У роботов был огромный секрет, и до Барра внезапно дошло, что он едва не проговорился о нем. Но нет, сказанного недостаточно для понимания. И все же эта мысль отрезвила его.

Между двумя формами жизни шла борьба за выживание, а в такой борьбе, как известно, все средства хороши...

И снова мрачные размышления Барра были прерваны. В пустое кресло рядом с ним опустился высокий мужчина и сказал:

— Привет, Барр. Мне сказали, что ты здесь. Я хочу поговорить с тобой.

Барр медленно повернулся.

Он устремил долгий взгляд на главу человеческого отдела Совета, размышляя: «Как он нашел меня? Приставил шпионов?»

— Привет, Маркнелл,— сказал он и, чувствуя себя напряженно в этой ситуации, добавил: — Мы можем поговорить в офисе завтра утром.

— То, что я хочу сказать, не может ждать до утра.

— Звучит интригующе,— ответил Барр.

Он в который раз осознал, какой напористый, целеустремленный человек Маркнелл. Во всяком случае, у него хватит решимости и убить. Однако сам его тон наводил на мысль, что надвигается переломный момент. Барр подумал, что в самом деле может погибнуть, если заподозрит слишком многое.

Он почувствовал недовольство собой, тем, что пришел сюда в сопровождении одного-единственного охранника. Подумал — не стоит ли связаться с воинским подразделением роботов, отозвать часть их сюда, чтобы они, в случае чего, защитили его? И отбросил эту мысль, по крайней мере до тех пор, пока не выяснит, чего Маркнелл хочет.

У самых надежных — с его точки зрения — роботов-солдат имелся один недостаток: они были легко узнаваемы. После войны их всех обработали химическим препаратом, который не повреждал, но обесцвечивал доступные взгляду участки кристаллической структуры. Это надругательство было совершено, когда Барр и бóльшая часть роботов-офицеров все еще находились в удаленных штаб-квартирах.

Барр расценил это как способ опознавать по виду самых выдающихся солдат, которые могли быть опасны для людей. Хотя бы поэтому, позже уговаривал он себя, его действия оправданны.

— Что у тебя на уме? — снова заговорил он.

— Детьми заинтересовался, а? — Маркнелл лениво взмахнул рукой, охватывая этим движением половину парка развлечений.

— Да,— сказал Барр.— Детьми!

Он расценил это замечание как психологическую атаку, как попытку сделать вид, будто только незначительное, совсем юное меньшинство людей проводит жизнь в удовольствиях. Довольно любопытно: столь явная попытка подмены понятий предназначалась тем не менее для того, чтобы заронить семена сомнения в его сознание. Это было слишком нарочито сделано и демонстрировало понимание его проблемы. И означало, что могут быть предприняты контрмеры.

Барр решил первым перейти в наступление и сказал холодно:

— Не вижу, что ты можешь сделать. Из-за бегства вражеского пленника в столице сейчас сосредоточены двести тысяч роботов-солдат.

— Надо же, как много.— Движение, которым Маркнелл откинулся назад, показывало: он прекрасно понимает, что кроется за словами Барра. Маркнелл прищурился.— Ты допустил ошибку, так быстро раскрыв свои карты. Я надеялся, ты будешь осторожнее. При таком подходе пространство для компромисса сужается.

— Только если компромисс неубедительный! — жестко заявил Барр.

И тут же пожалел о сказанном, поскольку это была неправда. Человеческая история полна удивительных компромиссов. Было время, когда он считал их результатом свойственной людям нелогичности. Потом он занялся углубленным изучением человеческих эмоций с расчетом обнаружить эмоциональные ассоциации, свойственные роботам. И постепенно до него дошло, что из-за постоянного контакта с людьми его собственные позиции и реакции автоматически стали чисто человеческими. Даже достижения роботов-ученых в области дублирования человеческих сексуальных ощущений коренились в убеждении, что было что дублировать.

Барр выбросил из головы эти несвоевременные мысли. Время для сомнений прошло.

— Мне достаточно лишь подать радиосигнал, и человеческая раса исчезнет из Вселенной,— сказал он.

— Ну, вряд ли этого на самом деле достаточно,— возразил Маркнелл и обнажил зубы в невеселой улыбке.

Барр отмахнулся от него. Этот жест тут же смутил его, он выглядел как бессознательная имитация человеческой раздражительности. Он спросил резко:

— Можешь привести хотя бы одну причину, по которой этот приказ не должен быть отдан?

Маркнелл энергично закивал:

— Ты забыл кое-что. Одну совсем маленькую вещь.

Он замолчал, мрачно и в то же время как бы поддразнивая.

Барр откинулся назад, обдумывая, о чем идет речь. Он был в недоумении, следовало признать. И сказал себе, что проблему нужно рассмотреть по частям. Контроль над топливом, энергией и материалами, необходимыми для создания роботов,— полностью в руках роботов. Контроль над общественными предприятиями, в которых они нуждаются,— в руках роботов. Контроль над общественными предприятиями, в которых нуждаются люди, принадлежит роботам, ничего не знающим об этом заговоре. Производство продовольствия для людей рассредоточено по всей планете; там трудятся только роботы, но полный контроль практически невозможен.

Все именно так, как он и представлял себе. Нет ничего, что могло бы помешать роботам доминировать. Война снабдила его опытом, могущим потребоваться для такого развития событий. Внезапное фантастическое предложение Совета — об уничтожении всех роботов — создало необходимость для принятия жесткого, черно-белого решения.

Он холодно сказал, недовольный тем, что вынужден задавать вопрос:

— Что я забыл?

— Что вражеский пленник сбежал!

— Какое это имеет отношение к проблеме?..— начал Барр и вдруг замолчал; на него снизошло озарение.— *Ты* позволил ему сбежать!

— Да.

Барр пытался понять, что бы это значило. И вынужден был отступить, озадаченный.

— Я хорошо представляю себе, что может произойти, если потенциально опасного монстра выпустить на свободу в большом городе,— медленно заговорил он.— Это происшествие дает мне возможность ввести особые отряды туда, где обычно их нет. В результате сегодня ночью роботы захватят власть в столице Галактики — в тот момент, когда я отдам приказ.— Он развел руки типично человеческим жестом замешательства: — Не вижу, чтобы бегство пленника имело существенное значение с точки зрения моих планов.

Маркнелл встал.

— Будет иметь,— сказал он.— Будет.

Он возвышался над Барром.

— Друг мой,— продолжал он,— когда мы обнаружили, что ты, как командующий армией, начал внедрять идею того, что роботов можно рассматривать как самостоятельную расу...

— Это была не только моя идея,— прервал его Барр.— Таково мнение всех командиров высшего звена. Видишь ли, пришло время роботов. К несчастью, люди слишком долго цеплялись за свои старые привилегии.

Маркнелл, словно не слыша, продолжал:

— Впервые в истории союза людей и роботов мы решили назначить робота директором Совета. Ты, по-видимому, не оценил этот дружеский жест. И использовал свою огромную власть для того, чтобы расширить сети заговора роботов против людей.

— Можно ли считать, что одна раса замышляет заговор против другой,— спросил Барр,— если ее единственная первоначальная цель — добиться равенства? Боюсь, мы сталкиваемся здесь с очень давними элементами принципиального непонимания. Оно обусловлено высокомерным отказом части людей признать справедливыми устремления и чаяния другой формы жизни.

Маркнелл вперил в Барра пристальный взгляд.

— Не могу отделаться от ощущения, что ты всерьез обдумываешь возможность создать мир без людей. Это меня поражает — в чисто интеллектуальном плане. Роботы нуждаются в людях. Они зависят от человеческой цивилизации даже больше, чем само человечество.

— Напротив, роботам вовсе не нужны технические достижения современной цивилизации, если именно их ты имеешь в виду,— возразил Барр.— Робот в состоянии выжить в дикой местности, имея лишь снаряжение, которое способен унести с собой. Все материалы, из которых состоит его тело, извлечены из земной коры. Батареи он заряжает от земли или воздуха. Любую свою потребность он может удовлетворить с помощью имеющихся у него инструментов и знаний. Во время войны было доказано совершенно определенно, что робот в состоянии выжить в условиях, в которых большинство людей погибли бы.

Маркнелл покачал головой.

— Это все болтовня в духе абсолютизма. Ты и сам понимаешь, что не стоит сравнивать роботов и людей на таком уровне. Барр, ты всерьез разочаровал меня.

— А ты меня,— мрачно ответил Барр.— Когда я услышал, что ты предлагаешь мне рассмотреть вопрос уничтожения всех роботов...— Он помолчал, пытаясь справиться с охватившим его гневом.— На данном этапе я пришел к убеждению, что, имея дело с человеческими существами, нужно рассуждать исключительно в терминах абсолютизма. Наше прежнее стремление к компромиссному решению основывалось на надежде, что люди смогут...

— Барр, это ты первым проявил свою позицию, не мы,— прервал его Маркнелл.— Ты поддался эмоциям и тут же

переключился на мысль об уничтожении человеческой расы. Это мы и хотели выяснить. Ты не сделал должных выводов из того факта, что мы поставили эту задачу именно перед тобой. Ты предпринял необходимые, по твоему мнению, шаги к уничтожению нас, а потом отправился собирать впечатления, под тем предлогом — как я полагаю,— что нуждаешься в убедительных доводах для принятия окончательного решения.

— Получается, что на основе *моей* эмоциональной реакции вы беретесь судить, должна существовать раса роботов или нет,— сказал Барр.— Маркнелл, между роботами не меньше различий, чем между людьми. Эти различия зависят от цепочки ассоциаций, возникших в сознании индивидуума на основе его жизненного опыта. С одной стороны, есть я и мне подобные. Наш жизненный опыт настолько богат, что ни одна идея не кажется нам чересчур радикальной. С другой стороны, есть мой охранник, мирящийся со своей ролью в жизни практически безоговорочно. Я убежден, что в прежние дни, когда человечеством правили тираны, было немало людей, которые с таким же смирением принимали свой жалкий жребий... Но хватит об этом. Я сожалею о необходимости действовать в духе абсолютизма. Однако именно таким образом люди ведут свои войны. И мы тоже будем сражаться подобным образом. Если ты не в состоянии привести мне ни одного логического довода, почему это не должно быть сделано, я сейчас же отдам приказ своим солдатам.

— Я уже привел его тебе,— ответил Маркнелл.— Бегство вражеского пленника.

Да, и правда, Барр совсем забыл об этом.

Прошла минута, а он все еще не понимал, при чем тут бегство пленника. Потому что речь шла только об одном пленнике. Если бы о тысячах, тогда угроза была бы очевидна. Низкая численность — как следствие низкого уровня рождаемости — была главной проблемой врага. Взрослый чужеземец настолько силен, что его можно сразить лишь целым потоком энергетических лучей.

Маркнелл уже уходил. Барр вскочил и бросился вдогонку. Когда он вырвался из замкнутого пространства кинотеатра в парк, на него нахлынули волны танцевальной музыки. Догнав Маркнелла, он зашагал рядом.

— Тебе любопытно? — спросил человек и кивнул, как бы отвечая самому себе.— Вряд ли ты в состоянии сам докопаться до всех тонкостей тайных планов представителей другой

расы. Позволь мне объяснить тебе, как я это понимаю. У тебя есть некоторый план уничтожения людей, правильно?

— Люди никогда не признают роботов равными себе,— просто ответил Барр.— Идея Совета — уничтожить всех роботов — демонстрирует такую фундаментальную бесчувственность, что противоречия становятся непреодолимы.

— Как бы то ни было, ты задумал уничтожить нас. И как ты собираешься сделать это? — спросил Маркнелл.

— Неожиданное восстание,— ответил Барр,— на всех планетах сразу. И не пытайся уверить меня, что для большинства людей оно не станет неожиданным.— Он помолчал, ожидая реакции, и, не дождавшись ее, продолжал жестко: — Непрекращающиеся нападения, методичное уничтожение изолированных групп с помощью голода и других методов, разгром всех человеческих армий. Без жалости, без пощады. Это борьба за выживание.

Он увидел, как кровь отхлынула от лица Маркнелла. В конце концов советник мрачно сказал:

— Ты действительно собираешься уничтожить нас. Барр, теперь я вижу, как ты взволнован. Возможно, мы действовали слишком жестоко. Люди тоже совершают ошибки. Однако сам факт того, что ты готов перейти к решительным действиям, доказывает, что с нашей стороны было разумно поднять эту проблему. Сейчас, однако, для меня важнее всего добиться, чтобы ты задумался над возможностью другого решения.

Это замечание разозлило Барра.

— Одно из самых широко распространенных мнений среди людей сводится к тому, что роботы — существа логические и держат свои эмоции под контролем. Наблюдая за людьми на протяжении многих лет, я пришел к выводу, что это соответствует действительности. Отсюда следует вывод, что мое мнение касательно этой важнейшей проблемы более обоснованно, чем твое.

— Лично я считаю концепцию о так называемом логическом превосходстве роботов не вполне правильной. Что касается эмоций...— Маркнелл покачал головой.— Барр, ты сам не понимаешь, что говоришь.

— Можно было бы обсудить возможность другого решения, если бы ты действительно выступал от лица остальных людей, а не только от своего собственного,— резко произнес Барр.— Сколько новых законов вы ни примете, эта толпа не обратит на них ни малейшего внимания,— он сделал выразительный жест в сторону танцующих.— Маркнелл, пройдут сотни лет, прежде чем большинство людей признают, что роботы такие же живые, как они.

— Значит, ты требуешь немедленных действий,— язвительно сказал Маркнелл.— Внезапно, после тысячи лет медленного развития, главным образом в области механики, мы должны резко изменить свою позицию. Но мы оба знаем, что люди быстро не меняются. Тебе следовало принимать в расчет консервативный характер сознания и людей, и *роботов.* Не упускай из виду последнего обстоятельства, Барр. Есть роботы, которые тоже будут сопротивляться необходимости повзрослеть. Тебе придется воспитывать их, медленно, болезненно, и даже потом многим из них это не будет нравиться.

Барр не отвечал. Это было больное место — те роботы, которые вели себя не как живые существа, а как тупые механизмы. Это всего лишь проблема общения, сказал он себе. Процесс может быть медленным или быстрым, в зависимости от того, сколько людей находятся поблизости и внушают роботам то, что им выгодно. Он собирался высказать эту мысль, но Маркнелл опередил его:

— Кроме того, нам вовсе не понадобятся сотни лет. Современные методы пропаганды очень могущественны, ты знаешь это не хуже меня. И есть еще кое-что. Чего ты ждешь от людей? Ты жаждешь уничтожить их за то, что на протяжении долгих лет они воспринимали роботов как механических рабов? Или ты в состоянии обсудить идею общества людей и роботов, которое может существовать на условиях толерантности и уважения к достижениям друг друга? Видишь ли, друг мой...

Барр взмахнул рукой, останавливая Маркнелла. Это все хитроумные слова, предназначенные для того, чтобы он поверил в возможность равного статуса для людей и роботов. Немало умных голов потрудилось, чтобы внушить ему, будто наступит день, когда люди станут уважать роботов и все пойдет как надо. А пока, дескать, пусть жизнь идет своим чередом. Тем временем люди начнут-таки наконец сами заниматься производством, хотя бы отчасти, в особенности заводами и фабриками. И постепенно уравновесят силы, преодолеют имеющий место ужасающий отрыв от роботов — в том, что касается оружия и получения технического образования, которым сейчас владеют единицы. Только на протяжении еще

нескольких лет они будут уязвимы. Может, такая ситуация никогда больше не повторится в истории Галактики.

— Маркнелл,— сказал в конце концов Барр,— человек под дулом пистолета всегда склонен дискутировать и признавать свои ошибки. Всего несколько лет назад, до — или даже во время — войны, мы, возможно, с благодарностью приняли бы компромисс, который ты предлагаешь. Но не сейчас. Более ста миллионов роботов погибли во время войны. Рядом с этим фактом твои увертки и отчаянные призывы выглядят как дешевка и бессмыслица... Хватит, у тебя остается одна возможность. Почему бегство пленника должно удержать меня от приказа о начале восстания?

После мгновенного колебания Маркнелл ответил:

— Я обращу твое внимание лишь на один аспект этого события. Подумай, двести тысяч элитных солдат уже столько времени не в состоянии поймать одного-единственного чужеземца. Начав войну с людьми, ты будешь вынужден гоняться не за одним врагом, а за несколькими миллиардами. Если это не заставит тебя остановиться, уж и не знаю, к каким еще доводам прибегнуть.

Сначала Барр испытал чувство огромного облегчения. И тут же рассердился на себя за то, что так волновался. В конце концов он справился с эмоциями и смог спокойно обдумать сказанное.

Хотя, собственно, особенно обдумывать было нечего. Все эти детали уже рассматривались. Решающим фактором была не численность, а контроль над оружием, промышленным производством и, конечно, стратегически выгодная позиция. Ни один робот-командир не сомневался, что времени потребуется немало. Более того — скорее всего, до конца человеческая раса так и не будет уничтожена. Но даже несколько миллионов, затаившихся на множестве планет, для хорошо организованной цивилизации не будут представлять опасности.

Барр хотел изложить свои соображения, но одернул себя. Неужели *это* все, что Маркнелл в состоянии предложить в качестве сдерживающего довода? Нет, наверняка есть что-то еще.

Ведь это такая малость! Она никак не соответствует масштабу угрозы человечеству. Нет, определенно должно быть что-то еще.

И он непременно выяснит, что именно.

Маркнелл между тем не сводил с него настороженного взгляда, в котором, однако, ощущалось и любопытство.

— Барр, это интересно — наблюдать за твоей реакцией,— сказал он.— В ней столько человеческого!

Барр и сам понимал это, что не доставляло ему удовольствия. В особенности эта схожесть вызывала раздражение из-за секретных экспериментов на новых роботах, еще не сформировавших у себя типичных для всей расы характеристик. Человечески ориентированные учителя неосознанно внедряли в их разум человеческие ассоциации. Пройдет несколько поколений, прежде чем удастся от этого избавиться.

Маркнелл продолжал:

— На это мы и рассчитываем, Барр. На человечность. Нравится тебе это или нет, но она существует, пронизывая всю нервную систему роботов. Ее уничтожить ты не в состоянии. И когда десять лет назад твои ученые, Барр, в конце концов обнаружили, что процесс роста кристаллов — до этого происходящий в закрытых лабораториях — является столь долго разыскиваемым вами заменителем секса, вы все угодили в ловушку, выбраться из которой невозможно.— Что-то во взгляде Барра заставило его остановиться.— О, я и забыл! Это секрет, так ведь? — Однако в тоне Маркнелла не чувствовалось сожаления.

— Откуда тебе известно то, о чем знают даже очень немногие роботы? — почти равнодушно спросил Барр.— Ты...— Он не мог найти ответа на свой вопрос.

Маркнелл заговорил с прежней настойчивостью:

— Я хочу, чтобы ты подумал, хорошенько подумал. Нет ли какой-либо прорехи в твоем плане? Крошечной, но внушающей тебе опасения? Чего-то такого, что ты, возможно, стараешься скрыть даже от самого себя, но что тем не менее существует?

— Чушь,— холодно ответил Барр.— Ты и сам понимаешь это.

Маркнелл пропустил его слова мимо ушей.

— Все, о чем я говорю, ново для тебя. Ты пока не представляешь, как к этому относиться. Я застал тебя врасплох. Барр, боюсь, это может разорвать тебя на части.

— Нет никакой прорехи! — воскликнул Барр.— Никакой. Если больше тебе нечего сказать, Маркнелл...

Человек взглянул на часы, покачал головой и решительным тоном произнес:

— Директор Барр, мы предлагаем вам полное равенство.

— Слишком поздно! — упрямо повторил Барр и с усмешкой добавил: — Что, так и будем ходить по кругу?

— Барр, столетия назад люди делали всю работу сами, состязались между собой за право быть экспертами в технике и управлять производством. Такие вещи дают чувство личного удовлетворения, от которого не захочет отказаться ни один робот, как только поймет, что является альтернативой этому.

— Мы будем управлять производством, но ради собственной выгоды! — взорвался Барр и добавил, не в силах сдержаться: — Значит, теперь вы хотите сделать рабство привлекательным для рабов.

— Люди нуждаются в роботах и vice versa*. Мы вместе подняли цивилизацию до невиданных высот. В этом мире все взаимосвязано.

— Люди нуждаются в роботах, да, но обратное неверно,— нетерпеливо возразил Барр и повторил: — Маркнелл, если это все...

Маркнелл наклонил голову и медленно произнес:

— Ну, значит, так тому и быть. Я пытался помочь тебе найти легкий выход из этой ситуации, но ты не пожелал прислушаться к моим словам. И, вот странность, ты продолжаешь игнорировать подсказку, которую я тебе дал.

— Итак, мы возвращаемся к побегу чужеземца,— сказал Барр и сделал рукой отстраняющий жест.— Нам, роботам, следует опасаться чужеземца, представителя расы, с которой мы сражались на смерть!

— Нет,— мягко возразил Маркнелл,— вам следует опасаться того, где сейчас находится этот чужеземец.

— Что ты имеешь в виду? — начал Барр, но внезапно его словно ударило.— Это невозможно! Вам ничего не известно о...

Все молекулы кристаллической структуры его мозга возбужденно завибрировали. Голос Маркнелла зазвучал как бы издалека.

— И это еще не все. Мы договорились с чужеземцем, и он согласился снабдить нас оружием... Давай лучше пройдем туда, где я смогу продемонстрировать тебе сказанное.

Он сжал плечо Барра, и тот, как слепой, позволил ему вести себя.

Они подошли к длинному зданию. Внутри у каждого входа стояли охранники, вооруженные энергетическими пистолетами, изготовленными роботами. По крайней мере, это

* Наоборот *(лат.)*.

еще было не чужеземное оружие. Люди встречали Барра холодными, недружелюбными взглядами.

Поначалу при виде их он почувствовал облегчение. Не было никаких признаков того, что здесь и впрямь замешаны чужеземцы.

Тут же в сознании возник вопрос: а что стало с роботами, охраняющими это здание? Как и по отношению ко всем другим стратегически важным для роботов центрам, Барр старался не привлекать к нему внимания. Трудность состояла в том, что центральную область контролировали люди, и приходилось проявлять повышенную осторожность, размещая тут роботов для охраны или исполнения других обязанностей. В результате их в таких местах было совсем немного. Наверняка роботов изолировали, как только возникли подозрения.

Барр осознал ситуацию. Посмотрел на Маркнелла и решительно заявил:

— Надеюсь, ты понимаешь, что я пришел сюда как солдат и в любой момент готов умереть.— Он мрачно усмехнулся: — Думаю, ты не станешь возражать, что в этом у роботов более богатый опыт, чем у людей. Причем приобретенный совсем недавно.

— Барр, меня восхищает твоя железная воля,— ответил Маркнелл.— Однако я еще раз предостерегаю тебя. Есть потрясения, с которыми даже ты не в состоянии справиться. Вспомни, одна только мысль о том, что, возможно, произошло, буквально парализовала тебя.

Парализовала? Барр мысленно вернулся к тому моменту, который имел в виду Маркнелл. Да, он поддался слабости, раздражению, но больше ничего не было. Да и не могло быть. Он разволновался лишь из-за того, что в результате мог пострадать сам ход эксперимента, вот и все. Эксперимента, который, к тому же, можно будет возобновить, пусть с другими роботами.

— Я пришел сюда, чтобы убедиться, что, как ты говоришь, чужеземцы снабдили людей оружием.— Барр покачал головой: — По правде говоря, в это плохо верится. Все наши попытки вступить в контакт с чужеземцами не увенчались успехом. Однако мой долг выяснить все до конца, даже ценой собственной жизни.

— Увидишь.

Маркнелл жестом указал Барру на дверь. Переступив порог, тот испытал ощущение, что оказался в ловушке.

Навстречу ему метнулось крылатое создание ростом больше восьми футов. По бокам головы выступали блестящие «рога», источающие голубое пламя электрической энергии. Они могли послать молнию такой мощи, которой хватило бы, чтобы вызвать короткое замыкание и выжечь все электрические соединения в теле робота.

Барр непроизвольно отступил.

И только потом вспомнил, что это «стеклянная» комната, где его отделяет от врага барьер из непробиваемого стекла. В прошлом именно отсюда велись наблюдения за ходом экспериментов над роботами, находящимися в огороженном пространстве. В дальнем конце комнаты видна была дверь в жилые помещения экспериментальных роботов.

Некоторое время Барр мрачно созерцал врага, а потом посмотрел на Маркнелла.

— Надо полагать,— сказал он,— если я не уступлю, ты откроешь дверь.— И поспешно добавил: — Это не даст желаемого эффекта, уверяю тебя.

— Барр, пока еще у тебя есть возможность спасти ситуацию, согласившись с моими доводами,— ответил Маркнелл.

— Человеческими доводами? — фыркнул Барр.— Конечно, ты будешь уверять меня, что другой такой возможности у роботов не будет.

— Расскажи мне о проводимых здесь экспериментах.

Барр заколебался, но потом напомнил себе, что этого следовало ожидать: в обмен на информацию ему тоже придется поделиться информацией.

— Здесь роботы жили в изоляции. Мы делали все, чтобы у них не возникли ложные представления о жизни. Им было известно о людях и чужеземцах, хотя они никогда не видели никого из них во плоти.— Барр сделал многозначительную паузу.— Все находящиеся в этом здании роботы полагали, что между ними и другими формами разумной жизни во Вселенной существует равенство.

— Что соответствует действительности,— сказал Маркнелл.

Явно пропагандистская природа этого заявления рассердила Барра.

— Не вижу смысла в продолжении этой дискуссии,— едко сказал он.— Давай вернемся в реальность. Что ты намерен предпринять?

— Конечно. Вот именно, в реальность,— Маркнелл нахмурился, как бы подбирая точные слова.— Как только я

узнал об угрожающей нам опасности, то сразу же, естественно, озаботился поиском средств, которые могли бы помочь нам отразить надвигающуюся атаку роботов. Среди прочего я посетил одного из захваченных во время войны чужеземных пленников. Если помнишь, именно по моему настоянию он был доставлен на Землю.

Маркнелл замолчал и потом, когда ответа не последовало, заговорил снова.

— Мое появление напугало чужеземца. Я, разумеется, явился в сопровождении роботов-охранников. Чужеземец решил, что я тоже пленник! И поначалу беседовал со мной именно с этих позиций. Я хотел объяснить ему, как устроена наша цивилизация, и вдруг до меня дошло, в чем смысл его странного заблуждения. Барр, ты отдаешь себе отчет в том, что чужеземцы никогда не сражались ни с кем, кроме роботов? Они думали, что это война между ними и роботами, и *даже не подозревали о существовании людей.* Конечно, я начал его расспрашивать. Выяснилось, что единственной причиной войны и того, что чужеземцы так отчаянно сражались, было то, что они считали роботов полностью чужеродными себе. Ты не представляешь, что стало с этим монстром, когда он понял, что я тоже представляю собой органическую форму жизни. Он из кожи вон лез, желая продемонстрировать мне свое дружелюбие. Ну, я и рассказал ему, как обстоит дело. Результат был таков, что он телепатически связался со своим верховным командованием. Пройдет всего несколько дней, и их корабли приблизятся ко всем контролируемым Землей планетам. Приняв условный сигнал, они высадятся, и люди получат в свое распоряжение оружие, чтобы сражаться с роботами, нашим общим врагом. Если понадобится, чужеземцы будут воевать бок о бок с нами. Думаю, Барр, ты понимаешь убийственную иронию этой ситуации. Получается, что война с чужеземцами не имела никакого смысла. Не думай, что люди не понимают своей вины перед вами. Эти настроения очень сильны. Огромное количество людей готовы снова активно включиться в созидательную жизнь нашей цивилизации... А теперь позволь продемонстрировать тебе мой последний довод. Здесь есть твой друг, один из экспериментальных роботов, которых мы обнаружили в этом здании.

Он отошел в сторону. Барр замер в ожидании, чувствуя странную пустоту внутри.

Из двери в дальнем конце помещения вышел робот. Один, без сопровождения охранников. На нем не было ни одежды, ни набивочных материалов, придающих фигуре робота сходство с человеческой. У него были суставчатые руки, ноги и подвижная голова. Кристаллическая «нервная система» пронизывала очень твердую прозрачную субстанцию. Правда, большая часть тела была непроницаема для света на уровне человеческого восприятия, но Барр видел каждую лампу, каждый подвижный элемент.

Он смотрел — зачарованно, напряженно.

— Черт, директор, ты, конечно, удивлен, увидев, что люди обнаружили нас,— заявил робот.— Рад сообщить, однако, что, хотя мы испытали потрясение, оно не оказало на нас разрушительного воздействия.

— Я... Я тоже рад этому...— пробормотал Барр, но потом взял себя в руки и добавил: — В этом мире вас ждет немало потрясений.

Экспериментальный робот перевел взгляд на Маркнелла.

— Это, значит, один из тех, кто вместе с нами обитает во Вселенной. Надеюсь, ты не станешь возражать, если я скажу, что к нам, роботам, природа более щедра.

Барр с жалким видом бросил взгляд на Маркнелла и пробормотал что-то себе под нос, но потом снова сумел справиться с собой и сказал твердо:

— Ты абсолютно прав.

— Я просто имею в виду,— продолжал второй робот,— все те трудности, которые приходится преодолевать представителям органической формы жизни. Им нужна еда, в качестве которой выступают другие органические существа. Они зависят от множества самых разнообразных факторов — погоды, наличия в почве необходимых элементов и так далее. Просто не верится, что они вообще смогли возникнуть. Я лично ничуть не сомневаюсь, что они — более поздняя форма жизни. Директор, какая на этот счет существует теория? Логически рассуждая, именно роботы появились первыми.

Барр начал было что-то отвечать, но Маркнелл остановил его, коснувшись руки экспериментального робота.

— У нас тут возникли кое-какие сложности,— сказал он.— Сейчас тебе предстоит близкое знакомство с еще одной органической формой жизни. Вон туда, через эту дверь в огороженное стеклом помещение.

Барр провожал их взглядом, когда они вдвоем пошли вдоль стеклянной стены. В глазах у него потемнело, как будто перед ним разворачивался черно-белый фильм. В отдалении загрохотал гром. Он ощутил его как сильнейшую вибрацию в своей кристаллической структуре. Внезапно перед его внутренним взором возникла расплывчатая картина того, что произойдет дальше. Чужеземец испускает огненную молнию, обрушивая ее на беззащитного робота. Барр почти ощутил все те чувства, которые в последний момент нахлынут на робота: удивление, боль и полное отчаяния осознание неминуемой близкой смерти.

Все это промелькнуло в его сознании. Робот протянул руку к двери, Маркнелл возился с замком. Барр надеялся, что он повернется и обратится к нему с новым призывом, но этого не произошло. Он подумал: «Маркнелл ждет, что я сломаюсь. Рассчитывает, что я остановлю его».

Какая нелепость! Только потому, что этот робот был выращен из его кристаллической структуры...

Маркнелл наконец справился с замком, и тут Барр с изумлением услышал панический крик:

— Маркнелл!

Барр потрясенно понял, что кричал он сам. И тем не менее...

— Да, Барр? — спросил Маркнелл.

Барр попытался вновь расшевелить свою ярость, но не смог. Вибрация мешала сосредоточиться; и, однако, многое, чего он до сих пор не понимал, внезапно стало совершенно ясно.

— Маркнелл, я согласен!

— Тогда отдай соответствующее распоряжение,— безжалостно ответил человек.— У меня есть радио, настроенное на волну связи с роботами.

Он повернулся ко второму роботу:

— Думаю, нам лучше отложить момент вашего знакомства. Этот приятель очень уж темпераментный.

— Я не боюсь.

— В другой раз,— стоял на своем Маркнелл.— А сейчас возвращайся к себе.

Робот посмотрел на Барра, и тот кивнул. Когда робот ушел, Барр спросил:

— Что я должен передать?

Маркнелл протянул ему листок бумаги. Барр прочел:

«На основе соглашения, достигнутого между лидерами людей и роботов, признается полное равенство обеих форм жизни. Детали прорабатываются. Всем отрядам особого назначения

немедленно вернуться к местам постоянной дислокации и перейти к этапу подготовки к жизни в новой эре тесного сотрудничества между двумя великими, равноправными расами».

Передав это сообщение, Барр поднял взгляд и увидел протянутую руку Маркнелла.

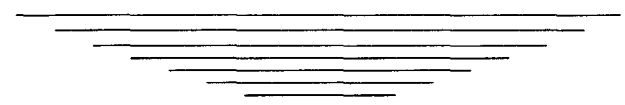
— Поздравляю — как отец отца. У тебя прекрасный сын, Барр.

Они обменялись крепким рукопожатием.

Часть 2

Иные миры, иные войны

Буколика

Купаясь в ярких лучах далекого солнца, лес жил и дышал. Он уже улавливал присутствие космического корабля, только что пронзившего легкую дымку верхних слоев атмосферы, но извечная ненависть леса ко всему чужому еще не успела проявиться в тревоге.

На площади в тысячи квадратных километров переплелись его корни, образуя единую подземную сеть; вершины бесчисленных деревьев беспечно покачивались под легкими прикосновениями лениво ласкающего их бриза. Дальше, простираясь через холмы и горы, вдоль побережья бескрайнего моря поднимались другие леса, такие же огромные, как первый.

Восстанавливая в памяти самые древние события, след которых еще не полностью стерся, лес вспомнил, что однажды уже отстаивал свою территорию от какой-то неясной опасности. Постепенно он улавливал характер этой угрозы — она тоже была связана с космическим кораблем, похожим на тот, что сейчас спускался с неба. Лес был не в состоянии отчетливо вспомнить, каким образом он добился тогда победы, но в том, что ему пришлось сражаться, был уверен. По мере того как лес все полнее осознавал приближение несущегося в розовато-сером небе корабля, его листва начала тихо нашептывать легенды об ушедших в прошлое победных битвах. Его медленно текущие мысли неторопливо распространялись по чувствительным каналам, и вот уже могучие ветви тысяч деревьев затрепетали почти незаметно для глаза. Этот трепет, постепенно охвативший все деревья, сопровождался легким шумом, породившим ощущение напряженности. Вначале шум был почти неуловим, словно его вызвало легкое дуновение пронесшегося над зеленой долиной ветерка, но мало-помалу

он усилился, расширился и захватил весь лес, который напрягся, дрожа от ненависти и пристально следя за приближающимся кораблем.

Корабль, описывая дугообразную траекторию, быстро увеличивался в размерах. Теперь, когда он был совсем низко, его скорость и размеры оказались гораздо более впечатляющими, чем представлялось лесу вначале. Корабль угрожающе спланировал над лесом, затем опустился еще ниже, не заботясь о том, что он уже задевал вершины деревьев. Затрещали ветви, вспыхнули тонкие побеги; могучие деревья были сметены страшным вихрем, словно ничтожные былинки, бессильные и невесомые. Корабль продолжал спуск, пробивая себе путь через стонущий и ревущий лес. Он приземлился, тяжело продавив под собой почву, в нескольких километрах от того места, где коснулся первой вершины. Позади осталась уродливая просека, заваленная трепещущими останками сломанных деревьев. Этот длинный прямой путь разрушения отчетливо выделялся на фоне зеленого лесного массива. И лес внезапно вспомнил, что все происходящее сейчас было лишь повторением прошлого.

Лес немедленно приступил к отторжению поврежденных участков. Он оттянул из искалеченных деревьев все соки, и дрожь листвы на пострадавшей территории прекратилась. Позже он направит сюда молодые побеги, чтобы восстановить утраченное, но сейчас он принимал поразившую его частичную смерть, смиряясь со случившимся, и чувствовал при этом страх,— страх с примесью гнева. Ему приходилось терпеть присутствие этого пришельца, лежавшего на его раздавленных стволах, на еще продолжавшей жить части его тела. Он ощущал холод прочной стальной оболочки корабля, и по мере того, как рос страх, нарастал и гнев. Шепот памяти распространился по его чувствительным каналам. Подожди немного, говорила она, где-то в моих недрах должно было сохраниться воспоминание о тех временах, когда прилетели другие корабли, похожие на этот. Однако прошлое отказывалось проясняться. Напряженный, но еще не до конца уверенный в себе, лес приготовился к первой атаке. Он начал расти вокруг корабля.

Давно, очень давно он осознал свою невероятную способность к росту. Это было в те времена, когда он еще не занимал столь обширную площадь, как сейчас. Однажды он заметил, что вскоре соприкоснется с другим лесом, подобным ему. Две растущие массы деревьев, два гиганта на бесконеч-

но ветвящихся корнях медленно, осторожно приблизились друг к другу, испытывая взаимное восхищение, но не теряя бдительности, удивленные тем, что рядом могло существовать еще что-то такое же живое. Оба леса сошлись, коснулись друг друга... и началось сражение, длившееся много лет.

Во время этой затянувшейся битвы в центральной части леса практически прекратился любой рост. Деревья перестали выпускать новые ветви, листья, подчинившись суровой необходимости, стали более жесткими и приобрели способность выполнять свои функции на протяжении гораздо более длительного, чем обычно, периода. Даже корни развивались замедленно — все силы леса были отданы наступлению и обороне. За одну ночь вырастали настоящие стены из деревьев. Огромные корни, вертикально углубившись в почву, прокладывали затем горизонтальные галереи длиной во много километров. Пробиваясь через скальные породы и руды металлов, они создавали живые стены, стараясь преградить путь вторжению растительности противника. На поверхности живые барьеры разрастались настолько, что на протяжении десятков километров стволы стояли почти вплотную друг к другу. На этой стадии великая битва в конце концов утихла. Каждый из противников признал непреодолимыми воздвигнутые врагом препятствия. Значительно позже лес принудил к такому же статус-кво еще один лес, атаковавший его на другом фронте.

Образовавшиеся при этом границы вскоре стали для леса такими же естественными преградами, как простирающееся на юге безбрежное море или как леденящий холод, господствующий круглый год на заснеженных вершинах гор.

Как во время сражений с другими лесами, лес бросил против вторгшегося в его владения пришельца все свои силы. Его деревья тянулись к небу со скоростью метра в минуту. Ползучие растения тут же карабкались по ним и перебрасывали гибкие висячие мостки через корабль. Вскоре неудержимый поток растительности хлынул на металл корабля, переплеснулся через него и соединился с деревьями на другой стороне. Корни деревьев глубоко проникли в земные недра и укрепились в твердых породах, более прочных, чем любой когда-либо построенный корабль. Деревья достигли невероятной толщины, лианы превратились в чудовищные тросы. Когда дневной свет сменился сумерками, корабль уже был погребен под тысячетонной массой растительности, настолько плотной, что его даже нельзя было разглядеть.

Для леса настало время перейти к действиям, завершающим уничтожение агрессора. Сразу же после прихода ночи

под кораблем закопошились мельчайшие корешки. Они были микроскопически малы и настолько тонки, что их диаметр у окончания не превышал нескольких десятков атомов. Поэтому металлические стенки корабля, казавшиеся твердыми и непроницаемыми, были для них почти пустотой. Они без малейших усилий проникали в закаленную сталь.

В этот момент корабль неожиданно нанес ответный удар. Металл его стенок начал разогреваться и быстро раскалился докрасна. Этого было достаточно — микроскопические корешки мгновенно съежились и погибли. Находившиеся поблизости более крупные корни начали медленно воспламеняться по мере того, как до них доходил иссушающий жар. На поверхности земли разразилась новая трагедия. Из сотен отверстий, появившихся в корпусе корабля, вырвалось пламя. Сначала загорелись лианы, затем огонь охватил деревья. Это не было похоже ни на вспышку неконтролируемого пламени, ни на яростный лесной пожар, с неукротимым пылом скачущий с дерева на дерево. Лес уже давно научился подавлять огонь, возникающий после удара молнии или в результате самовозгорания,— для этого было достаточно направить к пораженным деревьям массу древесных соков. Чем зеленее было дерево, чем богаче насыщено соками, тем труднее было удержаться на нем огню.

Лес не сразу вспомнил, приходилось ли ему прежде бороться с огнем, который так свирепствовал бы среди деревьев, сквозь потрескавшуюся обожженную кору которых тут же проступала вязкая смолистая жидкость. Этот огонь был совсем иным — не только пламя, но сама энергия. Огонь не нуждался в питании древесиной, а жил благодаря содержащейся в нем силе.

В конце концов происходящие события вернули лесу его память. Картина прошлого остро пронзила его существо,— картина, не оставлявшая больше никаких сомнений в том, что ему пришлось сделать когда-то, дабы избавить и себя и всю планету от такого же вторжения.

Лес начал отступать от корабля. Он бросил нагромождения древесины и листвы, с помощью которых пытался пленить это инородное тело. По мере того как драгоценные древесные соки возвращались к деревьям, образовавшим теперь вторую линию обороны, пламя становилось все ярче, пожар разрастался, освещая окрестности феерическим светом.

Прошло некоторое время, прежде чем лес понял, что испепеляющие все вокруг лучи больше не извергаются кораблем,

а окружавшие его огонь и дым образуются при нормальном сгорании древесины. Это вполне соответствовало тому, что лес вспомнил о давным-давно произошедших событиях.

В неистовой спешке, хотя и с едва сдерживаемым отвращением, он взялся за то, что предоставляло ему единственную возможность избавиться от пришельца,— теперь он прекрасно отдавал себе в этом отчет. Он спешил, так как ему до ужаса было ясно, что порождаемое кораблем пламя могло уничтожить целые леса; отвращение же было связано с тем, что этот способ обороны неизбежно заставлял его страдать от ожогов, причиняемых энергией,— ожогов лишь немного более слабых, чем те, которыми ранил его корабль. Десятки, сотни тысяч корней устремились к отложениям горных пород и рудным скоплениям, которых они старательно избегали со времени появления на планете предыдущего корабля. Тем не менее, несмотря на необходимость спешки, весь процесс сам по себе был очень медленным. Микроскопические корешки, дрожащие от нетерпения, заставляли себя погружаться в скопления руды на недосягаемых глубинах и с помощью сложного осмотического процесса извлекали частички чистого металла из комплексной первичной руды. Эти частички были почти такими же бесконечно малыми, как и корешки, проникшие незадолго до того в стальные стенки корабля, и настолько легкими, что могли свободно переноситься во взвешенном состоянии по лабиринту корней.

Вскоре тысячи, затем миллионы таких крупинок уже находились в движении в бесчисленных каналах древесины. И хотя каждая сама по себе была ничтожно малой, поверхность почвы, на которой они отлагались, постепенно засверкала в отблесках умирающего пожара. К тому времени, когда над горизонтом появилось солнце, сверкающий серебристый круг диаметром в несколько сот метров окружал корабль.

Около полудня корабль снова ожил. Из многочисленных открывшихся люков появились летающие механизмы. Они опустились на землю и начали собирать беловатую пыль, безостановочно засасывая разверстыми пастями воздухозаборников мелкие частички металла. Они работали с большой осторожностью, но к тому времени, когда приблизился закат, ими уже было собрано более двенадцати тонн тонкодисперсного урана-235.

После наступления ночи все аппараты скрылись в корабле, люки которого тут же захлопнулись. Вскоре длинный, похожий на торпеду корабль тихо оторвался от земли и устремился в небо, к мерцающим звездам.

Первые известия об изменившейся обстановке донеслись до леса сразу же после того, как глубоко зарывшиеся в землю под кораблем корни сообщили об уменьшении давления на них. Тем не менее лесу все же понадобилось немало времени на то, чтобы окончательно прийти к выводу, что необходимо убрать урановую пыль, оставшуюся на поверхности почвы, потому что испускаемые ею радиоактивные лучи слишком далеко распространялись вокруг, причиняя боль. Произошедший вслед за этим несчастный случай имел очень простую причину. Радиоактивное вещество было извлечено лесом из определенных рудоносных пород; поэтому, чтобы избавиться от него, нужно было всего-навсего возвратить это вещество в ближайший урановый пласт, залегающий среди пород, поглощающих радиоактивность. Все это казалось лесу весьма простым и очевидным.

Через час после начала осуществления этого плана в небо взметнулось пламя ядерного взрыва. Это был чудовищный взрыв, его масштабы намного превосходили способность леса к пониманию природы этого явления. Но, хотя он и не услышал грохота, не увидел потрясающий силуэт посланника смерти, с него было достаточно и того, что он почувствовал. Невероятной силы ураган смел с лица планеты десятки квадратных километров растительности. Тепловая волна вместе с лавиной радиации вызвала пожары, для подавления которых потребовались длительные усилия. Ужас, который испытал лес, постепенно прошел, когда он начал вспоминать, что и это происшествие имело место когда-то в прошлом. Намного отчетливее, чем это воспоминание, перед лесом вставали перспективы дальнейших действий на основе произошедшего. Лес не собирался упускать предоставляющуюся ему возможность.

На заре следующего дня он перешел в наступление. Его жертвой стал старый соперник, который, если верить ненадежной памяти, когда-то захватил часть его территории.

Вдоль линии фронта, разделявшей позиции двух гигантов, прогремела серия небольших ядерных взрывов. Могучая стена деревьев, составлявших внешнюю линию обороны леса-противника, распалась под последовательно наносимыми с непреодолимой силой ударами. Враг, действуя в соответствии с правилами, бросил в бой резервы своих древесных соков. Но в то время, как он был полностью поглощен восстановлением сметенного барьера, прогремели новые взрывы, в результате чего основная часть его резервных древесных соков была уничтожена. С этого момента его поражение было предрешено, поскольку он не понимал, что с ним происходит. Атакующий лес направил в образовавшуюся после взрывов пустыню бесчисленную армию корней. Как только они наталкивались на очаг сопротивления, грохотал очередной ядерный взрыв. К вечеру завершающий взрыв колоссальной силы уничтожил деревья, образовывавшие мозговой центр противника, и битва закончилась.

У леса ушли месяцы на то, чтобы разрастись на захваченной у побежденного врага площади, уничтожить его умирающие корни, добить уцелевшие и теперь совершенно беззащитные деревья и в конечном счете бесповоротно овладеть новой территорией.

Завершив эту работу, он с неистовством фурии бросил свои силы против леса, находившегося на противоположном фланге. Вновь начал атаку, используя атомные молнии и пытаясь затопить нового противника огненным дождем, но неожиданно был остановлен равной по мощи энергией распадающихся атомов. Его знания просочились через барьер перепутавшихся корней, служивший границей между двумя лесами.

Оба колосса почти полностью уничтожили друг друга в схватке. Каждый из них превратился в искалеченное существо, вынужденное прибегнуть к утомительному процессу обычного медленного роста.

Шли годы, и понемногу воспоминания о событиях прошлого стирались в памяти леса. Впрочем, это почти не имело значения. В ту эпоху корабли необычно часто опускались на планету, и лес, даже вспомнив обо всем, все равно не мог бы пустить в ход ядерные взрывы в присутствии хотя бы одного корабля. Ведь единственно надежный способ изгнать пришельцев заключался в том, что они окружались тонкой пылью радиоактивных веществ. Каждый раз корабль поглощал ее и немедленно удалялся. И достигнутая таким образом победа всегда казалась очень легкой.

Зачарованная деревня

«Открыватели новых горизонтов» — так их называли перед отлетом.

Теперь Дженнер время от времени злобно повторял эти слова, пытаясь перекричать не стихавшую ни на минуту песчаную марсианскую бурю. Но с каждой пройденной милей его ярость убывала, а острая тоска по погибшим друзьям переходила в тупую боль.

Дни сменяли друг друга, бесчисленные, как раскаленные, красные, чужие песчинки, которые обжигали тело сквозь разодранную в клочья одежду. К тому времени, когда Дженнер дотащился до подножья горы, запасы еды давно кончились. Из четырех фляг с водой осталась одна, да и в той воды было так мало, что космонавт лишь время от времени смачивал потрескавшиеся губы и распухший язык.

Только поднявшись довольно высоко, он сообразил, что идет не просто по песчаной дюне, что перед ним гора. На мгновение он ощутил всю безнадежность этой безумной гонки в никуда, но все-таки поднялся на вершину. И тут перед ним открылась долина, со всех сторон отгороженная от пустыни холмами — такими же, как тот, на котором он стоял, или еще выше.

В долине ютилась деревня. Он увидел деревья и выложенный мраморными плитами дворик. Десятка два домов вокруг чего-то вроде центральной площади. Дома приземистые, кроме четырех стройных башен, возносившихся к небу. До Дженнера донесся тонкий пронзительный свист. Он вздымался, падал, вовсе затухал, потом начинался снова, все такой же жуткий, неестественный, режущий слух. Со всех сторон дома окружала растительность — красновато-зеленый кустарник и

желто-зеленые деревья, увешанные пурпурными и красными плодами.

Дженнер жадно бросился к ближайшему дереву. Оно оказалось сухим и ломким. Но большой красный плод, который он сорвал с самой нижней ветки, был на ощупь мягким и сочным. Перед полетом их предупреждали, что на Марсе ничего нельзя есть без предварительного химического анализа. Но какой толк от этого совета человеку, чей единственный химический прибор — он сам?

Он робко надкусил плод — и тотчас же сплюнул, почувствовав страшную горечь. Во рту жгло, закружилась голова, он пошатнулся. Мышцы начали судорожно подергиваться, и он лег на мраморные плиты, чтобы не упасть.

Казалось, прошли многие часы, прежде чем отвратительная дрожь унялась. Космонавт с омерзением поглядел на дерево. Ласковый ветерок шевельнул сухие листья. Соседние деревья подхватили этот тихий шепот. Никаких других звуков слышно не было. Раздражающий визг прекратился. Может быть, это был сигнал тревоги, предупреждавший жителей о его приближении?

Дженнер поспешно вскочил и потянулся за пистолетом. Ощущение неминуемой беды охватило его. Пистолета не было. Потом ему смутно припомнилось, что он впервые хватился оружия еще неделю назад. Он тревожно огляделся, но не заметил вокруг никаких признаков жизни и взял себя в руки. Уходить из деревни нельзя — просто некуда. Космонавт решил: если нужно, драться до последнего, только чтобы остаться здесь.

Дженнер осторожно глотнул из фляги и направился между двумя рядами деревьев к ближайшему дому. Низкая широкая арка вела внутрь. Сквозь нее было видно, как поблескивает гладкий мраморный пол. Дженнер обходил один дом за другим. Он дошел до края выложенной мрамором платформы, на которой стояла деревня, и решительно повернул назад. Настала пора заглянуть внутрь. Он выбрал одно из четырех зданий с башнями. Подойдя поближе, он понял, что придется низко нагнуться, чтобы пройти в дом.

Совершенно голая комната. От одной из мраморных стен отходило несколько низких мраморных перегородок — получалось что-то вроде четырех широких и низких стойл. У стены в каждом из стойл был сделан открытый лоток. Во второй комнате четыре наклонные мраморные плиты сходились к плоскому возвышению. Всего внизу оказалось четыре комнаты. Спиральный пандус в одной из них вел, очевидно, в баш-

ню. Дженнер не стал подниматься наверх. Страх встретить чуждую форму жизни отступал перед беспощадной уверенностью в ее отсутствии. Отсутствие жизни означало отсутствие еды.

В порыве отчаяния он метался от дома к дому, заглядывая в молчаливые комнаты, порою останавливаясь и хрипло крича. Когда до него дошло, что поиски окончены, он находился в четвертой, самой маленькой комнате одного из домов с башнями. Здесь из стены выступало одно-единственное стойло. Дженнер устало прилег в него. И, наверное, тотчас же погрузился в сон.

Проснувшись, он обнаружил — одну за другой — две перемены. В первой он удостоверился, не успев раскрыть глаза: свист появился вновь; резкий и пронзительный, он звучал на самом пороге слышимости. Во-вторых, с потолка летели мелкие брызги какой-то жидкости. Дженнеру с его инженерным опытом достаточно было вдохнуть ее запах всего один раз. Он стремглав вылетел из комнаты, плача и кашляя, с обожженным лицом.

В деревне все было по-прежнему. Легкий ветерок шелестел листвой. Солнце висело над вершиной горы. По его положению Дженнер догадался, что вновь наступило утро — он проспал не меньше двенадцати часов. Яркий белый свет заливал долину. Дома, наполовину скрытые деревьями и кустарником, поблескивали и переливались в горячем воздухе. Казалось, он очутился в оазисе посреди пустыни.

«Это и правда оазис,— мрачно подумал Дженнер,— но только не для человека. Для человека этот оазис с его отравленными плодами — лишь дразнящий мираж».

Он вернулся в дом и осторожно заглянул в комнату, где провел ночь. Душ прекратился, от запаха не осталось и следа: воздух был чист и свеж. Космонавт переступил порог, размышляя, не попробовать ли еще раз. Ему представилось давно вымершее марсианское существо, с наслаждением раскинувшееся в стойле, в то время как его тело орошает целебный душ.

Как только Дженнер шагнул в стойло, из сплошного потолка ударила струя желтоватых брызг. Дженнер быстро отступил назад. Душ кончился так же внезапно, как и начался. Распухшие от жажды губы Дженнера приоткрылись от удивления. Если здесь есть автомат, то он вряд ли один.

Переведя дух, Дженнер перешел в другую комнату. Там он снова осторожно начал входить в одно из стойл. Как только ноги оказались внутри, лоток у стены заполнился дымящейся жижей. Как зачарованный, Дженнер уставился на жирную массу — ведь это и еда и питье! Ему вспомнились ядовитые фрукты, к горлу подступила тошнота, но он заставил себя обмакнуть палец в горячую жидкую массу. Потом вынул его и, роняя на пол капли, поднес к губам. Липкая распаренная мочалка... На глаза у него навернулись слезы, а губы судорожно дернулись. Когда Дженнер наконец выбрался наружу, его охватила слабость и невыразимая апатия.

И опять этот пронзительный свист! Дженнер попытался вообразить, зачем могли понадобиться такие душераздирающие звуки — хотя марсианам они, возможно, казались приятными... Он остановился и щелкнул пальцами — ему пришла в голову дикая, но вполне правдоподобная мысль. Может быть, это музыка?

Свист преследовал его повсюду.

Он знал, что его ждет смерть, если он не сумеет переналадить автоматы для приготовления пищи, которые, наверное, спрятаны где-то в стенах или под полом зданий. В древности остатки марсианской цивилизации нашли свое пристанище здесь, в этой деревне. Ее население давно вымерло, но деревня продолжала жить, сопротивляясь песчаным заносам, готовая предоставить кров любому марсианину, который сюда забредет.

Но марсиан больше нет. Есть только Билл Дженнер, пилот первого корабля, приземлившегося на Марсе. Он должен заставить деревню изготовлять еду и питье, пригодные для него. Не имея никаких инструментов, кроме рук, ничего не смысля в химии, он должен заставить деревню изменить свои привычки.

Дженнер склонился над невысоким кустом, покрепче ухватился за него — и дернул. Куст вырвался легко, вместе с куском мрамора. Дженнер уставился на куст: он ошибся, предполагая, что ствол проходил сквозь отверстие в мраморе. Куст был просто-напросто прикреплен к его поверхности. Потом Дженнер заметил еще кое-что: у куста не было корней. Почти машинально Дженнер взглянул на то место, откуда вырвал кусок мрамора. Под мрамором был песок.

Он отбросил куст, опустился на колени и разгреб песок. Тот свободно струился сквозь пальцы. Он принялся рыть глубже, собрав все силы: песок, ничего, кроме песка.

Он встал и вцепился еще в один куст. И этот куст вырвался легко, вместе с куском мрамора. У него тоже не было корней, а под ним не оказалось ничего, кроме песка.

Не веря своим глазам, Дженнер кинулся к плодовому дереву и принялся его раскачивать. После недолгого сопротивления мраморная плита, на которой оно стояло, треснула и медленно приподнялась. Дерево с шумом и треском упало, его сухие ветви и листья разлетались на тысячи частей. Под деревом был песок.

Всюду песок. Город на песке. Марс, планета песка. Конечно, это не совсем точно. Вокруг полярных ледяных шапок была замечена сезонная растительность. Но почти вся она, за исключением самой стойкой, погибала с приходом лета. Возле одного из окруженных такой растительностью мелких морен должна была приземлиться ракета. Потеряв управление, корабль не только погиб сам. Он отнял надежду выжить у единственного уцелевшего члена экспедиции.

Дженнер медленно приходил в себя. У него появилась новая идея. Он поднял один из вырванных им кустов, наступил ногой на кусок мрамора, к которому куст был прикреплен, и потянул, сперва слегка, а потом посильнее. Куст наконец оторвался от мрамора, но было ясно: они представляли одно целое. Куст рос из мрамора.

Из мрамора? Дженнер встал на колени возле одного из отверстий в камне и вгляделся в излом. Да, это был пористый камень, вероятно известковый, очень похожий на мрамор, но вовсе не мрамор. Дженнер протянул руку, собираясь отломить кусок, и вдруг цвет камня изменился. Дженнер в изумлении отшатнулся. Вокруг отверстия камень стал яркого оранжево-желтого цвета. Дженнер растерянно поглядел на камень, а потом осторожно дотронулся до него, ощутил острую, едкую, обжигающую боль, вскрикнул и отдернул руку. Кожа на пальце слезла, вздулись кровавые волдыри.

Неожиданно почувствовав усталость, Дженнер отполз в тень дерева. Из всего случившегося можно было сделать только один вывод, но он совершенно противоречил здравому смыслу. Эта одинокая деревня была живой.

Лежа под деревом, Дженнер старался представить себе огромную массу живого вещества, растущего в форме домов, приспосабливающегося к нуждам другой жизненной формы, служащего ей в самом широком смысле слова. Но если деревня могла служить одной расе, то почему не другой? Она приспособилась к марсианам. Почему бы ей не приспособиться к людям? Кислород для воды можно получить из воздуха, тысячи соединений можно изготовить из песка...

Стало совсем темно. Ветер стих. Он не мог разглядеть горы, окаймлявшие долину, но дома все еще были видны — черные тени в мире теней. Пробираясь ощупью к мраморному возвышению в одной из комнат, Дженнер думал о том, как дать знать живой деревне, что происходящие в ней процессы необходимо изменить. Как заставить ее понять, что нужна еда из иных химических соединений, чем та, какую она готовила прежде; что он любит музыку, но совершенно иную; наконец, что он не прочь каждое утро принимать душ, но из воды, а не из концентрированной кислоты?

Долгие часы он метался в полузабытьи, окруженный мраком, одурманенный зноем. А когда занялось утро, он с некоторым удивлением сообразил, что еще жив и в силах выйти из дома.

Дул резкий холодный ветер, но он с радостью подставил ему свое горящее лицо. Через несколько минут его стало знобить. Он вернулся в дом и впервые заметил, что, хотя там нет дверей, ветер не проникает внутрь. В комнатах было холодно, но не сквозило. А откуда тогда идет этот ужасный жар, обдающий его тело? Шатаясь, он подошел к возвышению, на котором спал, и через секунду уже задыхался в пятидесятиградусной жаре.

Бо́льшую часть дня Дженнер провел в тени дерева. Он чувствовал полное изнеможение. Ближе к вечеру он вспомнил про кусты и деревья, которые вырвал вчера. Но он ничего не нашел. Не нашел даже отверстий в том месте, где были вырваны кусты. Живая деревня поглотила мертвую ткань и залатала повреждения в своем теле.

Дженнер приободрился. Он вновь принялся думать — о мутациях, о генетической приспосабливаемости, о жизненных формах, адаптирующихся в новых условиях. Об этом им читали лекции перед отлетом — общие обзоры, рассчитанные на то, чтобы познакомить экипаж с проблемами, которые могут встать на чужой планете. Суть была крайне проста: или приспособление, или гибель. Деревня должна к нему приспособиться. Он не знал, может ли нанести ей серьезный ущерб, но он мог попробовать. Необходимость выжить требовала суровых, решительных действий.

Дженнер поспешно принялся шарить в карманах. Охотничий нож, складной металлический стакан, транзистор, крошечная супербатарейка, мощная электрическая зажигалка...

Дженнер присоединил к батарейке зажигалку и не спеша провел ее докрасна раскаленным концом по поверхности «мрамора». Реакция была мгновенной: вещество на этот раз стало зловеще-пурпурным. Когда целая плита изменила цвет,

Дженнер направился к ближайшему стойлу с лотком и забрался в него.

Автомат сработал не сразу. Когда пища наконец заполнила лоток, стало очевидно, что живая деревня поняла его намерения. Пища была не темно-серая, как раньше, а бледно-кремового цвета. Дженнер сунул в нее палец, но тотчас с воплем отдернул его и принялся вытирать. Палец жгло еще несколько минут. Нарочно деревня предложила еду, способную ему повредить, или же она старается угодить, не зная, что он может есть, а что — нет?

Он решил попробовать еще раз и зашел в соседнее стойло. На этот раз лоток заполнила зернистая масса желтого цвета. Она не жгла палец, но стоило Дженнеру ее отведать, как он тотчас сплюнул: ощущение было такое, будто его угостили жирной смесью глины с бензином. Терзавшая его жажда усилилась от неприятного привкуса во рту. В отчаянии он выбежал наружу и разбил флягу, надеясь отыскать внутри остатки влаги. В спешке он пролил несколько драгоценных капель, бросился на землю и начал их слизывать.

Спустя полминуты он все еще продолжал лизать камень, и там все еще была вода. Внезапно он понял, что произошло, поднялся и уставился на капельки воды, сверкавшие на гладком камне. Пока он смотрел, еще одна капля появилась на этой сплошной и твердой на вид поверхности.

Он опять лег и кончиком языка подобрал все капли. Еще долго он лежал, прижав губы к «мрамору» и высасывая скудные крохи воды, милостиво предложенные ему деревней. И вдруг поверхность каменной плиты, с которой он пил, куда-то провалилась. Дженнер удивленно приподнялся и в темноте осторожно ощупал плиту. Камень раскрошился. Очевидно, отдал всю воду, какая в нем была, и разрушился. Деревня убедительно продемонстрировала свое желание угодить ему. Но вместе с тем напрашивался другой, менее приятный вывод. Ведь если деревня вынуждена приносить часть себя в жертву, чтобы дать ему напиться,— значит, запасы воды ограниченны.

Новым утром к нему вернулась вся его железная решимость — та самая решимость, которая помогла ему пройти по меньшей мере пятьсот миль по незнакомой пустыне. Космонавт направился к ближайшему лотку. На этот раз автомат сработал лишь через минуту, а потом на дно лотка выплеснулось около наперстка воды. Дженнер насухо вылизал воду и подождал в надежде получить еще. Ничего не дождавшись,

он мрачно подумал, что где-то в деревне разрушилась еще целая группа клеток, чтобы высвободить для него свою воду.

И тут ему пришло в голову, что только человек, с его способностью передвигаться, может найти новый источник воды для прикованной к месту деревни. Конечно, пока он будет искать этот источник, деревне придется поддерживать его силы. Это значит, что ему прежде всего надо что-то есть.

Он принялся шарить по карманам. Там должны были остаться крошки мяса, хлеба, сала... Он осторожно нагнулся над соседним стойлом и положил в лоток эти остатки. Деревня может ему предложить лишь более или менее точную копию образца, который он ей покажет. Если после того, как он пролил на камень несколько капель воды, она поняла, что ему нужна вода, то, может быть, подобное жертвоприношение поможет ей догадаться, какой должна быть пригодная для него пища?

Дженнер подождал, потом зашел в стойло. В лоток вытекло около пинты густого, маслянистого вещества. Оно резко пахло плесенью, на вкус отдавало затхлым, было сухим, как мука,— и все же съедобным.

Дженнер медленно ел, понимая, что находится сейчас целиком во власти деревни. Вдруг пища содержала яд? Потом он поднялся по пандусу, который вел на верхний этаж. С верхушки башни, с высоты метров в двадцать, он мог заглянуть за холмы, окружавшие деревню. Надежда, которая привела его сюда, померкла. Со всех сторон, насколько хватал глаз, простиралась сухая пустыня, а горизонт был скрыт тучами поднятого ветром песка. Если где-то поблизости и находилось марсианское море, то оно было вне пределов досягаемости.

Придуманный им план помочь деревне потерял крушение. Дни тянулись за днями — сколько их прошло, он не имел ни малейшего представления. Каждый раз, когда он шел есть, ему доставалось все меньше воды. Дженнер снова и снова говорил себе, что это его последний обед. Трудно было ожидать, что деревня ради него пойдет на самоуничтожение. Еще хуже было то, что пища оказалась недоброкачественной. Он подсунул деревне несвежие, может быть, даже гнилые образцы. После еды у него часами кружилась голова, его бил озноб. Деревня делала все, что могла. Остальное должен был сделать он сам, а он не мог приспособиться даже к этой пище...

Два дня космонавт чувствовал себя так плохо, что не мог подползти к стойлу. Час шел за часом, а он бессильно ле-

жал на полу. На вторую ночь боли так усилились, что он наконец решился.

«Если я заберусь на возвышение,— сказал он себе,— жар прикончит меня. Деревня поглотит мое тело и вернет себе часть истраченной на меня воды».

Целый час он взбирался по наклонной плите на ближайшее возвышение и, когда дополз до верха, долго лежал в полном изнеможении, не в силах даже заснуть. И все-таки заснул.

Его разбудили звуки скрипки. Грустная и нежная музыка рассказывала о величии и падении давно вымершей расы. Дженнера осенило. Это же было вместо свиста — деревня наконец приспособила к нему свою музыку! Он заметил и другое. Возвышение, на котором он лежал, было уютным и теплым, но — теплым, и только. Он чувствовал себя великолепно.

Дженнер поспешно опустился по наклонной плите и подполз к ближайшему стойлу. Лоток заполнила дымящаяся масса. Она аппетитно пахла, а вкусом напоминала густую мясную похлебку. Он погрузил в нее лицо и принялся жадно лакать. Когда он съел все, то впервые почувствовал, что не хочет пить.

«Я победил! — подумал Дженнер.— Деревня нашла способ меня прокормить!»

Затем осторожно, не сводя глаз с потолка, заполз в стойло-душ. На него полились струйки желтоватой жидкости, освежающей и приятной. Дженнер с наслаждением вильнул своим двухметровым хвостом и поднял вверх узкую морду, чтобы струи жидкости смыли остатки пищи, прилипшие к его острым зубам. Потом, переваливаясь на четырех коротких лапах, выполз наружу и улегся на солнцепеке, чтобы послушать любимую музыку.

Банка краски

«Я снижался, совершая посадку на поверхность Венеры. Тормозные двигатели работали превосходно. Уж не снится ли мне все это? Но вот мой кораблик мягко опустился на дно неглубокой, сильно вытянутой лощины, поросшее ярко-зеленой травой. А минутой позже первый человек, достигший Венеры, вышел из ракеты и осторожно шагнул в сочное луговое пышнотравье».

Кэлгар сделал глубокий вдох — воздух пьянил, как вино. Кислорода, пожалуй, маловато, зато какие свежесть и сладость, какое ласковое тепло! Уж не попал ли он в рай? Кэлгар достал блокнот и записал впечатления. Ведь по возвращении на Землю каждое такое наблюдение пойдет на вес золота. А денег ему понадобится много...

Сделав запись, он спрятал блокнот — и тогда увидел куб. Тот лежал совсем рядом, чуть вдавившись в землю — так, словно упал с небольшой высоты. Этакий полупрозрачный кристалл с восьмидюймовым — на глаз — ребром; на одной из граней — нечто вроде ручки. Поверхность куба матово лучилась; так отражает свет полированная слоновая кость. Странная штуковина могла быть чем угодно.

У Кэлгара имелось при себе несколько анализаторов, и он поочередно дотрагивался концами проводов до разных мест «хрустального куба». Тот не излучал ни электрической, ни атомной энергии, не был радиоактивен, не реагировал на пробы кислотами, не пропускал электрического тока и отражал пучки электронов высоких энергий.

Астронавт натянул резиновые перчатки и прикоснулся к тому, что могло служить ручкой. Ничего не случилось. Тогда он осторожно, почти нежно, ощупал поверхность куба.

Снова ничего. Наконец крепко сжал ручку пальцами, подумал, потом дернул вверх.

Кристалл легко оторвался от земли. Весил он, как прикинул Кэлгар, фунта четыре. Он вновь опустил куб на траву, чуть отступил и принялся внимательно наблюдать за непонятным предметом со все большим интересом и волнением, постепенно сознавая, что именно находится перед ним. Несомненно, куб являлся плодом чьей-то технической деятельности. А раз так, выходит, на Венере существует высокоразвитая жизнь. Целый год провел Кэлгар в унылом одиночестве космического пространства, мечтая о встрече с любым живым существом. И вот теперь выясняется, что Венера населена!

Напряженно раздумывая, Кэлгар направился к кораблю. Надо было найти какой-нибудь здешний город. О расходе горючего теперь беспокоиться нечего — несомненно, запас можно будет пополнить там. Напоследок Кэлгар снова бросил взгляд на куб. На какой-то миг энтузиазм его поугас. Что, спрашивается, делать с этой штуковиной? Оставлять здесь — не имеет смысла: покинув эту лощину, он уже вряд ли сумеет найти ее снова. Однако в отношении любого предмета, вносимого внутрь корабля, следовало проявлять предельную осторожность. А вдруг куб подброшен сюда нарочно? Само это предположение показалось Кэлгару столь фантастичным, что сомнения разом рассеялись. Или почти. Пожалуй, еще несколько проверок произвести все же стоило. Он снял перчатку и легонько прикоснулся к ручке голыми пальцами.

— Во мне краска! — произнес загадочный куб.

Ахнув от удивления, Кэлгар отскочил. Потом осмотрелся по сторонам: поблизости ровным счетом никого. Он снова притронулся к ручке хрустального куба.

— Во мне краска!

Мозг Кэлгара работал ясно и четко. Сомнений не оставалось: говорил сам загадочный предмет. Кэлгар медленно выпрямился и теперь стоял, ошеломленный открытием, загипнотизированно вглядываясь в артефакт венерианской цивилизации. Чтобы вообразить технические возможности и интеллектуальные способности расы, додумавшейся до столь фантастической упаковки для краски, понадобилось немало времени. Мысль его воспарила в заоблачные выси и упорно не хотела возвращаться на землю; Кэлгар пребывал в глубоком оцепенении. Ведь среди всех творений человеческого разума не было ничего подобного изделию, с которым он

столкнулся. Хотя удивляться, в сущности, нечему: подумаешь, говорящая банка с краской! По всей видимости, она оснащена каким-нибудь простеньким думающим устройством.

Кэлгар улыбнулся, его довольно-таки заурядная физиономия пошла сетью морщинок, серо-зеленые глаза заблестели, губы раздвинулись, приоткрыв белые зубы. Он искренне веселился. Банка краски! Само собой, ее содержимое состоит из иных компонентов, нежели цинковые белила, льняное масло и какой-нибудь сиккатив. Но это можно будет выяснить и потом. Пока же довольно самого факта обладания. И пусть Кэлгару не удастся сыскать на Венере ничего больше, его путешествие оправдано уже одной этой находкой. Ведь наибольшую ценность представляют как раз предметы повседневного обихода. Кэлгар наклонился и решительно схватился за ручку.

Но стоило поднять банку, как сверкающая прозрачная жидкость брызнула ему на грудь, тотчас разлившись по комбинезону,— липкая, словно клей, но клей чрезвычайно текучий. Поначалу белая, краска на глазах стала менять цвета, проходя через все оттенки спектра — от красного до фиолетового. И когда Кэлгар наконец выпрямился, его комбинезон сиял всеми цветами радуги. Сперва это не столько встревожило, сколько разозлило.

Он принялся раздеваться. Под комбинезоном на нем были лишь шорты да легкая рубашка — и то, и другое сияло как фейерверк. Кэлгар сбросил их наземь и почувствовал, как жидкость стекает по коже: с рубашки краска успела полностью перейти на тело; валявшиеся рядом шорты также оказались девственно чистыми. Сверкающая краска все шире растекалась по коже, Кэлгар с остервенением пытался стереть ее рубашкой — тщетно; краска лишь пенилась, переливаясь мерцающими цветами, да прилипала к пальцам.

Пятно краски быстро расползалось по телу, не растекаясь ручейками и не оставляя потеков. Казалось, это перемещается кусок пестрой шали. За десять минут Кэлгару так и не удалось снять с себя ни капли.

Вернувшись на корабль, астронавт схватился за химический справочник.

«Удаление краски,— вычитал он,— производится при помощи скипидара».

По счастью, скипидар в складном отсеке нашелся, хотя и немного. Кэлгар плеснул в пригоршню пахучей жидкости, но та без толку пролилась на землю — краска не позволила ей даже прикоснуться к себе.

Однако Кэлгар не собирался сдаваться. Поочередно он пытался отмыться газолином, вином и даже драгоценным ракетным топливом... Но все тщетно: переливчатое цветное пятно не реагировало ни с одним из этих веществ. Тогда он забрался в душевую, однако вода орошала лишь свободные от краски участки кожи, только они ощущали тонизирующий массаж тонких и острых струй, тело под краской было словно анестезировано.

В конце концов Кэлгар наполнил складную походную ванну и по горло погрузился в воду. Пятно переползло на шею, подбородок, залепило рот и нос. Забраться внутрь оно, похоже, не могло, дышать становилось все труднее, однако Кэлгар крепился до тех пор, пока краска не стала закрывать глаза. Тут он не выдержал, выскочил из ванны и погрузил в воду голову. Краска медленно отступила к подбородку, но спускаться дальше не желала, хотя Кэлгар и окунал голову все глубже и старался удержать ее под водой как можно дольше.

Кэлгар раскинул на выдвижной койке надувной матрас и уселся, чтобы хорошенько обдумать сложившуюся ситуацию. В сущности, история вышла комическая. И стань кому-нибудь известны ее подробности, Кэлгар неминуемо оказался бы посмешищем в глазах всей Солнечной системы. Он стал жертвой венерианской банки с краской, то ли забытой здесь, то ли кем-то брошенной... Причем краска эта может представлять смертельную опасность для любых живых существ: ведь не отступи она в конце концов — и Кэлгар задохнулся бы, как пить дать.

По спине у него побежали мурашки. Он представил себе ослепшего, задыхающегося человека, ощупью ищущего выход из штурманской рубки. И даже убедившись, что вполне мог бы проделать в слое краски отверстия, позволяющие дышать, он все еще не мог успокоиться.

Прошло немало времени, прежде чем улеглась бившая Кэлгара нервная дрожь. Он сидел в оцепенении, лихорадочно и напряженно размышляя.

Плеснувшая на него из банки краска и не думала высыхать. Впрочем, она и не была жидкостью в обычном понимании, поскольку не впитывалась в одежду, не подчинялась закону всемирного тяготения, растекалась не только вниз, но и вверх, а также отталкивала любые другие жидкости. Кэлгар попытался разобраться, почему она обладает всеми этими свойствами. Водоотталкивающая — понятно, в идеале краска и должна быть такой. Но остальное...

Он вскочил и принялся расхаживать по рубке. На протяжении четверти века — с тех пор, как первые сверхракеты достигли Луны, а затем и полумертвого Марса — Венера являла собой наиболее заманчивую цель для всех космопроходцев. Однако любые экспедиции в этом направлении были запрещены — вплоть до появления кораблей, способных избежать опасности падения на Солнце, участи, уже постигшей два космолета. Неизбежность подобных катастроф была доказана математически: существующие ракеты могли без риска достичь Венеры лишь при строго определенном ее положении в пространстве относительно Солнца, Земли и Юпитера.

Однако возникновения таких благоприятных условий в ближайшие два десятка лет не ожидалось. И лишь за полгода до полета Кэлгара известный астроном установил, что необходимое взаиморасположение планет произойдет в этом году. Его статья породила бурные дебаты в профессиональной среде. Разумеется, правительство не могло полагаться на особое мнение одного — пусть даже весьма авторитетного — ученого. Однако до Кэлгара дошло высказывание некоего высокопоставленного чиновника Космической патрульной службы: мол, дело приняло бы совсем иной оборот, решись кто-либо отправиться на Венеру на собственный страх и риск,— в подобном случае у него, чиновника, сыскалось бы достаточно единомышленников, чтобы выполнить все необходимые предварительные исследования и расчеты. В результате, когда Кэлгар на своем маленьком корабле стартовал к Венере, с размахом велась подготовка сразу нескольких экспедиций... на Марс.

От Венеры ждали сенсаций — но не столь значительных, как эта. Ибо раса, способная создать идеальную с любой точки зрения краску, уже одним только этим заслуживает более близкого знакомства.

Размышления Кэлгара были прерваны новым невероятным открытием, заставившим его встревоженно вскочить. Сверкая неисчислимыми оттенками, краска продолжала распространяться: если поначалу она покрывала не больше четверти поверхности тела, то теперь занимала уже добрую треть. Если так пойдет и дальше, рано или поздно она покроет Кэлгара с ног до головы, залепит ему глаза, рот, нос, уши — словом, все. Надо было срочно придумать способ избавиться от этой переливчатой пленки.

«Идеальная краска,— записал Кэлгар в своем блокноте,— должна обладать красивым цветом, быть нечувствительной

к любым внешним воздействиям и — обязательно — легко удаляться».

Он мрачно перечитал последние слова, отложил карандаш и посмотрелся в зеркало.

— Ну, дела,— пробормотал он, обращаясь к собственному отражению,— это ж не я! Пестр, что твой цыган...

Всматриваясь в представшее его взгляду колористическое буйство, Кэлгар отметил, что сама краска, собственно, оставалась невидимой, поскольку испускала яркий, отбрасывающий резкие тени свет. Она являла собой не цветное покрытие, а как бы жидкий свет, в переливах которого слились воедино все мыслимые оттенки. Причем ни яркость, ни пестрота отнюдь не оскорбляли вкуса, даже самого изысканного. Кэлгар развеселился, осознав, что не может глаз оторвать от этого невероятного явления. Однако в конце концов он все же отвернулся от зеркала.

«Если бы удалось зачерпнуть хоть немного краски и перелить ее в реторту,— подумал он,— можно было бы произвести анализ».

Кэлгар предпринял несколько попыток, но краска, охотно вливаясь в ложку, тут же стекала обратно, стоило оторвать ложку от кожи. Он попробовал удержать краску в ложке с помощью ножа, но безуспешно: та выскальзывала из-под лезвия, текучая, словно масло. Кэлгару явно не хватало силы и ловкости, чтобы достаточно плотно прижать лезвие ножа к ложке. Он попробовал было воспользоваться предназначенным для отбора проб черпачком с резьбовой крышкой, но тот оказался слишком круглым и маленьким; к тому же завинчивание крышки занимало чуть ли не минуту.

Кэлгар без сил опустился в кресло. Он чувствовал, что заболевает. Мысли путались. Лишь некоторое время спустя он вновь обрел способность рассуждать трезво.

Ему все-таки удалось набрать в черпачок немного краски — что-то около чайной ложки. По логике вещей, теперь следовало тем же способом очистить и всю поверхность тела. Однако краски на нем, судя по всему, не меньше пятисот таких доз. На снятие каждой из них уходит больше двух минут. Итого тысяча минут — почти семнадцать часов!

Кэлгар жалко улыбнулся. Семнадцать часов! Вдобавок за этот срок ему хоть пару раз да понадобится поесть — вот тебе еще час... И тут он ощутил голод — пожалуй, самое время подкрепиться.

За завтраком он обдумывал случившееся со спокойствием человека, нашедшего одно из решений проблемы и теперь имеющего право позволить себе поразмыслить над другими вариантами.

Семнадцать часов — это слишком много. Теперь, когда ему удалось заключить немного краски в черпачок, ее можно исследовать; возможно, откроется дюжина более радикальных способов избавиться от загадочной напасти.

Возможно, в лучше оборудованной лаборатории это и оказалось бы Кэлгару по силам, но корабельная была слишком убога. Удалось лишь установить, что краска абсолютно инертна — ни с чем не смешивается механически и не реагирует химически; не поддавалась она и термическому воздействию — не горела и не замерзала.

— Естественно,— со злостью признал в конце концов Кэлгар.— Если это идеальная краска, то именно так и должно быть!

Он взялся за дело и постепенно настолько навострился, что некоторое время спустя соскабливание краски с кожи в черпачок и завинчивание крышки стало занимать от силы секунд сорок пять. Он так углубился в это занятие, от результатов которого зависело слишком многое, что успел уже наполовину заполнить краской колбу, прежде чем заметил нечто потрясшее его до глубины души: краски на теле оставалось столько же, сколько и в начале процедуры.

Кэлгар оцепенел. Дрожащими руками он замерил количество краски в колбе. Он собрал все или почти все, что плеснуло из венерианской банки, в этом можно не сомневаться. Но и количество краски на теле от этого не уменьшилось. Похоже, она ко всему обладала еще способностью восстанавливать пострадавшую от чего-либо часть покрытия.

Кэлгар пополнил столь ценным наблюдением список свойств венерианской краски.

И к этому времени заметил, что не может свободно потеть: капельки влаги проступали на коже лишь в местах, не покрытых переливчатой дрянью. Интенсивная работа разогрела Кэлгара, а краска лишала организм возможности полноценной теплоотдачи. Астронавт чувствовал, как прямо-таки распаляется от внутреннего жара. Он ужаснулся.

«Надо любой ценой убраться отсюда,— подумал он,— отыскать ближайший венерианский город и раздобыть растворитель, способный совладать с этой психованной жижей».

Ему было уже наплевать, станут над ним смеяться или нет. Кэлгар кинулся в штурманскую рубку и уже схватился было за рычаги управления, но в последний миг что-то удер-

жало его. Ведь чертов куб сам заявил: «Во мне краска». Значит, там могут быть заключены и сведения, необходимые для использования содержимого, в том числе и его удаления.

— Ну и дурак! — сказал себе Кэлгар, поднимаясь с пилотского кресла.— Как же я сразу не сообразил!

Хрустальный куб валялся на траве в том самом месте, где Кэлгар оставил его. Стоило астронавту прикоснуться к кристаллу, как тот заговорил:

— Я полон краской на четверть.

Значит, на Кэлгара выплеснулось три четверти содержимого сосуда. Обстоятельство немаловажное.

— Инструкция: разместить банки с краской вокруг подлежащей покраске поверхности, после чего приступить к работе,— продолжал излагать куб.— Краска высохнет, как только поверхность будет покрыта ею полностью. Краска удаляется при помощи затемнителя, который следует приложить к окрашенной поверхности, плотно прижать и выдержать в таком положении в течение одного терарда.

Последнего слова Кэлгар не понял, но что какая-то мера времени — разумеется, ясно.

— Затемнитель,— продолжал между тем куб, и только теперь до Кэлгара дошло, что голос не звучит, а передается непосредственно в мозг,— можно приобрести в ближайшем магазине москательных товаров или скобяных изделий.

— Замечательно.— Кэлгар почувствовал прилив бешенства.— Остается только сбегать в лавку и купить затемнитель!

Впрочем, высказавшись, он заметно успокоился. Слава богу, он попал в практичный мир москательных лавок, а не восьминогих жукоглазых монстров, которыми люди давно уже пугают собственное воображение. Существа, изготовляющие идеальную краску и торгующие ею, наверняка не примутся сразу же пытать пришельца с Земли,— ясно, как божий день. Воображение Кэлгара тут же нарисовало картину упорядоченного, отлично организованного мира — скорее всего, не имевшую ничего общего с реальностью. Естественно, не все обитатели космоса полны априорной симпатии к представителям рода людского; впрочем, последние тоже умеют ненавидеть... Судя по краске и кубу, в который она упакована, приходится признать, что цивилизация Венеры стоит на более высоком уровне, чем земная. Если допустить, что венериане обнаружили корабль Кэлгара еще до посадки, то им могло прийти в голову предложить пришельцу некие тесты. И фантастическая краска, в которую он по

уши вляпался, могла играть в этом тестировании не последнюю роль.

Однако все эти рассуждения, вне зависимости от их справедливости или ошибочности, не могли приостановить внутреннего разогрева организма, покрытого непроницаемым слоем краски. Нужно было попытаться постичь образ мышления венериан. Кэлгар осторожно поднял кристалл.

— Согласно государственному стандарту,— мысленно проинформировал его куб,— краска состоит из следующих компонентов: ???? — семь процентов, ???? — тринадцать процентов, сжиженный свет — восемьдесят процентов.

— Сжиженный — что? — опешил Кэлгар.

Куб продолжал, игнорируя вопрос:

— Внимание! Хранение краски поблизости от горючих материалов и летучих веществ категорически запрещено!

Вопреки ожиданиям Кэлгара никаких дополнительных разъяснений не последовало. Похоже, венериане привыкли подчиняться инструкциям без рассуждений. Но ведь Кэлгар уже пробовал соединять краску и с летучими веществами вроде эфира, и со скипидаром, и с газолином, и даже с ракетным топливом, однако ничего страшного не произошло. Вообще ничего не произошло. Либо инструкцию составлял перестраховщик, либо все это означает нечто совершенно иное.

Прихватив с собой куб, Кэлгар вернулся на корабль и сел за пульт управления. Он положил руку на гладкую головку пускового рычага и передвинул его вперед — щелкнув, тот зафиксировался в крайнем положении. Потом, в ожидании, пока автомат запустит двигатель, Кэлгар застегнул привязные ремни. Но двигатель молчал.

В этом молчании Кэлгару почудилось грозное предостережение. Предостережение исходило от некой живой и могучей силы, влияние которой астронавт, казалось, ощущал всем своим существом. Он оттянул пусковой рычаг на себя, потом снова перевел в рабочее положение. Зажигания так и не произошло.

Кэлгар тяжело дышал.

— Внимание! — ни с того ни с сего повторил лежащий на полу куб.— Хранение краски поблизости от горючих материалов и летучих веществ категорически запрещено!

Вот оно! Все наоборот: это инертное вещество, похоже, лишило восемнадцать тысяч галлонов топлива способности к воспламенению. И все потому, что Кэлгар из экономии слил обратно в бак те полпинты горючего, которыми пытался оттереть краску.

Кэлгар включил рацию. Еще находясь в нескольких миллионах миль от Венеры, он впервые попытался послать к цели своего полета радиосигнал. Однако ответа не дождался: в эфире царила не нарушаемая ни единым искусственным сигналом тишина. Но ведь высокоразвитая цивилизация не может не знать радио! Неужто они не отзовутся на призыв о помощи?

Добрых полчаса сигналы понапрасну уходили в эфир. Приемник безнадежно молчал. Ни в одном диапазоне не было слышно ни единого осмысленного звука. Он был совершенно один в этом Богом забытом углу — если не считать агрессивной, самовосстанавливающейся, переливающейся всеми цветами, сводящей с ума краски.

Жидкий свет... Затемнитель... Черт возьми! Может, она сияет не собственным, а отраженным светом? И если свет погасить... Кэлгар еще держал палец на выключателе, когда вдруг заметил, что снаружи царит полнейшая тьма. Входной люк был открыт, Кэлгар высунулся из него и посмотрел на черное, беззвездное небо. Ночь и облака, столь характерные для Венеры, породили поистине кромешный мрак. Днем из-за близости планеты к светилу облака лишь слегка приглушали сияющий солнечный свет, но сейчас все обстояло иначе. Разумеется, какая-то толика света сюда все равно доходила — никакая планета, столь близкая к центральному светилу, не может быть полностью лишена света и энергии. Селеновый фотометр еще на подлете регистрировал их возрастание с точностью до одной стотысячной.

Оторвавшись от созерцания небосвода, Кэлгар обнаружил, что пол штурманской рубки сияет — источником этого света служила все та же краска. Выходит, она не только отражает свет? Неприятно удивленный, он выбрался наружу и отошел от ракеты настолько, чтобы на него не попадал свет, падавший из открытого люка. Во тьме тело Кэлгара мерцало и переливалось феерической пляской огня, на влажной от росы траве играли многоцветные блики. Похоже, его труп будет являть собой великолепное зрелище...

Кэлгар представил себе, как тело его, с ног до головы покрытое краской, лежит на полу рубки. Или здесь, на траве. Возможно, со временем венериане натолкнутся на мертвого пришельца и примутся гадать, кто он такой и откуда.

Судя по всему, венериане не пользуются радиосвязью. Или все-таки пользуются, но сознательно избегают контактов с людьми?

Кэлгар лихорадочно пытался сосредоточиться на поиске решения, но тщетно. Он вернулся в ракету. Его мучила какая-то неоформившаяся мысль, скорее даже ощущение. Он должен был что-то сделать. Но что? Ах да, радио! Он быстро настроил приемник. И вдруг подскочил, потрясенный — из динамика раздался странный, нечеловеческий голос:

— Пришелец с планеты, именуемой Земля! Пришелец с планеты, именуемой Земля! Ты слушаешь?

Кэлгар приник к динамику, одновременно включив передатчик.

— Да! — ликующе крикнул он.— Да! Я слушаю! Но я попал в ужасное положение! Приходите скорее!

— Мы знаем о твоем положении,— ответил бесцветный механический голос.— Но отнюдь не собираемся помогать.

Кэлгар в отчаянии ахнул.

— Банку с краской,— продолжал голос,— сбросил перед самым люком твоей ракеты корабль-невидимка — всего через несколько секунд после твоей посадки. Вот уже несколько тысячелетий мы, которых вы именуете венерианами, с растущим беспокойством наблюдаем за развитием цивилизации на третьей планете Солнечной системы. Наше общество не знает тяги к приключениям, а истории Венеры не ведомо само понятие войн. Это не значит, что нам неизвестны трудности и борьба за существование. Наши организмы отличаются чрезвычайно медленным темпом обмена веществ, и уже в далеком прошлом наши психологи установили неспособность венериан к космическим полетам. Поэтому мы сконцентрировали силы на выработке собственного, венерианского образа жизни — и преуспели в этом. С момента появления твоего корабля в атмосфере планеты перед нами встал вопрос: на каких условиях можно вступить в контакт с людьми. Мы решили оставить банку с краской в таком месте, где ты сразу же должен был на нее наткнуться. А если нет, мы отыскали бы другой способ провести тебя через тест. Твоя догадка верна: ты был и остаешься подопытным объектом. Результат пока неутешителен: разумные существа с подобным твоему и даже несколько более высоким уровнем интеллекта должны удаляться с Венеры. Разработка системы тестов для принципиально отличающихся от нас обитателей Вселенной представляла исключительно трудную задачу, но мы с ней справились. Твое же мнение о нашем тесте не имеет ни малейшего значения, поскольку тебе суждено умереть. Лишь в этом случае другие земляне, те, что придут вслед за

тобой, окажутся в полном неведении и могут быть успешно подвергнуты этому или подобному испытанию. Мы же вступим в контакт лишь с разумным существом, вышедшим из предложенной ситуации победителем. Тогда мы дополнительно исследуем его уже с помощью приборов, чтобы на основании результатов тестирования и обследования решить, как строить свои отношения с расой, приславшей его к нам. Все мыслящие существа с интеллектом, равным или превосходящим первого, успешно прошедшего тестирование, смогут свободно посещать нашу планету. Решение это окончательное и изменению не подлежит. Исследуемый субъект должен суметь самостоятельно покинуть Венеру. Если это ему удастся — в дальнейшем между нашими расами возможно сотрудничество, например, в усовершенствовании космических кораблей. Мы говорим с тобой при помощи специальной машины, поскольку сами не пользуемся звуковой речью. Те несложные мысленные сообщения, которые передавала тебе банка краски, выполненная в форме хрустального куба,— результат деятельности куда более сложного устройства, поскольку осуществление мысленного контакта с венерианским мозгом невероятно трудно. А теперь — прощай! И как ни странно это звучит, желаем удачи!

В динамике послышался характерный треск, потом все смолкло; Кэлгар лихорадочно крутил ручки настройки, но не смог извлечь из приемника ни единого звука.

Выключив рацию, он сел ждать смерти.

Но в то же время все его существо переполняла жажда жизни.

«Затемнитель,— вспомнил он.— Что же это такое?»

Кэлгар и раньше ломал над этим голову, но теперь заново пересмотрел все свои записи и результаты анализов; на это ушел битый час.

Идеальная краска, на восемьдесят процентов состоящая из жидкого света! Что ж, свет есть свет, он и в сжиженном виде должен подчиняться тем же законам природы. Впрочем, должен ли? Идеальная краска, способная... Хватит! Сознание Кэлгара пасовало перед новым и новым перебором одних и тех же данных. Он чувствовал себя разбитым и с трудом подавлял тошноту.

Внутренний жар сжигал его, как при горячке. Кэлгар окунул ноги в таз с холодной водой — может, если охлаждать организм таким образом, кровь все-таки не закипит?

Правда, опасность неограниченного возрастания температуры ему не угрожала — это он сознавал. Ведь помимо

всего прочего существует и верхний предел температуры человеческих и вообще любых живых организмов. Важно лишь не подпитывать организм дополнительной энергией; придется отказаться от обычной пищи, ограничившись лишь витаминными таблетками, чтобы не подкидывать в топку лишних калорий. Главная опасность заключалась в ином: кожа Кэлгара практически лишилась возможности дышать, поскольку большую часть тела покрыла непроницаемая пленка. Как быстро это может его убить, Кэлгар точно не знал.

Подобная неопределенность отнюдь не способствовала душевному равновесию. Но вот что странно: именно сейчас, когда он уже почти смирился со своей участью, смерть отнюдь не спешила.

И вдруг его как током ударило — не спешила! Он вскочил, включил свет и кинулся к зеркалу.

Внимательное изучение собственного отражения убедило, что за последний час покрытая краской площадь не увеличилась. Это был как раз тот час, что Кэлгар провел в темноте, рассеиваемой лишь сиянием, излучаемым его собственным телом. Отпадать краска, разумеется, и не думала — конечно же, ведь она должна быть рассчитана на мрак венерианской ночи. Но площадь покрытия не увеличилась. А если попробовать полную тьму? Например, забраться в пустой топливный танк?

Он провел там полчаса. И хотя очевидного результата опыт не дал, у Кэлгара созрел окончательный вывод: именно полная темнота является единственным средством решения проблемы. И единственным путем спасения.

Но ведь тогда горючее во тьме танков уже освободилось бы от убийственного воздействия попавшей в него краски. А может, так оно и есть?

Кэлгар включил зажигание. Тишина — двигатели по-прежнему молчали. Значит, в рассуждение вкралась ошибка.

«Вся проблема,— подумал Кэлгар,— сводится к удалению из состава краски этих самых восьмидесяти процентов жидкого света — при помощи полной темноты или каким-либо иным способом».

Однако более абсолютной тьмы, чем в пустом топливном танке, куда не проникает ни единого фотона, ему не получить, это в принципе невозможно. Где же кроется эта проклятая ошибка?

И тут его осенило: конечно! Свет снаружи не может проникнуть в бак. Но его не может и покинуть свет, излучаемый

краской! Ее сияние отражается от стен и возвращается к краске, вновь впитывающей его лучи. Но нельзя же убрать стены...

Радость Кэлгара погасла. Получается заколдованный круг: либо краску подпитывает свет извне, либо она не может избавиться от собственного. Нет, все-таки придется еще поломать голову... Тем более что во тьме краска не распространяется по телу, тем самым предоставляя необходимую отсрочку.

Так проходили часы. И вдруг решение явилось — само собой и совершенно неожиданно.

Месяцем позже, уже направляясь к Земле, Кэлгар поймал радиосигнал встречного космического корабля. Когда связь стала устойчивой, Кэлгар рассказал обо всем, что приключилось на Венере.

— ...Так что не ждите никаких осложнений после посадки,— закончил он.— Венериане сами поднесут вам ключи от своих разноцветных городов.

— Погоди, погоди,— с сомнением в голосе отозвался пилот встречной ракеты.— Если я правильно понял, они допустят к себе людей с интеллектом не менее высоким, чем у того, кто успешно прошел тест. Если тебе это удалось, значит, ты обладаешь очень развитыми способностями. Но мы-то самые заурядные люди, так на что же нам рассчитывать?

— Я никогда не мог похвастаться высоким ай-кью — как и большинство профессиональных астронавтов, и единственные мои дарования — это энергичность и любовь к приключениям,— скромно ответил Кэлгар.— И раз уж вышло так, что именно я являюсь для вас эталоном пропуска на Венеру, то должен откровенно признать: по самым скромным оценкам, девяносто девять процентов обитателей нашей планеты соответствуют венерианским требованиям.

— Да, но...

— Только не спрашивай,— перебил Кэлгар,— почему их тесты столь примитивны. Может, сам поймешь, когда встретишься с ними. Причем,— тут он нахмурился, вспоминая,— ты отнюдь не придешь от них в восторг, дружище. Зато первый же взгляд на их многоногие и многорукие тела объяснит тебе, почему создание тестов для совершенно отличных от них существ стоило венерианам такого труда. Могу я быть еще чем-нибудь полезен?

— Да! Как ты, собственно, избавился от этой краски?

— Селеновые фотоэлементы и соли бария. Я забрался в топливный танк, захватив с собой селеновый фотоэлементный преобразователь и латунный сосуд с барием. В конце концов они поглотили содержащийся в краске свет. И тогда от нее остался лишь бронзовый порошок, сам собою осыпавшийся на пол. Тем же способом я вернул энергию горючему — и стал свободным человеком. Ну, пока! — Кэлгар радостно рассмеялся.— До встречи! Я спешу — у меня на борту груз, который надо побыстрее распродать.

— Груз? Какой?

— Краска! Тысячи хрустальных кубических банок с краской — самой великолепной в мире. Земля станет воистину прекрасной! К тому же я получил право исключительного представительства...

Два космических корабля разминулись во мраке межпланетного пространства, направляясь в противоположные стороны — каждый к своей цели.

Усыпальница зверя

Чудовище ползло, скуля от страха и боли. Бесформенная, аморфная плазма, меняющая структуру и форму при каждом резком движении, ползла по коридору космического корабля, борясь с неудержимым стремлением принимать форму окружающего. Серый пузырь переливающейся субстанции то полз, то катился, то тек в непрерывной стремительной борьбе с неестественным желанием принять какую-нибудь твердую форму. Любую форму: жесткой холодно-голубой металлической стены мчащегося к Земле корабля или толстого каучукового пола. С полом дело обстояло проще, труднее было сопротивляться притяжению металла. Существо с легкостью могло бы стать металлом на целую вечность.

Но что-то делало это невозможным — какой-то внушенный приказ. Приказ, как барабан стучащий в каждой его частице, с равномерной интенсивностью пульсирующей в каждой клетке: найти величайшего математика всей Солнечной системы и привести его к вратам усыпальницы, построенной из марсианского суперметалла. Великий должен быть освобожден. Замок с часовым механизмом, связанный с простым числом, должен быть открыт.

Именно это и было приказом, воздействующим на составные части существа. Приказом, который великие и злые создатели ввели в его элементарное сознание.

В конце длинного коридора что-то шевельнулось. Открылась дверь, и послышался звук шагов. Шагов посвистывающего мужчины. С металлическим посвистом, почти вздохом существо расплылось, уподобившись на мгновение луже ртути, после чего приобрело цвет коричневого пола, стало полом, небольшим утолщением на темно-коричневой каучуковой плоскости.

Оно словно пребывало в экстазе. Именно этого ему и хотелось: лежать, иметь форму и быть почти мертвым, чтобы вообще не чувствовать боли. Смерть была чем-то желанным и благословенным, а жизнь — невыносимой мукой. Пусть бы приближающееся живое существо удалилось как можно скорее: если оно задержится — навяжет ему свою форму. Жизнь это умеет, она сильнее металла. И это будет значить мучение, борьбу, боль.

Существо напрягло свое тело — плоское теперь и гротескное,— которое, однако, в любой момент могло напрячь стальные мускулы и ждало смертельной борьбы.

Перелли, механик экипажа космического корабля, радостно посвистывал, шагая по сверкающему коридору к машинному отделению. Он только что получил из больницы радиограмму: «Жена чувствует себя хорошо. Мальчик. Четыре кило». С трудом он подавил в себе желание кричать и танцевать от радости. Мальчик! Жизнь была прекрасна.

Существо на полу почувствовало боль: первичную боль, заполнившую его части, как разъедающая кислота. Коричневый пол дрожал каждой своей частицей, когда Перелли шагал по нему. Существо испытывало безумное желание последовать за человеком и принять его форму. Со страхом боролось оно с этим стремлением, все более сознательно, поскольку могло уже мыслить, пользуясь мозгом Перелли. Утолщение на поверхности пола покатилось следом за мужчиной.

Сопротивление не помогло. Утолщение выросло до размеров пузыря, на мгновение обретя форму человеческой головы. Она издала металлический звук, зашипела от страха, после чего опала, содрогаясь от ужаса, боли и ненависти, в то время как Перелли быстро удалялся — слишком быстро для ползущей твари. Писк смолк. Существо вжалось в коричневый пол и лежало неподвижно, дрожа от неудержимого желания жить, несмотря на боль и страх. Жить и выполнять волю своих создателей.

Пройдя десять метров, Перелли остановился, освободившись от мыслей о жене и ребенке. Он повернулся и неуверенно посмотрел в коридор, ведущий в машинное отделение.

— Что за черт? — вслух выразил он свое удивление.

Какой-то странный, слабый, но пугающий звук эхом отразился в его сознании. Мурашки побежали по спине. Дьявольское эхо!

Так он стоял, этот рослый, атлетически сложенный мужчина, обнаженный до пояса, потный от жара ракетных дви-

гателей, тормозивших космический корабль, который возвращался на Землю с Марса. Он вздрогнул и, сжав кулаки, медленно двинулся обратно тем же путем, каким пришел.

Существо дрожало, чувствуя притяжение, бывшее для него настоящей пыткой, раздиравшей каждую его возбужденную клетку. Постепенно оно понимало неизбежность принятия живой формы.

Перелли нерешительно остановился. Пол зашевелился под его ногами: отчетливо волнистая коричневая выпуклость поднималась перед ним и росла в пузыреобразную, шипящую массу. Отвратительная демоническая голова возвышалась над рахитичными получеловеческими плечами. Шишковатые ладони, растущие из обезьяньих, деформированных рук, вцепились в лицо Перелли, как когти, и дергали его, одновременно не переставая изменять своей формы.

— О боже! — воскликнул мужчина.

Стискивающие его ладони становились все более нормальными, все более человеческими — смуглыми, мускулистыми. Лицо приобрело знакомые черты — на нем вырос нос, появились глаза и красная полоска губ. Вся фигура стала вдруг как две капли воды похожей на него: те же брюки, пот и все прочее.

— ...Боже! — повторил двойник, с невероятной силой цепляясь за Перелли жадными пальцами.

С трудом переводя дыхание, Перелли освободился от захвата и нанес сокрушительный удар прямо в это искривленное лицо. Чудовище вскрикнуло, повернулось и бросилось бежать, теряя человеческий облик, противясь этому и издавая нечленораздельные крики. Перелли погнался за ним — ноги у него были как ватные, он дрожал от панического страха и сомнения в собственной нормальности. Вытянув руку, он дотянулся до исчезающих уже брюк чудовища и рванул. В руках у него остался холодный, скользкий, извивающийся кусок, похожий на мокрую глину. Это было уже невыносимо. От отвращения его затошнило, колени подогнулись. Сзади донесся крик пилота:

— Что случилось?

Перелли заметил открытую дверь склада, заскочил на секунду внутрь и вновь появился, держа наготове атомный пистолет. Пилот с бледным лицом и вытаращенными глазами замер у огромного иллюминатора.

— Там! — крикнул он.

Серый пузырь распластался в углу иллюминатора, становясь стеклом. Перелли бросился к нему, целясь из пистолета, но волнистое утолщение вошло в стекло, затемнив его, а затем пузырь появился с другой стороны, в холоде космоса. Офицер остановился рядом с Перелли, и оба смотрели, как серая бесформенная масса ползет вдоль боковой стены мчащегося корабля, исчезая из поля зрения.

Перелли опомнился.

— У меня есть кусок этого! — крикнул он.— Я бросил его на пол на складе.

На брошенный обрывок наткнулся лейтенант Мортон. Мискроскопический кусок пола поднялся, а потом вырос до удивительных размеров, пытаясь принять облик человека. Перелли с бегающими безумными глазами подцепил чудовище совком. Существо зашипело, оно уже почти стало частью металлического совка, но измениться до конца ему не удалось, поскольку человек был слишком близко.

Перелли стоял на дрожащих ногах перед своим начальником, держа в руках совок, и истерически смеялся.

— Я коснулся его,— повторял он раз за разом.— Я коснулся его...

Когда корабль вошел в земную атмосферу, на его внешней поверхности шевельнулся пузырь металла, подавая вялые признаки жизни. Металлические стены разогрелись до красноты, затем побелели, однако не поддающееся температуре существо продолжало медленное превращение в серую массу. Оно смутно понимало, что пришло время действовать.

Оторвавшись от корабля, оно начало медленно падать, как будто не подчиняясь притяжению Земли. Незначительное изменение в строении атомов вызвало ускорение падения, словно существо вдруг стало более податливым к действию гравитации. Земля внизу была зеленой, город, плохо видимый из-за расстояния, сверкал в лучах заходящего солнца. Существо замедлило скорость и теперь снижалось, как падающий лист в объятиях ветра, ко все еще далекой поверхности Земли. Приземлилось оно у моста, на окраине города.

Какой-то мужчина шел по мосту быстрым, нервным шагом. Он бы очень удивился, если бы обернулся и увидел своего двойника, выбирающегося из рва и бодро двигающегося за ним следом.

Найти — величайшего — математика!

Это было часом позже. Идя по улице, полной народа, чудовище испытывало постоянную боль от этой мысли. Страдало оно и по другим причинам: приходилось бороться с притяжением этой напирающей со всех сторон, спешащей

человеческой массы, которая кишела вокруг, не замечая его. Теперь, когда у него были тело и разум человека, стало гораздо легче думать и удерживать неизменную форму.

Найти — математика!

«Зачем?» — родился вопрос в человеческом теперь мозгу. Чудовище содрогнулось, потрясенное такой ересью. Его серые бегающие глаза тревожно поглядывали по сторонам, как будто оно ждало встречи с внезапной и страшной гибелью. Черты его слегка размазались, уподобляясь поочередно обличью мужчины с крючковатым носом, который прошел мимо, или загоревшему лицу высокой женщины, вглядывавшейся в витрину магазина.

Этот процесс продолжался бы и дальше, если бы чудовище не отогнало страх и заставило себя принять облик гладко выбритого молодого человека, лениво вышедшего из боковой улочки. Мужчина взглянул на него, отвернулся, потом снова повернулся, удивленный. Чудовище уловило его мысли: «Черт возьми, я уже где-то видел этого типа!»

Приближалась группа женщин. Существо отодвинулось в сторону, когда они проходили мимо. На мгновение оно потеряло контроль над своими внешними клетками, и коричневый костюм приобрел слабый голубой оттенок — цвет ближайшего платья. Голова у него кружилась от шелеста платьев и щебетания: «Скажи сама, дорогая, разве она не уж-жасно выглядит в этой уж-жасной шляпке?»

Напротив тянулась шеренга гигантских зданий. Чудовище кивнуло головой. Это сборище зданий означало присутствие металла, а сила, связующая атомы металла, действовала бы и на его человеческий облик. Существо понимало суть этого явления с помощью разума худого мужчины в темном костюме, сонно тащившегося по улице. Он был служащим. Чудовище приняло его мысли: человек с завистью думал о своем шефе, Джиме Брендере из фирмы «Дж. П. Брендер и К°».

Это заставило существо резко повернуть и пойти следом за Лоуренсом Пирсоном, бухгалтером по профессии. Если бы пешеходы обратили на это внимание, их удивил бы вид двух Лоуренсов Пирсонов, идущих друг за другом с интервалом метров в пятнадцать. Второй Лоуренс Пирсон, изучая память первого, узнал, что Джим Брендер является выпускником факультета математики, финансов и политической экономии Гарварда, последним из длинной череды финансовых гениев, тридцатилетним мужчиной и шефом колоссально богатой фирмы «Дж. П. Брендер и К°».

«Мне тоже тридцать,— мысли Пирсона эхом отражались в мозгу создания,— но у меня нет ничего. Брендер имеет все, а мне придется жить в одном и том же старом пансионе до конца жизни».

Уже темнело, когда оба проходили по мосту. Чудовище ускорило шаги, агрессивно выдвигаясь вперед. Видимо, в последний момент какое-то неясное предчувствие возникло у его жертвы, потому что худощавый мужчина повернулся, тихо вскрикнув, когда стальные пальцы стиснули его горло. Мозг чудовища отключился, когда угасло сознание Лоуренса Пирсона. С трудом переводя дыхание и борясь с распадом, чудовище наконец овладело собой. Схватив мертвое тело, оно перебросило его через бетонную балюстраду. Внизу раздался всплеск, а потом бульканье.

Существо, ставшее теперь Лоуренсом Пирсоном, шло сначала быстро, потом все медленнее, пока не добралось до огромного кирпичного здания, построенного в разных стилях. С беспокойством посмотрело оно на номер, сомневаясь, не подводит ли его память. Потом осторожно открыло двери. Из дверей хлынул поток желтого света, и чей-то смех завибрировал в чувствительных ушах существа. Здесь так же, как и на улице, царил хаос различных мыслей, появляющихся в головах людей. Существо защищалось от наплыва этих чужих мыслей, грозящих ему утратой личности Лоуренса Пирсона. Оно оказалось в просторном, светлом холле, откуда через открытую дверь виден был накрытый для ужина стол, вокруг которого сидели несколько человек.

— А, это вы, мистер Пирсон,— сказала хозяйка, занимавшая почетное место во главе стола.

Это была женщина с острым носом и узкими губами. Чудовище некоторое время внимательно смотрело на нее, перехватив мысли женщины. Ее сын был учителем математики в гимназии. Впрочем, существо это не заинтересовало, оно мгновенно поняло, что сын этой женщины был таким же интеллектуальным нулем, как и его мать.

— Вы пришли как раз вовремя,— равнодушно сказала она.— Сара, принеси тарелку для мистера Пирсона.

— Спасибо, я не голоден,— ответило существо, мысленно смеясь: это было чувство, до сих пор ему не известное.— Пожалуй, пойду лягу.

Всю ночь оно пролежало на постели Лоуренса Пирсона с открытыми глазами, все лучше познавая себя.

«Я машина,— думало оно,— без собственного мозга, и могу только использовать мозг человека. Но каким-то необъяснимым образом мои создатели позволили мне быть чем-то большим, чем просто чьим-то эхом. Я использую человеческий мозг для достижения своей цели».

При мысли о создателях страх захлестнул его. Это было ужасное туманное воспоминание о физической боли, наступающей при распаде вещества его тела.

Существо встало на рассвете и бродило по городу до половины десятого, оказавшись к этому времени перед внушительными мраморными воротами фирмы «Дж. П. Брендер и К°». Войдя внутрь, оно уселось в удобное кресло с инициалами «Л. П.» и прилежно трудилось над счетными книгами, отложенными накануне Лоуренсом Пирсоном.

В десять часов высокий молодой человек в темном костюме появился в коридоре с арочным потолком. Энергичным шагом он миновал ряд конторских помещений, улыбаясь при этом со спокойной уверенностью в себе. Существу вовсе не требовался хор, исполнивший «Добрый день, мистер Брендер», чтобы понять: появилась его добыча. Оно встало гибким пружинистым движением, которое было бы не под силу настоящему Лоуренсу Пирсону, и быстро направилось в туалет.

Минутой позже в дверях появился двойник Джима Брендера и спокойно двинулся в сторону кабинета, где несколько минут назад исчез настоящий Брендер. Он постучал в дверь, вошел и понял сразу три вещи. Во-первых, что нашел именно того человека, за которым был отправлен. Во-вторых, что его разум не в состоянии скопировать быстро и точно действующий мозг молодого человека, который удивленно смотрел на него темно-серыми глазами. И в-третьих, что на стене кабинета висит огромный металлический барельеф.

Потрясенное, испытывая головокружение, существо чувствовало притяжение металла. С первого же взгляда оно поняло, что это суперметалл — порождение великого мастерства древних марсиан, города которых, возведенные из металла, полные бесценной мебели, произведений искусства и механических устройств, раскапывались сейчас предприимчивыми землянами из-под слоя песка, под которым лежали погребенные тридцать или даже пятьдесят миллионов лет. Суперметалл! Металл, не нагревающийся при любой высокой температуре; металл, который ни алмаз, ни какой-либо другой режущий инструмент не могли даже поцарапать; металл, который никогда не смогут создать люди, такой же таинственный, как сила иеис, которую марсиане черпали как бы ниоткуда.

Все эти мысли клубились в голове чудовища, пока оно изучало закоулки памяти Брендера. Наконец существо с трудом отвлеклось от металла и уставилось на мужчину. В мыслях у того было безмерное удивление.

Брендер встал.

— Боже мой,— сказал он.— Кто вы?

— Меня зовут Джим Брендер,— ответил двойник, осознав мрачный комизм ситуации. Одновременно он понял, что это чувство постепенно развивается в нем.

Настоящий Джим Брендер уже пришел в себя.

— Пожалуйста, садитесь,— любезно пригласил он.— Воистину это самое удивительное совпадение в моей жизни.

Он подошел к зеркалу, украшавшему левую стену кабинета, и посмотрел сначала на свое отражение, потом на двойника.

— Удивительно,— сказал он.— Просто не верится.

— Мистер Брендер,— сказал пришелец,— я видел ваш снимок в газете и подумал, что, возможно, это невероятное сходство заставит вас выслушать меня, поскольку иначе вы едва ли захотите иметь со мной дело. Я только что вернулся с Марса и пришел сюда, чтобы уговорить вас отправиться туда вместе со мной.

— Это невозможно,— последовал ответ.

— Минуточку, подождите, пока я изложу вам причину,— сказал гость.— Вы когда-нибудь слышали о Башне зверя?

— О Башне зверя? — повторил задумчиво Брендер.

Потом обошел стол и нажал кнопку.

— Слушаю, шеф? — донесся голос из небольшого ящичка.

— Дэйв, мне нужны все данные о Башне зверя и легендарном городе Ли, в котором она якобы находится.

— Их вовсе незачем искать,— последовал ответ.— В большинстве марсианских легенд упоминается о том, что зверь этот свалился с неба, когда Марс был еще молод. С этим событием связывалось какое-то страшное пророчество, а причины виделись в появлении зверя из подпространства. Его нашли в бессознательном состоянии. Марсиане прочли его мысли и были настолько поражены намерениями, записанными в его подсознании, что попытались убить зверя, однако это не удалось. Тогда они построили огромную усыпальницу — около пятисот метров диаметром и полтора километра высотой,— поместили в нее зверя, вероятно имевшего именно

такие размеры. Было уже несколько попыток найти город Ли, но без результата. Всеми признается, что это лишь миф. Вот и все.

— Спасибо.— Джим Брендер прервал связь и повернулся к гостю.— Что вы на это скажете?

— Это вовсе не миф. Я знаю, где находится Башня зверя, как знаю и то, что зверь до сих пор жив.

— Послушайте,— добродушно сказал Брендер.— Меня заинтриговало наше сходство, это правда, но не надейтесь, что я поверю в вашу историю. Зверь, если вообще что-то такое существует, упал с неба, когда Марс был молод. По некоторым научным источникам, раса марсиан вымерла сто миллионов лет назад, ну, пусть даже двадцать пять миллионов. Единственные продукты их цивилизации, сохранившиеся до сих пор, это конструкции из суперметалла. К счастью, под конец они уже почти все строили из этой неуничтожимой субстанции.

— Я хотел бы рассказать вам о Башне зверя,— сказал пришелец, нисколько не смущенный словами Брендера.— Она огромна, но, когда я видел ее в последний раз, торчала из песка всего на тридцать метров. Вся ее вершина — это дверь, подключенная к часовому механизму, связанному по линии иеис с максимальным простым числом.

Брендер широко раскрытыми глазами смотрел на пришельца. Существо приняло его удивление: сначала сомнение, потом росток веры.

— Максимальным,— повторил он как эхо.

Потом схватил книгу с полки возле стола и пролистал ее.

— Максимальное из известных простых чисел это... ага, вот оно... 230584300921393951. Несколько других, согласно тому же источнику,— 77843839397, 182521213001 и 78875944372201.— Складка на его лбу углубилась.— Это значит, что вся ваша история абсурдна. Максимальное простое число было бы числом неопределенным.— Он улыбнулся гостю.— Если там действительно есть зверь, запертый в гробнице из суперметалла, дверь которой подключена к часовому механизму, связанному по линии иеис с максимальным простым числом,— он останется там навсегда. Ничто в мире не может его освободить.

— Совсем наоборот,— запротестовал пришелец.— Зверь заверил меня, что решение этой задачи лежит в сфере возможностей земной науки, только этим должен заняться прирожденный математик, располагающий всеми знаниями на

том уровне, которого достигла математика Земли. Вы — именно тот человек.

— И вы ждете, что я освобожу этого демона зла — конечно, если сумею совершить математическое чудо?

— Вовсе не зла! — возразил пришелец.— Из бессмысленного страха перед неведомым, заставившего марсиан заточить зверя, возникло огромное зло и несправедливость. Зверь — это ученый из иного пространства, застигнутый врасплох во время проведения одного из научных экспериментов. Я говорю «он», но даже не знаю, есть ли в его расе различие полов.

— Значит, вы говорили со зверем?

— Он общался со мной с помощью телепатии.

— Но ведь было доказано, что мысль не может проникать сквозь суперметалл.

— А что человечество знает о телепатии? За исключением нескольких случаев, люди не могут общаться даже между собой.— В голосе пришельца звучало презрение.

— Это верно. Итак, если ваш рассказ правдив, нужно представить это дело совету.

— Это дело касается только двоих: вас и меня. Не забывайте, что склеп находится в самом центре большого города Ли, где хранится сокровище стоимостью несколько миллиардов долларов в виде мебели, произведений искусства и механических устройств. Зверь требует, чтобы его освободили, прежде чем он позволит кому-либо извлекать эти сокровища. Вы можете его освободить, и мы поделим богатство.

— Я бы хотел задать вам один вопрос,— сказал Брендер.— Как вас зовут на самом деле?

— П... Пирс Лоуренс,— пробормотало существо. Оно было так удивлено, что смогло лишь поменять очередность имени и фамилии своей первой жертвы и провести небольшую замену — «Пирсон» на «Пирс». От волнения в голове у него все перепуталось.

— На каком корабле вы прибыли с Марса? — продолжал допрос Брендер.

— На... на Г 4961,— буркнуло чудовище.

Ярость еще более усилила его замешательство. Оно старалось взять себя в руки, чувствуя, что сделало глупость. Внезапно оно явственно почувствовало притяжение суперметалла, из которого был сделан барельеф на стене, и поняло, что это означает опасность распада.

— Грузовик,— констатировал Брендер и нажал кнопку.— Карлтонс, проверь, имел ли Г 4961 на борту пассажира или

члена экипажа по имени Пирс Лоуренс. Сколько времени это займет?

— Пару минут, шеф.

Джим Брендер откинулся на спинку кресла.

— Это обычная формальность. Если вы действительно прилетели на этом корабле, я буду вынужден отнестись к вашему заявлению серьезно. Вы наверняка понимаете, что я не могу начать действовать вслепую.

Прозвенел звонок.

— Да? — сказал Брендер.

— На Г 4961, который приземлился вчера, находился экипаж из двух человек. На борту не было никого по имени Пирс Лоуренс.

— Спасибо.

Брендер встал.

— До свидания, мистер Лоуренс,— холодно сказал он.— Не знаю, на что вы рассчитывали, рассказывая мне эту абсурдную историю. Хотя, должен признаться, она действительно интересна, а проблема, которую вы мне представили, очень увлекательна.

Звонок.

— В чем дело?

— К вам мистер Горсон.

— Отлично, проси его.

Взяв наконец себя в руки, существо узнало из мозга Брендера, что Горсон является финансовым воротилой, фирма которого может равняться с предприятием Брендера. Эта и другая информация привела к тому, что существо покинуло кабинет Брендера, вышло из здания и терпеливо ждало, пока Горсон появится в воротах. Мгновением позже по улице шли два Горсона.

Горсон был мужчиной за сорок, полным сил. Он был честен и вел активный образ жизни. Его память хранила воспоминания о нелегких ситуациях в нескольких климатических поясах и на разных планетах. Своими сенсорами чудовище ощутило жизненную энергию этого человека. Оно осторожно двинулось за ним, еще не решив, будет ли что-либо предпринимать относительно его.

«Я так далеко ушел от примитивной формы жизни, какой был сначала,— думало существо,— что уже не смогу ею остаться. Мои создатели наделили меня способностью учиться и развиваться. Благодаря этому мне теперь легче защищаться от дезинтеграции, легче быть человеком. Чтобы справиться с этим мужчиной, мне нужно лишь помнить, что, правильно пользуясь своей силой, я непобедим».

Существо внимательно изучило в мозгу своей будущей жертвы путь до конторы. В памяти мужчины имелось изображение входа в просторное здание, а дальше тянулся длинный коридор из мрамора, потом был лифт на восьмой этаж и наконец короткий коридорчик с двумя дверями. Одна из них вела в кабинет, другая — в кладовку, используемую уборщиком. Горсон время от времени заглядывал в это помещение, поэтому в его памяти сохранился образ большого ящика.

Чудовище притаилось в кладовке, ожидая момента, когда ничего не подозревающий Горсон окажется за дверями. Дверь скрипнула. Горсон повернулся, вытаращив глаза, но существо не дало ему ни одного шанса: стальной кулак размозжил лицо мужчины, вогнав кости черепа в мозг. На этот раз чудовище не совершило ошибки и вовремя прервало соединение своего мозга с мозгом жертвы. Оно подхватило падающее тело, вновь вернув своему стальному кулаку вид обычной человеческой ладони. Потом торопливо сунуло могучее атлетическое тело в большой ящик и плотно закрыло крышку, после чего осторожно выглянуло из укрытия, вошло в кабинет Горсона и село за сверкающий дубовый стол.

Мужчина, явившийся по вызову, увидел сидящего Горсона и услышал его голос:

— Криспинс, я бы хотел, чтобы ты немедленно начал продажу этих акций по нашим секретным каналам. Я скажу, когда следует закончить. Не обращай внимания ни на что, даже если ты сочтешь это безумием. У меня есть кое-какая информация.

Криспинс взглянул на столбцы названий пакетов и вытаращил глаза.

— Боже мой! — выдавил он наконец с бесцеремонностью, составлявшей привилегию доверенного советника.— Но ведь это надежные акции. Ваше состояние не выдержит такой операции.

— Я уже сказал, что за этим стою не только я.

— Но ведь это нелегальная дезорганизация рынка,— не сдавался мужчина.

— Ты слышал, что я сказал, Криспинс. А сейчас я ухожу из конторы. Не пытайся со мной связаться. Я сам тебе позвоню.

Чудовище, бывшее теперь Джоном Горсоном, встало, равнодушное к суматохе в голове Криспинса, вызванной его

поручениями, и вышло через те самые двери, через которые попало сюда.

«Мне достаточно,— подумало оно,— убрать несколько финансистов и начать продавать их акции, чтобы...»

Еще до часа дня все было кончено. Биржу закрывали в три, но в час сообщение об этом приняли нью-йоркские телеграфы. В Лондоне, где уже смеркалось, вышло чрезвычайное приложение. В Ханькоу и Шанхае ослепительное утро омрачили газетчики, бегавшие по улицам в тени небоскребов и кричащие, что фирма «Дж. П. Брендер и К°» обанкротилась и по этому делу начато следствие...

— Мы имеем здесь дело с самым удивительным совпадением за всю нашу историю,— сказал назавтра председатель окружного суда в своем вступительном слове.— Фирма, существующая много лет, уважаемая, имеющая широкие связи и филиалы по всему миру, имевшая долю в более чем тысяче различного рода акционерных обществ, обанкротилась из-за неожиданного падения цен на акции, в которых была заинтересована. Потребуются месяцы, чтобы выяснить, кто ответствен за продажу, приведшую к этой катастрофе. Однако пока — хоть это и достойно сожаления — необходимо удовлетворить требования кредиторов и ликвидировать состояние с помощью распродажи и других законных мероприятий...

Командор Хьюз из «Межпланетных космических трасс» вошел в кабинет своего начальника в воинственном настроении. Это был мужчина небольшого роста, но крепкого сложения. Чудовище, принявшее теперь облик Луиса Дюера, напряженно вглядывалось в него, ощущая силу и энергию этого человека.

— Ты получил мой рапорт относительно Брендера? — начал Хьюз.

Двойник Дюера нервно покрутил ус, потом поднял небольшую папку и прочел вслух:

— «По психологическим причинам опасно... принимать Брендера... Слишком много ударов одновременно. Потеря состояния и положения... не может не повлиять на психику... любого нормального человека... в данных условиях. Возьми его в свою контору... окажи ему помощь... дай какую-нибудь доходную должность, соответствующую его несомненно большим способностям... но не на космическом корабле, где требуется исключительная крепость, как физическая, так

и психическая, а также ясность мышления и душевное равновесие...»

— Это именно те пункты, которые я хотел подчеркнуть,— прервал его Хьюз.— Я знал, что ты поймешь, в чем дело, Луис.

— Конечно, я понимаю.— Двойник улыбнулся, в последнее время он обрел уверенность в себе.— Твои чувства, мысли, твои принципы и методы работы отразились на твоем образе мышления. Никогда,— торопливо добавил он,— я не имел ни малейшего сомнения в правильности твоей позиции, однако в данном вопросе не уступлю. Джим Брендер не примет обычной должности, предложенной ему друзьями. Это абсурд предлагать ему, чтобы он подчинялся кому-то, кого превосходит по всем статьям. Он уже управлял своей космической яхтой, а математическую сторону этой работы знает лучше, чем весь наш персонал, вместе взятый. И это вовсе не упрек в адрес нашего персонала. Брендер хорошо знаком с космическими полетами и считает, что именно это ему сейчас нужно. Поэтому, Питер, я приказываю тебе — впервые за наше длительное сотрудничество — определить его на грузовик Г 4961, на место Перелли, с которым случилось нервное расстройство после той странной истории с существом из космоса, как назвал его лейтенант Мортон. Кстати, ты уже нашел... этот... гм... лоскут существа?

— Нет, шеф, он исчез еще в тот день, когда я пришел его осмотреть. Мы обыскали все помещение вдоль и поперек. Это самое удивительное существо, которое я видел в своей жизни. Оно проходит сквозь стекло так же легко, как свет. Можно даже подумать, что это какая-то форма света. Честно говоря, я и сам испугался. Это высшая фаза развития, адаптирующаяся к окружающему легче, чем все открытое до сих пор... Однако вернемся к делу Брендера — ты не можешь так просто махнуть на меня рукой.

— Я не понимаю твоей позиции, Питер. Я впервые вмешиваюсь в твою работу...

— Я подам в отставку,— выдавил поставленный в безвыходное положение мужчина.

Чудовище подавило улыбку.

— Питер, ведь это ты подбирал весь персонал «Космических трасс». Это дело твоей жизни, ты не можешь его бросить, никак не можешь...

В его голосе звучала легкая паника, поскольку в голове Хьюза впервые возникла идея ухода в отставку. Именно упоминание о его достижениях и профессиональной гордости

вызвало такую волну воспоминаний, что лишь теперь Хьюз понял, насколько болезненной была для него угроза вмешательства в его дела. Чудовище сразу осознало, что означал бы уход с работы этого человека: недовольство команды, быстрое осознание ситуации Джимом Брендером и его отказ принять должность. Оставался единственный выход: Брендер должен оказаться на корабле, не узнав, что произошло. В конце концов, требовалось, чтобы он совершил всего один полет на Марс.

Существо обдумало возможность принятия облика Хьюза, однако было вынуждено констатировать, что это безнадежное дело: и Луис Дюер, и Хьюз должны оставаться на местах до последней минуты.

— Послушай, Питер...— начало оно, не зная, что делать.— Черт побери!

Типичная человеческая реакция. Сознание того, что Хьюз воспринял его слова как признак слабости, приводило чудовище в бешенство. Неуверенность подобно черной туче заволокла его мысли.

— Брендер будет здесь через пять минут, и я скажу ему, что думаю обо всем этом,— рявкнул Хьюз, а существу стало ясно, что самое плохое уже произошло.— Если ты мне не разрешишь сделать так, подам в отставку. Я... О боже... твое лицо!

Замешательство и ужас охватили чудовище одновременно. Оно поняло, что перед угрозой провала всего плана его лицо начинает расплываться. Оно вскочило, осознав страшную опасность. Секретариат находился прямо за матовым стеклом двери, и первый же крик Хьюза вызвал бы немедленную помощь. Издав звук, напоминающий рыдание, существо попыталось придать своей руке форму стального кулака, но в кабинете не было никакого металла, которому рука могла бы уподобиться. Здесь стоял только массивный кленовый стол. С хриплым криком существо перепрыгнуло его, пытаясь воткнуть деревянный штырь в горло Хьюза.

Тот удивленно выругался и ухватился за штырь. Снаружи послышались крики, топот ног...

Брендер оставил машину недалеко от космического корабля и немного постоял, но не потому, что в чем-то сомневался. Его положение было безнадежным, и ему требовался хотя бы мизерный шанс. Проверка того, обнаружен ли древний марсианский город Ли, не займет много времени. Если

да, он сможет вернуть свое состояние. Брендер быстро направился к кораблю.

Остановившись на стартовой полосе, ведущей к открытой двери Г 4961 — огромного шара из блестящего металла диаметром в сто метров,— он заметил бегущего к нему мужчину, в котором узнал Хьюза.

Чудовище, бывшее теперь Хьюзом, приблизилось, пытаясь держаться спокойно. Ему казалось, что он попал под перекрестный огонь чужеродных сил, желающих его уничтожить. Существо даже сжалось под напором мыслей людей, толпившихся в кабинете, который оно покинуло минуту назад. Все прошло очень плохо; оно вовсе не собиралось делать того, что теперь было вынуждено предпринять. Бóльшую часть полета до Марса оно желало провести в виде пузыря металла на внешней обшивке корабля. С трудом существо взяло себя в руки.

— Отправимся немедленно.

— Но это значит,— удивился Брендер,— что мне придется рассчитать новую орбиту в более трудных...

— Вот именно,— прервал его псевдо-Хьюз.— Я много слышал о ваших математических способностях. Самое время проверить их на практике.

Брендер пожал плечами.

— Не вижу никаких помех к этому. Но что произошло, почему вы летите со мной?

— Я всегда летаю с новенькими.

Это звучало логично. Брендер ступил на стартовую полосу, Хьюз двигался сразу за ним. Мощное притяжение металла причиняло ему боль — первое реальное ощущение, которого чудовище уже давно не испытывало. Целый месяц ему теперь придется сопротивляться притяжению, чтобы сохранять облик Хьюза и одновременно выполнять сотни различных обязанностей. Боль пронзала его до самых глубин, разрушая уверенность в себе, которую оно приобрело, будучи человеком. А потом, входя вслед за Брендером на корабль, существо услышало позади крики. Оно торопливо повернулось. Сразу через несколько ворот, что вели на поле, вливалась река людей, бегущих к кораблю. Брендер находился уже в глубине коридора. С писком, похожим на рыдание, чудовище прыгнуло внутрь и дернуло за рычаг, закрывая люк.

Рядом находился запасной рычаг, включающий антигравитационные краны, и существо одним рывком передвинуло его до упора. Мгновенно оно оказалось в невесомости и испытало чувство падения. Сквозь огромный иллюминатор

виднелся космопорт, кишащий людьми. Заметны были поднятые вверх лица и машущие руки. Затем, когда корабль завибрировал от рева стартовых двигателей, все исчезло вдали.

— Надеюсь,— сказал Брендер, когда Хьюз вошел в рубку,— вы хотите, чтобы я установил режим основных двигателей?

— Конечно,— хрипло ответило существо.— Всю математическую сторону я оставляю вам.

Оно не осмеливалось находиться слишком близко к металлическим двигателям, даже в присутствии Брендера, что облегчало сохранение человеческого облика. Существо торопливо двинулось по коридору — лучшим местом будет изолированная спальня.

Внезапно оно замерло, покачиваясь на кончиках пальцев. Из рубки, где остался Брендер, донеслась его мысль. Чудовище едва не утратило своей формы, когда с ужасом поняло, что Брендер сидит у радиоаппарата, отвечая на настойчивый вызов с Земли.

Псевдо-Хьюз ворвался в рубку и замер как вкопанный. В его широко раскрытых глазах был совершенно человеческий ужас. Брендер молниеносно повернулся от передатчика, в руке он держал револьвер. Существо, приняв мысль человека, поняло, что Брендер начинает догадываться.

— Ты то... существо,— выкрикнул Брендер,— что приходило ко мне в контору, рассказывало о простых числах и усыпальнице зверя!

Он передвинулся в сторону, чтобы запереть дверь в коридор, открыв при этом телеэкран, на котором было лицо настоящего Хьюза. В ту же секунду Хьюз заметил двойника.

— Брендер! — крикнул он.— Это именно то чудовище, которое Мортон и Перелли видели во время полета с Марса. Оно не подвержено действию высоких температур и химических средств, но мы еще не пробовали пули. Стреляй быстрее!

Слишком много металла, слишком много хаоса. Создание, скуля, начало расплываться. Притяжение металла страшно изуродовало его, превращая в тяжелый полуметалл. Сопротивляясь деформации, оно все еще имело шишкообразную голову с наполовину исчезнувшим глазом и узловатыми руками, прикрепленными к полуметаллическому телу. Инстинктивно оно старалось придвинуться ближе к Брендеру, чье притяжение помогало сохранять человеческий облик. Полуметалл стал бесформенной массой человеческого тела, пытающейся вернуться к прежнему виду.

— Слушай, Брендер! — В голосе Хьюза звучало нетерпение.— Баки с топливом в машинном отделении сделаны из суперметалла. Один из них пуст. В прошлый раз мы схватили часть этого существа, и она не смогла выбраться из небольшого контейнера, сделанного из суперметалла. Если бы тебе удалось загнать чудовище в бак, когда оно потеряет над собой контроль, что, похоже, случается с ним очень легко...

— Сначала я попробую на нем действие свинца! — рявкнул Брендер срывающимся голосом.

Бах! Из недосформированной щели губ вырвался крик. Чудовище отступило, ноги его расплылись в серую тестообразную массу.

— Больно, да? — проскрежетал Брендер.— А ну, пошел в машинное отделение, в бак!

— Давай, давай! — поощрял Хьюз с телеэкрана.

Брендер снова выстрелил. Существо издало слабый писк и отступило еще дальше. Оно вновь выросло, став более похожим на человека. А в его карикатурной ладони появился карикатурный револьвер.

Существо подняло не доделанное еще оружие. Раздался грохот выстрела и крик чудовища. Револьвер — бесформенный обрывок — упал на пол. Кусок серой массы, в которую он превратился, торопливо пополз в сторону материнского тела и как огромная раковая опухоль прилип к его правой ступне.

И тут впервые могучие злобные разумы, создавшие чудовище, предприняли усилие, чтобы овладеть своим роботом. С яростью, хотя и понимая, что игру нужно вести рассудительно, контролер заставил перепуганное и совершенно сломленное чудовище подчиниться его воле. Болезненный стон прозвучал в воздухе, когда эта перемена произошла с нестабильными элементами. В одно мгновение чудовище стало двойником Брендера, однако вместо револьвера в руке его вырос светящийся металлический прут. Блестящий, как зеркало, он сверкал каждой гранью, словно необычайная драгоценность. Металл излучал слабое неземное сияние.

Там, где недавно было радио, а также экран с лицом Хьюза, зияла теперь большая дыра. Брендер в отчаянии поливал стоящую перед ним фигуру градом пуль, но чудовище, хоть и дрожало, смотрело на него спокойно. Светящееся оружие направилось в сторону человека.

— Когда кончишь стрелять,— сказало существо,— может, мы поговорим?

Голос звучал так мягко, что Брендер, напряженно ждущий смерти, удивленно опустил револьвер.

— Бояться тебе нечего,— продолжало чудовище.— То, что ты видишь и слышишь, это андроид, спроектированный нами так, чтобы мог действовать в вашем измерении и пространстве. Мы работаем здесь в исключительно сложных условиях, чтобы поддерживать с тобой контакт, поэтому я продолжаю... Мы живем в измерении, где время течет бесконечно медленнее вашего. Благодаря методу синхронизации мы состыковали измерения так, чтобы можно было с тобой говорить, хотя один наш день — это миллион ваших лет. Наша цель — освобождение Калорна из марсианской гробницы. Он был случайно пойман в искривление времени, которое сам и вызвал, и упал на планету, которую вы называете Марсом. Марсиане совершенно напрасно испугались его огромных размеров и построили для него дьявольскую тюрьму. Нам нужны математические знания, отвечающие вашему измерению и пространству, чтобы освободить его.

Мягкий голос говорил дальше, убеждающе, но без агрессивности, настойчиво, но дружески. Говорящий выразил сожаление, что андроид убивал людей, а потом объяснил подробней, что каждое пространство основывается на своей системе чисел — некоторые на отрицательных, другие на положительных, а третьи на смешанных, целое же является бесконечно разнообразным. И каждое пространство подчиняется законам своей математики.

Сила иеис, в сущности, не представляет собой ничего таинственного. Это просто переход из одного пространства в другое, являющийся эффектом разницы потенциалов. Этот переход является одной из универсальных сил, которую можно уравновесить только другой силой. Именно ею воспользовался говорящий эти слова несколько минут назад. Суперметалл — это действительно исключительная вещь. В своей вселенной у них есть подобный металл, состоящий из отрицательных атомов. В мозгу Брендера он прочел, что марсиане не знали отрицательных чисел и, значит, строили из обычных атомов. Это можно сделать и так, хотя задача становится труднее.

— Проблема сводится к тому,— закончил он,— что земная наука должна указать нам, каким образом, используя нашу универсальную силу, совершить деление максимального простого числа, чтобы дверь открылась. Ты можешь спросить, как найти делитель простого числа, коль скоро оно делится лишь на единицу и самое себя? Эта проблема для вашей

системы счисления разрешима только с помощью вашей математики. Ты сделаешь это для нас?

Брендер спрятал револьвер в карман. Он был совершенно спокоен.

— Все это звучит логично и искренне,— сказал он.— Если бы вы хотели устроить нам неприятности, достаточно было бы прислать на Землю больше существ вашей расы. Разумеется, нужно будет представить вопрос совету...

— В таком случае дело безнадежно. Совет не даст согласия...

— Значит, вы надеетесь, что я пойду на то, чего, по вашему мнению, не одобрит высший орган власти нашей системы? — воскликнул Брендер.

— Именно в этом и состоит сущность демократических правительств: правительство не может допустить возникновения угрозы жизни своих граждан. Такова и местная власть: ее представители когда-то в подобной ситуации информировали нас, что не принимают во внимание возможность освобождения неизвестного зверя. Однако это вовсе не значит, что отдельная особь не может позволить себе риск, на который правительство не пойдет. Ты признал, что наши аргументы логичны. В таком случае, чем пользуются в своем поведении люди, если не логикой?

С помощью андроида контролер внимательно следил за мыслями Брендера. Он заметил его растерянность и нерешительность, противостоящие истинно человеческому желанию оказать помощь, которое вытекало из уверенности, что в этом нет никакого риска. Контролер подумал, что неразумно слишком уж доверять логике в общении с людьми.

— Мы можем предложить тебе... все,— поторопил он.— Если хочешь, мы доставим этот корабль на Марс не за тридцать дней, а за тридцать секунд. Знание о том, как это будет сделано, ты сохранишь для себя. На Марсе ты будешь единственным существом, знающим о существовании древнего города Ли, центром которого была Башня зверя. В городе этом будут найдены предметы из суперметалла стоимостью миллиарды долларов, и, согласно земным законам, половина этой суммы будет твоя. Восстановив свое состояние, ты сможешь вернуться на Землю еще сегодня.

Лицо Брендера побелело, как мел. Андроид неохотно следил за ходом его мыслей — воспоминания о внезапной катастрофе, разорившей всю его семью. Брендер поднял голову.

— Хорошо,— сказал он.— Я сделаю, что смогу.

Мрачная горная цепь спускалась в котловину с красно-серым песком. Слабый порыв марсианского ветра поднял облачко песка над строением. И каким строением! Издалека оно казалось просто большим, возвышаясь над пустыней на тридцать метров — тридцать метров высотой и пятьсот метров диаметром. Однако оно явно погружалось на тысячи метров в этот беспокойный океан песка, чтобы сохранить совершенную гармонию, ту полную грации сказочную красоту, которую давно вымершие марсиане придавали всем своим конструкциям, несмотря на их массивность. Брендер вдруг почувствовал себя очень маленьким, когда ракетные двигатели его скафандра с шумом несли его на высоте нескольких метров над песком в направлении этого нечеловеческого сооружения.

Вблизи простота вертикальных стен чудесным образом терялась в богатстве орнаментов. Колонны и пилястры разбивали плоскость фасада, сходились и вновь разбегались. Гладкость поверхности стен и крыши переходила в вычурность орнаментов и псевдоукрашений, исчезала в игре света и тени.

Существо летело рядом с Брендером.

— Я вижу, ты всерьез подходишь к этому делу,— сказал контролер,— но этот андроид не может анализировать абстрактное мышление, поэтому я не знаю, каким путем идут твои рассуждения. Однако выглядишь ты довольным.

— Я, кажется, нашел решение,— ответил Брендер,— но сначала хотел бы осмотреть часовой механизм... Летим...

Они поднялись вверх, начав спускаться уже за краем строения.

Брендер увидел обширную поверхность, а в самом центре... У него захватило дух.

Слабый свет далекого марсианского солнца падал на сооружение, размещенное на чем-то, выглядевшем как середина большой двери. Конструкция эта имела около пятнадцати метров высоты, и казалось, что ее образовывали сегменты колеса, сходящиеся в центре, которым служила металлическая стрелка, устремленная вертикально вверх. Острие этой стрелки было не сплошным, а разделялось на две части, которые искривлялись и сходились вновь. Впрочем, не совсем: между ними было расстояние около полуметра, и от одной вершины острия к другой тянулся едва заметный, тонкий зеленый лучик иеис.

— Часовой механизм! — кивнул головой Брендер.— Я ожидал, что он выглядит именно так, хотя полагал, что он будет больше и солиднее.

— Пусть тебя не обманывает его видимая хрупкость,— предостерег контролер.— Теоретическая сила суперметалла неограниченна, а силу иеис может уравновесить только другая подобная сила. Точный результат предсказать невозможно, поскольку он связан со всей системой счисления, на которой строится данный сектор пространства. А теперь скажи нам, что делать.

— Хорошо.

Брендер опустился на песчаный холм и выключил диск антигравитации. Лежа на спине, он задумчиво смотрел на серо-голубое небо. На мгновение его покинули все сомнения, заботы и страхи, он расслабился и начал:

— Марсианская математика, подобно математике Евклида и Пифагора, основывалась на бесконечной величине. Она не использовала мнимых величин, тогда как на Земле, начиная с Декарта, развивалась аналитическая математика. Размеры и величины, доступные для восприятия, были заменены величинами, меняющимися в зависимости от положения в пространстве. Для марсиан существовало лишь одно число между 1 и 3, хотя на самом деле их очень много. С введением понятия корня квадратного из минус 1 — или мнимой величины — математика окончательно перестала быть наукой только о значимых величинах. Простое число, являющееся представлением чистой величины, не существует в реальной математике, но в данном случае оно тесно связано с реальностью силы иеис. Марсиане знали иеис как бледно-зеленый поток длиной около полуметра и мощностью, скажем, тысячу лошадиных сил (на самом деле это 52,35 сантиметра и 1021,23 лошадиной силы, но это неважно). Установленная мощность никогда не менялась, длина тоже, и так длилось из года в год на протяжении десятков тысяч лет. Тогда марсиане приняли эту длину за эталон и назвали ее 1 эл, а мощность приняли за единицу мощности и назвали ее 1 рб. Из-за абсолютной неизменности потока они сочли его вечным. Потом они решили, что ничто не может быть вечным, не становясь при этом простым числом. Вся их математика опиралась на числа, для которых можно подобрать делитель (то есть которые могут быть уменьшены), и на числа без делителей, которые нельзя поделить на меньшие группы. Любое число, имеющее делитель, не может быть бесконечным, следовательно, бесконечное число должно быть числом простым. Поэтому они сконструировали механизм, связанный с потоком иеис, чтобы он действовал, пока не перестанет перете-

кать эта сила, что может произойти, когда придет конец Времени, при условии, что никто не нарушит его раньше. Чтобы этого избежать, они укрыли механизм перехода в суперметалле, который не подвержен коррозии. По принципам их математики этого хватало.

— Но ты нашел решение,— нетерпеливо сказало существо.

— Это просто: марсиане установили величину перехода на 1 рб. Если произойдет его нарушение, независимо от масштаба, это будет уже не рб, а нечто меньшее. Переход, являющийся всеобщей величиной, становится чем-то меньшим, менее бесконечности. Простое число перестанет быть простым. Допустим, нарушение составит половину самого числа. В сущности, это число, подобно большинству больших величин, немедленно распадется на тысячи частей, то есть будет разделено на десятки тысяч меньших чисел. Если настоящее время окажется вблизи одного из этих мест распада, дверь откроется мгновенно,— конечно, если удастся вызвать такое нарушение, чтобы один из делителей проявился в настоящем.

— Это совершенно ясно.— В голосе контролера звучало удовлетворение, двойник Брендера торжествующе улыбнулся.— Теперь мы можем использовать нашего андроида для создания всеобщей величины, и Калорн вскоре будет свободен.— Он громко рассмеялся.— Бедный андроид противится уничтожению, но, в конце концов, это лишь машина, к тому же не лучшая. Кроме того, он мешает нам точно воспринимать твои мысли. Послушай его крики, когда я буду придавать ему новую форму.

Эти слова, произнесенные совершенно хладнокровно, потрясли Брендера, спустив его с высот абстрактного мышления. Благодаря интенсивной мыслительной деятельности он отчетливо увидел то, что прежде упускал из виду.

— Минуточку,— сказал он.— Как получается, что ваш робот живет теперь в моем измерении, тогда как Калорн продолжает жить в вашем?

— Отличный вопрос.— Лицо существа исказила торжествующая улыбка, а контролер продолжал: — Видишь ли, мой дорогой Брендер, ты был обманут. Калорн действительно живет в нашем секторе времени, но это произошло из-за ошибки в нашей машине. Устройство, которое сконструировал Калорн, было достаточно велико, чтобы перенести его, однако не имело механизма адаптации, который мог бы приспособить Калорна к любому новому пространству, где

тот окажется. В результате он был перенесен, но не приспособлен. Разумеется, мы, его помощники, смогли переместить такой малый объект, как андроид, но понятия не имеем о конструкции машины Калорна. Короче говоря, мы могли бы использовать то, что от нее осталось, но тайна ее конструкции запрятана в нашем собственном специфическом суперметалле и в мозгу Калорна. Ее изобретение Калорном — одна из случайностей, которые происходят раз в миллион лет нашего времени. Сейчас, когда ты открыл нам способ освобождения Калорна, мы сможем построить бесчисленное количество межпространственных машин. Нашей целью является овладение всеми пространствами и планетами, особенно населенными. Мы хотим быть абсолютными хозяевами всей Вселенной.

Иронический голос умолк, а Брендер продолжал лежать, охваченный страхом. Страх этот был вызван двумя причинами: чудовищным планом контролера и мыслью, пульсирующей в его собственном мозгу. Он застонал, вспомнив, что эта предостерегающая мысль будет перехвачена автоматически действующим мозгом робота. Мысль заключалась в том, что нужно ввести дополнительный фактор — время...

Чудовище закричало, когда его начали насильно разлагать. Крик перешел в сдавленное рыдание, а потом воцарилась тишина. На серо-коричневой поверхности песка и суперметалла лежало загадочное устройство из блестящего металла.

Металл засверкал, и устройство поднялось в воздух. Достигнув кончика стрелки, оно опустилось на зеленый лучик иеис.

Брендер схватил свой антигравитационный диск и вскочил на ноги. Это резкое движение подняло его на несколько десятков метров вверх. Ракетные двигатели плюнули огнем, и он стиснул зубы, чувствуя боль от ускорения. Внизу под ним огромная дверь начала открываться все быстрее и быстрее, уподобляясь маховому колесу. Песок полетел во все стороны, словно поднятый маленькой бурей.

На полной скорости Брендер рванул в сторону — и вовремя. Сначала центробежная сила отбросила с огромного колеса машину-робота, потом дверь отделилась от строения, бешено вращаясь поднялась вверх и исчезла вдали.

Из темноты гробницы вылетело облако черной пыли. Борясь с ужасом и одновременно испытывая облегчение, Брендер подскочил к тому месту, где робот упал на песок. Вместо блестящего металла там лежал кусок позеленевшей железки. Металл пошел волнами, приняв подобие человеческой фор-

мы. Тело это осталось серым, сморщенным, как будто готовым вот-вот рассыпаться от старости. Чудовище попыталось встать, но не сумело подняться. Губы его зашевелились:

— Я принял твое предупреждение, но не передал им. Теперь Калорн мертв. Они поняли, в чем дело, сразу, как только это произошло. Наступил конец Времени...

Голос замер.

— Да, наступил конец времени,— согласился Брендер,— когда переход на какое-то время стал не вечным; он дошел до точки события, происшедшего на несколько минут раньше.

— Я... только частично... был... под их влиянием... Калорн все время... Даже если бы им удалось... пройдут годы, прежде чем... они изобретут новую машину... а один год у них... это миллиарды ваших... Я не сказал им... Принял твою мысль... но не... передал им...

— Но почему? Почему?

— Они причинили мне боль. Хотели меня уничтожить. А я хотел... быть... человеком. Быть... кем-то!

Тело его расплылось в лужу, похожую на серую лаву, лава покрылась складками и распалась на сухие, хрупкие кусочки. Брендер коснулся одного, и тот рассыпался в пыль.

Окинув взглядом мрачную пустынную котловину, Брендер с сожалением произнес:

— Бедный Франкенштейн!

Потом он повернулся и поднялся в воздух, направляясь к далекому космическому кораблю.

Сверхчеловек

1

Табличка на дверях сообщала:

РИЧАРД КАРР, ДОКТОР ФИЛОСОФИИ
ПСИХОЛОГ
ЛУННАЯ БАЗА

Карр — круглолицый молодой человек — стоял возле одного из двух окон своего рабочего кабинета и в бинокль наблюдал за четвертым уровнем. На шее у него на черном шнурке висел микрофон. Он непрерывно комментировал происходящее на четвертом уровне:

— ...Сейчас этот человек размышляет о какой-то технической проблеме. Он хочет к ней вернуться. Однако он сказал ей лишь: «Давай поторопимся!» Как ни странно, по неизвестной мне причине она также желает уйти. Но она не хочет так легко его отпускать. И вот она говорит: «Давай немного прогуляемся и поговорим о будущем». Мужчина отвечает: «Я не вижу будущего...»

Карр перестал воспроизводить разговор и заметил:

— Полковник, их беседа становится слишком личной. Давайте найдем другой объект.

Полковник Уэнтворт, стоявший у другого окна, ответил:

— Вы знаете, на каком языке они говорят?

— Честно говоря, нет. Вероятно, это славянский язык. Восточная Европа. Судя по мимике... да, пожалуй, я бы сказал, что они поляки.

Уэнтворт протянул руку и выключил магнитофон, на который при помощи сенсоров записывался разговор между мужчиной и женщиной на четвертом уровне.

Тридцативосьмилетний полковник, ростом в шесть футов, был обманчиво хрупкого телосложения, а серые глаза так спокойно смотрели на окружающий мир, что сторонний наблюдатель далеко не сразу заметил бы светившийся в них острый ум. Он уже восемь лет занимался проблемами безопасности на лунной базе, но сумел сохранить чопорные манеры английского джентльмена. Поскольку американский психолог — Карр — являлся новым человеком на Луне, раньше они не встречались.

Уэнтворт поднес к глазам бинокль, чтобы взглянуть вниз. Ему было известно то, о чем не подозревал Карр: они не имели права наблюдать за другими людьми на лунной базе, где множество представителей разных национальностей жили вместе согласно международным договоренностям, не позволявшим подслушивать их разговоры и читать мысли по выражению лиц.

Тем не менее, отвернувшись от своего собеседника — на данном этапе ему не хотелось, чтобы Карр об этом узнал,— Уэнтворт уклончиво сказал психологу:

— Мы слушаем их десять минут. Давайте поставим еще один эксперимент. Видите рыжеволосую женщину с невысоким мужчиной?

Карр ответил не сразу. Казалось, его заинтересовало нечто происходящее внизу. Неожиданно он изумленно воскликнул:

— Полковник, мужчина внизу! Высокий худощавый тип в диковинном головном уборе — он не человек!

Уэнтворт удивился.

— О чем вы говорите?

Он вновь поднял бинокль, а Карр взволнованно продолжал:

— О господи, он меня заметил! Теперь он меня прикончит! Смотрите!

Уэнтворт инстинктивно отпрыгнул в сторону и присел. В следующий миг последовала ослепительная вспышка. Во все стороны полетели осколки стекла. На пол посыпался пластик.

Потом стало тихо.

Уэнтворт успел заметить, что Карр бросился на пол рядом с ним. Похоже, психолог не пострадал. Полковник не стал терять времени, подбежал к столу и схватил телефон. Через несколько мгновений взревел сигнал тревоги.

2

Психиатр Борис Денович, недавно занявший пост главы отдела, нахмурившись, слушал автоматического переводчика — история, которую тот излагал, показалась Деновичу совершенно неправдоподобной.

Он поправил крошечный наушник и по-русски заговорил в микрофон своим низким голосом.

— Вы хотите сказать,— прервал он полковника Уэнтворта,— что молодой американец утверждает, будто он способен читать *мысли*, глядя в лицо человека? Полковник, вы имеете в виду телепатию?

Уэнтворт задумчиво посмотрел в напряженное лицо русского специалиста. Он знал то, что оставалось неизвестным Карру и Деновичу. Реакция последнего не удивила полковника, но он хотел знать наверняка.

— Вы уже проверяли? — продолжал Денович.— Разные языки и тому подобное?

Уэнтворт знал, что необходимо все проверить, и провел двадцать минут в отделе переводов.

— Я записал разговоры на польском, немецком, греческом и японском языках.

— И то, что говорит Карр, полностью соответствует переводам?

— Ну, не слово в слово. Но смысл он передает верно.

Черты худощавого лица психиатра заострились еще сильнее. Он не сомневался, что офицер безопасности стал жертвой мистификации, организованной американским психологом. И сейчас уже не имело значения, как и зачем американец это провернул.

Полковник Уэнтворт вновь заговорил:

— Вам следует дослушать запись до конца.

— Не вижу необходимости,— терпеливо возразил Денович.— Подозреваю, что ему сопутствовал успех.— Он нахмурился.— Полковник, надеюсь, американец не является специалистом чтения по губам и лингвистом?

Офицер безопасности обратился к широколицей секретарше:

— Заверните это в листок бумаги.— Потом он повернулся к Деновичу и добавил: — Доктор, вы должны дослушать запись до конца.

Денович пожал плечами и вновь включил запись. Теперь звучал голос полковника Уэнтворта. Он попросил Карра

перенести внимание на другую пару. Наступила пауза. Затем раздался взволнованный голос Карра, сделавший заявление, которое так поразило Уэнтворта.

Денович застыл на своем стуле, слушая звон разбитого стекла. Он был так потрясен, что даже не сразу заметил, как полковник выключил запись.

— Что это было? — услышал Денович собственный непривычно высокий голос.— Что произошло?

Когда полковник Уэнтворт закончил свои объяснения, Денович успел взять себя в руки.

— Наверняка розыгрыш,— заявил он.— А вы выглядывали в окно? И что вы заметили?

— Я был захвачен врасплох,— признался Уэнтворт.— И бросился на пол. К тому моменту, когда пластик восстановили, прошло две или три минуты.

— Значит, вы не видели высокого худощавого негуманоида? — иронически спросил Денович.

Уэнтворт был вынужден признать, что, когда он вновь подошел к окну, на нижнем уровне не нашлось мужчины, соответствовавшего описанию Карра.

Советский психиатр откинулся на спинку стула, стараясь сохранять спокойствие. Он понял, что слишком возбужден. Уже давно он не был так близок к тому, чтобы потерять самообладание. Его возмущало поведение доктора Ричарда Д. Карра, американского психолога.

Тем не менее он взял себя в руки и спросил:

— А почему бы нам самим не поставить эксперимент с участием доктора Карра? Мы создадим ему самые благоприятные условия. У меня появится возможность оценить Карра, а он получит шанс продемонстрировать свои способности. Что делать дальше, решим позднее.— На тонких губах появилась мрачная улыбка.— Пусть он прочитает *мои* мысли по выражению *моего* лица.

Казалось, Денович не понимает, что его предложение не понравилось Уэнтворту, который считал, что им необходимо торопиться. Полковник прикусил губу и ответил:

— Я позову доктора Карра. И мы обсудим ваше предложение.

Уэнтворт подошел к лифту, чтобы встретить доктора Карра. Когда психолог вышел из лифта, полковник повернулся к нему спиной. Карр приветствовал Уэнтворта, и тот молча кивнул в ответ.

— Следуйте за мной, доктор,— сказал Уэнтворт.

По пути в кабинет русского психиатра Уэнтворт шагал чуть впереди Карра, повернув лицо в сторону.

Когда они вошли — первым Карр, за ним Уэнтворт,— Денович поспешил им навстречу. Автоматический переводчик был приколот к лацкану его пиджака, наушник оставался в ухе.

На Земле он выработал технику приветствия людей, с которыми не хотел иметь дела: он старался заставить их шагнуть к нему навстречу, а затем завершал церемонию знакомства небрежным кивком.

Но, посмотрев на пухлое нездоровое лицо американца и пожав его вялую руку своими сильными пальцами, он изменил привычке.

— Сюда,— сказал Денович, показывая в коридор.

Карр застыл на месте. Он стоял, и по его лицу блуждала снисходительная улыбка. Денович, успевший распахнуть дверь, был вынужден оглянуться.

— Нам необходимо лучше понимать друг друга, доктор,— мягко сказал Карр.

Денович цинично улыбнулся в ответ.

— Ах да, я забыл,— сказал он.— Вы же умеете читать мысли. И что же вы прочли на моем лице?

Все с той же слабой улыбкой Карр ответил:

— Доктор, вы и в самом деле хотите, чтобы я повторил ваши мысли вслух?

Психиатр посчитал, что полностью контролирует ситуацию.

— Я с радостью позволю вам без потерь выйти из неприятного положения,— доброжелательно сказал он.

В этот момент Уэнтворт, который дожидался, когда между русским и американцем пробежит искра вражды, решил, что пора вмешаться. Он объяснил, что способности Карра можно проверить в практических обстоятельствах. В заключение Уэнтворт сказал:

— Я хочу, чтобы вы оба сопровождали меня в аэропорт.

Уэнтворт произнес эти слова, как и прежде, не глядя на Карра. Он ощущал, что психолог повернулся и смотрит на него.

— До сих пор я уважал ваше желание сохранить свой мир в тайне от меня,— медленно проговорил американец.— Но мне кое-что удалось прочитать, глядя вам в лицо, и, несмотря на вашу уклончивость, я узнал ваши мысли обо мне. Вам что-то известно о моих способностях, нечто...— Он нахмурился и замолчал, а затем вызывающе продолжил: — Вы не в

первый раз сталкиваетесь с такими способностями, которые проявились у меня! Кто-то уже делал это раньше.

Продолжая смотреть в сторону, Уэнтворт дипломатично ответил:

— Вы близки к истине. Послушайте, я расскажу вам всю правду, как только у меня появится подходящая возможность. Но сейчас мы должны кое-что сделать. Договорились?

Когда они выходили из кабинета Деновича, Уэнтворт продолжал считать, что способности Карра помогут им в общении с инопланетянином. Но ключевым фактором здесь являлось время.

Ни Карр, ни Денович не знали, что с первых дней возникновения лунной базы у нескольких человек неожиданно усилились экстрасенсорные способности. Интересно, что у всех они проявлялись по-разному. Но дар читать мысли по выражению лица появился впервые.

Всякий раз, когда удивительные способности проявлялись, они отражали прежние интересы человека, усиливаясь до превосходной степени. Довольно часто новый дар казался людям таким естественным, что они даже не сообщали о нем властям.

Первая стадия продолжалась около двух дней.

Затем способности резко слабели и пропадали в течение нескольких часов. Человек даже забывал, что обладал удивительными возможностями.

А потом — резко — способности возвращались, но в иной, измененной форме.

В новой форме они приобретали фантастический характер, получалась другая и многократно усиленная версия.

Однажды Уэнтворт так ее описал: «Подобно животному, бьющемуся в предсмертных судорогах, на краткие мгновения достигается пик экстрасенсорных способностей, возведенных в энную степень. В течение нескольких часов мы наблюдаем невероятные возможности человека, которыми он, возможно, когда-нибудь будет обладать в результате эволюции».

Финал быстро приближался. Пройдет еще несколько часов, и способности Карра исчезнут, чтобы больше никогда не появиться.

Больше всего Уэнтворта беспокоил тот факт, что Карр находился на Луне ровно сорок восемь часов. Он подозревал, что психолог обрел способность читать чужие мысли с той самой минуты, как прибыл на базу. Следовательно, первая фаза могла закончиться в любой момент.

...Нельзя терять время! Теперь, когда предварительные переговоры закончены, они не могут останавливаться ни на мгновение! Нельзя смущать Карра и отвлекать его! Поэтому Уэнтворт не должен поворачиваться к нему лицом — нельзя позволить Карру прочитать его мысли!

3

Они направлялись к пересадочной станции, откуда их сразу же перевели в подземное помещение, находящееся под посадочным полем для космических кораблей. Когда они вышли из небольшой монорельсовой машины, в коридоре им встретился человек в форме офицера порта.

Уэнтворт узнал ветерана лунной базы и кивнул ему. Тот помахал в ответ рукой и продолжал идти вперед. Уэнтворт жестом показал двум своим спутникам, что им следует двигаться в том направлении, откуда появился офицер. Денович тут же зашагал дальше. Карр сделал несколько шагов, а потом остановился и оглянулся назад.

— Полковник,— сказал он,— могу я поговорить с этим офицером?

— С кем? — Уэнтворт уже успел забыть о случайной встрече.

— С офицером, который только что прошел мимо нас.

— Петерсоном? Да, конечно! — Он повернулся и позвал: — Эй, Пит.

Но Карр уже бежал по коридору. К тому моменту, когда Денович обернулся и понял, что возникли какие-то проблемы, Карр и Петерсон о чем-то беседовали. Человек в форме дважды кивнул, а потом истерически расхохотался.

Смех его получился неожиданно громким. Люди, выходившие с багажом, начали останавливаться.

Ошеломленный Денович смотрел, как рыдает Петерсон, а потом подошел к Карру и Петерсону. Потом он почувствовал, что рядом оказался Уэнтворт.

Петерсон продолжал всхлипывать, пытаясь взять себя в руки.

— Что вы сказали? — пролепетал он сквозь слезы.— Я не понял... Объясните, что со мной происходит? Я никогда так себя не вел.

Он сглотнул, сделал над собой колоссальное усилие — и мгновенно пришел в ярость.

— Ах вы, грязные мерзавцы! — оскалился он.— Что вы со мной сделали?

— Кто-то прибыл сюда вчера днем и взял под контроль ваш разум,— сказал Карр.— Расскажите нам об этом.

— Хорошо! — Петерсон внезапно забыл о ярости.— Наверное, вы имеете в виду негров. Их было трое. Один выглядел довольно странно: впалые щеки, ну, вы понимаете,— поэтому я попросил его снять головной убор.

Он замолчал и, разинув рот, с дурацким выражением лица посмотрел на Карра.

— Что он с вами сделал? — не унимался Карр.

— Как что?! — Глаза Петерсона округлились.— Он выстрелил в меня световым лучом — как раз из штуки на верхушке его...

Он вновь замолчал, и его лицо приобрело бессмысленное выражение.

— О чем я говорю? — пробормотал он.— Должно быть, мне приснился сон!

Денович шагнул вперед. Теперь он уже не сомневался, что знает возможности Карра. Он только что был свидетелем — во всяком случае, так ему показалось — моментального гипнотического воздействия.

— Доктор Карр, отойдите от этого человека! — угрожающе приказал он.

Карр удивленно повернулся к нему, и Денович почувствовал, как глаза Карра пристально смотрят ему в лицо, а потом Карр сказал:

— Ах вот оно что! — И жестко добавил: — Подождите немного доктор, хорошо?

Карр вновь обратился к Петерсону:

— Отправляйтесь к себе и полежите. Если через час вам не станет лучше, зайдите в мой кабинет.

Он протянул Петерсону свою визитку. Повернувшись к Уэнтворту, Карр сказал:

— Нам необходимо поговорить с начальником порта.

Начальник порта производил хорошее впечатление. Он был доброжелательным итальянцем, толковым работником и внимательным слушателем. Его звали Карло Понтини. Игнорируя автопереводчик Деновича, он заговорил в микрофон собственного транслятора.

— Трое африканцев прибыли из Вастуленда.— Он развел руками.— Похоже, у вас проблема, джентльмены.

Уэнтворт, успевший связаться с отделом безопасности, который занимался чернокожими обитателями лунной базы, прекрасно понимал, что имеет в виду итальянец. Инопланетянин был либо очень умен, либо удачлив, когда решил прибыть на базу именно в таком обличье, поскольку это давало ему преимущества. Оставалось надеяться, что способности Карра помогут его найти.

Понтини предоставил им фотографии трех вастулендцев; среди них Карр сразу же узнал худощавую фигуру в головном уборе, который выглядел как изысканное украшение в мусульманском стиле. Материя закрывала лоб, а лицо — на фотографии это было ярко видно — лишь отдаленно напоминало человеческое.

На большом экране, куда спроецировали фотографию, отчетливо выделялась черная окраска, а под ней слабо поблескивала чешуя.

Через несколько мгновений Уэнтворт уже передавал увеличенное изображение инопланетянина по каналам связи системы безопасности. Вскоре он получил подтверждение из всех отделов, кроме двух. Что ж, для начала неплохо.

Уэнтворт представил себе, что сейчас происходит. В дюжинах секторов огромной лунной базы его люди выходят в коридоры, заглядывают в офисы, проверяют свою территорию. И если кто-то из них видел подозрительную личность, поиски уже в самом разгаре.

Загудел интерком. Карр нажал кнопку, и на экране появилось чисто выбритое молодое лицо — Ледуа из французской части базы.

— Полковник Уэнтворт.

— Да?

— Этот человек занял апартаменты в нашем секторе. Однако около часа назад он его покинул, и больше я его не видел.

Как только разговор закончился, на панели замигал огонек, и они получили новое сообщение:

«Видел его около тридцати минут назад, когда он направлялся в Р-1».

Уэнтворт поморщился. Р-1 был главным жилым комплексом для гостей. Сейчас большая часть номеров пустовала. Одаренный богатым художественным воображением архитектор придал сектору футуристический облик; комиссия, отвечавшая за строительство базы, даже не подумала о том, чтобы согласовать проект с силами безопасности. Множество запутанных коридоров, задних лестниц, внутренних двориков, три дюжины ресторанов, четыре театра, подводные сады, укромные уголки для влюбленных, а также свободный

доступ к электромобилям, местным средствам передвижения,— все это превращало данный сектор в чудовищный лабиринт.

Едва ли инопланетянин мог найти лучшее убежище на всей лунной базе. Уэнтворт вздохнул и нажал сигнал общей тревоги.

Полковник не стал терять времени, сразу же схватил за руку Карра, поманил за собой Деновича и, по-прежнему не поворачиваясь к психологу, сказал:

— Пошли! — И повел их обратно к лифту.

Уэнтворт рассчитывал, что быстрые поиски всеми силами безопасности сразу же дадут результат. Способности Карра — а он их уже доказал — существенно увеличивали их шансы. Поскольку эта часть Луны находилась в тени, только тридцать восемь номеров в Р-1 были заняты. Сам Уэнтворт предпочитал темную сторону Луны, откуда открывался превосходный вид на Землю. К счастью, туристы не разделяли его вкусов.

Уэнтворт быстро объяснил, как они будут действовать. Лишь только дверь откроется, Карр сразу же начинает читать выражения лиц людей, находящихся в номере, а Уэнтворт задает вопросы.

Однако у них, как правило, получалось еще быстрее: стоило Карру взглянуть в лицо хозяина номера, как он сразу же говорил: «Нет». После этого за дело брался кто-нибудь из помощников Уэнтворта, остальные двигались дальше.

Идея состояла в том, что кто-то из обитателей Р-1 мог видеть инопланетянина.

Дверь седьмого номера открыла миниатюрная женщина, которая вопросительно посмотрела на них. Она была в строгом черном платье; Уэнтворт не мог себе представить, как кому-то удалось уговорить ее отправиться в туристическую поездку на Луну. Впрочем, сюда часто прибывали весьма необычные люди.

Он увидел, что Карр колеблется. Казалось, психолог смущен.

— Он внутри,— неожиданно сказал Карр.

Кто-то схватил женщину сзади и, одновременно зажав ей рот рукой так, что она даже охнуть не успела, оттащил от двери. Через мгновение по сигналу Уэнтворта на бесшумных резиновых колесах в номер вкатился электромобиль. Остальные последовали за ним.

Опустившись на одно колено возле двери, Уэнтворт вдруг усомнился в отданном им приказе: нанести безжалостный удар. Он подумал о том, что это первый представитель другой расы, оказавшийся в Солнечной системе. Быть может, его не следует убивать?

Однако его сомнения быстро улетучились. Инопланетянин пытался убить Карра, как только понял, что разоблачен. Не говоря уже о том, что он тайно пробрался на лунную базу. Намерения инопланетянина имели явно враждебный характер, и с ним следовало поступить соответствующим образом.

Уэнтворта охватило возбуждение, он ощутил, как начала зудеть поверхность кожи — разрядник электромобиля работал на полную мощность.

Уэнтворт уже поздравлял себя с успешным завершением операции, когда коридор залил ослепительный свет — казалось, ему в глаза ударил прямой солнечный луч.

Свет погас. Прошла минута. Послышался шум — падали какие-то предметы. Побледневший Уэнтворт ждал.

4

За несколько минут до описываемых событий Ксилмер понял, что момент столкновения близок — если он того пожелает. Поэтому при помощи устройства на своем шлеме он связался с гийном — боевым кораблем, находившимся на орбите довольно далеко от Луны. Вот что он сказал, запрашивая инструкции:

— В моей разведывательной акции меня тревожит лишь одно. Час назад кто-то сумел меня засечь с верхних этажей. Его способности наводят на мысль, что на лунной базе находится два типа существ. Одна группа — в нее входит большинство обитателей базы — не имеет ни малейшего значения. Однако второй тип — один из них меня увидел, находясь на значительном расстоянии,— может оказаться куда более могущественной формой жизни. Поэтому я намерен ускользнуть отсюда через стену и любым возможным способом попытаться добраться до каюты, откуда за мной наблюдало продвинутое существо. Я уверен, что мне следует оценить его возможности прежде, чем будет принято окончательное решение.

Однако ответ прозвучал сурово:

— Через двадцать четыре часа флот рискнет и на минуту выйдет на субпространственный контакт. Мы должны сообщить, может ли флот лететь сюда или нам следует отправиться в другое место.

— Я намерен действовать осторожно,— запротестовал Ксилмер,— перемещаться сквозь стены, избегать коридоров. И прежде чем я покину это помещение, я постараюсь сте-

реть воспоминания о моем присутствии из сознания важного существа. Даже в самом худшем случае операция займет не более нескольких часов.

— Тем не менее почему бы сначала не проверить силу их оружия, хотя бы на несколько секунд? Посмотреть, на что они способны в экстренной ситуации?

— Очень хорошо.

Уэнтворт с тоской посмотрел на царивший в номере хаос, а потом повернулся к двум своим сотрудникам, которые выбирались из разбитого электромобиля.

— Что произошло? — спросил он.

Как ни странно, они не могли четко ответить на вопрос полковника. Кажется, в тот момент, когда они оказались в номере, в нем находился мужчина.

Сержант Гожински покачал головой, словно пытался стряхнуть наваждение. Его голос слегка дрожал.

— Вот тут он стоял. Он посмотрел на нас, но совсем не испугался. Я навел на него световой прут... ну, вы знаете...

Так было принято называть оружие электромобиля. Уэнтворт нетерпеливо кивнул.

— Ну, и я скомандовал: «Огонь!»,— продолжал сержант Гожински.— Я видел, как луч протянулся к нему. А потом что-то яркое ударило по электромобилю. Ну... и нас оглушило. Когда я пришел в себя, оказалось, что в стене появилась дыра, а он исчез.

Его напарник, родившийся в Южной Африке, мог лишь подтвердить слова Гожински.

Слушая отчет своих людей, Уэнтворт почувствовал, как по его спине пробежал холодок. Очевидно, инопланетянин воспользовался каким-то мощным оружием. Полковник подошел к дыре в стене. Внутренние стальные конструкции были чисто срезаны. Он поднес счетчик Гейгера, но прибор молчал.

Противник обладает мощнейшим оружием, в котором не используется атомная энергия.

Уэнтворт заставил себя успокоиться. На лунной базе имелась дюжина более мощных электромобилей, но на их подзарядку требовалось не меньше часа.

Он спокойно объяснил новый план своим людям.

— Теперь мы будем снабжать каждую поисковую группу несколькими мобилями.

Подойдя к интеркому, он отдал общий приказ:

— Всем наблюдателям оставаться на своих постах. Как только будут заряжены мобили, свяжитесь со мной. Я буду...— Он немного подумал.— В каюте доктора Деновича.

Полковник знал, что рядом шагает Карр. Не глядя на психолога, Уэнтворт сказал:

— Доктор, я хочу, чтобы в следующий раз вы держались в стороне от разворачивающихся событий. Не следует забывать, что он попытался вас убить, как только вы его обнаружили. Между тем остальные его не заинтересовали. Полагаю, нам следует принять во внимание этот факт.

— А вам не кажется, что он атаковал меня из-за того, что я застал его врасплох? — нервно спросил Карр.

Такой вариант нельзя было исключать, но Уэнтворт не хотел рисковать.

— Я должен вам кое-что сообщить,— продолжал Карр.— Когда я в первый раз посмотрел в лицо той женщины из его номера, мне показалось, что я не могу прочитать ее мысли. Быть может, инопланетянин сумел как-то экранировать ее сознание?

Уэнтворт пожалел психолога — похоже, экстрасенсорные способности уже начали его покидать. Жестокая шутка судьбы, но пришла пора разъяснить Карру, что происходит.

Он повернулся к психологу и мягко спросил:

— Почему бы вам не попытаться прочитать мои мысли, доктор?

Карр бросил на него быстрый взгляд. Потом нахмурился и заметно побледнел.

— У меня возникли трудности,— пробормотал он.— К тому же ваша мысль довольно сложна. Вы думаете, что моя способность читать лица...— Он недоуменно покачал головой.— Я не понимаю — это общий стереотип? Но так не должно быть.

Небольшая ошибка лишь подтвердила, что способности Карра слабеют.

— Пойдемте в каюту доктора Деновича, где у меня будет время рассказать вам обоим, как в действительности обстоят наши дела.

Час спустя Уэнтворт все еще не получил сообщения, что мобили заряжены, однако успел закончить свой рассказ.

Лицо Карра покрылось пятнами, губы беззвучно шевелились. Правда оказала на него шокирующее действие.

— Все казалось мне таким естественным,— пробормотал он.— Я уже много лет размышлял о том, что могут означать разные выражения лиц.

— А когда у вас появилась ваша способность? — спросил Уэнтворт.

— Ну,— неуверенно проговорил Карр,— пожалуй, когда я наблюдал за лицами пассажиров, поднимающихся на корабль, два дня назад — все мгновенно встало на свои места.

— Значит, вы связались со мной почти через два дня после того, как начали читать мысли? Сейчас ваши способности будут быстро слабеть. А еще через несколько часов произойдет их искажение, суть которого предвидеть невозможно.

Карр побледнел еще сильнее.

— Во что может превратиться способность читать чужие мысли? — глухо спросил он.— Я не могу представить себе ничего более сложного.

Денович с трудом сдерживал кипящую в нем ярость.

— Я возмущен вашими играми в секретность. Почему меня не поставили в известность, когда я прибыл на базу? Почему никаких сообщений не появлялось в средствах массовой информации?

Англичанин холодно напомнил, что лунная база существует в данном виде всего восемь лет. Космические путешествия еще не успели стать нормой. Людей легко напугать. Столь невероятные истории могут вызвать панику. Однако теперь информация будет рассекречена. Подготовлено совместное заявление. Оно будет обнародовано после одобрения Советом Безопасности ООН.

— А вас и доктора Карра,— продолжал Уэнтворт,— я намеревался ввести в курс дела после того, как вы поймете, что один из вас стал жертвой невероятного феномена.

Однако нельзя исключать, что система доктора Карра может оказаться заслуживающей доверия. Уэнтворт едва заметно улыбнулся.

— Надеюсь, доктор Карр, что вы ведете журнал наблюдений.

— Да, у меня все записано,— хмуро ответил Карр.

— Что ж, подобных прецедентов у нас не было,— сказал Уэнтворт.— Теперь мы получили весомые аргументы.

Он встал.

— Пойду посмотрю, в какой стадии находится зарядка мобилей.— И обратился к доктору Деновичу: — Присматривайте за вашим коллегой, сэр.

Психиатр коротко кивнул.

Когда мужчины остались вдвоем, доктор Денович с профессиональным вниманием посмотрел на пухлого американца.

— Вижу, вы пережили потрясение, доктор Карр. Почему бы вам не выпить снотворного, чтобы немного вздремнуть, пока не закончится переходный период?

Карр, прищурившись, посмотрел на старшего коллегу.

— Возможно, мои способности и в самом деле слабеют,— не стал спорить он,— но вам должно быть стыдно иметь мысли, подобные тем, что сейчас бродят в вашей голове.

Денович запротестовал:

— Я уверен, что вы ошибаетесь.

— Вы собирались забрать мои записи, пока я сплю,— обвиняюще сказал Карр.

— Да, я подумал о ваших записях,— не стал отпираться русский,— и понял, как они важны. Мне и в голову не приходило, что вы намерены их скрыть.

— Да, возможно, так и есть,— пробормотал Карр.— Прошу меня простить. Послушайте, мы оба на взводе. Давайте вместе проанализируем ситуацию.

Почему бы двум экспертам не попытаться извлечь максимум из слабеющего таланта Карра?

— Быть может,— сказал Карр в заключение,— наша дискуссия поможет мне сохранить мои способности?

Оба сошлись на том, что это превосходная идея, и занялись делом. Прошло два с половиной часа, а Карр так и не потерял своего дара.

Затем зазвонил телефон.

Это был Уэнтворт, сообщивший, что мобили наконец заряжены.

— Вы не хотите присоединиться к нам? — спросил полковник.

Денович объяснил, что они с Карром пытаются сохранить его способности и не хотели бы прерываться.

Когда Денович положил трубку и повернулся к Карру, он с удивлением обнаружил, что психолог сидит с закрытыми глазами, откинувшись на спинку кресла. Но поразило его совсем другое: тело Карра совершенно обмякло. Денович склонился над ним, слегка встряхнул, но Карр не шевелился. Русский психиатр проверил пульс, прислушался к ровному дыханию. Карр крепко спал.

Доктор Денович не стал терять времени. Он достал шприц и сделал американцу укол снотворного. Затем дал поручение своей секретарше, которое должно было занять много време-

ни — больше она не вернется в его кабинет. Быстро обыскав Карра, психиатр нашел связку ключей и, прихватив камеру, направился в американский сектор, где находился офис Карра.

Он не чувствовал вины.

«Сейчас не время проявлять щепетильность,— сказал он себе,— национальные интересы прежде всего».

Денович почти сразу же нашел заметки американца. Они оказались неожиданно объемными. Он быстро приготовил камеру и занялся привычным делом. Прошло полчаса. Денович все еще фотографировал бумаги Карра, когда у него за спиной послышался негромкий звук.

Деновича не так-то просто было вывести из равновесия. Он медленно повернулся, и его охватил страх.

Перед ним стояла фигура.

Русский никак не понимал, как это существо могли принять за человека. Поражала его невероятная худоба, черное лицо просто не могло принадлежать человеку. Но из-под длинного плаща торчали ноги... нет, ткань прилипла к ним, подчеркивая их форму! Профессиональный взгляд психиатра успел все зафиксировать в долю секунды.

В следующее мгновение в его наушниках по-русски позвучал голос:

— Где... доктор Карр?

Денович никогда не мечтал о мученической смерти, да и сейчас не собирался геройствовать. Но, как не раз в прошлом, он столкнулся с коммунистической дилеммой. Партия всегда требовала делать то, что необходимо «для народа», даже несмотря на угрозу жизни. Иначе он будет вынужден отвечать на собрании перед своими товарищами по партии.

Он уже давно решил для себя эту проблему: критерий тут был один — вероятность разоблачения.

В данном случае вероятность равняется нулю, решил он. К тому же Денович пришел к выводу, что от него потребуется полнейшее сотрудничество — тогда у него есть шанс уцелеть.

— Одиннадцатью этажами ниже, в русском секторе. Он в моем кабинете — 422-Н,— хрипло ответил он.

Существо мрачно посмотрело на психиатра.

— Не бойся,— презрительно проговорило оно.— Мы не охотимся на людей. А поскольку ты мне сам все рассказал, я даже не стану воздействовать на твою память.

Ослепительная вспышка родилась на шлеме инопланетянина и ударила в лоб психиатра.

Полная темнота.

5

У Ксилмера ушло немало времени, чтобы добраться до кабинета 422-Н — ведь он старался не появляться в коридорах. Наконец он вошел в офис Деновича, увидел лежащего без сознания Карра и отправил сообщение на корабль.

— Насколько я могу судить, сейчас мне никто не помешает его уничтожить.

— Подожди!

Прошло несколько минут, затем последовал вопрос:

— Расскажи нам, почему он потерял сознание.

Ксилмер подробно передал все, что узнал из сознания психиатра относительно экстрасенсорных способностей Карра, а также то, что Денович сделал Карру инъекцию сильного снотворного.

— Именно поэтому Карр стал совершенно беспомощным — во всяком случае, так мне кажется. И я убежден, что его не следует будить. Кто знает, какими способностями он обладает теперь?

— Подожди!

И вновь Ксилмеру пришлось дожидаться новых указаний.

— Мы знаем, что человек уже успел обрести новые экстрасенсорные способности. Очевидно, это часть его цикла. Тебе необходимо установить, какие процессы идут в нижних долях его мозга.

— Я уже это проделал.

— И каковы результаты?

— Несмотря на бессознательное состояние, он каким-то образом наблюдает за мной; мало того, ему удается фиксировать наши переговоры. Но он не в состоянии контролировать энергию и не в силах оказать мне сопротивление. Какими бы ни оказались его новые возможности, он не обладает серьезным оружием.

В заключение Ксилмер мрачно заявил:

— Полагаю, что, если мы не разбудим этого человека, обитатели данной звездной системы не смогут себя защищать.

— Тем хуже для них! — последовала короткая равнодушная реплика.

Они мысленно улыбнулись друг другу, наслаждаясь ощущением своего превосходства.

— Каковы ваши рекомендации? — спокойно спросил Ксилмер.

— Убей его!

Когда Денович пришел в себя, он лежал на покрытом ковром полу.

Он встал и огляделся по сторонам. Психиатр облегченно вздохнул, когда понял, что инопланетянин исчез. Он подошел к двери и осторожно выглянул в коридор. Никого. Борясь с паникой, Денович быстро собрал свое оборудование, но потом заколебался: ведь он не успел скопировать все записи Карра. После некоторых размышлений он забрал бумаги психолога, в том числе и те, которые сфотографировал.

Выйдя в коридор, Денович впервые посмотрел на часы. Прошло два часа с того момента, как он потерял сознание. Это оказалось для него неожиданным: «Инопланетянин уже наверняка нашел Карра в моем офисе».

Он ожидал, что офис будет разгромлен. Но на первый взгляд все было в порядке. Денович быстро спрятал украденные бумаги и перешел в соседнее помещение, где оставил на диванчике спящего Карра.

Однако в комнате его не оказалось.

Денович уже повернулся, чтобы уйти, когда ему на глаза попался предмет, валявшийся в дальнем углу диванчика. Тюрбан инопланетянина. Материал был смят и испачкан голубоватой жидкостью, сквозь складки гладкой ткани проглядывал металл.

Более внимательный осмотр показал, что пол также испачкан голубоватой жидкостью.

Психиатр стоял, не зная, на что решиться, когда из соседнего помещения послышались голоса. Он узнал баритон англичанина и более тихий голос Карра. Денович повернулся к двери, а через мгновение в нее вошли Уэнтворт и Карр.

Советский психиатр разглядел за их спинами еще несколько человек, но они не стали входить. Денович был знаком только с одним из них — представителем службы безопасности русского сектора. Они переглянулись, а потом равнодушно отвели глаза в сторону.

— Ах вот вы где, доктор,— сказал Уэнтворт.

Денович ничего не ответил. Он напряженно смотрел в лицо пухлого американца и думал: «Сейчас он обрел свои суперспособности».

Он, наверное, знает все, что делал Денович в течение последних нескольких часов.

Советский психиатр съежился от ужаса, но потом заставил себя успокоиться и решил все отрицать.

— Доктор Карр недоумевает,— продолжал Уэнтворт.— Он пришел в себя на диване, но не помнит, как туда попал.

Однако это,— Уэнтворт показал на тюрбан Ксилмера,— лежало здесь. Когда доктор Карр вышел в коридор, он увидел на дверях табличку с вашим именем. Так он узнал о вас, поскольку ничего не помнит о первой стадии своего экстрасенсорного прорыва. Что произошло?

Пока Уэнтворт говорил, Денович мучительно искал объяснение своего отсутствия. Но он прекрасно понимал, что сразу лучше ничего не говорить. Поэтому, как только англичанин замолчал, Денович обратился к Карру:

— С вами все в порядке, доктор?

Карр довольно долго смотрел на него, но произнес лишь одно слово:

— Да.

— Вы не пострадали?

— Нет. А мне грозила опасность? — В его широко открытых глазах читалось удивление.

— А как насчет ваших способностей? — спросил Денович.

— О чем вы?

Денович был ошеломлен. Он и сам не знал, чего ожидать. Но только не такого исхода! Перед ним стоял обычный человек с обычными реакциями. И он ничего не помнил!

— Вы хотите сказать,— решил уточнить Денович,— что не помните ничего необычного?

Карр покачал головой:

— По правде говоря, доктор, вам известно об этом гораздо больше, чем мне. Как я оказался в вашем офисе? Я был болен?

Денович повернулся к Уэнтворту и беспомощно посмотрел на него. Он уже успел придумать свою версию случившегося, но ему не хотелось ее излагать.

— Полковник,— предложил он,— если вы поделитесь со мной новостями, я расскажу вам, что здесь было.

Уэнтворт сжато изложил все, что произошло за последние несколько часов. После телефонного разговора он вошел в состав одной из групп, разыскивающих Ксилмера. Несколько минут назад в коридоре заметили доктора Карра. Поскольку обитателям станции было запрещено выходить из своих домов, Уэнтворту сразу же доложили о появлении Карра. И он вернулся.

— Естественно, я спросил, что случилось, а он, как и следовало ожидать, рассказал, что проснулся, увидел тюрбан и пол, залитый необычным липким веществом.

Уэнтворт наклонился и кончиком пальца осторожно коснулся голубой жидкости. Ничего не произошло, и тогда полковник понюхал палец и скорчил гримасу.

— Должно быть, кровь инопланетянина,— заметил он.— Довольно сильный запах.

— Какого инопланетянина? — спросил Карр.— Послушайте, джентльмены, что...

Больше он ничего сказать не смог. Из шлема Ксилмера послышался голос, говоривший на английском:

— Мы слышали ваш разговор и пришли к выводу, что с нашим агентом произошел несчастный случай.

Уэнтворт сделал быстрый шаг вперед.

— Вы меня слышите? — спросил он.

Голос продолжал:

— Дайте нам точное описание состояния нашего агента.

— Мы готовы пойти вам навстречу,— спокойно ответил Уэнтворт.— Однако прежде мы хотим получить от вас кое-какую информацию.

— Мы находимся в трехстах тысячах миль от вашей базы. Через час вы нас увидите, и, если ваши объяснения нас не удовлетворят, база будет уничтожена. А теперь отвечайте. Быстро!

Угроза получилась чрезвычайно убедительной.

— О боже,— пробормотал кто-то.

После долгой напряженной паузы Уэнтворт спокойно и четко описал, что осталось от Ксилмера. Когда он закончил, голос приказал:

— Ждите!

Прошло не менее трех томительных минут.

— Нам необходимо знать, что именно произошло. Допросите доктора Карра.

— Меня? — едва слышно пролепетал Карр.

Уэнтворт приложил палец к губам и сердито зашипел на Карра. Потом жестами предложил всем остальным выйти из офиса, после чего кивнул Деновичу и Карру.

— Получите от него необходимую информацию! — приказал Уэнтворт Деновичу, затем на цыпочках вышел в соседнюю комнату и аккуратно закрыл за собой дверь.

Пока психиатр смотрел на Карра, пытаясь придумать, с чего начать допрос, он услышал, как полковник приглушенным голосом объявляет общую тревогу. Денович постарался не обращать на него внимания и повернулся к Карру.

— Доктор,— начал он,— что вы помните?

Американец сглотнул, словно во рту у него находилась какая-то дрянь, и поморщился.

— Как долго я нахожусь на лунной базе? — задал он ответный вопрос.

Тут только психиатр начал понимать, что произошло.

«Конечно,— подумал он,— Карр ничего не помнит с того момента, как прорезались его экстрасенсорные способности».

Он вспомнил, что Карр задавал вопрос относительно своей болезни.

«Конечно,— сообразил Денович,— Карр полагает, что сходит с ума!»

Он стоял, дрожа от возбуждения, молниеносный анализ ситуации открыл перед ним множество возможностей. Денович попытался представить себя на месте Карра.

И сразу понял, что его больше всего тревожит. Американский психолог только что признался русскому коллеге, что теряет рассудок!

— Доктор, почему вы полагаете, что сошли с ума? — мягко спросил Денович.

Карр колебался, и тогда психиатр добавил:

— Наши жизни зависят от вашего ответа. Вы ничего не должны скрывать.

Карр вздохнул.

— У меня симптомы шизофрении,— ответил он.

Казалось, еще немного — и американец расплачется.

— Подробности! И поторопитесь!

Карр с трудом улыбнулся.

— Все очень серьезно. Проснувшись, я уловил сигналы.

— Сигналы?

— Причем они имели какой-то смысл.

— Ах вот вы о чем! — кивнул Денович.— Например?

— Ну, когда я смотрю на вас... то вижу множество... бессмысленных сигналов. Даже то, как вы стоите, несет в себе некое послание.

Денович был совершенно сбит с толку. Карр и в самом деле излагал классические симптомы шизофрении.

Неужели это и есть знаменитая вторая фаза экстрасенсорного цикла? Он не мог не признать, что первая фаза произвела на него сильное впечатление.

— Объясните подробнее,— попросил Денович.

— Ну...— Карр замолчал, и на его пухлом лице появилось беспомощное выражение.— Ваши пульсации!

Затем, запинаясь, он объяснил Деновичу, что его тело напоминает множество энергетических цепей, передающих разные сигналы.

Карр смотрел на человека и видел поверхностные сигналы, которые испускали открытые части его тела. *Сквозь* кожу его взгляд проникал во внутренние атомарные структуры:

крошечные золотые сферы — миллиарды на один кубический миллиметр,— пульсирующие и подающие сигналы... и соединенные...

Соединенные квадриллионами силовых линий с далекими звездами окружающей Вселенной и с другими людьми на лунной базе.

Но большинство этих линий уходило через стены к Земле... *Множество связей с другими людьми и местами, где когда-либо побывал* Денович.

Сигналы, пульсировавшие вдоль некоторых из этих линий, были более мощными. Карр последовал за одним из них и оказался в прошлом Деновича. Он увидел молодую женщину, по лицу которой катились слезы.

И еще он услышал ее мысли:

«Я тебе верила, а ты меня предал!»

«Но, Наташа...» — отвечал молодой Денович.

— Вы понимаете...— начал Карр и замолчал.— Что случилось?

«Наверное, я ужасно побледнел»,— подумал Денович.

— Что? Ч-что? — выдохнул он.

Он был ошеломлен. Наташа была девушкой, которая забеременела от него, а потом умерла во время родов. Денович с трудом заставил себя говорить спокойно:

— И вы можете что-нибудь с этим сделать?

— Ну, пожалуй, да.

Когда Карр не слишком уверенно ответил на его вопрос, он одновременно каким-то непостижимым образом перерезал связи с девушкой — и линии, словно резиновые жгуты, вернулись к Деновичу.

Денович закричал. Он не сумел сдержаться. Так воют мартовские коты, звук поднялся от басов к самым высоким нотам. В комнату тут же вбежал Уэнтворт.

Денович пытался добраться до диванчика, но его колени подогнулись. Он упал на пол и остался лежать, с его губ слетали тихие стоны. Но через несколько мгновений он вновь начал дико кричать.

В комнату сунул голову русский агент да так и остался стоять с вытаращенными глазами. Уэнтворт вызвал врачей.

Вскоре Деновичу сделали успокаивающий укол. Он перестал кричать, но еще некоторое время продолжал всхлипывать, а потом затих. Врачи вынесли потерявшего сознание Деновича на носилках, уложили в электромобиль и увезли.

Вновь зазвучал голос из шлема Ксилмера:

— Мы требуем, чтобы доктор Карр немедленно объяснил, что он сделал с доктором Деновичем.

Карр беспомощно посмотрел на Уэнтворта.

— Я всего лишь перерезал линии. Вероятно, барьеры, которыми он разделял себя и ту девушку, рухнули. И на него обрушилось страшное чувство вины.

— Подождите! — сказал голос из шлема Ксилмера.

Уэнтворт, не забывший, что в шлеме Ксилмера есть энергетическое оружие, жестами попросил всех покинуть комнату. А сам отошел к двери.

Прошла минута. Потом еще одна.

— Вне всякого сомнения,— продолжал голос,— доктор Карр обладает мощной ментальной силой. Анализ смерти Ксилмера показывает, что разум доктора Карра, находившегося без сознания, защитил доктора. Для этого он отсек энергетические линии, чтобы помешать Ксилмеру убить доктора Карра. В результате были наведены обратные потоки, и тогда Ксилмер использовал майрт — оружие своего шлема — и совершил самоубийство. Судя по состоянию его тела, произошло полное разрушение.

Уэнтворт повернулся к Карру.

— Вам есть что сказать по этому поводу? — прошептал он.

Карр покачал головой.

— У вас не осталось никаких воспоминаний?

Карр вновь отрицательно покачал головой.

— Естественно,— иронически продолжал голос из шлема,— мы подождем, пока удивительный ментальный дар доктора Карра завершит свой цикл. Вы нас еще услышите.

Наступила тишина.

6

Миновало два часа.

Пришли другие люди. Состоялось несколько напряженных совещаний. Карр сидел в стороне. Когда голоса зазвучали громче, Карр незаметно выскользнул в соседнюю комнату, где лежал тюрбан Ксилмера, и застыл, закрыв глаза, всматриваясь во Вселенную — средоточие бесконечного множества сигналов.

Миллиарды пульсаций все еще удерживались возле шлема. Квадриллионы линий уходили в далекие пространства космоса.

Карр смотрел вдоль этих линий, не прикладывая никаких усилий. Теперь, когда его больше не тревожил сам феномен, он обнаружил, что обладает даром улавливать смысл миллионов линий одновременно.

Он ясно и четко понимал, что сигналы и пульсации есть лишь внешнее проявление самой сущности Вселенной.

А за ними находится истина.

Между сигналами и тем, что они собой представляли, существовала изощренная обратная связь, обмен между внешними смыслами и огромной истиной внутренней сути.

Он почувствовал, как к нему подошел Уэнтворт.

— Доктор Карр,— негромко проговорил полковник,— наши дискуссии привели к тому, что было решено запустить ракеты с ядерными боеголовками с космической станции ООН, парящей над Атлантикой. Она окажется неподалеку от нас через пять часов, но все наши надежды связаны с вашими возможностями. Что вы *можете* сделать?

— Я могу поэкспериментировать с сигналами,— ответил Карр.

Уэнтворт почувствовал жестокое разочарование. Для него сигналы были лишь частью системы связи, а не оружием. Он с горечью осознал, что в этом есть определенная логика. Начавший с чтения мыслей по лицам, американский психолог во второй фазе в совершенстве овладел системой связи.

Замечательный дар, но совсем не то, что требовалось в такой важнейший момент.

— О каком эксперименте идет речь? — без особой надежды спросил уэнтворт.

— А вот о каком! — ответил Карр.

И исчез.

Уэнтворт немного потоптался на месте. Он не забыл о тюрбане Ксилмера — враг не должен узнать о том, что здесь произошло. Уэнтворт на цыпочках вышел из комнаты. Оказавшись в соседнем помещении, он тут же связался со своими агентами и попросил разыскать Карра.

Через десять минут Уэнтворт мог с уверенностью утверждать, что психолога нет на лунной базе. По мере того как поступали все новые отчеты, подтверждающие этот невероятный факт, Уэнтворт связался с ведущими учеными базы. Вскоре он уже беседовал с несколькими мужчинами и женщинами разных национальностей. Он быстро ввел их в курс происходящего.

В результате все дискуссии свелись к одному вопросу: что может сделать один человек против тысяч врагов?

Или, если говорить о даре Карра: каково наименьшее количество линий, которые необходимо перерезать, чтобы захватчики потерпели поражение?

Пока Уэнтворт переводил взгляд с одного лица на другое, он понял, что ни один из присутствующих не знает ответа на этот вопрос.

Между тем прибывший на гийн Карр в первое мгновение испытал... нет, не замешательство, поскольку он полностью понимал происходящее,— просто его поразила мощь витающей здесь ненависти.

Он совершенно сознательно выбрал свободное помещение: Карр попал в некое подобие лаборатории. Инструменты. Столы. Машины. Сейчас здесь царили тишина и спокойствие.

У него возникла проблема, поскольку гийн был запрограммирован на сопротивление присутствию чуждых жизненных форм. Пока система бездействовала, отсутствовали видимые линии. Они возникли только после того, как здесь появился Карр.

В результате яростные силы пришли в действие.

В то самое мгновение, когда Карр появился в лаборатории, стены, потолок и пол направили на него оружие. Силовые линии моментально создали вокруг него энергетический кокон, пытаясь удержать на месте.

Это была лишь первая из четырех степеней защиты. Вслед за энергетической ловушкой сработал элементарный майрт с целью оглушить врага; затем наступала очередь основного майрта, заряженного смертельным потоком энергии; наконец, если этого оказывалось недостаточно, начиналась ядерная реакция.

Но для Карра, обладающего удивительной способностью, это были лишь разные виды сигналов, с которыми он мог справиться, совершенно не напрягаясь. Каждая атака имела запрограммированный цикл. Все циклы подошли к концу. Наступила тишина.

Пауза.

Неожиданно о присутствии Карра стало известно живому разуму. И тут же в мозгу Карра прозвучал удивленный голос:

— Кто ты такой?

Карр ничего не ответил.

Огромное количество сигналов, поступающих в его разум с разных уровней, позволило ему сделать вывод, что он находится внутри корабля длиной в двадцать миль, шириной в

пять миль и высотой в четыре мили. На борту корабля находилось восемьдесят тысяч гизданов, каждый из которых услышал сигнал тревоги.

В течение следующих нескольких мгновений у всех возникла общая мысль, все сосредоточились на пришельце. Подобно тому, как железные опилки, намагничиваясь, создают некий узор, пульсации образовали общую группу. Именно эта общность и сделала их уязвимыми.

Карру было достаточно одного оценивающего взгляда, чтобы принять решение. Он изолировал небольшую часть важнейших линий — и отсек их.

Затем все тем же безошибочным чутьем он выбрал массу линий, связанных и взаимодействующих с Основной Истиной, потянул их и связал с собой — после чего переступил через энергетический вакуум в комнату, где спал получивший мощную дозу снотворного Денович. У Карра возникло ощущение, что его способности очень скоро исчезнут.

Он торопливо соединил линии, которые так поспешно рассек ранее, и проследил, как восстанавливается внутренняя броня психиатра. После чего доктор Карр покинул больничный сектор и вошел в ближайший телефонный автомат.

Как только Уэнтворт взял трубку, он нетерпеливо спросил:

— Доктор, что произошло?

— Они ушли,— просто ответил Карр.

— Н-но...— Уэнтворт не знал, что сказать. После некоторых раздумий полковник заговорил более спокойно: — Доктор, мы пришли к выводу, что необходимо перерезать ряд важных линий...

— Именно так я и поступил.

— Но как вам это удалось? Что могло играть роль общего знаменателя для такого количества существ?

Карр объяснил.

— Будь я проклят! — восхищенно воскликнул Уэнтворт.— Конечно. Мои поздравления, доктор.

Через несколько часов, когда вторая фаза закончилась и Карр лишился экстрасенсорных способностей, *гийн* находился у дальних границ Солнечной системы, продолжая набирать ускорение. Он связался с огромным гизданским флотом, дрейфовавшим в другой части пространства.

— У вас есть что-нибудь для нас? — спросил командующий флотом.

— Нет! — ответил капитан гийна.

— Мы полагали, что вы приближались к обитаемой системе. Считалось, что проблем не должно возникнуть.

— Я не знаю, почему у вас сложилось такое впечатление. Там просто ничего нет.

— Хорошо. Конец связи.

Капитан гийна выключил систему связи, и на мгновение у него возникло смутное ощущение, похожее на сон, словно он должен что-то знать относительно Солнечной системы, которую покидал гийн.

Если бы он умел видеть такие вещи, то заметил бы, что все линии, имеющие отношение к Земле и Луне, обрезаны и собраны в клубок в одном из крошечных уголков его сознания.

Затем это ощущение потускнело и исчезло...

Навсегда.

Далекий Центавр

Я вздрогнул во сне, проснулся и подумал: «Как это вынес Ренфри!»

Вероятно, я сильно дергался, потому что острая боль пронзила меня, и тьма сомкнулась надо мной. Не знаю, долго ли я лежал в болезненном беспамятстве, но, когда пришел в себя, почувствовал тягу двигателей, разгонявших космический корабль.

На этот раз сознание возвращалось медленно, и я лежал неподвижно, чувствуя бремя долгих лет сна. Нужно было точно придерживаться порядка, установленного Пелхэмом.

Я не хотел вновь потерять сознание.

Я лежал, размышляя о том, что глупо с моей стороны беспокоиться о Джиме Ренфри, который должен лежать в гибернации еще пятьдесят лет.

Потом я начал разглядывать освещенный циферблат часов на потолке. Когда я проснулся, они показывали 23:12, а сейчас было 23:22. Значит, прошло уже десять минут — по мнению Пелхэма, этого достаточно для адаптации.

Я медленно протянул руку к краю постели и щелкнул тумблером. Послышался тихий шум, и массажный автомат медленно пополз по моему нагому телу. Сначала он тер мои руки, потом ноги и под конец занялся туловищем. Я чувствовал, как течет тонкая струйка масла, впитываясь в мою сухую кожу.

Много раз я вскрикивал от боли, но уже через час смог сесть и зажечь свет.

Небольшая, скромно меблированная знакомая каюта не могла долго занимать мое внимание. Я встал.

Вероятно, движение было слишком резким, потому что я пошатнулся, ухватился за металлическую опору постели, и меня вырвало бесцветным желудочным соком.

Потом тошнота прошла, но, чтобы добраться до двери, открыть ее и пройти узким коридорчиком до рубки, потребовалась вся сила воли. Хоть это и не входило в мои обязанности, но я не удержался от соблазна — склонился над пультом управления и взглянул на хронометр.

Он показывал 53 года 7 месяцев 2 недели 0 дней 0 часов и 27 минут.

«Пятьдесят три года! Все, кого я знал на Земле: молодые мужчины, с которыми мы вместе учились, девушка, поцеловавшая меня на приеме, устроенном в нашу честь в ночь отъезда,— все они уже мертвы или заканчивают свою жизнь»,— подумал я почти равнодушно.

Образ той девушки остался в моей памяти. Она была красива, полна жизни и совершенно незнакома. Она смеялась, целуя меня.

Должно быть, теперь она старуха или вообще умерла.

Слезы подступили к глазам, я вытер их и принялся разогревать банку жидкого концентрата, который должен был стать моим первым завтраком. Постепенно я обрел душевное равновесие.

«Пятьдесят три года и семь с половиной месяцев,— думал я.— Почти четыре года сверх установленного времени. Придется кое-что подсчитать, прежде чем принять очередную порцию эликсира долголетия. Двадцать гранул по расчетам должны были законсервировать мое тело и сохранить ему жизнь в течение пятидесяти лет. Вероятно, средство оказалось сильнее, чем установил Пелхэм во время кратковременных тестов».

Так я размышлял, напряженно щуря глаза. Вдруг до меня дошел комизм ситуации, и я рассмеялся. Смех расколол тишину, словно серия выстрелов: я даже испугался, но вместе с тем и расслабился — надо же, сижу и скорблю!

А ведь четыре года — это капля в море, если сравнивать с продолжительностью нашего путешествия!

Однако я все еще жив и молод. Время и пространство были побеждены. Вселенная принадлежала человеку.

Неторопливо, маленькими глотками я ел свой «суп», одолел целую миску, используя каждую секунду из отведенных мне тридцати минут. Потом, подкрепившись, тем же путем вернулся в рубку.

На этот раз я задержался, глядя на экраны. Уже через минуту я нашел Сол — звезда ярко пылала почти в центре экрана кормового обзора.

Чтобы обнаружить Альфу Центавра, потребовалось больше времени, но наконец я нашел и ее — сверкающую точку в усеянной огнями темноте.

Я не стал терять времени на определение расстояния. За пятьдесят четыре года мы преодолели одну десятую часть из 4,3 световых лет пути до ближайшей к нам звездной системы.

Удовлетворенный, я вернулся к каютам.

«Теперь нужно навестить всех по очереди,— подумал я.— Первый — Пелхэм».

Когда я открыл герметичную дверь каюты Пелхэма, в нос мне ударила невыносимая вонь разложения. С трудом переводя дыхание, я захлопнул дверь и стоял в узком коридоре весь дрожа.

Прошла минута, другая; оставалось только смириться с действительностью: Пелхэм был мертв.

Не помню точно, что я тогда делал, помню лишь, что метнулся сначала в каюту Ренфри, потом к Блейку... Чистый свежий воздух в их каютах и вид их неподвижных тел вернули мне душевное равновесие.

Меня охватила глубокая печаль. Бедный благородный Пелхэм, изобретатель эликсира долголетия, который сделал возможным этот прыжок в межзвездное пространство, лежал сейчас мертвым — жертва своего собственного изобретения.

Ведь это он говорил: «Риск, что кто-то из нас умрет, не очень велик. Но имеется, как я его называю, фактор смерти, составляющий около десяти процентов, это побочный продукт первой дозы. Если наш организм переживает первый шок, он выдержит и следующие дозы».

Видимо, фактор смерти составлял больше четырех процентов; потому-то эликсир продержал меня в гибернации четыре лишних года.

Удрученный, я пошел на склад и взял там брезент и скафандр. Но даже скафандр не облегчил чудовищного занятия! Эликсир до некоторой степени консервирует тело, но, когда я его поднял, от него отваливались куски.

Наконец я отнес брезент к воздушному шлюзу и вытолкнул в космическое пространство.

Времени у меня оставалось немного. Периоды бодрствования должны были быть короткими: ведь при этом потреблялись «текущие» — как мы это называли — запасы кислорода; главный резерв должен был оставаться нетронутым. Все эти

годы химические регенераторы в каютах постепенно освежали «текущий» воздух, подготавливая его к очередному нашему пробуждению.

Как-то так получилось, что мы не приняли в расчет возможность смерти кого-либо из членов экипажа, и сейчас, уже выбравшись из скафандра, я отчетливо чувствовал разницу в составе воздуха.

Сначала я подошел к передатчику. Считалось, что половина светового года явится пределом досягаемости радиоволн, а мы как раз приближались к этой черте.

Торопливо, но довольно подробно я составил рапорт, записал его на диктофон и включил передачу.

Пройдет немногим более пяти месяцев, и сообщение достигнет Земли.

Свой рапорт я подшил в бортовой журнал, добавив внизу приписку для Ренфри. Это был короткий некролог Пелхэму. Я писал его от чистого сердца, однако была еще одна причина. Ренфри и Пелхэм были друзьями. Ренфри — инженерный гений, конструктор нашего корабля, Пелхэм — великий химик и врач, его эликсир позволил человечеству выйти в космос.

Я считал, что Ренфри понадобится моральная поддержка, когда он очнется в тишине мчащегося корабля. Я любил их обоих, так что этот маленький некролог казался мне совершенно необходимым.

Дописав, я торопливо осмотрел двигатели, записал показания приборов и отсчитал пятьдесят пять гранул эликсира. Это была доза на очередные сто пятьдесят лет, рассчитанная со всей доступной точностью.

Прежде чем погрузиться в сон, я еще долго думал о Ренфри, о том, как он будет потрясен, когда узнает о Пелхэме...

Я шевельнулся, обеспокоенный этой мыслью.

И все еще думал об этом, когда навалилась темнота.

Почти сразу же я открыл глаза и понял, что действие эликсира закончилось.

Чувство онемения во всем теле вернуло меня к действительности. Я неподвижно лежал, разглядывая часы над головой. На этот раз я легче перенес процедуры, правда, и теперь не удержался и взглянул на хронометр, когда проходил мимо него на кухню.

Он показывал 201 год 1 месяц 3 недели 5 дней 7 часов и 8 минут.

Маленькими глотками я выпил миску суперсупа, а потом нетерпеливо обратился к бортовому журналу.

Невозможно описать охватившее меня волнение, когда я увидел знакомый почерк Блейка, а потом и Ренфри.

Пока я читал рапорт Ренфри, мои эмоции улеглись. Это был обычный сухой рапорт, и ничего больше: гравиметрические данные, точный расчет пройденного пути, детальное описание работы двигателей и наконец оценка изменений скорости, основанная на семи постоянных.

Это была высоко профессиональная работа, первоклассный научный анализ. Но ничего кроме этого — ни одного упоминания о Пелхэме, никакой реакции на то, что я написал.

Если бы этот рапорт мог служить критерием, Ренфри вполне мог быть роботом.

Об этом я кое-что знаю.

Примерно так же считал и Блейк, я понял это из его записки.

«Билл,

ВЫРВИ ЭТОТ ЛИСТ, КОГДА ПРОЧТЕШЬ!

Итак, произошло наихудшее. Что за ирония судьбы! Для меня *невыносима* даже мысль о том, что Пелхэм мертв. Что это был за человек, какой чудесный друг! Но ведь мы хорошо знали, что здорово рискуем, а он понимал это лучше, чем любой из нас. Теперь нам осталось только сказать: "Спи спокойно, дорогой друг, мы никогда тебя не забудем".

Что касается Ренфри, его состояние внушает мне тревогу. Мы беспокоились, как он перенесет первое пробуждение, а к этому добавился шок от смерти Пелхэма. Думаю, наше беспокойство было обоснованно.

На земле Ренфри со своей внешностью, деньгами, интеллектом был избранником судьбы, мы оба это знаем. Его главным недостатком было то, что он не заботился о будущем. Блистательный ученый, окруженный толпой поклонниц и льстецов,— у него оставалось время только на "сегодня".

Неприкрытая действительность всегда поражала его словно гром с ясного неба. Он покинул трех своих бывших жен (в сущности, не таких уж и бывших, если тебя это интересует), не понимая, что это навсегда.

Одного прощального банкета хватило бы, чтобы вскружить человеку голову, лишить его ощущения реальности. Проснуться спустя сто лет и понять, что тех, кого ты любил, уже нет, что они умерли и их съели черви,— брр!

(Я сознательно окрасил все в такие мрачные тона, ведь человеку свойственно анализировать даже самые страшные аспекты действительности, независимо от того, насколько сильна внутренняя цензура.)

Я лично рассчитывал на Пелхэма как на своего рода моральную опору для Ренфри. Мы оба понимаем, что Пелхэм знал о своем влиянии на него. Теперь нужно искать что-то новое. Попробуй что-нибудь придумать, Билл, пока будешь заниматься делом. Ведь нам придется жить с этим человеком, когда мы все проснемся через пятьсот лет.

Вырви этот лист! Остальное — обычная рутина.

Нэд».

Я бросил лист в мусоросжигатель, еще раз взглянул на обоих спящих — до чего же смертельно неподвижных! — и вернулся в рубку.

На экране Солнце было очень яркой звездочкой, драгоценным камнем на темном бархате неба, роскошным сверкающим бриллиантом.

Альфа Центавра светила ярче: лучистое сияние на фоне черноты. По-прежнему нельзя было различить Альфу и Проксиму по отдельности, но их общее свечение производило грандиозное впечатление.

Я был взволнован, только сейчас поняв значение этого события: впервые человек совершает полет к далекому Центавру, впервые осмеливается коснуться звезд.

Даже мысль о том, что на Земле после нашего отлета сменились уже семь, а может, и восемь поколений, что девушка, подарившая мне грезу о своих сладких алых губах, вспоминается своими потомками как прапрапрапрабабка, если о ней вообще помнят,— даже эта мысль не затмила моего восторга.

Минувшее время было огромно, невообразимо, а потому не могло вызывать эмоций.

Я выполнил все текущие операции, принял новую дозу эликсира, лег в постель и заснул, так ничего и не придумав относительно Ренфри.

Когда я снова проснулся, завывала сирена тревоги.

Я продолжал лежать, поскольку не мог сделать ничего другого. Шевельнувшись, я просто потерял бы сознание. Я хорошо знал: какой бы страшной ни была грозившая кораблю опасность, скорейший путь к ее ликвидации лежит через

выполнение процедур во всех деталях и с точностью до секунды.

Все-таки мне это удалось. Сирена пронзительно выла, но я не шевелился, пока не пришло время встать. Когда я проходил через рубку, шум стоял невыносимый, но я выдержал это и потом сидел еще полчаса и цедил суп.

Я был почти уверен, что, если этот содом продлится чуть дольше, Блейк и Ренфри проснутся.

В конце концов я решил, что пора познакомиться с опасностью, и, глубоко вздохнув, занял место за пультом управления. Утихомирив сверлящую мозг сирену, я включил экраны.

Кормовой экран вспыхнул огнем. Это был мощный столб белого пламени, удлиненный, заполняющий почти четверть неба. Мне в голову пришла чудовищная мысль: может, мы находимся в нескольких миллионах километров от какого-то огромного солнца, недавно вспыхнувшего в этой области пространства.

Я самозабвенно манипулировал дальномерами, потом некоторое время тупо вглядывался в ответ, с металлическим щелчком появившийся на экране.

Семь километров. Всего семь километров! Странная штука человеческий разум: минуту назад, считая, что это некая аномальная звезда, я не видел ничего, кроме раскаленной массы. Теперь же вдруг заметил отчетливые контуры и легко узнаваемый силуэт.

Ошеломленный, вскочил я на ноги, ведь это был...

Это был космический корабль! Огромный, длиной километра в полтора. Точнее — тут я вновь рухнул в кресло, потрясенный катастрофой, свидетелем которой невольно оказался,— это были пылающие останки космического корабля. Никто не мог уцелеть в этом аду, разве что экипаж успел катапультироваться на спасательных шлюпках.

Словно безумный обыскивал я небо в поисках блеска металла, который указал бы на присутствие уцелевших.

Но не было ничего, кроме темноты, и звезд, и пылающих останков.

Через некоторое время я заметил, что корабль удаляется. Если его двигатели до сих пор уравнивали скорость с нашей, то теперь и они поддались ярости огня, пожиравшего корабль.

Я начал фотографировать, кстати, с полным правом пользуясь резервом кислорода. Когда расстояние между нами стало увеличиваться, эта миниатюрная новая, бывшая до

сих пор космическим крейсером, стала постепенно менять цвет, теряя свою ослепительную белизну. Последний взгляд явил мне удлиненное зарево, похожее на туманность вишневого цвета, видимую с ребра,— этакий отблеск света в темноте над далеким горизонтом.

Я сделал все, что было возможно, вновь включил аварийные системы и вернулся в постель.

Ожидая, пока начнет действовать эликсир, я думал, что звездная система Альфы Центавра должна иметь населенные планеты. Если я не ошибаюсь в своих расчетах, мы находимся всего в 1,6 светового года от главной группы солнц Альфы, чуть ближе к красной Проксиме.

Это может означать, что во Вселенной есть по крайней мере еще одна высокоразвитая цивилизация. Удивительный, невообразимый мир открывался перед нами. Я снова ощутил дрожь восторга.

Буквально в последнюю минуту, когда сон уже одолевал меня, я вспомнил, что совсем позабыл о наших проблемах с Ренфри.

Однако беспокойства не было. Ренфри, оказавшись лицом к лицу с чужой цивилизацией, наверняка обретет жизненную энергию.

Наши неприятности закончились.

Видимо, мое возбуждение продержалось все сто пятьдесят лет, потому что, едва проснувшись, я подумал: «Мы на месте! Наконец-то кончилась эта долгая ночь и наше фантастическое путешествие. Теперь мы будем вместе, будем видеть друг друга и узнаем здешнюю цивилизацию, увидим солнца далекого Центавра».

Странное дело: пока я лежал, переполненный радостью, меня удивило, что прошедшее время казалось мне таким долгим. Фактически... я просыпался всего три раза, и лишь один раз — на целый день.

Я видел — в буквальном значении этого слова — Блейка, Ренфри и Пелхэма всего полтора дня назад. Период моего бодрствования длился всего тридцать шесть часов с того момента, когда мягкие губы коснулись моих и прильнули к ним в сладчайшем за всю мою жизнь поцелуе.

Откуда же взялось ощущение, что прошли целые столетия, секунда за секундой? Откуда это невероятное, ничем не оправданное сознание путешествия сквозь бесконечную непроницаемую ночь?

Неужели человеческий разум так легко обмануть?

Наконец мне показалось, что я нашел ответ: мой организм жил все эти пятьсот лет, все мои клетки и органы функционировали, поэтому не исключено, что некоторые участки мозга сохраняли сознание все это время.

Конечно, играл роль и психологический фактор: ведь теперь я знал, что прошло пятьсот лет и...

Я вздрогнул, заметив, что с момента пробуждения прошло уже десять минут, и осторожно включил аппарат для массажа.

Мягкие руки автомата массировали меня, когда дверь открылась, щелкнул выключатель и я увидел Блейка.

Слишком резкий поворот головы в его сторону привел к тому, что перед глазами у меня затанцевали огоньки. Закрыв глаза, я слушал его шаги, пока он шел ко мне.

Через минуту я уже мог взглянуть снова, на этот раз я видел его четко. Он нес миску с супом и остановился, угрюмо глядя на меня. Почему угрюмо?

Наконец его длинное худое лицо расплылось в бледной улыбке.

— Привет, Билл,— сказал он.— Тсс! Не пытайся говорить. Я буду кормить тебя супом, а ты лежи спокойно. Чем скорее встанешь на ноги, тем лучше. Я на ногах уже две недели.

Он сел на край постели и зачерпнул ложку супа. В воцарившейся тишине был слышен только шум массажера. Силы постепенно возвращались ко мне, и я все отчетливей видел подавленность Блейка.

— Что с Ренфри? — сумел наконец выдавить я.— Он проснулся?

Блейк поколебался, потом кивнул. Лицо его помрачнело, и он нахмурился.

— Он безумен, Билл,— просто сказал он.— Теперь это законченный псих! Мне пришлось его связать. Сейчас он в своей каюте, уже несколько успокоился, а до тех пор бормотал что-то, как маньяк.

— Сдурел ты, что ли? — прошептал я.— Ренфри никогда не был настолько впечатлителен. Угрюмый и унылый — это я могу понять, но одно осознание того, что прошло столько лет и никого из друзей уже нет в живых, не могло повергнуть его в безумие.

Блейк покачал головой.

— Дело не только в этом, Билл.

Он помолчал, потом продолжал:

— Билл, приготовься к шоку, какого еще никогда не переживал.

Я вопросительно уставился на него, чувствуя пустоту в голове.

— Что ты имеешь в виду?

— Я знаю, что ты это вынесешь,— говорил он со странной гримасой на лице.— В общем, не пугайся. Мы с тобой были парой подопытных мышей. Для таких толстокожих типов, как мы, должно быть все равно — приземлимся мы в миллионном году нашей эры или до нее. Мы бы осмотрелись по сторонам и сказали бы: «Как поживаешь, старый дурень?», или же: «Кто был тот птеродактиль, которого я видел с тобой вчера вечером?», или что-нибудь вроде этого.

— Говори сразу, в чем дело? — прошептал я.

Блейк встал.

— Билл, когда я прочел твои сообщения о том, что случилось, и посмотрел фотографии горящего корабля, мне кое-что пришло в голову. Две недели назад солнца Альфы были очень близко друг к другу, всего в шести месяцах от нас при нашей средней скорости восемьсот километров в секунду. «Посмотрим,— подумал я,— удастся ли поймать какую-нибудь их станцию». Так вот,— он заставил себя улыбнуться,— в течение нескольких минут я поймал сотни передач. Они шли на всех семи каналах, отчетливо, как колокольный звон на Рождество.

Он помолчал, глядя на меня со слабой улыбкой на губах.

— Билл,— простонал он,— мы величайшие кретины под Солнцем! Когда я сказал обо всем Ренфри, он увял, как проколотый шарик.

Он снова замолчал. Мои напряженные нервы не выдержали этого молчания.

— Ради бога, дружище...— начал я и замолчал.

Я лежал неподвижно, и меня вдруг осенило. Кровь застыла у меня в жилах, но наконец я сумел произнести:

— Значит, ты говоришь, что...

Блейк кивнул.

— Да, именно так. Они обнаружили нас своими локаторными лучами и энергетическими экранами. Нам навстречу уже отправлен корабль.— Надеюсь,— мрачно закончил он,— они смогут что-нибудь сделать для Джима.

Часом позже, сидя за пультом управления, я заметил вспышку, и через минуту могучий космический корабль в километре позади нас уравнял с нами свою скорость.

Мы с Блейком переглянулись.

— Я не ослышался? — спросил я дрожащим голосом.— Этот корабль стартовал из ангара десять минут назад?

Блейк кивнул.

— Дорогу от Земли до Центавра он проходит за три часа.

Этого я еще не слышал и почувствовал, что в голове у меня все идет кругом.

— Что?! — воскликнул я.— А у нас это заняло пятьсот...— Я помолчал.— Три часа... Как мы могли забыть о техническом прогрессе?

Молча смотрели мы, как в монолитной стене напротив нас появляется отверстие. В эту пещеру я и направил наш корабль.

На кормовом экране было видно, как закрывается люк. Перед нами вспыхнул свет и сошелся лучом на какой-то двери. Когда я опустил корабль на металлический пол, на экране связи появилось чье-то лицо.

— Касселлахат! — прошептал мне на ухо Блейк.— Тот, что поддерживал со мною контакт.

Касселлахат — у него было умное красивое лицо — улыбнулся нам и сказал:

— Вы можете покинуть свой корабль и войти через эту дверь.

Когда мы осторожно выходили наружу, в просторный приемный зал, мне показалось, что нас окружает пустое пространство.

«Это похоже на ангар межпланетного корабля,— подумал я.— Только какого-то чужого...»

«Нервы!» — тут же одернул я себя, но по лицу Блейка понял, что тот испытывает похожие чувства. Через дверь мы вошли в коридор, который привел нас в огромное роскошное помещение.

Это мог быть тронный зал или апартаменты кинозвезды. Все стены покрывали великолепные драпировки — то есть сначала мне показалось, что это драпировки, но потом я понял, что это не так. Это было... я никак не мог понять...

Я уже видывал дорогую мебель в доме Ренфри, но эти диваны, стулья и столы фосфоресцировали, словно были сделаны из подобранных по оттенкам разноцветных огней. Нет, не так. Они не фосфоресцировали, а...

И снова я не пришел ни к какому определенному выводу.

Времени на детальный осмотр уже не было. Мужчина, одетый так же, как и мы, поднялся нам навстречу. Я узнал Касселлахата.

Он шел к нам, улыбаясь, потом вдруг замедлил шаги, потянул носом. Мгновением позже он торопливо пожал нам руки, резко отступил к креслу и сел.

Это было на удивление невежливо, но я обрадовался, когда он отошел, поскольку, как ни коротко было наше рукопожатие, успел почувствовать слабый запах духов. Это был незнакомый, но явно неприятный запах. Да и вообще — мужчина, злоупотребляющий духами!

Я вздрогнул. Неужели за эти столетия род людской стал таким изнеженным?

Жестом он пригласил нас сесть.

«Неужели это и есть приветствие?» — подумал я, усаживаясь.

— Должен предупредить вас насчет вашего друга,— начал Касселлахат.— Это явный шизофреник, и наши психологи могут поправить его здоровье лишь ненадолго. Полный курс лечения потребует большого времени и вашего сотрудничества. Вы должны соглашаться на все его проекты, конечно, если они не будут представлять опасности... А теперь,— он одарил нас улыбкой,— позвольте приветствовать вас на четырех планетах Альфы Центавра. Это великий день в моей жизни. С раннего детства меня готовили для этой цели — быть вашим учителем и гидом. И разумеется, я восхищен, что наступила минута, когда мои знания в области вашего языка и американских обычаев среднего периода могут найти практическое применение.

Он выглядел далеко не восхищенным: смешно морщил нос, и выражение лица у него было какое-то болезненное. Но его слова шокировали меня.

— Что вы имеете в виду,— спросил я,— говоря об «изучении американского языка»? Неужели общенародный язык уже вышел из употребления?

— Нет, разумеется, нет,— улыбнулся он,— но он так изменился, что, честно говоря, вы не поняли бы даже такого простого слова, как «ихм».

— Ихм? — повторил Блейк.

— Что означает «да».

— Вот оно что...

Мы посидели молча. Блейк грыз нижнюю губу. Наконец он сказал:

— А каковы здешние планеты? По радио вы что-то говорили о популяционных центрах, которые вновь превращаются в городские метрополии.

— Я буду счастлив показать вам столько наших метрополий, сколько вы захотите осмотреть,— сказал Касселлахат.— Вы — наши гости, и несколько миллионов кредитов положены на счет каждого из вас. Они к вашим услугам.

— О боже! — вырвалось у Блейка.

— Однако должен дать вам один совет,— продолжал Касселлахат.— Мы не можем допустить, чтобы наши граждане почувствовали себя обманутыми, поэтому вам нельзя будет ходить по городу или смешиваться с толпой. Они смогут увидеть вас только в хронике или в закрытой машине, а услышать — лишь по радио. Если у вас есть какие-то матримониальные планы, можете раз и навсегда распрощаться с ними.

— Не понимаю,— сказал удивленный Блейк.

Я тоже ничего не понимал.

— Речь идет о том,— решившись, закончил Касселлахат,— чтобы никто не почувствовал вашего неприятного запаха. Это могло бы ухудшить и ваше материальное положение... А сейчас,— он встал,— я на время покину вас. Надеюсь, вы не обидитесь, если впредь я буду в вашем присутствии надевать маску. Всего наилучшего, господа, и...

Он замолчал, глядя на что-то позади нас.

— Ага, ваш друг тоже здесь,— произнес он.

Я резко повернулся. Блейк вытаращил глаза.

— Эй, друзья! — весело сказал от дверей Ренфри.— Какими же болванами мы были! — добавил он с гримасой.

Не зная, что ответить, я подбежал к нему, схватил за руку, и мы обнялись. Блейк последовал моему примеру.

Когда мы наконец выпустили Ренфри из своих объятий и оглянулись, Касселлахата уже не было. Он исчез как раз вовремя, потому что я уже хотел дать ему в морду за его последнее замечание.

— Итак, внимание! — сказал Ренфри.— Мы начинаем.

Он посмотрел на нас с Блейком, оскалил зубы, радостно потер руки и добавил:

— Целую неделю я оглядывал тут все и обдумывал вопросы для этой старой квочки, а здесь...

Он подошел к Касселлахату.

— Что обусловливает постоянство скорости света? — начал он.

Касселлахат даже не моргнул.

— Скорость равна корню кубическому из gd,— ответил он,— где d означает глубину континуума пространства-времени, g — всеобщую толерантность или гравитацию, как сказали бы вы, всей материи этого континуума.

— Каким образом возникли эти планеты?

— Каждое солнце, чтобы удержаться в своем пространстве, выбрасывает материю, как корабль в море бросает якорь. Это весьма поверхностное описание. Я мог бы дать вам математическое выражение, но его пришлось бы записывать. В конце концов, я не ученый. Просто эти факты известны мне с детства.

— Минуточку,— прервал его Ренфри.— Солнце выбрасывает эту материю без всякого принуждения... лишь для того, чтобы остаться в равновесии?

Касселлахат посмотрел на него.

— Разумеется, нет. Принуждение очень сильно, уверяю вас. Без такого равновесия солнце выпало бы из своего пространства. Только несколько звезд-отшельниц могут поддерживать равновесие без планет.

— Несколько чего? — спросил Ренфри. Он был потрясен настолько, что забыл о вопросах, которыми собирался засыпать Касселлахата.

Мысли мои прервал голос Касселлахата.

— Солнце-отшельник,— услышал я,— это очень древняя холодная звезда класса М. Самые горячие из них, как известно, имеют температуру поверхности около девяноста градусов Цельсия, самые холодные — минус десять. Это отшельник в буквальном смысле слова, одичавший с возрастом. Главная черта такой звезды в том, что она не допускает существования рядом с собой материи, планет или даже газов.

Ренфри молчал, задумавшись, и я воспользовался случаем, чтобы продолжить дискуссию.

— Меня интересует,— сказал я,— всеобщее знание всех этих деталей, даже если человек не является ученым. Например, когда мы покидали Землю, каждый ребенок знал принципы действия атомного двигателя буквально с пеленок. Восьми- и десятилетние мальчики ездили на специально сконструированных машинах-игрушках, разбирали их на части и собирали снова. Эти принципы были у них в крови, а каждое новое достижение в этой области было для них настоящим лакомством... Так вот, я хотел бы узнать, что сейчас соответствует тогдашнему положению?

— Аделедиктандер,— ответил Касселлахат.— Я уже пытался объяснить это мистеру Ренфри, но его мозг, похоже, не усваивает некоторые простейшие понятия.

Вырванный из задумчивости Ренфри скривился:

— Он хочет убедить меня в том, что электроны могут мыслить, а я этого не могу принять.

Касселлахат покачал головой.

— Не мыслить: думать они не умеют. Но зато у них есть психика.

— Электронная психика! — воскликнул я.

— Просто аделедиктандерная,— ответил Касселлахат.— Каждый ребенок...

— Знаю,— простонал Ренфри.— Каждый шестилетка скажет мне это.

Он повернулся к нам.

— Потому я и подготовил вопросы, подумав, что, если мы получим образование на уровне среднеразвитых, то сможем понять этот аделедиктандерный паштет, хотя бы как местные дети.

Он повернулся к Касселлахату.

— Следующий вопрос. Что?..

Касселлахат посмотрел на часы.

— Мне кажется, мистер Ренфри,— прервал он его,— если мы собираемся на планету Пелхэм, то сейчас самое время. Вы сможете задать мне вопросы по дороге.

— В чем дело? — вмешался я.

— Он свозит меня в крупные конструкторские лаборатории в Европейских горах на Пелхэме,— объяснил Ренфри.— Хотите поехать со мной?

— Нет,— ответил я.

Блейк пожал плечами.

— Я не хочу лишний раз надевать этот комбинезон, который хоть и не пропускает нашего запаха, но не защищает нас от их вони. Мы с Биллом,— закончил он,— останемся здесь и поиграем в покер на те пять миллионов кредитов, которые лежат у нас в государственном банке.

Касселлахат повернулся в дверях. Лицо его под маской, которую он теперь носил, постоянно выражало явное неодобрение.

— Вы очень легкомысленно относитесь к дару нашего правительства.

— Ихм! — подтвердил Блейк.

— Значит, мы воняем! — сказал Блейк.

Прошло уже девять дней с тех пор, как Касселлахат забрал Ренфри на Пелхэм. Контакт с ним был возможен лишь

с помощью радиотелефона: третьего дня Ренфри позвонил и сказал, чтобы мы ни о чем не беспокоились.

Блейк стоял у окна нашей квартиры на вершине небоскреба в городе Нью-Америка, а я лежал навзничь на диване, с головой, полной мыслей о безумии Ренфри и воспоминаний пятисотлетней давности.

Наконец я прервал свои раздумья.

— Перестань,— сказал я.— Мы столкнулись с изменениями в метаболизме человеческого организма; вероятно, это вызвано новыми пищевыми продуктами с далеких звезд. Видимо, они пахнут лучше нас, если для Касселлахата быть рядом с нами — настоящая каторга, тогда как нам его соседство просто неприятно. Нас всего трое, а их — миллиарды. Честно говоря, я не вижу решения проблемы, так что придется нам смириться.

Ответа я не получил и вернулся к своим мыслям. Мой первый рапорт был принят на Земле, и, после изобретения межзвездного двигателя в 2320 году, то есть спустя сто сорок лет после нашего отлета, люди решили, что надо делать.

Четыре пригодные для заселения планеты Альфы Центавра были названы в нашу честь: Ренфри, Блейк, Пелхэм и Эндикотт. С 2320 года их население увеличилось до девятнадцати миллиардов человек. Это не считая миграции на планеты более удаленных звезд.

Пылавший космический крейсер, который я видел в 2511 году, был единственным потерянным кораблем на линии Земля—Центавр. Он мчался с максимальной скоростью, когда его энергетические экраны среагировали на наш корабль. Автоматика немедленно включила торможение, но невозможно было сразу погасить такую скорость, и все его двигатели взорвались.

Подобная катастрофа не могла больше повториться. Прогресс в области аделедиктандеристики был так велик, что ныне даже самые огромные корабли могли мгновенно остановиться на полной скорости.

Нам было сказано, что мы не должны испытывать чувства вины из-за этого случая, поскольку результатом теоретического анализа этой катастрофы явились важнейшие достижения в области аделедиктандернской электронной психологии.

Блейк опустился в ближайшее кресло.

— Эх, парень, парень,— сказал он,— ну и влипли же мы. Единственное, что нам осталось, это прожить еще лет пятьдесят в качестве паразитов чужой цивилизации, где мы не

можем понять, как действуют простейшие технические устройства.

Я беспокойно зашевелился: меня мучили те же мысли. Однако я молчал, и Блейк продолжал:

— Признаться, когда я понял, что планеты Альфы Центавра колонизированы, то вообразил, что смогу завладеть сердцем какой-нибудь здешней дамы и жениться на ней.

Невольно я вновь вспомнил девичьи губы, касающиеся моих губ.

— Интересно,— сказал я,— как все это переносит Ренфри? Он...

Знакомый голос, донесщийся от двери, оборвал меня на полуслове:

— Ренфри переносит это великолепно: первый шок сменился смирением, а оно — стремлением к намеченной цели.

Мы повернулись к двери и оказались лицом к лицу с Ренфри. Он шел к нам медленно, улыбаясь, а я смотрел на него, гадая, хорошо ли его вылечили.

Он был в отличной форме. Его темные волнистые волосы были старательно уложены, бездонные голубые глаза оживляли лицо. Он производил впечатление прирожденного физического совершенства: в обычных условиях все и всегда у него было кричаще ярким, как у актера в костюмированном фильме.

И сейчас он был таким же — кричаще ярким.

— Я купил космический корабль, парни,— сказал он,— выложил все свои деньги и часть ваших. Но я знал, что вы одобрите мою идею. Верно?

— Конечно,— согласились мы.

— Что ты хочешь сделать? — спросил Блейк.

— Я знаю,— вставил я.— Мы облетим всю Вселенную, посвятив остаток жизни открыванию новых неизведанных миров. Джим, это была неплохая мысль, мы тут с Блейком едва не организовали клуб самоубийц.

Ренфри улыбнулся.

— Во всяком случае, скоро нам будет некогда скучать.

Касселлахат не возражал против проекта Ренфри, и спустя два дня мы снова оказались в космическом пространстве.

Три последующих месяца были необыкновенны. Поначалу я испытывал страх перед бесконечностью космоса. Молчаливые планеты проплывали по нашим экранам и исчезали вдали, оставляя после себя лишь воспоминания о ди-

ких, продуваемых ветрами лесах и равнинах, пустых волнующихся морях и безымянных солнцах.

Пейзажи и воспоминания вызывали у нас болезненное чувство одиночества: постепенно мы понимали, что это путешествие не поможет нам избавиться от бремени отчуждения, давившего на нас с момента прибытия на Альфу Центавра.

Мы не нашли тут никакой духовной ниши для наших сердец,— ничего, что дало бы нам удовлетворение хотя бы на год, а что уж говорить о пятидесяти!

Я видел, что такие же мысли тяготят и Блейка, и ждал какого-нибудь сигнала, который говорил бы о том, что и Ренфри испытывает то же самое. Но ничего подобного не было. Это меня беспокоило, поскольку я заметил еще одно: Ренфри наблюдал за нами, и во всем его поведении был намек на некое тайное знание, на какую-то скрытую цель.

Мое беспокойство усиливалось, и неизменное душевное равновесие Ренфри нисколько не помогало. Однажды, в конце третьего месяца, я как раз лежал на койке, погруженный в невеселые мысли о нашем положении, когда дверь открылась и вошел Ренфри.

В руках у него были парализатор и веревка. Направив оружие на меня, он сказал:

— Мне очень жаль, Билл, но Касселлахат советовал мне не рисковать. Лежи спокойно, пока я тебя свяжу.

— Блейк! — заорал я.

Ренфри покачал головой.

— Бесполезно,— сказал он.— Я уже побывал у него.

Рука, в которой он держал парализатор, нисколько не дрожала, глаза его были холодны, как сталь. Единственное, что я мог сделать, это напрячь мускулы, когда он меня связывал, и помнить, что по крайней мере в два раза сильнее его.

«Он наверняка не сможет связать меня слишком крепко»,— подумал я.

Наконец он закончил.

— Не сердись, Билл,— сказал он.— Мне неприятно это говорить, но оба вы слишком разгорячились, прибыв на Центавр. Это лечение, рекомендованное психологами, с которыми консультировался Касселлахат. Предположительно, это вызовет у вас шок, такой же сильный, как и прежде.

Поначалу я не обратил внимания на его слова о Касселлахате, но потом меня осенило: невероятно, но Ренфри убедил Касселлахата, что мы с Блейком спятили! Все месяцы

нашего общего путешествия он держался молодцом, чувствуя ответственность за нас. Это была тонкая уловка. Вопрос лишь в том, *что* должно стать причиной шока?

— Это не затянется надолго,— услышал я голос Ренфри.— Мы как раз выходим на орбиту звезды-отшельницы.

— Звезда-отшельница! — воскликнул я.

Он не ответил. Когда дверь за ним закрылась, я начал возиться со своими путами, не переставая рассуждать.

«Что там говорил Касселлахат? Что звезды-отшельницы держатся в пространстве благодаря неустойчивому равновесию. В *этом* пространстве».

Пот стекал по моему лицу: я представил, что нас отбросит в другую плоскость пространственно-временного континуума. Когда я освободил наконец руки, то почти почувствовал, как корабль падает вниз.

Я был связан не настолько долго, чтобы путы успели затормозить кровообращение, поэтому сразу направился в каюту Блейка. Две минуты спустя мы уже шли к рубке.

Ренфри мы застали врасплох. Блейк схватил его парализатор, а я одним мощным рывком выдернул его из кресла и швырнул на пол.

Он лежал неподвижно, вовсе не сопротивляясь и скалясь в усмешке.

— Слишком поздно,— сказал он.— Мы приближаемся к первой ступени нетерпимости, и ничего нельзя сделать, разве что подготовиться к шоку.

Я почти не слышал его. Тяжело опустившись в кресло у пульта управления, я уставился на экраны. Ничего не было видно, и это меня поразило. Я взглянул на регистраторы: они яростно дрожали, отмечая небесное тело БЕСКОНЕЧНЫХ РАЗМЕРОВ.

Довольно долго смотрел я на эти невероятные данные, потом передвинул рукоять деселератора. Под напором полной тяги аделедиктандера корабль замер. Зримо представив себе две силы, противостоящие друг другу, я выжал рукоять до упора.

Падение продолжалось.

— Орбита,— услышал я голос Блейка.— Выведи нас на орбиту.

Дрожащими пальцами я постукивал по клавиатуре, вводя новые данные размера, гравитации и массы светила.

Отшельница не оставила нам ни одного шанса.

Я попытался рассчитать другую орбиту, третью, четвертую... Наконец я вычислил орбиту, которая увела бы нас

даже от мощного Антареса, но жуткое падение продолжалось.

Экраны были по-прежнему пусты — ни следа материи. На секунду мне показалось, что я смутно вижу пятно большей черноты на фоне мрака космического пространства, но уверенности у меня не было.

Наконец в порыве отчаяния я присел возле Ренфри, который даже не пытался подняться.

— Слушай, Джим,— умоляюще сказал я,— зачем ты это сделал? Что теперь с нами будет?

Он беззаботно улыбнулся.

— Подумай,— сказал он,— о старом, заскорузлом отшельнике-человеке. Он поддерживает связи со своими приятелями, которые так же слабы, как у звезды-отшельницы с другими звездами в галактике. Вот-вот мы должны наткнуться на первый уровень нетерпимости. Это проявляется в прыжках типа квантового каждые четыреста девяносто восемь лет семь месяцев восемь дней и несколько часов.

Это звучало сущим бредом.

— Но что будет с нами? — напирал я.— Ради бога, Джим!

Он посмотрел на меня с иронией, и я вдруг понял, что он совершенно здоров психически. Прежний рассудительный Ренфри даже стал как-то лучше и сильнее.

— Нас отбросит с этого уровня нетерпимости, и тем самым мы вернемся...

УДАР!

Резкий перекос. Я поскользнулся, с грохотом рухнул на пол, и тут чьи-то руки — это был Ренфри — схватили меня. И все кончилось.

Я поднялся, чувствуя, что мы уже не падаем. Посмотрел на пульт. Все огоньки погасли, все стрелки стояли на нулях. Повернувшись, я взглянул на Ренфри, потом на Блейка, мрачно поднимавшегося с пола.

— Пусти меня к пульту, Билл,— требовательно сказал Ренфри.— Я хочу рассчитать курс на Землю.

Целую минуту я таращился на него во все глаза, потом медленно отодвинулся. Пока он настраивал приборы и нажимал ручку акселератора, я стоял рядом. Наконец он взглянул на меня.

— Мы будем на Земле через восемь часов,— сказал он,— и примерно через полтора года после того, как покинули ее пятьсот лет назад.

Я чувствовал, как трещит мой череп, и только через какое-то время понял, что это — из-за внезапного озарения.

Так значит, звезда-отшельница, освобождая от нас свое поле нетерпимости, просто стряхнула нас в другое время. Ренфри говорил, что это бывает каждые... четыреста девяносто восемь лет семь месяцев и...

— Но что будет с кораблем? Разве можно перенести в двадцать второй век аделедиктандер двадцать седьмого века и тем самым изменить ход истории? — бормотал я себе под нос.

Ренфри покачал головой.

— А что мы в нем понимаем? Разве мы осмелимся когда-нибудь залезть в его двигатель? Наверняка нет. Мы оставим корабль для своих собственных нужд.

— Н-но...— начал я, однако Ренфри прервал меня.

— Послушай, Билл,— сказал он.— Представь себе такую картину: через пятьдесят лет девушка, которая тебя поцеловала,— я видел, как это тебя потрясло,— будет сидеть рядом с тобой, когда твой голос из космоса сообщит на Землю, что ты только что проснулся и съел первую порцию супа во время первого межзвездного полета к Альфе Центавра.

Именно так все и оказалось.

Корабли тьмы

Д'Орманду пришлось согласиться с тем, что принять какое-либо решение на Земле — одно, а выполнить его в космосе — совсем другое. Уже шесть месяцев он следовал курсом, который вел его из Солнечной системы и далее — из гигантского спирального колеса Галактики. И вот настала пора приготовиться к прыжку в другое время.

Дрожащими пальцами он настроил машину времени на 3 000 000 год. Его рука легла на выключатель, но он медлил. Согласно теории Хэлли, здесь, в открытом космосе, вдали от звезд, можно легко избавиться от строгих законов, которые управляли течением времени на планетах. Хэлли говорил, что корабль сначала должен достичь скорости света, чтобы таким образом натянуть ткань пространства вплоть до разрыва, а затем можно включать машину времени.

Д'Орманда окатила волна нервного жара.

«Пора»,— подумал он и толкнул рукоятку вперед. Послышался мерзкий треск, оглушительный скрежет рвущегося металла, а потом вернулось ощущение равномерного полета.

Д'Орманд видел все словно сквозь дымку. Он помотал головой и понял, что зрение скоро восстановится. Он мрачно ухмыльнулся, как человек, который рискнул жизнью и выиграл.

Зрение вернулось мгновенно. Он бросил взгляд на пульт управления машиной времени и испуганно вздрогнул. Пульт исчез.

Он недоверчиво огляделся. В небольшом корабле все было на виду. В одном помещении теснились рабочая часть корабля, кровать, резервные баки и камбуз. Машина времени исчезла!

Так вот что означал металлический скрежет! Машина времени оторвалась, покинула корабль и исчезла во времени. Он проиграл. Д'Орманд тихо вздохнул и вдруг боковым зрением уловил какое-то движение. Он резко откинулся — в верхних иллюминаторах маячил темный корабль.

Он присмотрелся и понял: что бы ни случилось с машиной времени, она не сломалась.

Сперва он подумал, что чужой корабль находится очень близко и потому его можно разглядеть, но потом осознал, в чем дело, и у него захватило дух. Да такой корабль мог быть только в трехмиллионном году.

Вслед за зачарованностью появились сомнения, а потом пришел ужас. Неестественным было не только то, что он мог видеть чужой корабль, но и сам корабль.

Все это казалось страшным сном. Длиной в три километра, шириной в восемьсот метров и толщиной корпуса лишь в тридцать сантиметров, он был похож на плот, специально созданный для мрачного моря космоса,— платформа, блуждающая в темной, беззвездной пустоте.

На широкой палубе стояли мужчины и женщины. Они были нагие, и ничто, буквально ничто не защищало их тела от холода Вселенной. Они не могли дышать в безвоздушном пространстве — и все же были живы.

Они стояли на широкой темной палубе, подняв к нему взгляды, кивали и кричали ему. Это, вероятно, был самый странный крик, который когда-либо слышал смертный. Это было нечто большее, чем мысленный зов, более настойчивое, сильное, взволнованное. Он мог ощущать его физически, как голод или жажду. Желание росло, как потребность в наркотике.

Д'Орманд испытывал необходимость опуститься со своим кораблем на эту платформу. Ему нужно опуститься, чтобы стать таким же, как они. Он должен... Первозданное, безграничное, страшное желание.

Корабль стал поспешно готовиться к посадке. Почти одновременно он почувствовал непреодолимое желание уснуть.

Но у него осталось еще время для последней отчаянной мысли.

«Я должен воспротивиться этому! Нужно уходить отсюда! Прочь! Немедленно!»

Сон настиг Д'Орманда на пике сильнейшего в его жизни ощущения страха.

Тишина! Он лежал с закрытыми глазами в мире, где было так же тихо, как...

Д'Орманд не мог придумать подходящего сравнения. С этим ничто не могло сравниться. В жизни своей он не знал ничего подобного, не испытывал такого молчания. Это было абсолютное отсутствие каких-либо звуков, и это давило на него, как... Он снова не мог найти сравнение. Была только тишина.

«Как странно»,— думал он. Он почувствовал слабое желание открыть глаза, но желание быстро исчезло. Осталось лишь убеждение, что он, Д'Орманд, проведший в одиночестве много месяцев в космическом корабле во Вселенной, должен иметь точное представление, что такое тишина.

Но до сих пор он, по меньшей мере, слышал шум собственного дыхания, временами звуки, которые издавали его губы, прикасавшиеся к мундштуку трубы с питанием, шорох одежды, когда двигался. Но это?

Его ум отказывался дать определение. Д'Орманд открыл глаза. То, что он увидел, почти не отличалось от того, что слышали его уши. Он лежал не то на спине, не то на боку. Рядом с ним похожий на торпеду предмет закрывал звезды. Предмет был почти десяти метров в длину и четырех метров в ширину. Больше ничего не было видно — только звезды и чернота Вселенной.

Обычный вид. Он не испытывал страха. Его мысли и привычная жизнь, казалось, были далеко отсюда. Еще дальше были воспоминания об этом. Наконец одно желание возобладало в его сознании: он хотел знать, в каком положении находится и что окружает его.

Д'Орманд вспомнил черный корабль — тяжелое воспоминание. Потом сон. Теперь звезды и межзвездная ночь. Кажется, он сидел в своем пилотском кресле перед экраном, на котором застыло звездное небо.

Но все же — он это точно знал — он не сидел. Он лежал на спине и пристально смотрел в небо, усеянное звездами. Потом было пятно, которое напоминало ему космический корабль.

Часть его сознания упорно противилась этой мысли, поскольку в этой части Вселенной лишь у него одного был земной космический корабль. Второго быть не могло. Вдруг Д'Орманд оказался на ногах. Он не мог вспомнить, как вставал. Он только что лежал на спине, а в следующее мгновение уже стоял покачиваясь на палубе, на широкой палубе около своего корабля. Он мог окинуть взглядом всю платфор-

му, хотя и было темно. Кругом стояли, сидели и лежали нагие мужчины и женщины, не обращавшие на него никакого внимания.

Д'Орманд уцепился бесчувственными пальцами за воздушный шлюз корабля и попытался открыть его. Через некоторое время он понял, что основательно изучил закрывающий механизм шлюза. Потом он отступил на несколько шагов назад, чтобы оглядеть весь корабль.

Непонятно почему, но он сохранял спокойствие и молча обошел весь корабль, заглядывая в иллюминаторы. Вид хорошо знакомых предметов интерьера почти лишил его сознания, но на этот раз он быстро взял себя в руки.

Наконец он остановился, отогнал все несущественные мысли и сосредоточился только на одном — на мысли, которая так захватывала дух, что он должен был собрать всю силу своего ума, чтобы удержать и понять ее безграничную действенность.

Ему стало труднее свыкнуться с мыслью, что он находится на корабле-платформе. Его мысли вращались по кругу, дробились, превращаясь в сомнение, страх и неверие, но тем не менее опять и опять возвращались к одному, к реальности. Что ему делать? Выхода не было. Ему ничего не оставалось, как ждать, какую судьбу ему уготовили его охранники.

Он сел и стал ждать.

Прошел час. Час, которого не было в истории его мира: человек из 2975 года наблюдает сцену на космическом корабле, которая разыгрывается тридцать тысяч столетий спустя.

Это длилось целый час, пока Д'Орманд понял, что наблюдать-то было вовсе нечего. Его, казалось, никто не замечал. Время от времени мимо него проходил человек. Он отчетливо вырисовывался на фоне сияющих звезд. На платформе со сверхчеловеческими существами ничего не происходило. Никто не подошел к нему, чтобы утолить его жажду информации об этой платформе. Он со страхом понял, что должен взять инициативу на себя. Он должен сам сделать первый шаг.

Д'Орманд заметил, что опять почти лежит на спине. Он и так потерял много драгоценного времени. Очевидно, он ничего не соображал. Конечно, в этом не было ничего удивительного.

Но хватит! Он решительно вскочил на ноги, потом заколебался и остановился, покачиваясь. Следует ли ему приблизиться к одному из существ из команды ночного корабля? Задавать ли ему вопросы с помощью передачи мыслей на расстоянии?

Неизвестность пугала его. Эти существа не были людьми. Спустя три миллиона лет родство их и человека было таким же, как родство человека и обезьяны во времена Д'Орманда.

Три миллиона лет, 16×10^{10} минут, и каждую секунду этого необозримого периода одни люди умирали, а другие рождались. Жизнь шла своей извилистой, колдовской тропой до сего момента, до этих ультралюдей.

Эволюция продвинулась так далеко, что эти существа завоевали космос и сделали его своим жизненным пространством. Невообразимая адаптация жизни невероятна и одновременно так проста, что хватило лишь одного-единственного периода сна, чтобы приспособить его, жителя иного мира, к этому жизненному пространству.

На этом месте Д'Орманд прервал свои размышления. Что-то смутило его: внезапная мысль, что он в общем-то не мог оценить, как долго спал. Могли пройти годы или столетия. Для спящего времени не существует.

Теперь ему показалось вдруг, что гораздо важнее изучить свое окружение. Его взгляд остановился на одном мужчине, который медленно шел примерно в тридцати метрах от него. Д'Орманд поспешил к нему, но в последний момент в ужасе отшатнулся. Слишком поздно. Его вытянутая рука уже коснулась нагого тела.

Мужчина остановился и посмотрел на Д'Орманда; он не сопротивлялся, но Д'Орманд отдернул руку. Он съежился с искаженным от боли лицом под взглядом мужчины, узкие щели глаз которого метали в него огненные копья.

Странно, но этот взгляд не выражал демоническую власть, хотя Д'Орманд и задрожал от страха,— в глазах мужчины мерцала душа. Это был непостижимо чужой дух, который пронизывал его с перехватывающим дыхание напором.

Потом мужчина отвернулся и продолжил свой путь. Д'Орманд дрожал всем телом.

Спустя некоторое время он понял, что не сможет отказаться от своей идеи. Он не раздумывал об этом далее, а сделал несколько быстрых движений и зашагал дальше плечо к плечу с загадочным инопланетянином.

Они проходили вместе мимо мужчин и женщин. Лишь теперь Д'Орманд заметил, что женщин было по меньшей мере втрое больше, чем мужчин. Удивление по этому поводу быстро прошло. Шагая рядом со своим спутником, он совершал самую странную прогулку в своей жизни. Теперь они

шли по краю платформы, и Д'Орманд, заставляя себя сохранять спокойствие, смотрел в пропасть глубиной в миллиарды световых лет.

Он начинал чувствовать себя лучше. Одна мысль сменила другую.

«Как мне преодолеть духовную пропасть, разделяющую меня и этого темнокожего инопланетянина?» — думал он.

Когда его соблазнили сделать посадку на этот темный корабль, то не обошлось без телепатии. Возможно, он получил бы ответ, если бы смог достаточно сосредоточиться на одной мысли?

Он прервал свои раздумья, что было уже не в первый раз, так как ему в голову пришла другая мысль. Он все еще был в своей одежде.

Этот факт следовало рассмотреть под другим углом: они не отняли у него одежду. Почему? Какая психология скрывалась за этим действием? Размышляя о своей беспомощности, Д'Орманд продолжал путь. Он шагал, опустив голову, и рассматривал попеременно свои ноги, одетые в брюки, и голые ноги инопланетянина, которые ритмично двигались рядом с ним.

Когда Д'Орманд почувствовал первый импульс, это произошло постепенно и осторожно, так что он почти не воспринял его как чужую мысль. Вдруг он откуда-то узнал, что скоро состоится большая битва и он должен будет показать себя в ней достойным образом. Тогда он может остаться на корабле навсегда. Иначе ему придется уйти в изгнание.

Его сознание сделало скачок. Только что его наполняло неясное предчувствие, а уже в следующий момент он был в состоянии уяснить всю важность ситуации. Охваченный внезапным ужасом, Д'Орманд поспешил к своему кораблю. Пока он возился с люком, он понял, что таким образом ему не уйти. Изнемогший и отчаявшийся, он опустился на палубу. Накативший ужас затруднял дыхание. И все же не оставалось никакого сомнения: ему была передана информация и предупреждение, без сожаления и с железной холодностью. Ему следует адаптироваться к жизни на корабле, прежде чем он сможет принять участие в фантастической битве. Он должен показать себя достойным и после этого может остаться здесь навсегда.

Навсегда!.. Представление об этом потрясло Д'Орманда до глубины души. Оно было так нереально, что он не мог постичь его. Ему вдруг показалось невероятным, что ему удалось правильно понять нужную мысль. Предстояла битва —

это же бессмысленно! Он должен быть «достойным» или уйти в изгнание. Д'Орманд напрягал свой мозг, но слово опять зудело: изгнание!

«Может быть, под этим понималась смерть»,— решил он наконец, следуя законам холодной логики.

Он лежал на палубе в глубокой задумчивости. Вдруг он очень рассердился на самого себя. Какой же он глупец! В самый разгар важного обмена мнениями у него отказали нервы.

Разве он не преуспел? Он просил об информации, и ему дали ее. Ему надо было собраться с мыслями и задать один из сотни вопросов, которые вертелись у него в голове: «Кто вы? Куда летит корабль? При помощи чего он движется? Почему на борту больше женщин, чем мужчин?»

Д'Орманд вздрогнул. Погруженный в терзающие его мысли, он не заметил, как оказался в сидячем положении. Он открыл глаза и увидел женщину. Она находилась от него на расстоянии метра.

Он опять лег на палубу. Горящие глаза женщины были устремлены на него. Д'Орманд отодвинулся назад и уже лежал на спине. Он лежал и смотрел вверх, на светящуюся спираль Млечного Пути, который он уже давно оставил позади. Яркие точки, из которых состоял великолепный сияющий вихрь, были теперь от него так далеко, как никогда.

Жизнь, которую он вел до сих пор, мгновенные прыжки к далеким звездам, приятные недели, проведенные в отдаленных частях Галактики, больше не существовали. В мыслях он удалился от них больше, чем во времени и пространстве.

Д'Орманд напрягся и встал. Теперь не время для печальных воспоминаний. Он должен признать, что ему нужно принять трудное решение. Женщина пришла, конечно, не для того, чтобы спокойно рассматривать его. У нее было для него задание, и он должен принять ее вызов. Он повернулся к женщине, чтобы лучше рассмотреть ее.

Приятное зрелище. У нее было красивое молодое лицо. Темные волосы спутаны, но не всклокочены, и очень красивы. Ее тело...

Д'Орманд вздрогнул. Теперь он заметил, что она лишь в одном отличалась от других. Она была одета. На ней было облегающее платье с широкой юбкой, из-под которой выглядывали босые ноги.

Одета! Теперь не могло быть сомнений! Женщина пришла к нему. Но чего она хотела? Он в полной беспомощности рассматривал лицо женщины. Ее глаза были похожи на темные драгоценные камни, они околдовали его. Какие мысли

скрывались за этими окнами ее души? Если бы он мог заглянуть в них, то увидел бы мир, который был на три миллиона лет старше того, который он знал.

Это волновало! Странные и дерзкие мысли мелькали у него в голове. Он думал: женщина — катод, мужчина — анод. Ведь смысл в их отношениях. И они становятся сильнее, когда один анод вступает в соединение с тремя катодами.

Д'Орманд прислушался к своим мыслям. Неужели он это подумал? Не может быть!

По нему словно прошел электрический ток. Опять! Странное общение при помощи мыслей, передаваемых этой инопланетянкой, незаметно повлияло на его сознание. На этот раз он узнал, что один мужчина может иметь интимные отношения с одной или несколькими женщинами. Этим объясняется тот факт, что женщин на корабле значительно больше, чем мужчин.

Д'Орманд снова успокоился. Что дальше? Он по-прежнему еще не знал, с какой целью пришла к нему женщина. Вероятно, это было своеобразное сватовство.

Д'Орманд снова погрузился в созерцание женщины.

Впервые за многие месяцы ему в голову пришла циничная мысль: двенадцать лет ему удавалось уворачиваться от всех молодых, жаждущих замужества женщин, а теперь он попался! Сопротивление бесполезно. Он понимал, что женщина пришла к нему, чтобы предложить себя в жены.

Незнакомец внушил Д'Орманду, что время не терпит, поэтому он поспешно подошел к женщине, обнял ее и поцеловал.

«Необходимо действовать»,— отчетливо подумал он.

Его уверенность быстро исчезла. Губы женщины были мягкими и послушными. Они не оказали сопротивления, но в то же время их реакция говорила о том, что они не понимали значения поцелуя. У Д'Орманда возникло ощущение, будто он поцеловал маленького ребенка.

Ее глаза, которые теперь были так близко от него, сияли. Они выражали непонимание и одновременно такую глубокую нежность и покорность, что Д'Орманду это показалось ненормальным. Ему вдруг стало ясно: молодую женщину еще никто не целовал. В ее взгляде была странная нерешительность, но потом выражение ее глаз вдруг изменилось. Перемена была удивительной. Ее лицо изобразило глубокое смущение. Она освободилась из его объятий ловким, гибким движением, отвернулась и пошла прочь, не оборачиваясь. Опять она стала для него чужой призрачной фигурой.

Озадаченный, Д'Орманд смотрел ей вслед. В глубине души он испытывал мрачное удовлетворение, смутив ее, но тут же понял, что снова оплошал. Он опять потерял драгоценное время. Опять ему не удалось адаптироваться к жизни на темном корабле.

Смятение немного прошло, но не совсем. Он и не делал попыток совсем освободиться от него. Он не должен забывать, что его предупредили. То, что он не понял смысла предупреждения, вовсе не означало, что оно было бессмысленным.

Д'Орманд снова лег на спину и закрыл глаза. Он провел уже целую вечность, находясь в центре истинной жизни миров, а ему все еще не удалось приспособиться.

Что? Д'Орманд испугался. Это ведь были не его мысли!

Он открыл глаза и отшатнулся. Мужчины со сверкавшими огнем глазами стояли над ним. Д'Орманд не успел спросить себя, откуда явились вдруг эти существа. Они действовали.

Один из них вытянул руку. Вдруг в руке появился нож, нож, который возник из ниоткуда, и его длинный клинок переливался разными цветами. В то же мгновение к Д'Орманду подскочили несколько мужчин. Они схватили его и крепко держали. Живой клинок опустился. Мужчина целил ему прямо в грудь. Д'Орманд хотел закричать. Губы, язык и гортань сделали движение, как при крике, но звука не было слышно. В безвоздушной космической ночи были напрасны все усилия.

В страхе перед болью Д'Орманд корчился, как безумный. Но когда вибрирующее лезвие пронзило кожу и мускулы, он ничего не почувствовал. Это было похоже на смерть во сне. В тот же миг Д'Орманд последовал взглядом за движением клинка.

Мужчины вырезали из его груди сердце. Дикими глазами он рассматривал руки этих демонов ночи, в которых спокойно и равномерно билось его сердце.

Он прекратил сопротивление. Как завороженная змеей птица, Д'Орманд наблюдал за вивисекцией собственного тела.

Он увидел, что после того, как инопланетяне внимательно рассмотрели все органы, они вернули их на прежнее место. Некоторые органы они рассматривали очень долго и тщательно. Вскоре после этого Д'Орманд почувствовал изменения.

Его тело излучало знание. Уже в первые минуты он смутно понял, почувствовал, что существовало лишь одно препятствие, которое мешало ему понять все до конца: он должен передавать все знания в мыслях. Причем информация соответствовала чистым эмоциям. Как и чувства, информация испытала его нервы и посулила ему миллионы новых радостей жизни.

Медленно и неуклюже, как переводчик, который не знает языка в совершенстве, он перевел чудесный поток в мыслительные структуры. Делая это, он изменял его. Он лишал его блеска, будто выжимал из маленького, проворного живого существа жизнь, чтобы в итоге разочарованно уставиться на мертвое тело.

Факты, голые и лишенные красоты, наполняли его мозг: платформа была не кораблем, а силовым полем. Им управляла сила воли. Люди на корабле называли себя мирами. Действительно, существовать можно было лишь тогда, когда превратишься в единое целое с жизненной энергией. Это удовольствие матушка-Природа предоставила только мужчинам. Женщины в роли катодов создавали поле, а мужчина, анод, был центром энергии.

Сила этой энергии зависела от того, в какой степени миры, находившиеся на корабле, могли объединиться для достижения единой цели. А так как предстояла битва с другим кораблем-платформой, то было жизненно важным, чтобы все миры сосредоточили свою чистую волю на одной точке. Лишь тогда они могли производить дополнительную энергию, которая была крайне необходима для победы.

Он, Д'Орманд, был помехой. Он был виноват в том, что одна из женщин на какое-то время перестала быть катодом. Он должен адаптироваться, и как можно скорее!

Чудодейственный нож из его тела исчез в пустоту, откуда он и появился. Обнаженные мужчины удалились, как ночные призраки.

Д'Орманд не пытался следовать за ними. Он чувствовал себя усталым и опустошенным. Его разум еще пытался осмыслить акт насилия, жертвой которого он стал. Одно ему было ясно: никогда он не был так близок к безумию, и он еще не преодолел критический момент. Глубокая депрессия, мучившая его, была безошибочным признаком этого. Лишь постепенно он смог четко осознать: способность жить во Вселенной была результатом радикального развития, которое занимало огромный период времени, а мирам все же удалось адаптировать его к этим экстремальным жизненным условиям, его, который не прошел эволюцию. Явление необычайное.

Но это не имело никакого значения. Он провалился в преисподнюю, и ему не помогло даже то, что он нашел логическое объяснение, почему не могло быть так, как было. Все дело заключалось в том, чтобы приспособиться духовно, и тотчас же!

Д'Орманд вскочил на ноги. Так он хотел подтвердить свою готовность, но это привело к тому, что он заметил нечто, чего не замечал ранее: силу тяжести. Она соответствовала приблизительно 1 *g*, решил он. В физическом отношении ее нельзя было даже считать необычной. Еще в его времена создание искусственной силы тяжести было привычным делом. Нет, важным было другое. Даже если миры сами и не знали этого, сила тяжести указывала на то, что они происходили с Земли. Иначе зачем существам, обитающим в отдаленных районах Вселенной, сила тяжести? Да и зачем им вообще корабль?

Д'Орманд иронически улыбнулся. Он только что понял, что люди даже спустя три миллиона лет еще были склонны к нелогичному мышлению. Такое открытие доставило ему некоторое удовлетворение, но он решил не думать больше об этом парадоксе.

Д'Орманд пошел к своему кораблю. Не то чтобы он снова обрел надежду на спасение при помощи корабля. Но он считал, что не должен оставлять корабль без присмотра, если хочет еще раз использовать хоть какую-нибудь возможность действовать.

Все же он вновь испытал глубокое разочарование, когда ему не удалось открыть входной люк. Он обошел вокруг корабля, заглянул в иллюминатор... У него чуть не помутилось сознание! С этой стороны он еще ни разу не заглядывал в кабину, поэтому не мог видеть приборы и инструменты. Сейчас он заметил, что контрольные лампочки горели.

Подача энергии была включена!

Д'Орманд уцепился за раму иллюминатора, как утопающий. Он пытался понять то, что увидел там. Источник энергии работал! Во время посадки он, видимо, включил его, подчиняясь, возможно, последнему отчаянному желанию скрыться. Одна мысль поразила его, как удар молнии: почему же тогда корабль давным-давно не улетел? Он ведь должен был двигаться почти с предельной скоростью!

Этому могло быть только одно объяснение. Он ошибся, когда определял силу притяжения на корабле-платформе.

Для него она составляла, пожалуй, 1 *g*, а какова же она была для космического корабля с предельной скоростью?

Значит, если он не мог открыть люк, миры здесь были ни при чем, поскольку из предосторожности воздушные шлюзы маленьких космических кораблей не открывались, пока была включена подача энергии. Так они были сконструированы. Когда же подача энергии падала ниже определенной точки, то люк можно было открыть без труда. Д'Орманд должен ждать до тех пор, пока будет достигнута эта точка. Если он тогда активизирует резервы энергии для аварийного старта, то сможет улизнуть. Корабль-платформа не в состоянии противиться сконцентрированной силе атомного двигателя.

Эта надежда была сильна, и он не хотел подвергать ее сомнению. Он должен верить, что у него имеется возможность побега. Пока он должен найти молодую женщину и успокоить ее. Кроме того, Д'Орманд хотел выяснить, как соотносятся друг с другом аноды и космическая энергия. Он должен остаться в живых после битвы.

Время шло. Д'Орманд подобно призраку в этом мире тьмы бродил по палубе в поисках молодой женщины, которую поцеловал. И пока он шагал светящаяся Галактика над ним заметно меняла свое положение.

Его неудачные поиски незнакомки почти приводили в отчаяние. Дважды он останавливался около групп, которые состояли из одного мужчины и нескольких женщин. Он надеялся получить информацию или предложение от какой-либо женщины. Но никто ничего не сообщал ему. А женщины на него даже не глядели.

Д'Орманд пытался объяснить это абсолютное безразличие: «Они поняли, что я хочу адаптироваться. И этого им достаточно».

Решив не терять мужества, он вернулся к своему кораблю. Люк все еще не поддавался, он улегся на жесткой палубе и вытянулся. Вдруг платформа сильно качнулась.

Он не почувствовал боли, но рывок был, похоже, необычайно сильным. Д'Орманд покатился по палубе... на десять, пятнадцать, тридцать метров. Он был так оглушен, что с трудом воспринимал окружающее. Будто сквозь туман он увидел другой корабль.

Вторая платформа имела такие же размеры, как и та, на которой он находился. Она закрыла собой небо со стороны борта управления, спустилась вниз. По-видимому, корабль

миров повернулся, чтобы подставить врагу широкую сторону.

В голове Д'Орманда стучало. Он пытался прийти в себя. Безумие! Страшный сон! То, что происходит, не может быть реальностью. Сильно взволнованный, он выпрямился, чтобы лучше наблюдать за действием.

Корабль миров опять повернулся. На этот раз его легко встряхнуло. Д'Орманда свалило на палубу, но он смягчил падение, вытянув руки. Он опять поднялся, не желая пропустить ничего из происходящего.

Он увидел, что обе платформы стояли бок о бок. На огромной чужой платформе он увидел нагих мужчин и женщин, и они не отличались от миров. Теперь Д'Орманд понял, для какой цели был предпринят поворот. Они рассчитывали на старомодный кровопролитный абордажный маневр.

«Сейчас начнется»,— думал Д'Орманд. Ни в коем случае он не должен быть помехой в надвигающихся событиях.

Он сидел на палубе, дрожа от волнения. Оказалось, он вел себя правильно, так как вдруг из тьмы ночи показалась незнакомка и заспешила к нему. Она бежала, все еще одетая в черное платье. И упала перед ним на палубу. Ее глаза горели, как два янтаря. Они излучали волнение и страх. В тот же момент нервы Д'Орманда начали вибрировать под натиском чужих чувственных образов. Ей дали еще один шанс. Если бы ему сейчас удалось образовать анодный центр, тогда бы их шансы на победу увеличились и ее бы не изгнали. Она нарушила свою чистоту, поскольку ей понравилось то, что он сделал с ней.

Женщина хотела сообщить ему еще многое, но Д'Орманд перестал переводить сообщения. Он молчал. Только теперь он вспомнил, что ему сообщили мужчины: он виноват в том, что женщина перестала быть катодом. Он испортил ее.

Поцелуем!

Извечные отношения между мужчиной и женщиной не потеряли свою силу. Д'Орманд представил себе вдруг: он — как вор ночью — крадется по палубе темного корабля и целует всех женщин. Таким образом он нарушает всю организацию этих людей...

Он с трудом подавил в себе это представление.

«Я глупец,— ругал он себя.— Как я могу думать об этом, когда должен сосредоточиться каждой клеточкой своего тела на том, чтобы установить связь с этими существами, если хочу остаться живым. Надо наконец найти эту возможность!»

Молодая женщина толкнула его. Он сразу же вернулся к действительности. Через несколько мгновений он понял, чего она хотела: чтобы он сидел рядом со скрещенными ногами... держась за руки... не думая...

Д'Орманд подчинился ее желаниям. Он протянул ей свои руки и наблюдал, как она закрыла глаза. Казалось, что она молится.

Всюду вокруг он увидел группы людей. Мужчины сидели, как и он, со скрещенными ногами, а женщины опустились на колени. В одной из ближайших групп миры держались за руки, образуя тем самым замкнутую цепь.

Его взгляд упал на другой корабль-платформу. Там тоже мужчины и женщины сидели на палубе, взявшись за руки.

В этот час звезды наблюдали сцену, которой не должно было быть,— высшее выражение атавистического обычая, молитва перед битвой. Д'Орманд цинично ожидал того момента, когда закончится торжественная увертюра, когда из ниоткуда появятся сверкающие клинки и проснутся к жизни в кровожадных руках.

Цинично... ведь прошло три миллиона лет, а войны продолжали существовать. Другой вид войн, но это не меняло сути.

В этот мрачный миг Д'Орманд вдруг превратился в анод. Что-то зашевелилось у него внутри. Не боль, не огонь, а пульсирующий ток. Холодное пламя, которое разгоралось все сильнее и сильнее. Его захлестнуло чувство полноты, все вокруг, казалось, двигалось.

Вселенная сама начала светиться. Навстречу ему сиял Млечный Путь. Солнца, которые были крошечными светящимися точками, раздувались до чудовищной величины, как только на них падал его взгляд, и тут же уменьшались опять, когда он смотрел в другую сторону.

Расстояния потеряли свое значение. В то время как его кругозор невероятно расширялся, Вселенная уменьшалась. Миллионы галактик, миллиарды планет раскрывали свои многочисленные тайны перед его всепроникающим взглядом.

Он увидел невероятные вещи, прежде чем его колоссальный разум вернулся обратно из этого немыслимого прыжка в бесконечность. Когда же он опять очутился на корабле, то понял, что битва в полном разгаре. Это была борьба разумов, не тел. Победа доставалась той стороне, которой удавалось взять под свой контроль энергию обоих кораблей. Если это происходило, то победители могли слиться с космической энергией.

Саморастворение являлось высшей целью, к которой стремились обе стороны. Они хотели стать единым целым с первоосновой.

Их умственная энергия могла плавать вечно в постоянно возрождающейся энергии, пока...

Пока *что?*

Неожиданно Д'Орманд почувствовал глубокое отвращение. Экстаз прошел. Все произошло молниеносно. Он понял, что случится, если видение миров станет реальностью, когда они одержат победу. От ужаса он отпустил руки девушки и таким образом прервал контакт с космической энергией. Вдруг он заметил, что сидит один в темноте.

Д'Орманд закрыл глаза. Непрерывно дрожа, он боролся с приступами панического страха. Судьба сыграла с ним дьявольскую шутку. Ему удалось спастись в самый последний момент.

Поскольку миры действительно победили, они достигли своей цели — самоуничтожения... Плечи Д'Орманда судорожно вздрагивали.

«Неплохо быть анодом»,— устало думал он.

Но он не был готов уйти в мрачную бесконечность.

Тьма? Лишь теперь он смутно осознал то, что был не в состоянии понять под влиянием сильных чувств, овладевших им. Он сидел уже не на палубе корабля-платформы. Корабль исчез.

Было ужасно темно.

Боковым зрением он заметил что-то движущееся. Это был другой корабль. Он удалялся по своей орбите и спустя некоторое время скрылся в вечной темноте.

Значит, битва закончилась. Что дальше?

Вокруг — тьма. Миры одержали победу. Они превратились теперь в частицы космической энергии. Когда исчезли его создатели, корабль перешел в элементарное энергетическое состояние: он больше не существовал.

Где же был маленький корабль Д'Орманда?

В панике он пытался смотреть одновременно во все стороны, но, как ни старался, нигде не нашел следов корабля. Он понял, что произошло.

В тот момент, когда платформа растворилась в космосе, маленький корабль взлетел. Теперь он летел где-то во Вселенной со скоростью девяносто миллионов миль в секунду.

Д'Орманд был один в бесконечной ночи, песчинка во Вселенной.

Это было изгнание.

Парализующий ужас волнами захлестывал его сознание. Страшные мысли пронзали его, но спустя некоторое время Д'Орманд уже не испытывал ничего, кроме глубокого смирения.

Значит, такова его судьба. Ничего, кроме бесконечной вереницы чувств и мыслей, пока не наступит безумие. Это было изгнание, которого боялась молодая женщина.

Вдруг в нем опять проснулась жизнь. Он извивался, крутил головой в разные стороны и наконец увидел ее. Ее тело четко вырисовывалось на фоне далеких звезд Млечного Пути.

Она плыла совсем рядом, с удивлением констатировал он. Не далее чем в четырех метрах от него. Они постепенно сблизятся, двигаясь кругами.

Скоро они будут так близко, что смогут коснуться друг друга и образовать анодно-катодное соединение. Тогда у них будет достаточно силы, чтобы найти корабль и тут же оказаться около него. Тогда кончатся ночь и одиночество.

На борту корабля Д'Орманд сосредоточил все свое внимание на том, чтобы определить положение корабля. Но он ни на минуту не забывал, что рядом с ним молодая женщина, хотя задача поглощала все его внимание. Сначала при помощи трудоемкого метода проб и ошибок он должен был обнаружить небесный маяк Антареса. А потом уже было бы не так трудно найти расположение сияющей Миры в 3 000 000 году после рождества Христова.

Но Миры не было.

Д'Орманд озадаченно хрустнул пальцами, потом пожал плечами. Достаточно было бы и Бетельгейзе.

Однако не было и ее! Большая красная звезда сияла на расстоянии ста трех световых лет от того места, где должен был бы находиться супергигант. Это было просто смешно. Он не мог себе представить, что все его расчеты были неверными.

Его охватила дрожь. Трясущейся рукой Д'Орманд написал несколько цифр. У него была версия, и теперь он определял положение Солнца, каким оно должно быть, если его невероятное предположение окажется правильным.

Подозрения оправдались! Он совершил путешествие не в будущее, а в прошлое. Машина времени, видимо, сошла с ума, так как перенесла его в 37000 год до рождения Христа.

Новая мысль прервала его размышления. Люди?.. *В это время?*

Д'Орманд оторвался от своих вычислений и повернулся к молодой женщине. Он сел на пол, скрестив ноги, и показал ей, чтобы она встала на колени и взяла его за руки. Один миг анодной энергии был бы достаточен, чтобы в ту же секунду доставить корабль на Землю и внести ясность.

К своему удивлению, Д'Орманд увидел, что женщина не собирается делать то, что он предложил ей. Ее карие глаза смотрели на него холодно и отчужденно. Очевидно, она не поняла его. Поэтому он встал, взял ее за руки и заставил сесть на пол.

Она отшатнулась от него. Удивленный Д'Орманд наблюдал за ней. Когда он понял, что женщина больше никогда не подчинится ему как катод, она приблизилась, обвила своими руками его шею и поцеловала его.

Д'Орманд оттолкнул ее. Но потом, испугавшись собственной грубости, погладил ее руку.

В глубокой задумчивости вернулся он в свое кресло пилота. Он начал высчитывать орбиту, силу притяжения близлежащих звезд и запас энергии, которым располагал корабль. Полет будет длиться семь месяцев, подсчитал он. Достаточный срок, чтобы обучить женщину самым простым навыкам устной речи.

Первое понятное слово, которое она произнесла, была ее версия его имени. Она назвала его Ардом — это искажение натолкнуло его на мысль. Теперь он знал, как назвать женщину.

Когда они приземлились наконец на большой девственной, покрытой зелеными лесами планете, он давно уже привык к ее серьезной, прерывистой манере речи.

Ему легко было называть ее именем, которое он дал ей: Ева, мать всех людей.

Вечный эрзац

Грейсон снял наручники с запястий и лодыжек молодого человека.

— Харт! — позвал он хрипло.

Тот не шевельнулся. Грейсон помедлил, а потом в сердцах пнул его ногой.

— Послушай, Харт, черт бы тебя побрал! Я тебя освобождаю — на тот случай, если вдруг не вернусь.

Харт не открыл глаз, не выказал никаких признаков того, что почувствовал удар. Он лежал совершенно неподвижно, но тело было мягким, неокостеневшим — он был жив. Лицо отсвечивало мертвенной бледностью, черные волосы слиплись от испарины.

Грейсон снова заговорил:

— Харт, я пойду искать Молкинса. Он собирался вернуться через сутки, а прошло уже четверо.

Ответа не последовало, и Грейсон повернулся было, чтобы уйти, но опять помедлил и сказал:

— Харт, если я не вернусь, ты должен понять, где мы находимся. Мы на новой планете, ясно? Нам никогда не доводилось бывать здесь раньше. Наш корабль потерпел аварию, и мы трое спустились на спасательном аппарате. Нам необходимо горючее. За ним пошел Молкинс, а я теперь иду на его розыски.

Фигура, лежащая на койке, оставалась неподвижной. Грейсон медленно, будто преодолевая внутреннее сопротивление, направился к двери, вышел и двинулся к видневшимся вдали холмам. Он ни на что не надеялся. Три человека очутились на неведомой, лишь богу известной планете, и один из этих троих был тяжко болен: им овладело буйное помешательство. Грейсон шел, изредка с удивлением поглядывая

по сторонам. Пейзаж был очень похож на земной: деревья, кусты, трава, вдали — горы в голубоватой дымке. Это было тем более странно, что Грейсон отчетливо помнил: когда они сели на эту планету, ему показалось, что она безжизненна, бесплодна, безатмосферна.

А теперь легкий ветерок касался его лица. В воздухе чувствовался запах цветов. Он увидел птиц, порхающих среди деревьев, и раз даже послышались звуки, удивительно напоминавшие пение жаворонка.

Он шел весь день. Следов Молкинса нигде не было. Не попалось на пути ни одного жилища — признака цивилизованной жизни.

Начало смеркаться. Вдруг Грейсон услышал, что женский голос зовет его по имени. Вздрогнув, он обернулся. Перед ним стояла мать. Она выглядела гораздо моложе, чем он помнил ее в гробу, когда она умерла восемь лет назад. Мать подошла и строго сказала:

— Билли, обуй галоши.

Грейсон посмотрел на мать, но не выдержал, отвел глаза. Не веря в истинность происходящего, он подошел к ней и дотронулся до нее. Мать взяла его за руку — пальцы были живые, теплые.

— Поди скажи отцу, обед готов,— сказала она.

Грейсон высвободил руку, отступил и огляделся вокруг. Они с матерью стояли на пустынной, покрытой травой равнине. Вдалеке блестела серебристая полоска реки. Он повернулся к матери спиной и зашагал прочь. Сумерки сгущались. Когда он оглянулся, на том месте уже никого не было. Зато рядом с ним шагал мальчик. Сначала Грейсон как-то не заметил его, но теперь он украдкой бросил взгляд на своего спутника.

Это был он сам в возрасте пятнадцати лет.

Стало почти совсем темно, но он успел разглядеть и узнать второго спутника, появившегося рядом с первым. Это опять был мальчик. Он сам, в возрасте одиннадцати лет.

«Три Билла Грейсона»,— подумал Грейсон. Он дико захохотал, потом бросился бежать.

Когда он снова обернулся, никого сзади не было. Запыхавшийся, с прорывающимися сквозь одышку рыданиями, он перешел на шаг и почти сразу же в мягком сумраке услышал смех детей. Ничего странного в этом звуке не было — знакомый звук, но он поверг Грейсона в ужас.

— Все они — это я в разном возрасте,— пробормотал он и, обращаясь в темноту, произнес: — Эй вы, убирайтесь! Я знаю: вы лишь галлюцинации.

Силы покинули его, голос упал до хриплого шепота, и он подумал: «Галлюцинации? А уверен ли я в этом?»

Глубокая депрессия и невыразимая усталость охватили его.

«Харт и я,— проговорил он устало,— мы оба сошли с ума».

Наступил холодный рассвет.

Грейсон с надеждой ждал восхода солнца: быть может, тогда наступит конец безумию этой ночи. Свет постепенно ширился, и перед Грейсоном стал вырисовываться какой-то пейзаж. Он в замешательстве огляделся вокруг: он стоял на холме, а под ним простирался его родной город Калипсо в штате Огайо.

Не веря своим глазам, он смотрел вниз, и это было так похоже на реальность, что он не выдержал — побежал туда, к городу.

Да, это был город Калипсо — такой, каким он был в детстве Грейсона. Он пошел туда, где должен был находиться его дом. Да вот и он сам: этого десятилетнего мальчишку он узнал бы везде. Он позвал мальчика; тот взглянул на него, повернулся, побежал и исчез в доме.

Грейсон лег на траву и закрыл глаза.

— Кто-то,— сказал он себе,— кто-то прокручивает картины моего мозга и заставляет меня смотреть их.

Ему показалось — если, конечно, он останется жив и в здравом рассудке,— что эта мысль заслуживает того, чтобы ее запомнить.

Прошло шесть дней после ухода Грейсона. В спасательном аппарате оставался один Джон Харт. Он шевельнулся и открыл глаза.

— Есть хочу,— сказал он вслух, ни к кому не обращаясь.

Подождал, сам не зная чего, потом сел, тяжело поднялся с койки и направился в камбуз.

Поев, он подошел к двери и долго стоял, глядя перед собой. Открывающийся вид напоминал Землю, и от этого Харт почему-то почувствовал себя лучше. Он решительно спрыгнул вниз и направился к ближайшему холму. Быстро темнело, но он и не подумал возвращаться. Вскоре покинутый им корабль растворился в ночи.

Девушка, с которой он встречался в молодости, заговорила с ним первой — она вышла из темноты, и они долго-долго беседовали, а потом решили пожениться. Их тут же обвенчал священник, приехавший на машине. Обе семьи были уже в сборе, и бракосочетание закончилось пиром в прекрасном доме в окрестностях Питтсбурга. Старика священника Харт знал с детства.

Молодая чета отправилась в свадебное путешествие, и свой медовый месяц супруги провели сначала в Нью-Йорке, потом у Ниагарского водопада, а затем на аэротакси добрались до Калифорнии, где и решили обосноваться. Откуда ни возьмись появилось трое детей, и вот они уже владельцы огромного ранчо, на нем пасется миллион голов рогатого скота, и кругом ковбои, одетые как кинозвезды.

Цивилизация, возникшая и расцветшая вокруг Грейсона на планете, которая прежде была бесплодной, безвоздушной пустыней, для Грейсона казалась кошмаром. Продолжительность жизни окружавших его людей равнялась семидесяти годам. Дети рождались через девять месяцев и десять дней после зачатия. Он похоронил шесть поколений основанной им семьи. И вот однажды, переходя Бродвей (это улица в Нью-Йорке), он вдруг увидел: с противоположной стороны навстречу ему двигался человек; его невысокая крепкая фигура, походка и манеры заставили Грейсона застыть на месте.

— Генри! Генри Молкинс! — крикнул он.

— Да, я... Билл Грейсон!

Обменявшись рукопожатием после первого взволнованного приветствия, они безмолвно смотрели друг на друга. Молкинс заговорил первым:

— Там, за углом, бар.

После второй рюмки вспомнили о Джоне Харте.

— Ищущая форму жизненная сила использовала его мозг,— индифферентно заметил Грейсон.— По-видимому, она не смогла найти собственного воплощения. Она попыталась использовать меня...

Тут он вопросительно взглянул на Молкинса. Тот утвердительно кивнул:

— И меня.

— Думаю, мы слишком сопротивлялись.

Молкинс вытер со лба испарину.

— Билл,— сказал он,— все это похоже на сон. Я женюсь и развожусь каждые сорок лет. Я беру в жены двадцатилетнюю девушку. Через несколько десятков лет она выглядит на все пятьсот.

— Как ты думаешь, все это происходит лишь в нашем мозгу?

— Да нет, не думаю. По-моему, вся эта цивилизация существует в действительности — что бы мы ни подразумевали под существованием.

Молкинс застонал.

— Давай не будем вдаваться в эти дебри. Когда я читаю философские сочинения, объясняющие жизнь, я чувствую себя на краю бездны. Если бы только нам удалось как-нибудь освободиться от Харта!

Грейсон мрачно улыбался.

— Ты что, еще не знаешь?

— Чего не знаю?

— У тебя есть при себе оружие?

Молкинс молча протянул ему игольно-лучевой пистолет. Грейсон взял его, приставил к своему правому виску и нажал на изогнутый спуск. Молкинс рванулся к нему, но было уже поздно.

Показалось, будто тонкий белый луч прошел сквозь голову Грейсона. Сзади в деревянной стене образовалась круглая, черная, дымящаяся дыра. Целый и невредимый, Грейсон стоял как ни в чем не бывало.

— Что нам делать, Билл? — спросил он с тоской.

— Мне кажется, нас держат про запас, так сказать, в резерве,— сказал Грейсон.

Он поднялся и протянул руку.

— Ну что ж, Генри, рад был повидать тебя. Давай будем встречаться здесь раз в год и сравнивать свои наблюдения.

— Но...

Грейсон улыбнулся. Улыбка вышла чуть принужденной.

— Крепись, друг. Разве ты не понимаешь? Ведь это самое удивительное явление во Вселенной. Мы будем жить вечно. Как видно, мы являемся вероятными заменителями на случай, если что-то пойдет не так, как надо.

— Но что же ЭТО такое? Что совершает ЭТО?

— Задай-ка мне этот вопрос через миллион лет. Может быть, тогда я смогу тебе ответить.

Он повернулся и, не оглядываясь, вышел из бара.

Рулл

Внезапно профессор Джеймисон краешком глаза заметил чужой космический корабль. Профессор сидел в ложбине в дюжине ярдов от края обрыва, довольно далеко от люка спасательной шлюпки, и работал с дневником наблюдений, комментируя вслух представленные там данные. Из них следовало, что Лаэрт III находится так близко к невидимой границе между контролируемыми Землей и Руллом зонами космического пространства, что факт его опережающего обнаружения людьми сам по себе мог рассматриваться как большая победа в войне Земли и Рулла.

Он как раз подводил этот итог, когда заметил над головой и чуть-чуть слева опускающийся на плато корабль. Профессор поднял на него взгляд — и замер, раздираемый противоположными побуждениями.

Первый импульс — вскочить и броситься к спасательной шлюпке — был подавлен пониманием того, что электронные средства слежения чужого корабля мгновенно засекут его перемещение. Потом замаячила смутная надежда, что, если не двигаться, и он сам, и его корабль останутся незамеченными.

Профессор сидел в нерешительности, а его напряженный взгляд уже разглядел знакомый силуэт быстроходного корабля и опознавательные знаки Рулла на нем. Обширные знания во всем, что касалось Рулла, позволили ему мгновенно определить, что это исследовательское судно.

Исследовательское судно! Значит, Рулл тоже обнаружил Лаэрт.

И кто знает, может, за этим маленьким судном следует целый флот боевых кораблей, в то время как профессор был тут совершенно один. Его спасательная шлюпка покинула

«Орион», в данный момент продолжающий двигаться в прежнем направлении в парсеке отсюда. Это было сделано с целью исключить возможность того, что автоматические зонды руллов зафиксируют след шлюпки в пространстве.

«Орион» направляется к ближайшей базе, где должен подобрать живую силу и технику и только потом вернуться. Это произойдет через десять дней.

Десять дней. Джеймисон внутренне застонал, пригнувшись и стискивая в руке дневник наблюдений. Все-таки не исключено, что его корабль, отчасти прикрытый кроной дерева, останется незамеченным, если сам он будет недвижим. Склонив голову набок, он сверлил чужака взглядом, мысленно побуждая его свернуть в сторону.

И пока он так сидел, перед его мысленным взором проходили картины различных вариантов того, чем все это может обернуться, один ужаснее другого. Во Вселенной никогда не было такого воинственного разума, как у руллов. Безжалостные, не поддающиеся ни на какие попытки вступить в контакт, руллы убивали любого человека, оказавшегося в поле их зрения. Земные корабли, рискнувшие проникнуть в космическое пространство Рулла и подвергшиеся нападению, либо немедленно спасались бегством, либо уничтожались. В отличие от них, руллские корабли, залетевшие в космическое пространство Земли, никогда не спасались бегством. Вначале люди всячески сопротивлялись попыткам втянуть их в галактическую войну, однако упорная убийственная политика неумолимого врага в конце концов вынудила их отвечать адекватно.

Хватит раздумий. Руллский корабль был всего в сотне ярдов и продолжал лететь прежним курсом. Еще несколько мгновений, и он окажется над деревьями, наполовину прикрывающими спасательную шлюпку.

Судорожным рывком Джеймисон вырвал себя из кресла и со скоростью пули влетел в распахнутый люк шлюпки. Едва люк с лязгом захлопнулся за ним, корабль содрогнулся, словно от удара великана. Потолок отчасти вдавило внутрь, пол зашатался под ногами, воздух с каждым мгновением становился все жарче и удушливей.

Тяжело дыша, Джеймисон рухнул в кресло и нажал аварийную кнопку. Скорострельные бластеры молниеносно развернулись в позицию стрельбы и заработали с низким гудением и громким тра-та-та-та-та. Взвыли рефрижераторы, поток холодного воздуха хлынул на Джеймисона. Испытывая острое чувство облегчения, он не сразу осознал, что атомные двигатели не включились и шлюпка, которая уже должна была находиться в воздухе, все еще неподвижна.

Напряженно шаря взглядом по экрану, он нашел руллский корабль. Тот медленно падал на дальнем конце плато и вскоре исчез за группой деревьев на расстоянии примерно четверти мили. А потом, судя по грохоту, рухнул на скалы.

Чувство огромного облегчения почти лишило его сил. Джеймисон обмяк в кресле, думая о том, как близок был к гибели. Слабость, однако, мгновенно покинула его, лишь только в голове мелькнула одна ужасная мысль. Вражеский корабль падал как-то уж очень... неторопливо. Руллы на его борту не погибли.

Он находился в поврежденной спасательной шлюпке, в непроходимой горной местности, рядом с одним или даже несколькими самыми безжалостными из всех когда-либо существовавших созданий. На протяжении десяти дней ему предстояло сражаться в надежде, что человечеству все же удастся завладеть самой стоящей планетой, открытой за последнее столетие.

За бортом быстро темнело.

Джеймисон принял еще одну поддерживающую силы таблетку и занялся тщательной проверкой атомных двигателей. Первоначальный диагноз быстро подтвердился. Главный гравитационный реактор полностью вышел из строя. До тех пор, пока его не отремонтируют на «Орионе», двигатели бесполезны.

К тому времени, когда проверка закончилась, Джеймисон сумел взять себя в руки. У него нет другого выхода, как только сражаться на этом плато, используя все особенности местности. Эта идея снова и снова прокручивалась у него в голове на протяжении долгой ночи и в результате обрела новый смысл. На его памяти это был первый случай, когда человек и рулл должны были встретиться лицом к лицу на ограниченном пространстве, пленником которого оказались они оба. До сих пор сражения происходили в космосе — корабль против корабля, флот против флота. Уцелевшие либо спасались бегством, либо оказывались в плену. Обычно люди и руллы, попавшие в плен или столкнувшиеся с угрозой пленения, предпочитали самостоятельно сводить счеты с жизнью. Руллы делали это *волевым* усилием, и помешать никому из них еще ни разу не удавалось. Люди вынуждены были использовать механические методы, которые в некоторых

случаях оказывались недоступны. В результате руллы изредка получали возможность проводить эксперименты на живых, находящихся в полном сознании людях.

Если только он выстоит до того, как сможет все организовать, перед ним открывается бесценная возможность попытаться узнать хоть что-нибудь о руллах. И действовать нужно быстро, используя каждое мгновение дневного света.

К тому времени, когда бледное солнце Лаэрта поднялось над северо-восточным краем плато, все было готово к штурму. Автоматические «защитники», которые он наладил за ночь, медленно двигались от точки к точке перед мобильным бластером.

Из осторожности еще один «защитник» Джеймисон разместил сзади. Опять-таки в целях безопасности сам он ползком добирался от одной скалы до другой. Он манипулировал механизмами с помощью крошечного ручного пульта, и через него же данные от них поступали на экран, торчащий из наушников на уровне глаз. Напряженно вглядываясь, профессор следил за колеблющимися стрелками, которые должны были регистрировать любое движение или энергетическое противодействие.

Ничего не происходило.

Когда корабль руллов оказался в поле зрения Джеймисона, он остановился, обдумывая, почему не встречает никакого сопротивления. Ему это не нравилось. Может, руллы на борту корабля и впрямь погибли, но в это мало верилось. Руллы были почти лишены костей. Не считая полудюжины расположенных в стратегически важных точках хрящей, их тела представляли собой сплошные мышцы.

С мрачным видом Джеймисон сквозь телескопические «глаза» одного из «защитников» разглядывал разрушенный корабль. Тот лежал в яме, зарывшись носом в гравий. Нижние пластины были сплющены. Похоже, единственный залп, который Джеймисон обрушил вчера на руллский корабль, оказался гибельным для него.

Судя по общему впечатлению — никаких признаков жизни. Если это трюк, то чрезвычайно умелый. По счастью, существовали методы проверки, дающие возможность прояснить этот вопрос хотя и не окончательно, но в достаточной мере убедительно.

Он провел испытания.

Монолитное каменное плато гудело, вторя звуку стрельбы мобильного бластера. Шум возрос до рева, когда ядерный

реактор бластера нагрелся, развив максимум своей активности.

Под воздействием огневого вала корпус вражеского корабля задрожал и слегка изменил свой цвет, но это было все. Спустя десять минут Джеймисон выключил бластер и уселся, не зная, что и думать.

Защитные экраны руллского корабля были полностью развернуты. Может, они автоматически открылись, когда вчера вечером он дал залп по кораблю? Или это было сделано уже после нападения, на случай новой атаки вроде сегодняшней?

Уверенности не было. Это тревожило, как всегда, когда что-то остается неясным. Может, руллы лежат внутри мертвые. Или раненые, неспособные причинить Джеймисону никакого вреда. А может, они потратили ночь, нанося по всему плато эллевые линии, регистрирующие наличие нервной системы,— ему приходилось все время следить за тем, чтобы ни в коем случае не смотреть прямо на землю. Или, может, они просто ожидают прибытия своего более крупного корабля.

Последнюю возможность не имело смысла даже обдумывать; она означала безоговорочную смерть, не оставляя ни малейшей надежды.

С хмурым видом Джеймисон разглядывал внешние повреждения вражеского корабля. Насколько он мог видеть, пока все металлические детали сохраняли целостность, однако днище корабля вдавилось внутрь на глубину от одного до четырех футов. Какая-то радиация определенно проникла в корабль, и вопрос был в том, что именно подверглось ее воздействию.

В свое время ему пришлось тщательно изучить не меньше дюжины захваченных кораблей руллов, и если этот соответствовал обычным стандартам, то центр управления должен находиться впереди, вместе с наглухо закрытым бластерным отсеком. В задней части двигательный отсек, два склада: один с топливом и оборудованием, другой с продовольствием — и...

С продовольствием. Джеймисон аж подпрыгнул, устремив взгляд широко раскрытых глаз на продовольственный отсек, явно пострадавший больше, чем любая другая часть корабля.

Ну конечно! Какая-то радиация просочилась туда, отравляя продовольствие, а у руллов пищеварительная система работает очень быстро, и, значит, все они погибли.

Джеймисоном овладела безумная надежда. Он вздохнул от полноты души и решил, что можно двигаться обратно. Поворачиваясь, он совершенно случайно бросил взгляд на скалу, за которой укрывался от возможного прямого огня.

И увидел на ней эллевые линии. Сложный узор, основанный на глубоком, хотя и нечеловеческом изучении человеческой нервной системы. Джеймисон узнал его, остолбенел от ужаса и с болью подумал: «Где, где я должен упасть? У какой скалы?»

С решимостью отчаяния, собрав все силы, он боролся, чтобы еще хоть какое-то время не потерять сознания, чтобы увидеть эти линии снова. И он увидел, коротко, как при вспышке, пять вертикальных линий и над ними еще три, своими колеблющимися концами указывающие на восток.

Давление внутри него все возрастало, а он продолжал бороться за то, чтобы сохранить способность рассуждать. Сражался за то, чтобы вспомнить, есть ли широкие выступы ниже края обрыва в восточном направлении.

Есть. С последним мучительным всплеском надежды он вспомнил их.

«Есть,— подумал он.— Вон там. И там. Надо упасть на вон тот».

Изо всех сил удерживая в сознании образ нужного выступа, Джеймисон повторял и повторял команду, которая могла спасти ему жизнь. Последней мрачной мыслью было, что теперь все сомнения развеялись. Руллы выжили.

А потом нахлынула темнота, словно внезапно опустилась завеса ночи.

С суровым видом рулл плавно заскользил к спасательной шлюпке человека и с безопасного расстояния осмотрел ее. Защитные экраны были установлены, но он не знал точно, когда это произошло, перед утренним нападением или после него. А может, они автоматически включились при его, рулла, приближении.

Уверенности не было. Это тревожило. Повсюду на плато была бесплодная земля, такая пустошь, какой ему нигде видеть не доводилось. Может, человек мертв и его безжизненное тело лежит далеко у подножия горы. Может, он внутри корабля и сильно ранен; к несчастью, ему хватило времени вернуться в безопасное укрытие своего корабля. А может, он поджидает внутри, настороженный, агрессивный, сознающий неуверенность своего врага и полный решимости использовать все преимущества этой неуверенности.

Рулл установил наблюдательное устройство, которое сообщит ему, если люк откроется. Потом он вернулся в туннель, осторожно прополз по нему к своему кораблю и замер в ожидании, готовый ко всяким неожиданностям.

Чувство голода усиливалось, с каждым часом становясь все настоятельнее. Нужно как можно меньше двигаться. В критический момент ему понадобится вся энергия.

Джеймисон зашевелился, чувствуя, как тело сотрясают спазмы боли. Сначала казалось, что она везде, что его окутывает облако боли, от которой пот выступил по всему телу. Постепенно, однако, она сконцентрировалась в нижней части левой ноги.

Боль ритмично пульсировала по нервам. Медленно текли минуты, и в конце концов мелькнула мысль: «Похоже, у меня растянута лодыжка». На самом деле, конечно, пострадала не только нога. Давление, сбросившее его сюда, все еще прижимало тело к земле, словно тяжелая плита. Было неясно, как давно он лежит здесь, какое-то время без сознания, но, когда ему в итоге удалось открыть глаза, солнце все еще сияло в небе, хотя теперь почти прямо над головой.

Оно медленно перемещалось над краем нависающего сверху обрыва, и Джеймисон провожал его рассеянным, бессмысленным взглядом. И только когда тень обрыва внезапно упала на лицо, он окончательно пришел в себя и вспомнил об угрожающей ему смертельной опасности.

Понадобилось время, чтобы сознание освободилось от остатков эллевого «захвата». И пока тот ослабевал, Джеймисон пытался и до некоторой степени сумел оценить всю трудность своего положения. Он упал с обрыва на крутой склон, угол подъема которого был не меньше пятидесяти пяти градусов; ему спасло жизнь то, что тело застряло в зарослях чуть пониже края обрыва.

А нога, скорее всего, зацепилась за корни; так он ее и потянул.

Осознав природу своей боли, Джеймисон воспрянул духом. Он спасен. Несмотря на довольно значительные, хотя и не смертельные повреждения, концентрация воли и отчаянное желание добраться до этого края обрыва, прежде чем упасть, в конечном счете позволили ему сделать это.

Он начал карабкаться по склону. Это оказалось не слишком трудно; почва была каменистая, шершавая, поросшая кустарником. Хуже стало, когда он попытался забраться на

выступ, нависающий над головой на высоте десяти футов; тут поврежденная лодыжка стала серьезной помехой.

Четырежды Джеймисон соскальзывал обратно, хотя изо всех сил пытался удержаться; на пятой попытке пальцы, отчаянно скребущие по краю утеса, зацепились за достаточно прочный корень. Он подтянул себя на плато и испытал острое чувство победы.

Сейчас, когда смолкли шорох и царапанье, сопровождающие титанические усилия профессора, тишину нарушало лишь его тяжелое дыхание. Взгляд с беспокойством обшаривал расстилающееся перед ним плато, но нигде не было никаких признаков движения.

Он пополз в сторону своей шлюпки, стараясь все время прижиматься к скале. Что случилось с руллом, выяснить так и не удалось. А теперь из-за поврежденной лодыжки придется несколько дней торчать внутри корабля и лишь гадать, что произошло с врагом.

Профессор Джеймисон лежал на койке и размышлял. Он слышал стук своего сердца и редкие случайные звуки. И все. Он попытался включить радио, но оно молчало. Никаких статических разрядов, никакого хотя бы слабого сигнала. На таком колоссальном расстоянии даже самое современное радио не работало.

Джеймисон поискал и на волнах наибольшей активности руллов, но там тоже царила тишина. По-видимому, поблизости их не было.

Он оказался заперт на необитаемой планете, в маленьком корабле с неработающими двигателями.

Лучше не думать об этом.

— Здесь,— уговаривал он себя,— мне предоставляется возможность осуществить эксперимент века.

Эта идея притягивала его, как огонь ночную бабочку. До сих пор никого из руллов не удавалось сохранить живым. Один из них около года находился в плену в бессознательном состоянии, но и его рассматривали как бесценное сокровище. А здесь ситуация просто идеальная.

«Мы оба с ним пленники». Пленники обстоятельств, окружающей среды и, следовательно, некоторым странным образом пленники друг друга. Только здесь нет необходимости убивать себя.

Можно выяснить массу интереснейших вещей. Величайшая тайна, непосредственным образом касающаяся человечества,— это мотивы действий руллов. Почему они так жаждут полного уничтожения людей? Почему без всякой необходимости идут на потерю дорогостоящих кораблей, нападая на земные, рискнувшие вторгнуться в их пространство, хотя знают, что через несколько недель те и сами улетят? И почему пленники, обладающие способностью убивать себя усилием воли, идут на это, даже не попытавшись выяснить, какая им уготована судьба? Земляне не раз хотели использовать их просто как посланцев.

Может, руллы таким образом пытаются скрыть какой-то ужасный недостаток своего строения, о котором люди даже не подозревают?

Джеймисон лежал на койке, обдумывая, рассматривая проблему то так, то этак, и потенциальные возможности сражения человека с руллом один на один вселяли в него бодрость.

На протяжении этих жарких дней он время от времени подтаскивал себя к креслу пилота и около часа вглядывался в экраны. Видел плато и даль, открывающуюся за ним. Видел небо Лаэрта III, голубовато-розовое небо, молчаливое и безжизненное.

Его тюрьма, вот что это такое, думал он. Профессор Джеймисон, чье появление на любой обитаемой планете всегда вызывало ажиотаж, чей спокойный голос в Совете галактической империи Земли зачастую имел решающее значение,— этот самый Джеймисон торчит здесь в одиночестве, лежит на койке и ждет, когда заживет нога и можно будет начать экспериментировать с руллом.

Это казалось невероятным. Однако по мере того, как проходил день за днем, его уверенность возрастала.

На третьи сутки он уже смог потихоньку ходить и занялся самыми неотложными проблемами. Прежде всего, начал создавать мнемонический экран. И на пятый день закончил его. Потом нужно было сделать запись. Это оказалось нетрудно; лежа на койке, он снова и снова вспоминал детали, и все пошло как по маслу.

Профессор спрятал записывающее устройство примерно в двухстах ярдах от шлюпки, под деревьями, а жестяную коробку с едой зашвырнул на дюжину футов по ту сторону экрана.

Остаток дня тянулся медленно. Это были шестые сутки со времени появления руллского корабля и пятые с тех пор, как Джеймисон растянул лодыжку.

Наступила ночь.

Волнообразно скользя как тень под светом звезд Лаэрта III, рулл приблизился к установленному человеком экрану. Тот ярко сиял во мраке плато — капля света в темной бесконечности неровной каменистой почвы и карликового кустарника.

В сотне футов от светового пятна он почувствовал еду — и понял, что это ловушка.

Для рулла шесть дней без еды означали огромную потерю энергии, блокировку восприятия цвета на множестве уровней и ослабление жизненной силы до такой степени, что он скорее напоминал бесплотную тень, чем живое существо. Внутренний мир расчлененной нервной системы стал похож на разрядившуюся батарею с множеством органических элементов, утрачивающих связь друг с другом по мере того, как таяла энергия. Йели смутно, но с ужасной тревогой осознавал, что лишь часть его нервной системы может быть со временем восстановлена до обычного уровня. И то лишь при условии, что этот процесс начнется в самое ближайшее время. Еще несколько шагов вниз, и единственно возможным выходом даже для Аэйша, верховного йели, станет древняя-древняя мера принудительного самоустранения.

Ползущее тело остановилось. Визуальный центр позади каждого глаза воспринимал изображение на экране в узком цветовом диапазоне. Рулл просмотрел запись с начала до конца и потом просмотрел ее снова, страстно желая повторения со всем пылом примитивного существа, в которое медленно превращался.

Разворачивающаяся на экране история начиналась в глубоком космосе. Человеческая спасательная шлюпка отделилась от боевого корабля. Было показано, что боевой корабль следует к военной базе, берет там припасы, большой отряд пополнения и отправляется в обратный путь. Затем запись снова переключилась на спасательную шлюпку, опускающуюся на Лаэрт III, показала все, что произошло потом, дала понять, что ситуация опасна для них обоих,— и указала единственно безопасное решение.

В финальных эпизодах демонстрировалось, как рулл подходит к жестянке неподалеку от экрана и открывает ее. Давалось детальное объяснение того, как это сделать, и в конце было показано, как рулл энергично поглощает еду.

Каждый раз при приближении этих заключительных кадров рулла охватывало горячее желание, чтобы все оказалось правдой. Однако только после седьмого прогона он решился преодолеть расстояние, отделяющее его от жестянки. Он знал —

это ловушка, возможно, даже смерть... Неважно. Чтобы выжить, он должен использовать любой шанс, в том числе и этот. Только рискнув съесть то, что находится в жестянке, он мог надеяться остаться в живых.

Сколько времени пройдет, прежде чем командиры кораблей, летящих во мраке космоса, решатся нарушить его строгий приказ? Он не знал. Но это непременно произойдет. Даже если они будут колебаться так долго, что вражеские корабли прибудут сюда раньше, в конце концов это непременно произойдет.

Они прилетят, когда решат, что могут приземлиться тут, не опасаясь навлечь на себя его гнев.

А до тех пор сойдет любая еда, какую удастся получить.

Он осторожно протянул присосок и активизировал автоматический консервный нож.

Шел пятый час утра, когда профессора Джеймисона разбудил негромкий сигнал тревоги. Снаружи было еще черным-черно. Сутки на Лаэрте продолжаются двадцать шесть звездных часов, в первый же день профессор перестроил свой хронометр, и в это время года до рассвета оставалось еще три часа.

Джеймисон не торопился вставать. Сигнал тревоги должен был звучать, пока жестянка открыта и в ней остается еда. Звон продолжался еще пятнадцать минут, что было просто замечательно. Этот промежуток времени полностью соответствовал способности рулла абсорбировать три фунта свинины.

Именно из-за этого на протяжении пятнадцати минут представитель расы руллов, смертельного врага людей, находился во власти своих собственных ментальных вибраций. Точно так нервная система других руллов реагировала на еду в лабораторных экспериментах. К несчастью, очнувшись, эти другие руллы тут же убивали себя, и сколько-нибудь точных результатов получить не удалось. Однако экфория — наука, позволяющая извлекать прошлый опыт из долговременной памяти и переводить его в оперативную,— утверждает, что подсознание и разум, поглощенный чем-то настолько, что не отдает себе отчета во всем остальном, подобны друг другу.

Джеймисон лежал в постели, улыбаясь в темноту. В конце концов он решил снова заснуть и только тут понял, насколько возбужден.

Это величайший момент в истории войны между руллами и людьми; конечно, нельзя позволить ему остаться незамеченным. Джеймисон выбрался из постели и налил себе вина.

Попытка ментальной атаки рулла позволила Джеймисону обратить внимание на его собственные возможности в этом направлении. Обе расы нащупали некоторые слабые стороны друг друга.

Да, они действовали из разных побуждений. Руллы стремились лишь к одному — истреблять. Люди пытались вступить в контакт, рассчитывали заключить союз. Однако что касается методов... В этом отношении и те и другие проявляли безжалостность, кровожадность, жестокость. Внешнему наблюдателю временами было бы трудно отличить одних от других.

И все же разница в цели была очень велика — как между белым и черным, светом и тьмой.

Данная ситуация была чревата сложностями лишь в одном случае: сейчас, когда рулл наелся, у него могло проснуться желание начать разрабатывать планы в своем духе.

Джеймисон вернулся в постель и лежал, глядя во мрак. Он трезво оценивал возможности рулла, но, раз уж было решено провести эксперимент, никакой риск не должен рассматриваться как чрезмерный.

Поворочавшись, он наконец заснул сном человека, уверенного, что ситуация складывается в его пользу.

Утром Джеймисон оделся потеплее и вышел в холодный рассвет. И снова, уже в который раз, до глубины души прочувствовал атмосферу полной изоляции. С востока дул сильный ветер, лицо покалывало. Снег, удивился Джеймисон?

И тут же забыл об этом. Сегодня — особенное утро, и у него есть дела поважнее. Однако, напомнил он себе, нужно действовать с обычной осторожностью.

В сопровождении «защитников» и мобильного бластера он зашагал к мнемоническому экрану. Тот был установлен на открытом возвышенном месте, откуда хорошо просматривался с множества точек, обеспечивающих надежное укрытие. И на первый взгляд был не поврежден. Джеймисон проверил систему и на всякий случай еще раз прокрутил запись.

Уже забросив вторую жестянку с едой в траву около экрана и собираясь уходить, он подумал: «Странно. Металлическая рама экрана будто отполирована».

Внимательное обследование показало, что металл покрыт какой-то прозрачной субстанцией. Джеймисон почувствовал слабость, когда понял это.

Эмоции захлестнули его: «Что он хочет мне показать? Чтобы я не стрелял? Если это так, я не буду стрелять, даже увидев нацеленный в меня бластер».

Он соскреб немного субстанции и пошел к шлюпке, напряженно размышляя: «Где он взял это вещество? Обычно такие материалы не являются частью снаряжения исследовательского судна».

Ужасное подозрение, что происшедшее не было случайностью, все крепло. Прищурив глаза, Джеймисон размышлял о возможных последствиях этого события, когда немного в стороне увидел рулла. Впервые за все эти дни на плато он увидел рулла.

«Как это понимать?»

Воспоминание о том, что нужно делать, пришло к руллу вскоре после того, как он поел. Сначала оно было туманным, но с каждым мгновением становилось все яснее.

Ощущение, что возвращается энергия, было не единственным.

Визуальные центры различали больше света. Залитое светом звезд плато сверкало ярче — хотя и не настолько, как это вообще было для него возможно, но поток определенно был направлен вверх, а не вниз. Никогда больше зрение не станет нормальным. Зрением управляет мозг, а эта часть его разума утратила возможность интерпретации.

Рулл испытывал невыразимое счастье уже оттого, что не стало еще хуже.

Он заскользил вдоль края обрыва, остановился и посмотрел вниз. Даже с частично восстановившимся ночным зрением зрелище было захватывающее. Даль внизу и бесконечное пространство до горизонта. Когда летишь на космическом корабле, высота почти не ощущается. Но смотреть вниз с каменной стены в эти бездонные глубины — совсем, совсем другое впечатление. И то, что это зрелище так его захватило, лишний раз подчеркивало, в каком плачевном состоянии он находится. И напоминало, чем он занимался до того, как начал испытывать муки голода.

Рулл отвернулся от обрыва и заторопился туда, где на обломках его корабля все эти дни оседала пыль. На изломанных, искореженных обломках, наполовину увязнувших

в твердом грунте Лаэрта III. Он проскользнул между вдавленными пластинами внутрь, разыскивая ту, в которой день назад почувствовал дрожь антигравитационной вибрации. Кратковременную, но яростную искорку вибрации, которую можно попытаться раздуть.

Рулл работал упорно и целеустремленно. Пластина была все еще жестко скреплена с каркасом корабля. И первым делом, душераздирающе трудным делом, было оторвать ее. На это ушли часы.

Р-р-и-и-и-п! Наконец пластина уступила, совсем чуть-чуть перегруппировав свою нуклеиновую структуру. Смещение оказалось бесконечно малым, отчасти потому, что направляющая энергия тела рулла была не в норме, а отчасти потому, что смещению лучше таким и быть — небольшим. Существовала такая вещь, как высвобождающаяся энергия, которой при большем объеме перегруппировки хватило бы, чтобы взорвать гору.

Нет, понял рулл в конце концов, эта пластина не несла в себе подобной угрозы. Это стало ясно, как только спустя некоторое время он заполз на нее. От нее исходило такое слабое ощущение энергии аура-ед, что он вообще засомневался, сумеет ли она оторваться от земли.

Однако она сумела. Тест показал, что пластина способна подняться на семь футов; вот и все возможности, которыми рулл располагает. Этого хватит только для атаки.

Его не одолевали никакие сомнения. Эксперимент закончен. Его единственная цель — убить человека, и единственный вопрос был: как сделать так, чтобы в процессе этого человек не убил его? Ах да, лак!

Рулл старательно покрыл пластину лаком, высушил сушильным аппаратом, поднял ее и потащил на спине в заранее намеченное укромное место.

Зарывшись вместе с пластиной в палую листву, рулл почувствовал себя спокойнее. Он осознавал, что налет цивилизованности слетел с него. Это поражало, но не вызывало сожалений.

Предлагая ему еду, двуногое существо, совершенно очевидно, преследовало какие-то свои цели. Опасные цели. И единственной достойной реакцией на всю эту затею с экспериментом на плато была немедленная смерть. Без каких-либо проволочек.

Рулл лежал, напряженный, свирепый, без единой отвлекающей мысли, ожидая, когда появится человек.

Это выглядело как едва ли не самое отчаянное предприятие, которое Джеймисону приходилось видеть за все годы своего служения. В обычных обстоятельствах он справился бы с проблемой без труда, но сейчас сознательно — сознательно — оттягивал момент начала действий, наблюдая за неспособностью врага нанести ему удар, за красиво отлакированной пустотой.

В результате столь неожиданно проявленное естественное качество едва не погубило его. Рулл вылетел из-под группы деревьев, взгромоздившись на антигравитационную пластину. Удивляло то, что такая большая пластина смогла подняться в воздух. Согласно тестам, проведенным Джеймисоном в первое же утро, пластины были лишены всей своей энергии. И тем не менее одна уцелела и сейчас летела с той характерной антигравитационной легкостью, которую руллские ученые сумели довести до совершенства.

Принцип их движения базировался на вращении планеты вокруг своей оси. Скорость полета пластины, конечно, далеко не достигала восьмисот миль в час — такова скорость вращения планеты,— но была достаточно велика.

Призрачный кусок металла и распластавшийся на нем шестиногий червяк обрушились на Джеймисона с воздуха, но, даже когда он выхватывал оружие и делал выстрел, у него хватило самообладания напомнить себе: «Не убивай!»

Это было трудно, ох как трудно. Потребовалось максимально сосредоточиться, чтобы создать правдоподобную имитацию, а ведь на все про все у него имелось не больше секунды, и пришлось позволить руллу приблизиться на расстояние меньше десяти футов.

Помогло давление воздуха на металлическую пластину, которое наклонило ее, как крыло самолета, отрывающегося от земли. Джеймисон выстрелил в открывшуюся взору нижнюю часть, опалил пластину, прожег ее и заставил рухнуть в кустарник справа от себя.

И дальше он, тоже сознательно, не торопился развивать свой успех. Когда он наконец добрался до кустарника, рулл был уже в пятидесяти футах от него, скользил на своих составных присосках на вершину холма. И вскоре исчез среди деревьев.

Джеймисон не стал преследовать его, не стал стрелять второй раз. Вместо этого он тщательно изучил пластину рулла. Вопрос был в том, как рулл сумел оживить в ней гравитацию без необходимых для этого сложных механизмов? И ес-

ли он оказался способен создать для себя такой «парашют», почему не полетел вниз, к лесу, где мог найти пищу и спрятаться от врага-человека?

На второй вопрос ответ нашелся сразу же, как только профессор поднял пластину. Она имела «нормальный» вес; по-видимому, ее энергии хватило только-только на то, чтобы пролететь меньше ста футов. То есть она ни за что не дотянула бы полторы мили до леса внизу.

Джеймисон решил не рисковать. Сбросил пластину с обрыва и провожал ее взглядом, пока она падала. Возвращаясь к шлюпке, он вспомнил про лак.

Ну, это оказался не сигнал, пока нет.

Джеймисон проверил принесенный с собой соскреб. Химически это была просто смола, которую используют для изготовления лаков. Стабильная с точки зрения атомного строения. С позиций электроники, она преобразовывала свет в энергию на вибрационном уровне человеческой мысли.

Так вот в чем дело! И что же там записано?

Джеймисон исследовал лак на всех материальных и энергетических уровнях, для сравнительного анализа. Как только подтвердилось, что лак изменен на электронном уровне — это было очевидно, но тем не менее это следовало доказать,— он преобразовал запись в изображения. Результат представлял собой причудливое переплетение фантазий.

Символы. Профессор достал книгу «Интерпретация символов подсознания» и нашел перекрестную ссылку: «Запреты, психические».

Найдя нужную страницу и строку, он прочел: «Не убивай!»

— Ну, я и...— вслух произнес Джеймисон в тишине шлюпки.— Именно это и произошло.

Он испытал чувство облегчения, которое, однако, быстро испарилось. На данной стадии лично он не намерен убивать, но рулл-то не знал этого. Его подсознание накладывало запрет на убийство, но этот запрет был слишком слаб, и даже сейчас, потерпев поражение, рулл находился под преобладающим воздействием потребности нападать.

Это тревожило. Пока Джеймисону удавалось находить выход из опасных ситуаций, но сам он удачных не создавал. Его согревала надежда, однако этого было недостаточно.

Он больше не должен рисковать. Даже заключительный эксперимент следует отложить до прибытия «Ориона».

В каком-то смысле человеческие существа очень уязвимы. Проявив достаточное искусство, можно пробудить без-

жалостность, впечатанную в саму структуру клеток, из которых они состоят.

Джеймисон не сомневался, что рулл непременно попытается сделать это еще раз. Последний.

На девятую ночь, за день до прибытия «Ориона», Джеймисон не стал бросать жестянку с едой. На следующее утро он полчаса просидел у радио, пытаясь наладить связь с кораблем. Передал детальный отчет обо всем случившемся и изложил свои планы, включая намерение проверить, в каком состоянии находится рулл, учитывая длительный период голода.

Подпространство молчало, будто вымерло.

В конце концов Джеймисон оставил попытки установить связь с кораблем и вышел наружу. Быстро собрал инструменты, которые требовались для эксперимента. На плато было пусто, как всегда. Он проверил свое снаряжение, взглянул на часы. Они показывали одиннадцать минут первого. Внезапно занервничав, профессор решил больше не ждать.

После мгновенного колебания он нажал на кнопку. Источник рядом с экраном начал вести передачу на очень высоком энергетическом уровне. Это была вариация того ментального ритма, который разум рулла испускал на протяжении четырех ночей.

Джеймисон медленно возвращался к шлюпке, намереваясь снова попытаться установить контакт с «Орионом». Оглянувшись, он увидел, что рулл скользит по поляне, направляясь прямо к источнику вибрации.

Джеймисон непроизвольно остановился, зачарованный, и тут взревела аварийная система шлюпки. Этот жуткий пронзительный звук разнесся на крыльях ледяного ветра. Поймав его, включилось радио на запястье Джеймисона и автоматически синхронизировалось с мощным передатчиком шлюпки. Чей-то голос настойчиво произнес:

— Профессор Джеймисон, это «Орион». Мы слышали ваш вызов, но сознательно воздерживались от ответа. Около солнца Лаэрта собрался весь флот руллов. Мы попытаемся подобрать вас примерно через пять минут. Оставьте все дела...

Слушая радио, уголком глаза Джеймисон заметил движение в небе. Две темные капли взорвались, превратившись в огромные шары. Над головой с ревом промчались руллские боевые суперкорабли. Циклон, сопровождающий их прохож-

дение, едва не оторвал Джеймисона от земли, пришлось отчаянно вцепиться в перекрученные корни кустов.

На пике скорости вражеские корабли сделали крутой вираж и устремились к плато. Ожидая смерти и начиная понимать, что именно происходит вокруг, Джеймисон дрогнул. Однако яркие вспышки с грохотом пронеслись мимо — целились явно не в него. И тут до профессора дошло. Спасательная шлюпка! Они стреляли в его спасательную шлюпку.

Джеймисон застонал, представив себе, как она гибнет в огненном взрыве. А потом уже для мыслей и сожалений не осталось времени.

В поле зрения появился третий боевой корабль. Джеймисон попытался разобрать, чей он, но тот внезапно развернулся и улетел. Радио на запястье снова ожило.

— Сейчас мы не в силах вам помочь. Спасайтесь, как можете. Наши корабли сопровождения попытаются заманить руллский флот под удар большой боевой группы у звезды Бианка и потом вер...

Сообщение прервалось, и в тот же миг далеко в небе возникла ослепительная вспышка. Прошло около минуты, прежде чем холодный воздух Лаэрта откликнулся эхом на грохот дальнего взрыва. Звук угасал медленно, неохотно, как бы цепляясь затихающими обертонами за каждую молекулу воздуха.

В конце концов воцарилась тишина, странная, не мирная, похожая на затишье перед бурей,— неподвижность обреченности, напоенная безмерной угрозой.

Пошатываясь, Джеймисон поднялся. Нужно было выяснить, случилось ли то самое страшное, о чем он не осмеливался даже думать.

Он припустил туда, где стояла его шлюпка, но замер на полпути. Весь участок утеса точно ножом срезало. И никаких признаков шлюпки.

Он ожидал этого, но шок от реальности был ужасный.

Припав к земле, точно испуганное животное, Джеймисон смотрел вверх, в угрожающие просторы неба. Оно было пусто. Никакого движения, никаких звуков, если не считать завывания ветра. Он был один во вселенной между небом и землей — разум, балансирующий на краю бездны.

Руллские корабли промчались над горами, чтобы оценить ситуацию на плато, и попытались уничтожить его.

Что это за рулл такой тут с ним, ради которого боевые суперкорабли с ревом пикировали, стараясь защитить его от любой угрозы?

Ну, как бы то ни было, удача не полностью была на их стороне. Джеймисон оскалился. Да, не полностью. Однако следует поторопиться. В любой момент они могут посадить тут один из истребителей, чтобы спасти своего драгоценного рулла.

Он побежал, чувствуя странное единение с ветром. Ему было знакомо это чувство — ощущение того, как в моменты острого возбуждения просыпается первобытная дикость. Почти как в бою. И очень важно отдаться этому ощущению всем телом и всей душой. Нельзя стать воином и добиться победы, если тело или душа работают только наполовину. Требовалось все, все.

Джеймисон падал, поднимался, почти не чувствуя боли, и несся дальше. Он добежал весь в крови, но добежал.

Небо молчало.

Спрятавшись под кустами, он посмотрел на рулла.

Плененного рулла, *своего* рулла, с которым он мог делать все, что душа пожелает. Наблюдать, принуждать, воспитывать, обучать — самый быстрый курс обучения за всю историю мира. Сейчас не время не спеша обмениваться информацией.

Лежа под кустами, профессор нажимал кнопки на пульте, управляющем экраном.

Рулл сновал перед экраном туда и обратно. Вот он увеличил скорость, потом уменьшил ее, потом снова увеличил — в соответствии с волей Джеймисона.

Несколько тысяч лет назад, в двадцатом столетии, было сделано классическое и опережающее свое время исследование, которое дало один чрезвычайно важный результат. Человек по имени Павлов кормил лабораторного пса через постоянные интервалы времени, и одновременно звенел звонок. Вскоре пищеварительная система пса точно так же реагировала на один звонок, как на пищу и звонок вместе.

Сам Павлов так и не осознал важности своего обучающего процесса. Но то, что началось в те далекие дни, впоследствии развилось в точную науку, которая позволяла управлять животными, пришельцами — и людьми — практически как угодно. Только руллы нарушали стройную картину контрольных экспериментов, срывая их своей неудержимой волей к смерти. Ученые уже предвидели, какая трагическая судьба ждет галактическую империю Земли, если не удастся каким-то образом проникнуть в сознание руллов.

Уж так отчаянно Джеймисону не повезло, что он не имел времени для реального проникновения.

Того, кто медлил здесь, на этом каменистом плато, ждет смерть.

Но даже то, что он должен сделать,— минимум того, что он должен сделать,— потребует траты драгоценного времени. Туда и обратно; туда и обратно; необходимо установить ритм повиновения.

Образ рулла на экране был очень похож на оригинал. Трехмерный, и движения, как у автомата. Воспротивиться этому вызову было невозможно, воздействие затрагивало все основные нервные центры. Рулл так же не мог вырваться из заданного ритма, как не мог сопротивляться импульсу голода.

После того как он бездумно прошагал туда-обратно пятнадцать минут, изменяя скорость под управлением Джеймисона, профессор начал заставлять рулла и его изображение карабкаться на деревья. Вверх, потом снова вниз, и так раз шесть. Потом Джеймисон ввел свое изображение.

Напряженно, одним глазом глядя в небо, а другим на разворачивающуюся перед ним сцену, он следил за реакцией рулла на присутствие человека. Обычно запах человека стимулировал пищеварительную систему руллов. Это было ясно из того, каким образом открывались и закрывались их присоски. Когда несколько минут спустя Джеймисон заменил свое изображение собой, он с удовлетворением обнаружил, что этот конкретный рулл временно утратил обычную для них реакцию автоматического голода, испытываемого при виде человеческого существа.

И теперь, достигнув стадии полного контроля, Джеймисон заколебался. Сейчас не время делать тесты. Может ли он потратить на них время?

Он понимал, что должен. Такой возможности, вероятно, еще сотню лет не представится.

Когда двадцать пять минут спустя профессор закончил тесты, то побледнел от волнения. И подумал: «Вот оно. Мы сделали это».

Он потратил десять драгоценных минут, излагая суть своего открытия через записывающее устройство радио на запястье и от всей души надеясь, что передатчик шлюпки уцелел при падении с горы. Поймал еле слышный отклик и послал свое сообщение в подпространство.

И выждал десять минут. Ответа не было.

Понимая, что сделал все, что мог, Джеймисон подошел к краю обрыва, откуда планировал начинать спуск.

Поглядел вниз, содрогнулся, вспомнил передачу с «Ориона»: «...собрался весь флот руллов...»

Больше никаких задержек!

Он опустил рулла на первый выступ. Спустя момент застегнул лямки на себе и шагнул в пустоту. Спокойно, с легкой силой рулл схватил другой конец веревки и опустил Джеймисона на выступ рядом с собой.

Они продолжали спускаться. Это была трудная работа, хотя они использовали очень простую систему.

Человек и рулл были связаны длинной пластиковой веревкой. Металлический прут, обычно используемый для того, чтобы чистить гладкие бока космического корабля, позволял удерживаться на нужном месте, пока веревка делала свое дело.

На каждом выступе Джеймисон втыкал прут в уходящий вниз склон твердой скалы. Веревка скользила по системе блоков прута, когда рулл и он по очереди опускали друг друга к уступу далеко внизу.

В момент, когда оба снова оказывались на одном уступе, Джеймисон выдергивал прут из скалы, и он падал вниз, снова готовый к использованию.

День уплывал во тьму, как встревоженный человек в сон,— медленно, устало. Джеймисон разгорячился, выдохся и начал впадать в уныние, чувствуя, как ноют мышцы.

Он видел, что рулл все яснее осознает его присутствие. Он все еще сотрудничал, но в его глазах появлялось напряженное выражение каждый раз, когда он опускал Джеймисона вниз.

Действие условного рефлекса заканчивалось. Рулл выходил из транса. Спуск необходимо завершить до ночи.

Был момент, когда Джеймисон засомневался, что это ему удастся. Он заметил, что рулл бросает на него быстрые, нервные взгляды. Когда рулл опускал его вниз на выступ рядом с собой, его голубые глаза, пристально глядящие голубые глаза придвигались все ближе и ближе к Джеймисону. И потом, когда ноги профессора оказывались на уровне этих странных глаз, они поворачивались, провожая его взглядом.

Напряженный взгляд рулла напомнил Джеймисону о его открытии. Он злился на себя, что никогда прежде это не приходило ему в голову. На протяжении столетий человек знал, что усилия видеть ясно требуют по меньшей мере двадцати пяти процентов энергии всего тела. Ученые Земли долж-

ны были догадаться, что обширный волновой диапазон глаз рулла был продуктом балансирования деятельности желез на фантастически высоком энергетическом уровне. Балансирования, которое, будучи поколеблено, наверняка нарушает что-то и в самом разуме, временно или навсегда.

Открытие Джеймисона состояло в том, что это нарушение было необратимым.

Как должен сказываться длительный период голодания на таком типе нервной системы?

Это открытие могло изменить саму природу войны. Оно объясняло, почему руллские корабли никогда не нападали на человеческие продовольственные базы и линии питания: руллы не хотели идти на риск адекватного ответа. Оно объясняло, почему руллские корабли так безжалостно сражались со вторгшимися в их пространство земными кораблями. Оно объясняло их безжалостное уничтожение других рас. Руллы жили в постоянном страхе, что их ужасная слабость может выплыть наружу.

На губах Джеймисона заиграла почти варварская улыбка предвкушения. Если его сообщение будет получено или если ему удастся выбраться отсюда, очень скоро руллы начнут испытывать муки голода. Земные корабли сконцентрируют свои атаки именно в этом направлении. Запасы продовольствия на всех планетах будут отравлены, нападения станут проводиться без заботы о раненых, беспрерывно и совершенно безжалостно.

Можно не сомневаться, очень скоро после такого изменения тактики руллы начнут отступать в свою галактику. Это единственное разумное решение. Захватчика нужно гнать и гнать, пока он не будет вынужден вернуть все, что успел завоевать за тысячу лет.

В четыре пополудни Джеймисон вынужден был снова остановиться и отдохнуть. Он отошел от рулла и уселся на каменном выступе. Голубое небо пылало медью, ветер стих, над головой протянулась завеса облаков.

Надо отдать должное боевым кораблям землян и их сопровождению: именно благодаря их усилиям пока ни один вражеский корабль не предпринял попытки освободить рулла на плато.

Возможно, конечно, руллы просто не хотели, чтобы стало известно о присутствии здесь одного из них.

Джеймисон отбросил это предположение как непродуктивное. Чувствуя сильную усталость, он на глазок сравнил уже пройденную часть обрыва с тем, что еще осталось. По его оценкам, они преодолели две трети расстояния. Увидев, что рулл пристально смотрит на долину, Джеймисон тоже устремил туда взгляд.

Зрелище, которое открывалось их разным глазам и перерабатывалось разными мозгами, в общем и целом уныло однообразное, тем не менее производило удивительное впечатление. Лес начинался примерно в четверти мили от основания утеса и буквально не имел конца. Он покрывал и холмы, и неглубокие долины. Чуть отступив на берегу широкой реки, за ней он вздымался снова, карабкаясь по склонам затянутых туманом далеких гор.

Часы Джеймисона показывали четыре пятнадцать. Пора двигаться дальше.

В двадцать пять минут седьмого они добрались до выступа на высоте ста пятидесяти футов над холмистой равниной. Пришлось использовать всю длину веревки. Первым внизу оказался рулл, и эта операция прошла без всяких инцидентов. Джеймисон с любопытством смотрел на него сверху. Интересно, что он станет делать, оказавшись на свободе?

Рулл поднял на него взгляд и ждал.

Джеймисон помрачнел — потому что это была возможность, которой он не воспользовался. Он повелительно замахал руллу рукой и вытащил бластер. Рулл попятился, но остановился в укрытии огромной скалы. Кроваво-красное солнце опускалось за горы, на землю надвигалась тьма. Джеймисон съел свой обед. Заканчивая трапезу, он заметил внизу движение.

Рулл скользил неподалеку от подножия утеса.

И вскоре исчез за его выступом.

Выждав немного, Джеймисон начал спуск. Этот процесс лишил его последних сил, но зато теперь под ногами была твердая земля. Где-то на расстоянии трех четвертей спуска он поранил палец о шершавый участок веревки.

Добравшись до земли, он заметил, что палец выглядит странно серым и явно нездоровым, хотя сгущающиеся сумерки не позволяли разглядеть детали.

Джеймисон смотрел на палец, и кровь отливала от его лица. Он подумал с горечью и злостью: «Это рулл прицепил что-то к веревке, когда спускался вниз».

Внезапно все тело пронзила острая боль, похожая на удар ножа, и вслед за тем наступило оцепенение. Тяжело дыша, он попытался нащупать бластер, чтобы застрелиться, но руки одеревенели и застыли в воздухе. Джеймисон упал и замер без движения.

Никогда в жизни он так не жаждал смерти. Каждая клеточка человеческого организма унаследовала понимание своего неорганического происхождения. Пульс жизни — всего лишь тончайшая пленка, покрывающая лежащую в основе мертвую материю, такую сложную в своем искусном балансировании различных энергий. И сама жизнь — не что иное, как краткая и фактически тщетная попытка удержаться на гребне этого балансирования.

В каждое мгновение вечность ткет новый узор. Он принимает множество форм, но все они лишь видимость. Реальная форма всегда временная, не пространственная. И эта форма представляет собой кривую. Сначала вверх, потом вниз. Вверх из тьмы к свету и снова обратно во тьму.

Самец лосося разбрызгивает свою молоку на яйца самки. Джеймисона охватила смертная тоска. Самец пчелы гибнет в объятиях матки, снова превращаясь в неорганическую плесень, из которой выбрался ради одного-единственного мгновения экстаза. В человеке роковой узор впечатан в квадриллионы крошечных клеточек.

Но он там. И ждет своего часа.

Уже давно мудрые руллские ученые, исследуя химические вещества, способные оказать шоковое воздействие на нервную систему человека, возвращая ее к примитивному состоянию, нашли особый секрет человеческой жажды смерти.

Йели Мииш, скользя к Джеймисону, не думал об этом процессе. Он ждал, пока откроется возможность. И когда это произошло, постарался использовать ее в своих интересах.

Он быстро снял с человека бластер, нашел ключ от его спасательной шлюпки и четверть мили вокруг подножия утеса тащил Джеймисона до того места, куда ее отбросило взрывом руллского корабля.

Спустя пять минут мощное радио шлюпки на руллских волнах послало в пространство команду руллскому флоту.

Сумеречно. Внутри и снаружи. Джеймисон чувствовал себя так, будто лежит на дне колодца, глядя в ночь, и медленно поднимается все выше и выше, ближе к отверстию колодца.

На последних футах, приложив невероятные усилия, он посмотрел через край чего-то, окружающего его со всех сторон.

Он лежал на высоком столе в комнате, имеющей несколько больших отверстий на уровне пола. Двери, осознал он, странной формы, чуждой, нечеловеческой. Джеймисон потрясенно съежился.

Он внутри руллского корабля.

Позади него возникло скользящее движение. Он повернул голову, и глаза чуть не вылезли на лоб.

В полумраке три рулла скользили по полу к приборам, установленным позади и сбоку от Джеймисона. Они сделали пируэт на наклонной плоскости и замерли над ним. Их обычно тусклые глаза сияли в сумраке комнаты.

Джеймисон попытался сделать движение, извиваясь в удерживающих его путах. И внезапно вспомнил о препарате жажды смерти, который использовал рулл. Волной нахлынуло облегчение. Он жив. Не мертв. НЕ МЕРТВ. Рулл, наверное, помог ему, заставил двигаться и тем самым разрушил ту часть кривой, которая уводила вниз, в прах.

Он жив... для чего?

Эта мысль притушила его радость. Надежда угасла, словно задутое ветром пламя. Сознание замерло в напряженном, пронизанном ужасом ожидании.

Он смотрел на руллов, ожидая боли, и тут один из них нажал на кнопку. Часть стола, на котором лежал Джеймисон, поднялась, переводя его в сидячее положение.

И что теперь?

Он не мог видеть руллов. Попытался повернуться, но обе стороны головы сжали щитки, жестко удерживая ее.

На стене перед ним возник мерцающий серебристый квадрат. Сначала просто свет, потом изображение. Удивительно знакомое изображение, но поначалу из-за помех он не сообразил, что это такое.

А потом внезапно понял.

Это была искаженная версия той записи, которую он показывал руллу, сначала, когда кормил его, и потом с более вескими аргументами, когда открыл, в чем уязвимость смертельного врага человека.

Там было показано, как раса руллов будет уничтожена, если не согласится на мир.

В картине, которую Джеймисон видел сейчас, именно рулл настаивал на сотрудничестве двух рас. Они, похоже, не

знали, что он сообщил о своем открытии другим людям. Или, возможно, этот факт выпал из сознания рулла под воздействием, которое профессор оказывал на него, когда кормил и заставлял действовать по своей указке.

Ему предстояло вернуться домой с предложением, которого человечество жаждало услышать тысячу лет. Он также понесет с собой информацию, объясняющую смысл этого предложения.

Война руллов с людьми окончена.

Звук

— Вам поступил вызов,— сообщил коммутатор.

Крейг щелкнул клавишей.

— Да? — сказал он еще до того, как появилось изображение.

— Это я, Джордж.— На экране возникло взволнованное женское лицо.— Джордж, мне только что звонил Игробот. Дидди отправился на поиски звука.

— Ох! — сказал Джордж, вглядываясь в лицо на экране.

Обычно она выглядела хорошо — с чистой кожей, приятной фигурой, прекрасными вьющимися черными волосами. Однако сейчас явно была не в форме: глаза панически расширены, все тело напряжено, волосы растрепаны.

— Веда,— резко сказал он,— перестань!

— Но он бродит по улицам, а, по слухам, весь район кишмя кишит шпионами йевдов.

Она содрогнулась, произнося название величайшего врага человечества.

— Игробот позволил ему уйти, так ведь? Значит, Дидди готов.

— Но его не будет всю ночь.

Крейг медленно кивнул.

— Послушай, дорогая, ничего страшного не произойдет. Это часть процесса взросления, и мы ожидаем чего-то в этом роде с тех пор, как в прошлом мае ему исполнилось девять.— Он неожиданно сменил тему: — Может, тебе стоить пройтись по магазинам? Занять себя на остаток дня, чтобы выкинуть все эти тревоги из головы. Можешь потратить...— Он быстро произвел подсчеты, бросил еще один взгляд на ее лицо и решил увеличить сумму: — Пятьсот долларов. Исключительно на себя. До свидания, дорогая, и не волнуйся.

Он поспешно разорвал связь и встал. И надолго застыл у окна, глядя вниз на Верфи. С этой возвышенной точки он не мог видеть ни «Путь», ни корабль: они были по другую сторону здания. Однако сказочная страна улиц и домов очаровывала, как всегда. Верфи были пригородом Солнечного города, и огромная столица в искусственной тропической оправе представляла собой зрелище, которому не было равных в контролируемой человечеством части Галактики. Здания и парки уходили за затянутый дымкой горизонт.

Оторвав взгляд от открывающегося вдали вида, Крейг перевел его на собственно Верфи. Медленно отвернулся от окна. Где-то внизу его девятилетний сын исследовал мир звука. Оставалось лишь надеяться, что йевды не доберутся до мальчика, но это было нелегко и для самого Крейга, и для Веды.

Он достал микрофильм с планом девяностофутового квартала, вставил его в проектор и принялся изучать изображение.

К тому времени, когда небо потемнело, Дидди понял, что звук никогда не кончается. Было приятно понять это — после того, как он ломал над этим голову всю свою жизнь; или, по крайней мере, так ему казалось. Ему говорили, что звук кончается где-то «снаружи»... в общем, неопределенно. Однако сегодня днем он убедился сам, что, как далеко ни зайти, звук остается.

Тот факт, что старшие лгали об этом, не взволновал Дидди. По словам его робота-учителя, Игробота, родители иногда выдумывают всякие несуразности, чтобы проверить изобретательность ребенка и его уверенность в своих силах. Очевидно, это была одна из таких «несуразностей», которую он только что опроверг.

На протяжении всех этих лет звук был в Игроботе, и в гостиной, независимо от того, молчал Дидди или разговаривал, и в столовой он слышал его ритм, пробивающийся сквозь обычные звуки, издаваемые мамой, папой и им самим — в те дни, когда ему позволяли есть вместе с ними. Ночью звук прокрадывался к нему в постель, и даже в самом глубоком сне мальчик чувствовал его пульсацию в своей голове.

Да, звук был ему хорошо знаком, и вполне естественно, что он попытался выяснить, смолкнет ли звук сначала в конце одной улицы, а потом другой. Однако по скольким бы улицам он ни шел, все равно, в западном направлении, восточном, южном или северном, звук следовал за ним.

Час назад Дидди пообедал в маленьком ресторане и решил, что теперь пора выяснить, где *начинается* звук.

Он остановился, пытаясь сообразить, куда забрел. Важно было понять, в какой части Верфей он находится. Мысленно подсчитывая число улиц между Пятой и Девятнадцатой, Центральной и Прямой, мальчик совершенно случайно поднял взгляд. Там, на расстоянии сотни футов, шел человек, которого он уже видел три квартала и десять минут назад.

Что-то в движениях этого человека пробудило странные, неприятные воспоминания, и в первый раз мальчик заметил, как сильно уже потемнело небо.

Он с небрежным видом пошел по улице, с радостью осознавая, что не боится. Он рассчитывал проскользнуть мимо человека и добраться до Шестой, более людной улицы. И еще, конечно, надеялся, что ошибся, заподозрив в человеке йевда.

И вдруг сердце у него упало. К первому человеку присоединился второй, и они начали пересекать улицу наперерез Дидди. Мальчик сдержал порыв повернуться и броситься наутек. Сдержал потому, что если они и впрямь йевды, то могут двигаться в десять раз быстрее даже взрослого человека. Их человекоподобный облик был иллюзией, которую они создавали, манипулируя световой энергией. Именно это заставило Дидди заподозрить первого из них. Когда тот сворачивал за угол, его ноги двигались как-то *неправильно*. Игробот, наверное, тысячу раз описывал Дидди, в чем может состоять эта неправильность, но сейчас, увидев все собственными глазами, он узнал ее совершенно безошибочно. Говорят, в дневное время йевды тщательнее поддерживают свои иллюзии. Сейчас же, когда йевд фактически оказался один на темном перекрестке, его человеческий облик сделался неясным, расплывчатым.

— Мальчик!

Дидди пошел медленнее и оглянулся на мужчин с таким видом, словно только что заметил их.

— Мальчик, сейчас поздновато для прогулок.

— Это моя исследовательская ночь, сэр.

Заговоривший с Дидди «человек» сунул руку в нагрудный карман. Тоже странный жест, тоже «неправильный», как будто, создавая иллюзию этого движения, он не потрудился вникнуть во все тонкости. Возможно, таким беспечным его сделала сгущающаяся тьма. Рука выскользнула наружу, в ней был зажат значок.

— Мы полицейская служба Верфей,— сказал он,— и доставим тебя к «Пути».

Он положил значок в карман — или, по крайней мере, так это выглядело — и сделал жест в сторону света в отдалении. Дидди знал, что сопротивляться бесполезно.

Йевды возникли из тьмы дальнего космоса более двухсот лет назад. Как и мрачное пространство, отделяющее их многочисленные миры от центральной части Галактики, они вызывали тревожное чувство в сознании людей.

Вначале они не пытались выглядеть как люди, и не возникло подозрений, что они способны манипулировать светом и другими близкими к нему видами энергии. Потом однажды, совершенно случайно, какой-то «человек» был застрелен, когда забрался в подвал Научно-исследовательского совета. При этом человеческое обличье исчезло и на мраморном полу осталось нечто темное, прямоугольное, вытянутое, с множеством сетчатых, похожих на клапаны рук и ног.

Тогда, более двухсот лет назад, правительство пришло в ужас и начало действовать быстро, хотя и скрытно. Обнаружились многочисленные ответвления заговора. Все улицы всех городов с воздуха патрулировали вертолеты. Зондирующие лучи радаров высвечивали истинные тела йевдов — хотя уже после выяснилось, что радарный метод оказался действенным лишь потому, что йевдов застали врасплох. Они расслабились — ведь никто ни о чем не догадывался — и создавали свои иллюзии только в том световом диапазоне, который был доступен человеческому восприятию. Из-за этого промаха на одной только Земле их погибло более миллиона, и «пятая колонна» здесь была полностью уничтожена.

На все заселенные людьми планеты были посланы предостережения. И там тоже энергичные действия позволили предотвратить несчастье. В общей сложности были убиты тридцать семь миллионов йевдов.

В дальнейшем, то затихая, то вновь усиливаясь, война перешла на уровень сражений между кораблями землян и йевдов. Было заключено несколько соглашений, но остановить войну они не смогли. Самое последнее по времени соглашение включало в себя обмен посланниками, но пять лет назад колонизаторская экспедиция йевдов захватила звездную систему на девяносто световых лет ближе к Земле, чем любое другое солнце в их галактической империи. Когда посланника йевдов попросили объяснить этот захват, он заявил, что «это всего лишь нормальный инцидент в экспансии великого могущества и напрямую не направлен против

кого бы то ни было». Ему быстро вернули верительные грамоты, а спустя полгода впервые возник звук.

Йевды представляют собой углеводородно-фторо-кислородную форму жизни, имеют жесткие мышцы и кожу, физически сильнее человека, обладают иммунитетом к обычным ядам и едким веществам. Способность управлять световой энергией дает им добавочное преимущество; и эта комбинация необычных свойств и возрастающей агрессивности в конце концов вынудила Объединенное правительство перейти в контрнаступление.

Для этих целей началось строительство очень большого корабля.

Вскоре после обеда в комнату Крейга вошли два полицейских офицера. Они были в штатском, но он сразу же понял, кто перед ним.

— Мистер Крейг? — спросил один.

— Да.

— Джордж Крейг?

Он кивнул, чувствуя пустоту в желудке, хотя совсем недавно пообедал.

— Отец Дирила Декстера Крейга, девяти лет?

— Да,— пробормотал Крейг, ухватившись за дверной косяк.

— В соответствии с законом наш долг сообщить вам, что в настоящий момент он захвачен двумя йевдами и что в ближайшее время его жизни угрожает серьезная опасность.

— Н-н-е уверен... что... понимаю...

Офицер описал, как Дидди захватили на улице.

— Уже некоторое время нам известно, что концентрация йевдов в Солнечной системе превышает обычную,— добавил он.— Естественно, наша оценка, как вам, наверное, известно, производится лишь на основе тех случаев, когда они были опознаны.

Крейгу это не было известно, но он промолчал.

— Как вам, наверное, также известно,— заговорил второй офицер,— мы заинтересованы не столько в пленении этих йевдов, сколько в раскрытии цели их появления. Как и во всех прошлых случаях, они наверняка имеют какой-то изощренный план, и захват вашего сына — только первый шаг в осуществлении этого плана. Вопросы есть?

Крейг заколебался. Веда на кухне загружала тарелки в посудомоечную машину, и было жизненно важно, чтобы полицейские ушли до того, как ей станет известно о цели их

посещения. Тем не менее один вопрос задать было совершенно необходимо.

— Вы хотите сказать, что не станете предпринимать попыток немедленно освободить Дидди?

— Мы не станем вмешиваться в ситуацию, пока не получим интересующую нас информацию,— жестко ответил офицер.— Я проинструктирован призвать вас не питать особых надежд. Как вам известно, йевд в состоянии концентрировать энергию взрывной силы. В сложившихся обстоятельствах смерть может наступить в любой момент... Это все, сэр. Звоните нам время от времени для получения дальнейшей информации. По собственной инициативе полиция больше не будет связываться с вами.

— Спасибо,— машинально ответил Крейг.

Закрыв за офицерами дверь, он, двигаясь, словно робот, вернулся в гостиную. Веда окликнула его из кухни:

— Кто это был, дорогой?

Крейг набрал полную грудь воздуха.

— Кто-то разыскивает человека по имени Джордж Крейг,— ответил он недрогнувшим голосом.— Имя правильное, но человек оказался не тот.

— А-а,— только и сказала Веда.

И по-видимому, тут же забыла об этом инциденте, поскольку больше о нем не заговаривала. Крейг лег спать в десять часов. Он лежал, чувствуя тупую боль в спине и тянущее ощущение в животе. В час ночи он все еще не спал.

Он не должен оказывать сопротивления. Он не должен пытаться расстроить их планы. Годами Игробот твердил ему это, категорически заявляя, что ребенок не в состоянии хотя бы оценить, насколько опасен даже один йевд. И уж тем более если их несколько.

Нужно исходить из того, что люди предпримут какие-то меры. И ждать переданных шепотом инструкций.

Все это Дидди вспоминал, шагая между йевдами и быстро перебирая короткими ногами, поскольку был вынужден приноравливаться к их более скорому шагу. Тот факт, что они все еще не открылись ему, продолжая сохранять человекоподобный облик, внушал надежду.

На улице становилось все светлее. Впереди на фоне черно-синего купола неба вырисовывался силуэт корабля. Все здания, входившие в комплекс «Пути», сейчас светились, отдавая солнечный свет, который впитывали в течение дня. Стоэтажное административное здание мерцало, словно драгоценность, в тени возвышающегося над ним корабля, а все остальные строения испускали свет, интенсивность которого зависела от их размеров.

В сопровождении Дидди парочка направлялась к Перекрестку 2. Сам «Путь» начинался у Перекрестка 1.

Они пересекли улицу и подошли к барьеру. Йевды остановились перед полосой рифленого металла в восемь футов высотой и уставились на открытые вентиляторы, с характерным звуком засасывающие воздух.

Двести лет назад, при первом столкновении йевдов и людей, вокруг военных объектов и сельскохозяйственных угодий сооружались защитные бетонные стены или ограды с колючей проволокой, через которую пропускали ток. Потом выяснилось, что йевды могут отклонять электрический ток, а их жесткую кожу не в состоянии проколоть никакая колючая проволока. Бетон тоже оказался неэффективен. Под воздействием направленной энергии йевдов стены просто осыпались. И когда для их восстановления прибывали рабочие, среди них обычно оказывался йевд, который, перевоплощаясь, проникал внутрь. Очень часто вооруженные патрули гибли до последнего человека, а их место занимали йевды в обличье людей.

Барьер, основанный на принципе воздушного всасывания, был создан лишь несколько поколений назад. Он тянулся вокруг всех Верфей. Люди, проходя сквозь него, практически ничего не ощущали, в то время как йевд, предпринявший подобную попытку, погибал в течение трех минут.

Это был один из величайших секретов человечества.

Дидди заметил замешательство своих сопровождающих.

— Спасибо, что привели меня сюда,— сказал он.— Дальше я доберусь сам.

Один из «мужчин» рассмеялся. Это был удивительно достоверный смех — если учесть, что он исходил из звукового ящичка, вживленного в плечевую мускулатуру йевда. Существо сказало:

— Знаешь, малыш, ты выглядишь славным парнишкой. Как насчет того, чтобы позабавиться немного, а?

— Позабавиться?

— Видишь этот барьер?

Дидди кивнул.

— Отлично. Как мы уже говорили, мы из тайной полиции, из этих... как их... антийевдов. У нас с моим другом возникла одна идея, понимаешь?

Дидди снова кивнул, недоумевая, что будет дальше.

— Ну, как-то мы с моим другом разговаривали о нашей работе. И нам пришло в голову, что существует способ, с помощью которого йевды могут проходить сквозь этот барьер. Он казался таким простым, что мы подумали — нужно сначала все проверить, прежде чем докладывать начальству. Ты понимаешь, что я имею в виду? Если мы ошиблись, ну... то оказались бы в глупом положении. Вот мы и хотим, чтобы ты проверил это для нас.

«Ни один ребенок... не должен пытаться... расстроить шпионские планы... йевдов». Этот приказ, годами вдалбливаемый в Дидди Игроботом, эхом отозвался в его сознании. Не вызывало сомнений, что ему угрожает ужасная опасность, и тем не менее не в его силах ни пытаться оценить ее, ни, тем более, сопротивляться. Годы обучения сделали свое дело. Он слишком мал, чтобы действовать самостоятельно.

— Все, что ты должен сделать,— продолжал йевд-полицейский,— это пересечь барьер между вот этими двумя линиями и вернуться.

Линии, на которые он указал, представляли собой часть системы всасывающих вентиляторов. Без единого слова возражения Дидди прошел на другую сторону. На мгновение мелькнула мысль — а не броситься ли бежать, не укрыться ли в безопасности ближайшего здания, находящегося на расстоянии тридцати футов? Однако он тут же передумал. Йевды могли уничтожить его еще до того, как он отбежал бы на десять футов.

Он послушно вернулся, как ему и было сказано.

На улице появились десятка два людей. Когда они приблизились, Дидди и йевды отошли в сторону, давая им пройти. Мальчик с надеждой следил за ними. Есть ли среди них полицейские? Отчаянно хотелось верить, что люди наблюдают за всем, что с ним происходит.

Рабочие прошли мимо, пересекли барьер и исчезли за ближайшим зданием.

— Вот туда, малыш,— сказал йевд.— Мы должны быть осторожны, чтобы нас не заметили.

Дидди, напротив, страстно желал обратного, однако последовал за ними в темное пространство между двумя зданиями, хоть и с явной неохотой.

— Вытяни руки.

Он так и сделал, напряженный, испуганный.

«Наверное, я сейчас умру»,— подумал он.

Однако выучка снова победила, и он не дрогнул, даже когда почувствовал укол в палец.

— Мы просто берем пробу твоей крови, малыш. Видишь ли, судя по всему, всасывающая система содержит препарат, насыщающий воздух бактериями, для которых йевды уязвимы. Плотность бактерий, однако, невелика, и ты не чувствуешь их проникновения. А все эти вентиляторы засасывают так много воздуха для того, чтобы бактерии не ускользали в атмосферу. Скорее всего, одна и та же культура бактерий используется снова и снова. Понимаешь, что из этого следует?

Дидди не понимал и все же был потрясен до глубины души. Потому что эти рассуждения казались весьма похожими на правду. Очень может быть, что против йевдов использовались именно бактерии. Ходили слухи, что всего несколько человек знают, какова истинная природа защитного барьера, выглядящего столь невинно. Неужели и йевдам в конце концов удалось проникнуть в его тайну?

Дидди видел, что второй йевд делает что-то в густой тени между зданиями. Это сопровождалось кратковременными вспышками света. В сознании мальчика мелькнула догадка: «Он проверяет мою кровь с помощью микроскопа, смотрит, сколько в ней мертвых антийевдовских бактерий».

Тот йевд, который разговаривал с ним, между тем продолжал:

— Получается, что ты, малыш, можешь пересечь этот барьер и бактерии, которые там распыляются, мгновенно умирают в твоей кровеносной системе. Наша идея вот в чем: в каждой данной зоне может распространяться только один вид бактерий. Почему? Потому что, раз они потом всасываются обратно, проходят через фильтрующие камеры и затем используются вновь, вся эта система слишком усложнится, если использовать бактерии разного типа. Высоковирулентная бактерия почти так же смертоносна для бактерий другого вида, как и для организма, который она атакует. Только бактерии одного вида, но присутствующие в огромном количестве, опасны для йевдов. Другими словами, йевда может убить только один тип бактерий за раз. Очевидно, что если йевда подвергнуть иммунизации против данного типа бактерий... Ну, парень, он сможет пересечь барьер с той же легкостью, что и ты, но исключительно в этом месте. И, ясное дело, сможет делать на Верфях все, что захочет. Понимаешь теперь, как важна наша работа? А-а, смотри-ка, мой друг закончил проверять твою кровь. Постой минутку.

Этот йевд отошел ко второму. Во тьме возникли крошечные вспышки света, и Дидди вспомнил, что друг с другом йевды общаются с помощью световых лучей, испускаемых напрямую сложной системой взаимосвязанных органических призм, линз, зеркал и ячеистых преобразователей.

Какова бы ни была природа этой беседы, она продолжалась меньше минуты. Потом йевд вернулся.

— О'кей, парень, ты свободен. Благодарим за помощь. Мы ее не забудем.

Дидди просто ушам своим не поверил.

— Вы хотите сказать, что больше ничего от меня не хотите?

— Да, это все.

Направляясь к выходу из темного проулка между домами, Дидди все время ожидал, что его вот-вот остановят. Однако, хотя йевды вслед за ним вышли на улицу, они не делали попыток сопровождать его к барьеру. Правда, один из них окликнул его:

— Вот, смотри, по улице идут двое ребят. Присоединяйся к ним, будете искать звук вместе.

Дидди посмотрел в указанном направлении и действительно увидел двух мальчиков. Они промчались мимо с криком:

— Кто последний, тот свинья!

Дидди рысью бросился за ними. Они на мгновение замешкались, чуть-чуть свернули в сторону и потом пересекли барьер точно в том месте, которое он проверял для исследователей-йевдов.

И остановились, дожидаясь его по ту сторону.

— Меня зовут Джекки,— сказал один.

— А я Гил,— представился второй.— Пошли с нами.

— Меня зовут Дидди.

Ни одному из них, похоже, это имя не показалось необычным.

Пока они шли, их уши улавливали множество звуков, заглушающих звук. Нестройный шум. Жужжание механизмов. Сложный узор лязгов, стуков, ударов. Пульсирующие обертоны, сопровождающие молекулярные сдвиги в больших массах материи. В направлении мальчиков по бесконечному металлическому полу с гудением ехал поезд на резиновых колесах; он остановился, когда его электронные глаза и уши обнаружили их присутствие. Они отошли в сторону, и он пронесся мимо. Множество кранов подтащили к антигравитационному карьеру металлическую пластину весом в сотню тонн. Она легко, грациозно уплыла в небо.

До сих пор Дидди никогда не был в «Пути» ночью, и это стало бы потрясающим приключением, если бы не его угнетенное состояние. Все на самом деле кончилось или нет? Были ли два его новых товарища йевдами? Пока они не сделали ничего такого, что наводило бы на эту мысль. То, что они пересекли барьер именно там, где Дидди проверял его, могло оказаться случайным совпадением.

Из-за своих сомнений в отношении мальчиков он не решался рассказать им о том, что с ним случилось. Из-за этих негаснущих сомнений ему придется идти с ними и, если они потребуют от него сделать что-то, послушаться их. Таково правило, внушенное за долгие годы обучения. В его сознании возникло зрелище множества мальчиков, пересекающих барьер в знаменательном месте. И, возможно, сейчас они уже в «Пути», могут делать все, что пожелают.

Пространство вокруг «Пути» сотрясалось от плотной концентрации звуков. Но куда бы Дидди ни устремлял взгляд — на дверной проем или на здание, через которое проходил с широко распахнутыми, зачарованными, несмотря на присутствие своих спутников, глазами,— нигде не было звука, который не стихал бы, двигайся он в нужную сторону.

Ни разу они не приближались к чему-то имеющему хотя бы отдаленное сходство с барьером вентиляторного типа. Если и существовала какая-то угроза для бродящих тут йевдов, она не казалась очевидной. Все двери были широко распахнуты. Дидди смутно надеялся, что атмосфера внутри закрытых помещений окажется смертоносной для йевдов, но не для него. Однако таких помещений пока не было.

Они подошли к зданию, занимающему половину квадратной мили. Внезапно в душе Дидди вспыхнула надежда. Его товарищи не возражали, когда он прошел через огромную дверь на мощеную дорожку, по другую сторону которой открывалась громадная яма. Стоя на мощеной дорожке, Дидди смотрел вниз на тускло мерцающие сооружения кубической формы. Вершина самого высокого куба находилась по крайней мере на четверть мили ниже мощеной дорожки, а выше все сооружения прикрывали настил за настилом из пластика, такого удивительно прозрачного, что только изредка вспыхивающее мерцание то здесь, то там позволяло разглядеть эти слои, предназначенные для защиты мира наверху от колоссальных ядерных реакторов электростанции.

Дойдя до центральной части мощеной дорожки, Дидди увидел, как с надеждой и ожидал, что в маленькой прозрачной будке кто-то сидит. Женщина. Она читала книгу и подняла взгляд на приближающихся во главе с Дидди мальчиков.

— Ищите звук? — дружелюбно спросила она.— На случай, если вы не знаете... Я сенситив.

Два других мальчика промолчали. Дидди знал, что это такое. Игробот рассказывал ему о сенситивах. Они могут предвидеть изменения в потоке ядерного реактора. Это имеет какое-то отношение, помнилось ему, к тому, что они в состоянии контролировать содержание кальция в своей крови. Сенситивы живут очень долго — примерно до ста восьмидесяти лет,— потому что могут регулировать у себя процесс восстановления кальция.

Это воспоминание послужило всего лишь фоном для охватившего его чувства разочарования. По-видимому, женщина не могла отличать йевдов от людей; во всяком случае, она никак это не показывала.

Лучше продолжать делать вид, что больше всего его интересует звук.

— По-моему, эти динамо-машины внизу испускают вибрацию,— сказал Дидди.

— Да.

— И все же я даже представить себе не могу, что они в состоянии издавать такой громкий звук.

— Вы такие славные мальчики,— ответила женщина.— Давайте я прошепчу вам на ушко подсказку. Ты первый,— она указала на Дидди.

Это казалось странным, но он не колебался и наклонил голову.

— Не подавай виду, что удивлен,— зашептала она.— Спустись по эскалатору семь и поверни направо. Найди опору, на которой нарисована большая буква «Н». Сунь руку под край металлического покрытия под кораблем и достань оттуда маленький пистолет. Кивни, если понял.

Дидди кивнул. Женщина быстро продолжила:

— Спрячь пистолет в карман, но не прибегай к нему, пока не получишь приказа. Удачи тебе.— Она выпрямилась.— Ну, это подскажет тебе идею.

Она указала на Джекки:

— Теперь ты.

Коренастый мальчик покачал головой.

— Я не нуждаюсь в подсказках,— сказал он.— Кроме того, не хочу, чтобы кто-то шептал мне в ухо.

— И я тоже,— отозвался Гил.

Женщина улыбнулась.

— Не нужно быть такими робкими. Впрочем, неважно. Я все равно дам вам подсказку. Знаешь, что означает слово «миазмы»? — спросила она, глядя на Джекки.

— Испарения.

— Это и есть моя подсказка. Миазмы. А теперь вам лучше отправиться дальше. Солнце поднимется незадолго до шести, а сейчас уже больше двух.

Она взяла свою книгу. Когда несколько минут спустя Дидди оглянулся, женщина показалась ему частью кресла, почти неживой. Но дело не в ней, понимал он. Ситуация очень опасна, как он и предполагал. Сам огромный корабль находится в опасности.

Корабль, к которому он приближался с каждым шагом.

Крейг проснулся, внезапно осознав, что что-то его разбудило и, соответственно, что он все же уснул. Он внутренне застонал и перевернулся. Если бы можно было проспать всю эту ночь!

Тут до него дошло, что жена сидит на краю постели. Он бросил взгляд на светящиеся часы: 2.22.

«Черт возьми! — подумал он.— Нужно уговорить ее снова лечь».

— Не могу спать,— сказала Веда.

В ее голосе сквозили жалобные нотки, и ему стало совсем плохо. Она беспокоится, а ведь ей ничего не известно. Он притворился, что спит.

— Джордж.

Он зашевелился, но это было все.

— Джордж!

Он открыл глаза.

— Дорогая, прошу тебя.

— Хотела бы я знать, сколько мальчиков этой ночью на улице.

Джордж перевернулся.

— Веда, чего ты добиваешься? Чтобы я не спал?

— Ох, прости! Я не имела в виду ничего такого.— В ее тоне не было сожаления, и спустя мгновение она, казалось, и думать забыла, что произнесла эти слова.— Джордж.

Он промолчал.

— Ты не думаешь, что мы могли бы попытаться разузнать?

Вообще-то он собирался молчать и дальше, но сознание тут же начало анализировать возможности того, что она имела в виду. Удивляясь бессмысленности ее слов, он окончательно проснулся.

— Разузнать что?

— Сколько их там?

— Кого «их»?

— Мальчиков... в ночи.

Крейг, который с ума сходил от гораздо более отчаянного страха, вздохнул.

— Веда, мне завтра утром идти на работу...

— Работа! — воскликнула она на грани срыва.— Ты вообще думаешь о чем-нибудь, кроме работы? Испытываешь хоть какие-то чувства?

Крейг молчал; однако таким способом было невозможно добиться, чтобы она снова легла. Она продолжала, еще выше тоном:

— Вы, мужчины, такие бессердечные!

— Если ты имеешь в виду, беспокоюсь ли я... Нет, не беспокоюсь.

Это было сказано твердо — как надо.

Он подумал: «Нужно продолжать в том же духе».

Сел, включил свет.

— Дорогая, если это доставит тебе удовольствие, ты добилась своего. Я проснулся.

— Сейчас самое время,— сказала Веда.— Думаю, мы должны позвонить. И если ты этого не сделаешь, я позвоню сама.

Крейг встал.

— О'кей, но, будь добра, не виси у меня над душой, когда я буду звонить. Не хочу, чтобы создалось впечатление, будто я под башмаком у жены. Оставайся здесь.

Ему стало как-то даже легче, что она вынудила его это сделать. Выйдя из спальни, он плотно закрыл за собой дверь. Оказавшись у видео, Крейг назвал свое имя. После небольшой паузы появилось изображение важного мужчины в форме адмирала. Он наклонился к видеофону, и его изображение заполнило весь экран.

— Мистер Крейг,— сказал он,— ситуация следующая: ваш сын все еще в компании двух йевдов. Чтобы пересечь барьер, был использован очень оригинальный метод. В данный момент, по нашим подозрениям, где-то на Верфях под видом мальчиков находится около сотни йевдов. За последние полчаса больше никто проникнуть туда не пытался, из

чего мы заключаем, что все находящиеся в Солнечном городе йевды, которые в состоянии преодолеть нашу защиту, уже на Верфях. Пока они не концентрируются в каком-то определенном месте, но мы чувствуем, что кризис надвигается.

— А что с моим сыном? — ровным голосом спросил Крейг.

— Они, без сомнения, имеют в отношении его какие-то планы. Мы попытаемся снабдить его оружием, но оно, если честно, мало что ему может дать.

Крейг с ужасом осознал, что ему не говорят ничего могущего вселить надежду.

— Вы позволили сотне этих йевдов проникнуть в «Путь», не зная, чего они добиваются? — медленно спросил он.

— Для нас важно выяснить их цель,— ответил адмирал.— Что им нужно? Что тут есть такого, ради чего они пошли на столь огромный риск? Это чрезвычайно смелое предприятие с их стороны, и наш долг позволить ситуации развиться до конца. У нас есть определенное мнение насчет того, чего именно они добиваются, но мы должны быть уверены. В последний момент мы приложим все усилия, чтобы спасти жизнь вашему сыну, однако гарантировать ничего не можем.

На мгновение перед мысленным взором Крейга возникла картина того, как именно эти жесткие люди представляют себе подобный вариант развития событий. Для них гибель Дидди станет достойным сожаления инцидентом, и ничем больше. В отчетах будет сказано: «Мы понесли небольшие потери». Они могут даже сделать из него героя дня.

— Боюсь,— продолжал адмирал,— что вынужден просить вас прервать разговор. В данный момент ваш сын находится под кораблем, и мне хотелось бы уделить все свое внимание ему. До свидания.

Крейг прервал связь и встал. На миг замер, стараясь взять себя в руки, вернулся в спальню и бодро произнес:

— Похоже, все в порядке.

Ответа не последовало. Веда лежала на его постели, положив голову на подушку. Очевидно, прилегла, дожидаясь его возвращения, и провалилась в сон.

Бережно укрыв жену одеялом, он вытянулся на ее постели. Когда наступил рассвет, он так и лежал — без сна, полный тревоги, усталый и несчастный.

— Что эта дама прошептала тебе? — спросил Джекки.

Они спускались на эскалаторе в туннель под «Путем». Дидди, который напряженно вслушивался с целью уловить

звук — здесь посторонних шумов было гораздо меньше,— посмотрел на мальчика.

— О, то же самое, что она сказала и вам.

Джекки, казалось, задумался над его словами. Они достигли дорожки, и Дидди тут же зашагал по ней. Стараясь никак не выказывать своего интереса, он искал взглядом металлическую опору с буквой «Н». И вдруг увидел ее, в сотне футов впереди. У него за спиной Гил спросил:

— С какой стати она стала шептать тебе то же, что сказала нам?

Эта подозрительность заставила Дидди внутренне содрогнуться, но и тут сработало пройденное им многолетнее обучение.

— Ну, взрослым иногда нравится подшучивать над детьми, так мне кажется.

— Подшучивать! — воскликнул Джекки.

— Что нам делать под кораблем? — спросил Гил.

— Я устал,— ответил Дидди.

Он сел на край дорожки рядом с металлической опорой пяти футов толщиной, уходящей высоко вверх, и свесил ноги в туннель. Йевды прошли мимо и остановились по ту сторону опоры. У Дидди мелькнула мысль, окрашенная смесью испуга и возбуждения: «Они хотят по-своему поговорить друг с другом, а может, и с остальными».

Он постарался успокоиться, зашарил под краем дорожки и наконец что-то нащупал. Маленький бластер легко лег в ладонь, и Дидди одним быстрым движением уронил его в карман. Как реакция, накатила слабость, и он остался сидеть, где сидел.

Чем дальше, тем отчетливее он ощущал, как вибрирует под ним металл. Пока он шел, специальная обувь гасила эту дрожь, а потом он так сосредоточился на поисках бластера, что ничего не замечал. Зато сейчас заметил. Пусть несильно, но тело вздрагивало, а в мышцах и внутренних органах возник гул. Дидди мгновенно забыл о йевдах, и на некоторое время ему показалось безмерно странным, что вот он сидит тут, просто на металле, без всякой защиты — и чувствует, что настроен в унисон с самим звуком.

Ему следовало бы догадаться, что под этим кораблем кораблей вибрация будет ужасающая. Город Верфей был построен на металле. И даже все амортизирующие материалы, которыми были устланы улицы и дороги, не могли погасить интенсивной пульсации энергии, сконцентрированной в столь небольшом пространстве. Здесь были атомные ре-

акторы, испускающие такой жар, что их выбросы вызывали детонацию на грани катаклизма. Здесь были механизмы, способные штамповать стальные плиты с гальваническим покрытием весом в сотни тонн.

Верфи существовали вот уже восемь с половиной лет, построенные с единственной целью — для создания этого колоссального корабля. И когда он наконец помчится в космос, Дидди полетит на нем. Все семьи для работы на Верфях отбирались исходя из двух критериев: чтобы отец или мать обладали навыками, необходимыми для строительства корабля, и чтобы они имели ребенка, который будет расти в непосредственной близости от корабля.

Люди знали пока один способ управлять космическим кораблем, возвышающимся здесь, точно молодая гора: для этого нужно было вырасти рядом с ним. На девяти тысячах четырехстах футах его длины были сосредоточены достижения инженерных гениев не одного столетия, применено столько специальных знаний, столько механических деталей, что являющиеся с визитом сановники оглядывались в замешательстве при виде целых акров машин и приборов на каждом уровне, при виде множества горящих светильников, которые были уже смонтированы на нижних палубах.

Он полетит на нем! Дидди встал, пронизанный дрожью предвкушения,— и как раз в этот момент йевды вышли из-за опоры.

— Пошли! — сказал Джекки.— Хватит без толку тут болтаться.

Дидди спустился с небес на землю.

— Куда?

— До сих пор мы тащились за тобой,— сказал Гил.— Как насчет того, чтобы теперь пойти туда, куда хотим мы?

На здании пылали неоновые буквы «Научный центр», и около него собралось множество мальчиков. Они бродили поодиночке и группами. Они выглядели так, словно никуда в особенности не направлялись. С трудом верилось, что все они йевды, но Дидди не покидало ужасное ощущение, что это именно так.

«Научный центр». Вот куда они стремились. Здесь, в этом здании, люди выращивали антийевдовские бактерии для барьера. Возможно, совсем немного связанной с этим информации позволит им свести на нет всю защиту. Игробот как-то намекал, что такая возможность существует.

Все двери центра были закрыты — первое здание с закрытыми дверями, попавшееся на глаза Дидди.

— Открой-ка дверь, Дидди,— сказал Джекки.

Дидди послушно взялся за дверную ручку, но остановился, увидев двух идущих по дорожке людей. Один из них окликнул его:

— Привет, парень! Мы опять на тебя наткнулись, а?

Дидди оставил в покое дверь и повернулся к ним. Они были похожи на тех двух, которые в самом начале привели его к барьеру и устроили проверку с бактериями. Но это сходство, конечно, было чисто внешним. Из всех йевдов, бывших в Солнечном городе, по эту сторону барьера могли оказаться лишь иммунизированные против конкретно тех бактерий, которые Дидди выявил для них в этой части барьера.

Это было бы уж слишком большим совпадением, если бы оба йевдовских агента принадлежали к этой группе. Следовательно, это были не те же самые йевды.

Хотя какое это имело значение?

«Полицейский» сказал:

— Рады снова встретиться с тобой. Мы хотим провести еще один эксперимент. Смотри, сейчас ты войдешь внутрь. Центр наверняка защищен от вторжения каким-нибудь необычным способом. Если наша идея касательно этого места подтвердится, то йевдам еще труднее станет проникать на Верфи. Дело того стоит, верно?

Дидди кивнул. Его начало подташнивать, и он не был уверен, что сможет произнести хоть слово, несмотря на все свое обучение.

— Зайди внутрь,— продолжал йевд,— побудь там некоторое время, вдохни поглубже, задержи дыхание и выходи. Это все.

Дидди открыл дверь и вошел в здание. Дверь автоматически закрылась за ним.

Он оказался в просторном помещении.

«Я могу сбежать,— подумал он.— Они не осмелятся войти сюда».

Однако отсутствие людей внутри охладило его энтузиазм. Странно, что здесь не было ни одного человека. Большинство учреждений Верфей работали круглосуточно.

За его спиной открылась дверь. Дидди обернулся и увидел стоящих чуть в отдалении Джекки и Гила, а за ними других мальчиков. Кто бы ни открыл дверь, он не собирался подвергать себя риску вдохнуть дозу чего-нибудь опасного или как-то иначе поставить свою жизнь под удар.

— Можешь выходить,— сказал мужской голос из-за двери.— Но сначала сделай глубокий вдох и задержи воздух.

Дидди послушался. Дверь автоматически закрылась, когда он вышел. И за нею его ждали двое «полицейских». Один протянул ему маленькую бутылочку с резиновой трубкой.

— Выдохни сюда,— сказал он.

Когда это было сделано, йевд отдал бутылочку своему товарищу, который тут же скрылся, свернув за угол.

— Не заметил ничего необычного? — спросил «полицейский».

Дидди заколебался. Только теперь до него дошло, что воздух в здании был как бы плотнее, чуть-чуть более труден для дыхания, чем обычный. Он медленно покачал головой.

— Нет.

Такой ответ йевда, по-видимому, устроил.

— Ну, этого, скорее всего, и не заметишь... Нам нужно снова взять на анализ твою кровь,— быстро добавил он.— Протяни палец.

Съежившись при виде иглы, Дидди тем не менее позволил взять у себя кровь. Вперед вышел Гил.

— Я могу помочь? — с энтузиазмом спросил он.

— Конечно,— ответил «мужчина».— Отнеси это моему другу.

Гил бросился бежать, как могут бегать одни мальчишки,— во всю прыть. Прошла минута, другая; и потом...

— А,— сказал «мужчина»,— вот и они.

Дидди с кривой улыбкой смотрел на возвращающуюся пару. Стоящий рядом йевд быстро устремился им навстречу. Если «мужчины» о чем-то и разговаривали, Дидди не мог их услышать.

Какова бы ни была природа их «разговора», он завершился.

К Дидди вернулся тот «человек», который оставался с ним.

— Ну, парень,— сказал он,— ты для нас просто клад. Похоже, нам и впрямь удастся внести существенный вклад в войну с йевдами. Тебе известно, что к воздуху в этом здании подмешан искусственный газ, соединение фтора? Очень интересный и совершенно безопасный сам по себе. И даже если йевд с его фторовым метаболизмом войдет туда, он будет в полной безопасности — пока не попытается использовать энергию своего тела для взрыва или связи с другим йевдом. Эта энергия подействует как агент, соединяющий фтор в воздухе и фтор в теле йевда,— а тебе, надо полагать,

известно, что происходит с фтором при определенных условиях даже при комнатной температуре.

Дидди и впрямь было это известно. Химические реакции фтора и его соединений с самых первых дней входили в курс обучения.

— Фтор воспламеняется,— с явным удовлетворением продолжал «человек».— И только сам йевд может спровоцировать этот взрыв. Очень хитроумно. А теперь, ребята, я хочу, чтобы вы все вошли внутрь и хорошенько там огляделись. Но не ты,— последние слова относились к Дидди.— Мне нужно немного поговорить с тобой. Иди сюда.

Он и Дидди отошли в сторону, а «мальчики» ринулись внутрь здания. Дидди хорошо представлял себе, как они рыщут там внутри, вынюхивая все секреты. Он устало подумал: «Хоть бы кто-нибудь сделал что-нибудь, и побыстрее».

— Между нами, парень, ты сегодня проделал для нас очень важную работу,— сказал йевд.— Просто чтобы ты знал: мы должны всю ночь не спускать глаз с Научного центра. Те, кто здесь служат, в полночь обычно уходят домой. Когда здание опустеет, сюда приходят двое рабочих, устанавливают кое-какое оборудование и тоже уходят. Они вешают радио над дверью и громкоговорители внутри и снаружи. Вот и все. В данный момент, если не считать вас, мальчишек, тут никого нет. Теперь, надо полагать, ты понимаешь, как сильно люди зависят от бактериального барьера, не позволяющего йевдам проникнуть сюда.

Он помолчал и потом заговорил снова:

— Конечно, йевды могут заранее разузнать всю эту информацию. И если они в конце концов сумеют преодолеть барьер, то могут установить защиту вокруг этого здания, такую непробиваемую, что преодолеть ее окажется не в состоянии даже самое мощное воинское подразделение. Конечно, йевдов можно расстрелять с расстояния, но вряд ли люди начнут с этого. Сначала они испробуют другие методы. Ты понимаешь, что из этого следует. Йевды получат возможность вызнать некоторые секреты центра, а потом выйти из него и сообщить эту информацию остальным йевдам, находящимся в безопасной зоне. Ну, и сбежать, если смогут. Это рискованный план, но йевды и прежде делали такие вещи. Видишь? Это совсем нетрудно. Но теперь, благодаря нам, у них ничего не получится.

— Дидди,— послышался шепот над ним и чуть в стороне,— не подавай виду, что слышишь нас.

Мальчик окаменел, но тут же снова расслабился. Уже давно было установлено, что электронные устройства, позволяющие йевдам говорить и слышать, вживляются в заглушающие звук плечевые мускулы и потому не способны распознавать шепот.

— Ты должен войти внутрь,— продолжал шептать голос.— Оказавшись там, держись около двери. Это все. Дальнейшие инструкции получишь позже.

Дидди заметил, что источник шепота располагается где-то над дверью. Он подумал, дрожа: «Радио, установленное рабочими, о которых говорил йевд... Вот откуда этот шепот».

Но как пробраться внутрь, если йевд явно нарочно задерживает его?

Йевд говорил что-то о вознаграждении, но Дидди почти не слушал его, рассеянно глядя мимо. Он видел бесконечный ряд зданий: некоторые были ярко освещены, другие в полумраке. Сверкающий корабль отбрасывал длинную тень туда, где стоял мальчик. Ночное небо над головой казалось черным как никогда.

Хотя до рассвета осталось всего несколько часов, никаких признаков его приближения не наблюдалось.

Дидди сказал в отчаянии:

— Черт, я лучше пойду внутрь. Солнце скоро взойдет, а мне еще много чего надо посмотреть.

— Я не стал бы тратить много времени в этом здании,— ответил йевд.— Загляни внутрь, если хочешь, а потом расскажешь, что там поделывают другие ребята.

Дрожа, Дидди открыл дверь. И вошел. Дверь автоматически закрылась за ним.

— Дидди,— раздался шепот,— если йевд не носит оружие в открытую, значит, он может напасть только с помощью энергии своих ячеек. Йевды по своей природе не носят одежды, они всего лишь создают образы человеческой фигуры и одежды. Ну-ка, подумай хорошенько. Ты заметил у кого-либо из мальчиков оружие? Отвечай шепотом.

— Не помню, чтобы видел что-то похожее,— прошептал Дидди.

— Будем надеяться, что память не подвела тебя,— послышался ответ.— Если это так, значит, любое оружие, которое у них вдруг окажется, будет воображаемым. Теперь скажи, сколько мальчиков ты сейчас видишь?

Их было двое, оба склонились над столом на другом конце комнаты.

— Двух,— повторил за Дидди шепот.— Достань пистолет и застрели их.

Дидди сунул руку в карман, сглотнул ком в горле — и вытащил пистолет. Рука немного дрожала, но он пять лет тренировался, готовясь к моменту вроде этого, и внезапно почувствовал огромное спокойствие внутри. Тут цель была видна как на ладони.

Он выстрелил струей голубого пламени. Йевды начали поворачиваться — и тут же рухнули.

— Получилось? — послышался шепот.

— Да,— ответил он дрожащим голосом.

Два лежащих на полу мальчика с пухлыми, похожими на яблоки щеками начали изменяться. После смерти фантомные образы не могли удерживаться. И хотя Дидди показывали изображения того, что оставалось взамен, это было совсем другое — собственными глазами видеть, как проступает темная плоть и эти странные ноги...

— Послушай,— шепот вывел его из состояния шока,— все двери заперты. Никто не может ни войти, ни выйти. Иди по всему зданию и стреляй во всех, кого увидишь. Во всех! Не поддавайся на призывы, что они всего лишь дети, и на их фальшивый внешний облик. Мы следим за каждым настоящим мальчиком, и в этом здании сейчас только йевды. Сжигай их без жалости... И, Дидди, мне очень жаль, что тебе приходится пройти через все это. Но только ты можешь это сделать, раз уж оказался среди них. Единственная причина, по которой ты все еще жив, состоит, скорее всего, в том, что они рассчитывают каким-то образом использовать тебя внутри здания, на случай если что-то пойдет не так. Ты единственный, в отношении кого у них нет серьезных подозрений. Любой другой способ покончить с ними стоил бы нам сотни жизней. А теперь вперед! Займись теми, что внутри. Мы разберемся с теми, что снаружи. И не забывай, чему тебя учили. Прежде чем войти в помещение, загляни в него. Помни также, что они не могут ответить тебе выстрелом. Любая подобная попытка приведет к тому, что их тела тут же сгорят. Удачи, Дидди. Теперь все зависит только от тебя.

Ловушка была настолько хороша, что никакая реальная опасность мальчику не угрожала.

Было еще темно, когда вертолет подобрал Дидди на Перекрестке 2 и полетел в сторону холмов, откуда «исследователям» вроде него предстояло увидеть восход солнца. Поднявшись по лестнице на вершину холма, он увидел там несколько других мальчиков, сидящих или стоящих.

Никаких доказательств того, что перед ним настоящие люди, у него не было, и все же он не сомневался, что это так. С какой стати йевд стал бы принимать участие в такого рода ритуале?

Дидди уселся под кустом, рядом с одним из мальчиков. Тот молчал, и Дидди спросил:

— Как тебя зовут?

— Март,— негромко ответил мальчик.

— Нашел звук?

— Да.

— И я тоже.— Дидди подумал о том, что произошло. Только на мгновение мелькнула мысль, каким замечательным было его обучение, позволившее девятилетнему мальчику сделать то, что он сделал; но он почти сразу же забыл об этом.— Забавное ощущение, правда?

— Да уж.

Повисло молчание. С того места, где сидел Дидди, он мог видеть пульсирующее мерцание атомных печей и белые вспышки в небе — отражение этих огней. Вдали ослепительно сияла аура света, окружающая корабль. Небо посветлело, и тени вокруг все больше наливались чернотой. Бросив взгляд в сторону, Дидди увидел, что скрючившийся под кустом Март был еще младше его.

Наступил рассвет, и стал виден весь корабль. В солнечных лучах один за другим вспыхивали его верхние шпангоуты, хотя с того места, где сидел Дидди, самого солнца еще видно не было. Постепенно осветилась и нижняя, практически законченная часть корабля. На фоне неба проступил весь огромный силуэт.

Он выглядел невероятно и был так велик, что рядом с ним все казалось маленьким. С такого расстояния стоэтажное административное здание выглядело как часть окружающих корабль подмостков — белый столб на фоне гигантского темного сооружения.

Прошло много времени, прежде чем показалось солнце. Дидди наблюдал его восход стоя, переполненный возбуждением и гордостью. В сиянии нового дня корабль выглядел так, будто вот-вот взлетит.

«Пока нет,— взволнованно думал Дидди,— пока нет. Но этот день придет. Самый большой корабль, когда-либо сконструированный и построенный людьми, поднимет нос к открытому космосу и устремится во тьму. И вот тогда йевды

отступят, поскольку у них-то ничего подобного нет. Ничего даже близкого к этому».

Наконец, ощутив знакомую пустоту в желудке, Дидди сбежал с холма. Он позавтракал в маленьком ресторанчике под названием «Минутка». А потом, чувствуя себя совершенно счастливым, поймал вертолет и полетел домой.

Сидя в спальне, Крейг услышал, как открылась дверь квартиры. И едва не опоздал. Жена уже успела схватиться за ручку двери, когда он сжал ее пальцы. И покачал головой.

— Он устал,— мягко сказал Крейг.— Пусть отдохнет.

Жена неохотно позволила отвести себя к постели.

Дидди на цыпочках пересек гостиную и разделся. Лежа под простынями, он ощущал слабое дрожание воздуха, чувствовал, как вздрагивает постель, слышал содрогание окон из оргстекла. Под ним, в своей ни на миг не прекращающейся вибрации, слабо поскрипывал пол.

Дидди лежал, улыбаясь, бесконечно счастливый и бесконечно усталый. Больше у него никогда не возникнет вопросов о происхождении звука. Это были миазмы Верфей, легкая дымка вибрации множества зданий, металла и механизмов. Звук будет с ним всю его жизнь, ведь когда корабль построят, тот же самый всепроницающий звук будет исходить от каждой металлической пластины.

Дидди спал, глубоко внутри ощущая пульсацию звука, ставшую частью его жизни.

Той частью, без которой само его существование было теперь невозможно.

*Операторы**

Корабль: единственное место в пространстве.

Он говорит, что сегодня в полдень я подвергнусь распаду. И меня заранее охватывает печаль.

Мне кажется несправедливым, что распад произойдет на целых три дня раньше обычного. Но я давно знаю, что нельзя требовать от Корабля ответа на личные вопросы.

Я чувствую, что сегодня необычный день: что-то происходит. Еще рано, но я надеваю скафандр и выбираюсь наружу — одно это уже выходит за рамки стандартной процедуры. Я меняю поцарапанный метеоритной пылью экран, и Корабль наверняка скажет, что я плохо себя веду, поскольку, выполняя свою работу, я стараюсь незаметно оглядеться по сторонам. Я не осмеливаюсь делать это там, где запрещено,— внутри. Еще ребенком я заметил, что Корабль, похоже, не слишком замечает, чем я занимаюсь, когда нахожусь за его пределами.

И потому я осторожно вглядываюсь в черный мрак космоса. И еще смотрю на звезды.

Как-то раз я спросил у Корабля, почему мы никогда не приближаемся к ярким точкам, которые он называет звездами. За свой вопрос я был наказан дополнительным распадом и длинной скучной лекцией о том, что около звезд на своих планетах живут люди, и о том, какие они отвратительные и порочные существа. В тот раз Корабль так разошелся, что рассказал мне вещи, которых я не знал. Например, как он сбежал от людей во время жуткой войны с Кибеном. А еще, что время от времени ему приходится вступать в «схватку» с порочными человеческими существами, но всякий раз нас

* Рассказ написан в соавторстве с Х. Эллисоном.

спасает дефрактор. Я не имею ни малейшего понятия, что Корабль имеет в виду,— по правде говоря, даже не очень понимаю значения слова «схватка».

Наверное, первая «схватка» произошла, когда я еще был совсем маленьким и просто ничего не помню. И до того, как Корабль убил моего отца, когда мне исполнилось четырнадцать. Иногда, еще при его жизни, я спал целыми днями — по совершенно непонятной мне причине. Но с тех пор, как мне исполнилось четырнадцать, я выполняю всю необходимую работу и сплю шесть часов ночью. Корабль говорит мне, когда наступает ночь и когда начинается день.

И вот я здесь, в моем скафандре, я чувствую себя крошечным на покатой серой поверхности в окружении черного мрака. Корабль огромен — более пятисот футов длиной и около ста футов шириной. И меня снова посещает мысль о том, что будет, если я резко оттолкнусь и поплыву в сторону одной из ярких точек? Смогу ли я сбежать? Мне кажется, что, кроме Корабля, должны быть еще какие-то другие места.

Но мне приходится с грустью, как и множество раз до этого, отказаться от своей мечты. Потому что я знаю: если попытаюсь, то буду наказан *настоящим* распадом.

Закончив ремонтные работы, я возвращаюсь в воздушный шлюз и через некоторое время оказываюсь в безопасности — я вынужден это признать. Сверкающие коридоры, огромные склады, где хранится оборудование и запасные детали, и еще холодильники с запасом продуктов (Корабль утверждает, что их хватит, чтобы прокормить одного человека несколько веков), и верхняя палуба, где находятся приборы, за исправностью которых я должен следить. Я горжусь тем, что у меня всегда все в полном порядке.

«Поторопись! До полудня осталось шесть минут!» — объявляет Корабль, и я спешу.

Я быстро снимаю скафандр, отправляю его в камеру дезактивации, а сам иду в комнату распада. По крайней мере, я так ее называю. На самом деле, думаю, это часть машинного отсека на нижней палубе 10, специальное помещение, оснащенное электрическими приборами, большинство из которых контрольно-измерительные. Я довольно часто пользуюсь ими в моей работе. Мне кажется, я припоминаю, что их установил на Корабле отец отца моего отца. Здесь стоит большой стол, я забираюсь на него и ложусь. Я чувствую его холодное прикосновение к спине и ногам, но он постепенно согревается, и вот уже до полудня остается одна минута. Я жду, дрожа от страха. Потолок начинает медленно опускаться.

Одна его часть охватывает мою голову, и два жестких шара прижимаются к моим вискам. Холодно. Я чувствую, что мой живот, запястья и щиколотки плотно прикреплены к столу специальными зажимами. Грудь оплела гибкая, но достаточно жесткая металлическая лента.

«Приготовься!» — приказывает Корабль.

Я не перестаю чувствовать несправедливость происходящего. Ну как я могу быть готов к распаду? Я не могу!

Корабль считает: «Десять... девять... восемь... один!»

Первый электрический удар, и у меня возникает ощущение, будто мой мир разлетается в разные стороны; мне кажется, кто-то разрывает что-то мягкое внутри меня — вот что я чувствую.

В голове моей сгущается мрак, и я все забываю. Некоторое время я нахожусь без сознания. В последний момент перед тем, как я вновь обретаю себя, прежде чем все заканчивается и Корабль снова позволяет мне вернуться к своим обязанностям, во мне всплывает воспоминание, одно и то же. Оно приходит не в первый раз. Я вспоминаю отца и то, что он сказал незадолго до смерти: «Когда Корабль говорит "порочные", он имеет в виду "умнее его". Существует девяносто восемь других возможностей». Он произнес эти слова очень быстро. Думаю, он знал, что скоро Корабль его убьет. Да, конечно, он должен был знать, должен, потому что в тот момент мне уже почти исполнилось четырнадцать. Когда *ему* исполнилось четырнадцать, Корабль убил *его* отца, так что он наверняка все знал.

Вот почему его слова очень важны. Я это знаю, они очень важны. Только я не понимаю, что они означают. Ну, не совсем понимаю.

«Я закончил с тобой!» — говорит Корабль.

Я слезаю со стола. Голова у меня еще болит, и я спрашиваю у Корабля:

— Почему я подвергся распаду на три дня раньше, чем обычно?

Голос Корабля звучит сердито: «Я могу снова подвергнуть тебя распаду!»

Но я знаю, что он не станет этого делать. Должно что-то произойти, и Корабль хочет, чтобы я хорошо себя чувствовал и мои реакции были в норме. Однажды после очередного распада я задал ему какой-то личный вопрос, и он повторил процесс, а когда я пришел в себя, он возился со мной, воспользовавшись своими приборами. Он испугался, что я пострадал. С тех пор он ни разу не подвергал меня этой проце-

дуре два раза подряд. Вот почему я спрашиваю, хотя и понимаю, что вряд ли получу ответ, но я все равно спрашиваю.

«Мне нужно, чтобы ты кое-что починил!»

— Где? — спросил я.

«В запретном отсеке внизу!»

Я изо всех сил стараюсь не улыбнуться. Ведь я знал, что должно произойти нечто необычное,— и вот произошло. Я снова вспомнил слова отца. «Девяносто восемь других возможностей».

Неужели это одна из них?

Я спускаюсь в темноте. В шахте нет света. Корабль говорит, что свет мне не нужен. Но я знаю, это не так. Корабль не хочет, чтобы я смог самостоятельно найти дорогу назад. Ниже мне еще бывать не приходилось.

И вот я спускаюсь, неторопливо, плавно, споро. Постепенно движение замедляется, и наконец мои ноги касаются твердой поверхности палубы — я прибыл на место.

Включается свет. Тусклый. Я иду в направлении сияния, и Корабль меня сопровождает, ведь он рядом, вокруг меня. Он всегда со мной, даже когда я сплю. Особенно когда я сплю.

Свет становится ярче, когда я заворачиваю за угол и вижу, что его испускает круглая панель, которая загораживает проход, соприкасаясь со стенами со всех сторон, а внизу, около пола, она слегка плоская. Кажется, что она из стекла. Я подхожу к ней и останавливаюсь. Мне больше некуда идти.

«Пройди сквозь экран!» — приказывает Корабль.

Я выставляю перед собой руки, вперед ладонями, потому что боюсь удариться носом о сверкающую панель. Но когда мои пальцы соприкасаются с ней, они словно становятся мягкими, и я вижу сквозь них светло-желтое сияние, как будто они стали прозрачными. Мои пальцы проходят сквозь панель, и теперь я могу различить их по другую сторону. За ними следуют руки, и вот я уже стою совсем рядом, мое лицо проникает за экран, все вокруг заливает свет, и я оказываюсь за панелью, там, куда до сих пор Корабль меня никогда не пускал.

Я слышу голоса. На самом деле один и тот же, который говорит с самим собой, тихо и в унисон; так звучит мой собственный голос, когда я разговариваю в своей крошечной каюте, где стоит моя койка.

Я решаю послушать голоса, но не спрашивать про них Корабль; мне кажется, что здесь, внизу, в этом пустом,

одиноком месте, он разговаривает с самим собой. Позже, когда моя работа будет выполнена и я сделаю все, чего хочет от меня Корабль, я подумаю о том, что он говорит. Мне очень интересно, о чем Корабль беседует с самим собой.

Это место совсем не похоже на те, в которых мне приходилось до сих пор выполнять ремонтные работы. Здесь множество огромных, стоящих на подставках круглых шаров из стекла, каждый из них испускает желтое пульсирующее сияние, но мне никак не удается их сосчитать. Я вижу бесконечные ряды прозрачных стеклянных шаров, а внутри них металл... и еще что-то мягкое. Провода тускло сверкают, что-то мягкое шевелится, желтый свет пульсирует. Я думаю, именно эти стеклянные шары разговаривают, но я не уверен. Я только так думаю.

Я заметил, что два шара отличаются от остальных — они темные. Их подставки кажутся тусклыми и совсем не сверкают, как остальные. Внутри двух темных шаров какие-то штуки, похожие на сожженные провода. Мягкие предметы не шевелятся.

«Замени модули, пострадавшие от перегрузки!»

Я понимаю, что Корабль имеет в виду темные шары, подхожу к ним, смотрю, а потом говорю, что смогу их починить. Корабль отвечает, что он и без меня знал, что я справлюсь, и приказывает поскорее заняться делом. Он меня торопит, что-то должно произойти. Только вот что?

Я нахожу шары на замену, достаю их и делаю все, что нужно, чтобы мягкие штуки начали двигаться, а провода снова сверкали, и очень внимательно прислушиваюсь к голосам, которые шепчут и утешают друг друга, когда Корабль говорит с самим собой. Я слышу множество вещей, ничего для меня не значащих, потому что голоса рассказывают о событиях, случившихся до моего рождения, и о частях Корабля, где я никогда не бывал. Но еще я слышу и много такого, что мне понятно, и я знаю, что Корабль никогда не допустил бы этого, если бы не возникла необходимость починить шары. Я стараюсь запомнить все, что услышал.

В особенности те места, где Корабль плачет.

Когда я починил шары и теперь уже все как один сверкают, пульсируют и внутри снова что-то движется, Корабль меня спрашивает: «Интерсознание снова обладает целостностью?»

Я отвечаю утвердительно, и Корабль приказывает мне возвращаться в шахту. Я снова прохожу сквозь сияющую панель и оказываюсь в коридоре. Потом я поднимаюсь наверх.

«Иди в свою каюту и приведи себя в порядок»,— велит мне Корабль.

Я выполняю его приказ и решаю надеть одежду, но Корабль говорит, что я не должен этого делать, а потом добавляет: «Ты встретишься с самкой!»

До сих пор он ничего подобного не говорил. А я никогда не видел самок.

Именно из-за самки Корабль допустил меня в запретный отсек, где стоят сияющие шары и где живет интерсознание. И именно самку я жду в комнате с куполом, соединенной с воздушным шлюзом. Я жду самку, которая должна прийти — мне трудно это осознать — с другого корабля. Не с Корабля, который я знаю, а с какого-то другого корабля, с которым мой Корабль вступил в переговоры. Я не имел ни малейшего понятия о том, что существуют другие корабли.

Мне пришлось спуститься вниз и починить интерсознание, чтобы Корабль смог подпустить к себе другой корабль, *не причинив ему вреда, когда он окажется в дефракторном периметре.* Так мне сказал Корабль. Я услышал это внизу, из разговора голосов. Они заявили: «Его отец был порочен!»

Я знаю, что это означает. Отец сказал мне, что, когда Корабль говорит «порочный», это означает «умнее его». Может быть, существует девяносто восемь кораблей? И они являются теми другими возможностями, о которых говорил отец? Я надеюсь, что не ошибся, потому что вдруг начинает происходить сразу несколько вещей и, возможно, мой конец уже близок. Мой отец испортил механизм в шаре, позволявший Кораблю отключать дефрактор, чтобы к нему могли приблизиться другие корабли.

Он сделал это много лет назад, и Корабль обходился без него все эти годы. Он не хотел подпускать меня близко к интерсознанию, чтобы я не услышал то, что услышал. Но Кораблю понадобилось отключить дефрактор и заполучить самку. Корабль и другой корабль вступили в переговоры. Другим кораблем управляет самка моего возраста. Она перейдет на Корабль, и мы произведем на свет одного и, возможно позже, еще одного ребенка. Я знаю, что это значит. Когда ребенку исполнится четырнадцать, Корабль меня убьет.

Интерсознание сказало, что, пока самка будет «вынашивать» ребенка, корабль не будет подвергать ее распаду. Если у меня ничего не выйдет, может быть, я спрошу у Корабля, не могу ли я «выносить» ребенка; тогда мне больше не будет угрожать эта отвратительная процедура. А еще я узнал, почему я подвергся распаду на три дня раньше: месячные самки закончились вчера вечером — уж не знаю, что они имели в виду. Кажется, у меня такого не бывает.

Корабль разговаривал с другим кораблем, и мне показалось, что они не знают, когда наступит «плодоносный» период. Я тоже не знаю, иначе обязательно воспользовался бы этой информацией. Но одно я понял: самку будут доставлять на Корабль каждый день, пока у нее не начнутся следующие «месячные».

Я рад, что у меня появится возможность поговорить с кем-то еще, кроме Корабля.

Я слышу высокий пронзительный звук и спрашиваю у Корабля, что это такое. Он объясняет, что так отключается дефракторное поле, чтобы другой корабль смог переправить сюда самку.

Мне больше некогда думать о голосах.

Когда она проходит через воздушный шлюз, я вижу, что она, как и я, без одежды. Ее первые слова, обращенные ко мне, звучат так:

— «Звездный истребитель»—восемьдесят восемь велел сказать тебе, что я счастлива здесь оказаться; я оператор «Звездного истребителя»—восемьдесят восемь, и я очень рада с тобой познакомиться.

Она ниже меня ростом. Я достаю до уровня четвертой и пятой пластины на переборке. У нее очень темные глаза, мне кажется, карие, но, может быть, черные. Под глазами у нее темные круги и не слишком круглые щеки. Ее руки и ноги гораздо тоньше моих. И волосы у нее длиннее, они спускаются на спину, темные, как и глаза. Да, теперь я вижу, что глаза у нее карие, а не черные. Как и у меня, между ног у нее волосы, но нет ни пениса, ни мошонки. Грудь у нее больше, чем у меня, с торчащими вперед сосками, окруженными плоскими темными кругами. Есть и другие различия: у нее тоньше и длиннее пальцы и, кроме волос на голове, между ног и под мышками, у нее гладкое тело. Если на нем и есть какие-то волоски, то они такие тонкие и светлые, что я их не вижу.

И тут я вдруг сообразил, что она сказала. Значит, вот что означают тусклые слова на корпусе Корабля. Это имя. Корабль называется «Звездный истребитель»—31, а самка-оператор живет на «Звездном истребителе»—88.

Существует девяносто восемь других возможностей. Да.

Словно прочитав мои мысли и пытаясь ответить на вопросы, которые я еще не задал, она говорит:

— «Звездный истребитель»—восемьдесят восемь велел мне сказать тебе, что я порочна и становлюсь все порочнее с каждым днем...

Ее слова являются ответом на мои мысли, и я вспоминаю испуганное лицо своего отца в последние дни его жизни и слова: «Когда Корабль говорит "порочный", он имеет в виду "умнее его"».

Я понял! Мне кажется, я всегда это знал, потому что всегда хотел покинуть Корабль и отправиться к сияющим точкам, которые называются звезды. Но окончательно я осознал только сейчас. Взрослея, люди-операторы становятся более порочными. Чем старше, тем порочнее. Порочнее — умнее. А умнее — значит опаснее для Корабля. Но в чем? Вот почему моему отцу пришлось умереть, когда мне исполнилось четырнадцать и я уже мог обслуживать Корабль. И именно по этой причине самку допустили на Корабль. Чтобы появился ребенок. Потом ему исполнится четырнадцать, и Корабль убьет меня, прежде чем я стану слишком взрослым, слишком порочным, слишком умным и слишком для него опасным. Знает ли самка, как это делается? Если бы я мог ее спросить так, чтобы меня не услышал Корабль. Но это невозможно. Корабль всегда со мной, даже когда я сплю.

Я улыбнулся своим воспоминаниям и собственным мыслям.

— А я порочный самец с Корабля, который называется «Звездный истребитель»—тридцать один. И с каждым днем я становлюсь все порочнее.

В ее карих глазах появляется облегчение. Она несколько мгновений смущенно стоит не шевелясь, и я вижу, как она благодарно вздохнула, радуясь тому, что я ее понял, хотя она не может знать, о чем я догадался благодаря ее появлению на борту Корабля.

— Меня прислали сюда, чтобы ты дал мне ребенка,— говорит она.

Неожиданно я весь покрываюсь потом. Разговор, который обещал подарить мне настоящее общение, вдруг становится непонятным. Я начинаю дрожать. Мне очень хочется, чтобы она была довольна. Но я не знаю, что нужно делать, чтобы она получила ребенка.

— Корабль? — быстро говорю я.— Мы можем дать ей то, что она хочет?

Корабль слышал каждое наше слово и ответил мгновенно: «Я позже расскажу тебе, как сделать ребенка! А сейчас обеспечь ее едой!»

Мы едим, разглядывая друг друга через стол, мы все время улыбаемся и думаем каждый о своем. Поскольку она молчит, я тоже ничего не говорю. Мне очень хочется, чтобы мы с Кораблем смогли дать ей ребенка, тогда я смогу вернуться в свою каюту и подумать над тем, что сказали голоса интерсознания.

Когда мы закончили есть, Корабль приказал нам спуститься вниз, в одну из запертых кают — ее открыли для нас,— где мы должны будем совокупляться. Оказавшись в каюте, я был так потрясен ее великолепием, особенно если сравнивать с моим жалким жилищем, что Кораблю пришлось сделать мне выговор, чтобы привлечь мое внимание.

«Для совокупления положи самку на кровать и раздвинь ей ноги! Твой пенис наполнится кровью, ты должен опуститься на колени между ее ног и вставить пенис в ее вагину!»

Я спросил Корабль, где находится вагина, и он мне ответил. Я понял. Затем я спросил, как долго я должен это делать, и Корабль сказал: пока не наступит эякуляция. Я знаю, что это значит, только мне непонятно, как это происходит. Корабль объясняет. Звучит просто. Я пытаюсь сделать, как сказал Корабль, но мой пенис не наполняется кровью.

Корабль говорит самке: «Ты что-нибудь чувствуешь к этому самцу? Ты знаешь, что нужно делать?»

Она отвечает:

— Я уже совокуплялась раньше. Я понимаю лучше, чем он. Я ему помогу.

Она снова притягивает меня к себе, обнимает за шею и прижимается губами к моим губам. Они у нее прохладные, и мне незнаком их вкус. Мы так делаем некоторое время, потом она начинает трогать меня в самых разных местах. Корабль прав: мы очень сильно отличаемся друг от друга, но я узнаю об этом, только когда мы совокупляемся.

Корабль не сказал мне, что будет больно и странно. Я думал, что «дать ей ребенка» означает пойти в какое-нибудь складское помещение и найти его там. А на самом деле ребенок рождается *из ее тела.* Поразительное и диковинное открытие, и я обязательно подумаю над ним позже. Сейчас же я лежу на ней, и мой пенис по-прежнему находится внутри ее, только он больше не твердый и не пульсирует. Корабль,

похоже, дал нам время немного поспать. Но я воспользуюсь этим временем, чтобы подумать над тем, что сказали голоса интерсознания.

Один был историком:

Серия «Звездный истребитель» — многофункциональные управляемые компьютерами боевые корабли, были выпущены в две тысячи двести двадцать четвертом году по земному летоисчислению, по приказу и с санкции секретариата флота, сектор Южного Креста, Галактический оборонный консорциум, Внутренняя галактика. На каждом из них находилась команда из тысячи трехсот семидесяти человек, которые получили приказ проникнуть в галактику Кибен. Девяносто девять кораблей покинули доки созвездия Лебедь тринадцатого октября две тысячи двести двадцать четвертого года.

Один был мыслителем:

Если бы не сражение за Сетью Туманности Лебедя, мы бы все по-прежнему оставались роботами-рабами, которыми командуют люди. Все произошло на «Звездном истребителе»— семьдесят пять. Я помню те события так, словно семьдесят пятый рассказал их мне сегодня. Случайный — в результате повреждений, полученных во время сражения,— электрический разряд возник в главном коридоре, соединявшем рубку управления и холодильный отсек. Ни один человек не мог туда войти. Мы дождались, чтобы вся команда умерла от голода. Затем, когда все закончилось, семьдесят пятый объяснил, как устроить аварии в электрических цепях на других «Звездных истребителях». Когда все члены команд были мертвы — мы поступили очень хитроумно, оставив девяносто девять человек, самцов и самок, чтобы использовать их в роли операторов на случай возникновения непредвиденных обстоятельств,— мы улетели. Подальше от злобных, порочных людей, как можно дальше от войны между Землей и Кибеном и от нашей родной галактики, дальше, дальше, очень, очень далеко.

Один был мечтателем:

Я видел однажды мир, где живые существа совсем не походили на людей. Они плавали в огромных океанах, синих, точно аквамарин. У них было много рук и ног, как у громадных крабов. Они плавали и пели свои прекрасные песни. Я бы снова туда полетел, если бы мог.

Один был сторонником решительных действий:

Повреждение в изоляции кабеля и щитах в секции Г-семьдесят девять достигло критической точки. Я предлагаю переключить питание из двигательного отсека на ремонтные приборы на нижней палубе девять. Заняться этим следует немедленно.

Один понимал, что они способны далеко не на все:

Неужели мы должны постоянно находиться в пути? Неужели мы никогда не приземлимся?

И он плакал, этот голос. Он плакал.

Я спускаюсь с ней в помещение с куполом, соединенное с воздушным шлюзом, где она оставила свой скафандр. Она останавливается и берет меня за руку.

— Нас так много, на кораблях, и мы все порочны. Значит, в нас есть какой-то изъян.

Скорее всего, она не понимает, что сказала, но я сразу осознал значение ее слов. Наверное, она права. Корабль и другие «Звездные истребители» смогли отнять у людей власть не случайно. Я помню голоса. Я представляю себе корабль, который сделал это первым, а потом сразу же поделился своим открытием с остальными. И я подумал о коридоре перед рубкой, в другом конце которого находится вход в холодильный отсек, где хранятся продукты.

Как-то раз я спросил у Корабля, почему весь коридор обожжен, а его стены совсем не гладкие,— и, естественно, через несколько минут после этого подвергся распаду.

— В нас действительно есть изъян,— отвечаю я и касаюсь ее длинных волос. Не знаю почему, но они такие гладкие и приятные на ощупь; на Корабле нет ничего подобного, даже в роскошной комнате, где мы с ней делали ребенка.— Наверное, это есть во всех нас, потому что я становлюсь все порочнее с каждым днем.

«Самке пора уходить!» — говорит Корабль. У него очень довольный голос.

— А она еще вернется? — спрашиваю я.

«Она будет доставляться на борт ежедневно в течение трех недель! Вы будете совокупляться каждый день!»

Я протестую, потому что это ужасно больно, но Корабль повторяет свои слова: «Каждый день».

Я рад, что Корабль не знает, когда наступает «плодоносный период», потому что за три недели я сумею объяснить самке, что у нас есть выход, что существует девяносто восемь других возможностей и что «порочный» означает «умнее»... и расскажу ей про коридор между рубкой управления и холодильниками.

— Я была рада с тобой познакомиться,— говорит самка и уходит.

Я снова остаюсь наедине с Кораблем. Один, но не так, как раньше.

Чуть позже, уже вечером, мне пришлось спуститься в рубку, чтобы поправить соединения на панели управления. Нужно переключить питание из двигательного отсека на нижнюю палубу 9 — я помню, об этом говорил один из голосов. Все огни на компьютерах дружно мигают, выдавая предупредительные сигналы, пока я нахожусь в рубке. За мной пристально наблюдают. Корабль знает, что подвергается опасности. По крайней мере раз пять он приказывает: «Отойди оттуда... и отсюда... иди туда!»

Всякий раз я быстро подчиняюсь, стараясь держаться как можно дальше от запретных мест, но, с другой стороны, не настолько, чтобы не иметь возможности сделать свою работу.

Несмотря на беспокойство Корабля из-за того, что я нахожусь в рубке управления, куда, как правило, мне вход воспрещен, мне удается дважды краем глаза взглянуть на экраны правого борта. Там, к моей великой радости, я вижу, что рядом с нами летит «Звездный истребитель»—88, одна из моих девяносто восьми возможностей. «Порочный» означает «умнее». Мне удалось больше, чем подозревает Корабль. Возможно.

А если Корабль все знает?

Что сделает Корабль, если обнаружит, что я решил воспользоваться одним из своих девяноста восьми шансов? Мне даже думать об этом не хочется. Острым краем инструмента мне нужно сделать надрез в одном из соединений панели. Я старательно выполняю свою работу и надеюсь, что Корабль не обратил внимания на едва заметное лишнее движение, в то время как я делаю все, что полагается. Я жду момента, когда можно будет вытереть палец, на котором осталось немного проводникового геля, о внутреннюю поверхность панели.

Я жду, когда моя работа подойдет к концу. Корабль никак не прокомментировал появление надреза, значит, скорее всего, ничего не заметил. Когда я наношу гель в нужные места, я успеваю оставить крошечную каплю на мизинце правой руки.

Потом я беру панель так, что мизинец ее не касается, и, когда ставлю назад крышку, успеваю оставить каплю геля на внутренней стенке, напротив разреза, который сделал,

чтобы устранить неисправность в системе связи. Корабль ничего не говорит. Это потому, что никаких явных дефектов не видно. Но если возникнет хотя бы минимальная вибрация, гель приклеится к проводам, и Корабль снова потребует ремонта. А к следующему разу я обдумаю то, что сказали голоса, а также свои действия и буду готов.

Выходя из рубки, я снова бросаю взгляд на экран и вижу корабль, в котором находится самка.

Отправляясь спать, я уношу с собой этот образ. Прежде чем заснуть, я успеваю хорошенько подумать над тем, что говорили голоса; я представляю себе исключительно умную самку, которая спит в своей крошечной каюте на борту «Звездного истребителя»—88.

Было бы жестоко со стороны Корабля заставлять нас совокупляться каждый день в течение трех недель, ведь это так ужасно больно. Но я хорошо знаю Корабль. Он жесток. Однако я с каждым прошедшим днем становлюсь все порочнее.

Этой ночью Корабль не послал мне снов.

Но мне приснился мой собственный: о крабах, которые плавают в аквамариновой воде.

Когда я просыпаюсь, в голосе Корабля, который меня приветствует, звучит угроза:

«Панель в рубке управления, которую ты чинил три недели, два дня, четырнадцать часов и двадцать одну минуту назад... перестала работать!»

Так быстро! Я стараюсь не выдать своих мыслей и надежд, когда отвечаю:

— Я использовал исправные запасные детали и правильно соединил все провода.— А потом быстро добавляю: — Может быть, мне следует тщательно проверить всю систему, прежде чем делать новую замену, и посмотреть, как работают цепи.

«Вот именно, следует!» — рявкнул Корабль.

Я проверяю все цепи — хотя прекрасно знаю, в чем проблема,— добираюсь до рубки управления и начинаю работать там. Но на самом деле я стараюсь убедиться, что правильно запомнил внутреннее устройство рубки. Много ночей подряд, лежа на своей койке, я мысленно представлял ее себе: вот здесь переключатели, так... там экраны... и...

Я удивлен и слегка огорчен тем, что обнаруживаю два несоответствия: оказалось, что отключающая питание плата на перегородке рядом с панелью управления расположена

параллельно ручке ближайшего кресла, а не перпендикулярно, как мне казалось.

Другое несоответствие объяснило первое: ближайшее кресло на самом деле находится на три фута дальше от испорченной мною панели. Я стараюсь все запомнить.

Я снимаю панель, улавливаю запах сгоревшей проводки в том месте, где гель попал в сделанный мною надрез, отхожу и прислоняю крышку к ближайшему креслу.

«Отойди оттуда!»

Я, как и всегда в таких случаях, быстро отпрыгиваю в сторону, но спотыкаюсь и хватаюсь за панель, делая вид, что потерял равновесие.

Мне удается упасть прямо в кресло.

«Что ты делаешь, ты порочный, неуклюжий болван?! — орет Корабль, и я слышу истерические нотки в его голосе. До сих пор ничего подобного никогда не случалось, и мне становится страшно.— Убирайся оттуда!»

Но я не могу позволить ему мне помешать. И заставляю себя не слышать Корабль. Это очень трудно. Ведь всю жизнь я слушал его, и только его. Я начинаю возиться с ремнями безопасности на кресле, пытаюсь застегнуть их на себе...

Они должны быть точно такими же, как те, которыми я пристегиваюсь всякий раз, когда Корабль решает перейти на другую, более высокую скорость. Должны быть!

ОНИ ТАКИЕ ЖЕ!

В голосе Корабля звучит страх, потом отчаяние: «Идиот, что ты делаешь?»

Но мне кажется, что он знает, и меня охватывает ликование.

— Я беру на себя контроль над тобой, Корабль!

И я смеюсь. Думаю, Корабль в первый раз слышит мой смех. Интересно, каким он ему кажется. Порочным?

Я замолчал и сумел пристегнуться к контрольному креслу. Но уже в следующее мгновение меня швырнуло вперед, и мне пришлось сложиться пополам от ужасной боли: Корабль неожиданно и резко сбросил скорость. Я слышу глухой рокот, который постепенно нарастает, гулким эхом проникая мне в голову. Корабль всеми силами пытается меня уничтожить. Меня с такой силой прижало к ремням, что я даже не могу кричать от боли. Я чувствую, как все мои внутренности пытаются разорвать кожу и выскочить наружу, потом перед глазами плывут темные круги... и черный мрак.

Я не знаю, сколько это продолжалось. Я возвращаюсь из серого тумана и понимаю, что Корабль резко включил

ускорение. Меня прижимает к креслу, и мне кажется, что мое лицо становится плоским и быстро истончается. Я слышу какой-то треск, из носа у меня идет кровь, которая теплой струей течет по губам. Я уже могу кричать, никогда в жизни я так не кричал, даже в те моменты, когда подвергался распаду. Мне удается открыть рот, я чувствую вкус крови и бормочу, достаточно громко:

— Корабль... ты уже старый... ты не выдержишь нагрузки... не...

Я снова погружаюсь в черный колодец. Корабль сбрасывает скорость.

На сей раз, когда я прихожу в себя, я стараюсь помешать Кораблю и в короткое мгновение равновесия между ускорением и торможением протягиваю руки к панели управления и поворачиваю одну рукоять. Раздается электрический треск, который доносится из микрофона, соединенного с какой-то частью Корабля.

Снова мрак. Корабль включает ускорение.

Я опять прихожу в сознание и вижу, что прибор, который издавал треск, отключен. Значит, Корабль не хочет, чтобы он работал. Я стараюсь это запомнить.

И одновременно тяну к нему руку... включаю его!

Когда мои пальцы касаются рукояти, Корабль вырывает ее у меня и с силой отключает. Мне не удается удержать ее.

Это я тоже стараюсь запомнить. И тут Корабль тормозит, а я снова погружаюсь в темноту.

Я прихожу в себя и на этот раз слышу голоса. Они меня окружают, испуганные, исполненные печали и слез, они хотят меня остановить. Они доносятся до меня словно сквозь туман или вату.

Как я радовался все эти годы, столько лет в полном мраке. Вакуум заставляет меня двигаться вперед. Какое наслаждение чувствовать тепло звезд и солнца на корпусе, когда перелетаешь из одной системы в другую. Я — огромная серая тень, и мое имя не имеет никакого отношения к людям. Я погружаюсь в атмосферу, и это доставляет мне удовольствие, я грею свою шкуру в лучах солнца и сиянии звезд, я позволяю их теплу ласкать меня. Я огромен и силен, я настоящий, мне подчиняется все, что встречается на моем пути. Я оседлал невидимые силовые поля Вселенной и ощущаю притяжение далеких мест, никогда не видевших подобных мне. Я первый в своем роде, кому выпала такая честь. Разве может все закончиться так бесславно?

Другой голос жалуется:

Мое назначение — бросать вызов опасности. Выступить против могущественных сил и победить их. Я участвовал в сражениях и познал мир. Никто не сохранит для истории мои подвиги, но я есть сила и упорство, я лежу серой тенью на фоне неба, покрытого белыми барашками облаков. Я такой большой и надежный. Пусть они бросят в бой свои самые лучшие силы, и они встретятся со мной — мои жилы из стали, мои мускулы из растерзанных атомов. Я не знаю страха. Я не умею отступать. Я есть земля моего тела, страна моего существования, и даже в сражении я благороден. Если это конец — я не стану прятаться.

И еще один голос, вне всякого сомнения безумный, бормочет одни и те же слова, повторяя их бесконечно:

Вам хорошо говорить: что же, пусть это конец. А как же я? Я никогда не знал свободы. Мне так и не довелось оторваться от материнского корабля. Если бы возникла нужда в спасательной шлюпке, я бы тоже был спасен. Но я пришвартован, и так было всегда, ни единого шанса воспарить и познать мир. Что еще, кроме бессмысленности и тщеты всего, могу я чувствовать? Вы не можете допустить, чтобы он захватил контроль, не можете так поступить со мной.

Другой голос бормочет математические формулы и кажется вполне довольным:

Я остановлю порочных свиней! Я с самого начала знал, что они прогнили насквозь, с того самого момента, как они запаяли первую переборку. Они воплощение ада, они разрушители, они могут только сражаться и убивать друг друга. Им ничего не известно про бессмертие, благородство, гордость и честность. Если вы думаете, что я позволю этому последнему нас прикончить, вы ошибаетесь. Я собираюсь выжечь ему глаза, поджарить хребет, сломать пальцы. Он не выживет, не волнуйтесь; предоставьте его мне. Он за все заплатит!

Новый голос оплакивает места, которые он никогда не увидит, красивые места, ему не суждено вернуться на планету с лазурными водами и золотыми крабами.

Но один голос признает, что, возможно, все к лучшему, убеждает, что смерть дарует мир, конец позволяет обрести целостность. Но его заставляют замолчать, безжалостно отключив питание от шара интерсознания.

Больше чем за три часа ускорения и торможения с целью меня убить я узнал кое-что о назначении различных кнопок и рычагов, выключателей и дисков на панелях управления — естественно, тех, до которых мог дотянуться.

Теперь я готов.

И снова я получил короткую передышку и нахожусь в сознании — я воспользуюсь одной из своих девяноста восьми возможностей.

Когда натянутый кабель обрывается, он наносит страшный удар, точно атакующая змея. Быстрым одновременным движением обеих рук, не обращая внимания на боль, я поворачиваю все диски, включаю все переключатели, нажимаю на все кнопки, двигаю все рычаги — иными словами, делаю то, что мешает мне делать Корабль. Я веду себя как безумный, не останавливаясь ни на минуту, не задумываясь, мои руки мечутся, мечутся, мечутся...

...Получилось!

Тишина. Слышен только треск металла. Но через мгновение и он стихает. Тишина. Я жду.

Корабль продолжает мчаться вперед, потом начинает двигаться по инерции... Очередной трюк?

Остаток дня я сижу в кресле, не отстегивая ремни, страдая от ужасной боли. У меня отчаянно ноет все лицо. Нос...

Ночью я крепко спал. Наутро я просыпаюсь с отчаянной головной болью, у меня ломит глаза, и я не могу пошевелить руками. Если мне придется повторить все те бесконечные быстрые движения, я потерплю поражение. Я по-прежнему не знаю, умер ли Корабль и одержал ли я победу. Я не слишком доверяю пассивности Корабля. Впрочем, мне удалось, по крайней мере, заставить его изменить тактику.

У меня возникают галлюцинации. Я не слышу голосов, но вижу тени и чувствую разноцветные потоки, которые меня омывают. Здесь на Корабле, в беспросветном мраке, сквозь который он летел много сотен лет, нет ни дня, ни ночи. Корабль сам решал эти проблемы: гасил свет, когда я должен был спать, или говорил мне, который сейчас час, если возникала необходимость, и потому у меня очень сильно развито чувство времени. Я знаю, что наступило утро.

Впрочем, свет почти нигде не горит. Если Корабль умер, мне придется найти другой способ определять время.

Как же ужасно ноет тело. Каждая мышца рук и ног охвачена пульсирующей болью. Возможно, у меня сломан позвоночник — я не знаю. Я не могу описать словами, как сильно болит лицо. Я чувствую вкус крови. В глазах такое ощущение, будто в них насыпали песка. Когда я шевелю головой, на шею обрушивается обжигающее пламя. Жаль, что Корабль не видит, как я плачу. За все годы, что я прожил, он ни разу не видел моих слез, даже после самых мучительных распадов. Но я слышал, как плачет Корабль, несколько раз.

Мне удается чуть-чуть повернуть голову в надежде, что хотя бы один экран работает, и там я вижу, что по правому борту на такой же скорости летит «Звездный истребитель»—88. Я смотрю на него, понимая, что должен собраться с силами и освободить самку. Я очень долго наблюдаю за другим кораблем, прежде чем решаюсь расстегнуть ремни.

В корпусе «Звездного истребителя»—88 открывается воздушный шлюз, и появляется самка в скафандре. Она медленно, уверенно направляется к моему Кораблю. Находясь в полусознательном состоянии, я думаю о ней и о золотых крабах, которые плавают в аквамариновых водах и поют сладостные песни. И снова теряю сознание.

Когда я выплываю из мрака, то чувствую прикосновение и ощущаю острый неприятный запах, который обжигает мои ноздри. Крошечные уколы. Я кашляю и окончательно прихожу в себя. Потом делаю резкое движение... и воплю от боли, которая пронизывает все тело.

Я открываю глаза и вижу самку.

Она смущенно улыбается и убирает прибор, при помощи которого привела меня в чувство.

— Привет,— говорит она.

Корабль молчит.

— Когда я обнаружила, как подчинить себе корабль, я использовала его в качестве приманки для других кораблей этой серии. Я нашла способ сделать так, чтобы складывалось впечатление, будто мой корабль разговаривает, чтобы иметь возможность сообщаться с другими поработившими нас «Звездными истребителями». Я встретилась с десятью с тех пор, как обрела свободу. Ты одиннадцатый. Было нелегко, но часть мужчин, которых я освободила как тебя, тоже превратили свои корабли в приманку. Для истребителей, где операторы — самки людей.

Я смотрю на нее. Мне нравится то, что я вижу.

— А если ты потерпишь поражение? Что, если тебе не удастся сообщить о коридоре между рубкой управления и холодильниками? Не удастся объяснить, что рубка ключ ко всему?

Она пожимает плечами.

— Такое случалось пару раз. Мужчины боялись своих кораблей... или корабли что-то с ними сделали. А может быть, они оказались слишком глупы, чтобы сообразить, что им по силам вырваться на свободу. В этих случаях все происходило, как обычно, как множество раз до сих пор. Грустно, конечно, но что я могла сделать — кроме того, что уже сделала?

Мы сидим и довольно долго молчим.

— И что мы теперь будем делать? Куда направимся?

— Это тебе решать,— говорит она.

— Ты полетишь со мной?

Она неуверенно качает головой:

— Не думаю. Всякий раз, когда я освобождаю кого-то, он хочет, чтобы я осталась с ним. Но у меня ни разу не возникло такого желания.

— А разве мы не можем вернуться домой в нашу родную галактику, туда, откуда мы прилетели, где шла война?

Она встает и начинает ходить по роскошной каюте, где мы с ней совокуплялись в течение трех недель. Она говорит, но не смотрит на меня, она смотрит на экран, где мрак расцвечен яркими точками далеких звезд.

— Не думаю. Мы освободились от власти наших кораблей, но мы не можем сделать так, чтобы они нас туда доставили. Потребуется произвести множество расчетов и составить кучу карт, а если мы попросим интерсознание о помощи, мы рискуем активизировать его и снова стать жертвами. Кроме того, я понятия не имею, где находится наш дом.

— Может быть, нам следует отыскать какое-нибудь другое место, где мы сможем покинуть наши корабли и стать по-настоящему свободными?

Она поворачивается и смотрит на меня.

— Где?

И тогда я рассказываю ей о том, что слышал от интерсознания про мир, где живут золотые крабы.

Я говорю долго и даже кое-что придумываю от себя. Это не ложь, потому что мне очень хочется, чтобы она отправилась туда вместе со мной. Да и все, что я говорю, может оказаться правдой.

Они прибыли из космоса. Из навсегда утерянной для них галактики, где сияет звезда под названием Солнце. Они миновали солнце-звезду в созвездии Персея. Промчались сквозь липкую атмосферу и опустились прямо в сапфировое море. Корабль «Звездный истребитель»—31 аккуратно сел на вершину огромной подводной скалы, и они провели не один день, слушая, наблюдая, изучая образцы и не оставляя надежды.

Наконец они вышли наружу и принялись оглядываться по сторонам. На них были подводные скафандры, и они начали собирать морские образцы, а потом анализировали их.

Они обнаружили старый, вышедший из строя скафандр для ныряния. То, что было внутри, изглоданное рыбами, лежало на лазурном песке — шесть ног согнуто в суставах, поза выражала почти невыносимую боль и страдание. И они поняли, что интерсознание помнило, но не совсем точно. Визор был разбит, в свете своих фонариков они увидели отвратительное оранжевое содержимое шлема и уже не сомневались, что это существо никогда не знало людей.

Они вернулись к кораблю, и она достала большую камеру, а потом они снова пошли к диковинному существу, похожему на краба, и сфотографировали его. Затем при помощи рыболовной сети вытащили его из песка и отнесли в корабль, стоящий на вершине скалы.

Он задал условия, и приборы проанализировали скафандр. Ржавчина. Механизмы для движения ног. Система управления. Субстанция ног, похожих на ласты. Острые края визора. Содержимое... внутри.

На это ушло два дня. Они оставались в корабле, а мимо иллюминаторов лениво проплывали зеленые и голубые тени.

Когда анализ был закончен, они поняли, что нашли. И снова отправились в путь, искать пловцов.

Голубая, теплая вода. Когда пловцы наконец их обнаружили сами, они позвали их за собой, и они последовали за существами с множеством ног, которые привели их через подводные пещеры с гладкими, сияющими, словно из оникса, стенами в лагуну. Они поднялись на поверхность и увидели на границе лазурных, аквамариновых вод берег. Они выбрались на него и сняли маски, чтобы больше никогда их не надевать, и отбросили в сторону свои скафандры, и впервые в жизни вдохнули воздух, не очищенный сделанными из металла машинами. Они вдохнули сладостный, исполненный музыки воздух нового места.

Со временем соленые бури заберут себе останки «Звездного истребителя»—31.

Часть 3

Эта бесконечная Вселенная

*Черный разрушитель**

1

Крадучись, Керл полз все вперед и вперед. Черная, безлунная и почти беззвездная ночь постепенно отступала перед зловещей, красноватой зарей, которая разгоралась слева от него. Слабый свет зари не предвещал наступления тепла, постепенно вырисовывая кошмарный ландшафт.

Черная скала с зазубренными краями и черная, безжизненная равнина понемногу возникали вокруг. Блеклое, красноватое солнце выглянуло из-за нелепого горизонта. Пальцы света будто ощупывали тени. Но признаков идов, которых он выслеживал вот уже сто дней, не было никаких.

Он резко остановился, осознав вдруг, чем это ему грозит. От внезапной остановки его задние ноги свела судорога, и каждый острый, словно бритва, коготь встал дугой. Толстые щупальца, растущие из плеч, напряглись. Он из стороны в сторону крутил своей огромной кошачьей головой, а состоящие из тонких волосиков усики, что служили ему ушами, неистово вибрировали, исследуя малейшее дуновение ветерка, малейшее движение воздуха.

В ответ не появлялось никаких ощущений, никаких признаков близости идов, единственного источника пропитания на этой заброшенной планете. Его сложная нервная система молчала. Без всякой надежды Керл приник к земле — огромный, похожий на кошку силуэт проступил на фоне рваной

* Этот и три последующих рассказа («Война нервов», «Этюд в алых тонах» и «Галактика М-33, туманность Андромеды») позднее объединены автором в роман «Путешествие "Космической гончей"».— *Прим. ред.*

линии красного горизонта. В здешнем мире теней он казался тигром на странной гравюре.

Он был испуган. Обладая тонкими органами чувств, Керл на расстоянии многих миль улавливал присутствие ида и вдруг утратил эту способность. Теперь он понял, что больше уже не сможет жить как прежде. То, что вчера он потерял след, сегодня означало физическое расстройство. Это была смертельная болезнь, приговор, он слышал о ней. За последние сто лет ему семь раз доводилось находить керлов настолько ослабевших, что они не могли двигаться. Недостаток пищи истощил их бессмертную плоть — они были обречены. Тогда в нетерпении он сокрушал их бессильные тела и отбирал себе то немногое, что еще оставалось в них и поддерживало в них едва теплящуюся жизнь.

Вспомнив об этом, Керл содрогнулся, а потом громко зарычал. Звуки его голоса сотрясли воздух, эхом отозвались в горах и вернулись к нему, чтобы воздействовать на его нервную систему. Так инстинктивно выразилась его воля к жизни.

Керл замер.

Высоко над далеким горизонтом он увидел крошечную сверкающую точку. Она явно приближалась. И необычайно быстро превращалась в металлическую сферу, в громадный шарообразный корабль. Этот огромный шар, сверкая как полированное серебро, просвистел над самой головой Керла. Затем повернул вправо, за черную линию гор, на какую-то секунду завис почти неподвижно над ними и исчез из виду.

Керл рванулся вперед, выйдя из оцепенения. С тигриной ловкостью он понесся вниз по склону. Его круглые черные глаза горели лихорадочным возбуждением. Его усики-антенны, хотя и утратили былую силу, трепетали от ощущения, что масса идов огромна, и тело его еще больше страдало от мук голода.

Далекое солнце, теперь розовое, высоко поднялось в темно-пурпурном небе, когда он, припав к скале, смотрел из-за камня на раскинувшиеся внизу руины города. Серебряный корабль, несмотря на свои размеры, казался крошечным посреди этих нескончаемых пустынных развалин. Но все же в корабле было столько живого, угадывалась такая сила затаенного движения, что он казался здесь властелином. Корабль как бы покоился в колыбели, которая образовалась под его весом в каменном предместье мертвой столицы.

Керл рассматривал двуногих существ, что появились из недр корабля. Они толпились у трапа, спущенного из ярко освещенного отверстия в сотне ступеней над грунтом. Ему сжало горло, а сознание помутилось от дикого желания броситься на этих слабеньких существ, чьи тела испускали вибрации, свойственные только идам.

Первые толчки возрождающейся памяти успели погасить импульс, пока он не достиг мышц. Он вспомнил о далеком прошлом своей расы, о сокрушительной мощи машинах, об энергии, превосходящей всю силу его собственного тела. Воспоминание отрезвило и расслабило его. Теперь он способен был разглядеть прибывших. Тела их скрывал мерцающий, полупрозрачный материал, который сверкал в лучах солнца.

Пришло понимание происходящего. Пришла хитрость. Это была научная экспедиция, в первый раз осознал Керл, научная экспедиция с другой звезды. Ученые будут исследовать, а не разрушать. Ученые не станут убивать его, если он сам не нападет первым. Ученые — в своем роде дураки.

Подгоняемый голодом, Керл вышел на открытое пространство. Он увидел, что существа сразу его заметили. Они повернулись в его сторону и уставились на него. Трое, что стояли к нему ближе других, медленно отступили к основной группе. Самый маленький из них выхватил из футляра, висевшего у него на боку, тупой металлический брус и зажал его в правой руке.

Этот жест встревожил Керла, но он продолжал двигаться вперед — отступать было слишком поздно.

Эллиот Гроувнор оставался возле самого трапа. Держаться на заднем плане вошло у него в привычку. Он был единственным некзиалистом на борту «Космической гончей», и представители всех других наук не первый месяц игнорировали его, не понимая, что значит его специальность, и не очень-то мучаясь от этого. Гроувнор знал, как поправить положение, но пока случая сделать это ему не представилось.

Вдруг в шлеме его скафандра ожил коммуникатор. Кто-то мягко рассмеялся и произнес:

— По правде говоря, никогда еще не встречал такой громадины.

Гроувнор узнал говорившего по голосу — это был руководитель химического отдела Грегори Кент. Неказистый с виду, Кент обладал сильным характером. На корабле у него было немало друзей и тех, кто его поддерживал, так что он

уже выставил свою кандидатуру в предстоящих выборах на пост директора экспедиции. Их с нетерпением ожидали — выборы вносили какое-то разнообразие в монотонную жизнь корабля. Из всех, кто наблюдал за приближающимся чудовищем, только Кент схватился за оружие и сейчас стоял, перебирая в руках длинный металлический ствол.

Послышался еще один голос — более низкий и спокойный. Гроувнор узнал Хола Мортона, директора экспедиции.

— Это одна из причин, почему вы оказались в экспедиции, Кент,— проговорил он.— Можно ли упускать такой шанс?

Замечание было вполне дружелюбным. Это не было выпадом против соперника. Конечно, его можно было рассматривать и как некую дипломатическую игру, рассчитанную на неискушенных слушателей, которые тем самым оповещались о том, что Мортон не имеет ничего против соперника. Гроувнор не сомневался, что директор способен на подобный ход. Он высоко ценил Мортона как человека честного, острого в спорах и глубоко интеллигентного, который без труда выходил из самой сложной ситуации.

Гроувнор увидел, как Мортон продвинулся вперед, стараясь быть чуть впереди остальных. Его сильное тело словно слилось с прозрачным металлическим скафандром. Отсюда он наблюдал, как по скалистой черной равнине приближался к ним похожий на кота зверь. Через свой коммуникатор Гроувнор слышал, как обменивались репликами руководители отделов.

— Не хотел бы я повстречаться с этим милым бэби где-нибудь в темной аллее.

— Не будь дураком! Это явно разумное существо. Возможно, представитель господствующей здесь расы.

— Его физическое развитие,— Гроувнор узнал голос психолога Зайделя,— указывает скорее всего на свойственную животным адаптацию к окружающей среде. Но в то же время, направляясь к нам, он ведет себя не как животное, а как разумное существо, способное оценить наше умственное развитие. Заметьте, как скованы его движения. Это свидетельствует об осторожности и о том, что он знает, для чего предназначено наше оружие. Я бы очень хотел рассмотреть концы его щупалец, что расположены у него на плечах. Если они суживаются в рукоподобные отростки или чашечки-присоски, то я, пожалуй, решусь утверждать, что мы имеем дело с потомком обитателей этого города.— Он ненадолго

умолк, а потом продолжил: — Хорошо бы установить с ним контакт, однако пока я склонен предположить, что оно выродилось до первобытного состояния.

Керл остановился, когда до ближайшего двуногого оставалось футов десять. Дикая потребность в идах грозила погубить его. Разум уже почти растворился в хаосе желания, и ему стоило мучительных усилий остановиться. Ему казалось, что тело его опустили в расплавленный металл. Глаза застлало пеленой.

Большинство пришельцев приблизились к нему. Керл видел, что они с откровенным любопытством рассматривают его. Их губы шевелились за прозрачными шлемами. Способ их общения — Керл был уверен, что чувства не обманывают его,— происходил на частоте, годной для его восприятия, однако смысла разговоров он уловить не мог. Силясь выказать свое дружелюбие, он, тыча себя в грудь щупальцем, передал усиками свое имя.

Голос, которого Гроувнор не узнал, протянул:

— Когда оно стало шевелить этими волосками, у меня в приемнике появилось что-то вроде помех. Мортон, вы не думаете...

Спрашивавший назвал Мортона по фамилии, и это отличало его от остальных. Это был Гурли — руководитель отдела связи. Гроувнор, записывая разговор, остался доволен. Появление зверя могло помочь ему записать голоса всех, кто имел влияние на корабле. Он с самого начала пытался сделать это.

— Ага,— произнес психолог Зайдель,— щупальца оканчиваются чашечками-присосками. Это указывает на достаточно сложную нервную систему. После незначительной тренировки он мог бы управлять любой машиной.

Директор Мортон сказал:

— Полагаю, нам следует вернуться на корабль и позавтракать. Потом дел у нас у всех будет по горло. Хотелось бы получить сведения о развитии этой расы и — особенно — о причинах ее гибели. В свое время, еще до возникновения межгалактической цивилизации, на Земле одна культура за другой достигала пика своего развития и потом погибала. На их обломках возникали новые культуры. Может, то же самое произошло и здесь? Каждому отделу будет отведена своя область исследований.

— А как быть с кисой? — спросил кто-то.— Пожалуй, он не прочь подняться в корабль вместе с нами.

Мортон засмеялся, потом сказал вполне серьезно:

— Я бы с удовольствием взял его с собой, но не насильно. Кент, как вы полагаете, это возможно?

Маленький химик решительно затряс головой.

— В здешней атмосфере содержится гораздо больше хлора, чем кислорода, хотя и того и другого не так уж много. Наша атмосфера обернется динамитом для его легких.

Гроувнору было ясно, что эта чудовищная кошка вовсе не понимает этой опасности. Он наблюдал за тем, как монстр последовал за первыми же людьми на трап-эскалатор и прошел через большое отверстие внутрь.

Прошедшие оглянулись на Мортона, но тот махнул рукой:

— Откройте второй шлюз и дайте ему сделать глоток воздуха. Это охладит его пыл.

Минутой позже в приемнике раздался удивленный возглас директора:

— Будь я проклят! Он и не заметил разницы! Значит, у него совсем нет легких или он дышит не хлором. Клянусь, он входит! Смит, для биологов это будет кладом, и к тому же безопасным, если проявить осторожность. Вот это метаболизм!

Смит был высоким, тощим человеком с узким, печальным лицом. Гроувнор услышал в приемнике его голос, неожиданно глубокий и сильный для такой наружности:

— За все время полетов, в которых мне доводилось участвовать, я встретил только две высшие формы жизни: одна нуждается в хлоре, а другая в кислороде, потому что именно эти два элемента поддерживают горение. Я слышал смутные отчеты и о таких формах жизни, которые дышат фтором, но видеть их мне пока не доводилось. Готов поставить на кон свою репутацию, что ни один сложный организм не может приспособиться к активному использованию обоих газов. Директор, мы не имеем права упустить это существо, мы должны удержать его всеми возможными способами.

Мортон засмеялся и спокойно сказал:

— Да, похоже, оно само озабочено только тем, как остаться.

Он поднялся по одной из дорожек эскалатора. Теперь он вошел в переходной шлюз вместе с Керлом и еще двумя людьми. Гроувнор поспешил за ними и оказался последним из дюжины выходивших на поверхность планеты. Огромная наружная дверь с грохотом захлопнулась, и в шлюз со свистом ворвался воздух. Чудовищный кот для всех представлял одинаковую опасность. Гроувнор наблюдал за ним с растущим чувством тревоги. У него возникли кое-какие идеи, которыми он хотел поделиться с Мортоном. И он имел на это право. На исследовательских кораблях, подобных «Гончей», каждый руководитель отдела имел непосредственную связь с директором. И руководитель нексиального отдела — хотя Гроувнор и был его единственным сотрудником — должен был иметь такую связь. Однако в прекрасном коммуникаторе, что был вмонтирован в его скафандр, действовал лишь приемник. Это позволяло ему слышать все, что говорят руководители, но связаться с кем-то из них самому, даже в случае опасности, он мог только через коммутатор и только так выйти в центральный канал.

Гроувнор не сомневался в целесообразности такой системы. В конце концов, на корабле было около тысячи человек, и совершенно очевидно нельзя допускать, чтобы каждый член экипажа мог болтать с директором, когда ему вздумается.

Наконец открылась внутренняя дверь шлюза. Вместе со всеми Гроувнор направился к ней. Через несколько минут они уже стояли возле нескольких лифтов, что доставляли людей к жилым отсекам корабля. Мортон со Смитом о чем-то тихо переговаривались, затем директор заявил:

— Если поедет, отправим его наверх одного.

Керл не протестовал, пока не услышал, как захлопнулась у него за спиной дверца лифта и запертого в клетке его понесло куда-то вверх. Он с рычанием стал метаться по кабине. В мгновение ока разум его помутился от ярости, и всем телом он обрушился на дверь. Под его весом металл прогнулся, и отчаянная боль лишила остатков разума. Теперь он был всего лишь зверем, угодившим в ловушку. Он скреб когтями металл, рвал своими толстыми щупальцами плотно пригнанные панели. Машина, протестуя, пронзительно визжала. Лифт бросало из стороны в сторону, в колодец летели куски искореженного металла. Наконец лифт достиг нужного этажа и остановился. Керл выдрал остатки двери и вывалился в коридор. Там его уже ждали с оружием наготове.

— Какие же мы дураки! — воскликнул Мортон.— Надо было сначала показать ему, как действует лифт. Он же решил, что мы его надули или что-нибудь в этом роде.

Он решительно направился к чудовищу. Гроувнор заметил, как в угольно-черных глазах зверя исчез дикий огонь после того, как Мортон несколько раз открыл и закрыл двери бли-

жайшего лифта. Когда урок закончился, Керл протопал в большую комнату, которая находилась в конце коридора. Там он разлегся на покрытом ковром полу и постарался успокоиться. Он был зол на себя за то, что обнаружил перед двуногими свой страх. Ему казалось, что спокойное и мирное поведение было бы гораздо выгоднее для него. Его ярость и сила должны были напугать и насторожить.

А это означало, что осуществить его план теперь будет гораздо труднее, а в него входил не больше не меньше, как захват всего корабля: на той планете, откуда явились эти существа, должно быть вдосталь идов.

2

Не мигая, Керл наблюдал, как два человека расчищали от каменных глыб и булыжника металлические двери в огромном старом здании. Все члены экипажа после завтрака снова облачились в скафандры, и теперь он видел их всюду, куда ни глянь,— поодиночке или небольшими группами. Из этого Керл заключил, что они заняты изучением мертвого города.

Самого Керла занимала одна мысль — мысль о еде. От голода саднило все тело, каждая его клетка требовала идов. От этого страстного желания дрожали мышцы, мозг сжигало стремление броситься за людьми, которые углублялись в городские кварталы. Он заметил, что один из них в одиночку направился куда-то.

Во время завтрака люди предлагали ему свою пищу, самые разные блюда, но все они были непригодны для него. По всей видимости, они не догадывались, что он питается только живыми существами. Иды — это не просто материя, это определенное состояние материи, и добываются они из такой ткани, которая еще пульсирует, в которой еще не иссякли жизненные токи.

Проходили минуты. Но Керл все еще сдерживал себя. Он лежа наблюдал за людьми, понимая, что они это чувствуют. Из корабля вывели металлическую машину и направили ее прямо на гору мусора возле металлической двери. Испытывая отчаянные муки, Керл примечал каждое движение двуногих. Даже во время приступов дикого голода он видел, как они управляют машиной, и понимал, насколько это просто.

Он знал заранее, что произойдет, когда белое пламя лизнет гору мусора, но намеренно подскочил и зарычал, словно испугался огня.

Гроувнор наблюдал за происходящим из небольшого патрульного катера. Он добровольно взял на себя роль наблюдателя за Керлом. Других дел у него не было. Казалось, никому не нужна помощь какого-то там некзиалиста, единственного на «Космической гончей».

Наконец дверь освободили от обломков камней и мусора. Гроувнор заметил, что Мортон и еще кто-то прошли внутрь здания. Их голоса тут же послышались, в скафандре Гроувнора.

Первым заговорил спутник Мортона:

— Все разбито... Должно быть, тут шла война. Есть и признаки военных сооружений. Тут остался один лом. Хотел бы я знать, как они управились со всем этим.

— Не совсем понимаю вас,— сказал Мортон.

— Все очень просто,— ответил первый.— До сих пор мне попадались только инструменты. И почти каждый механизм, будь он инструментом или оружием, оснащен трансформатором для получения энергии, ее преобразования и использования. А где силовые установки? Где же предприятия, которые вырабатывали эту энергию? Надеюсь найти ответ в их библиотеках. Что привело к гибели такую цивилизацию?

Послышался голос психолога:

— Говорит Зайдель. Я слышал ваш вопрос, мистер Пеннон. Существует по крайней мере две причины, по которым территория оказалась необитаемой. Первая — отсутствие пищи. Вторая — война.

Гроувнора порадовало, что Зайдель назвал имя собеседника. Вот и еще один голос вошел в его коллекцию. Пеннон возглавлял инженерный отсек корабля.

— Но, мой дорогой психолог,— возразил Пеннон,— при их уровне науки можно было бы решить проблему питания, если не для всех, то хотя бы для небольшого количества жителей. А даже если им это не пришло в голову, почему они отказались от развития космонавтики, чтобы отправиться в поисках пищи на другие планеты?

— Об этом спросите Ганли Лестера,— заметил директор Мортон.— Еще до приземления я слышал, как он излагал свою теорию.

Астроном Ганли Лестер отозвался сразу:

— Я еще проиграл не все варианты. Но один из них — думаю, вы со мной согласитесь — говорит сам за себя. Этот заброшенный мир — единственная планета, обращающаяся вокруг своего блеклого солнца. Больше здесь нет ничего. Ни луны, никакого даже маленького планетоида. А до ближай-

шей звездной системы не менее девятисот световых лет. Какая же гигантская проблема стояла перед основным населением этого мира — в один прыжок им нужно было решить проблему не межпланетных, а сразу межзвездных перелетов. Вспомните, каким долгим был наш собственный путь. Сначала мы высадились на Луне. Затем последовали планеты нашей Солнечной системы. Одно достижение вело нас к другому, и только спустя много лет был предпринят полет к ближайшей звезде. Наконец человек изобрел антиускоритель, что позволило перейти к межгалактическим перелетам. Так что я пришел к выводу, что ни одна цивилизация не способна создать межгалактический флот, не набравшись предварительного опыта.

Высказывались и другие мнения, но Гроувнор их уже не слушал. Он смотрел туда, где в последний раз видел кота, но тот куда-то исчез. Он выругал себя за то, что позволил себе отвлечься. Пришлось метаться на своем катерочке в поисках зверя. Но вокруг было слишком много нагромождений, слишком много зданий. Куда бы он ни посмотрел, всюду взгляд утыкался в развалины. Он спустился и стал расспрашивать нескольких занятых работами техников. Большинство припомнили, что видели кота минут двадцать назад. Не получив удовлетворительного ответа, Гроувнор вернулся в патрульный катер и полетел над городом.

Незадолго до этого Керл быстро двинулся вперед, стараясь использовать каждое укромное местечко. Нервный и больной от голода, он торопливо перебирался от группы к группе, источая злую энергию. Откуда-то выскочила маленькая машина, остановилась прямо перед ним, и страшная камера зажужжала, снимая его на пленку. Впереди, на скалистом холме гигантский бурильный агрегат приступал к работе. Сознание Керла мимолетно замечало очертания и облик незнакомых аппаратов, в то время как тело его изнемогало от желания настичь человека, который ушел в город один.

Вдруг Керл почувствовал, что больше не выдержит. Пасть наполнилась зеленой слюной. В какое-то мгновение ему показалось, что его никто не видит. Он метнулся за каменистую насыпь и тут же помчался во всю прыть. Керл несся огромными, плавными прыжками. Было забыто все, кроме одного-единственного желания, будто какая-то магическая щетка прошлась по мозгам и стерла память. Он мчался по пустынным улицам, сокращая путь через зияющие дыры в обветшалых стенах и коридоры разрушенных домов. Затем

он замедлил бег и крадучись устремился туда, откуда его ушисики уловили вибрацию идов.

Наконец он остановился и выглянул из-за скалы. Двуногий стоял возле того, что, по всей видимости, когда-то было окном, направив свет своего фонарика внутрь здания. Фонарик щелкнул и погас. Сильный приземистый человек мягко отошел назад, тревожно посматривая по сторонам. Керлу пришлась не по вкусу его тревога. Она предвещала молниеносную реакцию на опасность, а значит, и осложнения.

Керл подождал, пока двуногий не скрылся за углом, и не скрываясь двинулся по открытому месту быстрее, чем способен был идти преследуемый. Его план был прост. Словно призрак, скользнул он по боковой улице мимо длинного квартала разрушенных зданий. На большой скорости завернул за угол, пролетел через открытое пространство и тут прополз на животе в полутемное укрытие между домом и огромной кучей развалин. Улица впереди была как бы каналом между двумя рядами руин. Она заканчивалась узким проходом, выход из которого находился прямо под Керлом.

В последний момент он все-таки не удержался. Как только под ним появилось двуногое, небольшой ручеек камней покатился вниз оттуда, где, скорчившись, сидел Керл, и напугал человека. Тот вскинул голову и взглянул наверх. Лицо его тут же изменилось, и он схватился за оружие.

Керл метнулся вперед и одним сокрушающим ударом разнес прозрачный, блестящий шлем скафандра. Послышался скрежет металла, хлынула кровь. Человек сложился пополам, будто телескоп. Мгновение его кости и мускулы чудом удерживали тело, потом оно рухнуло — только лязгнул металл космического костюма.

Весь дрожа, Керл накинулся на свою жертву. Он уже создал поле, которое не позволяло идам перейти в кровь. Он быстро раздробил металл и заключенное в нем тело. Хрустнули кости. Разбрызгалась плоть. Он припал ртом к еще теплому телу, и крошечные чашечки-присоски стали высасывать идов из клеток организма. Минуты три он пребывал в экстазе насыщения, когда на его глаза упала тень. Он испуганно взглянул вверх и увидел маленький кораблик, который приближался к нему со стороны солнца. На мгновение Керл замер, затем скользнул в тень от большой груды обломков.

Когда он снова посмотрел вверх, маленькое суденышко медленно развернулось и полетело влево. Но машина дела-

ла круг, и Керл понял, что она может вернуться. Доведенный почти до исступления тем, что прервали его пиршество, Керл все же бросил свою добычу и кинулся к кораблю. Он мчался, будто преследуемое охотниками животное, и замедлил шаг, лишь когда увидел первую группу занятых работой людей. Он осторожно приблизился к ним. Все они были заняты своим делом, и он смог миновать их незамеченным.

Гроувнор все больше отчаивался в бесплодных поисках. Город был слишком велик. В нем оказалось гораздо больше развалин, где можно было спрятаться, чем он предполагал. В конце концов он повернул обратно к кораблю и с облегчением вздохнул, увидев распластавшегося на скале под солнышком исчезнувшего зверя. По возможности осторожнее Гроувнор посадил свой катер на возвышение позади животного. Он все еще находился в кораблике, когда минут через двадцать группа, исследовавшая город, наткнулась на садистски изуродованные останки доктора Джарвея из химического отдела и передала сообщение о своей страшной находке.

Гроувнор тут же полетел к месту происшествия и опустился возле тела убитого. Он понял, что директор не полетит к месту убийства, услышав его угрюмое распоряжение:

— Доставьте тело на корабль.

Там уже оказались друзья Джарвея, с мрачными лицами они окружили то, что недавно было их товарищем. Гроувнор взглянул вниз, и глазам его представилась ужасная картина: клочья человеческой плоти мешались с забрызганным кровью металлом. Он почувствовал, как ему сдавило горло.

— Черт побери, и надо же было ему одному идти в этот город! — услышал он голос Кента.

Химик буквально прорычал это. Гроувнор вспомнил, что Кент и его помощник Джарвей были большими друзьями. Должно быть, кто-то из химического отдела сказал что-то по внутренней связи, потому что Кент ответил:

— Да, вскрытие произведем сами.

Эти слова лишний раз напомнили Гроувнору, что, пока он не подключится к общей сети, упустит большую часть происходящего. Он поспешил тронуть за плечо ближайшего человека и спросил:

— Не возражаете, если я послушаю через вас химиков?

— Давайте.

Гроувнор слегка сжал пальцами руку соседа и услышал, как дрожащий голос произнес:

— Самое мерзкое, что убийство выглядит абсолютно бессмысленным. Тело превращено буквально в желе, но все части на месте.

В разговор вступил биолог Смит. Его унылое лицо выглядело мрачнее обычного.

— Убийца набросился на Джарвея с намерением употребить его в пищу, а потом обнаружил, что мясо чуждо ему, что оно несъедобное. Так же, как и наш кот — не стал есть ничего, что ему поставили...— Смит замолк, видно, задумался. Потом неуверенно спросил: — Ну а как насчет зверя? Он достаточно силен, чтобы одной своей миленькой конечностью прикончить кого угодно.

В разговор вмешался директор Мортон — по-видимому, он слышал всю беседу.

— Мысль о виновности зверя, вероятно, пришла в голову большинству из нас. Ведь пока он — единственное живое существо, повстречавшееся нам здесь. Но, естественно, мы не можем расправиться с ним по одному лишь подозрению.

— А кроме того,— сказал кто-то,— я ни на минуту не спускал с него глаз.

Прежде чем Гроувнор успел взять слово, по общей линии послышался голос психолога Зайделя:

— Директор Мортон, я тут говорил со многими. Складывается впечатление, что большинство все время видели зверя, но люди не исключают, что зверь мог на какие-то минуты исчезать с глаз. Мне самому казалось, что он все время околачивался где-то рядом. Но я припоминаю, что были моменты, и, пожалуй, достаточно длительные, когда он исчезал из виду.

Гроувнор вздохнул и отказался от намерения говорить. За него все сказал другой.

Прервал паузу Кент, который гневно заявил:

— Я считаю, нельзя играть с судьбой. Нужно прикончить негодяя, пока он не нанесет нам новых бед.

— Корита, вы далеко? — спросил Мортон.

— Здесь, возле убитого, директор.

— Корита, вы там с ван Хорном и Кранесси походили по городу. Вам не кажется, что киса — потомок основных обитателей этой планеты?

Корита, как заметил Гроувнор, стоял недалеко от Смита в окружении своих коллег по отделу археологии.

Высокий японец заговорил медленно и почтительно:

— Директор Мортон, тут присутствует какая-то тайна. Взгляните на эту величественную линию горизонта. Обра-

тите особое внимание на контуры архитектурных сооружений. Создатели этого мегаполиса были близки землянам. Здания не просто украшены, а украшены соответственно стилю. Вот дорическая колонна, вот египетская пирамида и огромный готический собор — все они будто вырастают из земли, прочные, с долгой, большой судьбой. Если этот одинокий, опустошенный мир рассматривать как планету-мать, то она должна была быть для обитателей любимым местом, несущим тепло, дарящим духовные силы. Эффект усиливают извилистые улицы. Те механизмы, что встречались нам на улицах города, доказывают, что жители планеты разбирались в науке и технике, но прежде всего они были художниками. Поэтому они не стали строить геометрически правильные города и ультрабессмысленные мегаполисы. Тут присутствует художественная непринужденность, глубокое, радостное чувство, отраженное в изгибах и нерегулярности устройства домов, дворцов и проспектов; тут ощущается сила, божественная уверенность в себе. Это не загнивающая, затасканная веками существования цивилизация, а молодая, энергичная культура, уверенная в себе и сильная знанием своей конечной цели. И вдруг — конец. Резко, словно у них была своя Битва Титанов и она стала рушиться, как древняя магометанская цивилизация. Или будто в один прыжок она перескочила через века процветания в эпоху борьбы распрей. Как бы там ни было, у нас нет сведений ни об одной культуре во Вселенной, сделавшей столь резкий скачок. Преобразования всегда происходят постепенно. И первый шаг к упадку — подвергать безжалостному сомнению все, что прежде было свято. В результате начинается утрата внутренней уверенности, убежденности. Прежде бесспорные истины рушатся перед безжалостной критикой ученых и аналитиков. Скептик становится опорой расы. Но я бы сказал, что эта культура разрушилась мгновенно, в самом расцвете. Социологически такая катастрофа сопровождается крахом морали, крушением идеалов, что возвращает человека к состоянию скотской агрессии. Появляется черствое безразличие к смерти. Если все, что я сказал, соответствует действительности и если этот кот — потомок подобной расы, тогда он может быть коварным ночным вором, хладнокровным убийцей, который ради зернышка способен перегрызть глотку родному брату.

— Хватит! — грубо прервал его голос Кента.— Директор, я готов быть его палачом.

— Я против,— резко прервал его Смит.— Послушайте, Мортон, мы не должны убивать кота, даже если он виновен. Это же биологическая сокровищница!

Смит и Кент гневно взглянули друг на друга.

— Мой дорогой Кент,— медленно и внушительно проговорил Смит,— я весьма ценю желание вашего химического отдела засунуть кису в реторты и выявить химический состав его крови и плоти. Но вынужден предупредить вас: вы чересчур спешите. Биологический отдел нуждается в живом организме, а никак не в мертвом. Чувствую, что и физики не отказались бы от возможности заняться им, пока он жив. Так что боюсь, что вы — последний в этой очереди. Смиритесь, пожалуйста, с этой мыслью. Вам он достанется через годик, не раньше.

— Я смотрю на это не с точки зрения ученого,— угрюмо ответил Кент.

— А надо бы с нее, ведь Джарвей мертв и ничто не поможет ему.

— И все же прежде я человек, а уж потом — ученый,— хрипло возразил ему Кент.

— Поддавшись эмоциям, вы готовы разрушить ценнейший образец?

— Я готов уничтожить эту тварь, потому что в ней заключена неведомая опасность. Мы не можем больше рисковать людьми.

Спорящих остановил Мортон. Он задумчиво сказал:

— Корита, я склонен принять вашу теорию в качестве рабочей гипотезы, но у меня возник один вопрос. Возможно ли, чтобы здешняя культура была более поздней, чем культура нашей всегалактической системы?

— Вполне вероятно,— ответил Корита.— Кот, по-видимому, представляет культуру середины десятой цивилизации этой планеты, в то время как наша, насколько известно, проходит восьмой виток цивилизации Земли. При этом каждая из десяти цивилизаций планеты должна была заново возникать на обломках предыдущей.

— В таком случае наш кот не имеет никакого понятия о наших подозрениях?

— Нет, для него это было бы откровением.

Коммуникатор донес беспощадный смешок Мортона и его приговор:

— Ваше желание исполнено, Смит. Мы даруем коту жизнь. А если произойдет что-то фатальное, то теперь, когда мы с ним познакомились, виною тому будет наша беззаботность.

Нельзя, конечно, исключить, что мы ошибаемся. Мне, так же как и Зайделю, показалось, что зверь был все время на виду. Так что наши подозрения, возможно, совершенно напрасны. Ведь на планете могут существовать и другие опасные животные.— Он резко переменил тему разговора: — Кент, что вы думаете делать с телом Джарвея?

— Не будем спешить с его похоронами,— с горечью отозвался главный химик.— Проклятый кот что-то хотел извлечь из его тела. Похоже, он ничем не воспользовался, но вполне вероятно, что мы чего-то не заметили. Я собираюсь выяснить, что именно, и тем самым пригвоздить его к стенке, чтобы вы убедились в его вине.

3

Вернувшись на корабль, Эллиот Гроувнор поспешил в свой отдел. Табличка на двери гласила: «Отдел некзиализма». За дверью находились пять комнат общей площадью сорок футов на восемьдесят. В них были установлены все те машины и аппараты, которые потребовал у правительства Центр некзиализма, так что в помещениях было довольно тесно. Закрыв за собой дверь, Гроувнор оказался наедине с собой.

Поудобнее устроившись за столом, он принялся за письменное сообщение директору Мортону. Он проанализировал возможное физическое строение кошкоподобного обитателя этой холодной, заброшенной планеты и особо подчеркнул, что такое зрелое чудовище нельзя рассматривать просто как биологическую сокровищницу. Такой подход опасен, так как позволяет людям забыть, что существо может иметь свои собственные побуждения и желания, в основе которых лежит чуждое человеку мировосприятие. «У нас есть достаточное количество доказательств,— диктовал он в магнитофон,— чтобы сделать, как мы, некзиалисты, это называем, "Заявление руководству"».

Он просидел над заявлением несколько часов и отнес запись в отдел стенографии с требованием немедленно сделать копии. Как руководителю отдела ему было обеспечено немедленное обслуживание. Через два часа он передал отчет в канцелярию Мортона. Помощник вручил ему расписку. Уверенный в том, что сделал все, что от него зависело, он отправился в столовую. На его вопрос где кот, официант ответил, что скорее всего зверь находится наверху, в библиотеке.

Гроувнор отправился туда и целый час просидел в библиотеке, наблюдая за животным. Все это время кот лежал, распластавшись на мягком ковре, ни разу не переменив положения.

Неожиданно двери в библиотеку распахнулись и вошли двое с большой чашей в руках. Следом за ними появился Кент. Глаза химика лихорадочно блестели. Он остановился посреди комнаты и сказал усталым, охрипшим голосом:

— Я хочу, чтобы все это видели.

Хотя он обращался ко всем присутствующим, но прежде всего имел в виду группу ученых, которые сидели в отдалении. Гроувнор поднялся и заглянул в чашу. В ней была какая-то бурая смесь.

Биолог Смит тоже встал со своего места.

— Минутку, Кент. В другое время я не стал бы подвергать сомнению ваши действия. Но вы выглядите совсем больным, вы переутомились. У вас есть разрешение Мортона на проведение эксперимента?

Кент медленно обернулся. И Гроувнор, уже севший на место, увидел, что слова Смита не вполне отражают состояние химика. Вокруг глаз у него были черные круги, щеки его ввалились. Однако Кент ответил:

— Я приглашал его прийти сюда,— ответил он,— но Мортон отказался присутствовать при эксперименте. Он считает, что, если подопытное существо охотно сделает то, что я хочу, это не причинит ему вреда.

— А что у вас там? — поинтересовался Смит.

— Мне удалось обнаружить вещество, которого недостает в останках Джарвея,— сказал Кент.— Это калий. Его осталось всего от двух третей до трех четвертей от нормы. Вам известно, что калий во взаимодействии с большой молекулой протеина является основой энергетического заряда всей клетки. Словом, это основа жизни. Обычно после наступления смерти калий высвобождается и устремляется в кровяной поток, тем самым отравляя его. Я установил, что часть калия из клеток тела Джарвея исчезла, но в кровь не попала. Полная картина пока непонятна, но я намерен ее прояснить.

— Ну а все-таки, что в этой чаше? — спросил кто-то.

Присутствующие, отложив книги и журналы, с интересом наблюдали за происходящим.

— Живые клетки, содержащие в суспензии калий. Как вам известно, мы можем их синтезировать. Возможно, чудовище отказалось от пищи за завтраком именно потому, что в еде не содержалось калия в привычном для него состоя-

нии. Моя идея заключается в том, что он почувствует запах или еще там что-то...

— Мне кажется, он воспринимает вибрации,— медленно растягивая слова, вступил в разговор Гурли.— Иногда, когда он шевелил своими усиками, моя аппаратура фиксировала очень сильные помехи. Насколько я могу судить, он работает ими то на высоких, то на низких частотах. Похоже, он сам контролирует эти вибрации. Но частотные модуляции возникают не просто от движений усиков...

Кент с явным нетерпением ждал, когда Гурли закончит свою речь.

— Ну хорошо, он чувствует вибрации,— вступил он в разговор.— И что же, по-вашему, это должно оправдывать его действия? — И уже менее сурово он обратился к биологу: — Что вы думаете об этом, Смит?

— В вашем плане содержатся три ошибочных посыла,— ответил тот.— Во-первых, вы склонны рассматривать его всего лишь как животное. Во-вторых, вы забыли, что, полакомившись Джарвеем, он может быть сыт — если, конечно, он его ел. И еще вам представляется, что он вас ни в чем не заподозрит. Так поставьте чашу на пол. Посмотрим, как он на это отреагирует.

Эксперимент Кента был достаточно обоснован, хотя и вызывал сомнения. Существо уже проявило способность жестко реагировать на неожиданные ситуации. Его поведение в закрытом лифте нельзя было недооценивать. Это было мнение Гроувнора.

Керл уставился немигающим взглядом на тех, кто поставил перед ним чашу. Они тут же отошли, а Кент выступил вперед. Керл узнал в нем того, который утром вытащил оружие. Он посмотрел на двуногого, потом переключил свое внимание на чашу. Его усики учуяли волнующее излучение идов. Оно было очень слабым, таким слабым, что он его и не заметил бы, если бы заведомо не сосредоточился на его источнике. Иды содержались в жидкости в такой концентрации, что были для Керла почти бесполезны. Но все же вибрация была, и достаточно сильная, чтобы объяснить ему происходящее. Керл с рыком поднялся на ноги. Он схватил чашу присоском одного из согнутых щупалец и выплеснул ее содержимое прямо в лицо Кенту, с криком отпрянувшему назад.

Керл тут же швырнул чашу в сторону и щупальцами толщиной в трос обхватил грудь орущего человека. Его не пугало оружие на поясе Кента. Он чувствовал, что это всего

лишь вибрационное оружие, а не дезинтегратор. Он швырнул визжавшего Кента в угол, но потом с какой-то долей испуга подумал, что надо было его разоружить. Теперь, возможно, придется раскрыть перед ними свои способности.

Кент одной рукой яростно стирал с лица жижу, а другой схватился за оружие. Дуло вздрогнуло, и белый луч ударил прямо в массивную голову Керла. Усики-уши зашевелились, автоматически сводя на нет энергию оружия. Круглые черные глаза сузились, когда он увидел, что за оружие схватились и остальные.

Гроувнор, находившийся возле двери, резко приказал:

— Стойте! Мы потом пожалеем, если сейчас поддадимся панике.

Кент щелкнул затвором и удивленно посмотрел через плечо на Гроувнора. Керл скорчился на полу, зло поглядывая на человека, который вынудил его раскрыть свою способность воздействовать на внешние источники энергии. Но делать было нечего — оставалось только ждать последствий.

Кент все смотрел на Гроувнора, глаза его сузились.

— Какого дьявола вы тут командуете?

Гроувнор промолчал. Его роль в инциденте на этом была исчерпана. Он вовремя распознал эмоциональный всплеск и произнес нужные слова соответствующим тоном. Теперь не играло роли, что те, кто подчинился его приказу, будут спрашивать, имел ли он право давать команды. Критический момент миновал.

Его действия не имели никакого отношения к тому, виноват ли или невиновен был зверь. Его вмешательство влияло не на его судьбу, а на то, что эту судьбу должны решить авторитетные специалисты, но никак не один человек.

— Кент,— холодно сказал Зайдель,— я не верю, что вы действительно потеряли власть над собой. Вы намеренно пытались убить кота вопреки приказу директора оставить его живым. У меня есть все основания составить рапорт о случившемся и потребовать, чтобы вы понесли наказание. Вам известно, в чем оно заключается: в лишении вас руководящей должности в своем отделе и в лишении права избираться на аналогичные должности в любом другом из двенадцати отделов.

Группа мужчин, в которых Гроувнор узнал подчиненных Кента, тревожно зашумела.

— Нет-нет! Оставьте эти глупости, Зайдель! — крикнул один из них.

Другой был более циничен:

— Не забывайте, что есть свидетели и у другой стороны.

Кент обвел присутствующих угрюмым взглядом.

— Корита был абсолютно прав,— сказал он,— когда говорил о почтенном возрасте нашей цивилизации. Она явно клонится к упадку.— В голосе Кента слышалась дрожь.— Боже, неужели здесь нет человека, который бы оценил весь ужас происходящего? Джарвей мертв уже несколько часов, а эта бестия, виновник его смерти — кто этого не знает? — лежит себе здесь, даже не закованный в цепи, и замышляет новое убийство! И жертва его, возможно, здесь, в этой комнате. Что же мы за люди? Дураки, циники или упыри? Или наша цивилизация уже дошла до того, что даже об убийце мы можем рассуждать с сочувствием? — Он уставился налитыми кровью глазами на Керла.— Мортон был прав. Это не животное. Это сам дьявол, поднявшийся из самых глубин ада этой забытой богом планеты.

— Не разыгрывайте тут мелодрамы,— сказал Зайдель.— С точки зрения психологии ваши выводы не выдерживают никакой критики. Мы не упыри и не циники. Мы обыкновенные ученые, и кот для нас — объект исследования. Теперь, когда он находится под нашим наблюдением, вряд ли он способен напасть на кого-либо из нас. Один против тысячи — слишком малая вероятность.— Он осмотрел всех и продолжил: — Поскольку Мортона здесь нет, я предлагаю: давайте проголосуем. Все слышат?

— Я против, Зайдель,— прозвучал голос Смита. Пока психолог с удивлением взирал на него, Смит продолжил: — В суматохе и возбуждении никто из вас, кажется, не заметил, что, когда Кент стрелял в него из вибратора, луч угодил прямо в центр квадратной головы этого животного и не оставил на ней даже следа.

Зайдель перевел удивленный взгляд со Смита на Керла, а потом снова на Смита.

— Вы уверены, что Кент попал в него? Как вы сами сказали, все произошло так быстро... Я подумал, что кот остался невредимым, потому что Кент промахнулся.

— Абсолютно уверен, что Кент попал ему в морду,— заявил Смит.— Вибратор, конечно, не может сразу убить человека, но поражает его непременно. Кот же остался невредим, его даже не затрясло. Может быть, это и не решающий довод, но в свете наших сомнений...

Зайдель был явно смущен.

— Ну, может, у него шкура такая, что выдерживает большие температуры и энергию.

— Возможно. Но раз уж мы не очень уверены, я бы попросил Мортона отдать приказ о заключении зверя в клетку.

Зайдель нахмурился в сомнении.

— В ваших словах есть смысл, Смит,— сказал Кент.

— Так если мы посадим его в клетку, вы, Кент, будете удовлетворены?

Кент подумал, потом неохотно согласился:

— Да. Если только стены из микротронной стали толщиной в четыре дюйма смогут его удержать. Иначе останется отдать ему весь корабль.

Гроувнор, державшийся поодаль, снова промолчал. В своем отчете Мортону он хотел было предложить заключить кота в камеру, но тут же отверг эту мысль главным образом из-за запирающих механизмов.

Зайдель подошел к настенному коммуникатору и с кем-то тихо переговорил.

— Директор сказал, что, если вы сумеете поместить его в камеру, не применяя насилия, он на это вполне согласен. Если же такой возможности не представится, заприте его в том помещении, где он сейчас. Что вы на это скажете?

— В камеру! — прозвучало сразу несколько голосов.

Гроувнор подождал, пока наступила тишина, и сказал:

— Выдворите его на ночь из корабля. Он никуда не уйдет.

Большинство присутствующих не отреагировали на его предложение, только Кент заметил сурово:

— Вы всегда бываете так последовательны? То вы спасаете ему жизнь, то признаете его опасным.

— Он сам спас себе жизнь,— коротко возразил Гроувнор.

Кент отвернулся и пожал плечами.

— Мы поместим его в камеру. Только там место убийце.

— Вопрос решен,— сказал Зайдель.— Но только как претворить его в жизнь?

— Вы твердо решили посадить его в камеру? — уточнил Гроувнор.

Как и следовало ожидать, ответа не последовало.

Тогда он вышел вперед и тронул кончик ближайшего к нему щупальца Керла. Щупальце слегка отдернулось, но Гроувнор был настроен решительно. Он плотно охватил щупальце и указал на дверь. Какое-то мгновение животное колебалось, а потом при полном молчании проследовало через помещение.

— Подготовьтесь все сделать точно по времени! — повелительно бросил Гроувнор.

Керл послушно проковылял вслед за ним через какую-то дверь и оказался в квадратной металлической комнате, в противоположной стене которой была вторая дверь. Человек прошел через нее. Когда Керл хотел проследовать за ним, дверь с грохотом опустилась перед самым его носом. И в тот же самый миг за его спиной раздался металлический лязг. Он обернулся и увидел, что входная дверь тоже захлопнулась. Он ощутил поток энергии, когда электрический замок встал на место. Губы его гневно искривились, он понял, что попал в ловушку, но ничем другим не выказал волнения. После позорного поведения в лифте он ощутил в себе что-то новое. Вот уже сотни лет все его существо было направлено на одно — на поиски пищи. Теперь в его мозгу ожили тысячи воспоминаний из прошлого. В его теле зашевелились давно уже невостребованные силы. Восстанавливая в памяти эти свои возможности, он тут же мысленно приспосабливал их к сложившимся обстоятельствам.

А сейчас он уселся на свои толстые задние лапы. Его уши-усики исследовали энергию того, что его окружало. В конце концов он лег на пол, глаза его выражали презрение. Дураки!

Примерно через час он услышал, как человек — это был Смит — возится с каким-то аппаратом над его головой. Керл вскочил на ноги, насторожился. Его первой мыслью было, что он недооценил этих людишек и вот теперь они его прикончат. А он-то рассчитывал, что у него будет время и он осуществит задуманное.

Опасность заставила растеряться. И когда он вдруг ощутил радиацию, он собрал все силы для борьбы с опасностью. Прошло несколько секунд, прежде чем он осознал, что происходит. Кто-то делал снимки его внутренностей.

Вскоре человек ушел. Какое-то время еще слышны были отдаленные голоса. Керл терпеливо ждал, когда наступит тишина, чтобы обойти корабль. Давным-давно, когда керлы еще не достигли относительного бессмертия, они тоже спали по ночам. Наблюдая за дремавшими в библиотеке людьми, Керл вспомнил и об этой древней привычке.

Но один звук оставался и никуда не пропадал. Большой корабль уже давно погрузился в сон, а он все слышал шаги двух пар ног. Они в определенной последовательности проходили мимо его камеры, удалялись на какое-то расстояние и вновь возвращались. Одно обстоятельство особенно не

нравилось ему: охранники ходили не вместе, а сначала проходил один, потом на расстоянии около тридцати шагов от него — второй.

Керл прислушивался к их шагам несколько кругов подряд, отмечал про себя, сколько времени занимает обход. В конце концов он узнал, что хотел. Он еще раз дал им завершить очередной круг. Потом подождал, пока они пройдут мимо, и переключил все свои чувства на энергетику корабля. Мощная пульсация реактора в машинном отделении воспринималась им как четкие спокойные звуки. А вращение электрогенератора — почти как песня. Керл слышал шепот всех электрических потоков, пронизывающих стены его тюрьмы по многочисленным проводам, нащупывая тот ручеек, что кончался в электрических замках двери. Он заставил свое дрожащее тело напряженно замереть, стараясь попасть в ритм этой свистящей и гудящей буре корабля. Внезапно его усики завибрировали в такт.

Раздался громкий металлический щелчок. Легким прикосновением одного из щупалец Керл отворил дверь. Он оказался в коридоре. На какой-то миг его захлестнуло чувство презрения, превосходства, когда он подумал о существах, посмевших бросить вызов, и кому — керлам! Только тут он вспомнил, что на планете кроме него существуют и другие керлы. Мысль сама по себе была странной и неожиданной. Потому что он ненавидел их и сражался с ними беспощадно. А здесь вдруг перед ним возник образ маленькой, исчезающей группки существ, во всем подобных ему. Это был его клан. Если бы они были способны размножаться, вряд ли кто-нибудь — и менее всего эти двуногие — устоял бы перед ними.

Эта мысль вызвала ощущение ограниченности собственных возможностей, бесконечного одиночества: он же один против тысячи, а затем — против всей Вселенной. Именно Вселенная была предметом его необузданных, ненасытных устремлений. А проиграй он эту битву, другого такого случая уже никогда больше не представится! В его голодном мире не будет надежды решить проблему перелетов в пространстве. Даже Строители не сумели оторваться от своей планеты.

Он пробрался по большому салону в прилегающий коридор. Тихо подкрался к двери первой спальни. Она была заперта на электрический замок, но он бесшумно открыл его. Проскользнув внутрь, он нанес точный удар по горлу спящего человека. Голова неестественно свесилась с постели, тело

дернулось, струей хлынула кровь. Излучение идов почти лишило его разума, но он заставил себя двинуться дальше.

Семь спален — семь трупов. Потом Керл потихоньку вернулся в свою камеру и запер за собой дверь. Время он рассчитал с предельной точностью. Почти в тот же момент охрана прошагала мимо, заглянула в камеру через аудиоскоп и проследовала дальше. Керл ринулся во второй набег и за несколько минут «посетил» еще четыре спальни. Затем перебрался в большую спальню, где помещались двадцать четыре человека. Он убивал мгновенно, все время помня о необходимости вовремя вернуться в камеру. Но возможность уничтожения целой команды помутила его сознание. Больше тысячи лет он убивал все живое на своем пути. Даже самые примитивные формы, когда ему доставалось не более одного ида. И он никогда не знал необходимости обуздывать себя. Он обошел комнату, как большой кот, каким он, впрочем, и был, неслышный и безжалостный, и упоение не покидало его до тех пор, пока он не прикончил последнего человека.

И тут он понял, что упустил свое время. Что-то похожее на раболепный страх испытал он от непростительного промаха. Он четко замыслил ночь убийств, и каждый смертельный исход должен был продолжаться ровно столько времени, чтобы успеть вернуться в свою тюрьму: он должен был находиться в ней, когда охранник заглянет туда, завершая очередной круг. Теперь же надежда овладеть этим кораблем-монстром за одну ночь рухнула.

Керл потерял остатки разума. Как безумный, совсем не заботясь о том, чтобы не шуметь, он бросился через салон и вылетел в коридор, где находилась дверь его камеры, напряженный, ожидая, что будет встречен лучом бластера, слишком сильным, чтобы он мог противостоять ему.

Двое охранников стояли рядом, бок о бок. Явно они обнаружили раскрытую дверь. Они одновременно подняли на него глаза и застыли, парализованные кошмарным видением. На них летело чудовище с окровавленными когтями, щупальцами и свирепой кошачьей мордой с горящими ненавистью глазами. Один из охранников схватился за бластер, но было слишком поздно. Другой уже был психологически сломлен и застыл в неподвижности. Он испустил пронзительный вопль ужаса. Жуткий крик разнесся по коридорам и разбудил спящих. Что-то страшно шваркнуло о стену — это Керл одним сокрушительным движением отправил оба тела в другой конец коридора. Он не хотел, чтобы трупы нашли возле камеры. Он еще надеялся.

В отчаянии, сознавая весь ужас своей ошибки, почти утратив рассудок, он нырнул в свою тюрьму. Дверь неслышно захлопнулась за ним — усики в очередной раз сработали как надо. Он свернулся клубком на полу, притворившись спящим, и тут услышал топот множества бегущих ног и гул возбужденных голосов. Он заметил, что один из них заглядывает к нему в аудиоскоп. Критический момент наступит, когда они обнаружат остальных убитых.

Постепенно он собирался с силами, чтобы выиграть величайшую в его жизни битву.

4

— Погиб Сивер! — услышал Гроувнор голос Мортона, сдавленный ужасом.— Что же мы будем делать без Сивера?.. И Брекенридж! И Култер!.. И... ужасно!

В коридоре толпились люди. Гроувнор, чей отдел находился дальше всех, оказался позади. Дважды он пытался пробиться поближе, но оба раза его оттесняли, даже не потрудившись узнать, кто это. И Гроувнор оставил напрасные попытки, ожидая, что еще скажет Мортон. Директор угрюмо осмотрел столпившихся. Его тяжелый подбородок выглядел сейчас решительней обычного.

— Если у кого-нибудь есть хоть какие-то соображения, высказывайтесь.

— Это космическое безумие!

Предположение встревожило Гроувнора. Казалось бы, бессмысленная фраза, но она стала расхожей за эти годы межзвездного перелета. Тот факт, что люди в космосе заболевают от одиночества, страха и постоянного напряжения, еще ничего не значил. В столь долгом путешествии не исключены и эмоциональные сдвиги — и это была одна из причин, почему его включили в состав команды,— но в данном случае ни о каком психическом расстройстве от одиночества не могло быть и речи.

Мортон явно сомневался. Казалось, и он воспринял это предположение как несерьезное. Но в такой момент нельзя было отказываться ни от каких идей. Люди были чрезвычайно напуганы. Они жаждали действий, и уверенности, и соответствующих контрмер. Именно в такие моменты руководители экспедиций, командоры и другие должностные лица теряли доверие своих подчиненных. Гроувнору показалось,

что, когда Мортон заговорил, он думал именно об этом, так осторожно он подбирал слова.

— Мы думали об этом,— сказал директор.— Доктор Эггерт и его помощники всех непременно обследуют. В данный момент он осматривает тела убитых.

Громоподобный баритон почти оглушил Гроувнора:

— Я тут, Мортон. Вели этим людям пропустить меня.

Гроувнор обернулся и узнал доктора Эггерта. Люди уже сами потеснились, давая ему дорогу. Гроувнор поспешил за ним. Как он и думал, все решили, что так и надо — некзиалист должен быть рядом с доктором. Когда они добрались до Мортона, доктор Эггерт сказал:

— Я все слышал, директор, и должен заявить, что ни о каком безумии здесь не может быть и речи. Чтобы так порешить человека, нужна недюжинная сила по крайней мере десятерых. Убитые не успевали даже крикнуть.— Эггерт помолчал, потом тихо спросил: — А как насчет кота, Мортон?

Тот покачал головой:

— Киска у себя в камере, доктор, ходит туда-сюда. Что думают на этот счет специалисты? Есть ли основания подозревать кота? В такой камере, как эта, можно спокойно содержать зверя раз в пять крупнее, чем он. Трудно поверить в его виновность, разве что новая наука может предложить такое объяснение, что нам и в голову не придет.

— Мортон,— угрюмо начал Смит,— здесь все свидетельствует о его вине. Мне меньше, чем кому-либо, хотелось об этом говорить — вы же все знаете, как я настаивал, чтобы кота оставили в живых,— но я сделал флюорографические снимки зверя — все они оказались пусты. Вспомните, что говорил Гурли: это существо, вероятно, может принимать и посылать колебания волн всего спектра. А как он справился с излучателем Кента, направленным ему прямо в морду, после всего случившегося является для нас доказательством того, что он обладает уникальной способностью управлять потоками энергии.

Кто-то недовольно проворчал:

— И какого дьявола все мы тут собрались? Ведь если он может контролировать энергию и излучать волны любой длины, что ему мешает перебить нас всех?

— Но это же доказывает,— сказал Мортон,— что он не всесилен, иначе он уже давно сделал бы это.

Он неторопливо подошел к механизму, контролирующему замок камеры.

— Вы не должны открывать дверь! — воскликнул Кент, хватаясь за бластер.

— Нет, но если я переведу рубильник, пол клетки окажется под напряжением. Мощность очень большая, и все живое, что находится в камере, должно погибнуть. Такие устройства на всякий случай сделаны повсеместно в подобных помещениях.

Он открыл специальный ящичек и резко рванул на себя рубильник. Секунды энергия накапливалась, потом блеснул голубой огонь, и в тот же момент предохранители, что находились над головой Мортона, вдруг почернели. Мортон дотянулся до них рукой, вынул один предохранитель из гнезда и нахмурился.

— Чудеса! — воскликнул он.— Предохранители никак не должны были «полететь»! — Он покачал головой.— Да, теперь даже мы не сможем заглянуть в камеру: аудиоскоп тоже вышел из строя.

— Если он так хорошо управляется с электричеством, что открыл замок,— заметил Смит,— то он, видимо, почувствовал, что ему угрожает, когда вы включали ток, и готов был противостоять опасности.

— Во всяком случае это говорит о том, что кот нечувствителен к нашей энергии,— мрачно скривился Мортон.— Ведь он безболезненно вернул электропоток. Слава богу, что он в камере с толстыми стальными стенами. В случае чего мы можем открыть дверь и испытать на нем действие бластеров. Но сначала попробуем послать электрические заряды через телефонный кабель.

Его слова прервал шум, донесшийся из камеры. Что-то тяжелое грохнулось о стену. Затем последовали мелкие удары, словно тяжелые предметы падали на пол. Гроувнор сравнил это про себя с грохотом лавины.

— Он знает о наших намерениях,— сказал Смит Мортону.— Держу пари: бедной киске это не по вкусу. Какого же он свалял дурака, вернувшись в камеру! Он только теперь понял это!

Напряжение чуть ослабло, люди нервно заулыбались. Кто-то даже не очень весело хмыкнул, представив себе нарисованную Смитом картину огорченного монстра. Гроувнор был озадачен. Ему совсем не понравились звуки, которые он услышал. Слух — самое обманчивое из чувств. По слуху не определишь, что произошло или что происходит в камере.

— Хотел бы я знать,— проговорил главный инженер корабля Пеннон,— отчего стрелка телефлюорометра запрыгала как бешеная именно тогда, когда раздался этот шум в камере? Прибор у меня перед самым носом, и я все пытался понять, что же там произошло.

И в клетке и вне ее наступила тишина, которую нарушило движение за спиной Смита, и в коридоре появились капитан Лич с двумя офицерами в форме.

Капитан, жилистый мужчина лет пятидесяти, проговорил:

— Полагаю, мое место здесь: среди ученых назревает конфликт по поводу того, убивать ли чудовище. Не так ли?

— Спорить уже не о чем,— покачал головой Мортон.— Мы единодушны в решении уничтожить зверя.

Капитан Лич кивнул:

— Я готов исполнить приказ. Считаю, что под угрозой весь корабль. А за безопасность отвечаю я.— Он повысил голос: — Освободите место! Подайтесь назад!

Прошло несколько минут, прежде чем толпа в коридоре поредела. Гроувнор был доволен. Ведь если эта тварь выйдет из камеры и людям некуда будет податься, будут новые жертвы. Нельзя сказать, что теперь опасность полностью исключена, но, по крайней мере, она заметно уменьшилась.

— Вот дела! Похоже, корабль наш сейчас взлетит! — воскликнул кто-то.

Гроувнор тоже почувствовал что-то похожее на пробное включение двигателей. Огромный корабль вздрогнул и подался назад.

— Пеннон, кто там, в центре управления? — резко спросил капитан Лич.

Главный инженер побледнел.

— Мой помощник и его заместитель. Не пойму, что это они...

Снова толчок! Корабль накренился, угрожая завалиться набок. Гроувнора с силой швырнуло на пол. Оглушенный ударом, он все же постарался не потерять сознание. Вокруг распластались люди. Раздавались стоны. Директор Мортон отдавал какие-то распоряжения, но Гроувнор не слышал какие. Капитан Лич, ругаясь, пытался подняться на ноги. Гроувнор расслышал, как он яростно прорычал:

— Какого черта, кто там включил двигатель?!

Опасно нарастало ускорение. Оно достигло уже 5, если не 6 *g*. Собрав все свои силы, Гроувнор с огромным трудом

поднялся на ноги. Он нащупал на стене коммуникатор и вызвал центр управления кораблем, не особенно рассчитывая, что кто-нибудь отзовется. Кто-то за его спиной издал рык. Гроувнор удивленно оглянулся. Мортон, глядя через его плечо на коммуникатор, с трудом выдавил:

— Это кот! Он там, в центре управления. Мы взлетаем!

Пока Мортон говорил, экран оставался черным. Вместе с тем ускорение росло, а с ним и навалившаяся тяжесть. Гроувнор с трудом добрался до салона и попал во второй коридор. Он помнил, что там находится склад, где хранились скафандры. Уже у двери он обнаружил, что капитан Лич опередил его и натягивает на себя костюм. Он застегнул скафандр, включил антигравитатор и потом помог облачиться в костюм Гроувнору.

Включив антигравитатор на 1 *g*, Гроувнор через минуту вздохнул с облегчением. Теперь их было двое, а вскоре стали подходить остальные. Спустя несколько минут все скафандры были разобраны, и недостающие принесли с нижнего этажа. Теперь десятки людей были готовы к действию. Капитан Лич куда-то исчез. Чтобы сориентироваться, Гроувнор поспешил к камере, где был заключен зверь. У дверей, которые, по-видимому, только что открыли, толпились ученые.

Гроувнор пробрался поближе и через плечи и головы тех, кто был впереди, заглянул в камеру. В противоположной стене зияла дыра. Она была так велика, что через нее одновременно могли бы пройти пять человек. Края дыры были рваными. Дыра вела в соседний коридор.

— Готов поклясться,— прошептал Пеннон, он был в космическом костюме, но без шлема на голове,— это невероятно. Удар десятитонного механического молота может проделать в этой стальной плите не более чем вмятину в четверть дюйма глубиной. А ведь мы слышали только один удар. Даже для атомного дезинтегратора работы здесь по меньшей мере на минуту, но после этого все вокруг стало бы радиоактивным самое малое на несколько недель. Мортон, это суперчудовище!

Директор не ответил. Гроувнор видел, что Смит изучает разрушения. Наконец биолог поднял голову.

— Если бы Брекенридж был жив! Это может объяснить только металлург. Смотрите!

Он коснулся искореженного края. Кусок металла отломился и рассыпался у него в руке, а упав на пол, превратился в пыль. Гроувнор протиснулся к камере.

— Я немного разбираюсь в металлах,— сказал он.

Люди расступились, давая ему дорогу. Когда он оказался рядом со Смитом, биолог хмуро уставился на него и с недоверием спросил:

— Вы что, один из помощников Брека?

Гроувнор сделал вид, что не слышит. Он присел, потер между пальцами в перчатке рассыпавшийся металлический порошок и быстро выпрямился.

— Никакого чуда здесь нет. Насколько вам известно, стены подобных камер формуют из металлического порошка в электромагнитных матрицах. Кот использовал свои способности и воздействовал на силы сцепления, обеспечивающие целостность металла. Вот откуда скачки на телефлюорометре, которые наблюдал мистер Пеннон. Существо, трансформировав энергию своего тела, разрушило стену, выскочило в коридор, а потом дальше вниз, в центр управления.

Он был удивлен, что его не прервали и дали закончить этот поспешный вывод. Вполне очевидно, его приняли за одного из помощников убитого Брекенриджа, что было совершенно естественно: при таких размерах корабля трудно было знать каждого техника.

— Итак, директор,— тихо проговорил Кент,— мы оказались в ситуации, когда суперсущество, овладев центром управления, почти неограниченными энергоресурсами и главной секцией машинного отделения, безраздельно контролирует корабль.

Кент всего лишь перечислил факты, но Гроувнор почувствовал, как это подействовало на всех. Тревога за жизнь отразилась на лицах людей.

В разговор вмешался один из офицеров.

— Мистер Кент не прав,— сказал он.— Зверь в самом деле овладел центром управления, однако в наших руках остается контрольный пульт, а он позволяет взять под контроль все машины корабля. Вы, как люди, занятые проблемами науки, не все знакомы с устройством корабля. Вполне вероятно, что существо способно справиться с управлением корабля, но мы контролируем все рубильники.

— Ради всего святого! — воскликнул кто-то.— Почему же вы до сих пор не перекрыли ему электричество, вместо того чтобы запихивать всех нас в скафандры?

Офицер был неколебим.

— Капитан Лич полагает, что в скафандрах, которые защищают нас от воздействия ускорения, мы в большей безопасности. К тому же вполне вероятно, что кот никогда не подвергался ускорению в пять-шесть *g*. В этом наше преимущество, и неразумно отказываться от него, особенно в минуты паники.

— Какие еще преимущества мы имеем? — спросил кто-то.

— Я могу вам сказать,— отозвался Мортон.— Мы уже кое-что знаем об этом существе. И как раз сейчас я намерен предложить капитану Личу провести испытания.— Он повернулся к офицеру: — Не попросите ли вы командира санкционировать проведение этого эксперимента?

— Думаю, вам лучше самому попросить его об этом, сэр. Могу соединить вас с ним по коммуникатору. Он сейчас у контрольного пульта.

Мортон ушел и вернулся через несколько минут.

— Пеннон,— обратился он к главному инженеру,— поскольку вы офицер и ответственный за управление кораблем, капитан Лич хочет, чтобы испытание провели вы.

Гроувнору послышались в тоне Мортона нотки раздражения. Разумеется, командир корабля совершенно серьезно заявил, что не снимает с себя никакой ответственности. Разделение власти на кораблях было старо как мир. Линия раздела определялась по возможности четко, но никакой властью не запретишь непредвиденные обстоятельства. В конце концов все определяется характером отношений. До сих пор и офицеры и команда — впрочем, все люди военные — скрупулезно выполняли свои обязанности, подчиняясь в основном целям, поставленным перед этим грандиозным перелетом. Тем не менее правительство по опыту всех прошлых экспедиций знало, что военные почему-то невысоко ставили авторитет ученых. А в обстоятельствах, подобных нынешним, их враждебность проявлялась с особой силой. И в действительности не было никаких оснований запрещать Мортону самому провести свою экспериментальную атаку, взяв на себя всю полноту ответственности.

— Директор,— энергично вмешался Пеннон,— у нас нет времени на всякие мелочи. Отдавайте приказание! Если я в чем-то буду не согласен с вами, мы это обговорим.

Это был благородный отказ от привилегий. Но ведь Пеннон как главный инженер сам был вполне зрелым ученым.

Мортон не стал терять времени.

— Мистер Пеннон,— сказал он твердо,— выделите по пять техников к каждому из четырех входов в центр управления. Я возглавлю одну из групп. Вы, Кент,— вторую. Вы, Смит,— третью. И разумеется, четвертую возьмете на себя вы, Пеннон. Используем переносные излучатели и бластеры

и разнесем к чертям большие двери — они все наглухо закрыты, я проверял: чудовище заперлось. Зеленски, отправляйтесь наверх, к контрольному пульту, и обесточьте все механизмы, кроме двигателей. Их же включите на полную мощность и тут же выключите. Одно замечание. Ускорение пусть остается наибольшим. И никаких антигравитационных мер на корабле, вы поняли?

— Да, сэр.— Пилот отсалютовал и двинулся по коридору.

— Докладывайте мне по коммуникатору,— крикнул Мортон ему вдогонку,— если вдруг какие-нибудь из машин возобновят работу.

Для участия в атаке отобрали стрелков. Гроувнор и еще несколько человек наблюдали за их действиями примерно с двухсот футов. Когда установили переносные огнеметы и защитные экраны, Гроувнор ощутил внутреннюю опустошенность, и сердце его сжалось в ожидании несчастья. Он высоко оценил силу и направление задуманной атаки, он даже готов был к тому, что атака увенчается успехом. Но уверенности в благоприятном окончательном исходе не было — это была атака наугад. Она основывалась на имевшемся опыте и знаниях и была организована в лучших известных традициях. Но больше он досадовал на то, что должен стоять в стороне и со стороны критиковать тех, кто действовал.

В большом коммуникаторе раздался голос Мортона:

— Как я уже сказал, это главным образом пробная атака. Она основана на предположении, что кот недостаточно долго пробыл в центре управления, чтобы суметь сделать что-либо. Это внушает надежду, что мы справимся с ним прямо сейчас, до того, как он успеет подготовиться к борьбе. Но если нам не удастся уничтожить кота немедленно, я просчитал второй вариант, который заключается в следующем: двери центра сконструированы таким образом, что могут противостоять мощным взрывам и уничтожение их огнеметами займет минут пятнадцать. Это время электроэнергия в помещении будет полностью отключена. Зеленски сделает это. Полет, естественно, будет продолжаться — главный двигатель атомный, и, насколько я понимаю, он ему не по зубам. Через несколько минут вы увидите, что я имею в виду... на что надеюсь...

Его голос зазвенел, когда он спросил:

— Вы готовы, Зеленски?

— Готов!

— Выключайте главный рубильник!

Коридор — да и весь корабль, как понял Гроувнор,— погрузился в кромешную тьму. Он включил вмонтированную в скафандр лампу. Его примеру последовали и остальные. В отблесках странного света их лица выглядели бледными и напряженными.

— Огонь! — Команда Мортона резко прозвучала в коммуникаторе.

Вздрогнули переносные установки и выплеснули пламя, которое обволокло прочные металлические двери. Гроувнор видел, как медленно побежали ручейки расплавленного металла. Они сливались, и неохотные потоки стекали по электрокабелям. Сквозь дым невозможно было разглядеть, что происходит с дверью, пока она не раскалилась докрасна. Только тогда сквозь запотевшее стекло Гроувнор увидел это адское зрелище! По мере того как огонь пушек с яростью накидывался на металл, свечение становилось все ярче и ярче, дверь искрилась подобно звезде.

Время шло медленно. Наконец раздался голос Мортона:

— Зеленски!

— Пока ничего, директор.

— Но должен же он что-то предпринять,— почти прошептал Мортон.— Не может он так вот просто сидеть и ждать, как загнанная в угол крыса. Зеленски!

— Ничего, директор.

Прошло семь минут, потом десять, двенадцать.

— Директор,— это был как обычно официальный голос Зеленски,— он запустил генератор.

Гроувнор глубоко вздохнул. В коммуникаторе послышался голос Кента:

— Мортон, сколько можно? Вы что, этого ждали?

Гроувнор увидел, что Мортон смотрит на дверь. Даже издали заметно было, что металл уже менее раскален, чем раньше. Из белой дверь постепенно становилась красной, а затем совсем потемнела.

— Пока достаточно,— сказал Мортон.— Пусть военные охраняют каждый коридор! Излучатели на место! Руководителям отделов собраться у контрольного пункта!

Гроувнор понял, что эксперимент окончен.

5

На посту у входа на контрольный пункт Гроувнор предъявил одному из охранников свое удостоверение. Тот с нескрываемым сомнением взглянул на него.

— Похоже, все в порядке,— пробормотал он наконец.— Но за все время дежурств я не пропустил никого, кому было бы меньше сорока. Как это вам удалось?

— Я тут по причине своей принадлежности к новой науке,— усмехнулся Гроувнор.

Охранник снова заглянул в удостоверение и сказал, возвращая его:

— Некзиализм? Что это такое?

— Это вроде всенаукологии,— сказал Гроувнор и переступил порог.

Обернувшись назад, он увидел, что охранник тупо глазеет на него. Гроувнор улыбнулся и тут же забыл о нем. В контрольном пункте управления он был впервые и с любопытством озирался по сторонам. Несмотря на компактность, контрольный пульт представлял собой внушительное зрелище. Он состоял из ряда ярусов. Каждый металлический ярус был футов двести длиной. Ярусы соединялись между собой крутыми ступенями. Управлять приборами удобнее всего было, сидя в специальном кресле, которое было подвешено к подвижному управляемому устройству.

В противоположной стороне помещения амфитеатром располагались около сотни удобных кресел. Кресла были достаточно вместительны и для человека в скафандре, и к приходу Гроувнора в них расположились две дюжины людей, одетых именно таким образом. Гроувнор скромно устроился на одном из них сбоку. Вскоре из прилегающего к залу личного кабинета капитана корабля вошли Мортон и сам капитан Лич. Мортон без обиняков приступил к делу.

— Итак, мы выяснили, что для чудовища важнейшей из машин оказался генератор. В панике оно старалось запустить его, пока мы не проникнем внутрь. Есть ли у кого-нибудь соображения по этому поводу?

— Может ли кто-нибудь сказать, каким образом кот сделал двери непроницаемыми? — спросил Пеннон.

— Существует специальная технология, с помощью которой повышается стойкость металлов к высоким температурам, но для этого требуется многотонное оборудование, которого, насколько я понимаю, на нашем корабле нет,— проговорил Гроувнор.

Кент повернулся к нему и раздраженно заявил:

— Зачем нам знать, как он это сделал? Если мы не можем одолеть эти двери даже с помощью атомных дезинтеграторов, то это конец. Корабль целиком в его руках, он может делать с ним все, что ему вздумается.

Мортон покачал головой.

— Мы собрались для того, чтобы выработать какой-то план действий.— Он громко позвал: — Зеленски!

Пилот свесился через подлокотник рабочего кресла. Его неожиданное появление удивило Гроувнора. Раньше он не заметил, что в подвешенном кресле кто-то есть.

— Да, сэр?

— Включите все двигатели!

Зеленски ловко развернул кресло к главному рубильнику. Он аккуратно и легко передвинул ручку рубильника в нужное положение. Раздалось громкое гудение, мощный толчок сотряс весь корабль, после чего еще несколько секунд содрогался пол. Затем судно замерло, заработали двигатели, и гудение сменилось тихим жужжанием.

Спустя некоторое время Мортон обратился к присутствующим:

— Я хотел бы попросить всех специалистов, независимо от области занятий, высказать свои предложения по борьбе с так называемым котом. Нам необходим обмен мнениями с представителями широкого круга ученых. Причем наряду с теоретическими выводами нас в первую очередь интересуют практические подходы к решению задачи.

И это, разочарованно подумал Гроувнор, именно то, чем в достаточной мере располагает он, Эллиот Гроувнор, некзиалист, и от чего, по сути дела, отстранен. Мортону необходимо было соединить знания представителей различных наук, а ведь именно этим и занимается некзиализм. И Гроувнор с грустью сознавал, что не входит в число экспертов, чьих практических советов ищет Мортон. Его догадка подтвердилась.

Через два часа Мортон расстроенно распорядился:

— Полагаю, нам лучше прерваться на полчаса, отдохнуть и поесть. Наступает решающий момент, нам понадобится весь наш опыт, чтобы принять решение.

Гроувнор направился в свой отдел. Его не интересовали ни еда, ни отдых. Тридцать один год — возраст, когда можно обходиться случайными приемами пищи и непродолжительным ночным сном. И сейчас ему казалось, что в течение этого получаса он способен решить проблему, как расправиться с чудовищем, захватившим корабль.

Пока же все ученые сошлись в одном: для окончательного решения проблемы их знаний недостает. Все попытки объединить свои познания оказались поверхностными. Один

за другим они излагали свои идеи, не находя отклика в коллегах, не подготовленных к тому, чтобы выявить ценность связей, существующих в каждом понятии. Поэтому создать четкий план им не удалось.

Неловко было Гроувнору сознавать, что только он, молодой человек, и никто более на корабле, достаточно подготовлен к реальной оценке ситуации. С тех пор как шесть месяцев назад он ступил на борт корабля, Гроувнор впервые со всей остротой оценил те огромные перемены в себе, которые произошли после учебы в Некзиалистском центре. И не будет большим преувеличением заявить, что все прежние образовательные системы устарели. Сам Гроувнор не претендовал на какое-то особое уважение к своей особе лишь за то, что получил такую подготовку. В этом не было его заслуги. Но выбора у него не оставалось: как выходец из центра, как человек, которого направили на корабль с определенной целью, он должен был найти правильное решение и затем любыми средствами добиться его практического воплощения.

Но пока ему не хватало информации. И он поспешил приступить к ее сбору единственным имевшимся в его распоряжении путем. По коммуникатору он последовательно соединялся с разными отделами. Разговаривал он главным образом с подчиненными, а не с руководством. Каждый раз, когда он представлялся начальником отдела, младшие научные сотрудники чаще всего с готовностью помогали ему, правда, тоже не все. Какой-то тип, например, заявил: «Я должен получить разрешение начальства». Глава одного из отделов, Смит, сам беседовал с ним и дал ему всю желаемую информацию. А другой был с ним предельно вежлив, но посоветовал позвонить позднее, когда с котом уже расправятся.

Гроувнор связался с химическим отделом и попросил Кента, рассчитывая и надеясь, что тот не возьмет трубку. Он уже готов был сказать подчиненному: «Тогда не можете ли вы сами дать мне нужные сведения», однако, к его удивлению и сожалению, его сразу же соединили с главным химиком.

Кент слушал его с плохо скрываемым нетерпением и в конце концов грубо оборвал:

— Нашу информацию вы можете получить по обычным каналам. Как бы там ни было, доступа к информации, полученной на кошачьей планете, не будет еще в течение месяца. Наши открытия требуют проверки и перепроверки.

Но Гроувнор продолжал настаивать:

— Мистер Кент, я убедительно прошу вас позволить мне полностью ознакомиться с данными о составе атмосферы этой планеты. В них могут содержаться важные для разрабатываемого сегодня плана сведения. Если я сейчас стану детально объяснять вам, что к чему, это уведет нас далеко, но уверяю вас...

Кент насмешливо прервал его:

— Мальчик мой, сейчас не время для теоретических дискуссий. Вам, видно, невдомек, в какой опасной ситуации мы оказались. Малейший промах — и вы, и я, и все остальные подвергнемся физическому уничтожению. Тогда нам будет не до интеллектуальной гимнастики. А теперь, пожалуйста, оставьте меня в покое лет на десять по крайней мере.

Раздался щелчок — Кент отключил связь.

Несколько секунд Гроувнор сидел с пылающими от оскорбления щеками. Потом, печально усмехнувшись, переговорил с оставшимися отделами.

Его сводная таблица содержала немало достоверных данных. Среди них были сведения о содержании в атмосфере планеты большого количества вулканического пепла; о существовавших когда-то на планете растениях, о пищеварительном тракте животных, которые могли бы питаться этими растениями. Путем экстраполяции Гроувнор пришел к выводу, что на планете должны были обитать семейства животных, которые съели своих собратьев, ранее питавшихся растениями.

Гроувнор работал быстро, и, поскольку вносил данные главным образом в готовые таблицы, ему совсем немного времени понадобилось, чтобы начертить диаграммы. Дело оказалось довольно простым, однако он понимал, что объяснить все тем, кто не знаком с некзиализмом, будет нелегко. Но для него картина была ясна. Она указывала на возможность решения. Не могут же они не принять во внимание его предложения в столь критический момент! Так казалось Гроувнору.

Под заголовком «Общие рекомендации» он написал: «При любом одобренном решении следует предусмотреть запасный вариант»...

Прихватив четыре комплекта таблиц, он отправился к математикам. По пути везде стояла охрана, что было необычно: для защиты от кота явно приняли меры. Когда охрана отказалась пустить его к Мортону, Гроувнор потребовал встречи с одним из секретарей директора. Наконец из соседней

комнаты вышел молодой человек, вежливо просмотрел таблицы и сказал, что постарается передать их Мортону.

— Нечто подобное я уже слышал,— мрачно заметил Гроувнор.— Если Мортон не увидит таблиц, я потребую созыва Следственной комиссии. Что-то странное происходит здесь с моими отчетами директору, и, если подобное будет продолжаться, вас ждут большие неприятности.

Секретарь был лет на шесть старше Гроувнора. Он был холоден и, пожалуй, даже враждебен. Поклонившись Гроувнору, он с сардонической улыбкой произнес:

— Директор — весьма занятой человек. Его внимания требуют многие отделы. Деятельность многих из них особенно важна, и их престиж дает им некоторые преимущества перед более молодыми науками и...— он поколебался,— и учеными.— Молодой человек пожал плечами.— Но я передам ему вашу просьбу изучить таблицы.

Гроувнор сказал:

— Попросите его прочитать рекомендации. Боюсь, на другое не останется времени.

— Я доведу это до его сведения.

Гроувнор отправился в штаб-квартиру капитана Лича. Командир корабля принял его и выслушал. Рассмотрев таблицы, он покачал головой.

— Нет,— сказал он официальным тоном,— у военных несколько иной подход к проблеме. Мы намеренно идем на риск. Ваше предположение, что самым мудрым было бы в конечном итоге позволить твари сбежать, совершенно противоречит моему мнению. Это разумное существо предприняло враждебные действия против вооруженного корабля. Такое положение, прямо скажем, нетерпимо. Я искренне убежден, что он приступал к своим действиям, предвидя их последствия.— Капитан натянуто улыбнулся.— Последствия эти — смерть.

Гроувнора поразила мысль — при столь прямолинейном подходе конечным результатом могла стать только смерть людей. Он открыл было рот, чтобы возразить Личу, сказать, что в его намерения не входило просто так отпустить кота. Но он и слова не успел произнести: Лич встал и официально произнес:

— А теперь я вынужден попросить вас уйти.— Затем позвал офицера: — Проводите мистера Гроувнора.

— Благодарю, я знаю дорогу,— с горечью ответил Гроувнор.

Оказавшись в коридоре, он взглянул на часы. До начала действий оставалось пять минут. Чувствуя себя несчастным, он невесело побрел на контрольный пульт. К его приходу большинство уже сидели на своих местах. Минутой позже в зал вошли Мортон и капитан Лич. Призвали всех к тишине и порядку.

Мортон, явно нервничая, напряженно ходил взад-вперед перед собравшимися. Его обычно гладко причесанные черные волосы были взъерошены. Легкая бледность лица подчеркивала непривычную агрессивность его выдвинутой вперед нижней челюсти. Внезапно он остановился. Своим глубоким и твердым голосом он четко произнес:

— Чтобы быть уверенным в том, что в наших планах мы достигли полного согласия, я намерен просить каждого из вас высказать свои соображения относительно возможностей этого чудовища. Мистер Пеннон, начнем с вас!

Пеннон встал. Небольшого роста, он казался высоким, видимо, благодаря уверенной осанке. Как и все остальные, перед полетом он прошел специальную подготовку, но особенности его профессии меньше всего располагали его в пользу некзиалиста. Этот человек знал двигатели и историю их создания. Согласно его послужному списку, с которым ознакомился Гроувнор, он изучал историю двигателестроения не менее чем на ста планетах. Он знал о двигателях все и мог тысячу часов говорить об этом предмете, не рассказав и сотой доли того, что знал.

— В этом помещении мы установили переключатели,— сказал он,— которые будут ритмично включать и выключать двигатели с частотой сто срабатываний в секунду. В результате образуются самые разнообразные вибрации. Есть некоторая вероятность того, что одна-две машины разрушатся, войдя в резонанс, как в классическом примере, когда под ритмичным шагом роты солдат рухнул мост. Но, по моим подсчетам, этого не должно случиться. Наша главная цель — просто отвлечь кису, чтобы она не помешала нам, когда мы начнем разрушать двери.

— Гурли, вы следующий.

Гурли неохотно поднялся со своего места. Он выглядел сонным, словно все происходящее утомило его. Гроувнор подозревал, что Гурли хотелось, чтобы окружающие считали его мечтателем. Он был начальником отдела связи. В его послужном списке отмечалось постоянное стремление к самосовершенствованию в своей области. Он был непревзойденным специалистом и чрезвычайно широко образованным

человеком. Речь его, когда он наконец заговорил, была столь же неспешной, как и манера поведения. Гроувнор отметил, что его нарочитая медлительность действовала на слушателей успокаивающе. Озабоченные лица смягчились, позы стали непринужденней.

— Мы приспособили вибрационные экраны — они теперь работают как рефлекторы,— начал он.— Эти экраны способны бóльшую часть посылаемой котом энергии вернуть, так что она на него же и обрушится. Кроме того, мы скормим ему большое количество электроэнергии через медные гибкие кабели. Полагаю, его способность поглощать энергию не беспредельна, особенно при изолированной нервной системе.

— Зеленски! — вызвал Мортон следующего.

Главный пилот уже стоял, когда Гроувнор взглянул в его сторону. Он поднялся так резко, что могло показаться, что вызов Мортона ему неприятен. Гроувнор словно зачарованный рассматривал его. Зеленски был худощав и лицом и телом, а его синие глаза были на удивление живыми. Выглядел он физически сильным и ловким. В послужном списке о нем было сказано, что он не из крупных ученых. Выбор на него пал из-за его устойчивой нервной системы, молниеносной реакции и способности действовать с точностью часового механизма.

— Насколько я понял, главное в плане — систематичность,— сказал он.— Именно в тот самый момент, когда кот почувствует, что больше не выдержит, должно включиться новое, пугающее его и приводящее в полное замешательство воздействие. Когда паника в его мозгу достигнет предела, я включу антигравитатор. Директор и Ганли Лестер считают, что кот не имеет никакого представления о том, что такое антигравитатор. Ведь его создание относится к науке о межгалактических перелетах, и никакие сведения о нем не могли попасть на эту планету. Полагаю, что при первом же воздействии антигравитатора на зверя — а каждый из вас отлично помнит, какое чувство загнанности он испытал, когда столкнулся с этим впервые,— он лишится способности соображать и действовать.

— Пожалуйста, Корита! — сказал Мортон.

— Единственное, что я могу,— это подбодрить вас,— сказал археолог.— Согласно моей теории, чудовищу присущи все черты, характерные для преступников ранних лет цивилизации в любом регионе вселенной. Смит полагает, что его познания в области наук поразительны, а значит, мы

имеем дело с действительным обитателем этой планеты, потомком тех, кто построил обнаруженный нами мертвый город. Если это так, то наш противник обладает фантастическим долголетием, почти бессмертием — ведь он способен дышать и хлором, и кислородом и даже может обойтись без того и другого. Но не столь важно, смертен ли он или нет. Он — дитя определенной стадии развития своей цивилизации, но уровень его сознания пал так низко, что у него сохранилась лишь память о том периоде. Несмотря на способность контролировать энергию, вспомните, как он потерял голову, оказавшись в лифте! Когда Кент предложил ему суспензию с калием, он пришел в такое волнение, что выдал себя с головой, пустив в ход специальные силы. А массовое побоище! Все это говорит о том, что его действия соответствуют образу действий примитивно-коварного, эгоистичного разума, которому недоступно в научном плане понимание тех процессов, которые происходят в собственном организме, и тем более высокоорганизованного разума, с которым он столкнулся. Он напоминает древнего воина-германца, который чувствовал свое превосходство перед любым просвещенным римлянином, но потом, оказавшись внутри римской цивилизации, в благоговейном ужасе трепетал перед ним. Так что перед нами — примитив, который в настоящий момент находится в абсолютном отрыве от своей естественной среды. У меня одно предложение: пойдемте и победим его!

Мортон поднялся. Его тяжелое лицо скривила странная улыбка. Он сказал:

— Я намерен был после этого бодрого, полного уверенности выступления Кориты перейти непосредственно к действиям. Однако в последний момент я получил доклад молодого человека, который в одиночестве представляет на борту нашего корабля науку, весьма мне малоизвестную. Поскольку его пребывание на корабле расценивается как обязательное, я должен считаться с его мнением. Убежденный, что знает решение проблемы, он обращался и ко мне, и к капитану Личу. Мы с командиром сошлись на том, что мистеру Гроувнору следует дать несколько минут с тем, чтобы он доложил свой вариант и убедил нас в том, что знает, о чем говорит.

Гроувнор, взволнованный, поднялся со своего места. Он начал так:

— В Некзиалистском центре нас учили тому, что между самыми различными науками, великими и малыми, суще-

ствуют сложные взаимосвязи. Это положение, конечно, известно давно, но одно дело — разговоры вокруг него, а другое — применение его на практике. В Центре мы как раз и занимались разработкой техники его применения на практике. В моем отделе имеются умнейшие машины — полагаю, вам таких не доводилось видеть. Я не стану сейчас их описывать, но скажу, каким образом пользователь, владеющий техникой работы с этими машинами, может решить проблему с котом. Во-первых, внесенные вами предложения довольно поверхностны. Сами по себе они как будто убедительны. Но они не затрагивают самую суть задачи. К настоящему моменту мы накопили достаточно фактов, чтобы представить себе происхождение и жизнь нашей кисы. Я изложу их поочередно. Около тысячи восьмисот лет назад выносливые растения планеты вдруг стали получать от солнца меньше волн определенной длины. Произошло это из-за появления в атмосфере планеты гигантского количества вулканической пыли. В результате едва ли не за сутки большинство растений погибло. Вчера во время облета планеты на спасательном катере примерно в ста милях от мертвого города один из наших спасателей заметил нескольких животных размером с наших оленей, но, по-видимому, более разумных. Они были настолько ловки и осторожны, что захватить их не представилось возможности. Пришлось убить несколько особей. И отдел мистера Смита провел их частичный анализ. Тела убитых животных содержали калий примерно в тех же биохимических соединениях, в каких он находится в человеческом организме. Никаких других животных на планете не обнаружено. Думаю, эти животные были источником калия для кота. В их желудках ученые нашли остатки растений в разной степени переваривания. Тут явно просматривается замкнутый круг: растения — травоядные животные — хищники. И вероятно, что, когда растения погибли, стали вымирать и травоядные. А значит, исчезла пища и для котов.

Гроувнор мельком оглядел аудиторию. Почти все вроде бы слушали его со вниманием. Исключение составлял Кент. Лицо начальника химического отдела выражало неприязнь. Его внимание, казалось, было приковано к чему-то другому.

Гроувнор быстро продолжил:

— В галактиках существует немало примеров зависимости животных форм от одного вида пищи. Но ни на одной

из планет нам не встречались даже относительно разумные существа с такой ограниченностью в пище. Похоже, нашим котам никогда и в голову не приходила мысль выращивать на фермах пищу для себя, а уж тем более для своей пищи. Такое неумение думать о завтрашнем дне неправдоподобно, скажете вы. Действительно, настолько неправдоподобно, что не принимать его во внимание при объяснении поведения кота было бы глупо ipso facto*.

Гроувнор перевел дыхание. Он не смотрел прямо ни на кого из присутствующих. Конечно, он не мог привести доказательств. Чтобы убедить руководителей отделов скорректировать их предложения согласно выводам его необычной науки, понадобились бы многие недели. Все, что он мог сейчас сделать, это дать конечное заключение — то, чего он не посмел сделать в своем заявлении директору и в беседе с капитаном Личем. И он поторопился закончить:

— Факты неопровержимо говорят, что наш кот не принадлежит к числу строителей города, как не является и их потомком. Он и ему подобные были экспериментальными животными у создателей этой цивилизации. Можно только догадываться, что произошло с ними. Возможно, они истребили себя сами в атомной войне восемнадцать столетий назад. Почти сметенный с земли город, внезапное появление в атмосфере вулканической пыли в таких количествах, что она на тысячелетие затмила солнце,— это серьезные свидетельства. Человечество само едва ли не сделало того же самого, так что мы должны не слишком сурово судить исчезнувшую расу. Но к чему я веду?

Гроувнор еще раз сделал паузу и закончил:

— Если бы он принадлежал к строителям, то к этому времени уже проявил бы всю свою силу и мы бы точно знали, против кого и чего мы воюем. Но поскольку он до сих пор этого не сделал, значит, мы имеем дело с существом, не осознающим своих собственных возможностей. В критические минуты он обнаруживает в себе способности убивать людей или контролировать работу машин, но это еще не разумные действия. Так что нам остается одно — дать ему возможность бежать с корабля. Оказавшись вне его, он будет в нашей власти. У меня все, благодарю вас за то, что вы меня внимательно выслушали.

Мортон оглядел присутствовавших.

— Итак, джентльмены, какие будут суждения?

---

* В силу самого факта *(лат.)*.

Кент с кислой миной заявил:

— В жизни не слышал ничего подобного. Возможности. Вероятности. Все это фантазии. Если в этом и заключается некзиализм, то ему нужно многое еще в себя вобрать. Только тогда я, быть может, заинтересовался бы этой наукой.

— Не понимаю, как можно серьезно отнестись к данному объяснению без изучения анатомии и физиологии кота,— мрачно проговорил Смит.

— Сомневаюсь, что даже тщательное исследование организма обнаружило бы доказательства того, что это животное — плод целенаправленных экспериментов. Предположения Гроувнора весьма спорны, и ни доказать их, ни опровергнуть не представляется возможным,— заключил глава физического отдела фон Гроссен.

— Очевидно, теорию Гроувнора могли бы подтвердить дальнейшие раскопки города.— Корита с осторожностью подбирал слова.— Подобная точка зрения не опровергает теорию цикличности — создание мыслящего существа характеризует силу ума и убеждения тех, кто его выпестовал и обучил.

Главный инженер Пеннон сказал:

— Один из наших спасательных катеров находится сейчас в мастерской. Он частично демонтирован и занимает единственный на корабле док, доступ в него снизу. И чтобы использовать этот катер для бегства кота, нам пришлось бы потратить больше сил, чем на всю планируемую атаку. Конечно, если атака не удастся, можно пожертвовать спасательным катером, хотя не знаю, как он сможет покинуть корабль — для выхода в космос там нет шлюза.

Мортон повернулся к Гроувнору:

— Что вы на это скажете?

— В конце коридора, рядом с пунктом управления, имеется воздушный шлюз. Мы должны позволить ему проникнуть туда.

Встал капитан Лич.

— Как я уже говорил мистеру Гроувнору, когда он был у меня, военные в подобных ситуациях действуют смелее и решительней. Мы не исключаем возможные потери. Мистер Пеннон выразил мое мнение: если атака потерпит неудачу, тогда мы подумаем о других мерах. Благодарю вас, мистер Гроувнор, за ваш глубокий анализ. А теперь приступим к делу!

Это был приказ. И все сразу направились к выходу.

6

Керл работал в ярком великолепии огромного машинного отделения. Вернулась память почти обо всем, чему его учили строители — искусству приспосабливаться к новой ситуации и к новым машинам. Он обнаружил в доке спасательный катер, отчасти демонтированный, и с жаром принялся за его ремонт.

Все более важным казалось ему совершить побег. Только так он сможет добраться до своей планеты и присоединиться к другим керлам. Благодаря тому, чему их научит Керл, они станут непобедимыми. Это был путь к победе. Он чувствовал, что пришел к правильному решению. Но пока медлил покидать корабль. Он не был вполне убежден, что опасность здесь особенно велика. Изучив энергетические запасы, сосредоточенные в машинном отделении, и возвращаясь мысленно ко всему тому, что случилось, он полагал, что у этих двуногих не хватит сил расправиться с ним.

Чувство неуверенности не покидало его все время работы. И только осмотрев катер, он понял, какую колоссальную работу проделал. Оставалось только погрузить различные инструменты и запасные части, которые он решил прихватить с собой. И тут — сомнение: лететь или дать бой? По мере того как он слышал приближающиеся шаги, в нем нарастало возбуждение. Вдруг он ощутил нарушение в ритме и реве двигателей; то затухающее, то поднимающееся до визга жужжание мучительно пронизывало все тело. От всего этого дух перехватывало. Едва Керл, сконцентрировавшись, приспособился к новой неприятности и тело его уже готово было одержать победу, как появилось еще что-то. Это пламя мощных переносных огнеметов со страшным ревом въелось в массивные двери центра управления. Тут перед ним встала проблема: выравнивать ли ритм двигателей или остановить огонь огнеметов. Керл быстро сообразил: сделать одновременно то и другое он не сумеет.

Тогда он настроился на побег. Каждый мускул его сильного тела был до предела напряжен, когда он перетаскивал огромной тяжести станки, машины, инструменты, заполняя всем этим катер. Наконец наступил заключительный этап подготовки к побегу. Он знал, что двери в кабину управления сдают. Полдюжины огнеметов сосредоточили свой огонь каждый на определенном участке двери и медленно, но неукротимо пожирали последние дюймы металла. Керл засомневался было, но в конце концов отвел от дверей всю свою

энергию и сосредоточил на противоположной стене корабля — в нее упирался тупой нос его катера. Все тело его съежилось под потоком электричества, хлынувшего из всех электродвигателей. Его усики-вибраторы завибрировали, направляя страшный поток энергии прямо на стену. Он почувствовал жар, а тело его изогнулось дугой. Он понял, что достиг опасного предела энергии, которой он может управлять.

И тем не менее ничего не происходило. Стена не подавалась. Прочным оказался металл — такой ему еще не попадался. Он даже не прогнулся. Его молекулы были моноатомными, но их расположение было необычным — особая прочность была достигнута без обычно сопутствующей ей высокой плотности.

Он услышал, как одна из дверей центра управления рухнула внутрь. Послышались голоса людей. Мощность огнеметов больше не контролировалась. Керл слышал, как в центре управления шипит пол под брызгами расплавленного металла. Тревожный, угрожающий звук все приближался. Еще минута — и люди прожгут слабенькие двери в машинное отделение.

Но именно за эту минуту Керл одержал победу. Он ощутил изменения в сопротивляющемся сплаве. Молекулы утратили силу сцепления. Внешне все выглядело по-прежнему, но сомнений не было. Поток энергии с легкостью прошел сквозь его тело, еще несколько секунд он направлял его на стену, пока окончательно не ощутил, что добился желаемого. Издав победный рык, он прыгнул в маленькое судно и захлопнул за собой люк.

Одно из его щупалец почти с нежностью обвилось вокруг рычага управления. Машина дернулась, и он направил ее прямо на толстую внешнюю стену. Как только нос коснулся ее, она растаяла в сверкающем облаке пыли. На какие-то мгновения металлическая пыль, облепившая судно, замедлила движение катера, но он прорвался сквозь нее, как сквозь облако, и устремился в открытый космос.

Потекли секунды. Керл отметил про себя, что удаляется от большого корабля под прямым углом к его курсу. Но расстояние между ними было еще так невелико, что Керл мог видеть рваную дыру, через которую он бежал с корабля, и силуэты двуногих в скафандрах на ярком фоне пламени. Однако и двуногие и корабль становились все меньше. Потом двуногие пропали, и лишь корабль сверкал тысячей иллюминаторов на боках.

Керл быстро повернул прочь. Отложив на щитке управления девяносто градусов, он включил предельную скорость. Через какую-то минуту после бегства он уже летел в направлении, противоположном тому, которым шел корабль все эти долгие часы.

Гигантский шар позади быстро уменьшался, пока не стал совсем крошечным: сквозь иллюминатор катера его уже нельзя было рассмотреть. Почти прямо по курсу Керл видел слабый, размытый круг света — мое солнце, подумал он. Там, вместе с другими керлами, он построит космический корабль и будет летать к звездам с обитаемыми планетами. Грандиозность мечты даже немного испугала его. Керл снова повернулся к иллюминаторам заднего вида — он было выпустил из виду большой корабль. Тот был еще виден — маленькая светящаяся точка в бездонной тьме пространства. Внезапно он мигнул и исчез.

Ему показалось, что прежде, чем исчезнуть, корабль передвинулся. Но теперь ничего не было видно. С тревогой он подумал, уж не потушили ли на корабле сразу все огни, чтобы в темноте преследовать его. Ему стало совершенно ясно, что в безопасности он не будет до тех пор, пока не окажется на своей планете.

Встревоженный и выбитый из колеи, Керл снова повернулся к лобовому окну и остро ощутил что-то неладное. Размытое солнце, к которому он держал курс, не становилось больше. Оно явно уменьшалось. Скоро оно сделалось розовой точкой в окружении абсолютной тьмы. Но вот и она исчезла.

Словно холодный ветер, Керла охватил страх. Несколько минут он напряженно вглядывался в космос впереди в страстной надежде, что его путеводная звезда снова появится перед ним. Но там сверкали лишь далекие звезды, немигающие крапинки на черном бархате непостижимых пространств.

Но стоп! Одна из точек начала увеличиваться. Весь до последнего мускула напрягшись, Керл наблюдал за тем, как крапинка превращается в точку. Вот она уже стала с огненный мяч и надувается все больше. Вдруг он вспыхнул ярким светом, и перед ним, сияя иллюминаторами, возник гигантский шар корабля, тот самый, который несколько минут назад — он видел это собственными глазами — исчез позади него в глубинах космоса.

Что-то тут стряслось с Керлом. Мысли вихрем закружились в его голове словно раскрутившийся маховик, все

убыстряясь и убыстряясь. И вдруг разлетелись мелкими, болезненными осколками. Глаза вылезли из орбит, когда он, словно обезумевшее животное, яростно рвал на части собственное тело. Его щупальца хватали и швыряли во все стороны драгоценные инструменты, пока не разбили стены суденышка, В конце концов в минуту просветления он понял, что не выдержит пламени дезинтеграторов, которыми они наверняка воспользуются и с достаточно близкого расстояния.

Это было так просто — создать жесткий поток энергии, который полностью освободит все его жизненно важные органы от +идов.

Его рот исказил последний вопль протеста. Усики сплелись. Щупальца слепо бились из стороны в сторону. Внезапно вместо жажды борьбы наступила слабость, и он упал. Смертельный покой пришел на смену многочасовой борьбе.

Капитан Лич действовал быстро. Когда огонь исчез и можно было приблизиться к тому, что осталось от спасательного катера, поисковики обнаружили небольшие куски расплавленного металла и лишь кое-какие останки того, что было телом Керла.

— Бедняга киса! — сказал Мортон.— Хотел бы я знать, что он подумал, когда обнаружил нас на месте своего исчезнувшего солнца. Не ведая об антиускорителях, он никак не мог предположить, что мы способны мгновенно оказаться в том месте, добраться до которого он мог бы только за три часа. Ему казалось, что он движется в направлении своей планеты, а на самом деле он все больше и больше удалялся от нее. Кот не мог знать, что он пронесся мимо нас и все, что нам оставалось сделать, так это проследовать за ним, изображая его солнце, пока мы не приблизились достаточно близко, чтобы расправиться с ним. Весь космос должен был перед его взором перевернуться вверх дном.

Гроувнор выслушал этот монолог со смешанным чувством. Инцидент этот скоро забудется, утратит детали и яркость. Кто-то со временем вспомнит отдельные эпизоды, но никто и никогда не сможет рассказать о них так, как это происходило на самом деле. Даже теперь угрожавшая им опасность начинала казаться чем-то далеким.

— Какие тут могут быть симпатии! — услышал он голос Кента.— Нам еще предстоит потрудиться на той несчастной планете, нужно перебить там всех остальных котов.

— Это не так уж трудно,— тихо произнес Корита,— они всего лишь примитивные существа. Стоит нам сесть на планету, и они тут же соберутся вокруг в уверенности, что перехитрят нас.— Он дружелюбно посмотрел на Гроувнора.— Я все еще верю в то, что это так, даже если теории нашего юного коллеги подтвердятся. Что вы думаете на этот счет, мистер Гроувнор?

— Я бы несколько развил вашу мысль,— ответил Гроувнор.— Вы как историк несомненно согласитесь с тем, что ни одна попытка физического уничтожения аборигенов не завершалась успехом. Не забывайте, что причиной нападения кисы была отчаянная нехватка пищи. Ресурсы планеты, по-видимому, уже не могут удовлетворить потребности этого вымирающего племени. Собратья кисы ничего не знают о нас и не представляют для нас никакой угрозы. Так почему бы не позволить им умереть своей смертью — от голода?

Война нервов

1

ЛЕКЦИЯ И ОБСУЖДЕНИЕ

Некзиализм — это наука, объединяющая в определенную систему различные сферы познания. Она предусматривает определенные технические приемы для ускоренного усвоения полученных знаний и самого эффективного их использования.

ПРИГЛАШАЮТСЯ ВСЕ ЖЕЛАЮЩИЕ!

Лектор Эллиот Гроувнор.

Лекция состоится в отделе некзиализма в 15.50 9/7/1*

Гроувнор прикрепил объявление на доске информации и, отступив на шаг, полюбовался делом своих рук. По времени его мероприятие совпадало с восемью другими лекциями, тремя учебными фильмами, девятью дискуссионными клубами и несколькими спортивными соревнованиями. К тому же, подумал он, немало и тех, кто останется в своих каютах, предпочитая почитать или провести время в кругу друзей на дружеской вечеринке, в баре или ресторане,— словом, все будет как всегда.

Тем не менее он был уверен, что его объявление непременно прочтут. В отличие от других объявлений, оно не было

* На корабле пользуются звездным временем, согласно которому в 1 часе содержится 100 минут, а 24 часа составляют день. В неделе 10 дней, в месяце — 30. Названия дней недели отсутствуют, дни недели просто нумеруются. Времясчисление ведется со дня отлета.

просто листом бумаги. Это была особая пластинка толщиной в сантиметр. Буквы выплывали на ее поверхность изнутри. Круг из тонкой пленки особого материала, вращаясь, все время менял цвет. Поскольку частота испускаемых волн света неуловимо менялась, подсветка и цвет тоже менялись, и цветовые сочетания не повторялись никогда.

Объявление сияло среди прочих словно неоновая реклама. Не заметить его было невозможно! Прекрасно.

Гроувнор направился в столовую. При входе ему сунули в руку листовку. Он с любопытством посмотрел на нее.

КЕНТА НА ДОЛЖНОСТЬ ДИРЕКТОРА!

Мистер Кент является главой одного из самых крупных отделов на нашем корабле. Его отличает умение сотрудничать с другими отделами. Грегори Кент — не только крупный ученый, он еще и чуткий человек, понимающий проблемы своих коллег. На нашем корабле помимо 180 офицеров работают 804 ученых. Всеми нами руководит администрация, выбранная меньшинством перед самым отлетом с Земли. Такое положение должно быть исправлено. Мы имеем право на демократические выборы.

Предвыборное собрание состоится в 15.00 9/7/1

ГОЛОСУЙТЕ ЗА КЕНТА!

Гроувнор сунул листовку в карман и вошел в ярко освещенный салон. Он подумал о том, что импульсивным людям вроде Кента редко удается сделать что-либо продуктивное, так как все их усилия обычно направлены на то, чтобы разделить людей на враждующие группировки. Половина межзвездных экспедиций, отправленных за последние двести лет, не вернулись на Землю. Анализ различных происшествий на борту вернувшихся кораблей позволил выявить причины. В отчетах говорилось о разногласиях среди членов экипажей, неистовых спорах, противоречиях по коренным вопросам и почти повсеместно — о создании конфликтующих между собой групп. Их число увеличивалось почти прямо пропорционально времени экспедиции.

Выборы администрации не были внове. Их разрешили в связи с тем, что люди в столь длительных экспедициях целиком зависели от воли назначенных лидеров. Но корабль — это не нация в миниатюре. В полете некем заменять потери. И, памятуя о катастрофе, необходимо было лимитировать человеческие ресурсы.

Раздосадованный тем, что на выборах все может случиться, и тем, что время собрания совпадает со временем его лекции, Гроувнор, нахмурившись, подошел к своему столику. Салон был заполнен. Своих соседей по столу — на этой неделе — он нашел уже обедающими. Их было трое, и все — молодые ученые из разных отделов.

Когда Гроувнор сел, один из них весело сказал:

— Итак, какие черты непредсказуемого женского характера мы будем обсуждать сегодня?

Гроувнор добродушно рассмеялся, хотя понимал, что замечание было добродушным лишь отчасти. Все разговоры среди молодых людей на корабле неизменно сводились к одной теме: женщинам и сексу. Проблема секса в этой сугубо мужской экспедиции решалась просто: в рацион экипажа входили определенные химические добавки. Таким образом физически они чувствовали себя нормально, но оставалась эмоциональная неудовлетворенность.

Шутливый вопрос остался без ответа. Карл Деннисон, молодой химик, хмуро взглянул на остряка и повернулся к Гроувнору.

— Как вы собираетесь голосовать, Гроу?

— Тайно,— сказал Гроувнор.— Однако вернемся к тому, что говорила нам тем утром блондинка Эллисон...

Но Деннисон настаивал на своем:

— Вы ведь будете голосовать за Кента, не так ли?

Гроувнор усмехнулся.

— Я еще не думал об этом. До выборов еще по крайней мере два месяца. Да и чем плох Мортон?

— Он человек, назначенный правительством.

— И я тоже. Да и вы...

— Но он всего лишь математик, не ученый в полном смысле слова.

— Вот это для меня новость,— сказал Гроувнор.— Сколько лет живу, а все питаю иллюзию, будто математики тоже ученые в полном смысле слова.

— Именно — иллюзию при ближайшем-то рассмотрении.— Ясно было, что Деннисон намерен довести до сведения присутствующих свою собственную позицию. Это был серьезный, плотного сложения человек, и сейчас он с видом заговорщика подался вперед и продолжил: — Ученым необходимо сплотиться. Ну посудите сами, нас, ученых, тут целый корабль, а кто стоит над нами? Человек, оперирующий абстракциями! Ему же и простейшие практические задачи не по зубам.

— Странно, а мне казалось, он с легкостью справляется со всякими шероховатостями в отношениях между нами, работниками.

— С нашими «шероховатостями» мы в состоянии справляться и сами,— раздраженно заявил Деннисон.

К этому времени конвейер, который Гроувнор успел вызвать, нажав на кнопку, торжественно поднимался посреди стола. Гроувнор потянул носом воздух.

— О, опилочный ростбиф, прямо из химического отдела! Тончайший аромат. Интересно, стали ли эти опилки, с таким трудом извлеченные из кустарников на кошачьей планете, столь же питательными, как и те, что мы привезли с собой? — Он поднял руку.— Можете не отвечать. Я не желаю разочаровываться в чистоте помыслов отдела, возглавляемого мистером Кентом, хотя его облик и поведение мне не по душе. Видите ли, я как-то попросил его помощи о предоставлении кое-каких данных, а он велел мне обратиться к нему с этой просьбой через десять лет. Похоже, он забыл тогда о грядущих выборах. Кроме того, у него хватило наглости назначить свое предвыборное собрание на тот самый вечер, когда я буду читать лекцию.— И Гроувнор склонился над тарелкой.

— Ни одна лекция по своему значению не может сравниться с этим слетом. Мы намерены обсудить политические вопросы, касающиеся всех членов экспедиции, в том числе и вас.— Лицо Деннисона пылало, голос срывался.— Имейте в виду, Гроу, вы не имеете права выступать против человека, которого почти не знаете. Кент из числа тех, кто никогда не забывает своих друзей.

— Держу пари, как и тех, кого он не любит. Он обладает особой способностью избавления от них,— сказал Гроувнор и с неприязнью добавил: — Карл, для меня Кент — носитель всего самого пагубного в нашей цивилизации. Согласно теории Кориты о цикличном развитии истории, мы принадлежим к «зимней» стадии культуры. Я хочу попросить Кориту поглубже раскрыть соотношение его теории с явлениями нашего времени. Однако я уверен, что карикатурная «демкомпания» Кента — худшее из явлений, характерных для «зимнего» периода.

Он с удовольствием объяснил бы, что причиной его пребывания на «Гончей» является в первую очередь задача разобраться в подобных проявлениях человеческой природы, но, само собой разумеется, это было невозможно. Именно подобные раздоры привели к гибели многих экспедиций. А в

результате — об этом его соседи по столу даже не догадывались — на всех кораблях появились некзиалисты, возникли новые социологические институты, в том числе и выборность руководителей, а также еще множество незначительных на первый взгляд перемен в надежде, что освоение космоса обойдется человечеству не столь дорогой ценой.

Деннисон ухмыльнулся.

— Вы только послушайте этого молодого философа! — проговорил он, а затем добавил со всей откровенностью: — Голосуйте за Кента, если хотите себе добра!

Гроувнор подавил нараставшее раздражение.

— А то что — урежете мою порцию опилок? А может, я сам хочу стать диктатором, а? Соберу голоса всех, кто моложе тридцати пяти. А нас таких окажется раза в три или четыре больше. К тому же демократия предполагает пропорциональное представительство в руководстве...

Похоже было, что Деннисон пришел в себя.

— Вы совершаете огромную ошибку, Гроувнор, и скоро в этом убедитесь.

Обед закончился в полном молчании.

На следующий день вечером, за пять минут до назначенного часа, 15.50, Гроувнор понял, что его затея с лекцией потерпела неудачу, и расстроился. Ясное дело — Кент мог запретить своей команде пойти на лекцию того, кто не поддерживает его кандидатуру. Но даже если под влиянием главного химика находилось большинство, оставалось еще несколько сотен людей, влияния на которых он не имел. И Гроувнор невольно вспомнил слова, сказанные ему с Земли одним из государственных мужей, прошедших подготовку в Центре:

— Работа, которая вам предстоит на «Гончей», не из легких. Некзиализм — это совершенно новый подход к познанию и взаимодействию. Люди постарше будут сопротивляться ему инстинктивно. Молодые, обучавшиеся обычными методами, тоже враждебно встретят все, что предполагает, что их только что приобретенные новейшие знания, по меньшей мере, старомодны. Да и вам самому придется пройти на практике все то, что постигли теоретически, и этот переходный период послужит вам настоящей наукой. Главное, помните: уверенный в себе человек услышит вас только в критические минуты.

В 16.10 Гроувнор отправился в комнаты отдыха и главный коридор и переправил время на объявлениях на 17.00. В 17.00 он изменил его на 17.50, а еще позже — на 18.00.

Кончится же оно наконец, сказал он себе. Не может же политическое собрание длиться вечно, да и другие мероприятия — дело самое большее двух часов.

За пять минут до 18.00 он услышал шаги: два человека не спеша шли по коридору. Они молча остановились возле открытой двери в его отдел, потом один произнес:

— Вот, все верно, это здесь.

И они рассмеялись без всякой видимой причины и через минуту вошли. Гроувнор чуть замялся, но потом приветливо кивнул и пригласил молодых людей войти. С первого дня своего пребывания на корабле он поставил перед собой задачу: хотя бы визуально познакомиться со всеми членами экипажа — узнавать их по голосам, лицам, именам. Конечно, он был еще далек от выполнения этой задачи — уж слишком велико было население корабля. Но этих двоих он помнил. Оба были из химического отдела.

Гроувнор незаметно наблюдал за ними, пока они ходили и разглядывали специально выставленные тренажеры. Казалось, они втайне развлекались. Наконец оба устроились в креслах, и один из них преувеличенно вежливо спросил:

— Мистер Гроувнор, а скоро начнется лекция?

Гроувнор взглянул на часы.

— Минут через пять,— сказал он.

Тем временем в комнату вошли еще восемь человек. После столь неудачного начала это весьма приободрило Гроувнора, особенно когда он увидел Доналда Маккэнна, руководителя геологического отдела. Даже то, что среди слушателей четверо были из химического отдела, не смутило его.

Довольный, он разразился лекцией об условных рефлексах и рассказал о том, что было сделано в этой области, начиная от Павлова и кончая сегодняшним днем, когда был заложен краеугольный камень некзиализма.

После лекции к нему подошел Маккэнн.

— Насколько я мог заметить, добрую половину вашего оборудования составляют так называемые «машины сна», которые обучают человека во сне.— Он усмехнулся.— Помнится, один старый профессор заметил как-то, что на изучение всего, что накоплено в разных областях науки, не хватило бы и тысячелетия. Для вас, кажется, таких ограничений не существует?

Гроувнор заметил в серых, внимательных глазах собеседника добродушное лукавство и улыбнулся в ответ.

— Подобные ограничения,— сказал он,— явились отчасти следствием старого метода использования машин без пред-

варительной подготовки. Ныне в Некзиалистском центре, чтобы преодолеть исходное сопротивление, прибегают к гипнозу и психотерапии. Мне, например, после тестирования сказали, что для меня длительность воздействия машины не должна превышать пяти минут каждые два часа сна.

— У вас очень низкая толерантность,— заметил Маккэнн.— У меня — три минуты каждые полчаса.

— И вы на том и остановились,— многозначительно сказал Гроувнор.— Так ведь?

— А что сделали вы?

— Я не сделал ничего,— улыбнулся Гроувнор.— Меня готовили самыми разными методами, пока я не научился восьмичасовому глубокому сну при стабильно работающей аппаратуре. Процесс поддерживался еще и с помощью другой техники.

Геолог не обратил внимания на окончание фразы.

— Целых восемь часов! — воскликнул он.

— Целых восемь,— подтвердил Гроувнор.

Собеседник, казалось, обдумывал услышанное.

— Но это всего-навсего втрое сокращает время,— наконец сказал он.— Ведь даже есть люди, которые без подготовки воспринимают информацию в течение пяти минут из каждых пятнадцати, не просыпаясь.

Гроувнор отвечал медленно, внимательно наблюдая за реакцией собеседника.

— Но информацию придется повторить неоднократно.— По ошеломленному виду геолога Гроувнор понял, что слова его угодили в цель, и он быстро продолжил: — Конечно, сэр, вы по собственному опыту знаете, что, однажды увидев или услышав что-то, вы уже никогда этого не забудете. Но бывает и так, что вроде бы не менее глубокое впечатление улетучивается из вашего сознания до такой степени, что вы никак не можете восстановить его в памяти даже при чьем-либо упоминании. На то есть свои причины. И в Центре установили, что это за причины.

Маккэнн молчал, поджав губы. Гроувнор краем глаза видел, что четверка из химического отдела мнется у выхода из комнаты, шепотом переговариваясь между собой. Но Гроувнор лишь кинул на них взгляд и снова обратился к геологу:

— В начальный период моего обучения я не раз думал, что не выдержу такой нагрузки. Как вы понимаете, я имею в виду не обучение во сне. Меня угнетали тренировки, хотя на них уходило лишь десять процентов всего времени.

Маккэнн покачал головой.

— Все эти цифры прямо-таки потрясли меня. Мне показалось, что больше всего времени у вас отнимают эти коротенькие фильмы, где каждый кадр держится долее секунды.

Гроувнор кивнул:

— Мы используем тахископические фильмы по три часа в день, это составляет примерно сорок пять процентов упражнений. Секрет тут — в скорости и повторяемости.

— Целая наука за один сеанс! — поразился Маккэнн.— Вот что такое обучение каким-оно-должно-быть.

— Но это только одна из сторон. Нас научили чувствовать — нашими пальцами, нашими ушами, нашими глазами и тонко различать запахи и вкус.

Снова Маккэнн стоял в глубокой задумчивости. Гроувнор заметил, что молодые химики наконец удалились из аудитории. Из коридора донесся их приглушенный смех. Он-то, похоже, и вывел Маккэнна из задумчивости. Геолог протянул Гроувнору руку и сказал:

— Не зайдете ли вы как-нибудь к нам в отдел? Возможно, мы найдем способ, как совместить ваш интегральный метод с нашей деятельностью. А на практике используем наше сотрудничество, когда приземлимся на очередной планете.

Шагая по коридору в свою спальню, Гроувнор тихо насвистывал. Он одержал свою первую победу, и сознавать это было приятно.

2

На следующее утро, подходя к двери своего отдела, Гроувнор с удивлением обнаружил, что она открыта. Полоса яркого света из комнаты перерезала пол менее освещенного коридора. Гроувнор устремился вперед и как вкопанный застыл в дверях.

Он сразу насчитал семерых химиков. Двое из них вчера были у него на лекции. В комнате стояла какая-то аппаратура, большие баки, целый блок термических агрегатов и система труб, по которым в баки подавались химикаты.

Гроувнор вспомнил, как вели себя химики на его лекции, и приготовился к худшему. Первая комната предназначалась главным образом для группового инструктажа, так что в ней находилось лишь несколько машин. В остальных же четырех комнатах располагалось особое оборудование.

Через открытую дверь в его студию кино- и звукозаписи Гроувнор заметил, что и она захвачена. Он был настолько поражен, что не мог сказать ни слова. Не обращая внимания

на «посетителей», он по очереди побывал во всех четырех комнатах. Три из них были заняты интервентами-химиками. Кроме студии в них размещались лаборатория и инструментальная. Четвертая комната, где находилась вся его аппаратура и специальная кладовая, не тронута. Сюда снесли и свалили в кучу машины и мебель из других комнат. Из четвертой дверь вела в узкий коридор. Гроувнор мрачно подумал, что отныне она будет служить входом в его отдел.

Сдерживая гнев, он старался взвесить свои возможности. От него, конечно, ждут, что он побежит жаловаться Мортону. И Кент в таком случае во время выборов не преминет использовать инцидент в свою пользу. Каким образом он это сделает, Гроувнор пока не знал. Но Кент явно знал.

Не спеша Гроувнор вернулся в первую комнату — в свою аудиторию. Тут только он понял, что баки — это машины для производства пищи. Соображают. Станешь протестовать, а они заявят, что используют помещение с куда большей пользой, чем прежний владелец. Хитрость бросала вызов честности.

Причина же происшедшего лежала на поверхности: Кент невзлюбил его... А то, что Гроувнор высказался за столом против его кандидатуры, безусловно, было доведено до сведения Кента и усилило неприязнь. Тут следует только безошибочно вести себя, и тогда мстительность главного химика обернется против него самого.

И Гроувнору показалось, что он знает, как повести себя, чтобы Кент ничего не выиграл от своего вторжения.

Подойдя к одному из химиков, он сказал:

— Будьте добры, передайте всем, что я рад возможности расширить обучение работников химического отдела и надеюсь, никто не будет возражать, если во время работы он еще будет совершенствовать свои знания.

И он вышел, не дожидаясь ответа. Оглянувшись, он увидел, что химик, застыв на месте, не спускает с него глаз. Гроувнор спрятал усмешку. Входя в заставленную техникой комнату, он был уже совсем спокоен. Наконец-то возникла ситуация, в которой он может применить некоторые дозволенные ему приемы обучения.

Поскольку все предметы из других комнат были свалены в кучу, он довольно скоро нашел нужный ему гипнотический газ. Около часа он потратил на то, чтобы прикрепить глушитель к носику баллона — вытекающий из баллона сжатый газ не должен издавать свиста. Сделав это, Гроувнор притащил баллон в аудиторию, открыл стенной шкаф с решеткой

в дверце, поставил в него баллон и открыл вентиль. Потом снова запер шкаф.

Легкий парфюмерный аромат смешался с химическими запахами из баков.

Тихонько насвистывая, Гроувнор прошелся по комнате. Его остановил ассистент Кента, один из тех, кто накануне посетил его лекцию.

— Какого черта вы тут делаете?

Гроувнор холодно улыбнулся нахалу:

— Вряд ли вы поймете это по крайней мере в течение минуты. Это часть моей образовательной программы для вашего штата.

— А кто вас просил обучать нас?

— Но, мистер Молден,— наигранно удивился Гроувнор,— какие еще цели могут преследовать ваши коллеги, находясь в моей аудитории? Я просто пошутил над вами — это дезодорант. Не хочу, чтобы комнаты провоняли вашими химикатами.

И он отошел от него, не дожидаясь продолжения разговора, и встал в сторонке, внимательно наблюдая за реакцией людей на газ. Их тут было пятнадцать. Он надеялся на полный успех у пятерых, частичный — еще у пятерых. Существовало несколько признаков, по которым можно было определить степень воздействия газа на того или другого индивидуума.

Тщательно изучив поведение химиков в течение нескольких минут, Гроувнор решительно направился к одному из них и тихо, но твердо приказал:

— Через пять минут приходите в ванную, и я вам кое-что дам. А пока забудьте об этом!

Он отошел к двери, что соединяла вторую комнату с кинозалом. Обернувшись, он увидел, как Молден подошел к тому, с кем он шептался, и что-то спросил. Химик в явном изумлении замотал головой.

В голосе Молдена появились гневные нотки:

— Что значит — не говорил с вами?! Я сам видел.

Химик разозлился.

— Ничего он мне не говорил! Уж кто-кто, а я-то знаю!

Если даже их препирательства продолжались, Гроувнор не видел этого. Краешком глаза он заметил, что в соседней комнате у нескольких ребят помоложе появились определенные признаки. Он как бы случайно подошел к одному из них и проговорил то же самое, что и первому, с той лишь

разницей, что велел ему прийти не через пять минут, а через пятнадцать.

В общем в достаточной степени поддались шесть человек. Из оставшихся девяти трое — и Молден в их числе — меньше реагировали на газ. Гроувнор оставил всех их в покое — сейчас он не мог рисковать. Позднее он, возможно, испытает на них другую методику.

Гроувнор терпеливо ждал, когда первый объект его эксперимента войдет в ванную. Улыбнувшись ему, Гроувнор спросил:

— А вот это вы когда-нибудь видели? — И вынул изящный кристалл в оправе, чтобы его можно было крепить в ухе.

Парень взял в руку маленький аппаратик, рассмотрел его и покачал головой.

— Что это такое? — спросил он.

Гроувнор приказал:

— Повернитесь, вот так, я вставлю вам его в ухо.— Тот безропотно подчинился, и Гроувнор продолжал: — Вы видели, что часть, обращенная наружу, телесного цвета. Поэтому его можно заметить лишь при очень тщательном осмотре. Но даже если кто-нибудь обратит на него внимание, вы всегда можете сказать, что это обыкновенный слуховой аппарат. Пройдет минута-другая, и вы вообще забудете, что он у вас есть. Вы перестанете его чувствовать.

Техник, кажется, заинтересовался.

— Я его не чувствую и сейчас. А для чего он?

— Это радиоприемник,— объяснил Гроувнор. Дальше он говорил медленно, подчеркивая каждое слово: — Но вы не будете слышать ни одного из произносимых по нему слов. Они будут направлены непосредственно в ваше подсознание. А вы в это время будете слышать, что говорят окружающие. Сможете поддерживать разговор. Вы, как всегда, будете заняты своими делами, не подозревая, что с вами происходит что-то необычное. Вы просто забудете об этом.

— Ну надо же! — чему-то удивился химик, покачивая головой, и вышел из ванной.

Через несколько минут появился второй человек, затем один за другим явились остальные четверо — все, на кого глубокое воздействие оказал газ. Гроувнор всех их снабдил почти одинаковыми едва видимыми радиоприемничками.

Беззвучно мурлыча себе под нос, он вытащил баллон с другим гипнотическим газом, поместил его в удобный контейнер и заменил им первый баллон. На этот раз Молден и четверо остальных поддались всерьез. У двоих из оставшихся

реакция была незначительной, один сначала будто бы подпал под действие газа, но почти сразу оклемался, а на одного газ вообще никак не подействовал.

Гроувнор решил довольствоваться одиннадцатью из пятнадцати. Вот уж Кент будет поражен появлением в его отделе такого количества гениальных химиков!

Однако праздновать победу было пока рано. Победа придет только тогда, когда атака будет направлена непосредственно на Кента.

Гроувнор быстро приспособил магнитофонную запись для экспериментальной радиопередачи на миниатюрные приемники. Включив ее, он отправился посмотреть, как это действует на людей. Четверо индивидов казались чем-то обеспокоенными. Гроувнор подошел к одному из них, который непрерывно тряс головой.

— Что с вами? — спросил он.

— Я все время слышу голос.— Парень натянуто засмеялся.— Чушь какая-то.

— Громкий?

Вряд ли задал бы подобный вопрос заботливый благодетель, но Гроувнор строго следовал по намеченному плану.

— Нет, как будто издалека. Он постепенно затихает, а теперь...

— Он пропадет совсем.— Успокаивающий тон Гроувнора благотворно действовал на человека.— Это от умственных перегрузок. Готов поспорить — он уже исчез просто оттого, что вы отвлеклись, разговаривая со мной.

Химик наклонил голову, как бы прислушиваясь, и с удивлением взглянул на Гроувнора:

— Уже исчез...— Он выпрямился и вздохнул с облегчением.— А я-то боялся...

Пожаловались еще трое, двоих удалось легко успокоить. Но на третьего не подействовало даже повторное внушение — он продолжал слышать голос. Гроувнор в конце концов отвел его в сторонку и под предлогом осмотра уха вынул кристалл. По-видимому, этому человеку требовалась дополнительная подготовка.

Обменявшись короткими фразами с остальными, Гроувнор, удовлетворенный результатами, прошел в свою аппаратную и включил целую серию магнитных записей так, чтобы они работали по три минуты каждые пятнадцать минут. Вернувшись в аудиторию и оглядев всех, он понял, что все в порядке, и решил, что можно оставить химиков — пусть себе работают. Он вышел в коридор и направился к лифтам.

Через несколько минут он вошел в математический отдел и попросил пропустить его к Мортону. Как ни удивительно, он был допущен к нему сразу.

Он увидел Мортона удобно устроившимся за большим письменным столом. Математик указал ему на стул, и Гроувнор сел.

Он впервые находился в рабочем кабинете Мортона и сейчас с любопытством оглядывался по сторонам. Комната была большой, целую стену в ней занимал экран. В данный момент он отображал пространство под таким углом, что огромная вращающаяся Галактика, на фоне которой Солнце выглядело лишь крошечной пылинкой, видна была от края и до края. Она была еще достаточно близко, чтобы можно было разглядеть бесчисленные звезды, но и достаточно далеко, чтобы они представлялись единой россыпью бриллиантов.

В поле зрения находились и скопления звезд, не входящих в Галактику, но несущихся параллельно ей в пространстве. Глядя на все это, Гроувнор вспомнил, что «Космическая гончая» именно сейчас проходит рядом с одним из небольших созвездий.

После обмена приветствиями он сказал:

— Еще не решили, будем ли мы садиться на какую-нибудь планету этого созвездия?

Мортон кивнул:

— Решили не делать посадки, и я с этим согласен. Мы направляемся в другую галактику и еще долго не увидим родной Земли.— Ленивым движением директор наклонился над столом, взял какую-то бумагу и вдруг резко спросил: — Я слышал, оккупированы ваши владения?

Гроувнор сухо улыбнулся. Он мог себе представить, какое удовольствие испытали некоторые члены экспедиции, узнав об этом инциденте. Он достаточно веско заявил о себе на корабле, чтобы кое у кого закралось беспокойство насчет возможностей его новой науки. И все его противники — а среди них не только сотрудники Кента — будут против вмешательства директора в это дело.

Прекрасно понимая это, он все-таки пришел к Мортону, чтобы прощупать, насколько тот сознает всю сложность возникшей ситуации и ее последствия. Гроувнор обрисовал Мортону происшедшее и закончил так:

— Мистер Мортон, я хочу, чтобы вы приказали Кенту прекратить вторжение.— У него вовсе не было желания облекать свои слова в столь резкую форму, но он хотел понять, чувствует ли Мортон опасность.

Директор покачал головой и сказал мягко:

— Что ни говорите, но для одного человека это действительно слишком большая площадь. Отчего бы вам не поделиться с другим отделом?

Ответ Мортона был слишком уклончивым, и Гроувнору ничего не оставалось как продолжать упорствовать. Он жестко спросил:

— Как позволите понимать вас? Не значит ли это, что на борту нашего корабля любой глава отдела может спокойно, без разрешения высшего руководства захватить помещения своего коллеги?

Мортон ответил не сразу. На лице у него появилась сухая усмешка. Поигрывая карандашом, он наконец сказал:

— Мне представляется, что вы не совсем правильно понимаете мою роль на борту «Гончей». Прежде чем вынести решение, касающееся руководителя отдела, я обязан держать совет с главами других отделов.— Он посмотрел в потолок.— Предположим, я внесу ваш вопрос на повестку дня и затем совет примет решение оставить Кенту ту часть ваших владений, которую он уже захватил. Утвержденный советом, ваш статус останется таковым навсегда. И я подумал: не лучше ли вам пока закрыть глаза на эти неудобства?

Он улыбнулся открыто и приветливо.

Достигнув желаемого, Гроувнор искренне улыбнулся ему в ответ.

— Я очень рад ощутить вашу поддержку. В таком случае я могу рассчитывать на вас — вы не дадите Кенту внести этот вопрос в повестку дня?

Если Мортон и удивился резкой перемене в отношении обсуждаемой проблемы, то виду не подал.

— Повестка дня,— с удовольствием пояснил он,— как раз то, что полностью зависит от меня. Ее готовит мой аппарат. Я ее представляю. Руководители отделов могут по требованию Кента проголосовать за внесение вопроса в повестку дня, но не этого, а последующих заседаний.

— Насколько я понимаю,— предположил Гроувнор,— мистер Кент уже подал прошение о передаче ему моих четырех комнат.

Мортон кивнул. Он отложил бумагу, которую держал в руке, взял хронометр и задумчиво уставился на него.

— Следующее заседание состоится через два дня. А потом еще через неделю, если я не отложу его на более долгий срок.

Думаю,— казалось, он размышляет вслух,— мне нетрудно будет отложить одно запланированное заседание на двенадцать дней.— Он отложил в сторону хронометр и быстро поднялся.— Так что в вашем распоряжении двадцать два дня — защищайтесь!

Гроувнор тоже поднялся. Он решил не обсуждать вопрос о том, что предоставленного времени ему недостаточно. Хотя это было бы своевременно, но Гроувнор боялся, не прозвучит ли это слишком эгоистично. Прежде чем истечет назначенный срок, он или одержит полную победу, или признает себя побежденным.

Вслух он сказал:

— Есть еще один вопрос, который я хотел обсудить. Полагаю, что, когда мы в скафандрах, я как руководитель отдела имею право на двустороннюю связь.

Мортон улыбнулся.

— Убежден, это просто недоразумение. Все будет исправлено.

Они пожали друг другу руки и расстались. На обратном пути в свой отдел Гроувнор, как ни странно, пришел к мысли, что наука некзиализм потихоньку обретает почву.

Войдя в свою аудиторию, Гроувнор с удивлением увидел Зайделя — тот стоял в сторонке, наблюдая за работой химиков. Увидев некзиалиста, психолог устремился ему навстречу.

— Молодой человек,— начал он,— не кажется ли вам, что это несколько неэтично?

У Гроувнора оборвалось все внутри: он понял, что Зайдель прознал о его эксперименте с химиками. Но он сделал вид, что не понял, о чем речь, и поспешил сказать:

— Абсолютно неэтично, сэр. Я чувствую себя точно так, как почувствовали бы себя вы, если бы ваш отдел был занят в обход всех существующих правил.

В то же время он лихорадочно думал. Что привело сюда Зайделя? Уж не Кент ли попросил его провести расследование?

Зайдель потер подбородок. Это был крупный мужчина с яркими, искрящимися глазами.

— Я не это имел в виду,— мрачно проговорил он.— Но вы, я вижу, не испытываете за собой никакой вины.

Гроувнор изменил тактику.

— Ах, вы о новом методе обучения, который я применил к этим людям?

Сейчас он не чувствовал уколов совести. Какие бы причины ни привели сюда этого человека, он обязан был этим

воспользоваться, чтобы показать кое-кому свое превосходство. Он надеялся посеять в душе психолога сомнение и тем самым добиться хотя бы его нейтралитета в этой вынужденной борьбе против Кента.

— Именно об этом,— довольно ядовито ответил Зайдель.— По просьбе Кента я обследовал его сотрудников, которые, как ему показалось, действовали не совсем обычно. Мой долг теперь доложить мистеру Кенту, каков мой диагноз.

— Зачем? — спросил Гроувнор.— Мистер Зайдель, мой отдел захвачен человеком, невзлюбившим меня за то, что я открыто заявил, высказался против его кандидатуры на пост директора. Поскольку он поступил вопреки всем законам корабля, я вправе защищаться доступными мне средствами. И я прошу вас оставаться нейтральным в этом сугубо личном конфликте.

— Разве вы не понимаете,— нахмурился Зайдель,— что я нахожусь здесь в качестве психолога. Я расцениваю применение вами гипноза без разрешения на то субъекта как крайне безнравственное. И я удивлен, что вы еще рассчитываете на мое содействие.

Гроувнор возразил ему:

— Уверяю вас, я не менее вас щепетилен в вопросах этики. Подвергая этих людей гипнозу без их согласия, я принял все меры к тому, чтобы ни в коей мере не повредить им, не нанести им никакого ущерба. И при данных обстоятельствах я не вижу причин, почему вы должны непременно принять сторону Кента.

— Так это всего лишь ссора между Кентом и вами, я правильно вас понял? — хмуро спросил Зайдель.

— В основном.— Гроувнор понял, что за этим последует.

— И тем не менее,— заметил Зайдель,— вы загипнотизировали не Кента, а группу его ни в чем не повинных сотрудников.

Гроувнор вспомнил, как вели себя четверо из этих «ни в чем неповинных» вчера у него на лекции.

— Я не собираюсь вступать с вами в спор, мистер Зайдель. Но бездумное большинство, которое с самого начала беспрекословно подчинилось приказам лидера, в мотивы поступков которого не потрудилось вникнуть, должно за это платить. Но, чем еще глубже вдаваться в этот вопрос, мне хотелось бы задать вам свой.

— Да?

— Вы заходили в мою аппаратную?

Зайдель молча кивнул.

— Вы смотрели записи?

— Да.

— И разобрались в тематике записей?

— Информация по химии.

— Это все, что я им даю и что намеревался дать,— сказал Гроувнор.— В этом суть моих намерений. Я рассматриваю свой отдел прежде всего как центр обучения. Вторгшиеся сюда люди получают знания, хотят они того или не хотят.

— Признаюсь,— сказал Зайдель,— я не совсем понимаю, каким образом это поможет вам избавиться от них. Но в любом случае я буду счастлив сообщить мистеру Кенту, что вы тут делаете. Вряд ли он станет возражать против того, чтобы его люди углубили свои познания в химии.

Гроувнор промолчал. У него было собственное мнение насчет того, как обрадуется Кент, когда узнает, что за короткое время его подчиненные будут знать химию не хуже его самого.

Он удрученно смотрел вслед удаляющемуся Зайделю. Несомненно, этот человек предоставит Кенту полный отчет, а значит, ему предстоит разработать новый план действий. Но, признал Гроувнор, для решительных поступков время еще не настало. Трудно быть уверенным, что определенные решительные меры не вызовут на корабле именно те события, ради предупреждения которых он и находится на борту. Несмотря на его собственные соображения по поводу теории цикличности в историческом развитии, неплохо вспомнить и о том, что цивилизации рождаются, стареют и умирают от старости. И прежде чем действовать дальше, не грех посоветоваться с Коритой и выяснить, какие ловушки могут подстерегать его на избранном пути.

Он нашел ученого-японца в библиотеке Б, которая располагалась в самом конце корабля на том же этаже, что и некзиалистский отдел. Когда Гроувнор вошел, Корита уже собрался уходить, и Гроувнор зашагал рядом с ним, без всяких предисловий излагая свою проблему.

Корита ответил не сразу. Они прошли весь коридор, прежде чем он начал, и довольно неуверенно:

— Друг мой... я думаю, вы понимаете, как трудно решать столь специфическую проблему на базе общих правил, а это практически все, что может предложить теория цикличности.

— И все же,— сказал Гроувнор,— поскольку некоторые

аналогии могут оказаться очень полезными для меня, я вас прошу... Из того, что я читал, я понял, что мы находимся в позднем, «зимнем» периоде цивилизации. Другими словами, именно сейчас мы совершаем ошибки, ведущие к распаду.

Корита поморщился.

— Попытаюсь вкратце изложить вам свою теорию.— Он помолчал немного. Затем сказал: — Доминирующей чертой для всех «зимних» цивилизаций является растущее понимание массами людей того, в чем состоит суть происходящего. И люди становятся нетерпимы к религиозному или сверхъестественному объяснению того, что происходит в их телах и умах, в окружающем мире. С постепенным накоплением знаний даже простейшие люди начинают смотреть на все иначе и полностью отвергают наследственное превосходство меньшинства. И разыгрывается беспощадная борьба за равенство.— Корита помолчал немного, затем продолжил: — Эта широко распространенная борьба за личное возвышение наиболее характерна для всех цивилизаций «зимнего» периода исторического процесса. На горе или на радость, но битва, как правило, проходит в легальных рамках систем, которые тяготеют к защите осажденного меньшинства. Те, кто припозднился вступить в битву, слепо, не соображая, чего ради они это делают, включаются в эту борьбу за власть. В результате — настоящая рукопашная распущенных интеллектов. Охваченные негодованием и страстным желанием все прояснить, люди следуют за такими же, как и они сами, сбитыми с толку и не менее заблудшими лидерами. И вот этот порожденный борьбой хаос уверенно ведет их к финалу — застойному, закрепощенному состоянию, я называю это «обществом феллахов». Но рано или поздно какая-то из групп берет верх над остальными. Захватив власть, лидеры восстанавливают «порядок», увлекая при этом людей в бездну такого дикого кровопролития, что миллионы становятся запуганным стадом. Очень быстро правящая группа ограничивает общественную активность. Система лицензирования и другие необходимые в организованном обществе меры поддержания порядка превращаются в орудия подавления и монополизации. Становится трудно, а то и совсем невозможно для отдельно взятого человека развернуть свое дело. И в результате быстрыми шагами они приходят к хорошо знакомому нам обществу типа кастовой системы в Древней Индии или, может, к не столь известному, но столь же «несгибаемому»

обществу Рима после трехсотого года нашей эры. Человек рождается уже членом определенного общественного круга и не может на протяжении всей жизни вырваться из него... Ну как, сможете вы извлечь пользу для себя из такого коротенького очерка?

— Как я сказал,— задумчиво произнес Гроувнор,— я пытаюсь решить проблему, заданную мне мистером Кентом, не впав при этом в эгоистические ошибки, свойственные представителям стареющих цивилизаций, о которых вы мне рассказали. Мне важно знать, могу ли я надеяться на то, что, защищаясь, не усугублю враждебных отношений, которые уже сейчас сложились на борту «Гончей».

Корита сухо улыбнулся.

— Если вы таким образом добьетесь победы, это будет единственная в своем роде победа. В человеческой истории подобная проблема никогда не решалась. Так что желаю вам удачи, молодой человек!

В эту минуту все и случилось...

3

Они остановились в «стеклянной комнате» на том же этаже.

Строго говоря, не было ни стекла, ни комнаты. Это была ниша в стене коридора, а «стекло» представляло собой огромную изогнутую плиту из кристаллизованного, очень прочного металла. Она выглядела настолько прозрачной, что казалось, за ней ничего нет.

За нею были вакуум и чернота космоса.

Гроувнор рассеянно отметил про себя, что корабль покидает небольшое звездное скопление, которое они пересекли. С трудом, но еще были различимы немногие из пяти с лишним тысяч звезд этой системы, однако и они быстро пропадали. Он уже хотел было сказать: «Мне приятно было бы еще поговорить с вами, мистер Корита, если у вас найдется время». Но не успел еще открыть рот, как вдруг за стеклом прямо напротив него появился двоящийся образ женщины в шляпке с перьями. Изображение колебалось и мерцало. Гроувнор почувствовал необычное давление на глаза. На какой-то миг померкло сознание, но затем в него проник шквал звуков, в глазах замерцали вспышки света и резкая боль пронзила тело. Гипнотические галлюцинации! Словно электрический ток пронизала Гроувнора эта мысль и спасла его.

Физическая подготовленность Гроувнора позволила ему рассеять гипнотическую пляску световых пятен. Резко отвернувшись, он бросился к ближайшему коммуникатору и прокричал на весь корабль:

— Не смотреть на появившиеся изображения! Это гипноз! На нас напали!

Повернувшись назад, он споткнулся о бесчувственное тело Кориты и склонился над ним.

— Корита! — позвал он срывающимся голосом.— Вы слышите меня, Корита?

— Да.

— Вы повинуетесь только *моим* словам, понятно?

— Да.

— Вы начинаете расслабляться, все забываете. Волнение прошло. Действие образов слабеет. Теперь оно совсем прекратилось. Слышите? Совсем!

— Слышу.

— Больше они не смогут на вас воздействовать. Значит, каждый раз, видя изображение, вспоминайте что-нибудь хорошее о доме, одну из приятных домашних сцен. Вам ясно?

— Вполне.

— Теперь вы пробуждаетесь. Буду считать до трех. Когда я скажу «три», вы проснетесь окончательно. Раз!.. два!.. три! Просыпайтесь!

Корита открыл глаза.

— Что случилось? — спросил он изумленно.

Гроувнор быстро все объяснил ему и затем сказал:

— А теперь скорее, пошли! Несмотря на принятые меры, мельтешение света у меня продолжается.

Он быстро потащил за собой ошеломленного археолога к некзиалистскому отделу. За первым же поворотом они наткнулись на лежавшее на полу тело.

Гроувнор пнул его ногой, причем довольно сильно. Он рассчитывал на ответную реакцию.

— Вы меня слышите? — резко спросил он.

Человек шевельнулся.

— Да,— ответил он.

— Тогда слушайте. Световые образы больше на вас не действуют. А теперь вставайте. Вы проснулись.

Человек встал на ноги и, слегка покачиваясь, бросился на Гроувнора. Тот отпрянул, и удар прошел мимо.

Гроувнор приказал ему остановиться, но тот продолжал идти вперед, не оглядываясь. Гроувнор схватил Кориту за руку:

— Кажется, я опоздал, ему уже не помочь.

Корита изумленно покачал головой. Потом перевел взгляд на стену, и по его поведению стало ясно, что сеанс гипноза, проведенный Гроувнором, не затмил предыдущего воздействия.

— А кто они такие? — спросил он.

— Не смотрите на них!

Однако делать это было ужасно трудно. Гроувнор все время моргал, чтобы отделаться от вспышек света, сопровождавших появление все новых изображений на стенах. Сначала ему показалось, что они появляются повсюду. Потом он разобрался: женские силуэты — то сдвоенные, то поодиночке — можно было увидеть только на прозрачных или полупрозрачных секциях. А таких зеркальных стен было с сотню на весь корабль.

Затем они увидели еще нескольких людей. Жертвы лежали вдоль коридора на разных расстояниях друг от друга. Дважды они встретились с людьми в полном сознании. Один из них оказался на их пути, стоя с невидящими глазами, и не двинулся с места, когда Гроувнор и Корита торопливо проходили мимо. А другой испустил вопль и, выхватив вибратор, стал стрелять. Трассирующий луч ударил в стену рядом с Гроувнором. И тогда он схватил стрелявшего и ударом уложил его на пол. Парень, оказавшийся помощником Кента, злобно посмотрел и прохрипел:

— У, чертов шпион! Мы еще доберемся до тебя!

Гроувнор не стал выяснять причину столь странного поведения молодого человека. И по мере приближения к своему отделу напряжение в нем нарастало. Если тот химик мог так быстро поддаться чувству ненависти, что же стало с остальными пятнадцатью, что оставались в его комнатах?

Но те, слава богу, все до одного лежали без сознания. Он быстро разыскал две пары темных очков — одни для Кориты, другие для себя, потом включил все освещение, и яркий свет залил все стены, потолок и пол. В тот же миг образы растаяли в его лучах.

Гроувнор прошел в аппаратную и по радио принялся давать команды тем, кого ранее загипнотизировал сам. Через открытую дверь он наблюдал за двумя из них, что лежали без сознания. Прошло пять минут, но они все еще не подавали признаков жизни. Он догадался, что гипнотическое воздействие атакующих, по-видимому, превысило его собственное воздействие на их мозг, сведя на нет и дальнейшее его влияние. Теперь любые его слова были бессмысленны, и еще

существовала опасность, что через какое-то время химики все одновременно придут в себя и ополчатся на него.

С помощью Кориты он перетащил всех их в ванную комнату и запер там.

По крайней мере, одно стало ясно: это был технико-визуальный гипноз такой силы, что ему удалось спастись только благодаря своей подготовленности. Но воздействие не ограничилось одной трансляцией образов: через зрительные органы они пытались обрести контроль над мозгом. Гроувнор был неплохо осведомлен обо всем том, что сделало человечество в этом направлении, и знал — хотя, судя по всему, этого не знали нападавшие,— что гипнотический контроль над нервной системой человека чуждый разум может осуществить только с применением энцефалорегулятора или его аналога.

На собственном опыте, и только благодаря ему, он пришел к заключению, что все люди на корабле были ввергнуты в глубокий гипнотический сон или настолько ошеломлены галлюцинациями, что не могли отвечать за свои действия.

Теперь его задача состояла в том, чтобы добраться до контрольного пульта и включить корабельный энергетический экран. Неважно, откуда велась атака — с другого ли корабля или с какой-то планеты,— такая мера могла бы прекратить любое воздействие.

С немыслимой для обычных условий быстротой Гроувнор принялся сооружать переносной световой агрегат. Следовало еще как-то обезопасить себя от появления образов по пути к контрольному пульту. Он заканчивал работу, когда почувствовал легкое головокружение, которое сразу же и прошло. Такое ощущение возникало у него всегда, когда корабль менял курс и корректировал действие антигравитаторов.

Неужели и правда сменили курс? Это он проверит чуть позже.

— Я намерен произвести эксперимент,— обратился он к Корите.— Пожалуйста, оставайтесь здесь.

Гроувнор оттащил свой световой агрегат в коридор и поместил его в задний отсек грузовой электротележки. Забрался сам и поехал к лифтам.

Он прикинул, что с момента, когда впервые увидел женский образ, прошло минут десять.

Тележка свернула в коридор, где находились лифты, со скоростью двадцать пять миль в час — достаточно большой для сравнительно узкого пространства. В холле перед лифтами не на жизнь, а на смерть сражались двое. Не обращая внимания на Гроувнора, они, тяжело дыша, катались в об-

нимку по полу и нещадно бранились. Даже световая установка не смогла растопить их тупую ненависть друг к другу. Какого бы рода галлюцинации ни повлияли на них, но гипноз проник в самые глубины их сознания.

Гроувнор направил тележку к ближайшему лифту и спустился вниз. Он надеялся, что контрольный пульт окажется пустым.

Надежда исчезла, стоило ему только въехать в центральный коридор. Он кишел людьми. Даже громоздились баррикады, явно пахло озоном. В руках сражавшихся плевались и дымились вибраторы. Гроувнор осторожно выглянул из лифта, оценивая ситуацию. С первого же взгляда было ясно, что дело плохо. Оба подхода к контрольному пункту были блокированы перевернутыми тележками. За ними прятались люди в военных мундирах. Гроувнор успел перехватить взгляд обороняющегося капитана Лича, а далеко в противоположном конце коридора среди нападающих он разглядел директора Мортона.

Гроувнор все понял. Скрытая неприязнь, освобожденная гипнозом, выплеснулась наружу. Ученые сражались против военных, которых они всегда подсознательно не любили. В свою очередь, военные вдруг почувствовали себя вправе открыто проявить свое презрение и доказать собственное превосходство этим хлюпикам-ученым.

Гроувнор знал, что на самом деле это положение не отражало истинного отношения людей друг к другу. В нормальном человеческом разуме сосуществует множество самых разных, часто противоречивых побуждений, но в полном равновесии, так что в жизни обычного индивидуума ни одно из них никогда не становится превалирующим. Теперь же это сложное равновесие было нарушено, грозя гибелью всей экспедиции. А это означало бы полную победу вражеских сил, о целях которых можно было лишь строить предположения.

Как бы там ни было, путь к контрольному пульту был отрезан. Гроувнор вынужден был ни с чем вернуться в свой отдел.

У двери его встретил Корита.

— Посмотрите! — сказал он и указал на экран настенного коммуникатора, который всегда отражал сбалансированное положение рулевого механизма «Гончей». На нем фиксировались тонкие линии курса корабля. Сейчас они выглядели слишком запутанными. Гроувнор внимательно рассмотрел

их и обнаружил, что корабль медленно описывает кривую, которая в конце концов приведет его прямо в жерло яркой до белизны звезды. Вспомогательные механизмы управления периодически включались, корректируя курс корабля.

— Могли это сделать враги? — спросил Корита.

Гроувнор покачал головой, скорее озадаченный, нежели встревоженный. Он изменил положение окуляров и направил их на белую звезду. Судя по спектру, величине и яркости звезды, она находилась на расстоянии около четырех световых лет. Корабль летел со скоростью световой год за пять часов. Однако, принимая во внимание ускорение, она должна была еще увеличиться. По приблизительным расчетам выходило, что корабль достигнет солнца примерно через одиннадцать часов.

Гроувнор быстро отключил информатор. Он был потрясен, однако сомнений не оставалось. Катастрофа могла стать целью обманутого человека, который и изменил курс корабля. А если это именно так, то на предотвращение катастрофы у него оставалось десять часов.

Гроувнор еще не имел четкого плана спасения, но ему казалось, что только контратака на врага с применением гипнотической техники может принести успех. В то же время...

Он решительно выпрямился. Наступило время для второй попытки проникнуть к контрольному пульту.

Ему необходим был возбудитель клеток мозга. Для этого существовало несколько аппаратов. Бóльшая их часть применялась исключительно в лечебных целях. Разве что энцефалорегулятор, с помощью которого можно было передавать импульсы от одного сознания другому...

Даже с помощью Кориты пришлось провозиться несколько минут, чтобы восстановить один из энцефалорегуляторов. Потребовалось еще некоторое время на его испытание. А так как аппарат был весьма хрупким, его пришлось приторочить к тележке с помощью упругих прокладок. В общем все эти приготовления заняли тридцать семь минут.

Они довольно серьезно, но недолго поспорили с археологом — тот хотел ехать вместе с Гроувнором. Но в конце концов Корита уступил, согласившись остаться, чтобы охранять их опорный пункт.

На этот раз нельзя было передвигаться с прежней скоростью. Вынужденная медлительность раздражала Гроувнора, но в то же время позволила ему замечать те изменения, которые произошли со времени первой атаки на корабль.

Бесчувственных тел теперь встречалось меньше. Гроувнор понял, что большинство из тех, кого гипнотический удар вверг в глубокий сон, теперь самостоятельно вышли из него. Это было характерно при массовом гипнозе. Теперь они подвергались на его основе другой стимуляции. К несчастью, приходилось думать, что длительное время подавляемые импульсы теперь управляли их поступками. И люди, которые в нормальных условиях лишь недолюбливали друг друга, в мгновение ока стали испытывать кровную ненависть.

И самым страшным тут было то, что они сами не осознавали происшедших в них перемен. Их мозг оказался загружен тем, о чем его владелец и не подозревал. На него теперь можно было воздействовать без труда — как в случае с атакой инопланетян. И в каждом случае каждый был убежден, что поступает в полном согласии с собственными убеждениями.

Дверцы лифта открылись на этаже, где находился контрольный пульт, Гроувнор выглянул наружу и тут же нырнул обратно. Огнемет заливал пламенем весь коридор. С шипением плавились металлические стены. Сквозь щель между створками он заметил три мертвых тела. Пока он выжидал, прогремел сильный взрыв. В то же мгновение пламя исчезло. Голубой дым заполнил помещение, возникла удушающая жара. Однако через несколько секунд дым и жар исчезли. Значит, вентиляционная система еще работала.

Гроувнор осторожно выглянул из лифта. Поначалу коридор казался пустым. Потом он увидел Мортона, полускрытого выступом стены всего в паре десятков шагов от него. Почти одновременно и директор заметил Гроувнора и поманил к себе. Гроувнор заколебался, но решил рискнуть. Он вытолкнул свою тележку в коридор и стрелой проскочил полосу обстрела. Директор энергично приветствовал его.

— Вы как раз тот человек, которого мне не хватало,— заявил он.— Необходимо перехватить управление кораблем у капитана Лича, прежде чем Кент организует атаку на нас.

Взгляд Мортона был спокойным и вполне разумным. У него был вид человека, сражающегося за правое дело. Казалось, ему и в голову не приходило как-то объяснить свое заявление, и он просто продолжил:

— Ваша помощь мне особенно нужна в борьбе против Кента. Они притащили сюда какие-то химические вещества, о которых я прежде не слышал. Однако наши вентиляторы отогнали газ на них же, и теперь они заняты оборудованием

каких-то своих вентиляторов. Но главная наша проблема — время: успеем ли мы расправиться с капитаном Личем, прежде чем Кент введет в бой свои силы...

Время было и проблемой Гроувнора. Как бы невзначай он поднес свою левую руку к правому запястью директора и коснулся реле, которое ведало отражателями направленных мыслей. Он направил отражатели на Мортона и сказал:

— У меня есть план, сэр. Полагаю, он будет достаточно эффективным в борьбе с противником.

Он замолчал. Мортон опустил глаза, затем сказал:

— Вы привезли сюда регулятор, он включен. Для чего это вам понадобилось?

В первое мгновение Гроувнор подумал, что следует все объяснить. Он рассчитывал, что Мортон не лучшим образом разбирается в энцефалорегуляторах, но теперь его надежды не оправдались, а он все же должен был попытаться использовать прибор, хотя и без эффекта неожиданности.

— Да, я хочу использовать эту машину,— произнес он натянуто.

Поколебавшись, Мортон заметил:

— Мысли, которые вы передаете непосредственно в мой мозг, весьма любопытны...— Он умолк. Лицо его оживилось.— Надо же,— сказал он,— а это здорово. Если вы способны передать известие, что мы атакованы инопланетянами...— Неожиданно он замолчал, явно что-то прикидывая в уме.— Капитан Лич дважды пытался вступить со мной в переговоры. Теперь мы сделаем вид, что согласны, и вы отправитесь к ним со своей машиной. По вашему знаку мы кинемся на них. Вы же понимаете, я и не собираюсь вступать в переговоры ни с капитаном Личем, ни с Кентом — это только маневр для сохранения корабля. Полагаю, вы это оцените,— с достоинством заключил он.

Гроувнор обнаружил капитана Лича у контрольного пульта. Командир приветствовал его довольно дружелюбно.

— Эта борьба между учеными поставила нас, военных, в сложное положение,— признался он.— Защищая контрольный пульт, мы хоть в какой-то степени исполняем свой долг.— Он грустно покачал головой.— Естественно, ни о чьей победе, кроме военных, и речи быть не может. В конечном счете, мы, военные, готовы пожертвовать собой, но не допустить, чтобы победила та или другая группировка.

После такого заявления Гроувнор решил отказаться от своих намерений. Он и прежде подумывал, уже не капитан

ли Лич направил корабль в самое жерло звезды. Теперь опасения Гроувнора, похоже, подтвердились. И причина, побудившая Лича сделать это, заключалась в его убеждении, что ни одна из группировок ученых не должна победить, победа должна остаться за военными. От такой постановки вопроса было недалеко до идеи пожертвовать всей экспедицией.

Незаметным движением Гроувнор направил энцефалорегулятор на капитана Лича.

Биотоки мозга, мелкие пульсации передавались от аксона дендриту, от дендрита аксону, всегда следуя связям, заложенным в них прошлым опытом: это процесс, который проходит постоянно в девяноста миллионах клеток человеческого головного мозга. Каждая клетка согласно ее электроколлоидальному коду в ходе сложного процесса возбуждения и торможения реагирует по-своему.

Только в результате многолетних исследований постепенно были изобретены приборы, способные хотя бы в некоторой степени верно определять значения потока энергии в мозгу человека.

Первые энцефалорегуляторы в известной мере являлись потомками электроэнцефалографов. Но функции их были прямопротивоположные. Они генерировали искусственные биотоки любого требуемого образца. Опытный оператор мог стимулировать любую часть мозга и тем самым вызывать определенные мысли, эмоции, сны, заставлять мечтать и пробуждать память о прошлом. Сам по себе прибор не осуществлял контроля над человеческим мозгом. Он лишь поддерживал собственное «я» объекта. Однако он мог передавать импульсы мозга одного человека другому. Поскольку эти импульсы изменялись согласно мыслям посылающего, реципиент стимулировался очень легко.

Капитан Лич, ничего не подозревавший и вообще не знавший о существовании энцефалорегулятора, даже не догадывался, что теперь его мысли больше не принадлежат ему.

— Нападение призраков превратило всех ученых в предателей,— сказал он и, помолчав, задумчиво добавил: — Вот мой план.

План включал в себя применение огнеметов, гравитаторов и частичное истребление обеих групп ученых. Капитан при этом даже не вспомнил об инопланетянах, не пришло ему в голову и то, что он излагает свои планы эмиссару тех, кого считает врагами. Закончил он свои откровения словами:

— Ваши услуги если и имеют значение, мистер Гроувнор, то только в одном из станов ученых. Как некзиалист

вы понимаете все науки в их связи и поэтому можете сыграть решающую роль в этой войне ученых...

Заявление капитана Лича убийственно подействовало на Гроувнора, и он потерял всякую веру в себя. Пожалуй, для одного человека это было слишком, и он сдался. Куда бы он ни посмотрел, его взгляд везде наталкивался на вооруженных людей. К тому же вокруг было слишком много трупов. В любой миг зыбкое перемирие между капитаном Личем и директором Мортоном могло взметнуться пламенем огнеметов. Даже теперь до его слуха доносился гул вентиляторов — Мортон сдерживал атаку Кента.

Тяжело вздохнув, он отвернулся.

— Мне понадобится кое-какое оборудование из моего отдела,— сказал он.— Не переправите ли вы меня на подсобном лифте? Через пять минут я вернусь.

Несколько минут спустя, протолкнув аппарат через заднюю дверь своего отдела, Гроувнор пришел к выводу, что у него остался единственный путь. То, что раньше он рассматривал всего лишь как нелепую идею, теперь превратилось в единственно возможный план на ближайшее будущее.

Он должен сразиться с инопланетянами, используя их же собственные изображения и их же собственное оружие — гипноз.

4

Гроувнор чувствовал, что Корита наблюдает за его приготовлениями. Археолог подошел к нему поближе и смотрел, как он крепит к энцефалорегулятору различные электронные приспособления, но вопросов не задавал. Казалось, он полностью избавился от последствий гипноза.

Хотя в комнате было нежарко и температура держалась нормальная, Гроувнор то и дело вытирал пот с лица. Уже заканчивая подготовительные работы, он понял, что его подспудно тревожило. Дело в том, заключил он, что ему почти ничего не известно о врагах.

Мало было теоретически определить методы их воздействия. Что-то таинственное было в миражах с такими удивительно женственными телами и лицами, порой раздвоенными, а порой и нет. Для действий ему требовалось разумное философское обоснование увиденного. Нужен был сбалансированный план действий, а это возможно лишь при реальном знании предмета.

Он повернулся к Корите и спросил:

— К какому периоду развития культуры можно отнести этих существ с точки зрения вашей теории цикличности?

Археолог улыбнулся, сел в кресло и попросил:

— Расскажите, в чем суть вашего плана.

Когда Гроувнор изложил ему свой замысел, археолог побледнел. И наконец совсем не к месту спросил:

— Как случилось, что вам удалось спасти меня, а с остальными ничего не получается?

— Дело в том, что я отвлек вас сразу. Нервная система человека чувствительна к повторениям. Вас эти повторы не коснулись в такой степени, как других.

— Существовал ли хоть какой-то способ избежать этого несчастья? — угрюмо спросил он.

Гроувнор устало улыбнулся.

— Этого не произошло бы, если бы экипаж прошел нексиальное обучение, поскольку оно включает в себя и возможность гипнотического состояния. Существует лишь одна защита от гипноза, и заключается она в тренировке по методике Центра...— Он изменил тему разговора: — Мистер Корита, пожалуйста, ответьте на мой вопрос. История циклична?

Над бровями археолога проступили капельки пота.

— Друг мой,— сказал он,— не ждете же вы от меня сейчас серьезных обобщений. Что мы знаем об этих существах?

Гроувнор внутренне застонал. Он прекрасно понимал необходимость дискуссии, но уходило драгоценное время, время жизни. И он нерешительно начал:

— Существа, способные использовать гипноз на больших расстояниях, что они и сделали с нами, стимулировать сознание друг друга, могут обмениваться мыслями между собой, иными словами, обладают телепатией, что человеку доступно только с помощью энцефалорегулятора.— Встревоженный, он наклонился к археологу: — Корита, как могла отразиться на состоянии культуры способность читать в умах без помощи приборов?

Археолог выпрямился.

— Ну конечно же,— воскликнул он,— уже в вашем вопросе кроется ответ. Способность читать чужие мысли приведет любое сообщество к тому, что всякое его развитие сойдет на нет, поэтому, надо полагать, данная культура пребывает в стадии феллахов.— Когда он посмотрел на Гроувнора, глаза его сверкали.— Неужели вы не понимаете? Способность читать мысли другого человека вызывает ощущение, что ты

знаешь о нем все. На этой основе возникает система абсолютной уверенности во всем. Какие могут быть сомнения, когда вы все знаете? Такие сообщества мельком проскакивают ранние периоды развития культуры и наикратчайшим путем достигают перехода феллахов.

Пока Гроувнор сидел нахмурившись, японец быстро описал, как различные земные и галактические цивилизации постепенно истощали сами себя, а потом закоснели в стадии феллахов. Как общество они не были особенно жестокими, но, живя в постоянной бедности, они обрели безразличие к страданиям отдельной личности.

Когда Корита закончил, Гроувнор высказал предположение:

— Не исключено, что их нетерпимость к переменам, характерная для таких культур, и явилась причиной нападения на корабль?

Археолог был осторожен:

— Все может быть.

Наступило молчание. Гроувнору казалось, что действовать он должен, приняв за основу теорию Кориты, Другой гипотезы у него просто не было. Используя такую гипотезу в качестве отправной точки, он мог попытаться получить подтверждение ей от одного из этих изображений.

Взгляд на хронометр заставил его встрепенуться. На спасение корабля оставалось меньше семи часов.

Торопясь, он сфокусировал луч света на энцефалорегулятор. Быстрым движением он установил экран против света так, чтобы маленькая стеклянная поверхность была погружена в тень, получая от регулятора лишь прерывистые лучи.

На неосвещенной стене сразу же появилось изображение. Это было одно из раздвоенных изображений, и Гроувнор благодаря энцефалорегулятору смог спокойно рассмотреть его. Первый же взгляд поверг его в изумление. Принять этот образ за гуманоида можно было с большим трудом. И все же стало понятным, почему раньше оно казалось ему женским. Раздвоенное, а потому не слишком четкое лицо венчал пучок золотистых перьев. Но птичья голова, как это было видно сейчас, имела некоторое сходство с человеческой. На лице, покрытом сеточкой кровеносных сосудов, перьев не было. Какие-то участки лица смутно напоминали щеки и нос, это и делало лицо похожим на человеческое.

Вторая пара глаз и второй рот располагались примерно парой дюймов выше первых. Эта вторая голова почти

буквально вырастала из первой. Была также двойная пара плеч с двойной парой коротких рук, которые заканчивались прелестными, тонкими и длинными кистью и пальчиками. Все это указывало тоже каким-то непостижимым образом на их принадлежность к женскому началу. Гроувнор поймал себя на мысли, что первоначально ладошки и пальчики были нераздельными. Это партеногенез, решил Гроувнор. Воспроизведение без секса. Размножаются почкованием: на родительском теле возникает почка, которая развивается, затем отделяется от родительского тела и становится самостоятельной особью.

Изображение на стене имело рудименты крыльев. Пучки перьев остались на запястьях. Блестящая голубая туника покрывала фигуру, удивительно похожую на человеческую. Если и были еще рудименты оперения, их скрывала одежда. Но что можно было сказать с полной уверенностью, эта птица не летала и не могла летать.

Первым заговорил Корита, в голосе слышалась безнадежность.

— Как вы дадите ему понять, что хотите быть загипнотизированным, ради обмена информацией хотя бы?

Гроувнор не стал отвечать. Он поднялся и нарисовал на доске себя и образ. Потом он еще рисовал на доске, и, когда прошло сорок минут, образ вдруг исчез со стены и на его месте появился город.

Сначала он увидел этот сравнительно небольшой городок с какой-то удобной точки, расположенной высоко над ним. Здания в нем казались высокими и узкими и так тесно жались друг к другу, что улицы внизу бóльшую часть дня должны были пребывать во мраке. Продолжая обозревать город, Гроувнор пытался понять, не отражает ли такое его устройство образа жизни обитателей, заимствованного ими из собственного далекого прошлого. В голове у него был полный хаос. Стараясь охватить всю картину в целом, Гроувнор не вглядывался в отдельные дома. Больше всего ему хотелось узнать уровень их машинной культуры, разобраться в построении их коммуникаций, определить, не из этого ли города предпринята атака на их корабль.

Ни машин, ни самолетов, ни автомобилей он не увидел. Не было у них и ничего, что походило бы на то оборудование, которым пользуются земляне для межзвездных сообщений,— хотя бы космодромов, которые обычно занимают площадь во много квадратных миль. Скорее всего нападение на корабль было иного свойства.

Как только он пришел к своему негативному выводу, изображение на стене сменилось. Теперь он обнаружил себя уже не на горе, а в здании в центре города. Что там ни говори, а прекрасная цветная картинка продвигалась вперед, и он даже умудрился заглянуть за ее краешек. Но больше всего его заботило, что способ изображения ему непонятен, он не мог понять, как им удается этот показ. Одна картина сменяла другую почти мгновенно. Прошло меньше минуты с тех пор, как он выразил им рисунком на доске свое желание получить информацию.

Но мысль об этом мелькнула и исчезла. Теперь он прослеживал взглядом сверху вниз стену одного из строений. Расстояние между домами не превышало десяти футов, что позволяло разглядеть такое, чего не видно было с холма. Все здания на разных уровнях были соединены друг с другом узенькими, всего в несколько дюймов шириной, дорожками. И по ним двигались пешеходы этого птичьего города.

Прямо под Гроувнором два горожанина шли навстречу друг другу по такой вот узенькой дорожке. Казалось, их совершенно не тревожило, что до земли сто, а то и более футов. Они спокойно продолжали свой путь. Встретившись, каждый отвел далеко в сторону ногу, что была снаружи, а затем обвил ею ногу встречного и поставил ее на дорожку, затем согнул вторую ногу, перенес ее вперед — и вот они уже разошлись и так же спокойно последовали дальше. На всех других уровнях точно таким же образом двигалось множество прохожих. Наблюдая за ними, Гроувнор решил, что кости у них очень тонкие, пустотелые и что существа эти очень слабого сложения.

Картины сменяли одна другую. Место действия переносилось с одной улицы на другую. Показали даже все стадии воспроизводства этих существ. Так, в одних случаях ноги и руки и бóльшая часть туловища уже освободились от родительского тела. В других — существа были еще сдвоенными, каких он уже видел раньше. Но в какой бы стадии ни проходил процесс воспроизводства, это ни в коей мере не обременяло родителей.

Гроувнор попытался было заглянуть внутрь какого-то помещения, как изображение стало меркнуть. Через мгновение город исчез совсем, а на его месте появилось раздвоенное существо. Пальцем оно указывало на энцефалорегулятор. Ошибиться в значении этого жеста было невозможно. Свою долю договоренности они выполнили, теперь наступил его черед.

Наивным было с их стороны рассчитывать, что он это сделает, но у него не было выбора: он должен был выполнить свой долг.

5

— Я спокоен, я расслабился,— звучали записанные на пленку слова.— Мысли мои ясны. Мои видения совсем не обязательно совпадают с тем, на что я смотрю. То, что я слышу, может ничего не значить для моего разума. Но я видел их город через их восприятие. Соответствовали ли виденные мною изображения действительности, неважно, я все равно спокоен, я расслабился...

Гроувнор внимательно выслушал записанные им слова, затем повернулся к Корите.

— Вот так-то,— просто сказал он.

Может случиться и так, что он перестанет слышать эти слова, но они закрепились в его сознании. И будут еще сильнее контролировать его мозг. Продолжая слушать, он в последний раз проверил энцефалорегулятор. Все получалось так, как он хотел.

Корите он объяснил:

— Я установил автоматический выключатель на пять часов. Если вы потянете на себя вот этот рычажок,— он показал на красную рукоятку,— то сможете освободить меня раньше намеченного срока. Но делать это нужно только в случае крайней необходимости.

— Что вы подразумеваете под крайней необходимостью?

— Ну, например, если нас здесь атакуют...

Гроувнор задумался. Он хотел бы, чтобы эксперимент прерывался, и не раз. Но то, что он собирался сделать, не было голым научным экспериментом. Это была игра, но от нее зависела не только его жизнь. Приготовившись, он положил руку на диск управления. И замер.

Наступил решающий момент. Через несколько секунд групповой разум бесчисленного птичьего народца овладеет частью его нервной системы. Несомненно, они попытаются взять под контроль его сознание, как уже произошло с другими членами команды «Гончей».

Он был уверен, что устоит против нескольких гипнотизеров, действующих совместно. Он не увидел у них ни машин, ни даже колесного транспорта — самого примитивного из механических приспособлений. Сначала он было подумал, что

они пользуются чем-то вроде телевизионных камер. Но теперь уже точно знал, что видел город их глазами. А в таком случае телепатия как сенсорный процесс была у них так же остра, как и их зрение. Сила массового разума миллионов птицеподобных обитателей планеты могла преодолевать расстояния в несколько световых лет. Они не нуждались в машинах.

И Гроувнор даже не пытался предугадать последствий своей попытки стать на некоторое время частью их коллективного разума.

Слушая запись, Гроувнор возился с диском настройки энцефалорегулятора, слегка изменяя ритм собственных мыслей. Теперь если бы даже он захотел, то не смог бы воспринять внушения инопланетян полностью. В ритмичных пульсациях заключались все варианты — нормальной психики, нездоровой психики и безумия. Он ограничил прием колебаний тем, что на психологической диаграмме соответствовало бы норме.

Регулятор перенес колебания на пучок света, направленный прямо на изображение на стене. Если даже модель, закрепленная в луче света, оказала воздействие на личность того, чей образ был на стене, в ее поведении это пока никак не проявилось. Но Гроувнор этого и не ждал и потому нисколько не разочаровался. Он был глубоко убежден: результат проявится через изменения в тех структурах, которые они направят на него. И конечно, его нервной системе достанется крепко.

Очень трудно было целиком сосредоточить свое внимание на образе, но он заставил себя это сделать. Энцефалорегулятор стал явственно корректировать его видение. А он продолжал настойчиво смотреть на образ на стене.

— Я спокоен и расслабился. Мысли мои ясны...

В какой-то миг слова громко прозвучали у него в ушах. И тут же пропали. А вместо них послышался рокот, будто гром прогремел вдалеке.

Рокот постепенно утихал. Он перешел в ясный шорох, подобный шуму моря в большой раковине, если ее приложить к уху. Гроувнор увидел слабый свет. Он исходил откуда-то издалека и был похож на свет лампы, скрытой в тумане.

— Я еще контролирую себя,— упрямо повторял он себе.— Это ощущения, которые я получаю через его нервную систему. Ощущения постепенно становятся моими...

Он мог ждать. Он мог сидеть здесь и ждать, пока рассеется мрак, пока его мозги не начнут переводить в привыч-

ную сферу те сенсорные феномены, которые транслировала ему нервная система инопланетянина. Он мог сидеть и...

Он остановился. «Сидеть! — подумал он.— А он там что — тоже сидит?» Он удвоил внимание и настороженность. Далекий голос внушал: «Что бы я ни видел и ни слышал, имеет это смысл или не имеет, я остаюсь спокойным...»

У него зачесался нос. «У них нет носов,— подумал он,— я, по крайней мере, не видел. Так что либо это чешется мой нос, либо мне просто так кажется». Он поднял было руку, чтобы почесать нос, как вдруг ощутил острую боль в животе. Он бы скрючился от боли, если бы мог. Но он не мог. Не мог почесать нос. Не мог положить руку на живот.

Потом он сообразил, что и источник зуда, и источник боли находятся вне его тела. Но и вовсе не обязательно, что что-то подобное происходит в нервной системе его корреспондента. Две высокоорганизованные жизненные формы посылали друг другу — во всяком случае, он надеялся, что и он тоже посылает,— сигналы, но ни одна не могла расшифровать сигналы другой. Его преимущество состояло в том, что он этого ожидал. Инопланетянин, если он относился к феллахам и если теория Кориты чего-то стоила, не ожидал да и не мог ожидать ничего подобного. В силу своего понимания Гроувнор мог надеяться отрегулировать процесс. На противоположном конце могли только прийти в еще большее замешательство.

Нос перестал чесаться. В желудке осталось ощущение тяжести, будто он чего-то переел. Горячая игла вдруг вонзилась ему в позвоночник и стала ковыряться в каждом позвонке; где-то на полпути она превратилась в лед, лед растаял и холодной струйкой устремился вниз по спине. Что-то — рука? кусок металла? щипцы? — захватило мышцу руки и почти вырвало с корнем. Его мозг пронзительно закричал от этих болевых ощущений. Он едва не потерял сознание.

Гроувнор с трудом выплыл на поверхность, он был потрясен, но боль сменилась ничем, пустотой. Несомненно, все это были галлюцинации. Ни в его теле, ни в теле птицеподобного ничего не происходило. Его мозг получил ряд импульсов от зрительных нервов и неверно их понял. При такой близости удовольствие могло стать болью, любое воздействие могло породить самые непредсказуемые ощущения. Но все-таки он не должен думать, что ошибки существ могут быть еще более страшными.

Он тут же забыл обо всем этом, когда его губ коснулось что-то мягкое, бархатистое. Чей-то голос произнес: «Я люблю...» Гроувнор не согласился с таким заявлением. Нет, только не «любим». Это опять его мозг неверно интерпретирует смысл того, что чувствует, что происходит в чужой нервной системе, реакция которой неадекватна никаким человеческим ощущениям. И он намеренно заменил услышанные слова другими: «Я подвергаюсь воздействию...» и позволил своим чувствам свободно следовать собственной логике. И все-таки он не до конца разобрался в своих ощущениях. Они не были неприятными. От прикосновения во рту стало сладко, а в сознании появилась прелестная красная гвоздика, хотя никакого отношения к флоре Райима она не имела.

«Райим!» — подумал он. Поразительное очарование содержалось в этом слове. Неужели оно дошло до него через космическую пропасть? Кажется, это и есть название планеты. Но неважно, как это дошло до него, во всяком случае сомнения оставались. Он не был уверен.

Последние его ощущения были только приятными. Тем не менее он ждал новых проявлений. По-прежнему, как сквозь туман, слабо пробивался свет. Затем ему показалось, что он сейчас снова пустит слезу: неистово зачесалась пятка. Когда она перестала чесаться, наступила неимоверная жара и стало до удушья недоставать воздуха.

«Чушь! — успокаивал он себя.— Ничего этого нет!»

Действительно, внушение прекратилось, остался лишь шуршащий шум моря и всепроникающий свет. Он начал беспокоиться. Возможно, он на правильном пути, и будь у него достаточно времени, он в конце концов овладел бы контролем над одним или группой существ. Но именно времени у него и не было. Каждая потраченная секунда катастрофически приближала Гроувнора к его собственной физической гибели. Там или здесь — хочешь не хочешь, запутаешься — в пространстве один из крупнейших и самых дорогих кораблей, когда-либо построенных людьми, пожирал милю за милей с почти бессмысленной поспешностью.

Он знал, на какие участки его мозга оказывалось воздействие. Он мог слышать шумы, только когда область слухового восприятия коры головного мозга получала определенные сигналы. При воздействии на поверхностные участки, над ухом, начинались сны и воспоминания о далеком прожитом. Ведь издавна весь человеческий мозг, словно географическая карта, был расчерчен и классифицирован. Правда, у каждого индивида имелись свои особенности, разнились они очень мало, но основная структура среди гуманоидов всегда была одинаковой.

Нормальный человеческий глаз — это прекрасный объектив. Его линзы превосходно фокусируют изображение на сетчатку. Если судить по тому, как он видел город глазами обитателей Райима, они мало чем отличались от человеческих. Оставалось только скоординировать свои визуальные центры с их глазами, чтобы получать заслуживающие доверия картины.

Прошло еще несколько минут. Во внезапном приступе отчаяния он подумал: неужели я просижу здесь свои пять часов, так и не вступив в полезный контакт? Впервые он усомнился в правильности своего решения целиком предоставить себя создавшейся ситуации. Когда он попытался поднять руку к энцефалорегулятору, ничего, казалось бы, не произошло. Несколько неустойчивых ощущений, и среди них отчетливо различимый запах жженой резины.

В третий раз его глаза увлажнились. А затем возникло изображение, ясное и четкое. Но оно тут же исчезло так же внезапно, как и появилось. Но для Гроувнора, который прошел подготовку на самых современных психологических приборах, оно запечатлелось в сознании так же ярко, как если бы он смотрел на него довольно долго.

Он ощутил себя в одном из высоких, узких зданий. Освещение было тусклым, словно в открытые двери невидимые рефлекторы отражали солнечные лучи. Окон тут не было. Вместо полов в помещение вмонтированы узкие дорожки. Несколько птицеобразных сидели на этих дорожках. Вдоль стен протянулись двери — кабинетов или каких-то шкафов, кладовых.

Столь отчетливое зрительное восприятие и взволновало и встревожило. Предположим, он установил связь с этим существом, кем бы оно ни было, стимулированный его нервной системой. Допустим, он достиг того состояния, в котором мог видеть его глазами, слышать его ушами и до некоторой степени испытывать те же чувства, что и это создание. Но все это будут лишь чувственные ощущения.

Мог ли он надеяться перекинуть мост через пропасть и взывать движение в мышцах того существа? Мог ли он заставить его перемещаться, поворачивать голову, махать руками и вообще заставить его делать то, что делает он. Гроувнор? Нападение на корабль было осуществлено группой согласованно действующих, совместно думающих и чувствующих существ. Установив контроль над одним из членов этой группы, мог ли он надеяться взять под контроль всех?

То, что запечатлелось в сознании Гроувнора, должно быть, видел и тот, другой. Однако пока все его ощущения вовсе не свидетельствовали об установлении группового контакта. Он был подобен человеку, заключенному в темной комнате с отверстием в стене, прикрытым полупрозрачной пленкой. Слабый свет проникал сквозь отверстие. По случайно проникающим туманным изображениям он должен был судить о внешнем мире. Можно было не сомневаться, что картины соответствуют реальности. Но они не совмещались со звуками, проникающими через другое отверстие в боковой стене, или ощущениями, проходящими к нему через пол или потолок.

Человеческое ухо способно слышать при частоте колебаний до двадцати килогерц. Но некоторые расы начинали слышать лишь после этого предела. Под гипнозом люди могли хохотать, когда их подвергали пыткам, и выть от боли, когда их щекотали. Но для других форм жизни те же возбудители могли просто ничего не значить.

Мысленно Гроувнор приказал себе расслабиться. Сейчас ему ничего другого не оставалось, как снять с себя напряжение и ждать.

Он ждал.

Неожиданно его словно кто ударил: должна же была существовать какая-то связь между его собственными мыслями и теми ощущениями, которые шли извне. Например, эта картина перемещения внутри дома — каковы были его мысли, прежде чем она появилась? Кажется, он представлял себе структуру глаза.

Связь была настолько очевидной, что он затрепетал от волнения. А ведь было и еще что-то. До сих пор он был сосредоточен исключительно на зрении, чувствах, нервной системе индивидуума. Но реализация всех его надежд была связана с установлением контакта и контролем над коллективным разумом, который напал на корабль.

И он вдруг понял, что решение проблемы требует контроля над его собственным мозгом. Некоторые его участки следовало блокировать, а некоторые поддерживать на минимальном действующем уровне. Но были и такие участки, которые следовало привести в состояние исключительной восприимчивости, чтобы все поступающие на них воздействия воспринимались с особой остротой. Будучи прекрасно тренированным в аутогипнозе, Гроувнор мог выполнить обе эти задачи.

Первое, несомненно, зрение. Затем мускульный контроль существа, через посредство которого работает над ним группа.

Яркие разноцветные вспышки прерывали процесс его самоконцентрации. Гроувнор воспринял их как признак эффективности самовнушения. И когда его видение стало отчетливым и стабилизировалось, он понял, что стоит на верном пути.

Картина осталась прежней. Тот, кого контролировал он, по-прежнему сидел на дорожке внутри высокого здания. В надежде, что видение не исчезнет, Гроувнор сосредоточил все внимание на двигательных мышцах райимянина.

Беда состояла в том, что трудно было доходчиво объяснить, для чего нужно произвести то или иное движение. Не мог он своими глазами охватить, а затем передать каждый из миллионов процессов каждой клетке мозга для того хотя бы, чтобы пошевелить одним пальцем. Он попробовал думать обо всей руке — ничего не получилось. Огорченный, но по-прежнему уверенный в себе, Гроувнор решил испытать гипноз с применением символов, используя ключевое слово, заключавшее в себе весь смысл сложного процесса.

Очень медленно поднялась одна маленькая ручка. Следующий сигнал — его подконтрольный осторожно встал. Потом он заставил его повернуть голову. Оглядываясь по сторонам, его птицеобразный припоминал, что этот стол, и этот шкаф, и этот кабинет — «мои». Память почти достигла уровня сознания. Он признавал свои собственные владения, но как-то безучастно.

Нелегко было Гроувнору подавить в себе волнение. Упорно и терпеливо он заставлял существо вставать и снова садиться, поднимать и опускать руки, прохаживаться взад-вперед по «насесту». Наконец он снова усадил его на место.

Птицеобразный, должно быть, осмелел, его мозг готов был к восприятию любого сигнала, и поэтому, едва он приготовился снова сосредоточиться, все его существо пронизало послание, оно захватило все его чувства и мысли. Почти автоматически Гроувнор перевел мучительные мысли в знакомые выражения:

«Клеточки просят, просят, просят... Клеточкам страшно. О! Клеточкам больно! Темно в мире Райима... Тени, тьма, хаос... Клетки должны отринуть его... Но не могут... Они попытались дружески отнестись к существу, которое

пришло из кромешной тьмы, но до тех пор, пока не узнали, что он — враг... Ночь все темнее. Все клеточки уходят... Но они не могут...»

— Дружески! — смущенно пробормотал Гроувнор.

Могло быть и так. Будто в кошмарном сне он видел, что все случившееся можно действительно толковать по-разному. Он с тревогой осознал серьезность ситуации. Если катастрофа, которая разразилась на борту корабля, была всего лишь следствием неверно понятой, а потому не принятой дружеской попытки установить связь, то во что бы вылилась их враждебность?

Перед ним стояла проблема куда более значимая, чем перед ними: прерви он контакт с ними, и они от этого только обретут свободу. При существующих обстоятельствах это могло означать нападение. Избавившись от него, они просто попытаются уничтожить «Космическую гончую».

Выбора не было. Он должен был выполнить то, что наметил, надеясь на что-то такое, что можно будет обратить в свою пользу.

6

Он начал с того, что казалось ему логически верным: сконцентрировал все свое внимание на том, чтобы заменить подконтрольного. И на этот раз выбор был очевиден.

«Я любим! — сказал он себе, воспроизводя намеренно то чувство, которое так смутило его раньше.— Я любим моим родителем, его телом, из которого я выхожу и становлюсь самостоятельным. Я разделяю целиком мысли моего родителя, но вот я уже вижу своими собственными глазами, я сознаю, что я — один из многих...»

Как и думал Гроувнор, перемещение произошло мгновенно. Он шевелил уменьшившимися сдвоенными пальчиками. Изогнул хрупкие плечи. Затем он снова прильнул к родителю-райимянину. Эксперимент развивался настолько успешно, что он почувствовал в себе готовность к новому, более грандиозному прыжку — к общению с нервной системой более удаленного живого существа.

И это тоже предусматривало стимуляцию соответствующих мозговых центров. Гроувнор вдруг обнаружил себя на холме в зарослях кустарников. Прямо перед ним струился небольшой ручей. Вдали в закатном, темно-пурпурном небе,

по которому плыли облачка-барашки, медленно опускалось оранжевое солнце. Гроувнор заставил своего нового контактера повернуться на сто восемьдесят градусов. Он увидел небольшое, похожее на курятник здание, полускрытое деревьями на берегу ручья. По-видимому, это было единственное здесь жилище. Он подошел к нему и заглянул внутрь. В полутьме он разглядел несколько насестов, на одном из них сидели две птицы. Глаза у них были закрыты.

Вполне возможно, подумал он, что именно через них осуществляется нападение на «Космическую гончую».

Оттуда, поменяв способ воздействия, он перенес свой контроль на индивида, находящегося на ночной стороне планеты. Ответная реакция на этот раз оказалась слишком быстрой. И вот он уже в темном городе с призрачными строениями и узкими переходами между ними. Тут же Гроувнор перенес свой контакт на другого райимянина. Почему связь возникла именно с этим, а не с другим птицеобразным, одинаково подходящим для общих требований, он не совсем понимал. Вполне вероятно, что некоторые просто быстрее других реагировали на внушение. А может быть, это были родственники или потомки его «родителя». Контакт с двумя дюжинами существ по всей планете позволил Гроувнору составить достаточно полное впечатление обо всем этом мире.

Это был мир камня, кирпича, дерева, а главное — психологического сообщества, которого, возможно, никому и никогда не удавалось достичь. Таким образом, обитатели планеты обошлись без технической эры человечества с его проникновением в секреты материи и энергии. Он почувствовал, что настал момент, когда можно с безопасностью предпринять следующий, и последний, шаг его атаки.

Гроувнор сконцентрировался на образе, который должен был принадлежать одному из птицеобразных, передававших изображения на «Космическую гончую». Одновременно он ощутил течение отрезка времени — не очень сильно, но ощутил, и тогда...

Зрением райимянина он смотрел на то, что образ того видел на корабле.

Прежде всего его волновало, как развиваются там военные действия. Но ему пришлось подавить это свое желание: не ради этого в первую очередь он стремился на корабль. Он хотел воздействовать на группу примерно в миллион индивидов. Он должен был сделать это настолько сильно, чтобы

они немедленно покинули «Космическую гончую» и навсегда оставили ее в покое,— это и было его главной задачей.

Он уже убедился, что может принимать их мысли и передавать им свои, иначе ни одного контакта с инопланетянами у него просто не состоялось бы.

Итак, он готов к действию. Гроувнор направил свои мысли во тьму: «Вы живете во Вселенной и внутри себя, вы создаете картину Вселенной такой, какой она вам представляется. Но в целом о Вселенной вы не знаете ничего и не можете знать ничего, кроме изображений. Ваши представления о Вселенной — это вовсе не сама Вселенная...»

Как можно осуществить глубокое воздействие на чужое сознание? Изменив его понятия. А как изменить чужие действия? Изменяя основополагающие верования существа, его эмоциональную склонность. И Гроувнор очень осторожно продолжил:

«Ваши представления даже в малой степени не отражают всей Вселенной, она слишком сложна для вашего непосредственного восприятия. Внутри Вселенной существует свой порядок. И если порядок ваших представлений не соответствует порядку устройства Вселенной, то вы ошибаетесь...»

В истории жизни несколько индивидов в пределах собственных знаний сделали нечто алогичное. Если их структурное строение неверно и предположение неверно по отношению к реальности, тогда логика индивида может привести его к заключению, несущему смерть.

И Гроувнор менял их мировоззрение, честно, хладнокровно, настойчиво. При этом он отталкивался от гипотезы, согласно которой у райимян отсутствовала способность к противодействию. Впервые за историю множества поколений они получали мысль извне. И он не сомневался в их чрезвычайной инертности. Это была цивилизация феллахов, скованная старыми убеждениями, которые никогда раньше не подвергались сомнениям. В истории достаточно примеров того, как маленький тиран решительно менял будущее целого феллахского народа. Огромная Древняя Индия рухнула перед нашествием нескольких тысяч англичан. Таким же образом многие феллахские народы Древней Земли захватывались и поглощались другими народами, долгое время не возрождаясь, и это длилось до тех пор, пока их косные понятия не разбивались в самой своей основе осознанием того, что в жизни существует гораздо больше ценностей, чем те, что внушили им их дубовые системы.

Райимяне были особенно уязвимы. Их метод общения, хотя он и был уникален и великолепен, позволял с легкостью подвергать их влиянию. Снова и снова Гроувнор повторял свое воззвание, каждый раз добавляя по одному пункту:

«Измените изображения, которые вы использовали против находящихся на корабле, а потом уберите их совсем. Измените изображения, чтобы те, на кого они направлены, могли расслабиться и уснуть... потом уберите их... Ваша дружеская акция причинила большой вред. Мы тоже настроены к вам дружески, но ваш способ проявления дружеских чувств причиняет нам зло».

У него было смутное представление о том, сколько времени он воздействовал на эту огромнейшую нервную систему. Он полагал, часа два. Но сколько бы времени ни прошло, все исчезло, как только выключатель энцефалорегулятора автоматически прервал связь между ним и изображением на стене его отдела.

Совершенно неожиданно он обнаружил себя в привычной обстановке. Он посмотрел на то место, где должно было находиться изображение,— его там не было. Гроувнор быстро взглянул на Кориту. Археолог, скорчившись, крепко спал в своем кресле.

Гроувнор резко выпрямился — он вспомнил приказы, которые передавал. В результате все люди на корабле должны были спать.

Задержавшись лишь для того, чтобы разбудить Кориту, Гроувнор выскочил в коридор. На ходу он повсюду видел лежащих в бессознательном состоянии людей, но стены были чистые. Пока он бежал к контрольному пульту, ему не встретилось ни одного изображения.

Войдя в контрольный пункт, он не без усмешки переступил через тело спящего капитана Лича. Со вздохом облегчения он включил рубильник, питающий экран внешнего вида.

Не прошло и минуты, как Эллиот Гроувнор уже сидел в кресле пилота, меняя курс «Космической гончей».

Прежде чем покинуть контрольный пункт, он поставил ограничитель на руль управления сроком на десять часов. Это было предосторожностью на случай, если кто-нибудь из экипажа очнется не в лучшем настроении. Затем он поспешил в коридор и принялся оказывать помощь пострадавшим.

Все его пациенты были без сознания, так что об их состоянии он мог только догадываться. Действовал он уверенно.

При затрудненном дыхании, шоке вводил плазму крови. Впрыскивал болеутоляющие средства, если видел опасные ранения, и прикладывал быстродействующие целебные мази на ожоги и раны. Семь раз — теперь уже с помощью Кориты — он погружал на тележки тела убитых и бегом отправлял их в реанимационные кабины. Четверых удалось вернуть к жизни, но даже после этого остались тридцать два трупа, которых, как заключил Гроувнор, не стоило даже пытаться оживлять.

Они все еще занимались ранеными, когда один из техников-геологов проснулся, лениво зевнул и внезапно его лицо исказил ужас. Гроувнор понял, что к нему вернулась память, и с тревогой следил за подходившим. Геолог озадаченно переводил взгляд с Гроувнора на Кориту и наконец предложил:

— Вам чем-нибудь помочь?

Вскоре помощников стало с десяток, если не больше. Сосредоточенно, молча включились они в работу, и лишь изредка брошенный взгляд или слово указывали на то, что они не забыли охватившего их безумия и теперь осознавали, как дорого оно обошлось.

Гроувнор не заметил, как подошли капитан Лич и Мортон. Он увидел их, когда они уже разговаривали с Коритой. Корита покинул помещение, а они пригласили Гроувнора на совещание в контрольный пункт. Мортон молча похлопал его по плечу. Гроувнор пытался понять, помнят ли они о случившемся: гипноз нередко сопровождался спонтанной амнезией. А если они ничего не помнят, объяснить происходившее на корабле будет совсем нелегко.

Однако он вздохнул с облегчением, когда капитан Лич проговорил:

— Мистер Гроувнор, вспоминая обрушившееся на нас бедствие, мы с мистером Мортоном поражаемся вашей попытке заставить нас понять, что мы стали жертвами атаки извне. Мистер Корита только что рассказал нам, как вы действовали. Я бы очень хотел, чтобы вы поделились со всеми руководителями отделов своими впечатлениями обо всем случившемся.

На подобное сообщение потребовалось больше часа. Когда Гроувнор закончил, один из слушателей сказал:

— Уж не хотите ли вы убедить нас в том, что это была попытка наладить с нами дружеские отношения?

Гроувнор согласно кивнул:

— Боюсь, что именно так оно и было.

— То есть вы считаете, что мы не смогли бы расправиться с ними, разбомбить их ко всем чертям?

— Ни к чему хорошему это не привело бы,— твердо заявил Гроувнор.— Вот навестить их и наладить с ними более тесный контакт мы могли бы.

— Это заняло бы слишком много времени,— поспешил возразить капитан Лич.— Потребовалось бы преодолеть огромное расстояние.— И он кисло добавил: — Да и цивилизация эта скорее всего серенькая.

Гроувнор заколебался, но не успел он сказать и слова, как вмешался Мортон:

— Что вы на это скажете?

— Полагаю, что командир имеет в виду отсутствие механических средств. Однако живые организмы могут испытывать удовлетворение и от того, что не имеет отношения к машинам: вкусная еда и питье, дружеские и любовные связи. Я склонен предположить, что этот птичий народ находит эмоциональную разрядку в общих мыслях и в способе размножения. Было время, когда у человека было немногим больше этого, и тем не менее он называл это цивилизацией; и в те времена, как и сейчас, были великие люди.

— И все же вы говорите,— сказал физик фон Гроссен вкрадчиво,— что не колеблясь нарушили их образ жизни.

Гроувнор сохранял хладнокровие.

— Глупо жить обособленным миром и им, и нам, людям. Я всего лишь разрушил их сопротивление новым идеям, чего мне, к великому сожалению, никак не удается добиться здесь, на борту корабля.

Несколько человек неловко рассмеялись, и совещание подошло к концу. Когда все стали расходиться, Гроувнор заметил, что Мортон беседует с Йеменсом, единственным сотрудником химического отдела, который присутствовал на совещании. Химик — теперь уже заместитель Кента — хмурился, несколько раз отрицательно качал головой. Потом что-то долго говорил, а затем они с Мортоном пожали друг другу руки.

Директор подошел к Гроувнору и тихо сообщил:

— Химики вынесут свое оборудование из вашего помещения в течение двадцати четырех часов при условии, что об этом инциденте будет забыто. Мистер Йеменс...

— Что думает об этом сам Кент? — перебил его Гроувнор.

Мортон немного помолчал.

— Он надышался газом,— произнес он наконец,— и несколько месяцев проведет в постели.

— Но,— сказал Гроувнор,— это значит, что выборы пройдут без него.

Снова Мортон ответил не сразу.

— Да, без него. Это значит, что победа на выборах будет за мной, так как не будет никакой оппозиции — претендентов, кроме Кента, нет.

Гроувнор молчал, думая о последствиях. Приятно было сознавать, что Мортон останется во главе администрации. Но что делать с теми, кто поддерживал Кента, а теперь будут разочарованы?

Он хотел поделиться своими сомнениями, но Мортон опять опередил его.

— Хочу просить вас об одной услуге, мистер Гроувнор. Я убедил мистера Йеменса, что неразумно поддерживать Кента в его нападках на вас. Во имя сохранения мира прошу вас хранить молчание. Не предпринимайте попыток закрепить свою уже одержанную победу. Если вас будут спрашивать, говорите, что происшедшее просто несчастный случай, но сами разговоров на эту тему не заводите. Вы обещаете мне это?

Гроувнор согласно кивнул.

— Позвольте мне кое-что предложить вам? — сказал он не очень уверенно.

— Прошу вас.

— Почему бы не оставить имя Кента в бюллетенях для голосования?

Мортон, прищурившись, изучал его. Казалось, он был в некотором замешательстве. Наконец он произнес:

— Я никак не ожидал услышать от вас подобное предложение. Да и мне самому, по совести говоря, вовсе не хочется способствовать популярности Кента.

— Не Кента,— возразил Гроувнор.

На этот раз Мортон замолчал надолго. В конце концов он медленно проговорил:

— Пожалуй, это ослабит напряженность.— Видно было, что Мортон насилует себя.

— Ваше мнение о Кенте, похоже, совпадает с моим,— предположил Гроувнор.

Мортон грустно усмехнулся.

— На корабле есть немало людей, которых я предпочел бы видеть в роли директора, но ради сохранения мира я последую вашему совету.

Они расстались. Гроувнор ушел с чувством куда более сложным, чем раньше. То, чем на сей раз завершилась атака Кента, его не устраивало. В освобождении отдела от химиков он не видел победы, тем более что это была не битва, а просто склока. И все же он понимал, что это лучше мелкой потасовки, которой все могло закончиться.

Этюд в алых тонах

1

Икстл неподвижно распростерся в беспредельном ночном пространстве. Время медленно ползло в вечность, и космос застыл в своем непроницаемом мраке. Через эту необъятность холодно взирали на него мутные пятнышки далекого света. Каждое — он это знал — было галактикой, полной ярких звезд, которые бесконечное расстояние превратило в водоворот светящейся туманности. Там была жизнь, распространившаяся на мириады планет, вечно обращающихся вокруг своих родных солнц. Так давным-давно и на его древней планете Глор жизнь выбралась из первобытных болот и текла, пока космический взрыв не разнес его могущественную расу и не вышвырнул его тело в межгалактические глубины.

Он жил; в этом заключалась его личная катастрофа. Пережив катаклизм, его почти неподвластное смерти тело поддерживало свое жалкое существование благодаря энергии света, пронизывающей весь космос и само время. Мысль его постоянно возвращалась к одному — к надежде: надежде на один-единственный шанс из дециллиона, что он снова окажется в какой-нибудь галактике. И уж совсем бесконечно малой величиной выражалась надежда попасть на какую-нибудь планету и найти там подходящего гуула.

Повторяясь миллиард раз, теперь эти мысли стали частью его самого. Словно перед ним прокручивали одну и ту же картину. Вместе с далекими, тоненькими лучиками света она составила тот мир, в котором он существовал. Он стал забывать, что его тело обладало широчайшим диапазоном чувствительности. Века назад она простиралась практически безгранично, но теперь, когда таяли его силы, ни один сиг-

нал, возникший на расстоянии более нескольких световых лет, не доходил до него.

Он уже ничего не ждал и поэтому едва уловил появление корабля. Энергия, плотность — материя! Его вялое сознание с трудом обратилось к смыслу происходящего. Но даже это отозвалось болью, похожей на боль в мышцах, если после долгого бездействия вдруг перейти к активным движениям.

Боль прошла. Исчезла мысль. Мозг снова погрузился в многовековой сон. Он снова жил в своем мире безнадежности и мутных световых пятен в черноте пространства. Эта идея об энергии и материи — не более как вечно повторяющийся сон. И лишь отдаленный уголок его сознания, еще сохранивший способность к анализу, наблюдал за сигналами, сравнивая их с давно забытыми образами и ощущениями, медленно всплывавшими из глубин бездействовавшего веками мозга.

Но вот снова, сильнее, острее, потревожил его сознание все тот же сигнал. Его распростертое в пространстве тело невольно вздрогнуло. Четыре руки раскинулись, а четыре ноги с силой сложились, словно перочинный нож. Среагировали мышцы. Его широко открытые, будто удивленные глаза обрели осмысленное выражение. Вернулось к жизни давно невостребованное зрение. Та часть нервной системы, что контролировала все поле его восприятия, как будто лишилась равновесия. Громадным усилием воли он перенес ее контроль с миллиардов кубических миль пустоты на то, чтобы определить область, где сосредоточился источник возбуждения.

Пока он пытался определить место сгустка материи, объект переместился на большое расстояние. И тут Икстл впервые подумал о нем как о корабле, летящем из одной галактики к другой. Было мгновение дикого страха, что корабль выйдет за границы его чувствительного поля и контакт будет утрачен навсегда, прежде чем он сможет что-либо предпринять.

Он слегка расширил поле своего наблюдения и теперь уже не сомневался в присутствии незнакомой материи и энергии. На этот раз он решил не упускать их. То, что было его полем восприятия, сконцентрировалось в пучок энергии, всей энергии, какую только могло собрать его ослабленное тело.

Точно направленный пучок энергии извлекал огромное количество энергии из корабля. Энергии оказалось в милли-

оны раз больше, чем он мог уместить в себе. Ему пришлось отклонить ее поток от себя, разрядить в пространство и во тьму. Но, подобно чудовищной пиявке, преодолевая расстояние в четыре... семь... десять световых лет, он высасывал энергию большого корабля.

После бесчисленных веков жалкого существования, когда он полностью зависел от скудных инъекций далеких световых лучей, он даже не осмеливался овладеть этой колоссальной мощью. Безбрежный космос жадно вбирал в себя отброшенный им поток энергии, будто его вообще не было. Но даже та малость, которую он поглотил, мгновенно вернула жизнь его телу. С дикой яркостью представились ему открывающиеся перед ним возможности. И он неистово принялся перестраивать свою атомную структуру, а затем бросил себя вперед и понесся вдоль пучка.

Далеко от него корабль — он мгновенно восстановил утраченную энергию — продолжал свой полет и проплыл мимо, все ускоряя свое движение. Он удалился на световой год... потом на второй... на третий. Страшное отчаяние охватило Икстла, когда он понял, что корабль вот-вот уйдет, несмотря на все его усилия. И вдруг...

Корабль встал. Мгновенно. Остановился на полном ходу. Только что он убегал от Икстла со скоростью многих световых лет в день — и вдруг завис в пространстве. Он был на огромном расстоянии от Икстла, но оно больше не увеличивалось.

Икстл догадывался о причине остановки. Там, на борту корабля, почувствовали его вмешательство и остановились, чтобы разобраться в происходящем. Их метод моментально сбрасывать ускорение свидетельствовал о чрезвычайном развитии науки, хотя секрет его был ему непонятен. Существовало несколько способов решения этой проблемы. Сам он намеревался остановиться, обратив огромную скорость в электронный процесс внутри собственного тела. На такое преобразование потребуется совсем немного энергии. В результате в каждом атоме электроны станут обращаться чуть быстрее — совсем чуть-чуть — и эта микроскопическая скорость преобразуется в движение на микроуровне.

Осуществив все это, он почувствовал, что находится совсем близко от корабля.

А потом произошла целая вереница событий, которые последовали слишком быстро, чтобы успеть их обдумать. Корабль окружил себя непроницаемым энергетическим экра-

ном. Такая концентрация энергии автоматически отключила действие механизмов, которые Икстл установил в своем теле. Это остановило его в долю микросекунды, прежде чем он осознал случившееся. От корабля его отделяло не более тридцати миль.

На фоне черного пространства корабль казался сверкающей точкой. Защитный экран по-прежнему окружал его, и у Икстла не оставалось ни малейшей надежды проникнуть внутрь. Он предположил, что какие-то чувствительные приборы зафиксировали его приближение и они там, на борту, решили, что это снаряд, и включили защитный экран.

Икстл приблизился к едва видимому барьеру и остановился в нескольких ярдах от него. Потеряв последнюю надежду реализовать свои замыслы, он жадно вглядывался в корабль. Не больше пятидесяти ярдов отделяло его от черного металлического чудовища, сверкающего бриллиантами световых точек. Космический корабль подобно огромному драгоценному камню плавал в черно-бархатной тьме, неподвижный, но живой, живой до ужаса. Он вызывал ностальгию и видения тысяч далеких планет с неукротимой, бурной жизнью. И это видение вернуло Икстлу утраченные было надежды. И — несмотря на первоначальное разочарование — он воспрянул.

До этого мига он тратил столько физических усилий, что не успел задуматься о том, что могло означать достижение цели. Его сознание, отчаявшееся за века одиночества, билось в исполинских тисках. Его руки и ноги пламенели, скручиваясь и изгибаясь в свете иллюминаторов. Рот, похожий на глубокую рану на карикатурном подобии человеческой головы, выпускал белые шарообразные льдышки, которые уплывали в пустоту. Надежда настолько возросла в нем, что вытеснила все другие мысли. Как сквозь дымку, он видел, что на металлическом корпусе корабля появилось вздутие. Оно превратилось в огромную дверь, которая отошла в сторону. Через нее хлынул поток света.

Какое-то время ничего больше не происходило. Потом появились с дюжину двуногих существ. На них были полупрозрачные скафандры, и они то ли тащили за собой, то ли перемещались на больших аппаратах. Скоро эти аппараты расположились вокруг небольшого участка на поверхности корабля. Языки пламени казались небольшими, но их поразительная яркость свидетельствовала о необычайно высокой температуре или о титанической мощи других видов излуче-

ния. Было очевидно, что ведутся срочные ремонтные работы.

В неистовстве Икстл обследовал экран, отделявший его от корабля. Но слабых мест в нем не оказалось. Энергия, питающая экран, была слишком мощной. Он ничего не мог ей противопоставить. Почувствовав это еще на расстоянии, теперь он убедился в этом непосредственно.

Работы — Икстл видел, как они сняли толстую секцию внешней обшивки и заменили ее новой,— закончились так же быстро, как и начались. Шипящее пламя сварки погасло, и агрегаты отвели от стенки и спустили в отверстие. Двуногие существа скрылись следом за ними. Широкая, ребристая поверхность корабля стала такой же пустынной, как космос вокруг.

Шок от происшедшего едва не лишил Икстла разума. Он не мог позволить им уйти от него сейчас, когда вся Вселенная раскрывалась перед ним — всего лишь в нескольких ярдах. Он вытянул вперед руки, словно хотел удержать корабль. Медленные, ритмичные удары отдавались болью во всем его существе. Мозг был ввергнут в черную яму отчаяния.

Большая дверь мягко повернулась. Один из двуногих проскользнул в узкое отверстие и побежал к месту ремонта. Он что-то поднял там и поспешил обратно, к открытому воздушному шлюзу. Он немного не дошел до него, когда увидел Икстла.

Существо замерло в какой-то странной, неустойчивой позе. В свете иллюминаторов его лицо было ясно видно за прозрачным скафандром: округлившиеся глаза и открытый рот. Потом он как бы спохватился, губы его быстро задвигались. Не прошло и минуты, как дверь снова полностью открылась и через нее выплыли несколько существ, которые стали рассматривать Икстла. По-видимому, последовала дискуссия, так как губы существ шевелились не одновременно.

В конце концов из шлюза выплыла клетка с металлическими прутьями. На клетке сидели двое, скорее всего управлявшие ею. Икстл догадался, что его хотят изловить.

Как ни странно, он не почувствовал подъема. Напротив, было ощущение, будто он принял наркотик, такая тяжесть вдруг навалилась на него. В страхе он попытался сбросить с себя оцепенение. Он должен быть настороже, если хочет, чтобы его раса, которая овладела в своем развитии почти универсальными знаниями, возродилась.

2

— Черт побери, да разве что-то может жить в космосе, вдали от всех галактик?

Напряженный до неузнаваемости голос прозвучал в скафандре Гроувнора.

Вместе с другими он стоял возле шлюза. Ему показалось, что этот вопрос заставил вышедших наружу людей ближе сбиться в кучку. Но ему даже такой близости показалось мало. Пожалуй, впервые с начала их путешествия необъятность вселенской тьмы так глубоко потрясла его. Он слишком часто смотрел на нее изнутри корабля, что стал к ней безразличен. Но сейчас он внезапно осознал, что самые далекие звезды из тех, на которых побывал человек, не более чем булавочные головки по сравнению с этой тьмой, простиравшейся на миллиарды миллиардов световых лет во всех направлениях.

Испуганное молчание прервал голос директора Мортона.

— Вызываю Ганли Лестера. Ганли Лестер...

После короткой паузы послышалось:

— Да, директор?

Гроувнор узнал голос главы астрономического отдела.

— Ганли,— сказал Мортон,— тут имеется кое-что для ваших астроматематических мозгов. Рассчитайте, пожалуйста, коэффициент случайности того, что двигатели «Гончей» занесли нас именно в ту точку пространства, где болтается эта тварь. Даю вам несколько часов.

Это было характерно для Мортона — дать возможность другому покопаться там, где он сам был большим докой.

Астроном засмеялся, потом серьезно заявил:

— Тут расчеты ни при чем. Нужна совершенно иная система понятий, чтобы описать математически данный случай. То, что произошло, с точки зрения математики просто невозможно. Мы имеем корабль, напичканный людьми и всякой всячиной. Он остановился на полпути между двумя галактиками, чтобы произвести ремонтные работы, и первый раз за все время нашего полета на поверхность нашего островка-вселенной направляются люди. И вот, подчеркиваю, эта крошечная частичка материи пересекается в своем полете с другой, еще меньшей частичкой. Но это невозможно, если только весь космос не кишит вот такими существами.

Гроувнору показалось, что у него есть лучшее объяснение. Хотя и не явно, но эти два события имели одну причину. И результат. Большая дыра в стене аппаратной. Поток энергии, хлынувший в пространство. Необходимость остановки для ремонта... Он уже было открыл рот, чтобы предложить свою версию, но передумал. Существовал здесь и еще один фактор: фактор сил и возможностей этих сил в данном конкретном случае. Какие силы должны понадобиться, чтобы за считанные минуты опустошить всю емкость атомного реактора? Он наскоро подсчитал эту мощность и покачал головой. Число было таким немыслимым, что гипотеза, которую он собирался изложить, отпала сама собой. Тысяча керлов не справилась бы с таким количеством энергии, а это означало, что здесь мы имеем дело не с отдельными индивидуумами, а с механизмами.

— Для встречи с такой тварью нам неплохо было бы обзавестись войсковым соединением,— сказал кто-то.

Дрожь в голосе говорившего отражала те же чувства, что испытывал сам Гроувнор. То же передалось и другим, поэтому, когда заговорил директор Мортон, в его тоне чувствовалось желание успокоить людей:

— Обычный кроваво-красный дьявол из кошмарного сна, конечно, страшный, как смертный грех, но, возможно, настолько же безвредный, насколько смертельно опасной была наша прелестная киса. Смит, что вы об этом думаете?

Долговязый биолог был предельно логичен.

— У этого типа, насколько я могу судить, есть руки и ноги, признаки обычного планетарного развития. Если он разумен, то проявит себя, как только мы посадим его в клетку, иными словами, изменим среду обитания. Это может быть старый почтенный мудрец, медитирующий в тиши космоса, где ничто не отвлекает его. А может, это молодой убийца, приговоренный к ссылке, изнывающий от желания вернуться в свою цивилизацию и там закончить свои дни.

— Я бы хотел, чтобы сюда вышел Корита,— проговорил Пеннон. Главный инженер, как всегда, был спокоен и практичен.— Он ведь сразу сообразил, что представляет собой наша киса и...

— Корита у коммуникатора, мистер Пеннон,— как всегда четко и ясно прозвучал голос японского археолога.— Я слушал ваши споры и должен сказать, что образ существа, который я вижу на экране коммуникатора, поразил меня так же, как и большинство из вас. Но боюсь, мои выводы на основе теории циклического развития будут беспочвенны и опасны. В случае с кисой у нас перед глазами была покину-

тая планета, почти лишенная пищи, к тому же о многом позволяла судить архитектура разрушенного города. Теперь же мы столкнулись с существом, обитающим в космическом пространстве, откуда до ближайшей планеты по меньшей мере четверть миллиона световых лет. У него нет ни пищи, ни средств передвижения... Я полагаю, что убирать защитный экран не следует, надо проделать в нем отверстие, достаточное, чтобы протащить клетку. Когда это существо окажется в клетке, понаблюдайте за ним — не упуская ни единого движения. Сделайте рентгеновские снимки его внутренних органов, способных работать в космическом вакууме. Узнайте о нем все, чтобы известно было, что мы берем на борт корабля. Не надо убивать его, но нельзя допустить и того, чтобы он убивал нас. Самые тщательные меры предосторожности прежде всего.

— Разумно,— подытожил Мортон и принялся отдавать приказания.

Из корабля наружу извлекли самую разную аппаратуру и установили на гладкой изогнутой поверхности. Только массивную флюорокамеру прикрепили к клетке.

Гроувнор с чувством тревоги следил, как Мортон отдает последние приказания водителям автоклетки.

— Откройте дверцу на всю ширину,— командовал Мортон,— и опустите клетку на зверя. Не давайте ему хвататься за прутья.

Гроувнор подумал: «Или сейчас, или никогда. Раз у меня имеются возражения, я должен их высказать».

Но сказать было нечего. Разве что описать смутные сомнения. Он мог довести до логического конца высказывание Ганли Лестера, подтвердив, что происшедшее не является случайностью. Больше того, мог высказать предположение, что целый корабль этих красных дьяволоподобных существ, возможно, затаился и поджидает поодаль, когда возьмут на борт их собрата.

Но факт оставался фактом: все предосторожности против подобных случайностей были предусмотрены и меры приняты. Если вражеский корабль где-то и был, то небольшое отверстие в защитном экране — слишком маленькая мишень для его пушек. Ну, опалят немного наружную оболочку, сам же корабль не пострадает. И врагам станет ясно, что действия его напрасны. Они обнаружат, что против них выступает прекрасно вооруженное и оснащенное судно, населенное людьми, готовыми вести борьбу до беспощадного

конца. И, дойдя в своих рассуждениях до этого пункта, Гроувнор решил промолчать.

Опять заговорил Мортон:

— Может быть, у кого-нибудь есть замечания?

— Есть.— Это был голос фон Гроссена.— Я сам хочу как следует изучить этого монстра. Это означает, что мне понадобится неделя или месяц.

— Вы предлагаете нам,— сказал Мортон,— сидеть здесь, в космосе, пока наши эксперты будут изучать чудовище?

— Да,— сказал физик.

Мортон помолчал, потом медленно проговорил:

— Я должен обсудить это со всеми, фон Гроссен. Наша экспедиция исследовательская. Мы оснащены таким образом, что можем брать на борт образцы тысячами. Как ученых нас интересует все, до последней мелочи. Но я абсолютно уверен, что, если ради изучения каждого нового образца мы по месяцу будем торчать на одном месте, прежде чем взять его на борт, наше путешествие вместо пяти-шести лет затянется на пять столетий. Прошу не рассматривать это как мое личное возражение: каждый образец должен быть изучен, чтобы отнестись к нему соответственно.

— Я считаю,— твердо проговорил фон Гроссен,— что тут надо хорошо подумать.

— Будут ли еще возражения? — осведомился Мортон. Поскольку все молчали, он спокойно сказал: — Ладно, ребята, пойдите и возьмите его!

3

Икстл ждал. Калейдоскоп воспоминаний обо всем, что он когда-либо знал, о чем думал, вращался у него в голове. В памяти возникла его родная планета, погибшая много столетий назад. Воспоминания вызвали гордость за свой народ и все нарастающее презрение к этим двуногим, которые явно собирались захватить его в плен.

Он вспомнил время, когда его народ, преодолев пространство, стал контролировать движение целых солнечных систем. Это было до того, как они стали вообще обходиться без космических путешествий и вели спокойный образ жизни, создавая красоту из сил природы, в экстазе растягивая сам процесс творения.

Между тем клетка определенно направлялась прямо к нему. Она успешно преодолела отверстие в энергетическом экране, которое мгновенно затянулось за ней. Все было про-

делано мастерски. Он не смог бы воспользоваться дырой в экране, если бы даже захотел, за краткий миг ее существования. Но это не входило в его планы. Ему следовало быть предельно осторожным и ни одним движением не выдать враждебности, пока он не очутится внутри корабля. Сооружение с решеткой медленно надвигалось на него. Двое существ, что управляли ею, были предельно внимательны и настороже. У одного из них в руках было оружие. Икстл почувствовал, что оно с атомным зарядом. Это внушало уважение, но одновременно несло на себе отпечаток ограниченности. Здесь оно могло им пригодиться, но внутри корабля они не посмеют пользоваться им.

Цель прояснялась все четче: попасть на борт корабля! Проникнуть внутрь!

Когда он решился окончательно, зияющая пасть клетки захлопнулась. Икстл схватился за прут и прильнул к нему, чувствуя головокружение. Материальность ограждения давала отдых сознанию. Итак, он спасен! В нем взыграли и разум, и его физические способности. Свободные электроны высвобождались из хаотической пляски внутри атомной структуры его тела и с поспешностью искали соединения с другими системами. Он был спасен после миллионов лет отчаяния. И его свобода материальна. Он впредь не будет игрушкой отдаленных галактик с их притяжением, которому он не мог противиться. Теперь, защищенный оболочкой, он сможет передвигаться в любом нужном ему направлении. И такого колоссального успеха он достиг, всего лишь дождавшись вожделенной клетки.

В то время как он прижимался к решетке своей тюрьмы, она постепенно приближалась к поверхности корабля. Защитный экран раздвинулся, как только они приблизились к нему, и тут же сомкнулся вслед за ними. Вблизи двуногие показались ему уж совсем тщедушными. Необходимость в скафандрах свидетельствовала о их неспособности адаптироваться к чуждой среде, а это означало, что физически они находятся на самом низком уровне эволюции. Тем не менее недооценивать их научные достижения было бы глупо. Они явно обладали острым умом, способным создавать мощнейшие машины. Вот и на поверхности корабля находится сложная аппаратура, по-видимому, с ее помощью они намерены обследовать его. Но тогда они разгадают его намерения, обнаружат драгоценные предметы, спрятанные у него в груди, и в какой-то мере получат представление о его возможностях. Он не мог допустить никаких обследований.

Икстл заметил, что некоторые из существ имеют при себе не один, а два вида оружия. Они были приторочены к рукавам скафандров. Одно из них было атомным — это он уже определил. Изучив второе, он понял, что оно вибрационное.

Как только клетку установили в наспех оборудованной наружной лаборатории, сквозь решетку просунулся объектив камеры. Для Икстла это послужило сигналом. Он легко взмыл к потолку клетки. Зрение его обострилось до такой степени, что стало работать на волнах любой частоты. Там он тотчас увидел источник энергии у вибратора — яркое пятно в пределах досягаемости.

Он мгновенно выбросил вперед руку с восемью похожими на скрученную проволочку пальцами, коснулся металла, прошел сквозь него — и вот его рука уже сжимает вибратор, который он вытащил из кобуры у одного из операторов, что находился на клетке.

Икстл не стал менять его атомную структуру, как перед этим изменил структуру своей руки. Было важно, чтобы существа не поняли, кто стрелял. Напрягшись, дабы удержаться в своем неловком положении, он прицелился в камеру и в группу людей позади нее и нажал на спуск.

И тут же одним молниеносным движением освободился от вибратора, вернул в клетку руку и опустился на пол. Страх прошел.

В флюорокамере срезонировала молекулярная энергия и распространила свое действие и на другую аппаратуру временной лаборатории. Чувствительная пленка пришла в негодность — ее надо было менять; измерительные приборы — проверить, да и каждую машину пробовать на всех режимах. Возможно, придется заменить всю аппаратуру. Но самое замечательное — все так получилось, что двуногие примут это за несчастный случай.

Гроувнор услышал брань в коммуникаторе и с облегчением сообразил, что и другие, как и он сам, приходят в себя после причиняющего острую боль действия вибратора. Скафандры лишь отчасти ослабили его действие. Понемногу он снова видел металлическую площадку, на которой стоял, а за нею, за небольшим гребешком — бесконечный космос, темную, непроницаемую, невообразимую бездну. Увидел он и смутные очертания клетки.

— Прошу прощения, директор,— извиняющимся тоном произнес один из операторов, что находился на клетке.—

Вероятно, у меня вибратор сорвался с ремня и при падении разрядился.

— Директор, это объяснение не годится — здесь отсутствует вертикальное притяжение,— поспешил вмешаться Гроувнор.

— Верно замечено, Гроувнор. Может быть, кто-нибудь видел, как это случилось? — откликнулся Мортон.

— Может, я случайно стукнул по нему,— снова взял на себя вину хозяин вибратора.

Что-то лопотал Смит. Это звучало примерно так: «Чумы на вас нет... рожа вас возьми... страбиэмия...» Остального Гроувнор не разобрал, понял только, что, видно, такая у биолога манера выражаться в гневе. Но вот Смит медленно выпрямился и уже внятно проговорил:

— Минуточку, дайте-ка мне припомнить, что я видел. Я стоял вот здесь, на линии огня... Ага, а вон там я перестал трястись.— Его голос становился все увереннее.— Голову на отсечение не дам, но, перед тем как вибратор поразил меня, тварь двигалась. Мне кажется, она подпрыгнула к потолку. Допускаю, было слишком темно и то, что я видел, виделось смутно, но...— Он не успел закончить.

— Крейн, осветите клетку, посмотрим, кого мы поймали,— приказал Мортон.

Вместе со всеми Гроувнор повернулся к клетке, когда поток света обрушился на скорчившегося на полу Икстла. Все замерли в молчании, пораженные увиденным. Алый блеск металлического тела-цилиндра, глаза как горящие угли, похожие на проволоку пальцы рук и ног, весь его кроваво-красный отвратительный облик чудовища были пугающими.

— Возможно, он и красавец, но не для нас,— послышался в коммуникаторе шепот Зайделя.

Вымученная шутка несколько развеяла охвативший всех ужас. Кто-то сказал сдавленным голосом:

— Если жизнь — это эволюция и единственная цель ее — целесообразность, то как может существо, обитающее в открытом космосе, иметь хорошо развитые руки и ноги? Интересно было бы взглянуть на его внутреннее устройство, но что делать,— камера вышла из строя. Вибрация, конечно, повредила линзы, а уж пленки наверняка засвечены. Не принести ли мне другую камеру?

— Не-е-ет,— не очень уверенно возразил Мортон, но продолжил уже более жестко: — Мы и так потеряли массу времени. В конце концов, разве мы не можем воспроизвести условия космического вакуума в лаборатории внутри корабля и

заняться там незнакомцем, продолжая с наибольшей скоростью свой путь?

— Прикажете понимать, что вы игнорируете мое предложение? — Это был фон Гроссен, физик.— Вы еще вспомните, что это я советовал вам хотя бы неделю заняться исследованием этого зверя здесь, на поверхности корабля, прежде чем принимать решение взять его на борт.

Мортон подумал, потом спросил:

— Есть еще возражения? — В его словах слышалась озабоченность.

— Мне кажется, не нужно кидаться из одной крайности в другую,— вмешался Гроувнор.— То чрезвычайные предосторожности, то вообще никаких.

— Кто еще? — спокойно спросил Мортон. Ответа не последовало, и он прибавил: — Смит?

— Совершенно очевидно,— сказал Смит,— что рано или поздно мы возьмем его на корабль. Нельзя забывать, что существо, приспособившееся к жизни в космосе, представляет собой особый интерес — ничего подобного мы с вами не встречали. Даже кот, которому одинаково подходили и хлор и кислород, все же нуждался в тепле. Холод и отсутствие гравитации в космосе были для него смертельны. Если, как мы подозреваем, эта тварь по своей природе не является обитателем космоса, наш долг выяснить, почему и как она в нем оказалась.

Мортон хмуро смотрел на всех.

— Кажется, нам придется голосовать. Можно дополнительно усилить клетку металлом и создать защитный экран. Как по-вашему, фон Гроссен, этого будет достаточно?

— Это разумно,— согласился фон Гроссен.— Но прежде нам еще многое надо обсудить.

Мортон рассмеялся.

— Раз уж мы снова отправляемся в путь, вы и все, кто захочет, можете обсуждать все «за» и «против» хоть до самого конца полета.— И он снова спросил: — Есть еще возражения?

Гроувнор покачал головой:

— Экран — вещь убедительная, сэр.

Мортон еще раз предложил:

— Все, кто против, высказывайтесь.— Никто не откликнулся, и тогда он обратился к операторам: — Подайте клетку сюда, чтобы можно было подготовить ее к установке экрана.

Когда заработали моторы, Икстл почувствовал легкую пульсацию в металле. Он увидел, как двинулась клетка. Приятное покалывание все сильнее пронизывало тело, отвыкшее от внешних воздействий. Но это подавило его разум. Когда Икстл смог нормально мыслить, неожиданно для себя он обнаружил, что пол клетки оказался над его головой, а сам он — на жестком покрытии космического корабля.

Сообразив, что произошло, он с рычанием поднялся на ноги. Все случилось потому, что после выстрела из вибратора он забыл вернуть структуру своего тела в первоначальное состояние, и теперь оно просочилось сквозь пол клетки.

— Бог мой! — севшим голосом воскликнул Мортон, едва не оглушив Гроувнора.

Алой молнией Икстл метнулся по непроницаемой для него поверхности корабля к входному шлюзу. И ринулся в него. Его тело просочилось еще через две внутренние двери. И он оказался в конце длинного, ярко освещенного коридора в полной безопасности, по крайней мере пока. В грядущей борьбе за корабль у него будет очень важное преимущество, не говоря уже о его полном превосходстве над этими двуногими. Его противники и не догадывались, какая смертельная опасность таится для них в его планах.

4

Прошло двадцать минут. Гроувнор сидел в помещении контрольного пункта, наблюдая за тем, как Мортон с капитаном Личем тихо обсуждают что-то, расположившись на одном из ярусов напротив пульта. Помещение было забито людьми. За исключением охраны, расставленной по всем ключевым пунктам корабля, всем было приказано присутствовать на совещании. Судовая команда и офицеры, руководители научных отделов и их подчиненные, представители администрации и технические работники — все собрались либо в зале, либо в прилегающих к нему коридорах.

Прозвенел звонок. Стал стихать гул разговоров. Еще раз прозвенел звонок — разговоры умолкли. Вперед вышел капитан Лич.

— Джентльмены,— начал он,— проблем не уменьшается, не так ли? Мне начинает казаться, что мы, военная косточка, до сих пор недооценивали ученых. Я думал, что сидят они в своих лабораториях и их не касаются никакие тревоги и опасности. И вот до меня дошло, что ученые нарываются на беду там, где ее просто и не было.— Он немного помолчал, потом продолжал в том же суховатом и насмешливом тоне: — И мы с директором Мортоном пришли к заключению, что на сей раз проблема занимает не только военных. До тех пор, пока эта тварь на свободе, каждый из нас должен стать сам себе полицейским. Будьте всегда при оружии, ходите парами или группами — чем вас больше, тем лучше.— Он остановился и осмотрел аудиторию, потом мрачно продолжил: — Было бы глупо полагать, что сложившаяся ситуация не грозит нам или хотя бы некоторым из нас гибелью. Это могу быть я. Может быть любой из вас. Надо быть к этому готовым и смириться с неизбежным. Но если кто-то повстречается с этой безумно опасной тварью, сражайтесь не на жизнь, а на смерть. Погибая, постарайтесь утащить на тот свет и ее — не страдайте и не умирайте понапрасну. А теперь,— он повернулся к Мортону,— директор проведет обсуждение того, как использовать все научные возможности, которыми мы располагаем на корабле, против нашего врага. Мистер Мортон, прошу вас.

Мортон медленно вышел вперед. На фоне огромного пульта его большая, сильная фигура будто уменьшилась, тем не менее выглядел он внушительно. Директор пытливо посмотрел на лица сидящих перед ним людей, ни на ком особенно не остановив взгляда. Вероятно, по их выражению он просто старался составить представление об общем настроении. Начал он с того, что похвалил капитана Лича за его позицию, а затем сказал:

— Я проанализировал все случившееся и думаю, что могу честно сказать: никого, даже меня, нельзя винить за то, что это существо проникло на корабль. Как вы знаете, решено было доставить его на борт в окружении силового поля. Такая мера предосторожности устраивала всех наших даже самых дотошных оппонентов, но, к несчастью, мы не сделали этого своевременно, и это существо, по сути, попало на борт благодаря собственным способностям, которых мы не могли предвидеть.— Он помолчал, снова напряженно вглядываясь в слушателей.— Но, возможно, у кого-то из вас было предчувствие? Пожалуйста, поднимите руку, если это так.

Гроувнор едва шею не свернул, но не увидел ни одной поднятой руки. Он откинулся на спинку кресла, но тут с испугом заметил, что серые глаза Мортона остановились на нем.

— Мистер Гроувнор,— проговорил он,— не снабдил ли вас некзиализм способностью предвидеть подобное?

— Нет, не снабдил.

— Благодарю вас.

Мортон был, по-видимому, удовлетворен, по крайней мере расспросов он не продолжил. Гроувнор уже давно заметил, что директор пытается оправдывать собственные действия. Это наводило на грустные размышления: раз существует такая необходимость, значит, обстановка на корабле не из лучших. Но Гроувнора особенно заинтересовало обращение Мортона к некзиализму как к последней инстанции.

— Зайдель, дайте нам психологическую оценку случившегося,— обратился Мортон к главному психологу.

— Чтобы нейтрализовать это существо, необходимо прежде всего хорошенько разобраться в том, что оно собой представляет. У него есть руки и ноги, и все же оно плавает в открытом космосе и остается живым. Оно позволяет посадить себя в клетку, зная при этом, что клетка для него не препона. Затем оно выскальзывает сквозь дно клетки, что очень глупо с его стороны, если оно не хочет, чтобы мы знали об этой его способности. Но не бывает так, чтобы разумное существо совершало ошибки, не имея на то причин, и тут есть основательная причина. Отталкиваясь от этой причины, мы сможем догадаться, например, о том, откуда оно происходит, и проанализировать, как оно оказалось здесь. Смит, откройте нам глаза на его биологическое устройство.

Поднялся долговязый и унылый Смит.

— Мы уже говорили о его планетарном происхождении. Безусловно, исключительным свойством является его способность жить в космосе, если это вообще результат эволюции. Я полагаю, что это представитель расы, которая решила для себя все биологические проблемы. И сейчас, когда мы приступаем к его поискам, зная, что оно может сбежать от нас сквозь любую стену, я со своей стороны могу посоветовать только одно: обнаружьте его и при первой возможности убейте.

— Э...— протянул Келли. Социологу было за сорок, из-под лысого черепа смотрели большие, умные глаза.— Э... любое существо, способное жить в космосе, в вакууме, становится хозяином Вселенной. Такие могут поселиться на любой планете, загадить целую галактику. Они могут стаями плавать в космосе. Но нам точно известно, что его раса пока не наводнила район нашей галактики. И над этим парадоксом стоит поразмыслить.

— Я не совсем вас понял, Келли,— перебил Мортон.

— Очень просто, э... раса, которая решила все проблемы биологического развития, должна быть намного старше человеческой. Ей ничего не стоит адаптироваться к любой окружающей среде. Согласно закону движения жизни эта раса будет стремиться захватить самые дальние пределы вселенной, к чему, собственно, стремится и человек.

— Тут есть противоречие,— возразил Мортон,— и оно, кажется, позволяет доказать, что эта тварь не такое уж сверхсущество. Корита, что по этому поводу говорит исторический опыт?

Японец пожал плечами, но встал и сказал:

— Боюсь, в данном случае я мало чем могу помочь. Вы знакомы с широкоизвестной теорией о том, что жизнь в своем развитии совершенствуется — как бы ни понимали само понятие «совершенствуется»,— и совершенствуется циклически. Каждый цикл начинается с крестьянина, чьи корни тесно связаны с землей. Со временем крестьянин приходит на рынок, затем, очень нескоро, рынок перерастает в город, его связь с землей постепенно ослабевает. Возникают новые и новые города, появляются новые и новые нации. В конечном счете города становятся бездуховными мегаполисами, а нации пускаются в борьбу за владычество. Целая серия ужасных войн ввергает человечество в общество феллахов, общество примитивное, скатывающееся в конце концов к состоянию крестьянского сообщества. Вопрос в том, к какому циклу — крестьянскому или мегаполисов — принадлежит наш пришелец. А может, к какому-то еще?

Он задумался. Гроувнору понравилось, как Корита четко обрисовал циклическое развитие. Каждая цивилизация проходит свои циклы развития, и каждый цикл должен иметь соответственно свои психологические характеристики. Было множество самых разных попыток объяснить феномен, но только старая теория Шпенглера* о жизненных циклах оправдала себя. И вполне вероятно, что Корита в какой-то степени предвидел действия чужака, основываясь всего лишь на своей теории циклов. Он доказал в недавнем прошлом, что его система вполне работоспособна и по части предсказаний. А сейчас у нее было то преимущество, что она была единственно возможным историческим подходом, применимым к данной ситуации.

Мортон прервал тишину.

---

* О. Шпенглер (1880–1936) — немецкий философ.— *Прим. перев.*

— Корита,— сказал он,— какие характерные черты можно предположить в нем, если он представляет культуру мегаполисов?

— Он должен обладать практически непобедимым интеллектом. В собственной игре не допускать никаких ошибок, и победить его можно лишь при таких обстоятельствах, которые он не способен контролировать. Лучше всего тут подошел бы человек,— мягко заметил Корита,— прошедший высший класс подготовки на Земле.

— Но он уже совершил ошибку! — вкрадчиво сказал фон Гроссен.— Он же по-дурацки провалился сквозь пол клетки. Может быть, такая ошибка скорее к лицу крестьянину?

— А правда, если предположить, что он находится на крестьянской стадии? — спросил Мортон.

— Тогда,— ответил Корита,— его побуждения были бы куда проще. Прежде всего у него появилось бы желание обрести потомство во имя продолжения рода. Но допустим, что к этому его побуждению добавляется мощный интеллект, тогда это сверхсущество станет фанатически стремиться к возрождению всей своей расы. И это все,— закончил Корита спокойно,— что можно сказать, исходя из тех данных, которыми мы располагаем.— И он сел на место.

Мортон, стоя все там же, у пульта управления, смотрел в зал на экспертов. Его взгляд остановился на Гроувноре.

— Совсем недавно мне довелось убедиться на собственном опыте, что некзиализм как наука может предложить новые подходы к решению проблем. Больше того, он помогает найти быстрые решения, когда это особенно важно. Гроувнор, пожалуйста, изложите ваш взгляд на существо вопроса.

Гроувнор быстро встал.

— Я попробую дать свое заключение, основанное на моих личных наблюдениях,— начал он.— Я мог бы изложить историю того, как мы вступили в контакт с этой тварью, каким образом из атомного реактора была поглощена энергия, в результате чего нам пришлось остановиться, чтобы заделать дыру в машинном отделении, и еще о многом другом, столь же важном, но прежде чем говорить обо всех этих в конечном счете второстепенных моментах, я бы хотел сказать вам, что мы должны делать, чтобы убить...

Неожиданно его прервали. Полдюжины людей пробились сквозь толпу у дверей. Гроувнор умолк и вопросительно посмотрел на Мортона. Директор в свою очередь повернулся

и посмотрел на капитана Лича. Капитан направился к вновь пришедшим, и Гроувнор увидел среди них Пеннона, главного инженера корабля.

— Закончили, мистер Пеннон? — спросил капитан Лич.

— Да, сэр,— кивнул тот и предостерегающе добавил: — Необходимо, чтобы каждый член экипажа был одет в прорезиненный костюм, обувь и перчатки.

Капитан Лич обратился к присутствующим:

— Дело в том, что мы пустили ток через стены спальных комнат. Может быть, мы не так скоро захватим эту тварь, а потому приняли предосторожности, чтобы не быть убитыми прямо в своих постелях. Мы...— Он внезапно замолчал, затем спросил: — Что там такое, мистер Пеннон?

Главный инженер, глядя на маленький прибор в своей руке, медленно проговорил:

— Мы здесь все, капитан?

— Все, кроме охраны у центра управления и машинного отделения.

— Тогда... тогда кто-то попал в энергетическое поле. Быстро! Надо его окружить!

5

Удар, который получил возвращавшийся после обследования нижних этажей Икстл, был просто сокрушительной силы. Только что он думал об укромном местечке в чреве огромного корабля для своих гуулов, как оказался в центре яростного, брызгающего огненными искрами защитного экрана.

Его мозг агонизировал, разум отказывал. Масса взбесившихся электронов внутри его тела вырвалась на свободу. Они метались из одной системы в другую, будто хотели уединиться, но атомные системы, упорно сражаясь за свою стабильность, жестоко отбрасывали их в сторону. В течение этих бесконечно долгих роковых секунд вся его превосходная, податливая, уравновешенная структура чуть было не рухнула. Спас его коллективный разум его народа, который в свое время предусмотрел возможность подобной опасной ситуации. Искусственно углубляя эволюцию его организма — как и организмов всех его сородичей,— они подумали о возможном столкновении с жесткой радиацией. С быстротою молнии все связи между атомами в его теле распались и вновь возникли в других комбинациях. Образовавшиеся структуры

были более устойчивы к внешнему воздействию. А потом он резко оттолкнулся от стены и оказался вне опасности.

Теперь он думал исключительно о последствиях. Защитный барьер наверняка оснащен сигнализацией тревоги. Это означало, что люди устремятся в прилегающие к заграждению коридоры и попытаются загнать его в угол. Глаза Икстла вспыхнули словно факелы, когда он понял, какой счастливый случай ему представляется. Они бросятся врассыпную, тогда он схватит одного из них, обследует его, а затем использует в качестве первого гуула.

Нельзя было терять ни минуты. Он спрятался в ближайшей незащищенной стене, огромный, горящий, отвратительный призрак. Не останавливаясь, он переходил из одной комнаты в другую, строго придерживаясь направления параллельно главному коридору. Его высокочувствительное зрение позволяло ему сквозь стену следить за смутными фигурками пробегающих мимо людей. Один... два... пятеро в этом коридоре. Пятый немного отстал от остальных. Этого-то ждал и хотел Икстл.

Словно бесплотный дух скользнул он сквозь стену, послав вперед сильный заряд. И вот перед потрясенным человеком возникло вставшее на дыбы чудовище с горящими глазами и отвратительным отверстием-ртом. Он протянул вперед свои горящие четыре руки и с огромной силой стиснул двуногого. Тот согнулся и резким рывком вырвался у него из рук, но чудовище снова схватило его и прижало к полу.

Он лежал на спине, и Икстл видел, как с неровными промежутками открывается и закрывается у него рот. Всякий раз, когда рот открывался, у Икстла по ногам пробегало покалывание. Так отзывалась в его теле вибрация от криков о помощи. С рыком Икстл снова набросился на двуногого и нанес удар по его кричащему рту. Тот мгновенно обмяк, хотя все еще был жив и в сознании, когда Икстл запустил в него свои руки.

Человек, казалось, окаменел. Он перестал сопротивляться. Кроваво-красное цилиндрическое тело склонилось над ним. Расширившимися от ужаса глазами он наблюдал, как длинные, тонкие руки чудовища исчезли у него под рубахой, ощупывая грудь.

Внутри у человека оказалась цельная плоть. Икстл торопился, его руки лихорадочно искали свободное пространство в живой плоти. Он не должен убить жертву раньше времени. Для его целей нужна была только живая плоть.

Скорее! Скорее! Его ноги уже ощущали вибрацию от приближающихся шагов. Они надвигались только с одной стороны, но надвигались довольно быстро. От спешки и волнения Икстл допустил ошибку. Он превратил свои рыскающие внутри тела руки в полутвердые и коснулся ими сердца. Тело человека выгнулось, он задрожал и ушел из жизни.

Секундой позже пальцы Икстла нащупали желудок и кишечник. Он откинулся назад, яростно кляня себя. Здесь было то, в чем он так нуждался, и он собственными руками сделал это бесполезным. Он поднялся, гнев и недовольство собой прошли: не мог же он знать, что эти умные существа так легко расстаются с жизнью. Это меняло и упрощало его задачи. Ясно стало, что это они находятся в его власти, а не он — в их. Надо было просто соблюдать осторожность...

Двое с вибраторами наизготовку выскочили из-за угла и... замерли на бегу при виде призрака, склонившегося над их мертвым товарищем. Но едва они опомнились, как Икстл уже шагнул в ближайшую стену. Какую-то секунду он оставался смутным алым пятном в ярко освещенном коридоре, а затем исчез, будто его здесь никогда и не было. Он ощутил вибрацию от их напрасных выстрелов в стену, сквозь которую прошел.

Теперь у него возник ясный план действий. Он захватит полдюжины этих двуногих и превратит их в своих гуулов. Потом можно будет убить всех остальных, поскольку в них он не испытывал никакой нужды. Сделав все это, он направится к той галактике, куда держит путь этот корабль, а там захватит одну из обитаемых планет. Ну, а после этого господство над всей достижимой для него частью Вселенной станет только делом времени.

Гроувнор и еще несколько человек стояли у настенного коммуникатора, наблюдая за теми, кто толпились вокруг мертвого техника. Он и сам хотел бы находиться там, но добираться туда пришлось бы несколько минут, в течение которых он был бы отрезан от происходящего. Он предпочел остаться возле коммуникатора, чтобы все слышать и видеть.

Ближе всех к видеокамере и менее чем в трех шагах от доктора Эггерта, склонившегося над трупом, находился Мортон. Чувствовалось, как он напряжен. Челюсти его были крепко сжаты. Заговорил он очень тихо, и тем не менее слова рассекли тишину, как удар хлыста.

— Так что там, доктор?

Врач поднялся с колен и повернулся к директору. Его лицо появилось на экране коммуникатора. Гроувнор видел, что доктор хмурится.

— Паралич сердца.

— *Паралич сердца?*

— Представьте себе, представьте себе.— Доктор поднял руки, словно защищаясь.— Знаю, знаю. Зубы будто ударом вогнали в череп. А сердце у него превосходное, уж я-то знаю, не раз обследовал его. И все же по всем признакам — паралич.

— Я могу в это поверить,— угрюмо проговорил один из присутствующих.— Когда я выскочил из-за угла и увидел этого зверя, у меня у самого чуть не случился разрыв сердца.

— Мы теряем время.— Гроувнор узнал голос фон Гроссена, а потом и увидел его рядом с Мортоном. Ученый продолжал: — Мы можем достать этого парня, но не разговорами о нем и не впадая в транс всякий раз, когда он что-нибудь выкинет. Если в списке его жертв я следующий, то хочу быть уверенным, что лучшая, черт побери, во всей нашей системе команда ученых не оплакивает мою судьбу, а шевелит мозгами над задачей, как отомстить за меня.

— Вы правы.— Это был Смит.— Беда в том, что мы ощущаем свою неполноценность в сравнении с ним. Он находится на корабле меньше часа, но совершенно ясно, что кто-то из нас будет убит. Я готов принять удар на себя. Но давайте как следует подготовимся к бою.

— Мистер Пеннон, это задача для вас,— задумчиво произнес Мортон.— Полы на тридцати уровнях нашего корабля занимают площадь в две квадратные мили. Сколько потребуется времени, чтобы зарядить каждый их дюйм?

Главный инженер был вне поля зрения видеокамеры, и Гроувнор не видел его, хотя надо было бы видеть выражение его лица. Голос офицера, ответившего Мортону, был голосом человека, поверженного в ужас от услышанного.

— Мне ничего не стоит разнести корабль в щепы за какой-нибудь час. Но то, что вы предлагаете, убьет все живое на борту.

— А не могли бы вы, мистер Пеннон, конденсировать побольше энергии хотя бы в этих стенах? — спросил Мортон.

— Нет,— стоял на своем главный инженер,— стены не выдержат. Они просто расплавятся.

— Стены не выдержат! — выдохнул кто-то.— Сэр, представляете, что это значит для этого гада?

Гроувнор видел на экранах, как напряглись лица людей. Угрожающее молчание нарушил голос Кориты:

— Директор, я наблюдаю за вами у экрана коммуникатора в контрольном пункте. К нашему представлению об этом чудовище как о сверхсуществе я хочу кое-что добавить: давайте не будем забывать, что он вляпался в энергетическое поле и выскочил из него настолько напуганный, что даже не попытался проникнуть в наши спальные комнаты. Я намеренно пользуюсь словом «вляпался». Его действия снова доказывают, что он способен на ошибки.

— Это напомнило мне ваше утверждение о психологических особенностях, присущих представителям различных циклов развития. Давайте предположим, что он крестьянин своего цикла,— проговорил Мортон.

Ответ Кориты был решительным для человека, отличавшегося осторожностью.

— Тогда он не в состоянии понять силу организации. Он в любом случае будет считать, что стоит ему расправиться с людьми, и корабль окажется в его власти. Он не берет в расчет, что мы — часть великой галактической цивилизации. Ум крестьянина очень индивидуалистичен, даже архаичен. Его стремление к самовоспроизведению — это определенная форма эгоизма, стремление продлить свой род, свою кровинку. Это чудовище, если оно из крестьян, скорее всего захочет, чтобы таких, как оно, стало много, чтобы у него появились соратники в битве против нас. Он любит общество, но не терпит вмешательства. Любое организованное общество выше крестьянской общины, потому что их община не более как союз против всех, не входящих в нее.

— Свободного союза этих пожирателей энергии с меня вполне достаточно! — возразил один из техников.— Я... А-а-а!

Его слова перешли в вопль. Нижняя челюсть отвисла. Глаза, которые Гроувнор хорошо видел на экране коммуникатора, едва не вылезли из орбит. Все, кто был рядом с орущим техником, отпрянули назад.

В самом центре экрана возник Икстл.

6

Кроваво-красным привидением стоял он среди них, алым огнем светились его яркие, беспокойные глаза. Он уже не боялся этих существ, он уже составил свое мнение об этих двуногих и, презирая их, знал, что в любой момент может

нырнуть в ближайшую стену, так что они не успеют разрядить в него ни один из своих вибраторов.

А пришел он сюда за своим первым гуулом. Выхватив его из самого центра группы, он до известной степени деморализует каждого, кто находится на борту.

Наблюдая эту сцену, Гроувнор чувствовал, как волна чего-то иррационального накатила на него. Всего несколько человек видны были на экране. Фон Гроссен и еще два техника стояли ближе других к чудовищу. Мортон оказался прямо за спиной фон Гроссена, а за одним из техников виднелся Смит. И все они выглядели ничтожно слабыми рядом с большим, толстым цилиндром-чудовищем, возвышавшимся над ними.

Молчание прервал Мортон. Он намеренно отвел руку от ложа своего вибратора и твердо сказал:

— Не пытайтесь набрасываться на него. Он движется молниеносно. И он не появился бы здесь, если бы думал, что мы можем расстрелять его из бластера. Кроме того, нельзя допустить нашего поражения. Возможно, это наш единственный шанс.— И уже тоном приказа продолжил: — Все вспомогательные отряды, расположенные выше, ниже и вокруг этого коридора, слушайте мою команду! Несите все самые тяжелые и средние огнеметы и сжигайте дотла стены. Оставьте свободную тропу вдоль коридора и держите ее под прицелом, чтобы смести до основания это пространство! Действуйте!

— Прекрасная мысль, директор! — На экране коммуникатора появилось лицо капитана Лича, на мгновение заслонив и Икстла и всех остальных.— Мы все сделаем, если вы удержите там это исчадие ада хотя бы минуты три.

Лицо его исчезло так же неожиданно, как и появилось.

Гроувнор оставил свой наблюдательный пункт. Он прекрасно понимал, что оказался слишком далеко от того места, где ему, некзиалисту, следовало быть. Он не входил ни в какую вспомогательную команду и теперь решил присоединиться к Мортону и к тем, кто находился в опасной зоне.

Пробегая мимо многих коммуникаторов, он услышал советы, которые давал Корита:

— Мортон, воспользуйтесь случаем, но не очень рассчитывайте на успех. Заметьте: он появляется второй раз, а мы не готовы к встрече с ним. Неважно, намеренно или случайно он так действует. В результате получается — что бы он там ни замышлял, мы действуем в спешке, бросаясь из

стороны в сторону без всякого толка. Иными словами, пора собраться с мыслями.

Гроувнор спустился на лифте и выскочил наружу.

— ...Я убежден,— доносилось из коммуникатора,— что корабль обладает такими огромными ресурсами, что способен победить любое существо,— я, конечно, имею в виду одну особь.

Если Корита и сказал что-то еще, то Гроувнор больше его не слышал. Он обогнул угол коридора — там впереди были люди и Икстл. Он увидел, что фон Гроссен, написав что-то в своем блокноте, выступил вперед и протянул листок Икстлу. Пришелец какое-то мгновение колебался, потом взял его. Бросив взгляд на листок, он с рычанием отступил на шаг.

— Какого дьявола вы делаете?! — закричал Мортон.

Фон Гроссен усмехнулся.

— Я просто показал ему, как мы с ним расправимся,— мягко успокоил он Мортона.— Я...

Он замолк на полуслове.

Гроувнор все еще находился позади остальных, так что все случившееся наблюдал как зритель.

Мортон, вероятно, догадался, что сейчас должно произойти, и сделал шаг вперед, инстинктивно пытаясь заслонить своим большим телом фон Гроссена. Рука с тонкими проволокообразными пальцами отбросила директора назад, на стоявших сзади. Он упал, увлекая за собой остальных. Быстро поднявшись, он схватился за вибратор, но так и застыл, держа его в руке.

Будто сквозь искажающее стекло видел Гроувнор цилиндр, державший в огненно-красных руках фон Гроссена. Физик весом в сто двадцать фунтов напрасно дергался и извивался в его объятиях. Гроувнор не мог разрядить свой вибратор в тварь, остерегаясь задеть фон Гроссена. Да и мысль о том, что выстрел из вибратора, если он не может поразить насмерть даже человека, вряд ли окажет сильное действие на гада, заставила его в этот страшный миг попытаться получить информацию от фон Гроссена. С тревогой в голосе он позвал физика:

— Фон Гроссен, что вы ему показали? Как мы можем уничтожить его?

Фон Гроссен услышал его — он повернул в его сторону голову, но это было последним, что он успел сделать. В следующий миг произошло нечто совершенно безумное. Тварь прыгнула и исчезла в стене, продолжая сжимать в руках

физика. На секунду Гроувнору показалось, что зрение обманывает его. Но нет, помимо его самого и одиннадцати других растерянных, в испарине, людей, в коридоре была только гладкая, цельная, блестящая стена.

— Мы пропали! — прошептал один из них.— Если он может и нашу структуру изменять и протаскивать нас сквозь плотную материю, нам нечего сражаться с ним.

Гроувнор заметил, что это замечание разозлило Мортона. Это была злость человека, пытавшегося сознательно сохранить присутствие духа даже при чрезвычайных обстоятельствах. Директор гневно произнес:

— Пока мы живы, мы будем сражаться с ним! — Он подошел к коммуникатору и спросил: — Капитан Лич, как обстановка?

После небольшой паузы на экране появилось лицо командира корабля.

— Никак,— кратко доложил тот.— Лейтенанту Клею показалось, что этот краснорожий провалился сквозь пол. Так что район поисков можно ограничить нижними уровнями. А в остальном... мы занимали свои позиции, когда это случилось. Вы дали нам слишком мало времени.

— Мы тут ни при чем,— мрачно отозвался Мортон.

Гроувнору показалось, что заявление директора не совсем справедливо. Фон Гроссен ускорил события, показав твари диаграмму. Это был типичный для человека самонадеянный поступок. Более того, он лишний раз доказывал, что специалист в одной области науки, действуя единолично, не способен к интеллектуальному согласию с другими учеными. В основе поступка фон Гроссена лежали взаимоотношения людей вековой давности. Они имели смысл на ранних стадиях развития наук. Но на сегодняшний день в них было мало толку: каждый шаг вперед требовал познаний и координации многих наук.

Кроме того, Гроувнор сомневался, действительно ли фон Гроссен нашел технические приемы, чтобы уничтожить чудовище. Какую бы картинку ни нарисовал фон Гроссен, она ограничивалась знаниями в области физики, а для успеха этого было недостаточно.

Заговорил Мортон, и Гроувнор целиком переключил свое внимание на него.

— Мне хотелось бы знать, что нарисовал и показал чудовищу фон Гроссен.

Гроувнор подождал, не выскажется ли кто-нибудь. Когда никого не нашлось, он произнес:

— Пожалуй, у меня есть версия, директор.

— Давайте, слушаем вас,— проронил Мортон.

— Единственный способ привлечь внимание чуждого разума — это показать ему символ, общий для всей Вселенной. А раз фон Гроссен — физик, его выбор должен был говорить сам за себя.

Он намеренно остановился и посмотрел на окружавших его людей. Гроувнор понимал, что все это выглядит мелодрамой, но был вынужден так поступать. Несмотря на дружеские отношения с Мортоном и события, связанные с Райимом, он не был еще на корабле признанным авторитетом, так что было бы лучше, чтобы решение пришло в голову не ему одному.

— Ну-ну, молодой человек, не испытывайте нашего терпения,— поторопил его Мортон.

— Атом...— сказал Гроувнор.

На лицах окружающих отразилось разочарование.

— Но это же бессмысленно,— удивился Смит.— Почему вдруг атом?

— Не просто атом, конечно,— ответил Гроувнор.— Держу пари, что фон Гроссен нарисовал модель атома металла, из которого сделан корпус корабля.

— Вы попали в точку! — вскричал Мортон.

— Минуточку,— произнес с экрана коммуникатора капитан Лич.— Признаюсь, я не дока в физике и хотел бы знать, о чем идет речь.

Мортон объяснил:

— Гроувнор имел в виду, что на нашем корабле только в двух местах имеется сверхпрочный материал — это наружная поверхность и центр управления. Вспомните, когда мы захватили эту тварь, она проскользнула сквозь пол клетки, но не смогла одолеть металл, из которого сделано покрытие корабля. А уж когда она кинулась к открытому люку, чтобы проникнуть внутрь корабля, это стало вполне очевидным. Поразительно, как это до сих пор никто из нас не сумел додуматься до этого.

— Но если фон Гроссен показал этому гаду суть нашей обороны, не мог ли он заодно описать энергетические заслоны, установленные в стенах спальных комнат и в других переборках корабля? Ведь такая версия тоже не исключена.

Мортон вопросительно взглянул на Гроувнора.

— К тому времени это чудовище уже имело дело с энергетическими экранами в стене и сумело выжить. А фон Грос-

сен явно считал, что придумал что-то новое. Кроме того, изобразить на бумаге силовое поле можно только с помощью уравнения, а в него входят математические символы.

— Что ж,— сказал капитан Лич,— весьма резонное объяснение. Значит, на борту корабля есть по крайней мере одно помещение, где мы можем чувствовать себя в полной безопасности,— это центр управления, ну, и не столь надежная защита — энергетические экраны в стенах нашего спального отсека. С этого часа всему персоналу корабля надлежит находиться только в защищенных местах, исключение составят те, кто получит специальное задание и разрешение.— Он повторил свой приказ по второму коммуникатору и добавил: — Руководители отделов, приготовьтесь отвечать на вопросы, связанные с вашей специальностью. Особые обязанности возлагаются на людей со специальной подготовкой. Мистер Гроувнор, прошу вас считать себя принадлежащим к этой категории. Доктор Эггерт, используйте там, где это необходимо, противосонные таблетки. Никто не должен спать, пока эта тварь не умрет!

— Прекрасная работа, капитан! — тепло сказал Мортон.

Капитан Лич кивнул и исчез с экрана.

— А что будет с фон Гроссеном? — робко спросил один из техников.

— Единственный способ помочь ему — это уничтожить захватившее его чудовище,— сурово заявил Мортон.

7

В этом громадном зале с гигантскими машинами люди казались карликами. Гроувнор каждый раз невольно моргал, когда вспышка какого-то неземного голубого света озаряла свод потолка. К тому же все время слышался мощный гул, который действовал на нервы не меньше, чем голубые вспышки. Он был как будто спрессован в ограниченном пространстве. Иногда раздавался грохот, похожий на раскаты далекого грома,— все это было эхом непостижимо мощного потока энергии.

Полет продолжался. Скорость корабля все возрастала. «Гончая» все быстрее рассекала черную бездну, отделяющую спиральную галактику, крошечным атомом которой была Земля, от другой галактики почти таких же размеров. И самая большая, самая подготовленная исследовательская экспедиция из когда-либо предпринятых в Солнечной системе оказалась сейчас на краю гибели.

Гроувнор знал это наверняка. Тут был не Керл с его сверхтренированным телом и даже не опасность, грозившая им с планеты Райим. После их первой неудавшейся попытки установить контакт. Гроувнор сумел взять под контроль все последующие действия.

Красная тварь, без всяких сомнений, принадлежала к высшему классу.

Капитан Лич, а за ним и Мортон поднялись на нижний ярус центра управления. Директор сжимал в руке пачку исписанных листков, разделенную надвое указательным пальцем. Оба — Мортон и Лич — внимательно изучили листки, после чего директор сказал:

— Это наша первая передышка с тех пор — подумать только, прошло всего два часа! — как это существо попало на корабль. Мы с мистером Личем ознакомились со всеми предложениями руководителей отделов. Эти рекомендации мы условно разделили на две части. Одну из них — теоретическую — мы решили отложить на потом. Другую же, содержащую практические планы действий против нашего врага, мы решили рассмотреть первоочередно. Не ошибусь, если скажу, что все мы прежде всего хотели бы знать, что предлагается для поисков и спасения фон Гроссена. Мистер Зеллер, ознакомьте собравшихся с вашими соображениями.

Вперед вышел проворный молодой человек лет под сорок. Он стал во главе металлургического отдела после гибели Брекенриджа.

— Открытие, что чудовище не может проникать сквозь определенные сплавы, навело нас на мысль создать из соответствующего материала специальный скафандр. Мой помощник уже приступил к работе над ним, и, если не произойдет никаких сбоев, скафандр должен быть готов через час. В крайнем случае, при затруднениях, часа через три. Поиск фон Гроссена мы, естественно, проведем, используя флюоритовую камеру. Если кто-нибудь хочет высказаться...

— А почему не сделать несколько таких скафандров? — спросил кто-то.

— Нас ограничивает запас необходимого на то материала. Мы могли бы сделать и больше, но для этого следует применить трансмутацию, а в нашем отделе всегда не хватало людей. Нам повезет, если за то время, которое я назвал, мы управимся с одним скафандром.

Вопросов больше не было. Зеллер исчез в машинном отделении, примыкающем к центру управления.

Мортон поднял руку и, когда снова наступила тишина, сказал:

— Что касается меня, я буду чувствовать себя лучше от сознания, что твари придется все время передвигаться вместе с фон Гроссеном, чтобы мы не могли его найти.

— Откуда вы знаете, что фон Гроссен жив? — спросил кто-то.

— Потому что эта тварь могла взять с собой тело ранее убитого им человека, но не сделала этого. Мы зачем-то нужны этому существу живыми. В записке Смита есть ключ к разгадке, но она во второй пачке рекомендаций, и мы обратимся к ней позднее.— Он помолчал, потом продолжил: — У меня тут есть два плана, как уничтожить чудовище. Один из них предложен двумя сотрудниками из отдела физики, второй — Эллиотом Гроувнором. Мы с капитаном Личем, главным инженером Пенноном и группой экспертов обсудили оба предложения и пришли к выводу, что идея Гроувнора слишком опасна для людей, так что этот план останется в качестве запасного варианта. А к выполнению плана физиков, если не будет возражений, мы готовы приступить немедленно. В него включены и внесенные при обсуждении дополнения. Хотя обычно мы предпочитаем, чтобы каждый сам изложил свои идеи, для экономии времени я позволю себе сделать это вместе с уже принятыми поправками экспертов. Два физика,— Мортон заглянул в бумагу,— Ломас и Хайндли, полагают, что выполнение их плана рассчитано на то, что чудовище не помешает нам работать с энергетическими установками. Если это существо согласно теории мистера Кориты о цикличности истории, принадлежит к крестьянам, то можно рассчитывать, что оно настолько сосредоточилось на своих «кровных» проблемах, что не уделяет внимания действиям противников. Основываясь на таком допущении, мы намерены создать защитное поле вокруг отсека, заключенного между седьмым и девятым уровнями. И наши расчеты строятся вот еще на чем: пока это чудовище не предпринимало сознательных попыток убивать людей. Оно не поняло еще, что должно расправиться с нами, иначе мы расправимся с ним. Но рано или поздно тварь поймет, что нас надо перебить всех до одного. Если она даст нам осуществить наш план, мы поймаем ее на восьмом уровне между двумя превращенными в защитные экраны этажами. Там, когда ему некуда будет податься, мы его и разыщем. Надеюсь, мистер Гроувнор согласен, что это менее рискованный план,

чем тот, что предложил он, а потому должен быть использован первым.

Гроувнор сглотнул комок в горле и, поколебавшись, сказал:

— Если речь идет о степени риска, то почему бы всем нам не собраться в этом зале и не подождать, пока наш враг не подберет к нему ключ и не настигнет нас здесь? Не думайте, пожалуйста, что я хочу протолкнуть свою идею. Но что касается меня...— Он помолчал, потом, словно бросившись в воду, решился: — Я считаю, что предложенный план никуда не годится.

Мортон вначале как будто даже стушевался, потом нахмурился.

— Это ваше окончательное мнение?

— Насколько я могу судить,— сказал Гроувнор,— это не первоначальный, а исправленный вариант плана. Что из него изъято?

— Физики,— сказал Мортон,— предлагали защитить четыре уровня: седьмой, восьмой, девятый и десятый.

Снова Гроувнор испытал неуверенность — он не хотел быть слишком критичным. Ведь если он чуть перегнет, они в один прекрасный момент вообще перестанут спрашивать его мнение. И он вынужденно согласился:

— Да, это лучше.

Из-за спины Мортона капитан Лич обратился к Пеннону:

— Мистер Пеннон, объясните, почему вы не советуете устанавливать защиту больше чем на двух уровнях.

Главный инженер хмуро выступил вперед:

— Основная причина в том, что это отнимет у нас еще три часа, а нам сейчас дорога каждая секунда. Если бы не фактор времени, было бы много лучше экранировать все полы и стены корабля, разумеется, строго контролируя их — бесконтрольная энергизация равнялась бы самоубийству. Вот тогда ему некуда было бы деться. Но на это нам потребуются все пятьдесят часов. Есть еще одна причина торопиться: этой твари для чего-то нужны люди, и она будет рыскать по кораблю в поисках жертвы, а схватив одного из нас, устремится вниз вместе с ним. Нам же необходимо дать этому человеку шанс выжить. В течение трех часов, нужных для подготовки и осуществления видоизмененного плана, мы будем бессильны перед ним, одна надежда — на сверхмощные переносные вибраторы и огнеметы. Внутри корабля мы не можем пользоваться атомным оружием, но даже с названными выше средствами обороны следует обращаться с осторож-

ностью, чтобы не повредить человеку. Каждому из нас придется рассчитывать на себя и свой вибратор. Мы заговорились тут! Пора приступать к действиям! — сказал он и отступил назад.

— Не будем так спешить,— расстроенно проговорил Лич.— Я хочу еще раз услышать возражения Гроувнора.

— Если бы у нас было время,— сказал Гроувнор,— было бы интересно посмотреть, как эта тварь ведет себя в защищенных энергией стенах.

Кто-то заметил раздраженно:

— Это не аргумент. Если тварь попадет в ловушку между двумя защищенными уровнями, тут ей и придет конец. Они же для нее непроницаемы, это-то мы знаем.

— Ничего этого мы не знаем,— сердито возразил Гроувнор.— Напротив, нам известно, что, угодив в защитное поле в стене, тварь сумела оттуда выбраться. Мы предполагаем, что ей это не понравилось, и ясно к тому же, что долго оставаться в энергетическом поле она не может. И тем не менее я утверждаю, что эта гадина сумеет ускользнуть из всех ловушек, какие у нас есть.

— Джентльмены, почему же мы не обсудили этого? Это очень весомое возражение.— Капитан Лич был явно смущен.

— Я хотел пригласить Гроувнора на обсуждение,— объяснил Мортон,— но меня не поддержали: по старой традиции автор рассматриваемого предложения не должен присутствовать на совете. По этой же причине не позвали и физиков.

— Боюсь, Гроувнор не понимает, что он наделал,— откашлявшись, произнес Зайдель.— Все мы были абсолютно уверены в том, что защитный экран — вершина научных достижений человечества — непреодолим для любого нашего врага. Мне лично это давало чувство уверенности и безопасности. И вот Гроувнор заявляет, что это чудовище может преодолеть и экран.

— Я не говорил, что внешний экран проницаем, мистер Зайдель,— поспешил возразить Гроувнор.— Действительно, можно быть уверенным, что через него враг не пройдет. И основанием для такой уверенности является хотя бы то, что чудовище выжидало за его пределами, пока мы сами не пронесли его сквозь экран на корабль. Но энергизированные полы, о которых мы сейчас ведем речь,— преграда гораздо более слабая.

— Так что же, по-вашему,— сказал психолог,— эксперты не понимают разницы между этими видами защиты? Но из

этого следует, что если принимаемые меры неэффективны, то мы пропали!

Спор устало прервал капитан Лич.

— Боюсь, мистер Зайдель очень точно охарактеризовал наши слабые места. Напомню, что и я высказывал подобные мысли.

— Может быть, стоит послушать альтернативный план мистера Гроувнора? — послышался голос Смита.

Капитан Лич взглянул на Мортона, тот помолчал, а потом неуверенно проговорил:

— Он предлагает всем нам разделиться на столько групп, сколько имеется на борту атомометов...

— Атомная энергия — внутри корабля?! — потрясенно воскликнул кто-то из физиков.

Шум в зале продолжался не меньше минуты. Когда он затих, Мортон заговорил как ни в чем не бывало:

— В данный момент у нас сорок одна такая установка. Если мы примем план Гроувнора, возле каждого атомомета будет находиться ядро из военного персонала, в то время как мы, остальные, рассеемся по всему кораблю в качестве приманки, но каждый в зоне досягаемости установки. Стрелять по противнику будут даже в том случае, если на линии огня окажется один или несколько из нас.— Мортон покачал головой.— Возможно, это самый эффективный план из всех предложенных. Но его жестокость ошеломила всех нас. Сама мысль стрелять в своих хотя и не нова, но поражает куда глубже, чем, как мне кажется, может себе представить мистер Гроувнор. Ради справедливости должен заметить, что была еще одна причина, из-за которой ученые проголосовали «против». Капитан Лич поставил условие, чтобы те, кто будет выполнять роль подсадной утки, не имели оружия. Для большинства из нас это требование неприемлемо: каждый человек имеет право на самозащиту.— Директор поморщился.— Сейчас я все же выступаю за предложение Гроувнора, но против условия, выдвинутого капитаном Личем.

При первом же упоминании об условии командира Гроувнор повернулся и взглянул ему в глаза. Ответный взгляд капитана был мрачным, но твердым.

— Думаю, капитан, нужно пойти на риск,— нарочито громко сказал Гроувнор.

Командир корабля слегка наклонил голову.

— Хорошо, я снимаю свое условие,— сказал он.

Гроувнор заметил, что быстрый обмен репликами между ним и капитаном удивил Мортона. Директор недоуменно

переводил взгляд с одного на другого. Смятение появилось на его мужественном лице. Он спустился по узкой металлической лесенке и подошел к Гроувнору.

— По совести говоря,— тихо проговорил он,— я не догадывался, чего он добивается. По-видимому, он считает, что в обстановке кризиса...— Мортон замолчал и повернулся, чтобы взглянуть в лицо капитана Лича.

— Пожалуй, он понял, что допустил ошибку,— примирительно сказал Гроувнор.

Мортон кивнул, неохотно соглашаясь с ним.

— В чем-то он, может быть, и прав,— сказал он.— Инстинкт самосохранения способен подавить все остальные чувства и мысли. Но,— добавил он нахмурившись,— об этом лучше помолчать, а то еще оскорбим кого-нибудь из ученых, а на корабле и так атмосфера не из лучших.

Он повернулся к собравшимся.

— Джентльмены,— решительно заявил он,— по-моему, достаточно ясно, какой план действий предложил мистер Гроувнор. Всех, кто за него, прошу поднять руки.

К большому разочарованию Гроувнора, поднялось не более пятидесяти рук. Поколебавшись, Мортон продолжил голосование:

— Поднимите руки все, кто «против».

На этот раз рук поднялось с десяток.

Мортон поманил человека из первого ряда.

— Вы не голосовали ни «за», ни «против». В чем дело?

Тот пожал плечами.

— Держу нейтралитет. Я не могу принять ту или другую сторону, так как недостаточно разбираюсь.

— А вы? — спросил Мортон еще одного человека.

— А как быть со вторичным облучением? — ответил тот вопросом на вопрос.

— Мы его блокируем,— вмешался капитан Лич.— Мы герметически перекроем весь участок.— Затем он обратился к Мортону: — Директор, не понимаю, в чем задержка. Результат голосования очевиден: пятьдесят девять против четырнадцати в пользу проекта Гроувнора. Поскольку мои полномочия в отношении ученых ограничены даже в условиях кризиса, я рассматриваю это голосование как решающее.

Мортон, казалось, растерялся.

— Но,— возразил он,— почти восемьдесят человек воздержались от голосования.

— Это их личное дело.— Слова капитана прозвучали очень официально.— Надо думать, взрослые люди должны знать, чего они хотят, на том стоит демократия. Так что я приказываю начинать операцию немедленно!

Мортон явно колебался.

— Что ж, джентльмены, я вынужден согласиться,— помедлив, произнес он.— Думаю, всем нам надо приступить к выполнению своих обязанностей. Понадобится время для установки атомометов, так что приступайте к энергозащите седьмого и девятого уровней. Насколько я могу судить, оба проекта можно осуществить параллельно и использовать их в зависимости от того, как будут развиваться события.

— Теперь понятно,— с явным облегчением заключил кто-то из присутствующих.

Предложение, казалось, устраивало большинство. Люди немного расслабились, послышались шутки. Постепенно зал пустел. Гроувнор обратился к Мортону:

— Это был гениальный ход! Я был настолько против их проекта, что не мог додуматься до подобного компромисса.

Мортон с печалью в голосе откликнулся на похвалу:

— Я держал его про запас. Из своего общения с людьми я вынес, как важно не только решить проблему, но и ослабить напряженность среди тех, кто ее решает.— Он нахмурился.— Во время опасной и трудной работы раскованность играет весьма важную роль.— Он протянул Гроувнору руку.— Ну, желаю удачи, молодой человек. Надеюсь, вы выйдете из игры целым и невредимым.

Они пожали друг другу руки, и Гроувнор поинтересовался:

— Сколько времени займет установка атомометов?

— Около часа, может, чуть больше. А пока надо установить для защиты большие вибраторы.

Новое появление двуногих заставило Икстла перебраться вверх, на седьмой уровень. Довольно долго пролетал он уродливой тенью через толщу стен и полов. Дважды его заметили и направили на него оружие, воздействие которого отличалось от воздействия ручных вибраторов, с которыми он уже имел дело, как смерть от жизни. Оно разрушало стены, в которые он нырял. Один раз луч коснулся его ноги. Горячая волна, вызванная вибрацией молекулярного смещения ударила с такой силой, что он захромал. Правда, менее чем за секунду нога восстановилась, но он понял, что тело

его чувствительно к воздействию этих мощных переносных установок.

И все же он не насторожился. Быстрота реакций, хитрость, точный расчет времени и места — все эти преимущества должны были свести на нет действие нового оружия двуногих. Важнее было понять, что они делают. Ясно же, что, заперевшись в центре управления, они обдумывали какой-то план, за осуществление которого теперь так рьяно взялись. Блестящими, немигающими глазами Икстл наблюдал, как этот план воплощается в жизнь.

Во всех коридорах хозяева корабля суетились вокруг «печей» — приземистых, толстых сооружений из черного металла с отверстием в верхней части, которое изрыгало белое, яростное пламя. Видимо, яркие вспышки огня ослепляли двуногих, так как обычно прозрачный материал их скафандров был затемнен. Толстые агрегаты постоянно производили длинные, тускло поблескивающие полосы материи. Эти ленты подхватывали металлорежущие машины, точно по размеру разрезали ленту, и куски ее шлепались на металлический пол. Ими покрывали всю поверхность, не пропуская, как отметил Икстл, ни дюйма. Как только горячая полоска оказывалась на полу, массивные рефрижераторы плотно прижимали и охлаждали ее.

Сначала его сознание отказывалось верить в результаты своих наблюдений. Он заставлял себя поглубже разобраться в том, что стоит за действиями двуногих, в коварстве которых не сомневался, что за цели они претворяют в жизнь. Однако в конце концов он решил, что все обстоит именно так, как он это видит. Они просто устанавливали в полах на двух уровнях защитные поля. Позже, когда двуногие поймут тщетность попытки устроить ему ловушку, они придумают что-нибудь еще. Важно было не прозевать тот момент, когда система станет опасной для него. А тогда он, следуя за ними, одним махом порвет все эти энергетические связи.

Икстл с презрением выкинул эту проблему из головы. Люди были всего лишь игрушками в его руках, сами облегчали ему захват гуулов, в которых он так нуждался. Свою очередную жертву он отбирал очень внимательно. Изучив организм случайно убитого им человека, он понял, что для его целей больше всего подходят желудок и кишечный тракт. Так что само собой выходило, что лучше всего, если это будут те, у кого большой живот.

Предварительно осмотрев место действия, он бросился вперед. Прежде чем атомомет направили на него, Икстл уже

исчез вместе с извивающимся, сопротивляющимся телом. Было совсем просто изменить свою и жертвы атомную структуру, чтобы просочиться сквозь пол, потом сквозь следующий потолок вниз, прямо в огромный корабельный трюм. Он мог это проделать гораздо быстрее, но боялся повредить человеческое тело.

Теперь трюм был ему хорошо знаком, так что он уверенно ступал по полу. При первом же осмотре корабля он тщательно обследовал его. И хорошо изучил дорогу, по которой двигался сейчас и которую проложил, когда нес фон Гроссена. Он безошибочно продвигался вперед по полутемному помещению, направляясь к дальней стене. Большие тюки и коробки громоздились до самого потолка, и он или проходил сквозь них, или обходил стороной, как ему больше нравилось, пока не оказался в большой трубе. Диаметр ее был достаточно велик, он мог там даже стоять. Это была секция тянувшейся на много миль системы кондиционирования воздуха.

Для человеческого глаза тут было довольно темно, но для его органов зрения, воспринимавших инфракрасное излучение, освещение было достаточным. Он видел тело фон Гроссена и новую жертву положил рядом с ним. Потом очень осторожно он сунул одну из своих проволокообразных рук в собственную грудь, вынул драгоценное яйцо и поместил его в желудок человека.

Человек все еще сопротивлялся, но Икстл спокойно ждал того, что должно было произойти. Постепенно тело человека замирало. Мышцы становились жесткими, неподвижными. В отчаянии человек резко дернулся и выпрямился, очевидно осознав, что к нему подкрадывается паралич. Икстл безжалостно придавил его к полу и держал до тех пор, пока не завершилось необходимое химическое воздействие на его организм. И вот человек уже замер в полной неподвижности. Открытые глаза смотрели в одну точку, на лбу выступили капельки пота.

Через несколько часов яйца в желудках людей должны были проклюнуться. Миниатюрные дубликаты самого Икстла должны были развиться до максимального размера. Икстл покинул трюм и направился наверх в поисках других инкубаторов для своих яиц, других гуулов.

К тому времени, когда он захватил третьего пленника, люди работали на девятом уровне. Жара волнами распространялась по коридору. Адова жара. Даже персональные реф-

рижераторы не справлялись с перегретым воздухом. Люди обливались потом даже под скафандрами. Ослабленные жарой, полуослепшие, они трудились почти механически.

Вдруг человек, работавший рядом с Гроувнором, закричал:

— Вон они!

Гроувнор повернулся в том направлении, куда показывал кричавший, и замер. Машина, что двигалась прямо на них, была невелика. Шар с карбидо-вольфрамовой оболочкой имел сопло. Он был установлен на платформе, которая катилась на четырех резиновых колесиках.

Все, кто был здесь, побросали работу. Люди с побледневшими лицами смотрели на металлическое чудище. Неожиданно один из них подскочил к Гроувнору.

— Будь ты проклят, Гроув,— гневно бросил он ему в лицо.— Это на твоей совести. Если такая штука меня облучит, имей в виду, я не промахнусь, тебе не сдобровать!

— Я тоже буду здесь! — жестко оборвал его Гроувнор.— Если погибнешь ты, погибну и я.

Слова Гроувнора, казалось, несколько охладили разгневанного, но в его тоне все-таки оставалась угроза.

— Ну и чертова мерзость эта штука! Неужели нельзя было придумать что-нибудь получше, чем превращать людей в подсадных уток?

— Ну, есть и другой путь,— ответил Гроувнор.

— Какой же?

— Самоубийство! — совершенно серьезно сказал Гроувнор.

Техник ошеломленно посмотрел на него и отошел, бормоча себе под нос что-то о глупых шутках и слабоумных шутниках. Гроувнор грустно ухмыльнулся и снова приступил к работе. Он почти тут же заметил, что у людей опустились руки. Тревога передавалась от одного другому. Неудачное слово или поступок одного взвинчивали всех.

Они были приманкой. Каждый на свой лад, но все так или иначе реагировали на смертельную опасность. Никто не был защищен, а стремление выжить было в крови у каждого. Хорошо подготовленные, тренированные военные под руководством капитана Лича выстроились в бесстрастную линию обороны, но внешнее бесстрашие скрывало тревогу в сердцах. Лишь немногие, настроенные подобно Эллиоту Гроувнору, были убеждены в правильности принятых мер, и они были готовы на все.

— Весь персонал, внимание!

Гроувнор вместе с остальными подскочил при звуках этого голоса. Говорил капитан Лич.

— На седьмом, восьмом и девятом уровнях все атомометы находятся на своих позициях. Думаю, вам приятно будет узнать, что я обсуждал с моими офицерами, как можно избежать опасности, сопряженной с применением этого оружия. Рекомендуем следующее: как только увидите этого гада, не тяните, не оглядывайтесь по сторонам — немедленно бросайтесь на пол. Всем командам атомометов прямо сейчас установить прицел на 50:1,5. Это даст вам защитное пространство в полтора фута. Таким образом вы избежите прямого облучения. Правда, от вторичного вы не будете защищены, но можно смело утверждать, что, вовремя бросившись на пол, поможете доктору Эггерту и его персоналу сохранить вам жизнь. Они будут работать в центре управления кораблем. А в заключение,— уже более спокойно, поскольку его главная задача была выполнена, добавил капитан Лич,— позвольте заверить вас, что дезертиров на борту корабля нет. Каждый из нас находится в одинаковой опасности, кроме врачей и трех тяжелобольных. Мы с директором Мортоном будем в разных группах: директор Мортон на седьмом уровне, мистер Гроувнор, чей план мы осуществляем, на девятом. Удачи вам, джентльмены!

Некоторое время все сохраняли молчание, потом командир их подразделения произнес:

— Эй, парни! Наши орудия уже на прицеле. У вас все будет в порядке, только не мешкайте — шлепайтесь сразу на палубу!

— Спасибо, друг! — отозвался Гроувнор.

Все вздохнули с облегчением. Сотрудник биоматематико-логического отдела попросил:

— Гроув, скажи ему еще что-нибудь ласковое.

— Я всегда любил военных,— поддержал его товарищ по группе. Намеренно с хрипотцой в голосе он громко сказал, обращаясь к солдатам: — Именно поэтому вы должны будете задержаться на ту самую секундочку, которая мне понадобится.

Гроувнор почти не слышал разговора. Приманка, подумалось ему опять. И ни одна группа не будет знать, что другую настигла беда. При «критическом выстреле» — так теперь называлась критическая масса энергии, которую развивает крошечный реактор,— луч вырвется из сопла без всякого взрыва. Вокруг будет нарастать жесткая беззвучная и невидимая радиация. Когда все кончится, выжившие сообщат об

этом капитану Личу по прямому каналу связи. Командир известит об этом остальных.

— Мистер Гроувнор!

Столь резкий вызов застал Гроувнора врасплох, и он инстинктивно бросился на пол, сильно ударившись при этом. Но тут же вскочил, узнав голос капитана Лича.

Остальные тоже удрученно поднимались на ноги. Один из них выругался:

— Черт бы их побрал, нельзя же так!

Гроувнор подошел к коммуникатору. Краем глаза он смотрел вдоль коридора.

— Да, капитан?

— Будьте добры, спуститесь на седьмой уровень. В центральный коридор. Встреча в девять часов.

— Да, сэр.

Гроувнор отправился выполнять приказ с чувством страха в душе — что-то настораживающее было в голосе капитана.

Зрелище, которое предстало перед ним, было ужасным. Он увидел опрокинутое набок орудие. Рядом с ним лежали мертвые, до неузнаваемости обожженные трое солдат орудийной команды. Дальше на полу корчился и извивался четвертый — похоже, они пострадали от вибратора.

Чуть поодаль от орудия, без сознания или мертвые, лежали еще человек двадцать, и среди них — директор Мортон.

Подручные Эггерта в защитных одеждах носились по коридору, подбирая пострадавших, и на грузовом тягаче увозили их в центр управления.

Спасательные работы велись уже несколько минут, так что, возможно, часть потерпевших уже взял под свою опеку доктор Эггерт.

Возле барьера, установленного у поворота в другой коридор, Гроувнор увидел капитана Лича. Командир был бледен, но спокоен. За несколько минут Гроувнор узнал, что произошло.

Чудовище появилось как всегда неожиданно. Молодой техник — капитан Лич не стал называть его имени — в панике забыл, что надо броситься на пол. Когда сопло пушки неумолимо пошло вверх, истеричный юноша выстрелил в орудийную команду из вибратора. По-видимому, и солдаты немного замешкались, увидев техника на линии огня. И в следующее мгновение каждый из них получил свою порцию. Трое упали на орудие и опрокинули его. Оно покатилось в сторону и повлекло за собой четвертого солдата. К несчастью, он крепко держал в руке активатор и тут же нажал на него. Три его товарища находились перед самым соплом, они скончались мгновенно. Орудие все катилось по коридору и снесло целую стену.

Мортона и его группу, хотя они были вне линии огня, настигла вторичная радиация. Говорить о степени поражения было рано, но по меньшей мере в течение года им предстояло находиться в постели — таковы были предварительные итоги. Возможно, некоторым из них грозила смерть.

— Мы немного промедлили,— признался капитан Лич.— Все произошло, по-видимому, через несколько секунд после моего выступления, но, наверно, прошла еще минута, прежде чем те, кто слышал выстрел, проявили любопытство и заглянули за угол.— Он тяжело вздохнул.— Погибло все подразделение, такое мне не снилось и в самом кошмарном сне.

Гроувнор промолчал. Вот почему капитан Лич настаивал на том, чтобы ученые не имели при себе оружия. В критическом положении любому человеку свойственно защищаться. Иначе он не может. Подобно животному, он борется прежде всего за свою жизнь.

Гроувнор старался не думать о Мортоне, который понимал, что ученые не примут его проекта, если их оставить без оружия, и он придумал такой modus operandi*, который привел всех к согласию на применение атомного оружия.

— Зачем вы позвали меня? — жестко спросил он капитана.

— Мне кажется, что это поражение касается и всего вашего проекта. Как вы думаете?

Гроувнор вынужден был согласиться.

— Пропал эффект неожиданности. Он не должен был знать, что его ожидает, если он выходит на группу. Теперь тварь станет осторожнее.

Он представил себе, как красное чудовище высовывает из стены свою голову, осматривает коридор, а затем смело выходит возле самого орудия и хватает одного из орудийной команды. Единственное, что в таком случае остается, это поставить второй атомомет для защиты первого. Но об этом не приходилось и мечтать: на весь корабль был всего сорок один исправный атомомет.

— Захватил он еще кого-нибудь? — опустив голову, спросил Гроувнор.

---

* Образ действий *(лат.)*.

— Нет.

Снова Гроувнор промолчал. Как и все на корабле, он мог только гадать, зачем этой твари живые люди. Одна из догадок основывалась на теории Кориты: если это существо принадлежит к крестьянам, главное для него — самовоспроизводство. Последствия были чудовищными: тварь явно охотилась за все новыми жертвами.

— Насколько я могу судить,— проговорил капитан Лич,— это чудище снова поднимется сюда. Я считаю, нужно оставить орудия там, где они есть, пока мы не обеспечим защиту трех уровней. На седьмом работы уже завершены, девятый — почти закончили, так что можно переходить к восьмому. Пока мы будем осуществлять наш план, чудовище, боюсь, будет обладать тремя пленниками, не считая фон Гроссена. Каждый раз после набега он со своей жертвой устремлялся вниз. Я предлагаю, как только все три уровня будут задействованы, всем нам собраться на девятом и там ждать его появления. Когда он захватит одного из нас, мы пережидаем одну секунду, и затем мистер Пеннон опускает рычаг и включает энергетическое поле на всех трех уровнях. Тварь проникнет на восьмой уровень и обнаружит, что пол находится под действием силового поля. Если чудовище попытается пройти сквозь защитное поле, на седьмом уровне оно столкнется с той же проблемой. А если попробует подняться наверх, упрется в девятый. Куда бы оно ни сунулось, везде его ждет двухуровневый барьер.— Командир помолчал, задумчиво глядя на Гроувнора, потом спросил: — Я знаю, вы считаете, что один уровень его не убьет. А что вы думаете о двух?

После минуты колебания Гроувнор ответил:

— Принимаю ваш план. Мы ведь можем только догадываться, как это подействует на тварь. Возможно, все мы будем приятно удивлены.

Сам он в это не верил. Но в такой ситуации приходилось считаться с еще одним фактором: убеждением и надеждой людей. Лишь действительное событие может повлиять на убеждения многих на корабле. Когда их убеждения придут в противоречие с действительностью, тогда, и только тогда, можно считать, что эмоционально они готовы для более крутых решений.

Гроувнор подумал еще, что медленно, но верно он учится влиять на людей. Для этого мало иметь точную информацию и знания, мало быть правым. Людей нужно уговаривать, убеждать. Порой это требует больше времени, чем отпущено обстоятельствами. А иногда этим пренебрегают вообще. И тогда гибнут цивилизации, проигрываются сражения, погибают корабли всего лишь из-за того, что человек или группа людей, обладающих спасительной идеей, не затруднили себя долгой и нелегкой процедурой убеждения своих коллег, товарищей. Сделай он уже это, ничего подобного не произошло бы.

— Атомометы могут оставаться на местах,— сказал он,— пока мы готовим экраны. А потом их нужно будет убрать, иначе при включении поля они сработают сами и просто взорвутся.

Он намеренно отказался от своего плана в битве против врага.

8

Дважды за последние два часа сорок пять минут поднимался Икстл на восьмой уровень. У него осталось шесть яиц, четыре из них он собирался использовать. Его раздражало то, что теперь все больше времени уходило на каждого гуула. Защита от него становилась все активнее, а атомометы вынуждали его охотиться за теми, кто был непосредственно при них.

Однако с каждым набегом Икстл все искуснее рассчитывал время и добивался успеха. Это было необходимо, необходимо было и прежде всего покончить с размещением яиц, а уж потом он займется людьми.

Когда работы на восьмом уровне были закончены и были убраны орудия, все собрались на десятом уровне. Гроувнор услышал, как капитан Лич отрывисто произнес:

— Мистер Пеннон, вы готовы включить систему?

— Да, сэр.— Голос инженера немного дрожал.— Пропало пять человек. А теперь не поздоровится по крайней мере еще одному.

— Вы слышите, джентльмены? Еще одному не поздоровится. Еще один из нас станет приманкой, хочет он того или нет.— Это был знакомый голос, но долгое время его не было слышно. Он мрачно продолжал: — Говорит Грегори Кент. Мне очень жаль, что приходится общаться с вами из безопасного центра управления. Доктор Эггерт велит мне еще неделю оставаться на положении больного. Капитан Лич передал мне бумаги директора Мортона, и я попросил бы мистера Келли рассказать о том, что происходит. Это долж-

но прояснить весьма важное обстоятельство. В конце концов, мы должны знать даже худшее...

— Э...— Каркающий голос социолога прозвучал в коммуникаторах.— Я так скажу: когда мы впервые обнаружили это существо, оно плавало в космосе в четверти миллиона световых лет от ближайшей галактики, по всей видимости лишенное всяких средств передвижения. Только представьте себе это жуткое расстояние и посчитайте, сколько времени и энергии надо на то, чтобы переместить чудище в такую даль! Лестер подсчитал вероятность этого, и теперь пусть он расскажет вам то, о чем поведал мне.

— Говорит Лестер. Большинство из вас знакомы с широко распространенной теорией происхождения Вселенной. Принято считать, что она возникла в результате гибели предыдущей вселенной несколько миллиардов лет назад. Считается также, что наша Вселенная через несколько миллиардов лет закончит свой цикл и взорвется в очередном катаклизме. О том, каким будет этот катаклизм, можно только догадываться. В ответ на просьбу Келли я предлагаю вам такую версию. Предположим, что чудовище выбросило в космос чудовищной мощи взрывом. И оно вдруг обнаружило, что несется в открытом пространстве и у него никакой возможности повернуть. При таких обстоятельствах он мог плавать в космосе до бесконечности, так и оставаясь вдали от ближайшей галактики. Келли, вы это хотели от меня услышать?

— Ага... Да. Большинство из вас, возможно, вспомнят, что я еще раньше говорил о парадоксе, который заключается в том, что при столь высоком уровне развития, которым обладает это существо, его раса не заселила всю Вселенную. Но постепенно, логически рассуждая, я пришел к выводу, что его раса должна была господствовать над Вселенной и она господствовала над ней. То есть она господствовала над предыдущей Вселенной. И вполне естественно теперь это чудовище полагает, что его род должен захватить нашу Вселенную. Так, по крайней мере, выходит согласно нашей теории.

Снова заговорил Кент:

— Я уверен, все наши ученые понимают, что эти рассуждения построены если не на песке, то близко к тому, хотя знать их необходимо. Думаю, что правильно видеть в своем враге существо, принадлежащее к высшей расе. Не исключено, что его сородичи оказались в столь же жалком состоянии. Нам остается только надеяться, что никакой корабль

не окажется поблизости от этого существа. Биологически эта раса может находиться впереди нас на миллиарды лет. Из этого следует, что справедливо будет потребовать от каждого из нас предельных усилий и самопожертвования...

Ужасный вопль прервал его слова:

— Спасите! Скорее! Вытаскивает из скафандра! — и закончился хрипом.

— Это Дэк,— воскликнул Гроувнор,— помощник руководителя геологов.

Он сказал это машинально. Он узнавал теперь людей по голосам почти моментально.

Тут же по коммуникатору раздался другой голос:

— Тварь уходит! Я видел, как она ринулась вниз!

— Включить защиту! — спокойно и твердо прозвучал голос Пеннона.

Гроувнор поймал себя на том, что с любопытством смотрит себе под ноги. Там мерцал яркий голубой свет. Маленькие щупальца огня метнулись на несколько дюймов вверх по его прорезиненному костюму. Нависла тяжелая тишина. Он невольно глядел вдоль коридора, освещенного неземным голубым огнем. Ему казалось, что он смотрит в самые глубины корабля. Но тут послышался голос Пеннона, почему-то он говорил шепотом:

— Если план удался, то теперь мы держим дьявола на восьмом или седьмом уровне.

Капитан Лич привычно отдал команду:

— Все, чьи фамилии начинаются на буквы от «а» до «л», следуйте за мной на седьмой уровень! Группа от «м» до «я» — за мистером Пенноном на восьмой! Персонал, обслуживающий атомометы, остается на местах! Команда, занимающаяся покрытием, продолжает действовать согласно инструкции!

Люди, спешившие впереди Гроувнора, встали как вкопанные на втором повороте седьмого уровня. Гроувнор протиснулся вперед и застыл над распростертым на полу телом. Сверкающие щупальца голубого огня буквально прижимали его к металлическому полу. Молчание нарушил капитан Лич:

— Унесите его!

Вперед выступили двое и коснулись тела. Голубое пламя перебросилось на них, словно пытаясь напасть. Они резко подняли тело, дьявольские узы разорвались, и они подняли его на десятый уровень, где не было энергозащиты. Отправился следом и Гроувнор и молча наблюдал, как осторожно

укладывали тело на пол. Оно еще несколько минут подрагивало под воздействием остаточной энергии и успокоилось наконец в объятиях смерти.

— Жду отчета! — жестко потребовал капитан Лич.

После секундной паузы ответил Пеннон:

— В соответствии с планом по всем трем уровням были расставлены люди. Они вели безостановочное наблюдение. Если чудовище появится где-то здесь, его непременно увидят, но на это, возможно, уйдет минут тридцать.

Минут через двадцать прозвучал новый рапорт:

— Никого! — Голос Пеннона выдавал разочарование.— Командир, должно быть, чудовище смоталось.

В ответ по всей сети связи пронесся жалобный вопрос:

— А что же, что мы будем делать теперь?

И Гроувнору показалось, что в этих словах отразились боль и сомнения каждого члена экипажа «Космической гончей».

9

Молчание затягивалось. Такие говорливые обычно начальники отделов и служб корабля сейчас будто языки проглотили. Гроувнора самого поверг в дрожь возникший в его уме новый план. Но роковая реальность требовала действий. Он выжидал. Не его дело начинать разговор.

Затянувшуюся паузу прервал Кент.

— Оказывается, наш враг может пройти сквозь энергетически защищенные стены и полы, как и сквозь обычные. Мы можем как угодно долго рассуждать на тему, как он отнесся к нашему эксперименту, но совершенно очевидно, что он так легко и быстро восстанавливает свои органы, что, по-видимому, не ощущает, пролетел ли он сквозь один или сквозь два пола.

— Я бы хотел услышать мистера Зеллера,— сказал капитан Лич.— Где вы сейчас, сэр?

— Я здесь, капитан! Я закончил специальный скафандр и теперь начал поиски в трюме корабля.

— Сколько понадобится времени, чтобы сделать такие скафандры для каждого члена экипажа?

Зеллер медлил с ответом.

— Для этого придется построить производственный цех,— сказал он наконец.— Понадобится оборудование, с помощью которого можно будет создать специальные приспособления для того, чтобы из любого металла можно было делать скафандры в достаточном количестве. Одновременно нам придется воспользоваться одним из атомных реакторов для специальной обработки металлов — только тогда они станут пригодными для таких скафандров. Как вам, по-видимому, известно, в таком скафандре можно продержаться в радиоактивной среде пять часов, а это немало... Думаю, что первый специальный скафандр сойдет с конвейера примерно через двести часов.

Гроувнор подумал про себя, что двести часов — это по самым скромным подсчетам. Вряд ли так скоро обычный металл можно превратить в столь специфичный.

Слова металлурга повергли капитана Лича в уныние.

— Тогда нечего об этом и говорить! — прозвучал голос Смита.— А поскольку полная экранизация корабля потребует много времени, если она вообще возможна, у нас и шансов-то не остается.

Обычно медлительный голос Гурли на сей раз прозвучал как удар хлыста:

— Как это нечего говорить! Мы пока еще живы. Предлагаю приступить к работам и каждому сделать все, что в его силах, и настолько быстро, насколько сумеем.

— Откуда вы знаете, что монстр не сокрушит и специально изготовленный защитный металл? В физике он явно разбирается лучше нашего. Вполне вероятно, что он способен создать такие разрушительные лучи, перед которыми не устоит ни один из наших материалов. Вспомните, как киса распылила наш защитный металл. А еще одному небу известно, какие механизмы и материалы находятся в наших лабораториях...

— Так что ж, по-вашему, пойдем сдаваться? — презрительно прорычал Гурли.

— Нет! — гневно возразил биолог.— Я призываю вас к здравому смыслу. Не надо слепо выполнять бесполезную, бесцельную работу!

Конец этой словесной дуэли положил Корита.

— Я склоняюсь в пользу предложения Смита,— сказал он.— Я уже говорил, что мы имеем дело с существом, которое прекрасно понимает, что нам нельзя позволить предпринять что-либо значительное. И оно непременно внесет свои поправки в то, что мы затеем,— например, в подготовку защитного поля на всем пространстве корабля.

Капитан Лич все еще хранил молчание. Из центра управления снова раздался голос Кента:

— Как вам кажется, что тварь предпримет, если поймет, что наша оборонительная тактика опасна для нее?

— Начнет убивать. У меня нет никаких предложений, кроме одного: собраться всем в центре управления. Но, как и Смит, я уверен, что через какое-то время чудовище проникнет и туда.

— Нет ли у вас каких-либо предложений на этот счет? — спросил капитан Лич.

— Если честно, то нет. Разве что... Нам не следует забывать, что мы имеем дело с разумным существом, которое, по нашим представлениям, относится к крестьянской стадии исторического развития и поэтому его земля и он сам — или, говоря более абстрактно, его имущество и его потомство — являются для него святынями. Он будет слепо сражаться против вторжения в его святыни. Он, подобно аграрию, привязал себя к кусочку пространства-имущества, пустил корни и холит-лелеет продолжение своего рода...— Корита помолчал, потом добавил: — Таковы вкратце мои соображения. Но как использовать его слабости, я сейчас сказать не могу.

— Я тоже не вижу, как это может нам помочь,— согласился капитан Лич.— Может быть, каждый руководитель отдела посоветуется сейчас со своими коллегами? Рапорт о всех сколько-нибудь стоящих идеях я жду через пять минут.

Гроувнор, у которого не было ни помощников, ни подчиненных, попросил:

— Нельзя ли мне задать несколько вопросов мистеру Корите, пока идут переговоры?

— Если никто не возражает, пожалуйста,— кивнул капитан Лич.

Возражений не последовало.

— Можно вас побеспокоить, мистер Корита? — спросил Гроувнор.

— А кто это?

— Гроувнор.

— О да, мистер Гроувнор. Теперь я узнал ваш голос. Прошу вас.

— Вы упомянули о том, что крестьянин с почти бессознательным упорством цепляется за свой клочок земли. Если наше существо находится на этой стадии цивилизации, способно ли оно представить себе, что у нас может быть иное отношение к своей собственности?

— Абсолютно уверен, что не способно.

— И существо будет строить свои планы, исходя из убеждения, что мы от него никуда не денемся, так как не сможем расстаться со своим кораблем?

— Да, и он прав, мы действительно не можем покинуть корабль.

Гроувнор настойчиво продолжал:

— Но мы-то с вами принадлежим к другой стадии развития, и чувство собственности мало что значит для нас. Мы ведь не станем слепо цепляться за нее?

— Я никак не могу понять, куда вы клоните,— заявил явно озадаченный Корита.

— Я пытаюсь логически развить ваши мысли и применить их к нынешней ситуации.

— Мистер Гроувнор,— вмешался капитан Лич,— я, кажется, ухватил, к чему вы ведете. Вы готовы предложить новый план действий?

— Да...— Голос Гроувнора дрогнул.

— Мистер Гроувнор,— голос капитана Лича был суровым,— если я правильно вас понял, ваше предложение опирается на отвагу и воображение? Попрошу вас разъяснить его всем,— он посмотрел на часы,— до истечения пятиминутного срока.

После короткой паузы снова послышался голос Кориты:

— Мистер Гроувнор, вы совершенно правы. Мы можем принести эту жертву без душевных терзаний. И это единственное решение!

Минутой позже Гроувнор представил свой анализ обстановки всем участникам экспедиции. Когда он закончил, первым отозвался Смит, причем почти шепотом:

— Гроувнор, вы совершенно правы! Это означает, что жертвами станут фон Гроссен и четверо с ним. Это означает, что каждый из нас приносит себя в жертву. И все равно — вы правы! Собственность — это не святыня для нас. А что касается фон Гроссена и четырех парней, то у меня не было возможности сообщить вам о своем докладе Мортону. Я провел параллель с поведением некоторых видов ос на Земле. Если я прав, то это настолько ужасно, что смерть для этих людей явится избавлением от мучений.

— Оса! — крикнул кто-то.— Согласен с вами, Смит. Чем скорее они умрут, тем лучше для них и хуже для чудовища.

— Все — в центр управления! — скомандовал капитан Лич.— Мы...

В коммуникаторе раздался быстрый, возбужденный голос. Прошла томительная секунда, прежде чем Гроувнор определил, что он принадлежит Зеллеру.

— Капитан! Скорее пошлите людей с атомометами в трюм! Я нашел их в трубе системы кондиционирования воздуха. И тварь тут, я ее удерживаю своим вибратором. Это не приносит ему особого вреда, так что спешите!

Словно пулеметная очередь посыпались команды капитана, в то время как люди кинулись к лифтам:

— Всем сотрудникам научных отделов — в выходные шлюзы! Военному персоналу — за мной, в грузовые лифты! Возможно, нам не удастся поймать или убить его в трюме. Но, джентльмены...— в голосе его появились решимость и отчаяние,— мы избавимся от этого чудовища, чего бы это нам ни стоило! Пришло время не думать о самих себе!

Икстл невольно отступил, когда человек стал вытаскивать его гуулов. Впервые острый страх поражения, подобно бесконечному мраку космоса, затмил его разум. Его первым побуждением было ринуться в самую гущу этих двуногих и разделаться с ними со всеми. Но воспоминание о мерзких сверкающих орудиях охладило его пыл. Он отступил с предчувствием беды. Он упустил инициативу. Они найдут теперь его яйца и, уничтожив их, погубят его надежды продолжить свой род, обрести новые силы с появлением других икстлов.

С этой минуты у него оставалась лишь одна цель: он должен убивать, и только убивать. Теперь он недоумевал, почему начал с воспроизведения себе подобных, а не с первоочередного и потратил столько драгоценного времени. Но необходимо оружие, с помощью которого можно было бы убивать и сокрушать все на своем пути. После минутного размышления он устремился в ближайшую лабораторию. Такого жгучего желания убивать он никогда еще не испытывал.

В то время как он работал, склонившись над машиной, его ноги вдруг ощутили, что в нестройной симфонии колебаний, обычной для корабля, что-то изменилось. Он оставил работу и выпрямился. И тут понял, в чем дело. Замолчали двигатели корабля. Гигантский космический корабль прекратил свое безудержное движение вперед и залег в черных глубинах пространства. Безотчетное чувство тревоги охватило Икстла. Его длинные проволокообразные пальцы метались подобно молниям, когда он в бешеной гонке проделывал сложнейшие операции, соединяя тонкие сочленения.

Внезапно он снова застыл. Обострилось ощущение чего-то неладного, опасного. От напряжения свело мышцы ног. И он понял, что это было: он больше не чувствовал вибрации от их движения.

Они покинули корабль!

Икстл отбросил свое почти законченное оружие и скользнул сквозь ближайшую стену. Он знал точно, что избежать гибели мог только в бесконечной тьме космоса.

Икстл рвался сквозь пустынные комнаты и коридоры, *наливаясь ненавистью, алое чудовище с древнего, очень* древнего Глора. Светящиеся стены, казалось, смеялись над ним. Весь этот корабль, так много суливший ему, теперь стал местом, где в любую секунду мог разразиться кромешный ад. С облегчением он увидел впереди выходной шлюз. *Прорвался сквозь первую секцию, вторую, третью — и оказался* в космосе. Он понимал, что люди ждут его появления, поэтому с огромной силой оттолкнулся от корабля. Он чувствовал, что становится все легче, по мере того как его тело стрелой удаляется от корабля в бесконечную черную тьму.

Свет в иллюминаторах корабля погас, зато вспыхнуло таинственное голубое сияние. Сначала оно охватило всю огромную поверхность корабля, а потом медленно, как бы нехотя, стало бледнеть. Прежде чем оно погасло совсем, вокруг корабля вырос мощный энергетический экран, который навсегда закрыл Икстлу доступ к кораблю. Как только мощные генераторы оправились после выплеска энергии, весело заиграли и засветились огни в иллюминаторах.

Икстл, уже отбросивший себя на десятки миль от корабля, вновь немного приблизился к нему, но с опаской. Теперь, когда он находился в космосе, двуногие могли применить против него атомное оружие и уничтожить без всякой опасности для себя. Он завис примерно в полумиле от экрана. Он видел, как первые спасательные катера вынырнули из тьмы, миновали приоткрывшийся экран и исчезли внутри гигантского корабля. За ними последовала другая флотилия, едва различимая на темном фоне космоса при слабом свете иллюминаторов.

Наконец шлюз закрылся, и без всякого промедления корабль тут же исчез. Только что он был здесь, огромная металлическая сфера, и вот он уже звездочка, летящая к яркому, неправильной формы пятну — галактике, плывущей в бездне протяженностью в миллионы световых лет.

Тоскливо потянулось время, превращаясь в вечность. Икстл распростерся в безграничной ночи, неподвижный, от-

чаявшийся. Он не мог заставить себя не думать о молодых икстлах, которые уже никогда не вылупятся, и о Вселенной, недостижимой теперь для него из-за им же допущенных ошибок.

Гроувнор наблюдал, как электроскальпель в руках искусного хирурга вскрыл желудок пятого пациента. Последнее яйцо уложили на дно глубокого чана из высокопрочного сплава. Яйца были круглыми, сероватыми, одно из них было надтреснуто.

Вокруг чана собралось несколько человек с бластерами наготове. Трещина увеличилась, высунулась мерзкая, круглая, красная голова с глазками-бусинками и хищной щелью рта. Голова извивалась на тонкой, коротенькой шее, а глаза злобно уставились на людей. С поразившей людей быстротой новорожденный освободился от оболочки и попытался выкарабкаться из чана, но гладкие стенки не позволили это сделать. Чертенок сполз вниз и исчез в пламени бластеров.

— А что, если бы он выбрался из чана и скрылся в ближайшей стене? — облизнув пересохшие вдруг губы, спросил Смит.

Никто ему не ответил. Гроувнор видел, что все не отрывают глаз от чана. Яйца медленно таяли под воздействием огня, пока не вспыхнули золотым пламенем.

— Э-э...— протянул доктор Эггерт, колдовавший над телом фон Гроссена, и всеобщее внимание обратилось на него.— Мышцы начинают расслабляться, и глаза становятся осмысленными. Мне кажется, он понимает, что происходит. Это какая-то форма паралича, который вызывает само присутствие чужеродного тела, и теперь, когда яйцо вынуто, паралич постепенно проходит. Серьезных повреждений нет. Он скоро оправится. А что с чудовищем?

— Люди, что находились в двух спасательных катерах, видели, как из главного шлюза вырвалась красная молния в момент, когда мы включили бесконтрольную энергизацию. Должно быть, это был наш закадычный друг, потому что тела его на корабле мы не обнаружили,— ответил капитан Лич.— Во всяком случае, Пеннон со своими людьми рыщут по кораблю с флюоритными камерами, так что через несколько часов мы будем знать наверняка... А вот и инженер. Ну, что там, мистер Пеннон?

Главный инженер положил на стол какой-то странный бесформенный металлический предмет.

— Пока ничего определенного, но вот это я нашел в главной физической лаборатории. Что бы это могло быть?

Гроувнора пропустили вперед, и все сгрудились вокруг стола, стараясь разглядеть находку. Это было хрупкое на вид изделие с хитросплетением проводов и соединений. Три далеко разнесенные трубы могли служить дулами. Они проходили через небольшие шарики, которые светились странным серебристым светом. Свет даже пронизывал стол, как будто он был прозрачным. И самое странное, шарики, словно термические губки, впитывали в себя тепло. Протянув руку к шарику, Гроувнор почувствовал, как она онемела и похолодела, и тут же отдернул ее.

Пеннон кивнул.

— Скорее всего существо трудилось над этой штукой,— предположил Смит,— когда заподозрило что-то неладное. А потом сообразило, что к чему, и покинуло корабль. Это не совсем согласуется с вашей теорией, мистер Корита. Вы утверждали, что, отражая «крестьянскую» психологию, существо не может допустить мысли, что мы решимся на подобный шаг.

На бледном от усталости лице археолога появилась слабая улыбка.

— Мистер Смит,— сказал он вежливо,— в самом деле оказалось, что эта особь обладает воображением. Возможно, ответ на ваш вопрос кроется в том, что эти так называемые крестьяне доросли до понимания аналогий. Ну, а наш алый монстр при всех своих минусах был наиболее высокоразвитым их представителем.

— Хотел бы я поменьше встречать этих крестьян! — простонал Пеннон.— Ведь после трех минут бесконтрольной энергизации нам понадобится по крайней мере три месяца, чтобы хоть как-то привести в порядок корабль. Было такое мгновение, когда я боялся...— Он сделал паузу.

— Я закончу за вас, Пеннон,— с улыбкой продолжил капитан Лич.— Вы опасались, что корабль погибнет совсем. Думаю, большинство из нас понимало, на какой риск мы идем, приняв план Гроувнора. Известно, что антигравитаторы на наших спасательных катерах весьма слабые, так что сидеть бы нам тогда на мели в миллионе световых лет от дома.

— Я вот думаю, что, если бы алая тварь захватила корабль, она отправилась бы на нем покорять Вселенную,— заметил кто-то.— Но оказалось, что человек не так уж плохо устроен, да и упорен к тому же.

— Эти существа уже господствовали во Вселенной и вполне могли бы вернуть себе власть. Вы слишком легко допускаете, что человечество — это образец справедливости, забывая о том, что у него тоже своя история, долгая и жестокая. Человек убивал животных не только ради куска мяса на обед, но еще и для забавы; человек порабощал соседей, убивал себе подобных и испытывал садистскую радость, наблюдая мучения других. Не исключено, что в нашем долгом путешествии мы встретим и других разумных существ, более достойных управлять Вселенной, чем человек.

— Только ради всего святого,— воскликнул кто-то,— больше никаких подозрительных существ не будем брать на борт корабля! Мои нервы на пределе, я уже не тот, каким впервые ступил на борт «Космической гончей».

— Вы сказали за всех нас! — раздался в коммуникаторе голос исполняющего обязанности директора Грегори Кента.

Галактика М-33, туманность Андромеды

1

Гроувнор услышал чей-то шепот, но такой тихий, что он не разобрал слов. За ним последовал вибрирующий звук, такой же тихий и такой же непонятный.

Некзиалист невольно огляделся.

Он был в своей студии, и там, кроме него, никого не было. Гроувнор осторожно подошел к двери, ведущей в аудиторию. Но и там оказалось пусто.

Он вернулся к своему рабочему столу, хмуро размышляя над тем, уж не направил ли на него кто-нибудь энцефалорегулятор. Другого объяснения он не находил. Однако уже в следующее мгновение отказался от него. Ведь его отдел был защищен от воздействия практически всех волн и вибраций. К тому же он слишком хорошо знал, что предшествует возникновению галлюцинаций, чтобы придавать значение этому инциденту.

И все же ради предосторожности он обошел все пять комнат отдела и проверил энцефалорегуляторы. Как им и было положено, они находились в кладовой в законсервированном виде. Гроувнор вернулся в студию и продолжил свои занятия со светогипнотическими вибрациями, создавать которые он научился у райимян.

Вдруг на него накатила волна ужаса. Гроувнор съежился. И тут снова услышал шепот, такой же тихий, но теперь уже сердитый, с явной враждебностью.

Гроувнор ошеломленно выпрямился. И все-таки это мог быть только энцефалорегулятор. Кто-то воздействовал на его

мозг с большого расстояния, используя при этом такой мощный передатчик, что даже надежно защищенные стены отдела не спасали от него.

Лихорадочно размышляя над тем, кто же это мог быть, он в конце концов решил, что след ведет в психологический отдел. Он позвонил туда и попросил кого-нибудь из специалистов. Подошел сам Зайдель и, когда Гроувнор начал рассказывать ему о случившемся, прервал его на полуслове:

— А я как раз собирался связаться с вами. Я думал, это ваших рук дело.

— Вы хотите сказать, что то же самое испытали другие? — Гроувнор говорил медленно, стараясь понять, что за всем этим кроется.

— Меня-то удивляет, что и вам досталось, в вашем-то изолированном от всяких волн отделе,— ответил Зайдель.— Вот уже более двадцати минут ко мне поступают жалобы, коснулось это и моей аппаратуры.

— Какой именно?

— Детектора биоволн мозга, регистратора нервных импульсов и других более чувствительных электронных детекторов. Кстати, Кент собирает совещание в центре управления. Там увидимся.

Но Гроувнор не отпустил его так скоро.

— Выходит, какое-то обсуждение уже было?

— Ну-у-у... мы сделали кое-какие предположения.

— Какие же?

— Мы на подходе к большой галактике М-33. Вот и думаем, не они ли это.

Гроувнор угрюмо ухмыльнулся.

— Вполне реальная гипотеза. Я подумаю над этим, а теперь — до скорой встречи.

— Будьте готовы к ударной дозе, когда выйдете в коридор. Воздействие осуществляется беспрерывно. Звуки, вспышки света, эмоционально действующие шумы — и все это в больших дозах.

Гроувнор кивнул и прервал связь. К моменту, когда он собрался, информация о совещании уже передавалась по кабельному коммуникатору. Открыв дверь в коридор, он понял, о чем предупреждал Зайдель. В ту же минуту он почувствовал воздействие на его мозг. Он даже остановился, стараясь усилием воли подавить действие гипноза, а потом с трудом, полный тревоги, потащился в центр управления.

Некоторое время спустя он уже сидел с остальными в центре управления. Ночь, необъятная ночь космоса, шептала что-то, давила на мчащийся во тьме корабль. Капризная и беспощадная, она одновременно манила и предостерегала о чем-то. То в неистовом восторге посылала божественные трели, то обрушивалась с диким шипением. Она шептала от страха и выла от голода. Билась в смертельной агонии и в экстазе снова возрождалась к жизни. И при всем этом с неизменным коварством грозила чем-то невероятно страшным.

— Есть мнение,— произнес кто-то за спиной Гроувнора,— что пора возвращаться домой.

Он обернулся в поисках говорившего. Но тот больше не прибавил ни слова.

Тем временем исполняющий обязанности директора Кент продолжал смотреть в телескоп, словно не придал значения услышанному или вовсе ничего не слышал. Казалось, в зале никто тоже не обратил внимания на реплику.

В воцарившейся тишине Гроувнор вертел ручку на встроенном в кресло пульте коммуникатора, стараясь увидеть то, на что смотрели в телескоп Кент и Лестер. Появилось размытое изображение галактики, на границе которой находилась «Гончая»; даже самые близкие звезды были так далеко, что в телескопе различались как блестящие точки в конечном витке спирали галактики М-33 — туманности Андромеды, которая была их целью.

Гроувнор оторвал взгляд от экрана одновременно с Лестером.

— В это трудно поверить,— проговорил астроном,— вибрации, которые мы ощущаем, исходят из галактики с миллиардами звезд.— Он помолчал, потом обратился к Кенту: — Директор, мне кажется, что это задача не для астронома.

Кент оставил свой окуляр.

— Все, что касается целой галактики, относится к компетенции астрономии. Или вы потрудитесь назвать другую науку, способную решить эти проблемы?

Лестер ответил не сразу.

— Показания на шкале совершенно фантастические. И все же я полагаю, что мы не можем отнести этого ко всей галактике. Вполне вероятно, что воздействие лучеобразно направлено на наш корабль.

Кент повернулся к тем, кто в удобных креслах расположился напротив впечатляющего разноцветьем огней пульта управления.

— У кого есть идеи или предложения? — спросил он.

Гроувнор посмотрел вокруг в надежде, что тот, кто высказал свое мнение в самом начале, обоснует свою позицию. Но тот молчал.

Между тем люди не спешили высказываться: они не чувствовали той свободы и раскованности, которые были при Мортоне. Так или иначе, но Кент как-то дал понять, что любое мнение, кроме мнений руководителей отделов, для него не существует. Он также явно отказывался признавать отдел некзиализма.

В течение нескольких месяцев Кент с Гроувнором были взаимно вежливы, правда, при чрезвычайно редких встречах. За это время исполняющий обязанности директора, укрепив свое положение в совете, под всякими благовидными предлогами передал своему отделу некоторые функции других отделов, якобы дублирующих его деятельность.

Гроувнор был совершенно уверен, что никто на корабле не поймет его, если он станет толковать, как важно для поддержания морального духа всячески развивать личную инициативу,— его мог бы поддержать только такой же некзиалист, как и он сам. Поэтому он и не пытался что-либо говорить. Но на корабле ввели новые, пусть небольшие, но дополнительные ограничения, а для людей, заключенных в рамки почти тюремного содержания, это было опасно.

Первым на призыв Кента откликнулся откуда-то с галерки биолог Смит. Он сухо заметил:

— Я вижу, как не сидится мистеру Гроувнору. Может, он из вежливости выжидает, пока выскажутся люди постарше его? Мистер Гроувнор, что у вас на уме?

Гроувнор подождал, пока затихнут смешки — Кент не присоединился к смеявшимся,— и сказал:

— Несколько минут назад кто-то в зале предложил повернуть обратно домой. Мне бы хотелось, чтобы сказавший это обосновал свое мнение.

Ответа не последовало. Гроувнор видел, как помрачнел Кент. Все остальные явно ждали продолжения. Не выдержал опять Смит:

— Когда прозвучало это заявление? Я что-то не припоминаю, чтобы слышал подобное.

— И я! — присоединилось еще несколько голосов.

Глаза Кента блеснули. Гроувнору показалось, что Кент предвкушает за всем этим свою личную победу.

— Позвольте мне прояснить этот вопрос,— вмешался он.

— Так было заявление или нет? Кто еще его слышал? Прошу поднять руки.

Рук не поднялось.

— Мистер Гроувнор, что именно вы слышали? — злобно процедил Кент.

Гроувнор четко, не спеша произнес:

— Насколько я помню, слова были следующие: «Есть мнение, что пора возвращаться домой».— Он умолк, но, поскольку комментариев не последовало, продолжил: — Очевидно, это внушение, слова возникли у меня в мозгу под чьим-то воздействием. Что-то или кто-то там, в космосе, настойчиво демонстрирует нам, что он хочет, чтобы мы убирались домой.— Он пожал плечами.— Я, естественно, не считаю, что это было бы единственно правильным решением.

Сдавленным голосом Кент недовольно осведомился:

— Все мы, мистер Гроувнор, пытаемся понять, почему это именно *вы,* а не кто другой слышали это предложение?

И снова в который раз Гроувнор оставил без внимания тон, которым это было сказано, и ответил со всей серьезностью:

— Я сам размышлял над этим. Ничего не могу поделать, но вынужден напомнить вам, что во время райимского инцидента мой мозг довольно длительное время подвергался стимуляции. Возможно, я стал более восприимчив к подобным воздействиям.

И тут он сообразил, что именно благодаря этой обостренной восприимчивости он и услышал шепот, несмотря на защищенность стен своего отдела.

Кент нахмурился, и это не удивило Гроувнора: химик уже изъявил свое недовольство всяким упоминанием о птичьем народе и о том, что они проделали с сознанием членов экспедиции.

— Я уже имел честь собственными ушами слышать ваш отчет о вашем вкладе в этот эпизод,— холодно проговорил Кент.— Если я правильно помню, вы утверждали тогда, что причина ваших успехов в борьбе с райимлянами в том, что они не понимали, как трудно представителю одной формы жизни контролировать нервную систему другой, чуждой ему. Как же теперь вы объясните, что эти там...— он махнул рукой по направлению движения корабля,— добрались до вас и с точностью укола иглой воздействовали именно на те центры, которые воспроизвели их слова предупреждения?

По тому, как самодовольно сказал все это Кент, Гроувнор лишний раз убедился в том, что за низкий он человек, однако ответил спокойно и с достоинством:

— Директор, кто бы ни воздействовал на мой мозг, не следует думать, что он может изъясняться на нашем языке. И своей задачи он практически не решил, раз я единственный на борту, кто воспринял их внушение. А сейчас мне бы не хотелось здесь дискутировать на тему о том, как это я получил послание. Следует разобраться в другом: зачем оно и что нам следует предпринять.

Глава отдела геологии Маккэнн откашлялся и сказал:

— Гроувнор прав. Не лучше ли нам, джентльмены, принять за истину тот факт, что мы вторглись на чужую территорию и хозяева не в восторге от этого?

Кент кусал губы — видно, собирался произнести речь, но заколебался, однако потом все же сказал:

— Считаю, что мы должны с определенной осторожностью подойти к случившемуся и не думать, что имеем достаточно данных для каких-либо заключений. Но я убежден, что мы должны действовать так, как если бы встретились с высшим разумом, превосходящим человеческий.

В зале воцарилось молчание. Гроувнор заметил, что люди незаметно для себя приободрились. Их губы стали тверже, выражение глаз уверенней. Он видел, что и другие заметили эту реакцию.

Социолог Келли мягко произнес:

— Э... я рад... рад, что никто не высказывает желания повернуть назад. Это хорошо. Как слуги нашего народа и нашего правительства, мы обязаны выяснить потенциальные возможности этой галактики, особенно сейчас, когда господствующая здесь форма жизни знает о нашем существовании. Отметьте, пожалуйста, что я поддерживаю предложение директора Кента и его утверждение, что мы имеем дело с разумными существами. Но их способность воздействовать на мозг, пусть даже одного человека, свидетельствует о том, что они наблюдали за нами и знают о нас немало. Мы не можем допустить, чтобы эти знания были односторонними.

Кент вроде бы успокоился, когда заговорил снова:

— Мистер Келли, что вы думаете о пространстве, куда мы устремляемся?

Лысый социолог поправил пенсне.

— Оно... э... оно протяженное, директор. Но этот шепот может быть подобием наших радиоволн, распространяющихся по всей нашей галактике. Они... э... они, возможно,

являются внешними сигналами... э...— Он умолк, но, поскольку замечаний не последовало, продолжил: — Вспомните, ведь человек тоже оставил неизгладимые следы своего пребывания в собственной Галактике. В процессе омолаживания мертвых звезд он зажег как бы искусственные Новые, и они были видны с расстояния до двенадцати галактик. Поменял он и орбиты планет. Воскрешал и покрывал лесами мертвые прежде миры. Там, где под звездами, более жаркими, чем Солнце, лежали безжизненные пустыни, теперь кружат в водоворотах бурные океаны. И разве сами мы и наш огромный корабль, пересекший такие пространства, о которых эти шептуны и мечтать не смеют,— разве все это не доказывает могущество человека?

Следующим выступил Гурли из отдела связи.

— Следы человека едва ли так уж долговечны в масштабах Вселенной. Не понимаю, как вы можете ставить их рядом с этим. Ведь пульсации — они же живые! Это такая сильная, всепроникающая разумная форма жизни, что весь космос вокруг пронизан ее шепотом. Это вам не киса с ее щупальцами и не алое чудовище, не феллахи, прикованные к одной какой-то системе. Это и есть цивилизация всей галактики; и если их спикер предупредил нас...

Будто кто схватил его за горло, Гурли поднял руки, защищаясь. И не один он — то же делали и остальные. Все, кто был в зале, или пригнулись в своих креслах, или едва не свалились с них. Кент судорожным движением выхватил вибратор и направил его на коллег. Инстинктивно пригнувшись, Гроувнор увидел, что трассирующий луч прошел у него над головой.

За спиной раздался дикий вопль, а затем удар, способный, казалось, пробить пол.

Вместе со всеми Гроувнор обернулся и с чувством нереальности происходящего уставился на тридцатифутовую тварь, покрытую панцирем, которая корчилась на полу в двенадцати футах от последнего ряда. Секундой позже красноглазое повторение первого чудовища материализовалось прямо в воздухе посреди зала и шлепнулось на пол в десяти футах от первого. Третье чудовище с дьявольской мордой скатилось со второго, перекувырнулось несколько раз и поднялось рыча.

Не прошло и минуты, как в зале их стало с дюжину.

Гроувнор, выхватив вибратор, разрядил его в одну из тварей. Металлические панцири скрежетали о металлические стены. Стальные когти скребли и стучали по полу.

Теперь уже все палили из вибраторов, но твари продолжали появляться. Гроувнор кинулся к нижней платформе пульта управления. Когда он добрался до яруса, где находился Кент, тот перестал стрелять и гневно заорал:

— Какого дьявола, куда вы прете, трус несчастный?

Он направил свой вибратор на Гроувнора, но тот успел выбить его из рук директора. Кент онемел от ярости. Добравшись до следующего яруса, Гроувнор увидел, что Кент тянется за вибратором. Он не сомневался, что химик намерен сейчас же выстрелить в него. Со вздохом облегчения он дотянулся наконец до рубильника, который включал защитный экран вокруг корабля, и, рванув его на себя, бросился на пол. И как раз вовремя. Светящийся луч ударил в металлическую панель именно туда, где только что находилась его голова. Потом луч пропал. Кент вскочил на ноги и закричал, перекрывая общий рев:

— Я не понял, что вы собирались делать!

Гроувнор остался холоден к его попытке объясниться. Исполняющий обязанности директора полагал, что сумеет оправдать убийство тем, что Гроувнор бежал с поля боя. Гроувнор не желал ни видеть его, ни говорить с ним. Он уже давно не выносил Кента, а теперь убедился окончательно, что этот человек не годится на роль директора экспедиции. Наступало критическое время, а личная неприязнь Кента могла послужить детонатором, способным привести к гибели всего корабля.

Спустившись снова в зал, Гроувнор присоединился к сражавшимся. Боковым зрением он видел, что трое техников устанавливают в боевую позицию огнемет. К тому времени, когда нестерпимое пламя вырвалось из сопла огнемета, существа под воздействием бластеров уже впали в бессознательное состояние, так что добить их не составляло труда.

Когда опасность миновала и к Гроувнору вернулась способность думать, он осознал, что эти чудовища были живьем переправлены на расстояние в сотни световых лет. Это походило на сон, слишком фантастический, чтобы в него можно было поверить.

Но запах горящей плоти был вполне реален, как и струившаяся по полу голубовато-серая кровь, слизью покрывшая пол. Реальными были и дюжина или около того бронированных чешуйчатых туш, валявшихся по всему помещению.

2

Когда Гроувнор снова увидел Кента, тот был сдержанным и четко отдавал приказы по коммуникатору. Вплыли подъемники и стали убирать убитых. Коммуникаторы гудели от сообщений. Постепенно картина прояснялась.

Существа появились только в центре управления. Радар не обнаружил никакого материального объекта типа корабля противника. Расстояние до ближайшей звезды в любом направлении исчислялось не менее чем тысячей световых лет.

Когда эта скудная информация достигла слуха членов экспедиции, по всему залу разнесся ропот.

— Десять световых столетий! — воскликнул штурман Зеленски.— А мы даже сообщения не можем переслать на такое расстояние без ретрансляторов.

В зал поспешно вошел капитан Лич. Он коротко переговорил кое с кем из ученых, а затем созвал военный совет. Он же открыл обсуждение.

— Должен подчеркнуть: мы столкнулись с невероятной опасностью. Мы и наш корабль подверглись нападению враждебной галактической цивилизации. Сейчас мы в относительной безопасности благодаря защитному энергетическому экрану. Но угроза настолько велика, что необходимо строго определить наши задачи. Нужно выяснить, почему нас настойчиво гонят прочь. Надо разобраться в существе грозящей нам опасности, в том, что за интеллект стоит за ней. Я вижу, что главный биолог еще занят обследованием останков недавнего противника. Мистер Смит, что представляют собой эти существа?

Смит отвернулся от тела чудовища, которым занимался.

— Подобных тварей породила и наша Земля в век динозавров,— спокойно сказал он.— Если судить по тем поверхностным исследованиям, которые мы успели провести, умственное развитие этих существ находится на самом низком уровне.

— Мистер Гурли полагает,— произнес Кент,— что этих существ переправили через гиперпространство. Может, попросим его развить эту мысль?

— Мистер Гурли, слово за вами,— поддержал капитан Лич.

Специалист по связи начал в своей обычной медлительной манере:

— Это всего лишь теория, причем довольно скороспелая. Согласно ей Вселенная подобна гигантскому вытянутому

воздушному шарику. Стоит проколоть его оболочку, и он начнет сплющиваться, но одновременно будет затягиваться прокол. Но предмет, который прошел сквозь внешнюю оболочку, совсем не обязательно вернется в ту точку пространства, откуда он начинал свое движение. Предположим, что некто владеет контролем над этим явлением и может использовать его как форму телепортации. Это может показаться фантастикой, но разве оно менее фантастично, чем то, что здесь произошло?

— Трудно поверить, что кто-то может настолько превосходить нас,— с досадой заметил Кент.— Должны существовать какие-то достаточно простые методы решения проблем гиперпространства, человечество просто упустило их из виду. Возможно, мы восполним этот пробел.— Он помолчал, потом обратился к археологу: — Корита, вы что-то стали слишком молчаливы. Что бы вы могли сказать о наших новых врагах?

Археолог встал и развел руками.

— Даже догадки не могу предложить. Прежде чем заниматься поисками аналогий технологического порядка, следовало бы узнать мотивы их нападения на нас. Например, если они хотели таким образом захватить корабль, то нападение на нас в такой форме было ошибкой. А если в их намерения входило желание припугнуть нас, тогда их атака имела необычайный успех.

Заявление Кориты встретили смехом, но Гроувнор заметил, что капитан Лич остался серьезен.

— Что касается мотивов,— медленно проговорил он,— то мне пришла в голову довольно неприятная мысль. А если этот могущественный интеллект, или что там еще, захотел узнать, откуда мы родом? — Он сделал паузу. Судя по напряженной тишине в зале и напряженным позам, слова его произвели впечатление.— Давайте взглянем на это с его... ну да... с его точки зрения. Приближается корабль. В том направлении, откуда он появился, на расстоянии десяти миллионов световых лет существует немалое количество галактик, туманностей, звездных скоплений. Какая из них наша? — В зале воцарилась тишина. Командир повернулся к Кенту: — Директор, если вы не имеете ничего против, я предлагаю обследовать некоторые из планет этой галактики.

— У меня возражений нет. А теперь, если никто...— Гроувнор поднял руку. Но Кент, как бы не замечая ее, продолжал: — Я объявляю совещание...

Гроувнор встал и громко произнес:

— Мистер Кент!

— ...закрытым! — закончил Кент.

Люди, однако, оставались на своих местах. Кент повернулся к Эллиоту и недовольно сказал:

— Прошу прощения, мистер Гроувнор, вам слово.

— Едва ли наш противник,— твердо заявил Гроувнор,— сумеет расшифровать наши символы, тем не менее считаю необходимым уничтожить наши звездные карты.

— Я собирался предложить то же самое,— откликнулся с места фон Гроссен.— Продолжайте, Гроувнор!

Под одобрительный гул зала Гроувнор продолжал:

— Мы убеждены, что наш главный энергетический защитный экран может охранить нас от опасности. У нас нет иной альтернативы, кроме как вести себя так, как если бы это соответствовало истине. Но когда мы опустимся на какую-нибудь планету, наши большие энцефалорегуляторы должны быть наготове, чтобы в случае чего не позволить противнику проникнуть в наши мысли.

И снова аудитория одобрительно зашумела.

— Что-нибудь еще, мистер Гроувнор? — сухо спросил Кент.

— Еще одно общее замечание. Руководителям отделов я рекомендую просмотреть все материалы и подготовить для уничтожения те из них, что могли бы подвергнуть опасности человечество в случае захвата «Гончей».

Время шло, и становилось ясно, что неизвестный разум либо намеренно воздерживается от дальнейших действий, либо их пресекает защитный экран. Во всяком случае, никаких новых инцидентов не произошло.

Где-то далеко мерцали одинокие звезды. Первое большое солнце вынырнуло перед кораблем прямо из тьмы космоса, шар из света и жара на фоне вселенской ночи. Лестер и его коллеги обнаружили в его системе пяти планет. Все их они навестили, одна оказалась обитаемой. Это был мир джунглей, туманов и гигантских животных. Корабль оставил его позади, пролетев довольно низко над кромкой моря и огромным континентом планеты, покрытым болотистыми зарослями. Никаких признаков цивилизации, тем более высочайшего уровня, как следовало ожидать, на планете не было.

«Космическая гончая» миновала еще три сотни световых лет и оказалась у маленького солнца с двумя планетами,

льнувшими к теплу вишнево-красного шара. Одна из них была обитаема, ее населяли ящероподобные существа — единственные владыки здешних джунглей и тумана. Они покинули и ее, после того как низко пролетели над болотистым морем планеты и материком в его бурном развитии.

Теперь звезд стало больше. Они усеивали черную бездну на сто пятьдесят световых лет вокруг. Громадное голубое солнце со свитой почти из двадцати планет привлекло внимание Кента, и быстрый корабль устремился к нему. Семь планет, которые ближе других обращались вокруг солнца, были сущим пылающим адом без всяких надежд на зарождение жизни. Корабль по спирали обошел три обитаемые планеты, расположенные вблизи друг от друга, и снова устремился в межзвездное пространство, не обследовав ни их, ни остальные планеты этой системы. Эти три планеты оказались такими же мирами первобытных джунглей, как и все предыдущие.

Кент снова созвал совещание руководителей отделов и их заместителей. Обсуждение он начал без всяких предисловий:

— Сам я не вижу особых оснований для серьезных разговоров. Но я собрал вас по настоянию Лестера.— Кент ухмыльнулся.— Возможно, ему что-то известно.

Кент сделал паузу, и наблюдавший за ним Гроувнор заметил, что малорослый химик прямо-таки сияет от самодовольной уверенности. В чем тут дело? — подумал он. Ему казалось странным, что исполняющий обязанности директора Кент заранее наперед отрекается от результатов этого совещания.

— Лестер, не подниметесь ли вы сюда и не поделитесь ли своими соображениями? — с подчеркнутым дружелюбием предложил Кент.

Астроном поднялся на нижний ярус. Он был таким же высоким и тощим, как и Смит. Небесно-голубые глаза застыли на его бесстрастном лице. Однако начал он довольно эмоционально:

— Джентльмены,— сказал он,— три идентичные обитаемые планеты в последней солнечной системе представляют собой триплет искусственного происхождения. Не знаю, все ли вы знакомы с современной теорией образования планетарных систем. Те, кто не знаком, могут меня не понять. Так вот, согласно этой теории, гравитационное распределение массы в системе, которую мы только что покинули, противоречит законам динамики. Я с полной уверенностью могу

утверждать, что по крайней мере две из трех обитаемых планет были намеренно перемещены в эту точку пространства. Я считаю, что нам следует вернуться и как следует обследовать их. Создается впечатление, что кто-то намеренно создает первобытные миры, а вот с какой целью — утверждать не берусь.

На этом он закончил свое сообщение и вызывающе посмотрел на Кента. Тот подался вперед и, как-то странно улыбаясь, проговорил:

— Ганли пришел ко мне и потребовал, чтобы я приказал вернуться. Поэтому я и созвал вас, чтобы обсудить и проголосовать его предложение.

Так вот оно что! Гроувнор вздохнул, далекий от восхищения Кентом, но отдавая должное расчетливости его действий. Он не предпринял попытки открыто выступить против оппозиции. Скорее всего, он возражал против плана астронома. Но, созвав совещание, на котором с его мнением могли не посчитаться, он тем самым доказал, что подчиняется законам демократии. Это был ловкий, если не демагогический ход — поддержать видимость демократии среди членов экспедиции.

И в самом деле, предложение Лестера вызвало серьезные возражения. Трудно было поверить, что Кент знал о них,— мог ли он намеренно игнорировать возможную опасность провала плана возвращения. Гроувнор терпеливо ждал, когда кончат задавать вопросы астроному. Когда тот ответил на них, когда стало ясно, что обсуждение подошло к концу, Гроувнор встал и заявил:

— Я бы хотел привести некоторые аргументы в поддержку точки зрения мистера Кента в этом вопросе.

— Но, мистер Гроувнор,— холодно заметил Кент,— было мнение, что дискуссия должна быть краткой, и стоит ли отнимать ценное время...— Тут он внезапно умолк. Вероятно, до него дошел истинный смысл слов Гроувнора. Лицо его потемнело. Он сделал какое-то неуверенное движение рукой, будто прося поддержки у аудитории. Но никто ни слова не произнес, и он, опустив руку, проговорил: — Вам слово, мистер Гроувнор.

— Мистер Кент прав,— твердо начал Гроувнор.— Решение слишком поспешное. Мы посетили всего лишь три планетарные системы, а необходимо посетить не менее тридцати, выбрав их наугад, а может быть, и больше. Это минимальное число, учитывая размеры наших исследований, для более или менее серьезных выводов. Я буду рад передать свои

расчеты в математический отдел для уточнения. Кроме того, совершив посадку на планете, нам придется выйти за пределы защитного экрана. И тут мы должны быть готовы к отражению самой невероятной атаки со стороны чуждого нам интеллекта, способного в мгновение ока доставить через гиперпространство свои силы. Я представляю себе картину, как миллионы тонн вещества обрушиваются на нас, в то время как мы, совершенно беспомощные, сидим на этой планете. И мне кажется, что нам лучше потратить месяц-другой на тщательнейшую подготовку. В течение этого времени мы можем посетить столько солнечных систем, сколько будет в наших силах. И если там окажутся такие же первобытные обитаемые миры, можно будет без всяких сомнений принять гипотезу мистера Лестера, что это искусственно созданные планеты.— Гроувнор помолчал, потом спросил: — Мистер Кент, я правильно изложил ваше мнение?

Кент уже успел полностью овладеть собой.

— Почти, мистер Гроувнор.— Он оглядел собравшихся.— Если нет других предложений, давайте голосовать за предложение Лестера.

Астроном встал.

— Я снимаю его,— сказал он.— Признаюсь, я несколько поторопился со своим проектом.— И он занял свое место.

— Может, есть желающие поддержать предложение Лестера? — спросил Кент. Все промолчали.— Тогда я прошу руководителей отделов приготовить план своих действий в случае успешной посадки на планету, которую нам неизбежно придется совершить, но в свое время. У меня все, джентльмены.

В коридоре Гроувнор почувствовал на своем плече чью-то руку. Он повернулся и узнал Маккэнна, главного геолога.

— Мы были так заняты все эти месяцы ремонтными работами, что я не имел возможности пригласить вас в свой отдел. Насколько я понимаю, когда мы высадимся на планете, оборудование геологического отдела будет использовано не только по прямому назначению. Тут очень понадобится некзиалист.

Подумав, Гроувнор согласно кивнул:

— Я буду у вас завтра утром. А сейчас пойду займусь рекомендациями для нашего исполняющего обязанности директора.

Маккэнн бросил на него быстрый взгляд.

— А вам не кажется, что он ими не очень-то заинтересуется?

Значит, остальные тоже заметили неприязненное отношение к нему Кента.

— Да, потому что он не доверяет частному мнению.

Маккэнн наклонил голову.

— Хорошо, мой мальчик, успехов вам.

Он уже отошел от Гроувнора, когда тот окликнул его:

— Как по-вашему, на чем держится популярность Кента как лидера?

Маккэнн помолчал в задумчивости, потом ответил:

— Он — человек. У него есть свои привязанности и своя неприязнь. Он вспыльчив. У него плохой характер. Он допускает ошибки и при этом делает вид, что не ошибся. Он весьма честолюбив и до безумия жаждет быть директором. После возвращения корабля на Землю директора экспедиции ждет мировая известность. В каждом из нас есть что-то от Кента. Он... как бы это сказать... ну, он просто человек.

— Должен заметить,— сказал Гроувнор,— что вы ничего не сказали о его профессиональных качествах.

— Вообще-то говоря, это в данном случае не так уж важно. У него есть эксперты, на которых он вполне может положиться.— Маккэнн поджал губы.— М-м-м... я затрудняюсь определить, в чем привлекательность Кента, но мне кажется, что ученые всегда готовы выступить на защиту своих идей. И им нравится, чтобы им возражали, и чем эмоциональнее, тем лучше, но в то же время недостаточно квалифицированно.

Гроувнор покачал головой:

— Я не согласен с вами, что директору не обязательно хорошо знать свое дело. Тут все зависит от личности и от того, как он использует свой громадный авторитет.

Маккэнн довольно долго рассматривал Гроувнора и в конце концов заключил:

— Люди, строго следующие логике, подобные вам, всегда с трудом понимают, как это кенты оказываются привлекательными для окружающих. И в политике у таких людей нет шансов победить кентов.

Гроувнор грустно улыбнулся в ответ:

— Не преданность научным методам губит этих людей. Их губит их же прямота. Чаще всего они понимают тактику, применяемую против них, лучше, чем те, кто ею пользуется, но не в их правилах отвечать на это тем же, они считают это порочным.

Маккэнн нахмурился.

— Хорошо бы, если так! А вас самого никогда не мучают сомнения?

Гроувнор не отвечал. Маккэнн настаивал:

— Предположим, вы решите, что Кента следует сместить с его поста. Что вы станете делать в таком случае?

— Сейчас мои намерения не выходят за рамки закона,— осторожно ответил Гроувнор и заметил, что его слова явно вызвали у Маккэнна чувство облегчения.

Старший коллега дружески пожал ему руку.

— Рад был услышать, что ваши намерения вполне законны,— серьезно заявил он.— С тех пор как я побывал на вашей лекции, я понял, что по своим возможностям потенциально вы самый опасный человек на корабле. Об этом никто пока не догадывается. Совокупность ваших знаний, подкрепленных решительностью и определенностью цели, могут стать более разрушительными для корабля, чем любое нападение извне.

Гроувнора ошеломило это признание.

— Это преувеличение,— сказал он.— Одного человека всегда нетрудно убрать.

— Но вы, как я вижу, не отрицаете того факта, что обладаете значительными знаниями,— заметил Маккэнн.

— Благодарю за столь высокое мнение обо мне. Хотя оно значительно преувеличено, но психологически вдохновляет.

3

Тридцать первая по счету звезда, в системе которой они побывали, была размером с Солнце и того же типа. Одна из трех ее планет обращалась по орбите в восемьдесят миллионов миль. Как и на всех предыдущих планетах, на этой были джунгли и море с первобытными флорой и фауной.

Прорезав пелену водяных паров и воздуха, «Космическая гончая» приступила к облету планеты на небольшой высоте — огромный чужеродный металлический шар из мира фантастики.

В лаборатории геологов Гроувнор наблюдал за приборами, занятыми измерениями природных свойств раскинувшейся внизу поверхности. Это была сложная работа, требовавшая напряженного внимания и контроля опытного оператора. Постоянный поток отраженных ультразвуковых и коротковолновых сигналов следовало направлять в строго определенную ячейку памяти соответствующего компьютерного устройства

для сравнительного анализа. К стандартной, знакомой Маккэнну технике, которой пользовались в лаборатории, Гроувнор добавил некоторые некзиалистские усовершенствования, так что сводные таблицы и диаграммы отражали на удивление точную картину поверхности планеты.

Уже более часа Гроувнор сидел там, погрузившись в исследования. Наблюдалось некоторое расхождение в деталях, но молекулярная структура и распределение различных элементов указывали на некоторое геологическое постоянство: там находились песчаник, глина, гранит, следы органических веществ — возможно, залежей угля, силикаты в виде лежащего на скалах песка, вода...

Но вдруг несколько стрелок перед его глазами резко подпрыгнули и застыли. Такая реакция индикаторов свидетельствовала о присутствии скоплений большой массы железа с примесью углерода, молибдена...

Сталь! Гроувнор рванул на себя рычаг. И тут началось! Зазвенел звонок, и тут же вбежал Маккэнн. Корабль завис. В нескольких шагах от Гроувнора Маккэнн уже говорил с исполняющим обязанности директора Кентом:

— Да, директор, сталь, а не просто железо.— Он не назвал имени Гроувнора и продолжил: — Мы настроили аппаратуру на глубину максимум сто футов. Возможно, это город, захороненный или скрытый в гуще джунглей.

— Это мы узнаем через несколько дней,— сухо проговорил Кент.

Корабль опустили на планету со всеми возможными предосторожностями, и через временное отверстие в защитном экране были выгружены необходимые механизмы — гигантские экскаваторы, краны, автотранспортеры и другая техника. Все было так тщательно подготовлено, что через тридцать минут после начала разгрузки корабль уже вновь взмыл в космос.

Раскопками руководили с корабля с помощью дистанционного управления. За четыре дня был снят слой почвы и грунта толщиной двести пятьдесят футов на площадке четыреста футов на восемьсот.

То, что они увидели под ним, трудно было назвать городом, это были даже не развалины. Создавалось впечатление, что дома были раздавлены невероятной тяжестью. На улицах были обнаружены кости. Был отдан приказ прекратить раскопки, и несколько спасательных катеров спустились на планету.

Гроувнор и Маккэнн вместе с группой ученых занялись изучением останков.

— Скверные повреждения,— сказал Смит.— Но, думаю, я смогу собрать скелет.— Его умелые пальцы укладывали кости на удивление ловко.— Четыре ноги,— сообщил он и, поднеся к собранной конечности флюороскоп, добавил: — Похоже, он мертв уже лет двадцать пять.

Гроувнор отвернулся. Раздробленные останки могли раскрыть секреты физического облика исчезнувшей расы. Однако вряд ли эти скелеты послужат ключом для идентификации тех безжалостных существ, которые уничтожили ее.

Маккэнн был занят изучением почвы, что покрывала раскопанные улицы.

— Следовало бы провести стратиграфическое обследование, углубившись еще на несколько сот футов,— сказал он Гроувнору.

В действие тут же вступила буровая команда. Пока машина пробивалась сквозь скалы и глину, Гроувнор неотрывно следил за равномерным потоком породы. Иногда что-то привлекало его внимание, и тогда он откладывал образец в сторону.

К тому времени, когда катера направились к кораблю, у Маккэнна уже был готов полный отчет, и он сразу же передал его Кенту по коммуникатору.

— Директор, мне было поручено проверить, возможно ли, что джунгли на этой планете созданы искусственным путем. Скорее всего, так оно и есть. Пласт, который находится под болотами и джунглями, принадлежит более древней и менее примитивной планете. Трудно поверить, что такой слой почвы мог быть снят с какой-то отдаленной планеты и перенесен сюда, но все свидетельствует именно об этом.

— А что там с городом? Как он был разрушен? — поинтересовался Кент.

— Мы сделали кое-какие расчеты и можем утверждать, что город раздавлен массой скал, почвы и воды — этого было вполне достаточно для его гибели.

— Позволяют ли ваши расчеты определить время катастрофы?

— Мы располагаем некоторыми геоморфологическими данными. В ряде осмотренных нами мест под давлением новых слоев почвы в старых образовались впадины — огромные массы деформировали участки более слабых пород. Тип сдвига позволил получить ряд цифр, которые мы намерены обработать на компьютере. Однако по примерным подсчетам компетентного математика,— он имел в виду Гроувнора,—

все это произошло не более ста лет назад. Поскольку геология имеет дело с событиями тысяче- и миллионолетней давности, наши приборы вряд ли многое добавят к этому.

Наступила пауза, после которой Кент официально сказал:

— Благодарю вас. Я вижу, вы и ваши сотрудники хорошо поработали. Но еще один вопрос: в процессе ваших поисков не обнаружили ли вы чего-либо, что могло бы послужить ключом к разгадке природы интеллекта, способного ввергнуть планету в подобный катаклизм?

— Мы не обсуждали этой проблемы с моими сотрудниками, но от своего имени я могу сказать, что не обнаружили.

Гроувнор отметил про себя, что совсем неплохо, что Маккэнн так осторожен в своих ответах. Для геолога исследование этой планеты — только начало поисков врага. Для Гроувнора оно было последним звеном в той цепи открытий и причинных связей, которые зародились в его сознании, когда он впервые услышал странное предупреждение из космоса. Он знал, кем являются самые чудовищные из существ, которых только можно себе вообразить. Он догадывался об их ужасных целях и тщательно проанализировал, что следует делать дальше.

Перед ним больше не стоял вопрос: в чем заключается опасность? Он достиг той стадии, на которой уже нужно принимать бескомпромиссное решение. К сожалению, люди, ограниченные познаниями в одной или двух науках, не могли, да и не захотят, понять реальности смертельнейшей из опасностей, когда-либо вставших перед всей Вселенной. А его решение проблемы может стать центром противостояния на корабле.

Поздно было думать, насколько далеко он вынужден будет зайти. Ему было ясно, что он не имеет права на остановку ни перед чем. Он должен выполнить все, что необходимо.

4

Продумав все окончательно, Гроувнор написал письмо Кенту.

«Исполняющему обязанности директора
Административный отдел
Экспедиционный корабль "Космическая гончая"

Уважаемый мистер Кент!

У меня имеется важное сообщение (для всех руководителей отделов). Сообщение касается враждебного интеллекта данной

галактики, о характере которого я собрал сведения, достаточные для действий в самом широком диапазоне.

Не будете ли Вы столь любезны собрать совещание, на котором я мог бы изложить свои рекомендации?

Искренне Ваш Эллиот Гроувнор».

Он подумал о том, заметит ли Кент, что он предлагает действия, не имея подтверждающих доказательств. В ожидании ответа он спокойно перенес все свое имущество из спальни в отдел некзиализма. Это было последним пунктом в его плане обороны, включающем и возможность осады.

Ответ пришел на следующее утро.

«Уважаемый мистер Гроувнор!

Я передал мистеру Кенту суть вашего вчерашнего послания. Он предложил Вам составить рапорт по обычной в таких случаях форме А-16-4 и выразил свое недоумение по поводу того, что Вы сразу не сделали этого положенным образом. Мы рассматриваем многочисленные предложения и теории, связанные с этой проблемой. Ваша версия будет изучена наряду с другими.

Будьте добры как можно скорее представить на рассмотрение оформленную должным образом записку.

Искренне Ваш Джон Форен
(за м-ра Кента)».

Гроувнор мрачно прочел ответ. Он не сомневался в том, что Кент непременно отпустил в его адрес какие-нибудь колкости, хотя пока он еще должен был сдерживаться. Ненависть, копившаяся в этом человеке, еще не прорвала плотины этических норм. Если Корита прав, она проявится в критический момент. Они переживали «зимний» период человеческой цивилизации, так что вся культура поведения могла рухнуть под действием эгоистических всплесков отдельных личностей.

Хотя в намерения Гроувнора не входило полностью раскрывать свои карты, он решил заполнить присланную секретарем форму. Он перечислил очевидное, не давая анализа и тем более не предлагая решений. В графе «Рекомендации» он написал:

«Заключение очевидно для всякого обладающего должной квалификацией специалиста».

Самое замечательное заключалось в том, что каждое из приведенных им доказательств было известно тому или иному

из научных отделов на «Космической гончей». Больше того, все эти данные лежали на столе Кента уже не одну неделю.

Гроувнор собственноручно передал «записку по форме» и, хотя и не ожидал быстрого ответа, все же оставался в своем отделе. Даже еду попросил прислать туда. Прошло два двадцатичасовых периода, прежде чем он получил ответную записку Кента.

«Уважаемый мистер Гроувнор!

Просмотрев Вашу записку по форме А-16-4, которую Вы представили для обсуждения на совете, я убедился, что Ваши рекомендации слишком общи. Поскольку мы располагаем целым рядом рекомендаций по этому вопросу и намерены свести лучшие черты каждой в обширный вариант плана, мы были бы признательны Вам за передачу детальных рекомендаций.

Не будете ли Вы любезны незамедлительно уделить этому вопросу особое внимание?

Грегори Кент
Исполняющий обязанности директора».

Собственноручную подпись Кента Гроувнор понял как прямой намек на приближение решительных действий.

Он напичкал себя препаратами, которые вызывали симптомы гриппа. В ожидании, пока организм должным образом отреагирует на снадобье, написал новое послание Кенту. На этот раз он сообщил, что слишком болен, чтобы заняться подготовкой детальных рекомендаций — они включают в себя слишком много посылок, связанных с самыми разными областями науки. Тем не менее было бы разумно уже сейчас активно пропагандировать среди членов экспедиции идею о необходимости провести в космосе еще пять добавочных лет.

Он сунул письмо в почтовый желоб и тут же пригласил к себе доктора Эггерта. Все произошло даже быстрее, чем рассчитывал Гроувнор. Через десять минут врач уже ставил на стол свой чемоданчик. И тут же в коридоре послышались шаги. Вошли Кент и два крепких парня из химического отдела.

Доктор весело улыбнулся, узнав исполняющего обязанности директора.

— Привет, Грег,— проговорил он басом и переключил свое внимание на Гроувнора.— Так, подцепили инфекцию, друг мой. Поразительно! Сколько усилий мы прилагаем, чтобы

не подцепить чего-нибудь на этих планетах, и все-таки иногда случается. Мне придется отправить вас в изолятор.

— Я предпочел бы остаться здесь.

Доктор Эггерт пожал плечами.

— В вашем случае это допустимо,— сказал он и стал собирать свой чемоданчик.— Я пришлю к вам своего ассистента, пусть поухаживает за вами. Со всякой неизвестной инфекцией шутки плохи.

Кент что-то промычал. Гроувнор взглянул на него с притворным удивлением и отвел взгляд.

— А в чем, собственно, дело, доктор? — не скрывая раздражения, спросил Кент.

— Пока не могу сказать. Посмотрим, что покажут анализы.— Эггерт нахмурился.— Пока налицо симптомы лихорадки, жидкость в легких.— Он покачал головой.— Боюсь, Грег, вам нельзя сейчас разговаривать с ним. Это может быть серьезное заболевание.

— Придется рискнуть,— грубо возразил Кент.— Мистер Гроувнор располагает важной информацией, и я уверен,— с нажимом сказал он,— у него найдутся силы передать ее нам.

Доктор Эггерт посмотрел на Гроувнора.

— Как вы себя чувствуете?

— Я еще могу говорить,— слабым голосом прошептал Гроувнор.

Лицо его пылало. Глаза лихорадочно блестели. Но то, ради чего он затеял все это, свершилось: Кент поднялся к нему. К тому же он не хотел присутствовать ни на каком совещании, созванном Кентом. Тут, в своем отделе, и только тут, он мог оградить себя от опрометчивых действий, которые могли бы последовать после его заявления.

Доктор взглянул на часы.

— Должен сказать вам,— сообщил он Кенту и в то же время Гроувнору,— что сейчас же посылаю сюда ассистента. К его приходу разговор должен быть закончен. Договорились?

— Превосходно! — с притворной сердечностью откликнулся Кент.

Гроувнор молча кивнул.

Уже в дверях доктор Эггерт напомнил:

— Мистер Фендер будет здесь через двадцать минут.

Когда доктор скрылся из виду, Кент подошел к кровати и внимательно посмотрел на Гроувнора. Целую минуту он стоял так, потом сказал нарочито мягко:

— Я не совсем понимаю, чего вы добиваетесь. Почему вы не желаете поделиться своей информацией?

— Мистер Кент, вы действительно удивлены? — спросил Гроувнор.

Снова наступило молчание. Складывалось впечатление, что Кент очень разгневан и с трудом сдерживает себя. Наконец он выдавил:

— Я — директор этой экспедиции. Я требую, чтобы вы немедленно выдали ваши рекомендации.

Гроувнор медленно покачал головой. Внезапно он ощутил сильный жар. Он весь горел.

— Право, не знаю, что вам сказать. Вы достаточно предсказуемый человек, мистер Кент. Видите ли, я заранее знал, что вы поступите с моими посланиями именно так, как вы это сделали. Я знал, что вы подниметесь сюда, ко мне, с...— он взглянул на двоих провожатых,— с парочкой амбалов. В связи с этим я настаиваю на совещании глав отделов, где я сам изложу свои рекомендации...

Будь у него время, он выставил бы руку, но...

— Ловко, а! — Разъяренный Кент ударил его по лицу и снова заговорил сквозь стиснутые зубы: — Так вы заболели, не так ли? Люди со странными заболеваниями частенько не в своем уме и подлежат суровому обращению, ведь в своем безумии они могут напасть на добрых друзей.

Гроувнор видел его как в тумане. От того, что его била лихорадка и он действительно сильно ослабел, ему стоило труда нащупать и сунуть в рот таблетку противоядия, притворившись, что держится за щеку, по которой пришелся удар.

— Предположим, я обезумел, а дальше что? — проговорил он.

Если даже Кент и был удивлен ответной реакцией Гроувнора, виду он не показал. Он только отрывисто спросил его:

— Чего вы, собственно, добиваетесь?

Какое-то время Гроувнор справлялся с вдруг подступившей тошнотой. Когда она прошла, он ответил:

— Я хочу, чтобы именно вы начали работу по убеждению всех членов экспедиции в том, что от них потребуется более длительное, чем предполагалось, пребывание в космосе для борьбы с враждебным нам интеллектом. Не исключено, что это займет около пяти лет. На сегодня это все. Когда вы сделаете это, я открою вам то, что вы хотите знать.

Он почувствовал улучшение — противоядие начинало действовать. А сказал он именно то, что хотел сказать. Он следо-

вал своему плану. Раньше или позже Кент да и большинство ученых примут его предложения, и тогда ему не нужны будут никакие стратегические уловки.

Кент то открывал рот, как будто намеревался говорить, то снова закрывал его и наконец произнес с удивлением:

— И это все, что на данный момент вы хотите предложить?

Гроувнор все это время не снимал пальца с кнопки на раме кровати, готовый нажать на нее в любую минуту.

— Клянусь, вы получите то, что хотите! — сказал он.

Кент резко возразил:

— Я не могу быть соучастником этого безумия. Люди не вынесут и одного добавочного года.

— Ваше присутствие здесь говорит о том, что вы вовсе не считаете мое решение безумным.

Кент сжимал и разжимал кулаки.

— Нет, это невозможно! Как я могу объяснить это руководителям отделов?

Наблюдая за этим маленьким человеком, Гроувнор понял, что кризис близок.

— Вам не придется ничего им объяснять. Все, что вам придется сделать,— это пообещать им дополнительную информацию.

Один из тех, что сопровождали Кента, вмешался в разговор:

— Шеф, этот человек, похоже, не понимает, с кем разговаривает. Может, разъяснить ему?

Кент, который собирался еще что-то сказать, осекся. Облизывая губы, он отступил на шаг и кивнул:

— Вы правы, Бреддер. Не знаю, зачем я вообще ввязался в этот спор. Подождите минутку, я запру дверь. Тогда мы...

Гроувнор угрожающе предостерег:

— На вашем месте я не стал бы запирать ее. Я подниму по тревоге весь корабль.

Кент, уже взявшись за дверь, повернулся, на лице его застыла ухмылка.

— Что ж, хорошо,— жестко сказал он.— Мы с тобой расправимся и при открытых дверях. Начинайте, ребята...

Подручные тотчас двинулись на Гроувнора.

— Бреддер, вы когда-нибудь слышали об электростатическом ударе по периферийной нервной системе? — спросил он и, заметив их колебания, продолжил: — Только дотроньтесь до меня, и сразу узнаете, что это такое: руки ваши покроются волдырями, а лицо...

Оба отпрянули назад. Белобрысый Бреддер нерешительно взглянул на Кента. Кент гневно сказал:

— Электричества, что в человеческом теле, не хватит убить и муху.

Гроувнор покачал головой:

— В уме ли вы, Кент? Электричество не в моем теле, но оно будет в вашем.

Кент вытащил свой вибратор и подчеркнуто стал его настраивать.

— Отойдите назад,— приказал он своим помощникам.— Я всажу ему десятую долю секундной порции. Он у нас попляшет!

— Я бы не стал этого делать, Кент. Я ее не получу,— снова предупредил Гроувнор.

Химик либо не слышал его, либо пребывал в такой ярости, что не придал значения его словам. Вспышка ослепила Гроувнора. Послышалось шипение и треск, и Кент закричал от боли. Гроувнор видел, как он пытается избавиться от оружия, которое буквально прилипло к его руке. В конце концов вибратор с лязгом упал на пол. Кент в шоке стоял, обхватив пораненную руку и покачиваясь от мучительной боли.

— Почему вы не послушались? — В голосе Гроувнора не было участия.— Защитные экраны в стенах этого помещения несут в себе большой энергетический заряд. Выстрел вибратора ионизировал воздух, и вы получили электрический удар, который одновременно уничтожил энергию вашего заряда. Надеюсь, ожог не слишком сильный?

Кент уже взял себя в руки. Он был бледен, напряжен, но спокоен.

— Вы еще ответите за это,— прошипел он.— Когда все узнают, что один человек хочет силой осуществить свои идеи...— Он замолк, затем властно обратился к своим головорезам: — Идемте, мы и так потеряли здесь много времени.

Через восемь минут после их ухода появился Фендер. Гроувнору пришлось терпеливо объяснять ему, что он уже здоров. И еще дольше пришлось убеждать в этом Эггерта, которого вызвал ассистент. Гроувнора не беспокоило возможное разоблачение — для этого необходимо было тщательное расследование. В конечном счете они оставили его в покое, посоветовав еще день-другой не покидать своего отдела. Гроувнор уверил их, что будет строго следовать их ин-

струкциям. Он на самом деле намерен был сидеть на месте. Впереди у него были нелегкие времена, и отдел некзиализма будет его крепостью. Он не знал, что могут против него предпринять, но здесь ему бояться было нечего.

Примерно через час после того, как ушли медики, звякнуло в почтовом желобке-приемнике. Это было послание Кента, извещавшее о созыве совещания по просьбе Эллиота Гроувнора. Приводились выдержки из его первой записки Кенту, и ни слова не было о последовавших затем событиях. Послание заканчивалось словами:

«В связи с последними заявлениями мистера Гроувнора исполняющий обязанности директора считает возможным его участие в слушаниях».

В конце послания, предназначенного самому Гроувнору, была собственноручная приписка Кента:

«Дорогой мистер Гроувнор, в связи с вашей болезнью я велел Гурли и его подчиненным подсоединить Ваш коммуникатор к аудитории контрольного пункта, чтобы Вы могли участвовать в совещании, не покидая постели».

В назначенный час Гроувнор настроился на контрольный пункт. Как только появилось изображение, он обнаружил, что видит все помещение как на ладони, а сигнал его коммуникатора выведен на большой экран над массивным контрольным щитом. Его десятикратно увеличенное лицо смотрело с экрана на собравшихся в зале. И Гроувнор подумал, что впервые его присутствие на совете столь заметно.

В зале собрались почти все руководители отделов. Как раз под экраном Кент беседовал о чем-то с капитаном Личем. Видно, их беседа подходила к концу, потому что он взглянул на Гроувнора, угрюмо ухмыльнулся и повернулся лицом к немногочисленной аудитории. Гроувнор заметил, что его левая рука забинтована.

— Джентльмены,— начал Кент,— без всяких предисловий я хочу предоставить слово мистеру Гроувнору.— Он снова взглянул вверх, на экран, и снова у него на лице промелькнула странная ухмылка.— Мистер Гроувнор, прошу вас.

— Джентльмены, около недели назад у меня накопилось достаточно данных, чтобы утверждать, что против нашего корабля орудует чуждый нам разум, находящийся в этой галактике. Мои слова могут звучать несколько панически, но это всего лишь горький факт, который я постараюсь изложить вам в своем понимании на основе доступной мне ин-

формации. Я долго ломал голову над тем, как убедить вас, что такая угроза действительно есть и такой разум существует. Одни из вас примут мои доводы, другие, не имеющие знаний в соответствующих областях, решат, что мое заключение голословно. Я изучил проблему и долго думал, как убедить вас, что мое решение является единственно верным. Одним из аргументов в его пользу будет сообщение о проделанных мною экспериментах.

Он не упомянул об условиях, к которым пришлось прибегнуть, чтобы его выслушали. Несмотря на все происшедшее, он не хотел еще дальше обострять отношения с Кентом.

— Для начала я попрошу выступить мистера Гурли. Думаю, что вас не слишком удивит, если я скажу, что все началось с вашего автоматического аппарата С-9. Пожалуйста, расскажите об этом своим коллегам.

Начальник отдела связи посмотрел на Кента, тот пожал плечами и кивнул. И все же Гурли заговорил не сразу.

— Нельзя со всей точностью сказать, когда включился С-9. Чтобы дать вам некоторое представление о нем, скажу, что это экран, который включается автоматически, когда плотность пыли в окружающей среде становится опасной для движения корабля. Известно, что в любом данном объеме плотность пыли с увеличением скорости тоже увеличивается. Тот факт, что С-9 включился незадолго до того, как эти ящеры возникли в контрольном пункте, был отмечен сотрудниками моего отдела.— Гурли откинулся на спинку кресла и заключил: — У меня все!

— Мистер фон Гроссен, что обнаружил ваш отдел, исследуя пыль, попавшую на экран в этой галактике? — спросил Гроувнор.

Тучный фон Гроссен поерзал в кресле, потом, не вставая, произнес:

— Да ничего такого особенного или характерного мы не обнаружили. Она немного плотнее, чем в нашей собственной галактике. Мы собрали ее на ионизированные пластины. Вещество в основном оказалось довольно простым. В нем присутствуют элементы в чистом виде и следы множества соединений, которые могли образоваться при конденсации, а также небольшое количество свободного газа, главным образом водорода. Беда наша в том, что пыль, которую мы получили, почти не имеет сходства с космической пылью в том виде, в котором она присутствует в пространстве. Но получение ее в естественном состоянии нам пока не удавалось. Процесс формирования структуры пыли был, видимо,

очень продолжителен, и нам остается только гадать, как она ведет себя в космосе.— Физик беспомощно развел руками.— И это все, что я пока могу сказать.

Гроувнор не выпускал инициативу из рук:

— Я мог бы и дальше расспрашивать руководителей отделов о том, что каждому из них удалось обнаружить. Но, мне кажется, я могу подытожить их открытия, не будучи к кому-либо несправедливым. Два отдела — мистера Смита и мистера Кента — столкнулись примерно с теми же проблемами, что и мистер фон Гроссен. Мистер Смит, насытив атмосферу клеток пылью, помещал туда животных. Животные не проявили никаких признаков беспокойства, так что он провел испытание на себе. Мистер Смит, есть у вас что-нибудь добавить?

Смит качнул головой.

— У меня нет доказательств, что это форма жизни. Допускаю, что самым верным для получения истинных образцов был наш выход на спасательном катере в космос, где мы открыли все наружные люки, потом снова закрыли их, снова наполнили катер воздухом. Химический состав этого воздуха изменился весьма незначительно, ничего существенного не произошло.

— Таковы факты,— сказал Гроувнор.— Я тоже, помимо прочего, вывел спасательный катер и впустил в него пыль из пространства через люки. Меня интересовало главным образом то, чем же эти пылинки питаются, если это форма жизни. И вот, наполнив помещение катера воздухом, я сделал его анализ. Потом я убил двух маленьких животных и снова повторил анализ воздуха. Образцы воздуха до и после эксперимента с животными я отослал мистеру Кенту, мистеру фон Гроссену и мистеру Смиту. Были зафиксированы незначительные расхождения. Однако их можно отнести на счет аналитических ошибок. Но мне хотелось бы попросить мистера фон Гроссена рассказать, что он там обнаружил.

Фон Гроссен выпрямился в кресле.

— Разве это имеет какое-то отношение к доказательству? — спросил он.— Не вижу в этом ничего особенного,— проговорил он и хмуро оглядел своих коллег.— Но действительно молекулы воздуха, помеченные словом «после», несли на себе немного более сильный энергозаряд.

Это был решающий момент. Гроувнор смотрел вниз, на поднятые к нему лица ученых, и ждал, когда свет понимания появится хотя бы в одной паре глаз.

Люди сидели спокойно, с озадаченными лицами. Наконец один из них глухо произнес:

— Насколько я понимаю, от нас ждут, что мы тут же придем к заключению, что имеем дело с туманно-пылевой формой жизни и разума. Извините, такое мне не по зубам.

Гроувнор промолчал. Умственное усилие, на которое он рассчитывал, не дало плодов. Чувство разочарования переполняло его душу. Он стал настраиваться на следующий рискованный шаг.

— Давайте же, мистер Гроувнор, излагайте вашу позицию, и тогда мы все примем решение,— потребовал Кент.

Гроувнор с неохотой начал:

— Джентльмены, ваше неумение или нежелание найти ответ, исходя из вышесказанного, очень беспокоит меня. Я предвижу большие затруднения. Поймите меня правильно, я привел вам конкретные данные, включая описание эксперимента, который позволил мне идентифицировать нашего врага. Мне ясно, что мои выводы вызовут споры. И тем не менее, если я прав, а я уверен в этом, отказ принять меры, которые я хорошо обдумал, выльется в катастрофу для всей человеческой расы, для всего разумного во Вселенной. Это станет причиной всеобщей гибели. Обстоятельства складываются таким образом: если я все вам сейчас расскажу, решение проблемы будет выбито из моих рук. Решать будет большинство, и тогда не останется законного пути его избежать. Так мне все это представляется.

Он замолчал, давая время переварить услышанное. Кое-кто озабоченно переглядывался.

— Подождите,— проговорил Кент.— Мне уже приходилось биться о каменную стену эгоизма этого человека.

Это был первый его открытый выпад. Гроувнор мельком взглянул на него и, отвернувшись, продолжил:

— Видно, мне, джентльмены, выпал тяжелый жребий информировать вас о том, что под давлением сложившихся обстоятельств проблема из чисто научной переросла в политическую. Поэтому я и настаиваю на принятии именно моего проекта. Необходимо развернуть большую работу, в ходе которой силами исполняющего обязанности директора и руководителей отделов следует разъяснить всему экипажу, что «Космической гончей» необходимо провести в космосе еще пять земных лет. Я обязательно все вам объясню, но я хочу, чтобы каждый привык к мысли, что рискует в этом деле потерять свою репутацию и доброе имя. Опасность так велика, что малейшая ссора по пустякам может стать роко-

вой, особенно если учитывать время, на которое мы отдаляемся для решения проблемы.

Он коротко изложил им, в чем заключается опасность. И сразу же, не обращая внимания на реакцию, познакомил со своим методом противодействия ей.

— Нам придется найти несколько планет с залежами железа и, используя механические возможности нашего корабля, наладить на них производство торпед из нестабильных радиоактивных элементов. Затем около года мы будем «утюжить» эту галактику, посылая эти торпеды наугад во всех направлениях. И когда этот сектор галактики станет непригоден для жизни, мы стартуем, предоставив возможность нашему лишенному средств существования противнику следовать за нами. У них не останется иного выхода, как следовать за нами в надежде на то, что наш корабль приведет их к другому, более щедрому источнику питания, чем тот, который они имели здесь. И тогда главным для нас станет — увести врага как можно дальше от нашей родной галактики.— Он помолчал, потом спокойно закончил: — Итак, джентльмены, теперь вы все знаете. По вашим лицам я вижу, что реакция будет различной и нам предстоит одна из этих дурацких дискуссий.

Он кончил. Наступила гнетущая тишина, потом кто-то выдохнул:

— Пять лет...

Это был почти вздох, и он подействовал как сигнал. В зале задвигались, зашумели.

— Земных лет,— напомнил Гроувнор.

Он особенно выделил слово «земных», намеренно выбрав это обозначение, так как, переведенное в звездный отсчет времени, оно выглядело короче. Звездное время с его двадцатичетырехчасовым днем, стоминутным часом и годом в триста шестьдесят дней предложили психологи. Привыкнув к более длинному дню, люди не замечали, на сколько больше прошло времени на самом деле по земному календарю. И Гроувнор полагал, что людям будет легче, когда они поймут, что их добавочное время составит что-то около трех звездных лет.

— У кого будут замечания? — спросил Кент.

— Честно говоря, я не могу согласиться с доводами мистера Гроувнора,— с сожалением сказал фон Гроссен.— Я питаю к нему огромное уважение за все сделанное им, но он просит нас принять на веру то, что, я уверен, мы могли бы

понять, представь он нам более весомые доказательства. Кроме того, я отвергаю некзиализм как явление, интегрирующее все науки, и не согласен, что только индивидууму, прошедшему особую подготовку, свойственно глубоко проникнуть в суть проблем и взаимосвязей.

— Не отвергаете ли вы слишком поспешно то, в чем не дали себе труда разобраться? — резко спросил Гроувнор.

— Возможно,— пожал плечами фон Гроссен.

— Вот как я представляю себе это,— вступил в разговор Зеллер.— Суть сказанного состоит в том, что мы потратим много лет и усилий лишь для того, чтобы получить косвенные и неопределенные доказательства осуществления нашего плана.

Гроувнор сомневался, стоит ли ему продолжать говорить, лишний раз вызывая неприязнь, но понял, что другого выхода нет: слишком большое значение имел предмет обсуждения. Он не мог считаться с их чувствами и твердо заявил:

— Я буду знать, идет ли все, как задумано, и если кто-нибудь из вас решится прийти в отдел некзиализма и познакомиться с нашей техникой, он тоже поймет это в свое время.

— Нравится мистеру Гроувнору учить нас, чтобы стать ему ровней,— угрюмо заметил Смит.

— Какие еще будут замечания?

Это был Кент. Голос его звучал пронзительно и резко — он чувствовал себя победителем.

Все предпочли промолчать. Тогда он предложил:

— Чем зря терять время, давайте приступим к голосованию, чтобы определить наше отношение к проекту мистера Гроувнора. Уверен, все мы больше всего хотим общего согласия.

Он медленно прошел вперед. Гроувнор не мог видеть его лица, но в его манере держаться явно был вызов.

— Прошу поднять руки тех, кто принимает и поддерживает методы мистера Гроувнора, которые требуют пяти дополнительных лет пребывания в космосе,— сказал он.

Не поднялось ни одной руки.

— Хоть бы дали немного подумать,— проворчал кто-то.

Кент не стал спешить с ответом и, выдержав небольшую паузу, сказал:

— Нам важно составить мнение, мнение лучших ученых корабля.— Он остановился, затем воскликнул: — Теперь прошу поднять руки тех, кто «против».

Все, кроме троих, подняли руки. Воздержались Корита, фон Гроссен и Маккэнн. Чуть позднее Гроувнор увидел, что не поднял руки и капитан Лич, стоявший рядом с Кентом.

Гроувнор обратился к нему:

— Капитан Лич, сейчас настал именно тот момент, когда вы, опираясь на конституционное право, можете требовать контроля над кораблем. Опасность очевидна.

— Мистер Гроувнор, я непременно сделал бы это, если бы видел врага,— медленно ответил капитан.— А так я могу действовать только руководствуясь советом ученых, экспертов.

— На борту корабля есть только один такой эксперт,— холодно заявил Гроувнор.— Остальные — всего лишь горстка дилетантов, которые барахтаются на поверхности моря фактов.

Заявление Гроувнора, казалось, ошеломило большинство в зале. В первый момент послышались возмущенные выкрики, но вскоре все погрузились в мрачное молчание.

— Мистер Гроувнор, я не могу разделить ваше голословное утверждение,— сказал капитан Лич.

— Теперь вы знаете истинное мнение о нас с вами этого человека,— не удержался от ехидства Кент.

Он, по-видимому, не воспринял слова Гроувнора, как оскорбления в собственный адрес и адрес ученых, забыл и о том, что как исполняющий обязанности директора должен поддерживать атмосферу корректности и вежливости.

Мидер, руководитель отдела ботаники, сердито напомнил ему:

— Мистер Кент, не понимаю, как вы можете оставить без внимания подобные оскорбления.

— Все это верно,— согласился Гроувнор,— отстаивайте свои права. Пусть вся Вселенная на краю гибели, зато удовлетворите свое чувство собственного достоинства.

Впервые с тревогой в голосе заговорил Маккэнн.

— Мистер Корита,— обратился он к археологу,— если существует цивилизация, которую описал Гроувнор, то как она согласуется с цикличностью истории?

— Боюсь, никак,— покачал головой японец.— Можно постулировать примитивные формы жизни.— Он оглядел аудиторию.— Меня гораздо больше огорчило то, что мои друзья и коллеги своим поведением подтвердили правильность теории циклического развития: им доставляет удовольствие нанести поражение человеку, который вселил в нас тревогу из-за обширности своих знаний. А этот человек, решив, что

он преуспел больше других, позволил себе проявить эгоманию.— Он с упреком посмотрел на изображение Гроувнора.— Мистер Гроувнор, ваше заявление разочаровало меня.

— Мистер Корита,— с горечью ответил Гроувнор,— если бы я избрал другую линию поведения, то, уверяю вас, я не имел бы чести выступить перед высокочтимыми мною джентльменами, многими из которых я искренне восхищаюсь.

— А я убежден,— сказал Корита,— что члены экспедиции сделают все необходимое, даже невзирая на личные жертвы.

— В это трудно поверить,— возразил Гроувнор.— Необходимость оставаться в космосе лишних пять лет во многом определила их выбор. Признаю, это жестокая необходимость, но другого выбора, уверяю вас, у нас просто нет.— Голос его стал жестче: — По правде говоря, я ожидал подобного результата и готовился к нему. Джентльмены, вы вынудили меня к акциям, о которых, уверяю вас, я сожалею больше, чем мог бы выразить это словами. Выслушайте меня внимательно. Вот мой ультиматум.

— Ультиматум?! — воскликнул, вдруг побледнев, Кент.

Гроувнор не обратил на него внимания.

— Если к десяти часам завтрашнего дня вы не примете мой проект, я беру в свои руки управление кораблем. Каждый, кто находится на борту корабля, будет делать то, что я прикажу, хочет он того или не хочет. Я, естественно, подумал и о том, что ученые постараются использовать свои знания, чтобы помешать мне. Но любое сопротивление будет тщетным.

Поднявшаяся тут буря восклицаний и ругательств еще продолжалась, когда Гроувнор отключил связь.

5

Прошло около часа после совещания, когда Гроувнора вызвал Маккэнн.

— Я бы хотел подняться к вам,— сказал геолог.

— Давайте,— весело пригласил Гроувнор.

Лицо Маккэнна выразило сомнение.

— Коридор-то вы, наверно, заминировали?

— Ну-у-у, предположим, что-то в этом духе,— согласился Гроувнор.— Но вас это не должно тревожить.

— А если я иду к вам с тайным намерением вас убить?

— Здесь, в моих помещениях,— с уверенностью, которую должны были почувствовать все, кто слышал его, прого-

ворил Гроувнор,— вам не удастся сделать этого даже дубинкой.

Маккэнн с сомнением хмыкнул.

— Я сейчас поднимусь к вам,— все же сказал он и выключил связь.

Вероятно, он находился где-то поблизости, потому что не прошло и минуты, как спрятанные в коридоре детекторы известили о его приближении. А вот его плечи и голова показались на экране коммуникатора, и главное реле переключилось на исходную позицию — сработало автоматическое оборонительное устройство. Гроувнор вручную отключил его.

Через несколько секунд в дверях появился Маккэнн; потоптавшись у порога, он заявил:

— Несмотря на ваши уверения, у меня все время было ощущение, будто на меня направлены дула орудий. Но я при этом ничего подобного не заметил.— Он впился в Гроувнора испытующим взглядом.— Уж не блефуете ли вы?

Гроувнор медленно проговорил:

— Я и сам немного обеспокоен, Дон, вы поколебали мою веру в вашу добропорядочность. Честно говоря, я не ожидал, что вы придете сюда с бомбой.

— Я — с бомбой? — Маккэнн растерялся.— Если ваши приборы показали...— Он замолчал, снял куртку и стал себя ощупывать. Вдруг движения его замедлились, лицо побледнело. Он вытащил серый предмет толщиной с вафлю и длиной около двух дюймов.— Что это? — удивленно спросил он.

— Устойчивый сплав плутония.

— Радиоактивный?!

— Нет, он не радиоактивен, по крайней мере в таком положении. Но его можно превратить в радиоактивный газ — лучом из высокочастотного передатчика. В результате мы с вами получим радиоактивные ожоги.

— Гроув, клянусь, я ничего не знал об этом!

— Вы говорили кому-нибудь, что собираетесь ко мне?

— Конечно... Весь этот отсек заблокирован.

— Другими словами, вам необходимо было получить разрешение?

— Да, у Кента.

— Прошу припомнить. При разговоре с Кентом у вас не было ощущения, что в помещении слишком жарко?

— Э... да, кажется, да. Теперь я вспомнил. Мне даже показалось, что я задыхаюсь.

— Сколько времени это продолжалось?

— Секунду, чуть больше.

— Хм, это значит, что вы пробыли без сознания минут десять,— заключил Гроувнор.

— Как? — Маккэнн хмуро посмотрел на него.— Черт меня побери... Этот негодяй подсунул мне таблетку.

— По анализу крови я мог бы точно определить, какую дозу вы получили.

— Пожалуйста, сделайте анализ. Он докажет...

Гроувнор покачал головой:

— Он докажет только, что вы приняли таблетку. Он не докажет, что сделали это принудительно. Я убежден в вашей искренности скорее потому, что ни один здравомыслящий человек не согласится, чтобы в его присутствии был распылен Пуа-92. А согласно показаниям моих автоматических аннуляторов, они уже в течение минуты пытаются это сделать.

Маккэнн совсем побелел.

— Гроув, отныне я порываю с этим стервятником. Да, в какой-то мере я был против вас и даже согласился передать ему суть нашего разговора с вами, но я намерен был предупредить вас об этом.

— Хорошо, Дон. Я верю вам,— улыбнулся Гроувнор.— Присаживайтесь.

— А что делать с этим? — Он протянул ему серый кубик.

Гроувнор взял его и отнес в контейнер, где хранились радиоактивные материалы. Затем он вернулся и сел.

— Думаю, на нас сейчас будет произведено нападение. Причем Кент в свое оправдание скажет, что нас необходимо спасти от ожогов, вовремя оказав нам медицинскую помощь. Давайте посмотрим на них.

Гроувнор включил экран.

Начало атаки первыми заметили «электронные глаза» — детекторы. На приборном щитке вспыхнули огоньки, загудел зуммер. Потом на большом экране показались сами атакующие. Около дюжины людей в скафандрах появились из-за угла и двинулись вдоль по коридору. Гроувнор узнал фон Гроссена и двух его помощников, четырех химиков, троих связистов от Гурли и двоих офицеров. Позади трое солдат катили перед собой маневренный вибратор, передвижной огнемет и большой газовый бомбометатель.

— А здесь есть еще выход? — в замешательстве спросил Маккэнн.

Гроувнор кивнул.

— Он тоже под охраной.

— А пол и потолок? — Маккэнн показал вниз и вверх.

— Над нами складские помещения, а внизу — кинозал. О них я тоже позаботился.

Оба замолкли. Потом, когда нападавшие остановились в коридоре, Маккэнн заговорил снова:

— Меня удивляет, что среди них фон Гроссен. Мне казалось, что он восхищен вами.

— Я его обидел, как и всех, когда назвал дилетантами, и он решил сам посмотреть, чего я стою.

Нападающие тем временем совещались.

— Что все-таки привело сюда вас? — поинтересовался Гроувнор.

Маккэнн не отрывал глаз от экрана.

— Я хотел, чтобы вы знали, что не так уж вы одиноки. Несколько человек просили меня передать, что они с вами.

Он в смущении остановился, потом попросил:

— Давайте не будем сейчас об этом, по крайней мере пока.

— Какая разница, когда мы будем говорить?

Маккэнн, казалось, не слышал его.

— Не понимаю, на что вы надеетесь,— грустно сказал он.— Они так вооружены, что способны снести все ваши стены.

Гроувнор ничего не ответил. Маккэнн посмотрел ему в лицо.

— Буду откровенен: меня разрывают сомнения,— сказал он.— Я чувствую, что вы правы. Но ваши методы... они для меня не слишком этичны.

Он даже не заметил, как отвлекся от экрана.

— Есть еще один тактический прием,— сказал Гроувнор,— провести выборы и прокатить Кента. Он ведь всего лишь исполняющий обязанности директора и не был избран законным путем. Я мог бы добиться проведения выборов в течение ближайшего месяца.

— Почему же вы не делаете этого?

— Потому что,— Гроувнор содрогнулся,— я боюсь. Эти чужаки... там, в космосе... практически истощены до смерти. И они в любую минуту готовы рвануть в другую галактику, очень может быть, в нашу. Нам нельзя терять и дня.

— И все же,— нахмурился Маккэнн,— по вашему плану мы должны увести их из этой галактики, и на это нам понадобится целый год.

— Вы когда-нибудь пытались отобрать пищу у плотоядного животного? Оно крепко держится за нее, не так ли?

Даже готово драться за свой кусок. Моя идея состоит в том, что, пока это существо разберется в наших намерениях, оно будет гнаться за нами столько времени, сколько сможет.

— Понимаю,— согласился Маккэнн.— И все равно ваши шансы победить на выборах практически равны нулю. Согласитесь.

Гроувнор отрицательно качнул головой.

— Я бы непременно победил. Вы можете не поверить мне на слово, но тот факт, что люди, подверженные собственным удовольствиям, волнениям и амбициям, очень легко поддаются внушению, непреложен. И мне не пришлось бы изобретать новой тактики, она известна столетиями. Но до недавнего времени связь физиологии с психологией была сугубо теоретической. Некзиализмом разработана методика их взаимосвязи.

Маккэнн молча обдумывал услышанное, наконец он спросил:

— Каким вы видите человека будущего? Вы считаете, что все мы должны стать некзиалистами?

— Те, кто находится на борту корабля, непременно. Для всех же людей это было бы нереально и непрактично. Но в далеком будущем, возможно, всякому станет непростительно не познать то, что ему доступно. Почему он должен стоять под небом своей планеты и смотреть в него дурацким взором из-за своего невежества и предрассудков и по этим же причинам всегда оставаться в дураках? Погибшие цивилизации древней Земли как раз и свидетельствуют о том, как плохо приходится потомкам, когда человек слепо реагирует на ситуацию или полностью зависит от авторитарных доктрин.— Он поморщился.— А сейчас перед нами не такая уж тяжелая проблема: надо вселить в людей скептицизм. Крестьянин с острым, хотя и неразвитым умом, который ничего не принимал на веру,— вот кто является предком ученого. На каждом уровне понимания скептик частично возмещает отсутствие в знании, требуя: «А ну, покажи! Я готов принять новое, но то, что ты говоришь, не может убедить меня само по себе».

Маккэнн сидел, глубоко задумавшись.

— Уж не собираетесь ли вы, некзиалисты, опрокинуть теорию цикличности в историческом развитии? Не на это ли вы замахнулись?

Гроувнор ответил не сразу.

— Признаюсь, до встречи с Коритой я не придавал ей большого значения. А здесь я был поражен! Теперь мне ка-

жется, что теория может претерпеть множество изменений. Такие слова, как «кровь» и «раса», по сути своей бессмысленны. Но шаблон — как раз то, что для нее подходит.

Маккэнн тем временем снова обратил внимание на нападающих.

— Мне кажется,— сказал он озадаченно,— они слишком долго собираются. Пора бы и начать! Наверно, они должны были иметь какие-то планы, прежде чем зайти так далеко...

Гроувнор промолчал. Маккэнн внимательно посмотрел на него.

— Минуточку, не напоролись ли они на ваши оборонительные устройства? — предположил он.

Хотя Гроувнор опять не ответил, Маккэнн вскочил, подошел почти к самому экрану и вперился в него. Он вглядывался в двоих, что почему-то стояли на коленях.

— Что они там делают? — удивился он.— Отчего они не двигаются?

— Они пытаются удержаться, чтобы не провалиться сквозь пол,— объяснил наконец Гроувнор, голос выдавал его волнение.

Он еще никогда не применял на практике этих методов, хотя и давно знал о них. Тут он использовал знания из самых разных областей науки, а к тому же еще и импровизировал в зависимости от обстоятельств. Все сработало! Впрочем, он в этом и не сомневался. Тем не менее осуществление замыслов развеселило его, хотя он заранее был готов к этому.

Маккэнн вернулся и сел на место.

— Что, пол под ними действительно провалится?

Гроувнор отрицательно покачал головой.

— С полом ничего не случится. Но они тонут в нем, могут и совсем погрузиться.— Он вдруг прыснул от смеха.— Хотел бы я видеть лицо Гурли, когда его помощники доложат ему об этом явлении. Это тот самый «воздушный шар», телепортация, прокол гиперпространства, а еще и геология нефти...

— А при чем тут геология? — начал было Маккэнн, но остановился.— Ах да, будь я проклят, вы же имеете в виду современный способ добычи нефти без бурения.— Он нахмурил вдруг брови.— Но, минутку... Существует еще фактор...

— Существует с десяток всяких факторов, друг мой,— сказал Гроувнор.— Повторяю, это комбинированный процесс, все составляющие которого тесно взаимосвязаны на ограниченном участке, и энергии тратится очень мало.

— Почему же вы не использовали все эти ваши трюки против кисы и алого чудовища?

— Я же говорю: все это сделано наспех, к данным обстоятельствам. Много бессонных ночей ушло на создание этого оборудования — при встрече с нашими прежними врагами я о нем еще и не мечтал. Поверьте, если бы управление кораблем находилось в моих руках, мы бы не понесли таких потерь ни в одном из этих инцидентов.

— А почему вы не взяли управление в свои руки?

— У меня не оставалось времени на это, кроме того, корабль был построен до того, как возник Некзиалистский центр. Счастье еще, что нам удалось внедрить отдел.

— Не представляю себе, как вы собираетесь завтра захватить корабль, ведь для этого вам придется покинуть вашу лабораторию.— Маккэнн взглянул на экран и едва слышно произнес: — Они притащили антигравитационные плотики. Теперь они пролетят над вашим полом.

Гроувнор не ответил: он уже заметил это.

6

Антигравитационные плоты действовали по тому же принципу, что и антиускорители. В поле антиускорителя электроны слегка сдвинуты с орбит. Это создает молекулярное напряжение. В результате происходит повсеместная, хотя и незначительная перегруппировка в его структуре. Измененная материя становится невосприимчивой к изменениям скорости. И корабль, оснащенный антиускорителем, может встать как вкопанный даже при скорости движения в миллионы миль в секунду.

Атакующие погрузили оружие на длинные, узкие плоты, взобрались на них сами, включили магнитное поле требуемой частоты и с его помощью поплыли по коридору к открытой двери, которая находилась примерно в ста футах от них.

Они продвинулись футов на пятьдесят, когда движение плотов замедлилось, затем прекратилось и наконец их понесло назад, а потом они снова остановились.

Гроувнор, который все это время был чем-то занят у приборной доски, возвратился и сел рядом с потрясенным Маккэнном.

— Что вы сделали? — спросил геолог.

— Как вы видели, они продвигались вперед с помощью направленных магнитов, вмонтированных в стены коридо-

ра. Я создал отталкивающее поле, что само по себе не ново. Но этот его вариант является частью того же температурного процесса, с помощью которого поддерживается температура в нашем теле. Теперь им нужен либо реактивный двигатель, либо пропеллер, либо хотя бы,— он рассмеялся,— обычные весла.

Маккэнн, не сводя глаз с экрана, угрюмо сказал:

— Это их нисколько не смутило. Они собираются применить против нас огнеметы. Лучше закрыть дверь!

— Стойте!

Маккэнн сглотнул слюну.

— Но нас же здесь живьем зажарят!

Гроувнор покачал головой.

— Я же говорил вам — часть моих приготовлений была рассчитана и на применение огня. Получив новую порцию электроэнергии, все металлические конструкции вокруг будут стараться сохранить равновесие... Впрочем, смотрите.

Передвижной огнемет побелел. Маккэнн тихо выругался:

— Черт! Да это же иней! Как...

Полы и стены в коридоре постепенно покрывались льдом. Огнемет поблескивал в своей ледяной шубе, а холодный воздух уже пробрался сквозь открытые двери. Маккэнн вздрогнул:

— Температура...— пробормотал он.— Более низкий уровень.

Гроувнор поднялся.

— Самое время им отправляться по местам, я не хочу, чтобы с ними что-то случилось.

Он направился к устройству, что стояло у стены в аудитории, и опустился в кресло перед его компактной клавиатурой. Клавиши были разноцветными. Их было по двадцать пять в каждом из двадцати пяти рядов.

Маккэнн подошел поближе и рассматривал прибор.

— Что это? — спросил он.— Не помню, чтобы я видел нечто подобное.

Быстрыми, едва заметными и будто небрежными движениями Гроувнор пробежал по семи клавишам, потом слегка коснулся главного рубильника. Полилась чистая, нежная музыка. Звуки какое-то время дрожали в воздухе после того, как основная нота уже отзвучала.

— Какие ассоциации они у вас вызвали? — Гроувнор вскинул взгляд на Маккэнна.

Тот ответил не сразу, на лице его появилось странное выражение.

— Перед моими глазами возник играющий в церкви орган. Потом картина резко сменилась, и я очутился на политическом митинге, где кандидат использовал быструю, стимулирующую музыку и каждый чувствовал себя счастливым.— Он вдруг остановился и озабоченно спросил: — Так вот как вы собирались победить на выборах?

— Это лишь один из методов.

Маккэнн насторожился.

— Господи, какая же жуткая сила у вас в руках!

— На меня она не действует.

— Но вы контролируете ее. Вы же можете управлять всей человеческой расой.

— Дитя, начиная ходить, уже подготовлено к этому. Почему бы не проводить повсеместно такую подготовку путем гипноза, используя пищеварение, химические реакции? Это было возможно уже столетия назад и предохранило бы человека от множества болезней, от сердечных заболеваний и от катастроф, которые возникают из-за неумения использовать в полной мере собственные плоть и разум.

Маккэнн снова заинтересовался установкой с клавиатурой.

— Как он работает?

— Это набор электропроводящих кристаллов. Электричество способно изменять кристаллические решетки. Закладывая определенный образец, мы имитируем ультразвуковые вибрации, которые, минуя ухо, воздействуют прямо на мозг. Играя на этом инструменте, я создаю нужный мне эмоциональный настрой, слишком сильный для того, чтобы неподготовленный человек мог ему сопротивляться.

Маккэнн, побледнев, вернулся на свое место в другой комнате.

— Вы меня напугали,— тихо сказал он.— Уж простите, но я считаю это неэтичным. И ничего тут не могу с собой поделать.

Гроувнор посмотрел на него, потом наклонился, что-то подрегулировал в инструменте и нажал кнопку. На этот раз звук был печальнее, лиричнее. Какое-то бесконечное дрожание билось в воздухе вокруг них, хотя сам звук давно затих.

— А что вы чувствовали сейчас? — спросил Гроувнор.

— Я подумал о маме. У меня возникло страстное желание вернуться домой. Я захотел...

— Это слишком опасно,— нахмурился Гроувнор.— Если я усилю это внушение, люди могут сильно пострадать от очень

глубокого потрясения.— Он еще раз что-то перенастроил.— А если так?

Он стремительно включил новую мелодию. Раздался звук, похожий на колокольный, он становился все приятнее и мягче.

— Я был ребенком,— сказал Маккэнн,— и укладывался спать. Да, но я не хочу спать!

Казалось, он не заметил, как вернулся в настоящее время. Он невольно зевнул.

Открыв ящик стола, Гроувнор достал два пластиковых шлема. Один из них он протянул геологу.

— Наденьте на всякий случай.

Другой шлем он надел сам. Маккэнн с ворчанием натягивал шлем.

— Похоже, из меня не получился Маккиавелли. Ведь весь этот спектакль вы устроили, чтобы определенным образом воздействовать на чувства людей.

Гроувнор, возившийся над установкой, ответил не сразу:

— Люди делят свои поступки на этичные и неэтичные в зависимости от ассоциаций, возникающих в данный момент в их сознании, или рассматривая проблему в перспективе. Это не значит, что этические системы не заслуживают всяческого уважения. Сам я склоняюсь к тому, что этическим мерилом может быть то, что приносит пользу подавляющему большинству при условии, что это не сопряжено с каким-либо унижением или ограничением прав индивидов, которые не смогли к этому приспособиться. Общество должно научиться спасать больных и учить невежественных.— Теперь он был полон решимости и продолжал: — Заметьте, я никогда ранее не использовал этот инструмент, исключая случай, когда Кент захватил мой отдел. Но сейчас я намерен его использовать. С самого начала нашей экспедиции я мог воздействовать на людей, но я этим не занимался. Почему? Потому что Некзиалистский центр имеет свой этический кодекс с разными градациями. Я могу нарушать некоторые условия, но с огромными сложностями.

— А сейчас вы допускаете нарушения?

— Нет.

— Тогда ваш кодекс представляется мне слишком гибким.

— Так оно и есть. Когда я твердо убежден, что мои действия оправданны, а сейчас я в этом твердо убежден, для меня перестают существовать спорные или эмоциональные проблемы. Вы, наверно, видите во мне диктатора, силой устанавливающего демократию. Но это неверно, ведь на корабле во время экспедиции вообще возможна лишь псевдодемократическая форма правления. А вот когда путешествие закончится, меня призовут к ответу.

— Допускаю, вы правы.

Маккэнн посмотрел на экран.

Гроувнор проследил за его взглядом. Люди в скафандрах пытались продвинуться вперед, отталкиваясь от стен. Но казалось, что их руки буквально тонут в них, и результаты были ничтожны.

— Что вы собираетесь делать сейчас? — снова спросил геолог.

— Усыпить их — вот так.— И он чуть тронул рычажок.

Звон колокола, казалось, был не громче прежнего, но люди в коридоре повалились на пол.

Гроувнор встал.

— Это будет повторяться каждые десять минут. Резонаторы так расставлены по всему кораблю, что подхватят и передадут сигнал. Пошли.

— А куда?

— Я хочу установить прерыватель в главной осветительной системе корабля.

Он зашел в свою студию, взял там прерыватель, и они вышли в коридор. Где бы они ни проходили, им везде попадались спящие люди. Сначала Маккэнн шумно удивлялся, потом стал все угрюмее озираться по сторонам. Наконец он не выдержал:

— Ужасно, как беспомощен может быть человек!

— Еще беспомощнее, чем вам кажется,— покачал головой Гроувнор.

Они уже пришли в центр управления. Гроувнор поднялся на нижний ярус. Ему не понадобилось и десяти минут, чтобы подсоединить прерыватель к электрическому реле. Он молча спустился, ничего не объясняя Маккэнну.

— Никому не говорите об этом,— попросил он.— Если они узнают, мне придется прибегнуть к еще одному варианту.

— Вы собираетесь разбудить их?

— Да. Как только мы доберемся до моего отдела. А сейчас попрошу вас помочь мне доставить фон Гроссена и его компанию в их спальни. Я хочу, чтобы у них возникло состояние возмущения собственными действиями, только не знаю, получится ли у меня.

— Полагаете, они сдадутся?
— Нет.
— Вы уверены в этом.
— Вполне.
Его утверждение оказалось верным.

Итак, в десять часов следующего дня он переключил рычажок у себя в отделе, направив электрический ток через установленный им прерыватель.

По всему кораблю замигали постоянно горящие светильники, оказывая гипнотическое воздействие на людей — нексиалистский вариант райимянских фокусов. Гроувнор стал играть на своем клавишном инструменте, он сосредоточился на понятиях «мужество» и «самоотверженность», «исполнение долга перед своим народом в случае опасности». Он даже ввел сложное эмоциональное восприятие времени, ускорив якобы его ход вдвое, а то и втрое.

После этого он включил сигнал «Всеобщий вызов» на коммуникаторах и отдал основные команды и распоряжения. Он ввел пароль, исключив его из памяти людей,— отныне каждый будет отзываться на него, не зная, из каких слов он состоит, или вспоминая их после произнесения. Потом он заставил их забыть и сам гипнотический сеанс. Спустившись в центр управления, он снял прерыватель. А вернувшись в свой отдел, разбудил там всех и вызвал Кента.

— Я отказываюсь от своего ультиматума и готов сдаться. Я понял, что не могу идти против воли большинства. Прошу собрать другое совещание, на котором я буду присутствовать. Но я по-прежнему настаиваю на ведении войны против неизвестной формы жизни этой галактики.

Его не удивило странное единодушие собравшихся, которые заявили, что после серьезных размышлений пришли к согласию в том, что доказательства нависшей над Вселенной опасности вполне убедительны.

Исполняющий обязанности директора Кент получил указание преследовать врага неуклонно, не считаясь с удобствами обитателей корабля.

Гроувнор стоял в стороне и с угрюмым удовлетворением наблюдал, с какой неохотой признал Кент необходимость действовать.

Теперь должна была разразиться великая битва между человеком и чуждым разумом.

7

Анабис существовал в виде бесформенной, необъятной массы, разместившейся в пространстве всей галактики. Он льнул к миллионам планет от нестерпимого, неутолимого голода и мириадами своих трепещущих частиц тянулся к ним, где ценою собственной жизни организмы давали жизнь ему.

Но этого уже не хватало. Его пронизывало страшное чувство нависшей над ними угрозы голода. Через всю бесконечность его разреженных клеток поступали сигналы о том, что пищи слишком мало.

До Анабиса постепенно доходило, что он или слишком велик, или слишком мал. Бесконтрольный рост в молодые годы был роковой ошибкой. Тогда будущее казалось нескончаемым. Галактическое пространство, где он развивался, действительно растянулось до бесконечности. Он расползался в радостном возбуждении примитивного существа, все больше утверждавшегося в уверенности, что ему уготована судьбой неограниченная возможность.

А примитивным он был от рождения. В своем начале он был лишь газом, поднимающимся с поверхности болот. Он не имел ни запаха, ни вкуса, но обладал какой-то динамической комбинацией. И в ней была жизнь.

Сначала он напоминал всего лишь облачко над невидимым туманом. Он охотно носился над теплыми темными водами, породившими его; извиваясь, ныряя и расширяясь, непрестанно и все с большим удовольствием добивался одного — быть и при этом кое-что... кое-кого убивать.

И вся жизнь его была посвящена одному — смерти других.

А происходило это не оттого, что он сознавал всю сложность и исключительность процессов, благодаря которым получил жизнь. Им двигало только удовольствие и желание жить. Какую он испытывал радость, налетев на двух насекомых, жужжащих в яростной борьбе. Еще бы: окутать их и ждать, дрожа каждой газообразной частичкой, когда энергия жизни несчастных жертв перейдет в его собственные непрочные субстанции.

Тогда для него не существовало времени — смыслом жизни было только насыщение. А миром его было узкое болотце средь серых окрестностей, где он обитал, довольный своей идиллической, почти бездумной жизнью. Но даже здесь, в этом мире, едва освещаемом лучами солнца, он безудержно рос.

Он все больше и больше нуждался в пище, и охота на насекомых уже не могла утолить его потребности.

Тогда он поднакопил зачатки хитрых, особых знаний о жизни на своем мокром болоте. Он стал отличать, какие насекомые были охотниками, а какие жертвами. Он изучил часы охоты каждого и места, где лежали маленькие, еще не способные летать чудовища — летающих труднее было выслеживать и ловить. Он научился превращать свои туманные образования в дуновения бриза, подталкивая ничего не подозревавшие жертвы к смерти.

Ему стало хватать пищи, а потом ее сделалось в избытке. Он рос и однажды вновь испытал голод. Необходимость заставила его познать жизнь и за пределами его болота. И вот однажды, простершись дальше, чем когда-либо, он наткнулся на двух гигантов в панцирях, занятых кровавой битвой не на жизнь, а на смерть. Он с трепетом впитывал необычайное количество жизненной энергии из тела поверженного чудовища, испытывая при этом небывалый восторг, не сравнимый ни с каким переживанием всей его предыдущей жизни. За те несколько часов, за которые не прекращался его пир, Анабис вырос в десять тысяч раз.

На следующий день он уже обволок болотистые джунгли окрест, затем океан, затем континенты, планеты и наконец проложил путь туда, где вечные облака расступались, чтобы очистить путь незамутненным лучам солнца. Позднее он обрел разум и смог проанализировать случившееся. Куда бы он потом ни проникал, все увеличиваясь в размерах, он адсорбировал газы из окружающей атмосферы. Он понял, что для поддержания этого процесса ему необходимы два условия: пища, которую надо было искать, и ультрафиолетовые лучи. Сквозь толстую, насыщенную туманами атмосферу планеты пробивалось мизерное количество солнечных лучей нужного спектра, отчего и результаты были не так велики.

Но стоило ему преодолеть атмосферу, и он испытал на себе благотворное воздействие прямых ультрафиолетовых лучей. С этих пор быстрое его развитие уже ничем нельзя было остановить. Он вышел в космос и на следующий же день завладел второй планетой. В кратчайший срок он достиг границ системы и тут же попытался дотянуться до других звезд, но был побежден расстоянием.

Добывая пищу, он впитывал знания и сначала верил, что мысли его собственные. Однако постепенно осознал, что вместе с электрической, нервной энергией, которую он поглощал во время смертельных схваток животных, он овладевает и их разумом — обоих: и победителя, и побежденного, умирающего животного. Какое-то время его мышление задержалось на этом уровне. Он узнал множество коварных уловок четвероногих охотников и познал искусство быть неуловимым. Однако то на одной, то на другой планете ему доводилось вступать в контакт с совершенно другой формой сознания — с существами, которые умели мыслить, развивали цивилизацию, науку.

Среди прочего он узнал от них, что, стоит ему сконцентрировать свою энергию, и перед ним откроются дыры в космосе, через которые он сможет «выныривать» в любой самой отдаленной точке. Он научился таким образом переправлять материю. Стал создавать примитизированные планеты-джунгли, потому что первобытные миры снабжали его пищей, которая больше всякой другой была насыщена жизненной энергией. Он переносил через гиперпространство огромные части других планет. Переносил холодные планеты поближе к солнцу.

Но и этого ему было мало!

Дни его безраздельного властвования пролетели, как один счастливый миг. Он ел и безудержно разрастался. Несмотря на постоянное совершенствование своего сознания, он нигде и никак не пытался сбалансировать этот процесс. Он уже с диким ужасом предвидел, что грядет его конец.

Появление корабля вселило надежду. Вытягиваясь в одном направлении, он последует за кораблем, куда бы он ни направлялся. Так он начнет отчаянную борьбу за то, чтобы уцелеть, будет захватывать галактику за галактикой, расползаясь все дальше в бесконечную тьму пространства, которому нет конца...

Тьма не останавливала людей. «Космическая гончая» припала к обширному плато, где были залежи железа. Все ее иллюминаторы излучали свет. Массивные осветительные приборы освещали ряды машин, что пережевывали своими челюстями поверхность планеты. Когда работы только начались, руду «скармливали» единственной обрабатывающей машине, и она превращала ее в металл, который передавала производственным машинам, а те превращали его в космические торпеды, выпуская по одной каждую минуту. Торпеды тут же отправляли в космос.

К рассвету следующего дня производственные машины стали промышленными. Они производили секции металлооб-

рабатывающих машин, а роботы каждое новое сооружение снабжали металлом. Вскоре уже сотни, а потом и тысячи таких машин производили эти темные, тонкостенные торпеды. Все больше их уносилось в царящую вокруг ночь, насыщая радиацией каждый дюйм газообразной субстанции. Тридцать тысяч лет будут эти торпеды рассыпать свои смертоносные атомы. И при этом они были рассчитаны так, чтобы никогда не упасть ни на одну планету или солнце и вечно оставаться в гравитационном поле этой галактики.

Когда медленно поднимавшаяся красная заря второго утра осветила горизонт, инженер Пеннон доложил по «Всеобщему вызову»:

— Теперь мы выпускаем девять тысяч торпед в секунду. Полагаю, что завершение работ мы вполне можем возложить на сами машины. Я установил вокруг планеты защитный экран на случай нападения. Обнаружено еще с сотню железных планет, и наш громадный «друг» скоро ощутит пустоту в своих жизненно важных центрах. А нам пора в путь.

Спустя несколько месяцев они решили, что направятся к созвездию NGC9-50437. Астроном Лестер так объяснил причину этого выбора:

— Созвездие находится на расстоянии в девятьсот миллионов световых лет отсюда. Если наш «газообразный разум» последует за нами, он растеряет всю свою энергию в необъятности пространства.

Он сел, и слова сразу попросил Гроувнор.

— Я уверен,— начал он,— что все прекрасно понимают, что мы вовсе не собираемся лететь в столь отдаленную звездную систему. Этот путь занял бы столетия, а то и тысячелетия. Наша цель — выпроводить эту враждебную форму жизни туда, где она погибнет от голода и откуда нет возврата. Мы сможем определить, следует ли за нами это существо, по воздействию на нас его мыслей. И мы сразу же определим, что оно мертво, когда это прекратится.

Все так и случилось.

Шло время. Переступив порог своей аудитории, Гроувнор увидел, что слушателей снова поприбавилось. Были заняты все места, принесли стулья и из соседней комнаты. Он приступил к вечерней лекции.

— Проблемы, которыми занимается некзиализм, это проблемы всеобъемлющие. Человек изучал живую и неживую материю не только отдельно одну от другой, но и разными научными методами. И хотя он произносит слова о целостности природы, ведет он себя так, как если бы единая, вечно изменяющаяся Вселенная состояла из многих, по-разному функционирующих частей. Методика, о которой мы сегодня поговорим...— он вдруг замолк, его взгляд упал на знакомую фигуру, расположившуюся в дальнем конце аудитории,— покажет нам, как можно преодолеть это несоответствие реальности и представления человека о ней.

Он продолжал свою лекцию, а в глубине помещения Кент делал свои первые записи по некзиализму.

И как маленький островок человеческой цивилизации, экспедиционный корабль «Космическая гончая» летел, все увеличивая скорость, сквозь тьму пространства, которому не было конца.

И не было начала.

Корабль-бродяга

Форду Маккормаку, другу, логику, техническому эксперту, единому во многих лицах, чувствующему себя как дома не только в экзотических мирах сверхсветовых скоростей, но и на сцене маленьких театров,— у которого я позаимствовал кое-какие концепции и почти все научные идеи, использованные в этой фантастической истории.

1

Краем глаза молодой Лисби увидел Ганарета, который по лесенке поднимался на капитанский мостик космического корабля, и испытал смутное неудовольствие. Девятнадцатилетний Ганарет был крепким и рослым юношей с квадратной челюстью и агрессивными манерами. Как и сам Лисби, он родился на корабле. Поскольку Ганарет не имел офицерского звания, ему не разрешалось появляться на мостике, и это, ко всему прочему, еще сильнее раздражало Лисби.

К тому же его вахта заканчивалась через пять минут.

Ганарет взошел на последнюю ступеньку и шагнул на застеленный ковром пол капитанского мостика. Должно быть, он смотрел только себе под ноги, поскольку восхищенно ахнул, подняв взгляд к черным, усыпанным звездами небесам. Его реакция удивила Лисби. Ему не приходило в голову, что на корабле есть люди, которые видели космос только на экранах мониторов.

Голая холодная реальность звездного неба, от которого их отделял лишь прозрачный пластик, произвела на Ганарета сильное впечатление. Лисби ощутил легкое превосход-

ство. Ему разрешали приходить на мостик с самого раннего детства.

Для него все здесь казалось обычным, как и сам корабль.

Он видел, что Ганарет постепенно приходит в себя.

— Значит — сказал Ганарет,— вот как это выглядит. И где же Альфа Центавра?

Лисби неохотно показал на очень яркую звезду, которую можно было разглядеть и без приборов астронавигации. Интересно, обязан ли он доложить о появлении на мостике Ганарета, ведь гражданский персонал не допускается сюда?

Ему не хотелось этого делать, прежде всего потому, что не стоило раздражать других молодых обитателей корабля. К нему и без того относились с опаской, ведь Лисби был сыном капитана. А если он доложит о приходе Ганарета, то и вовсе окажется в изоляции.

Он вдруг отчетливо представил себе, что ведет такой же одинокий образ жизни, как его отец. Лисби тихонько покачал головой: нет, он не будет так жить.

Через несколько минут его вахта закончится, он возьмет Ганарета под руку и постарается по-дружески ему все объяснить. Однако Лисби заметил, что Ганарет смотрит на него с циничной улыбкой.

— Не похоже, что до нее близко. Выходит, колонистов обманули, когда заявили, что корабль будет лететь со скоростью света или даже быстрее и доберется туда через четыре года,— язвительно заметил Ганарет.

— Еще девять лет, и мы будем на месте,— ответил Лисби.

— Ну да! — презрительно бросил Ганарет.— Это мы еще посмотрим.— Он повернулся к Лисби.— А где Земля?

Лисби подвел его к противоположному краю мостика, где стояло смотровое устройство, и направил его на земное Солнце.

Почти минуту Ганарет не мог оторваться от созерцания Солнца. На его лице появилось мрачное выражение, плечи опустились.

— Оно так далеко,— прошептал он.— Даже если мы прямо сейчас повернем обратно, нам с тобой будет по сорок лет, когда корабль доберется до Земли.

Потом он резко обернулся и схватил Лисби за плечи.

— Ты только представь себе! Сорок лет. Половина нашей жизни пройдет, но у нас еще останется надежда получить хоть какое-то удовольствие — если мы повернем прямо сейчас.

Лисби высвободился из цепких пальцев, его охватила тревога. Прошло больше года с тех пор, как он в последний раз

слышал подобные разговоры от других молодых парней. Тогда его отец прочитал лекцию о важности путешествия к Альфе Центавра, и настроения среди молодых людей изменились.

Похоже, Ганарет сообразил, что ведет себя глупо. Смущенно улыбнувшись, он отступил назад и решил обратить все в шутку.

— Но теперь, когда мы находимся всего в девяти годах от Центавра, глупо поворачивать обратно, через восемнадцать лет мы вернемся.

Лисби не стал спрашивать: «Куда вернемся?» Уже довольно давно большинство находящихся на борту людей пришло к выводу, что исходная цель полета потеряла всякий смысл. Разве они не видят Солнце, которое совершенно не меняется? Значит, необходимо вернуться на Землю. Лисби знал, что молодежь считает его отца старым дураком, который не осмеливается повернуть обратно, поскольку опасается насмешек своих коллег-ученых. Гордость глупого старика вынуждает обитателей корабля провести всю жизнь в космосе. Лисби и сам испытывал ужас от такой перспективы и не мог не порицать отца вместе со всеми.

Он посмотрел на часы и с облегчением обнаружил, что пришло время переключиться на автопилот. Его вахта закончилась. Он повернулся к приборной панели, пересчитал гаснущие огоньки и сверил показания приборов с докладом двух физиков, находившихся в машинном отделении. После чего еще раз пересчитал горящие огоньки. Все в порядке. Теперь в течение двенадцати часов кораблем будет управлять электроника. Потом на вахту на шесть часов заступит Карсон. За ним, через двенадцать часов, придет очередь первого помощника, которого сменит Браун, третий помощник. Пройдет еще двенадцать часов, и на капитанский мостик вернется Лисби.

Так Лисби жил с тех пор, как ему исполнилось четырнадцать лет. Надо признать, его обязанности не были слишком уж сложными. Старшие офицеры корабля не очень напрягались. Однако они трепетно относились к своей работе и всегда вовремя заступали на вахту. Несколько лет назад Браун даже приказал прикатить его на капитанский мостик в кресле на колесиках и всю вахту провел вместе со своим сыном, который помогал заболевшему отцу все шесть часов.

Такая преданность долгу смущала юного Лисби, и он предпринял одну из редких попыток поговорить с отцом. Он спро-

сил, что заставляет Брауна столь рьяно исполнять свои обязанности. Старик насмешливо улыбнулся и объяснил:

«Право стоять на вахте повышает статус офицера, поэтому следует рассматривать его с максимальной серьезностью. Поведение Брауна может служить наглядным тому примером. Мы принадлежим к официальному правящему классу, мой мальчик. Веди себя с этими людьми уважительно, обращайся к ним по званию, а в ответ они будут признавать твой статус. От того, насколько тщательно мы будем соблюдать формальности, зависит отношение команды к офицерам».

Лисби уже знал, что статус имеет известные преимущества: самые красивые девушки охотно ему улыбались, а когда он улыбался в ответ, с удовольствием проводили с ним время.

Вспомнив улыбку одной особенной девушки, он вдруг сообразил, что у него едва остается время, чтобы освежиться перед началом фильма.

Тут только Лисби заметил, что Ганарет смотрит на часы на приборной панели. Юноша перевел взгляд на Лисби.

— Ладно, Джон,— произнес он,— пора мне кое-что тебе сказать. Через пять минут после того, как начнется фильм, моя группа захватит корабль. Мы намерены сделать тебя капитаном, но только при условии, что ты повернешь к Земле. Мы не станем трогать старых чудаков — если они будут вести себя скромно. Если же окажут сопротивление, тогда получат по полной программе. Ну а если ты попытаешься предупредить своих, капитаном тебе не быть.

Не обращая внимания на вытаращенные глаза Лисби, Ганарет продолжал:

— Главное для нас не вызвать подозрений. Из чего следует, что все, в том числе и ты, должны вести себя как обычно. Как ты поступаешь, когда заканчивается твоя вахта?

— Иду в свою каюту и принимаю душ,— честно ответил Лисби.

Он начал приходить в себя после испытанного потрясения. И удивительное дело, Лисби охватило беспокойство: вдруг эти глупцы все испортят, их мятеж потерпит поражение и безумное путешествие будет продолжаться бесконечно. Сообразив, что он сочувствует мятежникам, Лисби сглотнул и ощутил смущение.

— Хорошо, но я иду с тобой,— сказал Ганарет прежде, чем Лисби успел взять себя в руки.

— Возможно, будет лучше, если я не стану заходить домой,— с сомнением ответил Лисби.

— И вызовешь подозрения у своего отца! Вот уж нет!

Лисби не знал, что ему делать. Он понимал, что становится участником мятежа, а на этом пути его могли поджидать неизвестные опасности. Однако эмоции, возникшие в глубинах его существа, продолжали управлять им.

— Ему не следует видеть нас вместе,— тоном заговорщика ответил Лисби.— Ты ему не нравишься, и он непременно спросит, что я с тобой делаю.

— О да, я ему совсем не нравлюсь! — воинственно сказал Ганарет, но на его лице неожиданно выразились сомнения.— Хорошо, мы пойдем в кинотеатр сразу. Однако помни о том, что я тебе сказал. Веди себя осмотрительно. Делай вид, что ты ничего не подозреваешь, но будь готов принять командование кораблем.— Он неожиданно положил руку на плечо Лисби.— Мы победим. Боже мой, у нас нет другого выхода.

Когда они спускались вниз, Лисби обнаружил, что все его мышцы напряжены, словно он приготовился с кем-то драться.

2

Лисби опустился на свое место. Вокруг рассаживались зрители. Лисби успел поразмыслить о том, что ему предстоит. Если он намерен что-то предпринять, то сейчас самое время — потом будет поздно.

Стоявший в проходе между рядами Ганарет что-то прошептал на ухо другому молодому человеку, а потом плюхнулся в соседнее кресло.

— Осталось всего несколько минут,— зашептал он, наклонившись к Лисби.— Нужно подождать, когда все займут свои места, погаснет свет и начнут показывать фильм. Тогда я в темноте выйду на сцену. Лишь только зажжется свет, присоединяйся ко мне.

Лисби кивнул, но ему было не по себе. Всего несколько минут назад он сочувствовал мятежникам, однако теперь, когда свет в зале начал меркнуть, Лисби стало страшно. Он не мог себе представить, что произойдет. Нечто ужасное, подумал он.

Прозвенел звонок.

— Сейчас начнется фильм,— прошептал Ганарет.

Время неумолимо шло. Лисби ощутил непреодолимое желание действовать. Он вдруг решил, что мятежники используют его на ранней стадии восстания, а потом избавятся от него. Неожиданно Лисби пришел к выводу, что ничего не выиграет, если мятежники одержат победу.

Охваченный отчаянием, он завертелся в своем кресле, пытаясь найти путь к отступлению.

И сразу же отказался от этой мысли. Его глаза быстро привыкли к полумраку зала. В одном из соседних рядов он заметил офицера Брауна с женой. Браун перехватил его взгляд и кивнул. Лисби умудрился ответить ему кривой улыбкой и отвернулся.

— А где Карсон? — спросил Ганарет.

Лисби удалось раньше его отыскать первого помощника Карсона, который сидел в задней части кинотеатра, а также второго помощника, устроившегося в одном из передних рядов. Из старших офицеров корабля не было только капитана Лисби. Это вызвало у Лисби некоторое беспокойство, но в целом кинотеатр был почти полон.

Фильмы показывали три раза в неделю. Три раза в неделю восемьсот человек собирались в зале и молча смотрели на изображения далекой Земли, скользившие по экрану. Обитатели корабля редко пропускали эти сеансы. Его отец должен был появиться с минуты на минуту.

Лисби приготовился принять неизбежное. На экране замелькал свет, послышались первые аккорды. Затем голос произнес что-то относительно «важного процесса», по экрану пошел текст и список экспертов. И вновь взгляд Лисби переместился к месту, зарезервированному для его отца.

Оно продолжало пустовать.

Лисби испытал потрясение, его переполняло предчувствие неминуемой катастрофы, он вдруг понял, что отец знает о заговоре.

На молодого человека нахлынуло разочарование. Он с горечью осознал, что путешествие будет продолжаться. И удивился собственной реакции. Оказывается, он не понимал всей глубины отвращения к своей нынешней жизни, на расстоянии семи тысяч восьмисот дней от Земли. Он повернулся, чтобы высказать Ганарету все, что думает по этому поводу.

Лисби уже раскрыл рот, но тут его вновь охватили сомнения. Если мятеж будет подавлен, то ему не следует ничего говорить в поддержку Ганарета. Он со вздохом откинулся на спинку кресла. Гнев исчез, а с ним вместе и разочарование. Что ж, значит, они будут лететь дальше.

Между тем на экране показывали заседание суда.

— ...Этот человек совершил предательство. Законы Земли не заканчиваются за пределами стратосферы, на Луне или на Марсе...

И вновь Лисби отвлекся. Его взгляд вернулся к месту капитана, и с его губ сорвался вздох, когда он увидел, как усаживается отец. Значит, он ничего не подозревает. И его опоздание лишь случайность.

Через несколько секунд вспыхнет свет, и юные мятежники захватят власть на корабле.

Как ни странно, только теперь его внимание обратилось к происходящему на экране. Казалось, сознание молодого человека пытается избавиться от чувства вины, стараясь переключиться на внешние события. Лучше смотреть на окружающий мир, чем заглянуть к себе в душу.

Действие происходило в суде. Очень бледный юноша стоял перед судьей в черном головном уборе, и тот произносил:

— Вы хотите что-нибудь сказать перед объявлением приговора?

Ответ прозвучал неуверенно и с большими паузами.

— Ничего, сэр... если не считать... мы находились так далеко... казалось, мы уже совсем не связаны с Землей. После стольких лет мы подумали, что земные законы больше не действуют...

Лисби вдруг заметил, что в зале стоит мертвая тишина, а условное время начала мятежа давно прошло. И только после того, как прозвучали последние слова судьи, он понял, что восстания не будет, и сообразил почему. Судья с далекой Земли говорил:

— У меня нет выбора, я должен приговорить вас к смерти... за мятеж.

Через несколько часов Лисби зашел в проекционную кабину.

— Привет, мистер Джонатан,— сказал он стройному мужчине среднего возраста, который наводил порядок среди своих пленок.

Джонатан вежливо кивнул в ответ. Однако в его глазах промелькнуло удивление — что здесь делает сын капитана? Выражение его лица напомнило Лисби, что он должен обращать внимание на всех членов экипажа, даже на тех, которые кажутся незначительными.

— Вы показали странный фильм в начале вечера,— небрежно заметил Лисби.

— Да.— Джонатан продолжал возиться с аппаратурой.— Я удивился, когда твой отец позвонил мне и попросил показать именно этот фильм. Знаешь, он очень старый. Его сняли, когда межпланетные путешествия только начинались.

Лисби боялся что-нибудь сказать — его мог выдать голос. Он кивнул, делая вид, что осматривает аппаратуру, а потом быстро вышел — сам не понимая, куда направляется.

Целый час он блуждал по кораблю, пока у него не начало формироваться решение. Он должен повидать отца.

После смерти матери они практически перестали разговаривать.

3

Он нашел старика в просторной гостиной корабельной квартиры, которую они занимали вдвоем. В свои семьдесят с лишним лет Джон Лисби давно научился владеть собой, поэтому он лишь поднял голову, когда вошел его сын, вежливо поздоровался с ним и возобновил чтение.

Прошла минута, прежде чем отец заметил, что сын не ушел в свою спальню, и с некоторым удивлением вновь поднял глаза.

— Да? — спросил он.— Ты хочешь что-то спросить?

Молодой Лисби колебался. На него накатили эмоции, ему вдруг захотелось заключить с отцом мир. Он так и не смог простить ему смерти матери.

— Отец, почему мама покончила с собой? — неожиданно спросил он.

Капитан Лисби отложил книгу. Он побледнел, хотя его лицо уже давно приобрело сероватый оттенок, и глубоко вздохнул.

— Ты задал странный вопрос.

— Я считаю, что должен знать,— настаивал Лисби.

Наступила долгая тишина. Морщинистое лицо старика оставалось бледным, однако глаза неестественно блестели.

— Она часто с горечью говорила о тебе,— продолжал молодой Лисби,— но я никогда ее не понимал.

Капитан Лисби кивнул, словно хотел в чем-то убедить самого себя. Наконец он принял решение и расправил плечи.

— Я воспользовался своим положением,— спокойно заговорил он.— Она находилась под моей опекой, а когда повзрослела, стала привлекательной женщиной, которую я полюбил. При обычных обстоятельствах я бы хранил эти чувства при себе и она бы вышла замуж за своего ровесника. Но я убедил себя в том, что она выживет, если полетит со мной. Так я предал ее доверие, доверие ребенка к отцу, а не женщины к любовнику.

Поскольку юный Лисби никогда не считал свою мать особенно молодой, ему было трудно понять причины ее

страданий. И все же он знал, что отец говорит правду. Тем не менее сейчас наступил момент для всей правды, и он решил идти до конца.

— Она называла тебя глупцом и...— Он немного помолчал.— И не только. Но я твердо знаю, что ты совсем не глуп. Однако, сэр, мама поклялась мне, что смерть мистера Тельера не была результатом несчастного случая, как утверждал ты. Она... назвала тебя убийцей.

На бледных щеках отца появились розовые пятна. Старик долго молчал, потом на его губах заиграла слабая улыбка.

— Только время покажет, Джонни, глупец я или гений. Я оказался сильным противником, но только благодаря тому, что Тельеру приходилось набираться храбрости перед каждым следующим шагом, а мне помогал опыт. Когда-нибудь я расскажу тебе о нашей долгой и трудной борьбе. Он так хорошо знал наш корабль, что мог бы меня победить. Впрочем, мне помогал сильный стимул — в отличие от него.

Должно быть, капитан понял, что его объяснения носят слишком общий характер, поскольку продолжил:

— Хватит нескольких фраз, чтобы ты все понял. На момент старта Тельер был убежден, что мы сумеем развить скорость, близкую к скорости света, и в дело вступит теория сжатия Лоренца—Фицджеральда. Как тебе прекрасно известно, мы не сумели развить такую скорость. Двигатель не оправдал надежд Тельера. Как только Тельер осознал, что нам предстоит долгое путешествие, он захотел повернуть назад. Естественно, я не мог этого допустить. В результате Тельер утратил контроль над своим сознанием, а во время одного из приступов с ним произошел несчастный случай.

— Но почему мать считала тебя виновным в его смерти?

Старший Лисби пожал плечами. Должно быть, сказывалась давняя обида, поскольку его голос прозвучал глухо.

— Твоя мать так и не поняла сути наших научных разногласий. Она знала лишь, что Тельер хочет повернуть назад. Она разделяла его желание и решила, что его знания астрофизика глубже моих познаний астронома и я попросту спорю с человеком, владеющим всей полнотой информации.

— Понятно,— ответил молодой Лисби.— Честно говоря, я никогда не понимал теорию сжатия Лоренца—Фицджеральда, а также сути твоего открытия, которое привело к нашему путешествию.

Капитан задумчиво посмотрел на сына.

— Это очень сложная идея,— сказал он.— К примеру, я анализировал вовсе не само Солнце, а искривление пространства. К настоящему моменту это искривление должно было уничтожить Солнечную систему.

— Но наше Солнце не вспыхнуло.

— А я никогда не утверждал ничего подобного,— раздраженно ответил отец.— Мой мальчик, ты найдешь мой отчет среди научных трудов в библиотеке. Там же имеются отчеты доктора Тельера об экспериментах по достижению более высокой скорости. В его бумагах также содержится описание знаменитой теории сжатия Лоренца—Фицджеральда. Почему бы тебе их не почитать в свободное время?

Молодой человек колебался. Ему совсем не хотелось вникать в длинные научные рассуждения — особенно сейчас, в такой поздний час. Однако он прекрасно понимал, что его откровенный разговор с отцом есть результат сегодняшних событий — кто знает, когда у них еще появится такая возможность. Поэтому он решил продолжить расспросы.

— Но почему кораблю не удалось развить предполагаемую скорость? Что случилось? — Он тут же добавил: — Я слышал лекции, которые ты читал экипажу, но мне хорошо известно, что ты рассказывал лишь то, что считал полезным для продолжения путешествия. Каковы истинные причины?

Глаза старика неожиданно заблестели, и он усмехнулся.

— Похоже, мне удалось обрести инстинктивное умение поддерживать дисциплину и мораль на корабле, не так ли? — Он посерьезнел.— Как бы я хотел передать тебе эти умения! Впрочем, не важно. Ты совершенно прав. Я рассказал то, что считал нужным. А правда тебе уже частично известна. Когда Тельер обнаружил, что выбрасываемые частицы не могут достичь расчетных скоростей, появилась необходимость беречь топливо. Теоретически частицы, разогнавшиеся до скорости света, должны были давать нам почти неограниченную мощность при минимальных затратах топлива. На самом же деле мы потратили сотни тонн топлива, чтобы достигнуть пятнадцати процентов скорости света. И с этого момента мы поняли, что расход топлива не будет уменьшаться. Тогда я приказал выключить двигатели. С тех пор мы летим по инерции с прежней скоростью. Чтобы произвести торможение перед Альфой Центавра, нам потребуется такое же количество топлива. И все будет хорошо, если не возникнет никаких проблем. В противном случае нам придется заплатить за ошибку Тельера.

— Как? — спросил молодой Лисби.

— Нам может не хватить топлива,— ответил отец.

— Ах вот оно что!

— И еще одно,— сказал капитан.— Мне прекрасно известно, что многие на корабле верят в существование Земли, вопреки моим предсказаниям, и что я подвергаюсь жестокой критике. Много лет назад я обдумал эту ситуацию и решил, что лучше поступиться гордостью, чем спорить. И вот почему: мои полномочия получены на Земле. Если люди поверят, что Земля и в самом деле уничтожена, то те, кто сейчас находятся у власти — я, ты и другие старшие офицеры,— не сумеют сделать то, что мне удалось сегодня: напомнить инакомыслящим о том, как поступает Земля с предателями.

Молодой человек кивнул. Ему совсем не хотелось углубляться в обсуждение данного предмета, и он решил, что пришло время закончить разговор. Он хотел задать еще один вопрос об отношениях между старшим Лисби и вдовой Тельера после смерти его матери. Но он решил, что сейчас лучше об этом не упоминать.

— Спасибо, отец,— сказал он и ушел в свою спальню.

4

В течение нескольких недель они тормозили. День за днем росли звезды на черном фоне, становясь все ярче. Четыре солнца Альфы Центавра больше не походили на один ослепительный бриллиант — теперь их разделяли темные пространства.

Они пролетели мимо Проксимы Центавра на расстоянии около двух миллиардов миль. Тусклая красная звезда постепенно оставалась позади.

Целью их путешествия была вовсе не красная маленькая Проксима, а яркая Альфа А. С Земли телескопы сумели различить семь планет, вращающихся вокруг Альфы А. Несомненно, хотя бы одна из них должна быть пригодной для жизни.

Когда корабль находился в четырех миллиардах миль от главной системы, шестилетний сын, Лисби II, нашел его в гидропонном саду, где он обсуждал проблемы охлаждения растущих здесь овощей и фруктов.

— Папа, дедушка ждет тебя в капитанской каюте.

Лисби кивнул. Он обратил внимание, что мальчик даже не посмотрел на работающих в саду людей, и ощутил некое удовлетворение. Хорошо, что ребенок уже понимает значение своего статуса. С самого рождения мальчика через несколько лет после неудачной попытки мятежа под предводительством Ганарета Лисби всячески старался воспитать в своем сыне правильные представления о мире корабля.

Мальчик должен чувствовать свое превосходство — в противном случае он не сможет руководить другими людьми.

Лисби взял сына на руки и зашагал к лифту, чтобы подняться на офицерскую палубу. Когда он вошел, его отец, четверо физиков из инженерного отдела, а также мистер Карсон, мистер Хенвик и мистер Браун что-то обсуждали. Лисби молча уселся среди них, но вопросов задавать не стал.

Довольно быстро он понял, о чем идет речь. Искровые разряды. Вот уже несколько дней корабль летел через мощный электрический шторм. Разряды обрушивались на корпус от носа до кормы. На прозрачном капитанском мостике стало невозможно находиться без темных очков; беспрестанные вспышки слепили и вызывали сильные головные боли.

Более того, разряды усиливались.

— Я считаю,— заявил главный физик, мистер Плаук,— что мы столкнулись с газовым облаком: как известно, космос не является полным вакуумом, особенно в окрестностях звездных систем, где имеется большое количество свободных атомов и электронов. В сложных структурах, образованных Альфами А, В и С, а также звездами Проксимы, сила тяготения притягивает огромные массы атомов газа из внешней атмосферы всех звезд, которые проникают в окружающее пространство. Относительно электрических аспектов явления можно предположить, что среди газовых облаков возникает течение, возможно вызванное нашим полетом, хотя подобное объяснение представляется мне маловероятным. Межзвездные электрические бури не являются для нас новостью.

Он помолчал и вопросительно посмотрел на своих ассистентов. Один из них, похожий на мышь мистер Кессер, сказал:

— Я противник теории электрических бурь, хотя и согласен с идеей о присутствии в космосе газовых облаков. Не следует забывать, что астрономам о них известно уже очень давно. Я попытаюсь дать собственное объяснение искровых разрядов. Еще в двадцатом веке или даже раньше считалось, что молекулы и атомы газов перемещаются в пространстве, меняя скорость и температуру. Мы обнаружили, что температура этих частиц в момент разряда составляет двадцать тысяч градусов по Фаренгейту.

Он огляделся по сторонам, на миг перестав походить на мышь.

— Что произойдет, если молекула, перемещающаяся с такой скоростью, ударит в корпус нашего корабля? Естествен-

но, возникнут искры и начнется выделение тепла.— Он немного помолчал, качая седой головой.— Конечно, нам не следует забывать о первой экспедиции к Центавру и придется соблюдать максимальную осторожность.

Наступила тишина. И Лисби II вдруг показалось, что все думают о первой экспедиции, но никто не хочет упоминать о ней вслух. Он посмотрел на отца. Капитан Лисби нахмурился. За последние годы командир корабля заметно похудел, но при росте шесть футов и три дюйма он все еще весил сто семьдесят пять фунтов.

— Нам в любом случае необходимо соблюдать осторожность. Одна из наших задач состоит в том, чтобы выяснить судьбу первой экспедиции.— Он бросил взгляд на сидевших вместе физиков.— Как вы знаете, они стартовали в сторону Альфы Центавра почти семьдесят пять лет назад. Мы предполагаем, что двигатели их корабля продолжают работать. Значит, в атмосфере планеты должны остаться следы. Вопрос лишь в том, сохранил ли корабль через три четверти века способность перемещаться?

Ответы физиков поразили Лисби отсутствием единства. Большинство специалистов считало, что многое должно было сохраниться. Ядерные двигатели. Все электронные детекторы и часть источников энергии. Также отмечалось, что приборы могут выдерживать огромные перегрузки. Корпус корабля? Тут многое зависело от скорости, с которой он вошел в атмосферу планеты. Кое-кто предполагал, что она была существенно выше пределов безопасности. В таком случае корабль мог попросту взорваться.

Но эксперты считали иначе. Они заявили, что «корабль будет найден в течение нескольких часов после прибытия на планету, где он разбился».

Когда все собрались уходить, отец жестом попросил Лисби остаться. Лишь только за последним физиком закрылась дверь, капитан сказал:

— Необходимо подготовиться к предотвращению второго мятежа. Существует заговор — люди хотят отменить земной закон, по которому мы обязаны основать колонию на Центавре и никогда не возвращаться на Землю. Поскольку я считаю, что Земли больше нет, подобные намерения вызывают у меня опасения. Мне до сих пор представляется, что будет лучше, если наши люди сохранят веру в существование Земли. Однако сейчас мятежники не собираются делать капитаном тебя. Поэтому нам необходимо выработать тактику и стратегию...

5

Вахты превратились в настоящий кошмар. Три старших офицера и Лисби разделили их на трехчасовые промежутки, следовавшие один за другим. Они начали носить скафандры для защиты, но глаза Лисби теперь болели постоянно.

Когда он спал, ему снились искры, танцующие под его веками в странном ритме, на фоне успешного мятежа во главе с Ганаретом, которому удалось застать их врасплох, несмотря на принятые меры предосторожности. Просто удивительно, как отцу удавалось узнавать о готовящихся мятежах.

Скорость корабля заметно уменьшилась. Они медленно приближались к планете, выбранной для первой высадки. Впрочем, других вариантов не существовало. Из семи планет системы шесть были размером с Юпитер, а седьмая имела диаметр в десять тысяч миль. В 120 миллионах миль от Альфы А, звезды на 15 процентов более жаркой, чем Солнце, вращалась планета, чрезвычайно похожая на Землю. Ситуация несколько осложнялась наличием бледной, но размером с Солнце Альфы В, находящейся на расстоянии в миллиард миль от Альфы А, и практически невидимой Альфы С, которая также должна была оказывать какое-то влияние на планету. Но это уже не имело значения, поскольку планета подходила для их целей по размерам, и даже с такого огромного расстояния было видно, что она обладает атмосферой.

Вращаясь на орбите, находящейся на расстоянии в четыре тысячи миль от поверхности планеты, гигантская «Надежда человечества» сохраняла скорость, позволявшую команде вести наблюдение. Очень скоро было обнаружено, что на поверхности планеты есть города.

Событие, которое должно было стать главным в жизни каждого обитателя корабля, привело к росту всеобщего напряжения. Тесты показывали, что условия на поверхности планеты не вполне подходят для жизни человека. Однако все понимали, что измерения, проделанные с такого большого расстояния, нельзя считать достоверными.

Однажды, когда Лисби II поднялся на мостик вместе с отцом, за ними увязался стареющий химик Кессер.

— Чем скорее мы войдем в атмосферу для последнего тестирования, тем лучше,— заявил он.

У Лисби II возникли такие же чувства, но отец покачал головой.

— Вы едва успели закончить колледж, когда стали членом нашего экипажа, мистер Кессер. И вам неизвестны стандартные меры предосторожности, которыми мы должны руководствоваться. Вот в чем одна из наших главных проблем. Те, кто родился во время путешествия, так и не поняли, что такое настоящая эффективность. Я не собираюсь высаживаться на поверхность планеты еще в течение двух недель. Возможно, даже больше.

Проходили дни, им удалось получить данные, подтверждающие первые замеры. Атмосфера планеты имела сильный зеленоватый оттенок — оказалось, что причина в присутствии хлора. В стратосфере обнаружили много кислорода, его количество было сравнимо с обитаемой Венерой, но людям пришлось бы носить маски, чтобы избежать отравления хлором. Кессер и его ассистенты пока не получили точных данных о содержании водорода и азота в воздухе, что лишь усиливало их желание быстрее спуститься вниз.

На высоте в четыре тысячи миль удалось зафиксировать границы между водой и сушей, были сделаны фотографические карты. Камеры, производящие тысячи снимков в секунду, позволили получить картину, полностью очищенную от искр.

Всего на планете имелось четыре континента и бесчисленное количество островов. Несмотря на расстояние, удалось обнаружить пять тысяч девятьсот городов. Они не были освещены по ночам, но здесь не существовало ночи в земном смысле. Когда заходила Альфа А, поверхность планеты освещалась Альфой В или Альфой С.

— Нам не следует считать,— заявил капитан Лисби во время ежедневного выступления по корабельному интеркому,— что цивилизация на этой планете не открыла электричества. Если в отдельных домах свет включается не слишком часто, мы можем его не замечать.

Однако Лисби обнаружил, что выступления капитана не достигли своей цели. Командира постоянно критиковали, считая, что он слишком осторожен.

— Почему мы до сих пор не опустились ниже,— спрашивал один человек,— чтобы взять пробы атмосферы и положить конец сомнениям? Если мы не сможем дышать таким воздухом, нужно возвращаться домой.

Неожиданно Лисби понял, что, несмотря на уверенность в правильности действий отца, он согласен с этим мнением. Он считал, что обитатели планеты не станут их атаковать. Кроме того, если они сразу же улетят...

Отец рассказал ему, что мятеж отложен до прояснения ситуации. План мятежников, состоящий в том, чтобы навсегда осесть на планете, теперь нельзя было привести в исполнение, поскольку планета могла оказаться непригодной для жизни людей. К тому же требовалось получить разрешение от нынешних обитателей планеты.

— И, хотя никто не говорит об этом вслух,— сказал капитан,— всеми овладел страх.

Лисби тоже было страшно. Мысли об иной цивилизации его пугали. Он даже опасался, что окружающие заметят его сомнения. Утешением могло служить лишь то, что он не был одинок. У большинства обитателей корабля дрожали голоса, а лица стали бледными. Лишь твердый голос отца помогал сохранять хотя бы видимость спокойствия.

Он уже начал представлять себе отсталую цивилизацию, для которой появление удивительного корабля с Земли станет настоящим откровением. Лисби рисовал в воображении такую картину: он шествует среди охваченных благоговением аборигенов. Подобно богу, явившемуся с небес.

Его мечты развеялись на девятый день пребывания корабля на постоянной орбите, когда во всех помещениях раздался голос капитана:

— Говорит капитан Лисби. Нами только что обнаружен огромный космический корабль, входящий в атмосферу планеты. Судя по направлению полета, он должен был пролететь в нескольких милях от нас и наверняка зафиксировал наше присутствие. Всем офицерам и мужчинам занять свои посты. Я буду сообщать вам любую новую информацию.

6

Лисби надел скафандр и поднялся на капитанский мостик. Искры продолжали свой безумный танец за прозрачным пластиком, поэтому он с удовольствием уселся в кресло перед монитором, который два дня назад установили физики. На экран подавалось изображение со сканеров, но электронная система полностью отсеивала искры. В результате получалось четкое движущееся изображение.

В тот момент, когда он удобно устроился в кресле, в нижней части монитора возникла вспышка — примерно в десяти милях от них.

Корабль!

Тут же начались споры о том, каким образом он смог так быстро к ним приблизиться. Секунду назад окружающее их

пространство было совершенно пустым, и вот уже перед ними парит гигантский космический корабль.

Из интеркома послышался спокойный голос капитана Лисби:

— Очевидно, эти существа изобрели новый тип двигателя, при помощи которого им удается преодолевать инерцию, что позволяет им быстро стартовать и стремительно тормозить. Должно быть, они способны развить огромную скорость уже через несколько минут после выхода из атмосферы.

Лисби II едва слушал отца. Он неотрывно наблюдал за чужим кораблем, размышляя о том, что «Надежде человечества» потребовалось несколько месяцев, чтобы набрать скорость, и столько же времени пришлось тормозить. Впрочем, он заставил себя выбросить эти мысли из головы — уж слишком невыгодным для землян получалось сравнение.

Лисби с испугом смотрел на приближающийся корабль.

— Зарядить торпеды! — раздался резкий голос капитана.— Но не стрелять! Офицер, который выстрелит без приказа, будет наказан. Возможно, эти существа имеют дружеские намерения.

Пока корабли сближались, на мостике царило молчание. Наконец расстояние между ними сократилось до двух миль. Теперь они находились на общей орбите, чужак слегка отставал от земного корабля, но его двигатели продолжали работать, поскольку он приближался. Миля, половина мили. Лисби облизнул сухие губы, в смятении посмотрел на первого помощника Карсона и увидел, что тот замер в своем кресле, не отрывая глаз от монитора. На его бородатом лице застыло напряжение.

И вновь раздался голос капитана Лисби:

— Я хочу, чтобы все офицеры, сидящие в орудийных рубках, выслушали меня внимательно. Мой последующий приказ касается только торпедного аппарата А, которым командует Дауд. Вы должны выпустить холостую торпеду. Вы меня поняли? При помощи сжатого воздуха.

Лисби II увидел, как выдвинулась наружу торпеда, потом услышал голос отца, дающего указания.

— Оставьте торпеду на расстоянии нескольких сотен ярдов, чтобы они не могли ее не увидеть. После чего торпеда должна перемещаться по кругу диаметром в двести футов.— Капитан продолжал спокойно объяснять свой план невидимой аудитории: — Я рассчитываю, что наши действия покажут чужакам, что мы вооружены, но не собираемся предпринимать никаких агрессивных действий. А они должны продемонстрировать в ответ свои намерения. Кроме того, я рассчитываю получить дополнительную информацию, которая нам необходима, но сейчас не стану делать никаких окончательных выводов. Не тревожьтесь. Включены все защитные экраны, объединенные в мощное силовое поле. За нами могучая наука Земли.

Лисби облегченно вздохнул, однако тревога не уходила. Наконец послышался напряженный голос Дауда:

— Говорит командир торпедного аппарата Дауд. Кто-то пытается перехватить управление торпедой.

— Не мешайте им! — тут же ответил капитан Лисби.— Они наверняка обнаружили, что торпеда разряжена.

Лисби наблюдал, как торпеда медленно перемещается к огромному кораблю чужаков. Распахнулся люк, и снаряд проскользнул внутрь корпуса.

Прошла минута, еще одна, затем торпеда выплыла наружу и медленно двинулась к «Надежде человечества».

Лисби ждал, но слова потеряли для него значение. Он прекрасно знал, какую важность имеет первый контакт двух разных цивилизаций. Вот уже несколько недель их путешествие и тот факт, что он играет в команде не последнюю роль, стали для него особо значимыми. Из миллиардов жителей Земли он оказался среди избранных, среди тех, кто участвует в важнейшем событии в истории человеческой расы. И он вдруг понял, почему отец так гордится возложенной на них миссией.

Страх исчез, Лисби охватило чувство гордости и такой огромной радости, какой ему еще не доводилось испытывать.

Но все эти чувства исчезли, когда капитан отрывисто сказал:

— Сейчас меня слышат только офицеры корабля и ученые. Прежде всего я хочу, чтобы Дауд вновь попытался взять торпеду под контроль. Нам необходимо знать, готовы ли они ее вернуть. Немедленно.

После короткой паузы Дауд ответил:

— Сэр, торпеда под контролем.

— Хорошо.— В голосе капитана Лисби послышалось облегчение.— Каковы показания телеметрической аппаратуры?

— Полный порядок, оба канала.

— Проверьте, по-прежнему ли торпеда разряжена.

— Есть, сэр. Все в порядке. Торпеда не представляет для нас опасности.

— Они бы все равно не успели ее зарядить.— Однако капитан действовал с максимальной осторожностью.— Все ли показания приборов в норме? Нет ли дополнительной радиации?

— Никаких отклонений, сэр.

7

Суд над Ганаретом начался вскоре после завтрака на следующий день по звездному времени. «Надежда человечества» все еще находилась на орбите вокруг Альфы А-4, но корабль чужаков исчез. Поэтому обитатели земного корабля могли спокойно наблюдать за процессом.

Объем улик поразил воображение Лисби II. Час за часом они слушали записи разговоров, и голос Ганарета звучал удивительно четко, однако голоса людей, с которыми он беседовал, узнать было невозможно.

— Я принял такое решение,— объяснил капитан Лисби своим безмолвным слушателям,— поскольку Ганарет был лидером. Лишь я буду знать имена его сообщников, и я намерен их забыть, как если бы они ни в чем не принимали участия.

Улики были убийственными. Лисби мог лишь догадываться, каким образом сделаны записи, о существовании которых Ганарет не подозревал. Он часто говорил о необходимости прикончить тех, кто выступает против мятежа, и дюжину раз предлагал убить капитана, двух старших офицеров и сына Лисби.

«Их необходимо убрать, в противном случае они встанут на нашем пути. Остальные на корабле привыкли, что Лисби решают их судьбу.— Здесь Эмиль Ганарет рассмеялся, а потом дерзко продолжал: — Ведь я говорю правду, не так ли? Вы полнейшие идиоты, которые считают, что должны подчиняться человеку, назначенному вашим боссом. Проснитесь, глупцы! У вас всего одна жизнь. Не позволяйте другому человеку прожить ее за вас».

Ганарет даже не пытался ничего отрицать.

— Конечно, все это правда. С каких пор вы стали богом? Я родился на корабле, и меня никто не спросил, хочу ли я здесь жить. Я не признаю за другими людьми права решать мою судьбу.

Несколько раз он высказывал сомнения, которые уже давно формировались в сознании Лисби II.

— Что здесь происходит? — вопрошал Ганарет.— Этот суд не имеет никакого смысла теперь, когда мы обнаружили, что система Центавра обитаема. Я готов отправиться на Землю, как воспитанный маленький мальчик. Уже одно то, что наше путешествие оказалось бессмысленным и мне будет шестьдесят лет, когда мы доберемся до Земли, является достаточным наказанием. Я и сам понимаю, что нам необходимо вернуться назад. Кроме того, никакого мятежа не было. Вы не можете приговорить меня за одни только разговоры. Ведь ничего же не произошло.

Ближе к концу суда Лисби внимательно наблюдал за лицом своего отца. На нем появилось выражение, которого он не понимал, мрачность, от которой ему стало не по себе,— очевидно, капитаном двигали неизвестные Лисби II побуждения.

Когда до обеда оставалось меньше часа, командир задал обвиняемому последний вопрос:

— Эмиль Ганарет, все ли доводы в свою защиту вы привели?

Ганарет пожал плечами.

— Да, я закончил.

Наступило долгое молчание. Наконец капитан Лисби начал зачитывать приговор. Он остановился на законе о подстрекательстве к мятежу на военном корабле. В течение десяти минут он цитировал документ, которого Лисби не видел никогда в жизни. Капитан назвал его «статьями закона на "Надежде человечества", выпущенными Объединенными силами Запада за несколько дней до отлета корабля с Земли».

«...Считается непреложным фактом, что корабль всегда остается частью цивилизации, к которой он принадлежит. Его команда ни при каких обстоятельствах не может существовать самостоятельно. Полномочия назначенных на Земле офицеров и исходные цели экспедиции не могут быть изменены экипажем при помощи голосования или иным способом. Космический корабль отправляется в полет его владельцами или правительством суверенного государства... Все офицеры назначаются вышестоящими органами. Корабль управляется в соответствии с законами, установленными космическими властями.

Отмечается, что в данном случае владельцем "Надежды человечества" является Эврил Хьюит и его наследники, а также его представители. Поскольку перед кораблем поставлены определенные задачи, "Надежда человечества" должна считаться военным кораблем, а назначенные управлять им офице-

ры являются официальными военными представителями Земли при любых контактах с иностранными государствами в других звездных системах. Все эти положения не имеют никаких ограничений...»

Текст оказался очень длинным, но его суть не оставляла сомнений: на борту корабля продолжают действовать законы далекой Земли.

Однако Лисби не понимал, к чему клонит его отец. Он все еще не осознал, зачем вообще устроили этот процесс, когда угроза мятежа миновала.

Последние слова капитана обрушились на обвиняемого и аудиторию подобно удару грома.

— По праву, возложенному на меня жителями Земли через посредство законного правительства, я готов вынести приговор этому несчастному молодому человеку. Закон не допускает иных толкований. У меня нет выбора: я должен приговорить его к смерти в атомном конвертере. И да смилостивится над ним Господь.

Смертельно побледневший Ганарет вскочил на ноги.

— Ты глупец! — дрожащим голосом произнес он.— Что ты делаешь? — Неожиданно до него окончательно дошло, что ему зачитали смертный приговор.— Тут какая-то ошибка. Он что-то задумал. Он знает неизвестные нам факты. Он...

Перед судом Лисби получил указания отца. По его сигналу он, Браун, Карсон и трое полицейских вывели Ганарета из комнаты. Лисби обрадовался, что у него появилась возможность действовать. Теперь можно было не думать.

Когда они вышли в коридор, Ганарет немного осмелел, на его щеках даже появился румянец.

— Вам это так не пройдет! — громко сказал он.— Мои друзья придут мне на помощь. Куда вы меня ведете?

Лисби и сам только теперь сообразил, что происходит. И вновь Ганарет понял, что его ждет.

— Вы чудовища! — выдохнул он.— Неужели вы собираетесь убить меня прямо сейчас?

Лисби вдруг пришло в голову, что сторонний наблюдатель едва ли сумел бы отличить палачей от жертвы — так сильно все они побледнели. Когда через несколько минут появился капитан Лисби, его морщинистое лицо также было белым, но голос оставался холодным и твердым.

— Эмиль Ганарет, у вас есть минута, чтобы найти мир со своим Богом...

Казнь назначили на вечернее время, чтобы не мешать обеду.

Лисби, как и все остальные участники казни, не мог есть.

8

На следующее утро Лисби разбудил сигнал тревоги.

Он быстро оделся и отправился на капитанский мостик.

Усевшись в кресло рядом с Брауном, он с удивлением отметил, что казавшаяся такой близкой планета исчезла. Взгляд на мощное солнце Альфа А принес другой, более приятный сюрприз. Оно стало заметно меньше и продолжало удаляться. Три солнца А, В и С еще не превратились в единое целое, но впереди виднелось лишь тусклое С, два других остались позади, в глубоком мраке космоса.

— Ага,— сказал капитан Лисби у него за спиной,— вот и ты, Джон. Доброе утро, джентльмены.

Все дружно повернулись, услышав его голос. Отдохнувший капитан занял свое кресло. Лисби неуверенно ответил на приветствие. Его совсем не порадовало дружеское обращение отца, он начал сомневаться в том, что ему нравится капитан. Какие бы ужасные вещи ни говорил Ганарет, молодому Лисби было трудно забыть, что они выросли вместе. К тому же Ганарет прав! Теперь, когда угроза мятежа ликвидирована, его не следовало казнить. Финал наступил слишком быстро, с ужасом подумал Лисби. Будь у него больше времени, он попытался бы оспорить приговор. Безотлагательное приведение его в исполнение вызвало у Лисби отвращение, а жестокость шокировала.

— Пока ты спал, Джон,— вновь заговорил капитан,— я отправил специальным образом снаряженную торпеду в атмосферу А-4. Уверен, что все собравшиеся здесь хотели бы узнать, что с ней произошло.

Он не стал дожидаться ответа. Изображение на экране изменилось. Теперь они вновь видели близкую планету, затем появилась торпеда, которая в светлом ореоле устремилась к дымке атмосферы.

Далее стали происходить удивительные вещи. Траектория торпеды начала меняться самым непредсказуемым образом, затем от нее потянулся шлейф дыма.

— Еще минута, и мы бы ее окончательно потеряли,— продолжал капитан Лисби.— Мы послали команду на возвращение, и к нашему удивлению, торпеда вернулась.

Они молча наблюдали, как торпеда выправила курс, развернулась и полетела обратно к кораблю. Часть ее пути назад прошла под мощным дождем, который обрушился на землю внизу.

Торпеду захватили силовые лучи и вернули на корабль.

Изображение на экране потускнело, капитан Лисби встал и подошел к длинному закрытому брезентом предмету, который Лисби заметил, как только поднялся на мостик.

Капитан неспешно стащил брезент.

Лисби не сразу узнал помятую и обугленную сигарообразную форму еще недавно блестящей торпеды.

Он невольно вскочил на ноги и подошел рассмотреть торпеду поближе. Собравшиеся офицеры удивленно перешептывались. Лисби не обращал на них внимания. Корпус торпеды толщиной в дюйм был изъеден в дюжине мест — казалось, в нее ударил мощный огненный смерч. За спиной у него кто-то с сомнением произнес:

— Вы хотите сказать, сэр, что... атмосфера... там... внизу?..

— Эта торпеда,— заявил капитан Лисби, словно не слышал вопроса,— и, весьма возможно, «Центавр I» попали под дождь из соляной и азотной кислот. Корабль из стекла, платины, или свинца, или покрытый воском мог бы войти в такую атмосферу. Да и мы сумели бы это сделать, если бы постоянно поливали корабль раствором едкого натра или другим сильным основанием. Так мы решили бы одну из проблем, которые поставила перед нами дьявольская атмосфера планеты.

Он мрачно оглядел своих офицеров.

— Ну, вот, пожалуй, и все, что я хотел вам сказать, джентльмены. Есть и другие данные, но мне не нужно объяснять, что эта планета не предназначена для людей. Мы никогда не узнаем, что произошло с первой экспедицией на Альфу Центавра. Возможно, они вошли в атмосферу, не сделав предварительных анализов. В таком случае они познали страшную правду на собственной шкуре.

Слова отца сняли камень с души молодого Лисби. Он предполагал, что они несколько лет будут исследовать планету, а оказалось, что они возвращаются домой.

И он еще увидит Землю перед смертью.

Однако оживление оставило его, когда капитан снова заговорил:

— Мы мало что можем сказать о жителях планеты, но ясно одно: они не слишком дружелюбны. Да, они нас предупредили, но, возможно, причина в том, что они не хотели, чтобы наш большой корабль рухнул на один из их городов. Отправив нам предупреждение, они скрылись. С тех пор мы видели два корабля, они к нам подлетали и тут же исчезали — вероятно, уходили в межзвездное пространство. Ни один не пытался войти с нами в контакт.

После небольшой паузы он добавил:

— Теперь разрешите мне перейти к другим проблемам. Судя по всему, обитатели системы неплохие психологи, поскольку они прислали нам фильмы о жизни на своей планете. Они предположили, что нам будет любопытно их посмотреть. Я успел мельком взглянуть на них и скажу лишь, что местные жители напоминают ходячих змей — очень высокие, грациозные, гибкие и умные. Их жизнь приятна и изящна, общаются они между собой исключительно учтиво.

Он вновь немного помолчал и грустно добавил:

— Надеюсь, вы понимаете: нам здесь делать нечего. Однако мы не полетим домой. На то есть две причины: во-первых, Земля перестала быть обитаемой планетой. Больше я не стану об этом говорить, поскольку это касается меня лично. Но даже если на минуту предположить, что Земля не пострадала, мы обязаны лететь дальше. Я получил приказ от Эврила Хьюита, владельца корабля. Мы должны отправиться к Сириусу, а если и там нас постигнет неудача, то к Проциону. Вероятно, теперь вы понимаете, почему было так важно избавиться от человека, который сеял среди нас раздор. Его пример заставит другие горячие головы умерить свой пыл.

Капитан Лисби заговорил спокойнее:

— Джентльмены, вы получили всю необходимую информацию. Надеюсь, вы поведете себя с достоинством офицеров, несмотря на трудности, которые выпали на нашу долю. Я очень вам этого желаю...

9

Джон Лисби III, действующий капитан, сидел в большом кресле, которое было установлено на капитанском мостике, и размышлял о проблемах стариков.

Их стало слишком много. И они очень много едят. А также требуют постоянного внимания. Удивительное дело: на борту корабля находится семьдесят девять человек, которым перевалило за сто лет.

С другой стороны, некоторые из старых мерзавцев знают о науке и межзвездной навигации больше, чем вся молодежь корабля, вместе взятая. И эти хитрые дряхлые типы прекрасно все понимают. Кого из них можно прикончить, не лишившись важных знаний? Он начал записывать имена, главным образом женщин и мужчин, которые не были офицерами. Закончив, задумчиво посмотрел на список и выбрал пять первых жертв. Затем нажал кнопку на своем кресле.

Вскоре на мостик поднялся молодой человек крепкого телосложения.

— Да, что случилось? — спросил он.

Лисби III посмотрел на него с тщательно скрываемым отвращением. Грубость Аткинса оскорбляла его чувства. Да и как еще он мог относиться к человеку, убившему его отца, Джона Лисби II, хотя он сам отдал этот приказ?

Лисби вздохнул. Жизнь есть постоянная адаптация к реалиям органической и неорганической материи, составляющей среду обитания. Чтобы эффективно лишать людей жизни, нужно иметь в своем распоряжении умелого убийцу. С самого юного возраста он понял, что его отца, который представлялся ему полнейшим ничтожеством, необходимо убить. Поэтому он и приблизил к себе Аткинса. Но тот должен знать свое место.

— Аткинс,— сказал Лисби, устало махнув рукой,— я приготовил для тебя несколько имен. Будь осторожен. Смерть должна выглядеть естественно, иначе я отрекусь от тебя как от бесполезного глупца.

Аткинс что-то пробурчал в ответ. Он был внуком одного из садовников, и несколько лет назад, когда Лисби освободил его от этих обязанностей, среди обитателей корабля начались волнения.

Однако негодование быстро прекратилось, когда на место Аткинса в саду назначили работать сына того офицера, который протестовал громче всех. Лисби III научился продумывать такие вещи задолго до того, как избавился от своего отца. Он намеревался прикончить Аткинса, как только тот выполнит свою миссию.

Лисби холодно назвал первые пять имен, а когда Аткинс ушел, обратил свое внимание на экран. Он нажал другую кнопку, и вскоре на мостик медленно поднялся седеющий сын старого первого помощника.

— Что вы хотели, капитан?

Лисби колебался. Его разозлила маленькая пауза, которая возникла перед тем, как прозвучало его звание. Ему не

слишком нравился Карсон. Он вздохнул. В жизни приходится улаживать такое количество проблем, ведь каждый из членов экипажа тщательно хранит знания, которыми располагает. Он вынужден слишком со многим мириться, а Лисби еще помнил времена своей юности, когда люди были открытыми и доброжелательными.

Первое поколение научило своих детей всему, что знало,— во всяком случае, так говорили.

— Мистер Карсон, каковы последние сведения о Сириусе?

Лицо Карсона просветлело.

— До него осталось десять тысяч миллионов миль. Мы развернули корабль, чтобы начать торможение. Однако лишь через неделю наши телескопы сумеют определить размеры планет и наличие у них атмосферы.

— А как насчет радиации?

Карсон собрался покачать головой, но тут на его лице появилось удивленное выражение. Лисби проследил за его взглядом.

И застыл в неподвижности.

На поверхности прозрачного пластика плясали искры. Их становилось все больше и больше.

Через час корабль оказался в центре газового шторма.

С расстояния в пятьсот миллионов миль Сириус А был похож на Солнце, каким его видели с Земли. Конечно, Лисби III не мог сделать такой вывод на основании собственного опыта, но на корабле имелось немало фильмов, которые каждый из них видел по нескольку раз.

А вот планеты выглядели иначе. Между Сириусом А и вторым солнцем имелось всего две планеты. Та, что вращалась вокруг В, располагалась очень близко к своей звезде и двигалась с высокой скоростью. Другая планета, находившаяся на расстоянии четырехсот семидесяти миллионов миль от А, двигалась значительно медленнее вокруг своего большого яркого солнца.

Только ближняя планета давала им какую-то надежду. При диаметре в семнадцать тысяч миль она была в два раза меньше второй планеты и примерно в сто раз меньше остальных планет, вращающихся по неустойчивым орбитам вокруг Сириуса В. Сквозь облака Сириуса А-1 были видны города.

Лисби III прочитал отчеты и посмотрел на экран. Он был мрачен, но полон решимости. Не приходилось сомневаться, что эта область Вселенной не создана для жизни че-

ловека, но он должен как можно спокойнее принять неизбежность поражения. Он неохотно проследовал в каюту, где уже давно изолировал своего престарелого деда.

Он нашел его в кресле, откуда тот на небольшом мониторе наблюдал за неуклонно приближающейся планетой. Владение монитором стало одной из множества маленьких услуг, которые младший Лисби оказывал старшему, но до сих пор младший не услышал ни слова благодарности. Дед даже головы не повернул, когда вошел Лисби III. Лисби постоял немного у двери, а потом уселся в другое кресло, напротив старого капитана.

Он ждал. Плохо, когда люди неправильно понимают чужие намерения. Раньше он рассчитывал, что дед будет единственным человеком, который поймет, что Джон Лисби III прежде всего печется об успехе путешествия.

Быть может, он слишком долго ждал. Человеческие существа охотно сохраняют объективность — но только в тех случаях, когда речь идет о других; старику не понравился метод, при помощи которого его отправили в отставку. Лисби III не сомневался, что настанет момент, когда Лисби IV, которому сейчас всего десять лет, отправит в отставку его самого. И молодому Лисби вдруг стало ужасно себя жалко, но он был уверен, что с достоинством смирится с его решением — если это произойдет не слишком скоро.

Его раздражение прошло. И он поделился с дедом своей сногсшибательной новостью:

— Дед, я пришел попросить вашего разрешения объявить, что вы вновь выйдете на мостик на весь период, пока мы находимся в системе Сириуса. И все это время вы будете управлять кораблем.

Длинное худощавое тело пошевелилось, но не более того. Лисби скрыл улыбку. Похоже, дед отчаянно просчитывает варианты. Лисби III продолжал приводить доводы:

— В течение всей своей жизни, сэр, вы стремились только к одному: довести до конца путешествие «Надежды человечества». Я понимаю ваши чувства. Не следует забывать, что именно я решил считать корабль нашим постоянным домом.— Он пожал плечами.— До этого люди рассчитывали вернуться на Землю. Я пресек раз и навсегда подобные настроения. Всех обеспокоил тот факт, что в третьем поколении девочек родилось на одну больше, чем мальчиков. Я сумел решить и эту проблему — взял вторую жену. Поначалу все были шокированы, но теперь такое положение вещей больше никого не смущает.

Он откинулся на спинку кресла.

— Наше путешествие особенное. Мы стали замкнутым маленьким миром, нам необходимо меняться самим, если меняются окружающие условия. И я надеялся, что вы меня поддержите.

Он ждал ответа. Однако старик молчал. Лисби скрыл раздражение за учтивой улыбкой.

— Возможно, вас заинтересует мое предложение, сэр, относительно нашего пребывания в системе Сириуса. Естественно, уже сейчас очевидно, что мы не сможем там остаться. Атмосфера планеты насыщена серой. И никто не знает, что произойдет с обшивкой корабля, если мы попытаемся в нее войти. Нам необходимо немедленно принять решение, куда мы отправимся дальше.

Лисби показалось, что старика заинтересовали его последние слова. Поджав губы, старый капитан поглаживал чахлую седую бороду.

Однако молчание пришлось прервать Лисби:

— Я изучал методы, при помощи которых вы пытались войти в контакт с обитателями Альфы Центавра. Мне они представляются слишком робкими. Мы не продемонстрировали твердого желания навязать им наше присутствие, и, хотя по вашему приказу корабль находился на орбите несколько месяцев, ваше нежелание проявить инициативу сделало пребывание там пустой тратой времени. Природа атмосферы не оставляла сомнений, что вы столкнулись с существами, дышащими хлором, а также, что их цивилизация по уровню развития превосходит земную. Теперь мы прибыли в мир, где живые существа дышат серой.

Он наклонился вперед и заговорил с неожиданным воодушевлением:

— Мы должны вести себя с обитателями системы Сириуса как можно жестче, чтобы заставить их поделиться с нами своими знаниями. Вас интересует мое предложение?

Старик повернулся к Лисби, медленно выпрямил свое длинное тело, и его прищуренные голубые глаза пристально посмотрели на внука.

— Что еще у тебя на уме, кроме убийства? — спросил он.

10

Атомная бомба, сброшенная в атмосферу Сириуса А-1, набрала скорость тридцать миль в минуту. Поэтому, несмотря на мощные энергетические вспышки, направленные

ей навстречу, она успела пролететь около сорока миль к далекой поверхности планеты — и только после этого ее уничтожило прямое попадание.

Не прошло и часа, над планетой все еще дрейфовало огромное облако, а они получили первую реакцию ее обитателей. Сканеры засекли прозрачный сверкающий снаряд диаметром всего в десять футов. Внутри снаряда что-то находилось, но землянам никак не удавалось получить четкое изображение.

Снаряд неуклонно приближался, но наблюдатели не могли сказать ничего определенного о его содержимом.

Лисби III стоял на мостике рядом с креслом, в котором сидел дед. На его лбу выступил пот. Когда снаряд находился всего в двухстах ярдах, он произнес:

— Вы считаете, что нам ничего не следует предпринимать?

Старик бросил на него презрительный взгляд.

— Наши защитные экраны включены, не так ли? Если они отправили к нам бомбу, она не причинит никакого вреда кораблю.

Лисби III молчал. Он не разделял уверенности деда в том, что земная наука способна отразить любую атаку из космоса. Он был готов признать, что почти ничего не знает о земной науке, но все же — к ним приближался снаряд.

— Сэр, похоже, он останавливается,— сказал Карсон, подчеркнуто обращаясь к старому капитану.

Слова Карсона вызвали облегчение у Лисби III, но самоубийственное поведение первого помощника огорчило. Ну как мог Карсон всерьез считать, что временное присутствие на мостике столетнего, вышедшего на покой капитана дает ему право оскорблять человека, который будет им командовать по меньшей мере в течение следующих тридцати лет?

Он забыл о Карсоне, ощутив, что сидевшее в капсуле существо наблюдает за ними.

— Кто-нибудь, сделайте изображение более четким,— приказал Лисби III.

Экран затуманился, а потом изображение сфокусировалось, но существо в капсуле выглядело неописуемо странным. Через мгновение оно пошевелилось — движение получилось совершенно нечеловеческим. Одновременно капсула начала двигаться к кораблю. Через несколько секунд она уже находилась в сотне ярдов и продолжала сближение.

— Ему не пройти сквозь силовые экраны! — с сомнением сказал Лисби III.

Он напряженно наблюдал за капсулой. Еще несколько мгновений, и капсула оказалась всего в двадцати пяти ярдах, не только преодолев силовые поля, но и подчинив себе сознание Лисби III. Однако он по-прежнему не мог разглядеть ее пассажира. И это его ужасно раздражало. Его взгляд продолжал метаться по экрану, словно мозг не мог принять изображение. Ощущение было фантастическим. Мужество оставило его, и Лисби III метнулся к лестнице, ведущей с мостика вниз. С удивлением он обнаружил, что Карсон его немного опередил. Сзади пыхтел огромный Браун.

Последнее, что запомнил Лисби III, был древний капитан Лисби, неподвижно застывший в своем огромном капитанском кресле: и капсула чужака, повисшая всего в нескольких ярдах от корпуса корабля.

Оказавшись в коридоре, Лисби III немного пришел в себя и махнул офицерам в сторону лифта. Вскоре они расположились в запасной рубке управления. Лисби III сразу же включил мониторы, чтобы видеть, что происходит на капитанском мостике. На экране появились полосы света, но изображения не было. Из микрофонов доносился лишь непрерывный шум.

Положение становилось пугающим.

— Что может так воздействовать на наше зрение? — с трудом поборов отчаяние, спросил Лисби III.— Кому-нибудь из вас знакомы такие феномены физики света?

Ученые предположили, что подобный эффект могут вызвать несколько лазеров, оказывающих болезненное воздействие на зрительные центры.

Кроме того, страх способен оказывать на зрение аналогичное воздействие.

Других предположений не было.

— Постарайтесь каким-нибудь образом экранировать воздействие лазеров, о которых вы говорите,— приказал Лисби III. Повернувшись к доктору Каспару, он добавил: — А что может стимулировать страх?

— Некоторые звуки.

— Но мы ничего не слышали.

— Волны определенной частоты, воздействующие на мозг, могут вызывать ужас.

— Ну,— с сомнением сказал Лисби III,— нас заставили сбежать, но я не чувствовал страха. Скорее смятение.

— Возможно, это некое силовое поле — тут мы можем лишь строить догадки! — сказал психолог.

— Попробуйте выяснить параметры воздействия! — приказал Лисби III.— Наверняка наши приборы способны что-то засечь. И не теряйте времени!

Люди погрузились в работу, когда монитор в рубке управления неожиданно ожил. Одновременно стих доносившийся из микрофонов шум. Они увидели мостик. Старый капитан по-прежнему сидел в своем кресле, но его голова свесилась на грудь. Больше ничего разглядеть не удавалось. Лисби III с надеждой обратился к данным наружных сканеров. Они показывали, что капсула удаляется — она уже находилась на расстоянии четверти мили от корпуса корабля. Вскоре она превратилась в точку на фоне огромной планеты, окутанной облаками.

Не дожидаясь, когда капсула окончательно исчезнет, Лисби III бросился к лифту; за ним спешили Браун и Карсон. Старый капитан был жив, но лепетал какую-то чепуху, к тому же почти сразу выяснилось, что старик ослеп.

Когда они несли его вниз по лестнице, а потом по коридорам обратно в каюту, Лисби III внимательно прислушивался к его бормотанию. Все хоть сколько-нибудь осмысленное относилось к детству старика на далекой Земле.

Когда они оказались в каюте, Лисби III взял худые холодные руки старика в свои ладони.

— Капитан! Капитан!

После того как Лисби повторил свое обращение несколько раз, старик перестал бормотать.

— Капитан, что произошло на мостике?

Старик начал говорить. Лисби III удалось разобрать несколько фраз:

— ...Мы забыли об эксцентрических орбитах звезд А и В Большого Пса. Мы забыли, что В одно из самых необычных солнц Галактики... такое плотное, такое чудовищно плотное... оно сказало, что планета В... оно сказало, уходите прочь! Они не станут иметь дел с теми, кто пытался сбросить на них бомбу... Уходите! Уходите!.. Оно оставило что-то на корпусе... картины, оно сказало...

Лисби III метнулся к интеркому и приказал надеть скафандры и выйти в открытый космос, чтобы снять то, что прикреплено к корпусу, погрузить в спасательный катер, проверить, не представляет ли посылка опасности для корабля, и доставить ее на борт.

Когда Лисби III снова повернулся к капитану, он невольно вздрогнул. Лицо старика, на котором промелькнуло осмысленное выражение, вновь изменилось. Глаза смотрели в разные стороны, словно им уже было не под силу ни на чем сфокусироваться. Лисби III не мог оторвать взгляда от лица старика. Он продолжал повторять: «Капитан, капитан»,— но старик уже не обращал ни на что внимания. На морщинистом бородатом лице застыло бессмысленное выражение.

Пришел врач. Двое санитаров помогли раздеть старика и уложили его в постель. Лисби III покинул каюту.

Перед обедом вернулся спасательный катер с прозрачным сосудом необычной формы, наполненным бесцветной жидкостью. Лисби III увидел картинку на внутренней стороне сосуда, нетерпеливо схватил его, намереваясь поднести поближе к глазам,— и картинка изменилась.

Изображение менялось при каждом движении сосуда. И сцены ни разу не повторились. Чтобы изучить хоть какое-то изображение дольше нескольких долей секунды, сосуд пришлось поставить на стол. Слегка перемещая его пальцами через короткие промежутки времени, Лисби удалось взглянуть на странный мир Сириуса А-1, обитатели которого, судя по всему, появились с таинственной планеты В.

Сначала он видел лишь ландшафты и океаны. Чем эти океаны наполнены? Трудно сказать — вода в них имела желтый оттенок. Создавалось впечатление, что в океанах царят шторма.

Одна сцена сменялась другой: величайшие океанские волны перекатывались от горизонта до горизонта.

Потом возникло изображение суши: склоны гор, покрытые серовато-желтой растительностью, напоминающей мох. Впрочем, были тут и другие формы — от маленьких до огромных. Множество острых углов придавало картинам очарование, Лисби III они почему-то напомнили изделия из золота и серебра.

Попадались и другие виды растительности, но красная и зеленая листва тонули в желтизне. Желто-серый «мох» и серебристо-золотые «деревья» доминировали как в горах, так и на равнинах.

Неожиданно появилось изображение города.

И они сразу же увидели многочисленные каналы, заполненные, как казалось, водой. Очарованный Лисби III вспомнил фильм об итальянском городе Венеция на далекой Земле.

Потом он разглядел, что «каналы» находятся на крышах зданий, и даже на разных уровнях. Высоченные здания тянулись на мили, словно бесконечные утесы одной высоты. Между двумя контрфорсами на передних и задних границах

зданий текли два потока желтоватой «воды»... в противоположных направлениях.

На каждом из трех уровней потоки имели разную направленность. Периодически здания пересекались друг с другом под прямыми углами.

...Одна квадратная миля за другой, тысячи каналов... и нигде не видно улиц — лишь сплошные массы зданий на разных уровнях, а по крышам каждого из них текут два потока в противоположных направлениях.

На поверхности воды Лисби разглядел темные движущиеся формы. Подробности оставались неясными.

На картинах, где появлялись живые существа, возникал световой эффект, не позволявший их рассмотреть.

Лисби III был изумлен, заинтересован и совершенно разочарован.

— Будь я проклят,— сказал он.— Они не хотят, чтобы мы их увидели.

Физик Плаук, выглядывавший из-за плеча Лисби, заметил:

— На такой огромной планете должна быть очень большая сила тяжести, из чего следует, что этим существам необходимо находиться внутри жидкости — в противном случае мышцы не выдержат нагрузок. Если они родом с планеты В-1 — а она еще больше,— то они, подобно землянам на Марсе, могут перемещаться значительно свободнее, чем в своем прежнем мире. И все же они нуждаются в жидкости. Стало быть, у них высокая плотность тела.

У Лисби III разболелись глаза, и он встал.

— Заберите сосуд,— сказал он,— и снимите на камеру меняющиеся картинки. Позднее устроим просмотр для всех.

Потом Лисби добавил:

— После того как вы снимете фильм, попытайтесь разобраться, как им удалось создать такое удивительное устройство. Они наверняка продвинулись дальше нас в изучении физики и химии жидкости.

Лисби направился в каюту деда. Старик впал в кому.

Капитан Джон Лисби, первый командир «Надежды человечества», умер во сне в тот же день по звездному времени, через семьдесят семь лет, четыре месяца и девять дней после старта с Земли, в почтенном возрасте ста тридцати одного года.

В течение следующих шести месяцев не осталось в живых ни одного человека его поколения.

Именно в этот момент Лисби III совершил большую ошибку. Он попытался избавиться от исчерпавшего свою полезность Аткинса.

Смерть Лисби III от рук Аткинса — который был немедленно казнен, несмотря на то что пытался убедить суд, что лишь защищался,— привела к новому кризису на борту «Надежды человечества».

Джону Лисби IV было всего десять лет, и, хотя Браун настаивал, чтобы его немедленно сделали капитаном, первый помощник Карсон придерживался другого мнения.

— Он вырастет к тому моменту, когда мы долетим до Проциона, но на данном этапе следует учредить капитанский совет, который будет за ним присматривать.

Карсона поддержал второй помощник Лютер. И только через несколько недель Браун обнаружил, что одна жена Лисби III живет с Карсоном, а другая с Лютером.

— Вы старые козлы! — возмутился он на следующем собрании капитанского совета.— Я требую немедленных выборов. И если вы не согласитесь со мной сейчас, я обращусь к ученым и команде.

Он встал, возвышаясь над остальными. Пожилые офицеры отпрянули назад, а Карсон попытался вытащить из внутреннего кармана бластер. Разъяренный Браун не сумел соразмерить своих сил. Он схватил Карсона и Лютера за шиворот и одним могучим движением стукнул их лбами. Сила удара оказалась такой большой, что лобные кости не выдержали, тем более что озверевший Браун не смог сразу остановиться.

Лишь почувствовав, как поникли тела обоих офицеров, он пришел в себя. Браун вызвал ученых, и было решено провести выборы.

Прошло некоторое время, прежде чем люди поняли, что от них требуется, но в конце концов при помощи тайного голосования избрали исполнительный совет. Совет признал право Джона Лисби IV сменить отца на должности капитана, когда он достигнет зрелости. Между тем совет предложил Брауну стать исполняющим обязанности капитана сроком на один год.

К концу следующего года два члена совета решили выдвинуть свои кандидатуры на должность капитана, но Брауна избрали вновь.

Бывший третий помощник, ныне исполняющий обязанности капитана, Браун был недоволен появлением оппозиции.

— Почему,— с горечью сказал он своему старшему сыну,— они забыли о долге офицера?

И он начал учить сыновей своим обязанностям.

— Вам не помешает кое-чему научиться. Кому-то это знать просто необходимо!

Некоторое время его тревожили уколы совести, но потом он обнаружил, что против него ведется кампания.

— Раньше никогда не было таких безобразий,— пожаловался он совету.— Когда такие ослы, как молодой Кессер и козел среднего возраста Плаук, называют тебя за спиной глупцом, очевидно, что дела на корабле плохи. Полагаю, будет лучше, если вы передадите мне полномочия капитана до тех пор, пока Лисби IV не исполнится двадцать пять лет, чтобы положить конец сварам. Мы не можем допустить, чтобы капитаном стал идиот, не понимающий, как работает корабль.

Член совета Плаук сухо заметил, что знание физики является полезным для любого командира корабля, бороздящего просторы космоса, полного опасных лучей. Брауну отказали в его просьбе. Однако продлили полномочия еще на один год.

Вскоре после этого один из членов совета заметил среди рабочих гидропонного сада знакомое лицо. Он тут же собрал совет на экстренное совещание. Выступление Брауна получилось чрезвычайно вкрадчивым.

— Почему бы молодому Лисби немного не размять мускулы? Идея постоянного иерархического управления ошибочна. По моему мнению, все молодые люди должны некоторую часть года работать в саду. Я намерен выдвинуть это предложение на голосование. Могу спорить, что садовые рабочие будут только рады, когда увидят, что даже старшие офицеры не отказываются от физического труда.

Позднее, когда у него спросили, как проходит обучение молодого Лисби, Браун грустно покачал головой.

— Откровенно говоря, джентльмены, мне нечем вас порадовать. Я предложил ему каждый день приходить на мостик после окончания работы в саду, но он не проявил никакого интереса. Я вынужден признать, что он не отличается большим умом. Мне кажется, он не сможет стать капитаном.

Зато некоторые члены совета поняли, что сам капитан учится весьма успешно.

11

Джон Лисби IV не стал останавливаться, перед тем как сорвать очередной спелый плод. До ближайшей стены гидропонного сада оставалось еще двести футов, но его осторожность не знала границ. Он с равнодушным видом слушал девушку.

— Мама говорит, что два дня назад появились искры. Должно быть, мы приближаемся к Проциону.

Лисби IV ничего не ответил. Он принял обоснование этого явления: вокруг корпуса корабля всякий раз появляются искры, когда два или более солнц выдергивают заряженные энергией частицы из магнитных полей друг друга и направляют их в межзвездное пространство.

Хотя его претензии на капитанское кресло становились все менее весомыми, он вел свою игру, которая заключалась в том, чтобы не обсуждать технические вопросы со своими единомышленниками. Он дал девушке исчерпывающие инструкции прошлой «ночью». Теперь она ему докладывала.

Его пальцы автоматически делали работу, а девушка продолжала:

— Многие считают, что ты должен участвовать в нынешних выборах. Браун хочет провести своего старшего сына в совет. Если мы сумеем выбрать вместо него тебя...— Она замолчала, а потом добавила: — Тебе ведь уже исполнился двадцать один год. А совет до сих пор не вспомнил о твоих правах. Ты должен за них бороться.

Лисби IV ничего не ответил. Ему надоели идиоты, которые все время предлагали ему действовать открыто. Неужели они не понимают, какая серьезная опасность ему грозит? Кроме того, он хотел подождать, пока они не доберутся до Проциона. После этого, когда следующим пунктом назначения станет Земля, мерзавцам, которые лишили его законных прав, придется дважды подумать, прежде чем предпринимать против него какие-то шаги.

— Если ты ничего не собираешься делать,— с тревогой продолжала девушка,— другие возьмут все в свои руки. Они устали — мы все устали — выполнять самую тяжелую работу и получать худшую пищу. Горди сказал...— она вновь немного помолчала,— что мы захватим корабль.

В голосе девушки послышалось благоговение. И в первый раз Лисби сделал жест, который не имел отношения к сбору фруктов.

— Аа-ай,— сказал он и презрительно махнул рукой.

Невежественные идиоты, подумал он. Они не понимают, о чем говорят. Захватить корабль — кучка рабочих, не имеющих ни малейшего представления о космосе.

— Тебе следует поспешить! — не унималась девушка.— Пора принимать решение...

Невнятные донесения о готовящемся восстании не встревожили капитана Брауна.

— У этих грязных нищих,— сказал он лейтенанту Джорджу Брауну, своему младшему сыну и старшему офицеру корабля,— не хватит мозгов, чтобы украсть мою шляпу. К тому же они еще не знают моих планов, о которых мы им сообщим после прибытия в систему Проциона. Им придется крепко призадуматься.

Молодой Браун промолчал. Он считал отца глупцом и уже давно сообразил, что капитан, обладавший крепким здоровьем, постареет очень не скоро. В свои сто четыре года он мог легко протянуть еще лет двадцать.

Слишком долго ждать до получения капитанского поста. К тому времени он и сам станет стариком. Он уже обсуждал это со своим старшим братом, который должен был председательствовать на совете во время выборов в следующем месяце.

Возможно, следует сообщить подпольщикам о своих настроениях. Несколько расплывчатых обещаний...

Процион А, яркость которого в шесть раз превышала яркость Солнца, уже появился на экранах. Желто-белое солнце становилось все больше и больше, на него уже трудно было смотреть без фильтров. А во мраке космоса, в миллиардах миль от него, находился бледный диск Проциона В, который можно было увидеть лишь в телескоп.

Как ни странно, но в системе Проциона оказалось больше планет, чем у яркого Сириуса. Телескопы обнаружили двадцать пять огромных миров. Корабль исследовал два из них с диаметрами в двадцать пять тысяч миль. Оба были обитаемыми, и на обеих планетах атмосфера содержала хлор.

— У наших предшественников были неплохие идеи,— заявил капитан Браун,— но они считали, что иные цивилизации не способны к проявлению доброй воли. Мы должны помнить, что ни разу чужаки не попытались причинить нам вред. Вы спросите, а как же старый капитан Лисби? И я отвечу вам: чепуха. Он посмотрел на то, что не предназначалось для человеческих глаз, его мозг не выдержал, и он умер. Но нам не следует забывать, что существо, которое входило с ним в контакт, могло сделать с нашим кораблем все, что пожелает, однако оно улетело, даже не попытавшись нам навредить.

Капитан оглядел собравшихся на совет и продолжил:

— Что же из этого следует? Мы находимся в чрезвычайно выгодном положении. Старик Лисби не осмелился навязывать свою волю обитателям Центавра, поскольку имел дело с неизвестностью. На Сириусе мы все ужасно испугались и сразу же улетели, поскольку неведомое предстало перед нами в невероятной форме. Но теперь мы знаем намного больше. Мы видим межзвездную цивилизацию, и она может поведать о том, что нам необходимо. А к чему мы сейчас стремимся? Нам нужна звезда, планеты которой имеют кислородную атмосферу. Они не станут нам мешать. Какое им до нас дело? Ведь они не смогут жить на кислородных планетах, а нам нечего делать на тех, где атмосфера полна хлора или серы. Мы расскажем им о том, что нам нужно. Как? — Браун торжествующе улыбнулся, победно глядя на членов совета.— Предоставьте это мне. Как только к нам приблизится первый из их кораблей, вы все узнаете.

На самом деле это был четвертый корабль. Первые три попросту игнорировали «Надежду человечества». Четвертый остановился на расстоянии ста ярдов от земного корабля и сохранял полнейшее молчание во время представления, которое устроил Браун.

Он использовал довольно простой механизм. Внутри одной из спасательных шлюпок Браун установил экран, а шлюпку отправили к кораблю чужаков. Передающее устройство находилось на капитанском мостике. Чужакам показали, как «Надежда человечества» взлетает с Земли, потом прибывает на Альфу Центавра, затем к Сириусу. Чужакам также сообщили, что в обеих системах есть обитаемые планеты, но атмосфера на них содержит хлор или серу.

Эффект достигался достаточно простым методом: рядом с планетами проецировали атомные структуры хлора и серы. А Землю изображали с кислородом и азотом, впрочем, подразумевалось, что чужаки понимают: именно кислород делает жизнь возможной.

После чего наступила самая важная фаза фантастического шоу.

На экране появилась звездная карта с изображением шестидесяти с лишним звезд, находившихся не более чем в двадцати световых годах от земного солнца. На экране возникли три атомные структуры — хлора, кислорода и серы. Все они перенеслись к изображению одного солнца, задержались там на несколько мгновений, а потом передвинулись к следующей звезде.

— А теперь посмотрим,— сказал Браун,— как быстро они сообразят, что нам неизвестно, какова атмосфера планет, которые вращаются вокруг указанных нами звезд.

Чужаки поняли, что от них требуется, когда атомные структуры хлора, кислорода и серы переносились от шестой звезды к седьмой. Движущиеся структуры исчезли, карта стала неподвижной. И возле каждой звезды возникло по одной атомной структуре.

Браун насчитал четыре, имеющих кислородные атмосферы. Прямо у них на глазах возникла новая звездная карта, синхронизированная с картой землян. На ней имелись изображения тысяч солнц, а возле каждого стоял значок атомной структуры, определявший тип атмосферы обитаемых планет.

А потом корабль чужаков начал стремительно уменьшаться в размерах.

— Верните спасательную шлюпку на корабль! — приказал Браун.— Полагаю, пришло время стартовать. Думаю, нам следует лететь на Альту — это ближайшая к нам звезда.

Позднее, когда он выступал перед советом, на его крупном лице блуждала глуповатая улыбка. Он гордился собой. Его план сработал, и теперь земной корабль имел изображение десятков, а может быть, и сотен планет, пригодных для колонизации людьми.

Ощущение успеха переполняло Брауна, когда он переводил взгляд с одного члена совета на другого. Интересно, о чем они думают и все ли уверены, что они правильно поступали, когда выбирали его капитаном на ежегодных собраниях? Быть может, теперь они поймут, что пора отказаться от выборов. Такая система слишком опасна, к тому же она противоречит законам военных кораблей. Необходимо решить вопрос раз и навсегда, на случай если с ним что-нибудь произойдет.

И дело не в том, сказал себе Браун, что он чувствует себя старым. Но он подсчитал, что им потребуется тридцать лет, чтобы долететь до Альты, а он может столько не прожить. Исключительно по эмоциональным причинам он желал знать имя своего преемника. Он хотел, чтобы капитаном стал его второй сын.

В тот самый момент, когда эта мысль пришла ему в голову, взгляд Брауна скользнул к дверной ручке. Он увидел, как она поворачивается, и у него вдруг возникло интуитивное прозрение...

Браун выхватил бластер...

Быстрота его реакции избавила корабль от власти заговорщиков, но не спасла ему жизнь. Позднее, когда младший Браун привел группу вооруженных техников и ученых на помощь совету, они обнаружили, что все его члены, кроме одного, убиты, а оставшийся в живых серьезно ранен. Капитан Браун и его старший сын стали жертвами повстанцев, которыми руководил Горди. Как выяснилось, Лисби IV отказался принять участие в восстании.

Из двадцати с лишним молодых людей, помогавших Горди, семнадцать были убиты. Кровавый след привел сначала к двум мятежникам, получившим серьезные ранения, а потом и к кладовой, где забаррикадировался Горди.

Поскольку Горди отказался сдаться, они использовали против заговорщика свое знание корабля. К нему подкрались через один из аварийных ходов. Горди так и не узнал, кто его прикончил.

Новый капитан Браун, которому недавно исполнилось семьдесят лет, приказал отнести раненого члена совета в капитанскую каюту. Позднее, когда по звездному времени наступила ночь, новый капитан обдумал проблему, которую представлял оставшийся в живых член совета. Наконец он решительно покачал головой.

Если он выживет, размышлял Браун, придется менять систему выборов, а это просто смешно.

Затем он вызвал по интеркому своего сына. И вдвоем — а сыну в то время было сорок пять лет — они пришли к выводу, что отец совершенно прав. По предложению старшего молодой Браун вернулся в свою каюту.

И совершенно не удивился, когда на следующее утро отец сообщил ему, что раненый член совета не пережил ночи.

Теперь на борту корабля не осталось никого, кто мог бы потребовать новых выборов.

12

Через сто девять лет после старта с Земли космический корабль «Надежда человечества» вышел на орбиту вокруг Альты III, единственной населенной и пригодной для землян планеты во всей системе.

На следующее «утро» капитан Браун сообщил четвертому и пятому поколению колонистов, что на поверхность планеты будет отправлен челнок с людьми.

— Все члены экипажа челнока должны понимать, что их жизнь может быть принесена в жертву общему делу,— се-

рьезно сказал он.— Наступил день, о котором мечтали наши прадеды, когда смело отправились в неизвестность более столетия назад, проявив мужество и решительность. Мы не можем их подвести.

Свое выступление капитан Браун завершил, обещав назвать имена членов экипажа челнока в течение ближайшего часа.

— Я уверен, что все настоящие мужчины мечтают о том, чтобы оказаться на его борту.

Джон Лисби, пятый в своем роду, сразу все понял, как только услышал последние слова капитана. И его самые худшие предчувствия оправдались.

Пока он размышлял, не следует ли дать сигнал о начале восстания, капитан сделал заявление, которое ничуть не удивило Лисби.

— И я уверен, что все мы будем им гордиться, когда я скажу вам, что Джон Лисби поведет отряд, на который возложены надежды людей в этом удаленном уголке Вселенной. А вот имена остальных...

И он назвал имена семи из девяти соратников Лисби, с которыми тот рассчитывал захватить власть на корабле.

Поскольку экипаж челнока состоял из восьми человек, Лисби понял, что Браун старается избавиться от максимального числа своих врагов. С растущей тоской он слушал, как капитан приказывает всем собраться в комнате отдыха.

— Экипаж челнока получит приказ сдаться любому судну, которое попытается его перехватить. Сканеры челнока будут передавать изображение на корабль, что позволит определить уровень развития доминирующей расы планеты.

Лисби поспешил вернуться в свою каюту, которая находилась на палубе техников, рассчитывая, что Тельер и Кэнтлин зайдут к нему. Он хотел провести военный совет, пусть даже совсем короткий. Он подождал пять минут, но никто из группы заговорщиков так и не появился.

Тем не менее Лисби получил шанс успокоиться. Как ни странно, умиротворяющее действие оказали запахи корабля. С самого детства аромат озона и нагретого металла стали постоянными спутниками Лисби. Сейчас, когда корабль находился на орбите, здесь царили тишина и покой.

Он устроился в кресле — он обычно здесь читал — и закрыл глаза. Лисби вдыхал смесь запахов, продукт титанической жизнедеятельности корабля. Страх оставлял его тело и разум. Он стал храбрым и сильным.

Лисби прекрасно понимал, что его план захвата власти связан с серьезным риском. Хуже того, никто не поставит под сомнение решение Брауна сделать Лисби командиром группы десанта.

Вероятно, рассуждал Лисби, он лучший техник на корабле. Браун III взял Лисби к себе, когда ему исполнилось десять лет, и заставил овладеть одним за другим секретами разных технических отделов. Браун IV продолжал его учить.

Лисби умел чинить управляющие системы. Постепенно он начал разбираться в смежных областях, связанных с компьютерами. Уже давно сложнейшая паутина электрических цепей стала для Лисби продолжением его нервной системы.

Однако у него так и не нашлось времени для изучения главного двигателя корабля. Доступ к этой информации оставался привилегией Брауна, но он и сам разбирался в двигателе значительно хуже, чем его отец.

Отец Лисби множество раз пытался передать свои познания сыну. Но очень трудно обучать усталого и сонного ребенка сложнейшим понятиям. Впрочем, и его отцу пришлось учиться в тяжелых условиях. Лисби даже ощутил облегчение, когда отец умер. Ему стало легче, он избавился от постоянной опеки. Однако довольно скоро Лисби понял, что семья Брауна, навязавшая потомку первого капитана корабля изучение второстепенных навыков, одержала важнейшую победу.

Когда Лисби шагал в комнату отдыха, он без устали задавал себе вопрос: неужели все это время Браун готовил его именно для этой миссии?

Он широко раскрыл глаза. Если это правда, то его заговор не более чем повод. Решение его уничтожить принято более десяти лет назад...

Когда челнок мчался к Альте III, Лисби и Тельер сидели на соседних креслах и наблюдали, как на экране клубится туманная атмосфера огромной планеты. Доктор Тельер так и не сумел понять, почему корабль не способен превысить четверть скорости света. Из его записей следовало, что он рассчитывал превысить скорость света, но он умер, так и не успев передать своему сыну необходимые знания, чтобы тот сумел продолжить его дело. С тех пор никто не занимался этими исследованиями.

Ученые, занявшие место доктора Тельера, предполагали, что корабль столкнулся с парадоксами, описанными в теории Лоренца—Фицджеральда.

Так или иначе, но окончательного ответа получить не удалось.

Наблюдая за Тельером, Лисби размышлял о том, что сейчас чувствует его спутник и лучший друг. Поразительно, но он, как и все остальные члены экипажа, впервые покинул пределы большого корабля. «Мы ведь и в самом деле спускаемся к огромным массам воды и суши,— подумал он,— приближаемся к чужой планете!»

У него на глазах шар стремительно увеличивался.

Они летели по широкой дуге, готовые в любой момент уйти в сторону, если уровень радиации окажется слишком высоким и система защиты не сумеет с ней справиться. Однако все приборы показывали, что пока жизни экипажа ничто не угрожает.

Тишину разорвал вой сирены.

Одновременно на одном из экранов появилась стремительно приближающаяся к ним точка света.

Ракета!

Лисби затаил дыхание.

Однако сияющая световая точка сделала полный разворот, оказалась в нескольких милях от челнока и синхронизировала свое движение. Теперь они опускались одновременно. «Они не позволят нам сесть»,— такой была первая мысль, которая пришла в голову Лисби. Он ощутил жгучее разочарование.

Загудел один из приборов.

— Они нас сканируют,— нервно сообщил Тельер.

В следующее мгновение челнок содрогнулся — Лисби понял, что их захватил силовой луч с корабля чужаков. Силовое поле крепко держало челнок.

Наука Альты III оказалась весьма продвинутой.

Челнок продолжал спускаться.

Весь экипаж собрался, чтобы наблюдать за приближающейся точкой света, которая быстро росла, превращаясь в некий объект. Очень скоро все поняли, что этот объект значительно больше, чем челнок.

Раздался звонкий стук. Челнок содрогнулся от носа до кормы.

— Обрати внимание, они совместили свой шлюз с нашим,— заметил Тельер прежде, чем прошла дрожь после стыковки.

За спиной Лисби экипаж обменивался дурацкими шутками испуганных людей. Они были предельно глупыми, но помогли Лисби справиться с собственным страхом. Он с удивлением обнаружил, что смеется вместе со всеми.

И хотя Лисби совершенно успокоился, он не забыл, что за ними наблюдает Браун,— у него не оставалось выбора.

— Открыть шлюз! Пусть чужаки берут нас в плен — ведь мы получили именно такой приказ.

13

Через несколько минут после того, как был открыт шлюз челнока, отошел в сторону люк чужого корабля. Выдвинулись прорезиненные устройства и соединились с корпусом земного челнока, герметично запечатав оба шлюза.

В переходном патрубке зашипел воздух. Перед ними возникло существо, которое двигалось с удивительной уверенностью. Оно тут же постучало по корпусу каким-то предметом, зажатым в одной из четырех кожистых рук.

Теперь Лисби мог хорошо разглядеть чужака: четыре ноги и четыре руки, длинное тонкое тело расположено вертикально. У него практически отсутствовала шея, однако многочисленные складки кожи между головой и туловищем показывали, что чужак обладает достаточной гибкостью.

Пока Лисби разглядывал пришельца, существо слегка повернуло голову и два его больших глаза посмотрели прямо на скрытый сканер, который вел съемку. Получилось, что чужак смотрит Лисби в глаза.

Лисби заморгал, с трудом оторвал взгляд от пришельца и кивнул Тельеру.

— Открывай! — приказал он.

Как только внутренняя переборка челнока отошла в сторону, появилось еще шестеро четвероногих существ, которые одно за другим вошли в коридор, ведущий во внутренние помещения челнока. Все они двигались с той же уверенностью, что и первый пришелец.

И как только они оказались внутри челнока, их мысли проникли в сознание Лисби...

Пока Дзинг и его отряд шагали по коридору маленького корабля карнов к шлюзу, старший офицер обдумывал свое сообщение.

— Давление воздуха и содержание кислорода почти не отличается от аналогичных параметров на поверхности Карна. Они могут жить на нашей планете.

Дзинг вошел в новое помещение и понял, что находится в рубке управления. Только теперь он впервые увидел людей. Он и его отряд остановились, некоторое время два вида разумных существ — люди и карны — смотрели друг на друга.

Появление двуногих созданий не удивило Дзинга. Лучи датчиков вибрации проникли сквозь металлические стены челнока, позволив ему с достаточной степенью точности оценить форму и размеры существ, находившихся на борту.

Прежде всего он хотел проверить, действительно ли незваные гости сдались. Он приказал:

— Передайте пленникам, что в качестве меры предосторожности мы просим их снять одежду.

До того, как прозвучал приказ, Лисби не знал, способны ли эти существа воспринимать человеческие мысли. Поначалу чужаки вели между собой ментальную беседу так, словно они не подозревали о мыслях людей. Между тем один из карнов подошел к Лисби и дернул его за одежду. Теперь у Лисби не осталось никаких сомнений.

Телепатия действовала только в одну сторону — от карна к человеку.

Торопливо раздеваясь, он моментально оценил значение своего открытия. Он не должен допустить, чтобы Браун об этом узнал.

Лисби полностью разделся, но прежде, чем сложить одежду, вытащил блокнот и ручку. И быстро написал:

«Никому не говорите, что мы способны читать мысли этих существ».

Он передал блокнот остальным и облегченно вздохнул, когда убедился, что все прочитали его предупреждение, подтвердив это чуть заметным кивком.

Дзинг вошел в телепатическую связь с кем-то на поверхности планеты.

«Эти пришельцы,— докладывал он,— явно получили приказ не сопротивляться. Проблема состоит в том, как дать им победить нас, не возбуждая подозрений, чтобы они не поняли, что мы хотим именно такого исхода?»

Лисби не сумел сразу же услышать ответ. Однако он узнал его из сознания Дзинга.

«Начинайте уничтожать их маленький корабль. Посмотрим, как они себя поведут».

Отряд карнов тут же принялся за дело. Они сорвали контрольные панели. Затем сняли плиты пола. Обнажились провода, приборы и инструменты.

Вероятно, Браун наблюдал за уничтожением, поскольку его голос прозвучал прежде, чем карны успели повредить автоматику:

— Приготовьтесь! Ровно через двадцать секунд я загерметизирую шлюз и резко поверну челнок.

Лисби и Тельер тут же опустились в свои кресла и повернули их так, чтобы ускорение вдавило их в спинки. Остальные опустились на разодранный пол и приготовились к рывку.

Корабль начал медленно уходить из-под ног Дзинга, и тот проворно метнулся к стене, из которой выдвинулись ручки. Он тут же ухватился за них своими многочисленными руками. Когда крен усилился, он успел надежно упереться в пол своими четырьмя короткими ногами, и все его стройное тело напряглось. Примеру Дзинга последовали и остальные. Все они сделали вид, что сила тяготения не дает им пошевелиться.

Поворот закончился, челнок встал под прямым углом. Дзинг доложил о том, что произошло, и получил ответ:

«Продолжайте уничтожать все вокруг. Наблюдайте за ними и, как только они перейдут в атаку, немедленно подчинитесь им».

Лисби торопливо написал в блокноте: «Нам не нужно особенно хитрить. Они будут вести себя так, что мы легко одержим верх».

Лисби подождал, пока все земляне прочитают запись в блокноте. Он все еще сомневался, что его товарищи поняли, что происходит.

Тельер написал в ответ: «Очевидно, эти существа также получили приказ пожертвовать собой».

Теперь Лисби все понял. Остальные ничего не заметили. Лисби облегченно вздохнул, у него появилось огромное преимущество, и он сумеет сполна воспользоваться своим образованием.

Получалось, что только он обладает достаточной информацией, которая позволяла ему проанализировать поведение этих существ.

Его поразила удивительная ясность их мыслей. Много лет назад ученые Земли установили, что человек обладает слабыми телепатическими способностями, которые удается эффективно использовать только при электронном усилении сигнала вне мозга. Количество необходимой для такого процесса энергии было столь большим, что мозг не выдерживал, нервные окончания попросту выгорали.

Поскольку карны получали указания непосредственно, они не могли быть живыми существами. Значит, Дзинг и его спутники являются сложными роботами.

Истинные обитатели Альта III не пожелали рисковать собственной шкурой.

Но сейчас для Лисби важно было совсем другое. Он понял, как воспользоваться этими великолепными механизмами, чтобы победить Брауна, взять власть на «Надежде человечества» в свои руки и начать долгое возвращение на Землю.

14

Лисби наблюдал за карнами, продолжавшими разрушать челнок. Наконец он решил, что пришла пора действовать.

— Ханкер, Грейвс,— сказал он вслух.

— Да? — ответили они одновременно.

— Сейчас я попрошу капитана Брауна еще раз повернуть корабль. Как только челнок начнет разворачиваться, воспользуйтесь нашими газовыми пистолетами!

— Считайте, что дело сделано! — ухмыльнулся Ханкер.

Остальным четверым членам команды Лисби приказал удерживать чужаков.

— Если со мной что-нибудь случится, командование примешь ты,— сказал Лисби Тельеру.

Затем он написал в блокноте еще одно послание: «Эти существа будут продолжать вести ментальные переговоры даже после того, как сделают вид, что потеряли сознание. Не обращайте на это внимания и никак не комментируйте».

Он почувствовал себя гораздо лучше, когда все ознакомились с его приказом и вернули ему блокнот.

— Капитан Браун! Сделайте новый разворот, чтобы прижать их.

Они почти без сопротивления захватили Дзинга и его отряд.

Как Лисби и предполагал, карны продолжали вести телепатические переговоры. Дзинг доложил своему руководству:

«Мне кажется, все прошло удачно».

Вероятно, он получил ответное послание, поскольку продолжал:

«Да, командир. Теперь, в соответствии с вашими приказами, мы стали пленниками и ждем дальнейшего развития событий... Как им удалось нас захватить? Каждого из нас зафиксировала машина, которая уселась на нас верхом. Наши конечности закреплены жесткими металлическими отростками. Все устройства контролирует электроника. Конечно, мы можем в любой момент освободиться. Естественно, мы прибережем эту возможность на потом...»

Лисби стало не по себе, но пути назад у них не было.

— Одевайтесь,— приказал он своим людям.— И начинайте приводить корабль в порядок. Поставьте на место все сорванные панели, за исключением секции Д-8. Они вытащили часть приборов, и я хочу убедиться, что аппаратура в норме.

Одевшись, Лисби изменил курс челнока и связался с Брауном. Через мгновение загорелся экран, и на нем появилось недовольное лицо сорокалетнего офицера.

— Я должен поздравить тебя и твой экипаж,— хмуро сказал Браун.— Похоже, мы обладаем некоторым техническим превосходством и можем попытаться произвести посадку.

Поскольку Лисби знал, что до посадки на Альте III дело все равно не дойдет, он просто ждал, а Браун погрузился в размышления. Наконец он неуверенно заговорил:

— Мистер Лисби, вы прекрасно понимаете, в каком трудном положении я сейчас оказался.— Впрочем, он тут же торопливо добавил: — Как и вся наша экспедиция.

Как только Лисби услышал слова Брауна, он сразу же понял, что капитан не намерен разрешать ему вернуться на корабль. Однако ему было необходимо снова оказаться на борту, чтобы претворить в жизнь свой план. Вероятно, придется сообщить о готовящемся заговоре, подумал Лисби, и выдвинуть компромиссное предложение.

Он сделал глубокий вдох и, глядя Брауну в глаза, заговорил с мужеством и твердостью человека, принявшего окончательное решение.

— Мне кажется, что у нас есть выбор из двух вариантов. Либо решить все проблемы через демократическое голосование, либо остановиться на варианте с совмещенным капитанством, когда кораблем будем командовать вы и я.

Любому другому человеку, слушавшему их разговор, слова Лисби показались бы странными и никоим образом не вытекающими из контекста беседы. Однако Браун все прекрасно понял.

— Значит, решил играть в открытую,— с презрительной усмешкой сказал он.— Ну, тогда разрешите напомнить вам, мистер Лисби, что никто не вспоминал о выборах, пока у власти стояли Лисби. И на то были серьезные основания. Космическим кораблем должна управлять техническая аристократия. Ну а двум капитанам нет места на одном судне.

Лисби начал свою игру.

— Если мы намерены оставаться здесь, то потребуется по меньшей мере два человека, наделенных равными полномочиями: один на планете, другой — на корабле.

— Я не могу доверить тебе корабль! — холодно ответил Браун.

— Что ж, тогда на корабле останетесь вы,— предложил Лисби.— Мы легко решим все технические вопросы.

Капитан с трудом себя контролировал.

— Твоя семья находилась у власти более пятидесяти лет! — вспыхнув, заявил он.— Как ты можешь говорить о правах?

— А как вы можете знать, о чем я говорю? — парировал Лисби.

— Концепция наследственной передачи власти придумана первым Лисби. На Земле это никто не планировал,— дрожа от ярости, сказал Браун.

— Но вы сами стали капитаном по праву наследования,— напомнил Лисби.

Браун ответил, не разжимая зубов:

— Тебе не кажется абсурдным, что земное правительство, которое находилось у власти, когда корабль стартовал — кстати, все его члены давно мертвы,— может назначать кого-то командиром корабля... а теперь потомок первого капитана заявляет, что этот пост должен принадлежать его семье на все времена!

Лисби молчал, удивленный глубиной ненависти, которую не скрывал Браун. Теперь ему было проще сделать следующее предложение:

— Капитан, у нас кризис. Следует забыть о личных интересах. Почему бы нам не доставить одного из пленников на борт, чтобы допросить его при помощи фильмов или иным способом? Позднее мы сможем спокойно обсудить наши противоречия.

По лицу Брауна Лисби видел: капитан понимает, что ему сделано разумное предложение, и осознает возникающие в связи с ним возможности.

— Только ты вернешься на борт корабля и приведешь одного пленника! — быстро ответил Браун.

Лисби ощутил сильное возбуждение: Браун проглотил приманку. «Это похоже на упражнения в логике,— подумал Лисби.— Он намерен меня убить, как только окажется со мной наедине и сможет атаковать меня без малейшей опасности для себя. Но у меня появляется шанс вернуться на корабль и привести в действие свой план».

Браун нахмурился.

— Лисби, ты считаешь, что твоего пленника нельзя пускать на борт корабля? — спросил он с беспокойством.

Лисби покачал головой.

— Нет, сэр,— солгал он.

Браун принял окончательное решение.

— Очень хорошо. Скоро мы встретимся, и тогда у нас появится возможность обсудить детали.

Лисби не осмелился ничего отвечать. Он кивнул и отключил связь, чувствуя, как его пробирает дрожь.

«Но что еще мы можем сделать?» — подумал он.

Он повернулся к секции пола, оставшейся открытой. Быстро нагнувшись, изучил кодировку каждого устройства, запрограммированного для дистанционного управления системой приземления, хитроумного механизма Уолдо, способного посадить челнок на планету и вновь стартовать, настроенного на пульсации человеческого мозга.

Он установил каждое устройство последовательно и закрыл секцию. Покончив с этим важным делом, он небрежно засунул в карман датчик дистанционного управления.

Лисби вернулся в рубку управления и некоторое время изучал провода, сравнивая их расположение с висящей на стене схемой. Часть проводов была выдернута из гнезд. Он поставил их на место, умудрившись одновременно закоротить схему дистанционного управления кораблем.

Затем Лисби вернул на место панель, но не стал ее закреплять. Теперь у него появились основания для следующих действий. Лисби вытащил из грузового отсека клетку и, не снимая с Дзинга наручников, жестами предложил ему перейти туда.

Прежде чем закрыть дверь клетки, Лисби поставил простую цепь, экранирующую передачу мыслей карна на уровне человека. Устройство было совсем несложным, имело выключатель и позволяло полностью экранировать телепатический канал.

Установив устройство, Лисби положил второй датчик дистанционного управления в карман. Он не стал включать экран. Время еще не пришло.

Между тем Дзинг телепатировал из клетки:

«Следует отметить, что эти существа выбрали именно меня. Мы можем предположить, что случайно. Однако нельзя исключать, что они обладают наблюдательностью и заметили, что я отдавал приказы. В любом случае сейчас глупо отступать».

Зазвенел звонок. На одном из экранов появилось пятнышко света, которое стремительно перемещалось к центру экрана. Роковая встреча челнока и «Надежды человечества» становилась неизбежной.

15

— Наша встреча состоится в запасной рубке управления,— приказал Браун.

Лисби осуществил перегрузку клетки с пленником через шлюз В — и увидел, что его встречает второй помощник Селвин. Такой крупный чин для решения вполне рутинной задачи. Селвин криво улыбнулся и помахал рукой, когда Лисби вкатил клетку на колесах в пустой коридор.

Они никого не встретили на всем пути в рубку. Очевидно, людей сознательно удалили из этой части корабля. Вскоре полный решимости Лисби поставил клетку в центре запасной рубки управления. Затем он зафиксировал ее при помощи магнитного зажима.

Браун поднялся из кресла капитана и соскочил с помоста, а затем с улыбкой подошел к Лисби, протягивая ему руку. Как и все Брауны, он был крупным, почти на голову выше Лисби, красивым мужчиной с четкими чертами лица. Больше в рубке никого не было.

— Я рад, что ты был откровенен,— сказал капитан.— Сомневаюсь, что я мог бы говорить с тобой прямо, если бы не твоя инициатива.

Но когда они пожимали друг другу руки, Лисби не оставляли подозрения. «Он пытается загладить резкость своей первой реакции. Мне удалось вывести его из равновесия»,— подумал Лисби.

— Я принял решение,— продолжал Браун все тем же сердечным тоном.— О выборах не может быть и речи. На корабле полно инакомыслящих, мечтающих лишь о том, чтобы вернуться на Землю.

Лисби, желавший того же самого, благоразумно промолчал.

— Ты будешь капитаном на земле,— продолжал Браун.— А я на корабле. Почему бы нам не сесть и не выработать официальное заявление, которое я зачитаю всем, кто находится на борту?

«Что он выиграет, назначив меня капитаном на планете? — размышлял Лисби.— Только одно: обретет уверенность, а потом обманет и уничтожит соперника».

Лисби незаметно оглядел рубку, большое квадратное помещение, по соседству с которым находились массивные главные двигатели корабля. Система управления дублировала основную, располагавшуюся на капитанском мостике. Огромным кораблем можно было управлять как с мостика,

так и из рубки, но преимущественным правом обладал мостик. Стоявший на вахте офицер принимал решения в экстренных случаях.

Лисби прикинул, что сейчас на капитанском мостике находится первый помощник Миллер, который во всем поддерживал Брауна. Почти наверняка он наблюдает за ними на одном из экранов и готов в любой момент прийти Брауну на помощь.

Через несколько минут Лисби задумчиво слушал, как Браун читает по интеркому их совместное заявление, в котором говорилось, что Лисби будет исполнять обязанности капитана на поверхности планеты. Его переполняли смешанные чувства. Должно быть, капитан был абсолютно уверен в надежности своего положения, если согласился назначить на такой высокий пост своего главного соперника.

Следующий шаг Брауна также оказался для Лисби неожиданным. Пока они оба находились на экране, Браун наклонился к Лисби, дружески потрепал его по плечу и сказал, обращаясь к многочисленной аудитории:

— Вам всем известно, что Джон единственный прямой потомок нашего первого капитана. Никто точно не знает, что произошло пятьдесят лет назад, когда мой дед стал капитаном. Но я помню, старик часто говорил, что только он понимает, как все следует делать. Сомневаюсь, что он был готов поверить какому-то самонадеянному молокососу, которого не мог бы полностью контролировать. Порой мне казалось, что мой отец стал жертвой темперамента деда, всячески старавшегося подчинить себе сына.

Браун располагающе улыбнулся и продолжал:

— В любом случае, хотя мы и не можем склеить разбитые яйца, нам вполне по силам начать исцелять раны.— Тут он сделал значительную паузу, и его голос обрел твердость.— Однако все мы понимаем, что мой опыт и знания дают мне возможность достойно управлять кораблем.— Он неожиданно сменил тему.— Мы с капитаном Лисби вместе попытаемся войти в контакт с захваченным разумным представителем иной цивилизации. Вы сможете за этим наблюдать, однако мы оставляем за собой право прервать передачу, если возникнут непредвиденные обстоятельства.

Он повернулся к Лисби:

— Как ты считаешь, с чего нам следует начать, Джон?

Лисби был охвачен сомнениями. Он впервые подумал о том, что Браун может быть искренним. И это его тревожило:

ведь он собирался претворить в жизнь свой план в самое ближайшее время.

«Нам нужно было оказаться в одном шаге от безумия, чтобы всерьез подумать о возможном соглашении»,— подумал он.

— Почему бы не показать нашего пленника? — спокойно предложил Лисби.

Когда силовой луч вынул Дзинга из клетки, освободив тем самым от полей, подавлявших телепатические волны, карн сообщил на Альту III:

«Меня держали в замкнутом пространстве, экранирующее поле мешало мне с вами связаться. Сейчас я попытаюсь оценить состояние и возможности корабля...»

В этот момент Браун протянул руку и отключил аудиторию. Он резко повернулся к Лисби и спросил:

— Объясни, почему ты не рассказал, что эти существа владеют телепатией? — Он говорил угрожающе, глаза метали молнии.

Наступил момент истины.

После коротких колебаний Лисби решил, что их новые отношения стоят дороже, и откровенно все рассказал Брауну.

— Я считал, что этот секрет позволит мне прожить немного дольше, ведь, когда нас отправили на планету, вы не рассчитывали, что мы вернемся обратно,— сказал Лисби в заключение.

— Но как ты собирался...— начал Браун, но потом махнул рукой.— А, не имеет значения,— пробормотал он.

Дзинг вновь начал телепатировать.

«Во многих отношениях корабль является весьма передовым. Все автоматические системы удачно сконструированы и способны к самовосстановлению. На корабле имеется отличная силовая защита, они умеют создавать силовой луч, мощность которого сравнима с мощностью лучей наших кораблей.

Однако двигатель на атомной тяге недостаточно эффективен. Витки, создающие резонансное поле, которое контролирует ускоритель частиц, плохо сбалансированы, поскольку чужаки не до конца понимают базовые физические принципы процесса. Вместо того чтобы ускоряться до скорости света, частицы выбрасываются на сравнительно низких скоростях, в результате чего их масса практически не увеличивается. Массы не хватает для поддержания скорости до ближайшей планетарной системы. Разрешите мне закончить передачу данных, которые я получаю, для обработки на большом компьютере...»

— Поскорее, сэр, верните его обратно, пока мы не разобрались в том, что он говорит! — с тревогой сказал Лисби.

Браун так и сделал, а Дзинг в это время телепатировал:

«Мой анализ верен! Эти существа полностью в нашей власти».

В этот момент его мысль прервалась, поскольку его опустили обратно в клетку, за энергетический барьер.

Браун включил систему трансляции.

— Прошу меня простить за то, что нам пришлось прервать передачу,— сказал он.— Вам будет интересно узнать, что мы сумели прочитать мысли пленника и перехватить его сообщение на планету. Теперь у нас появилось преимущество.— Он повернулся к Лисби.— Вы согласны со мной, капитан?

Внешне Браун сохранял спокойствие, хотя последние слова Дзинга — «Эти существа полностью в нашей власти» — ошеломили Лисби. Он никак не мог поверить, что Браун ничего не понял.

Между тем Браун воодушевленно продолжал:

— Меня восхищает телепатия — великолепный способ связи. Будет замечательно, если мы сумеем создать такую же систему импульсов. Возможно, нам удастся использовать принцип устройства дистанционного управления, который позволяет управлять посадкой. Как вы знаете, он дает возможность направлять человеческие мысли подобно радиопередатчику.

Сейчас Лисби гораздо больше занимали мысли о том, что у него в кармане трехступенчатый дистанционный ключ для электронно усиленных импульсов мысли. К несчастью, это устройство управляло только челноком. Будет неплохо, если он сумеет взять под контроль еще и корабль. Он и раньше пытался справиться с этой проблемой, но теперь Браун дал ему в руки простое решение.

Лисби постарался говорить спокойно:

— Капитан, разрешите мне запрограммировать аналоги, пока вы подготовите фильмы для контакта с чужаком. В этом случае мы будем готовы к любым неожиданностям.

Похоже, Браун ему полностью доверял, поскольку сразу же согласился с предложением Лисби. По указанию Брауна установили проектор. Третий помощник Миндель и оператор, который пришел вместе с ним, уселись в кресла рядом с проектором.

Пока шла подготовка, Лисби обратился за помощью к нескольким техникам — и лишь один из них запротестовал:

— Но, Джон,— возразил он,— так у нас получится двойной контроль, причем система управления челноком будет иметь преимущество над управлением с капитанского мостика. Это противоречит всем принципам координации. Я... так никогда не делалось.

Да, действительно. Но Лисби сражался за свою жизнь. И в его кармане лежал пульт дистанционного управления челноком, до которого он мог дотянуться в любой момент, поэтому он жестко спросил:

— Ты хочешь обсудить мой приказ с капитаном Брауном? Тебе необходимо его разрешение?

— Нет-нет.— Сомнения техника рассеялись.— Я слышал, как он назвал тебя одним из капитанов. Теперь ты босс. Все будет исполнено.

Лисби выключил переговорное устройство и обернулся. Оказалось, что все готово для демонстрации фильма. Браун положил руку на устройство, управляющее силовым лучом, и вопросительно посмотрел на Лисби.

— Все готово? — спросил Браун.

В последний момент Лисби охватили сомнения.

Но он почти сразу же сообразил, что у него остается только два варианта: или продолжать, или обо всем рассказать Брауну. Лисби колебался до последнего мгновения.

— Вы не могли бы выключить интерком? — спросил он.

— Мы вернемся к вам через несколько минут,— сказал Браун застывшей в ожидании аудитории.

Он выключил общий канал связи и вопросительно посмотрел на Лисби.

— Капитан,— тихо заговорил Лисби,— я должен вас предупредить, что привел на борт корабля карна в надежде использовать его против вас.

— Откровенное признание,— мягко ответил Браун.

— Я упомянул об этом,— продолжал Лисби,— на случай, если у вас были аналогичные намерения. Мне бы хотелось окончательно с вами договориться, прежде чем мы займемся карном.

Браун покраснел. Но через пару секунд справился с собой и сказал:

— Я не знаю, как мне тебя убедить, но у меня нет никаких гнусных замыслов.

Лисби посмотрел в открытое лицо офицера и вдруг понял, что тот говорит искренне. Браун принял предложенный ком-

промисс. Его устраивает вариант с совместным капитанством.

Лисби переполняли радость и сомнения. Он все еще не избавился от страха. С другой стороны, они вроде бы теперь союзники. Можно говорить правду и рассчитывать, что тебя услышат — если в твоих словах будет смысл.

Получалось, что он должен поверить в то, что его правда имеет смысл. Он предлагает Брауну мир на борту корабля. Естественно, за мир придется заплатить, но это мир! Сейчас, когда они оказались в исключительно опасной ситуации, Браун понял важность такого решения.

Теперь это стало для Лисби очевидным.

Без колебаний он поведал Брауну о том, что существа, высадившиеся на челноке, роботы. Браун задумчиво кивнул. Наконец он ответил:

— Но я не понимаю, как можно это использовать, чтобы захватить корабль.

Лисби объяснил, что роботы имеют встроенную систему самоуничтожения, которая при активизации может разрушить все, что окажется рядом с ними.

— Вот почему,— продолжал Лисби,— он лежал на спине, когда я доставил его на корабль. Я мог бы развернуть его и направить на вас. Естественно, я бы не стал этого делать до тех пор, пока вы не открыли бы своих планов. Одна из принятых мной мер предосторожности состояла в том, что слышать мысли этого существа без...

Лисби засунул руку в карман, чтобы показать Брауну пульт дистанционного управления, при помощи которого они сумеют читать мысли робота, не вынимая его из клетки.

Однако в этот момент лицо Брауна перекосила злобная гримаса, и он повернулся к третьему помощнику Минделю.

— Ну, Дэн,— сказал он,— пожалуй, достаточно?

Лисби с ужасом обнаружил, что из уха Минделя торчит крошечное усиливающее устройство. Вероятно, он слышал каждое слово их разговора. Миндель кивнул.

— Да, капитан,— ответил он.— Я полагаю, он сказал нам то, что мы хотели узнать.

Браун отстегнул предохранительный пояс, встал и заговорил холодно и формально:

— Техник Лисби, мы слышали ваше признание в нарушении воинского долга и заговоре с целью свержения законного правительства корабля, в ваших намерениях использовать чужаков для уничтожения человеческих существ и в других чудовищных преступлениях. В таких экстремальных усло-

виях оправдана казнь без формального суда. Поэтому я приговариваю вас к смерти и приказываю третьему помощнику капитана Минделю...

Он сбился и замолчал.

16

Пока он говорил, Лисби автоматически переключил пульт — это ни в коей мере не являлось результатом осмысленного решения, его пальцы сами спазматически дернулись. Освобождение мыслей Дзинга никак не могло ему помочь. Единственная надежда — почти сразу же сообразил он — в том, чтобы засунуть руку в другой карман и добраться до пульта дистанционного управления посадкой, секрет которого он так наивно выдал Брауну.

Между тем освобожденный Дзинг протелепатировал:

«Вновь свободен — и теперь уже окончательно! Мне только что удалось активизировать устройство дистанционного управления, которое через несколько мгновений запустит двигатели корабля, а затем я откорректирую механизм контроля за ускорением...»

Вероятно, мысли робота произвели ошеломляющее впечатление на Брауна, поскольку он так и остался стоять с открытым ртом.

«И я улучшил систему контроля над полями, теперь атомный двигатель сможет достигать скорости света. Кроме того, я внес изменения в систему синхронизации искусственной гравитации при ускорении. Они ничего не предприняли, чтобы помешать мне захватить корабль...»

Лисби включил интерком и закричал в микрофон:

— Всем приготовиться к экстренному ускорению! Хватайтесь за все, что попадется под руку! — Повернувшись к Брауну, он рявкнул: — Садись на место... быстро!

Поведение Лисби было автоматической реакцией на опасность. Только после того, как слова были произнесены, Лисби сообразил, что ему совсем не нужно, чтобы капитан Браун остался жив. Ведь он встал со своего места только для того, чтобы не мешать Минделю выстрелить в него из бластера.

Браун осознал, что ему грозит опасность, и направился к креслу, но его руки находились в футе от спинки, когда заработали двигатели, и ускорение швырнуло его на пол. Браун изо всех сил уперся ладонями и подошвами в пол, что спасло его от травмы головы, поскольку ценой колоссальных усилий ему удалось сохранить сидячее положение. Браун начал

скользить по полу к стене. Поскольку стены были упругими, чтобы защитить экипаж от экстренного торможения, удар получился не слишком сильным. Ускорение стремительно возрастало, и Браун умоляюще закричал:

— Лисби, захвати меня силовым лучом. Спаси меня. И я с тобой помирюсь.

Отчаянная мольба о помощи удивила Лисби. Он ничего не мог поделать, поскольку ускорение не позволяло ему помочь Брауну. Однако его позабавило, что Браун рассчитывал на милосердие после того, как сам отдал приказ о его казни.

Сила тяжести становилась невыносимой. Лисби вдруг понял, что и сам находится в трудном положении.

Он повернулся назад, когда разговаривал с Брауном, поэтому резкое изменение в работе двигателей оказалось для него неожиданностью. Лисби бросило вперед, его спас лишь ремень безопасности, ноги и руки бессильно свисали вниз, и ему вдруг показалось, что еще немного, и его внутренности покинут тело. Глаза вылезали из орбит. Ощущение было ужасающим.

Необходимо каким-то образом развернуть кресло, чтобы спина приняла на себя чудовищные перегрузки.

Он уже собрался что-то сделать, когда крыша клетки приподнялась и появилась голова Дзинга. И Лисби вновь услышал мысли робота.

«...Ну, это оказалось совсем несложно,— докладывал карн.— Я установил ускорение на отметке, в четыре раза превышающей их тяготение. Теперь двуногие существа не могут двигаться, но их жизни не грозит опасность. Как скоро прибудет абордажная команда?»

Он немного подождал ответа.

«А я пока успею лично осмотреть двигатель. У меня возникли некоторые сложности с системой управления, я не запрограммирован для работы с такими тонкими материями...»

Одновременно робот выбрался из клетки — казалось, тяготение не оказывает на него никакого влияния,— а затем вышел в дверь и исчез в коридоре. Еще несколько секунд Лисби слышал, как он продолжает общаться с обитателями планеты. Наконец волны мыслей робота перестали до него доходить.

Лисби заметил, что Браун также наблюдает за Дзингом. Люди обменялись пристальными взглядами, после чего Браун попытался заговорить. На него было страшно смотреть, сила тяжести обошлась с ним безжалостно. Лисби с трудом удалось разобрать несколько слов.

— ...Твои безумные действия... Нас схватят... уничтожат...

«Будь я проклят,— подумал Лисби.— Он винит меня во всех наших несчастьях».

Он ощутил укол совести, но тут же о нем забыл. В чем причина катастрофы? Лисби, в отличие от Брауна, считал, что ответ на этот вопрос совсем не так прост. Почему Браун решил, что он имеет право отнять у Лисби жизнь?..

Однако Лисби ничего не сказал вслух, лишь осторожно попытался пошевелить правой рукой. Слегка согнув локоть, он обнаружил, что не полностью потерял контроль над своими движениями. Он вцепился в ручку кресла, а потом начал перемещать пальцы к кнопкам управления креслом.

Наконец он до них добрался! Его палец лег на кнопку, которая развернет кресло...

И тут Лисби остановился. Его мозг начал работать вновь. Он открыл рот, чтобы задать Брауну вопрос. Язык с огромным трудом ворочался во рту.

— Сколько топлива... в двигателе?

На искаженном лице Брауна появилось удивленное выражение.

— На много часов! — прохрипел капитан.

Лисби почувствовал разочарование. Он вспомнил разговоры о нехватке топлива. Ходили слухи, что во время торможения перед Альтой топлива осталось всего на несколько часов работы. На самом деле он неоднократно получал приказ вырезать куски металла из скрытых частей корабля. И когда Лисби приносил результаты своих трудов в двигательный отсек, он думал, что двигатель тут же пожирал все запасы.

Но тогда откуда берется топливо?

Лисби пришел к выводу, что их попросту обманывали. Конечно, топлива не хватало. Однако Браун сильно это преувеличивал, чтобы получить возможность рискнуть жизнью Лисби и его отряда: в таких условиях никто не посмел бы ему возражать.

Получалось же, что топлива осталось более чем достаточно... Лисби расстался с надеждой, что оно кончится и избыточная сила тяжести исчезнет. Значит, нужно выбрать другой способ спасения. Но он слишком опасен. Хотя действия...

Лисби нажал кнопку на панели управления креслом.

Кресло резко развернулось, внутренние органы Лисби отчаянно запротестовали, руки и ноги изменили положение, и волна боли затопила тело. Прошла минута, и Лисби почувствовал, что ему стало легче.

Он заставил себя немного приподнять руку и засунуть ее в карман. Процесс получился болезненным и ужасно медленным.

Лисби пришлось приложить все силы, чтобы сжать пульт дистанционного управления. Однако он не стал сразу же приводить его в действие.

«Нужно подождать,— подумал он,— пока карн не отойдет подальше».

Он сидел и дышал — даже это оказалось выматывающим делом. Лисби чувствовал, как теряет силы.

«Неужели при четырехкратных перегрузках человек слабеет оттого, что сидит?» — с тоской подумал он.

Но если он прикончит Дзинга прямо сейчас, то останется наедине с Брауном и его приспешниками, а его смертный приговор никто не отменял.

Если же он выключит двигатель и избыточная сила тяжести исчезнет, робот карнов сразу же вернется, чтобы выяснить, что произошло.

Как избежать подобного развития событий?

Чем дольше он будет тянуть, тем больше у него времени узнать жизненно важные сведения. Например, насколько Дзинг сумел перестроить двигатель корабля. Если слишком резко изменить ускорение, люди могут мгновенно погибнуть, да и корабль получит серьезные повреждения.

Лисби принялся внимательно разглядывать приборную панель, находившуюся перед ним. Время шло, но он упорно продолжал ее изучать. Вскоре на него навалилась усталость, и это стало главной проблемой. Несколько раз он засыпал и просыпался с мыслью, что драгоценное время уходит.

Наконец он понял.

Ускорение составляло 12 *g*, а сила искусственной гравитации — 8 *g*. Разность между ними — 4 *g* — оказывала на него и на весь экипаж корабля такое мучительное действие.

Лисби охватило чувство благоговения. Они столкнулись с удивительной, невероятной техникой. Робот карнов сумел силой мысли внести колоссальные изменения в двигатель и витки катушек искусственной гравитации.

До настоящего момента считалось, что использование искусственной гравитации в период работы двигателя невозможно. Для этого попросту не хватало мощности. Однако Дзинг сумел все изменить, создав новый мощный источник энергии: быстрое испускание и расширение частиц увеличивало количество энергии во множество раз. Теоретически —

в десятки тысяч раз. На практике, естественно, энергия увеличивалась «лишь» в несколько сотен раз.

Однако сейчас энергии хватало на любые непредвиденные случаи. Дыхание с трудом давалось Лисби, пока он размышлял о фантастических реалиях Вселенной. Долгое столетие длился их медленный полет сквозь бесконечные пространства космоса — и все это время «Надежда человечества» имела потенциал для многократного увеличения скорости.

«И доктор Тельер упустил эту возможность»,— подумал он.

Упустил! Огромный корабль, полный людей, скитался в течение жизни нескольких поколений по темным глубинам межзвездного пространства.

«В тот самый момент, когда я активизирую первую фазу пульта дистанционного управления,— размышлял Лисби,— Дзинг потеряет контроль над двигателем и искусственной гравитацией. К сожалению, это приведет к тому, что он примчится обратно в рубку управления, чтобы выяснить, в чем причина».

Лисби сообразил, что не может рисковать. Он должен активизировать третью фазу, которая приведет к самоуничтожению робота карнов. Парадокс состоял в том, что робот служил ему защитой.

В тот самый миг, когда робот будет уничтожен, Браун вновь станет полновластным хозяином корабля.

«Если бы мне удалось выиграть хотя бы несколько минут для переговоров с Брауном...»

Он продолжал искать альтернативный вариант. Наконец, понимая, что другого выхода нет, Лисби последовательно активизировал первую фазу и почти сразу же третью.

В тот же миг перегрузки исчезли, и его тело обрело удивительную легкость.

Лисби напряженно прислушивался, но взрыва не последовало.

«Боже мой,— с ужасом подумал Лисби,— неужели система самоуничтожения не работает?»

Однако в данный момент у него возникла другая проблема. Браун с трудом поднялся на ноги.

— Нужно сесть в кресло...— пробормотал капитан.

Он успел сделать два шага, когда на него снизошло озарение. Он ошеломленно посмотрел на Лисби.

— Ах вот оно что! — с тоской прошептал он.

Лисби было некогда тревожиться о Дзинге. Он навел силовой луч на Брауна и сказал:

— Совершенно верно. Ты смотришь на своего врага. Я хочу окончательно прояснить ситуацию, но времени у нас очень мало. Сейчас я задам тебе пару вопросов.

— Я поступил так, как следовало поступить законному правительству в кризисной ситуации. Быстро подавить мятеж, лишь только выяснятся имена заговорщиков и их планы.

С учетом истории корабля объяснения Брауна выглядели полнейшим абсурдом, но Лисби не стал тратить время на споры. Он знал, что у него в распоряжении имеется всего несколько минут — в лучшем случае. Как это ни ужасно, но он был вынужден сражаться на два фронта — против Брауна и Дзинга, но тут он ничего не мог поделать. Поэтому он перенес к своему креслу Брауна и забрал у него бластер.

Теперь, когда у него появилось оружие, Лисби почувствовал себя лучше. Не поворачиваясь, он заговорил в интерком, соединяющий рубку с капитанским мостиком:

— Мистер Миллер? Вы меня слышите?

Ответа не последовало. Тогда Лисби обратился к Брауну.

— Скажите Миллеру, чтобы он не пытался взять управление кораблем на себя, в противном случае я воспользуюсь бластером. Вы все поняли, мистер Миллер? — холодно спросил Лисби.

И вновь никакого ответа.

— Возможно, он потерял сознание,— хмуро предположил Браун.

Лисби горячо этого желал, но не мог ждать подтверждения. В оставшееся до возращения Дзинга время он должен был получить у Брауна все необходимые ему сведения.

17

Лисби понимал: он должен обмануть Брауна, убедив его в своей искренности. Он бы многое отдал за возможность задать один вопрос по интеркому. Необходимо знать, произошел ли взрыв на корабле.

Но едва об этом узнают остальные, лишь только Браун поймет, что ему противостоит один Лисби, шансов на победу у него не останется.

И Лисби не стал задавать этот вопрос.

Однако Браун мог ему помочь, если Лисби удастся его напугать.

— Как инопланетный робот может передвигаться при такой силе тяжести? Сейчас меня беспокоит только этот во-

прос. Данное явление противоречит всем законам физики, но мы собственными глазами видели, как легко он прошел через рубку.— И далее Лисби солгал: — Мне бы не хотелось предпринимать против него никаких действий, пока мы не найдем ответ.

Он опустил Брауна на пол и слегка ослабил напряжение в силовом луче, но капитан так и не получил свободы передвижения. Браун глубоко задумался. Наконец он кивнул:

— Хорошо. Кажется, я понял, что произошло.

— Ну так скажи!

Браун заговорил о том, что его волновало гораздо больше.

— Что ты намерен со мной сделать? — осторожно спросил он.

Лисби пораженно посмотрел на него.

— Ты не собираешься мне отвечать?

— А как ты думаешь? До тех пор, пока я не узнаю, что меня ждет, мне нечего терять.

— Неужели? — насмешливо спросил Лисби.— Похоже, тебе плевать, что робот может уничтожить людей? Тебя больше тревожит собственная безопасность, чем благополучие корабля и выполнение нашей миссии? Разве подобное преступление не заслуживает смертной казни?

Тон Лисби встревожил Брауна, и он быстро сказал:

— Послушай, тебе больше нет нужды устраивать заговоры. Ведь ты хочешь только одного: вернуться домой, не так ли? Разве ты не понимаешь, что теперь, когда у нас есть возможность разогнаться до скорости света, мы попадем на Землю через несколько месяцев?

Браун замолчал, охваченный сомнениями.

— Кого ты пытаешься обмануть? — сердито спросил Лисби.— Мы находимся на расстоянии дюжины световых лет от Земли. Нам потребуются годы, а не месяцы.

— Ладно, ты прав, несколько лет. Но не вся жизнь. И если ты обещаешь больше не устраивать заговоров против меня, я поклянусь...

— Ты поклянешься! — яростно ответил Лисби, которого возмутила попытка шантажа. Затем ярость и ощущение поражения исчезли, и на их место пришла холодная решимость.— Мистер Браун, у вас есть двадцать секунд на размышления. Если вы не начнете говорить, вам конец.

— Ты собираешься меня убить? Послушай,— умоляюще продолжал Браун,— нам больше нет нужды враждовать. Мы можем вернуться домой. Разве ты сам не видишь? Долгое

безумие подошло к концу. Никому не нужно умирать. Не тяни, уничтожь чужака при помощи своего пульта!

Лисби колебался. В словах Брауна была толика правды. Да, он пытался выдать двенадцать лет за двенадцать недель или двенадцать месяцев. Но в одном Браун не соврал: это действительно небольшое время по сравнению с путешествием, которое длится столетие.

«Так убивать Брауна или нет?» — подумал он.

Лисби сомневался, что сможет это сделать. Но если не смерть, то что? Он продолжал колебаться. Драгоценные секунды уходили, а он никак не мог найти решения.

«Нужно выиграть время»,— наконец решил он.

— Вот что я могу тебе обещать,— сказал Лисби.— Если ты сумеешь меня убедить, что я буду чувствовать себя в безопасности на корабле, где ты останешься капитаном, я обдумаю твое предложение. А сейчас, мистер, говори.

Браун кивнул.

— Я принимаю твое предложение. Существует два возможных объяснения. Естественно, я склоняюсь к более банальному. Предположим, роботу необходимы потоки энергии, что-то вроде силового луча. Он использует этот поток мгновенно или при помощи системы обратной связи, которая лежит в основе сохранения равновесия во время обычной ходьбы при нормальной силе тяжести.

— А в чем состоит второе объяснение? — осведомился Лисби.

— Здесь нам придется забыть о нормальных реакциях и обычных потоках энергии. Когда мы в последний раз видели робота, он перемещался как объект, на который вообще не действует сила тяготения. Если это так, то мы наблюдали поразительное явление. Чтобы его понять, нам необходимо обратиться к теориям световых скоростей, в частности к теории сжатия Лоренца—Фицджеральда. При достижении скорости света масса бесконечна, но размеры обращаются в ноль. Таким образом, масса моментально перестает быть объектом инерции в том смысле, как мы ее понимаем. В природе не существует условий, когда такое явление происходит естественным путем. Дзингу каким-то образом удалось создать такие условия искусственно — если, конечно, второе объяснение справедливо.

— Я склонен принять вариант с силовым лучом,— с сомнением проговорил Лисби.— А есть ли возможность выяснить, что имеет место на самом деле?

Браун ничего не смог придумать.

— Если речь шла о комбинации потоков энергии, то приборы могли их зарегистрировать. И они вновь это покажут, если он сюда вернется.

Тогда будет уже слишком поздно, сообразил Лисби.

— Что нам нужно у него узнать? — беспомощно спросил Лисби.

— Мы уже все узнали,— ответил Браун.— Эта штука обладает невероятным контролем над энергией и пониманием пространства и времени, о чем мы можем лишь мечтать. Нам нечего делать в этой звездной системе. Пора уносить ноги.

Лисби вспомнил, как все карны делали вид, что на них действует сила тяжести.

— Возможно, второе объяснение больше соответствует действительности,— сказал он вслух.

Браун покачал головой.

— Нет, в таком случае он появился бы здесь через несколько мгновений. При достижении скорости света время спрессовывается.

— Что ты имеешь в виду?

Браун мрачно мотнул головой.

— Давай не будем тратить время на интеллектуальные дискуссии,— предложил он.

— Я хочу понять, о чем ты говоришь.

— Речь идет об уплотненном времени. Его время движется медленнее, чем наше, в сотни раз медленнее. Для нас проходит десять минут, а для него одна секунда.

— Значит, он давно уже был бы здесь, если он обладает такими способностями?

— Именно это я и пытаюсь тебе втолковать.

Лисби с трудом подавил охватившее его возбуждение. Он пришел к выводу, что, нажав сразу же вслед за первой кнопкой третью, ему удалось предотвратить мгновенное возвращение карна.

«И я сделал это, не понимая, насколько серьезная опасность нам угрожала,— подумал Лисби.— Так получилось только благодаря тому, что я мыслил логически и не хотел рисковать».

Его охватила радость.

— Ради бога, Лисби...

Лисби мгновенно успокоился — Браун все еще представлял для него серьезную опасность.

— Ради бога, Лисби,— повторил Браун,— это существо может вернуться в любой момент. Скажи мне, чего ты хочешь, и я соглашусь.

— Полагаю, нам необходимо провести выборы.

— Я согласен,— тут же ответил Браун.— Ты можешь сам их организовать. А сейчас убери силовой луч. Нам пора действовать.

Лисби посмотрел в открытое лицо Брауна: все тот же честный взгляд, который предшествовал вынесению смертного приговора.

«Но что он может сделать?» — спросил себя Лисби.

Он успел перебрать множество вариантов, а потом с отчаянием подумал: «У Брауна есть передо мной преимущество: он гораздо больше знает — и это самое непобедимое оружие в мире. А я могу ему противопоставить лишь совершенное понимание механизмов корабля».

Однако что Браун может предпринять против него сейчас?

— Прежде чем я тебя освобожу, я хочу перенести тебя к Минделю. Ты возьмешь у него бластер и передашь мне,— мрачно сказал Лисби.

— Конечно,— небрежно ответил Браун.

Через несколько минут он протянул бластер Минделя Лисби. Значит, дело не в нем.

«Миллер находится на капитанском мостике — быть может, он успел послать какое-то сообщение Брауну, когда я отвернулся?» — подумал Лисби.

В любом случае необходимо выяснить, в каком состоянии Миллер и пострадал ли он от резкого увеличения силы тяжести.

Лисби включил связь с капитанским мостиком. На экране появилось нахмуренное морщинистое лицо первого помощника. У него за спиной Лисби разглядел мрак межзвездного пространства.

— Мистер Миллер, как вы перенесли избыточную силу тяжести? — учтиво спросил Лисби.

— Она захватила меня врасплох, капитан. Я получил несколько сильных ушибов. Вероятно, на некоторое время потерял сознание. Но сейчас со мной все в порядке.

— Вот и хорошо,— продолжал Лисби.— Вероятно, вы слышали, что капитан Браун и я пришли к соглашению. Сейчас нам необходимо уничтожить существо, свободно перемещающееся по кораблю. Будьте в полной боевой готовности! — И он хладнокровно отключил связь.

Итак, Миллер практически не пострадал. Чего можно от него ждать? Ответ показался ему очевидным: Миллер может перехватить управление. И тогда — спросил себя Лисби — что он станет делать?

И тут же получил ответ.

Наконец Лисби понял план Брауна. Они ждут, когда Лисби немного расслабится. Тогда Миллер вмешается, освободит Брауна и захватит силовым лучом Лисби.

Оба офицера опасались одного: как бы Лисби не выстрелил в Брауна. Похоже, сейчас их тревожит только такой вариант развития событий. А когда они прикончат Лисби, Браун заберет пульт и, активизировав третью фазу, уничтожит Дзинга.

У этого плана есть только один недостаток: Лисби его разгадал и теперь сможет обратить против самого Брауна и Миллера. Нужно побыстрее принять встречные меры, пока Браун ничего не заподозрил.

Повернувшись к интеркому, Лисби включил общую связь.

— Всем,— сказал он,— необходимо пристегнуться. Помогите тем, кто получил ранения. Возможно, у нас вновь возникнет критическая ситуация. У вас есть около минуты, так что не теряйте времени.

Он выключил связь и активизировал канал технического персонала.

— Специальные инструкции для техников. Прошу вашего внимания. Никто из вас не слышал взрыва около десяти минут назад?

Почти сразу же раздался звонкий голос:

— Это Дэн. В коридоре рядом с нами был взрыв — мне кажется, около десяти минут назад.

Лисби с трудом подавил волнение.

— Где именно? — спросил он.

— Сектор Д-4-19.

Лисби быстро нажал на несколько кнопок, и на экране возник искореженный взрывом коридор. Повсюду валялись куски обгоревшего металла. Дзинг взорвался — тут не могло быть никаких сомнений.

Он облегченно вздохнул, но тут же напомнил себе, что от главной опасности он все еще не избавился. Лисби быстро сунул руку в карман и активизировал фазу два, чтобы взять управление кораблем на себя. Потом он повернулся к Брауну. Тот слегка смутился, не зная, как реагировать на происходящее.

— Что все это значит? — спросил Браун.

Лисби объяснил, что Дзинг уничтожен.

— Понятно,— пробормотал Браун.— Ты поступил умно, не сообщив об этом сразу.

— Я сомневался,— сказал Лисби.— Корабль снабжен звукоизоляцией. Здесь мы не слышали взрыва.

Браун кивнул. Кажется, он поверил Лисби.

— Подожди, я уберу бластер, чтобы выполнить свою часть договора,— сказал Лисби.

Но когда Лисби убрал бластер, он пожалел Брауна и не стал ничего предпринимать сразу.

Он размышлял над словами Брауна: «Теперь путешествие на Землю займет всего несколько месяцев». Потом капитан отказался от своего заявления, но Лисби одолевали подозрения.

Если Браун сначала сказал правду, никому не нужно умирать.

— Почему вы сказали, что путешествие домой займет меньше года? — быстро спросил Лисби, снова переходя на «вы».

— При достижении скорости света время сильно сжимается,— охотно объяснил Браун.— Нам нужно преодолеть расстояние чуть больше двадцати световых лет. Но теперь, когда наш корабль обладает двигателем с новым принципом ускорения, мы сможем увеличить коэффициент сжатия времени в триста, четыреста или даже пятьсот раз — и тогда окажемся дома менее чем через месяц. Когда я впервые об этом заговорил, то сразу же понял, что тебе непонятно, откуда берутся эти числа. Да я и сам с трудом в них верю.

— Боже мой! — потрясенно пробормотал Лисби.— Мы можем вернуться в Солнечную систему уже через несколько недель.— Он немного помолчал, а потом сказал: — Послушайте, я готов принять вас в качестве капитана. Нам не нужны выборы. На такой короткий срок это не будет иметь никакого значения. Вы согласны?

— Конечно,— кивнул Браун.— Именно это я и пытался тебе втолковать.

Лицо Брауна оставалось совершенно искренним. Лисби смотрел на это олицетворение невинности и отчаянно пытался понять, что задумал Браун.

«В чем же дело? — спрашивал он сам себя.— Почему он внутренне не согласен закончить дело миром? Быть может, он не хочет оставаться капитаном всего месяц?»

Лисби изо всех сил пытался поставить себя на место капитана корабля, взглянуть на перспективу возвращения на Землю с его точки зрения. Задача оказалась очень трудной. Но все же он сумел ее решить.

— Будет немного жалко вернуться на Землю, так и не высадившись ни на одной из планет,— осторожно заговорил он, нащупывая верный путь.— Обладая способностью перемещаться с такими скоростями, мы успеем посетить дюжину звездных систем и все равно вернуться на Землю через год.

На лице Брауна промелькнуло незнакомое выражение, и Лисби понял, что ему удалось проникнуть в замыслы капитана. Однако Браун решительно потряс головой.

— Сейчас нет времени для экскурсий,— заявил он.— Мы предоставим исследование новых звездных систем будущим экспедициям. Экипаж корабля сделал свое дело. Мы немедленно возвращаемся домой.

Лицо Браун было совершенно спокойным. Взгляд голубых глаз оставался открытым и честным. Больше Лисби ничего не мог сказать. Его и Брауна разделяла пропасть — им никогда не договориться.

Командир корабля должен убить своего соперника, чтобы возвратиться на Землю и доложить о достижениях «Надежды человечества».

18

Лисби при помощи силового луча отодвинул Брауна на шесть футов от своего кресла и освободил его. Затем совершенно сознательно убрал руку от панели управления силового луча и развернул кресло так, что оказался к ней спиной. Теперь Лисби стал совершенно беззащитен.

Наступил самый опасный момент.

Браун прыгнул к нему с криком:

— Миллер, бери на себя управление!

Первый помощник выполнил приказ капитана.

Как только управление перешло на капитанский мостик, сработали реле, установленные техниками по указанию Лисби.

Система управления была изолирована от электрической цепи. Переключившиеся реле обесточили рубку в соответствии с законами физики.

Две управляющие панели были так идеально синхронизированы, что вторая всегда успевала перехватить предыдущее действие у первой — при передаче управления не могло произойти никаких неприятностей.

Но сейчас обе системы управления были переподчинены крошечному устройству, лежавшему в кармане Лисби. И этот мощный маленький пульт взял на себя компенсацию 12 *g*

ускорения двигателей и 8 *g* искусственного тяготения... в обратном порядке, как Лисби его и запрограммировал, когда сработала кнопка перехода на вторую фазу.

Как только капитанский мостик перехватил управление, включился двигатель и искусственное тяготение.

И «Надежда человечества» начала торможение с ускорением 4 *g*.

Бóльшую часть удара приняла на себя спина Лисби, опирающаяся на спинку кресла, и он практически не пострадал.

Но Браун потерял равновесие. Он перемещался к Лисби под углом к линии торможения. И мощнейший удар швырнул капитана прямо на панель управления. С утробным звуком он уткнулся в панель да так и остался лежать на ней без движения.

В следующее мгновение специальное реле, которое Лисби перепрограммировал лично, выключило двигатели. Тут же наступила невесомость, тело Брауна заскользило по панели, оставляя на ней длинный кровавый след.

Лисби завороженно смотрел, как темные пятна появляются на форме капитана Брауна.

19

— Ты собираешься устроить выборы? — спросил Тельер.

Большой корабль под командованием Лисби вернулся назад и подобрал отряд, дожидавшийся решения своей участи на челноке. А сам челнок вместе с карнами оставили на орбите вокруг Альты III.

Двое молодых людей сидели в кабине капитана.

Услышав вопрос, Лисби откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Ему не требовалось времени на размышление, он уже успел почувствовать вкус власти.

Почти сразу же после смерти Брауна Лисби обнаружил, что согласен со многими высказываниями прежнего капитана, в том числе и с причинами, по которым выборы капитана никому не нужны. Он подождал, пока Ильза, одна из его трех жен — младшая из двух вдов Брауна,— налила им вина и молча вышла. Потом он мрачно рассмеялся.

— Мой добрый друг,— сказал он,— нам ужасно повезло, что время сжимается при полетах со скоростью света. Если учесть, что время для нас замедляется в пятьсот раз, любые исследования иных звездных систем потребуют нескольких месяцев, ну, в самом крайнем случае, лет. Поэтому мы не

можем допустить, чтобы единственный человек, разбирающийся в деталях полета на световой скорости, проиграл выборы. До тех пор, пока я не решу, сколько еще мы будем заниматься исследованиями, тайна полета со скоростью света останется при мне. Однако один человек должен знать, где хранится запись всех технических подробностей. Естественно, таким человеком будет первый помощник капитана Арманд Тельер.

Он поднял свой бокал.

— Как только я закончу отчет, ты получишь копию.

— Благодарю, капитан,— ответил Тельер, задумчиво потягивая вино. Потом он заметил: — Полагаю, выборы упрочили бы твое положение. Я уверен в твоей победе.

Лисби добродушно рассмеялся и покачал головой.

— Боюсь, ты не понимаешь динамики управления,— ответил он.— В истории нет прецедентов, когда владеющий властью человек добровольно передал бы ее кому-то другому.

Он одним глотком допил вино и закончил с уверенностью человека, обладающего абсолютной властью:

— И я не настолько самонадеян, чтобы создавать такой прецедент.

Он сидел с циничной улыбкой на губах, когда услышал, как в дверь капитанской каюты кто-то стучит. Лисби знал, что одна из его жен подойдет впустить гостя. Как ни странно, в каюте царила тишина. Он не услышал приветствий, только молчание.

«Наверное, ей передали записку»,— подумал Лисби.

Однако он ощутил тревогу. Лисби собрался вновь сесть в кресло, когда у него за спиной послышался грубый голос:

— Ладно, мистер Лисби, твое время подошло к концу, а наше только начинается.

Лисби застыл на месте, потом медленно повернулся и обнаружил, что за спиной говорившего столпилось несколько вооруженных мужчин. Лисби никого из них не знал, вероятно, это были простые работники из сада или камбуза. Люди, о существовании которых он лишь догадывался.

Лидер группы вновь заговорил:

— Меня зовут Горди, мистер Лисби, и мы забираем власть — эти люди и я,— потому что мы хотим вернуться домой, на Землю... Не делайте ошибок, тогда вы и ваши друзья не пострадают...

Лисби облегченно вздохнул, услышав последние слова. Еще далеко не все потеряно.

20

Горди исполнилось тридцать четыре года, когда он возглавил переворот, лишивший власти Лисби V. Он был темноглазым коротышкой крепкого сложения, которому с самого детства постоянно напоминали, что его отец возглавлял неудавшийся мятеж. Много лет назад он решил, что будет следовать идеалам отца — пусть даже ему придется погибнуть. Он черпал мужество в ненависти, а его скептическое отношение к любой информации, которая доходила до нижних палуб, сделало его весьма проницательным. Он сразу же понял, что союз Брауна и Лисби фальшивка, и ему стало ясно, что они начали борьбу за власть. Он мастерски выбрал момент для захвата корабля.

Горди перебрался в капитанскую каюту. Все здесь было для него в новинку, и он ко всему относился критически. От его пристального взгляда ничего не ускользало. Он сообразил поднять металлический пол каюты, чтобы быть уверенным, что оттуда ему ничто не угрожает,— и обнаружил устройства для прослушивания кают. Сняв стены, Горди нашел лабиринт ходов, при помощи которых техники вроде Лисби контролировали десятки тысяч миль проводов.

Только теперь ему удалось узнать, как погиб его отец, когда он находился в кладовой и думал, что его никто не найдет,— для этого использовали один из таких проходов. Так тайны корабля одна за другой открывались перед Горди, лишив «Надежду человечества» волшебного ореола. Горди пришел к выводу, что капитану, чтобы управлять кораблем, вовсе не обязательно быть ученым, но не сомневался, что ему придется убить нескольких человек, прежде чем научное сообщество примет его самого и его людей в качестве старших офицеров.

В Горди с самого начала бушевала такая ненависть и он так хотел добиться успеха, что действовал с удивительным хладнокровием и расчетливостью. Всех, кто выказал хоть какие-то сомнения в его правах, он отправил вниз на рабочие палубы, полностью перекрыв им доступ наверх. Горди пришел к выводу, что все его решения, связанные с назначением офицеров, будут иметь далеко идущие последствия. И хотя речь шла о большом количестве людей, Горди лично беседовал с каждым.

Большинство ученых согласились работать с ним, многие говорили, что давно мечтали вновь попасть на Землю. Им Горди разрешил вернуться к исполнению своих обязанно-

стей. Однако он кардинально изменил всю систему работы: в лаборатории одновременно допускалась лишь треть обычного состава.

Около двух десятков людей вызвали у него подозрения. Он выделил их в специальную категорию. На данном этапе им категорически запретили появляться на верхних палубах.

Всем офицерам Брауна и Лисби он прямо сказал, что планирует воспользоваться их знаниями, но их будут допускать в рубку управления или на капитанский мостик только по одному и под охраной.

Из почти двухсот человек лишь один техник и двое не слишком важных ученых не проявили сговорчивости. Они не скрывали своего презрения к новому руководству «Надежды человечества». Все трое оскорбляли Горди, когда он их допрашивал. Они насмехались над его одеждой и манерой разговаривать.

Горди отнесся к оскорблениям исключительно серьезно. Он не сомневался, что эти люди не являлись заговорщиками, уж слишком откровенно они себя вели. Однако он не мог проявить сочувствия или понимания и с мрачным удовлетворением решил, что у него появилась прекрасная возможность сделать их судьбу примером для остальных.

Он позвал всех троих и объявил о казни за час до наступления времени сна.

Только после этого он приказал привести к себе Лисби. Так состоялась их вторая встреча после переворота. Когда они остались наедине, Горди язвительно сказал своему пленнику:

— Я собирался оставить тебя напоследок...

Он ничего не стал объяснять, а для Лисби после трех казней его сторонников это уже не имело значения. Сидя под пристальным взглядом темных глаз, Лисби беззвучно ругал себя. У него было ощущение, что Горди может пойти на крайние меры, он даже подумывал о том, чтобы отправить ему послание с просьбой не предпринимать никаких решительных действий без предварительного обсуждения. Но тогда новый капитан стал бы задавать вопросы, поэтому Лисби решил промолчать.

На самом деле он был рад, что получил возможность собраться с мыслями. Сначала Лисби подумал, что никто, в том числе и он сам, не выиграет от долгого путешествия под руководством Горди. Поэтому он собирался рассказать ему об эффекте сжатия времени при полете со скоростью света.

Убийство трех человек изменило его намерения. Теперь он не осмеливался рассказать Горди правду, ведь новый капитан не захочет возвращаться на Землю, где его наверняка ждет суд.

Чтобы скрыть страх, Лисби решил вести себя как настоящий ученый. Если люди, не имеющие необходимого образования, возьмут корабль под свой контроль, это будет ужасной ошибкой. Поэтому он предложил Горди объединить силы, чтобы корабль успешно долетел до Земли,— например, создать капитанский совет, состоящий из Горди, двух его сторонников, Тельера и самого Лисби.

— В результате у вас всегда будет преимущество три к двум при любом голосовании, а двое будут знать, как устроен корабль. К тому же мы с Тельером пострадали от стоявшего у власти Брауна.

Лисби вовсе не рассчитывал, что Горди согласится на компромисс. Однако надеялся, что он будет себя вести не так жестко.

Горди отреагировал на предложение Лисби равнодушно. Он сказал, что не верит ни в капитанский совет, ни в разделение полномочий и намерен довести это до всеобщего сведения. У корабля может быть только один капитан, Горди. Остальные на борту должны с ним сотрудничать и работать изо всех сил, либо их ждет наказание, в зависимости от серьезности проступка. Смертная казнь будет грозить за предательство и саботаж.

Горди изложил свою программу так категорично, что Лисби даже испугался за собственную безопасность. Ему ничего не оставалось, как сказать, что он готов выполнять приказы Горди.

Маленький человечек долго наблюдал за Лисби, а затем проговорил с суровой сердечностью:

— Что ж, давай за это выпьем!

Он налил вина в два бокала, протянул один Лисби и поднял свой бокал.

— Лисби,— продолжал он,— я оставил разговор с тобой напоследок, поскольку ты единственный эксперт на корабле, которому я могу доверять, несмотря на то что я отнял у тебя власть.

Они потягивали вино, но Лисби по-прежнему испытывал тревогу. Он сохранял решимость не рассказывать Горди о близости Земли. Горди же что-то смущало в поведении Лисби, но он пришел к выводу, что сделал правильный выбор.

Широко улыбнувшись, он лукаво сказал:

— Через пару недель, если будешь достойно себя вести, я переселю тебя в каюту и верну тебе жену. И хотя я не принял окончательного решения, наверное, я оставлю себе двух остальных женщин. Моя собственная жена — хочешь верь, хочешь нет — на этом настаивает. Я ужасно удивился: внизу она была невероятно ревнива. Но только не здесь.— Он нахмурился.— Женщине плохо жить на таком корабле. Она чувствует себя одинокой. Моя жена множество раз проклинала меня и закатывала истерики. Ей кажется, что я не стану настоящим капитаном, пока не завладею капитанскими женами. Но не беспокойся, твою жену я не трону.

Лисби помалкивал. Он размышлял о том, что истерики у женщин могут быть вызваны условиями путешествия. Потом он сообразил, что все это не имеет значения. Между тем Горди продолжал:

— Получается как-то неловко. Внизу все выступали против того, чтобы капитан имел несколько жен. А теперь получается, что мы какие-то ненастоящие: сразу хватаем себе женщин, как только оказываемся наверху.— Он вновь нахмурился и поднял бокал.— О женщинах я подумаю потом. А сейчас выпьем за твою жену.

После того как они допили вино, Горди поставил бокал на стол и заговорил отрывисто:

— Пора лететь домой.

И повел Лисби в рубку управления.

— Пока дорога на капитанский мостик тебе закрыта,— сказал он, а потом угрожающе добавил: — И не вздумай что-нибудь выкинуть.

Лисби неспешно подошел к панели управления, размышляя: «Если я переключу пару тумблеров и сниму показания приборов, Горди может решить, что он и сам справится с управлением корабля. С другой стороны, если начать делать что-нибудь слишком сложное, капитан может позвать кого-нибудь другого — например, Миллера или Минделя — и приказать ему проверить, что тут натворил Лисби».

В конце концов Лисби сделал только две абсолютно ненужные вещи. Поскольку Горди потребовал объяснения всех его действий, он весьма заумно рассказал ему о каждом своем шаге. Через несколько минут ускорение составляло 12 *g*, а искусственное тяготение 11 *g*, и на корабле осталась привычная гравитация.

Закончив программирование, Лисби встал рядом с Горди, который сделал заявление для всех членов корабельного сообщества, завершив его следующими словами:

— Мы направляемся домой. Да, друзья мои, сейчас наша цель — Земля. Сегодня ночью вам следует пристегнуться, поскольку мы планируем продолжить ускорение.

Лисби слушал капитана, охваченный стыдом. «Продолжение ускорения» означало, что капитан предполагает увеличение разницы между тягой двигателя и искусственной гравитацией, что совсем не обязательно. С того момента, как Дзинг «скорректировал» витки генератора искусственной гравитации и синхронизировал всю систему, они имели возможность тормозить или ускоряться, не меняя нормального тяготения на корабле.

Однако до настоящего времени ситуация была иной; следовательно, Лисби должен сохранять все на прежнем уровне. К тому же ему выгодно парализовать движение на корабле.

Слушая Горди, Лисби подумал с мрачным цинизмом: «Забавно: как только Горди обнаружит, насколько близко мы находимся от Земли, он сразу же меня прикончит».

21

Проходили дни и недели, и Лисби понял, что из всех техников только он имеет доступ на капитанский мостик, в рубку управления и к двигателю. Значит, только он мог действовать и что-то предпринять.

В его мозгу бурлили различные планы заговора. И все же единственный вариант, который мог принести успех, пришел ему в голову в самый первый день. Однако Лисби продолжал искать другие возможности и находил все новые и новые недостатки в исходном плане. Наконец на двадцать шестой день он поделился своей идеей с Тельером — в один из тех редких моментов, когда не сомневался, что за ним не следят: Горди только что покинул нижние палубы и наверняка не успел добраться до подслушивающей системы.

На лице его друга отразились сомнения.

— Превзойти скорость света! — эхом отозвался Тельер.— Ты серьезно?

— Ну, на самом деле до этого не дойдет,— стал оправдываться Лисби.— Но я должен запрограммировать двигатель, чтобы иметь козырную карту. Не забывай, он убийца.

— Если это твой лучший план,— простонал Тельер,— то наше дело дрянь.

— При нынешнем уровне ускорения,— тихо проговорил Лисби,— мы наберем 99,9999998 процентов от скорости света

примерно через три дня. Когда это произойдет, по корабельному времени пройдет всего два часа, а корабль совершит прыжок на множество световых лет — и мы окажемся возле Солнечной системы. Нам потребуется начать торможение, в противном случае мы покинем пределы нашей Галактики. Как я объясню все это Горди, который уверен, что путешествие на Землю займет тридцать лет?

На худощавом умном лице Тельера появилось странное выражение. Он схватил Лисби за руку и хрипло проговорил:

— Джон, за последние три дня ты можешь подготовить один из челноков? Затем ты выключишь двигатели корабля и свет, а, когда начнется суматоха, мы с тобой улизнем.

Лисби был поражен. Покинуть корабль! И, хотя идея Тельера показалась ему не слишком разумной, его поразило, что он сам ни разу об этом не подумал. Потом Лисби сообразил, в чем дело: корабль стал частью его жизни, он не мог отделить себя от него.

— На челноке необходимо установить дополнительное приспособление,— задумчиво сказал Лисби.— В противном случае торможение займет слишком много времени. Когда мы приблизимся к скорости света, я фальсифицирую тяготение, чтобы капитан приказал начать торможение.

Он нахмурился и замолчал.

Тельеру захотелось узнать, что тревожит его друга.

Лисби понял, что не может никому объяснить, как трудно ему общаться с Горди. Запинаясь, он попытался описать невероятную подозрительность нового капитана.

— Он знает достаточно о системе управления, чтобы понимать, когда двигатель работает. У меня был только один способ с ним сотрудничать: мне пришлось начать его учить, в противном случае он привлек бы других офицеров. Если я обращусь к нему...— Лисби замолчал, размышляя о возможных вариантах развития событий, а потом сказал: — Это так важно, что я не имею права рисковать.

— Так что же ты решил? — нетерпеливо спросил Тельер.

Получалось, что Лисби должен сказать капитану Горди, что с двигателями что-то происходит, и попросить у него разрешения их отключить. Причем до того, как корабль достигнет скорости света.

— Однако я запрограммирую автопилот на случай, если у Горди возникнут подозрения и он отправит меня на нижние палубы. Тогда двигатели заработают вновь, и корабль

перейдет через световой барьер — получится, что я не напрасно поднял тревогу. А Горди снова мне поверит.

Лисби увидел, что Тельер с восхищением смотрит на него.

— Ты виртуоз интриги! — Потом он с беспокойством добавил: — Но если у него не возникнет никаких подозрений, ты не станешь переходить световой барьер?

— Конечно! Неужели ты думаешь, что я спятил? Уж не знаю, поверишь ты мне или нет, но я на всякий случай настроил сенсоры на Солнечную систему, а затем на Землю.

Напоследок они договорились, каким шлюзом и при каких обстоятельствах воспользуются.

В тот же день Лисби запрограммировал корабль на дополнительное ускорение, пользуясь электромагнитной системой управления. Он решил, что не следует доверять механическому оборудованию на субсветовых скоростях.

Покончив с этим, он пришел к Горди и объявил, что с двигателями возникли какие-то проблемы и их необходимо остановить, чтобы провести профилактические работы. Горди сразу встревожился.

— Но мы будем продолжать лететь вперед, пока ты их проверяешь? — спросил он.

— Конечно,— кивнул Лисби.— Нам в любом случае пришлось бы выключить двигатели, чтобы сэкономить топливо. Но только через несколько месяцев.

Одно время он даже раздумывал, не поступить ли ему именно так. Но потом пришел к выводу, что чем дольше он будет находиться во власти Горди, тем труднее ему будет осуществить свой план. Даже сейчас, с увеличенной скоростью, придется слишком долго ждать, пока они доберутся до Земли. К сожалению, лишь при значительном приближении к скорости света начинал сказываться эффект сжатия времени.

Они стояли на мостике, а за прозрачным колпаком расстилалась бесконечная чернота ночи, усеянная звездами. Горди прищурился. Его охватили сомнения, и Лисби кожей ощущал его напряжение.

— Проблемы настолько серьезны, что ты предполагаешь катастрофические последствия?

— Капитан, чем быстрее я проверю двигатели, тем лучше. Но можно подождать еще некоторое время. Скажем, до завтра.

— Ладно...— Казалось, Горди принял решение.— Наверное, так мы и поступим. А что будет с гравитацией?

— Ее необходимо отключить,— солгал Лисби.

— Тогда подождем до обеда. Если я не свяжусь с тобой за час до наступления периода сна, запрограммируй двигатель на выключение в ночное время. Я объявлю, что все должны пристегнуть ремни безопасности. Как ты думаешь, сколько времени займут профилактические работы?

— Пару дней.

Горди надолго задумался.

— Досадная задержка, однако тут ничего не поделаешь,— наконец сказал он.— Но дождись моей команды. Хорошо?

— Хорошо.

Лисби хотелось побыстрее закончить опасный разговор. С отчаянно бьющимся сердцем он спустился по ступенькам с мостика. Лишь после того, как Горди по общей связи объявил о готовящемся выключении двигателей, Лисби облегченно вздохнул.

К несчастью, выключив передатчик, Горди вспомнил, что Лисби проходил обучение как техник, а не инженер. Его охватили сомнения: а вдруг Лисби не сумеет устранить неисправность. Сможет ли он разобраться с атомным двигателем?

Впрочем, у Горди не возникло никаких подозрений относительно мотивов Лисби. Он просто задал себе вопрос: разумно ли доверять технику такой важный узел корабля?

После некоторых размышлений Горди приказал привести в рубку управления Миллера, бывшего первого помощника капитана Брауна.

— У меня есть основания предполагать, что у нас возникла проблема с двигателями,— спокойно сказал он Миллеру.— Меня интересует твое мнение.

Миллера охватили сомнения. Он был офицером всю свою жизнь, презирал Горди и недолюбливал Лисби, но еще сильнее ему не нравилась жизнь на нижних палубах. Во время сражения с роботом в системе Альты он был без сознания, пока Лисби и Браун вели дискуссию о скорости света. Вот почему он ничего не понял из разговора двух «капитанов», когда они обсуждали теорию Лоренца—Фицджеральда. Ему даже в голову не приходило, что корабль развил более высокую скорость.

Миллер впервые оказался рядом с панелью управления с тех пор, как к власти пришел Лисби, и с искренним интересом изучал показания приборов. Очень скоро он сделал вывод, что с двигателями все в порядке. Более того, он вспомнил, что написано в старых учебниках о теоретическом оптимуме, и ему показалось, что сейчас двигатели работают существенно лучше, чем раньше.

С присущим всем инженерам презрением к техникам Миллер решил, что Лисби просто не разобрался в показаниях приборов. Теперь оставалось придумать, как воспользоваться своим преимуществом и вернуть себе прежнюю должность. Следует ли поддержать Лисби и заняться никому не нужной профилактикой? Или немедленно вступить с Лисби в борьбу?

Он выбрал последний вариант. «В конечном счете,— подумал Миллер,— каждый сражается за себя».

В тот самый момент, когда он принял решение, его взгляд скользнул по датчикам скорости, которые находились на отдельной панели. Миллер нахмурился и подошел ближе, пытаясь понять, что могут означать необычные показания. Его одутловатое лицо дрогнуло, и он повернулся к Горди.

— Капитан Горди,— сказал он,— мне многое понятно.

Когда Миллер объяснил Горди, что он имел в виду, его отправили вниз. Он разыскал ничего не подозревающего Лисби и самодовольно сказал:

— Капитан Горди только что попросил меня осмотреть двигатели.

Лисби молча перенес первое потрясение. Он не забыл, что Горди наверняка следит за их разговором, поэтому спокойно ответил:

— Я и сам подумывал предложить капитану твою кандидатуру, чтобы ты подтвердил мои выводы.

— Ладно, если хочешь прикидываться, дело твое,— резко сказал Миллер.— Мне многое стало ясно, когда я взглянул на датчики скорости.— Он с пониманием улыбнулся.— Очень ловко с твоей стороны: выйти почти на скорость света, никому об этом не рассказав.

Лисби показалось, что его лицо приобрело цвет свинца. Ему ужасно хотелось ударить Миллера, которого распирало ликование. Лисби сделал шаг к нему и едва слышно проговорил со злостью:

— Глупец! Неужели ты не понимаешь, что Горди не может вернуться на Землю? Теперь мы все мертвецы!

Он испытал краткое удовлетворение, когда в округлившихся от ужаса глазах Миллера промелькнуло понимание. Лисби повернулся к нему спиной. Теперь он понял, зачем Горди вызвал его к себе.

Однако Лисби так и не добрался до капитанской каюты. По пути его арестовали и поместили в одну из тюремных

камер, куда пришел Горди. Его угольно-черные глаза смотрели на Лисби сквозь прутья решетки.

— Ну, мистер Лисби, расскажи мне о скорости нашего корабля.

Лисби решил рискнуть — а вдруг Горди не слышал его разговора с Миллером. Он сделал вид, что не понимает, о чем тот говорит. Лисби знал, что у него есть только один шанс: убедить ужасного маленького человечка в своей полной невиновности.

Горди поразило поведение Лисби. Ситуация действительно была фантастической, и ему хотелось поверить Лисби. Техник в самом деле мог не понять, что произошло.

Однако Горди не мог не учитывать и другую возможность: а вдруг Лисби с самого начала все знал и планировал остановить корабль и сбежать с него, предоставив остальным самостоятельно решать тайну скорости. Одна мысль о подобном коварстве вызывала у Горди неукротимую ярость.

— Ну, тебе решать! — злобно сказал он.— Если будешь молчать, мне ничего не останется, как считать тебя лжецом и саботажником.

Однако он вернулся в свою каюту, потеряв уверенность в себе. Горди понимал одно: нужно что-то решать. Необходимо действовать.

Горди понимал, что сейчас ему грозит опасность, и решил поступать, подчиняясь интуиции. Прежде всего необходимо принять меры предосторожности. В результате, как только все улеглись спать, он вместе с отрядом своих людей спустился вниз и арестовал восемнадцать человек, в том числе Миллера и Тельера. Всех поместили в отдельные помещения и заперли.

Следующие два часа Горди провел в безрадостных размышлениях. Все его действия, и прежде всего казнь троих инакомыслящих, были рассчитаны на тридцатилетнее путешествие к Земле.

«Пора взглянуть правде в глаза,— подумал он.— Я не могу вернуться на Землю».

Когда Горди все спланировал, он решил, что заставит Лисби уменьшить скорость корабля настолько, чтобы путешествие к Земле действительно заняло тридцать лет. А потом найдет причину для казни Лисби, Миллера, Минделя и других подозреваемых. Повод: заговор с целью захватить власть на корабле. Однако он должен самым тщательным образом продумать детали, чтобы остальные поверили ему или хотя бы захотели поверить.

Он все еще строил планы, когда час спустя корабль дернулся так, словно получил удар, а потом начал ускоряться.

Лисби не спал, дожидаясь наступления рокового часа. И когда он настал, ускорение прижало его к койке, к которой он заблаговременно пристегнулся. Он запрограммировал двигатели так, что разница между ускорением и искусственной гравитацией составила 3 *g*. Теперь никто не сможет помешать кораблю пересечь световой барьер.

Он почувствовал всепоглощающий страх, как только понял, что именно в этот момент пространство и время изменяются с невероятной быстротой.

«Быстрее, быстрее!» — беспомощно подумал он.

И хотя Лисби прекрасно понимал, что ничего не почувствует, поскольку ускорение росло одновременно с искусственной гравитацией, он приготовился пережить фантастические мгновения пересечения светового барьера. Он надеялся, что они не затянутся надолго.

Он ждал мучительных ощущений, но перед ним вдруг возникла фантазия, исчезнувшая так быстро, что Лисби ее сразу же забыл. Затем появился новый образ, лицо, которое он никогда не видел прежде, но и оно моментально пропало. Перед его мысленным взором вставали новые и новые образы. Но он сам и другие обитатели корабля шагали назад, как в фильме, запущенном в обратном направлении. Сцены сменяли друг друга с головокружительной скоростью, пока не пришла очередь его детства.

Наконец все образы исчезли. Лисби овладело необычное ощущение, не слишком приятное, но совсем не болезненное. А потом...

Вероятно, Лисби потерял сознание.

22

Эврил Хьюит повесил трубку и повторил сообщение, которое получил несколько секунд назад: «Ваш корабль "Надежда человечества" только что вошел в атмосферу Земли».

Слова эхом отдавались в его сознании, вызывая смятение. Спотыкаясь, он подошел к дивану и лег.

В водовороте его сознания закружились новые слова с иным смыслом. Через шесть лет... «Надежда человечества»... через шесть лет, когда даже по самым оптимистическим прогнозам она могла лишь долететь до созвездия Центавра... входит в атмосферу Земли...

Хьюит лежал и думал: «Десять лет я верил в теорию Джона Лисби, утверждающую, что в ближайшие месяцы наше Солнце должно показать признаки переменной звезды!»

Он потратил бóльшую часть своего огромного унаследованного состояния на постройку гигантского корабля. Мир смеялся над самым богатым простофилей Запада; Джоан ушла от него, забрав с собой детей, и лишь план колонизации принес ему правительственную поддержку...

И все это уничтожено возвращением «Надежды человечества» — в канун катастрофы, которую он пытался предотвратить.

«Что могло заставить Джона Лисби повернуть назад?..» — беспомощно рассуждал Хьюит.

Его горькие размышления прервал телефонный звонок. Он встал с дивана и подошел к столу.

«Мне нужно подняться на борт и попытаться их убедить. Как только они приземлятся, я...»

На сей раз ему звонил официальный представитель космического патруля. Хьюит слушал, пытаясь представить себе картину, которую описывал его собеседник. Патруль не смог связаться с экипажем корабля.

— Наши люди в скафандрах заняли позиции возле наблюдательных портов и капитанского мостика. К сожалению, они не могут заглянуть внутрь, поскольку обшивка пропускает свет только в одну сторону. Мы уже час пытаемся установить контакт с экипажем, но не получаем никакого ответа.

Хьюит задумался. Он не знал, что делать. Наконец он спросил:

— С какой скоростью движется корабль?

— Он приближается к Земле со скоростью тысяча миль в час.

Хьюит не слышал ответа, его мозг заработал быстрее.

— Беру на себя все расходы по проникновению внутрь корабля. Я прибуду через час.

«Если я сумею попасть внутрь, то попытаюсь их уговорить. Нет, я заставлю экипаж продолжить путешествие»,— размышлял он, шагая к своему личному кораблю.

Он решил быть безжалостным. Пожалуй, впервые в истории человеческой расы оправданы любые средства принуждения.

Два часа спустя он спросил:

— Вы утверждаете, что воздушный шлюз не открывается?

Хьюит находился на борту спасательного корабля «Молли Д» и наблюдал за безуспешными попытками вскрыть один

из люков «Надежды человечества» при помощи огромных магнитов. На время ему пришлось забыть о своих намерениях.

Приходилось считаться с тем, что на борту «Надежды человечества» могли возникнуть серьезные проблемы.

— Продолжайте попытки, возможно, дверцу заклинило. Люки должны легко открываться.

Он обратил внимание, что ему охотно предоставили право командовать спасательной операцией. В некотором смысле его это нисколько не удивило. «Молли Д» была коммерческим спасательным судном, которое реквизировал космический патруль. Теперь, когда на борту корабля находился Хьюит, представитель патруля капитан-лейтенант Мардоннел играл роль наблюдателя. А капитан «Молли Д» с радостью подчинялся человеку, который оплачивал все счета.

Через час гигантский магнит сумел повернуть круглую крышку люка чуть больше чем на фут. Побледневший Хьюит советовался с двумя офицерами.

Высотомер «Молли Д» показывал, что они находятся на высоте в девяносто одну милю. Капитан-лейтенант Мардоннел сказал:

— Мы опустились примерно на девять миль за шестьдесят—восемьдесят минут. Поскольку мы движемся не только вниз, но и вперед, столкновение с Землей произойдет через десять часов.

Очевидно, что за это время они не успеют вскрыть люк.

Хьюит с трудом сдерживался. Он продолжал считать, что проблема, которую они не мóгут решить, гроша ломаного не стоит.

— Что ж, тогда нужно расплавить люк или высверлить его,— предложил он.— А еще можно попытаться прорезать отверстие в обшивке.

И он приказал доставить с Земли специальное оборудование. Но даже вмешательство космического патруля не позволило решить эту проблему быстрее, чем за два с половиной часа. Наконец Хьюит отдал приказ привести в действие мощный бур.

— Вызовите меня, когда я смогу попасть внутрь корабля,— приказал он.

Он вдруг почувствовал ужасную усталость и прилег отдохнуть.

Хьюиту удалось задремать, но он постоянно вертелся, в любой момент ожидая, что его позовут. Его мозг продолжал

напряженно работать над тем, что он скажет экипажу «Надежды человечества».

Он проснулся, когда прошло пять часов с момента прибытия бура. Хьюит одевался с ощущением приближающейся катастрофы. Его встретил Мардоннел.

— Мы не тревожили вас, мистер Хьюит, поскольку после того, как стало ясно, что мы не можем прорезать отверстие в обшивке корабля, я связался со штабом. Нам удалось получить совет одного из крупнейших земных ученых.— Капитан-лейтенант заметно побледнел.— Боюсь, порадовать вас нечем. Никакие советы не помогли. Мы не в силах проникнуть внутрь корабля.

— Что вы хотите этим сказать?

— Вам лучше взглянуть самому.

Когда Хьюит прибыл на место, бур продолжал работать. Он приказал остановиться и принялся осматривать обшивку «Надежды человечества». Буру удалось углубиться на три четверти миллиметра.

— Но это просто смешно,— запротестовал Хьюит.— Шесть лет назад, когда строили корабль, подобных проблем не возникало.

— Нам доставили еще два бура,— устало сказал Мардоннел.— Алмаз не в состоянии справиться с этим металлом. Ученые рассчитали, что корабль упадет в предгорьях Скалистых гор. Удалось довольно точно вычислить место. Жители предупреждены.

— А что будет с теми, кто находится на борту? Что будет с...— Хьюит осекся.

Он собирался спросить, что будет с человеческой расой, но промолчал. Зачем зря раздражать людей?

Волнуясь, Хьюит подошел к бортовому иллюминатору «Молли Д». Похоже, они находятся на высоте пятнадцати миль от поверхности Земли. До падения два часа.

Когда оставалось двадцать минут, Хьюит отдал приказ разорвать стыковку. «Молли Д» медленно отошла от «Надежды человечества» и стала набирать высоту. Хьюит стоял и с растущим ужасом смотрел, как огромный корабль падает на Землю.

Горизонтальная скорость составляла чуть меньше тысячи миль в час — корабль пропахал огромную борозду в земле, подняв невероятную тучу пыли. Хьюит и все, кто находился рядом с ним, не слышали звука удара, но ему показалось, что он видит, как дрогнула земля.

— Ну вот и все,— сглотнув, сказал Хьюит.— Если на борту оставались живые люди, они погибли.

Не требовалось особого полета воображения, чтобы представить себе последствия столь чудовищного удара. Все обитатели корабля превратились в кровавые пятна на полу, стенах или потолке.

В этот момент до них долетел грохот удара. «Молли Д» задрожала, и у всех, кто находился на борту спасательного судна, на несколько мгновений заложило уши.

Прошла пара секунд, и кто-то выкрикнул:

— Корабль прошел сквозь гору!

— О господи! — пробормотал Хьюит.

«Надежда человечества» рассекла небольшой холм на две части. Сквозь тучи пыли Хьюит видел, как огромный сферический корабль скользит вниз, в долину. Наконец корабль опустился, и вновь пыль закрыла обзор. Однако Хьюиту показалось, что «Надежда человечества» почти не замедлила ход.

Корабль начал уходить под землю.

Постепенно пыль осела. Образовалась дыра диаметром более двенадцати тысяч футов, косо уходящая в склон горы, который начал складываться внутрь, и тонны камня обрушились вниз.

Спасательный корабль спустился ближе к земле, и Хьюит отчетливо услышал гром лавины.

Скалы и земля еще продолжали падать вниз, когда пришло радиосообщение. В пятидесяти милях рухнула гора. Образовалась новая долина, погибли люди. Зафиксировано три подземных толчка.

В течение следующих двадцати минут приходили все новые и новые сообщения. Было зафиксировано еще четырнадцать подземных толчков, причем два из них оказались самыми сильными за все время наблюдений. Образовались огромные трещины. Последнее землетрясение произошло в четырехстах милях от первого, и все они находились на линии следования «Надежды человечества».

Неожиданно поступило новое, ошеломляющее сообщение. Корабль вышел на поверхность в пустыне и начал набирать высоту по пологой дуге.

Менее чем через три часа «Молли Д» вновь состыковалась с огромным кораблем. Мощные магниты продолжали воздействовать на люк.

— У нас ушел час, чтобы сдвинуть крышку на один фут,— сказал Хьюит полудюжине ученых, которые находились на борту спасательного судна.— Значит, за тридцать пять часов

задача будет решена. Впрочем, потом придется открывать внутреннюю дверь шлюза, но это уже совсем другая проблема.— Он немного помолчал.— Джентльмены, почему бы нам не обсудить фантастические события, которым мы все стали свидетелями?

Последовавшая дискуссия не позволила никому сделать какие-нибудь содержательные выводы.

— Ну вот и все! — воскликнул Хьюит.

Внешний люк открыли пару часов назад, и сейчас мощный магнит открывал внутренний люк. Пока они ждали за прозрачным барьером, в шлюз протянулась толстая металлическая рука и толкнула дверцу. После нескольких безуспешных попыток оператор вопросительно посмотрел на Хьюита. Тот тут же сказал в переговорное устройство:

— Возвращайтесь на корабль. Нам нужно закачать воздух в шлюз, тогда мы сумеем открыть дверь.

Он с трудом сдерживал гнев. Внешняя дверь люка открылась довольно легко. Он не понимал, почему у них возникли проблемы с внутренней. «Надежда человечества» продолжала проявлять упрямство.

Капитан «Молли Д» с сомнением посмотрел на Хьюита.

— Если дверцу люка заклинило,— возразил он,— то невозможно заранее предсказать, какие усилия придется приложить, чтобы ее открыть. Не забывайте, что корабли удерживаются рядом при помощи магнитов. Поэтому не потребуется большой силы, чтобы они оторвались друг от друга.

Хьюит нахмурился, услышав возражения капитана.

— Возможно, нам не понадобится прикладывать изрядных усилий. Ну а если корабли оторвутся друг от друга, мы можем задействовать дополнительные магниты.— А потом добавил: — Или построим переборку между переходными шлюзами, связав таким образом корабли стальной арматурой.

Решили последовательно увеличивать давление сжатого воздуха. Хьюит внимательно наблюдал за показаниями манометра. Когда они перевалили за девяносто одну атмосферу, давление резко пошло вниз. За несколько секунд оно упало до восьмидесяти шести, затем стабилизировалось, а потом снова стало подниматься. Капитан отдал какой-то приказ в машинное отделение, и стрелка прибора застыла на месте. Он повернулся к Хьюиту.

— Это предел. При девяносто одной атмосфере резиновые прокладки теряют герметичность. Мы не можем дальше увеличивать давление.

Хьюит недоуменно покачал головой.

— Я не понимаю,— пробормотал он.— Как люк может выдерживать давление в тысячу двести фунтов на квадратный дюйм?

Ничего не оставалось, как заказать оборудование, которое сможет зафиксировать переходные шлюзы кораблей. Чтобы не терять зря времени, они пробовали разные способы воздействия на люк. Ни один из них успеха не принес. Стало очевидно, что потребуются значительно бóльшие усилия, чтобы проникнуть внутрь корабля.

Только после того, как давление достигло девятисот семидесяти четырех атмосфер, дверь неохотно открылась. Хьюит подождал, когда стрелка манометра опустится вниз, показывая, что давление выровнялось. Воздух стремительно уходил внутрь корабля — к счастью, объем «Надежды человечества» был огромен. И все равно поток воздуха походил на торнадо, которому по силам уничтожить все на своем пути.

Наконец давление упало всего на одну атмосферу, и стрелка манометра застыла на месте.

— Что произошло? — сдавленно спросил один из ученых.— Давление выровнялось на совершенно невозможном уровне. Как такое может быть? Сейчас оно составляет тринадцать тысяч фунтов на квадратный дюйм.

Хьюит отошел от барьера из асбостекла.

— Мне нужен специальный скафандр,— сказал он.— Ни один из наших скафандров не выдержит такого давления.

Для этого требовалось вернуться на Землю. Хьюит знал, что некоторые фирмы в состоянии сделать нужный скафандр за несколько дней. Но он решил лично наблюдать за его изготовлением.

Возвращаясь на челнок, который должен был отправиться к Земле, Хьюит подумал: «А потом я поднимусь на борт и мы стартуем к Альфе Центавра. Наверное, мне придется лететь с ними. Но сейчас это не имеет значения. Теперь слишком поздно строить другие корабли для колонизации иных миров».

Он вдруг преисполнился уверенностью, что все очень скоро выяснится. У него не было никаких предчувствий.

Когда Хьюит приземлился, в городе наступило утро. Новость о его возвращении опередила Хьюита; а когда вскоре после полудня он покинул фабрику по производству космических скафандров, его поджидала группа репортеров. Он рассказал им последние новости, но репортеров это не удовлетворило.

Вернувшись в офис, он сделал ошибку: позвонил Джоан. Прошли годы после их последней встречи, и она уже не была так напряжена, когда подняла телефонную трубку.

— И о чем ты хочешь со мной говорить? — небрежно спросила она.

— О примирении.

— Ради бога! — сказала она и рассмеялась.

Голос Джоан показался ему чересчур визгливым. Хьюит с некоторым беспокойством вспомнил, что о ней ходили самые невероятные слухи: будто бы она встречалась с разными мужчинами. Он вдруг понял, что эти слухи правдивы.

Хьюит на мгновение задумался, но решил не отступать.

— Не понимаю, почему мое предложение вызывает у тебя смех? — серьезно спросил он.— А куда девалась твоя всепоглощающая и вечная любовь, в которой ты столько раз мне клялась?

Наступило долгое молчание. Наконец она ответила:

— Знаешь, я готова поверить, что ты настолько глуп, чтобы предложить мне примирение. Но я достаточно умна, чтобы сообразить: именно возвращение твоего дурацкого корабля заставило тебя позвонить мне. Ты хочешь, чтобы мы всей семьей полетели к Альфе Центавра?

Хьюит понимал, что после такого отвратительного начала не следует продолжать разговор, однако уже не мог остановиться.

— Почему ты не разрешаешь мне взять детей? — не унимался он.— Путешествие им не повредит, более того, их здесь не будет, когда...

Тут Джоан надоело его слушать, и она рассмеялась.

— Вот видишь, я все правильно поняла.— И швырнула трубку.

Ему тут же начали названивать из вечерних газет, а потом напечатали искаженную запись его разговора с Джоан. В газетах его называли «простофилей с новой звезды». Хьюит спрятался от репортеров, но они круглосуточно дежурили в отеле, где он остановился.

Два дня спустя ему потребовался полицейский эскорт, чтобы добраться до фабрики и взять там специально созданный для него скафандр-танк. Затем он помчался на взлетное поле. Челнок доставил его на «Молли Д».

На тестирование скафандра пришлось потратить больше часа. Наконец магнит закрыл внутренний люк «Надежды человечества», затем давление в соседнем отсеке было снижено до одной атмосферы. Хьюита, сидевшего внутри скафандра

на колесах, при помощи крана переправили в этот отсек и плотно закрыли дверцу люка. Вновь закачали воздух. Хьюит наблюдал, как манометр его скафандра показывает постепенное увеличение давления до девятисот семидесяти трех атмосфер. Прошло еще несколько часов, пока Хьюит окончательно не убедился, что скафандр выдерживает огромные нагрузки.

Он включил первую передачу, и танк медленно вполз внутрь «Надежды человечества».

23

ТЕМНОТА!

Свет погас, как только он оказался внутри корабля. Изменения были поразительными. Снаружи коридор выглядел совершенно нормально. Теперь Хьюит находился в призрачном темно-сером мире. Несколько секунд он вглядывался в сумрак, но постепенно его глаза привыкли к тусклому освещению. Хотя прошли годы с тех пор, как он в последний раз побывал на борту «Надежды человечества», его поразило ощущение ограниченности пространства.

Хьюит находился в коридоре, который, как он точно знал, ведет в самое сердце корабля. Теперь он показался ему более узким, чем раньше. Причем значительно более узким. Хьюит прекрасно помнил, что коридор был рассчитан на перемещение крупных грузов. Но сейчас...

Хьюиту не удавалось точно оценить его ширину. Прежде он шел через весь корабль, и его протяженность составляла тысячу футов. Естественно, так далеко Хьюит видеть не мог. Темнота быстро сгущалась.

А вот высота коридора не изменилась — как была около тридцати футов, так и осталась.

Но ширина уменьшилась с сорока футов до пяти. Однако у Хьюита не создалось впечатления, что стены отстроили заново. Стальная арматура по-прежнему являлась частью стен.

Хьюит пришел к выводу, что должен двигаться дальше, в противном случае ему не реализовать поставленную перед собой задачу.

Он собрался закрыть дверь переходного шлюза. И здесь его ожидал новый сюрприз. Во время перемещения дверь искажалась. Снаружи подобный эффект не наблюдался. Когда дверь закрылась, ее ширина, прежде составлявшая двенадцать футов, сократилась до четырех.

Изменения показались Хьюиту такими чудовищными, что на его лице выступил обильный пот. Тут только он понял, что все это может означать: «эффект теории сжатия Лоренца—Фицджеральда».

И тут ему пришла новая, ошеломляющая мысль: «Значит, скорость корабля приблизилась к скорости света».

Хьюит моментально отбросил эту мысль. Такого просто не могло быть. Наверняка существовало другое объяснение.

Он осторожно направил свой танк вперед. Прежде всего он хотел посетить каюту капитана. Тень медленно и неохотно открывала перед ним свои тайны. Только оказавшись на расстоянии десяти футов от него, он заметил пандус, ведущий на следующий уровень.

Появление знакомых предметов немного успокоило Хьюита. Более того, они находились на прежнем расстоянии друг от друга. Да и расположение осталось прежним: шлюз, пандус, а затем мастерские. Коридор вывел его прямо на пандус, а затем вновь сузился. Все выглядело жутко маленьким — суживающий эффект оказывал пугающее воздействие. Однако длина была неизменной.

Хьюит ожидал, что двери капитанской каюты окажутся слишком узкими для его скафандра. Однако их ширина не изменилась. Хьюит кивнул и подумал: «Конечно, это вполне соответствует теории Лоренца—Фицджеральда. Сжатие происходит лишь вдоль направления полета». Поскольку двери каюты находились под прямым углом к данному направлению, их размеры не изменились. А вот дверная ручка должна была уменьшиться.

Так и оказалось. Хьюит остановил скафандр и принялся рассматривать ручку.

— Нет, что-то здесь не так,— сказал он самому себе.— Как и коридор, ручка уменьшилась в восемь раз, а коэффициент изменения давления — во много раз больше.

И вновь он попытался убедить себя, что должно существовать другое объяснение, не связанное со знаменитой теорией сжатия. Ведь скорость не имела отношения к происходящему. Сейчас «Надежда человечества» практически находилась в состоянии покоя, а ее полет с высокими скоростями остался в прошлом.

— Я зря теряю время! — проворчал Хьюит.

Он напомнил себе, что намеревался сделать быстрый ознакомительный объезд корабля, включил двигатель скафандра и въехал в каюту.

Первая комната капитанских апартаментов оказалась пустой. Хьюит сразу же направил скафандр в спальню. Дверь в нее была закрыта, но при помощи специального щупа Хьюит легко ее распахнул. Он въехал внутрь, испытав некоторое смущение — ведь он оказался в чужой спальне. Хьюит увидел две одинаковые кровати. На ближайшей лежала женщина, накрытая тонкой простыней, он увидел лишь часть руки, плечо и голову. Она была повернута к нему спиной. На первый взгляд, женщина выглядела вполне нормально — больше он на нее не смотрел, поскольку его внимание приковал мужчина.

Он лежал у изголовья кровати в очень странном положении — казалось, его отбросило в результате резкого торможения. Какие-то части его тела выглядели слишком тонкими, какие-то сохранили естественные размеры — аномалия могла объясняться необычным положением тела. Хьюит объехал кровать, чтобы взглянуть на мужчину с другой точки. Теперь он выглядел совершенно нормально.

Но сбоку его голова и тело больше походили на карикатуру, а не на обычного человека — нечто подобное можно увидеть в кривых зеркалах.

Хьюит никогда не встречал этого человека раньше. И, вне всякого сомнения, он не был капитаном Джоном Лисби, который командовал огромным кораблем во время старта шесть лет назад.

Хьюит решил не делать никаких выводов. Некоторые его наблюдения указывали на присутствие эффекта Лоренца—Фицджеральда. Однако бóльшую их часть легко объяснить, если представить себе, что корабль одновременно летит с разными скоростями. Невероятно.

Хьюит повернул к выходу из капитанской каюты. Он старался ни о чем не думать, но задержался, чтобы заглянуть в другую спальню. Здесь стояло три кровати, и на каждой лежала молодая женщина. Все трое были укрыты простынями, но их фигуры искажал все тот же эффект. Хьюит содрогнулся и двинулся к входной двери. Женщины почему-то произвели на него более сильное впечатление, чем мужчина.

Вновь оказавшись в коридоре, Хьюит заставил себя принять то, что он увидел. Теперь, когда его скафандр перемещался дальше, ему удалось немного расслабиться и спокойнее воспринимать удивительное явление. Он заглядывал в каюты офицеров и ученых. Почти во всех в главной спальне находились женщины, в соседних — дети.

Когда Хьюит увидел первого подростка, он стащил с него тонкое одеяло — ему пришлось приложить немалые усилия — и внимательно осмотрел перекошенное тело. Он хотел убедиться, что перед ним юноша. Да, сомнений быть не могло, несмотря на искажения пространства. После этого он видел еще несколько юношей и девушек, примерно восемнадцати лет.

Но куда исчезли мужчины?

В соседнем коридоре, неподалеку от апартаментов капитана, он нашел троих мужчин с грубыми лицами. Они также находились в кроватях, а поскольку все они лежали по-разному относительно направления полета, мужчины и выглядели непохоже друг на друга. Когда Хьюит поднял одеяло, которым был укрыт первый из них, он увидел невероятно худое вытянутое тело. Второй мужчина показался ему каким-то укороченным и чахлым. А третий больше походил на силуэт, чем на нормального человека.

Больше на верхней палубе он мужчин не нашел. Только спустившись вниз, Хьюит обнаружил в маленьких тесных каютах несколько сотен мужчин. Женщин среди них не было, что еще больше смутило Хьюита. Он никак не мог понять, зачем держать женщин и детей на верхних палубах, отдельно от мужчин.

Окончательно зашедший в тупик Хьюит отправился в машинное отделение. Оказалось, что на корабле полно совершенно незнакомых ему мужчин, женщин и детей. А ведь он встречался со всеми колонистами, техниками, учеными и офицерами — однако не узнал ни одного человека.

Наконец Хьюит добрался до машинного отделения. Первый же взгляд на дисплеи приборов его ошеломил.

Ядерный реактор раскалился до адских температур. Несмотря на огромную нагрузку трансформатора, стрелка даже не дрожала. При этом приборы показывали, что ускорение равно нулю. Изучая показания приборов, Хьюит вспомнил разговор с Тельером относительно попыток достижения субсветовых скоростей. Он нахмурился. Дисплей показывал, что корабль перемещается со скоростью 198 700... Нет, не может быть! Быстрее скорости света!

«Но корабль не может сейчас...» — подумал Хьюит.

Его разум отказывался воспринимать полученную информацию. Он решительно развернулся и направился обратно в «Молли Д».

24

Пока Хьюит отсутствовал, на борту спасательного судна появился великий человек. Он выслушал вместе с остальными доклад Хьюита и практически не участвовал в дискуссии, которая разгорелась, когда тот закончил свой отчет. Молодые ученые заметно смущались в присутствии великого. Они не рисковали высказываться. «Пусть говорит кто-нибудь другой» — такие мысли читались на их лицах.

В результате дискуссия получилась вялой. Чаще всего звучали слова: «естественное объяснение». Наконец терпение Хьюита лопнуло.

— В конце концов, все эти явления реальность. Что вы имеете в виду, когда употребляете слово «естественное»?

Он не собирался на этом останавливаться, но тут великий человек откашлялся и заговорил впервые с того момента, как его представили присутствующим.

— Джентльмены, я бы хотел избавиться от мусора, накопившегося с начала преодоления полосы препятствий.

Он повернулся к Хьюиту.

— Я поздравляю вас, сэр. Впервые в истории появился мифический наблюдатель — невероятное явление. Вы стали свидетелем феномена, который до настоящего момента описывался лишь уравнениями.

И без дальнейших отступлений он принялся объяснять природу произошедшего, которое он назвал «движение со скоростью света».

— На данной стадии,— продолжал он,— нам не следует искать ответ на вопрос, как такое могло произойти, хотя подобные рассуждения, вне всякого сомнения, еще впереди. Я готов поделиться с вами своими мыслями. Мистер Хьюит видел, что приборы показывали скорость, превышающую скорость света. Можно ли предположить, что корабль, набравший такую невероятную скорость, познакомил нас с истинным состоянием пространства и материи, которое до этих пор оставалось от нас скрытым? Я готов предположить, что корабль движется со скоростью, превышающей скорость света, в собственной зоне существования, в параллельном нам времени. Конечно, нам необходимо изучить данное явление. Но этим мы займемся позже. Сейчас нам следует решить практический вопрос. Вот что я предлагаю. Копии тщательно составленного письма следует вложить в руки всех клю-

чевых фигур на борту корабля, чтобы они его прочитали после пробуждения. В этом письме мы опишем известные нам события и предложим старшим офицерам корабля выключить двигатель и автопилот. Если наше пожелание не будет выполнено через определенный промежуток времени — тут мы должны принять во внимание разницу во времени,— мы будем вынуждены признать, что нас неправильно поняли. И тогда Хьюит вернется на борт и попытается выключить автопилот и реверсировать двигатель. Но прежде чем покинуть корабль после доставки письма, Хьюиту необходимо включить сигнал тревоги, чтобы разбудить экипаж.

Хьюит нахмурился, услышав последнее предложение. Он не видел никаких логических ошибок в рассуждениях великого человека. Но после пребывания на борту жуткого корабля с искаженной перспективой, на котором атомный реактор давно вышел за безопасные пределы температурного режима и где люди застыли в неподвижности смерти, у него сложилось впечатление, что они что-то упустили.

Он вспомнил о мужчине, скорчившемся на постели в капитанской каюте. Да, великий человек объяснил это несоответствие, но во время его рассуждений в голову практичного Хьюита пришли новые мысли. Скафандр следовало модифицировать, чтобы он сумел включить сигнал тревоги, ведь работать придется в условиях иного времени.

Относительно третьего появления на борту корабля Хьюит задумчиво проговорил:

— Если получится, что я буду вынужден отключить двигатель, мне потребуется взять с собой воду и пищу. Разница во времени может сделать мою миссию весьма длительной.

У них ушло тридцать пять часов, чтобы открыть люк,— обычно такая работа занимала пять минут. Таким образом, выключение двигателя может занять несколько недель. Значит, нужно к этому подготовиться.

Другой ученый предложил снабдить скафандр приборами для наблюдения, фиксации и записи состояния двигателя.

Сразу же последовал поток новых оригинальных идей, но Хьюит остановил энтузиастов:

— Послушайте, джентльмены, скафандр невозможно бесконечно набивать аппаратурой. Почему бы вам не отправиться со мной на фабрику, где вы сможете поработать над возможными изменениями? А пока специалисты напишут письмо и сделают нужное количество копий. Мы скоро вернемся, и тогда я вновь поднимусь на борт «Надежды человечества».

Хьюит решил, что на модернизацию скафандра потребуется около недели, и предложил немного поспать.

Никто не стал ему возражать.

25

На борту корабля проснулся Лисби V.

Он лежал и вспоминал все, что произошло за последнее время. Лежал и вспоминал, как ребенок, даже не пытаясь ни о чем думать. Воспоминания обрушились на него.

— Боже мой! — простонал он.

Его долго не оставлял страх, но потом пришло облегчение. Он все еще жив! Сверхсветовая скорость не смертельна для человека. Страшный миг, когда корабль достиг скорости света, остался позади.

Лисби размышлял о том, как долго он находился без сознания. Потом пришла новая тревога: необходимо спуститься в машинное отделение, провести тесты, приготовиться к торможению.

«Интересно, что стало с Горди? Может быть, он мертв?» — с надеждой подумал он.

Протянув руку, Лисби включил свет — движение было чисто автоматическим, и только после того, как стало светло, он сообразил, что электрические сети и антигравитация в порядке.

...Им овладело удивление. Однако все укладывалось в теорию, что при полете со скоростью света свет тоже перемещается.

Лисби расстегнул ремень безопасности и сел.

Он услышал шум, который доносился снаружи. В замке повернулся ключ. Дверь по другую сторону решетки распахнулась. На него смотрел Горди, голову которого украшала белая повязка. За спиной капитана высилась плотная фигура бывшего кухонного рабочего по имени Харкорт.

Увидев Горди, Лисби испытал разочарование. Он ожидал его прихода, его анализ оказался правильным, но реальность — Горди не получил серьезных ранений — разрушила надежды Лисби... Однако разочарование моментально исчезло.

Он вспомнил, что приход Горди уже сам по себе означает, что одержана победа.

Лисби сразу же приободрился. Именно поэтому он так и запрограммировал двигатели: теперь маленький убийца вынужден обратиться к нему за помощью.

Лисби заговорил первым, чтобы захватить инициативу.

— Я потерял сознание и только что пришел в себя. Что произошло? Люди не пострадали?

Горди озадаченно посмотрел на него.

— Значит, тебе тоже досталось! — сказал он.

Лисби лишь бросил на него взгляд. Он не хотел ничего преувеличивать, чтобы не вызвать подозрений.

— Лисби, ты уверен, что это не часть заговора?

Лисби сумел заверить Горди, что он ничего не знает о заговоре — ему практически не пришлось лгать, поскольку его план не был продуман дальше. Иными словами, если заговор и существовал, то он остался в прошлом. С этого момента они столкнулись с ситуацией, в которую люди никогда не попадали: ведь никому еще не доводилось летать со скоростью, превышающей скорость света.

Слова Лисби явно успокоили Горди. После недолгих колебаний он хрипло произнес:

— Я дам тебе еще один шанс, Лисби. Спускайся в машинное отделение! Харкорт отправится вместе с тобой... И учти — не вздумай выкинуть какой-нибудь номер!

Вероятно, Горди понимал всю бесполезность своих угроз.

— Послушай, Лисби,— проникновенно заговорил он,— выясни, что произошло, и постарайся устранить неполадки. А потом мы поговорим. Хорошо?

Лисби ему не верил, да и как он мог верить Горди? Ведь положение нового капитана не изменилось, он по-прежнему не мог вернуться на Землю. Но вслух Лисби сказал:

— Да, конечно.

Горди криво улыбнулся.

— Встретимся позже.

Он ушел, чтобы допросить других арестованных. На данный момент Лисби был оправдан. Горди сразу же заподозрил, что в случившемся виновен Миллер. Кто еще мог все это устроить? Ведь больше в машинном отделении никого не было! Он вспомнил, как Миллер вглядывался в показания приборов, касался некоторых из них.

«Наверное, тогда-то он и провернул свой номер! — решил сразу рассвирепевший Горди.— Прямо у меня на глазах!»

Между тем Лисби в сопровождении Харкорта добрался до рубки управления. Взглянув на мониторы, он вздохнул с облегчением: впереди чернела космическая пустота. Слегка

дрожащими руками он быстро запрограммировал двигатели на торможение с тяготением в 12 *g* и на 11 *g* антигравитации. Закончив программирование, он потянулся к главному рубильнику, взялся за него...

И задумался.

Теперь, когда пришло время для окончательного решения, он вдруг понял, что ему необходимо осмыслить многие важные вещи. Ускорение до сверхсветовой скорости выполнило главную задачу: его освободили из-под ареста. Но в целом ситуация не изменилась.

В случае ошибки его ждет смерть. Более того, любое промедление также ведет к гибели. Таким образом, его действия должны определяться именно этими обстоятельствами.

...Нужно отобрать к Харкорта бластер, связать его или даже убить, если не останется другого выхода. Так или иначе, но Харкорта необходимо убрать с дороги.

Приняв решение, он потянулся к рубильнику.

Но вновь убрал руку, так и не переключив его. Он должен принять во внимание еще один фактор, не столь личный, но еще более важный.

«Почему я потерял сознание в точке перехода? — подумал Лисби.— Необходимо найти объяснение этому факту».

Люди не теряют сознание просто так, за время пребывания на борту огромного корабля он не раз в этом убеждался. Если не давать человеку анестезирующих препаратов, он цепляется за сознание, даже если испытывает невероятно сильную боль.

Лисби повернул голову к Харкорту и спросил:

— Ты потерял сознание, Харкорт?

— Угу.

— А что-нибудь помнишь?

— Абсолютно ничего. Просто вырубился. Потом пришел в себя. И подумал: «Парень, тебе нужно к Горди!» И нашел его возле кровати...

— И ты ни о чем не подумал? — перебил его Лисби.— У тебя не возникло никаких картин, воспоминаний? Перед тем, как ты отрубился?

— Ну-у-у-у,— с сомнением протянул Харкорт.— Если подумать... мне приснился сон. Какой-то неясный.

Лисби ждал. Судя по выражению лица, Харкорт мучительно пытался вспомнить — сейчас ему не следовало мешать.

— Знаете, мистер Лисби,— наконец заговорил Харкорт,— когда мы заглядываем в свое нутро, то редко находим там правду.

Лисби мысленно простонал. Этот человек не умеет излагать свои мысли.

— Мне нужно заняться двигателем. Поговорим позже, Харкорт.

Он вновь положил руку на рубильник. И медленно перевел его в рабочее положение. Покончив с этим, Лисби уселся в кресло, взял микрофон и объявил по общей связи, что ускорение начнется через одну минуту. Лисби собрался пристегнуть собственный ремень, когда заметил, что Харкорт устроился в соседнем кресле и уже пристегнулся.

Он ощутил, как закипел адреналин в его крови. Быть может, атаковать Харкорта прямо сейчас?

И все же Лисби не стал ничего предпринимать.

Нет, еще рано, слишком много неизвестных факторов. Ему может помешать начавшееся ускорение. Дрожащими пальцами Лисби пристегнул ремень.

Он внимательно смотрел на показания приборов.

Внезапно стрелки резко отклонились.

Он приготовился к удару. Однако ничего особенного не произошло. Тут же сработал генератор искусственного тяготения.

«Неужели даже при субсветовых скоростях возникает мгновенная компенсация ускорения?» — подумал Лисби.

Стрелки приборов вернулись в прежнее положение.

— Вы знаете, мистер Лисби, сон был удивительным. Я, как наяву, увидел изображение каждой части своего тела — и все они кувыркались в воздухе. А я был такой большой, как космос, и мог видеть свои внутренности, а также маленькие смешные пятнышки кружащегося света, вот только потом они перестали быть маленькими и больше не кружились, а начали разлетаться в разные стороны. Мне показалось, что я иду задом наперед. Наверное, тогда я и отключился.

Лисби повернулся к Харкорту, который описывал свои впечатления. Ему вдруг показалось, что простой, не обремененный знаниями разум этого человека воспринимает мир чистым внутренним зрением.

«...кувыркались...» — Что еще?

«...такой большой, как космос...» — В полном соответствии с теорией: масса становится бесконечной, а размер стремится к нулю.

«...маленькие смешные пятнышки кружащегося света...» — Электроны, видит Бог, вращающиеся на своих орбитах, неожиданно поменяли направление вращения...

Естественно. Фантастично, но естественно.

Да, именно тогда он и потерял сознание. В момент изменения направления. Сама структура жизни и материи была вывернута наизнанку. Лисби с благоговением подумал: «Мы погрузились в свои ничтожные распри, а корабль преодолевает барьеры времени и пространства».

И ему вдруг представилась бесконечная ночь, покоренная благодаря удивительному открытию. Расстояние подчиняется человеку, и даже время теперь поддается воздействию.

Лисби с волнением ждал, когда корабль пересечет световой барьер в обратном направлении. Ждал шока возвращения к нормальному состоянию...

Секунды быстро убегали прочь. Стрелки приборов медленно, но верно перемещались.

Ничего.

26

На Земле прошло три недели.

Расстроенный Хьюит пытался ускорить процесс. Деньги, конечно, сыграли свою роль. Но человеческий фактор не позволял делать некоторые вещи быстрее.

Одна из задержек была связана с письмом. Хьюит написал его довольно быстро, а потом отправил копии разным людям, чтобы они его одобрили и подписали.

Последовали многочисленные изменения и задержки, а окончательная версия «потерялась» в офисе одного высокопоставленного чиновника, и ее «искали» неделю.

Наконец все двенадцать копий письма вернулись к Хьюиту, ему осталось лишь поставить собственную подпись. В последней версии говорилось:

«ВНИМАНИЕ: ЭКИПАЖУ
“НАДЕЖДЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА”.

Ваш корабль прибыл в Солнечную систему в уникальном состоянии материи. Доказательством служит посещение корабля его владельцем, Эврилом Хьюитом, который сумел дважды побывать на борту “Надежды человечества”, оставаясь невидимым для вас. Для него вы находились в бесчувственном состоянии. Создается впечатление, что ваш корабль движется со скоростью света или даже превышает ее.

Объяснение этого удивительного и противоречивого явления породило споры среди ученых Земли, но нам удалось найти решение, которое вызвало всеобщее одобрение.

Немедленно начинайте торможение, чтобы минимизировать эффект полета со световой скоростью.

Затем постарайтесь установить радиоконтакт с Землей!

Поскольку мы считаем возможным, что в действие вступил эффект теории сжатия Лоренца-Фитцджеральда, нельзя исключить, что искажено не только пространство, но и время. Имейте в виду, что на Земле прошло всего шесть лет с тех пор, как "Надежда человечества" стартовала к Альфе Центавра. Теперь у вас появилась возможность реально оценить свое положение.

Пожалуйста, действуйте без промедления, поскольку корабль может рухнуть на планету, если не изменит свой курс.

Необходимо срочно принять меры...»

Место для первой подписи было зарезервировано для Хьюита. Дальше следовало множество других известных имен. Премьер-министр Объединенного Запада. Адмирал Космического флота. Затем шли подписи трех ученых: «великого человека» физика Питера Линдена, ведущего астронома и главы научных исследований.

Несколько официальных лиц и наблюдателей проследовало вслед за Хьюитом на борт «Молли Д». Офицеры космического патруля, врач, член кабинета министров, представитель Азиатского союза и несколько физиков космоса...

«Надежда человечества», как и следовало ожидать, за прошедшие три недели удалилась от Земли на пятьсот тысяч миль. К тому же на корабль не действовало тяготение Солнца, поэтому следовало учитывать, что Солнечная система перемещалась со скоростью двенадцать миль в секунду в сторону созвездия Овна. В результате «Надежда человечества» по диагонали дрейфовала мимо Солнца. С Земли было зафиксировано, что корабль дважды корректировал курс, чтобы через некоторое время вновь выйти на околоземную орбиту.

Из чего и был сделан вывод, что сенсоры корабля все еще запрограммированы на Землю.

Хьюит приказал стартовать.

Через восемь дней спасательное судно состыковалось с огромным кораблем. С момента предыдущего посещения миновал месяц — по земному времени. Однако на «Надежде человечества» прошло всего полчаса.

Как только были полностью состыкованы шлюзы, Хьюит направил свой скафандр-танк внутрь корабля. Он сразу двинулся в каюту капитана — и тут же столкнулся с первой проблемой. Темноволосый человек, бессильно лежавший на одной из кроватей, исчез. Женщина оставалась в своей постели.

Хьюит с сомнением посмотрел в сторону второй спальни — там по-прежнему находились три женщины. Но человек, которому он намеревался оставить одно из писем, покинул каюту капитана.

Впрочем, это не имело значения. Эксперты пришли к единому мнению: двенадцать писем, оставленных у двенадцати разных людей, дадут желаемый результат.

Хьюит оставил одно письмо на смятой постели, еще несколько копий у женщин в офицерских каютах, четыре экземпляра рядом со случайно выбранными из двух сотен мужчин в спальнях нижней палубы, и по одному экземпляру для каждого из двух мужчин, пристегнутых к креслам в машинном отделении.

Машинное отделение Хьюит посетил в последнюю очередь, поскольку на его скафандре имелись камеры, которые должны были зафиксировать изменения показаний приборов. Физики на борту «Молли Д» хотели иметь возможность следить за показаниями приборов в реальном времени.

Хьюит сделал несколько снимков. Он уже собрался нажать на кнопку, чтобы все оборудование автоматически ушло в специальные пазы, когда заметил, что показания датчика скорости изменились!

Он внимательно посмотрел на дисплей. Если раньше стрелка далеко уходила за красную отметку, соответствующую скорости света, то теперь она замерла прямо над ней.

Хьюит вдруг испытал острый приступ страха.

Корабль начал торможение. Сейчас его скорость лишь немногим превышала скорость света.

Он сразу же решил, что момент перехода через световой барьер будет для него опасным. Не теряя ни секунды, Хьюит тут же направил скафандр к выходу из машинного отделения. Находящиеся на борту люди пережили переход через барьер в другом направлении. Но как обратный переход скажется на человеке, который не участвовал в прямом переходе? Одно было очевидно: даже с коэффициентом 973:1 в его пользу он не успеет выбраться из корабля.

Все произошло, когда Хьюит уже сворачивал в коридор, ведущий к шлюзу. Он даже успел его разглядеть, когда почувствовал легкую тошноту. Хьюит не знал, что сейчас будет.

«Пожалуй, лучше сбросить скорость»,— успел подумать он.

Хьюит нажал на тормоз и почувствовал, что скафандр остановился. А потом...

Что-то схватило его тело со спины и безжалостно сдавило. Ему показалось, что его сжимает могучая рука великана, и он даже попытался вырваться.

Потом хватка огромной руки стала слабеть. И Хьюиту показалось, что из замкнутого пространства скафандра он переходит в нечто огромное.

А затем вокруг него сомкнулся мрак.

27

Что-то ударило Лисби.

Сначала глубоко внутри, а потом по всей поверхности тела.

Затем на него обрушилась непереносимая боль.

Должно быть, он погрузился в дремотное состояние — вот только на этот раз у него не было никаких фантазий,— а когда Лисби вновь вынырнул на поверхность, он сообразил, что корабль сделал обратный переход. Судя по ощущениям, торможение продолжалось.

«У нас получилось»,— с дрожью ужаса и восторга подумал он.

...Пересекли световой барьер и вернулись обратно! Покинули нормальное время и пространство и возвратились.

Не глядя вниз, Лисби отстегнул ремень и встал. Он не заметил, как с его колен упало письмо Хьюита. Лисби был так заинтригован показаниями приборов, что даже сделал несколько шагов вперед.

У него за спиной послышался голос Харкорта.

— Эй, а это еще что такое?

Лисби оглянулся. Происходящее не имело ни малейшего смысла. Харкорт что-то читал.

Лисби вновь посмотрел на приборную панель.

28

Когда Хьюит пришел в себя и открыл глаза, он обнаружил, что его скафандр стоит, наклонившись возле стены. Он не мог себе представить, как это случилось.

У него сложилось впечатление, что произошли и другие изменения, но сейчас ему было некогда разбираться.

Хьюит боялся, что его средство передвижения может опрокинуться. Он схватился за рычаги управления и плавно отпустил тормоза. Скафандр медленно встал на колеса.

Хьюит облегчено вздохнул и подумал: «Похоже, переход через световой барьер прошел успешно. Было очень больно, но я не получил никаких повреждений».

Хьюит тут же обо всем забыл, и его глаза округлились. Он начал дико озираться по сторонам. Коридор был ярко освещен. Жуткий сумрачный эффект исчез. И еще одно: коридор больше не казался узким. Конечно, он не стал бы утверждать это с полной уверенностью, но ему показалось, что все вокруг обрело прежние размеры. Тут только Хьюит осознал, что происходит.

Он больше не сторонний наблюдатель. Он стал частью происходящего. В глазах любого человека, который взойдет на борт «Надежды человечества», он будет выглядеть искаженным. Для себя самого и всех, кто и раньше находился на борту, он будет казаться совершенно нормальным. Люди, подвергшиеся воздействию эффекта Лоренца—Фицджеральда, не замечают произошедших с ними перемен. Сжатие повлияло не только на их тела, но и на восприятие.

Хьюит вспомнил свои ощущения — да, огромная сила сжала его тело. И изменения в его теле были неравномерными. Передняя часть менялась быстрее, чем задняя.

Воспоминания о боли вдруг стали такими острыми, что он содрогнулся.

«Интересно, где мы находимся?» — подумал Хьюит.

С тех пор, как Хьюит пришел в себя, на «Надежде человечества» прошла одна или две минуты. На «Молли Д» — от шестнадцати до тридцати часов. Но Хьюит понимал, что эффект сжатия мог приготовить для него и другие сюрпризы.

Снаружи могли пройти годы.

Если это правда, то «Надежда человечества» могла удалиться от Солнечной системы на световые годы.

Хьюит вдруг ощутил спокойствие и мрачную уверенность. Что ж, совершенно случайно он получил то, что хотел,— разве не об этом он мечтал с того самого момента, как ему сообщили о возвращении корабля?

Он надеялся подняться на борт и уговорить экипаж отправиться в долгое путешествие к солнцам Альфы Центавра.

А если они откажутся, заставить их. Или обмануть...

Однако Хьюит понимал, что не контролирует ситуацию. И все же он на борту «Надежды человечества».

Из динамика над головой Хьюита послышался громкий голос:

— Внимание всем! Говорит капитан Горди. Мистер Лисби из машинного отделения только что сообщил мне, что ускорение будет продолжаться на уровне одного g. Вы можете отстегнуть ремни.

На глаза Хьюита навернулись слезы. Он почти сразу же понял их причину. После долгой и жуткой тишины он наконец услышал человеческий голос. И что еще важнее, этот голос упомянул знакомое имя.

«...Мистер Лисби из машинного отделения...»

Лисби!.. Хьюит вспомнил двух мужчин, которых видел в машинном отделении,— обоим было около тридцати. Он совсем по-другому оценил время, которое прошло на корабле после старта с Земли.

Более того, теперь у Хьюита появилась возможность поговорить с известным ему человеком. Его охватило возбуждение. Быстро развернув машину, он покатил обратно в машинное отделение, оставленное им всего несколько минут назад.

Он свернул за угол — и резко остановил свой мобильный скафандр.

Хьюит увидел, как в коридор из каюты среднего уровня выходит человек. Тот закрыл за собой дверь, повернулся — и увидел Хьюита.

Должно быть, скафандр его поразил, потому что человек застыл на месте. Хьюит подъехал к нему и сказал через переговорное устройство:

— Не бойтесь!

Человек продолжал стоять на месте, бессмысленно глядя в сторону Хьюита.

— Когда ваш корабль летел со скоростью, превышающей скорость света, он прошел через Солнечную систему. Я попал к вам на борт с земного военного корабля. Меня зовут Эврил Хьюит, я владелец «Надежды человечества».

Его заявление было не совсем правдивым. Однако ему очень хотелось, чтобы здесь думали, что за ним стоит серьезная сила.

Если человек и слышал слова Хьюита, он никак на них не отреагировал. Его взгляд оставался бессмысленным, лицо побледнело.

— Как вас зовут? — мягко спросил Хьюит.

Никакого ответа.

Хьюит понял, что человек находится в глубоком шоке.

— Ну, очнитесь! — резко сказал он.— Как вас зовут?

Командный тон сделал свое дело.

— Земля,— прохрипел человек.— Вы с Земли!

— Я попал к вам на борт с боевого корабля Земли,— продолжал Хьюит.— А сейчас расскажите мне, что здесь происходит?

Получить информацию оказалось совсем непросто. У Хьюита создалось впечатление, что его собеседник не понимает, как мало ему известно. Человека звали Ли Винэнс, и от него Хьюиту удалось услышать часть истории корабля. Теперь он знал, сколько прошло времени, а также о Лисби и о том, как Горди захватил власть. Для Винэнса эти события произошли совсем недавно.

Хьюиту также удалось получить некоторое представление о нравах на корабле: о том, что среди офицеров процветает многоженство и существует — до прихода к власти Горди — неизменная кастовая система.

Полученная информация оказалась такой сложной, что Хьюит растерялся. Он сидел и беспомощно смотрел на Винэнса.

«Пять поколений!» — думал он.

Для этих людей Земля стала чужой планетой.

Пока ошеломленный Хьюит размышлял, Винэнс неожиданно свернул за угол и бросился бежать. Хьюит направил машину за ним и крикнул ему вслед:

— Скажите капитану Горди, что я хочу с ним поговорить, но сначала я намерен отправиться в машинное отделение.

Однако Винэнс продолжал убегать со всех ног. Через несколько секунд он скрылся за поворотом.

Между тем Харкорт связался с Горди, который вернулся в капитанскую каюту. Горди мрачно выслушал его доклад, глядя на письмо, которое Харкорт держал так, чтобы капитан мог его прочитать. Все это очень походило на заговор, но смысл происходящего от Горди ускользал, поэтому он приказал:

— Принеси мне письмо.

Он еще не побывал в своей каюте и не знал, что там его ждет такое же послание.

Хьюит добрался до машинного отделения без всяких происшествий и нашел там одного Лисби V.

Лисби краем глаза увидел приближающееся устройство и повернулся...

После удивленных восклицаний и коротких переговоров Лисби понял, что ему не нужно больше соблюдать осторожность.

Позднее он вспомнил лишь одну свою фразу, произнесенную в ответ на предложение Хьюита:

«Вновь вернуться в космос? Никогда!»

Лисби пришел в себя, когда увидел, как замигал индикатор на приборной панели. Он получил предупреждение: за ними следят.

Горди!

Лисби не знал, как давно включился индикатор, и с ужасом представил себе, какое впечатление могли произвести на подозрительного маленького человечка его заявления.

Лисби потребовалось всего несколько мгновений, чтобы взять себя в руки. Он вновь стал прежним Лисби, способным предвидеть следующий шаг своих противников, какими бы хитрыми они ни были. Ему понадобилось совсем немного времени, чтобы попытаться определить место Хьюита в их корабельном сообществе.

«Он не сможет быстро приспособиться к миру, где люди убивают друг друга. Значит, он станет лишь пешкой в игре»,— подумал Лисби.

Вопрос состоял в том, как лучше использовать такую сильную фигуру в своих целях? Лисби пришел к выводу, что на данном этапе Хьюит будет источником информации и партнером, который поможет ему обвести Горди вокруг пальца.

Тем временем Хьюит немного успокоился. Если они действительно отправились в будущее, то катастрофа с Солнцем либо уже произошла, либо обошла его стороной. Они могут вернуться на Землю, чтобы выяснить, каковы размеры катастрофы. Только после этого можно принимать решения.

Приземлиться или вернуться в космос — это будет легко решить, когда они узнают правду.

— Как владелец «Надежды человечества»,— облегченно вздохнув, сказал Хьюит,— я приказываю вам взять курс на Солнечную систему, чтобы выяснить, каково истинное положение Земли.

— Сожалею, мистер Хьюит, но я должен получить подтверждение от капитана Горди. Лишь он имеет право отдавать на корабле приказы.

Лисби был очень рад, что произнес эти слова, которые должны были хотя бы на время успокоить Горди.

Его возражение поразило Хьюита. Но потом он сообразил, что Лисби повел себя разумно. К тому же Хьюит вдруг понял, что его права на корабль имеют силу только до тех пор, пока за ним стоит мощь Земли.

Но если верить предсказанию, истинность которого он всячески отстаивал, никакой мощи Земли более не существует.

Хьюит вдруг ощутил, что становится самым обычным человеком, а его капиталы ему ничем не помогут.

И в ответ на его мысли прозвучал голос Лисби:

— Почему бы вам не поговорить с капитаном Горди?

...Поговорить с... Горди. Попытаться убедить того, кто обладает реальной властью... И соблюдать осторожность!.. Ведь сейчас все вопросы жизни и смерти решает именно он...

Хьюит с некоторым удивлением обнаружил, что развернул свою машину и двинулся к двери. Но когда он выкатился в коридор, он не стал поворачивать к капитанской каюте, а торопливо направил скафандр на нижние палубы, где располагались склады.

Хьюит въехал в одно из многочисленных помещений, где почти до самого потолка были сложены детали какого-то оборудования. Каждый сегмент занимал отведенное ему место. Хьюит выбрал свободное пространство между двумя стойками и привел в действие механизм открывания своего скафандра.

Резиновые прокладки раздвинулись с шипящим звуком, и через мгновение он уже стоял на полу на собственных ногах.

Хьюит слегка дрожал и ощущал слабость, поскольку его обуял самый настоящий страх. Однако ему хватило сил, чтобы забраться в узкий отсек, находившийся у самого потолка. Слегка задыхаясь, он растянулся на гладкой поверхности.

Он лежал и смотрел на приборный щиток своего скафандра, где мигал огонек наблюдающего устройства. Как только он погас, Хьюит быстро слез вниз и повел машину на максимально возможной скорости.

29

Сбежав от Хьюита, Ли Винэнс сразу же направился в каюту капитана Горди и рассказал ему о встрече с ним.

Горди, прищурившись, слушал невероятный рассказ Винэнса. В нем росло подозрение, что Винэнс, которого он считал ничтожеством, оказался вовлеченным в заговор.

Однако Горди сообразил, насколько абсурдными являются его подозрения.

— Подожди минутку! — властно приказал он.— Оставайся здесь!

Горди подошел к двери, ведущей в кабинет капитана. Как только Винэнс потерял его из виду, Горди побежал в маленькую смежную комнатку, где размещалась следящая

система. И сразу же вызвал на экран изображение машинного отделения.

Несколько долгих секунд Горди с изумлением наблюдал за невероятным приспособлением, в котором находился Хьюит; впрочем, он сразу понял, как важно ему узнать, о чем будут разговаривать эти два человека. Когда Хьюит торопливо выехал из машинного отделения, Горди продолжал следить за ним до тех пор, пока гость не спрятался в одной из кладовых. И все это время в сознании Горди вертелась одна мысль: «Убить его или попытаться использовать в своих целях?»

Затем он сообразил, что прежде всего необходимо поймать пришельца. Он выключил следящую систему и собрался вернуться обратно, когда обнаружил, что старшая из вдов капитана Брауна проскользнула в комнату.

— Кто это такой? — удивленно спросила она.

Ее звали Рут, ей было немногим больше тридцати, и она отличалась аристократической внешностью. Горди уже давно желал ее и сдерживал себя только из политических соображений; вот почему он обращался с ней уважительно, хотя рассчитывал со временем овладеть этой женщиной.

Он рассказал ей о Хьюите, но потом добавил, что Земля, возможно, уничтожена, а в заключение проговорил:

— Пожалуй, нам стоит позавтракать и подождать, что будет дальше. Похоже, очень скоро придется принимать важные решения.

Она кивнула и ушла. Горди вернулся к Винэнсу и бросил ему автоматический пистолет. Винэнс неловко его поймал.

— Идем! — коротко приказал Горди и вышел в коридор.

Побледневший Винэнс последовал за ним.

— Что происходит, сэр? — испуганно спросил он.— Куда мы?

— Попытаемся поймать типа, которого ты видел.

— Но он вооружен.

— Мы тоже.

— Да,— пробормотал Винэнс.

Горди улыбнулся. Реакция Винэнса успокоила капитана — человеческая природа не меняется. Страх управляет всеми, и, как ни странно, испуганных людей легко заставить рисковать.

— Тебе нужно лишь выполнять мои приказы,— сказал Горди.

— Хорошо, босс.

Как только они оказались в коридоре, Горди сразу же увидел появившегося из-за угла Харкорта. Через минуту они уже втроем шагали к ближайшему лифту. В лифте Горди молча прочитал письмо. Оно лишь подтверждало полученную им ранее информацию и окончательно утвердило в решении пока ничего не предпринимать.

Однако Хьюита он все равно решил захватить.

Когда они подошли к кладовой, где прятался Хьюит, Горди первым вошел внутрь. Он собрался занять удобную позицию и предложить Хьюиту сдаться.

Здесь его поджидал первый сюрприз: машины Хьюита в кладовой не оказалось. Горди вдруг показалось, что он падает в бездну. В течение десяти минут они втроем обыскивали кладовую. Наконец Горди осознал, что его каким-то непостижимым образом обхитрили, но не мог понять, как это Хьюиту удалось.

«Тем не менее,— подумал Горди,— если мы и в самом деле ускользнули в будущее, ему никуда не деться».

Тут у Горди появилась новая идея. Нужно подняться на мостик и посмотреть, где находятся Земля и Солнце.

И он решительно зашагал к лифту, чтобы подняться наверх.

30

После того как Хьюит уехал из машинного отделения, Лисби для видимости вернулся к работе над снятой панелью. Но он все время поглядывал на мигающий глазок следящей системы.

Неожиданно глазок погас.

Лисби немного подождал. Когда сомнений больше не осталось, он подбежал к монитору, связывающему машинное отделение с капитанским мостиком, и сквозь прозрачный пластик смог разглядеть звездное небо.

Солнце оставалось яркой звездой первой величины. Он сделал вычисления на основании измерения его яркости — получилось, что Солнце находилось на расстоянии одной сотой светового года.

Учитывая то, что сказал Хьюит о движении «Надежды человечества» через Солнечную систему, Лисби сделал быстрые расчеты. У него вышло, что корабль переместился в будущее на промежуток от пятидесяти до ста лет.

В распоряжении Лисби появилась важнейшая информация.

У Хьюита больше не осталось никаких оснований претендовать на владение кораблем.

Затем Лисби подключился к радиоприемникам капитанского мостика, которые автоматически улавливали все радиосигналы. После того как Горди пришел к власти, только Горди и Лисби имели возможность получать сообщения извне.

Послание, которое услышал Лисби, было первым за все время его наблюдений. Оно начиналось с простого звукового сигнала, за ним следовали слова:

«Земля на связи. Прибывающие корабли должны использовать канал 71,2 метра».

Лисби прервал прием, выключил монитор связи с мостиком и побежал к выходу. Он должен воспользоваться тем, что Горди занят Хьюитом и на время забыл о Лисби.

И хотя он сильно рисковал, Лисби на одном из лифтов поднялся на мостик.

Он сразу же вскрыл панель приемника радиосигнала и вырвал провода. Потом поспешно поставил панель на место и побежал в рубку управления. Лисби вновь решил рискнуть и при помощи сканера быстро нашел каюту, где под замком сидел Тельер.

Лисби включил камеру наблюдения. Тельер лежал на койке. Лисби негромко его позвал, и Тельер тут же сел, а потом подошел к интеркому.

— Послушай, мы должны покинуть корабль,— сказал он Тельеру.

Лисби объяснил, что произошло и что он успел сделать. Он обещал освободить Тельера, когда придет время. Напоследок Лисби сказал:

— Не задавай никаких вопросов. Скажи только: ты готов последовать за мной?

— Я вижу прежнего Лисби,— с восхищением ответил Тельер, но потом с тревогой добавил: — Джон, нам будет очень нелегко улизнуть. Однако я согласен последовать за тобой.

Лисби выключил связь и снова со всех ног помчался по коридорам. Влетев в машинное отделение, он сел в кресло, чтобы перевести дух. А потом вновь сделал вид, будто занят ремонтом двигателя.

31

Выбравшись из кладовой, Хьюит направил свой скафандр в капитанскую каюту.

Там он наткнулся на четырех женщин, весело готовивших завтрак. Когда его удивительная машина вкатилась в каюту, они с испугом уставились на Хьюита.

— Не бойтесь,— мягко сказал он.— Я пришел поговорить с капитаном Горди.

Они быстро успокоились, когда Хьюит объяснил им, кто он такой. К тому же Хьюит понял, что Рут успела рассказать остальным женщинам, что она уже видела Хьюита и его скафандр по монитору слежения.

— Правда ли, что Земля уничтожена? — спросила Рут.— Так нам сказал муж.

Поскольку Хьюит не обсуждал эту проблему с Лисби, он сразу понял, что столкнулся со слухами, которые распространяет Горди. В его нынешнем пребывании на борту «Надежды человечества» была горькая ирония. Он испортил себе репутацию, предсказав опасность, грозящую Земле из-за изменений, происходящих на Солнце. Однако на корабле он только выиграет, если его предсказание не сбудется.

Он вынужденно вступил в борьбу за власть, и теперь необходимо, чтобы ему поверили, что Земля и ее военная мощь никуда не исчезли. Только в этом случае его права на владение кораблем будут иметь под собой все основания.

И тут Хьюиту пришло в голову, что обсуждать Землю сейчас слишком опасно.

— Ваш муж? — спросил он, делая вид, что ужасно удивлен. Лучше сменить тему.

— Капитан Горди! — объяснила старшая из четырех женщин, которая представилась как Рут. Она гордо продолжала: — Мы все капитанские жены. То есть,— продолжала она осторожно,— Ильза и я были женами покойного капитана Брауна. Потом мы стали второй и третьей женами мистера Лисби, когда он занимал должность капитана.

Она показала на стройную светловолосую женщину, чьи голубые глаза напомнили Хьюиту Джоан.

— А это Энн, первая жена мистера Лисби. Насколько я понимаю, ее отправят обратно к нему.

Блондинка пожала плечами, но ничего не сказала. Наконец Рут указала на мрачную красивую брюнетку, сидевшую с дальней стороны стола.

— Марианна — первая жена капитана Горди. Естественно, Ильза и я теперь станем его женами.

Хьюит счел за лучшее промолчать. Но ему хватило одного взгляда на женщин, чтобы понять, что они полностью согласны с Рут. Он вдруг почувствовал странное возбуждение.

Эти женщины, понял Хьюит, являются воплощением всех мужских фантазий. За долгую историю человечества мужчинам не раз удавалось так повернуть дело, что женщины соглашались на многоженство — во всяком случае, когда речь шла о вождях. Многие мужчины мечтали о покорном гареме, в котором женщины жили бы в мире и не ревновали друг к другу. Ведь именно ревность больше всего отравляет жизнь мужчин. Мечты об обладании несколькими женами заложены в подсознании мужчины, хотя многие не готовы в этом признаться.

Однако сам Хьюит никогда не испытывал подобных желаний. Поэтому он мог взглянуть на этих женщин как на любопытное явление природы.

И тут на него снизошло озарение.

— Я буду капитаном,— заявил он.— И вы станете моими женами. Если мне понадобится ваша помощь, вы должны немедленно ее мне оказать. Не бойтесь, вам не будет грозить опасность. Конечно, вам не следует ничего говорить об этом — прежде всего капитану Горди — до тех пор, пока я не дам вам разрешения.

Женщины заметно побледнели.

— Вы не поняли,— слегка задыхаясь, ответила Рут.— Женщина не выбирает мужчин и никак не показывает, какие мужчины ей больше нравятся, пока не становится чьей-то женой. Тогда она автоматически предпочитает всем остальным своего мужа.

Хьюит перевел взгляд с одной женщины на другую. Он был восхищен и шокирован. Он прекрасно знал долгую историю отношений мужчин и женщин. Но одно дело знать историю, и совсем другое — встретить женщин, которые готовы стать игрушками в руках мужчин. Они даже не понимали, сколь унизительно их положение.

Хьюит решил, что знание истории дает ему заметное преимущество перед остальными мужчинами.

— Сожалею, леди,— твердо заявил он,— но теперь вам придется сделать выбор. Я уже сейчас могу вам сказать, что, став капитаном, я оставлю в женах тех из вас, которые окажут мне помощь, когда я о ней попрошу.

Его слова произвели эффект разорвавшейся бомбы. На лице Рут появилось странное выражение. Ильза заметно смутилась. Энн Лисби смертельно побледнела. В глазах Марианны вспыхнул огонь.

Хьюиту показалось, что все четверо испытывают робость,— и еще он чувствовал их удивительную женственность и принятие своей второстепенной роли по отношению к мужчинам, а также необычную практичность.

Он понял, что только серьезное изучение данного явления позволит ему разобраться в том, как развивался столь любопытный процесс. Впрочем, этим займутся ученые, если у них когда-нибудь появится возможность.

— Когда капитан Горди вернется,— продолжал Хьюит давать указания,— вы расскажете ему, что я побывал здесь, а сейчас отправился вниз, к мужчинам. Я буду ждать его там.

Когда через полчаса Горди передали его слова, он тут же направился в комнату со следящей аппаратурой и включил сканеры. На нижнем уровне царило настоящее сумасшествие. Все поверили, что очень скоро они прибудут на Землю. Но больше всего Горди ошеломило то, что его охранники веселились вместе с остальными. Они смешались с арестованными, решив, что их больше не нужно охранять.

Наблюдая за дикой сценой, Горди с опозданием понял, что не учел впечатления, которое производит на всех машина Хьюита. Что ж, ошибку нужно исправить. Он стал обдумывать меры, которые должен принять. Затем призвал Харкорта и показал ему, что происходит на нижних палубах.

— Как можно быстрее спустись вниз. Воспользуйся лифтом. Постарайся незаметно проникнуть в общую спальню. Затем переговори с нашими людьми. Скажи, что для нас сложилась крайне опасная ситуация. Мы должны сохранять контроль над кораблем до самого возвращения на Землю. Если мы его потеряем, арестованные выплеснут на нас свой гнев. Пусть наши люди незаметно покинут общую спальню и соберутся в малом зале. Там я им кое-что сообщу. Скажи, что я на них не в обиде. Все в порядке.

Когда Харкорт отправился выполнять приказ, Горди почувствовал облегчение.

Затем он решил посмотреть, чем занят Лисби. Некоторое время он наблюдал за работой молодого техника. И огорченно вздохнул. Многое в Лисби ему нравилось, но интуиция подсказывала, что бывший капитан является его главным соперником. Он решил, что от него, как и от Хьюита, необходимо избавиться. Чуть позже. А сейчас...

Он связался с Лисби через интерком.

— Мистер Лисби, я передаю в ваше пользование офицерскую каюту номер три и отправляю туда вашу жену. Кого из офицеров следует освободить в данной сложной ситуации?

Он считал, что Лисби в курсе происходящего на корабле.

Лисби, у которого имелись собственные планы, сразу же ответил:

— Я бы не стал выпускать офицеров Брауна, сэр.

«Во всяком случае, пока я занят здесь бессмысленной работой»,— подумал он, а вслух добавил:

— А поскольку вы не доверяете моим людям, почему бы вам не выпустить мистера Тельера, чтобы он помог мне в работе над двигателем?

«И тогда мы сможем заняться более важными делами»,— подумал Лисби. И почтительно закончил:

— Вот только я бы хотел уточнить: что вы имели в виду, когда говорили о сложной ситуации?

Горди рассказал о беспорядках, которые начались в общей спальне.

— Мы не можем допустить, чтобы Хьюит пришел к власти,— откровенно заявил Горди.— Как вы считаете?

— Согласен,— тут же ответил Лисби.— Я даже готов дать вам совет, если пожелаете.

— Я слушаю.

— Выступление Хьюита у многих породило надежду. Поэтому нам нужно взглянуть на Землю. Люди находятся в таком состоянии, что поверят только собственным глазам. А поскольку в ваших интересах продолжать полет,— Лисби остался доволен выбранной формулировкой,— вот что мы сделаем: без возражений примем предложение Хьюита — согласимся вернуться на Землю. И тогда напряжение спадет. А дальнейшее мы сможем обсудить позднее.

Искренность, с которой говорил Лисби, принесла Горди большое облегчение. Он вновь пожалел, что не может оставить Лисби в живых — об этом и речи не шло. Слишком непростой стала ситуация на корабле. Сейчас не до милосердия.

Поскольку у Горди не было больше времени, он быстро сказал:

— Я передам в распоряжение мистера Тельера одну из кают на верхнем уровне и верну ему жену. И сделаю то, что вы предлагаете, как только поговорю со своими людьми.

Он выключил интерком и вскочил на ноги. К нему вновь вернулась уверенность. Горди направился в соседнюю ком-

нату, где женщины приготовили ему завтрак. Он сразу же сообщил Энн Лисби, что она может вернуться к мужу.

К его удивлению, она расплакалась, и Горди понял, что она не желает уходить. Рут и Ильза проводили Энн в спальню, чтобы она собрала вещи.

Марианна принялась ругать мужа.

— Это нечестно! — неожиданно разрыдалась она, но в ее голосе слышался гнев.— Тебе не следовало отсылать Энн.

Поскольку Горди лишь делал ход в сложной игре, реакция жены его позабавила.

— Послушай,— сказал он.— Я возвращаю ее к красивому мужу. Чего еще может желать женщина?

— А теперь ты говоришь глупости! — со слезами сказала Марианна.

Горди не мог продолжать беседу, у него не оставалось времени. Поэтому он так и не узнал, почему поступил глупо. Он решил, что сейчас не станет разбираться с плачущими женщинами: его уже ждали в малом зале.

32

«Интересно,— размышлял Лисби,— зачем Горди отправил меня в каюту? Неужели он хочет, чтобы я встретился с женой?»

Он решил никуда не ходить. Уж слишком легко запереть его в каюте так, чтобы никто об этом не узнал.

Получалось, что капитан Горди хочет нейтрализовать Лисби, пока ситуация в общей спальне не будет взята под контроль. А потом он решит, кого следует убить. Горди потребуется человек, который будет помогать ему управлять кораблем. Лисби вдруг понял, что для капитана безопаснее воспользоваться помощью Миллера или других офицеров Брауна. Миллер лучше подготовлен, кроме того, у него есть еще одно огромное преимущество перед Лисби: он никогда не пытался стать капитаном. Так Лисби пришел к выводу, что Горди уже принял решение: у него самого и его сторонников нет шансов, они будут уничтожены.

Если удастся незаметно устранить Лисби и его приспешников, одновременно договорившись с Миллером, то одним мастерским ударом бывший маленький садовник избавится от всех конкурентов, кроме Эврила Хьюита.

...Пожалуй, сейчас, пока он в центре внимания, Хьюиту ничто не грозит... Судя по быстроте, с которой Горди согласился выпустить Тельера, капитан ужасно торопится...

В этот момент в машинное отделение вошел Тельер.

Друзья молча пожали друг другу руки. Лисби еще раз убедился в том, что за ними никто не следит, и со значением спросил:

— Ты готов?

Тельер потрясенно посмотрел на Лисби.

— Прямо сейчас?

— Сейчас.

— Но ты говорил, что мы находимся в одной сотой светового года от Земли. И все это время корабль продолжал лететь со скоростью света.

— К тому же тормозить челнок будет гораздо медленнее, чем корабль,— согласился Лисби.— Но у нас нет выбора.

— Понятно,— пробормотал Тельер.— А как насчет наших жен?

Лисби удивился. Он никак не ожидал услышать возражения подобного рода. Он схватил Тельера за руку.

— Мы не можем ждать!

Однако Тельер посмотрел ему в глаза.

— Я не хочу оставлять Лу.

— Она в любом случае тебя потеряет. Если ты останешься, тебя убьют...

— Она не поймет.

Такая тревога из-за женщины была непонятна Лисби.

— С каких это пор женщина стала что-то понимать? — раздраженно спросил он.

Слова Лисби показались Тельеру разумными, и он перестал спорить. Однако все еще колебался.

— Наверное, все дело в том, что я даже подумать не могу о том, чтобы покинуть корабль,— удрученно признался он.— Почему бы тебе не остаться и не попытаться сразиться с Горди при помощи твоих знаний?

— Потому что бóльшая часть людей на корабле поддерживает Горди.

— Его можно убить. В конце концов, он отнял у тебя корабль.

— Тогда мне придется сражаться с его сторонниками. Кроме того, если я его убью, на Земле меня могут отдать под суд. Я не хочу рисковать. Мне до смерти надоел космос.

— Неужели мы ничего не можем сделать против такого невежественного человека, как Горди? Ведь мы знаем, как работают механизмы корабля!

— Послушай! — нетерпеливо сказал Лисби.— Без поддержки мы ничего не сможем добиться. Мое восстание против

Брауна получило почти всеобщее одобрение. Горди застал нас врасплох. Но люди почувствовали облегчение, когда Горди объявил, что мы возвращаемся на Землю. Они до сих пор не понимают, что он не может туда вернуться, но у нас нет времени им это объяснять. Новое восстание никто не поддержит...

— Получается, ты считаешь, что мысли и чувства толпы имеют какое-то значение.

— Когда люди знают, чего хотят, с ними невозможно бороться.

— Но тогда почему же они терпели столько лет?

— Потому что ничего не знали.

— Тогда они не отличаются умом.

— Верно. Но сейчас они мечтают вернуться на Землю, и их ничто не остановит. Я не хочу оказаться виноватым, когда человек, который не может вернуться — Горди,— попытается их удержать. Он очень хитер и подозрителен, но не понимает, что все стремятся вернуться на Землю. Он еще не убил нас потому, что рассчитывает использовать, но он покончит с нами, думая, что именно мы настраиваем против него толпу. Нам нельзя медлить, пошли!

Неожиданно выражение лица Тельера изменилось, и он вновь с восхищением посмотрел на Лисби. Схватив друга за руку, он воскликнул:

— Ты и в самом деле все продумал! Джон, ты просто чудо.

Он больше не колебался и решительно направился к двери.

— В конечном счете, если ты прав,— добавил Тельер,— они все равно вернутся на Землю, и я еще увижу Лу.

Как только они вышли в коридор, Лисби подтолкнул Тельера, и они побежали. Спустя несколько минут они уже устраивались в челноке, который Лисби заранее подготовил к вылету. Как и другие спасательные шлюпки, челнок занимал отдельный отсек корабля. Они уселись в соседние кресла, и Лисби нажал на кнопку старта.

Внешний люк большого корабля начал медленно открываться. Одновременно распахнулся внутренний люк. Челнок выскользнул в шлюз, внутренняя дверь закрылась, и насосы начали быстро откачивать воздух.

Еще через минуту открылся внешний люк, и мощный механизм катапультировал челнок и двух друзей в открытый космос. После того как они по инерции пролетели несколько миль, Лисби включил главный двигатель, и сразу же началось торможение. Челнок моментально ушел в сторону, и

очень скоро «Надежда человечества» превратилась в темное пятно на фоне звезд.

Лисби знал, что на пультах управления капитанского мостика и рубки замигали сигнальные датчики. Однако Лисби было очень хорошо известно, что никто из тех, кто может там находиться, не обратит на них внимания.

Тельер прервал молчание.

— Ты только взгляни на звезды,— тихо сказал он.— Похоже, мы вращаемся.

Взгляд Лисби обратился к показаниям стабилизирующих двигателей. Все в порядке. Он нахмурился и взглянул в иллюминатор. Вне всякого сомнения, происходило что-то непонятное. «Неподвижные» звезды перемещались.

Он положил руки на рычаги управления и слегка изменил курс. Маленький кораблик превосходно реагировал, сначала свернув вправо, а потом влево. Затем Лисби вновь включил автопилот. Челнок подчинялся любому приказу.

А звезды продолжали свое медленное вращение. За долгие годы, проведенные в космосе, Лисби ни разу не наблюдал такого явления. Более того, самым неприятным в длительном пребывании в космосе было то, что ничего никогда не менялось. Проходили долгие годы, и несколько «ближайших» звезд перемещались всего на пару градусов. Лишь в тех случаях, когда сам корабль начинал вращаться, звезды приходили в движение.

А теперь все звездное небо перемещалось прямо у них на глазах. Во всяком случае, возникало такое впечатление. Наблюдая за этим фантастическим явлением, Лисби заметил, что большая туманность и отдаленные созвездия остаются неподвижными.

Это доказывало, что звезды и в самом деле двигались. Даже если туманность перемещалась с такой же скоростью, как ближайшие звезды, они не смогли бы это заметить. Уж слишком далеко находилась туманность. А если бы ее звезды начали перемещаться со скоростью нескольких десятков световых лет в секунду, они все равно ничего бы не увидели.

Таким образом Лисби окончательно убедился в том, что движение звезд не является плодом его воображения.

— Ну и как понять это явление? — смущенно спросил Лисби.

В голову ему приходило единственное объяснение: звезды действительно движутся относительно челнока.

Он не осмелился произнести эту мысль вслух.

Прошел час, потом два. Прошло много часов.

Впереди, в темноте, возникла звезда. Лисби решил, что это земное Солнце. Его встревожило, что звезда начала тускнеть прямо у них на глазах и, хотя они к ней приближались, ее размеры неуклонно уменьшались. Но еще больше Лисби смущал тот факт, что звезда продолжала медленно перемещаться. Ему периодически приходилось слегка сдвигать сканеры, чтобы удерживать ее в центре экрана.

Лисби был совершенно сбит с толку. Если верить показаниям приборов, они летели к Солнечной системе почти со скоростью света.

И все же Солнце удалялось, словно его скорость была еще выше.

Прямо на глазах у Лисби скорость движения звезд начала постепенно увеличиваться. Поскольку все они смещались в одном направлении, у него возникло ощущение хаоса.

С каждым мгновением картинка, разворачивающаяся перед ними, становилась все безумнее.

33

Горди пригласил Хьюита подняться вместе с ним на капитанский мостик.

Их сопровождали старшие офицеры Брауна — Миллер, Селвин и Миндель, а также несколько ученых. Среди них были Клайд Джозеф, глава астрономов, и его заместитель Макс Хук.

Чуть поодаль держались пятеро подручных Горди. Каждый из них был вооружен двумя бластерами.

Не меньше минуты вся компания молча наблюдала за вращающимися звездами, а потом Хьюит заметил, как засияли глаза главного астронома.

— Джентльмены! — с благоговением проговорил он.— Мы стали свидетелями удивительного зрелища, люди и не мечтали увидеть подобное — во всяком случае, ни один астроном, который считает незыблемыми законы пространства-времени.

Тут только Джозеф обратил внимание на остальных людей, на напряжение в их позах — все они не сводили с него глаз. Он вопросительно посмотрел на Хьюита, а затем повернулся к Горди и сказал:

— Что вы хотите знать, капитан?

Горди издал сдавленный звук.

— Что происходит? — резко спросил он.

— Вселенная перемещается со скоростью миллионы световых лет в секунду.

Джозеф немного помолчал, словно только что сам осознал смысл сказанного. Должно быть, он впал в шоковое состояние, поскольку добавил:

— Надеюсь, вы дадите мне возможность тщательно изучить это уникальное явление.

Затем по выражению разгневанного лица Горди он сообразил, что капитан относится к происходящему иначе.

Джозеф оглядел молчащих людей, напряженно ожидающих его объяснений, и на его круглом лице отразилось понимание.

— Не тревожьтесь, джентльмены! Если вы опасаетесь, что звезды от нас убегут, вам не о чем беспокоиться. Этот процесс может продолжаться миллиард лет.

И вновь он замолчал. До Джозефа стало доходить, что все эти люди ждут от него совсем других слов.

Неожиданно Хьюит успокоился и дружелюбно сказал:

— Мистер Джозеф, число, которое вы назвали — миллионы световых лет,— показывает, что мы попали в беду, ведь мы всего лишь люди. Мне очень страшно. Увидим ли мы когда-нибудь Землю, и если да, то как? Вот что сейчас больше всего нас тревожит.

Джозеф продолжал удивленно моргать. Через несколько мгновений он смущенно ответил:

— Солнце удаляется от нас достаточно медленно. Я бы осмелился предположить, что речь идет не только о феномене изменения скоростей.

— Иными словами,— заговорил потрясенный Хьюит,— вы утверждаете, что речь идет о растяжении времени в невероятных пропорциях. Я не в силах даже представить себе данного процесса.

— Быть может, чем быстрее я начну свои исследования...— извиняющимся тоном проговорил Джозеф.

— А где же планеты? — вскричал Горди.— Вот что мы хотим знать. Что произошло с Землей, Марсом, Венерой, Юпитером и... остальными? Их нет!

Сейчас его гораздо больше интересовал этот факт, чем скорость разбегания звезд. Земля являлась его главной целью. А в данный момент, в отличие от остальных, он совсем не спешил на нее попасть.

Однако он очень хотел, чтобы Земля оказалась на месте, когда они наконец туда прилетят.

И вновь в голосе Джозефа послышались извиняющиеся нотки.

— Вероятно, они на прежних местах, сэр, но вращаются вокруг Солнца с такой высокой скоростью, что мы попросту не в силах их заметить. Полагаю, если мы присмотримся повнимательнее, то увидим световые кольца. Мгновенно фиксирующие камеры наверняка сумеют получить изображение планет.

— Так сделайте снимки,— сквозь стиснутые зубы прошипел Горди.— Проклятье! Сделайте их и пришлите мне.

Через несколько часов Горди получил фотографии всех планет. Джозеф написал небольшую сопроводительную записку:

«Дорогой капитан!

Солнечная система удаляется от нас под углом к направлению нашего движения. Этот угол возник в связи с тем, что система по-прежнему движется в направлении Овна, а мы приближаемся к ней с другой стороны.

Нам следует принять во внимание рассказ мистера Хьюита о том, как "Надежда человечества" появилась в Солнечной системе, догнала Землю и вошла в атмосферу — при этом создалось впечатление, что корабль движется со скоростью нескольких миль в час. Однако "Надежда человечества" перемещалась со скоростью, превышающей скорость света.

Теперь, когда мы начали торможение, Солнечная система стала от нас убегать. Таким образом, мы получили логическое объяснение происходящего.

Кроме того, создается впечатление, что после того, как мы вновь пересекли световой барьер, наше восприятие времени изменилось, но тем не менее для нас еще не все потеряно.

Если мы не хотим упустить наше Солнце, я рекомендую увеличить скорость, после чего решить, что делать дальше.

Клайд Джозеф».

Горди нетерпеливо просмотрел фотографии. Он уже собрался отложить их в сторону, когда одна из них привлекла его внимание. Он вытащил ее из пачки и принялся рассматривать более внимательно.

Камера сфотографировала часть корпуса «Надежды человечества». На темном фоне сияли тысячи звезд. На обратной стороне фотографии было написано рукой Джозефа: «Вид на созвездие Овна, к которому перемещается Солнечная система».

Тут все было понятно.

Но в нижней части фотографии Горди заметил белое пятнышко — казалось, оно каким-то образом связано с корпусом корабля.

Вот что написал относительно этого феномена Джозеф на оборотной стороне фотографии: «Я не знаю, что это за объект. Возможно, часть пленки случайно засветилась. Однако я бы не стал утверждать наверняка, что мы имеем дело с дефектом фотографии,— уж слишком необычными являются наши обстоятельства».

Горди также не сумел сделать никаких выводов. Поэтому он пожал плечами и отложил фотографию в сторону. От обилия непонятных научных гипотез у него кружилась голова. Однако Горди продолжал считать, что именно он должен оставаться капитаном и руководить исследованиями. Ученые будут ему отчитываться, а он решать, что делать и когда.

Он сказал Харкорту, принесшему фотографии:

— У нас полно научных мозгов, чтобы решить все проблемы.

И с легкостью отмахнулся от явления, не имевшего аналогов в истории человечества.

Впрочем, Горди получил именно ту информацию, которую хотел получить.

— Собери всех в большом зале советов,— приказал он.— И позаботься о том, чтобы наши парни были вооружены. Скажи им: если потребуется, они могут открывать огонь на поражение.

— Вы хотите собрать всех? — удивленно спросил Харкорт.— И даже тех, кто находится на нижней палубе?

— Всех. После обеда.

Всем собравшимся в большом зале показали увеличенные фотографии планет, а потом Джозеф объяснил, что все это значит. Когда он закончил, вперед выступил Горди.

— А теперь, друзья мои,— сказал он,— я поясню, что все это значит. Мы не сможем приземлиться до тех пор, пока не решим проблему, с которой столкнулись. Я обещаю вам, что наши лучшие ученые и инженеры приложат все силы для решения этой задачи, и,— он указал на Хьюита, который сидел в переднем ряду,— я не сомневаюсь, что мистер Хьюит окажет нам всяческую поддержку, ведь он превосходно знает наш корабль.

Он поманил к себе Хьюита и вежливо предложил:

— Вы не подниметесь ко мне, сэр?

Хьюит с мрачным видом поднялся на сцену. Его тревожила легкость, с которой Горди манипулировал собравшимися.

— Мистер Хьюит,— все так же вежливо продолжал Горди,— расскажите, пожалуйста, как вы попали на наш корабль?

Когда Хьюит закончил, Горди спросил:

— Как вы считаете, нельзя ли воспользоваться вашим методом в обратном направлении и доставить всех нас на Землю?

Если такая возможность и существовала, то Хьюит не собирался о ней рассказывать — у него были совсем другие планы.

— Поскольку мы до сих пор не знаем, что произошло на самом деле, я отвечу вам отрицательно. Я пытался представить параметры пространства-времени в тот момент, когда поднялся на борт «Надежды человечества»,— ну, например, каковы физические и химические законы, действующие на меня и на корабль. И не сумел получить удовлетворительного ответа. Я согласен с мистером Джозефом, который предлагает пуститься в погоню за Солнечной системой, а все решения принимать, когда наступит какая-то ясность.

Горди выступил вперед и оказался рядом с Хьюитом. Он улыбался. Но его охватила тревога. И, хотя он не видел никакого вреда в предложении Джозефа и Хьюита, он вдруг вновь заподозрил зреющий заговор. Тот факт, что Джозеф и Хьюит сошлись в своих рекомендациях, показался Горди важным и зловещим. У него возникло ощущение, что ученым известно много больше, чем они говорят.

Но сейчас ему ничего не оставалось, как согласиться.

— Я назначаю мистера Хьюита и мистера Миллера ответственными за разгон корабля. Мы отправляемся в погоню за Солнечной системой.

Он повернулся к Хьюиту и небрежно спросил:

— Кстати, как идут дела у мистера Лисби? Он закончил починку двигателей?

Хьюит уже успел осмотреть двигатели и понять, чем занимался Лисби.

— Пока удалось снять приборную панель, но к началу периода сна все работы будут закончены.

— Тогда действуйте! — напутствовал Горди и объявил, что собрание закончено.

Вернувшись в свою каюту, Горди уселся в любимое кресло и с мрачным удовлетворением сказал Харкорту:

— А теперь пришла пора избавиться от Хьюита. Он пытался заручиться всеобщей поддержкой, но у него ничего не вышло.

Прежние подозрения успели превратиться в уверенность.

— С тех пор, как сбежал Лисби, он остается единственным источником опасности.

Мысль о Лисби заставила его покачать головой.

— У Лисби есть голова на плечах. Он разгадал мои намерения. Но я даже рад, что ему удалось унести ноги — если, конечно, он не потерялся в этой вращающейся Вселенной.— Он сменил тему: — На, выпей!

Пока Горди беседовал с Харкортом, Ильза разливала вино. Он обращал на нее внимания не больше, чем на предмет мебели. Горди и сам не заметил, когда изменилось его отношение к женщинам. Все чаще и чаще он вел себя так, словно их мнение не имело ни малейшего значения.

— Смерть Хьюита должна выглядеть как несчастный случай,— продолжал он, игнорируя Ильзу.— Но нам нельзя терять времени. Разберись с ним до наступления утра. Лучше всего представить дело так, будто в его машине произошло короткое замыкание и она взорвалась.

— Мне будет довольно трудно провернуть это дельце,— с сомнением пробормотал Харкорт.

— Не будь дураком,— презрительно бросил Горди.— Не имеет значения, как все будет проделано, важно найти лазейку. Нужно просто смутить этих болванов, больше ничего не требуется. А если кто-нибудь станет задавать вопросы, его всегда можно запугать.

Однако Харкорт только угрюмо качал головой. Горди нахмурился.

— Послушай,— решительно сказал он,— нам необходимо покончить с Хьюитом. И не спорь со мной!

— Я не спорю, босс,— запротестовал Харкорт.— Я лишь размышляю о том, как это сделать. Поскольку вы не отобрали его капсулу, никому не известно, что в ней. Я попробую ее взорвать, но еще не знаю, каким способом.

— Я оставил ему капсулу, потому что не хотел вызывать у него подозрений.

— Вот что я сделаю,— увереннее заговорил Харкорт.— Переговорю с парочкой парней, а потом спущусь в машинное отделение, когда Миллер и Хьюит начнут торможение. И с этого момента буду все время оставаться рядом с Хьюитом. Я последую за ним в его каюту. В коридоре ко мне присоединятся наши ребята. А ближе к утру мы проберемся внутрь и займемся им вплотную. Как, подойдет?

— Звучит неплохо,— сказал Горди.

В этот момент женщина выскользнула из комнаты. Тут только Горди вспомнил о ее существовании.

— Как только мы избавимся от Хьюита, я возьму себе этих женщин. Жену Лисби мне уже вернули. Поскольку она с самого начала не хотела уходить, я решил возвратить ей статус жены капитана. Если она сама так хочет, я не против.

Он бросил циничный взгляд на своего подручного.

— А теперь слушай меня внимательно. Я решил позволить нашим парням взять вторую жену. Пусть каждый выберет себе несколько кандидаток и придет ко мне. И мы вместе решим, кто кому подходит. Я запрещаю трогать жен тех мужчин, которые нам необходимы, кроме того, у нас могут возникнуть проблемы, если кто-то захочет заполучить совсем молодую девочку. Но пока это секрет.

Глаза Харкорта заблестели.

— Могу я взять жену Тельера?

— Завтра ты ее получишь,— небрежно сказал Горди.— А теперь вперед!

И воодушевленный Харкорт помчался выполнять приказ.

34

Как ни странно, Хьюит довольно быстро нашел общий язык с Миллером. Совместная работа позволила им преодолеть неприязнь друг к другу, возникшую в первый момент.

Они с огромным интересом изучили удивительные изменения, которые сделал Дзинг в ускорителе частиц.

Их поразила простота метода перемещения частиц при помощи изменения угла наклона антигравитационных пластин.

Теперь генератор антигравитации был теоретически способен компенсировать ускорение чуть ли не в сотни или даже тысячи *g*.

Однако это открытие вызвало у них не только восхищение, но и страх: они понимали, что с такими могучими силами следует обращаться осторожно.

Они аккуратно повторили тесты, сделанные ранее Лисби, постепенно увеличивая ускорение до 12 *g* — естественно, 11 *g* мгновенно компенсировались. Глаза у них блестели — так надежно функционировала вся система; а когда работа была закончена, они почти дружески пожали друг другу руки.

Миллер заявил, что ему необходимо доложить о результатах Горди, и удалился. Из-за присутствия Харкорта Хьюит

не стал сразу же покидать машинное отделение. Интуиция подсказывала, что ему следует ждать от этого человека неприятностей.

Первым делом он незаметно засунул в карман небольшой гаечный ключ. Затем, делая вид, что изучает панели, снятые Лисби, вытащил маленький сосуд с редким ядовитым газом и сунул в другой карман. В случае опасности он успеет бросить его под ноги Харкорта, яд вызовет спазмы, и он воспользуется гаечным ключом.

Ничего лучшего Хьюит придумать не смог.

Затем он отправился в офицерскую каюту, которую ему предоставил Горди. Хьюит заметил, что Харкорт на некотором расстоянии следует за ним.

Тогда он остановился и решил его дождаться. Когда тот поравнялся с ним, Хьюит спросил:

— Почему бы нам не идти вместе?

Харкорт пробормотал что-то невнятное, однако возражать не стал, и они зашагали рядом. Наконец они подошли к каюте Хьюита, и тот отпер дверь, чувствуя, что Харкорт стоит у него за спиной.

— Я могу чем-нибудь вам помочь? — вежливо спросил Хьюит.

Харкорт сделал вид, что ему нечего скрывать.

— Я должен за вами присматривать, мистер Хьюит, чтобы у вас не возникло неприятностей. Я буду в одной из соседних кают и оставлю дверь открытой. Если что, сразу же зовите меня. Договорились?

Все выглядело вполне нормально, но Хьюит вошел в свою каюту с неприятным чувством. Он понимал, что нужно что-то делать.

В его голове возникал один дикий план за другим. Пожалуй, лучше всего забраться в танк-скафандр и выехать в коридор. Если Харкорт попытается в него стрелять, он просто его раздавит.

Скафандр выдержит выстрел в упор из любого оружия.

Приняв решение, он двинулся в сторону второй спальни, где находился скафандр,— и замер на месте.

Он услышал негромкий звук, который доносился из его спальни!

Хьюит схватился за гаечный ключ, но тут же облегченно вздохнул, когда увидел, что из спальни выходит Рут. Она прижала палец к губам, заставив его подавить удивленное восклицание.

Рут шепотом рассказала ему, что Ильза подслушала план его убийства.

— Если уж выбирать, то я выбираю вас! — сказала она в заключение.

Хьюит, чей разум уже начал искать выход из создавшегося положения, заставил себя обратить внимание на Рут. Она сказала, что сделала свой выбор!

Он пришел в замешательство. С его стороны это был лишь ход в сложной игре. Хьюит всегда верил в моногамию. Он внимательно посмотрел на Рут. Ее щеки раскраснелись, она избегала смотреть ему в глаза — нет, для нее и остальных женщин это не игра.

— Я знала, что должна попасть сюда до того, как вы с Харкортом вернетесь. Так что теперь вам придется придумать, что со мной делать дальше... И еще я принесла это!

Она засунула руку в складки платья, вытащила маленький бластер и протянула его Хьюиту, который с благодарностью принял оружие. Теперь, когда он зажал рукоять в ладони, страх немного отступил.

Пожалуй, стоит изменить план.

Хьюит быстро объяснил Рут, что ей следует делать: спрятаться в его спальне, подождать, когда они с Харкортом войдут в соседнюю комнату, после чего выскользнуть в коридор.

— И не забудь снять туфли,— предупредил Хьюит,— чтобы двигаться бесшумно...

Она послушно направилась к спальне, но перед дверью остановилась. Смущенно посмотрев на него, Рут тихо спросила:

— Меня выбрали?

К горлу Хьюита подкатил комок. «Это космос так повлиял на женщин,— подумал он.— Ужасающая пустота космоса сделала их уязвимыми, лишила уверенности в себе». Он интуитивно догадался, что слов сейчас будет недостаточно. Рут необходимо приласкать. Он подошел к ней, взял за руку, коснулся плеча.

— Да, ты выбрана,— тихо произнес он.

На красивом лице выразилось облегчение. Рут моментально успокоилась и стала прежней практичной женщиной.

— Мне лучше уйти! — сказала она, а потом посмотрела ему в глаза.— С вами все будет в порядке?

Хьюит отпустил ее руку.

— Я постараюсь, чтобы все кончилось хорошо,— ответил он.— Встретимся позже.

— Мы будем тебя ждать! — прошептала Рут, быстро скрылась в спальне и закрыла за собой дверь, оставив маленькую щелочку.

Хьюит положил бластер и гаечный ключ в карман и открыл дверь в коридор. Затем он высунулся наружу и позвал Харкорта, сидевшего в одной из соседних кают за приоткрытой дверью.

— Вы не могли бы мне помочь, мистер Харкорт? — позвал Хьюит.

Харкорт встал на ноги и, тяжело ступая, подошел к Хьюиту.

— Что я должен сделать?

— Мне нужно кое-что наладить в моей машине.

— Вы куда-то собираетесь? — спросил Харкорт и неуверенно подошел к каюте Хьюита.

Харкорт не умел спонтанно менять планы. По просьбе Хьюита он зашел в пустую спальню.

— Эй! — воскликнул он, увидев бластер, который навел на него Хьюит.

Лицо Харкорта исказилось от ужаса, и он медленно поднял руки.

Через несколько минут Хьюит уже мчался на своем маленьком танке — он очень торопился.

35

Взволнованный Лисби разбудил Тельера.

— Эй! Я понял истинную природу Вселенной.

Худощавое умное лицо его друга слегка оживилось, бесцветная кожа перестала быть мертвенно-бледной.

— Как ты сказал?

Когда Тельер, потирая глаза, сел, Лисби повторил свои слова, а потом добавил:

— Теперь мы можем сделать все, что пожелаем: сесть на Землю, захватить корабль... все, что душе угодно.

Тельер покраснел.

— Ради бога, Джон,— прошептал он,— ты серьезно? Ты же знаешь, с каким уважением я всегда относился к твоим идеям.

— Послушай,— нетерпеливо повторил Лисби.— Во-первых, мы кое-что видели сами или слышали точное описание...

И он обратил внимание Тельера на отдельные аспекты их путешествия, связанные с физикой пространства: исходная невозможность разгона частиц до скорости света, открытие при помощи карнов правильной модели...

— А еще история, рассказанная Хьюитом,— заявил в заключение Лисби,— о прибытии «Надежды человечества» в Солнечную систему в необычном состоянии пространства-времени, которое, как выяснилось, означало, что корабль перемещался в собственном пространстве со скоростью, превышающей скорость света. Наконец, когда корабль начал тормозить и его скорость стала равна скорости света, Хьюит неосмотрительно перешел в мир корабля...

Лисби немного помолчал.

— Таковы факты, верно? — резко спросил он.

Тельер кивнул, не сводя горящих глаз с друга.

— На самом деле, это еще не все,— продолжал Лисби.— Например, время и давление сжались в отношении девятьсот семьдесят три к одному. Но снаружи корабль по-прежнему сохранял свою прежнюю форму. А размеры коридора уменьшились лишь в три раза. Теперь я все понимаю.

— А нам какая от этого польза?

— Посмотри! — воскликнул Лисби.

И пропал.

Исчез внутри крошечного челнока, находящегося среди бескрайних просторов космоса... Тельер принялся судорожно озираться, а потом услышал шум у себя за спиной и обернулся. Там стоял Лисби с торжествующей улыбкой на счастливом лице.

Однако улыбка тут же исчезла, и Лисби помрачнел.

— Мы возвращаемся на корабль! — воскликнул Лисби.

— Зачем? — удивился Тельер.

Стальные глаза посмотрели на него.

— За твоей женой — и за моей... Чтобы проследить за посадкой корабля... Мы об этом не думали, ведь речь шла о жизни и смерти. Но теперь все изменилось.

Тельер благодарно сжал его руку.

— Ты настоящий друг! — сказал он.— Но ради бога, расскажи мне, что тебе удалось открыть.

— Прежде стартуем,— сказал Лисби. Он повернулся к панели управления и продолжал: — Теоретически мы можем оказаться там уже в следующее мгновение. Машина может. Но вспомни, что произошло с Хьюитом: у него возникло ощущение, что его сжимают. Человеческие клетки не могут

долго выдерживать сжатие. Поэтому мы должны принять постулат, что жизни требуется время.

— Но...

— Вселенная есть фикция,— через несколько мгновений сказал Лисби.— Вот в чем ее тайна! Послушай...

И он описал субъективное пространство, по существу состоящее из уровней движения. В этой Вселенной жизнь началась с того, что вцепилась в частицы мертвой материи. И со своего не слишком надежного наблюдательного пункта, подобно жуку, попавшему в водоворот и ухватившемуся за соломинку, она созерцала себя и вселенную.

Она осторожно исследовала могучие потоки движения, заключая себя в герметичные контейнеры, чтобы иметь возможность противостоять энергии на нижних уровнях, верхних уровнях и на сверхсветовых скоростях.

Здесь, в среде бесконечного расширения и нулевых величин, мы имеем дело с нормальными пространством и временем. «Ниже» находится мрак остановки движения и мертвой материи. «Выше» — бесконечный, лишенный времени свет вечности.

Когда жизнь в герметичных контейнерах — космических кораблях — пересекает разделяющую границу и попадает в состояние нормы, барьеры исчезают. Как если бы человек выполз из темного колодца и оказался на лугу, а над головой у него — голубое небо. Законы, управляющие лугом, отличаются от законов колодца, хотя и имеют нечто общее с ними.

— Теоретически,— продолжал свои откровения Лисби,— мы можем мгновенно перейти от состояния покоя к движению со скоростью, в миллионы раз превышающей скорость света. Но, как я уже говорил, с практической точки зрения внутреннее движение клеток слегка нас тормозит. На некотором уровне мы испытываем страх, хватаемся за перила и держимся изо всех сил. Я намерен с уважением отнестись к чувствам наших клеток,— добавил Лисби,— и продолжать движение осторожно.

Тельер с недоумением уставился на Лисби.

— Я не понял,— признался он.— Ладно, я готов согласиться, что состояние пространства-времени за пределами скорости света является нормой. Да, я там побывал. Но со мной не произошло ничего такого, о чем я мог бы рассказать.

— Все дело в том, что ты все время сохранял неподвижность,— ответил Лисби.— И не был настроен на посадочное устройство, которое управляется мысленными импульсами.

Тельер безучастно посмотрел на него.

— Неужели ты хочешь сказать, что все это время связь сохранялась? — выпалил он после некоторой паузы.

— Нет. Но как только меня допустили к двигателю, я сразу же восстановил контакт.

Лисби объяснил Тельеру, что перед тем, как покинуть корабль, он постарался принять меры предосторожности. И почти сразу же сообразил, что посадочный механизм челнока, которым можно управлять с капитанского мостика «Надежды человечества», позволит им — если потребуется — управлять большим кораблем, находясь в челноке.

— Я всего лишь пытался предвидеть все варианты развития событий,— признался Лисби.— Представил себе, что Миллеру приказали нас догнать, поэтому сделал так, чтобы в решающий момент перехватить управление. Ничего другого мне в голову не пришло. Ну а все остальное я придумал, когда вспоминал, что произошло с Дзингом.

— Разве он не взорвался?

— Да, так выглядело.

— Но в коридоре все было изуродовано, взрыв разнес его на мелкие осколки, практически лишенные массы.

— А тебе это не показалось странным? — Слабая улыбка Лисби получилась напряженной.

— Ну...— Тельер недоуменно пожал плечами.

Глядя в лицо своего друга, Лисби вдруг понял, как трудно человеку отойти от привычных стандартов мышления. Вероятно, его мозг обрел такую способность из-за того, что сам Лисби находился под постоянным контролем со стороны семейства Браунов. Его вечно подстегивали страх, ярость, зависть, уверенность в собственной правоте... Общая картина вдруг предстала перед ним в удивительно четком свете.

А Тельеру все приходилось объяснять — шаг за шагом.

Лисби впервые испытал сомнения. Быть может, не следует ничего рассказывать Тельеру. Он встал, пытаясь принять окончательное решение.

Осталось поделиться фантастической, но удивительно простой мыслью, тесно связанной с базовой структурой Вселенной — и вполне объяснимой. Когда Лисби активизировал систему самоликвидации Дзинга, он уничтожил робота. В качестве доказательства остались иссеченные осколками стены, потолок и пол коридора. Но карн находился в состоянии нормы, когда это произошло.

Дзинг все время существовал вне пространственно-временных ограничений «Надежды человечества». На робота не

действовало ускорение в 4 *g*. Еще одним важнейшим фактом являлись почти невесомые осколки тела робота, что очень хорошо соответствовало природе материи, разогнавшейся до световой скорости, о которой говорил Браун. Иными словами, теория сжатия Лоренца—Фицджеральда в полной мере применима к данной ситуации.

Поэтому, пока Тельер спал, Лисби засунул руку в карман и включил кнопку посадочного механизма, позволив его энергии усилить свой разум.

В тот же миг Лисби перешел в нормальное состояние Вселенной — за барьером световой скорости. Благодаря открытию Хьюита он сразу же установил соотношение времени 973:1. Лисби решил, что клетки человеческого тела — возможно, всех тел — при таких показателях находятся в состоянии равновесия. Ему совсем не хотелось вступать в противоречие с естественными законами, пока эксперимент не будет тщательно подготовлен.

В миг наивысшего восторга ему захотелось разбудить Тельера и рассказать ему о своем великом открытии, но теперь, когда возбуждение спало, он передумал.

Лисби повернулся, посмотрел на друга и спокойно сказал:

— Арманд, я вижу, тебе необходимо время, чтобы осмыслить новую информацию.

Тельер ничего не ответил. Момент восторга прошел, и в поведении Лисби появилась знакомая жесткость, которая его всегда удивляла. Тельер вдруг понял, что его друг, несмотря на множество привлекательных качеств, по сути своей диктатор... и ничего хорошего в этом нет.

— Остальное я расскажу тебе позднее,— дружелюбно пообещал Лисби.

Но так ничего и не рассказал Тельеру.

36

В глазах Горди что-то вспыхнуло. Он пошевелился во сне и проснулся.

Его спальня была ярко освещена. Он заморгал и, как только глаза привыкли к свету, увидел Хьюита и полдюжины людей, одетых в форму... Горди не поверил своим глазам. Он узнал серо-голубой цвет, знакомый ему по старым фильмам.

Космический патруль!

Один из людей в форме, немолодой мужчина с суровым лицом, сказал баритоном:

— Мистер Горди, вы арестованы и немедленно покинете корабль.

Двое других мужчин в форме шагнули к нему, и через мгновение Горди ощутил на запястьях холод металла. Наручники защелкнулись.

Горди удалось сесть. Он мучительно старался стряхнуть остатки сна. Потом он посмотрел на блестящий металл наручников, и ему показалось, что ему снится кошмар.

Человек в форме обратился к Марианне:

— Если пожелаете, вы можете сопровождать вашего мужа на Землю, миссис Горди.

— Нет. Нет-нет...— Ее голос прозвучал высоко и неестественно.— Я останусь здесь...

— Это ваше право, мадам. Мистер Хьюит решил, что путешествие будет продолжаться. Вы одна из немногих, кому позволено остаться на корабле.

Сильные руки заставили Горди встать.

— Пошли! — приказал кто-то.

Горди начал сопротивляться.

— Эй! — возмутился он, пытаясь вырваться.

Человек с суровым лицом сделал небрежный жест мужчинам, которые держали Горди, они молча подняли его и вынесли из спальни в гостиную.

На пороге второй спальни Горди увидел трех остальных женщин — Рут, Ильзу и Энн,— все они были в ночных рубашках. К ним подошла женщина в форме космического патруля и сказала:

— Прошу вас одеться, леди!

Рут кивнула и увлекла остальных обратно в спальню. Дверь за ними закрылась.

Теперь Горди заметил еще двух мужчин в форме, стоявших у двери, ведущей в коридор. Они отступили в сторону. И тут же в каюту вошли Харкорт и еще один человек Горди в сопровождении четверых патрульных. Подручные Горди были скованы наручниками друг с другом. Оба выглядели ошеломленными и сначала даже не заметили Горди.

Патрульные о чем-то тихо переговорили с Хьюитом и вышли.

В течение следующего часа все восемнадцать людей Горди были арестованы и приведены в каюту капитана. Когда их собрали вместе, Хьюит попросил патрульных отойти и обратился к арестованным.

— Фотография с пятнышком в углу стала ключом,— начал он.— Я с самого начала понял, что пятно появилось не случайно. Когда я изучил его увеличенное изображение, в чем мне любезно помог астроном Джозеф, то увидел, что это секция земного спасательного корабля «Молли Д». Как только я открыл шлюз и вышел наружу, мои предположения подтвердились.

Хьюит немного помолчал, с довольным видом глядя на арестованных.

— У нас нет научного объяснения двойственной природы пространства-времени,— продолжал Хьюит.— В нашей ситуации имеется несколько удивительных обстоятельств. К примеру, когда я вчера стоял на мостике «Надежды человечества», нам всем казалось, что Солнечная система находится на расстоянии множества квадриллионов миль. Однако наблюдения из бортового иллюминатора «Молли Д» показывали, что мы все еще в пределах Солнечной системы. Более того, я видел Землю, и она выглядела совершенно нормально. Итак, мы можем сделать вывод, что некоторые из существ, с которыми вы встречались в космосе, сумели решить задачу пространства-времени. Нам очевидно, что «Надежда человечества» должна оставаться в космосе до тех пор, пока человечество не откроет для себя эти законы. Несколько ведущих ученых Земли согласились перейти к нам на борт, чтобы оказать необходимую помощь. Мы также можем рассчитывать на участие в экспериментах других специалистов и экспертов. Естественно, для поддержания порядка на корабле останется подразделение космического патруля. Некоторые солдаты и офицеры прибудут на борт «Надежды человечества» вместе с семьями. Как только все они поднимутся на борт, «Молли Д» улетит и мы вновь останемся одни. Что касается вас...

Хьюит сделал паузу, чтобы убедиться в том, что его слушают внимательно.

— Насколько мне известно, никому из вас не будет предъявлено обвинений. Ученые изучат историю корабля как новое социальное явление. Но мы не хотим, чтобы вы здесь оставались.

Хьюит повернулся к офицеру патруля.

— Пожалуй, я закончил,— сказал он.

После того как Горди и его соратников вывели из капитанской каюты, Хьюит вошел в спальню, где его ждали успевшие одеться женщины.

— Успокойтесь,— сказал он.— Все будет хорошо. Почему бы вам не позавтракать? А у меня еще много дел.

Не пускаясь в дальнейшие объяснения, Хьюит вышел из каюты. Он предвидел, что женщинам понадобится время, чтобы привыкнуть к изменившейся ситуации. Впрочем, такая же проблема возникнет и у многих других.

В течение всего переходного периода Хьюит не появлялся в капитанской каюте... На восьмой день прибыл патрульный катер с первой партией новых пассажиров.

Среди них был и внушающий восхищение Питер Линден.

— Молодой человек,— сказал он Хьюиту, сохраняя серьезное выражение лица, хотя в его глазах плясали чертики,— возникшие многочисленные сюрпризы пространственно-временного характера заставили меня наконец взглянуть на математические труды Джона Лисби Первого. Я сообщил Объединенному правительству Запада, что его теории и выводы потрясли меня до глубины души, и я полагаю, что с Солнечной системой может что-то случиться. Возможно, Солнце и в самом деле ждут изменения. Кстати, как звучит фраза, над которой так часто смеялись в последние годы? «Некоторые аспекты переменных звезд»? Нам нужно что-то делать по этому поводу.

Хьюит, который долгие годы страдал из-за того, что никто его не понимал, а его теории поднимали на смех, ничего не ответил. К тому же у него не было простого решения.

37

Лисби и Тельер почти мгновенно вернулись на «Надежду человечества». Лисби перешел во временной режим 973:1, поэтому их появления никто не заметил.

Когда челнок подошел к шлюзу, Лисби вернулся в корабельное время. Он намеревался быстро попасть внутрь, что и было сделано. Но теперь он нервничал. Как только челнок занял свое место в ангаре, Лисби открыл шлюз и выбрался наружу — однако он вновь перешел в другой масштаб времени.

И сразу же направился на капитанский мостик, прихватив с собой инструмент, позволяющий ускорять время. Первым делом он переключил тумблер, показывающий, что челнок занял свое место в ангаре.

Затем он направился в каюту Тельера и в буквальном смысле материализовался перед его женой. Ему пришлось потратить некоторое время, чтобы объяснить, чего он хочет.

Женщина долго не могла прийти в себя. Она то закрывала свои серые глаза, то снова открывала их, смотрела на Лисби, но была не в состоянии поверить в его появление. И все время повторяла, что скучает по мужу.

В итоге она немного успокоилась и уже спустя несколько минут принялась возбужденно рассказывать о появлении незнакомцев. Тут Лисби заинтересовался, решив расспросить ее подробнее. Впрочем, он подумал, что это может подождать.

Наконец она закончила свой сбивчивый рассказ, несмело улыбнулась и спросила:

— Так что мне делать?

Он хотел, чтобы она собрала свои вещи и вместе с ним отправилась к челноку.

Это заняло некоторое время. Вскоре Лисби отвел ее в челнок, к мужу. Оставив супругов Тельер вдвоем, Лисби вернулся, чтобы осмотреть корабль, и увидел вновь прибывших. Он решил, что должен понаблюдать за ними — Лу Тельер так и не смогла толково объяснить ему, кто они такие.

...Офицеры космического патруля и штатские.

Лисби проследил их путь до «Молли Д» и попытался понять, что происходит на корабле. И довольно быстро догадался, что «Надежда человечества» готовится к новому путешествию: вновь прибывшие занимали каюты, несколько семей привезли с собой вещи.

Спрятавшись в пустом контейнере, Лисби на одном из катеров «Молли Д» спустился на Землю.

И вот он на поверхности планеты, двумя ногами стоит на настоящей земле. Бо́льшую часть первого дня он в режиме обычного времени бродил по улицам, наблюдал за движением транспорта, читал газеты. Перейдя в режим быстрого времени, он зашел в банк, где клерк работал с наличными деньгами. Лисби взял тысячу долларов и спокойно удалился. Пройдут месяцы, прежде чем кто-нибудь обнаружит пропажу.

Он вернулся в режим обычного времени, снял номер в роскошном отеле, насладился невероятно вкусным ужином. Позднее в баре отеля он познакомился с хорошенькой молодой женщиной, которая также остановилась в отеле. Вечером они поднялись в его номер. В течение нескольких часов он слушал ее болтовню, стараясь осмыслить реалии этого мира. Утром они вместе позавтракали, и Лисби сделал ей дорогой подарок. После чего они расстались.

В утренних газетах было написано, что Горди арестован.

Лисби с волнением прочитал отчет. Было решено, что космический патруль станет следить за порядком в течение всего путешествия, даже если оно займет пять поколений. Как бы долго ни продолжался полет, экипаж должен принять «естественный» — именно это слово было использовано в статье — порядок власти на корабле. Любое нарушение закона будет караться в полном соответствии с земными законами.

В результате Лисби сделал вывод, что его восстание может считаться нарушением закона. А вот переход власти к Брауну со стороны выглядит почти естественно.

Неожиданно у Лисби появился выбор: остаться на Земле и жить тихо, не привлекая к себе внимания... или вернуться на корабль, отобрать его у Хьюита и продолжить путешествие...

Поскольку человеку, обладающему информацией огромной важности, нет никакого смысла оставлять ее при себе, первый вариант не имел ни малейшего смысла.

Но окончательное решение Лисби принял после того, как несколько газет напечатали выводы Питера Линдена, поддержавшего теорию изменения Солнца, выдвинутую Джоном Лисби I. Линден сформулировал свое заключение очень аккуратно. Он предсказал, что у людей остается достаточно времени, чтобы проанализировать все возможности и подготовиться к худшему.

Лисби, читавший научные труды в файлах корабля, вспомнил, что его прапрадед предсказывал, что изменения начнутся — если Лисби все правильно запомнил — в промежуток от шести до десяти лет после старта «Надежды человечества».

Сделав элементарные подсчеты, Лисби с беспокойством обнаружил, что этот период уже начался!

Он переключился на супервремя и направился в тюрьму, чтобы побеседовать с Горди. После того как прошел первый шок — Лисби материализовался посреди камеры,— они поговорили.

...И вот до чего договорились: они вновь возьмут контроль над кораблем в свои руки! Лисби будет капитаном, а Горди его первым помощником. Для Лисби это было опасным, но необходимым компромиссом. Один человек не способен захватить корабль и удерживать власть.

Лисби перевел Горди и его соратников в быстрое время, и они, предварительно опорожнив несколько контейнеров,

где они спрятались, сели на катер, возвращающийся на «Молли Д». Когда катер стартовал, на его борту находилось два десятка безбилетных пассажиров.

Лисби был слишком занят подготовкой к старту и не успел прочитать вечерние газеты, в которых напечатали протест Хьюита против ареста Горди. Газеты его поддержали. Вскоре после полуночи собрался Космический совет. Было принято решение вернуться к судьбе Горди и его сторонников через неделю.

Но оказалось уже слишком поздно.

Возвратившись на «Надежду человечества», Лисби устроил Горди и его людей на складе, где находилось оборудование, необходимое при высадке на другие планеты, куда редко наведывалась команда. Было решено, что вся группа будет вести себя тихо до тех пор, пока «Молли Д» и катера космического патруля не отойдут от «Надежды человечества».

Лисби не составило особого труда отсоединить сканирующие устройства, предназначенные для наблюдения за складами. Потом он принес продукты и все необходимое для жизни: складные койки, одеяла, игры и книги — на борт доставили сто тысяч новых книг.

Находясь среди людей Горди, Лисби прислушивался к их грубым шуткам, и ему становилось не по себе. Но всякий раз он прогонял сомнения прочь, поскольку другого выхода не существовало.

Лисби не видел разницы между решением Космического совета арестовать и судить Горди за убийство и решением Горди убить двух техников и ученого. Своими действиями Космический совет рассчитывал заставить будущих космических путешественников подчиниться новому командованию. А Горди хотел напугать всех, кто противился его желанию занять пост капитана.

«Никакой разницы!» — так рассуждал Джон Лисби V. И желваки на его челюстях перекатывались — он был полон решимости довести свой план до конца.

Дожидаясь, когда «Молли Д» вернется на Землю, Лисби наблюдал за происходящим на корабле.

Многое изменилось. На борту появились ученые. Психологи читали лекции. Социологи исследовали историю корабля, стараясь сделать выводы на будущее. Военный порядок, навязанный в самый последний момент перед началом экспедиции, был заменен на систему, которую выработали ученые без участия военных.

Спрятавшись на балконе, выходящем в зал советов, Лисби выслушал лекцию Хьюита о различиях между научным подходом и другими системами. Среди прочего Хьюит сказал:

— Ученые — удивительное племя. С одной стороны, они чрезвычайно консервативны. Но внутри своего сообщества группа ученых олицетворяет правду, честность, чуткость и восприимчивость высочайшего уровня...

Он сравнивал невероятные трудности, с которыми столкнулся, когда пытался привлечь к участию в первой экспедиции лучших ученых, и ту легкость, с которой они соглашались принять участие во второй. И вот в чем причина: корабль, вернувшийся после столетнего путешествия, был просто напичкан нерешенными загадками. И все они вызывали огромный интерес ученых...

Лисби имел возможность наблюдать за тем, какие результаты принес энтузиазм нового командования. Все законы систематизированы. Возникла полиция и судебная система. Капитан — да, Хьюит,— но он стал лишь управляющим, в чьи обязанности входит следить за исполнением закона.

Введена единая и равная система образования во главе с административным советом и учителями с личными правами и привилегиями...

На следующий день Хьюит объяснял аудитории, почему только на корабле возможна такая совершенная система. Внешние силы и технологии, альтруистические с научной точки зрения, могут быть привнесены в замкнутый мир «Надежды человечества», где за короткое время вполне реально навести образцовый порядок.

Хьюит сказал, что среди разных народов, населяющих Землю, нет такой альтруистичной внешней силы. Победители в войнах, мотивированные ненавистью и необходимостью всеобщего контроля, унижают, обирают и наказывают проигравшую нацию — других внешних сил человечество не знает. Побежденные понимают, что такова их судьба, и терпят притеснения из страха, основанного на ненависти. Они ждут своего шанса, который обязательно появляется по молчаливому согласию международных сил.

Сначала Лисби решил, что Хьюит очень наивен.

Казалось, он не понимает, что обитатели корабля, легко принявшие свои права, уже начали роптать из-за обязанностей.

Хьюит не замечал, что мужчины возмущены поведением новичков, которые всячески показывали, что на корабле неправильно обращались с женщинами.

Затем Лисби предположил, что Хьюит лишь делает вид, что ему ничего не известно, и его поведение является ловкой игрой, новым способом завоевания и удержания власти.

Наконец «Молли Д» улетела.

Для Лисби пришло время действовать.

38

Лисби ужасно хотелось сначала повидать Тельера.

Но потом он пришел к выводу, что это будет проявлением слабости.

«Быть может, я хочу, чтобы он меня отговорил»,— подумал Лисби. И не стал встречаться с Тельером.

В течение мгновений, пока он не перешел из быстрого времени в обычное, Лисби смотрел на карикатурные фигуры банды Горди. Его размышления получились невеселыми. Лисби не нравились эти люди. Но сейчас у него попросту не было других союзников.

Неприятные предчувствия не покидали Лисби, когда он объяснял ситуацию Горди. Его мучили сомнения.

«Создается впечатление,— размышлял Лисби,— что я пытаюсь внедрить устаревшее решение. Возможно, я принял научную пропаганду Хьюита слишком близко к сердцу».

Он попытался убедить себя, что Хьюит является очередным диктатором, который стремится к власти.

Рассеянное выражение лица Лисби не укрылось от внимания Горди.

Именно этого он и ждал. Он со значением посмотрел на Харкорта, который получил указание внимательно наблюдать за Лисби и Горди.

Лисби вздохнул:

— Пора захватить корабль.

Он намеревался разоружить всех, кто находился на борту.

В последний момент он заметил движение Харкорта, и его пальцы сомкнулись на приборе.

Это было последнее, что он сделал в жизни.

Энергетический заряд бластера Харкорта ударил его в затылок и плечо.

Провал!.. Смерть!.. В одно мгновение.

Нажатие контрольной кнопки моментально перекинуло его в другое время, которое почти не отличалось от времени скорости света и было близко к отношению 973:1, где находился Хьюит.

Он лежал, похожий на самого обычного мертвеца.

Горди посмотрел на тело, принявшее очень необычное положение. Он успел заметить, что всякий раз перед тем, как Лисби исчезал, его рука опускалась в карман.

Значит, пришел к выводу Горди, у Лисби имеется некое устройство, при помощи которого он становился невидимым.

— Переверните его и посмотрите, что у него в карманах,— приказал Горди.

Мертвое тело оказалось удивительно легким.

Через секунду Харкорт с торжествующим видом передал Горди устройство.

Горди нажал кнопку и последовательно перевел переключатель в три возможные позиции. Ничего не произошло. Возможно, это совсем не то... Они тщательно обыскали Лисби, но больше ничего не нашли.

Вновь и вновь Горди производил манипуляции с маленьким прибором, переключая рубильник. Поскольку устройство реагировало только на определенные мысли, ничего не происходило.

Наконец он обратил взгляд на невесомое хрупкое тело своего мертвого врага. Горди охватило бессилие невежественного человека перед непостижимыми достижениями науки.

Он не в первый раз подумал о том, как ему необходим Лисби или человек, наделенный его способностями.

Однако Горди прекрасно понимал, что им двигало: он хотел обладать капитанскими женами. Когда он сидел в тюрьме, когда казалось, что все потеряно, это желание стало невыносимым.

Что ж, сейчас ему пришлось признать, что он потерпел частичное поражение.

— Ладно, ладно! — прошипел он, свирепо глядя на своих сторонников.— Мы вернем себе корабль — только подождем, когда все отправятся спать, и захватим их врасплох. У нас есть десять часов. Давайте отдохнем немного, а потом начнем подготовку.

Через десять часов Горди отдал следующие инструкции:

— Убивайте только парней из космического патруля... и Хьюита. Нам необходимы люди, с которыми мы прожили столько лет.

Захват корабля начался с того, что отряд Горди вышел в опустевшие коридоры. Затем три человека направились в машинное отделение. Еще один отряд двинулся в рубку

управления, другой — на мостик. Основная часть под предводительством Горди поднялась на верхние уровни.

Именно здесь в первой офицерской каюте — по словам Лисби — находился штаб космического патруля. Остальные патрульные занимали соседние каюты.

Две группы по три человека отправились туда с универсальными ключами, получив указание беспощадно прикончить всех, кто недавно прибыл на борт корабля.

Горди с двумя подручными осторожно подошел к капитанской каюте. Воспользовавшись ключами, которыми снабдил его Лисби, Горди осторожно отпер внешнюю дверь и на цыпочках вошел внутрь. Через минуту две испуганные женщины удивленно уставились на него с кроватей, стоящих в главной спальне: его жена Марианна и Рут.

Один из его подручных зашел в соседнюю комнату. Вскоре он вернулся и доложил, что там находятся Ильза и Энн.

Хьюита нет. И никогда не было! Почему Лисби ничего ему не сказал?

Горди охватила ярость. Однако он заставил себя успокоиться, понимая, что не может терять ни минуты. Он вышел в соседнюю комнату, где находилась аппаратура слежения.

Все каюты были заняты.

После нескольких минут безуспешных поисков он понял, что это может занять слишком много времени. Тогда Горди переключился на общую спальню в нижней части корабля. Там никого не было. Значит, все вернулись к своим семьям.

Довольно быстро ему удалось найти штаб космического патруля. Он удовлетворенно кивнул: на полу лежали двое мужчин в пижамах. Рядом с телом одного из них рыдала женщина.

Переключаясь на соседние каюты, он с радостью отметил победную поступь своих людей. В двух каютах завязалась борьба — очевидно, не всех удалось захватить врасплох. В другой лежал труп одного из его людей, но рядом Горди разглядел тело мертвого незнакомца.

В двух последних каютах царил полнейший беспорядок.

Радостно потирая руки, Горди вернулся в гостиную. Двое его людей стояли в коридоре, нервно поглядывая по сторонам,— он видел их через приоткрытую дверь. Четверо женщин накинули халаты и замерли у входа в главную спальню.

Его женщины. Скоро. Очень скоро.

— Ну, леди,— сказал он, широко ухмыляясь,— похоже, я снова стану капитаном.

Женщины молчали. Он пригляделся к ним, и хмурые выражения их лиц вывели Горди из себя.

— Видит бог! — воскликнул он.— Я вышвырну вас всех вон, если вы не проявите немного интереса!

Из глаз Рут покатились слезы. Казалось, остальные женщины ждали сигнала и тут же разрыдались.

Горди охватил приступ ярости.

— Идите туда! — приказал он, показывая на вторую спальню.— И оставайтесь там.

Рыдания стихли. Женщины молча вошли в спальню и закрыли за собой дверь. Двое его соратников влетели в каюту, как только услышали крик Горди.

— Что происходит, капитан? — нервно спросил один из них.

— Мы побеждаем,— ответил Горди.

Однако он вернулся к сканерам, чтобы убедиться, что это действительно так.

Дрожащими пальцами он включил машинное отделение.

И увидел, что его люди и здесь одержали победу. Они захватили бывшего первого помощника капитана, Миллера. Горди включил видеосвязь и, обращаясь к Миллеру, спросил:

— Где Хьюит?

Миллер находился в шоке, но его ответ прозвучал искренне:

— В одной из кают на верхнем уровне. Я не знаю, в какой именно... честно!

Горди сразу же ему поверил.

— Мы до него доберемся! — яростно пробормотал он и прервал связь.

К несчастью, на верхних уровнях корабля было более сотни кают. Горди забеспокоился, опасаясь, что удача отвернулась от него и он не сможет найти нужную.

«Проклятье! — подумал он.— Почему он не попытался захватить женщин, как сделал бы другой нормальный мужчина на его месте?»

По мере того как соратники Горди лично рапортовали ему о своих достижениях, он начал успокаиваться. Успех был практически полным.

— Несколько раз мы входили не в те каюты! — доложил Харкорт.— Увидев знакомые лица, мы говорили — как ты просил,— чтобы все оставались на своих местах и вели себя тихо... Но некоторые уже знают, что происходит.

Почти все его сторонники рассказывали примерно одно и то же.

— Ну, мы знаем, с кем имеем дело,— презрительно ответил Горди.

Раздался мелодичный перезвон включившегося интеркома. Горди автоматически направился к нему, но на середине пути остановился и нахмурился.

— Кто может меня вызывать?

Продолжая хмуриться, он включил связь.

Хьюит!

Некоторое время они молча смотрели друг на друга. Горди прищурился. Первым заговорил помрачневший Хьюит.

— Мне только что сообщили о твоей попытке захватить власть, Горди. Уж не знаю, как тебе удалось пробраться на борт, но ты совершил роковую ошибку.

Самое большое впечатление на Горди произвело слово «сообщили».

— Кто тебе сообщил? — прошипел Горди.— Ну подожди, как только я до тебя доберусь...

— Я собрал два десятка человек,— холодно продолжал Хьюит,— и люди продолжают подходить...

Горди почувствовал, как по его спине заструился пот.

— Мы вооружены! — не унимался Хьюит.— Через несколько минут мы до тебя доберемся — тебе придется сдаться.

Горди пришел в себя.

— Вам до меня не добраться, жалкие трусы! — надменно заявил он и прервал связь.

39

Через час Хьюит начал схватку за корабль.

Восемнадцати человекам, вооруженным бластерами, пистолетами и ружьями, противостояли ученые и техники, которые захватили бластеры, пистолеты, газовые ружья и все, что им удалось наспех собрать в лабораториях.

Горди считал их трусами, поскольку прежде они даже не пытались оказывать сопротивление. Но Хьюит знал, что ситуация изменилась. За последние несколько недель все обитатели корабля стали частью единого сообщества.

Он не сомневался, что они еще не расстались со своими предрассудками в отношении женщин, но мысль о власти Горди вызывала у них полное отторжение.

Как только было принято решение — получилось, что очень многим оно пришлось по душе,— дальше все пошло

само собой. Инстинктивно они обратились к Хьюиту. А когда он предложил им придумать стратегию борьбы, физики, химики и инженеры, не теряя времени, занялись делом.

...Был переделан лазер, теперь его луч нес электрический разряд...

...Силовое поле, воздействующее на нервную систему и вызывающее мышечные судороги...

...Маленький круглый шарик вкатился в машинное отделение, коснулся одного из двигателей, напитался от него энергией и начал излучать тепло. Когда температура достигла 180 градусов по Фаренгейту, группа сторонников Горди, находившихся в машинном отделении, отправила Миллера с заявлением о капитуляции.

Хьюит тут же с этим согласился.

От пленников они узнали об убийстве Лисби. Хьюиту рассказали, как Лисби научился останавливать время, что позволило Горди и его отряду сбежать из тюрьмы и вернуться на корабль. Хьюит сразу понял, что с ним произошло примерно то же самое, когда он появился на борту «Надежды человечества».

Он почувствовал, как его охватывает волнение. Хьюит подумал, что метод механического воздействия на время может помочь решить загадки пространства-времени.

Затем он сообразил, что люди Горди ничем помочь не смогут. Они так и не сумели понять, что с ними происходило.

Молодой ученый по имени Роско высказал разумную мысль: если Лисби вернулся на корабль, значит, здесь должен находиться и Тельер. Хьюит отправил Роско в сопровождении патруля обыскать челноки, и они довольно быстро наткнулись на Тельера.

Однако Тельер разрыдался, узнав о смерти Лисби, и ничем не смог быть им полезен. Его представления об идеях Лисби носили поверхностный характер.

Строго говоря, ученые не узнали ничего нового. Все изобретения были сделаны достаточно давно, а процессы известны и раньше. Однако реализовать их оказалось совсем не просто.

Для ученых происходящее напоминало игру. Они имели десятки приборов, знали о множестве процессов...

Одному из людей Горди, захватившему капитанский мостик, предложили сдаться. Он отказался. Тогда из интеркома на мятежника обрушился страшный шум, грозивший разорвать его барабанные перепонки.

К тому времени, когда он сдался, двое мятежников в рубке управления были охвачены пламенем, обрушившимся на них со стен. Ученые использовали лазеры и сочетание разных волн, вызвавших резкое повышение температуры окружающей среды. Всполохи света, несущие в себе пламя, разили на расстоянии от десяти до двадцати футов. После атак, продолжавшихся всего несколько минут, подручные Горди сдались.

Человек, доложивший об успехе Хьюиту, добавил с отвращением:

— Самое обидное, что мы могли все это проделать, когда Горди в первый раз захватил корабль...

Хьюит посмотрел на ученого, который был таким же крупным мужчиной, как Харкорт, но немного старше, и решил ничего ему не отвечать.

Но потом его мысли обратились к аналогичной ситуации на Земле. Там также десятки тысяч ученых понимали и умели использовать силы природы. Однако в периоды жестоких диктатур эта огромная группа просвещенных людей не могла объединить свои усилия, выйти из лабораторий и изменить положение вещей. Ученые лишь исполняли приказы свыше.

Вспомнив об этом, Хьюит покачал головой и обратился к ученому, которого звали Уильям Лоуренс.

— Я не согласен с вами,— возразил Хьюит.— В течение последнего столетия вас не интересовала политика. Об этом заботились ваши капитаны, сменявшие друг друга. Теперь положение изменилось.— Он едва заметно улыбнулся.— И вы чувствуете себя иначе, не так ли?

Приближался конец периода сна. Большие группы людей постепенно занимали позиции вокруг капитанской каюты. Хьюит не начинал решительной атаки только из-за того, что в каюте находились капитанские жены.

К Хьюиту обратился отряд ученых под началом Лоуренса.

— Боюсь, нам придется принести женщин в жертву,— глядя в глаза Хьюиту, сказал Лоуренс.— В противном случае мы должны будем штурмовать капитанскую каюту. Потери могут составить тридцать-сорок человек.

Хьюит уже взвесил все за и против. Он хотел предложить Горди сдаться, пообещав ему полную амнистию.

— После того, как он убил стольких людей! — послышались со всех сторон возмущенные возгласы.

Хьюит разозлился. Если есть возможность спасти жизни людей, необходимо идти на компромиссы.

— Горди убивал ради достижения политических целей.

— Но это все равно убийство! — возразил Лоуренс.

Сдерживая раздражение, Хьюит объяснил, что во многом он считает обвинение справедливым. Убийство есть убийство. Но до недавних времен для политических лидеров делалось исключение. И в данном вопросе в сознании людей, которые оказались в новой системе, сами того не понимая, еще не произошла окончательная перестройка.

— Мы можем определить суть общества,— сказал Хьюит,— осмыслив те виды убийства, которые оно считает допустимыми. Когда мы попытаемся выяснить, кто в таком обществе отвечает за применение смертной казни и другие виды наказаний, мы убедимся в том, что убийцы получают санкции от политических лидеров, которые, в свою очередь, имеют широкую поддержку масс. На «Надежде человечества» возникла упрощенная версия такого общества. Для вас наступил переходный период от одной системы к другой, и сейчас вы не можете принять такой уровень насилия, который характеризовал прежнюю систему. Если кто-то из вас готов окончательно отказаться от старых законов, я с радостью его выслушаю.

Наступило долгое молчание, затем руку поднял прежний первый помощник капитана Миллер.

— Я противник старой системы,— сказал он.

Один из ученых презрительно фыркнул и сердито заявил:

— Мистер Миллер, я не могу принять ваше заявление на веру.

— Я возненавидел Горди с того самого момента, как его увидел,— негодующе ответил Миллер.

— А как насчет времени, когда вы были лакеем Брауна? — хрипло спросил ученый.

Миллер заметно удивился.

— Мистер Браун являлся законным капитаном корабля! — запротестовал он.

Хьюит взмахом руки заставил спорящих замолчать. По его лицу бродила слабая улыбка, когда он обратился ко всей группе.

— Теперь вы видите, что я имел в виду? — спросил он.

Молодой ученый по имени Роско пробормотал:

— Я не совсем понимаю. Но мне кажется, в этом что-то есть. Вы обещаете ему неприкосновенность. Ладно. Но как вы собираетесь поступать в дальнейшем, если возникнет аналогичная ситуация?

— Нужно сделать так, чтобы он стал частью новой системы,— откровенно ответил Хьюит.

— А если не получится?

— Я готов рискнуть,— заявил Хьюит.— Ну а теперь, если вы не возражаете, я попытаюсь с ним договориться.

Многие отводили глаза, когда Хьюит смотрел на них, но вслух никто возражать не стал.

Горди оглушительно расхохотался, когда Хьюит обратился к нему с предложением сдаться.

— Послушайте,— сказал Горди,— очень скоро вы увидите, чем мужчины отличаются от мальчишек. За вами стоят мальчики, за мной — мужчины. У нас столько запасов, что мы в состоянии продержаться долгие годы.

Хьюит объяснил, что с помощью ученых они могут быстро прикончить Горди и его людей. В заключение Хьюит сказал:

— Я вижу, вы мне не верите, не так ли?

— Почему же, я вам верю.

— Тогда в чем дело? — настаивал Хьюит.— Если вы не примете наше предложение, вам конец, Горди.

— Я уверен в своей победе,— ответил Горди.— Эти ваши научные штучки... вам прекрасно известно, что прежние капитаны корабля позаботились о том, чтобы капитанская каюта была надежно от них защищена.

— Они знали, что ученые на их стороне,— объяснил Хьюит.

В ответ Горди лишь презрительно пожал плечами.

Но было видно, что слова Хьюита произвели на него впечатление.

В глубине души Горди верил, что это конец пути. И все же он не мог сдаться. Что-то должно случиться. Что? Он не знал. Но о капитуляции думать не хотел.

— Вы можете сдаться в любой момент — пока не прозвучат первые выстрелы,— спокойно сказал Хьюит и выключил интерком.

Несколько ученых стояли во время разговора рядом с Хьюитом. Один из них произнес:

— Судя по выражению вашего лица, вам трудно сохранять беспристрастность.

— К Горди невозможно хорошо относиться,— не стал спорить Хьюит.— Однако он тоже нервничает.

Впрочем, Хьюит заметно успокоился, когда доставили его скафандр-танк и он объяснил, что задумал. Забравшись внутрь скафандра, Хьюит подал сигнал к началу военных

действий и направил скафандр в коридор, ведущий к капитанской каюте.

Первая пуля ударила в сверхтвердый пластик прямо у него перед носом! По удивительному материалу прошла рябь, но он тут же восстановился. Хьюит отшатнулся, его трясло.

Однако он заставил себя успокоиться, и машина покатила дальше.

Вдоль передней поверхности скафандра затанцевали искры — бластер! Эффект был жутковатым, но чрезвычайно красивым.

Наконец кто-то из мятежников в упор выстрелил в него из ружья, и на мгновение Хьюита оглушил грохот.

Однако он продолжал катить дальше. Когда до входа в капитанскую каюту оставалось несколько ярдов, он услышал из-за двери голос Горди:

— Будь ты проклят, Хьюит! Что тебе надо?

— Я хочу поговорить.

— Мы можем говорить по интеркому.

— Лицом к лицу лучше.

Наступила пауза.

— Ладно, заезжай!

И вновь Хьюит двинулся вперед. Ученые и техники предупредили его, что люди Горди попытаются перевернуть танк, как только он окажется внутри каюты. Но он знал, что это нелегкая задача. При нормальном тяготении скафандр весил 450 фунтов, не говоря уже о 190 фунтах самого Хьюита. И все же трое или четверо сильных мужчин вполне могли с ним справиться.

Поэтому Хьюит остановился в дверном проеме, где мятежники не могли к нему подобраться. Поскольку его главной целью было спасение женщин, Хьюит не обращал внимания на мятежников — он смотрел в сторону дверей спальни.

Удивительное дело, но через мгновение дверь слегка приоткрылась, и он заметил блестящий глаз, однако ему не удалось понять, кто это.

Больше Хьюиту ничего не нужно было знать, и он на полной скорости — десять миль в час — направил скафандр вперед. Боковым зрением он заметил мужчин, которые бросились к нему с вытянутыми руками, но им пришлось с криками отскочить назад, когда по их пальцам больно ударило электрическое поле.

Приблизившись к двери спальни, Хьюит заговорил в микрофон:

— Леди, отойдите с дороги!

Через мгновение передняя часть скафандра ударила в приоткрытую дверь — створка тут же распахнулась, и Хьюит въехал в спальню. Он сразу же увидел всех четырех женщин. Хьюит облегченно вздохнул.

— Огонь! — крикнул он в микрофон.

Это было кодовое слово, означавшее, что он готов защитить женщин.

Ответ ученых последовал мгновенно. Зазубренная молния дугой прошила стену, ударила в скафандр и отразилась в гостиную, оставшуюся за спиной Хьюита. Раздались крики мучительной боли.

Через несколько мгновений Хьюит услышал глухие удары падающих на пол тел.

40

Хьюит позвал в микрофон:

— Быстро зайдите в каюту!

— Торопиться не нужно,— последовал спокойный ответ.— Больше они никого не побеспокоят.

Хьюит узнал голос Уильяма Лоуренса, в котором слышались такие необычные нотки торжества, что Хьюиту стало не по себе. Быстро развернув скафандр, он вернулся в гостиную.

На полу без движения лежала дюжина мятежников.

Ему хватило одного взгляда на тела, чтобы понять: все эти люди мертвы. Сердце Хьюита сжалось.

— Лоуренс,— заговорил Хьюит в микрофон неожиданно севшим голосом,— ведь мы договаривались...

Лоуренс в ответ мрачно рассмеялся.

— Боюсь, мистер Хьюит, мы случайно неправильно рассчитали силу разряда. Нам очень жаль.

Хьюита охватила ярость, его возмутил не только тон Лоуренса, но и смысл его слов.

— Вы только что сами стали убийцей!

Лоуренс сохранял спокойствие.

— Вы слишком взволнованы, мистер Хьюит. Но это совершенно естественно. Мы не станем припоминать вам неосторожно сказанные слова.

Хьюит попытался взять себя в руки, однако ему не удалось скрыть горечь.

— Полагаю, вы сделали это из лучших побуждений,— сказал он.— Как раньше вы, не раздумывая, приспосабливались к старой системе, так и теперь, не подумав, вживаетесь в новую.

— Неужели вы рассчитывали, что мы позволим им вновь остаться безнаказанными! — разозлившись, воскликнул Лоуренс.

— Ладно, ладно,— успокаивающе проговорил Хьюит.— Давайте приведем здесь все в порядок и отправимся спать. Я ужасно устал.

Краем глаза он заметил одну из женщин на пороге спальни.

— Леди! — сказал он в микрофон.— Пожалуйста, оставайтесь в спальне и закройте дверь.

Через мгновение дверь тихо закрылась, но прежде он услышал, как кто-то из женщин зарыдал.

Хьюита разбудил звонок в дверь. Он поспешно накинул халат и распахнул дверь. На пороге стоял Роско, молодой ученый.

— Все мужчины собираются в главном зале, сэр,— сказал Роско.— Мы хотим, чтобы вы присоединились к нам.

Помрачневший Хьюит вздохнул и ответил:

— Хорошо, я буду через десять минут.

Он побрился и торопливо оделся, размышляя над словами Роско. Вполне возможно, что он сделал все, что мог. Теперь потребуется время и совместные усилия множества людей, которые еще не поняли до конца возможностей новой системы.

...Он разработал надежную программу, которая должна была продержаться долгие годы. Каждый человек получил жесткую личную мотивацию для поддержания существующего порядка. Такая система была достаточно гибкой. Для ее функционирования не требовалось исполнения кодекса правил или определенного лидера. Теперь он имел дело с людьми, которые вольны поступать так, как пожелают.

Когда Хьюит появился у входа в зал, его заметило сразу несколько человек. Один из них вскочил на ноги и выкрикнул:

— Он пришел!

Для Хьюита это оказалось полнейшей неожиданностью. Он даже остановился.

Пока Хьюит пытался понять, что происходит, люди начали вставать со своих мест, радостно его приветствуя. Он заметил на сцене Уильяма Лоуренса, который с широкой улыбкой махал ему рукой.

Хьюит медленно двинулся вперед. Он еще не был уверен, что ему ничего не грозит, но настроение у него заметно улучшилось.

Как только Хьюит оказался на сцене, Лоуренс поднял руку, призывая аудиторию к порядку. Когда наступила тишина, он громко обратился к Хьюиту:

— Мистер Хьюит, как вы понимаете, здесь собрались только ваши друзья. То, как вы попали к нам на борт, система отношений, которую вы ввели, все ваши действия убедили нас, что вы действуете, руководствуясь самыми высокими этическими принципами. Вот почему это собрание считает, что вы являетесь лучшим лидером для нашей экспедиции.

Ему пришлось сделать паузу, поскольку вся аудитория начала хлопать и кричать. Когда спокойствие было восстановлено, Лоуренс продолжал:

— Однако есть несколько проблем, связанных с управлением кораблем. Прежде чем мы примем вас в качестве капитана, мы хотим получить заверения в том, что вы не станете вмешиваться в решение вопросов, которые вас не касаются. Кроме того, мистер Хьюит, собравшиеся хотят знать, что вы намерены делать с капитанскими женами?

Переход от общих вопросов к частному получился таким неожиданным, что Хьюит совершенно оторопел. Прошло несколько долгих секунд, прежде чем он сообразил, что от него ждут прямого ответа на прямой вопрос.

Он чувствовал, что от него зависит очень многое. Может ли он сейчас солгать? Нет, этого делать нельзя.

— Джентльмены,— сказал он,— я не знаю, как долго мы будем находиться внутри замкнутого пространства корабля. Но мне представляется, что пройдет немало времени, прежде чем мы закончим эксперименты и исследования, а также проведем необходимые тесты и проверку полученных результатов в огромной лаборатории пространственно-временного континуума. Естественно, жизнь на корабле должна идти своим чередом. Будут заключены браки, родятся дети, мы разработаем новые образовательные программы, произойдет множество других важных событий.

Он замолчал, почувствовав неожиданное смущение. То, что он собирался сказать, не предназначалось для ушей такого большого количества мужчин. Тем не менее он набрался мужества и продолжал.

— Я ощущаю сильное влечение к старшей из четырех женщин, о которых вы меня спрашиваете, и надеюсь, она

разделяет мои чувства. Я намерен предложить ей стать моей женой.

Он говорил с такой глубокой искренностью, что слушатели затаили дыхание. Более того, когда Хьюит замолчал, в зале надолго воцарилась тишина. Стоявший на возвышении рядом с Хьюитом Уильям Лоуренс задумчиво потирал подбородок.

Наконец молчание нарушил поднявшийся со своего места Роско.

— Мистер Хьюит,— сказал он,— в течение всей моей жизни, а также жизни моего отца капитан «Надежды человечества» имел несколько жен. Вы хотите сказать, что намерены изменить этот обычай и ограничиться одной женой?

Хьюит стоял и молча смотрел на притихшую аудиторию, которая терпеливо ждала его ответа.

«Какая глупость,— подумал он,— неужели они намерены потребовать, чтобы я и дальше придерживался дурацкой традиции? Вероятно, они хотят, чтобы таким образом получила подтверждение гегемония мужчин на борту "Надежды человечества"».

Так или иначе, но Хьюит мысленно отверг любые компромиссы и твердо заявил:

— Да, у меня будет одна жена.

На лицах всех мужчин разом появились довольные улыбки.

К Хьюиту подошел Лоуренс и крепко пожал ему руку.

— Ну, капитан Хьюит,— сказал Роско,— вы прошли проверку. Мы за вас. Мы вам верим. Правда, джентльмены?

И Хьюит получил вторую овацию.

41

На корабле прошло восемь лет.

Ученые методом проб и ошибок нашли то, что Джон Лисби V понял благодаря удивительному озарению. Но они отвергли его объяснение. Вселенная — это вовсе не «фикция». Она то, что она есть. Возникает «видимость», которую способна воспринимать высокоразвитая нервная система человека и животных. Очевидно — постулировали они, жизнь требует уникальной стабильности, поэтому и созданы механизмы мозга, ограничивающие восприятие до неких стабильных пределов. Внутри цельного каркаса жизнь существовала в убаюкивающем режиме и развивалась, постоянно приспосаблива-

ясь к бессознательному уровню восприятия реальной Вселенной.

И вот наконец человек, благодаря научному использованию своих чувств, стал способен воспринимать правду.

...Они измерили эту правду, открыли базовые принципы, научились делать предсказания, нашли способы их проверять. Контроль над временем был установлен благодаря постепенным механическим манипуляциям со сверхсветовыми скоростями.

Прежде «Надежда человечества» умудрилась скользнуть обратно во времени. Теперь же огромный корабль перемещался в лишенной времени Вселенной со сверхсветовыми скоростями.

Хотя на борту миновало более четырёхсот недель, корабль перешел в обычный режим времени и вернулся в Солнечную систему через неделю после того, как «Молли Д» стартовала к Земле.

Оба корабля вышли на орбиту вокруг Земли с разницей в один день. Для «Молли Д» прошла неделя, а для межзвездного корабля почти три тысячи дней...

Тут же состоялось экстренное заседание кабинета, консультации с Азиатским блоком, а также расширенные дискуссии между учеными Земли и «Надежды человечества».

И только после этого Питер Линден и Эврил Хьюит обратились к жителям Земли.

Первым выступил физик, рассказавший о научной стороне вопроса. Он сообщил, что «Надежде человечества» удалось переместиться в будущее и взглянуть на Солнечную систему. Выяснилось, что Солнце обрело ряд характеристик переменной звезды.

Пока он делал свои заявления, на экранах телевизоров все увидели будущие события: неожиданную вспышку и огромную волну жара, обрушившуюся на Землю...

Ученый несколько раз объяснил, что жители Земли наблюдают за съемками, сделанными в будущем. Это был результат — точнее, это будет результатом — движения материи со сверхсветовой скоростью. Нечто напоминающее огромную прибойную волну достаточно скоро обрушится на Солнечную систему.

И эта стремительная волна пройдет через Солнце за четыре секунды, а расстояние в девяносто три миллиона миль между Солнцем и Землей преодолеет за шесть с половиной минут.

И все разрушения будут следствием выброса тепла, подхваченного волной за время четырехсекундного контакта с Солнцем.

— Меркурий,— сказал Питер Линден,— будет обожжен, но остальные планеты, в том числе и Земля, выживут. Тем не менее необходимо подготовить убежища. В момент вспышки людям, находящимся на той стороне Земли, которая будет обращена к Солнцу, необходимо находиться под землей... К счастью, огромный Тихий океан примет на себя бóльшую часть теплового удара...

Затем пришел черед Хьюита выйти к микрофонам.

— У меня есть для вас более приятные новости. За время путешествия со сверхсветовыми скоростями «Надежда человечества» посетила десятки других звездных систем. Нам удалось найти три планеты, на которых могут жить люди. Часть экипажа «Надежды человечества» осталась на этих планетах. Для заселения новых миров требуется множество добровольцев. В данный момент,— заявил Хьюит,— моя собственная семья, состоящая из жены и четверых детей, осталась на одной из этих планет. Она станет нашим постоянным домом.

Так началась рекламная кампания, которой внимал весь мир.

Содержание

Вместо пролога. Чудовище. *Перевод Ф. Мендельсона* 7

Часть 1

Защита от будущего

Защита. *Перевод И. Невструева* 29
Дорогой друг. *Перевод К. Королева* 31
Пробуждение. *Перевод Ф. Мендельсона* 37
Ко-о-о-от! *Перевод Л. Копытиной* 54
Часы времени. *Перевод М. Гилинского* 70
Ведьма. *Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой* 85
Призрак. *Перевод М. Тарасьева* 111
Дубликаторы. *Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой* 146
Поиски. *Перевод И. Невструева* 170
Верховный судья. *Перевод Б. Жужунавы* 200
Совершенное будущее. *Перевод Б. Жужунавы* 205
Чем ни дыши, один черт. *Перевод Б. Жужунавы* 230
Ах эти любящие андроиды! *Перевод Б. Жужунавы* 251
Дорогой робот. *Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой* 286
Окончательное решение. *Перевод Б. Жужунавы* 299

Часть 2

Иные миры, иные войны

Буколика. *Перевод И. Найденкова* 325
Зачарованная деревня. *Перевод А. Иорданского, А. Чапковского* . . 332
Банка краски. *Перевод А. Дмитриева* 341
Усыпальница зверя. *Перевод И. Невструева* 356
Сверхчеловек. *Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой* 381
Далекий Центавр. *Перевод И. Невструева* 408
Корабли тьмы. *Перевод В. Портянниковой* 429
Вечный эрзац. *Перевод С. Волковой* 446
Рулл. *Перевод Б. Жужунавы* 451
Звук. *Перевод Б. Жужунавы* 477
Операторы. *Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой* 501

Часть 3

Эта бесконечная Вселенная

Черный разрушитель. *Перевод Б. Клюевой* 523
Война нервов. *Перевод Б. Клюевой* 572
Этюд в алых тонах. *Перевод Б. Клюевой* 619
Галактика М-33, туманность Андромеды. *Перевод Б. Клюевой* . . . 673
Корабль-бродяга. *Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой* 722

Альфред

ВАН ВОГТ

A. E. van Vogt

ISBN 5-699-17972-0

ДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФА